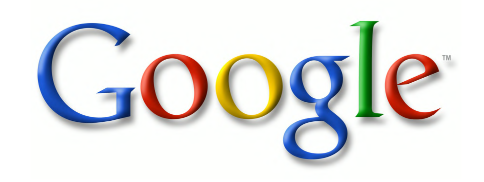
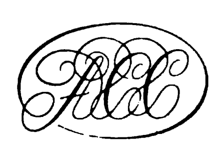


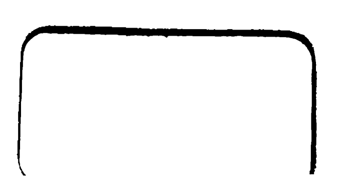
ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XVIII





ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ.

Съ портрета рисованнаго его сыномъ, гравировалъ на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. Спб., 28 сентября 1884 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

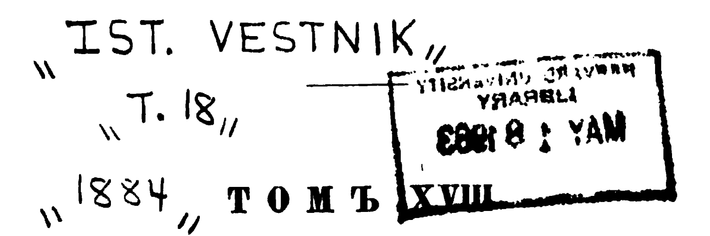
ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ



ТОМЪ XVIII

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(По депешамъ голландскаго резидента Мейнерцгагена.)

I.

ЕДАВНО въ журналѣ «Russische Revue» [1]), были напечатаны нѣмецкимъ ученымъ, г. Артуромъ Клейншмитомъ, донесенія нидерландскаго резидента къ его правительству о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи отъ 1762 до 1764 года. Какъ матеріалъ при изученіи исторіи послѣдняго времени царствованія императора Петра III, государственнаго переворота 1762 года и перваго времени царствованія Екатерины II, донесенія эти не лишены значенія и содержаніемъ своимъ не уступаютъ депешамъ другихъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Россіи, напр., графа Мерси-Аржанто, графа Сольмса, или донесеніямъ англійскихъ дипломатовъ и др.

О представителѣ нидерландскихъ штатовъ, Мейнерцгагенѣ, въ современныхъ источникахъ почти вовсе не говорится. Очевидно, онъ игралъ весьма незамѣтную роль при петербургскомъ дворѣ. Голландская республика въ то время уже не имѣла вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Поэтому нельзя сравнивать положеніе нидерландскаго дипломата съ выдающимся положеніемъ въ Россіи представителей первоклассныхъ державъ. Однако, скромность роли, которую игралъ Мейнерцгагенъ въ Петербургѣ и Москвѣ, не мѣшала ему быть хорошимъ наблюдателемъ, зорко слѣ-

---

[1]) Годъ XII, тетрадь 12, томъ XXIII. стр. 534 — 559.

дить за современными событіями и сообщать своему правительству болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ Россіи, о разныхъ слухахъ, распространявшихся въ публикѣ по поводу важнѣйшихъ случаевъ, о затрудненіяхъ, съ которыми русскому правительству приходилось бороться въ первое время царствованія Екатерины.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этого голландскаго резидента, депеши котораго хранятся въ государственномъ архивѣ въ Гаагѣ, а знаемъ только, что онъ оставался въ Россіи до осени 1764 года, и что послѣ того представителемъ Нидерландовъ сдѣлался бывшій секретарь его, Свартъ [1]).

Оставляя въ сторонѣ тѣ данныя въ донесеніяхъ Мейнерцгагена, въ которыхъ не заключается ничего новаго, мы укажемъ лишь на то, что представляетъ или новый взглядъ на современныя событія, или болѣе или менѣе характеристическія черты, проливающія свѣтъ на положеніе правительства и двора въ первое время царствованія Екатерины.

Сообщенныя г. Клейншмитомъ депеши обнимаютъ время отъ 18-го (29-го) іюня 1762 года до 26-го октября 1764 года. Первое донесеніе писано, такъ сказать, наканунѣ катастрофы Петра III; послѣднее относится къ окончанію дѣла Мировича. Поэтому издатель донесеній озаглавилъ свое сообщеніе: «Vom Tode Peters III bis zum Tode Iwan's VI».

II.

О царствованіи Петра III въ депешахъ голландскаго резидента сказано лишь нѣсколько словъ. Мейнерцгагенъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя о волненіяхъ въ крестьянскомъ сословіи въ это время въ разныхъ концахъ имперіи. «Разсказываютъ», пишетъ онъ, «что въ окрестностяхъ Москвы собралось 6—7000 бунтующихъ крестьянъ. Московскій губернаторъ отправилъ противъ нихъ сто солдатъ, но, какъ говорятъ, половина ихъ была убита бунтовщиками, а другая возвратилась. Нужно было отправить отсюда драгунскій полкъ, чтобы подавить мятежъ».

О признакахъ приближавшагося государственнаго переворота сказано въ донесеніи отъ 18-го (29-го) іюня: «Вообще нація весьма недовольна (Петромъ), сколько вслѣдствіе чрезмѣрнаго довѣрія, которымъ пользуются голштинскіе родственники императора, столько вслѣдствіе значительныхъ расходовъ, требуемыхъ для голштин-

---

[1]) Въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1870 года, III, были изданы нѣкоторыя депеши Сварта, заимствованныя изъ «Britisch Museum» и относящіяся къ 1757 году. Тотъ ли самый Свартъ былъ секретаремъ Мейнерцгагена, или иной??

скихъ дѣлъ. По всей вѣроятности, духовенство во всемъ этомъ (т. е. въ распространеніи неудовольствія) играетъ довольно важную роль».

Извѣстно, что Петръ III, въ послѣднее время своего царствованія, намѣревался отправиться въ Голштинію и объявить войну Даніи. Этотъ походъ, чуждый интересамъ Россіи, возбуждалъ общій ропотъ. Фридрихъ II совѣтовалъ Петру не покидать Россіи, при чемъ выставлялъ на видъ, что отъѣздъ императора за-границу легко можетъ повлечь за собою крайнюю опасность для его престола [1]).

Мейнерцгагенъ доноситъ за двѣ недѣли до сверженія Петра съ престола: «Никто не желаетъ путешествія императора за-границу; всѣ совѣтуютъ ему отказаться отъ него; пока однако всѣ эти старанія оставались тщетными. Впрочемъ, я не думаю, чтобы эта поѣздка состоялась; присутствіе его императорскаго величества здѣсь при настоящемъ положеніи дѣлъ, по моему мнѣнію, оказывается необходимымъ. Впрочемъ, и недостатокъ въ деньгахъ легко можетъ препятствовать этому путешествію». Затѣмъ слѣдуетъ достойная вниманія характеристика Петра III: «Этотъ государь отличается великими качествами и добрымъ и веселымъ нравомъ. Жаль, что онъ не руководствуется совѣтами тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ въ виду интересъ самаго императора и его имперіи».

Сообщая въ донесеніи отъ 30-го іюня (11-го іюля) о государственномъ переворотѣ, Мейнерцгагенъ пишетъ: «Эта замѣчательная революція противъ всякаго ожиданія состоялась почти безъ всякаго кровопролитія; все здѣсь тихо и спокойно... Говорятъ, что императоръ уже отправленъ... Меня увѣрили, что графъ Бестужевъ опять будетъ великимъ канцлеромъ». Разсказавъ затѣмъ нѣкоторыя подробности событія 26-го іюня, извѣстныя и изъ другихъ источниковъ, голландскій резидентъ прибавляетъ: «Все обошлось безъ кровопролитія за исключеніемъ небольшой стычки, которая, какъ говорятъ, происходила между двумя отрядами войскъ около Стрѣльны. Зачинщиками этой большой революціи были: гетманъ (Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій), голштинскій камергеръ (sic) Тепловъ, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, маіоръ гвардіи Орловъ и др.»... «Новый дворецъ переполненъ арестантами».

Объ общемъ волненіи, которымъ сопровождалась перемѣна на престолѣ, Мейнерцгагенъ пишетъ въ секретной депешѣ: «Хотя здѣсь повидимому все тихо и спокойно, но въ дѣйствительности выходитъ противное... Преображенскій полкъ сначала не хотѣлъ присягнуть государынѣ, то же самое было и съ лейбъ-кирасирскимъ полкомъ; большая часть офицеровъ этихъ полковъ аресто-

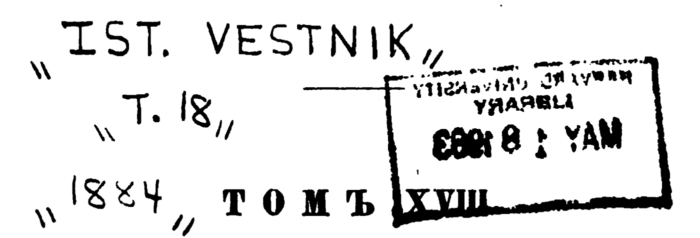
---

[1]) См. письмо прусскаго короля къ своему другу и союзнику Петру III въ «Русской Старинѣ», III, 306—307.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ



ТОМЪ XVIII

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1884

Въ связи съ этими данными оказываются достойными вниманія слѣдующія замѣчанія въ депешахъ Мейнерцгагена: «Какъ мнѣ сообщили изъ вѣрнаго источника, вѣнскому послу дали знать о томъ, что Чернышеву приказано возвратиться тотчасъ же съ войсками, воевавшими вмѣстѣ съ прусскими войсками противъ Австріи, и что въ случаѣ какого либо препятствія Чернышевъ долженъ присоединиться прямо къ австрійцамъ».

Дѣйствительно, Чернышеву, при Петрѣ III дѣйствовавшему за одно съ Фридрихомъ II, было приказано прекратить военныя операціи въ пользу Пруссіи и соблюдать нейтралитетъ. При всемъ томъ, однако, надежды противниковъ прусскаго короля на сближеніе между Россіею и Австріею оказались лишенными основанія. Мейнерцгагенъ доносилъ 6-го (17-го) августа: «Посланники Франціи, Австріи и Саксоніи въ первые дни новаго царствованія обнаруживали радость и даже смѣшнымъ образомъ всюду показывались, разъѣзжая по городу въ великолѣпныхъ экипажахъ и въ парадныхъ мундирахъ. Теперь же они совершенно унываютъ, видя, что слишкомъ рано считали себя побѣдителями и напрасно думали, что вся система внѣшней политики измѣнится въ ихъ пользу. Какъ видно изъ разныхъ распоряженій императрицы, ея императорское величество имѣетъ въ виду лишь одну цѣль — доставить своимъ подданнымъ миръ и уклоняться отъ участія въ чужихъ распряхъ. Къ тому же она очень довольна письмомъ, полученнымъ ею отъ прусскаго короля. Говорятъ даже, что это письмо будетъ опубликовано вмѣстѣ съ нѣкоторыми письмами прусскаго короля къ бывшему императору».

Письмо Фридриха II къ Екатеринѣ — по всей вѣроятности здѣсь идетъ рѣчь о краткой запискѣ короля отъ 7-го (19-го) іюля [1]) — не было обнародовано въ то время. Еще менѣе можно было думать о публикованіи писемъ Фридриха II къ Петру III [2]). Однако, письмо прусскаго короля къ императрицѣ сдѣлалось исходною точкою весьма дружеской переписки, продолжавшейся до восьмидесятыхъ годовъ, слѣдовательно, около двухъ десятилѣтій.

IV.

Говоря о желаніи Екатерины прекратить участіе Россіи въ войнѣ между Пруссіею и Австріею, голландскій резидентъ замѣчаетъ: «Здѣшнія обстоятельства не допускаютъ вмѣшательства въ чужія дѣла».

---

[1]) Записка эта напечатана въ XX-мъ томѣ Сборника Ист. Общ., стр. 151, но была извѣстна уже ранѣе.

[2]) Они были изданы только въ 1871 году въ «Русской Старинѣ». III.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(По депешамъ голландскаго резидента Мейнерцгагена.)

I.

ЕДАВНО въ журналѣ «Russische Revue» [1]), были напечатаны нѣмецкимъ ученымъ, г. Артуромъ Клейншмитомъ, донесенія нидерландскаго резидента къ его правительству о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи отъ 1762 до 1764 года. Какъ матеріалъ при изученіи исторіи послѣдняго времени царствованія императора Петра III, государственнаго переворота 1762 года и перваго времени царствованія Екатерины II, донесенія эти не лишены значенія и содержаніемъ своимъ не уступаютъ депешамъ другихъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Россіи, напр., графа Мерси-Аржанто, графа Сольмса, или донесеніямъ англійскихъ дипломатовъ и др.

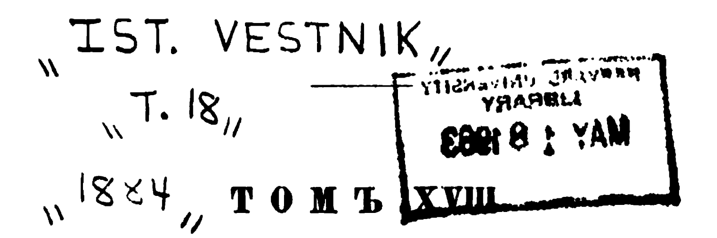
О представителѣ нидерландскихъ штатовъ, Мейнерцгагенѣ, въ современныхъ источникахъ почти вовсе не говорится. Очевидно, онъ игралъ весьма незамѣтную роль при петербургскомъ дворѣ. Голландская республика въ то время уже не имѣла вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Поэтому нельзя сравнивать положеніе нидерландскаго дипломата съ выдающимся положеніемъ въ Россіи представителей первоклассныхъ державъ. Однако, скромность роли, которую игралъ Мейнерцгагенъ въ Петербургѣ и Москвѣ, не мѣшала ему быть хорошимъ наблюдателемъ, зорко слѣ-

---

[1]) Годъ XII, тетрадь 12, томъ XXIII. стр. 534 — 559.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ



ТОМЪ XVIII

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(По депешамъ голландскаго резидента Мейнерцгагена.)

I.

ЕДАВНО въ журналѣ «Russische Revue» [1]), были напечатаны нѣмецкимъ ученымъ, г. Артуромъ Клейншмитомъ, донесенія нидерландскаго резидента къ его правительству о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи отъ 1762 до 1764 года. Какъ матеріалъ при изученіи исторіи послѣдняго времени царствованія императора Петра III, государственнаго переворота 1762 года и перваго времени царствованія Екатерины II, донесенія эти не лишены значенія и содержаніемъ своимъ не уступаютъ депешамъ другихъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Россіи, напр., графа Мерси-Аржанто, графа Сольмса, или донесеніямъ англійскихъ дипломатовъ и др.

О представителѣ нидерландскихъ штатовъ, Мейнерцгагенѣ, въ современныхъ источникахъ почти вовсе не говорится. Очевидно, онъ игралъ весьма незамѣтную роль при петербургскомъ дворѣ. Голландская республика въ то время уже не имѣла вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Поэтому нельзя сравнивать положеніе нидерландскаго дипломата съ выдающимся положеніемъ въ Россіи представителей первоклассныхъ державъ. Однако, скромность роли, которую игралъ Мейнерцгагенъ въ Петербургѣ и Москвѣ, не мѣшала ему быть хорошимъ наблюдателемъ, зорко слѣ-

---

[1]) Годъ XII, тетрадь 12, томъ XXIII. стр. 534 — 559.

хахъ, будто императрица, желая избавиться отъ Іоанна, принимала тайное участіе въ заговорѣ Мировича [1]. Эта легенда о чрезвычайно сложной интригѣ Екатерины, будто бы хотѣвшей во что бы то ни стало освободиться отъ опаснаго претендента, сложилась позднѣе. Впервые объ этомъ заговорили писатели-памфлетисты Кастера, Гельбигъ и Сальдернъ, публиковавшіе свои сочиненія о Екатеринѣ вскорѣ послѣ кончины императрицы. Такъ какъ и въ настоящее время въ публикѣ часто встрѣчается убѣжденіе, что Мировичъ дѣйствовалъ яко бы за одно съ императрицею, то отсутствіе малѣйшаго намека на участіе Екатерины въ этомъ дѣлѣ въ депешахъ Мейнерцгагена, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившаго за всѣми частностями событія, оказывается довольно важнымъ обстоятельствомъ, достойнымъ вниманія публики и ученыхъ.

Вообще же, какъ выше было указано, нѣтъ источника болѣе рельефно изображающаго критическое положеніе, въ которомъ находилась Екатерина въ первые два года царствованія, какъ депеши Мейнерцгагена, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, многаго, чего можно бы было ожидать въ этомъ источникѣ, въ немъ не встрѣчается. Такъ, напримѣръ, въ немъ нѣтъ характеристики Екатерины; нѣтъ ни малѣйшаго намека на ея способности, качества, политическія воззрѣнія и пр. По всей вѣроятности, голландскій резидентъ, игравшій при русскомъ дворѣ скромную роль и оставаясь на заднемъ планѣ, не имѣлъ случая сблизиться съ императрицею и составить себѣ болѣе точное понятіе о личности Екатерины. Въ этомъ отношеніи донесенія другихъ дипломатовъ, напримѣръ, Гарриса, Сегюра и пр. гораздо богаче содержаніемъ, нежели матерьялъ, открытый и изданный г. Клейншмитомъ.

А. Брикнеръ.

[1]) См. мое соч. объ Іоаннѣ, стр. 81 и слѣд.

ЭТНОГРАФЪ-БЕЛЛЕТРИСТЪ [1].

V.

Мельниковъ—учитель гимназіи и археологъ.

Мельниковъ вступилъ въ Казанскій университетъ своекоштнымъ студентомъ. Родители его, несмотря на небольшіе свои достатки, не жалѣли по возможности средствъ, необходимыхъ молодому человѣку для окончанія своего образованія. Это видно изъ писемъ къ нему его матери, нѣжно его любившей, которой, по словамъ П. И. Мельникова, онъ обязанъ былъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. Она любила литературу и исторію, сама много читала и сына своего пріучала къ чтенію. Страсть къ чтенію перешла къ ней отъ отца, Сергѣева. У десятилѣтняго Мельникова были уже толстыя тетради, въ которыхъ по линѣйкамъ переписывалъ онъ Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Дельвига. По выдержаніи Мельниковымъ пріемнаго экзамена въ университетъ, его мать, между прочимъ, писала къ нему изъ Семенова, 29-го августа 1834 года: «дай Богъ, чтобы тебя приняли на казенный счетъ. Попроси о томъ, если кого знаешь, кого нужно просить... Живи хорошенько, удаляйся пороковъ и доставь намъ ту радость, что мы не для шалуна какого нибудь старались и себя растраивали, а для сына, котораго поведеніе доставляетъ надежду на будущее». Отъ 26-го сентября того же года, мать писала сыну изъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XVII; стр. 473.

Семенова: «Папенька велѣлъ къ тебѣ написать, что если можно тебѣ учиться юриспруденціи, то онъ соглашается содержать тебя четыре года на своемъ содержаніи, хотя это намъ и сдѣлаетъ чувствительную растрату, но изъ твоего письма видно, что уже перемѣнить нельзя, то вѣроятно такъ Богу угодно, чтобы ты учился словесности. Богъ опредѣляетъ для каждаго судьбу и кто на него полагается и уповаетъ, тотъ никогда не бываетъ несчастливъ. Равно и ты положись на Его всемогущую волю. Буди Его святая воля»!

Но когда, въ началѣ 1835 года, Мельникова зачислили въ число казеннокоштныхъ студентовъ и онъ увѣдомилъ о томъ своихъ родныхъ, то мать, 13-го февраля, отвѣчала ему: «Письмо твое получила, въ которомъ ты пишешь, что принятъ на казенный коштъ. Слава Богу! Это намъ большое облегченіе, а то, правду сказать, мы насилу могли посылать тебѣ на содержаніе и кажется году не выдержали бы, тѣмъ болѣе, что изъ Приказа деньги не получены до сихъ поръ. Ты пишешь, что «закабалился въ учители»: учись примѣрно, веди себя хорошо и ты не только куда нибудь въ городъ поступишь старшимъ учителемъ, но, можетъ быть, тебя оставятъ даже въ Казани. Подумай, какое жалованье тогда будешь получать, но все это зависитъ отъ тебя». И дядя его по матери, Николай Сергѣевъ, писалъ П. И. Мельникову, 15-го апрѣля 1835 г.: «очень радъ, что ты поступилъ на казенное содержаніе, и уже не имѣешь больше нужды требовать большаго пособія отъ твоихъ родителей».

Мать не дожила до окончанія сыномъ университета. Она скончалась въ 1835 году. Отецъ Мельникова умеръ въ 1837 году, такъ что, по выходѣ изъ университета, Мельниковъ предоставленъ былъ самому себѣ. Какъ казеннокоштный студентъ, онъ обязанъ былъ отслужить опредѣленное число лѣтъ по учебному вѣдомству, но, какъ окончившій съ отличіемъ курсъ наукъ, онъ, по выдержаніи экзаменовъ, послѣ акта 18-го іюня 1837 года, оставленъ былъ жить въ университетѣ и готовился къ поѣздкѣ за-границу. По словамъ его ученика, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, Мельникова вѣдомство народнаго просвѣщенія прочило тогда на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Но съ этою цѣлью при университетѣ онъ прожилъ только съ полгода, потому что назначеніе его измѣнилось. Не даромъ мать его, еще при жизни своей, неоднократно просила сына въ своихъ письмахъ, «чтобы велъ себя смирнѣе. Я знаю твою горячку». На одной изъ тогдашнихъ студенческихъ попоекъ, вѣроятно сопровождавшихъ выпускъ 1838 года, Мельниковъ до того увлекся, благодаря своей «горячкѣ», что казанскій попечитель, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, призвалъ его къ себѣ, объявилъ ему, что за его провинность назначаетъ уѣзднымъ учителемъ въ Шадринскъ (Пермской губерніи) и

немедленно отправилъ его въ Пермь, въ качествѣ «будущаго» при университетскомъ солдатѣ. Въ Перми онъ узналъ, что гнѣвъ положили на милость, потому что его оставили въ этомъ городѣ и 10-го августа онъ былъ опредѣленъ въ службу въ тамошнюю гимназію исправляющимъ должность старшаго учителя исторіи и статистики.

Урокъ подѣйствовалъ. Мельниковъ не только прилежно принялся исполнять обязанности преподавателя исторіи и географіи, но, въ февралѣ 1839 года, ему поручена была должность учителя французскаго языка въ высшихъ классахъ гимназіи съ половиннымъ окладомъ жалованья. Пофранцузски П. И. Мельниковъ выучился еще дома, въ Семеновѣ, у Карла Ивановича Гектора. Онъ былъ врачъ наполеоновской арміи, плѣненный въ 1812 году подъ Краснымъ и присланный на житье въ Нижній Новгородъ, гдѣ принялъ русское подданство и получилъ дипломъ на званіе штабъ-лекаря въ Семеновскомъ уѣздѣ. Онъ лечилъ въ домѣ родителей П. И. Мельникова и сверхъ того обучалъ послѣдняго французскому языку. Благоволеніе учебнаго начальства къ Мельникову возвратилось, такъ что желаніе его, когда онъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ гимназію въ Нижній Новгородъ, гдѣ у него были родственныя и другія связи, которыхъ не было въ Перми, было исполнено и 25-го мая 1839 года, къ новому учебному году, онъ былъ уже тамъ учителемъ исторіи и статистики, утвержденнымъ въ этой должности.

Но артистическая натура Мельникова не была создана для педагогическаго поприща. Она искала себѣ исхода въ болѣе широкой дѣятельности. Въ продолженіе своей службы въ Перми, онъ объѣхалъ нѣкоторые заводы Пріуральскаго края, собиралъ свѣдѣнія о немъ, знакомился съ бытомъ русскаго народа, «лежа у мужика на полатяхъ», какъ говаривалъ Мельниковъ, и положилъ первые задатки къ полному его изученію. Всѣ эти поѣздки дали ему возможность начать рядъ статей для народившагося въ 1839 году новаго журнала «Отечественныя Записки». Успѣхъ его «Дорожныхъ замѣтокъ», одобреніе со стороны редактора этого журнала, приглашеніе продолжать свое сотрудничество — вывели Мельникова на литературное поприще, которое пришлось ему по душѣ и указало на дѣйствительное его назначеніе. Мельникову только что исполнилось двадцать лѣтъ, когда первый его литературный трудъ появился въ ноябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» [1]). Пе-

[1]) Въ письмахъ къ А. А. Краевскому (см. № 68 «Литературной Газеты» 1840 года), Мельниковъ сообщаетъ, что на изученіе восточной части европейской Россіи, вошедшей въ составъ его «Дорожныхъ записокъ», онъ употребилъ три года. Третья статья его, представившая характеристику общества города Перми, надѣлала тамъ много шума и гама. «Въ 1812 году, по словамъ Мельникова, въ Перми не было такого волненія, какое оказалось въ 1840 году», когда тамъ прочли статью Мельникова.

реходъ въ Нижній Новгородъ, сближеніе тамъ съ мѣстнымъ архіепископомъ Іаковомъ [1]), знатокомъ исторіи и раскола, надѣлявшимъ Мельникова рѣдкими рукописями и матеріалами, указывавшимъ на тѣ мѣстные архивы, гдѣ ими можно пользоваться, наконецъ, съ 1840 года, съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, а потомъ М. П. Погодинымъ, В. И. Далемъ, — увлекли окончательно Мельникова съ скромнаго поприща гимназическаго учителя на болѣе широкій путь литературной дѣятельности.

Въ 1883 году, я встрѣтилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ одного изъ бывшихъ учениковъ П. И. Мельникова, родственника его, служащаго тамъ нынѣ по одному вѣдомству, современника Ешевскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина. Онъ мнѣ говорилъ, что послѣдніе двое были любимыми учениками Мельникова, отвѣчавшими ему въ классахъ не урокъ, заданный въ классѣ, но то, что они прочитали по тому же предмету по разнымъ историческимъ сочиненіямъ. Къ лѣнивымъ или нерадивымъ ученикамъ Мельниковъ относился съ беспощаднымъ презрѣніемъ. Такъ, одинъ изъ числа послѣднихъ, Мезенцовъ, отличался тѣмъ, что вралъ безъ милосердія своему учителю и путался на каждомъ шагу, вслѣдствіе незнанія предмета. Мельниковъ, не поправляя ошибокъ, слушалъ молча такого ученика и только, когда онъ останавливался въ своемъ враньѣ, проговаривалъ: «а дальше»? И снова начиналась невообразимая путаница. Безстрастными вопросами «а дальше?» Мельниковъ доводилъ Мезенцова и другихъ ему подобныхъ лѣнтяевъ до того, что они разражались слезами.

Въ біографіи своего товарища, Ешевскаго, предпосланной собранію его сочиненій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что въ его время въ нижегородской гимназіи самымъ лучшимъ учителемъ былъ П. И. Мельниковъ. По словамъ Бестужева-Рюмина, «П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ, рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи; говорятъ, что, въ началѣ своей педагогической дѣятельности, онъ усиленно работалъ для классовъ, но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе западной римской имперіи [2]), персидская ис-

---

[1]) Іаковъ былъ прежде епископомъ саратовскимъ, гдѣ и занялся изученіемъ раскола. Интересная его рукопись «О расколѣ бѣглопоповской секты по саратовской епархіи» хранится въ библіотекѣ нижегородской семинаріи. Этою рукописью пользовалась редакція «Православнаго Собесѣдника» для своихъ статей по расколу въ изданіи 1857 года.

[2]) Эти лекціи П. И. Мельникова были напечатаны имъ въ «Литературной Газетѣ» 1840 года, именно въ № 61, подъ заглавіемъ «Судьбы древности» (начало историческаго сочиненія «Имперія и варвары») и въ № 108 «О праздникахъ персидскихъ при Сассанидахъ» (отрывокъ изъ IX главы сочиненія «Персія при Сассанидахъ»).

торія въ эпоху Сассанидовъ, входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину, но если случалось ему замѣчать, что кто нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно; книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я».

О себѣ, какъ объ учителѣ, и вообще о тогдашнемъ времени, П. И. Мельниковъ оставилъ слѣдующія замѣтки:

«Каковъ я былъ учитель — не знаю, какъ сказать. Самому о себѣ трудно судить, но отзывы тогдашнихъ моихъ начальниковъ, прошедшихъ семинарскую премудрость, въ литературѣ не признававшихъ, послѣ Державина и Карамзина, ни одного таланта (Пушкинъ, по ихъ мнѣнію, пустомеля, не имѣющій изящнаго вкуса, и притомъ вольнодумецъ, Лермонтовъ — мальчишка, которому необходимы розги, Гоголь — сальный марака, а Бѣлинскій — сумасшедшій человѣкъ, который самъ не знаетъ, что пишетъ), — отзывы такихъ людей, для меня не совсѣмъ благопріятные, я и тогда не цѣнилъ высоко. Полагаюсь болѣе на отзывы бывшихъ моихъ учениковъ, напримѣръ, Московскаго университета профессоровъ М. Я. Китарры и С. В. Ешевскаго, а также Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, теперь одного изъ замѣчательныхъ знатоковъ русской исторіи. Они говорятъ, что для массы учениковъ я былъ плохой учитель, но для тѣхъ немногихъ, которые хотѣли учиться, очень полезенъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ скучно было биться съ шаловливыми и невнимательными мальчиками, и, за ихъ невниманіе къ предмету я самъ оставлялъ ихъ безъ вниманія. Въ гимназіи, т. е. въ обществѣ учителей, я былъ почти лишнимъ человѣкомъ. Въ это время директоръ, инспекторъ и многіе учители были изъ семинаристовъ стараго покроя, несносные въ классѣ, дравшіе и бившіе учениковъ нещадно (каждую субботу была «недѣльная расправа» и много розогъ изводилось) и низкопоклонничавшіе не только передъ высшими чинами губернской администраціи, но и передъ совѣтниками. Я одинъ былъ изъ дворянъ и притомъ хотя незначительный, но помѣщикъ той же Нижегородской губерніи. Это обстоятельство открыло мнѣ двери въ домахъ, куда мое начальство и товарищи не могли попасть. Въ то время дворянская спѣсь процвѣтала еще во всей силѣ и не всякій рѣшался принять, какъ равнаго себѣ, какого нибудь «учителя-кутейника». Вообще, учители гимназіи не пользовались уваженіемъ общества. Правда, ихъ принимали родители учениковъ раза по два, по три въ годъ, когда бывали, по случаю имянинъ и тому подобныхъ случаевъ, «кормежки учительскія», но, если ученикъ

выходилъ, знакомство прекращалось. Такъ какъ я составлялъ исключеніе, то и не могъ сблизиться съ товарищами-педагогами, которымъ весьма не нравились мои знакомства, выѣзды на балы и маскарады, въ собраніе и т. п. Я бывалъ въ гимназическомъ обществѣ, но какъ не игралъ въ карты и не умѣлъ выпивать громаднаго количества ерофеича, то и былъ человѣкъ лишній.

«Хотя я и бывалъ въ обществѣ, но, не имѣя достаточныхъ средствъ къ жизни, не могъ, разумѣется, тянуться за всѣми. При томъ же, въ 1841 году, я женился на небогатой и скорѣе бѣдной арзамасской помѣщицѣ, Лидіи Николаевнѣ Бѣлокопытовой. Пошли дѣти; жена была все больна и совершенно не выѣзжала. Расходы увеличились, а доходы не прибавлялись. Я сидѣлъ больше дома и учился [1]).

«Изъ университета мы не Богъ знаетъ какія свѣдѣнія вынесли, но вынесли по крайней мѣрѣ уваженіе къ наукѣ, и если не выучились, какъ учить, то выучились, какъ учиться. Еще будучи въ Перми, я началъ писать для новаго журнала «Отечественныя Записки» и вошелъ въ переписку съ его редакторомъ, А. А. Краевскимъ. Первая моя статья помѣщена была въ 11-й книжкѣ этого журнала за первый годъ (1839). Потомъ я писалъ много въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературной Газетѣ» въ продолженіе 1840, 1841 и 1842 годовъ. О чемъ я не писалъ тогда: и о Пермской губерніи, по которой ѣздилъ лѣтомъ 1839 года, вмѣстѣ съ инспекторомъ гимназіи Лопатинымъ, и о нижегородскомъ театрѣ, и о персидскихъ праздникахъ при Сассанидахъ, и подражанія Мицкевичу; началъ печатать въ «Литературной Газетѣ» 1840 года и повѣсть, но, видя, что она плоховата и что я мало знаю жизнь, оставилъ беллетристику. Преимущественно изучалъ я исторію и древности Нижняго и вообще бывшаго Суздальскаго великаго княжества. По нижегородской исторіи и археологіи мнѣ пришлось прокладывать непроторенную еще дорогу: я собиралъ рукописи, занимался въ архивахъ, которыхъ до того никто не касался. Нѣсколько интересныхъ актовъ послалъ я въ Археографическую Коммиссію: они обратили вниманіе министра народнаго просвѣщенія на нижегородскаго учителя и я сдѣланъ былъ корреспондентомъ Ар-

---

[1]) Лидія Николаевна была старше однимъ годомъ своего мужа. Она скончалась, 7 августа 1848 года, тридцати лѣтъ отъ роду, какъ значится въ полицейскомъ свидѣтельствѣ о ея смерти. У Павла Ивановича Мельникова было нѣсколько дѣтей отъ перваго брака, но всѣ они умерли въ младенчествѣ, вѣроятно вслѣдствіе болѣзненнаго, чахоточнаго состоянія Лидіи Николаевны. Она была внукою или правнукою губернатора Бѣлокопытова, котораго П. И. Мельниковъ мастерски очертилъ въ «Бабушкиныхъ разсказахъ» подъ именемъ Сергѣя Михайловича Чурилина (см. стр. 120 «Разсказы Андрея Печерскаго», изданіе второе, 1882 г.), равно и его образъ жизни въ отставкѣ въ Зимогорскѣ (Нижнемъ-Новгородѣ).

хеографической Коммиссіи. Это обстоятельство подняло меня въ мнѣніи начальства учебнаго округа, но вмѣстѣ съ тѣмъ подарило мнѣ сильнаго врага въ лицѣ профессора исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Иванова. Иванова я не зналъ; онъ поступилъ на каѳедру послѣ моего выхода изъ университета. Это былъ злой человѣкъ, но блестящій профессоръ, вскорѣ получившій огромное вліяніе. Онъ былъ того мнѣнія, что, до занятія имъ каѳедры, исторія въ Казани преподавалась нехорошо, и въ этомъ былъ справедливъ. Поэтому онъ хотѣлъ замѣстить всѣ мѣста учителей исторіи въ округѣ своими слушателями. Мнѣ готовилось оставить мѣсто. Ивановъ ѣздилъ въ Петербургъ, занимался тамъ въ Публичной Библіотекѣ и въ Археографической Коммиссіи, и очень желалъ сдѣлаться ея членомъ, что, однако, ему не удалось. Ему очень не понравилось, когда министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, обратилъ на меня вниманіе не по представленію попечителя, а по моимъ печатнымъ работамъ и по представленнымъ стариннымъ актамъ, и сдѣлалъ корреспондентомъ той самой Коммисіи, въ которую онъ, Ивановъ, не попалъ. Къ этому еще другое обстоятельство случилось. Ивановъ былъ сотрудникомъ Булгарина въ его изданіи «Россія». Первыя двѣ части этого сочиненія, заключающія статистику, были писаны имъ. Въ одной изъ статей моихъ «Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), я показалъ нѣкоторыя грубыя ошибки въ статистикѣ «Россіи» и посмѣялся надъ ними, а въ разборѣ «Начальственныхъ распоряженій по Казанскому учебному округу [1]), напечатанномъ хотя и безъ подписи моей, сдѣлалъ намекъ на Иванова, какъ онъ перекраиваетъ на свой ладъ исторію. А онъ передъ слушателями своими раздѣлилъ ее на три періода: первый до Петра, второй отъ Петра до нашихъ временъ, а третій отъ нашего времени до кончины міра. Онъ обѣщался читать третій періодъ и дѣйствительно началъ читать его передъ крымскою войною, но событія этой войны не оправдали пророчественныхъ лекцій профессора, который и перешелъ къ нѣмцамъ въ Дерптъ, гдѣ, спившись съ кругу, долженъ былъ volens-nolens оставить профессуру. Отношенія Иванова ко мнѣ были открыто враждебны, но въ то же время обращенное на меня вниманіе министра не дозволяло прогнать меня, чтобы дать мое мѣсто ивановскому слушателю. Ивановъ былъ циникъ большой руки во всѣхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи (1846 г.), когда я уже не былъ болѣе старшимъ учителемъ въ нижегородской гимназіи, я съ нимъ познакомился и цѣлый день пробесѣдовали мы съ нимъ у инспектора нижегородскаго дворянскаго института Лопатина (племянника инспектора пермской гимназіи). Ивановъ мнѣ прямо сказалъ, бывши въ веселомъ

[1]) См. «Отечественныя Записки» 1843 г.

отъ пунша настроенія духа: «я всегда уважалъ ваши познанія, но не могъ терпѣть васъ какъ учителя, который знать не хочетъ старшихъ и мимо ихъ входить въ сношенія съ самимъ министромъ. Притомъ же вы не мой слушатель, а я хочу, чтобы учители въ гимназіяхъ были моими помощниками, въ моемъ духѣ приготовляли мнѣ слушателей».

«Отношенія мои къ Иванову горько обходились моимъ ученикамъ, поступавшимъ въ Казанскій университетъ. На пріемныхъ экзаменахъ онъ ихъ всячески притѣснялъ; но мои ученики, вслѣдствіе того, что я обращалъ вниманіе только на особенно хорошихъ и давалъ полную волю учиться или не учиться, были двухъ родовъ: или прекрасно знали предметъ, нѣкоторые такъ, что хотя бы на кандидата экзаменъ держать, или ровно ничего не знали и отвѣчали на экзаменахъ въ родѣ того, что Александръ Македонскій былъ великій князь Новгородскій, а Мохамедъ основатель королевства англійскаго. Середины у меня не было. Не знавшіе исторіи вовсе не поступали въ университетъ, а которые знали и поступали, тѣ оказывались лучшими. Самъ преемникъ Иванова по каѳедрѣ въ Казани, Ешевскій, былъ мой ученикъ. Лучшіе ученики мои занимались у меня, какъ студенты, писали сочиненія по источникамъ, какъ, напримѣръ, Ешевскій «О мѣстничествѣ», и публично защищали съ каѳедры свои тезисы, какъ бы магистранты. На такихъ диспутахъ бывали и губернаторъ, и губернскій предводитель дворянства, и архіерей, и дамы, всего человѣкъ по пятидесяти и болѣе» [1]).

Мельниковъ былъ утвержденъ въ званіи корреспондента Археографической Коммиссіи 8 апрѣля 1841 года, слѣдовательно менѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ окончанія университетскаго курса.

Съ какимъ рвеніемъ онъ занимался историческими и археографическими изслѣдованіями, — можно видѣть изъ слѣдующаго его письма къ князю Ширинскому-Шихматову:

«Занимаясь въ продолженіе четырехъ лѣтъ составленіемъ полной исторіи великаго княжества Владимірско-Суздальскаго и всѣхъ происшедшихъ отъ него отдѣльныхъ княжествъ, изъ которой отрывки я напечаталъ въ журналѣ «Отечественныя Записки» 1840 года, я старался собрать столько матеріаловъ для этого сочиненія, сколько имѣлъ возможность собрать. Но теперь я вижу, что всѣ собранные мною матеріалы еще недостаточны для составленія совершенной исторіи; знаю теперь и то, что въ архивахъ Нижегородской, Владимірской, Костромской и Ярославской губерній хранится много матеріаловъ, большею частію еще неизвѣстныхъ, которые могли бы пополнить этотъ недостатокъ. Но, зная о суще-

---

[1]) См. «Нижегородскія Губернскія Вѣдомости» 1846 года №№ 27 и 39.

ствованіи ихъ, я еще не могу ими пользоваться, не могу даже осмотрѣть ихъ, потому что не имѣю на это никакого права.

«Желая собрать эти матеріалы и, главное, быть по силамъ своимъ полезнымъ для дѣйствій Археографической Коммиссіи, я беру смѣлость обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о причисленіи меня къ ней въ качествѣ чиновника. Если я буду столь счастливъ, что ваше сіятельство удостоите меня этимъ званіемъ, то я надѣюсь сдѣлать слѣдующее для Коммиссіи:

«а) Осмотрѣть архивъ нижегородскаго губернскаго правленія и нижегородской казенной палаты, въ которыхъ, какъ мнѣ извѣстно, находится много любопытныхъ бумагъ XVII и XVIII столѣтій. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и вошли въ составъ актовъ, собранныхъ Археографическою Коммиссіею, но я знаю, что еще много осталось неизслѣдованнымъ. Въ особенности же здѣсь интересны дѣла вотчинныя. Сколь ни мало вѣрно, повидимому, ихъ достоинство, но все таки въ кипахъ столбцовъ ихъ могутъ находиться болѣе или менѣе вѣрныя историческія свѣдѣнія, которыхъ мы еще не знаемъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня то, что я, разбирая нѣкоторыя вотчинныя бумаги, частнымъ образомъ мнѣ доставшіяся, нашелъ, какимъ образомъ переходилъ изъ рукъ въ руки нынѣшній Семеновскій уѣздъ, какимъ образомъ, бывъ сперва достояніемъ супругъ государевыхъ, онъ сдѣлался дворцовымъ, былъ пожалованъ астраханскому князю Акубѣеву и проч. Словомъ, по этимъ находящимся у меня бумагамъ, можно обработать исторію сѣверной части Нижегородской губерніи. Акты эти хранятся у семеновскаго помѣщика князя Черкасскаго [1]) и я могу достать ихъ для представленія Коммиссіи, если ей будетъ это угодно. Въ архивѣ нижегородской казенной палаты также есть много любопытныхъ бумагъ, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

«b) Въ здѣшнемъ Благовѣщенскомъ монастырѣ есть книги духовнаго содержанія, писанныя рукою Никона, ученика св. Сергія. Я могу описать какъ эти книги, такъ и нѣкоторыя **корсунскія утвари**, хранящіяся въ Спасскомъ соборѣ, Благовѣщенскомъ монастырѣ, семинарскомъ правленіи и въ другихъ мѣстахъ. Также различныя государевы и патріаршія грамоты съ XIV до XVIII столѣтій находятся въ церквахъ и монастыряхъ Нижегородской губерніи.

«с) Я могу достать много любопытнаго у здѣшняго купца Судовщикова, старика, обладающаго многими рѣдкостями. У него есть довольно порядочный архивъ рѣдкихъ бумагъ, относящихся до Нижняго-Новгорода и даже до Нижегородскаго удѣльнаго княжества.

---

[1]) Черновая этого письма Мельникова написана крайне нечетко, съ сокращеніями, а потому не ручаюсь за вѣрность этой фамиліи.

«d) Заведя знакомство съ раскольниками, что сдѣлать я имѣю весьма рѣдкій случай, я могу, по крайней мѣрѣ, описать многія старинныя книги, у нихъ находящіяся. Какъ много у нихъ старинныхъ книгъ, этому можетъ служить доказательствомъ разговоръ мой и директора здѣшней ярмарочной конторы, графа Дмитрія Николаевича Толстаго, занимающагося также археологіею, съ однимъ изъ раскольниковъ. Мы читали ему списки старопечатныхъ книгъ. Онъ ихъ всѣ почти знаетъ и сказалъ намъ о 13 книгахъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ описаніи старопечатныхъ книгъ.

«e) Я могу осмотрѣть и описать многіе памятники старины, состоящіе какъ изъ церковной утвари, такъ и изъ прочихъ вещей, надгробныхъ камней и проч. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Нижній-Новгородъ, Балахна, Городецъ, бывшій столицею Городецкаго княжества, село Богородское, въ которомъ есть паникадило, жалованное Михаиломъ Ѳедоровичемъ, Спасскій нижегородскій соборъ, Арзамасъ, село Возьянъ, гдѣ находился станъ царя Ивана Васильевича Грознаго и гдѣ цѣлы до сихъ поръ царскія двери, жалованныя этимъ государемъ; Макарьевскій Желтоводскій монастырь, села Мурашкино и Работки, въ которыхъ находятся большіе архивы. О послѣднихъ архивахъ считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что ихъ необходимо осмотрѣть какъ можно скорѣе, потому что они находятся въ крайнемъ небреженіи и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе истребляются.

«f) Доставить свѣдѣнія о родѣ Мининыхъ, о могилѣ князя Пожарскаго и о пребываніи въ Нижнемъ Мароы Посадницы. Послѣднее свѣдѣніе основывается на современномъ актѣ, который обѣщали мнѣ доставить. Этотъ актъ перепись прихожанъ церкви Іоанна Предтечи, гдѣ сказано, что къ нимъ принадлежала и Мароа, бывшая посадница Новгорода Великаго.

«Въ губерніяхъ Владимірской, Костромской и Ярославской я также надѣюсь собрать много любопытнаго. Списывая любопытные акты и описывая остальное, я буду присылать все это на разсмотрѣніе Археографической Коммиссіи. Если вашему сіятельству угодно будетъ удостоить меня званіемъ чиновника Археографической Коммиссіи и поручить мнѣ изслѣдованіе архивовъ Нижегородской, Владимірской, Костромской и Ярославской губерній, то чрезъ нѣсколько лѣтъ Археографическая Коммиссія будетъ имѣть всѣ сохранившіяся свѣдѣнія относительно великаго княжества Суздальско-Владимірскаго и прочихъ отъ него отдѣлившихся княжествъ, а также и акты, находящіеся еще на храненіи въ архивахъ сказанныхъ губерній. Изслѣдованіе архивовъ Нижняго-Новгорода и въ окрестностяхъ его находящихся я могу производить въ теченіе всего года. Для изслѣдованія другихъ архивовъ у меня остается свободнаго времени въ году два мѣсяца, августъ, половина декабря и половина апрѣля. Если же вашему сіятельству не угодно будетъ пору-

чить мнѣ изслѣдованіе архивовъ въ четырехъ губерніяхъ, для чего потребовались бы нѣкоторыя издержки на мои разъѣзды, то изслѣдованіе архивовъ одной Нижегородской губерніи не будетъ стоить Археографической Коммиссіи никакихъ издержекъ».

Вслѣдствіе этого письма, Мельникову поручено было разобрать архивы присутственныхъ мѣстъ и монастырей Нижегородской губерніи. Онъ занимался этимъ разборомъ и впослѣдствіи, когда оставилъ службу по учебной части, 21 мая 1846 года, извлекъ много интересныхъ свѣдѣній и документовъ для исторіи Нижегородскаго края. Даже лѣтъ триддать спустя, въ іюнѣ 1878 года, онъ вновь обратился съ подобною просьбою къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Тимашеву, который, 8 іюля, разрѣшилъ Мельникову снять копіи съ историческихъ документовъ, хранящихся въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи.

Добытыми изъ архивовъ матеріалами Мельниковъ воспользовался для многочисленныхъ статей своихъ, помѣщенныхъ имъ въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», редакторомъ неоффиціальной части которыхъ онъ состоялъ съ 1 января 1845 года по 14 мая 1850 года. Мельниковъ желалъ сдѣлать интереснымъ порученный ему отдѣлъ, но сотрудниковъ для оживленія газеты не было и онъ въ первые девять мѣсяцевъ 1845 года, съ свойственною ему неутомимостью, работалъ одинъ, писалъ все самъ отъ перваго слова до послѣдняго. Въ 1847 году, у него уже было въ газетѣ 19 сотрудниковъ, въ томъ числѣ графъ В. А. Сологубъ и М. П. Авдѣевъ, помѣстившій первый свой фельетонъ въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ». Первыя сочиненія нашего археолога, тогда еще архимандрита Макарія, начавшаго заниматься русскими древностями при содѣйствіи Мельникова, также появились въ этомъ провинціальномъ изданіи.

«Архивныя занятія, пишетъ П. И. Мельниковъ въ одной изъ своихъ собственноручныхъ замѣтокъ, повели меня къ дѣлу отысканія потомковъ Минина. Опишу подробнѣе этотъ случай. Мнѣ кажется, онъ довольно характеристиченъ. Со временъ Екатерины II, бывшей въ Нижнемъ въ 1767 году и нашедшей, что этотъ городъ «строеніемъ мерзокъ», со временъ императора Павла I, бывшаго здѣсь въ 1797 году, государи не бывали въ Нижнемъ. Въ 1834 году, 10 октября, пріѣхалъ императоръ Николай I и городъ, мерзкій строеніемъ, по выраженію его бабки, сдѣлалъ городомъ красивымъ, построивъ откосы, бульвары, набережныя, казармы, сломавъ Пятницкую церковь, всѣ частные дома въ Кремлѣ и много другихъ внѣ его. Слѣдствіемъ этого было, что городъ Нижній остался съ цифрою долга въ разные приказы общественнаго призрѣнія столь почтенною, что она превосходила сумму долговъ всѣхъ остальныхъ городовъ Россійской имперіи, а между тѣмъ, воровавшіе общественныя деньги «Клейнмихелевы дѣточки», инже-

неры путей сообщенія, такъ исполнили «высочайше повелѣнныя работы» [1]), что оныхъ теперь и вовсе не видно [2]). Полезнѣйшее изъ этихъ сооруженій, нижняя набережная на самомъ берегу Волги, построенная по указанію императора Николая I, была сооружена до того неискусно и непрочно, что отъ нея осталось весьма мало слѣдовъ.

«Когда императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, то первый его осмотръ — былъ осмотръ каѳедральнаго Спасскаго собора, только что освященнаго, въ началѣ августа 1834 года. Шелъ дождь. На непокрытой паперти императора встрѣтилъ архіерей Амвросій съ крестомъ и длинною рѣчью. Императоръ долженъ былъ слушать краснорѣчіе владыки, между тѣмъ, какъ осенній дождь обильно орошалъ его голову, начинавшую уже лысѣть. Послѣ обычнаго молебствія, преосвященный Амвросій повелъ императора въ склепъ, гдѣ теперь устроена церковь (по мысли П. И. Мельникова). Ходъ былъ не тотъ, что теперь, а съ другой стороны; сводъ подъ лѣстницею былъ низенькій. Преосвященный Амвросій, идя передъ императоромъ во всемъ облаченіи, счелъ долгомъ предупредить августѣйшаго посѣтителя, и, не выучась въ семинаріи и академіи придворнымъ тонкостямъ, сказалъ спроста: «Ваше величество! поберегите голову». Разгнѣванный длинною, привѣтственною рѣчью владыки и долго падавшимъ на вѣнценосную голову октябрскимъ дождемъ, императоръ отвѣтилъ: «Сами, преосвященный, поберегитесь, чтобы съ васъ митра не свалилась». Митра не свалилась, но преосвященный Амвросій, пострадавшій отъ поляковъ на Волыни во время польскаго возмущенія 1831 г., былъ переведенъ вскорѣ послѣ того на низшую епархію, въ Пензу.

«Въ склепѣ императоръ Николай Павловичъ поклонился до земли передъ гробницею Минина, и, обратясь къ начальнику губерніи, Михаилу Петровичу Бутурлину, спросилъ: «Остались ли потомки послѣ Минина?» М. П. Бутурлинъ (бывшій первымъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ), два мѣсяца приготовлявшійся бойко и съ ловкостью военнаго человѣка отвѣчать на

---

[1]) Нижегородское губернское правленіе и тамошняя городская дума долго не могли отвыкнуть именовать въ оффиціальныхъ бумагахъ эти строенія «высочайше повелѣнными работами», хотя послѣ того было въ Нижнемъ не мало другихъ высочайше повелѣнныхъ работъ.

[2]) Такъ, въ 1843 году, часть кремлевской стѣны подъ дворцомъ упала и при этомъ была разрушена древняя церковь Св. Духа, бывшая дворцовою и только что отдѣланная по повелѣнію императора Николая Павловича. Другая церковь Живоноснаго Источника дала такія трещины, что ее надобно было перестраивать. Причиною разрушенія было то, что инженеры, устроивая дворцовый садъ, не озаботились отвести ключи, которыхъ въ горѣ было очень много. Когда стѣна упала, оказалось, что венеціанскій архитекторъ XVI столѣтія былъ гораздо искуснѣе строителей XIX вѣка. Подъ стѣною обнаружились огромныя кирпичныя трубы, въ которыя должны были бы отвести воду.

всевозможные царскіе вопросы, подобнаго вопроса не предугадалъ и чрезвычайно сконфузился. Императоръ, замѣтивъ смущеніе губернатора, сказалъ: «Отыскать; если остались, я награжу за службу предка».

«Послѣ отъѣзда императора, Бутурлинъ не мало думалъ о томъ, кому поручить исполненіе такого высочайшаго повелѣнія. «Отыскать», сказалъ государь; кому же отыскать? Разумѣется тому, кто отыскиваетъ въ городѣ всякихъ людей: бѣглыхъ, безпаспортныхъ, мошенниковъ и тому подобныхъ личностей, т. е. полиціймейстеру. Бутурлинъ такъ и сдѣлалъ. Полиціймейстеромъ былъ тогда Махотинъ, добрый человѣкъ, но совершенно гоголевскій полиціймейстеръ («Мертвыя Души»): брать бралъ и осетрами кормилъ. Во время ярмарки у него въ квартирѣ съ утра до ночи столъ былъ накрытъ, на которомъ стояли разныя кушанья, вина, фрукты: всякій приходи и кушай на здоровье. Славныя у него были кулебяки. Шипучее же вино была самодѣльщина. Покупалъ онъ у армянъ чихирь и выдѣлывалъ изъ него шампанское. Бутылка такого шампанскаго обходилась полиціймейстеру копѣекъ въ 60 ассигнаціями. Главный сбытъ этого вина былъ въ многочисленные (въ то время до восьмидесяти) развеселые дома Кунавина, содержательницы которыхъ обязаны были покупать махотинское шампанское по 8 р. асс. за бутылку, а продавали они его своимъ гостямъ по 14 и 15 р. асс. Махотинъ былъ изъ даточныхъ или изъ кантонистовъ. Бывши солдатомъ, и храбрымъ, онъ подъ Бородиномъ потерялъ правую руку, но отлично игралъ въ карты лѣвою. Грамотный солдатъ, пройдя лѣстницу чиновъ низшей военной іерархіи, капрала, ефрейтора, фельдфебеля, онъ получилъ офицерство, дослужился до маіора, вышелъ въ отставку и въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣланъ былъ нижегородскимъ полиціймейстеромъ. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ до 1843 года, переведенъ былъ въ Рязань, гдѣ, прослуживъ съ годъ, получилъ генерала при отставкѣ и возвратился въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь онъ дожилъ свой вѣкъ нижегородскимъ помѣщикомъ 500 душъ и почетнымъ опекуномъ дворянскаго банка. Вообще, онъ былъ хорошій человѣкъ. Что касается до взятокъ, такъ это было въ тогдашнемъ порядкѣ вещей и притомъ для его характеристики необходимо упомянуть вошедшую впослѣдстіи въ поговорку въ Нижнемъ-Новгородѣ слѣдующую фразу о тамошнихъ полиціймейстерахъ: «прежде полиціймейстеръ бралъ одною рукою (безрукій Махотинъ), потомъ двое двумя (Львовъ и Зенгбушъ), а одинъ и лапу запустилъ» (Лаппа-Старженецкій). Послѣ того былъ полиціймейстеромъ Цейдлеръ, который, имѣя своихъ и жениныхъ болѣе тысячи крестьянскихъ надѣловъ, взятокъ можетъ быть и не бралъ лично, но за то съ городскою казною обходился такъ, какъ и не снилось его предшественникамъ. А полиціймейстерскихъ кулебякъ со дней Матохина нѣтъ и не будетъ!

«Этому Матохину Бутурлинъ и поручилъ отыскать потомковъ Минина. Къ чести Махотина надобно сказать вотъ что: будучи женатъ на нижегородской купчихѣ, онъ не произвелъ въ потомки никого изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, хотя почти всѣ купцы Нижняго и Балахны претендуютъ на родство съ Мининымъ. Хотя Махотинъ и былъ осаждаемъ многочисленными просьбами, но не произвелъ въ потомки Минина ни одного изъ своихъ родственниковъ и свойственниковъ, изъ которыхъ многимъ видѣлись впереди великія и богатыя царскія милости. Не имѣя ни малѣйшаго образованія и еще менѣе зная русскую исторію, безрукій полковникъ семь лѣтъ отыскивалъ «потомковъ» и нашелъ ихъ цѣлую кучу въ средѣ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и кантонистовъ. На большомъ александрійскомъ листѣ, великолѣпно написанное и разрисованное въ школѣ военныхъ кантонистовъ родословное дерево было отправлено въ Петербургъ».

Эта родословная, какъ никуда не годная, была возвращена изъ Петербурга въ Нижній и по высочайшему повелѣнію, 12 марта 1842 года, Мельникову, какъ занимавшемуся разборкою архивовъ, поручено было произвести изслѣдованіе о потомствѣ Козьмы Минина. Но и Мельниковъ не отыскалъ потомковъ великаго гражданина по той причинѣ, что, какъ оказалось, единственный сынъ Козьмы Минина, стряпчій Нефедъ Козьмичъ, умеръ бездѣтнымъ и пожалованныя Минину имѣнія взяты были на государя. Но Мельниковъ отыскалъ въ одной купчей крѣпости, что Минина звали не Козьма Мининъ, а Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ. Составленное Мельниковымъ оффиціальное донесеніе по этому изслѣдованію онъ передѣлалъ въ литературную статью и помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» [1]).

VI.

Дѣятельность Мельникова по расколу на административномъ поприщѣ.

«До 1847 года, живя въ Нижнемъ-Новгородѣ и занимаясь русскою исторіею, говоритъ Мельниковъ, я сталъ изучать расколъ и раскольниковъ. Моимъ занятіямъ способствовали два обстоятельства: поѣздки по нижегородскому Заволжью, наполненному раскольниками, и знакомство съ книжниками на нижегородской ярмаркѣ. Въ Заволжьѣ, именно въ Семеновскомъ уѣздѣ, было у меня маленькое, доставшееся послѣ матери, имѣніе; крестьяне, жившіе въ немъ, были всѣ до единаго

[1]) 1842 года, августъ.

раскольники, поповщинской секты. Они были раскольники «записные», т. е. значившіеся изстари, по книгамъ земскаго суда, раскольниками; дѣды ихъ платили двойные оклады. Поэтому они были избавлены отъ притѣсненій полиціи и поповъ. Народъ этотъ былъ хорошій. Теперь вотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ имѣніе (деревня Казанцово) въ нашемъ родѣ, но въ продолженіе этого довольно долгаго періода времени не только къ нашимъ крестьянамъ не наѣзжалъ судъ по уголовнымъ дѣламъ, но даже ни одинъ крестьянинъ никогда не былъ прикосновененъ къ какому бы то ни было дѣлу. Вина капли въ ротъ не берутъ. Они небогаты, нозажиточны; оброкъ небольшой (12 р. съ тягла); недоимокъ почти никогда не бывало. Въ Казанцовѣ я прежде всего познакомился съ раскольничьимъ бытомъ; неподалеку отъ деревни (верстахъ въ трехъ) былъ раскольническій скитъ Кошелевскій (поповщинскій). Здѣсь я познакомился съ скитскими жителями. Старшина моего селенія, Иванъ Петровъ, умный, грамотный и довольно развитой человѣкъ, большой начетчикъ и сынъ начетчика, пользовался уваженіемъ отъ своихъ и чужихъ крестьянъ-раскольниковъ. Съ нимъ много мы толковали о расколѣ. Бывало, когда пріѣдетъ Иванъ Петровъ въ Нижній, цѣлые вечера проводили мы съ нимъ, говоря о расколѣ.

«Съ 1840 года, директоромъ на нижегородской ярмаркѣ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, бывшій впослѣдствіи губернаторомъ калужскимъ, воронежскимъ и директоромъ департамента исполнительной полиціи (въ шестидесятыхъ годахъ). Мы съ нимъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ занимался исторіею русской церкви, хорошо зналъ церковный уставъ и изучалъ расколъ. Чрезъ него я познакомился съ Дементьемъ Васильевичемъ Пискаревымъ, съ Большаковымъ, съ Морозовымъ и другими раскольниками, торговавшими на ярмаркѣ старопечатными и старописьменными книгами и иконами. У нихъ бывало много раскольничьихъ рукописей; они скупали ихъ у приносившихъ и продавали въ Москвѣ раскольникамъ и М. П. Погодину. Покупать рукописи было не по моимъ средствамъ, но торговцы давали мнѣ ихъ на прочетъ. Я много читалъ, дѣлалъ выписки. Въ 1841 году пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ Погодинъ и познакомился со мною. Мы съ нимъ осматривали нижегородскія древности, ярмарку; онъ накупилъ книгъ для своего древлехранилища и просилъ меня, какъ постояннаго нижегородскаго жителя, присматривать для него на ярмаркѣ и въ городѣ у Головастикова, тоже торговца старыми книгами и иконами, «рѣдкостныя вещи». Года четыре я занимался этимъ дѣломъ и еще болѣе познакомился съ раскольническою литературою. Въ это время я узналъ и Головастикова, съ которымъ впослѣдствіи пришлось встрѣтиться въ совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ» [1]). Занимаясь изслѣдованіемъ состоянія раскола въ Ниже-

[1]) Въ «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губер-

городской губерніи, Мельниковъ замѣтилъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ расколъ сильно ослабѣвалъ или даже вовсе прекращался, если помѣщикъ послѣдовательно преслѣдовалъ его отдачею раскольниковъ въ рекруты. Поэтому Мельниковъ пришелъ къ тому выводу, что если бы повсюду, гдѣ живутъ вмѣстѣ съ православными раскольники, стали отдавать въ рекруты послѣднихъ, и притомъ начали бы очередь съ богатыхъ, то, по его мнѣнію, расколъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительно бы ослабѣлъ, такъ какъ фанатиковъ мало, а не фанатики обратились бы въ православіе. Понятно, что въ этомъ отношеніи наиболѣе затруднительнымъ дѣломъ было бы принятіе мѣръ къ отвращенію злоупотребленій, которыя непремѣнно были бы направлены въ пользу денежныхъ рас-

нін», П. И. Мельникова, составленномъ имъ по порученію министра внутреннихъ дѣлъ въ 1854 году, къ числу второстепенныхъ коноводовъ раскола въ этой губерніи былъ причисленъ и Алексѣй Семеновичъ Головастиковъ, нижегородскій третьей гильдіи купецъ, 55-ти лѣтъ, находившійся въ то время въ бѣгахъ. Въ этомъ отчетѣ Головастиковъ былъ очерченъ слѣдующимъ образомъ: «занимается торговлею старопечатными и старописьменными книгами и иконами и распространеніемъ между раскольниками сочиненій, направленныхъ противъ православія. Онъ разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ Россіи, скупалъ книги и письменные памятники нашей старины и продавалъ ихъ въ лавкѣ своей, на Нижнемъ Базарѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, торговалъ ими и на ярмаркѣ нижегородской. Онъ раскольникъ бѣглопоповской секты, но, поступивъ лѣтъ восемь тому назадъ на городскую службу, записался въ единовѣрцы, хотя на исповѣди и у причастія никогда не бывалъ. Онъ обладаетъ быстрымъ умомъ и рѣдкою памятью; знакомъ со старинною русскою литературою, а тѣмъ болѣе съ литературою раскольническою. Съ такими знаніями онъ проповѣдывалъ расколъ въ своей лавкѣ собиравшимся въ ней разнаго рода людямъ; особенно онъ занимался этимъ во время нижегородской ярмарки. Выбранный, по настоянію старшаго полиціймейстера Зенгбуша, въ ратманы нижегородской полиціи, Головастиковъ свелъ связи съ этимъ чиновникомъ и съ частнымъ приставомъ Коротковымъ, и, подъ покровительствомъ ихъ, открыто распространялъ изъ лавки своей книги и вещи, способствующія къ поддержанію раскола. Онъ завелъ у себя и складочное мѣсто воровскихъ вещей, но когда оно было открыто мѣстнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ и началось дѣло, то уголовная палата предписала посадить его въ тюрьму. Полиція дала ему знать объ этомъ и способствовала его побѣгу, въ которомъ онъ и находится съ мая 1853 года. Головастиковъ — раскольникъ не по убѣжденію, но руководитъ раскольниками изъ разсчетовъ корысти. Онъ знаетъ хорошо слѣдственную часть и гражданскіе законы, знакомъ и съ злоупотребленіемъ закона, извѣстнымъ подъ названіемъ крючкотворства. Всѣми этими знаніями онъ служитъ раскольникамъ. Случится ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, а особенно въ Заволжьѣ, дѣло по расколу, прикосновенные къ этому дѣлу идутъ совѣтоваться съ Головастиковымъ, который имъ даетъ наставленія: какъ показывать при допросахъ, что говорить на очныхъ ставкахъ, указываетъ на лицъ, посредствомъ которыхъ можно «обдѣлать дѣло», а также имѣетъ и наблюденіе за дѣлами, производящимися о раскольникахъ въ нижегородскихъ присутственныхъ мѣстахъ посредствомъ письмоводителя старшаго полиціймейстера. Раскольники не уважаютъ Головастикова, но онъ имъ человѣкъ нужный во всѣхъ отношеніяхъ и онъ руководитъ и поддерживаетъ расколъ разными своими противозаконными дѣйствіями. Торговлю книгами и иконами послѣ его бѣгства принялъ сынъ его Алексѣй».

кольниковъ. Эту мысль свою Мельниковъ высказалъ нижегородскому губернатору, князю Урусову, который послѣ сказалъ ему, что онъ помѣстилъ ее въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1853 годъ, и что императоръ Николай Павловичъ на томъ мѣстѣ, гдѣ эта мысль была изложена, собственноручно написалъ высочайшее повелѣніе: «сдѣлать объ этой мѣрѣ соображеніе».

Сверхъ того, Мельниковъ предложилъ и другую мѣру для прекращенія раскола, которую онъ считалъ едва ли не болѣе дѣйствительною, именно, отдачу въ кантонисты дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглыми попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію, словомъ, отъ «браковъ, неизвѣстныхъ правительству». Но и здѣсь необходимо было, по словамъ Мельникова, принять мѣры противъ примѣнителей закона, тѣмъ болѣе, что между раскольниками уже ходилъ въ то время (1854 г.) темный слухъ о намѣреніи правительства привести такую мѣру въ исполненіе. Слухъ этотъ распространился между раскольниками послѣ высочайшаго повелѣнія 10-го іюня 1850 года о порядкѣ записыванія въ девятую народную перепись женъ и дѣтей раскольниковъ безпоповщинскихъ сектъ. Установленный порядокъ, даже и безъ отдачи въ кантонисты дѣтей раскольниковъ безпоповщинскихъ, оказался бы впослѣдствіи самымъ тяжелымъ относительно рекрутскихъ наборовъ, ибо тогда семейства раскольниковъ, имѣющихъ замужнихъ дочерей, значительно увеличились бы, если бы были приписаны къ нимъ, подъ названіемъ незаконнорожденныхъ, всѣ дѣти ихъ дочерей: семейства эти не сходили бы съ рекрутской очереди. Раскольники Нижегородской губерніи, услышавъ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи, пришли въ ужасъ, сообразивъ будущія его послѣдствія, и многіе изъ нихъ хотѣли тотчасъ же обратиться въ церковь и обвѣнчаться. Но они достигли своей цѣли и безъ этого; они, какъ сказано Мельниковымъ въ отчетѣ о современномъ состояніи раскола, подкупили правителя канцеляріи губернатора, Сомова, который скрылъ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 20-го іюня 1850 г. за № 2808, до тѣхъ поръ, какъ ревизія была кончена. Оно 3-го ноября, т. е. чрезъ два дня по заключеніи народной переписи, было передано въ губернское правленіе, но не отъ лица начальника губерніи, который и не зналъ этого, а изъ канцеляріи. Губернское правленіе, въ которомъ въ это время правитель канцеляріи Сомовъ былъ уже совѣтникомъ, по журналу 6-го ноября, сдѣлало извѣстнымъ высочайшее повелѣніе, чрезъ пять почти мѣсяцевъ по его полученіи, и въ то время, когда его исполнить уже нельзя было. При повѣркѣ ревизіи, посланнымъ чиновникомъ подъ рукою г. Сомовымъ было приказано отнюдь не касаться этого вопроса. Когда же нижегородская городская дума донесла, что въ нижегородскомъ купечествѣ есть раскольники безпоповщинской

секты, совершающіе браки по своимъ обрядамъ, и что, за силою высочайшаго повелѣнія 10-го іюня 1850 года, дума, затрудняясь, какъ писать ихъ въ паспортахъ, испрашиваетъ разрѣшеніе губернскаго правленія, то, по вліянію вице-губернатора и совѣтника Сомова, по журналу 21-го декабря 1850 года, было постановлено, что думѣ не слѣдовало вовсе входить со своимъ представленіемъ. Такимъ образомъ, высочайшее повелѣніе, при подкупности чиновниковъ, было неисполнено и раскольники въ самомъ началѣ деньгами отразили отъ себя ударъ, который имъ готовился.

«Въ 1847 году, продолжаетъ Мельниковъ, я (оставивъ за годъ передъ тѣмъ гимназію) былъ приглашенъ на службу княземъ Михаиломъ Александровичемъ Урусовымъ, тогдашнимъ нижегородскимъ губернаторомъ, и получилъ, 8-го апрѣля этого года, мѣсто чиновника особыхъ порученій. О князѣ Урусовѣ надобно сказать нѣсколько словъ.

«Онъ былъ старшимъ сыномъ оберъ-каммергера, князя Александра Михайловича Урусова, который возвысился въ 1826 году, послѣ коронаціи императора Николая Павловича, и жилъ до смерти въ Москвѣ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ московскомъ великосвѣтскомъ обществѣ блистали двѣ дочери князя А. М. Урусова, обѣ красавицы. Марія была въ первомъ бракѣ за графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, а во второмъ, послѣ его смерти, за княземъ Горчаковымъ (свадьба ихъ была въ 1838 году), бывшимъ впослѣдствіи канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ. Другая дочь, Софья, обратила на себя вниманіе императора Николая Павловича и была вслѣдствіе того виновницею возвышенія Урусовыхъ, до того времени не игравшихъ важной роли. Она вышла замужъ за князя Льва Радзивилла, наслѣдовавшаго отъ предковъ страсть къ медвѣжьей охотѣ, удальству и балагурству, но не наслѣдовавшему сочувствія къ полякамъ, своимъ соотечественникамъ. Братья княгини Радзивилъ, воспитывавшіеся въ пажескомъ корпусѣ, сдѣлали карьеру. Старшій, Михаилъ, сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ и впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ; второй, Павелъ, пошелъ тѣмъ же путемъ и былъ генералъ-адъютантомъ, прочіе также. Они были небогаты, но женились, какъ говорится, счастливо: Михаилъ на дѣвицѣ Энгельгардъ, Павелъ на дочери министра народнаго просвѣщенія, графини Уваровой, Петръ на Сипягиной (племянницѣ генералъ-адъютанта Бибикова, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ), всѣ трое на богатыхъ наслѣдницахъ. Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, возвращаясь откуда-то изъ губерніи, съ рекрутскаго набора, жилъ у отца, въ Москвѣ, которая, какъ извѣстно, славилась калачами, колоколами и невѣстами. «Что вы не женитесь, князь?» говорятъ красивому, статному флигель-адъютанту его знакомые.

— И радъ бы жениться, да не на комъ, отвѣчалъ Урусовъ.

— Да вотъ невѣста, племянница смоленскаго помѣщика Бѣлкина, mademoiselle Энгельгардъ. У дяди ея дѣтей нѣтъ, за то четыре тысячи душъ; племянницу Бѣлкины любятъ какъ дочь; она воспитывалась у нихъ съ малолѣтства, крещена даже у нихъ въ домѣ, а не у отца, богатаго дѣтьми, но не имѣніемъ. Все бѣлкинское имѣніе пойдетъ къ Екатеринѣ Петровнѣ Энгельгардъ.

«Князь М. А. Урусовъ былъ человѣкъ практическій, а Бѣлкинъ во всякомъ флигель-адъютантѣ видѣлъ полубога. Чрезъ недѣлю сыграли свадьбу. Екатерину Петровну не спрашивали; она была слишкомъ молода и могла отказаться «отъ счастья» быть женою флигель-адъютанта и княгинею. Она, восемнадцатилѣтняя дѣвица, назвала красиваго жениха «солдатомъ» и со слезами обвѣнчалась. Свѣтская дѣвушка назвала флигель-адъютанта «солдатомъ» въ 1840 году. Явленіе довольно рѣдкое. Екатерина Петровна имѣла всѣ задатки, чтобы сдѣлаться замѣчательною женщиною, но пустота свѣтской женщины и затѣмъ пустота провинціальная, скука, безлюдье въ Нижнемъ убили эти задатки. Но если этимъ запискамъ суждено дойти до тѣхъ людей, которые послѣ насъ будутъ жить, пусть не умретъ свидѣтельство современника, четыре года бывшаго близкимъ человѣкомъ къ Урусовымъ, ежедневнаго ихъ гостя, знавшаго до мельчайшихъ подробностей домашній и общественный бытъ ихъ: ее оклеветали въ Нижнемъ, а съ нижегородской клеветы и въ Петербургѣ».

По должности чиновника особыхъ порученій при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, Мельникову пришлось совершать безпрерывно поѣздки по губерніи. Какъ изучавшему расколъ, ему поручались, предпочтительно передъ другими, дѣла, имѣвшія съ нимъ соприкосновеніе. Въ первомъ же году своего состоянія при князѣ Урусовѣ, Мельниковъ отличился выполненіемъ очень труднаго, но еще болѣе щекотливаго, порученія. Въ 1847 году, холера появилась на окраинахъ Россіи, между прочимъ и въ Астрахани. При общей тревогѣ, необходимо было предупреждать появленіе эпидеміи на нижегородской ярмаркѣ, которая могла разстроиться въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Въ этомъ году, вслѣдствіе предшествовавшаго неурожая въ западной Европѣ, особенно въ Ирландіи, изъ Россіи вывезено было заграницу огромное, небывалое еще, количество хлѣбнаго товара. Въ Рыбинскѣ Волга въ іюнѣ покрыта была сплошными рядами судовъ всякой конструкціи на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Посреди этого многотысячнаго каравана съ хлѣбомъ оставленъ былъ узкій проходъ для двухъ встрѣчныхъ судовъ, которыя съ трудомъ проходили въ этомъ мѣстѣ рѣку. Мнѣ самому пришлось въ іюнѣ съ большимъ затрудненіемъ проплыть сквозь этотъ караванъ на тихвинкѣ. Въ виду появленія въ Астрахани холеры, высочайше повелѣно было осматривать всѣхъ людей и всѣ суда, направлявшіяся вверхъ по Волгѣ на нижегородскую яр-

марку, но производить подобный осмотръ на столько тайно, чтобы не произвести тревоги отъ холеры въ ярмаркѣ. Этотъ секретный карантинъ порученъ былъ П. И. Мельникову. Въ послужномъ его спискѣ сказано, что онъ, «съ 1 августа по 15-е сентября, осмотрѣвъ до 2,500 судовъ, шедшихъ изъ низовыхъ губерній къ Нижнему-Новгороду, не подалъ повода заключить о цѣли осмотра, которая могла бы нарушить спокойствіе на нижегородской ярмаркѣ». Мельниковъ провелъ по этому случаю болѣе мѣсяца съ бурлаками, переходя съ одного судна на другое, у Печерской брандвахты на Волгѣ, подъ Нижнимъ Новгородомъ.

Въ продолженіе трехлѣтней службы своей чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, Мельниковъ, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, исполнилъ, по предписаніямъ губернскаго начальства, 87 порученій, большею частію секретныхъ (т. е. раскольничьихъ), изъ которыхъ, сверхъ осмотра судовъ въ 1847 году, важнѣйшими были: произведеніе слѣдствія о раскольническомъ инокѣ Варлаамѣ, оказавшимся крестьяниномъ Калужской губерніи, бѣжавшимъ въ 1813 году; произведеніе слѣдствія о пожарѣ въ городѣ Семеновѣ, бывшемъ въ 1847 году; произведеніе изслѣдованія о безпорядкахъ, бывшихъ въ церкви села Пуреха, при выносѣ изъ нея чудотворнаго животворящаго креста; составленіе подробнаго описанія раскольническихъ скитовъ Нижегородской губерніи; открытіе въ часовнѣ Городца колоколовъ, которые отыскивались съ 1826 года; произведеніе слѣдствія объ открытыхъ безпорядкахъ въ раскольническомъ Керженскомъ скитѣ; обращеніе къ единовѣрію путемъ убѣжденія Керженскаго и Осиновскаго раскольничьихъ скитовъ; произведеніе слѣдствія объ оглашеніи раскольниками бывшей въ Шарпанской деревнѣ иконы Казанской Богородицы; командировка въ Сергачскій уѣздъ, по случаю появленія тамъ раскола, раскрытіе существованія тамъ ереси, начальникъ которой обратился къ единовѣрію, вслѣдствіе увѣщаній Мельникова.

Можетъ быть, я ошибаюсь въ своемъ предположеніи, но обращеніе къ единовѣрію поповцовъ вызвано было слѣдующими обстоятельствами: у керженскаго раскольничьяго монаха Тарасія впослѣдствіи игуменъ Керженскаго единовѣрческаго монастыря, скончавшійся, 89 лѣтъ, 10 августа 1876 г.) украли пудъ меду. Семеновскій исправникъ, дѣлая обыскъ у подозрѣваемаго въ томъ крестьянина Арефья Иванова, превысилъ свою власть. Ивановъ, жалуясь на это губернатору, объявилъ, что въ Керженскомъ скитѣ производятся разные безпорядки. Дознаніе поручено было П. И. Мельникову. При произведенномъ имъ въ 1848 году обыскѣ Керженскаго скита, имъ найдены были разныя запрещенныя раскольникамъ вещи и писанный рукою монаха Діонисія (Дмитрія Рахманова), подложный высочайшій указъ за подписаніемъ будто бы государя императора о свободѣ раскольническаго богослуженія

всѣхъ толковъ и сектъ. Изъ этого подложнаго [1]) указа можно видѣть, что Діонисій мало былъ образованъ и не зналъ формъ государственныхъ постановленій; указъ начинался: «По указу его императорскаго величества» и т. д., а въ концѣ сказано: «на подлинномъ написано тако: Николай, министръ Волконскій, министръ финансовъ, синодальный оберъ-прокуроръ». Впрочемъ, быть можетъ, такая безсмысленная форма сильнѣе увѣряла въ истинѣ подложнаго указа легковѣрныхъ раскольниковъ.

Рахмановъ былъ братъ извѣстныхъ въ то время коноводовъ рогожскаго согласія, Алексѣя Андреевича [2]) и Ѳедора Андреевича Рахмановыхъ, хлѣбныхъ торговцевъ, однихъ изъ первѣйшихъ московскихъ богачей. Третій братъ, Дмитрій, въ монашествѣ Діонисій, жилъ преимущественно въ Керженскомъ скитѣ, Семеновскаго уѣзда. Рахмановы принадлежали къ числу тѣхъ, которые рѣшились искать архіерейства. Они съ самаго начала Бѣлой Криницы изъявили желаніе имѣть особаго для Россіи епископа. Говорятъ, они думали, соединивъ всю русскую поповщину подъ духовное главенство Амвросія, назвать его «митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи», а подначальнаго ему епископа, который жилъ бы въ Москвѣ, именовать архіепископомъ московскимъ. Разсказываютъ, будто бы личные разсчеты Рахмановыхъ побуждали ихъ къ этимъ затѣямъ: имъ хотѣлось имѣть епископа, принадлежащаго къ ихъ семьѣ, чтобы посредствомъ его управлять всею поповщиною, обитающею въ Россіи. По этимъ разсчетамъ Діонисій и долженъ былъ получить омофоръ отъ Амвросія. Мельниковъ, производя дознаніе въ Керженскомъ монастырѣ въ 1848 году, слышалъ, что Діонисій въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ подъ судомъ въ Костромской губерніи за пропоганду по расколу, и чтобы избавиться отъ наказанія далъ подписку объ обращеніи къ единовѣрію, но, получивъ свободу, тотчасъ же впалъ опять въ расколъ, снова поселился въ Керженскомъ скиту и поддерживалъ связи нижегородскаго Заволжья съ Рогожскимъ кладбищемъ. Милліонеръ Діонисій высоко стоялъ въ глазахъ нижегородскихъ раскольниковъ и по своему огромному богатству, и по своему фанатизму въ расколѣ. Возвращаясь изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Москву, Діонисій разсказывалъ легковѣрнымъ раскольникамъ, жившимъ въ керженской глуши, будто бы онъ, или братъ его Алексѣй, имѣли счастіе разговаривать въ Москвѣ съ государемъ императоромъ или съ государемъ

---

[1]) Въ сентябрѣ 1884 года, одинъ поповецъ въ нижегородскомъ Заволжьѣ, человѣкъ уважаемый въ своей средѣ, начитанный и очень развитой, увѣрялъ меня, что этотъ указъ не подложный, вопреки удостовѣренію П. И. Мельникова. Такое убѣжденіе, повидимому, до нынѣ сохранилось въ средѣ поповцовъ.

[2]) Въ тѣ годы говорили, что онъ оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ отказалъ 1.400,000 р. на разныя благотворенія, а душеприказчикамъ словесно объявилъ свою волю, чтобы эти деньги были отправлены въ Бѣлую Криницу.

наслѣдникомъ цесаревичемъ и слышали будто отъ нихъ, что всѣ стѣсненія свободы раскольниковъ по богослуженію происходятъ безъ вѣдома императорской власти. Кончилось это тѣмъ, что Діонисій сталъ писать [1]) подложные указы, за подписью будто бы государя императора о свободѣ раскольническаго богослуженія. Съ 1847 года Діонисій жилъ большею частію въ Москвѣ, пріѣзжая, впрочемъ и на Керженецъ и, вѣроятно, привозя сюда для сохраненія принадлежности будущаго своего архіерейскаго служенія. При обыскѣ, произведенномъ Мельниковымъ въ Керженскомъ скитѣ, въ іюлѣ 1848 года, были имъ найдены, между прочимъ, архіерейскія рипиды, посеребренныя, съ вызолоченными херувимами, совершенно новыя.

Открытіе Мельниковымъ подложнаго указа вызвало слѣдствіе, стали требовать къ нему Діонисія, который по этому случаю не только не могъ получить заграничнаго паспорта, для поѣздки въ Бѣлую Криницу за омофоромъ, но и самъ долженъ былъ отъ поисковъ полиціи уѣхать изъ Москвы въ Рыбинскъ, а когда слѣдователь узналъ объ этомъ его мѣстопребываніи и, снявъ чрезъ рыбинскую полицію съ него допросъ, потребовалъ его въ Нижегородскую губернію для очныхъ ставокъ, то Діонисій скрылся отъ поисковъ полиціи. Съ 1849 года [2]) онъ скрывался въ Москвѣ, въ какихъ то особыхъ помѣщеніяхъ у своихъ братьевъ, купцовъ Рахмановыхъ [3]).

Подложный указъ Діонисія грозилъ карою всѣмъ монахамъ Керженскаго раскольничьяго монастыря, а потому весьма возможно, что это обстоятельство усилило убѣжденія Мельникова и скитники перешли въ единовѣріе, чтобы избѣжать уголовщины, тѣмъ болѣе, что и покровитель ихъ Діонисій скрылся.

Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, обратилъ вниманіе на подобную разнообразную, неутомимую дѣятельность провинціальнаго чиновника и 19 мая 1850 года, безъ просьбы Мельникова, причислилъ его къ своему министерству, оставивъ его при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ до окончанія начатыхъ имъ статистическихъ работъ по городамъ Нижегородской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что на Мельникова указалъ графу Перовскому Владиміръ Ивановичъ Даль, бывшій прежде начальникомъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и пользовавшійся его довѣріемъ. Въ 1849 году, Даль поселился въ Нижнемъ Новгородѣ,

---

[1]) Тотъ же поповецъ удостовѣрялъ меня, что Діонисій не могъ «писать этихъ указовъ, потому что онъ вообще не занимался письменнымъ дѣломъ».

[2]) Во время венгерской кампаніи 1849 года, въ разныхъ мѣстахъ Россіи ходили между старообрядцами толки, будто бы война происходитъ за лже-митрополита, котораго Австрія не выдаетъ Россіи. Когда военныя дѣйствія въ 1849 году происходили невдалекѣ отъ Бѣлой Криницы, то главные старообрядцы въ Россіи сильно опасались, чтобы ихъ іерархія не была уничтожена въ самомъ своемъ началѣ.

[3]) Онъ скрылся наконецъ въ Черниговскую губернію, гдѣ и скончался.

по должности управляющаго тамошнею удѣльною конторою и вскорѣ до того сблизился съ Мельниковымъ, что послѣдній все свое свободное время проводилъ въ семействѣ казака Луганскаго, уже тогда славившагося своимъ знаніемъ русскаго народа и его быта.

Мельниковъ 1850 и 1851 годы оставался въ Нижнемъ Новгородѣ, исполняя разныя порученія своего министерства и между прочимъ изслѣдуя городское хозяйство въ разныхъ городахъ Нижегородской губерніи. Въ августѣ 1850 года, во время пребыванія въ Нижнемъ Новгородѣ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, онъ назначенъ былъ состоять при ихъ императорскихъ высочествахъ, для объясненій мѣстныхъ достопримѣчательностей, какъ знатокъ ихъ. Мельниковъ поднесъ имъ свои и др. сочиненія: «Нижегородская ярмарка», «Балахна», и собственноручную рукопись Гермогена, патріарха московскаго, о явленіи иконы Богородицы въ Казани, за что удостоился получить отъ ихъ высочествъ бриліантовый перстень.

Въ 1852 году, Мельниковъ явился въ Петербургъ. Онъ уже былъ однажды въ обѣихъ столицахъ, въ 1845 году, осенью, когда бралъ для того двухмѣсячный отпускъ, во время котораго увеличилъ свои литературныя связи и знакомства. Въ 1852 году, онъ явился къ мѣсту своего новаго служенія, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ сохранившихся его письмахъ изъ Петербурга этого времени заключается много характерныхъ особенностей, по отношенію, къ Мельникову, и къ тогдашнимъ административнымъ порядкамъ. Вотъ что онъ писалъ, отъ 23-го марта 1852 года: «Въ среду, 19-го марта, представлялся я министру внутреннихъ дѣлъ, потому что наконецъ ему сказали обо мнѣ. Позвалъ меня въ свой кабинетъ и говорилъ съ полчаса. Скажу вамъ одно: собираясь въ Петербургъ, думалъ я не разъ о представленіи графу Перовскому, но, признаюсь вамъ, въ самыхъ пылкихъ мечтахъ не предполагалъ я такого лестнаго пріема, какой былъ мнѣ оказанъ. Что изъ этого вышло, узнаете современемъ. Теперь же скажу только одно: я возвращаюсь, по «особому приказанію» министра въ Нижегородскую губернію и, кончивъ «особое» дѣло, по которому онъ почтилъ меня своею довѣренностію, возвращаюсь къ новому 1853 году въ Петербургъ навсегда. Ревизующимъ же городское хозяйство въ Нижегородской губерніи назначается другой; кажется будетъ Толстой, не графъ Дмитрій Николаевичъ, а его родственникъ, Николай Васильевичъ. Я жѣ буду чиновникомъ департамента иностранныхъ исповѣданій, и въ 1853 году придется жить либо въ Ригѣ, либо въ Одессѣ. Цѣль же моего возвращенія въ Нижній такова, что узнають объ ней послѣ моего отъѣзда и тогда, можетъ быть, скоро еще не поймутъ. Приготовляется на Нижній туча. Крѣпись князь Урусовъ! Невѣрное пока извѣстіе, а едва ли не мнѣ же и ярмарку поручатъ вмѣсто Старикова. Предписаніе описать положеніе ярмарки я уже получилъ».

Отъ 29-го марта, Мельниковъ писалъ: «Здѣсь удивляются, почему я отказываюсь отъ того, что мнѣ даютъ теперь же, и ѣду въ Нижній Новгородъ возиться съ княземъ Урусовымъ, Зенгбушами [1]) и т. п. Но еслибы я не видѣлъ въ Нижнемъ счастья, котораго никогда не доставятъ ни какія служебныя положенія, то было бы въ высшей степени неблагоразумно съ моей стороны возвращаться въ Нижній-Новгородъ, тѣмъ болѣе, что теперь здѣсь, находясь въ томъ обществѣ, къ которому я всегда стремился, я стряхнулъ съ себя грязь нижегородскую. Совѣстно мнѣ самаго себя, когда я вспомню, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ пріятелемъ князя Гагарина [2]), о которомъ и говорить то здѣсь неприлично, и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ усерднымъ посѣтителемъ нижегородскаго клуба и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Боковыми, Овсянниковыми, Шрейдерсами, Поповыми и проч. и проч., слывущими за умныхъ людей. Ну, право, совѣстно

---

[1]) Въ 1851 году, было предписано нижегородскому губернатору, одного подсудимаго скопца въ Лукояновскомъ уѣздѣ одѣть въ бабій сарафанъ и показать народу на базарѣ. Вмѣсто того, чтобы это исполнить подъ рукою такъ, чтобы никто не догадался, что на подобную мѣру послѣдовало высочайшее соизволеніе, мѣстное начальство облекло это исполненіе въ такія формы, которыя съ самаго начала не предвѣщали ничего добраго. Для того, чтобы одѣть скопца въ сарафанъ, командировали слишкомъ за двѣсти верстъ старшаго полиціймейстера Нижняго-Новгорода, Зенгбуша. Вся Нижегородская губернія въ то время болѣе или менѣе понимала значеніе старшаго полиціймейстера Зенгбуша, который, по своему неограниченному вліянію на губернатора, генералъ-лейтенанта князя Урусова, во многихъ отношеніяхъ, можно сказать, управлялъ всѣмъ краемъ. Командированіе такого чиновника, до тѣхъ поръ не выѣзжавшаго никуда изъ Нижняго-Новгорода, не могло не обратить тревожнаго вниманія покрайней мѣрѣ трехъ уѣздовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, тѣмъ болѣе, что тотчасъ же пошла молва, что ѣдетъ онъ по секретному высочайшему повелѣнію. Г. Зенгбушъ — нѣмецъ, лютеранинъ, не имѣлъ понятія о расколѣ и русскомъ народномъ бытѣ. Взявъ скопца изъ Лукояновскаго тюремнаго замка, онъ съ особенною торжественностью провезъ его 47 верстъ до заштатнаго города Починокъ, какъ будто въ Лукояновѣ не было базара. Мельниковъ, ревизуя городское хозяйство, былъ все это время въ сосѣднемъ городѣ Арзамасѣ «и слышалъ всеобщую народную молву, что полиціймейстеръ ѣдетъ казнить скопца. Зенгбушъ, нарядивъ скопца въ сарафанъ, хотѣлъ показать свое усердіе къ службѣ тѣмъ, что, какъ онъ выразился, кажется, даже въ рапортѣ своемъ» «пригласилъ народъ плевать скопцу въ глаза». Но на многолюдномъ базарѣ не было смѣха: смущенная толпа, вслѣдствіе распространившейся молвы о казни, ожидала появленія палача и висѣлицы. Кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ, и раскольники, и не раскольники смотрѣли на скопца, какъ на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно въ уѣздный городъ, то народное къ нему участіе выразилось въ необыкновенно щедромъ подаяніи ему калачами и деньгами. Скопчество и хлыстовщина отъ такой мѣры не только не уменьшились въ Лукояновскомъ уѣздѣ, но даже увеличились; чрезъ нѣсколько времени хлысты явились даже въ церковномъ клирѣ одного селенія Лукояновскаго уѣзда».

[2]) Извѣстный своими скандалами, нижегородскій помѣщикъ князь Левъ Гагаринъ, сосланный затѣмъ на житье въ Вологду.

за самаго себя! И вспомню Екатерину Львовну, какъ, бывало, разбранитъ она меня за клубныя похожденія, да прибавитъ: «хотя и жаль васъ, Павелъ Ивановичъ, а надобно васъ вонъ изъ Нижняго, въ другое общество». По возвращеніи въ Нижній, я думаю, вы меня не узнаете, тѣмъ болѣе, что мнѣ дано и оффиціально приличное наставленіе, какъ вести себя въ провинціи. Дѣйствительно, неприлично мнѣ возиться съ помянутыми господами. Это, какъ увидалъ я, можетъ повредить моей репутаціи здѣсь. Богъ и тутъ былъ ко мнѣ милостивъ: меня понимаютъ за человѣка солиднаго и положительнаго, которому можно поручить всякое дѣло. Слава Богу, здѣсь не знаютъ объ отношеніяхъ моихъ къ князю Гагарину и о клубныхъ похожденіяхъ, а то было бы дѣло дрянь. Согласитесь, что надобно же поддержать здѣшнюю репутацію, которой я дорожу столько же, сколько пренебрегаю сужденіями нижегородскими. Возвратясь въ Нижній-Новгородъ, рѣшительно разрываю всѣ мои связи съ Нижнимъ, кромѣ васъ и Даля съ Панютинымъ. Пусть зовутъ меня гордецомъ, пустымъ фанфарономъ, хвастуномъ, неучемъ, какъ угодно — для меня все равно. Надобно же поддержать составленное здѣсь мнѣніе, что полезно и для службы. А во мнѣ, повѣрьте, достанетъ на это силы воли. Рѣшеніе мое твердо».

Отъ 1-го мая: «Изъ Новгорода я возвратился по желѣзной дорогѣ утромъ 24-го апрѣля, и все это время, отъ пріѣзда въ Петербургъ до настоящаго дня, проведено мною въ такой служебной суетѣ, что другой на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, сошелъ бы съ ума. Не пускаютъ изъ Петербурга, да и все тутъ. «Сдѣлайте то, да напишите мнѣніе объ этомъ, дайте заключеніе о томъ». И это каждый день, и утромъ, и вечеромъ. Если еще недѣля пройдетъ въ такомъ положеніи — бѣгу изъ Петербурга; иначе не вырвешься. Правду говаривалъ мнѣ Владиміръ Ивановичъ Даль, что не слѣдуетъ быть слишкомъ усерднымъ; вижу теперь справедливость его словъ... Я честолюбивъ, но брошу въ грязь всевозможную почесть и славу; я гордъ, но готовъ поклониться негодяю, если бы отъ этого зависѣло наше соединеніе [1]). Слова мои искренныя, правду мою Богъ видитъ... Скажу одно: министръ [2]) меня приблизилъ къ себѣ. Остальное говорить подожду, потому что, хотя теперь и дѣлаются распоряженія объ измѣненіи моего положенія, но готовящееся мнѣ дѣло такъ неожиданно и такъ высоко, что мнѣ и самому не вѣрится, а совершенно повѣрю тогда лишь, какъ будетъ въ рукахъ предписаніе. Но отразятся въ Нижнемъ разговоры мои съ министромъ и отразятся добромъ... Между прочимъ, поручено мнѣ географическимъ обществомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) Письма эти посылались къ его тогдашней невѣстѣ, впослѣдствіи второй его женѣ.

[2]) Графъ Перовскій.

произвести изслѣдованіе о мордовскомъ населеніи въ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Самарской губерніяхъ».

Отъ 8-го мая: «Быть можетъ, до васъ дойдутъ слухи о томъ, что я арестованъ. Повѣсть «Красильниковы» имѣла сильный успѣхъ, но цензура, говорятъ, возопіяла и послала въ Москву узнать, кто такой «Печерскій» [1]... Если это справедливо, безъ непріятностей не обойдется: здѣсь то и дѣло литераторы на гауптвахтѣ сидятъ. Авось и пройдетъ! По поводу этой повѣсти Панаевъ въ «Современникѣ» превознесъ меня. И въ самомъ дѣлѣ, «Красильниковыхъ» читаютъ на расхватъ. Панаевъ задалъ мнѣ обѣдъ; вмѣсто 50 р. за листъ, которые даетъ Погодинъ, предлагаетъ 75 р. с. за листъ. Если не запретятъ писать, надобно будетъ воспользоваться этимъ выгоднымъ предложеніемъ» [2].

Отъ 16-го мая, изъ Петербурга: «Не буду писать вамъ о томъ, какъ меня преобразовали здѣсь съ внѣшней стороны, и по костюму, и даже по лицу, какъ изъ меня сдѣлали модную картинку (нельзя, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой не велѣлъ иначе и въ люди показываться),—лучше о дѣлѣ. Принятъ я здѣсь очень хорошо. Н. А. Милютинъ, съ которымъ мнѣ всего нужнѣе поладить, съ перваго свиданія въ Географическомъ Обществѣ, пригласилъ завтра обѣдать. Послѣ завтра обѣдаю у Н. И. Надеждина, тоже человѣка сильнаго въ министерствѣ. Товарищъ министра, Лексъ, принялъ меня чрезвычайно любезно. А Оржевскій, директоръ департамента полиціи исполнительной, принялъ такъ, что я и не ожидалъ. Съ перваго слова назвалъ меня «бѣглецомъ», сказалъ, что мнѣ готовились слѣдствія въ Арзамасѣ и въ Нижнемъ, что уже бумаги написаны и проч. и проч. Ѣдетъ на мое мѣсто Рожновъ, который, впередъ говорю, утопитъ полицію. Я получилъ приказаніе: одинъ часъ въ недѣлю являться къ Оржевскому, для доклада о городскихъ и земскихъ полиціяхъ. Причиною такого вниманія ко мнѣ Оржевскаго — дѣла, произведенныя мною по высочайшему повелѣнію [3]. Онъ меня очень благодарилъ за нихъ и при этомъ сказалъ: «Да какой вы молоденькій! А я думалъ, что у васъ уже внучата ростутъ». Директоръ департамента общихъ дѣлъ, Гвоздевъ

---

[1]) Псевдонимъ «Печерскій» употребленъ былъ впервые Мельниковымъ не въ 1852 году, подъ повѣстью «Красильниковы», появившейся въ «Москвитянинѣ», а въ 1850 году, подъ статьею «Концерты на нижегородскомъ театрѣ», напечатанной въ № 17 «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Только въ 1850 году онъ подписался «П. Печерскій», а въ 1852 году «Андрей Печерскій».

[2]) Можно кстати замѣтить, для исторіи гонорара въ нашей журналистикѣ, что редакторъ «Петербурскихъ Вѣдомостей», Амплій Николаевичъ Очкинъ, объявляя объ изданіи ихъ (бывшихъ въ то время еще не въ арендѣ у него), на 1841 годъ, упомянулъ, что редакція за переводы платитъ отъ 30 до 60 руб. асс. съ листа, а за оригинальныя статьи отъ 100 до 200 р. асс.

[3]) Т. е. порученія по раскольничьимъ дѣламъ.

(для меня, впрочемъ, не очень нужный), принялъ меня холодно и я слышалъ отъ него разные намеки на мои отношенія къ князю Урусову. Скрипицынъ, директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, меня очень обласкалъ и чрезъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго предлагаетъ мнѣ мѣсто у себя чиновникомъ особыхъ порученій, съ 1,500 р. с. жалованья, кромѣ суточныхъ во время командировокъ, что всего составитъ до 3,000 или 2,500 р. Житъ въ Петербургѣ, на виду у министра, дорога широкая, словомъ быть назначеннымъ на мѣсто племянника графа Д. Н. Толстаго, который 28 лѣтъ отъ роду попалъ въ вице-директоры, и хотя мѣсто его упразднили, но графъ Перовскій выпросилъ у государя возстановленіе этого мѣста. Вотъ какая дорога: изслѣдованіе и составленіе исторіи всѣхъ иновѣрцевъ въ Россіи, кромѣ католиковъ, которыхъ Толстой уже кончилъ. Дѣло бы очень хорошее, но ничего не скажу Скрипицыну. Жду вашего рѣшенія. Разумѣется, что при этомъ откладывать свадьбу на два года невозможно. Все, что могу я сдѣлать — возвратиться въ Нижній, засѣсть тамъ за работы, работать до ноября и, кончивъ въ это время одну нижегородскую думу, уѣхать совсѣмъ въ Петербургъ. Чрезъ два года придется быть въ Ригѣ, или въ Эчміадзинѣ, у армянскаго патріарха. Жду вашего рѣшенія».

22-го мая 1852 года, Мельниковъ назначенъ былъ начальствующимъ статистическою экспедиціею въ Нижегородской губерніи, независимо отъ другаго порученія, возложеннаго на него тамъ же министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это порученіе имѣло цѣлью сдѣлать самое вѣрное исчисленіе раскольниковъ. Получивъ это назначеніе, Мельниковъ писалъ изъ Петербурга, отъ 20-го мая: «О томъ, что мнѣ даны три помощника изъ министерскихъ чиновниковъ, что мой штатъ усиленъ, что мнѣ поручена ревизія ярмарки, полиціи со всѣми ея частями и отдѣленіями, равно и старшаго полицеймейстера и проч., о томъ, что мнѣ слѣдуетъ обозрѣть въ Нижнемъ лѣсную и соляную пристани и состояніе на нихъ рабочаго класса, о томъ, что я сдѣланъ начальствующимъ нижегородскою экспедиціею,—обо всемъ этомъ вы вѣроятно уже слышали, ибо бумаги отъ министровъ объ этомъ посланы, равно какъ и письмо нашего министра къ губернскому предводителю о томъ, что мнѣ же поручено исчисленіе дворянъ и помѣщичьихъ крестьянъ, равно какъ и различныя объ этомъ соображенія».

Мельниковъ, съ присущею ему ретивостью, принялся за статистическое описаніе Нижегородской губерніи, и дѣйствительно, по своей полнотѣ и отчетливости, оно вышло образцовымъ. До такихъ же работъ земства, подобнымъ подробнымъ образомъ описана была у насъ еще только Ярославская губернія. Помощниками его въ этой статистической работѣ были С. Н. Аксаковъ, Огородниковъ и Зайцевскій. Мельникову Нижегородская губернія была уже хорошо знакома по разъѣздамъ по ней, при исполненіи разнооб-

разныхъ порученій губернатора, между прочимъ по составленію инвентарей недвижимыхъ имуществъ, а также по возложенному на него, въ 1850 году, министромъ внутреннихъ дѣлъ подробному обозрѣнію городского хозяйства. На Мельникова возложено было въ послѣдней работѣ: 1) обревизовать дѣйствія городскихъ учрежденій и обнаружить существующій недостатокъ въ общественномъ и хозяйственномъ управленіи; 2) составить подробные инвентари городскихъ недвижимыхъ имуществъ; 3) составить статистическія описанія, долженствующія заключать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, какія необходимы для правильнаго сужденія объ источникахъ и развитіи общественнаго и частнаго богатства городовъ, а также о состояніи наружнаго и общественнаго ихъ устройства, и 4) на основаніи собранныхъ свѣдѣній, представить соображенія о лучшемъ устройствѣ какъ хозяйственныхъ, такъ и общественныхъ дѣлъ.

Статистическое описаніе Нижегородской губерніи заняло у Мельникова весь 1852 годъ. Онъ писалъ, напримѣръ, изъ Княгинина, отъ 23-го іюля: «Никакъ не предполагаю кончить объѣзда Княгининскаго уѣзда ранѣе 15-го августа. Торопился къ Аксакову, но въ Митинѣ его не нашелъ. Думая, что скоро онъ подъѣдетъ, легъ спать въ тарантасѣ, на улицѣ, но Аксаковъ пріѣхалъ не ранѣе трехъ часовъ утра. Воскресенье провели въ дорогѣ. Въ Арзамасѣ, въ трактирѣ, занимались вмѣстѣ съ Аксаковымъ приготовленіемъ трапезы, въ которой чувствовали сильную потребность, и оба нашли, что каждый изъ насъ имѣетъ способности къ поваренному искусству, такъ что если бы мы не были министерскими чиновниками, то непремѣнно призанялись бы изученіемъ науки приготовлять снѣдь смертнымъ и, почему знать, можетъ быть, прославились бы въ Россіи такъ же, какъ прославился во Франціи поваръ Каремъ [1])».

Между тѣмъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, впавшій временно въ немилость у императора Николая Павловича, былъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ, который, 16-го января 1853 г., предписалъ Мельникову: «съ полученіемъ сего, прекратить дальнѣйшія занятія ваши, относительно изслѣдованія настоящаго числа раскольниковъ, проживающихъ въ Нижегородской губерніи, представивъ мнѣ немедленно всѣ сдѣланныя вами доселѣ по сему предмету изысканія». Мельниковъ поспѣшилъ въ Петербургъ, и, отъ 26-го января, писалъ въ Нижній, что онъ «остался ревизующимъ

---

[1]) Мельниковъ былъ большой гастрономъ, умѣвшій не только заказывать вкусные обѣды, но и совѣтывать, какъ изготовлять то или другое кушанье. Въ его бумагахъ я нашелъ, напримѣръ, собственноручно написанные имъ рецепты для приготовленія соусовъ. Въ его романахъ «Въ Лѣсахъ» и «На горахъ», при описаніи имъ обѣдовъ, угощеній, разныхъ закусокъ, видно его умѣнье «вкусно покушать».

городское имущество по тремъ губерніямъ: Нижегородской, Казанской и Вятской». Но, 10-го іюня 1853 года, состоялось высочайшее повелѣніе о приведеніи въ точную извѣстность современнаго положенія раскола въ Нижегородской губерній, и Мельниковъ вызванъ былъ въ Петербургъ. О своемъ пребываніи въ столицѣ онъ сообщалъ своей женѣ слѣдующія свѣдѣнія: отъ 17-го іюля: «О дѣлахъ моихъ покамѣсть ничего не могу сказать рѣшительнаго, ибо еще не представлялся министру. Едва ли не буду у него завтра, въ субботу, 18-го іюля. Теперь лѣто, всѣ живутъ на дачахъ и потому чрезвычайно не легко видаться съ тѣми и другими знакомыми. Въ день моего пріѣзда я обѣдалъ у Ник. Ив. Надеждина [1]). Ты вѣдь знаешь, что онъ на меня сердился, но съ пяти словъ мы съ нимъ поладили по прежнему и теперь такъ же хороши, какъ и прежде. Съ Н. А. Милютинымъ видѣлся только два раза въ департаментѣ, хотя живу противъ того дома (на Владимірской), гдѣ его квартира, но онъ въ ней не бываетъ, потому что квартиру его передѣлываютъ; своей же дачи онъ не имѣетъ, а бываетъ на дачахъ, то у графа Киселева, то у великой княгини Елены Павловны. Стало быть, забираться къ нему уже мнѣ высоко; нашего брата туда и не пустятъ. Былъ сегодня у директора департамента общихъ дѣлъ, Гвоздева. Думалъ, что будетъ иначе, нежели вышло. Принялъ онъ меня очень скоро, поважничалъ и потомъ съ иронической улыбкой сказалъ:

— «Вы такъ скоро, такъ быстро работаете; вы такъ отчетливо все дѣлаете; вы такъ знакомы съ разнообразными предметами управленія; вы одинъ изъ первыхъ русскихъ статистиковъ, и мы въ правѣ были ожидать вашихъ работъ скорѣе».

«На эти слова, съ усмѣшкою сказанныя, я отвѣчалъ, что я дѣйствительно сдѣлалъ въ началѣ ошибку, начавъ дѣло въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ. На это онъ, прервавъ меня, сказалъ: «да, вы сдѣлали много ошибокъ, которыя, впрочемъ, можетъ быть, и не будутъ имѣть на васъ вліянія. Прощайте! Вамъ должно явиться къ министру». Затѣмъ онъ поклонился и ушелъ.

«И самъ не знаю, что это значитъ. То ли, что ему досадно, что ему не удалось свернуть меня прошлою зимою (а по милости его министръ два раза велѣлъ меня выгнать изъ службы), то ли, что онъ еще успѣетъ что нибудь впередъ мнѣ натворить,—не знаю. Все разъяснится по свиданіи съ министромъ, который, какъ говорятъ Н. А. Милютинъ и Н. И. Надеждинъ, ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Первый изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Новому министру наговорили объ васъ такъ много дурнаго и такъ много хорошаго [2]),

---

[1]) Въ то время всѣ раскольническія дѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточены были въ рукахъ Н. И. Надеждина.

[2]) Такова была участь П. И. Мельникова и ранѣе, когда онъ дѣйствовалъ

что онъ не можетъ не интересоваться вашею личностью». Вообще говорятъ, что я не возвращусь въ Нижній, что меня здѣсь прочатъ куда то. Но куда—не знаю и никто не знаетъ. Милютина спросить неловко на первыхъ порахъ. Думаю, что при представленіи министру и это дѣло разъяснится. Хотя мнѣ и дано порученіе въ Нижегородскую губернію новое, но съ предписаніемъ я разъѣхался. Въ чемъ состоитъ это порученіе, тоже не знаю; тоже думаю, что разъяснится при представленіи министру. Вообще я еще какъ въ лѣсу, но, повидимому, все будетъ недурно.

«Сейчасъ возвратился отъ Н. А. Милютина. Онъ докладывалъ обо мнѣ министру. Министръ приказалъ мнѣ завтра, въ 11 часовъ утра, быть у него, но Милютинъ говоритъ, что едва ли министръ не уѣдетъ завтра въ Петергофъ къ государю, потому, вѣроятно, завтра по пустякамъ прокачусь въ мундирѣ на Аптекарскій островъ, гдѣ дача министра, а попаду къ нему уже въ воскресенье».

Отъ 19-го іюля: «Вчера былъ у министра, но онъ былъ у государя въ Петергофѣ. Сегодня опять ѣздилъ къ нему. У него никого не было. Пришлось подождать, ибо онъ завтракалъ. Наконецъ министръ вышелъ (обо мнѣ доложили) и въ то время, какъ я говорилъ: «имѣю честь представиться», генералъ-адъютантъ Бибиковъ подошелъ ко мнѣ, положилъ мнѣ на плечо руку и сказалъ: «Здравствуйте! Наконецъ, вы пріѣхали. На первый разъ я вамъ скажу, что нынѣшній день мы съ вами о дѣлахъ говорить не будемъ. Поѣзжайте къ такому то (одинъ важный государственный человѣкъ); переговорите съ нимъ о томъ то, и потомъ мы съ вами потолкуемъ. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра или послѣ завтра. О дѣлахъ экспедиціи и другихъ поговоримъ, когда возвратитесь опять въ Петербургъ. До свиданія!» Слава Богу! министръ очень и очень хорошъ со мною. Завтра я ѣду къ графу Л. А. Перовскому, который опять въ большой силѣ при дворѣ. Въ прошломъ году я пріѣхалъ въ Петербургъ 14-го марта и представлялся министру 19-го іюля. Совершенно одинаковый пріемъ. Поневолѣ будешь суевѣренъ».

Отъ 24-го іюля: «Чрезвычайно непріятно, что я, кажется, отхожу отъ Ник. Ал. Милютина, ибо отъ самаго министра получилъ порученіе. Это очень разстраиваетъ меня».

Исполненіе высочайшаго повелѣнія объ опредѣленіи современнаго положенія раскола въ Нижегородской губерніи возложено было тогда на П. И. Мельникова. Ему поручено было собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) Сколько теперь въ Нижегородской губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метри-

---

только въ Нижнемъ-Новгородѣ, и впослѣдствіи: одни его порицали, во чтобы то ни стало, часто безъ всякихъ доказательствъ, нѣкоторые же, въ свою очередь, превозносили его безъ всякой мѣры.

ческія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію только этими книгами, то нужно обратить особое вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей, не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто именно. 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по сколько именно въ какомъ городѣ, селѣ, и выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи, съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники Нижегородской губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ Нижегородской губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ; извѣстно ли, гдѣ они находятся, снабжены ли они законными видами и состоятъ ли со своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ Нижегородскую губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ? 5) Скиты и другія незаконныя раскольническія сборища начало свое возъимѣли въ Заонежскомъ краѣ, въ Нижегородской губерніи и въ сопредѣльныхъ съ послѣднею. Скиты эти въ прежнее время были разсадникомъ и училищемъ раскола. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ упразднились, и въ настоящее время въ Нижегородской губерніи дѣлаются распоряженія о закрытіи нѣкоторыхъ скитовъ. Вамъ поручается негласно собрать свѣдѣнія о томъ, какое дѣйствіе по сему предмету происходитъ. Затѣмъ объ оставшихся отъ прежняго времени скитахъ и другихъ раскольническихъ сборищахъ нужно имѣть свѣдѣнія: въ какихъ находятся они мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ на географической картѣ; чѣмъ они въ настоящее время поддерживаются и содержатся; сколько въ нихъ людей проживаетъ и кто именно эти люди: къ какимъ они принадлежатъ сословіямъ и мѣстамъ, давно ли тамъ находятся и имѣютъ ли узаконенные виды для проживанія. О скитахъ упразднившихся, или упраздненныхъ, слѣдуетъ объяснить, чѣмъ теперь заняты и въ какомъ положеніи находятся мѣста, на которыхъ они существовали. 6) Не составилось ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, по отдаленнымъ мѣстамъ, новыхъ скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, правительству еще неизвѣстныхъ, и если такіе составились, то гдѣ, когда, въ какомъ числѣ людей и кто эти люди. 7) До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло, что въ Нижегородскую губернію перешли важные, подъ видомъ сектаторовъ, преступники, именующіе себя бѣгунами и скитальщиками. Вамъ поручается обратить особенное вниманіе на это обстоятельство и тщательнѣйшимъ образомъ дознать, кто эти люди, гдѣ они скрываются, кто укрыватели ихъ и т. п. 8) Въ какомъ нравствен-

номъ состояніи находятся раскольники Нижегородской губерніи по образу жизни, по занятіямъ и понятіямъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими тамошними жителями и чѣмъ отличаются; распространяется ли между ними грамотность; грамотные у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ и т. п. 9) На какія секты раздѣляются теперь раскольники Нижегородской губерніи; лжеученіе извѣстныхъ раскольническихъ сектъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде, или съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками и какими именно, и не образовались ли между ними новые скиты и какіе. Въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи? Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ Нижегородской губерніи: какіе между ними ходятъ толки; въ чемъ состоятъ ихъ надежды; съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ; какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей; чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ и нѣтъ ли въ немъ какихъ либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ которыхъ можно было бы воспользоваться. 10) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, чтобы обнаружить самый скелетъ раскола, т. е., вопервыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ быть въ иныхъ мѣстахъ по недостатку самыхъ храмовъ; вовторыхъ, руководителей раскола по фанатизму и, втретьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ видовъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія, относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній вашихъ о каждомъ: какимъ образомъ слѣдовало бы поступать съ ними, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ. 11) Такъ какъ вы должны находиться въ Нижнемъ-Новгородѣ во время тамошней ярмарки, на которую съѣзжаются торговцы изъ числа раскольниковъ со всѣхъ мѣстъ Россіи, то, пользуясь такою общею встрѣчею ихъ, обратите на оную особенное вниманіе, дабы дознать, что есть общаго въ духѣ и направленіи ихъ, чѣмъ именно содѣйствуютъ они взаимно одни другимъ; какія вещи, книги, рукописи и все, служащее къ поддержанію раскола, на ярмаркѣ продается и передается; какія у нихъ общія надежды и толки, въ особенности о лжеепископахъ, гдѣ они теперь находятся и кто они, и чрезъ что могутъ быть открыты и средства поймать этихъ лже-

епископовъ. Книги и рукописи, особенно замѣчательныя, постарайтесь пріобрѣсти, а продажу ихъ затруднить. При исполненіи этого порученія, сказано было въ концѣ предписанія, «вы должны дѣйствовать со всевозможною осторожностію, не обнаруживая ни предъ кѣмъ настоящей инструкціи и не подавая никакого повода раскольникамъ къ заключенію и разглашенію, что имъ готовятся будто бы стѣсненія по вѣрѣ и т. п. Дѣйствія же ваши можете объяснить порученіемъ начальства привести въ точную извѣстность всѣ мѣстности и составъ жителей Нижегородской губерніи, въ видахъ содѣйствія къ развитію промышленныхъ силъ и для наблюденія за точнымъ исполненіемъ государственныхъ постановленій».

VII.

Различныя порученія по раскольничьимъ дѣламъ. — Столкновеніе съ Головастиковымъ.

Получивъ предписаніе отправиться въ Нижегородскую губернію, для исполненія означеннаго порученія по расколу, «лично возложеннаго на него министромъ внутреннихъ дѣлъ», Мельниковъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ іюля 1853 года. Вся вторая половина этого года, равно и весь 1854 годъ, посвящены были имъ составленію его объемистаго «Отчета о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи». Мельниковъ представлялъ свой трудъ министру по частямъ, по мѣрѣ изготовленія, и окончилъ его только въ исходѣ 1854 года. Вышелъ собственно не отчетъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи, а точная, вѣрная картина его во всей Россіи. Жаль, что этотъ отчетъ до сихъ поръ вполнѣ не напечатанъ. Разошедшись въ спискахъ по рукамъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, отчетъ Мельникова далъ первый толчекъ къ изученію раскола въ связи съ бытовыми условіями и явленіями русскаго народа. Одновременно съ отправкою Мельникова въ Нижегородскую губернію для изученія раскола, посланы были съ тою же цѣлью другія лица въ губерніи Ярославскую, Костромскую, Саратовскую. Это была первая попытка со стороны правительства основательнымъ образомъ ознакомиться съ расколомъ. Хотя, напримѣръ, графъ Стенбокъ (впослѣдствіи предсѣдатель департамента удѣловъ, гофмейстеръ), бывшій въ числѣ этихъ изслѣдователей, и составилъ превосходное описаніе «странниковъ или бѣгуновъ, иначе Сопѣлковское согласіе» (оставшееся въ рукописи), однако трудъ Мельникова оказался несравненно выше остальныхъ отчетовъ, вслѣдствіе глубокаго зна-

комства его съ расколомъ, добытаго предшествовавшимъ его изученіемъ. Мельниковъ неоднократно выражалъ сожалѣніе, что труды экспедицій по изученію раскола не были обнародованы, и въ своихъ «Письмахъ о расколѣ» (1862 г.) осторожно замѣтилъ, что этими отчетами «по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ воспользовались г. Щаповъ и редакторъ «Православнаго Собесѣдника».

Командировка Мельникова въ Нижегородскую губернію съ подобнымъ порученіемъ, считавшимся въ то время «очень секретнымъ» и долженствовавшимъ повести къ раскрытію потакательствъ раскольникамъ со стороны тамошней полиціи, не могла быть пріятна ни ей, ни ея главному начальнику, губернатору князю Урусову. Между командированнымъ министромъ чиновникомъ и полицейскими властями начались неизбѣжныя столкновенія, вскорѣ послѣ приступа его къ порученному имъ дѣлу. На жалобы Мельникова министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Бибиковъ, 6-го октября 1853 года, написалъ ему: «вы должны дѣйствовать по точной силѣ возложеннаго на васъ порученія, не останавливаясь неудовлетворительными дѣйствіями нижегородской полиціи и предупреждая оныя непосредственными представленіями исправляющему должность начальника губерніи». Между тѣмъ, сверхъ главнаго порученія, отчета о современномъ положеніи раскола, генералъ-адъютантъ Бибиковъ обращался къ нему и по другимъ, возникавшимъ въ это время дѣламъ по расколу: или чтобы онъ представилъ ему «свои соображенія», напримѣръ, о раскольникѣ, удѣльномъ крестьянинѣ Семенѣ Антоновѣ Голубевѣ, арестованномъ въ Костромской губерніи, подъ именемъ монаха Софронія (въ Костромѣ крестьяне-раскольники встрѣтили его съ открытыми головами и низкими поклонами), или чтобы онъ собралъ ему свѣдѣнія о крестьянинѣ Өедорѣ Анисимовѣ (Семеновскаго уѣзда), арестованнаго въ Хвалынскѣ и признаннаго графомъ Стенбокомъ, дѣйствовавшимъ въ Саратовской губерніи, за наставника семеновскихъ скитовъ и даже за бѣглаго священника, и проч. и проч.

Одно изъ подобныхъ особенныхъ порученій коснулось книгопродавца Головастикова, признаннаго «вреднымъ распространителемъ раскола». Головастиковъ былъ хорошо знакомъ Мельникову. Послѣдній былъ постояннымъ посѣтителемъ этого книжника-антикварія и не разъ пользовался попадавшими къ нему со всѣхъ сторонъ рѣдкими и драгоцѣнными остатками нашей старины. Такъ, въ 1842 году, на нижегородской ярмаркѣ, Мельниковъ нашелъ въ лавкѣ Головастикова хронографъ XVII столѣтія, писанный въ Нижнемъ-Новгородѣ, по которому составилъ статью: «Нижній-Новгородъ и нижегородцы въ смутное время» [1]. Въ 1850 году, у того же Голо-

[1]) Въ № 7 «Отечественныхъ Записокъ» 1843 г.

вастикова на ярмаркѣ онъ отыскалъ другой хронографъ XVII столѣтія, который далъ ему «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени» [1]). Вообще безграничная преданность раскольниковъ ко всему, что носитъ на себѣ признакъ старины, принесла весьма важную услугу отечественной наукѣ сохраненіемъ памятниковъ нашей древности. Когда въ XVIII столѣтіи русскіе, при сильномъ порывѣ къ европейскому преобразованію, насмѣшливо смотрѣли на завѣтныя наслѣдія предковъ и губили ихъ, — раскольники собирали и сохраняли старинные памятники. Когда же возродилось въ насъ сочувствіе къ родному и мы стали дорожить остатками старины, надобно было обратиться къ раскольникамъ, чтобы они возвратили наукѣ то, отъ чего такъ легкомысленно отказались наши дѣды. Раскольники сначала недовѣрчиво смотрѣли на пробудившееся уваженіе къ памятникамъ старины, но вскорѣ охотно стали дѣлиться съ современною наукою сохраненными у нихъ сокровищами. Не безъ цѣли, однако, они это дѣлали: во главѣ собирателей старины стояли лица государственныя, и раскольники, въ видахъ достиженія какимъ либо путемъ пользы своему дѣлу, выносили на свѣтъ старину, сохранившуюся у нихъ. Знаменитое древлехранилище М. П. Погодина, принадлежащее нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ, составлено большею частію, по словамъ П. И. Мельникова, изъ рукописей и вещей, доставленныхъ Погодину раскольниками.

Вслѣдствіе убѣжденія правительства во вредѣ отъ Головастикова, вмѣстѣ съ книжнымъ дѣломъ соединившаго въ себѣ распространителя раскола, Мельнику, 12-го октября 1853 года, предписано было: «1) обсудить и приготовить въ «совершенной тайнѣ» всѣ возможные по законамъ способы къ тому, чтобы обнаружить противозаконную торговлю разными сектаторскими принадлежностями раскола, привезенными въ Нижній-Новгородъ изъ уничтоженныхъ семеновскихъ скитовъ, а также назначенными для бѣгуновъ, производимую несовершеннолѣтнимъ сыномъ раскольника Алексѣя Головастикова на Нижнемъ Базарѣ, въ Сыромятномъ ряду и у себя дома. Равнымъ образомъ приготовить также такіе же способы къ отысканію самаго Алексѣя Головастикова, скрывающагося у частнаго пристава Кроткова. 2) По приготовленіи всего нужнаго, отправиться къ г. исправляющему должность начальника губерніи, представить ему прилагаемое при семъ предписаніе [2]) и, испросивъ у него въ тотъ же самый часъ назначеніе кого и какъ слѣ-

---

[1]) Въ «Москвитянинѣ» 1850 года, № 21.

[2]) Въ этомъ предписаніи велѣно было оказать Мельникову полное содѣйствіе, помимо старшаго полиціймейстера, и было сказано, что на предметы, порученные къ дознанію Мельникову, «обращено особое его императорскаго величества вниманіе».

дуетъ, исключая старшаго полицiймейстера [1]), для присутствованiя при открытiи и для полнаго вамъ содѣйствiя, отправиться немедленно въ самыя мѣста означенной торговли и укрывательства Алексѣя Головастикова. Когда же и торговля, и укрывательство обнаружены будутъ, то всѣ найденныя вещи опечатать и препроводить до рѣшенiя къ г. исправляющему должность начальника губернiи, равно какъ самого Головастикова, для содержанiя, какъ надлежитъ».

Головастикова самого Мельникову не удалось арестовать въ Нижнемъ-Новгородѣ, потому что въ 1853 году, какъ онъ писалъ въ своемъ отчетѣ о современномъ положенiи раскола, этотъ замѣчательный книжникъ-антикварiй скрывался въ бѣгахъ. Былъ ли онъ вообще пойманъ, — изъ бумагъ, оставшихся у Мельникова, не видно. Но изъ нихъ оказывается, что обыскъ, сдѣланный имъ въ домѣ Головастикова, былъ поводомъ къ жалобѣ жены послѣдняго на Мельникова не только министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Бибикову, но и въ правительствующiй сенатъ на этого сановника. По словамъ прошенiя министру нижегородской купеской жены, Авдотьи Петровны Головастиковой, въ 11 часовъ вечера, 30-го ноября 1853 года, къ ея дому подъѣхали неизвѣстные ей шесть человѣкъ, при которыхъ находились шестеро евреевъ-буточниковъ, служащихъ въ штатѣ нижегородской полицiи. Двое буточниковъ перелѣзли черезъ ворота, отворили ихъ и впустили прiѣхавшихъ на дворъ, на которомъ и былъ разставленъ немедленно караулъ. Означенные шесть человѣкъ вошли въ нижнiй этажъ дома, гдѣ Головастикова со своими домашними находилась при больной замужней своей дочери, разрѣшившейся за 18 часовъ передъ тѣмъ отъ бремени. Изъ вошедшихъ Головастикова узнала чиновника Павла Мельникова и частнаго пристава Смирнова, а другихъ двухъ представилъ ей Мельниковъ, назвавъ ихъ служащими по одному съ нимъ министерству, одного Огородниковымъ [2]), другого Трубниковымъ [3]). Третьяго Мельниковъ не назвалъ. Мельниковъ потребовалъ ключей отъ сундуковъ и кладовыхъ, такъ какъ ему нужно сдѣлать обыскъ во всемъ домѣ, въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ. На вопросъ Головастиковой: «гдѣ же сторонніе понятые люди, при которыхъ онъ все это долженъ дѣлать?» Мельниковъ, по ея словамъ, ей отвѣчалъ: «что намъ надобно, того и станемъ искать, а что найдемъ, то и возьмемъ, — вотъ тебѣ и понятые». Затѣмъ чиновники, собравъ всѣхъ находившихся въ

---

[1]) Зенгбуша, котораго подозрѣвали, вмѣстѣ съ приставомъ Кротковымъ, въ покровительствѣ и укрывательствѣ Головастикова.

[2]) Евлампiй Кирилловичъ Огородниковъ, бывшiй старшiй редакторъ статистическихъ работъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, умершiй въ 1884 году.

[3]) Владимiръ Васильевичъ или Константинъ Васильевичъ, такъ какъ оба брата Трубниковы начали свою службу въ Нижнемъ-Новгородѣ.

домѣ людей, равно и троихъ дѣтей Головастикова, заперли подъ карауломъ въ кухню, а г-жу Головастикову взяли съ собою, для указанія имъ ея кладовыхъ и для отпиранія сундуковъ, гдѣ все перерыли до послѣдняго маленькаго узелка. Не найдя, по словамъ Головастиковой, ничего тамъ предосудительнаго, чиновники отправились въ верхній этажъ, но «видя свой неуспѣхъ и въ верхнихъ комнатахъ, относительно обыска, гг. Мельниковъ, Трубниковъ, Огородниковъ, Смирновъ, обратили уже свое мщеніе на прибитыя по стѣнамъ въ разныхъ комнатахъ моего дома и стоявшія въ кіотахъ драгоцѣнныя иконы разныхъ наименованій, коихъ и забрали счетомъ пятнадцать, изъ числа коихъ семь украшенныхъ въ серебряныхъ подъ золотомъ окладахъ и шесть безъ украшенія. Послѣднія двѣ, подъ названіемъ Божіей Матери и Троицы,— работы извѣстнаго въ Россіи художника Андрея Рублева, съ неоцѣненными сокровищами, имѣющія при себѣ залитыя въ мастикѣ мощи разныхъ угодниковъ Божіихъ, которыя напредъ сего, по навѣту содержащагося и по сіе время въ нижегородскомъ тюремномъ замкѣ какого то злодѣя, были правительствомъ отъ моего мужа отбираемы и, по освидѣтельствованіи ихъ мѣстнымъ архипастыремъ, мужу моему возвращены. Каковая святыня, какъ бы для поруганія ея, была, къ прискорбію моему, чиновникомъ Мельниковымъ отдана въ руки евреевъ, которые съ пренебреженіемъ побросали иконы, какъ ничего не стоящія доски, въ его сани». Такъ жаловалась Головастикова на Мельникова, присовокупляя, что онъ «обратилъ вниманіе и на больную мою дочь и приступилъ къ осмотру ея постели и чего то искалъ за нею, на ея кровати, на которой она лежала, да и за оной, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу и таковымъ неожиданнымъ своимъ дѣйствіемъ привелъ больную въ большее болѣзненное состояніе и у ней отъ испуга произошла нервическая съ бредомъ лихорадка».

Мельниковъ обыскалъ сѣновалы, амбары, погреба, баню, коровникъ, курятникъ, но нигдѣ, по словамъ Головастиковой, не нашелъ болѣе иконъ. Въ ту же ночь на 1-е декабря, онъ запечаталъ лавку Головастикова съ иконами и книгами, на Нижнемъ Базарѣ, и кладовую въ отдаленномъ корпусѣ гостиннаго двора, а также палатку съ иконами и книгами. И лавка, и кладовая, и палатка оставались подъ арестомъ четыре дня, причемъ обыскъ въ нихъ дѣлался Мельниковымъ только съ приставомъ Смирновымъ и съ депутатомъ со стороны Головастиковой, купцомъ Торгуевымъ. Мельниковъ «перебралъ болѣе тысячи иконъ, искалъ чего то въ самыхъ щеляхъ лавки и кладовой, но, не найдя также ничего, напослѣдокъ выбралъ для себя около 50 иконъ и увезъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ и составилъ опись всему увезенному».

Жалуясь министру, а затѣмъ сенату, на «причиненіе ей убытка въ капиталѣ, на осрамленіе въ народной публикѣ ея дома и семей-

ства, на ущербъ здоровья ея и ея дочери, на тяжкую себѣ обиду», Головастикова просила возвратить ей отобранное чиновниками у нея имущество и поступить съ ними «по точной силѣ уложенія о наказаніяхъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ два раза требовалъ объясненій у Мельникова по жалобѣ Головастиковой, въ декабрѣ 1853 г., когда ея прошеніе поступило къ нему, и 15-го марта 1854 года, когда оно получено было генералъ-адъютантомъ Бибиковымъ при указѣ правительствующаго сената. Объясненій Мельникова я не отыскалъ въ его бумагахъ. Въ эту эпоху преслѣдованія раскола, усиленныхъ розысковъ епископовъ и священниковъ австрійскаго поставленія, Мельниковъ, даже въ своемъ излишнемъ усердіи при обыскѣ у Головастиковой, оказался, вѣроятно, правымъ и предъ своимъ высшимъ начальствомъ, и предъ правительствующимъ сенатомъ.

Въ декабрѣ 1854 года, Мельниковъ окончилъ свой отчетъ по современному состоянію раскола въ Нижегородской губерніи, нѣкоторыя извлеченія изъ котораго читатель найдетъ въ слѣдующихъ главахъ, и уже 10-го января 1855 года, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія «о приведеніи въ точную извѣстность современнаго положенія раскола въ Казанской губерніи», получилъ предписаніе немедленно отправиться туда. Инструкція, данная Мельникову по этому порученію, была почти одинакова съ выработанною для Нижегородской губерніи, потому что только три слѣдующіе новые пункта были включены въ нее: 1) «Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, сколько до 1855 года было купцовъ-раскольниковъ, сколько изъ нихъ приписалось на 1855 годъ на временномъ правѣ и сколько представили свидѣтельства о принадлежности ихъ къ православію или единовѣрію. 2) Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на сношенія казанскихъ раскольниковъ по дѣламъ, касающимся буковинской лже-іерархіи, а также и на то, гдѣ нынѣ находятся лжеепископы и кто они такіе. 3) Если вы получите свѣдѣнія, по соображенію и убѣжденію вашему достовѣрныя, о мѣстѣ укрывательства лжеепископовъ и другихъ мнимо-духовныхъ лицъ, о производствѣ сектаторской переписки и проч. тому подобное, то, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, можете приступить къ открытію и задержанію ихъ, не ограничиваясь предѣлами Казанской губерніи».

Но Мельникову не довелось составить описаніе современнаго положенія раскола въ Казанской губерніи. По пріѣздѣ въ Казань, въ началѣ 1855 года, на него посыпалось отъ генералъ-адъютанта Бибикова одно порученіе за другимъ, правда, касавшіяся раскола, но которыя отвлекали его отъ главной цѣли поѣздки туда и, наконецъ, заставили почти весь этотъ годъ проѣздить по губерніямъ Казанской, Пензенской, Нижегородской, Костромской, Владимірской, Московской. Въ его послужномъ спискѣ сказано, что «съ іюля по 11-е

сентября 1855 года, находился въ Москвѣ и въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Нижегородской и Костромской, для наблюденія за производствомъ формальнаго слѣдствія по секретному дѣлу». Сверхъ того, въ февралѣ онъ производилъ въ Казани слѣдствіе о подлогѣ, сдѣланномъ при бракѣ купца Мокѣева, причемъ присоединилъ къ единовѣрію казанскихъ раскольниковъ Мокѣева и Плаксина. Въ январѣ ему велѣно было ѣхать въ Чебоксары, для дознанія о моленной при домѣ мѣщанина Будаева и о томъ, какіе лжепопы пріѣзжаютъ въ Чебоксары и въ окрестныя мѣста. Въ мартѣ ему поручено было ѣхать въ село Пойму, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ исправникъ захватилъ въ моленной у раскольниковъ образа, книги, паникадилы и проч. и все возвратилъ обратно на другой день за 300 руб. Въ маѣ Мельниковъ командированъ былъ въ Нижегородскую губернію съ порученіемъ «секретнѣйшимъ образомъ и совершенно негласно собрать свѣдѣнія о томъ, какія распоряженія дѣлаются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ по извѣстнымъ вамъ предписаніямъ, посланнымъ отъ меня [1]) начальнику Нижегородской губерніи о тамошнихъ раскольникахъ». Изъ этого видно, что столкновенія Мельникова съ нижегородскими властями не прекращались и въ 1855 г. Съ 18-го іюля начались поиски за старообрядческими епископами. Раскольничій инокъ Кононъ (у него нашли походную церковь, одиконъ, запасные дары, что все было переслано Мельниковымъ къ своему министру), арестованный во Владимірской губерніи, далъ показанія, что посвятившій его епископъ Антоній находится въ домѣ крестьянина деревни Большой Дворъ, Ѳедорова. Туда отправили мѣстнаго исправника, но никого не нашли, потому что, какъ выразился Бибиковъ, поимка Конона была слишкомъ «разглашена». Мельникову поручено было «въ экстренныхъ случаяхъ лично руководить поисками». Въ іюлѣ Мельниковъ прибылъ во Владиміръ и затѣмъ въ село Иваново для производства слѣдствія надъ пойманными тамъ сектаторами и чтобы «добыть отъ нихъ самое опредѣлительное описаніе примѣтъ лжеепископа Антонія». Но во Владиміръ ему дано было, сверхъ того, и другое порученіе, именно изслѣдовать «неоднократные примѣры оскопленія малолѣтныхъ новымъ способомъ», причемъ найденъ былъ тамъ и виновный въ томъ крестьянинъ Михаилъ Корицкій. Одинъ изъ арестованныхъ въ Ивановѣ, іеромонахъ Павелъ, показалъ Мельникову, что онъ намѣревался изъ Иванова отправиться въ «лѣса Костромскаго Заволжья, гдѣ раскольники въ послѣднее время начали разводить скиты». Министръ внутреннихъ дѣлъ, 4-го августа, поручилъ Мельникову собрать точныя, подробныя свѣдѣнія, «въ какихъ именно уѣздахъ, въ какихъ вѣдомствахъ, мызахъ и имѣніяхъ, съ котораго именно времени, какіе скиты начали раз-

[1]) Генералъ-адъютанта Бибикова.

водить раскольники въ Костромской губерніи, кто именно и при чьемъ содѣйствіи или потворствѣ». Вслѣдъ затѣмъ, 10-го августа, министръ Бибиковъ направилъ Мельникова въ Москву, потому что получилъ свѣдѣніе, что «въ настоящее время лжемитрополитъ Антоній и архіепископъ Софроній находятся въ Москвѣ, оба большею частью скрываются, и проживаютъ у купца Морозова, на фабрикѣ въ Зуевѣ». Сообщая поимянно о рукоположенныхъ ими священникахъ, министръ присовокуплялъ, что «службы производятся секретно въ Москвѣ, въ домахъ, у Щаповой, на Землянкѣ, у Устиновой, въ Сокольникахъ, у Рябушкина, на Якиманкѣ, у Медвѣдева, въ Кожевникахъ, у Серпуховскихъ воротъ, неизвѣстно въ чьемъ домѣ, у Аржаникова, на Нѣмецкомъ рынкѣ и у Барабанова, за Рогожскою Заставою». Въ Москвѣ военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, командировалъ къ Мельникову, для содѣйствія «при производствѣ обысковъ въ Рогожскомъ богадѣленномъ домѣ», полицiймейстера Сѣчинскаго и чиновника Дашкова.

Но, въ исходѣ августа 1855 года, на мѣсто генералъ-адъютанта Бибикова, министромъ врутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ С. С. Ланской, который уже 1-го сентября спрашивалъ у Мельникова, когда онъ окончитъ всѣ порученныя ему по расколу дѣла и пріѣдетъ въ Петербургъ для представленія подробнаго отчета и личнаго объясненія, а 22-го декабря предписалъ ему немедленно возвратиться для того въ Петербургъ. Розыски Мельниковымъ старообрядческихъ епископовъ и священниковъ были прекращены. Новое царствованіе, а съ прекращеніемъ трехлѣтней изнурительной крымской войны, новыя задачи Россіи, рядъ преобразованій въ ея внутреннемъ устройствѣ,—положили конецъ многимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ предшествовавшаго царствованія, въ томъ числѣ и преслѣдованію раскольниковъ.

VIII.

Раскольничьи скиты. — Нравственное состояніе скитскихъ жителей.

Раскольничьи скиты завелись въ Россіи, въ Заонежскомъ краѣ и въ нынѣшней Нижегородской губерніи, въ самомъ началѣ появленія у насъ раскола. Въ первые тридцать или сорокъ лѣтъ скитское общежительство до того усилилось въ предѣлахъ Нижегородской и сопредѣльной Костромской губерніяхъ, въ Заволжьѣ, что всѣхъ скитовъ считалось до 94. Въ началѣ XVIII столѣтія скиты Нижегородскаго Заволжья сдѣлались разсадниками и училищами раскола. Архіепископъ нижегородскій, Питиримъ, уничто-

жилъ до 1737 года почти всѣ скиты керженскіе и чернораменскіе, такъ что уцѣлѣли только бѣдные остатки двухъ изъ нихъ, Оленевскаго и Шарпанскаго. Но послѣ указа 16-го октября 1762 года, дозволившаго заграничнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію, многіе изъ нихъ прибыли въ Нижегородское Заволжье, гдѣ и завели скиты, которыхъ чрезъ 26 лѣтъ было уже до 54 съ 8,000 жителей. Въ началѣ XIX столѣтія, въ Семеновскомъ уѣздѣ ихъ оставалось всего 35, изъ числа которыхъ 22 принадлежали къ поповщинѣ, 8 къ спасовому согласію, а 5 къ поморскому. Московская поповщина поддерживала своими богатыми средствами только скиты своего толка, а потому скиты другихъ согласій постепенно уменьшались въ числѣ. Во время нашествія Наполеона московскіе поповцы рогожскаго согласія удалились со своими семействами въ нижегородскіе скиты и прожили въ нихъ всю зиму. Въ это время московскіе поповцы очень охладѣли къ скитамъ, потому что прежде думали, что они населены людьми праведными, а между тѣмъ, на дѣлѣ увидали совершенно противное. Поэтому, послѣ 1812 года, изъ Москвы подаяній въ скиты стали присылать менѣе прежняго, вслѣдствіе чего число ихъ стало сокращаться. Въ 1826 году, было уже только 28 скитовъ съ 90 обителями, въ которыхъ жило 2,813 человѣкъ, въ томъ числѣ 2,304 въ поповщинскихъ.

Послѣ 1826 года, послѣдовалъ рядъ правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью уничтоженіе скитовъ въ Нижегородскомъ Заволжьѣ. Такъ, въ ноябрѣ 1838 года, воспрещено было вновь приписывать раскольниковъ къ скитамъ, а 17-го сентября 1826 года, 28-го апрѣля 1836 года и 26-го февраля 1842 года, воспрещено было строить новыя и поправлять старыя моленныя, устраивать ихъ въ домахъ и имѣть колокола. Сверхъ того, болѣе строгій надзоръ мѣстныхъ властей за скитами, начавшійся съ 1847 года, со вступленія въ управленіе нижегородскою епархіею преосвященнаго Іакова, также содѣйствовалъ уничтоженію скитовъ, потому что преосвященный нерѣдко лично объѣзжалъ скиты и о замѣчаемыхъ въ нихъ безпорядкахъ сообщалъ губернатору. По этимъ сообщеніямъ произведено было до 15-ти слѣдствій. Губернаторъ, видя потакательство скитамъ со стороны полиціи, поручилъ, съ 1847 года, надзоръ за скитами своимъ чиновникамъ особыхъ порученій, а скитницы, увидавъ невозможность надѣяться болѣе на помощь всегда имъ вѣрной земской полиціи, сами добровольно стали покидать скиты. По требованію преосвященнаго Іакова, изъ скитовъ взяты были иконы, оглашаемыя раскольниками чудотворными, въ томъ числѣ икона Казанской Богородицы изъ Шарпана и икона Николая Чудотворца изъ Оленевскаго. Наконецъ, когда, высочайшимъ повелѣніемъ 1-го мая 1853 года, предписано было о высылкѣ изъ скитовъ всѣхъ постороннихъ жителей, причемъ взяты были отъ всѣхъ жившихъ въ нихъ по паспортамъ подписки, чтобы они сносили дома свои и сами

выселились непремѣнно къ 1-му ноября 1853 года, въ Семеновскомъ уѣздѣ осталось гласныхъ скитовъ 16, съ 49 обителями, съ 1,002 жителями обоего пола. Мужчинъ было только 99 человѣкъ; остальныя были женщины. Въ скитахъ къ этому сроку было 29 часовенъ и моленныхъ. Теплыхъ комнатъ было 2,128, или по $2^1/_2$ комнаты на каждую скитницу, сверхъ 200 свѣтлицъ, въ которыхъ жили только лѣтомъ; холодныхъ надворныхъ строеній было до 1,500.

Въ своемъ отчетѣ «о современномъ состояніи раскола», Мельниковъ представилъ подробное описаніе нижегородскихъ скитовъ, въ историческомъ, бытовомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Они же дали ему богатый матеріалъ для его двухъ романовъ, «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Посѣщая неоднократно скиты въ качествѣ чиновника особыхъ порученій нижегородскаго губернатора, сопровождая туда преосвященнаго Іакова, командированнаго туда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алябьева, который, въ 1848 году, и предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ уничтожить скиты,—Мельниковъ изучилъ скиты до мельчайшихъ подробностей. Вотъ его характеристика тогдашняго нравственнаго состоянія скитскихъ жителей:

«Вообще, русскій раскольникъ, если онъ занялъ почему либо видное мѣсто въ кругу сектаторовъ, отличается ханжествомъ и лицемѣріемъ. Но нигдѣ, конечно, это лицемѣріе не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ скитахъ, особенно женскихъ. Этимъ ханжествомъ скитскіе жители поддерживаютъ доброе о себѣ мнѣніе богатыхъ раскольниковъ и соблазняютъ простой народъ окрестныхъ деревень. Нерѣдко бывая въ семеновскихъ скитахъ, до высылки изъ нихъ постороннихъ лицъ, я видѣлъ живущихъ въ нихъ раскольниковъ въ домашнемъ ихъ быту. Изъ долговременнаго наблюденія этого быта я вывелъ заключеніе, что всякій скитскій раскольникъ или раскольница на каждомъ шагу употребляетъ разсчитанное ханжество и лицемѣріе въ разныхъ видахъ и формахъ. Онъ ханжитъ передъ чиновниками, и притомъ иначе передъ высшимъ, иначе передъ низшимъ, иначе передъ молодымъ, иначе передъ старымъ. Онъ ханжитъ передъ богатыми раскольниками, ханжитъ передъ простымъ народомъ. Одна обитель ханжитъ передъ другою, и въ одной обители старухи ханжатъ передъ молодыми, а молодыя лицемѣрятъ передъ старыми, словомъ, каждый часъ, каждую минуту скитскій раскольникъ лицемѣритъ, живетъ обманомъ, съ малолѣтства до преклонной старости ходитъ въ личинѣ.

«Пріѣзжаетъ въ скитъ губернаторъ или другой чиновникъ, по званію своему имѣющій большое вліяніе на скиты; весь скитъ или вся обитель встрѣчаетъ его за воротами, кланяется въ землю разомъ, подноситъ хлѣбъ-соль, зоветъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ, за котораго день и ночь молятся Богу. Лица всѣхъ такъ смиренны, такъ плаксивы; движенія и пріемы такъ скромны; рѣчи такъ льстивы и угодливы, что незнающій коротко скитовъ дѣйствительно

подумаетъ, что это бѣдныя старухи, которыхъ напрасно хотятъ преслѣдовать. Необыкновенная чистота во всѣхъ комнатахъ, порядокъ въ домоводствѣ, видимые, хотя и ложные, признаки трудолюбія, все располагаетъ въ ихъ пользу важнаго чиновника. Ханжи такимъ образомъ внушаютъ ему выгодное о себѣ мнѣніе, напередъ прикрывъ себя лицемѣріемъ, какъ покрываютъ онѣ иноческое свое одѣяніе длинными, черными, надѣтыми въ роспускъ платками, передъ встрѣчею «желаннаго» гостя, котораго не знаютъ какъ бы поскорѣе выпроводить.

«Случалось мнѣ бывать въ скитахъ вмѣстѣ съ покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ. Передъ архіереемъ такое же ханжество, какъ и передъ губернаторомъ. Тотъ же пріемъ за воротами, но поклонъ въ поясъ и безъ хлѣба-соли. Тѣ же льстивыя и угодливыя рѣчи, но безъ увѣреній, что за него молятся Богу, и затѣмъ безпрестанныя предложенія покушать чаю, вина и проч. Когда преосвященный увѣщавалъ ихъ, то, отвѣчая на его доводы, онѣ кланялись ему въ ноги со словами: «оставьте нась на прежнемъ положеніи», или же говорили: «мы люди темные, неученые, мы знаемъ только молитву Іисусову, какъ намъ отвѣчать на слова ваши». Называя его преосвященнымъ, иныя даже владыкою, скитницы, на предложеніе его принять единовѣріе, всѣ въ разъ одно говорили: «какъ родители жили, такъ и насъ благословили», вслѣдъ затѣмъ, снова предлагали чаю или закуску, хотя преосвященный уже не разъ отказывался отъ такихъ предложеній. Всѣ старанія преосвященнаго, чтобы онѣ вступили съ нимъ въ бесѣду, были напрасны: уставщицы притворялись неумѣющими читать и по словамъ всѣхъ никто не зналъ ничего, кромѣ молитвы Іисусовой. Послѣ онѣ сами признавали, что преосвященный много начитанъ и хорошо поучаетъ, но увѣщанія его падали на каменную почву лицемѣрія. Таковы раскольники повсюду. Преосвященный Іаковъ разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ скитѣ Саратовской губерніи онъ очень долго увѣщавалъ нѣсколько женщинъ, которыя сначала кланялись подобно семеновскимъ, а потомъ стали слушать со вниманіемъ. Наконецъ одна старуха прослезилась, повидимому, отъ искренняго чувства. Преосвященный, обратясь къ ней, убѣждалъ ее сказать, что ее тронуло. Старуха долго не говорила, но наконецъ призналась слѣдующимъ образомъ:

— «Объ васъ плачу, ваше преосвященство.

— «Что же ты обо мнѣ плачешь?

— «Да вы таково красно говорите, таково учительно, мнѣ и жаль васъ стало.

— «Отъ чего же жаль?

— «Да что душенька-то ваша на томъ свѣтѣ все-таки къ дьяволу пойдетъ.

«Передъ чиновниками земской полиціи скитницы ханжатъ и ли-

цемѣрятъ меньше. При нихъ и платокъ на иноческое одѣяніе накидывается лѣниво; при нихъ и лица смотрятъ не такъ пасмурно и строго; при нихъ и изъ свѣтлицъ слышится свободный, звонкій смѣхъ молодыхъ келейницъ. Въ какую бы пору не пріѣхалъ чиновникъ полиціи, начинается угощеніе ему, его людямъ и привезшимъ его лошадямъ. Лицемѣріе здѣсь преимущественно проявляется въ гостепріимствѣ, повидимому, радушномъ и искреннемъ, но дѣйствительно притворномъ и разсчитанномъ. Во всякомъ случаѣ скитницы достигаютъ своей цѣли: заступится ли напоенный, накормленный и задаренный скитницами чиновникъ за какого нибудь православнаго бѣдняка, челобитчика на раскольницъ? дастъ ли онъ судъ и правду на гостепріимныхъ и щедрыхъ хозяекъ, особенно если еще неравнодушно слушаетъ онъ звонкій смѣхъ обитательницъ заманчивыхъ свѣтлицъ?

«Пріѣзжаетъ, бывало, въ скитъ богатый раскольникъ и тогда совсѣмъ иначе смотритъ обитель: въ часовнѣ или моленной чинно стоятъ рядами женщины, одѣтыя въ древнее иноческое одѣяніе; впереди старухи, сверхъ «вѣнца» надѣвающія флеровую «накидку», а между ними иногда стоятъ, опершись на посохъ, схимницы въ черной одеждѣ, расшитой красными крестами. Передъ богатымъ иконостасомъ, составленнымъ изъ древнихъ иконъ, теплются лампады и горитъ нѣсколько десятковъ свѣчъ. Среди часовни, передъ престоломъ, стоитъ смиренная уставница; опустивъ глаза въ землю, она внятно, благоговѣйно дѣлаетъ возгласы. По клиросамъ стоятъ головщицы и чистыми, звонкими голосами стройно поютъ церковныя пѣсни. Молодыя дѣвки, въ широкихъ черныхъ передникахъ и въ такихъ же платкахъ на головѣ, стоятъ передъ налоями и читаютъ, не торопясь, съ приличнымъ благоговѣніемъ. Всѣ крестятся и кланяются въ одно время; всѣ въ разъ бросаютъ передъ поклономъ на землю подручники; всѣ въ разъ поднимаютъ ихъ; всѣ въ разъ перебираютъ лѣстовки. Никто не скажетъ слова; никто не взглянетъ на сторону; всѣ погружены въ богомысліе и молитву, и это продолжается сряду четыре или пять часовъ... Пріѣзжій раскольникъ, чувствуя уваженіе къ отшельницамъ при видѣ такого благолѣпія, заказываетъ имъ панихиду по своимъ родныхъ; и, видя слезы поющихъ, онъ тронутъ ихъ участіемъ къ его скорби; онъ пораженъ скитскимъ благочестіемъ и щедрѣе отсчитываетъ милостыню. Теперь [1]), когда часовенъ болѣе нѣтъ, въ тайныхъ моленныхъ производится по временамъ такое же лицемѣрно-благоговѣйное служеніе и приходящій туда раскольникъ еще болѣе принимаетъ участіе въ скитницахъ, видя, какъ онѣ послѣ службы передъ иконою «Богородицы умягченія злыхъ сердецъ» поютъ «канонъ за обидящихъ», подразумѣя правительство, выславшее изъ скитовъ набродъ людей разнаго рода.

---

[1]) Въ 1854 году.

«Такая внѣшность общественнаго богослуженія еще сильнѣе дѣйствуетъ на простой народъ. Сродно человѣку русскому уваженіе къ отшельникамъ, посвятившимъ дни свои на служеніе Богу, но, къ сожалѣнію, большая часть нашихъ монастырей, неблаговидною своею жизнію, подрываетъ это народное чувство. Но всякое врожденное народное чувство безпрестанно ищетъ удовлетворенія. Видя въ раскольническихъ скитахъ всю благовидную внѣшность, простой народъ удовлетворяетъ такое чувство и безъ сомнѣнія получаетъ уваженіе къ скитницамъ, чувствуетъ привязанность и къ старымъ обрядамъ, вѣря, что только въ этихъ вертепахъ лицемѣрія и сохранилась святая вѣра Христова. И, глядя на скиты, народъ сильнѣе и сильнѣе привязывается къ расколу, тѣмъ болѣе, что скитницы въ извѣстные праздники и напоятъ, и накормятъ приходящій народъ, а доброму до нихъ раскольнику, или православному, подающему надежду на отпаденіе отъ церкви, стоитъ только слово сказать въ скитѣ о ходатайствѣ передъ чиновными людьми, или передъ купцами-раскольниками, какъ помощь уже готова: ходатайство «матерей» не бываетъ безуспѣшно.

«Но эта угодливость, это ласкательство, это гостепріимство, это смиреніе и благоговѣніе, это добродушіе и эта готовность помочь ближнему—все это ложь, ханжество, лицемѣріе. Скитскіе жители угождаютъ начальству въ надеждѣ на милости, или по крайней мѣрѣ на снисхожденіе его. Они угощаютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ, полицію для того, чтобы она сквозь пальцы смотрѣла на ихъ дѣйствія. Они смиряются и благоговѣйно молятся на глазахъ богатыхъ раскольниковъ, чтобы выманить отъ нихъ больше денегъ. Они помогаютъ бѣдному крестьянину, чтобы сдѣлать изъ него дароваго работника. Подъ личиною мнимыхъ добродѣтелей, въ скитахъ скрываются ненасытная алчность къ деньгамъ, своеволіе, праздность, пьянство и развратъ. Корыстолюбіе внушило старухамъ мысль набирать дѣвочекъ, учить ихъ грамотѣ и расколу и, когда онѣ достигнутъ 16 или 17 лѣтъ, отправлять въ канонницы на подвиги лицемѣрія и разврата; за такіе подвиги своихъ воспитанницъ онѣ получаютъ отъ богатыхъ раскольниковъ деньги. Не зная заботъ, свойственныхъ имъ, по простому ихъ происхожденію, скитскія жительницы проводятъ жизнь въ праздности и своеволіи: съ молоду привыкнувъ ѣсть чужой хлѣбъ, добываемый безъ труда, и жить бѣлоручками, онѣ тяготятся обыкновенными домашними работами. Прося начальника Нижегородской губерніи [1]) о дозволеніи имѣть работниковъ и работницъ, эти крестьянки говорили: «надобно воды принести, полы вымыть, бѣлье выстирать, а мы этого не можемъ

[1]) Послѣ закрытія въ 1853 году скитовъ и высылки изъ нихъ постороннихъ лицъ, при объѣздѣ ихъ мѣстности губернаторомъ, княземъ Урусовымъ, 2-го и 3-го января 1854 года.

сами дѣлать». Духъ своеволія сильно развитъ въ скитахъ и каждая скитница повинуется настоятельницѣ только до тѣхъ поръ, пока ей хочется, ибо знаетъ, что она надъ нею законной власти не имѣетъ. Замѣчательно, что, при обращеніи къ единовѣрію скитовъ Керженскаго и Осиновскаго, остались въ расколѣ не особенно закоренѣвшіе въ немъ, а болѣе другихъ своевольные, которымъ страшно было принять единовѣріе, ибо они знали, что въ законной обители безпрекословно повинуются начальству. И въ самыхъ скитахъ мало теперь осталось фанатиковъ; если бы не жаль было скитницамъ разстаться съ своеволіемъ и оставить праздную жизнь, безъ труда доставляющую хорошія деньги, то нѣтъ сомнѣнія, что большая часть скитницъ давно обратились бы къ единовѣрію [1]). Съ праздностію не разлучены пьянство и развратъ, и они въ сильной степени господствуютъ въ скитахъ. Въ Комаровѣ одна игуменья пропила обитель (Кутихину). Въ близь лежащей отъ этого скита деревнѣ Елфимовкѣ только для скитскихъ потребностей учреждена была стодневная продажа вина, производимая, разумѣется, во всѣ 365 дней года. По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей, выручка отъ этой продажи до того упала, что едва ли не переведутъ ее въ другое мѣсто [2]).

«Степень разврата въ скитахъ видна изъ имяннаго списка оставшихся въ скитахъ раскольницъ: въ немъ то и дѣло встрѣчаются заимствованныя изъ ревизскихъ сказокъ слова: «незаконнорожденная дочь». Напримѣръ въ Оленевскомъ скитѣ, при 96 именахъ, 19 разъ упоминается о незаконныхъ рожденіяхъ, а о настоятельницѣ обители Никоноpиной говорится такъ: «Она незаконнорожденная дочь умершей игуменьи этой обители, Никоноры, и у нея самой есть двѣ незаконнорожденныя дочери, Анна и Харитина, изъ которыхъ первая уже родила незаконнорожденную дочь, а другая, какъ слышно, родитъ въ нынѣшнемъ году». Въ Комаровскомъ скитѣ одна романовская мѣщанка имѣла открытый домъ разврата,

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своего отчета, П. И. Мельниковъ говоритъ, что если бы система, принятая въ отношеніи къ скитамъ преосвященнымъ Іаковымъ съ 1847 года и поведшая въ 1848 году къ обращенію къ единовѣрію Керженскаго и Осиновскаго скитовъ, продолжалось бы еще полтора года, то весьма вѣроятно, что почти всѣ скиты обратились бы къ единовѣрію.

[2]) Если какой нибудь даже сотскій, разсыльный земской полиціи, волостнаго правленія или удѣльнаго приказа, случалось, ѣдетъ недалеко отъ скита, то онъ непремѣнно заѣзжаетъ въ скитъ, гдѣ ему даютъ водку и обѣдъ. Кто бы ни пріѣхалъ въ скитъ, ямщику платятся прогоны, все равно заплатилъ ихъ ему проѣзжій или не заплатилъ. Для этого скитницы дѣлаютъ складчину и по приговору отводятъ по очереди въ одной обители въѣзжую годовую квартиру. Чтобы опредѣлить расходы на одну водку, достаточно упомянуть о томъ, что настоятельница обители Манефиной, въ Комаровскомъ скитѣ, сказывала Мельникову, что у нея въ годъ на въѣзжей квартирѣ вышло 40 ведеръ пѣннаго вина. Содержаніе же въѣзжей квартиры, съ столомъ и виномъ для пріѣзжающихъ и съ прогонами ямщиковъ, обходилось обители въ 2,000 р. въ годъ.

куда во всякое время могли приходить обительскія дѣвки со своими любовниками. Для всякаго грѣха у скитницъ есть свое извиненіе. Развратъ молодыхъ дѣвокъ онѣ извиняютъ такъ: «блудъ не грѣхъ, а только паденіе, и всѣ святые отцы падали, да угодили Богу покаяніемъ. Не покаявшись, не спасешься; не согрѣшивши, не покаешься; дѣвицѣ позволено согрѣшать, а то бы ей не въ чемъ было и покаяться, а не каявшись, онѣ не спасутся». Лицемѣріе и ханжество, главнѣйшія основы скитскаго быта, не исчезаютъ даже въ минуты увлеченія въ развратъ [1]. Сами раскольники понимаютъ это, и ханжество своихъ сосѣдокъ, соединенное съ распутствомъ, сдѣлалось достояніемъ народныхъ поговорокъ въ ихъ средѣ [2]. Записка, найденная при обзорѣ Улангерскаго скита, какъ нельзя болѣе характеризируетъ чудовищное смѣшеніе лживой набожности съ грубымъ развратомъ; на одной сторонѣ записки объяснено символическое значеніе лѣстовки, а на другой написанъ одинъ изъ неблагопристойнѣйшихъ акростиховъ Баркова.

«Рождаемыхъ въ скитахъ дѣвочекъ воспитываютъ въ самыхъ скитахъ, сначала тайно, а потомъ, когда дѣвочка подростаетъ, явно, объявляя тогда полиціи, которая записываетъ ее въ число скитницъ; при каждой перепискѣ вносятся онѣ и въ ревизскія сказки. Зачатую и рожденную въ скитѣ дочь зовутъ «келейною дочкою», зачатую въ то время, когда мать читала каноны на сторонѣ, зовутъ «гостейкою». Такая гостейка бываетъ баловницею всей обители, ибо большею частію она бываетъ дочь какого нибудь купеческаго сынка или племянника, присылающаго въ обитель хорошія деньги на воспитаніе своего ребенка. Мальчиковъ, тотчасъ по рожденію, везутъ въ село Городецъ и, окрестивъ въ тамошней часовнѣ, подкидываютъ къ раскольнику изъ крестьянъ, государственныхъ или удѣльныхъ. Если мать солдатка или помѣщичья крестьянка, то первою заботою бываетъ, чтобы подкинуть ребенка къ государственному или удѣльному крестьянину, изъ опасенія, чтобы новорожденный не попалъ современемъ въ кантонисты или въ крѣпостное состояніе. Слухъ о дѣтоубійствахъ, бывающихъ въ скитахъ, безъ сомнѣнія, ложенъ, потому что въ скитскомъ быту рожденіе дѣвкою ребенка нисколько не безславитъ ее, слѣдовательно, для нея нѣтъ побудительной причины къ такому страшному преступ-

---

[1]) Такъ, одинъ православный, имѣвшій въ скиту любовницу, разсказывалъ, что, проведя ночь въ ея свѣтлицѣ, онъ пилъ воду изъ стоявшей подлѣ постели кружки. Захотѣлось пить и любовницѣ его, но когда онъ подалъ ей недопитую кружку, то она оттолкнула ее, сказавъ: «съ ума ты никакъ сошелъ: развѣ я буду пить изъ одной посуды съ табашникомъ».

[2]) Вотъ народная поговорка о скитницахъ: «Эй, вы, матери-келейницы сухопары (т. е. на оборотъ жирныя) сидидомницы: пріѣхалъ старецъ во дворъ.— Ай, гдѣ вы?—Въ часовнѣ часы читаемъ.—Эй, вы, матери-келейницы, сухопары сидидомницы: пріѣхалъ молодчикъ во дворъ.—Ай, гдѣ вы?—По кельямъ лежимъ».

ленію. Если и родила она, такъ ей стоитъ только «покрыть грѣхъ». По раскольничьему смыслу, это выраженіе значитъ «ходить покрывши голову», а не то, что понимають подъ этими словами православные—«обвѣнчаться съ отцомъ ребенка». Этого не сдѣлаетъ никакая скитская дѣвка, потому что ей съ малолѣтства внушили, что лучше «семь разъ родить, чѣмъ одинова замужъ ходить». Притомъ же и суевѣрный страхъ препятствуетъ ей выходить замужъ: «кто изъ обители замужъ пойдетъ, у той дѣти слѣпыми родятся» [1].

Вышеизложенная картина нравственной стороны скитской жизни была одной изъ главныхъ причинъ уничтоженія правительствомъ раскольничьихъ женскихъ обителей въ Заволжьѣ, Нижегородской и сопредѣльныхъ съ нею губерній.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) То же самое говорятъ о раскольницахъ, выходящихъ за-мужъ за православныхъ.

ДНЕВНИКЪ Ѳ. И. ДОЗЕ.

Въ редакцію «Историческаго Вѣстника» доставлены недавно подлинныя записки Ѳ. И. Дозе (бывшаго преподавателя русскаго языка въ одной изъ петербургскихъ гимназій), веденныя имъ въ формѣ дневника во время его заключенія въ Петропавловской крѣпости въ 1862 году. Записки эти не представляютъ интереса новизны и заманчивой таинственности, такъ какъ писаны слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ и съ непосредственнаго разрѣшенія и вѣдома крѣпостнаго начальства. При томъ же Ѳ. И. Дозе никогда не былъ политическимъ преступникомъ и не желалъ быть имъ, а попалъ въ крѣпость по несчастному недоразумѣнію. Записки его имѣютъ историческій или, даже вѣрнѣе сказать, психологическій интересъ, потому что онъ живо передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него одиночнымъ заключеніемъ, мучительное состояніе неизвѣстности относительно причинъ ареста и боязнь навлечь бѣду на другихъ своей неосторожностью. Дневникъ обрывается на половинѣ фразы и начинается съ 30-го августа, почти черезъ три мѣсяца послѣ заключенія, такъ какъ только въ это время автору дана была возможность писать свои записки. Многое въ нихъ совсѣмъ непонятно безъ поясненій, что и заставило насъ обратиться къ лицу, близко знавшему Ѳ. И. Дозе, съ просьбой сообщить объ его личности краткія біографическія свѣдѣнія, которыя мы и предпосылаемъ дневнику.

Ред.

Өедоръ Ивановичъ Дове, одинъ изъ типичныхъ представителей конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, родился въ 1831 году, рано лишился отца и вмѣстѣ съ сестрой воспитывался подъ руководствомъ своей матери, бывшей тогда начальницей женскаго пансіона въ Вологдѣ. Судя по его собственнымъ разсказамъ, онъ получилъ чисто женское, изнѣженное воспитаніе, которое отразилось на всей его дальнѣйшей жизни и только въ слабой степени было парализовано вліяніемъ гимназическихъ товарищей и университета. Подобное воспитаніе, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ благодѣтельно дѣйствовать на людей съ сильнымъ характеромъ. Но врядъ ли оно приноситъ что либо, кромѣ вреда, для кроткихъ, впечатлительныхъ натуръ, развивая воображеніе и чувство въ ущербъ волѣ и упорному преслѣдованію цѣли. По крайней мѣрѣ, къ этому выводу долженъ былъ прійти всякій, кто близко зналъ Ө. И. Дове, такъ какъ трудно было встрѣтить болѣе добраго и честнаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, менѣе пригоднаго для практической жизни. При этомъ ему пришлось жить и дѣйствовать въ 60-хъ годахъ, когда симпатичныя и, можно сказать, несчастныя стороны его характера находили поддержку въ преобладающемъ направленіи нашего тогдашняго образованнаго общества, въ которомъ было столько увлеченія, благородныхъ, сердечныхъ и большею частью искреннихъ стремленій и такъ мало выдержки и настоящаго серіознаго дѣла.

Жизнь Ө. И. Дове съ фактической стороны представляетъ мало разнообразія. По окончаніи курса въ вологодской гимназіи и и С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ Петрозаводскъ при мужской гимназіи. Здѣсь онъ скоро сблизился съ губернскимъ обществомъ, благодаря артистической игрѣ на фортепіано, и главнымъ образомъ своему природному добродушію и простотѣ обращенія, и пріобрѣлъ друзей среди молодежи. Послѣдняя преимущественно состояла изъ горныхъ и лѣсныхъ офицеровъ и начинающихъ службу чиновниковъ съ университетской скамьи, привлекаемыхъ въ Петрозаводскъ сравнительною близостью къ Петербургу, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, въ Петрозаводскѣ былъ тогда цѣлый кружокъ ссыльныхъ, большей частью людей развитыхъ и образованныхъ; въ числѣ другихъ находился извѣстный польскій поэтъ Желиговскій и князь Трубецкой (отецъ графини Морни), разжалованный въ солдаты за свои романическія приключенія. Но если, съ одной стороны, эта разнообразная среда людей, собранныхъ съ разныхъ концовъ Россіи, имѣла благодѣтельное вліяніе на молодаго и впечатлительнаго Дове въ смыслѣ умственнаго развитія, то съ другой — провинціальная жизнь, лишенная въ тѣ времена какихъ либо общественныхъ интересовъ и дѣятельности, производила обратное дѣйствіе. Отбываніе службы въ будни отъ такого

до такого-то часа составляло едва ли не единственное занятіе, а затѣмъ главной задачей большинства было убиваніе времени возможно веселымъ и разнообразнымъ образомъ. Это былъ какой-то безконечный рядъ праздныхъ и праздничныхъ дней и часовъ, проводимыхъ среди болтовни, прогулокъ, пикниковъ, музыкальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ и т. п. Въ личной жизни Дозе это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ самаго крайняго романтизма и наибольшаго увлеченія музыкой и поэзіей. Глубокая потребность въ домашней жизни сердечныхъ и дружескихъ отношеній, быть можетъ, вызванная первоначальнымъ воспитаніемъ, тѣсно сблизила его съ одной семьей, гдѣ онъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ; мало по малу онъ настолько привязался къ ней, что почти пересталъ отдѣлять ея интересы отъ своихъ собственныхъ. Это былъ своего рода культъ, доходившій до самоотрѣченія; по временамъ онъ самъ какъ будто тяготился подобными отношеніями, въ шутку называлъ ихъ «рабствомъ» и говорилъ, что нужно прекратить «унизительную службу». Но «рабство» продолжалось еще нѣсколько лѣтъ, потому что съ членами этой семьи, (которые не разъ упомянуты въ его дневникѣ подъ буквами: Е. А. N и К), онъ снова встрѣтился въ Петербургѣ, куда былъ переведенъ въ концѣ 50-хъ годовъ преподавателемъ русскаго языка въ одну изъ столичныхъ мужскихъ гимназій.

Русское общество переживало тогда періодъ броженія, неопредѣленныхъ и радужныхъ надеждъ, что въ Петербургѣ было замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Замѣчательныя реформы начала прошлаго царствованія туманили всѣмъ головы; ожила литература, ожило общество; либеральныя идеи охватили всѣхъ; и конечно, всего искреннѣе и сердечнѣе увлекались ими болѣе впечатлительныя и живыя натуры. Но у многихъ, и между прочимъ у Ѳ. И. Дозе, либерализмъ не былъ дѣломъ убѣжденія, принципа или строго провѣреннаго стремленія къ извѣстной цѣли: они думали и чувствовали такъ, потому что такъ думали и чувствовали люди дорогіе имъ. Особенно рельефно сказалось это въ студенческой исторіи 1861 года, и между прочимъ на Ѳ. И. Дозе, который былъ всецѣло поглощенъ ею, потому что среди арестованныхъ студентовъ были его близкіе друзья и пріятели. Когда наступили холода и у многихъ изъ заключенныхъ не оказалось теплой одежды, то Ѳ. И. Дозе изо дня въ день ѣздилъ по Петербургу, собиралъ деньги, покупалъ полушубки и всякое другое платье, возилъ въ крѣпость тюки за тюками. Онъ не помнилъ себя отъ счастья, если ему удавалось при этомъ увидѣть знакомую физіономію въ окнѣ крѣпостныхъ стѣнъ, и не пропускалъ ни одного дозволеннаго свиданія. Дни, когда всѣ студенты были одновременно выпущены изъ крѣпости, были едвали не лучшими днями въ жизни Дозе; близкіе знакомые никогда не видали его такимъ радостнымъ и

сіяющимъ. Дни эти скоро прошли; нѣкоторые изъ студентовъ, наиболѣе замѣшанные въ студенческой исторіи, были отправлены въ ссылку. Θ. И. Дозе, въ числѣ другихъ, проводилъ ихъ до городской заставы и затѣмъ вступилъ съ ними въ дѣятельную переписку, посылалъ деньги, сообщалъ всѣ новости и городскіе слухи, не соображаясь съ тѣмъ, насколько это полезно для нихъ и для него самаго.

Между тѣмъ, многое стало не такъ, какъ прежде; въ самомъ настроеніи общества обозначилась рѣзкая перемѣна. Но Θ. И. Дозе оставался неизмѣннымъ, хотя, разумѣется, безсознательно продолжалъ дѣлать все, чтобы навлечь на себя подозрѣніе, особенно своимъ самобытнымъ образомъ жизни. Ему как-то не сидѣлось на мѣстѣ; постоянное передвиженіе было для него нормальнымъ существованіемъ, отчасти по привычкѣ, быть можетъ, также вслѣдствіе вѣчнаго недовольства собою и неудовлетворенія въ нравственныхъ и сердечныхъ стремленіяхъ. Въ свободное время онъ ѣздилъ по городу, дѣлалъ невѣроятные концы, проѣзжая на извощикахъ большую часть своего учительскаго заработка. Денежныя его дѣла были всегда запутаны, жилъ онъ бѣдно, ѣлъ, что попало; и даже повидимому не замѣчалъ этого, такъ какъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго стремленія къ комфорту. Являлся онъ или, вѣрнѣе сказать, врывался въ домъ всегда неожиданно и также внезапно исчезалъ; иногда визитъ его продолжался нѣсколько минутъ, иногда нѣсколько часовъ, особенно, если онъ садился за фортепіано и находился подъ впечатлѣніемъ концерта или оперы, слышанной наканунѣ. Друзья Θ. И. Дозе привыкли къ подобнымъ посѣщеніямъ, да онъ и самъ никогда не стѣснялся въ этомъ отношеніи, потому что всегда немедленно приводилъ въ исполненіе все, что ему приходило въ голову. Любилъ онъ также совершать далекія прогулки за городъ, особенно весной; когда наступали свѣтлыя ночи, онъ иногда проводилъ ихъ совсѣмъ безъ сна, сидѣлъ цѣлыми часами у Невы и смотрѣлъ, какъ разводятъ Николаевскій мостъ и проходятъ суда.

Люди, близко знавшіе Θ. И. Дозе, находили все это совершенно естественнымъ при его самобытной, артистической натурѣ; но со стороны такой образъ жизни долженъ былъ казаться болѣе чѣмъ страннымъ и обратить на себя вниманіе. Дѣйствительно, какому разсудительному человѣку могло прійти въ голову, что это дѣлается «такъ себѣ», безъ всякой опредѣленной цѣли. Наконецъ Θ. И. Дозе пришла фантазія съѣздить съ Москву, чтобы присутствовать при заутрени наканунѣ Пасхи; онъ заранѣе мечталъ о звонѣ всѣхъ колоколовъ московскихъ, роскошномъ видѣ освѣщеннаго Кремля и проч. Весною 1862 года, онъ осуществилъ эту фантазію] и въ своихъ письмахъ къ друзьямъ съ восторгомъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него Кремлемъ во время заутрени, не подозрѣвая приближенія грозы.

Между тѣмъ, по случайному совпаденію, на другой день его пріѣзда въ Москву, по многимъ улицамъ и бульварамъ древней столицы разбросаны были прокламаціи возмутительнаго содержанія. Естественно, что ихъ появленіе приписали Ѳ. И. Дове, который казался ненадежнымъ и до этого; его внезапный отъѣздъ изъ Петербурга могъ только усилить существовавшее противъ него подозрѣніе, равно и образъ жизни въ Москвѣ, гдѣ онъ по своему обычаю съ утра до вечера разъѣзжалъ по улицамъ, съ цѣлью познакомиться съ общимъ характеромъ города, какъ онъ писалъ въ своихъ письмахъ.

Прошли праздники. Ничего не подозрѣвавшій Дове вернулся въ Петербургъ къ началу занятій въ гимназіи, веселый и довольный. Весь апрѣль прожилъ онъ благополучно; никто не тревожилъ его; но въ ночь на 8-е мая, едва успѣлъ онъ вернуться послѣ прогулки въ лодкѣ и лечь въ постель, какъ его неожиданно арестовали и увезли въ первую часть. Здѣсь жизнь его, какъ видно изъ «Дневника», не особенно тяготила его; онъ могъ видѣть посѣщавшихъ его друзей, читать книги и газеты. Но 3-го іюня Ѳ. И. Дове перевезли въ крѣпость, и для него началось полное одиночное заключеніе, потому что, въ силу тяготѣвшаго на немъ подозрѣнія, всѣ свиданія были запрещены. Строгость, съ какой его содержали первое время, еще больше усиливала его безпокойство; но мало по малу ему предоставлены были нѣкоторыя льготы и, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, онъ получилъ бумагу и дозволеніе писать. Онъ началъ прилагаемыя записки въ формѣ «дневника»; тѣсно нанизанныя строчки мелкимъ почеркомъ, особенно въ первой тетради, ясно доказываютъ, какъ онъ дорожилъ возможностью, хотя заочно, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими чувствами и мыслями.

Онъ не задаетъ себѣ вопроса, дойдетъ ли когда-нибудь его дневникъ по назначенію, и пишетъ все, что ему приходитъ въ голову, не заботясь о послѣдовательности изложенія. Подробный анализъ личныхъ ощущеній придаетъ еще больше субъективный характеръ его запискамъ, которыя переполнены обращеніями къ отсутствующимъ друзьямъ, заботой о матери, воспоминаніями прошлаго.

Первые дни «Дневника» Ѳ. И. Дове заняты короткимъ описаніемъ всего пережитаго имъ, начиная съ ареста 8-го мая; онъ вспоминаетъ содержаніе въ части, пріѣздъ въ крѣпость и свою радость при мысли, что его посадятъ въ ту самую куртину, гдѣ прошлой зимой сидѣлъ его наиболѣе любимый пріятель-студентъ. Но это впечатлѣніе скоро проходитъ; одиночное заключеніе начинаетъ все болѣе и болѣе тяготить его; сознаніе полнаго безсилія и безпомощности доводитъ его до отчаянія и истерическаго плача; не разъ у него является мысль о самоубійствѣ. Между тѣмъ, подобное малодушіе, даже помимо личныхъ свойствъ Ѳ. И. Дове, вполнѣ понятно

въ его положеніи; человѣкъ спокойно выноситъ и болѣе сильныя страданія и невзгоды, когда онъ воодушевленъ идеей и знаетъ, за что страдаетъ. Ничего подобнаго не было въ данномъ случаѣ. Ѳ. И. Дозе, въ силу своей природы и склада характера, не въ состояніи былъ увлекаться отвлеченной идеей, въ виду далекаго будущаго, и, какъ видно изъ его «Дневника», менѣе чѣмъ кто-нибудь догадывался о причинѣ своего заключенія. Неизвѣстность томитъ его; онъ не можетъ допустить мысли, чтобы могли серьезно считать его политическимъ преступникомъ, теряется въ невѣроятныхъ догадкахъ. Но тѣмъ не менѣе, опять-таки сообразно своему характеру, въ тотъ моментъ, когда его ведутъ къ допросу, который можетъ разрушить его мучительныя сомнѣнія, онъ пользуется минутой ожиданія передъ призывомъ въ коммисію, садится за фортепіано и играетъ пѣсню Дездемоны. Затѣмъ его приводятъ въ залу засѣданія, гдѣ вся обстановка убѣждаетъ его, что это чрезвычайная коммисія, соотвѣтствующая важности дѣла, и что изъ этого выйдетъ «долгое, долгое дѣло». Но его особенно смущаетъ необходимость стоять обвиненнымъ передъ коммисіей: «и какъ неловко—пишетъ онъ—отвѣчать на вопросы, видѣть, что мнѣ не вѣрятъ, когда я говорю, требуютъ объясненій, дополненій, притомъ знаешь, что всѣ они читали мои письма, равнодушно и можетъ быть съ усмѣшкой смотрѣли на нихъ, на то, что для меня дорого»...

По окончаніи засѣданія ему дали въ казематъ писать отвѣты на тѣ же вопросы, какіе ему были сдѣланы словесно. Въ заголовкѣ вопросовъ было написано: «Протоколъ допроса, произведеннаго... коммисіей о злонамѣренномъ распространеніи возмутительныхъ прокламацій».—«Такъ вотъ въ чемъ меня обвиняютъ! Какъ же могло составиться такое обвиненіе!» восклицаетъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ подсудимый. Открывается новый источникъ мученій и догадокъ; у него разыгрывается воображеніе; онъ приходитъ въ ужасъ отъ мысли, что знакомство съ нимъ можетъ погубить невинныхъ людей, и между прочимъ выражаетъ опасеніе, что какая-нибудь фраза въ перепискѣ «по статьѣ закона можетъ отправить его самого въ каторгу»...

Но все это пережитыя впечатлѣнія; авторъ записокъ разсказываетъ о нихъ по воспоминанію; собственно «Дневникъ», въ тѣсномъ значеніи этого слова, продолжается всего нѣсколько дней, съ 1-го до 11-го августа. Характеръ изложенія все тотъ же; на ряду съ воспоминаніями прошлаго описаны ощущенія данной минуты; только прежній упадокъ духа по временамъ смѣняется надеждой на близкое освобожденіе по случаю ожидаемаго празднованія тысячелѣтія Россіи, 8-го сентября.

«Дневникъ» обрывается на половинѣ фразы и, какъ видно, не по недостатку бумаги, потому что затѣмъ слѣдуютъ двѣ чистыя страницы. Всего вѣроятнѣе автору надоѣло повторять однѣ и тѣ же

.ысли, вызванныя однообразной жизнью день за день, тѣмъ болѣе, что его надежда на освобожденіе не осуществилась такъ скоро, какъ онъ ожидалъ этого.

Ѳ. И. Дозе былъ освобожденъ только зимой 1863 года и сосланъ на жительство въ Кострому. Ему возвратили всѣ бумаги, письма и фотографическія карточки и предоставили отправиться въ ссылку безъ провожатыхъ, но подъ условіемъ не видѣться ни съ кѣмъ изъ петербургскихъ знакомыхъ, что онъ исполнилъ въ точности. При этомъ ему вручили листъ, въ которомъ было сказано, что онъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій; но тѣмъ не менѣе навсегда лишенъ права преподавать, какъ въ казенныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Съ этимъ видомъ Дозе пріѣхалъ въ Москву; но не захотѣлъ остановиться въ гостинницѣ, и, проживъ трое сутокъ у знакомыхъ, отправился по назначенію въ спокойномъ настроеніи духа потому, что, разумѣется, въ это время радостное чувство свободы заглушало въ немъ всѣ другія соображенія. Бодрость не покидала его и въ первые годы ссылки; онъ познакомился съ костромскимъ обществомъ, принималъ живое участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, занимался музыкой, и въ это же время принялъ на себя завѣдываніе губернской типографіей и редакціею Костромскихъ Вѣдомостей. Между тѣмъ, тяжелое сознаніе неволи и печальная безъисходная будущность стали представляться ему въ болѣе и болѣе мрачныхъ краскахъ; его охватила глубокая тоска, усиленная болѣзнью. Скоро обнаружились явные признаки водяной; онъ слегъ въ постель. Въ этомъ положеніи мы застали его во время нашего проѣзда черезъ Кострому, лѣтомъ 1876 года. Свиданіе съ нимъ произвело на насъ невыразимо грустное впечатлѣніе. Его убогая квартира состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ; всѣ двери были настежъ, такъ какъ единственная прислуга съ утра ушла куда-то; мебелью служили: нѣсколько стульевъ и ломберный столъ, на которомъ стоялъ полуразбитый сливочникъ и стаканъ недопитаго чая. Дозе лежалъ въ сосѣдней комнатѣ; услыхавъ знакомые голоса, онъ вышелъ къ намъ. Мертвенная блѣдность покрывала его опухшее, почти неузнаваемое, лицо; онъ привѣтствовалъ насъ слабымъ подобіемъ улыбки, спросилъ о петербургскихъ знакомыхъ; затѣмъ вынулъ изъ стола и показалъ фотографическія карточки, которыя хранилъ въ числѣ немногихъ вещей, напоминавшихъ прошлое. Нашъ разговоръ продолжался недолго; больной долженъ былъ лечь въ постель, и мы навсегда простились съ нимъ.

Но Дозе не суждено было умереть отъ болѣзни простой смертью. Противъ всякаго ожиданія, онъ выздоровѣлъ отъ водяной, и послѣ того прожилъ еще три года. Но это было самое печальное существованіе. Онъ сдѣлалася мнительнымъ и недовѣрчивымъ, сталъ избѣгать людей, и если посѣщалъ изрѣдка прежнихъ знакомыхъ, то исчезалъ при первомъ звонкѣ. По городу распространился слухъ,

что онъ запилъ, и какъ бы въ подтвержденіе этого, его стали встрѣчать въ обществѣ кутилъ, не подходящихъ къ нему ни по образованію, ни по умственному развитію; онъ самъ замѣтно опустился и упалъ духомъ. Между тѣмъ перемѣнился вице-губернаторъ и вмѣсто прежняго, Свирибѣева, который относился къ Дове съ полнымъ уваженіемъ, новый начальникъ, движимый усердіемъ къ службѣ, сразу отыскалъ у своего подчиненнаго промахи въ веденіи денежной части и велѣлъ въ три дня привести все въ порядокъ. Но къ этому сроку Дове выбылъ изъ списка живыхъ. Наканунѣ онъ сжегъ всѣ свои бумаги и письма и расплатился съ долгами; затѣмъ утромъ купилъ зельтерской воды и апельсинъ и отправился на кладбище. По дорогѣ онъ зашелъ къ знакомымъ, видимо оттягивая минуту смерти, даже завернулъ къ острожному смотрителю, но не долго оставался у него. Вслѣдъ затѣмъ, сторожъ и каменьщики, работавшіе на кладбищѣ, услыхали выстрѣлъ и бросились въ ту сторону, гдѣ онъ послышался. Они нашли Ѳ. И. Дове у одной могилы полулежащимъ на скамьѣ, съ пистолетомъ, приложеннымъ къ виску. Смерть была мгновенная; у ногъ трупа лежала пустая бутылка и корки апельсина.

Дали знать полиціи и перевезли умершаго на квартиру; затѣмъ извѣстили знакомыхъ, которые уже застали его на столѣ. Одѣтъ онъ былъ крайне бѣдно, потому что, наканунѣ продалъ часть своего платья, а остальное роздалъ типографскимъ рабочимъ. Денегъ всего оказалось 40 к., такъ что наскоро сдѣлана была подписка на похороны. Послали за священникомъ служить панихиду; въ это время пріятели послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Дове, не оставившіе его и въ эту минуту, принесли водку, чтобы помянуть покойника. Послышался смѣхъ и грубыя шутки: одинъ изъ нихъ воскликнулъ вполголоса: «Сдержалъ-таки обѣщаніе, не обманулъ!» но вслѣдъ затѣмъ отрекся отъ своихъ словъ, когда его спросили о значеніи ихъ. На панихиду Ѳ. И. Дове пришли и рабочіе изъ типографіи, вспомнили объ его добротѣ и вызвались безплатно отнести его въ церковь и на кладбище. На похоронахъ было много народа; но за гробомъ шло только четверо изъ его прежнихъ знакомыхъ и его послѣдніе пріятели, сильно подпившіе.

Ѳ. И. Дове похоронили у ограды на безплатномъ городскомъ кладбищѣ, въ концѣ Русиной улицы; могилу его обложили дерномъ и поставили деревянный крестъ, на которомъ обозначенъ день его кончины: 23 іюня 1879 года.

30-го іюля. Такъ я радъ сегодня, такъ счастливъ, точно свободу получилъ, а все оттого, что принесли вотъ бумагу да писать позволили.

Первая мысль, которая точно огнемъ обожгла (ей-Богу не фраза) мою взбудораженную голову, это писать къ вамъ, добрая

моя, названная сестра. Напишу вамъ за все время этихъ трехъ мѣсяцевъ тюрьмы, потомъ буду продолжать дневникомъ. Вѣдь, собственно говоря, одиночное заключеніе сегодня кончено: можешь съ вами говорить; но и сотой доли не выскажешь того, что передумалось въ эти мѣсяцы, и выйдетъ такъ, какъ въ наше послѣднее свиданіе (въ части): хотѣлъ сказать вамъ много, и нужно было спросить о многомъ, да ничего не сказалось — обрадовался, какъ шальной, и когда вы уѣхали, ходилъ да охалъ, да рукой себя по лбу билъ. Ахъ, это послѣднее свиданіе! До сихъ поръ вспоминается, и такъ весело вспоминается; Е. А. представляется мнѣ такой школьницей въ ту минуту,—то-то хохотала, я думаю. Иногда вся сцена необыкновенно живо воскресаетъ въ памяти; мнѣ бы слѣдовало отступить передъ Е. А. на два шага и сказать: «не достоинъ, не достоинъ»...

Часто въ этомъ дневникѣ я буду вспоминать прошедшее. Настоящаго у меня нѣтъ, я вѣдь теперь отрѣзанный ломоть: жилъ до 8-го мая, 8-го въ «секретную», 3-го іюня въ крѣпость, полный досугъ думать о прошедшемъ и будущемъ. Знаете, какія вѣсти и какъ доходятъ ко мнѣ? Вотъ 1-го іюля, напр., надъ моей головой со стѣны пушки стрѣляли, стекла разбились; сосчиталъ число выстрѣловъ—значитъ царскій праздникъ. Черезъ Неву какіе-то чудные флаги видны, огни по вечерамъ въ одномъ домѣ, люди чернѣютъ на набережной: спасибо плацъ-майору, объяснилъ въ чемъ дѣло, — японское посольство тутъ остановилось. А то вотъ еще что случилось раза два: не достучишься въ свое окошечко, одинъ отвѣтъ,—прислуга вся занята,—ну, и догадываешься, что это значитъ: новыхъ арестантовъ привезли; и дѣйствительно, пойдешь въ субботу въ баню вдоль стѣны, видишь забѣленныя окна, сѣрый арестантскій халатъ въ форточкѣ и не веселое лицо.—Вотъ и все, что доходило до меня. Немного? За то къ звукамъ прислушиваешься всласть; слушаешь, какъ экипажи стучатъ по набережной да по мостамъ, знаешь какой пароходъ въ какую ноту свиснетъ, когда подходитъ подъ мостъ; каждый праздникъ въ 5 часовъ слушаешь первые аккорды военнаго оркестра, который на пароходѣ отваливаетъ отъ Лѣтняго сада къ Излеру; колокольный звонъ слушаешь да четверти, которыя отбиваютъ крѣпостные часы и т. д.

Такъ настоящаго у меня нѣтъ; о крѣпости, впрочемъ, я разскажу вамъ завтра, а теперь скажу только, что Тургеневъ правъ, помните въ «Отцахъ и дѣтяхъ» фразу: «... въ тюрьмѣ, говорятъ, время идетъ еще скорѣе»... Время идетъ дѣйствительно скоро, но что это за время! Одиночное заключеніе, да еще безъ занятій, сложа руки, кажется, самое страшное наказаніе; я не понимаю, какъ выносятъ ѐго à la longue. Въ каторгѣ есть работа, движеніе на вольномъ воздухѣ, хоть и въ цѣпяхъ,—а тутъ приходится сидѣть, глядѣть на стѣны, слушать шаги въ корридорѣ, оживляться

животнымъ инстинктомъ за $^1/_2$ часа до обѣда, до чая, (точно звѣри у Крейцберга въ клѣткахъ; вы видали, что за $^1/_2$ часа до кормленія они мнутся въ клѣткахъ? вѣдь это смѣшно; а дѣйствительно начинаешь бѣгать по комнатѣ въ это время; да и сосѣдъ, слышно черезъ корридоръ, воодушевляется тѣмъ же чувствомъ, тоже зашагаетъ). Я бы не вынесъ этого. Если бы меня осудили на годъ или на два на одиночное заключеніе такого рода, я бы задавился. А знаете, что я ужъ примѣривался и не стыжусь признаться вамъ въ этомъ: былъ вечеръ, когда я ревѣлъ истерически, такъ нервы расходились; да и кромѣ того случалось бывать въ подобномъ настроеніи. Серьезно давиться, разумѣется, я не думалъ,—это было бы дико — малодушно, а для развлеченья себя, только примѣривался: носовой платокъ длинный, сдѣлаешь петлю, надѣнешь на шею и потянешь, такъ чтобы не очень туго было, — ну, и ничего, хорошо: тотчасъ кровь сильно ударитъ въ голову. Это утѣшительно; значитъ, еслибы пришлось давиться, умрешь отъ удара раньше, чѣмъ хорошенько задохнешься.

Впрочемъ, обо всемъ этомъ потомъ; но съ чего же теперь начать писать къ вамъ? съ самаго начала? Знаете, я съ сожалѣніемъ вспоминаю тотъ мѣсяцъ, который прожилъ въ 1-й части, и жалѣешь не о комфортѣ, а о людяхъ. Тамъ позволено было мнѣ гулять, сидѣлъ я у открытаго окна, хоть и за рѣшеткой, тамъ газеты, домашній обѣдъ,—но все это ничего, а главное то, что такъ неожиданно встрѣтилъ я столько гуманнаго вниманія, столько деликатности. Еслибы вы видѣли, какой граціозный, добрый ребенокъ былъ моей покровительницей, какъ радостно посылала она ко мнѣ свои лакомства, газеты, какъ усердно мы выражали другъ другу изъ окна въ окно, черезъ цѣлый дворъ, самыя розовыя чувства, и какая это была уморительная мимика! Помню я послѣдній вечеръ, 2-го іюня, когда я зналъ уже, что рано утромъ меня повезутъ въ крѣпость. Сижу я у окна; вдругъ насупротивъ открывается форточка, выглядываетъ дѣтская головка и отчетливо звонко, черезъ весь дворъ кричитъ мнѣ изъ всѣхъ силъ своей дѣтской груди: «Monsieur! Maman a le coeur trop gros... elle va prier Dieu pour vous»... и затѣмъ изчезаетъ такъ же быстро, какъ появилась, а на ея мѣсто появляется забавно серьезная физіономія младшей сестры, объявляетъ мнѣ, что сестра убѣжала, потому что расплакалась.—Милые добрые люди! завѣщаю вамъ N, если меня сошлютъ, достаньте фотографическую карточку семейства Іотки[1]) и перешлите ко мнѣ. А если не сошлютъ, такъ я вамъ разскажу, если хотите, о моемъ житьѣ-бытьѣ въ части, объ «общей», о дняхъ пожаровъ и т. д. Помню, что въ это время у меня были тяжелыя минуты,

---

[1]) Тогдашній приставъ Первой Адмиралтейской части. Ред.

нетерпѣливое ожиданіе суда, неизвѣстность—за что арестованъ [1]), въ чемъ обвиняютъ, неизвѣстность на счетъ матери; но все это прошло, и странно сказать, у меня осталось только одно пріятное воспоминаніе о первомъ мѣсяцѣ тюрьмы, добродушныя личности сторожей, плѣшиваго до самой спины Ключика и Антона, который смѣшилъ меня до слезъ своей медвѣжьей ловкостью, при самомъ наивномъ желаніи сдѣлать какъ можно лучше, и т. п. впечатлѣнія. Исключеніе изъ этого ряда одно, это отвратительное впечатлѣніе въ поѣздкѣ на острова съ переодѣтымъ квартальнымъ надзирателемъ Дмитріевымъ; чувствуешь его до сихъ поръ такъ живо, какъ тяжелую, только что нанесенную обиду. Онъ былъ у меня въ части нѣсколько разъ; очевидно и раньше, въ апрѣлѣ, онъ имѣлъ надо мной надзоръ, и вѣроятно онъ же такъ глупо являлся ко мнѣ подъ именемъ Клементія Бера. А вѣдь страшно, когда подумаешь, что отзывъ такого господина, желающаго во что бы то ни стало попасть въ милость къ начальству, будетъ имѣть вліяніе, что его послушаютъ, повѣрятъ его наблюденіямъ. Пріѣхали мы на Каменный островъ, въ кондитерскую, пообѣдали тамъ, я выпилъ рюмку коньяку, былъ слабъ отъ тюрьмы, вино бросилось мнѣ въ голову. До сихъ поръ зло беретъ, какъ вспомнишь, какъ глупо и нахально этотъ господинъ тотчасъ же заговорилъ со мной: «откройте», говоритъ; деньги и мѣсто хорошее обѣщалъ. Я удержалъ себя на ту минуту, но потомъ жалѣлъ, что не отвѣтилъ, какъ слѣдовало. И странная вещь. Золотницкій [2]) тоже говорилъ мнѣ: «откройте, васъ освободятъ»... Какого же открытія хотятъ отъ меня? въ чемъ же меня подозрѣваютъ? Впрочемъ, это разъяснится.

А на прощанье Дмитріевъ говоритъ: «я постараюсь, чтобы вы меня не забыли». Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, и принимаю его слова за угрозу напакостить мнѣ такъ, чтобы я вѣкъ помнилъ.— Самолюбіе задѣто... а, Богъ съ нимъ! досадно даже, что заговорилъ объ этомъ. Началъ письмо къ вамъ такъ радостно, а кончилъ чортъ знаетъ какъ. Темно уже. До завтра.

31-го іюля. Было отличное утро, когда меня отвезли въ крѣпость. Троицкій мостъ былъ разведенъ, суда проходили, — мы ждали тутъ больше получасу. Вы спали въ это время, и не снилось вамъ, что я все смотрѣлъ въ вашу сторону, не покажитесь-ли?

Въ крѣпость въ одно время съѣхалось нѣсколько каретъ, въ въ каждой полицейскій офицеръ и арестантъ. Въ пріемной у камендавта всѣ сошлись. Это была странная сцена: всѣ молча сидѣли по угламъ, возлѣ своихъ офицеровъ, съ натянутымъ равнодушіемъ

---

[1]) Это впрочемъ мнѣ неизвѣстно даже до сегодня, но объ этомъ напишу вамъ завтра.

[2]) Тогдашній петербургскій полиціймейстеръ. Ред.

смотрѣли другъ на друга, — а на губахъ шевелился вопросъ: кто ты такой? за что взятъ? — Приходитъ плацъ-адъютантъ Русовъ въ кабинетъ къ коменданту; узналъ меня, поздоровался. Черезъ ½ часа началась выкличка: «Господинъ А!..» встаетъ офицеръ, кажется, въ стрѣлковой формѣ, идетъ въ кабинетъ коменданта, — и черезъ нѣсколько минутъ проходитъ обратно уже съ плацъ-адъютантомъ, а полицейскій беретъ пальто и уѣзжаетъ, сдалъ своего арестанта. Перебрали такимъ образомъ всѣхъ, человѣкъ пять: медицинскій студентъ какой-то между нами, а остальные въ статскомъ. Я былъ послѣдній. Позвали меня. Мой полицейскій ловко отрекомендовалъ меня коменданту, — «надворный совѣтникъ Дове». Рекомендація, впрочемъ, была лишняя, комендантъ помнилъ меня и безъ того. Между нами произошелъ короткій, но ясный разговоръ: — «Вы бывали здѣсь зимой, платье привозили студентамъ?» — Бывалъ. — «За что вы арестованы?» — Мнѣ этого не говорили. Это извѣстно тѣмъ, кто арестовалъ меня. — «А-а... вамъ неизвѣстно... Что, вамъ вѣрно понравилось въ крѣпости?» — Не совсѣмъ, я здѣсь не по своей охотѣ. Могу я сохранить при себѣ вещи, которыя я съ собой привезъ? — «Нельзя». Книги? — «Нельзя». — Чай и сахаръ? — «Нельзя». — Одѣяло, по крайней мѣрѣ? — «Это можете (къ плацъ-адъютанту): отведите ихъ»... Повели меня. Спрашиваю: куда? въ Алексѣевскій? — «Нѣтъ, въ Невскую куртину». Это меня порадовало, знакомая куртина, тамъ К. зимой жилъ. Входимъ въ больничное отдѣленіе; темный корридоръ, въ самомъ концѣ корридора отворили дверь, впустили въ комнату, дверь за мной на замокъ, и я остался одинъ. За дверью стукнуло ружье, часоваго тутъ поставили. Я оглядѣлся: комната большая, сводомъ, темная; на стѣнѣ огромныя пятна отъ сырости, кровать, столикъ, стулъ, огромная оловянная кружка съ водой, и все тутъ. На стѣнахъ знакомыя фамиліи студентовъ и безчисленное число разъ братья Ф...и, дурни должно быть оба, судя по страсти къ сантиментальнымъ надписямъ и грамматическимъ ошибкамъ. — Подошелъ къ окну: о, радость — Нева, и какъ разъ окно надъ пристанью: видно будетъ входящихъ и выходящихъ. Сѣлъ на кровать, думаю, какъ быть теперь? Къ счастью вспомнилъ, что студентовъ сначала тоже круто приняли, а потомъ все шло лучше и лучше, нужно, значитъ, обезпечить себя на первое время. Вещи мои лежали въ углу, тотчасъ-же я вынулъ оттуда сигары, папиросы, спички, булку, сахаръ, и все это подъ тюфякъ, — и жду. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ плацъ-адъютантъ съ солдатами. Раздѣли, дали казенное бѣлье, сѣрый халатъ, отобрали всѣ вещи, переписали ихъ, и опять я остался одинъ: подъ тюфякъ, къ счастью, не заглянули.

По случаю воскресенья принесли кружку чаю. Понюхалъ — полынь, и отставилъ къ сторонѣ. Принесли обѣдъ: ломоть чернаго хлѣба и щей безъ говядины, и, Богъ мой, что это за щи! — Въ сущ-

ности все это вздоръ, но впечатлѣніе сдѣлало прескверное; а именно обидно то, что сначала человѣка посадятъ, а потомъ будутъ переписываться, какъ его содержать; а на то время, когда идетъ переписка, и держать на 2 1/2 коп. въ сутки. Для меня этотъ день былъ не такъ тяжелъ, а каково для другихъ, у которыхъ не было запаса? Я ѣлъ булку съ сахаромъ, запивалъ водой, и курилъ какъ школьникъ, въ рукавъ: дымъ самый тоненькой струйкой пускалъ за окно, чтобы часовой не увидалъ. Ночью за то съ наслажденіемъ выкурилъ сигару.

Интересно бы прочитать инструкцію, по которой держатъ арестантовъ. Съ нѣкоторыми чертами инструкціи я познакомился на практикѣ. Входитъ, напр., плацъ-адъютантъ, двери настежъ, и у дверей стоятъ солдаты, — это чтобы не было разговора, должно быть, — и дѣйствительно, плацъ-адъютанты ужасно стѣснялись, когда скажешь что нибудь не относящееся къ здоровью, къ сну, и т. п. — Солдаты въ корридорѣ не смѣютъ говорить между собой: все дѣлается молча, быстро, страшно какъ-то. Утромъ отворяются двери, въ комнату врывается нѣсколько человѣкъ, одинъ ставитъ тазъ и даетъ умываться, двое метутъ, третій выноситъ, четвертый со стола и съ окна стираетъ пыль; все это дѣлается бѣгомъ, все это не говоритъ ни слова и убѣгаетъ такъ же быстро, какъ появилось,—я опять одинъ, до обѣда. Слышу, разъ, кричатъ: «Старшаго позвать!» — это унтеръ-офицера, у котораго ключи. Въ корридорѣ началось щелканье замковъ, доходитъ и до моей комнаты, отворилась дверь и входитъ комендантъ, спрашиваетъ какъ здоровье, оглядываетъ комнату. Меня въ то время мучила мысль о матери, думалось, что умретъ она съ испугу, не получая долго отъ меня писемъ. Прошу коменданта, нельзя-ли писать мнѣ къ ней отсюда?— «Нельзя». — Нельзя-ли въ такомъ случаѣ написать мнѣ къ генералъ-губернатору? онъ разрѣшитъ мнѣ письма. «Нельзя. Всякая переписка изъ крѣпости запрещена». — Но вѣдь это не переписка съ генералъ-губернаторомъ, а письмо къ нему! — «Нельзя, на это есть инструкція; сами виноваты, зачѣмъ попались?» — А развѣ вамъ, генералъ, не случалось выпускать изъ крѣпости людей совершенно невинныхъ? за что же эти невинные должны страдать по выходѣ отъ слѣдствій ареста?— «Выпускаютъ многихъ, да только по великодушію».

Вотъ когда комендантъ ушелъ, тутъ со мной и сдѣлалась истерика. Чортъ знаетъ, какъ горько было, такой полный упадокъ духа отъ сознанія своего совершеннѣйшаго безсилія. Запертъ... хоть лобъ расшиби объ стѣну, хоть волкомъ вой, никто вниманія не обратитъ, не пройдетъ голосъ за казематы. Тутъ-то почувствовалось такъ, какъ ни разу до тѣхъ поръ, что тюрьма все равно, что могила.

Странный человѣкъ этотъ комендантъ. Лучшаго коменданта не

придумать. Онъ ни на шагъ отъ своей инструкціи, порядокъ во всемъ удивительный. Я никогда не забуду желѣзнаго тона его «нельзя»... Но теперь это нельзя обратилось въ можно; на сколько онъ участвовалъ въ этомъ превращеніи? Великодушія въ немъ нѣтъ, это видно;—впрочемъ привычка тутъ много значитъ. Для него арестантъ и преступникъ одно и тоже; арестъ — не простое лишеніе свободы на время суда, а уже наказаніе суда. Сначала я думалъ, что онъ не взлюбилъ меня. Вѣроятно, онъ думалъ :«какъ? я его за добродѣтельнаго считалъ, руку зимой давалъ, а онъ разбойникъ, въ казематъ попалъ! — Да и зимой онъ, плутъ, надувалъ меня, — платье привозилъ студентамъ,—не даромъ ѣздилъ»...

Хоть пари держать, что онъ такъ думалъ, а можетъ быть, и теперь еще думаетъ. Сначала мнѣ приходило въ голову, что теперь прижметъ онъ меня, но это не оправдалось. Онъ постоянно вѣжливъ; что позволено, то исполняется въ точности, и видно, что смотритъ за тѣмъ, чтобы все въ точности исполнялось.

Позволяется все больше и больше, и въ этомъ есть интересная постепенность. Сначала появился супъ, потомъ порядочный чай и булки, потомъ выдали свои книги (но не журналы. Этого я не могу понять, почему такъ? Неужели забота о нравственности?) потомъ позволено курить по шести папиросъ или сигаръ въ день, но изъ какихъ-то особенныхъ суммъ, а не на свои деньги; потомъ свой табакъ, потомъ лакомства, съѣстное и рюмка вина за обѣдомъ и вечеромъ на свои деньги, письма къ матери, и наконецъ эта бумага, на которой я вамъ пишу. Но еще до сихъ поръ не позволено, хотя и очень желательно, написать письмо къ директору гимназіи объ устройствѣ моихъ дѣлъ, ни разу не выводили гулять на воздухъ, не было ни одного свиданія. Авось либо и этому придетъ свой чередъ.

Если постепенность позволеній помѣщена, какъ статья, въ инструкціи, то составитель ея былъ отличный психологъ. На первый взглядъ кажется просто несообразностью, отчего лишать сначала арестанта тѣхъ удобствъ, которыя даются-же со временемъ? Тутъ не можетъ быть милости, потому что сколько нибудь великодушный человѣкъ не станетъ сначала показывать свою власть надъ человѣкомъ связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, а потомъ, по немногу, распутывать эти веревки. Но это не понятно только на первый взглядъ, а въ сущности, это превосходнѣйшая вещь, придуманная очевидно съ той цѣлью, чтобы какъ можно больше сдѣлать не чувствительнымъ арестъ человѣка, еще не обвиненнаго судомъ, можетъ быть, невиннаго. Повѣрьте, N, что я говорю это нисколько не шутя, но совершенно серьезно, а именно вотъ почему: если бы всѣ эти вещи были позволены съ перваго же дня ареста, то теперь, черезъ два мѣсяца, съ ума можно было бы сойти отъ страстнаго желанія воздуха, движенія и людей. Но постепенность

дѣлала цѣлый рядъ дней праздничныхъ. Я положительно былъ счастливъ, когда у меня въ рукахъ появилась книга, обрадовался своему чаю и чайнику, какъ Богъ знаетъ чему,—а теперь, вотъ ужъ два дня, совсѣмъ не чувствую тюрьмы, когда говорю съ вами. Ну, не правда-ли, что составитель инструкціи психологъ и человѣкъ гуманный?

Вернусь къ началу. Въ Невской куртинѣ я прожилъ съ 3-го іюня по 24-е. 24-го, въ Екатерининскую. 9-го, вечеромъ, я видѣлъ васъ, Е. А. и А. Ѳ.—Вы пріѣхали въ крѣпость, это было въ субботу. Гдѣ вы были? въ церкви? Е. А. цвѣтущая, веселая,—ей что то говоритъ А. Ѳ. Вообразите, какъ я обрадовался, увидѣвши, что вы всѣ узнали меня въ окнѣ, чуть не закричалъ вамъ, да вспомнилъ, что часовой внизу. За то мимика въ форточкѣ была бурная, не правда-ли? Вы подходили къ воротамъ. Какъ вы похудѣли, какое болѣзненное лицо у васъ я разглядѣлъ! Отчего это? Отъ последней поѣздки? Стемнѣло, когла вы вышли изъ крѣпости, сѣли въ лодку, уѣхали. Помните, какъ я жегъ спички въ окнѣ, а вы, съ середины Невы, отвѣчали мнѣ такимъ же сигналомъ? — Я зажегъ огонь въ третій разъ, но вы уже не отвѣчали, да и лодка пропала въ туманѣ. Я суевѣренъ сдѣлался; мнѣ представилось, что я больше съ вами не увижусь.—Да такъ, вѣроятно, оно и будетъ, а почему такъ, объ этомъ я вамъ напишу ниже. Черезъ недѣлю опять увидалъ Е. А. съ Колей. Вѣрно она черезъ крѣпость приходила къ Армстронгъ, но васъ не было. Это было въ три часа; до ночи я не отходилъ отъ форточки, ждалъ, что вы всѣ пройдете черезъ крѣпость-же, да не дождался.—Теперь вамъ вѣрно хорошо въ Выборгѣ—у васъ и море, и другой образъ жизни...

Къ сентябрю вы вернетесь; добудете-ли позволеніе повидаться со мной? Неужели и въ самомъ дѣлѣ я васъ больше не увижу?

Перестану писать на сегодня; буду продолжать завтра. Ужасно скучно сдѣлалось. Видно, все это сдѣлается мило, когда пройдетъ, но не теперь еще.

---

1 **августа.** Я не буду распространяться о Невской куртинѣ: и вамъ скучно читать разсказъ объ этихъ безцвѣтныхъ дняхъ, да и мнѣ не весело писать. Они вѣдь не кончились. Едва-ли поэтому, я буду вести дневникъ изо дня въ день. Когда ведешь дневникъ, живѣе чувствуешь и тяжелѣе ложится на душу мысль о настоящемъ; иногда необходимо и забыться. Мнѣ это удавалось не разъ, напр. вотъ въ такіе дни: встанешь поздно, часовъ въ 12, позавтракаешь молокомъ, куришь, читаешь; цѣлыми часами сидишь у окна; какъ стемнѣетъ, ляжешь спать, но не спишь еще нѣсколько часовъ, и они проходятъ чрезвычайно скоро: думается, Богъ вѣсть о чемъ,

какъ будто сны на яву видишь, точно какъ въ дорогѣ, когда растрясетъ хорошенько, колокольчикъ брякаетъ, а самъ смотришь безучастно по сторонамъ, и не знаешь, мысли бродятъ въ головѣ или безсвязныя тѣни; верста за верстой проходятъ мимо и не замѣтно подъѣзжаешь къ станціи. Бывали у меня дни полной апатіи, идіотства какого-то: это тоже хорошіе дни. Нѣсколько сценъ помню живѣе. Разъ я отъ души хохоталъ надъ такой сценой: вѣтеръ былъ съ моря, прибыло воды, къ пристани нагнало рыбы,—видно было, какъ она играетъ около самаго берега. Крѣпостные солдатики затѣяли рыбную ловлю, растянули неводъ отъ плота черезъ маленькой заливецъ до стѣны куртины, и стали заходить: одинъ засучилъ брюки и шагаетъ по водѣ, другой идетъ вдоль стѣны,—всѣ ждутъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, что-то будетъ? Сошлись наконецъ, медленно, осторожно потянули неводъ, вытащили,— и ни одной рыбки: въ серединѣ невода они не досмотрѣли огромнѣйшей дыры, вся рыба ушла. Солдатикъ сначала съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на отверстіе, да какъ расхохочется, хлопнулъ себя по колѣнкамъ и присѣлъ. Что за заразительный былъ этотъ хохотъ! Я до слезъ смѣялся, и теперь еще—пишу вамъ и смѣюсь.

Занималъ меня также одинъ перевозчикъ, отличный пѣсельникъ. Всѣ пѣсни у него выходили à propos. Какъ-то утромъ совсѣмъ не было перевозу, перевозчики спали въ лодкахъ, а онъ вышелъ на пристань, облокотился на парапетъ, уставился въ воду и мурлычитъ про себя. Я не отхожу отъ окна, думаю: рефлексія напала на человѣка, навѣрное запоетъ, и отлично будетъ пѣть. Такъ и вышло. Онъ долго смотрѣлъ на воду, потомъ на меня взглянулъ, на стѣны, и запѣлъ. Пѣсня начиналась словами — «не сѣрая кукушка въ темномъ лѣсѣ скуковала»... а говорится въ ней о тюрьмѣ, о добромъ молодцѣ, который за рѣшеткой сидитъ за вину за какую-нибудь, а можетъ быть и просто такъ; никто къ нему не придетъ— только мать навѣстила. Пропѣлъ онъ эту пѣсню и сталъ смотрѣть на часоваго, — молодцоватый гвардеецъ, еще молодой, видно, что недавно на службѣ, — и запѣлъ про деревню, про семью, про наборъ, какъ младшаго сына въ солдаты сдали... Каковъ разбойникъ? Замѣтно было, что пѣсня за живое задѣла солдата:ересталъ ходить взадъ и впередъ, опустилъ голову, да такъ и стоялъ до конца пѣсни.

Недѣли двѣ прошло, какъ я сижу въ крѣпости. Какъ-то разъ слышу движеніе въ корридорѣ, отворяются мои двери, кто-то говоритъ густымъ голосомъ—sic transit gloria mundi, и въ комнату входитъ осанистый генералъ,—за нимъ комендантъ, плацъ-маіоръ, адъютанты. Я сконфузился до нельзя; мнѣ вообразилось, что это государь,—въ полусумеркахъ даже черты лица показались тѣже. Я не зналъ, какъ мнѣ говорить? Черезъ минуту же я опомнился, и по латинской фразѣ: seis—ne linguam latinam догадался, что это

Суворовъ; тотчасъ припомнился разсказъ К. о томъ, что Суворовъ былъ въ Дерптскомъ университетѣ и помнитъ полатыни. Пока всѣ эти мысли вертѣлись въ головѣ, Суворовъ что-то говорилъ,—я не понялъ, что именно [1]); помню отдѣльныя фразы:... «революціонеры!.. да такихъ и выбираютъ; глупаго человѣка не выберутъ.. видно по лицу, что вы умный человѣкъ; мнѣ говорили о васъ»... Потомъ разговоръ пошелъ на нѣмецкомъ языкѣ: «вы русскій?»—Русскій.— «Всѣ они хотятъ быть русскими... «кто вашъ отецъ?»—Датчанинъ,—и т. д. Въ какую путаницу я попалъ! Представьте себѣ, N. A,—я революціонеръ!!. я умное орудіе революціонеровъ!! Что за чудеса такія!

Сначала мнѣ было ужасно непріятно; я подумалъ—неужели Суворовъ пріѣхалъ сюда только затѣмъ, чтобы говорить мнѣ эти вещи? Но потомъ это впечатлѣніе быстро изгладилось, Суворовъ довольно долго былъ у меня въ комнатѣ, и я понялъ почему К. такъ полюбилъ его. Въ немъ много благородной прямоты и много сочувствія и пониманія такого положенія, въ какомъ были напр. студенты,—это сразу видно, не смотря на озадачивающую maniére de parler.—Я почувствовалъ къ нему самую полную довѣренность, и отъ души сказалъ ему подъ конецъ разговора: «увѣряю васъ, какъ честный человѣкъ, что я не знаю за собой никакой вины,—и жалѣю объ одномъ, что вы не мой судья: съ вами я кончилъ бы все дѣло въ какой нибудь часъ». Суворовъ обѣщалъ мнѣ устроить переписку съ матерью и поручилъ адъютанту спросить у Огарева [2]), скоро-ли мой допросъ. Изъ разговора его съ комендантомъ я узналъ еще, что изъ нашей куртины до сихъ поръ водили къ допросу только одного еще, какого-то медицинскаго студента, фамиліи не разслышалъ. Жду коммисіи. Дѣйствительно, дня черезъ три приносятъ мнѣ утромъ платье; въ коммисію. Она собирается въ 12 часовъ, меня повели въ 5,—офицеръ впереди, два солдата сзади,—и все это не говоритъ ни слова; ввели въ комнату плацъ-адъютанта, внизу; въ той-же комнатѣ поставили часоваго. Вижу фортепьяно открыты, я тотчасъ-же къ нимъ, пальцы какъ-то сами заиграли, и знаете что? пѣсню Дездемоны, «ивушку». Только что кончилъ, меня позвали на верхъ. Вхожу въ коммисію, въ комнатѣ господинъ въ синемъ вицъ-мундирѣ; мы раскланялись, онъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ стоять. Изъ другой комнаты вышли члены и заняли свои мѣста около стола. Меня озадачили эполеты и звѣзды, и именно тѣмъ озадачили, что, значитъ, это чрезвычайная коммисія, важность членовъ соотвѣтствуетъ важности дѣла, а затѣмъ неясно мелькнула мысль, что это будетъ долгое, долгое

---

[1]) Вы не осуждайте меня за это,— вы увидите, что въ коммисіи еще и не то было. Что-же дѣлать! тюрьма!

[2]) Членъ коммисіи, отъ ген. губ.

дѣло, сердце сжалось у меня. И какъ неловко, если бы вы знали, стоять обвиненнымъ передъ этой коммисіей, отвѣчать на вопросы, видѣть, что мнѣ не вѣрятъ, когда я говорю, требуютъ поясненій, дополненій; притомъ знаешь, что всѣ они читали мои письма, равнодушно и можетъ быть съ усмѣшкой смотрѣли въ нихъ на то, что для меня дорого. Сквернѣйшая въ мірѣ вещь допросъ, моя добрая: со стороны вамъ, можетъ быть, подумается, что же тутъ такое? спрашиваютъ, а ты отвѣчай... Въ томъ то и дѣло, что это со стороны такъ; но я перенесъ истинную пытку въ этотъ первый допросъ, горло сдавило такъ, что ужасно трудно было говорить. Читалъ вопросы дѣлопроизводитель; я долженъ былъ отвѣчать на нихъ тутъ же словесно, а потомъ мнѣ дали ихъ въ казематъ, писать эти же отвѣты. Въ заголовкѣ вопросовъ написано: Протоколъ допроса, произведеннаго коммисіей о злонамѣренномъ распространеніи возмутительныхъ прокламацій... Такъ вотъ въ чемъ меня обвиняютъ! Какъ же могло составиться такое обвиненіе? Этого я не узналъ изъ допроса; и спрашивали меня вотъ о чемъ: 1) кто я такой и проч. 2) какіе близкіе мои знакомые, съ кѣмъ я переписывался и о чемъ? 3) какія и по какому поводу мнѣ извѣстны прокламаціи? 4) зачѣмъ ѣздилъ въ Москву, и пр. Всѣ слѣдующіе вопросы относились къ тому, что нашли въ моихъ письмахъ касательно студентовъ, о комитетѣ, о моихъ сборахъ, о моихъ отношеніяхъ къ студентамъ и т. д. Попалось одно письмо мое къ К., въ которомъ я пишу ему: «возможна отсылка въ Пудожъ»... Я радъ былъ этому случаю, объяснилъ эти слова. Но вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ; хотя бы и всѣ члены были увѣрены въ совершенной невинности К., что же они могутъ сдѣлать, когда уже онъ сосланъ: это для нихъ постороннее дѣло!

Въ коммисіи спросили еще меня, откуда ко мнѣ попалъ № «Колокола»? Я говорю, что не знаю, занесъ кто нибудь.—Вы получили еще №, изъ-за границы? «Да, предъидущій». Отъ кого?— «Не знаю, № былъ въ конвертѣ, безъ письма». Тутъ я слышалъ какъ одинъ изъ членовъ коммисіи сказалъ вполголоса другому: «все это вздоръ, отговорка».—Хотѣлъ было я сказать, что есть у меня такая знакомая, что, зная ее, не заведешь дурныхъ знакомствъ,— да промолчалъ.

Допросъ кончился. Черезъ два дня позвали опять, прочитали мои письменные отвѣты, и опять ни слова о причинѣ ареста. Черезъ недѣлю вызвали еще разъ, прочитали мое дополнительное показаніе о знакомствѣ съ студентами, съ какими именно и въ какой степени, да еще о пистолетахъ, найденныхъ у меня,—и опять ни слова больше. Отъ послѣдняго допроса меня до сихъ поръ коробитъ и вся кровь бросается въ голову, когда вспомнишь его. Дѣло вотъ въ чемъ: мнѣ нездоровилось, слабость такая была и раздумье брало. Стою я передъ столами, и вдругъ чувствую, что у

меня должно быть въ эту минуту жалобная, плаксивая рожа. Вижу, что одинъ изъ членовъ коммисіи посмотрѣлъ на меня, написалъ что-то и показываетъ черезъ столъ своему визави. Я покраснѣлъ, я увѣренъ, что онъ написалъ, что я подличаю. Какъ вспомнишь объ этомъ, нѣсколько дней всякій разъ я рычалъ.

Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяцъ, меня не зовутъ. Значитъ все это идутъ предварительные допросы, потомъ будетъ самое обвиненіе, потомъ очные ставки, потомъ все это громадное дѣло пересмотрится, будетъ составленъ изъ него докладъ... а между тѣмъ куртины наполнены арестованными; это видно, когда ходишь въ баню. Когда же все это кончится? Объ окончаніи, впрочемъ, не думаешь: просидѣть ли еще мѣсяцъ, или до зимы, или до Пасхи, это какъ то не идетъ мнѣ въ голову, а не идетъ, можетъ быть, отъ того, что я боюсь думать о продолжительности ареста, и стараюсь жить изо дня въ день? Можетъ быть... За то слѣдствія ареста я передумалъ до послѣдняго, и, кажется, приготовился ко всякой случайности. О счастіи, о свободѣ, о занятіяхъ, о вечерахъ у васъ и не думаю. Я не знаю законовъ; можетъ быть, въ моей переапискѣ есть какая нибудь фраза, которая по статьѣ закона отправитъ меня и въ каторгу. Все можетъ быть!

Да, N, я обдумалъ все и совершенно хладнокровно пишу къ вамъ теперь, какъ о чужомъ совершенно дѣлѣ. Если меня пошлютъ въ каторгу, или осудятъ на одиночное заключеніе, я немедленно отправлюсь на тотъ свѣтъ. (Я засмѣялся сейчасъ, да и въ самомъ дѣлѣ дичь: я, котораго вы такъ хорошо знаете, въ каторгѣ!! Ну, похожъ-ли я на преступника?) Если меня выгонятъ изъ службы, если сошлютъ,—тогда другое дѣло; то плохо, что пьяницей сдѣлаешься гдѣ нибудь въ захолустьи, отъ скуки. Вотъ что можетъ быть худшаго; да и пора кончать — пожито; Кирсановъ вспоминается.

Но вотъ что еще: Суворовъ сказалъ мнѣ, что я очень, очень компрометированъ. Глупъ я былъ тогда, не спросилъ его, чѣмъ-же компрометированъ? Такъ и до сихъ поръ этого не знаю, а между тѣмъ ясно, что на меня смотрятъ, какъ на великаго злодѣя. Что, если вотъ что сдѣлалось: коммисія не говоритъ мнѣ, въ чемъ меня обвиняютъ, и спрашиваетъ только — съ кѣмъ вы знакомы? — «съ тѣмъ-то и тѣмъ-то». Подать сюда такого-то и такого-то, въ казематъ ихъ, пригодятся. Еще съ кѣмъ вы знакомы? — «Съ такимъ-то». — А подать и его сюда! — Знаете, что мнѣ это иногда серьезно приходитъ въ голову, какъ ни дика подобная мысль. Но, Боже мой, если хоть одинъ человѣкъ будетъ сидѣть въ крѣпости изъ за знакомства со мной, что тогда дѣлать? примѣнить къ себѣ окончательно практику съ носовымъ платкомъ, о которой я вамъ писалъ на первой страницѣ?

Нѣсколько фамилій изъ арестованныхъ я, впрочемъ, знаю и

вотъ по какому случаю. Намъ роздали книги. Ко мнѣ попалась разъ Биб. для Чтенія, старинная, на ней надписи — спичкой нацарапано или осколкомъ стекла; книга переходила изъ номера въ номеръ, и читавшіе царапали свои фамиліи (— это замѣтило начальство, и теперь другой порядокъ: книга идетъ въ номеръ прямо отъ плацъ-маіора и къ нему же возвращается). Надписи открываются наивной роспиской какого-то Гюбнера: «арестованъ въ въ Нижнемъ-Новгородѣ 18-го іюня, не знаю за что, сижу въ такомъ-то номерѣ, писалъ такого-то числа». Не знаю почему, но такъ и отзывается молоденькимъ нѣмцемъ отъ этой росписки. Потомъ идутъ опять все незнакомыя фамиліи. Встрѣтилась, впрочемъ, и знакомая дѣйствительно: «Съ 26-го сентября по 25-е февраля — тюрьма; съ 25-го по... ожиданіе рѣшенія дѣла; съ... по... ожиданіе ссылки; 21-го іюня — опять тюрьма». Внизу другой рукой, нацарапано: «узнаю, это похожденіе Д.» (Подпись И. Д.). Бѣдный Д.! за что онъ взятъ?

Надписи иногда пресмѣшныя, въ особенности какъ подумаешь, что дѣлали ихъ люди, сидящіе въ казематахъ, — иногда пошлыя.

На допросѣ спросили меня еще, знаю-ли я изъ сидѣвшихъ въ крѣпости зимой — такихъ? Я не знаю ни того, ни другаго. Потомъ, впрочемъ, вспомнилъ, что фамилія одного изъ нихъ была въ спискѣ нуждавшихся, у коменданта; онъ платье получилъ отъ меня.

Совѣстно вспомнить мнѣ фразу, которой я кончилъ свои письменные отвѣты о знакомствѣ съ студентами. Я сказалъ: «... до печальной извѣстной исторіи съ Костомаровымъ»... Вѣдь эти слова можно понять такъ, что я какъ будто отрекаюсь отъ студентовъ, — не хорошо, не хорошо. А сказалъ-то я это потому, что эпизодъ травли Костомарова въ залѣ думы дѣйствительно жалкая вещь.

PS. 9 ч. веч. Приписываю вамъ еще нѣсколько словъ, первыя — при огнѣ: принесли сейчасъ лампаду и поставили на столъ. Сегодня вѣдь 1-е августа, и въ городѣ зажгли огни; я только что отошелъ отъ окна, смотрѣлъ все, какъ черезъ Неву освѣщали набережную. Сгрустнулось, Н. А.,—вѣдь это ужъ осень.

Въ прошломъ году 1-го августа мы выѣзжали изъ Вытегры на трешкотѣ къ Вознесенскому посаду. Я говорилъ тогда Е. А., что этотъ годъ будетъ годомъ неожиданностей, предчувствіе такое было. И въ самомъ дѣлѣ, припомните-ка его: вы были при смерти, арестъ и ссылка К., жизнь Е. А... да чего лучше, возьмите сегодняшній вечеръ: вотъ ужъ нежданный, негаданный. Я пишу къ вамъ въ крѣпости, А. Н. у васъ? вотъ тоже вѣдь и это знакомство нынѣшняго года. 4-го августа мы пріѣхали въ Петербургъ и начался этотъ годъ. Что-то нынче будетъ 4-го?

Тоска... Не будетъ ли чуда въ этотъ день? Освободятъ меня?

2-го августа. — Тетрадь исписана. Не знаю, дадутъ ли еще

бумаги? Если и дадутъ, вѣроятно я не буду продолжать этого дневника — письма къ вамъ. Дневникъ слишкомъ взволновалъ меня; необходимо, чтобы все улеглось, — заживу опять животною жизнью, ни о чемъ не думая, и буду доволенъ, если съ утра найдетъ столбнякъ, да до ночи. А то съ ума можно сойти.

Вздоръ, не сойти съ ума. Развѣ бывало это съ кѣмъ нибудь? еще никто въ тюрьмѣ съ ума не сходилъ, а такъ себѣ, хандрятъ немножко. Это очень хорошо извѣстно тѣмъ, кто арестуетъ.

Вотъ внѣ тюрьмы, другое дѣло: тамъ сходятъ съ ума. Вечеромъ я получилъ письмо отъ матери. Она пишетъ мнѣ, что начинаетъ быть малодушною. Ужъ если она это написала, я знаю, что съ ней дѣлается.

Что-жъ такое! человѣкъ смертенъ, — это изъ прежней извѣстно.

Сестра, можетъ быть, выдержитъ. У нея ребенокъ.

Довольно.

4-го августа. Въ 1-й тетради я ждалъ чуда на сегодняшній день: его нѣтъ, но за то, Боже мой, какую я бурю душевную выдержалъ,— и отчаяніе, и радость, и успокоеніе, и все это чудно, вихремъ перемѣшалось въ взволнованной душѣ. Началось вотъ съ чего: я попросилъ у плацъ-майора мою 1-ю тетрадь, хотѣлъ перечитать ее—мнѣ не дали. Меня это глубоко возмутило; я подумалъ, что ее взяла коммисія, что мое вчерашнее подозрѣніе оправдалось; эта мысль глубоко возмутила меня. Такъ непріятно было, что сокровище моей жизни, дружба ваша, будетъ взвѣшиваться; то, что я писалъ только для васъ, будетъ читаться тѣми людьми, которые захотятъ, пожалуй, нельзя-ли и отсюда извлечь что нибудь къ моему обвиненію.

Въ такомъ расположеніи духа иду я изъ бани; вдругъ, въ одномъ окнѣ показалась мнѣ будто фигура одного знакомаго студента Р. Это меня перевернуло всего. Онъ за что взятъ? за то, что фотографическую карточку свою мнѣ подарилъ? Боже мой, въ какомъ я былъ отчаяніи! Мнѣ вообразилось, что и другіе знакомые мои, эти студенты, фамиліи которыхъ были въ допросныхъ пунктахъ, что и они всѣ страдаютъ изъ за знакомства со мной; одни посажены, у другихъ обыски, надъ тѣми надзоръ, тѣмъ непріятности — чортъ знаетъ, чего мнѣ не вообразилось! Прихожу въ казематъ — книги всѣ отобраны. Это еще что такое? Вдругъ я вспомнилъ, что въ 1-й тетради я разсказываю вамъ, что случайно узналъ нѣкоторыя фамиліи изъ арестованныхъ, нацарапанныя на книгѣ. Тутъ я окончательно сталъ съ ума сходить; этого еще не доставало, что бы изъ за меня были непріятности и плацъмаіору, и офицерамъ. Каково положеніе? Я назвалъ себя подлецомъ и тутъ же рѣшился, если все это правда, покончить съ собой, — не здѣсь, такъ по выходѣ изъ крѣпости. Ухъ, какое сквер-

ное состояніе, — вспомнить жутко. Какъ разъ въ эту минуту входитъ плацъ-майоръ. Вся моя тревога-пустяки: дневникъ у него, никто и не думаетъ его читать, книги тотчасъ-же возвращены, и въ заключеніе всего, мнѣ передано письмо матери, нѣжно успокоивающее. — Слава Богу!

5-го. Скоро 9 ч. вечера, — я вспомнилъ, что я въ крѣпости.

А то цѣлый день такъ провелъ, что ни разу и не подумалъ объ этомъ, все читалъ, читалъ безъ промежутковъ. Хорошо бы теперь размяться, на воздухъ,—но, и пр. Для моціону 12 шаговъ по діагонали изъ одного угла въ другой,—и то слава Богу. Сегодня казусъ еще вышелъ: вина оставалось немного въ бутылкѣ, я вмѣсто одной рюмки чуть не двѣ выпилъ, — а тутъ еще великолѣпный кусокъ телятины несутъ съ огурцами и съ пирогомъ, отъ плацъ-майора.

Вотъ праздникъ-то! Придется, значитъ, и о крѣпости жалѣть, какъ въ крѣпости пожалѣлъ о 1-й части... Вы не смѣйтесь, N, надъ этими гастрономическими радостями и печалями, желудокъ важная вещь въ исторіи человѣческой жизни и способенъ доставлять удивительныя минуты самаго чистаго, платоническаго блаженства. Да вотъ что я вамъ разскажу въ примѣръ. Недѣли двѣ тому назадъ, былъ темный вечеръ; огня у насъ еще не было. Подали чай. У меня была куплена для обѣдовъ бутылка коньяку (не ужасайтесь, здѣсь это очень полезная вещь, нисколько не безнравственная), но за обѣдомъ я не пилъ и просилъ подать рюмку къ чаю, ну, и сочинилъ себѣ пуншъ, великолѣпный. Съ первымъ же глоткомъ мой желудокъ вспомнилъ, что точно такой пуншъ въ послѣдній разъ былъ сочиненъ годъ тому назадъ, когда мы стояли на пароходѣ, на якорѣ, у самаго истока Свири. Помните этотъ вечеръ, Е. А. К. угостилъ тогда матросиковъ, и когда совсѣмъ стемнѣло, мы на катерѣ поѣхали въ Онежское озеро. Мнѣ такъ удивительно живо припомнилось это катанье, кстати же прибой Невы напоминалъ озеро; вѣтерокъ тогда свѣжій былъ, впереди темно, безгранично, сзади чуть брезжутъ огоньки Вознесенья.

А вѣдь придется пожалѣть о крѣпости, если часто будутъ повторяться такіе дни, какъ 30-го, 31-го, да сегодняшній, да и матушка тоже пишетъ въ послѣднемъ письмѣ: «что бы ни было, во всякомъ случаѣ я раздѣлю твою участь». Ну, этого-то во всякомъ случаѣ не будетъ; участи моей она раздѣлять не будетъ, если придется мнѣ жить перепиской бумагъ въ земскомъ судѣ въ Устьсысольскѣ или Холмогорахъ, тѣмъ не менѣе надъ фразой я задумался. Въ ней такое предположеніе, такая возможность, которая могла придти въ голову матушкѣ не иначе, какъ на основаніи слуховъ. Значитъ, добрые знакомые приготовляютъ ее заранѣе, что вотъ дескать можетъ то и то быть, точно какъ тѣ люди, которые хотятъ осторожно сообщить новость, напримѣръ, о смерти

сына: они начинають разговоръ съ воздыханій о томъ, что погода все дурная стоитъ, простудиться легко, и т. д.

Ей каждую почту пишетъ директоръ гимназіи [1]. Положимъ, что тутъ старинная дружба и родство, но съ послѣдней почтой, пишетъ она, не получено писемъ. Ей это непонятно, хотя сомнѣнія здѣсь быть не можетъ! Господи, хотя бы поскорѣй кончилось это дѣло, хоть бы прекратились непріятности моимъ близкимъ. З., напримѣръ, оригинальнѣйшее созданіе: человѣкъ 32-хъ лѣтъ, съ лицемъ безбородаго 18-тилѣтняго юноши, съ идеаломъ въ жизни безобиднѣйшимъ, робѣющій всего такъ, что онъ даже ни разу не рѣшился просить оберъ-полиціймейстера о свиданіи со мной въ 1-й части, не смотря на то, что видѣть его было мнѣ необходимо для семейныхъ и частныхъ моихъ дѣлъ; человѣкъ—нѣмецъ, но не пропускающій ни одного праздника, ни одной всенощной, ни одного поста, знающій всѣ тропари и кондаки не хуже стараго пономоря, на долгой практикѣ задолбившаго ихъ, играющій однимъ пальцемъ на фортепіано: «Ѣхалъ казакъ за Дунай», чего же лучше? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, у него охота смертная до новостей и легковѣріе удивительное. Скажешь ему, бывало, что всему духовенству велѣно бороды сбрить, или что изъ Петербурга въ Кронштадтъ тоннель проводятъ для желѣзной дороги, онъ тотчасъ за перо и сообщаетъ въ Вологду самую свѣжую новость. Вѣдь съ нимъ легко можетъ исторія выйти; новости и слухи, я думаю, теперь безобразнѣйшіе ходятъ, а онъ-то, въ радости душевной отъ обилія матеріала, сообщаетъ да сообщаетъ ихъ, ну, и зададутъ человѣку головомойку такую, что не только дѣтей, но и внуковъ своихъ грамотѣ не будетъ учить: испугается ужь очень.

6-го и 7-го августа. Все время читаю.

Сейчасъ заходилъ полковникъ. Еще скучнѣе сдѣлалось, когда его увидѣлъ — свобода вспомнилась. Ахъ, N, скоро ли конецъ?

Нужно писать и писать, а то раздумаешься. О чемъ же писать? Вотъ о чемъ: здѣсь въ большомъ ходу слова «баринъ», прислуга иначе не называетъ насъ: кипятку нужно баринъ? Умываться баринъ? Спички, баринъ, всѣ вышли у васъ? и т. д., и т. д. Баринъ, баринъ, въ 3-мъ нумерѣ баринъ, въ 4-мъ баринъ и такъ весь корридоръ, все баринъ; да въ другой куртинѣ тоже баринъ, а можетъ быть и еще по разнымъ баталіонамъ и куртинамъ баринъ. А за этимъ разговоромъ съ бариномъ о житейскихъ потребностяхъ тотчасъ же неизбѣжное продолженіе: «запирай»; прислуга выходитъ, и барина защелкнутъ. Какъ смотритъ на арестованныхъ въ крѣпости народъ? Съ ненавистью, я думаю? Я слышалъ солдатскій разговоръ, когда былъ еще въ той куртинѣ, у воротъ: ча-

---

[1] Мой родственникъ.

совой, гвардеецъ, повернулся спиной къ тротуару и смотрѣлъ на воду (это когда рыбу ловили). Какъ разъ на то время проходитъ какой-то офицеръ и пугнулъ его за непорядокъ. Когда гроза уѣхала въ лодкѣ, одинъ солдатъ говоритъ другому: «вотъ ихъ нынче прижали, такъ они и того».

8-го. Теперь ужъ начались классы въ гимназіяхъ, а меня нѣтъ. Безъ учителей гимназіи не могутъ оставаться; пождутъ, можетъ быть, до конца августа, а тамъ пригласятъ другихъ. Кончено, слѣдовательно. Чѣмъ бы не рѣшилось дѣло, во всякомъ случаѣ переломъ дѣятельности. А подождать нужно; не даромъ же выдумана пословица, что все къ лучшему.

Полковникъ сказалъ, что къ 8-му сентября коммисія кончитъ свое дѣло. Будутъ ли освобождать въ этотъ день? Безъ сомнѣнія будутъ, хоть нѣсколькихъ выпустятъ. Но я, N, и не думаю объ этомъ, боюсь, что слишкомъ тяжелы несбывшіяся надежды. Лучше ждать и готовиться къ самому худшему: тогда меньшая степень несчастія не такъ горька будетъ.

И какое скверное придется испытать чувство, когда казематы начнутъ пустѣть: то изъ одного нумера выпустятъ, то изъ другаго. Что же дѣлать... на то жизнь; будутъ счастливые, нужно, чтобы и жертвы были.

Пишу я вамъ это потому, что нѣсколько разъ приходили такія мысли въ голову. Но сегодня мнѣ нисколько не грустно, но какъ-то удивительно спокойно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто предчувствіе чего-то радостнаго.

Можетъ быть, это спокойствіе передъ черными днями, и предчувствіе жестоко обманетъ меня, но все-таки сегодня хорошо на душѣ.

Недалеко отъ меня, на Неву, должно быть, музыкантъ сидитъ. Сейчасъ слышу кто-то отлично насвистываетъ изъ Вильгельма Телля и остановился; я вставилъ губы въ форточку и продолжаю насвистывать съ мотива, на которомъ остановился сосѣдъ. Слушаю, дальше что будетъ: addio Lenora насвистывается, и опять остановка. Я продолжаю; потомъ я начинаю, а сосѣдъ свистунъ продолжаетъ, наконецъ смѣшно сдѣлалось: стараюсь свиснуть, а выходятъ чортъ знаетъ какіе звуки.

А какая погода славная, какъ хорошо было бы освѣжиться, пройтись кругомъ крѣпости по стѣнамъ. Если бы пускать насъ такимъ образомъ, въ обходъ съ часовыми, на долю каждаго разъ въ недѣлю, или два, удалось бы надышаться вечернимъ воздухомъ.

Но съ насвистываніемъ арій шальная струнка задѣта въ душѣ: музыка, воздухъ, ваше честное и радостное рукопожатіе, — скоро ли? И дай Богъ радостнаго свиданія съ вами.

Чортъ знаетъ, какъ весело. О, судьба, неужели это передъ горемъ?

Сѣлъ къ окну. Слышу, въ боковой стѣнѣ крѣпости заскрипѣла калитка, оттуда вышелъ офицеръ съ молоденькой женщиной, должно быть женой, съ ними вѣрно мать, сзади каптенармусъ старый. Передъ нашей стѣной разбиты дорожки, вѣрно для будущаго садика; это во 2-й разъ выходятъ сюда гуляющіе, должно быть семейство кого нибудь изъ крѣпостнаго начальства. Молодая женщина посмотрѣла въ лорнетъ на мое окно, спросита что-то у каптенармуса, мнѣ послышалось: «кто это?» и вотъ какая скверная черта во мнѣ явилась отъ тюрьмы, тотчасъ вообразилось, что арестанты для васъ, свободныхъ, предметъ любопытства... Я всталъ и отошелъ отъ окна, а потомъ жаль сдѣлалось, какъ будто гуляющая прочитала мои мысли и обидѣлась въ свою очередь; можетъ быть, она съ самымъ женственнымъ чувствомъ смотрѣла на рядъ всклокоченныхъ, неджентльменскихъ физіономій въ форточкахъ, а я такъ рѣзко отошелъ отъ окна. Я раскаялся, но не видалъ больше гулявшаго семейства, вѣрно кругомъ какъ нибудь обошли.

Это мнѣ напоминаетъ взглядъ, котораго я никогда не забуду, какъ не забываютъ никогда, кто видѣлъ разъ въ жизни лицо умирающаго съ голода, взглядъ преступника передъ казнью и т. п.

Разсказывать я вамъ не буду, это невозможно передать разсказомъ, а дѣло очень просто: вѣроятно, мать и сестра приходили въ крѣпость посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ нибудь въ форточкѣ лицо сына и брата. Мать пожилая дама, сестра—молодая дѣвушка, обѣ въ траурѣ. Пожилая дама раза два была въ крѣпости; разъ пронесла узелокъ, изъ него апельсинъ выглядывалъ, вѣрно хотѣла просить, нельзя ли передать сыну (это было на 2-й недѣлѣ моего ареста здѣсь). Она шла всегда озабоченная, какъ будто у нея сердце замирало, когда она подходила къ воротамъ. Разъ я видѣлъ ее съ дочерью. Онѣ выходили изъ крѣпости. Пожилая дама прошла впередъ къ лодкамъ, а молодая шла тихо-тихо, останавливалась и смотрѣла на мое окно;—но Боже мой, что это былъ за взгядъ! Столько въ немъ грусти, и такъ ясно читалось въ немъ, что она думаетъ; ошибиться невозможно: ея лицо яснѣе словъ говорило: «и онъ сидитъ въ такой же комнатѣ, за такой же рѣшеткой...» И сколько любви къ нему было въ этомъ взглядѣ. Бѣдная дѣвушка! По первому движенію я поднялъ руку, хотѣлъ благословить ее, да подумалъ, что она не пойметъ этого жеста, испугается еще, пожалуй.

Перечиталъ сейчасъ написанное, и правда, не слѣдовало и начинать разсказывать. Мой разсказъ и тѣни не передаетъ того, что я видѣлъ.

Письма отъ матушки нѣтъ, а я ждалъ на сегодняшній день.

Вотъ видите, и нехорошо вызывать грустные образы, такъ мысль за мыслью и идутъ въ голову.

Или ужь не писать въ этой тетради больше, а попросить новую? Напишу еще нѣсколько словъ, о чемъ я сегодня думалъ, — и этимъ и закончу.

Я думалъ о томъ, что въ крымскую войну какого-то чиновника здѣсь приговорили военнымъ судомъ къ разстрѣлянію за то, что онъ пьяный обругалъ часоваго. Съ тѣхъ поръ у меня въ воображеніи военный судъ соединяется всегда съ висѣлицей, разстрѣляніемъ и каторгой. Жаль, что я не знаю законовъ, а то вотъ даже и теперь не иначе представляю себѣ военный судъ. Вотъ и думается, что въ газетахъ въ маѣ я читалъ, что всѣхъ арестованныхъ будутъ судить военнымъ судомъ въ 24 часа.

У меня нумера «Колокола» взяли; хотѣлось бы знать, какъ на это смотритъ военный законъ? Что, если за это... того? Жестоко бы я струсилъ, N, хоть и писалъ вамъ въ первой тетради о томъ, что практиковался носовымъ платкомъ. Хороша жизнь, нелѣпо съ ней расквитаться, волею или неволею.

Но у грековъ военный судъ былъ иначе устроенъ, гораздо мягче; у нихъ не было этой потрясающей обстановки, у нихъ какъ-то по семейному. Помните Сократа? прекомфортабельная кончина: лежитъ себѣ человѣкъ на ложѣ, кругомъ друзья и пріятели,—ему тюремщикъ осторожно, чтобы не пролить, подаетъ чашу съ ядомъ, даже граціозно подаетъ, ядъ приготовленъ вкусно, дѣйствуетъ безъ боли.

Фу, какія глупости пишу вамъ. Простите, N, не буду: это пустая болтовня.

Нѣтъ, какіе бы ни были законы, военные или не военные, но они будутъ справедливы. Мы съ вами увидимся и будемъ вспоминать за вечернимъ чаемъ невзгодное время. До свиданія.

9-го августа, 10 ч. веч. Вчера и сегодня не писалъ къ вамъ, N, но привычка ужь сдѣлана писать къ вамъ каждый день, такъ и тянетъ къ бумагѣ; а вы не читайте, когда тетради будутъ въ вашихъ рукахъ,—монотонно. Если бы письмо за письмомъ шло къ вамъ теперь же, это другое дѣло, а то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ что за радость перечитывать старое, пережитое?

Пусть эта тетрадь такъ и останется моимъ дневникомъ. Если выдастся что нибудь интересное для васъ, тотъ день я отмѣчу крестикомъ, его и прочитайте.

Новую бумагу выдали мнѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я возвратилъ старую. Это зачѣмъ? Не понимаю. Сначала было я подумалъ, что не коммисія-ли хочетъ читать то, что мы пишемъ, и не съ этой-ли цѣлью выдана бумага; но нѣтъ, этого быть не можетъ, это было бы... какъ это сказать? — по іезуитски. Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы такъ дѣйствуютъ на нервы, такъ горячо и сразу хочется высказаться на счетъ всего, что намолчалось за это время въ головѣ, что очень легко можно сказать нѣчто и крѣпкое. Было бы безчеловѣчнымъ обманомъ дать возможность человѣку, нравственно разстроенному, высказаться бумагѣ, и этимъ самымъ успокоиться, придти въ нормальное положеніе, и затѣмъ усилить этой выстраданной исповѣдью тѣ обвиненія, которыя и безъ того лежатъ на немъ. Я не о себѣ говорю, N; вы меня знаете, какъ я выносливъ и уживчивъ; да изъ 1-й тетради вы видѣли, что нервы у меня все-таки крѣпки, — а вотъ эти натуры, горячія, цыганскія, развѣ они въ состояніи вести спокойный дневникъ? Я думаю,—ого! какой взрывъ въ иныхъ тетрадяхъ... Арестованныхъ много, есть навѣрное между ними и такіе, которыхъ тюрьма доводитъ до отчаянія и душитъ физически, какъ рыбу воздухъ. Мнѣ говорилъ одинъ квартальный, впрочемъ изъ военныхъ и молодой, что онъ мнѣ удивляется, что для него непонятно, какъ могутъ выносить тюрьму?— «Я бы, говоритъ, — ревѣлъ, бился, окна билъ, пока бы не напоролся на штыкъ часоваго». Немножко трескучая фраза, Марсомъ отзывается, но онъ дѣйствительно такой, это видно. Для такихъ натуръ мѣсяцы тюрьмы — смерть. Или помните еще разсказъ изъ «Мертваго Дома», какъ арестанты нарочно дѣлаютъ новыя преступленія, «лишь бы участь перемѣнить»,—вѣдь это страшная вещь. Какія душевныя муки долженъ сначала вынести такой человѣкъ, чтобы идти на вѣрное и страшное наказаніе, только для того, чтобы покончить съ тѣмъ, что сдѣлалось невыносимо. А интересно, принимаются-ли въ нашемъ законодательствѣ при судѣ такихъ преступниковъ въ соображеніе эти душевныя причины преступленій? Едва-ли, если правда все то, что разсказываетъ «Мертвый Домъ».

Впрочемъ, вѣдь вотъ какое есть обстоятельство: судъ беретъ у насъ въ разсчетъ душевную разладицу подсудимаго Я помню въ Щедринскихъ разсказахъ, что навретъ на допросѣ какой нибудь опытный юристъ, напрактиковавшійся въ разныхъ тюрьмахъ, а потомъ и отпирается, даетъ другое наказаніе, «а первое я дескать въ страхѣ и забвеніи далъ, самъ не знаю, что говорилъ», и ему должны вѣрить, если нѣтъ прямой улики въ лжи.

Ну, и пр. О чемъ же я началъ свое письмо? да, о коммисіи. Нѣтъ, ужъ нечего на сонъ грядущій трогать этотъ предметъ. До завтра, а то задумаешься и не уснешь, а я сегодня скверно спалъ, и сонъ скверный видѣлъ. Завтра разскажу.

10-го августа. Меньше мѣсяца осталось до 8-го сентября. Это будетъ торжественный день въ моей жизни, во всякомъ случаѣ. Но я не радуюсь ему заранѣе, боюсь ожидать его съ радостью, и насильственно поддерживаю въ себѣ мысль о долгомъ заключеніи и о тяжелой развязкѣ всего дѣла: все-таки легче будетъ перенести и заключеніе, и тяжелую развязку, когда привыкнешь считать ихъ возможными.

Я жду 8-го сентября. Полковникъ сказалъ мнѣ сегодня, что коммисія до 8 часовъ вечера работаетъ, не считая домашнихъ занятій членовъ. Очевидно, она спѣшитъ, а спѣшить ей было-бы не зачѣмъ, если бы не было положено срока ея занятіямъ. Самый дальній срокъ 8-го, день рожденія наслѣдника и тысячелѣтія Россіи. Что же можетъ быть въ этотъ день? или всеобщая амнистія, или выпускъ изъ крѣпости невинныхъ и менѣе виновныхъ, а для этого нужно разобрать дѣло всѣхъ. Въ дѣлѣ о прокламаціяхъ я столько же участвую, какъ японскій посланникъ; если судить за Колоколъ, или за какую нибудь фразу въ частной перепискѣ — я отношусь ко 2-й категоріи. Имѣю я, значитъ, право надѣяться на свободу въ этотъ день? А все-таки страшно радоваться заранѣе приближенію свободы: она слишкомъ хороша, невыносимое счастіе выйти на волю... И думаешь, поэтому, объ оборотной сторонѣ дѣла, о возможности худаго конца. Но и тутъ, N, это будетъ торжественная минута: я узнаю тогда, по крайней мѣрѣ, въ чемъ и почему я обвиненъ, кончится, по крайней мѣрѣ, этотъ подъ-часъ невыносимый вопросъ: за что-же меня держатъ? Этотъ вопросъ преслѣдуетъ меня, а коммисія ни разу съ тѣхъ поръ не вызывала меня къ допросу. Протоколъ 1-го допроса начинался такимъ образомъ: «разсматривавши причины вашего арестованія, коммисія предлагаетъ вамъ слѣдующіе вопросы» и т. д. (вопросы я вамъ написалъ въ 1-й тетради)... Но какія эти причины, мнѣ не сказали, между тѣмъ, очевидно, все дѣло въ нихъ и заключается; а между тѣмъ, такъ просто можно было бы кончить все, — сказали бы мнѣ эти причины, я далъ бы всѣ нужныя объясненія, и все тутъ. Какъ вы думаете, N, легко четвертый мѣсяцъ сидѣть, не знать причинъ, ждать со дня на день, что вотъ, наконецъ, вызовутъ въ коммисію, узнаю въ чемъ дѣло, а въ перспективѣ рисуются какіе-то полевые законы, военный судъ, не иначе какъ съ тѣми аттрибутами, о которыхъ я вамъ писалъ вчера?

Я не иначе смотрю на 1-й допросъ, какъ на предварительный. Вѣдь скажутъ же мнѣ эти причины? До сихъ поръ мнѣ не въ чѣмъ было оправдываться, потому что всѣ вопросы сводились къ одному: кто ваши знакомые? Какъ хотите, а это молчаніе коммисіи ужасно смущаетъ. Одно выраженіе члена коммисіи какъ будто намекаетъ на причину ареста. Дѣло шло о моей перепискѣ съ К., на первомъ допросѣ онъ какъ-то мягко и вскользъ сказалъ: «зачѣмъ вы пи-

сали къ нему? развѣ вы не знаете, что письма къ ссыльнымъ читаются?» Я тогда же подумалъ, что вѣрно одно изъ моихъ писемъ къ К. задержано на почтѣ, и я арестованъ вслѣдствіе его. Но тутъ опять вопросъ, что же такое могло быть въ этомъ письмѣ? Какъ я ломалъ голову надъ этимъ вопросомъ! Я думалъ, думалъ, припоминалъ все, что я дѣлалъ, все о чемъ могъ говорить, о чемъ могъ писать, и все-таки не могъ ничего вспомнить такого, за что могли бы меня арестовать. Мимоходомъ припоминались и разговоры, и такія мелочи изъ прожитаго года, что удивительно, какъ это можетъ хранить память; но все не то, что нужно, и я остановился на одномъ: если задержано какое нибудь письмо къ К., то оно должно быть вздорное, иначе я помнилъ бы; но если это письмо послужило поводомъ къ аресту, значитъ, въ немъ были выходки, которыя могли быть мною написаны подъ вліяніемъ душевнаго волненія. Отсюда я пошелъ дальше, началъ припоминать все, что могло взволновать меня зимой, и вспомнилъ дѣло Щапова. Только въ этотъ періодъ времени, и ни въ какой другой, я могъ написать рѣзкое письмо съ фантазіями разнаго рода. Потомъ я вспомнилъ, что дѣйствительно я писалъ К. объ этомъ, вспомнилъ даже двѣ фразы письма, — на этомъ моя головная работа и оборвалась. Опять я спросилъ себя: неужели же за это я арестованъ? за либеральную фразу, которая вырвалась въ письмѣ къ любимѣйшему человѣку? Вѣдь это все равно, что наказывать человѣка не за то, что онъ дѣлаетъ, и даже не за то, что онъ думаетъ, а за то что онъ д у м а л ъ полгода тому назадъ...

Это невозможная вещь. И опять я начиналъ ломать себѣ голову, брался со всѣхъ сторонъ, но мысли перепутывались, въ умѣ хаосъ, я бросилъ всѣ размышленія, и вотъ теперь сижу да жду, не объявятъ-ли завтра, за что я арестованъ? И день за днемъ идутъ да идутъ, — а какъ идутъ, вы сами видите.

Между первымъ призывомъ въ коммисію и вторымъ, когда я понесъ мои письменные отвѣты, былъ промежутокъ въ три дня. Это и были мои головоломные дни. Они на меня такъ подѣйствовали, что я физически ослабѣлъ; офицеръ, который водилъ меня, замѣтилъ, что я страшно перемѣнился. Ну, а теперь въ эти семь недѣль послѣ допроса, я совсѣмъ обрюзгъ и даже потолстѣлъ, какъ неподвижный гусь, котораго откармливаютъ въ начинку къ пирогу.

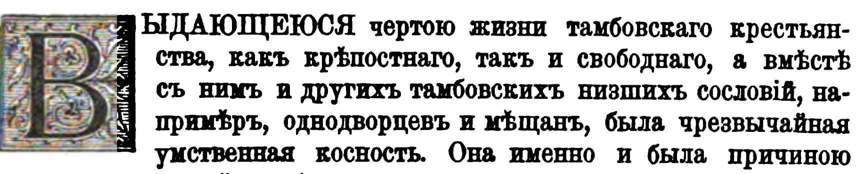
Ну вотъ и раздумался... Это мучительно. Знаетъ ли коммисія, что это своего рода нравственная пытка. Разстроенное воображеніе рисуетъ какіе-то фантастическіе призраки. Прочь, безполезныя и безтолковыя думы. Стану лучше читать. Спокойной ночи, N; у меня теперь великолѣпное чтеніе: надѣюсь черезъ нѣсколько страницъ задремать.

11-го августа. Грустный день. Я получилъ письмо отъ матушки. Она не имѣетъ никакихъ извѣстій отъ меня уже съ 13-го іюля, почти мѣсяцъ, тогда какъ я писемъ восемь написалъ за это время. Значитъ, всѣ они задержаны, кѣмъ же? Коммисіей? Какъ это не хорошо... Я пишу только по нѣскольку строчекъ, чтобы она видѣла, что я здоровъ; эти письма бросаются подъ столъ, значитъ, а отъ нихъ зависитъ и здоровье, и жизнь матери. Это ужасно! И что за письмо я получилъ вчера, какое отч......

ТАМБОВСКІЙ КРАЙ ВЪ КОНЦѢ XVIII И НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ [1].

VI.

Тамбовское крестьянство.



ВЫДАЮЩЕЮСЯ чертою жизни тамбовскаго крестьянства, какъ крѣпостнаго, такъ и свободнаго, а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ тамбовскихъ низшихъ сословій, напримѣръ, однодворцевъ и мѣщанъ, была чрезвычайная умственная косность. Она именно и была причиною того, что въ средѣ тамбовскаго простонародья охотно принимались самые пустые и невѣроятные слухи. Прослышалъ темный тамбовскій людъ про атамана Степана Тимофеевича и про батюшку-царя Петра Федоровича и сталъ наполнять собой мятежныя шайки, повинуясь такимъ воровскимъ коноводамъ, каковы были темниковскій попъ Савва и старица Алена, впослѣдствіи сожженная княземъ Долгорукимъ, какъ еретица. Дошло потомъ до его свѣдѣнія, что эти люди царскіе измѣнники и народные лиходѣи — и съ этимъ тамбовцы согласились. Крайнее легковѣріе тамбовскихъ обывателей проявилось даже въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ XIX.

Въ 1797 году, въ г. Борисоглѣбскѣ поймань былъ одинъ безпаспортный. Звали его Василіемъ Орловымъ. Полиція немедленно посадила его въ тюрьму за разглашеніе весьма странныхъ слуховъ. Вотъ что разсказывалъ Василій Орловъ: «Былъ я на Кубани вмѣстѣ съ казаками. Отслужилъ тамъ свой срокъ и пошолъ

[1]) Окончаніе см. «Историческій Вѣстникъ», т. XVII. стр. 551.

ходить по разнымъ донскимъ станицамъ, проживая то у того, то у другого казака. Разъ шелъ я вверхъ по Дону и увидѣлъ около одного озера келью. Въ кельѣ одиноко проживалъ старый человѣкъ лѣтъ 60-ти. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый казацкій кафтанъ, на ногахъ у него были лапти, а на шеѣ на шолковомъ гайтанѣ висѣлъ серебряный крестъ. Къ нему то я и зашелъ на перепутьи. Старикъ принялъ меня радушно, видно — радъ былъ перемолвить слово съ живымъ человѣкомъ. Разставаясь со мною, неизвѣстный человѣкъ объявилъ мнѣ за великую тайну, что онъ — великій государь Петръ Федоровичъ и что ему нужно видѣться съ государыней Екатериной Алексѣевной и съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. А царствовать, добавилъ старикъ, — я уже не желаю, проживу и такъ около сына. При этомъ неизвѣстный человѣкъ далъ мнѣ кусокъ сѣрой шерстяной матеріи. Это, говоритъ, Персидской земли знамя и если ты будешь имѣть его при себѣ 5 лѣтъ, то 50 лѣтъ будешь владѣть донскимъ и яицкимъ войскомъ [1])».

Въ 1812 году, въ г. Спасскѣ экономическій крестьянинъ Караушевъ ходилъ по базару и кабакамъ и разглашалъ слѣдующее: «Армія наша подъ Вязьмой вся перѣшена и теперь мы можетъ отдохнемъ, какъ будемъ у французовъ. Требуютъ съ насъ рекрутовъ и ратниковъ, а ставить ихъ должны только помѣщики, а не казенные крестьяне; и хотя сына моего и намѣтили подъ пики, но тому не бывать. На счетъ же французовъ извѣстно то, что они много даютъ нашимъ денегъ и одному извощику за 5 рублей серебромъ дали слишкомъ двѣ тысячи бумажками [2])».

Въ 1826 году, нѣкоторые священники Елатомскаго уѣзда говорили на мірскихъ сходкахъ, что царствуетъ не Николай, а Константинъ. Села Полтевыхъ Пеньковъ священникъ Семенъ Пеньковъ приходилъ даже въ вотчинную контору и говорилъ тамъ: «теперь на государствѣ обрѣтается не Николай, а Константинъ. Константинъ царевичъ ѣздилъ по всѣмъ королямъ и отбиралъ у нихъ заручныя, былъ и у римскаго папы, и всѣ они подписали, что быть царемъ ему, Константину».

Такія наивныя рѣчи происходили между прочимъ отъ тогдашней неаккуратности почтъ. Священникъ села Пеньковъ, Иванъ Максимовъ, 1-го января 1826 года, присягнулъ императору Николаю Павловичу, вслѣдствіе отношенія дворянскаго засѣдателя Чанышева. Между тѣмъ, 27-го января, тому же священнику Максимову присланъ былъ изъ шацкаго духовнаго правленія присяжный листъ на имя Константина Павловича. Указъ, при которомъ

---

[1]) Старикъ—самозванецъ въ томъ же, 1797 году, куда то скрылся, можетъ быть, умеръ, а Василія Орлова велѣно было признать сумасшедшимъ.

[2]) Крестьянина Караушева наказали батожьемъ 120 ударами и за тѣмъ оставили въ покоѣ.

находился присяжный листъ, былъ отъ 9-го декабря 1825 года. Не разсмотрѣвши этого, священникъ Максимовъ съ причтомъ вторично присягнулъ и ужъ на имя Константина [1]).

Съ особенною рельефностію легковѣріе и легкомысліе тамбовскаго народонаселенія выражались во время такъ называемыхъ крестьянскихъ бунтовъ, направленныхъ или противъ лихихъ помѣщиковъ, или противъ неумѣлаго и злонамѣреннаго мелкаго начальства. Для примѣра мы приведемъ одинъ фактъ.

Въ ноябрѣ 1830 года, обнаружилось нѣсколько холерныхъ случаевъ въ селѣ Никольскомъ, Тамбовскаго уѣзда. По распоряженію начальства, село немедленно оцѣпили крестьянскимъ карауломъ, а всѣхъ больныхъ помѣстили въ отдѣльной избѣ. Къ несчастію, всѣ эти больные умерли, между прочимъ, вслѣдствіе неудачнаго леченія лекаря Гофа, который очень неосторожно пускалъ заболѣвавшимъ кровь и послѣ этого сажалъ ихъ въ теплыя ванны, иногда оказывавшіяся, по недосмотру фельдшеровъ, болѣе чѣмъ теплыми. Вслѣдствіе этого, никольскіе крестьяне, 12-го ноября 1830 года, возмутились и разогнали всю больничную прислугу, а больныхъ разобрали по домамъ. Въ возмущеніи приняли участіе и тѣ крестьяне, которые наряжены были изъ сосѣднихъ селеній для оцѣпленія села Никольскаго.. И никольскіе крестьяне, и окрестные съ шумомъ ходили по селу и кричали: «у насъ нѣтъ и не было заразы! Людей нашихъ доктора забираютъ въ больницы, рѣжутъ тамъ и варятъ въ котлѣ, отчего они помираютъ [2]). Подойдя къ церкви, бушевавшая толпа увидѣла священника Ивана Алексѣева, окружила его и хотѣла убить. «Зачѣмъ ты, — шумѣли изъ этой толпы, — донесъ начальству о холерѣ, когда ее у насъ нѣтъ»? За-

---

[1]) Всѣ эти златоемскіе священники, неправильно присягнувшіе Константину, были преданы духовному и свѣтскому суду. Но какая участь постигла ихъ — намъ неизвѣстно.

[2]) Въ томъ же 1830 году, холерный бунтъ произошелъ въ г. Тамбовѣ и принялъ такіе размѣры, что потребовалось вмѣшательство военной силы. Мотивы бунта были тѣ же, что и въ с. Никольскомъ: «больныхъ де рѣжутъ въ больницахъ, а холеры не было и нѣтъ». Вотъ, напримѣръ, какой случай былъ въ Тамбовѣ: изъ села Тулиновки пріѣхалъ въ этотъ городъ дьячекъ Борисовъ съ матерью. Пока дьячекъ былъ въ консисторіи и у своихъ знакомыхъ, мать его умерла отъ холеры. Узналъ объ этомъ Борисовъ и поспѣшилъ на квартиру. Но его не пускали туда караульные, оцѣпившіе эту квартиру, какъ зараженную. Тогда онъ силой вошелъ къ умершей матери. За это его схватили и какъ подозрительно больнаго отвезли въ больницу, откуда онъ, однако, бѣжалъ и вотъ что говорилъ на допросѣ: «я совершенно здоровъ, а мнѣ хотѣли кровь пускать; такъ какъ же мнѣ не бѣжать?» Тамбовскій холерный бунтъ былъ совершенною неожиданностью для мѣстнаго начальства, тѣмъ болѣе, что къ холерной грозѣ заблаговременно приготовились, какъ слѣдуетъ. По предложенію епископа Евгенія, жители Тамбова нѣсколько дней постились и 14-го сентября 1830 года совершили крестный ходъ вокругъ всего города. (Смотр. объ этомъ замѣтку въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1875 годъ).

тѣмъ крестьяне вернулись къ больницѣ и вытаща изъ нея на улицу тѣло умершаго отъ холеры крестьянина Алтухова, разсматривали это тѣло и съ полнымъ убѣжденіемъ говорили: «да, онъ зарѣзанъ и сваренъ». Пока все это происходило, лѣкарь Гофъ съ подлѣкаремъ Клеменсомъ и фельдшерами и попечитель села Никольскаго на время эпидеміи, Сальковъ, сидѣли въ своей квартирѣ въ величайшемъ страхѣ. Крестьяне дѣйствительно вспомнили и объ нихъ, вытащили ихъ изъ квартиры, избили, сковали и посадили въ отдѣльную избу, гдѣ лежали мертвыя тѣла. Тщетно лекарь Гофъ плакалъ передъ народомъ и умолялъ священника Андреева заступиться за него, народъ былъ неумолимъ. Нѣкоторые крестьяне стали даже кипятить воду, чтобы бросить въ кипятокъ мнимыхъ крестьянскихъ лиходѣевъ... Въ это время всѣми крестьянами заправлялъ никольскій дьяконъ Кустодіевъ, по мнѣнію котораго уликою противъ лѣкаря, какъ народнаго отравителя, было то, что у него нашли порошокъ сладкой ртути. «Вотъ чѣмъ они отравляютъ насъ, это мышьякъ» — объясиялъ народу дьяконъ Кустодіевъ. Однако, Гофъ и его товарищи не долго пробыли подъ арестомъ. Крестьяне отпустили ихъ на волю послѣ того, какъ они дали подписку въ томъ, что въ селѣ Никольскомъ не было и нѣтъ холеры.

Конецъ этого крестьянскаго бунта былъ извѣстный. 14 ноября 1830 года, къ Никольскимъ крестьянамъ прибылъ тамбовскій губернаторъ Мироновъ съ сотнею человѣкъ гарнизонной команды и арестовалъ у нихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, надъ которыми немедленно нарядить былъ военный судъ. Послѣ этого, 25-го ноября, съ села Никольскаго формально снято было оцѣпленіе и всѣмъ его обывателямъ велѣно было идти служить благодарственный молебенъ за избавленіе отъ холеры. Но крестьяне не пошли на молебенъ. «Никакой холеры, говорили они, у насъ не было, а ежели мы пойдемъ въ церковь, то съ насъ возьмутъ подписку, что была холера» [1]). Вслѣдъ за губернаторомъ Мироновымъ прибылъ въ село Никольское флигель-адъютантъ Ивеличъ и хотѣлъ взять съ Никольскихъ жителей подписку о невыѣздѣ ихъ изъ села, но они этой подписки не дали. «Куда мы, объясняли они, убѣжимъ изъ дому». Такое упорство опальныхъ крестьянъ поддерживалось главнымъ образомъ однимъ крестьяниномъ графа Кутайсова, который въ слѣдственномъ дѣлѣ не называется по имени и фамиліи, а обозначается просто по виду рыжимъ. Вѣроятно, никольскіе крестьяне слишкомъ подчинились своему пришлому вожаку, потому

[1]) Весьма многіе современники описываемаго нами холернаго бунта, съ которыми намъ приходилось лично объясняться, доселѣ убѣждены, что въ 1830 году никакой холеры въ Тамбовской губерніи не было. Конечно, всѣ они—люди совершенно необразованные.

что когда схватили его и повезли въ судъ, то толпа отбила его у солдатъ на дорогѣ.

Военно-судная коммисія приговорила подсудимыхъ крестьянъ къ шпицрутенамъ, Сибири и арестантскимъ ротамъ. А дьяконъ Кустодіевъ былъ лишенъ сана и отданъ на Кавказъ въ солдаты. Замѣчательно, что всѣ подсудимые жаловались коммисіи на неумѣлость лекарей. «Лекаря наши, говорили они, — слишкомъ неосторожно пускали кровь и обваривали больныхъ варомъ, и оттого они умирали». Эта крестьянская жалоба имѣла нѣкоторое основаніе. Дѣйствительно, когда крестьянина Алтухова привели въ больницу, то сейчасъ же пустили ему кровь изъ обѣихъ рукъ, а послѣ того посадили въ горячую ванну, въ которой горемычному паціенту сидѣть было такъ больно, что онъ кричалъ на всю улицу.

Во время Тамбовской холеры 1848 года простонародное недовѣріе къ врачамъ уже ослабѣло. Однако, оно еще существовало и выражалось иногда довольно рѣзко. Когда одинъ кирсановскій врачъ пріѣхалъ въ село Вердеревщину для поданія помощи заболѣвшему холерою сыну помѣщика Чихачева, то крестьяне встрѣтили его у околицы съ дубинами и гнались за нимъ до самаго помѣщичьяго дома.

Не довѣряя медицинской помощи, тамбовскіе крестьяне въ 1848 году возлагали упованіе на разныя исконно-народныя средства. Такъ, въ Моршанскомъ уѣздѣ въ это время опахивали села и деревни. Съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ крестьянскія дѣвушки выходили къ околицамъ въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ, со свѣчами въ рукахъ, и сохами проводили борозды кругомъ своихъ деревень. При этомъ они пѣли: «Святый Боже»—и другія церковныя пѣсни, но какимъ-то особеннымъ, страннымъ напѣвомъ. Моршанскій протоіерей Воскресенскій вздумалъ прекратить эти опахиванья и съ этой цѣлію обратился за содѣйствіемъ къ уѣзднымъ властямъ, но тѣ оставили крестьянъ въ покоѣ, опасаясь различныхъ непорядковъ.

Народное легковѣріе выражалось въ Тамбовской губерніи также и въ томъ, что мѣстные жители слишкомъ довѣрчиво относились къ разнымъ проходимцамъ-колдунамъ, причинявшимъ такъ называемую порчу. Въ селахъ Тамбовской эпархіи постоянно кричали кликуши и иногда это явленіе вызывало даже вмѣшательство губернской администраціи.

Въ февралѣ 1798 года, въ деревнѣ Абакумовкѣ, Тамбовскаго уѣзда, по донесенію нижняго земскаго суда тамбовскому губернатору Лаптеву, открылась странная болѣзнь, которою страдалъ одинъ только женскій полъ, крича разными дикими, подобно звѣрю и птицѣ, голосами. Земскій коммисаръ Медвѣцкій съ штабъ-лекаремъ Друговымъ поѣхали свидѣтельствовать больныхъ. Имъ привели 10 женщинъ-кликушъ, которыя, какъ оказа-

лось, никакою болѣзнію не были одержимы, а производили тотъ крикъ притворствомъ, убѣгая работы. Однако, для окончательнаго испытанія болѣзни, больныхъ женщинъ взяли во врачебную управу, отъ чего-то и чѣмъ-то лечили ихъ тамъ и наконецъ инспекторъ врачебной управы, Гиршъ, категорически объявилъ, что никакой болѣзни въ нихъ нѣтъ и не было.

Вмѣстѣ съ этою довѣрчивостію по отношенію къ мнимымъ колдунамъ, въ средѣ тамбовскаго крестьянскаго народонаселенія всегда сильна была вѣра въ мнимыя чудеса.

Вотъ одинъ фактъ.

Въ октябрѣ 1802 года, у тамбовскаго однодворца, Антона Ведищева, заболѣла десятилѣтняя дочь Анна и два часа пробыла въ обморокѣ. Очнувшись, она разсказала матери, что видѣла видѣніе. Явился ей святой старецъ и предсказалъ скорую смерть, вслѣдъ за которою послѣдуетъ смерть и ея матери. Очнувшуюся дѣвочку приготовили къ погребенію, обмыли, какъ будто она была уже мертвая, и положили въ гробъ. По приглашенію Ведищевыхъ, въ домъ ихъ явился приходскій священникъ, отецъ Федоръ Чернопятинскій, и прочиталъ отходную, причемъ семья Ведищевыхъ и ихъ родные стояли съ зажженными восковыми свѣчами, точно на настоящемъ погребеніи. Слухъ объ этомъ распространился по всему городу и народъ сталъ собираться у Ведищевыхъ въ такомъ количествѣ, что ему не хватало мѣста даже во дворѣ и часть его стояла на улицѣ. Тутъ были большею частію женщины, и не изъ одного простаго званія, а также и изъ привилегированныхъ, напримѣръ, дворянка Данилова, поручица Колобова, прапорщица Рыкова и протопопша Шиловская. Посѣтители и посѣтительницы, входя въ комнату, низко кланялись мнимой покойницѣ, причемъ нѣкоторые крестились. За тѣмъ прикладывались къ ея рукамъ или лицу. Впрочемъ, не всѣ. Инымъ мать ея не позволяла прикладываться: очень-де вы грѣшны. Мнимая покойница лежала съ закрытыми глазами, но конечно дыханіе выдавало ее. Большинство посѣтителей и посѣтительницъ приходило съ приношеніями: деньги клали тутъ же, около гроба. А мать дѣвочки, переходя отъ одной посѣтительницы къ другой, громко говорила: «слава Богу, дождалась у себя святое тѣло». Нѣсколько дней происходило это чудо, пока въ дѣло не вмѣшалась полиція. Дѣвочку взяли въ больницу и черезъ нѣсколько времени вылечили ее... отъ горячки. Родителей же ея отдали подъ судъ.

Однако, несмотря не крайнее легковѣріе тамбовскаго народонаселенія, въ средѣ его дѣятельность мысли не оскудѣвала и своеобразно выражалась въ болѣе или менѣе крайнихъ проявленіяхъ религіознаго отрицанія. Неразвитые и почти никѣмъ не руководимые умы клонились тѣмъ не менѣе къ самодѣятельности. Появлялись такіе люди, которые, не принадлежа ни къ одной устано-

вившейся сектѣ, высказывали слишкомъ смѣлыя и странныя мысли [1]).

Къ людямъ этого послѣдняго направленія, въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, принадлежалъ нѣкто Дмитрій Петровъ Андреевъ. Однажды, чрезъ тамбовское губернское правленіе, онъ подалъ государю прошеніе такого содержанія: «Господь Богъ повелѣлъ мнѣ городъ Тамбовъ и со властями поразить проклятіемъ анафемы и возвѣстить наченшійся въ тайнѣ судъ Божій, чтобы правосудіе беззаконія болѣе не отправлялось, ибо наступилъ судъ не человѣческій, но самого Бога, пришедшаго уже судить живымъ и мертвымъ. Но и за проклятіемъ не оказывается мнѣ ни правосудія въ прекращеніи смертнаго гоненія, ниже человѣколюбія и сострадания. Всѣ мертвы, единые духи тьмы во всѣхъ обитаютъ и ведутъ ихъ въ уготованныя для нихъ жилища. Злые замыслы тамбовскихъ правителей и секретарей истекаютъ отъ тайнаго дѣйствія антихристова. Но достанетъ ли времени на общественное исправленіе и размышленіе, когда пріидетъ изрѣченное апостоломъ Павломъ всегубительство? И это я объявляю, зная, что мнѣ предстоятъ горести, ужасы и смертные страхи. Но я подвизаюсь за Іисуса Христа сына Божія, моего отца и покровителя. Князь міра сего, сатана, съ особенною охотою возсѣдаетъ въ 3-й части города Тамбова, въ частномъ приставѣ Дегеманѣ и квартальномъ Аврамовѣ. Это говоритъ мнѣ духъ, мною руководящій. И ты, христіанскій императоръ, учини обо мнѣ сострадание и соболѣзнованіе, яко о Христѣ терпящемъ можетъ быть за всѣхъ». Въ заключеніе Андреевъ жаловался, что Тамбовскій приказъ общественнаго призрѣнія не возвращаетъ ему его 400 рублей [2]).

По поводу этого прошенія, Андреева сочли сумасшедшимъ, одержимымъ тихимъ сумасшествіемъ, которое однако можетъ быть и жестокимъ бѣшенствомъ, и потому упрятали въ желтый домъ. Между тѣмъ врачъ Грамбаумъ, на попеченіи котораго Андреевъ находился нѣсколько лѣтъ, такъ отзывался о немъ: «при тщательномъ наблюденіи за нимъ не оказывается ни какихъ знаковъ сумашествія».

Въ описываемое нами время неудовлетворительныя условія общественнаго быта вызвали къ дѣятельности и другаго смѣлаго че-

---

[1]) Въ числѣ отрицателей православія мы замѣчаемъ и лицъ привиллегированныхъ сословій, напримѣръ поручика Павлова, отданнаго подъ судъ въ 1850 г.

[2]) Прошеніе такого же содержанія Андреевъ писалъ« высокоименитѣйшему правителю, удостоенному отъ всеавгустѣйшаго монарха пяти губерній, въ томъ числѣ и Тамбовской» (генералъ-губернатору Балашову). Въ концѣ прошенія было приписано: «ожидаю разрѣшенія въ несчастномъ городѣ Тамбовѣ, оскверненномъ ересями и расколомъ». — Онъ же писалъ и въ сенатъ, но оттуда его прошеніе было возвращено назадъ потому что «много было въ немъ поносительныхъ для начальства словъ».

ловѣка. Это былъ коллежскій регистраторъ Казанскій. Казанскій болѣе всего возмущался дѣйствіями виннаго откупа и свои мысли въ этомъ родѣ выражалъ въ письмахъ Бенкендорфу и министру финансовъ. Сановники конечно ему не отвѣчали. Тогда онъ написалъ письмо на имя государыни императрицы съ жалобою на Бенкендорфа: «государь-де слишкомъ его жалуетъ и потому осмѣливаюсь, помимо его величества, просить ваше императорское величество о воззрѣніи на угнетаемый народъ свой, гибнущій отъ злоупотребленій сильныхъ вельможъ, которые не только не хотятъ употребить данной имъ власти на открытіе существующаго зла, но сверхъ того сами болѣе и болѣе увеличиваютъ оное, и, забывъ долгъ присяги и христіанства, похищаютъ казну».

Что касается до раскола и ересей, то въ прошломъ и особенно настоящемъ столѣтіи они особенно были распространены въ Тамбовской губерніи. Въ 20-хъ годахъ, въ городѣ Спасскѣ, по оффиціальному свидѣтельству тамошняго городничаго, не было ни одного семейства, за исключеніемъ чиновниковъ и духовенства, въ которомъ не было бы хотя одного старообрядца. А если одинъ заведется, прибавлялъ городничій, — то всѣхъ заразитъ и потому требуются строжайшія мѣры. Въ 1826 г. спасскіе старообрядцы, уже имѣвшіе у себя значительный молитвенный домъ, выстроили другой — болѣе обширныхъ размѣровъ. Служба у нихъ совершалась открыто бѣглымъ попомъ Василіемъ Гавриловымъ, который прежде былъ священникомъ казанской эпархіи, села Красноярской крѣпости, и убѣжалъ оттуда, оставивъ дома жену, взрослую дочь и двухъ сыновей. Когда нѣкоторые старообрядцы стали совѣтовать Василію Гаврилову быть при отправленіи богослуженія осторожнѣе, онъ отвѣчалъ: «я имѣю указъ и никого не боюсь». Такъ говорилъ онъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что обрѣтался въ пьянствѣ и въ наученіи былъ весьма неискусенъ. Впослѣдствіи Василій Гавриловъ, во время слѣдствія надъ спасскими старообрядцами, попалъ въ острогъ и скоро умеръ.

Молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ и скопцовъ въ Тамбовской губерніи было еще больше, чѣмъ раскольниковъ [1]). Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Афанасій Никитинъ, въ 1826 году совратилъ въ молоканство 53 человѣка. Онъ обыкновенно говорилъ своимъ ученикамъ: «всѣ мы на землѣ равны и всѣ братья и сестры, одинъ Богъ на-

[1]) Въ 1827 г. въ Тамбовской губерніи производилось обширное слѣдствіе по поводу скопцовъ. Надобно замѣтить, что такія слѣдствія начались въ этой губерніи съ 1775 г. и бывали довольно часто. Во время слѣдствія 1827 г. обнаружилось, что нѣкоторые скопцы были оскоплены въ пьяномъ видѣ, другіе — во время малолѣтства, третьи признавались, что они оскопили себя сами «по причинѣ дурной болѣзни».

чальникъ нашъ; да меня, наставника вашего, слушайте!» [1]). А другой молоканскій учитель, кирсановскій крестьянинъ Панковъ, на допросѣ показалъ: «Блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ приказалъ намъ по нашему вѣровать. Хотя нынѣшній императоръ Николай I-й и назвалъ молоканскую вѣру ересью, но она есть истинная, духовная вѣра библейскаго общества». Когда священникъ Караевскій пришелъ убѣждать Панкова, то, зная заранѣе, какъ трудно спорить съ начитанными молоканами, онъ сказалъ ему, такъ сказать заманивая его въ засаду: «самъ государь желаетъ вашего обращенія въ православную вѣру». На это Панковъ отвѣчалъ: «въ дѣлѣ вѣры я на государя не гляжу, хотя во всемъ остальномъ ему повинуюсь». Тогда священникъ Караевскій донесъ объ этихъ словахъ начальству и Панкова стали судить за ересь и за дерзостныя слова [2]).

Въ 1836 году, между тамбовскими молоканами прошелъ такой слухъ, будто молоканскіе старики ходили въ Питеръ къ царю жаловаться на тамбовское начальство и будто царь велѣлъ отдать подъ судъ архіерея Арсенія и губернатора Гамалѣя. Ободренные этимъ слухомъ, молокане стали открыто совершать процессіи съ своимъ унылымъ и своеобразнымъ пѣніемъ, при чемъ впереди несли они священныя книги. Такія церемоніи практиковались ими преимущественно при погребеніи молоканскихъ покойниковъ. Вообще, тамбовскіе молокане въ 1836 году стали гораздо смѣлѣе. Этотъ годъ былъ годомъ особенно сильнаго религіозно-отрицательнаго возбужденія среди тамбовскихъ молоканъ и другихъ сектантовъ. Однажды, священникъ села Атманова Угла вмѣстѣ съ моршанскимъ дворянскимъ засѣдателемъ пришелъ къ молоканамъ во время ихъ молитвеннаго собранія, тогда двое изъ нихъ, Невѣровъ и Ламкинъ, безъ церемоніи стали выпроваживать незванныхъ гостей изъ избы: «убирайтесь, говорили они, — пока цѣлы, пора гостямъ и по домамъ». Въ другой разъ, молоканъ Пивоваровъ публично называлъ всѣхъ начальниковъ мучителями и антихристами и между прочимъ выразился такъ: «и царь вашъ мнѣ равенъ и Іисусъ Христосъ не Господь, а посланникъ Божій».

Такіе темные люди, какими представляются намъ по архивнымъ документамъ тамбовскіе крестьяне, конечно далеко не отличались патріархальными добродѣтелями. И если бы кому пришла мысль составить по этимъ документамъ статистику преступленій тамбовскаго народонаселенія, то получились бы результаты самаго неутѣшительнаго свойства. Чаще всего въ предѣлахъ Тамбовскаго

---

[1]) Афанасій Никитинъ умеръ въ 1826 г. въ селѣ Дмитріевомъ Усадѣ, Спасскаго уѣзда. А совращенные имъ сосланы были въ Таврическую губернію.

[2]) Панковъ очень рѣзко отзывался о православныхъ. «Православная церковь, говорилъ онъ, — скопище нечестивыхъ идолопоклонниковъ. Всѣ въ ней — антихристы. Кровь Христова у нихъ въ погребахъ въ боченкахъ сохраняется».

края совершались слѣдующія преступленія: воровство, бродяжество, подделка монеты, смертоубійства и преступленія противъ господствующей церкви и помѣщиковъ.

Начиная съ 1812 и почти до 1830 года, въ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстахъ постоянно разбирались дѣла о фальшивыхъ монетчикахъ. Намъ часто попадались такія архивныя связки, въ которыхъ на 100 дѣлъ было по крайней мѣрѣ 80 дѣлъ о фабрикантахъ фальшивой монеты. Эти монеты отличались замѣчательнымъ разнообразіемъ. Были у тамбовскихъ подпольныхъ художниковъ золотыя монеты, серебряныя и ассигнаціи различныхъ цѣнностей. Въ числѣ фальшивыхъ монетчиковъ были не одни крестьяне или мѣщане; бывали въ этой средѣ и помѣщики, и духовныя лица, напримѣръ, моршанскій помѣщикъ Канаковъ, темниковскіе мурзы Мамлѣевъ и Еникѣевъ, дьяконъ Булгаковъ и священникъ Петровъ. Послѣдній въ 1800 году раздавалъ крѣпостнымъ крестьянамъ фальшивыя отпускныя. За это онъ былъ лишенъ священства и приговоренъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Колу. Наказанія этого, однако, не было, потому что Петровъ заблаговременно повѣсился въ консисторіи.

Въ 1820 году, въ дѣлѣ о производствѣ фальшивой монеты замѣшаны были даже почти всѣ власти Спасскаго уѣзда Тамбовской губерніи, и улики противъ этихъ властей были такъ очевидны, что ихъ имѣнія были подвергнуты конфискаціи.

Главными притонами фабрикаціи фальшивыхъ монетъ были слѣдующія села и деревни Тамбовской губерніи: деревня Максимовка; села: Разсказово, Костины Отдѣльцы и Братки. Производство фальшивой монеты сдѣлалось до такой степени откровеннымъ, что въ 1826 г. крестьянинъ Зайцевъ завелъ формы для чеканки фальшивой серебряной монеты въ своей кузницѣ. Здѣсь онъ фабриковалъ не одну только монету, но и фальшивые паспорты, потребность въ которыхъ всегда сильно ощущалась тамбовскимъ крѣпостнымъ населеніемъ. Результатомъ всей этой подпольной дѣятельности было то, что фальшивая монета распространялась по Тамбовской губерніи повсемѣстно. Въ 1822 году, одинъ тамбовскій помѣщикъ, самъ того не зная, отправилъ въ московскій опекунскій совѣтъ 493 рубля исключительно фальшивыми ассигнаціями. А въ 1823 году въ темниковскомъ промѣнномъ присутствіи губернскій секретарь Федуловъ промѣнялъ нѣсколько фальшивыхъ ассигнацій на государственныя ассигнаціи новаго образца [1]).

[1]) Усиленная фабрикація фальшивой монеты въ Тамбовской губерніи объясняется конечно тою страстью къ легкой наживѣ, которая и теперь дѣйствуетъ у насъ съ замѣчательною силою. Въ 1837 году, въ Тамбовѣ былъ свой Юханцевъ, нѣкто Слѣсаревъ, секретарь дворянскаго собранія. 23-го апрѣля этого года въ дворянской кассѣ не оказалось 42-хъ тысячъ рублей, истраченныхъ Слѣсаревымъ. Когда же этаго Слѣсарева привлекли къ суду и стали описывать его иму-

Рядомъ съ фальшивыми монетчиками въ тамбовскихъ захолустьяхъ былаго времени фигурировали разбойники. Дѣятельность ихъ, о которой въ народѣ сохранилась свѣжая память до настоящаго времени, отличалась замѣчательною безцеремонностью. Еще доселѣ въ Тамбовской губерніи есть множество такъ называемыхъ городковъ и городищъ, съ которыми связываются мѣстныя преданія о тѣхъ гулящихъ людяхъ, которые въ былое безправное время были чуть ли не единственными выразителями общественнаго протеста противъ тогдашней бюрократіи и помѣщичьихъ злоупотребленій.

Разбои въ Тамбовской губерніи особенно часто бывали въ концѣ прошлаго столѣтія. Происходили они большею частію по большимъ дорогамъ, не смотря на извѣстное повелѣніе императора Павла по поводу разграбленія почты въ Костромской губерніи, по которому губернаторы должны были отвѣчать за всякій случай подобнаго грабежа своимъ имуществомъ, съ удаленіемъ отъ должности. Печальный примѣръ костромскаго губернатора Кочетова конечно приводилъ въ постоянный трепетъ всѣхъ русскихъ губернаторовъ, но горю не пособлялъ. Въ 1798 году, особенно опасно было проѣзжать по Кирсановскому уѣзду, въ которомъ наводила ужасъ на жителей разбойничья шайка изъ 19-ти человѣкъ. Однажды, въ окрестностяхъ Чембара, принадлежавшаго въ царствованіе императора Павла къ Кирсановскому уѣзду, проѣзжалъ обозъ съ разнымъ хлѣбомъ. И вотъ на этотъ обозъ напала шайка, состоявшая изъ 8 человѣкъ. Разбойники отняли у проѣзжавшихъ все: и лошадей, и хлѣбъ, и денегъ 150 рублей. Извозчикъ Кудановъ, вздумавшій было сопротивляться, былъ немедленно убитъ. И это былъ далеко не единственный случай въ Кирсановскомъ уѣздѣ. По словамъ кирсановскаго уѣзднаго предводителя Мартынова, опасно было жить даже дома, и туда разбойники могли проникнуть неожиданно и во всякое время.

Слова предводителя Мартынова едва-ли преувеличиваютъ тогдашнюю панику отъ разбойниковъ. Изъ переписки генералъ-прокурора Обольянинова съ тамбовскимъ губернаторомъ Бахметевымъ видно, что только въ 2-хъ уѣздахъ Тамбовской губерніи было поймано разомъ 77 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ. Въ то же время, въ одномъ Козловскомъ уѣздѣ поймали 60 бѣглыхъ крестьянъ изъ разныхъ губерній. Нѣкоторые изъ этихъ бѣглыхъ проживали у пристанодержателей-помѣщиковъ, Ознобишина и Матвѣева. Бѣглыхъ крестьянокъ Матвѣевъ выдавалъ замужъ за своихъ крѣпостныхъ, хотя бы у нихъ были живы мужья. А въ Шацкомъ

щество, то у него оказалось только «двѣ души» и 138 десятинъ неудобной земли въ Елатомскомъ уѣздѣ. Тогда пришлось взыскивать похищенную сумму съ предводителей дворянства Айгустова, Полторацкаго и Арапова, а Слѣсарева сослали въ Сибирь.

уѣздѣ были пойманы въ лѣсу, около такъ называемаго Теплаго Стану, 8 разбойниковъ, которые нападали на проѣзжихъ. Начальникомъ шайки былъ заштатный церковникъ Герасимъ Васильевъ. «Многое количество бѣглыхъ» захвачено было также въ Липецкомъ уѣздѣ, на фабрикѣ Гарденина.

Вскорѣ Кирсановскіе разбойники были пойманы засѣдателемъ Булатовымъ. Объ этихъ разбояхъ дано было знать въ Петербургъ, и вотъ что писалъ генералъ-прокуроръ Обольяниновъ тамбовскому губернатору Литвинову.

«По всеподданнѣйшему вашего превосходительства рапорту государю императору, что стараніемъ и расторопностію кирсановскаго нижняго земскаго суда засѣдателя Булатова поймано 15 разбойниковъ и что остается, по ихъ показанію, еще 4 человѣка, обязываюсь сообщить вашему превосходительству, чтобы вы, милостивый государь, съ пойманными злодѣями приказавъ поступить по всей строгости законовъ, приложили всевозможное стараніе къ отысканію остальныхъ сообщниковъ ихъ и о послѣдствіяхъ меня увѣдомить».

19-го марта 1798 года Литвиновъ получилъ по этому дѣлу благодарственный рескриптъ отъ самого государя, такого содержанія:

«Видя изъ рапорта вашего, отъ 20-го февраля, какое усердіе и расторопность употребили вы при приложенномъ отысканіи виновниковъ, по случаю открытыхъ вами смертоубійствъ и грабительствъ, въ Тамбовской губерніи произшедшихъ, объявляю вамъ мое благоволеніе, въ коемъ при таковомъ долгу службы вашей исполненіи увѣрены вы быть можете. Павелъ».

Однако, не смотря на разныя мѣры администраціи, порядокъ въ Тамбовской губерніи долго не водворялся. Въ 1800 году съ 1-го мая по 1-е ноября въ одномъ Тамбовѣ было поймано 709 человѣкъ бѣглыхъ, въ томъ числѣ 24 дезертира, 1 церковникъ, 1 послушникъ и 1 канцеляристъ.

Даже въ сравнительно недавнее время, Тамбовскій край не былъ безопасенъ отъ разбоевъ. По этому поводу мы вспомнимъ о такъ называемомъ ворѣ Мусатовѣ. Это былъ арестантъ, бѣжавшій изъ Сибири и въ 1846 году наводившій страхъ на губерніи: Тамбовскую, Пензенскую и Саратовскую и на Землю Донскаго войска. Агенты Мусатова, съ фальшивыми паспортами, фабрикованными въ Тамбовской губерніи, свободно проживали въ Тамбовѣ, селахъ Разсказовѣ и Полетаевѣ, въ Саратовѣ, въ посадѣ Дубовкѣ, Урюпинской и Михайловской станицахъ. Они разузнавали, у какихъ городскихъ или сельскихъ жителей есть деньги или другое какое нибудь движимое имущество и извѣщали объ этомъ Мусатова. Для того, чтобы не затрудняться относительно фальшивыхъ паспортовъ, мусатовская шайка ограбила Кирсановскую городскую думу и такимъ образомъ запаслась настоящими бланками для

паспортовъ. Послѣ многихъ приключеній Мусатовъ пожелалъ побывать въ селѣ Панмѣ, Чембарскаго уѣзда, чтобы увидѣться тамъ съ отцомъ, тамошнимъ крестьяниномъ. Ночью 1846 года, онъ вошелъ уже въ отцовскій дворъ, но увидѣлъ тамъ чью то чужую лошадь и немедленно поѣхалъ на ней въ Саратовъ. Такъ и не удалось ему повидаться съ отцомъ. Главнымъ притономъ Мусатова было село Молчановка, Кирсановскаго уѣзда. Въ этомъ селѣ онъ проживалъ подъ именемъ купца 3-й гильдіи Смирнова. Часто Мусатовъ попадался въ руки различныхъ земскихъ полицій, но всегда благополучно уходилъ на свободу или черезъ подкупъ чиновъ земской полиціи, или чрезъ посредство тюремныхъ стражей, или же силою вырывался отъ своего конвоя. Въ 1847 году, Мусатова везъ въ Тамбовъ знаменитый въ свое время тамбовскій сыщикъ, частный приставъ Хрусталевъ. Повидимому, Мусатовъ ни какъ не могъ избѣжать своей острожной участи, тѣмъ болѣе, что онъ для вѣрности былъ скованъ съ однимъ полицейскимъ солдатомъ. И все таки онъ ухитрился разбить оковы, спихнуть съ телѣги полицейскаго солдата и убѣжать въ лѣсъ, гдѣ его поджидали его товарищи. Съ особенною охотою шли въ шайку Мусатова бѣглые крѣпостные, потому что заботливый атаманъ всегда снабжалъ ихъ фальшивыми отпускными [1]).

Въ такомъ крайне неудовлетворительномъ въ нравственномъ отношеніи народонаселеніи, какимъ было тамбовское, конечно и семейные нравы были не высокаго достоинства. Мы уже не говоримъ о фактахъ самаго грубаго снохачества, приводившихъ многихъ тамбовскихъ обывателей въ Соловецкій или Суздальскій монастыри. Въ настоящемъ случаѣ мы разскажемъ только о слѣдующемъ происшествіи, по нашему мнѣнію характеризующемъ прошлую тамбовскую грубость нравовъ.

Въ іюнѣ 1815 года, въ селѣ Лѣсной Кочетовкѣ, Темниковскаго уѣзда, у крестьянина Ефима Михалева гостила замужняя дочь Катерина. 29-го числа, она пошла домой, въ село Сіяли. Съ ней было 5 дѣвушекъ-сестеръ, въ томъ числѣ младшая сестра Пелагея. Отошли онѣ отъ Кочетовки не болѣе полверсты, какъ вдругъ изъ лѣсу выбѣжали 5 крестьянъ и между ними крестьянинъ Василій Парфеновъ, давно уже и безуспѣшно хлопотавшій о женитьбѣ на Пелагеѣ. Бросившись на нее онъ закричалъ: «тебя-то мнѣ и надобно!» Съ этими словами онъ схватилъ ее за волосы и потащилъ въ лѣсъ. Поднялся крикъ. Дѣвушки стали было отымать Пелагею, но ихъ всѣхъ прибили, а сами скрылись съ своей добычей. Въ

[1]) Какъ сильно практиковались въ Тамбовской губерніи разбои, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1818 г. по высочайшему повелѣнію командирована была въ Саровскую пустынь военная команда для защиты этой пустыни отъ разбойниковъ, свободно разгуливавшихъ по дремучимъ саровскимъ лѣсамъ.

слезахъ избитыя женщины прибѣжали въ Кочетовку и объявили о случившемся сперва своему отцу, а потомъ всему сельскому міру. Сейчасъ же старики распорядились погонею за похитителями, но не догнали ихъ.

Только 3-го іюля отецъ узналъ о судьбѣ похищенной дочери. Оказалось, что похитители возили ее по разнымъ селамъ для вѣнчанія съ Василіемъ Парфеновымъ. Но духовенство отказывалось вѣнчать ихъ, потому что Пелагея упорно выражала свое нежеланіе выйти за Парфенова. Тогда привезли Пелагею въ село Купики прямо къ дьякону, какъ видно мастеру своего дѣла. Дьяконъ со всѣмъ поѣздомъ поѣхалъ въ село Кишалы. Такъ какъ Пелагея всю дорогу кричала и билась, то ее привязали волосами къ телѣгѣ и кромѣ того дьяконъ насильно разжалъ ей ротъ и влилъ туда какой-то жидкости, отъ которой она обезпамятѣла. Въ такомъ состояніи ее привезли въ Кишалы и повѣнчали.

Узнавъ обо всей этой исторіи, крестьянинъ Михалевъ пріѣхалъ съ своими односельцами въ село Сіяли и вошолъ на дворъ къ Парфенову. Молодая въ это время лежала на телѣгѣ, прикрытая рогожею, и голосила. На распросы отца она отвѣчала: «Я не вѣнчана и не помню даже, чтобы была въ какой-нибудь церкви». Отецъ взялъ ее съ собою.

Началось дѣло. Василій Парфеновъ черезъ нижній земскій судъ требовалъ выдачи жены и судъ принялъ его сторону. Такъ и осталась бѣдная Пелагея Михалева женою Василія Парфенова.

Къ непривлекательнымъ сторонамъ внѣшняго быта тамбовскаго крестьянства, кромѣ слишкомъ уже извѣстныхъ притѣсненій мелкаго начальства, относились въ описываемое нами время военные постои. Въ началѣ 20-хъ годовъ, Тамбовская губернія наполнена была кавалерійскими полками. Въ Елатьмѣ стоялъ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ Темниковѣ — Елисаветградскій, въ Спасскѣ — Иркутскій, въ Липецкѣ — Тираспольскій драгунскій. Вся эта масса военнаго люда, грубая вслѣдствіе тогдашнихъ условій общественнаго и военнаго быта, лежала тяжелымъ бременемъ на крестьянскомъ народонаселеніи и вызывала постоянныя жалобы на разныя притѣсненія. Иркутскій полкъ въ Спасскомъ уѣздѣ дошолъ до того, что сталъ собирать съ жителей селъ и деревень четвертей по 60 овса и кромѣ того съ каждой крестьянской души по пуду сѣна. Когда же этого оказалось мало, полкъ овладѣлъ всѣми сѣнокосными лугами села Салазгари. Въ тоже время полковые офицеры безъ всякаго стѣсненія, какъ будто такъ и должно было быть, безденежно брали у обывателей подводъ по 50 и болѣе и катались по всѣму уѣзду. Но этимъ неограничивались натуральныя повинности Спасскаго крестьянства. У нихъ безплатно забирали всякую живность, яйца, масло, да и самихъ жителей, человѣкъ по 20, приневоливали къ работѣ, при чемъ еще похваля-

лись: «мы васъ выжгемъ и доканаемъ, а до суда вашего намъ дѣла нѣтъ». Тѣмъ не менѣе эскадронные командиры ежемѣсячно брали съ жителей подписку въ томъ, что гусары не сдѣлали имъ никакихъ притѣсненій. Однако гусарскія притѣсненія обнаружились и вызвали судебное слѣдствіе. Слѣдователемъ назначенъ былъ тамбовскій прокуроръ Бояркинъ. По слѣдствію оказалось, что Иркутскіе гусары и жестоко обирали народъ, и больно дрались, а имущество крестьянское «озорнымъ образомъ» выбрасывали изъ оконъ. Бывали даже и такіе случаи, когда пьяные гусары рубили въ избахъ стѣны и косяки, причемъ полковое начальство не только не останавливало солдатъ, но даже поощряло. Такъ именно поступали полковникъ Бестужевъ и поручикъ Зиновьевъ. Прокуроръ Бояркинъ очевидно былъ человѣкъ честныхъ правилъ и потому близко принялъ къ сердцу невзгоды Спасскихъ обывателей, вслѣдствіе чего началъ ходатайствовать передъ тамбовскимъ губернскимъ правленіемъ, «дабы оно благоволило къ отвращенію всѣхъ тѣхъ притѣсненій принять ближайшія мѣры». Особенное вниманіе губернскаго начальства Бояркинъ обращалъ на жителей села Кирилова, у которыхъ квартировалъ 2-й иркутскій эскадронъ, отличавшійся особеннымъ буйствомъ и забравшій у крестьянъ разныхъ вещей, въ томъ числѣ полушубковъ, на 653 р. 80 к. Вслѣдствіе разныхъ притѣсненій Иркутскаго гусарскаго полка, Кириловскіе обыватели подавали даже прошеніе на высочайшее имя.

Въ духѣ Иркутскихъ гусаръ дѣйствовалъ также и маіоръ мѣстныхъ тамбовскихъ войскъ Голосницкій. Этотъ гарнизонный штабъ-офицеръ считалъ себя въ губерніи чуть не первымъ человѣкомъ и на этомъ основаніи самовольно запретилъ ставить часовыхъ у губернаторскаго дома.

Солдаты ходили при немъ въ караулъ въ рваныхъ крестьянскихъ зипунахъ и безъ оружія и отъ этого арестанты часто бѣжали изъ острога. Такое нищенское состояніе войскъ тамбовскаго гарнизона происходило отъ чрезвычайнаго хищничества маіора Голосницкаго, который имѣлъ обыкновеніе удерживать у себя солдатскія и рекрутскія деньги. Впрочемъ, солдатскія деньги не пошли впрокъ Голосницкому. Шли они главнымъ образомъ на пьянство, слухъ о которомъ дошолъ наконецъ до государя императора. Тѣмъ не менѣе Голосницкій не унывалъ и все усиливалъ свою энергію въ извѣстномъ направленіи. Такъ, разъѣзжая по губерніи, онъ жестоко билъ ямщиковъ и загонялъ у нихъ лошадей. А въ селѣ Алексѣевкѣ увезъ у одного крестьянина дочь и держалъ ее на солдатскомъ дворѣ. О томъ, какъ Голосницкій обращался съ низшими его людьми, можно судить по слѣдующему факту. Разъ онъ ѣхалъ по улицѣ. Въ это время подошолъ къ нему канцеляристъ исправника Хардина и отъ имени своего начальника попросилъ у него нѣсколько человѣкъ конвойныхъ. Тогда Голоницкій,

неизвѣстно за что, плюнулъ ему въ лицо, ударилъ по щекѣ и потащилъ на гауптвахту, гдѣ и приказалъ набить ему на ноги колодки.

Въ заключеніе скажемъ о томъ, чѣмъ въ былыя времена тамбовское простонародье развлекалось. Подъ покровительствомъ могущественнаго откупа, въ Тамбовскомъ краѣ всюду, какъ грибы, выростали кабаки, штофныя и ведерныя лавочки, подъ вліяніемъ которыхъ простой народъ получалъ наклонность къ суровымъ развлеченіямъ, и вотъ почему въ тамбовскихъ городахъ, весяхъ и деревняхъ такъ любили кулачные бои. Эти бои принимали иногда такіе размѣры, что оканчивались смертоубійствами. Такъ, въ селѣ Карпеляхъ во время кулачной потѣхи убитъ былъ удѣльный крестьянинъ Василій Хорошевъ. Въ другой разъ кулачный бой разгорѣлся между жителями селъ Верхнихъ Пупокъ и Стежекъ. Дѣло было на масляницу и потому бой принялъ ожесточенный характеръ: всюду виднѣлись подбитые глаза, опухшія щеки, разбитыя челюсти. А одинъ однодворецъ, Ермолай Долговъ, и вовсе отдалъ Богу душу. Подобныхъ случаевъ въ Тамбовской губерніи бывало не мало, а происходили они между прочимъ потому, что въ прежнія времена очень лестно было составить себѣ репутацію ловкаго силача. Въ городѣ Тамбовѣ еще и теперь разсказываютъ про четырехъ знаменитыхъ бойцовъ: Казанскаго, Макаровскаго, Никольскаго и Ростошинскаго, которые будто бы такъ возгордились своею силою и снаровкою, что вызывались вступить въ бой со всѣми тамбовскими купцами, мѣщанами и крестьянами [1]). Всѣ эти бойцы были изъ семинаристовъ, которые въ союзѣ съ мелкими чиновниками воевали со всѣми остальными сословіями города Тамбова. Кулачныя битвы большею частію происходили зимою, въ праздничные вечера.

VII.

Ссыльные въ монастыряхъ Тамбовской епархіи.

Въ Тамбовской губерніи не сохранилось почти никакихъ преданій о стародавнихъ временахъ, которыя ознаменованы были какими нибудь выдающимися событіями въ предѣлахъ мѣстнаго края. О стольникѣ Бобарыкинѣ, строителѣ города Тамбова, о нападеніяхъ Ногайскихъ татаръ на новопостроенную Тамбовскую крѣпость, о пораженіи шайки атамана Булавина въ окрестностяхъ Тамбова, о пугачевщинѣ — равнодушные къ отечественной старинѣ

[1]) Замѣчательно, силачи Макаровскій и Ростошинскій однажды избили и обратили въ бѣгство 12 полицейскихъ стражниковъ, въ томъ числѣ 2-хъ конныхъ жандармовъ, и за это были высѣчены семинарскимъ начальствомъ.

тамбовскіе обыватели ничего не помнятъ. Всѣ мѣстные старожилы помнятъ только одно: что Тамбовъ въ прежнія времена былъ ссылочнымъ мѣстомъ, своего рода Сибирью. Эта мысль выражена также и въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова—«Казначейша». Между тѣмъ, на основаніи документовъ томбовскихъ архивовъ, можно сказать съ достовѣрностію, что это единственное, твердо сохранившееся, мѣстное преданіе невѣрно. Тамбовъ никогда не былъ ни Читой, ни Рогервикомъ. Правда, ссыльные бывали въ Тамбовской губерніи, и нѣкоторые изъ нихъ были очень важные преступники, но только ихъ ссылали не въ городъ Тамбовъ, а въ разные монастыри Тамбовской епархіи [1]).

Пересматривая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ архивы тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ и прислушиваясь въ тоже время къ расказамъ мѣстныхъ старожиловъ, мы нашли только одного интереснаго тамбовскаго ссыльнаго, который впрочемъ оффиціально опальнымъ человѣкомъ не считался. Это былъ грузинскій царевичъ и католикосъ Антоній, пріѣхавшій въ Тамбовъ изъ Москвы въ 1812 году и прожившій въ немъ примѣрно лѣтъ шесть. Католикосъ Антоній былъ четвертымъ сыномъ послѣдняго Грузинскаго царя Ираклія. Въ 1783 году, во время присоединенія Грузинскаго царства къ Россіи, онъ былъ уже архимандритомъ, хотя ему тогда было только 20 лѣтъ. Сосланъ онъ былъ во внутреннюю Россію вслѣдствіе извѣстныхъ анти-русскихъ волненій, которыя произошли въ грузинскомъ царскомъ семействѣ вскорѣ послѣ присоединенія Гру-

---

[1]) Тамбовская эпархія никогда не отличалась обиліемъ монастырей. Еще менѣе ихъ стало послѣ извѣстной екатерининской реформы, произведенной въ Тамбовскомъ краѣ съ неумолимою строгостію. Въ 1769 г. монахи Тамбовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря такъ жаловались высшему правительству на свою судьбу: «настоятеля нашего перевели въ Нижній Ломовъ, а другаго не назначили; были у насъ крестьяне — и тѣ взяты; и рыбныя ловли невѣдомо почему тоже отняты отъ насъ, а скотъ нашъ монастырскій роздали бывшимъ нашимъ крестьянамъ, жалованья же отъ казны мы не получаемъ». Вслѣдствіе такихъ бѣдъ, многіе Тамбовскіе монахи начали скитаться по лѣсамъ, строить кельи и самозванно постригать приходившихъ къ нимъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. Въ однихъ Сѣвскихъ лѣсахъ поймано было самозванныхъ монаховъ 23 человѣка.

Въ извѣстномъ сочиненіи Строева указаны слѣдующіе упраздненные монастыри Тамбовской эпархіи: Турдышевская пустынь, Мамонтова пустынь, Троицкая пустынь, Елатомская, Адріанова пустынь. Кромѣ того, въ документахъ тамбовской духовной консисторіи мы нашли указаніе еще на слѣдующіе упраздненные монастыри Тамбовской епархіи: Аграфенину пустынь, имущество которой поступило въ аренду статской совѣтницѣ Спичинской; Керанскій Тихвинскій монастырь; Одигитріевскій женскій монастырь, земля котораго, а также церковь и церковныя вещи, поступили во владѣніе князя Гагарина, и Тамбовскую Ряженскую пустынь, владѣнія которой взяты въ казну.

Въ тоже время взяты у тамбовскихъ монастырей, церквей и архіерейскаго дома 17,194 человѣка крестьянъ.

зіи къ Россіи. Но и объ этомъ единственномъ замѣчательномъ ссыльномъ мы нашли въ Тамбовѣ самыя скудныя извѣстія.

Доселѣ указываютъ въ Тамбовѣ тотъ домъ, въ которомъ жилъ католикосъ Антоній. Въ этомъ домѣ, окруженный большою грузинскою свитою, ссыльный католикосъ проводилъ шумную и веселую жизнь, хотя такая жизнь была ему далеко не посредствамъ. Поэтому онъ началъ занимать деньги и скоро очутился въ неоплатныхъ долгахъ. Въ январѣ 1817 года, долги эти выяснились. Всего за католикосомъ Антоніемъ числилось 189,694 руб. 66 коп. Кредиторы требовали съ него немедленной уплаты долга, между тѣмъ онъ имѣлъ ежегодно только 10 тысячъ рублей казеннаго жалованья и на этомъ основаніи отказывался платить кредиторамъ. «Я — писалъ онъ черезъ князя А. Н. Голицына Александру I — во время московскаго разоренія потерпѣлъ большіе убытки и не имѣю состоянія, а если мнѣ платить долги изъ жалованья, то самому останется мало». На это письмо послѣдовалъ такой отвѣтъ изъ Петербурга: «вычитать у католикоса Антонія треть жалованья и вносить въ тамбовскій уѣздный судъ для удовлетдоренія кредиторовъ».

Католикоса Антонія почему то не любили въ Тамбовѣ до такой степени, что однажды лавочники избили его дворецкаго, когда тотъ пошолъ на базаръ за провизіей. И при этомъ приговаривали: «ссыльные вы съ твоимъ царевичемъ и состоите подъ полицейскимъ надзоромъ».

Хотя католикосъ порусски плохо понималъ, однако изрѣдка онъ совершалъ богослуженіе при помощи приставленнаго къ нему протодіакона Иларіона Андреева [1]). При этомъ иногда бывали курьезы. Вотъ одинъ изъ нихъ. Разъ Антоній, стоя передъ престоломъ, обернулся къ народу, чтобы благословить его. Это сдѣлано было не во время и потому протодіаконъ сказалъ ему: погодите, погодите! Но католикосъ понялъ это предостереженіе по своему и благословляя народъ громко говорилъ: погодите, погодите!

По мѣстному преданію, католикосъ Антоній переведенъ былъ изъ Тамбова въ Нижній Новгородъ, гдѣ и умеръ.

Лицъ, сосланныхъ въ былое время въ различные тамбовскіе монастыри, можно раздѣлить на 4 группы. Попадались въ эти монастыри помѣщики, слишкомъ неумѣренно пользовавшіеся своею властію надъ крѣпостными крестьянами, и вообще проявлявшіе стремленіе къ кулачному праву; везли туда же различныхъ сек-

[1]) По указу Екатерины II, отъ 2-го ноября 1784 года, грузинскій католикосъ состоялъ мѣстомъ въ числѣ россійскихъ архіереевъ въ осьмой степени, именно послѣ тобольскаго.

тантовъ и другихъ лицъ, такъ или иначе возстававшихъ противъ господствующей церкви; предавали монастырскому заключенію священнослужителей, болѣе или менѣе нарушавшихъ церковное благочиніе; наконецъ въ тамбовскіе монастыри по синодскому или архіерейскому повелѣнію поступали и такіе подсудимые, за которыми, судя по документамъ, не только не водилось никакихъ зазорныхъ дѣлъ, но которые, по видимому, проявляли самую полезную дѣятельность.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ первой группы.

Въ 1782 году, въ одинъ изъ тамбовскихъ женскихъ монастырей сослана была на покаяніе прапорщица Ребровская. Причиною было то, что Ребровская засѣкла до смерти «ѣзжалыми кнутами» 13-ти лѣтнюю крѣпостную свою дѣвочку Лукерью. Изсѣченная дѣвочка умерла черезъ нѣсколько часовъ послѣ экзекуціи. Не смотря на то, Ребровская говорила на судѣ: «Лукерья умерла вовсе не отъ побой, а отъ случайнаго въ мозгу припадка».

Въ 1785 году, относительно одного тамбовскаго помѣщика, прапорщика Лизунова, послѣдовала такая высочайшая конфирмація: «лиша его чиновъ и дворянскаго достоинства, посадить его на недѣлю на хлѣбъ и на воду, а потомъ предать церковному покаянію въ одномъ изъ тамбовскихъ монастырей». Этотъ приговоръ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Лизуновъ часто засѣкалъ своихъ людей до смерти; когда же корнетъ Малаховъ сталъ выговаривать ему за это, то онъ ударилъ его ножомъ.

Въ 1802 году, въ Санаксарскую пустынь тамбовской епархіи присланъ былъ, по высочайшему повелѣнію, елецкій помѣщикъ маіоръ Орловъ. Въ синодскомъ указѣ, адресованномъ на имя тамбовскаго епископа Ѳеофила, было сказано, чтобы Орлову давали въ день по 50 копѣекъ, чтобы употребляли его въ монастырскую работу и чтобы онъ отданъ былъ въ нравственное руководство какому либо искусному іероманаху. Причиною этой ссылки было то, что Орловъ былъ очень дурнымъ помѣщикомъ. Когда слѣдственная коммисія, составленная по поводу его помѣщичьихъ злоупотребленій, прибыла въ его имѣніе, то нашла тамъ множество больныхъ, **такъ какъ Орловъ держалъ своихъ крѣпостныхъ человѣкъ по 40, вмѣстѣ со скотиною, въ двухъ тѣсныхъ избахъ, въ самомъ сыромъ, холодномъ и нестерпимомъ воздухѣ.** Кормилъ крестьянъ своихъ этотъ Орловъ мякиннымъ хлѣбомъ, да и тотъ раздавалъ **по вѣсу малыми участками.** О степени его жестокости можно судить по тому, что слѣдственная коммисія нашла одного его двороваго, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ прикованъ къ стѣнѣ цѣпью. «Наказанія изобрѣтались имъ, — писалъ по поводу Орлова императоръ Александръ I, — съ такимъ обдуманнымъ свирѣпствомъ, что безъ содраганія и выразить невозможно».

Въ томъ же 1802 году, и въ тотъ же Санаксарскій монастырь, сосланы были, по высочайшему повелѣнію, помѣщики Ишины. Оба они въ 1785 году зашли въ одинъ тамбовскій питейный домъ, (трактировъ тогда не было еще въ г. Тамбовѣ), встрѣтили тамъ мѣщанъ Гаврилова и Іевлева, выпили съ ними кизлярки и повели ихъ къ себѣ домой играть въ карты. Случилось такъ, что Гавриловъ сильно обыгралъ Ишиныхъ, такъ что они принуждены были поставить на ставку бѣлье и шубу. Гаврилову и тутъ повезло. Но огорченные Ишины не хотѣли платить ему ничего и стали, по вольности дворянства, бить его. На шумъ пришелъ ночной обходъ. Тогда Ишины бросились на полицейскихъ солдатъ съ ножами и одного изъ нихъ, Фузнева, тутъ же убили [1].

Вмѣстѣ съ указанными мною помѣщиками попалъ въ одинъ изъ тамбовскихъ монастырей бурмистръ тамбовской помѣщицы Богдановой, Стукалинъ. Въ монастырскую неволю угодилъ онъ по слѣдующему случаю. Однажды онъ с о г н а л ъ бабъ полоть овесъ. Но одна изъ нихъ, беременная женщина Лукерья Филипова, немного опоздала явиться въ поле. Тогда Стукалинъ съ бранью н а л е т ѣ л ъ на нее и сталъ сѣчь ее ѣ з ж а л ы м ъ кнутомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, Лукерья Филипова выкинула недоношеннаго младенца и умерла. Когда Стукалина позвали въ судъ, онъ оправдывался съ замѣчательною развязностію. «Эка важность,—говорилъ онъ,—что баба напугалась и отъ страху выкинула. А смерть—воля Божія».

Одновременно съ преступниками противъ общественныхъ порядковъ въ тамбовскіе монастыри попадали и преступники противъ господствующей церкви. Такъ, въ 1802 году, въ Саровскую пустынь присланъ былъ саратовскій раскольникъ Егоръ Афанасьевъ. Это былъ одинъ изъ фанатиковъ-самосожигателей. Вотъ что писалъ о немъ и о его единомышленникахъ Санктпетербургскому митрополиту Амвросію министръ Кочубей:

«Саратовской губерніи, с. Попенъ крестьяне, бывъ увлечены внушеніями того села крестьянина Юшкова въ расколъ и увѣрясь въ приближеніи времени страшнаго суда, вознамѣрились съ женами и дѣтьми ихъ, въ числѣ 54 человѣкъ, сжечься въ одной каменной пещерѣ, куда они дѣйствительно и скрылись и уже огонь подложили».—Между тѣмъ, какъ писалъ далѣе Кочубей, одна женщина-раскольница испугалась огненной смерти, тайкомъ выбѣжала изъ пещеры и дала знать о самосожигателяхъ сосѣдямъ. Тѣ немедленно прибѣжали къ фанатикамъ и начали вытаскивать

---

[1]) Иногда въ тамбовскіе монастыри попадали и крестьяне за преступленія противъ помѣщиковъ. Такъ, въ 1797 году присланъ былъ въ тамбовскій Трегуляевъ монастырь 13-ти-лѣтній мальчикъ Дмитріевъ. Преступленіе его состояло въ томъ, что онъ убилъ въ полѣ своего помѣщика, капитана Оголина. Это было въ дачахъ с. Сукманки, Борисоглѣбскаго уѣзда.

ихъ изъ пещеры, а огонь тушить. Въ это то время крестьянинъ Егоръ Афанасьевъ вырвалъ у своей жены малолѣтняго сына и убилъ его объ стѣну, чтобы такимъ образомъ хоть одинъ правовѣрный погибъ мученическою смертію.

11-го октября 1798 года, въ село Никольское, Борисоглѣбскаго уѣзда, пріѣхалъ вѣдомственный благочинный для производства слѣдствія надъ проживавшимъ въ томъ селѣ отставнымъ прапорщикомъ Я. Мошоновымъ. «Этотъ Мошоновъ, какъ писалъ въ тамбовскую консисторію благочинный,—имѣетъ у себя образъ новаго святителя Тихона Задонскаго, и на семъ образѣ значится таковая надпись: изображеніе св. Тихона Задонскаго, новаго чудотворца, съ распростертыми руками предъ пречистымъ образомъ стоящаго и о всемъ мірѣ молящагося». Во время допроса Мошоновъ объявилъ благочинному: «Я сему образу покланяюсь и исправляю ему по общей минеи святительскую службу». — «Для чего ты чинишь сіе?—сурово спросилъ его благочинный.—«Ни ты, ни твой архіерей Ѳеофилъ мнѣ не указывайте», отвѣчалъ Мошоновъ. Тогда благочинный началъ было отнимать у него изображеніе св. Тихона, но Мошоновъ схватилъ столовый ножъ и выразилъ рѣшительное намѣреніе защищать оружіемъ еще не прославленнаго тогда Задонскаго святителя. Послѣ этого благочинный ретировался изъ квартиры Мошонова и далъ знать о немъ консисторіи, которая чрезъ губернское правленіе вытребовала въ Тамбовъ образъ не канонизованнаго святителя, а самого Мошонова, въ томъ же году, отправили въ козловскій Троицкій монастырь въ монастырскіе труды, чтобы неповадно было ему покланяться такимъ иконамъ, которыя строжайше были воспрещены духовнымъ регламентомъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по всей Россіи подвергались гоненію тѣ суевѣрные и ловкіе люди, которые выдавали себя за колдуновъ. Сто лѣтъ тому назадъ такимъ людямъ вѣрили не только простолюдины, но и особы начальствовавшія, духовныя и свѣтскія. Въ нѣкоторыхъ воеводскихъ канцеляріяхъ и духовныхъ консисторіяхъ разбирались даже дѣла «о чародѣяхъ». Чаще всего такія дѣла бывали въ Великоустюжской епархіи, но и Тамбовская епархія не была исключеніемъ въ этомъ случаѣ. Замѣчательна та дерзость, съ какою разные наши доморощенные чернокнижники увѣряли судей и слѣдователей въ дѣйствительности своей профессіи. «Отъ Бога и Христовой вѣры,—показывали нѣкоторые изъ нихъ,—мы отреклись, кресты, снявъ съ себя, бросили, отцовъ и матерей, мѣсяцъ и солнце, землю и воду прокляли». Всѣхъ этихъ «чародѣевъ» ссылали въ монастыри на покаяніе. Въ 1789 году, между такими «чародѣями» оказался даже священникъ села Замартинья, Мокѣевъ. Онъ нашептывалъ какія-то тайныя слова, смотря

на вино, и всыпалъ въ это вино разныя зелья, отъ которыхъ многіе люди получили порчу.

Въ началѣ царствованія Екатерины II-й, въ предѣлахъ Тамбовской провинціи съ особенною силою обнаружилось стремленіе простонародья къ богопочитанію духомъ и истиною. Въ 1766 году, въ селѣ Жидиловкѣ 26 человѣкъ мѣстныхъ прихожанъ положительно отказались отъ православія. «Мы,—говорили они,—не покланяемся иконамъ, ибо онѣ — простыя доски, и не хотимъ мы ходить въ церкви, ибо онѣ рукотворенныя». Сперва этихъ сектантовъ тамбовская епархіальная власть сочла раскольниками, но послѣ убѣдилась, что это люди какой-то неизвѣстной дотолѣ секты. Таковы первыя оффиціальныя извѣстія о тамбовскихъ сектантахъ, названныхъ впослѣдствіи духоборцами и молоканами. Всѣхъ жидиловскихъ еретиковъ привезли въ духовную консисторію, гдѣ епархіальный проповѣдникъ, священникъ Полянскій, тщетно старался вразумить ихъ. Послѣ этого всѣхъ ихъ вернули домой, за неимѣніемъ при консисторіи приличнаго караула. При такихъ обстоятельствахъ духоборческая секта стала все болѣе и болѣе развиваться въ Тамбовской провинціи, при чемъ особенною ревностію къ новой вѣрѣ отличился нѣкто Кузнецовъ, воронежскій харчевникъ.

Въ 1769 году, между духоборцами и молоканами оказались даже лица духовнаго званія. Такъ, церковникъ села Горѣлаго, Петровъ, склонилъ въ этомъ году въ молоканскую ересь 40 человѣкъ однодворцевъ, за что и былъ подвергнутъ монастырскому заключенію. Съ 1833 года по 1836-й годъ, въ Саровской пустыни содержался за уклоненіе въ молоканство священникъ Васильевъ, изъ села Падовъ. «Въ церкви, — писали про него тамбовскому епископу Арсенію монастырскія власти,—священникъ Васильевъ не молился, а чесалъ голову и брюхо и при этомъ говорилъ: надо жить такъ, какъ жили древніе отцы ветхаго завѣта. И еще говорилъ: страннымъ мнѣ кажется, что монашествующіе за правило себѣ поставляютъ повиноваться своему игумену, какъ Господу». Однако, священникъ Васильевъ упорно стоялъ за молоканство и тайкомъ уходилъ изъ монастыря на молоканскія сходки, и при этомъ занимался совращеніемъ простонародья въ ересь [1]).

Въ 1783 году, въ Тамбовской епархіи обнаружилось значительное число скопцовъ. Между ними попадались даже лица духовнаго званія. Такъ, священникъ Петръ Петровъ самъ отрѣзалъ у себя «ключи ада и ключи бездны». За это онъ лишенъ былъ священническаго сана и послѣ того, какъ покаялся въ своемъ грѣхѣ,

---

[1]) Между молоканами попадались и другіе священники, а также лица привиллегированныхъ сословій. Въ 1838 году, въ молоканствѣ обвиненъ былъ священникъ села Лѣвыхъ Ламокъ, Федоровъ, и отставной поручикъ Богдановъ.

опредѣленъ былъ на причетническую должность въ одну сельскую церковь.

Но особенно много было между тамбовскими духовными лицами такихъ, которыя уходили къ раскольникамъ-поповцамъ.

Въ 1773 году, керенскій попъ, Федоръ Никитинъ, бѣжалъ на Вѣтку. По словамъ генералъ-маіора Смирнова, Федоръ Никитинъ таскался по городамъ, селамъ и деревнямъ и совращалъ въ расколъ простой народъ и многихъ совратилъ.

14 годами позже, дьяконъ с. Архангельскаго, Васильевъ, склонилъ въ расколъ до 40 человѣкъ своихъ односельцевъ, переманилъ также на свою сторону церковника Михаила Иванова, служившаго въ пензенскомъ духовномъ правленіи, и во главѣ этой толпы убѣжалъ на Иргизъ, въ Исаковъ скитъ.—Дьякону Васильеву пришлось поплатиться за уклоненіе въ расколъ слишкомъ тяжело: онъ отданъ былъ въ солдаты.

Въ 1792 году, къ раскольникамъ на Иргизъ бѣжалъ мокшанскій протопопъ Егоровъ. Бѣгство такой важной особы стало тогда же извѣстно всѣмъ русскимъ раскольникамъ. Петербургскіе раскольники пригласили его къ себѣ и онъ служилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ по старопечатнымъ книгамъ и по раскольническимъ лжеумствованіямъ. Впослѣдствіи протопопъ Егоровъ подвергнутъ былъ въ Тамбовской епархіи суду, лишенъ священства и заключенъ въ одномъ изъ монастырей.

Особенно много бѣглыхъ духовныхъ лицъ было въ царствованіе императрицы Екатерины II. Изъ синода во всѣ епархіи постоянно разсылались тогда указы о сыскѣ бѣжавшихъ изъ разныхъ епархій іеромонаховъ и поповъ. При каждомъ такомъ указѣ прилагались реестры бѣжавшихъ съ описаніемъ ихъ примѣтъ. Всѣ эти бѣглецы шли главнымъ образомъ на Керженецъ, Иргизъ и Сибирь.

Въ 1800 году, священникъ с. Доншина, Михаилъ Дмитріевъ, бѣжалъ на Иргизъ. Тамъ онъ принялъ новое мvропомазаніе, сдѣлался вліятельнымъ расколоучителемъ и началъ постоянно и громогласно проклинать троеперстниковъ и не носящихъ брады. Скоро его поймали и заключили въ тамбовскомъ Трегуляевскомъ монастырѣ. Но отсюда онъ бѣжалъ при помощи тамбовскихъ раскольниковъ, опять былъ пойманъ и сданъ въ солдаты, а дѣтей его взяли въ военно-сиротское отдѣленіе[1]).

[1]) Одновременно съ священникомъ Дмитріевымъ заключенъ былъ въ Трегуляевскомъ монастырѣ іеромонахъ Патермуфій, который схваченъ былъ у александрійскихъ (Херсонской губерніи) раскольниковъ, у которыхъ онъ былъ главнымъ уставщикомъ и совершителемъ требъ.

Въ 1838 году, по высочайшему повелѣнію, войска усмиряли одинъ Иргизскій раскольничій монастырь. Причиною этого былъ бунтъ иргизскихъ монаховъ, а цѣлью—обращеніе раскольниковъ въ единовѣріе. При этомъ пойманъ былъ въ монастырѣ бѣглый тамбовскій попъ, изъ Шацкой казачьей слободы, Евдокимъ Парфеньевъ, съ 13-лѣтнимъ сыномъ Андреемъ. Оказалось, что Евдокимъ Парфеньевъ жилъ на Иргизѣ уже давно, съ 1832 года, и очень весело. Слишкомъ часто и въ неуказные часы видался онъ съ сосѣдними скитницами, черницами и бѣлицами. Когда пришли арестовать его, то нашли въ его кельѣ на постели женское платье: сарафанъ, платокъ и башмаки, а въ сосѣдней его комнатѣ изловили нѣкую Анну Антонову... По приговору духовнаго суда, Евдокима Парфеньева заключили въ одномъ тамбовскомъ монастырѣ, а сына его опредѣлили въ духовное училище.

Случалось впрочемъ иногда, что бѣглыхъ священниковъ прощали и опять опредѣляли, въ виду ихъ раскаянія, въ приходы. Такъ, въ 1817 году, священникъ села Братковъ, Петръ Андреевъ, бѣжалъ къ екатеринбургскимъ раскольникамъ. Въ 1826 году, онъ вернулся съ повинной головой въ Тамбовскую епархію и порѣшенію святѣйшаго синода опять назначенъ былъ приходскимъ священникомъ.

Съ особенною энергіею раскольническія и еретическія движенія въ Тамбовской епархіи были преслѣдуемы въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, при тамбовскомъ епископѣ Арсеніѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшемся въ санѣ кіевскаго митрополита. Въ это время между тамбовскими сектантами распространилась мысль, что они могутъ переселяться въ какія то невѣдомыя и далекія страны и что тамъ не будетъ касаться ихъ ни духовное, ни свѣтское начальство. Въ 1837 году, нѣкоторые тамбовскіе сектанты жаловались, что ихъ семейства розданы порознь разнымъ священникамъ, якобы на увѣщаніе, а на самомъ дѣлѣ въ услуженіе.

Ратуя противъ ересей, епископъ Арсеній принудилъ тамбовскихъ гражданъ составить приговоръ объ изгнаніи изъ Тамбова купцовъ-молоканъ. Такъ какъ въ числѣ тамбовскихъ молоканъ считались самые главные тамбовскіе купцы (Сорокины, Поповы, Федотовы и др.). то тамбовской торговлѣ такимъ образомъ угрожала опасность. Однако, на представленіе епископа Арсенія не послѣдовало высочайшаго согласія. Все-таки Арсенію удалось добиться того, что духоборцамъ и молоканамъ воспрещено было имѣть постоялые дворы и мельницы и кромѣ того изъ нѣкоторыхъ селъ ихъ изгнали на Кавказъ и въ Таврическую губернію.

Наибольшее число лицъ, заключенныхъ въ былое время въ монастыри Тамбовской епархіи, принадлежало, конечно, къ духов-

ному сословію. Между прочимъ это объясняется чрезвычайно неудовлетворительнымъ состояніемъ нашего духовенства прошлаго времени во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ рескрипта императрицы Елизаветы Петровны, отъ 31-го декабря 1757 года, даннаго на имя великоновоградскаго и великолуцкаго архіепископа Димитрія Сѣченова, видно, что наше бѣлое духовенство почти ничѣмъ не отличалось отъ простонародья. Вотъ содержаніе этого рескрипта: «Многіе священнослужители носятъ убогое и священному чину неприличное одѣяніе, ибо у иныхъ верхнія рясы изъ самаго толстаго холста, да и тѣ раздранныя; а у иныхъ рясъ нѣтъ, но въ кафтанахъ сермяжныхъ подпоясаны кушаками ходятъ; а что касается до обуви, то почти всѣ въ лаптяхъ. И сіе происходитъ не токмо отъ скудости, но паче отъ небреженія».

Внѣшнему неудовлетворительному состоянію вполнѣ соотвѣтствовала внутренняя скудость нашего духовенства. Епархіальныхъ школъ въ прошломъ столѣтіи было у насъ очень мало. А въ тѣ архіерейскія школы, которыя были кое-гдѣ открыты, слишкомъ мало поступало учениковъ. Отъ школьнаго ученія уклонялись дѣти духовныхъ лицъ почти такъ же, какъ наше крестьянство уклонялось отъ солдатчины. Въ 70 годахъ прошлаго столѣтія постановлено было даже брать штрафъ съ духовныхъ лицъ за неявку ихъ съ дѣтьми въ училища. Съ протопоповъ брали въ мѣсяцъ по два рубля, съ священниковъ по 1½ рубля, съ дьяконовъ по 1 рублю, съ дьячковъ и пономарей по 50 копѣекъ. И только такими чрезвычайными мѣрами наполняли наши духовныя семинаріи прошлаго вѣка. О степени образованности нашего приходскаго духовенства XVIII столѣтія можно судить по тому, что въ правленіе двухъ тамбовскихъ архіереевъ: Пахомія и Θеодосія, продолжавшееся нѣсколько десятковъ лѣтъ, во всей Тамбовской епархіи было только одно книжное духовное лицо, именно, епархіальный проповѣдникъ, священникъ Александръ Полянскій.

Жалкое состояніе нашего духовенства, отличавшагося всегда многочисленностію, вызывало со стороны правительства мѣры къ его сокращенію. Екатерина II неоднократно повелѣвала брать лишнихъ церковниковъ въ солдаты. Во время первой турецкой войны велѣно было взять съ духовенства 12,626 человѣкъ рекрутъ. Но когда эта мѣра стала приводиться въ исполненіе въ Тамбовѣ, тамбовскій епископъ Θеодосій поспѣшилъ лишнихъ церковниковъ размѣстить по приходамъ. Отъ этого вышли у него непріятности съ тамбовскимъ воеводою Черкасовымъ и съ воронежскимъ губернаторомъ Масловымъ. Окончились эти непріятности тѣмъ, что преосвященный Θеодосій, по высочайшему повелѣнію, устраненъ былъ отъ управленія епархіей и отданъ подъ судъ, а пристроенныхъ имъ церковниковъ взяли въ солдаты. Нѣкоего Василія Алексѣева даже изъ дьяковъ опредѣлили въ военную службу.

Весьма естественно, что наше отжившее духовенство, бѣдное, необразованное, въ обществѣ низко поставленное, доставляло изъ своей среды множество болѣе или менѣе тяжкихъ преступниковъ, попадавшихъ въ монастыри въ тяжелую черную работу.

29-го мая 1789 года, тамбовскій епископъ Θеофилъ подвергъ наказанію весь Трегуляевскій монастырь за неповиновеніе монаховъ строителю по ихъ закоснѣлости и за стремленіе ихъ къ разнымъ шалостямъ. Трегуляевскихъ монаховъ и послушниковъ раздѣлили на двѣ очереди, и пока одна оставалась въ монастырѣ, другая содержалась безотлучно при семинаріи въ работѣ. Вообще, епископъ Θеофилъ не церемонился съ провинившимися духовными лицами, даже и въ томъ случаѣ, если они занимали видныя мѣста въ епархіи. Такъ, казначея Нижнеломовскаго монастыря онъ однажды за худую жизнь, заковавъ въ желѣза и снявъ камилавку, содержалъ въ монастырской черной работѣ.

Нѣкоторыя преступленія духовныхъ лицъ прошлаго столѣтія отличались самымъ рѣзкимъ характеромъ. Въ 1764 и 1765 годахъ въ Тамбовской привинціи, по Хопру, гуляла сильная партія разбойниковъ. У нихъ были свои укрѣпленные притоны и они смѣло доходили во время своихъ прогулокъ до Саратова и Керенска, грозя перебить всѣхъ помѣщиковъ. Однажды эта шайка напала на усадьбу помѣщика маіора Лыкова и разграбила ее, при чемъ однихъ денегъ взято было разбойниками около 1,400 рублей. Вскорѣ послѣ того шайка напала на имѣніе помѣщика Львова и, захватя жену его и всю семью, била мучительскими побоями. Въ этой то шайкѣ атаманомъ былъ попъ Федоръ Ивановъ, а главными совѣтниками были у него два другіе попа: села Рузановки попъ Василій Филиповъ и села Покровскаго попъ Андрей Васильевъ. Разбойный промыселъ нисколько не мѣшалъ этимъ тремъ попамъ совершать церковныя требы. Такъ, они увозили отъ живыхъ мужей женъ и вѣнчали ихъ въ своихъ притонахъ съ другими [1]).

Во время Пугачевщины и немедленно по окончаніи ея, количество подсудимыхъ духовныхъ лицъ Тамбовской епархіи увеличилось цѣлыми сотнями священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, изъявлявшихъ покорность самозванцу. Между этими лицами нерѣдко попадались довольно важныя духовныя особы. Напримѣръ, ризничій архіерейскаго дома, іеромонахъ Паисій, и настоятель Нижнеломовскаго монастыря, архимандритъ Исакій. Послѣдній подвергнутъ былъ суду за то, что за монастырскими воротами встрѣтилъ пугачевскую

---

[1]) Въ 1767 году, разбойниковъ этихъ переловили и судили въ тамбовской провинціальной канцеляріи. Всѣ они послѣ пристрастнаго битьемъ батоговъ разспроса во всемъ повинились.

шайку съ крестомъ и хоругвями, и затѣмъ пошелъ въ церковь и торжественно отслужилъ молебенъ о здравіи императора Петра III-го. Архимандритъ Исакій лишенъ былъ архимандритства, священства и монашества и въ мужичьемъ платьѣ переданъ свѣтскому суду.

Иногда между духовными лицами, подвергавшимися монастырскому заключенію, попадались весьма оригинальные типы. Таковъ, напримѣръ, былъ священникъ тамбовской епархіи, Гавріилъ Товицкій, недавно умершій въ глубокой старости. Съ 1832 года, времени его рукоположенія, и до начала 60-хъ годовъ, Товицкій былъ подъ судомъ 22 раза. Судили его за то, что онъ неправильно толковалъ уставы церкви, приравнивая священническій санъ къ архіерейскому. Въ видахъ поддержанія своего іерейскаго достоинства, онъ требовалъ, чтобы церковный причтъ встрѣчалъ его передъ богослуженіемъ непремѣнно со звономъ. Облачался онъ передъ совершеніемъ литургіи среди церкви, по архіерейски, причемъ два крестьянина прислуживали ему въ качествѣ ѵподіаконовъ. Если какой нибудь прихожанинъ имѣлъ надобность въ какой нибудь важной церковной требѣ, то обязанъ былъ писать Товицкому форменное прошеніе, на которомъ полагалась подобная резолюція: «дьячекъ сдѣлаетъ выправку по церковнымъ книгамъ» [1]. И въ семейномъ быту священникъ Товицкій отличался странностями. Такъ, трехъ сыновей своихъ онъ назвалъ слѣдующими именами: Янъ Сапѣга, Янъ Потоцкій, Янъ Безрясный [2]. Такъ какъ въ жизни о. Товицкаго бывали постоянные переѣзды изъ одного прихода въ другой и изъ одного монастырскаго заключенія въ другое, то онъ остался на всю жизнь бѣднякомъ. Это обстоятельство побуждало его дѣлать новыя странности. Однажды его послали за что-то въ Черніевъ монастырь. Въ назначенный срокъ священникъ Товицкій является къ настоятелю монастыря, но не одинъ. У настоятельскаго крыльца стояла телѣга, въ которой сидѣла жена и взрослая дочь Товицкаго, а къ задку телѣги привязана была коза, единственная домашняя скотина злополучнаго священника. Все это онъ доставилъ въ монастырь на томъ основаніи, что безъ него и жена, и дочь, и коза умрутъ-де съ голоду... Къ концу своей жизни священникъ Товицкій добился-таки того, что его лишили священства, несмотря на неоднократныя прошенія на высочайшее имя.

Современникомъ Товицкаго былъ другой священникъ Тамбовской епархіи, Карпъ Рязанскій, который тоже отличался странностями своего рода. Въ іюлѣ 1863 года, онъ отправленъ былъ въ Суздальскій монастырь за дерзкое прошеніе государю императору,

---

[1]) Замѣчательно, что прихожане о. Товицкаго, несмотря на всѣ его причуды, любили его и при случаѣ ходатайствовали за него даже передъ святѣйшимъ синодомъ. Такъ поступили, напримѣръ, крестьяне с. Вановья, Шацкаго уѣзда.

[2]) Послѣдній родился въ то время, когда Товицкому воспрещено было священнослуженіе и онъ ходилъ безъ рясы.

наполненное ругательствами и угрозами святѣйшему синоду. Во Владимірѣ, по дорогѣ въ Суздаль, ему сдѣлали въ губернскомъ правленіи формальный допросъ въ томъ предположеніи, что его умственныя способности находятся не въ порядкѣ. Но отвѣты его были логически совершенно правильные, только дерзкіе, и убѣдили всѣхъ членовъ губернскаго правленія, что священникъ Рязанскій вовсе не сумасшедшій. — «Зачѣмъ вы ходили безъ паспорта въ Петербургъ?» спросили его. — «Для принесенія государю императору жалобы на (слѣдуетъ ругательное слово) синодъ». — «По какому дѣлу вы арестованы?» — «Я желаю узнать объ этомъ отъ васъ». Когда священника Рязанскаго привезли въ Суздаль, то его ожесточеніе противъ всѣхъ властей достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ сталъ произносить дерзкія слова противъ самого государя. Изъ Суздальскаго монастыря Рязанскаго перевели въ тамбовскій Трегуляевъ монастырь, но тамъ онъ сжегъ гостинницу. Тогда его посадили въ острогъ, гдѣ слѣдователь между прочимъ спросилъ его: «Что вы намѣрены дѣлать по освобожденіи?» — «Сжечь Тамбовъ», отвѣчалъ Рязанскій. Когда предъ отправленіемъ въ Трегуляевъ монастырь Рязанскаго привели въ консисторію, онъ началъ укорять консисторскихъ членовъ за то, что они продаютъ мѣста. Ему велѣли молчать и назвали его малоумнымъ. «Вы, отвѣчалъ онъ, называете меня малоумнымъ, но это можно сказать про всякаго человѣка и про каждаго изъ васъ, ибо совершенный умъ одинъ Богъ». Въ Трегуляевъ монастырь Рязанскаго повезли въ сопровожденіи трехъ консисторскихъ сторожей. По этому поводу онъ обидѣлся и сказалъ такъ: «не такъ бы слѣдовало провожать меня; въ Суздаль везли меня съ жандармами».

Очевидно, Рязанскій былъ отъ природы въ высшей степени нервный, раздражительный человѣкъ. А обстоятельства его жизни сложились такъ, что эта нервность могла только усиливаться. Семейныя ссоры съ женою были у него такія горячія, что онъ однажды во время литургіи упалъ на полъ отъ нервнаго припадка. За это его отрѣшили отъ прихода. Значитъ, подлили масла въ огонь. Когда же онъ началъ опять просить архіерея о мѣстѣ и при этомъ, по обычаю несдержанныхъ людей, употреблять выраженія, несвойственныя скромнымъ просителямъ, то его отправили въ Лебедянскій монастырь, подъ надзоръ монастырскаго начальства. Это распоряженіе епархіальнаго начальства окончательно разстроило Рязанскаго. Онъ всюду, и особенно въ лицахъ начальствовавшихъ, сталъ видѣть своихъ враговъ и выражать относительно этихъ враговъ сильнѣйшую злобу, тѣмъ болѣе, что Рязанскій не могъ же не сознавать, что его злоба безсильная и что самъ онъ—совершенное ничтожество, безотвѣтный рабъ мелкихъ житейскихъ комбинацій...

Между многочисленными узниками тамбовскихъ монастырей, изъ которыхъ мы указали только немногихъ, попадались намъ и такіе, которые повидимому заслуживали похвалы и поддержки отъ начальства, а не заключенія монастырскаго. Изъ такихъ лицъ невольно и прежде всего мы останавливаемъ вниманіе на священникѣ села Кангушъ, Краснослободской десятины, Алексѣѣ Васильевѣ. Онъ былъ приходскимъ священникомъ у новокрещенной мордвы и положеніе его среди этого номинально-христіанскаго племени было по истинѣ тяжелое. Вотъ что писалъ онъ въ 1766 году тамбовскому епископу Пахомію: «новокрещены въ церковь къ молитвословію вовсе не ходятъ и крестнаго знаменія на себя не возлагаютъ; на гайтанахъ носятъ вмѣстѣ съ крестами звѣриные когти. Въ церковь ходятъ только въ зимнюю Николу. На пасху пируютъ много, кланяются невѣдомо кому на сѣверъ, отливаютъ немного питья и отламливаютъ и отрѣзываютъ пищу кому-то. А еще молодые ходятъ на рѣку и кланяются по три раза въ воду, ломаютъ кусочки хлѣба и бросаютъ туда же. И ежели кто изъ нихъ умретъ, то на седьмой день одѣваютъ они нѣкоего человѣка въ платье покойника, сажаютъ его въ передній уголъ и кланяются ему до земли. Потомъ водятъ по дворамъ и мнимый покойникъ велитъ всѣмъ какъ жить. И какъ скотину какую рѣжутъ, то безобразно вопятъ». Противъ этихъ и подобныхъ языческихъ обычаевъ священникъ Алексѣй Васильевъ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ строкъ его прошенія, сильно вооружался, но новокрещены такъ и остались надолго номинальными христіанами, а ревностному кангушскому миссіонеру выпали на долю одни только непріятности. Ночью 27 февраля 1764 года, кангушскіе мордовцы силою вошли въ домъ Алексѣя Васильева и сѣкли его нещадно вмѣстѣ съ его семействомъ, въ которомъ были и малыя дѣти, плетьми: «не мѣшай намъ, попъ,—приговаривали они,—молиться по нашему». Въ другой разъ священникъ Алексѣй Васильевъ совершалъ богослуженіе въ церкви. Тогда вошли въ алтарь его прихожане, прибили его и за эпитрахиль вытащили на церковную паперть. Обиженный священникъ поѣхалъ въ Тамбовъ и пожаловался на своихъ прихожанъ епископу Пахомію. Но и эти прихожане явились съ разными своими жалобами къ тому же Пахомію. Архіерейскій судъ кончился такимъ страннымъ рѣшеніемъ: «попа Васильева наказать плетьми». Послѣ этого наказанія священника Васильева держали нѣсколько недѣль въ монастырской работѣ подъ строгимъ присмотромъ. Не находя защиты у тамбовскаго архіерея, кангушскій миссіонеръ обратился съ жалобою на свою долю въ святѣйшій синодъ. Сказавши о несправедливомъ и жестокомъ рѣшеніи Пахомія по дѣлу съ кангушскими новокрещенами, Васильевъ далѣе прибавляетъ въ своемъ прошеніи: «А и прежде сего его преосвященство въ прошломъ 1762 году во время бытія моего въ Тамбовѣ въ

консисторіи для взятья переходной граматы безъ всякой моей винности билъ меня мучительски плетьми и вымогательствы своими взялъ съ меня 50 рублевъ».

Вскорѣ послѣ этого, именно 16 декабря 1766 года, епископъ Пахомій переведенъ былъ изъ Тамбова въ бѣдную Вологодскую епархію. Изъ жалобъ священника Васильева святѣйшій синодъ могъ убѣдиться, что епископъ Пахомій не исправился, не смотря на то, что синодъ дѣлалъ уже ему замѣчанія по поводу его жестокостей.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II-й, въ числѣ узниковъ Тамбовскаго архіерейскаго дома оказался пензенскій протопопъ Антоновъ. Это былъ человѣкъ по своему времени замѣчательно образованный, чуть ли не единственный въ своемъ родѣ во всей Тамбовской и Пензенской епархіи. Въ монастырское заключеніе попалъ онъ по поводу двухъ проповѣдей, неосторожно напечатанныхъ имъ въ московской синодальной типографіи. Проповѣди протопопа Антонова подверглись преслѣдованію за нѣкоторыя выраженія, которыя показались тогдашнему правительству подозрительными. Въ одной его проповѣди сказано было: «Богъ есть единица и этому не противорѣчатъ ни какія мнимыя противорѣчія». Къ этимъ словамъ придрались на слѣдующемъ основаніи: «протоіерей Антоновъ говоритъ о какихъ-то мнимыхъ противорѣчіяхъ божественной единицѣ, это онъ говоритъ конечно съ сомнѣніемъ о троичности божественныхъ лицъ». Въ другой проповѣди протоіерей Антоновъ, говоря о христіанской любви, совѣтовалъ своимъ слушателямъ составлять дружескія, не какія либо другія, общества. Отсюда вывели заключеніе о томъ, что Антоновъ внушалъ своимъ прихожанамъ масонскія идеи. Нежданно-негаданно послѣдовалъ синодскій указъ, по которому протоіерей Антоновъ вызванъ былъ въ Тамбовъ къ епископу Ѳеофилу для объясненія и увѣщанія [1]). Къ счастію, опальный проповѣдникъ встрѣтилъ въ Тамбовскомъ архіереѣ человѣка просвѣщеннаго, который отрекомендовалъ его святѣйшему синоду, какъ истинно православнаго христіанина, виновнаго только въ наклонности къ суетному краснорѣчію. Тѣмъ не менѣе протоіерей Антоновъ переведенъ былъ изъ Пензы въ Тамбовъ подъ непосредственный присмотръ епархіальнаго архіерея; кромѣ того, ему запрещено было говорить проповѣди своего сочиненія и на три мѣсяца запрещено было даже совершать богослуженіе.

---

[1]) Въ указѣ сказано было: «Святѣйшій синодъ находитъ о протоіереѣ Антоновѣ сумнѣніе: не зараженъ-ли онъ какъ противъ преданій православныя нашея церкви ересью или вольномысліемъ»..

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать, что между ссыльными въ монастыряхъ Тамбовской епархіи находились и политическіе преступники. Мы не отвели для нихъ особенной рубрики, потому что тамбовскія архивныя свѣдѣнія о нихъ слишкомъ отрывочны и неопредѣленны. Приведемъ только два факта.

Въ 1838 году, прислана была изъ Петербурга въ Тамбовскій женскій монастырь вдова генералъ-лейтенанта Бѣлавина. Что она была политическою преступницею, это вѣрно. Но за что именно сослали ее, мы не видимъ этого въ Тамбовскихъ документахъ. Изъ этихъ документовъ намъ извѣстно только то, что генеральша Бѣлавина переведена была изъ тамбовскаго въ Костромской женскій монастырь по просьбѣ ея сына, новгородскаго предводителя дворянства Бѣлавина.

Позднѣе, въ 1852 году, прислана была въ Усманскій Софійскій монастырь нѣкая вдова коллежскаго ассесора, Анна Степанова. По словамъ тамбовскаго епископа Николая, старушка Анна Степанова отличалась благочестивою жизнью, а по свидѣтельству лицъ, помнящихъ эту узницу — она была личностью высокообразованною. Въ 1855 году ей было уже 80 лѣтъ. Въ это время послушница ея, Аграфена Денисова, ходатайствовала въ Петербургѣ о переводѣ ея по болѣзни въ Кіевъ. На это однако не послѣдовало разрѣшенія и вмѣсто Кіева старушку Анна Степанову перевели въ Тамбовскій женскій монастырь. Изъ синодскаго дѣла объ этой политической узницѣ видно, что она подвергнута была монастырскому заключенію за неприличные поступки, разные обманы, пререканія и разныя неосновательныя правительству жалобы и домогательства.

VIII.

Правители Тамбовскаго намѣстничества.

Тамбовское намѣстничество открыто 15-го декабря 1779 года, владимірскимъ и тамбовскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Воронцовымъ. Съ того времени въ Тамбовскомъ краѣ перебывало не мало такихъ правителей, которые болѣе или менѣе заслуживаютъ вниманія русской исторической науки и имѣютъ полное право на вниманіе потомковъ.

Не входя въ подробности, по недостатку архивныхъ источниковъ для этого, мы въ настоящей главѣ представимъ краткій очеркъ дѣятельности нѣкоторыхъ бывшихъ правителей Тамбовскаго намѣстничества.

Съ 1779 года и до 1785 года, въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ были слѣдующіе правители: князь Давыдовъ, Коновницынъ, Сал-

тыковъ и Макаровъ. Всѣ они были совершенно безцвѣтными личностями и ничѣмъ не ознаменовали себя въ предѣлахъ Тамбовскаго края.

Въ 1785 году, въ Тамбовъ прибылъ въ званіи правителя намѣстничества извѣстный Г. Р. Державинъ. Съ этого времени въ Тамбовскомъ краѣ начинается новая жизнь. Темная, захолустная сторона пробуждается и въ ней сразу открываютъ нѣсколько учебныхъ заведеній, которыхъ прежде тамъ вовсе не было. Судя по тамбовскимъ архивнымъ документамъ, Державинъ былъ ревнителемъ народнаго просвѣщенія по призванію. Онъ далеко не былъ похожъ на тѣхъ многочисленныхъ правителей разныхъ русскихъ намѣстничествъ, которые иногда изъ приличія выражали любовь къ наукамъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ не обращали на нихъ никакого вниманія... Въ 1786 году, по инициативѣ Державина, открыто было въ городѣ Тамбовѣ главное народное училище, а въ слѣдующемъ году по той же причинѣ появились малыя народныя училища въ 6-ти уѣздныхъ городахъ Тамбовскаго намѣстничества. Просвѣтительная дѣятельность Державина заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ работалъ одинъ, безъ помощниковъ. Ни среди дворянства, всецѣло преданнаго праздной жизни, ни среди духовенства, въ тѣ времена крайне малограматнаго, у него не было помощниковъ. И странное дѣло... Во всемъ Тамбовскомъ намѣстничествѣ нашелся только одинъ человѣкъ, который, судя по документамъ, искренно радовался появленію училищъ въ родномъ захолустьѣ. Это былъ козловскій однодворецъ Захарьинъ. Онъ же былъ едва ли не единственнымъ искреннимъ собесѣдникомъ Державина наканунѣ тамбовской учебной реформы. 22-го сентября 1786 года, въ день открытія главнаго тамбовскаго народнаго училища, представители привиллегированныхъ тамбовскихъ сословій безмолствовали. Тамбовскій епископъ Ѳеодосій отказался сказать слово по болѣзни. Говорилъ по поводу открытія училища только одинъ сословный представитель, все тотъ же Захарьинъ.

Что открытіе тамбовскихъ училищъ было дѣломъ административнымъ, а не общественнымъ,— это видно изъ того, что родители добровольно не хотѣли отдавать чадъ своихъ въ науку. При такихъ обстоятельствахъ пришлось хлопотать за весь Тамбовскій край Г. Р. Державину. По его распоряженію, мальчиковъ забирали въ классы насильно, черезъ полицію. Дворянскихъ дѣтей при этомъ, конечно, почти не трогали и потому большинство учениковъ первыхъ тамбовскихъ учебныхъ курсовъ принадлежало къ мѣщанскому и однодворческому сословіямъ. Вслѣдствіе чрезвычайныхъ мѣръ, предпринятыхъ Державинымъ для основанія училищъ въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, произошло то, что въ 1787 году

училищныхъ воспитанниковъ въ разныхъ тамбовскихъ городахъ считалось 400 человѣкъ [1]).

Г. Р. Державинъ выбылъ изъ Тамбовскаго намѣстничества въ 1788 году. Послѣ него, до 1814 года, тамбовскіе правители и губернаторы мѣнялись съ чрезвычайною быстротою. Все это были люди болѣе или менѣе незначительные, кромѣ одного, и потому мы ограничимся только указаніемъ ихъ фамилій. Преемникомъ Державина былъ Звѣревъ. За нимъ слѣдуютъ: Неклюдовъ, Лаптевъ, Ланской, Тейльсъ, Литвиновъ, Кудрявцевъ, Бахметевъ, Львовъ, Палицинъ, Кошелевъ, Ниловъ и Шишковъ. При такихъ губернаторахъ Тамбовскій край былъ конечно очень далекъ отъ процвѣтанія. Особенно плохо шли дѣла у Неклюдова. Объ немъ скажемъ нѣсколько словъ.

Неклюдовъ бралъ взятки съ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Такъ, какъ это видно изъ всеподданнѣйшаго прошенія маіора Оленина, съ моршанскаго городничаго Загоскина полученъ имъ серебряный сервизъ «за свободное притѣсненіе бурлаковъ и купцовъ, коихъ въ ономъ городѣ Моршанскѣ для покупки хлѣба бываетъ великое стеченіе». Кромѣ того Неклюдовъ пользовался и другими противозаконными поборами, напримѣръ, подушною хлѣбною податью. Въ то же время онъ находилъ для себя выгоднымъ потворствовать разнымъ чиновничьимъ и помѣщичьимъ злоупотребленіямъ. Онъ былъ покровителемъ пристанодержателя Филипова, борисоглѣбскаго расправнаго судьи и капитана Вышеславцева, грабившаго и нещадно мучившаго сосѣднихъ съ его имѣніемъ крестьянъ. Въ Козловѣ и Борисоглѣбскѣ у Неклюдова были заведены собственные трактиры. Въ Тамбовѣ былъ выстроенъ имъ великолѣпный домъ изъ прежняго генералъ-губернаторскаго дворца, якобы пришедшаго въ совершенную ветхость. Съ согласія того же Неклюдова значительно былъ вырубленъ казенный Теллерманскій лѣсъ въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ. При всѣхъ этихъ хищническихъ наклонностяхъ Неклюдовъ былъ еще чрезвычайно самовластнымъ правителемъ, такъ что тамбовская гражданская палата принуждена была жаловаться на него правительствующему сенату. А тамбовскій комендантъ, Булдаковъ, съ своей стороны жаловался военной коллегіи, что правитель Неклюдовъ взялъ у него изъ ремонтныхъ и экономическихъ денегъ 3200 рублей «якобы на постройку каменнаго моста въ Тамбовѣ, а на самомъ дѣлѣ на собственныя нужды» [2]).

---

[1]) О Державинѣ, какъ виновникѣ тамбовскаго народнаго просвѣщенія, см. въ статьѣ: «Народное просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи въ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія». Древняя и Новая Россія, 1878 года, декабрь.

[2]) О Неклюдовѣ смотр. въ Полномъ Собраніи Законовъ томъ XXVIII, № 21120. Правою рукою у Неклюдова былъ секретарь Зміевъ, который «хитрымъ умомъ властвовалъ надъ слабымъ губернаторомъ».

Въ 1802 году, при губернаторѣ Кошелевѣ, въ Тамбовской губерніи случилось одно происшествіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть. Въ Липецкомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ 14-го октября было землетрясеніе. Оно произошло въ селахъ Лебедянскаго уѣзда: Избищи, Замартинье и Каликино. При этомъ всѣ избы, какъ доносилъ тамбовскому прокурору лебедянскій стряпчій, качались въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. А въ Липецкомъ уѣздѣ землетрясеніе было въ деревнѣ Мордовкѣ и въ селѣ Яблоновцѣ. Вотъ что разсказывалъ о немъ помѣщикъ деревни Мордовки, поручикъ Колобовъ. «14-го октября во 2-мъ часу дня я и гости мои, поручики Улановъ и Палибинъ и подпоручикъ Сомовъ, сѣли обѣдать. Вдругъ столъ зашатался и всѣ мы выбѣжали въ другія комнаты, полагая, что тронулись своды. Землетрясеніе продолжалось минутъ пять. Около господскаго дома стояла дворовая изба, въ которой повѣшены были дѣтскія люльки и всѣ онѣ разомъ начали качаться. Въ каретномъ сараѣ рубили капусту и корыта безъ всякой видимой причины стали подпрыгивать». Несмотря на довольно значительную продолжительность землетрясенія, несчастныхъ случаевъ съ домами и людьми не было. Къ сожалѣнію, тамбовская администрація не обратила должнаго вниманія на это чрезвычайно рѣдкое явленіе и потому мы въ настоящее время не имѣемъ возможности опредѣлить, было ли тамбовское землетрясеніе 1802 года вулканическимъ, или же оно произошло вслѣдствіе осадковъ какихъ-нибудь пластовъ лебедянской и липецкой почвы.

Въ 1814 г., въ Тамбовъ прибылъ новый губернаторъ, А. М. Безобразовъ, человѣкъ еще молодой и крайне ретивый. Съ его прибытіемъ начались въ Тамбовской губерніи новые, лучшіе порядки. Вся губернія разомъ почувствовала, что губернаторская власть находилась въ сильныхъ и умѣлыхъ рукахъ. О степени административной энергіи Безобразова можно судить по тому, что во время сильныхъ тамбовскихъ пожаровъ 1815 года онъ въ теченіе трехъ недѣль спалъ въ сутки только часа по два и отъ этого пошла у него кровь горломъ. Въ благодарность за такіе труды тамбовское дворянство постановило поднести Безобразову большую золотую медаль и поставить его портретъ въ залѣ дворянскаго собранія [1]). Тамбовское купечество и купечество нѣкоторыхъ другихъ городовъ Тамбовской губерніи въ свою очередь отнеслись къ Безобразову съ благодарственными адресами, въ которыхъ выражали ему признательность за энергическія мѣры къ прекращенію свирѣпствовавшихъ тогда по губерніи пожаровъ [2]). Вообще надобно замѣтить,

---

[1]) Смотр. замѣтку о тамбовскихъ пожарахъ въ 1815 году въ «Древ. и Нов. Россіи», февраль, 1877 года.

[2]) Тамбовская губернія по числу пожаровъ издавна считается одною изъ самыхъ первыхъ губерній. Особенно сильны были тамбовскіе пожары въ 1815

что ни одинъ тамбовскій губернаторъ не удостоивался такихъ оваций отъ мѣстныхъ сословій, какъ Безобразовъ.

Дѣятельность Безобразова выражалась главнымъ образомъ въ устроеніи внѣшняго благоустройства губерніи. Такъ, онъ велѣлъ по всѣмъ тамбовскимъ уѣздамъ привести въ порядокъ дороги, мосты, гати и перевозы. Кромѣ того онъ самъ былъ безукоризненно честнымъ человѣкомъ и вслѣдствіе этого съ неумолимою строгостью преслѣдовалъ разныя злоупотребленія по службѣ. «Лихоимственные поступки лебедянскаго казначея Яковлева, писалъ онъ,—касаются болѣе нежели 1100 человѣкъ и чинятся кромѣ него повытчиками Поповымъ и Дьяконовымъ, и присяжными Кочегаровымъ, Лутовинымъ и Плугинымъ; посему я отдаю ихъ подъ судъ уголовной палаты». Тамбовская казенная палата, несмотря на губернаторскую резолюцію, вздумала защищать казначея Яковлева и перевела его на ту же должность въ Козловъ. Но Безобразовъ настоялъ на своемъ и вовсе удалилъ проворовавшагося чиновника изъ службы. Точно такъ же онъ поступилъ съ усманскимъ городничимъ Масловымъ и многими другимя тамбовскими чиновниками, а письмоводителя усманскаго городническаго присутствія, Васильева, даже отдалъ въ солдаты. Строгія мѣры Безобразова были тѣмъ внушительнѣе для тамбовскихъ приказныхъ служакъ, что во всѣхъ уѣздахъ служили разныя довѣренныя его лица, которыя обязаны были слѣдить за правильностію и добросовѣстностью дѣлопроизводства. Преслѣдуя губернскія злоупотребленія, Безобразовъ имѣлъ въ виду не однихъ мелкихъ чиновниковъ. И богатые помѣщики не ускользали отъ его вниманія. Въ 1817 году, тамбовскій богачъ бригадиръ Пашковъ выкурилъ на своемъ заводѣ 17,212 ведеръ спирта, не оплаченнаго акцизною пошлиной. Тогда губернаторъ, въ интересахъ казны, привлекъ его къ суду, не смотря на то, что у Пашкова были обширныя связи въ Петербургѣ, и взыскалъ съ него огромный штрафъ.

Послѣ Безобразова до настоящаго времени въ Тамбовской губерніи перебывало 8 губернаторовъ. Изъ нихъ невольно привлекаетъ наше вниманіе Гамалѣй, управлявшій губернію съ 1832 г. по 1837 г. Еще доселѣ его помнятъ тамбовскіе старожилы, какъ начальника примѣрно вѣжливаго и въ то же время просвѣщеннаго и замѣчательно дѣятельнаго. При Гамалѣѣ, въ 1834 году открыта была тамбовская публичная библіотека, при немъ-же начали дѣлать въ Тамбовѣ артезіанскій колодезъ и уже пробуравили его на 109 аршинъ, но работа эта была впослѣдствіи, когда Га-

---

и въ 1848 году. Въ первой половинѣ 1848 года особенно пострадалъ отъ пожара городъ Козловъ. Кромѣ того горѣли казенные и частные лѣса въ Тамбовскомъ, Темниковскомъ, Спасскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ. Убытку отъ этихъ пожаровъ было примѣрно на 4 милліона рублей.

малѣй переведенъ былъ на службу въ Петербургъ, оставленъ, и теперь тамбовскіе жители даже не могутъ указать того мѣста, гдѣ предположено быть артезіанскому колодцу. Но особенно просвѣщенная заботливость Гамалѣя о губерніи выразилась въ его чрезвычайно дѣльномъ проэктѣ Цнинской желѣзно-конной дороги, отъ города Моршанска до устья рѣки Цны. Проэктъ этотъ не приведенъ въ исполненіе до настоящаго времени, но это нисколько не зависѣло отъ составителя проэкта [1]).

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить о Тамбовскомъ краѣ слѣдующее: этотъ край не имѣетъ исторической давности. Это край новый, бѣдный своимъ прошлымъ. Крупныхъ выдающихся событій въ немъ не было. И однако, Тамбовскій край съумѣлъ въ короткое время выросли до степени одной изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ народныхъ единицъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, этотъ край не прошлаго, а настоящаго, и тѣмъ болѣе будущаго.

И. Дубасовъ.

[1]) Смотри объ этомъ замѣтку мою въ «Древн. и Нов. Россіи», 1878 года, томъ II, стр. 344.

ПАРТИЗАНЪ ФИГНЕРЪ.

(Изъ семейныхъ воспоминаній).

ПОДВИГИ моего дяди, партизана Александра Самойловича Фигнера, извѣстны по многимъ историческимъ сочиненіямъ эпохи Отечественной войны. Біографіи его помѣщены въ Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ и въ словарѣ Старчевскаго; но онѣ не имѣютъ достаточной полноты вслѣдствіе того, что дядя не оставилъ послѣ себя никакихъ записокъ или документовъ. Все, что напечатано объ Александрѣ Самойловичѣ, составлено большею частію изъ отрывочныхъ разсказовъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ его дѣятельности. Во всѣхъ этихъ разсказахъ характеръ дяди изображается загадочнымъ и мрачнымъ. Въ его молчаніи о себѣ заключается таинственная особенность и вся его жизнь была какъ будто слѣдствіемъ этой особенности. Причина ея заключается въ психической сторонѣ его индивидуальности, а также въ болѣзненномъ состояніи, неопредѣленномъ окончательно наукою, но которое какъ будто преемственно переходило въ нѣсколько поколѣній нашего угасающаго рода.

Болѣзнею этой страдали въ нѣкоторой степени мой отецъ и дѣдъ; — бремя этого наслѣдства легло и на меня, вслѣдствіе чего я пережилъ и переживаю глубокія страданія. Духовная связь потомковъ съ предками уже признана учеными мыслителями, и никто не будетъ оспаривать, что вмѣстѣ съ физическими особенностями мы наслѣдуемъ отъ отцовъ нашихъ и ихъ духовныя свойства.

Вотъ почему, сознавая въ себѣ общее начало душевныхъ стра-

даній, я всегда питалъ къ памяти дяди какое-то особенное чувство. И никому такъ, какъ мнѣ, не могли-бы быть памятны эти душевныя движенія, подъ вліяніемъ которыхъ дядя совершалъ дѣла, производившія на другихъ чарующее изумленіе и выдвинувшія его изъ ряда обыкновенныхъ людей.

Фельдмаршалъ Кутузовъ, въ письмѣ къ своей супругѣ, выразился о дядѣ слѣдующимъ образомъ: «Посылаю тебѣ письмо съ Фигнеромъ: взгляни на него,— я въ жизни невидалъ человѣка болѣе высокой души».

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ лично говорилъ мнѣ, что дядя мой страдалъ какою-то душевною болѣзнью и что у него было нѣчто въ родѣ «coup de morteaut».

Преслѣдуемый этими страданіями, дядя искалъ забвенія отъ нихъ въ бурѣ войны и битвъ. Смѣлый въ опасности, онъ недорожилъ жизнью, представлявшею ему въ мірное время мало условій для счастія. Печать отчужденности легла на него съ дѣтскихъ лѣтъ — и онъ не пользовался семейными радостями и родительскими ласками. Дѣдъ мой, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, даже не любилъ моего дядю. Однажды, въ суровое тогдашнее время, дѣдъ мой высѣкъ розгами Александра Самойловича, произведеннаго уже въ офицеры. Подробности этаго возмутительнаго семейнаго факта переданы мнѣ отцомъ моимъ и подтверждены людьми, служившими тогда моему дѣду и дядѣ. Эта отчужденность преслѣдовала дядю и въ его семейной жизни. Онъ женился на красавицѣ Бибиковой, дочери бывшаго псковскаго губернатора; но не испыталъ съ нею счастья,—къ тому-же война скоро разлучила его съ женою, съ которою онъ жилъ вмѣстѣ не болѣе года.

Ольга Михайловна сохранила однако же, послѣ смерти дяди, какое то благоговѣйное чувство къ его памяти. Она осталась на всю жизнь вдовою, желая сохранить его имя и отклонивъ нѣсколько предложеній о новомъ бракѣ. Она носила его ордена въ видѣ серегъ въ ушахъ своихъ и сдѣлала какое-то дамское украшеніе изъ его флигель-адъютантскаго эксельбанта. Ольга Михайловна жила въ послѣднее время въ Псковѣ, гдѣ и умерла.

На памяти дяди лежитъ тяжелое обвиненіе въ жестокостяхъ съ плѣнными французами. Причина этой жестокости отчасти заключалась въ душевныхъ страданіяхъ, преслѣдовавшихъ его; но она была объяснена мнѣ также А. П. Ермоловымъ еще слѣдующимъ образомъ:

Когда массы плѣнныхъ отдавались въ руки побѣдителей, то дядя мой затруднялся ихъ многочисленностью и рапортомъ къ А. П. Ермолову спрашивалъ, какъ съ ними поступать, ибо содержать ихъ не было средствъ и возможности. Ермоловъ отвѣчалъ лаконической запиской: «вступившимъ съ оружіемъ на русскую землю,— смерть». На это дядя обратно прислалъ рапортъ такого-же лако-

ническаго содержанія: «Отъ нынѣ Ваше Превосходительство не буду болѣе безпокоить плѣнными», — и съ этого времени началось жестокое истребленіе плѣнныхъ, умерщвляемыхъ тысячами.

Но въ характерѣ дяди, по разсказамъ отца моего и лицъ, его окружавшихъ, не было звѣрскихъ наклонностей; напротивъ, въ натурѣ его было много рыцарскаго великодушія и благородства. Отецъ мой разсказывалъ слѣдующій его поступокъ съ тестемъ своимъ, Бибиковымъ.

Бибиковъ, бывшій псковскій губернаторъ, обвинялся въ проступкѣ, подвергавшемъ его лишенію правъ и преимуществъ, что составляло пятно для стариннаго дворянскаго рода Бибиковыхъ. Дядя мой исходатайствовалъ своему тестю всемилостивѣйшее помилованіе, въ ущербъ собственнымъ своимъ интересамъ. Когда государь поздравилъ дядю флигель-адъютантомъ за извѣстіе о побѣдѣ, съ которымъ прислалъ его фельдмаршалъ Кутузовъ, — его величество спросилъ дядю, не имѣетъ-ли онъ какой либо особенной, личной просьбы, которую государь охотно исполнитъ. Тогда дядя воспользовался этимъ случаемъ и отвѣчалъ государю, что считаетъ себя слишкомъ счастливымъ монаршими милостями, но если государь позволяетъ ему высказать истину, то его единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы спасти честь отца своей жены. Государю непріятна была подобная просьба. Онъ быстро повернулся и произнесъ: «исполнить». Находившійся при этой аудіенціи князь П. М. Волконскій выразилъ дядѣ моему сожалѣніе; но Бибиковъ все-таки былъ помилованъ.

Великодушіе и щедрость были отличительною чертою характера дяди, о чемъ я слышалъ въ моемъ дѣтствѣ отъ лицъ, его знавшихъ. Отпечатокъ особенности съ дѣтскихъ лѣтъ отличалъ Александра Самойловича отъ среды его окружавшихъ. Властолюбіе и жажда чего-то необыкновеннаго были какъ бы главными двигателями всѣхъ его дѣйствій; вмѣстѣ съ тѣмъ дядя былъ религіозенъ. Можетъ быть, страданія души влекли его къ тому міру, представительницею котораго служитъ религія; но религіозность его простиралась до фанатизма.

Однажды, очистивъ отъ французовъ какое-то мѣстечко, въ которомъ была церковь, онъ нашелъ послѣднюю отвратительно оскверненною и съ этого момента еще съ большею жесткостью началъ преслѣдовать французовъ.

Умѣніе въ совершенствѣ владѣть французскимъ языкомъ составляло также его отличительное качество; находясь часто въ обществѣ французовъ, переодѣтый въ ихъ мундиръ, онъ отвлекалъ всякое сомнѣніе въ чуждой имъ національности своей.

Отецъ мой воспитывался въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, а дядя въ такъ называемомъ «Дворянскомъ». Отецъ вышелъ изъ корпуса въ 12 году, шестнадцатилѣтнимъ юношей и всупилъ въ службу въ отрядъ

своего старшаго брата, Александра Самойловича, во время самаго разгара Отечественной войны. Въ сраженіи подъ Островной — онъ былъ раненъ въ ногу, вслѣдствіе чего оставленъ былъ братомъ своимъ на излеченіе въ одномъ изъ военныхъ госпиталей въ г. Калишѣ. Это обстоятельство разъединило двухъ братьевъ и отецъ мой мало сохранилъ подробностей о послѣднихъ дѣйствіяхъ своего брата. Однако же дядя заботливо относился къ младшему своему брату. Во время болѣзни отца, въ Калишѣ его посѣтилъ флигель-адъютантъ Закревскій, впослѣдствіи графъ, по просьбѣ и порученію Александра Самойловича.

Съ этой эпохи началось знакомство отца моего съ графомъ Закревскимъ, послужившее поводомъ къ поступленію моему на службу подъ его непосредственное начальство въ то время, какъ онъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Такимъ образомъ, рана отца моего, вслѣдствіе которой онъ оставался въ Калишѣ, была причиною, что онъ не участвовалъ въ послѣднемъ сраженіи, бывшемъ гибельнымъ для моего дяди. Это было подъ Верлицемъ, въ Саксоніи, на берегахъ рѣки Эльбы.

Пораженіе партизанскаго отряда, по словамъ отца моего, произошло отъ неисполненія распоряженій моего дяди и отъ измѣны. Партизанскій отрядъ этотъ, называвшійся въ послѣднее время «мстительнымъ легіономъ», состоялъ изъ различныхъ элементовъ и родовъ оружій: артиллеріи, кавалеріи и пѣхоты. Значительная же часть легіона сформирована была дядею изъ наполеоновскихъ солдатъ насильственно Наполеономъ завербованныхъ въ завоеванныхъ областяхъ. Здѣсь были преимущественно испанцы и итальянцы. Столкнувшись нечаянно съ сильными колоннами непріятельскихъ войскъ, отрядъ дяди моего находился въ опасности быть окруженнымъ, имѣя съ одной стороны многочисленнаго непріятеля а съ другой рѣку Эльбу безъ переправы. Быстро сообразивъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, дядя, сдѣлавъ необходимыя распоряженія по отряду, самъ съ передовою частью бросился въ атаку, но вскорѣ увидѣлъ, что остальной его отрядъ повернулъ обратно въ безпорядочномъ отступленіи. Будучи покинутъ своими, дядя, сдѣлавъ отчаянное усиліе, прорубилъ себѣ дорогу къ рѣкѣ Эльбѣ, въ которую и бросился на своемъ рыжемъ скакунѣ, но тяжело раненый въ эту самую минуту, безслѣдно утонулъ. Часть слѣдовавшаго за нимъ отряда была почти поголовно изрублена, и только немногимъ удалось спастись бѣгствомъ.

Дядя носилъ при себѣ шашку съ рукояткою, украшенной бриллiантами. Эту шашку подарилъ ему графъ Платовъ. Шашка была кѣмъ-то куплена въ Лейпцигѣ, вскорѣ послѣ Верлицкаго пораженія; другихъ признаковъ дядиной смерти не оказалось.

Жившій въ то время въ Петербургѣ, банкиръ Перетцъ имѣлъ на дядю вексель въ семь тысячъ рублей ассигнаціями; по полу-

ченіи извѣстія о его кончинѣ, Перетцъ торжественно разорвалъ вексель изъ уваженія къ его памяти.

Изъ сослуживцевъ отца моего по отряду, переживших дядю, я лично зналъ одного изъ братьевъ барона Фелицеръ-фонъ-Франкъ и Илларіона Михайловича Бибикова, роднаго брата тетки Ольги Михайловны; оба они занимали высокія служебныя должности.

Что касается родственниковъ, то таковыхъ по прямой линіи у меня не оказывается. У дѣда было три сына: Николай, Александръ и Владиміръ — отецъ мой; у старшаго дяди былъ сынъ Николай, который умеръ въ Турціи, въ 1828 году, отъ чумы, состоя на службѣ въ штабѣ принца Евгенія Виртембергскаго; у дяди-же Александра вовсѣ не было дѣтей; у отца моего, Владиміра, я былъ единственнымъ сыномъ. Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, я отрицаю всякое родство съ тѣми однофамильцами моими, которые фигурировали въ недавнее время въ процессѣ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ.

Германская-же моя фамилія Фигнеръ фонъ-Рудемерсбахъ.

А. В. Фигнеръ.

СУВОРОВЪ ВЪ ССЫЛКѢ.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ по военной части, принятыя тотчасъ по воцареніи Павла I и имѣвшія цѣлью видоизмѣнить всю внѣшность русскаго войска на манеръ прусскій, нашли, какъ извѣстно, въ фельдмаршалѣ Суворовѣ открытаго и неосторожнаго порицателя. Онъ говорилъ: «русскіе прусскихъ всегда бивали, что же тутъ перенять... я лучше прусскаго покойнаго короля, я, милостію Божіею, баталій не проигрывалъ... Солдаты не веселы, унылы, разводы скучны, шагъ уменьшаютъ въ $^3/_4$, и такъ на непріятеля вмѣсто 40—30 верстъ... Я пахарь въ Кобринѣ лучше нежели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ»... Получивъ въ войска палочки для образцовъ и мѣры солдатскихъ косъ и буклей, Суворовъ отозвался: «пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ—природный русакъ» [1]).

Слова эти доходили до государя; нашлось не мало людей недоброжелательныхъ, которые обрадовались случаю погубить «упрямаго чудака»—и дѣйствали не безъ успѣха.

Императоръ Павелъ разгнѣвался на то, что фельдмаршалъ медлилъ приведеніемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ новыхъ его постановленій. Желая уничтожить существовавшія при генералахъ многочисленныя свиты, отвлекавшія множество офицеровъ изъ строя, государь опредѣлилъ число лицъ для штаба каждаго начальника, а всѣхъ излишнихъ затѣмъ повелѣлъ возвратить немедленно въ полки. Относительно производства офицеровъ, ихъ перемѣщеній, отпусковъ, увольненій, были изданы новыя правила. Вмѣстѣ съ

---

[1]) Письма и замѣтки Суворова, 2, 3, 12-го января 1797 года.

тѣмъ воспрещено употреблять воинскихъ чиновъ на частныя работы, по домашнимъ дѣламъ или въ курьерскія должности [1]). Между тѣмъ отъ Суворова былъ присланъ въ Петербургъ адъютантъ съ одними партикулярными письмами, уволенъ имъ въ отпускъ офицеръ безъ высочайшаго соизволенія и, наконецъ, присланъ офицеръ курьеромъ. Было ли это ослушаніемъ, или при тогдашнихъ путяхъ сообщенія Суворовъ не могъ получить своевременно сказанныхъ повелѣній — положительныхъ данныхъ не имѣется. Но при всемъ томъ нельзя отвергать послѣдняго, такъ какъ въ высочайшемъ рескриптѣ по поводу присылки курьеромъ капитана Мерлина сдѣлана оговорка слѣдующаго содержанія: «заключая по присланному отъ васъ донесенію, что вы не получили еще повелѣній нашихъ». Во всякомъ случаѣ престарѣлому фельдмаршалу было объявлено монаршее неудовольствіе. Выговоры объявлены въ высочайшихъ приказахъ 15-го и 23-го января 1797 года, а вслѣдъ за симъ, 27-го января, фельмаршалу повелѣно явиться въ Петербургъ и быть «безъ команды».

«Упрямый чудакъ» въ Петербургъ не поѣхалъ, но послалъ 3-го февраля прошеніе объ увольненіи въ отставку. Изъ письма къ фельдмаршалу графа Ростопчина, отъ 14-го февраля, видно, что желаніе его было императоромъ предупреждено: Суворовъ отставленъ отъ службы 6-го февраля [2]).

Графъ Д. А. Милютинъ, въ статьѣ своей «Суворовъ», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, говоритъ: «вѣроятно, кромѣ сего прошенія (т. е. отъ 3-го февраля) было еще и другое, оставшееся неизвѣстнымъ, ибо въ высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 6-го февраля 1797 года, изображено такъ: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ отнесся къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего; за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Вотъ все, что извѣстно по оффиціальнымъ документамъ о проступкахъ великаго полководца, навлекшихъ на него царскую опалу и долговременную ссылку.

Между тѣмъ, по частнымъ свѣдѣніяхъ, за нимъ былъ грѣшокъ иного рода, простить который Павелъ, при вступленіи на престолъ, не могъ.

Н. И. Григоровичъ, въ статьѣ «Канцлеръ князь Безбородко», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года, привелъ нѣкоторыя доказательства въ пользу предположенія, что императрица

---

[1]) Высочайшія повелѣнія, 20, 22 и 26-го ноября 1797 года (Полное Собр. Зак., т. XXIV). Рескрипты, 2, 14 и 23-го января 1797 года.

[2]) Растопчинъ писалъ: «Государь императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства, отъ 3-го февраля, соизволилъ указать мнѣ доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было, и что вы отставлены еще 6-го февраля».

Екатерина II оставила особый манифестъ въ родѣ духовнаго завѣщанія, подписанный важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ, о назначеніи наслѣдникомъ престола не Павла Петровича, а любимаго ея внука, Александра Павловича, и что документъ этотъ по указанію Безбородки, сожженъ Павломъ въ день смерти матери. «Немилость къ первому, говоритъ Григоровичъ,—и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто бы именно вслѣдствіе этого».

О времени и мѣстѣ, откуда Суворовъ былъ отправленъ въ ссылку, біографы его повѣствуютъ различно.

М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова», говоритъ, что фельдмаршалъ, узнавъ о своемъ увольненіи, выѣхалъ въ Москву, гдѣ располагалъ основаться въ домикѣ, унаслѣдованномъ имъ послѣ родителя и находившемся на Большой Никитской, въ приходѣ церкви Ѳеодора Студита. Но не тутъ то было. Частный приставъ, явясь къ отставному фельмаршалу, объявилъ ему, что, по случаю приближающейся коронаціи императора Павла, имѣетъ повелѣніе лично проводить его до новгородскаго помѣстья.

— Сколько мнѣ назначено времени для приведенія въ порядокъ дѣлъ? спросилъ Суворовъ.

— 4 часа, отвѣчалъ приставъ.

— Слишкомъ много милости, продолжалъ фельдмаршалъ, для Суворова довольно одного часа.

Затѣмъ, велѣвъ отложить поданную къ крыльцу дорожную карету, бодрый старикъ потребовалъ экипажъ, «въ какомъ ѣздилъ ко двору Екатерины или въ армію», и частный приставъ, волей-неволей, долженъ былъ въ тряской кибиткѣ проскакать съ Суворовымъ болѣе 500 верстъ [1]).

Между тѣмъ графъ Д. А. Милютинъ, въ упомянутой выше статьѣ «Суворовъ», разсказываетъ, что отставленный отъ службы фельдмаршалъ, въ мартѣ 1797 года, переѣхалъ изъ Тульчина, гдѣ стояла его дивизія, въ свое Кобринское имѣніе, но 23-го апрѣля прибылъ туда изъ Петербурга нарочный съ высочайшимъ повелѣніемъ опальному отправиться на жительство въ Новгородское его имѣніе, село Кончанское. Съ этимъ посланнымъ Суворовъ и отправился въ путь по назначенію 25 апрѣля.

Село Кончанское — родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши Новгородской губерніи, въ сѣверо-восточной части Боровичскаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ [2]). По описи Кончан-

---

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго, т. III, стр. 338 — 339.

[2]) Въ 1761 г., новгородскія вотчины, Сопинская и Кривинская, гдѣ находится село Кончанское, принадлежали императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣ

скаго, произведенной въ 1784 году, значилось въ немъ: домъ господскій, двухэтажный, ветхій, въ немъ имѣется 10 покоевъ; при немъ кухня, баня, погребъ, каретный сарай и конюшня. Господскій домъ былъ на столько ветхъ, что знаменитый изгнанникъ въ немъ жить не могъ, а занялъ простую крестьянскую избу, верстахъ въ 3—4 отъ Кончанскаго, близъ церкви, гдѣ и жилъ зимою, а лѣтомъ уходилъ на близъ лежащую гору Дубиху, и тамъ, среди старинныхъ дубовъ и вязовъ, уединялся въ простой 2-хъ-этажной избѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, по одной въ каждомъ этажѣ [1]). Вблизи этой избы, на горѣ, подъ елями устроена была печка, гдѣ неизмѣнный слуга Суворова, Прохоръ, награжденный впослѣдствіи отъ австрійскаго императора за заботы о здоровьѣ фельдмаршала медалью, грѣлъ для него мѣдный чайникъ и приготовлялъ чай. За горой, въ нѣсколькихъ шагахъ, вырытъ былъ колодезь, оттуда доставляли Суворову холодную воду для частыхъ его ваннъ. Далѣе шли липовыя и березовыя аллеи насажденнаго имъ сада, и въ саду церковь—прибѣжище въ часы душевныхъ мукъ и скорби. Изба была меблирована просто: кровать, столъ и нѣсколько стульевъ изъ еловаго дерева, диванъ, портретъ Петра Великаго, бюстъ Екатерины II, нѣсколько портретовъ семейныхъ и книгъ. Вотъ та обстановка, среди которой проводилъ невольный отшельникъ все время своего заточенія.

Поселясь въ Кончанскомъ, Суворовъ, всегда вѣрный себѣ, не измѣнилъ прежняго образа жизни, не имѣлъ ни одного зеркала въ домѣ, спалъ на сѣнѣ, вставалъ въ 2 часа пополуночи, окачивался лѣтомъ и зимой водой со льдомъ, потомъ пилъ чай, причемъ заказывалъ повару обѣдъ въ 4—5 блюдъ, за который садился въ 8 часовъ утра и ѣлъ его не иначе, какъ въ четырехъ-пяти маленькихъ горшечкахъ. Послѣ обѣда отдыхалъ, въ 4 часа снова пилъ чай и въ 10 часовъ ложился спать. Въ знойные дни фельдмаршалъ ходилъ съ открытой головой, по субботамъ считалъ долгомъ париться въ жарко натопленной банѣ. Досугъ свой побѣдитель Турціи и Польши наполнялъ тѣмъ, что устраивалъ свадьбы и присутствовалъ при вѣнчаніяхъ, примирялъ ссорившіяся семьи, участвовалъ въ крестьянскихъ заботахъ, игралъ съ деревенскими мальчишками въ бабки, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ съ дьячкомъ на клиросѣ и звонилъ въ колокола.

ея смерти, они пожалованы гофмейстеринѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой, урожденной Скавронской, которая продала ихъ генералъ-поручику И. И. Шувалову, а сей послѣдній — В. И. Суворову, отцу фельдмаршала.

[1]) Дубиха, самая возвышенная мѣстность близъ села Кончанскаго, доселѣ хранитъ хижину отшельника, опоясанную балкономъ и окруженную старыми елями — свидѣтельницами занятій и думъ героя. Что же касается большаго дома, то онъ внукомъ фельдмаршала сломанъ и на мѣстѣ его выстроенъ другой изъ бревенъ, заготовленныхъ по приказу его великаго дѣда еще въ 1789 году.

Самъ онъ писалъ о себѣ къ своему племяннику, графу Д. И. Хвостову: «служу Богу небесному и вѣренъ Богу земному»... (отъ 27-го іюля 1797 г.), или: «войскъ здѣсь нѣтъ, обращеніе мое двѣ трети съ дворянами. Государскіе дни званы были разъ пять-шесть, ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные по дружбѣ въ другіе праздники и дни были у меня къ службѣ божіей и одному обѣду, разъ до восьми, человѣкъ отъ трехъ до полдюжины. Самъ я былъ въ гостяхъ менѣе 10 разъ; прочее время провождалъ я въ глубокомъ уединеніи самъ-другъ, самъ-третей со священникомъ»... (отъ 18-го декабря 1797 г.).

Судя по изложенному выше, можно было бы думать, что опальному фельдмаршалу и въ ссылкѣ жилось хорошо: любимый и уважаемый сосѣдями, онъ водитъ съ ними хлѣбъ-соль, обладая большими помѣстьями и хорошимъ здоровьемъ, благоденствуетъ и заботится о благоденствіи другихъ, веселый среди народа какъ прежде, онъ шутитъ, смѣется и чудитъ. Но въ дѣйствительности положеніе престарѣлаго героя было крайне непріятно и тяжело. Онъ находился подъ полицейскимъ надзоромъ весьма строгимъ, въ особенности когда былъ присланъ нарочно для этого особый чиновникъ Николевъ [1]). Изъ документовъ, извлеченныхъ въ послѣднее время изъ архивовъ и переданныхъ въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника», мы узнаемъ, что геніальный полководецъ, любимый сынъ побѣды, надежда и гордость отечества, третировался въ деревнѣ приставниками, какъ уголовный преступникъ. Обстоятельство это такъ его огорчило, что онъ особымъ письмомъ къ государю просилъ о дозволеніи удалиться въ Нилову Пустынь, чтобы тамъ окончить свои дни, но отвѣта не получилъ.

Первоначально надзоръ за Суворовымъ порученъ былъ боровичьскому городничему, премьеръ-маіору Алексѣю Львовичу Вындомскому, который и долженъ былъ находится безотлучно при Суворовѣ въ Кончанскомъ [2]), при чемъ ему было предписано наблюдать,

---

[1]) Поводомъ къ усиленію надзора за Суворовымъ, нужно думать, послужило слѣдующее обстоятельство. Однажды въ Кончанское прибылъ курьеръ съ рескриптомъ отъ императора, засталъ Суворова парящимся на полкѣ и немедленно былъ принятъ въ той же банѣ. Прочитавъ на конвертѣ надпись: «генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому», Суворовъ хладнокровно возвратилъ конвертъ курьеру и сказалъ: «это не ко мнѣ: фельдмаршалъ при арміи, а я въ деревнѣ». Удивленный курьеръ напрасно старался увѣрить Суворова въ дѣйствительномъ назначеніи конверта и, порядочно пропотѣвъ въ банѣ, возвратился въ Петербургъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ. Императоръ не обнаружилъ досады на эту продѣлку стараго героя и только велѣлъ усилить за нимъ надзоръ. (М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ: «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова»).

[2]) Доставленъ Суворовъ въ Кончанское коллежскимъ ассесоромъ Юріемъ Николевымъ, въ предписаніи которому было сказано: «по высочайшему повелѣнію ѣхать вамъ въ Кобринъ или другое мѣстопребываніе фельдмаршала Суворова, оттуда привесть его въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить город-

чтобы Суворовъ никуда не отлучался и обо всёмъ замѣченномъ доносить.

Изъ донесенія Вындомскаго, отъ 14-го іюля 1797 года, видно, что Суворовъ по переѣздѣ въ деревню недомогалъ, но нѣсколько подкрѣпился пріѣздомъ къ нему на нѣсколько недѣль дѣтей его, графини Натальи Александровны Зубовой и графа Аркадія Александровича.

21-го іюля Вындомскій донесъ: «г. фельдмаршалъ Суворовъ на сихъ дняхъ въ слабомъ здоровьѣ и весьма скучаетъ, что состоящій домъ въ селѣ его Кончанскомъ весьма ветхъ и не только въ зиму, но и осень пережить въ слабомъ его здоровьѣ вовсе нельзя и желаетъ переѣхать въ сорока пяти верстахъ состоящее свойственницы его Ольги Александровны Жеребцовой, село Ровное. Пріѣхавшаго въ свитѣ графини Натальи Александровны Зубовой маіора Сіона его сіятельство отправилъ въ польскія его деревни для полученія всѣхъ брилліантовыхъ вещей тамъ хранящихся у подполковника Корицкаго [1]), и какъ таковыхъ вещей по цѣнѣ можетъ быть слишкомъ на триста тысячъ рублей, то по привозѣ сюда имѣть ли мнѣ въ своемъ смотрѣніи и гдѣ хранить оные, ибо при жизни его сіятельства въ Кончанскѣ, какъ въ самомъ лѣсномъ и опасномъ мѣстѣ, крайне опасно. Прибывшіе сюда евреи требовали у меня позволенія видѣть его сіятельство и объясниться съ нимъ въ поставленномъ провіантѣ изъ польскихъ его сіятельства деревень въ Варшавскую провіантскую коммисію и имѣть разсчетъ, но я тѣхъ евреевъ допустить къ его сіятельству не осмѣлился».

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія императора Павла, 31-го іюля 1797 года, послѣдовало повелѣніе: «дозволить графу Суворову переѣхать въ село Ровное и брилліантовыя вещи ему оставить при

ничему Вындомскому; въ случаѣ же надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». (Рапортъ новгородскаго губернатора къ князю Куракину отъ 17-го іюня 1797 г.).

[1]) Н. Рыбкинъ, въ книгѣ «Генералисимусъ Суворовъ, жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность» говоритъ, что переѣздъ Суворова въ село Кончанское, въ 1797 году, исполненъ былъ вдругъ, такъ что фельдмаршалъ, какъ слѣдуетъ, не могъ собраться въ дорогу и многихъ вещей съ собой изъ Кобрина не взялъ. У подполковника Корицкаго, по сообщенному Рыбкинымъ регистру, оставлены были слѣдующія вещи: эполетъ брилліантовый, жезлъ фельдмаршальскій, андреевскій крестъ и звѣзда, портретъ римскаго императора, брилліантовый бантъ къ шляпѣ, перо къ каскѣ, большая шпага и малая шпага, табакерка съ портретомъ ея величества, табакерка съ портретомъ Александра Македонскаго, табакерка съ вензелемъ ея величества, табакерка съ вензелемъ римскаго императора, табакерка съ гербомъ польской короны, крестъ шейный и звѣзда Александра Невскаго, тоже два креста 1-й степени, крестъ шейный св Анны, тоже два креста 1-й степени, Чернаго Орла 1-й степени крестъ, Краснаго Орла 1-й степени два креста, крестъ св. Георгія 2-й степени, перстень золотой отъ ея величества безъ каменьевъ, трость камышевая съ золотымъ набалдашникомъ.

себѣ; но при томъ надлежащее наблюденіе имѣть какъ за образомъ его жизни, такъ равно и за поведеніемъ».

24-го іюля, Суворовъ, находя крайне неудобнымъ жить въ старомъ домѣ въ Кончанскомъ, выѣхалъ въ другую свою усадьбу, отстоявшую въ 45 верстахъ, въ с. Камсинѣ, гдѣ жилье считалось болѣе помѣстительнымъ, но мѣстность ему показалась хуже, нежели въ Кончанскомъ, и онъ возвратился въ послѣдне 26-го іюля.

Вындомскій, донося объ этомъ, присовокупилъ, что Суворовъ въ проѣздъ туда заѣзжалъ къ г-жѣ Мякининой. Вслѣдъ за тѣмъ (отъ 4-го августа) онъ увѣдомилъ, что, «графъ на сихъ дняхъ выѣзжалъ къ сосѣдкѣ въ семи верстахъ, Пелагеѣ Лупандиной, гдѣ отобѣдалъ и возвратился домой. Болѣе же ничего не замѣтилъ».

Между тѣмъ новгородскимъ губернаторомъ было получено 3-го августа высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Г. статскій дѣйствительный совѣтникъ Митусовъ! Имѣете смотрѣніе, что бы исключенный изъ службы маіоръ Антингъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій и подобные ему свиты Суворова [1]) не имѣли никакого сношенія и свѣдѣнія съ живущимъ въ Новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ [2]). Павелъ».

Губернаторъ, въ виду такого повелѣнія и донесенія Вындомскаго, обращается къ генералъ прокурору князю Куракину съ вопросомъ: «можно ли графу ѣздить въ гости»? На что получается отвѣтъ отъ 17-го августа: «Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: разъѣзды по гостямъ графу Суворову запретить».

12-го августа, городничій донесъ, что Суворовъ «ни съ кѣмъ изъ свиты его свиданія не имѣлъ, кромѣ маіора Сіона, отправленнаго въ Кобринъ за брилліантовыми вещами, а развѣ не случаются ли оные посредствомъ переписки живущей теперь у него дочери, которой писемъ онъ свидѣтельствовать не смѣетъ, а въ доказательство сего сомнительства» Вындомскій представилъ перехваченныя съ почты и распечанныя имъ письма, посланныя камердинеромъ Суворова къ графу Зубову и графу Хвостову [3]).

---

[1]) Всѣ чины штаба Суворова, до 20 человѣкъ, при исключеніи фельдмаршала изъ службы, одновременно съ нимъ также были отставлены.

[2]) Вѣроятно, императоръ Павелъ, называя Суворова бывшимъ фельдмаршаломъ, не считалъ его состоящимъ въ этомъ званіи, что и могло подать поводъ старому воину, при пріемѣ въ банѣ посланнаго къ нему курьера съ конвертомъ на имя фельдмаршала, не принять этого конверта.

[3]) Камердинеръ Прохоръ Ивановъ, отъ 11-го августа, писалъ первому, что съ графа взыскиваетъ казна 3000 р. по провіантскимъ разсчетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и казна была должна графу по провіанту же до 12,000 рублей, и второму: «графъ ни Бочеваѣъ, ни Корыоланъ, ни Нарбегъ. Алексѣй Львовичъ Вындомскій, здѣшній городничій, по Архарову приказанію, при его особѣ; судите же мучительство судьбы въ невинности его. Чѣмъ ему ѣхать въ Петер-

Въ отвѣтъ на это Митусовъ предписалъ: перехватывать на почтѣ и доставлять къ нъ нему всѣ письма какъ къ графу, такъ и къ его дочери и ко всѣмъ его людямъ. Когда же пріѣдетъ Сіонъ, то не дозволять ему имѣть свиданія съ Суворовымъ, а только допустить отдать брилліантовыя вещи..

22-го августа, прибылъ въ Кончанское «одинъ изъ свиты Суворова», ротмистръ Павловскій, и просилъ Вындомскаго допустить его къ фельдмаршалу.

Суворовъ въ домашнемъ платьѣ.
Съ рисунка прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Городничій объявилъ, что безъ разрѣшенія губернатора допустить его къ графу не можетъ. При этомъ отобралъ у него находившіяся при немъ бумаги и, запечатывая ихъ, сказалъ, что за полученіемъ дозволенія ему придется ѣхать въ Новгородъ.

Павловскій догадался.

— Стало быть, я подъ присмотромъ? Не поѣду. Вы сего сдѣлать не можете.

Городничій предъявилъ ему высочайшее повелѣніе.

— Я не могу ѣхать, я боленъ, развѣ связать велите...

бургъ, лучше бы отпустили въ чужіе края. Еще извѣстно ли вамъ, присланы были отъ Николая Алексѣевича полковника Дьякова два жида прикащики подрядчика Эмина, якобы изъ Кобринскихъ деревень поставляли въ коммисію провіантъ, который нынѣ возвращается назадъ, и для полученія за оный про сять отъ графа 20,500 р.».

Городничій взялъ у него шпагу и въ сопровожденіи сержанта и караульнаго отправилъ Павловскаго къ губернатору, при донесеніи, въ которомъ назвалъ его бывшемъ секретаремъ и клевретомъ Суворова.

Митусовъ отправилъ Павловскаго и отобранныя у него бумаги въ Петербургъ [1]). На допросѣ въ Тайной экспедиціи Павловскій показалъ: въ службу вступилъ въ 1792 г., кадетомъ, въ 1794 г. переименованъ въ поручики, и съ рекомендаціей отъ Михаила Васильевича Каховскаго къ гр. Суворову, прибылъ къ нему въ Петербургъ, въ 1796 г. съ графомъ пріѣхалъ въ Тульчинъ и произведенъ въ ротмистры Таврическаго конно-егерскаго полка. Когда графъ Суворовъ былъ уволенъ отъ службы, Павловскій поѣхалъ въ Кобринъ, гдѣ графъ подарилъ ему 50 душъ; вскорѣ потомъ, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ арестованъ въ числѣ 18 офицеровъ совѣтникомъ Николевымъ и отвезенъ въ кіевскую крѣпость, черезъ два мѣсяца его вмѣстѣ съ другими освободили и уволили, съ позволеніемъ жить гдѣ кто пожелаетъ. Павловскій поѣхалъ въ пожалованную ему графомъ деревню, и по хозяйственнымъ дѣламъ имѣя надобность видѣть графа, поѣхалъ къ нему, гдѣ и былъ арестованъ и высланъ подъ карауломъ въ Петербрургъ.

По докладѣ объ этомъ императору Павлу, 28-го августа, послѣдовала резолюція: «Павловскаго выпустить, давъ ему помочь въ исправленіи его нуждъ по деревнямъ. Переписку графини Зубовой и ея людей не свидѣтельствовать. Сіону быть при графѣ Суворовѣ, яко воспитателю его сына, не возбранять, но другимъ никому къ графу пріѣздъ не дозволять».

25-го августа, городничій доносилъ: «Ничего не случилось, кромѣ разговора, состоящаго въ томъ, что графъ племянницу свою, которая пріѣхала изъ Петербурга съ его дочерью, дѣвицу Евпраксію Раевскую, выдаетъ въ замужество за Боровицкаго помѣщика, капитанъ лейтенанта Александра Румянцова, и даетъ въ приданое изъ своего имѣнія сто душъ, но съ тѣмъ, чтобы жить ему, Румянцову, въ домѣ его сіятельства»; а отъ 1-го сентября повторилъ: Суворовъ ожидаетъ разрѣшенія о дозволеніи будущему мужу его племянницы жить съ нимъ.

По доведеніи о семъ до свѣденія государя, 26-го сентября послѣдовала резолюція: «Сватьба сія не должна быть запрещена, равномѣрно и пребываеніе ихъ при графѣ».

Но полицейскій надзоръ или не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ, или его признали нужнымъ усилить, только князь Кура-

---

[1]) Донесеніе отъ 23-го августа, гдѣ, между прочимъ, Митусовъ писалъ: «такъ какъ многіе собираются ѣхать къ графу, то куда ихъ отправлять и откуда брать прогоны». Изъ этого можно заключить, что тюремщики Суворова смотрѣли на него, какъ на опаснаго заговорщика.

кинъ, собравъ справки о разныхъ сосѣдяхъ графа Суворова и избравъ одного изъ нихъ, помѣщика, отставнаго коллежскаго совѣтника Феоктиста Афонасьевича Долгово-Сабурова, имѣвшаго въ 50-ти верстахъ отъ Боровичей 300 душъ крестьянъ, предложилъ ему имѣть секретный присмотръ за Суворовымъ. На это достойный помѣщикъ, письмомъ отъ 14-го августа, отвѣчалъ генералъ-прокурору, что по слабости здоровья, давнишнею чахоткою изнуреннаго, онъ не въ состояніи исполнить возложеннаго на него порученія, а что это правда — подтвердитъ и губернаторъ.

Императоръ Павелъ, по выслушаніи объ этомъ доклада, 4-го сентября, повелѣлъ: «Надзирать за графомъ Суворовымъ поручить г. Николеву, который за нимъ былъ отправленъ, предписывая ему надзираніе сіе чинить наѣздами».

Николева командировали въ Боровичи, куда онъ и прибылъ 22-го сентября.

Въ «Чтеніяхъ Московскаго Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1862 года, кн. IV напечатаны «Секретная инструкція отправленному по высочайшему повелѣнію въ Боровичи коллежскому асессору Николеву для надзиранія за Суворовымъ» [1]). Но

---

[1]) Инструкція эта слѣдующаго содержанія: «По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, опредѣляется генералъ-фельдмаршалъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій на житье въ деревняхъ его, состоящихъ Новгородской губерніи въ Боровичскомъ уѣздѣ. На каковой конецъ, вслѣдствіе его императорскаго величества соизволенія, и имѣете вы отправиться въ оный городъ Боровичи, и жить тамо для надзиранія объ образѣ его жизни, поведеніи и вообще всякаго рода поступкахъ, о коихъ увѣдомлять меня еженедѣльно, со всякою подробностью. Правила при семъ надзиранія предписываются вамъ слѣдующія: 1) Сколько возможно скрывать отъ него самого и его окружающихъ, что предметъ пребыванія вашего тамъ есть порученное вамъ надзираніе, а также не давать знать о томъ и никому, отводя всякую догадку собственными своими дѣлами, имѣющимися якобы по судебнымъ мѣстамъ, или каковымъ либо торговлямъ, или посторонними препорученіями. 2) Всемѣрно стараться вѣдать, отъ кого будетъ онъ имѣть посѣщенія, съ какимъ намѣреніемъ, въ чемъ онъ съ посѣщателями, или порознь, будетъ упражняться, какіе разговоры произнесены будутъ, и не произойдетъ ли каковыхъ либо разсылокъ, отъ кого, куда, чрезъ кого, когда и зачѣмъ? Исключеннымъ же изъ службы майорамъ Антингу и Грессеру, ротмистру князю Четвертинскому и подобнымъ свиты графа Суворова сношеніе и свиданіе запрещается, кромѣ майора Сіона, при сынѣ его находящагося. 3) О письменномъ его самаго и находящихся при немъ производствѣ наблюдать наистрожайше, въ чемъ оно состоять будетъ, черезъ кого именно и гдѣ, а особливо имѣть въ неусыпной бдительности переписку писемъ, въ домъ его присылаемыхъ, какими бы то путями не было. Для лучшаго въ семъ случаѣ успѣха предписано отъ начальства, съ одной стороны, почтмейстеру Боровичской почтовой конторы изъ дому его приносимыя и по почтѣ приходящія въ ту контору, въ домъ къ нему слѣдующія, письмы присылать, чрезъ городничаго, къ вамъ, а съ другой — тамошнему земскому исправнику, въ небытность вашу въ уѣздѣ, наблюдать и извѣщать васъ, чрезъ того же городничаго, какъ о письмахъ, съ нарочными присылаемыхъ и отсылаемыхъ, такъ и о посѣщеніяхъ и упражненіяхъ, для чего и нужно напередъ свидѣться вамъ съ исправникомъ

инструкція эта высочайше утверждена не была. Николевъ при отъѣздѣ просилъ инструкціи. Князь А. Б. Куракинъ поручилъ Александру Семеновичу Макарову «изготовить надлежащую инструкцію» и повелѣніе о командировкѣ Николева записать въ списокъ секретныхъ указовъ. Инструкція была поднесена на монаршее воззрѣніе 26-го сентября, при чемъ испрашивалось повелѣніе: оставаться ли Вындомскому при Суворовѣ. Императоръ Павелъ повелѣть соизволилъ: «Боровичскому городничему остаться при его должности, а смотрѣніе за графомъ Суворовымъ имѣть коллежскому асессору Николеву, которому особой инструкціи не давать, а предписать ему, чтобы онъ увѣдомлялъ о всѣхъ дѣйствіяхъ и упражненіяхъ графа Суворова».

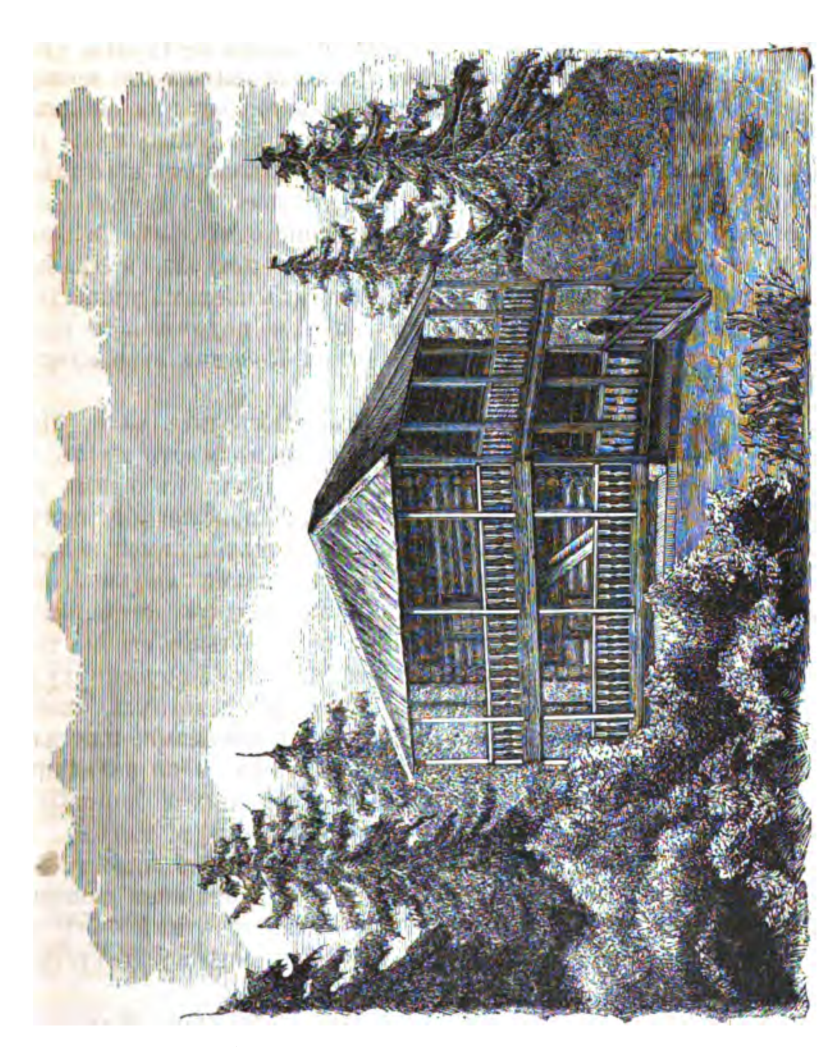
22-го сентября, Вындомскій сдѣлалъ послѣднее донесеніе: «Вчера шляхтичъ Красовскій, управляющій имѣніями Суворова привезъ брилліантовыя вещи и оброку 3000 р. и отдалъ графу, и отправленъ обратно въ экономію. Графиня Зубова, графскій сынъ Суворовъ, дѣвица Раевская и маіора Сіона жена вчера отправились въ Петербургъ. Здоровье графа въ прежнемъ положеніи, но самъ графъ говоритъ, что слабъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Вындомскій представилъ присланное на имя графа Суворова письмо маіора Антинга изъ Петербурга.

Отъ того же 22-го сентября, сдѣлалъ свое первое донесеніе и Николевъ. Отрапортовавъ о пріѣздѣ своемъ въ Кончанское 20 сентября и выѣздѣ дѣтей Суворова со свитою въ Петербургъ 21 сентября, въ ночь, онъ описалъ образъ жизни и встрѣчу съ Суворо-

---

лично и объясниться обо всемъ. Вы же, получая извѣстія, должны стараться достигнуть о томъ ближайшихъ свѣдѣній, и все доставлять ко мнѣ въ означенное объ увѣдомленіяхъ время. Изъ сего исключается переписка дочери его и ея приближенныхъ, которая, по высочайшему повелѣнію, есть свободная. 4) Если же бы вы, противу всякаго чаянія и ожиданія, примѣтили и подлинно удостовѣрились хотя о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, ваше замѣчаніе заслуживающихъ, и подозрѣніе возбуждающихъ словахъ, дѣяніяхъ, перепискахъ, разсылкахъ и постороннихъ пріѣздахъ, то, не теряя времени, присылать ко мнѣ увѣдомленіе съ нарочнымъ, или со штафетою, и объяснить тотъ случай, или приключеніе, съ такой подробностью и доводами, чтобы никакого уже тутъ не было сомнѣнія и затруднительности. 5) А дабы преподать вамъ и способъ къ самому точному сего предписанія исполненію, то поручено отъ меня боровичскому городничему дѣлать вамъ всевозможныя пособія тамъ, гдѣ вамъ настоять будетъ невозможность и препоны къ исправленію повелѣннаго. 6) Впрочемъ, будучи вы съ нѣкотораго времени ему самому знакомымъ, должны стараться всевозможнымъ образомъ сохранить къ нему должное почтеніе, и не подать ни малѣйшаго повода ни ему, ни приближеннымъ его, или домашнимъ людямъ, къ неудовольствію, но паче оказывать ласку и доброхотство. А потому, когда бы онъ, графъ Суворовъ, вознамѣрился куда нибудь поѣхать въ гости, или на посѣщеніе кого либо, то представлять ему учтивымъ образомъ что, по теперешнему положенію его, того дѣлать не можно; если же бы онъ оказалъ тутъ свое усиленіе, то объявить ему о семъ высочайшую его императорскаго величества волю, и потомъ отказать на отрѣзъ, и меня увѣдомить».

вымъ слѣдующими словами: «Графа нашелъ въ возможномъ, по лѣтамъ его, здоровьѣ, ежедневныя его упражненія суть слѣдующія: встаетъ до свѣта часа за два, напившись чаю, обмывается холодной водою, по разсвѣтѣ ходитъ въ церковь къ заутренѣ и не выходя слушаетъ обѣдню, самъ поетъ и читаетъ; опять обмывается,



Дубиха,—мѣсто уединенія Суворова въ его Кончанской вотчинѣ, въ 1797 и 1798 гг.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

обѣдаетъ въ 7 часовъ, ложится спать, обмывается, слушаетъ вечерню, умывается раза три и ложится спать. Скоромнаго не ѣстъ, во весь день бываетъ одинъ, и по большей части безъ рубашки, разговаривая съ своими людьми; одежда его въ будни канифасный камзолчикъ, одна нога въ сапогѣ, другая въ туфлѣ, въ высокоторжественные дни—фельдмаршалскій безъ шитья мундиръ и ордена,

въ воскресные и праздничные дни—военная егерьская куртка и каска.

«По свиданіи со мною, встрѣтилъ меня печальнымъ видомъ, спрашивая: «откуда я пріѣхалъ?» Я сказалъ, что проѣздомъ въ Тихвинъ заѣхалъ, на что онъ мнѣ сказалъ: «я слышалъ, что ты пожалованъ чиномъ, правда и служба большая, все служилъ, выслужилъ... улыбаясь повторилъ: продолжай эдакъ поступать, еще наградятъ». Я въ отвѣтъ ему сказалъ, что исполнять волю монаршую первѣйшій долгъ всякаго вѣрноподданаго; онъ на сіе мнѣ отвѣчалъ: «я бы сего не сдѣлалъ, а сказался бы больнымъ». Но какъ я ему сказалъ, что крайне удивляюсь, слыша отъ него такіе совѣты, то и замолчалъ, и я тотчасъ вышелъ вонъ. На другой день, даже до сегодня уже гораздо нашелъ его снисходительнѣе и ласковѣе, а по причинѣ графинина отъѣзда много плакалъ и сказывается больнымъ, признавая въ себѣ во многихъ членахъ припадки паралича, но ни мною, и никѣмъ здѣсь оные не видимы и не примѣчены. Шляхтичъ Красовскій сей день въ Кобринъ отправленъ, осмотрѣнъ и съ графомъ не видавшись».

Въ заключеніи Николевъ повѣствовалъ: «Позвольте, ваше сіятельство, объяснить невозможность въ здѣшнемъ мѣстѣ имѣть за графомъ надлежащій присмотръ, поелику живетъ онъ одинъ въ избѣ, удаленной отъ селенія, подлѣ церкви, гдѣ приставнику помѣститься негдѣ, домъ же его такъ ветхъ, что осенью и зимой нельзя въ немъ жить, всечасно окруженъ бываетъ своими людьми, изъ коихъ самые ближайшіе: камердинеръ и два солдата отставныхъ, люди непокорливые и нетрезвые и имѣвъ въ повелѣніи своемъ тысячу душъ корелъ, изъ коихъ весьма малое число по русски худо разумѣютъ, а посему почти возможности нѣтъ усмотрѣть, чтобъ онъ не могъ тайно отправить отъ себя кого съ письмами, или для другого чего, также и на оныя отвѣты получить, а по неимѣнію здѣсь никакой команды объ могущихъ случившихся каковыхъ происшествіяхъ донесеній доставлять не съ кѣмъ и не начѣмъ. А посему всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство оказать милость въ разсужденіе вышеписанныхъ обстоятельствъ снабдить меня вашимъ повелѣніемъ, или для личнаго объясненія позволить мнѣ быть въ Петербургъ, дабы въ невыполненіи порученнаго мнѣ не отвѣтствовать».

Въ свою очередь и Суворовъ, озабоченный пріѣздомъ Николева и опасаясь еще большихъ стѣсненій, 20-го же сентября рѣшился обратиться къ императору Павлу съ слѣдующимъ письмомъ:

«Всемилостивый государь!

«Ваше императорское величество съ высокоторжественнымъ днемъ рожденія всеподданнѣйшій поздравляю.

«Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ колежскій совѣтникъ Николевъ.

Великій монархъ! Сжальтесь: умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ. Простите ежели въ чемъ согрѣшилъ.

«Повергая себѣ къ освященнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій

«Г. А. Суворовъ-Рымникскій.

«20-го сентября 1797 года
«Боровичскія деревни».

По докладѣ этого письма, 28-го сентября, императору Павлу, государь повелѣлъ «оставить безъ отвѣта».

10-го октября, князь Куракинъ докладывалъ государю о донесеніи Николева, но прямодушный Павелъ не согласился на предложенныя мѣры, повелѣвъ: «растолковать Николеву, что онъ опредѣляется къ графу Суворову для надзора за нимъ непримѣтнымъ образомъ, слѣдовательно, сіи намѣренія имъ смотрѣть г. Николева остановить». Вмѣстѣ съ тѣмъ докладывались присланныя губернаторомъ, полученныя съ почты письма на имя Суворова и камердинера его Прохора Иванова отъ Сіона о дѣлахъ вотчинныхъ. Велѣно: возвратить ихъ Суворову.

Такимъ образомъ, стремленія надсмотрщиковъ съузить до крайнихъ предѣловъ и безъ того тѣсный кругъ свободы опальнаго фельдмаршала были парализованы. Рвеніе ихъ смѣнилось полнѣйшей индиферентностью. Еженедѣльныя донесенія Николева приняли стереотипную форму: «графъ здоровъ, упражненія все тѣ же». Изрѣдка они иллюстрировались дополненіями: «графъ груститъ, не имѣя извѣстій отъ дочери», или: «получа отъ дочери письмо, крайне былъ обрадованъ».

Дни Суворова потекли спокойнѣе; уединенный ото всего, что человѣку дорого и мило, онъ велъ жизнь отшельника; изба и церковь, и изрѣдка деревня, дворовые люди и крестьяне, корелы, языкъ которыхъ онъ сталъ изучать, замѣнили ему и дворъ, и общество, и свиту, и наконецъ, обаяніе власти. Человѣкъ, по одному слову котораго шли въ огонь и умирали тысячи людей, теперь былъ одинъ, заброшенный въ лѣсную глушь Пріонежья, сосредоточенный въ самомъ себѣ, и только въ самомъ себѣ почерпавшій силы на дальнѣйшую борьбу съ несчастіемъ, которое не могло его сокрушить.

5-го октября, Суворовъ сильно ушибся, набѣжавъ ночью на лежавшую собаку, а въ декабрѣ у него болѣли ноги. Доктора не приглашали.

7-го октября, было получено съ почты на имя Суворова письмо изъ Пешта отъ барона Карачая, которымъ онъ просилъ увѣдомленія о здоровьѣ фельдмаршала. Письмо это представлено государю, и, по его повелѣнію, переписка съ Карачаемъ прекращена.

15-го ноября, въ избѣ, гдѣ жилъ Суворовъ, учинился пожаръ,

отъ сдѣланнаго въ сѣняхъ очага, но скоро потушенъ. Избу поправили, и Суворовъ остался въ ней.

Въ образѣ жизни его перемѣнъ почти не было. Все, что Николевъ считалъ нужнымъ довести до свѣдѣнія правительства, заключалось въ слѣдующемъ: «теперь, ежедневно поутру и послѣ обѣда поетъ духовные концерты, въ праздники болѣе мундира не надѣваетъ, а бываетъ въ обыкновенномъ своемъ бѣломъ канифаномъ камзольчикѣ, съ орденомъ св. Анны на шеѣ». О характерѣ Суворова Николевъ сообщалъ: «графъ ежедневно становится сердитѣе и не проходитъ почти ни одного дня, чтобы кого изъ людей своихъ не побилъ, даже и въ самый день праздника Рождества Христова, за обѣдней, при всѣхъ дворецкому своему далъ пощечину. На меня (Николева), разсердился крайне за то, что я разговорился съ нимъ, ошибкою сказавъ ему «вы», а не «ваше сіятельство» [1]).

Сношенія его съ внѣшнимъ міромъ ограничились посылкою въ ноябрѣ дворецкаго въ Петербургъ. По докладу о семъ государю, приказано «взять выправку: къ кому и зачѣмъ пріѣхалъ». Оказалось, что дворецкій пріѣзжалъ къ графу Зубову по дѣлу о взносѣ взыскиваемыхъ въ казну денегъ.

Попытался было Николевъ завести опять рѣчь о трудности надзора. «Здѣсь, доносилъ онъ, отъ 7-го октября, князю Куракину: — между его людьми идетъ слухъ, что онъ собирается уѣхать въ Петербургъ, а какъ я и прежде доносилъ вашему сіятельству, что графъ живетъ одинъ въ отдаленной отъ селенія избѣ, почему и не трудно ему сіе исполнить, равно и тайно кого съ письмами отправить, а посему всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство снабдить меня на сей случай вашимъ приказаніемъ, дабы мнѣ за сіе не отвѣтствовать. Отъ меня же бурмистру здѣшнему наистрожайше подтверждено, чтобъ онъ какъ лошадей, такъ и людей, не сказавъ мнѣ, не давалъ». Но донесеніе это осталось безъ отвѣта.

Въ октябрѣ, пріѣзжалъ къ Суворову изъ Москвы гонецъ съ письмомъ отъ жены его, графини Варвары Ивановны, въ которомъ она просила объ уплатѣ за нее долга 22,000 руб. и назначеніи ей содержанія, такъ какъ она не имѣла болѣе возможности жить у брата своего, князя Прозоровскаго [2]). Извѣстно, что Суворовъ жилъ

---

[1]) Донесенія отъ 7-го октября, 10-го ноября, 28-го декабря 1797 года и 11-го января 1798 года.

[2]) Письмо это слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь мой, графъ Александръ Васильевичъ. Крайность моя принудила безпокоить васъ моею просьбою; тридцать лѣтъ я ничѣмъ васъ не безпокоила, воспитывая нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала ему почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства, которыми онъ обязанъ къ родителямъ, надѣясь, что Богъ столь милосердъ, преклонитъ ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; вы, видя дѣтей, да и дѣтей вашихъ вспомните и несчастную ихъ мать, въ какомъ она недостаткѣ, получая въ разные годы и разную малую пенсію, воспитывала сына, вошла въ долгъ до 22,000

въ большихъ неладахъ съ женой и даже неоднократно возбуждалъ дѣло о разводѣ съ ней, обвиняя въ нарушеніи супружеской вѣрности, и потому гонецъ былъ отправленъ обратно съ словеснымъ отъ графа отвѣтомъ, что «онъ самъ долженъ, а посему и не можетъ ей помочь, а впредь будетъ стараться». Письмо это представлено Николевымъ князю Куракину, при докладѣ, что приказъ человѣку сказанъ черезъ графскаго камердинера, а человѣкъ графа невидалъ [1]).

По докладѣ объ этомъ государю, послѣдовало повелѣніе: «сообщить графинѣ Суворовой, что она можетъ требовать съ мужа по законамъ». Графиня отвѣчала князю Куракину, что она не знаетъ куда подать прошеніе, что нужды ея состоятъ не въ одномъ долгѣ 22,000 р., но и въ томъ, что она не имѣетъ собственнаго дома и ничего потребнаго для содержанія себя и что, наконецъ, она была бы совершенно счастлива и благоденственно проводила бы остатки дней своихъ, если бы могла жить въ домѣ своего мужа съ 8,000 р. годоваго дохода. Императоръ Павелъ потребовалъ справку объ имѣніяхъ графа Суворова. По доставленіи графомъ Д. И. Хвостовымъ свѣдѣнія [2]), 26-го ноября высочайше повелѣно объявить Суворову, чтобы онъ исполнилъ желаніе его жены.

рублей, объ которыхъ прошу сдѣлать милость заплатитъ. Не имѣю дому, экипажу, услуги и къ тому принадлежащее къ домашней всей генеральной надобности, живу у брата и у благодѣтеля и отца моего, который подкрѣпляетъ мою жизнь своими благодѣяніями и добродѣтелями. Но уже милостивый государь мой пора мнѣ его оставить отъ оной тягости съ покоемъ, ибо онъ человѣкъ должной, хотя я и виду отъ него не имѣю никакого противнаго, однако, чувствую сама каково долгъ имѣть на себѣ. А государю императору угодно, чтобы всѣ долги платили, то братъ мой и продаетъ свой домъ, и такъ разсуди милостиво при дряхлости и старости, каково мнѣ прискорбно, не имѣвъ себѣ пристанища вѣрнаго и скитаться по чужимъ угламъ; войдите, милостивый государь мой, въ мое состояніе, не оставьте мою просьбу, снабдите всѣмъ вышеписаннымъ моимъ прошеніемъ. Еще скажу вамъ, милостивый государь, развяжите мою душу, прикажите дочери нашей меня несчастную мать знать, какъ Богомъ узаконено, въ чемъ надѣюсь, что великодушно поступите во всемъ моемъ прошеніи, о чемъ я всеискренне прошу васъ, милостивый государь мой, остаюсь въ надеждѣ неоставленія твоей ко мнѣ милости.

«Милостивый государь мой, всепокорная жена ваша графиня
«Варвара Суворова Рымникская.

«Октября 1-го дня
«1797 года.

[1]) Донесеніе отъ 14-го октября.

[2]) По сему свѣдѣнію у Суворова находилось: имѣній родовыхъ 2080 душъ, пожалованныхъ 7000 душъ, всего 9080 душъ, оброку съ нихъ 50,000 р. каменный домъ въ Москвѣ стоитъ 12,000 р. Пожалованныхъ алмазныхъ вещей на 100,000 р. Долгу на графѣ Суворовѣ: въ Воспитательномъ Домѣ 10,000 р. графу Апраксину 2,000 р., кн. Шаховскому 1,900 р., Обрѣзкову 3,300 р., всего 17,200 р. Графинѣ Суворовой выдавалось ежегодно по 3,000 р. Предназначено въ подарокъ: графу Зубову 60,000 р. Арсеньевой—30,000 р.

Повелѣніе это сообщено Суворову Николевымъ 6-го января 1798 г., и онъ тотчасъ вручилъ ему, для отсылки къ графу Н. А. Зубову, записку слѣдующаго содержанія: «Г. колл. ассесоръ Ю. А. Николевъ, чрезъ кн. Куракина, мнѣ высочайшую волю объявилъ, по силѣ сего графинѣ В. И. прикажите отдать для пребыванія домъ и ежегодно отпускать ей по 8,000 р., пріимите ваши мѣры съ Д. И. Хвостовымъ. Я вѣдаю, что г. В. много должна, мнѣ сіе постороннѣе».

Между тѣмъ политическія событія въ Европѣ шли своимъ чередомъ и день ото дня становились серьезнѣе. Французы, отторгнувъ у Австріи Нидерланды и Италію, присоединенныя по Кампо-Формійскому договору къ Франціи, проникли въ Германію и, не дожидаясь окончанія конгресса въ Раштадтѣ, наложили руку на Римъ и Швейцарію. Успѣхи эти заставили императора Павла склониться къ мысли о заключеніи союзовъ для борьбы съ Франціей. Пока развивалась и осуществлялась, въ формѣ договоровъ, задуманная идея, государь внезапно пожелалъ увидѣть непобѣдимаго дотолѣ вождя и пригласить его на службу.

12-го февраля 1798 года, генералъ-прокурору князю Куракину данъ указъ слѣдующаго содержанія: «Генералъ фельдмаршалу графу Суворору-Рымникскому всемилостивѣйше дозволяя пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе коллежскаго ассесора Николева въ Боровицкихъ деревняхъ не нужнымъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ».

14-го февраля, пріѣхалъ въ Кончанское флигель-адъютантъ, полковникъ князь Горчаковъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ Суворову быть въ Петербургѣ.

Престарѣлый фельдмаршалъ не только не обрадовался полученному отъ государя приглашенію, но даже отказывался ѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостью и плохимъ здоровьемъ. Лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова, старикъ отправился въ путь на своихъ лошадяхъ и ѣхалъ не торопясь, какъ говорится, на долгихъ. Императоръ, между тѣмъ нетерпѣливо ожидалъ съ нимъ свиданія и по нѣскольку разъ въ день присылалъ узнавать: не пріѣхалъ ли Суворовъ?

Принятый Павломъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ кабинетѣ, Суворовъ находился тамъ съ глазу на глазъ съ государемъ болѣе часу. Государь остался недоволенъ свиданіемъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ собственныхъ его словъ князю Горчакову. Онъ говорилъ Суворову о заслугахъ, которыя онъ можетъ оказать еще отечеству и ему, и наводилъ его на то, чтобы онъ попросился въ службу, а Суворовъ начинаетъ разсказывать про штурмъ Измаила. Государь слушаетъ и снова наводитъ рѣчь на свое, а Суворовъ разсуждаетъ о Прагѣ, или объ Очаковѣ. Приглашенный къ разводу, Суворовъ оказывалъ явное невниманіе: то отворачивался отъ

проходившихъ взводовъ, то шутилъ надъ окружающими, и, наконецъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

Государь посылаетъ князя Горчакова узнать: что значитъ все это? Суворовъ отвѣчаетъ: «инспекторомъ я былъ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ, а теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развяжутъ мнѣ руки, чтобы я могъ производить въ чины, не спрашиваясь, тогда пожалуй пойду на службу. А не то лучше назадъ, въ деревню, я старъ и дряхлъ, хочу въ монахи»... Князь Горчаковъ не могъ доложить этихъ словъ государю и передалъ, что Суворовъ былъ очень смущенъ въ присутствіи его величества и крайне сожалѣетъ о своей неловкости.

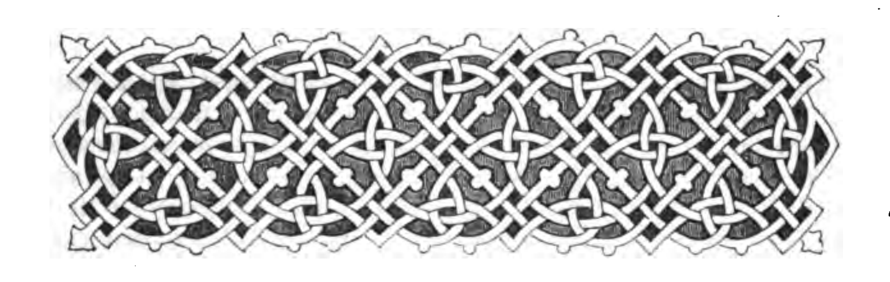
Проживъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, знаменитый полководецъ бывалъ у высочайшаго стола, бывалъ на разводахъ, но чудилъ по прежнему и въ службу не просился. Императоръ обращался за объясненіями къ князю Горчакову, тотъ ѣздилъ къ Суворову и привозилъ государю отвѣты своего собственнаго вымысла.

Наконецъ, однажды въ разговорѣ съ государемъ, Суворовъ прямо попросилъ, чтобы его отпустили въ деревню, на отдыхъ, и государь съ видимымъ неудовольствіемъ отпустилъ его [1]).

«Упрямый чудакъ» вернулся въ свое негостепріимное Кончанское, гдѣ и жилъ до февраля 1799 года, когда, по настоянію англійскаго и австрійскаго дворовъ, императоръ Павелъ снова вызвалъ его въ Петербургъ и поставилъ во главѣ побѣдоносныхъ войскъ, предназначенныхъ «спасать народы и царей».

П. Мартьяновъ.

[1]) «Суворовъ», ст. гр. Д. А. Милютина «Русскій Вѣстникъ» 1856 года, кн. 6.



ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ АДМИРАЛА БАРОНА Ф. П. ВРАНГЕЛЯ.

Печатаемыя здѣсь записки нашего извѣстнаго мореплавателя, адмирала, барона Фердинанда Петровича Врангеля, писанныя имъ для своего брата, сохранились въ бумагахъ послѣдняго и обязательно сообщены намъ сыномъ его, барономъ Василіемъ Василіевичемъ Врангелемъ, которому и приносимъ за это нашу благодарность.

Баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель, эстляндецъ древней фамиліи, родился 29-го декабря 1796 года въ Псковѣ и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1817 году, находясь въ чинѣ лейтенанта, онъ былъ прикомандированъ въ военной шлюпкѣ «Камчатка», отправлявшейся подъ начальствомъ Головнина въ кругосвѣтное плаваніе, для осмотра нашихъ сѣверныхъ колоній и Берингова моря. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, ему была поручена новая экспедиція къ устью рѣки Колымы, съ цѣлью изученія береговъ къ востоку отъ ея устья, за Шелагинскій мысъ. Эта экспедиція продолжалась съ 1820 по 1824 годъ, и Врангель убѣдился въ существованіи земли къ сѣверу отъ мѣстечка Якапъ; она была открыта въ 1867 году англичаниномъ Лонгомъ и названа «Землею Врангеля». Здѣланныя имъ физическія наблюденія изданы Парротомъ, а описаніе путешествія напечатано сперва на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ на русскомъ, подъ заглавіемъ «Путешествія къ сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенныя съ 1820—1824 г. экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ Врангеля. 2 части. Спб. 1841». Въ 1825 году Врангель предпринялъ второе кругосвѣтное путешествіе, изъ

котораго возвратился въ Петрербургъ въ 1827 году. Вскорѣ послѣ этого, именно въ 1830 году, онъ былъ назначенъ правителемъ нашихъ колоній въ Сѣверо-Западной Америкѣ, куда отправился сухимъ путемъ съ молодою женою (рожденною баронесой Росильонъ) и четырехъ-недѣльнымъ ребенкомъ. Это именно путешествіе и описано имъ въ настоящихъ запискахъ. Врангель прослужилъ правителемъ колоній пять лѣтъ, произведенъ въ контръ-адмиралы, долго завѣдывалъ департаментомъ лѣсовъ, принадлежащихъ морскому министерству, въ 1847 году получилъ чинъ вице-адмирала, въ 1856 году управлялъ морскимъ министерствомъ, въ 1857 году сдѣлался членомъ государственнаго совѣта, а съ 1866 года поселился въ Дерптѣ, гдѣ и скончался 25-го мая 1870 года.

Для характеристики существовавшихъ недавно у насъ порядковъ, любопытна исторія, случившаяся съ составленнымъ Врангелемъ описаніемъ его путешестія въ Сибирь и къ берегамъ Ледовитаго океана въ 1820—1824 годахъ. Онъ представилъ рукопись управлявшему тогда морскимъ министерствомъ В. М. Головнину, не задолго до своего отъѣзда въ Сѣверо-Американскія колоніи. Въ отсутствіе Врангеля, Головнинъ умеръ и рукопись была забыта. Въ 1839 году, нѣкто Энгельгардтъ, досталъ какими-то путями эту рукопись, перевелъ её, безъ вѣдома Врангеля, на нѣмецкій языкъ и представилъ переводъ знаменитому германскому ученому Карлу Риттеру, который издалъ его съ своимъ предисловіемъ. Это сочиненіе возбудило большой интересъ на Западѣ, особенно въ Англіи, гдѣ въ томъ же году было переведено на англійскій языкъ женой извѣстнаго англійскаго путешественника Сабина. Успѣхъ книги въ Англіи былъ такъ великъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потребовалось второе изданіе. Тогда уже и у насъ вспомнили о рукописи Врангеля, и предсѣдатель ученаго комитета морскаго министерства, адмиралъ Л. И. Голенищевъ, поручилъ Врангелю, находившемуся въ то время въ Петербургѣ, заняться изданіемъ его сочиненія. Исполняя желаніе Голенищева, Врангель передалъ рукопись книгопродавцу Смирдину, которымъ она и была, наконецъ, напечатана при содѣйствіи Академіи Наукъ, въ 1841 году, съ рисунками и планами.

Ред.

Двадцать седьмаго мая 1830 года, мы выѣхали изъ Иркутска, гдѣ прожили восемь съ половиной мѣсяцевъ. Не думаю, чтобы на землѣ отыскался такой жалкій уголокъ (кромѣ тюрьмы), гдѣ бы можно было прожить три четверти года, не получивъ нѣкоторой привязанности или привычки къ лицамъ и даже неодушевленнымъ предметамъ, почему нибудь памятнымъ. Въ Иркутскѣ мы испытали гостепріимство и нелицемѣрное къ намъ участіе; а въ семействѣ Муравьевыхъ обрѣли истинныхъ друзей, съ которыми раз-

статься было очень грустно. Холодные визиты сдѣланы были наканунѣ, какъ жертва, принесенная этикету или ложно называемому приличію, которое не должно бы противиться разсудку и сердцу. Отобѣдавъ у Кейдлера на дачѣ, пустились въ 4 часа въ путь; множество экипажей слѣдовало за нами. Губернаторская фамилія оставила насъ на Верхоленской горѣ (въ 4 верстахъ), откуда въ ясную погоду открываются обширные и живописные виды на Иркутскъ, Ангару и прилежащую цѣпь горъ. На 6-й верстѣ, на такъ называемый «веселой горѣ», мы простились съ шумно веселыми провожатыми, которые горевали для того, чтобы затушить печаль и смыть слезы шампанскимъ, а скуку прогнать пѣснями. О, какъ бы они желали всю свою жизнь разставаться съ пріятелями!

Лизанька съ 4-хъ недѣльнымъ ребенкомъ, Клементина Ивановна (m-me Медвѣдева, дочь Кейдлера) и m-me Fichtner занимали шестимѣстную карету; я съ Медвѣдевымъ сидѣли въ бричкѣ, Мейеръ съ собакой въ кибиткѣ; Кузнецовъ (правитель иркутской конторы Россійско-Американской компаніи) съ 2-мя сыновьями въ своемъ экипажѣ; а жена его съ Анной Андрѣевной (sage femme) въ другомъ. Для ребенка должны были часто останавливаться, такъ что на ночлегъ (на 32-й верстѣ) пріѣхали почти въ полночь; всѣ передрогли, въ особенности жители кареты были весьма утомлены.

Нашъ квартирмейстеръ Кузнецовъ весьма благоразумно избралъ деревню Оекъ мѣстомъ ночнаго отдыха и занялъ домъ крестьянина Пѣтухова, имѣющаго въ сундукахъ своихъ слишкомъ 150 тысячъ звонкой монеты. Сытный и вкусный ужинъ былъ уже накрытъ. Хозяинъ-мужикъ, лѣтъ 45, наученный и просвѣщенный лакомыми чиновниками Иркутска, которые весьма чтутъ и честятъ капиталистовъ-крестьянъ, связанныхъ съ ихъ благородіями и высокоблагородіями посредствомъ какого то сильнаго магнита, изволилъ самъ сѣсть съ нами за столъ, а тучная хозяйка его ухаживала за гостями, упрашивая кушать хлѣбъ-соль. Отецъ этого мужика жилъ 102 года и былъ извѣстенъ умомъ и дѣятельностью въ молодости; а подъ старость страстью къ голубямъ; не менѣе 2000 голубей слетались по свистку старика, садились къ нему на голову и плечи. Онъ сохранилъ бодрость духа до смерти.

Здѣсь простились съ нами Кузнецова и Анна Андреевна.

28-е, послѣ завтрака. На проѣханныхъ сегодня 85 верстахъ мы любовались свѣжестью природы; межъ холмовъ тянутся обширныя равнины (называемыя здѣть степями), покрытыя молодою зеленью, какъ бархатомъ, и испещреныя стойбищами бурятъ, богатыхъ скотомъ и свободою. Старанія земскаго начальства пріучить этихъ полудикарей къ хлѣбопашеству не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: конечно, одна нужда можетъ заставить человѣка промѣнять безпечность на трудолюбіе—отраву на цѣлебный бальзамъ. Не первая ли наша благодѣтельница это хуленая нужда?

29-е. Достигли рѣки Лены противъ Кочугской пристани, въ 230 верстахъ отъ Иркутска. Бѣдная, грязная деревушка съ убогою церковью расположена на противолежащемъ берегу, у котораго стоялъ и нашъ паузокъ. Въ нетерпѣніи полюбоваться ковчегомъ нашимъ, о которомъ насказали намъ по дорогѣ много утѣшительнаго, мы тотчасъ же переправились чрезъ рѣку, чтобы, какъ водится, горько обмануться въ ожиданіяхъ. Каюты оказались низки, холодны, текучи. Я немедленно принялся за передѣлку: стѣны обилъ войлоками, поставилъ желѣзную печь (нарочно взятую съ собой изъ Иркутска), размѣстилъ багажъ, провизію, не переставая изливать сильные порывы справедливой досады на виновниковъ неисправностей.

Здѣсь строятся и нагружаются паузки, баржи и лодки для плаванія по Ленѣ, которая, какъ тебѣ извѣстно, истекаетъ въ 20 верстахъ отъ Байкала, въ 231 верстѣ отсюда, имѣетъ здѣсь 30 саженъ ширины и до 2½ аршинъ глубины, а до Ледовитаго моря протекаетъ 4002 версты, будучи всюду судоходна. Несмотря на производимое крестьянами судостроеніе, въ домоводствѣ ихъ не замѣтно довольствія: въ кабакѣ изчезаютъ всѣ плоды трудовъ ихъ, а неопрятныя избы остаются представителями нищеты. На вопросъ: отчего вы такъ бѣдны? голова мнѣ отвѣтилъ: «тѣсное мѣсто, сударь, лучшіе сѣнокосы заняты бурятами, а нашему скоту негдѣ разгуляться», и при этомъ показалъ рукою на обширную равнину, которая могла бы вмѣстить всѣ орды Чингисхана. «Много ли у васъ скота?» «Головъ 30, сударь». «А великъ ли годовой сборъ цѣловальника?» «Тысячь десять рубликовъ!» «Видно и скотъ вашъ предпочитаетъ вывѣску орла чистому полю» замѣтилъ я. Винный откупъ въ Сибири парализируетъ всѣ другія благодѣтельныя учрежденія правительства, пекущагося о водвореніи устройства и благосостоянія въ нижнемъ классѣ народа: безъ понятія о нравственности невозможно привить къ нимъ и наклонности къ трудолюбію, которое, вмѣстѣ съ здоровьемъ, исчезаетъ въ сивухѣ.

30-го. При теплой, пріятной погодѣ мы отвалили сегодня утромъ отъ берега. Разставаніе Лизаньки съ Клементиной Ивановной тронуло и меня до слезъ. Громогласное ура и сердечныя желанія провожали насъ. Поворотясь носомъ по теченію, лоцманъ и гребцы наши сняли шапки и громко помолились: «Господи помилуй и благослови! Богъ намъ надобенъ!»—затѣмъ грянули въ гребли и быстрое теченіе унесло насъ скоро изъ виду провожавшихъ насъ пріятелей. Я не могъ безъ сильнаго движенія въ душѣ взглянуть на жену и ребенка, представляя себѣ неизвѣстную будущность, наполненную тьмою опасностей.

Нашъ паузокъ извивался межъ гористыхъ береговъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ; мы не сходили съ верху, развлекая думы и чув-

ства, насъ отягчавшія, спокойною, безмятежною величавостью дикой природы: о какъ утѣшителенъ и внятенъ былъ ея голосъ!

Въ 30 верстахъ отъ Качуги, на правомъ берегу рѣки, лежитъ Верхоленская деревня, которая обыкновенно снабжаетъ пловцовъ дорожной провизіей, курами, масломъ, молокомъ и пр. Берегъ покрылся любопытными зрителями, когда мы причалили для удовлетворенія нашихъ нуждъ, и весьма пріятно было не видѣть здѣсь ни одной праздной женщины; всѣ онѣ вязали чулки и колпаки и т. п. изъ шерсти и заячьихъ волосъ, предлагая и намъ по дешевой цѣнѣ купить на дорогу. Подобной картины трудолюбія я не видалъ во всей Сибири и ставлю Верхоленскую деревню въ образецъ, достойный подражанія; и за то избы ихъ чисты, огороды обработаны, лѣсъ кругомъ вырубленъ и все дышетъ довольствомъ. Вѣроятно, основатели этой деревни были дѣятельные, добрые люди.

Лоцманъ желалъ остаться здѣсь на ночь, приводя причиной «опасныя впереди мѣста»; но такъ какъ мнѣ эти безопасныя опасности знакомы и я полагался на пустоту нашего паузка, то велѣлъ плыть далѣе. Ночь прошла безъ бѣды.

31-е. Въ день нашей свадьбы небо казалось мнѣ яснѣе и погода пріятнѣе обыкновеннаго. Какъ богатъ этотъ годъ приключеніями! Они, какъ волшебныя картины благодѣтельнаго сновидѣнія, мелькаютъ передо мной, вливая въ душу отраду, расширяя сердце любовію и неизреченною благодарностію къ милосердному Подателю благъ. Тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ, находясь въ Ревелѣ, я не смѣлъ и мыслить о женитьбѣ, а теперь плыву по Ленѣ, въ самой глуши Сибири, съ любезнѣйшею, добрѣйшею женою и милымъ ребенкомъ! Еслибы писателю романа вздумалось завязать свою повѣсть подобнымъ происшествіемъ, то вѣроятно завязку назвали бы изысканной и неправдоподобной; читатели возопили бы: «куда онъ торопится, этотъ безразсудный мужъ, жестокосердный отецъ 4-хъ недѣльнаго дитяти, нелюдимый, безчувственный родственникъ? Онъ шутитъ жизнью людей и не въ состояніи ощущать сладостей семейной жизни подъ покровомъ безмятежнаго спокойствія, въ кругу родныхъ». Подобныя жестокія обвиненія отражаю безмолвнымъ несогласіемъ; и если потребуются доводы, то долженъ съ Фальстафомъ провозгласить: fi reasons were as plenty as blackberries. I would give no man a reason. Затрудненіе въ томъ, которою изъ такого множества причинъ начать перечень?

Языки гребцовъ нашихъ сегодня замѣтно развязались: надуваемый попутнымъ вѣтромъ, парусъ осѣняетъ эту группу, составленную изъ людей, пришедшихъ волею и неволею въ эту сибирскую дичь изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Тутъ и жидъ многорѣчивый, «безъ вины» сосланный за воровство, и молчаливый угрюмый сибирякъ, и поющій малороссіянинъ, и отставной солдатъ въ форменной, изодранной шинели, съ медалью за войну 1812 года.

Онъ уроженецъ города Керенска (на Ленѣ между Иркутскомъ и Якутскомъ), взятъ рекрутомъ въ армію, гдѣ широкая спина его приняла порядочную долю храбрости, которая наконецъ довела его и до Парижа,—«большой, веселый городъ, тутъ нѣмцы живутъ, они не пашутъ, не ораютъ, богато проживаютъ»; потомъ онъ находился въ военныхъ поселеніяхъ, и послѣ 26-лѣтней безпорочной службы, съ избитою спиною, тощимъ желудкомъ и изорванною шинелью, получилъ отставку; въ прошломъ году, около Петрова дня, пустился онъ изъ Новгорода пѣшкомъ на свою родину, около масляницы достигъ Иркутска, а теперь нанялся въ гребцы, чтобы доплыть до мѣста рожденія. Всѣ чудеса нѣмецкаго города Парижа, о которыхъ нашъ ветеранъ съ голубою медалью премного ораторствовалъ, нисколько не удивляли жида: «но какъ зе ти пѣскомъ до Иркутска досоль?» Голубая медаль громко захохотала: «вѣдь до Парижа меня не въ каретѣ везли, а пѣшкомъ же шелъ, подставляя лобъ пулѣ, а спину палкѣ;—то какъ же, братецъ, отставному то домой пѣшкомъ не доплестись? Пусти-ка тебя, жида, на волю, найдешь дорогу». Малоросъ добавилъ: «найдетъ, да не пѣшкомъ, а лошадь украдетъ».

Лоцманъ заслушался или зазѣвался; только мы наткнулись на мель. Для подобныхъ случаевъ имѣютъ на паузкахъ въ готовности длинную, толстую и широкую доску, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «плеухи»; люди спускаются въ воду, держатъ плеуху ребромъ поперекъ теченія, ниже паузки, образуя родъ плотины, которая, возвышая воду, способствуетъ паузкѣ сплыть съ мели на глубину.

Берега Лены весьма мало населены; рѣдко гдѣ встрѣчается избушка, станція или деревня. На вечерней зарѣ мы проплыли мимо одной небольшой деревушки, въ которой царствовала мертвая тишина. На лай нашей собаки отвѣтило тотчасъ множество голосовъ ея собратій и жаркая перепалка съ обѣихъ сторонъ не умолкала даже тогда, когда мы давно уже скрылись изъ виду непріятеля. Лена, сдѣлавъ нѣсколько заворотовъ, погрузилась, а вмѣстѣ съ ней и нашъ паузокъ,—въ темныя тѣни крутыхъ горъ, стѣсняющихъ ея теченіе; дикость этихъ скалъ и таинственность вечерней тишины питаетъ въ глуши лѣсовъ нелюдимаго пугача, испускающаго жалобные вопли, словно нѣкій духъ подземный, на страхъ веселящимся на свободѣ; въ довольно ясномъ отголоскѣ перекатываются эти странныя звуки, смѣшиваясь съ пророческими кликами кукушки.

Іюня 2-го. О вчерашнемъ днѣ сказать нечего: плывемъ безостановочно днемъ и ночью, то подъ парусомъ, то на веслахъ, а чаще всего несемся по теченію, предаваясь его волѣ. Сегодня небо покрылось облаками, горы погрузились въ туманъ, а воздухъ теплый и къ вечеру накрапывалъ дождь. За Рижской станціей (440

верстъ ниже Качуги) горы нѣсколько отступаютъ отъ рѣки, оставляя отлогія равнины въ пользу посельщиковъ, которые однакожъ этого не понимаютъ. Здѣсь ростетъ прекрасная сосна, ель, береза, осина, лиственница, а изъ кустарниковъ: Faulbaum und Sgarra. Нищета есть общій удѣлъ здѣшнихъ крестьянъ. Узкія полосы сѣнокосныхъ земель, лежащія вдоль рѣки и стѣсняемыя горами, конечно, не достаточны для удовлетворенія нуждъ сельскаго хозяйства, тѣмъ болѣе что они заносятся отъ наводненія рѣки иломъ, препятствующимъ прозябанію хорошихъ травъ, и отъ того подъ хлѣбные посѣвы вовсе неудобны: на это то обстоятельство крестьяне всегда упираютъ, когда ихъ спрашиваютъ о причинѣ бѣдности. Но истину слѣдуетъ искать въ ихъ нерадивости и лѣности. Въ теченіе 60 слишкомъ лѣтъ, какъ рускіе поселены на чувашскихъ берегахъ, врядъ ли одно дерево срублено для очистки мѣстъ подъ пашни или сѣнокосы; покрайней мѣрѣ съ рѣки незамѣтно ничего подобнаго. Да и можно ли ожидать трудолюбія отъ бродягъ? Иной привыкъ къ безпечности съ малолѣтства, которое провелъ въ плодоносныхъ губерніяхъ Россіи; другой отвыкъ въ бродяжничествѣ отъ трудовъ, ему съ молодости, можетъ быть, и знакомыхъ. Дѣти такихъ отцевъ наслѣдовали отъ нихъ лѣность. Начальство неохотно обращаетъ вниманіе на такой неблагодарный предметъ, сберегая попечительность свою на поощреніе соболинаго и бѣличьяго промысловъ. А кабаки, кабаки!

5-е. На разсвѣтѣ прошли станцію Заборскую, откуда до Керенска считаютъ сухимъ путемъ 28 верстъ, а водою 75: рѣка извивается на этомъ пространствѣ крутыми поворотами межъ низменныхъ береговъ, и течетъ весьма медленно: въ этихъ такъ называемыхъ кривыхъ лукахъ помогаетъ намъ попутный вѣтеръ.

Около 5 часовъ пополудни надъ горами собрались черныя тучи, которыя разразились сильнымъ громомъ и вихремъ; жестокій порывъ прижалъ нашъ паузокъ къ песчаному берегу и разбросалъ горящія полѣнья изъ очага по всему судну; полился дождь какъ изъ ведра, пробиравшійся обильными ручьями въ каюты, гдѣ не осталось сухаго мѣста. Однако вѣтеръ бушевалъ не долго и небо скоро прояснилось. Въ 7 часовъ вечера, мы пристали къ городу Керенску, чтобы запастись провизіей. Отъ Ив. Богд. имѣлъ я письмо къ здѣшнему исправнику, который на нашу бѣду находился въ уѣздѣ. Засѣдатель, по сибирскому обыкновенію, явился съ рапортомъ ко мнѣ, увѣрялъ, что изъ жителей Керенска никто не можетъ похвастаться тѣмъ, что послѣ Пасхи имѣлъ кусокъ свѣжаго мяса на столѣ, что скотъ отъ недостатка сѣна едва движется, что домашнихъ птицъ здѣсь никогда не водилось и что наконецъ даже и рыбы нѣтъ! Онъ прислалъ къ намъ купца, у котораго мы купили солонины, масла, свѣчь и печенаго хлѣба за умѣренныя цѣны, также ведро бѣлой капусты, а дикаго щавелю

мы нарвали сами на противоположномъ островѣ — и въ ½ 10-го часа отчалили отъ берега.

Во все это время засѣдатель не переставалъ возбуждать въ насъ состраданіе къ жалкому положенію обывателей этого въ грязи затонувшаго городка, — забытаго природою, какъ онъ выразился. Крестьяне-хлѣбопашцы для собственнаго продовольствія закупаютъ ежегодно шестимѣсячную провизію муки, бѣдны скотомъ, и лишь осенью находятъ подкрѣпленіе въ рыболовствѣ. Откуда же достаютъ они денегъ на покупку этой шестимѣсячной провизіи, на взносъ податей и — на случай посѣщенія исправника и засѣдателей? Крестьяне удовлетворяютъ всѣ эти нужды добываемыми въ здѣшнихъ лѣсахъ прекраснаго качества бѣлками, и частью гоньбою почты. Въ самомъ городѣ разводятъ также огурцы, капусту и морковь — которые возятъ въ Якутскъ на выгодную продажу; а хлѣбопашество и скотоводство, конечно, могли бы быть въ лучшемъ состояніи. Ко всему этому, въ 150 верстахъ вверхъ по рѣкѣ Киренгѣ, имѣются богатые рыбные промыслы. А все-таки безотвѣтная природа ихъ забыла!

7-е. Однѣ прибрежныя горы измѣняются въ видахъ и формахъ своихъ, все прочее остается въ привычномъ однообразіи. Однакожъ, нужно замѣтить, что мы проплыли мимо 20 барокъ съ хлѣбомъ; сплоченныхъ по три вмѣстѣ; довольно глубоко погруженныя въ воду, онѣ представляютъ огромную площадь теченію, дѣйствующему на нихъ съ такою силою, которая совершенно уничтожаетъ вліяніе противнаго вѣтра; вслѣдствіе этого они безъ пособія веселъ несутся гораздо быстрѣе паузки; барки эти суть четырехугольные огромные ящики, вмѣщающіе каждый по 6,000 пудовъ муки.

8-е. Поутру проплыли мимо селенія, лежащаго насупротивъ устья р. Витима. И здѣсь не могли получить ни молока, ни рыбы.

Въ 240 верстахъ вверхъ по р. Витимѣ находится слюдяная ломка. Слюду добываютъ въ скалахъ съ немалымъ трудомъ и находятъ ее слоями въ футъ толщиною и 1½ арш. поперегъ кристалла. Живущій въ деревнѣ Витимской, купецъ Ширяевъ, ежегодно отправляетъ артель для добыванія слюды, которая не находится на откупѣ или подъ запрещеніемъ, какъ напр., Вилютная каменная соль; каждому дозволено ломать и продавать ее безъ пошлины. Въ прошломъ году Ширяевъ послалъ туда 27 вольнонаемныхъ работниковъ на хозяйскомъ суднѣ, съ харчами и инструментами; по условію каждому работнику принадлежалъ 1 пай и 10 паевъ хозяину. Во все лѣто добыли 111 пудовъ чистой слюды, слѣдовательно по 3 пуда на пай, который покупался хозяиномъ за 200 рублей; отъ мелочной перепродажи онъ можетъ выручить 300 р. за пудъ, т. е. 900 за пай.

Въ вечеру замѣтили на правомъ берегу двѣ тунгузскія юрты; я переѣхалъ на лодочкѣ къ нимъ въ гости. Съ рѣки Олекмы они

недавно перешли сюда на своихъ оленяхъ, для закупки ржаной муки съ проплывающихъ барокъ. Средства пропитанія ихъ весьма ограничены, особенно весною, когда рыбы и птицъ мало, олени тощи, а ягоды не зрѣлы. Я обрадовалъ этихъ добрыхъ страдальцевъ табакомъ и получилъ немного оленьяго молока для жены. Между тѣмъ, паузокъ ушелъ почти изъ виду и я долженъ былъ самъ приняться за весло, чтобы догнать бѣгущихъ.

11-е. Сильный противный вѣтеръ ставитъ насъ безпрерывно бокомъ поперегъ теченія, прижимаетъ къ берегамъ и выводитъ насъ изъ терпѣнія; къ тому же развело на рѣкѣ порядочное волненіе (она шире двухъ верстъ), ковчегъ нашъ качается безъ милосердія и даже нѣкоторыхъ пассажирокъ жестоко укачало. Самый водяной парусъ не помогаетъ.

12-е. Въ 7 ч. утра пристали къ бывшему городу Олекминску. Эта резиденція исправника Олекминскаго уѣзда расположена вдоль рѣки, примыкая къ крутизнамъ изъ красной глины. Хлѣбъ здѣсь худо созрѣваетъ и плохо награждаетъ труды крестьянина, которому гораздо легче убить соболя и бѣлку. Олекминскіе соболя славятся по всей Сибири; отличнѣйшіе продаются по 100 рублей; 30 и 50 р. обыкновенная цѣна. Теперь здѣсь ярмарка, 10 большихъ барокъ съ хлѣбомъ и солью и 35 купеческихъ паузковъ съ другими товарами прижались къ берегу; разноцвѣтные флаги развѣваются на мачтахъ; толпа якутовъ, тунгусовъ и русскихъ, одѣтые въ лучшіе наряды, тѣснятся кругомъ; въ раскинутыхъ на берегу палаткахъ выставлялись для приманки блестящія и разноцвѣтныя бездѣлки; вездѣ примѣтно движеніе. Лизанька не могла довольно наглядѣться на эту пеструю картину промышленности, столь рѣдкую въ этой части Сибири. Рѣка имѣетъ здѣсь 3 версты въ ширину.

Запасшись свѣжею провизіею, мы отчалили и поплыли впередъ, держась берега.

15-е. Ниже Олекминска живутъ якуты, которые для рыбной ловли выѣзжаютъ на рѣку. Они часто пріѣзжали къ намъ съ продажной рыбой на утлыхъ лодочкахъ, сдѣланныхъ изъ березовой коры. Около станка Бестяжскаго (90 верстъ отъ Якутска) рѣка расширяется на 4 версты и, протекая по прямой линіи, представляетъ неограниченный берегами горизонтъ. Лѣвый, известковый, довольно высокій берегъ, покрытъ частымъ березовымъ лѣсомъ, снабжающимъ Якутскъ дровами, угольями и смолой; и теперь въ разныхъ мѣстахъ якуты занимались рубкою дровъ и жженіемъ угля, который на сплоченныхъ бревенчатыхъ паромахъ сплавляютъ въ городъ для продажи. Въ 18 верстахъ далѣе видѣнъ старинный деревянный монастырь Покровскій — безъ монаховъ. Отсюда рѣка становится мелка и фарватеръ нѣсколько затруднителенъ.

Между станками Титъ-Азинская и Тоснь-Азинская и у Бес-

тякской, на лѣвомъ берегу Лены, открыты богатыя руды свинца съ серебромъ; въ присланныхъ въ Петербургъ образчикахъ найдено въ 100 доляхъ руды 70 свинцу и 3 серебра. 30 лѣтъ казна пыталась обработывать этотъ рудникъ, но ссыльные, употреблявшіеся для этой работы, начили грабить мирныхъ якутовъ, вслѣдствіе чего сочли за лучшее прекратить работы; нынѣ американская компанія наша хотѣла было приняться за это дѣло; однако, я отсовѣтывалъ ей затрачивать капиталы, нужные ей для колоній.

16-е. Въ 8 часовъ утра, при ясной погодѣ, пристали, наконецъ, къ Якутску, совершивъ болѣе 2,500 верстъ рѣчнаго плаванія въ 18 сутокъ. Коммисіонеръ компаніи, г. Шергинъ, тотчасъ явился къ намъ и приготовилъ для насъ свои экипажи. Мы торжественно расположились въ его домѣ. M-me Розенбергъ, оставшаяся здѣсь въ ожиданіи нашего прибытія, встрѣтила Лизаньку съ непритворною радостію; она, бѣдненькая, скучала по мужѣ, которому необходимо было спѣшить въ Охотскъ.

Въ Якутскѣ я нашелъ весьма мало перемѣнъ. Выстроился новый гостинный дворъ; но остались старыя сплетни и старое невѣжество. Въ 9 дней нашего здѣсь пребыванія, мы озабочены были приготовленіями къ охотской дорогѣ, и я однимъ только днемъ пожертвовалъ для свиданія съ моими прежними знакомыми; слѣдовательно и не могу много разсказать. Притомъ, весь городъ, раздѣлившійся на двѣ партіи, былъ въ ожиданіи пріѣзда коммиссіи для изслѣдованія дѣйствій областнаго начальника; приближенные его шныряли изъ дома въ домъ, собирая партизановъ и вывѣдывая мнѣнія людей; между тѣмъ какъ противная сторона ликовала подъ маскою состраданія. Подобный духъ общества мнѣ противенъ, какъ ревень, и чтобы не слышать и не видѣть этихъ шипуновъ, я старался ни съ кѣмъ не встрѣчаться и не принялъ ни одного приглашенія.

Въ сибирскихъ городахъ я бываю очень расположенъ досадовать на дурное, не встрѣчая ничего хорошаго или похвальнаго; меня могутъ обвинять въ предубѣжденіи и, можетъ быть, основательно. Однакожъ, какъ бы то ни было, слѣдующія мои замѣчанія неоспоримы. Отъ бывшаго разлитія рѣки и долголѣтняго нерадѣнія полиціи многія улицы города испорчены, мосты прорваны, срубъ по набережной поврежденъ, новый каменный и для города довольно обширный гостинный дворъ служитъ вывѣскою упадка торговли, а хлѣбные и мясные базары свидѣтельствуютъ о совершенной безпечности городоваго начальства, ибо они пусты и въ нихъ нельзя найти и за деньги самонужнѣйшихъ потребностей жизненнаго продовольствія. Не смотря на то, что городъ лежитъ на берегу рѣки въ 7 верстъ ширины, окруженъ обширными покосными равнинами и лѣсами, окрестности его населены скотоводственнымъ и трудолюбивымъ народомъ, весьма способнымъ ко всѣмъ ремесламъ,— въ

городѣ нельзя было купить ни воды, ни мяса, ни дровъ, ни самыхъ обыкновенныхъ вещей для домашняго обихода: надобно ли стекла въ окна вставить — посылаютъ въ Иркутскъ, сѣдло ли сдѣлать — въ Иркутскъ, пиво ли сварить — въ Иркутскъ. Если не хотите умереть здѣсь отъ голода, жажды и холода, то должны зимою на цѣлый годъ запастись рѣчнымъ льдомъ для воды, набивая имъ обширнѣйшіе и превосходные погреба, ибо рѣка въ 3-хъ верстахъ отъ города и вода въ ней у береговъ лѣтомъ мутна; осенью должны закупать у якутовъ скотъ, дома бить его, чтобы хватило говядины на цѣлый годъ; такимъ же образомъ нужно запасаться масломъ и дровами. Начальство, лишивъ якутовъ свободы (конечно имъ во вредъ обратившейся) и обогащаясь умножающеюся ихъ нищетою, дало имъ взамѣнъ лишь понятія о роскоши, законы для ябедничества и обряды безъ вѣры. По сію пору не думали составить якутскую грамоту, ни основать народныхъ школъ, гдѣ бы якуты могли получить нѣкоторое понятіе о христіанской религіи. Даже нисколько не подумали поддержать чрезвычайную способность якутовъ къ ремесламъ, и ежели всѣ дома и церкви въ Якутскѣ строятся одними якутами и ими же производятся работы столярныя и рѣзныя,—даже живопись, то этому обязаны удивительной переимчивости этого татарскаго народа; начальство же не прилагало о немъ ни малѣйшаго попеченія. Подчинивъ кочующихъ на свободѣ народовъ власти своей, искоренивъ въ нихъ вѣру къ шаманамъ, ознакомивъ ихъ съ нуждами общественной и осѣдлой жизни—правительство забываетъ свой священнѣйшій долгъ, не заботясь объ истинномъ образованіи въ невѣжествѣ и нищетѣ утопающихъ подданныхъ своихъ. Я увѣренъ, каждый земскій засѣдатель полагаетъ, что не онъ для народа, а народъ для него созданъ. Чтобы не сочли меня за безпокойную голову, я долженъ оговориться въ невольной погрѣшности, назвавъ правительствомъ то, что разумѣю начальствомъ, такъ рѣдко дѣйствующимъ въ духѣ нашего мудраго и истинно благомыслящаго правительства.

Коммисіонеръ нашъ, г. Шергинъ, человѣкъ весьма хорошій, умный и усердный, много облегчилъ намъ хлопоты при снаряженіи въ путь, коего трудности почти обратились въ пословицу: Охотская дорога значитъ въ Сибири то же, что самое утомительнѣйшее, опаснѣйшее путешествіе.

Наконецъ, іюня 25-го, мы сѣли вновь на нашъ паузокъ, на которомъ переправились къ противоположному берегу Лены, гдѣ на обширномъ сѣнокосномъ полѣ паслись лошади и разбиты были палатки. Въ Иркутскѣ сострoилъ я для матери, ребенка и няньки качку, т. е. по срединѣ двухъ длинныхъ оглобель прикрѣпленный коробъ, довольно просторный для вмѣщенія 4-хъ человѣкъ и обтянутый съ боковъ и сверху сѣтью изъ лошадиныхъ волосъ для предохраненія отъ комаровъ, а на случай вѣтровъ и дождей снабжен-

ный кожанымъ чехломъ; въ оглобли спереди и сзади короба должны были впрягать двѣ лошади, и сдѣланный въ Иркутскѣ опытъ удался весьма хорошо. Дабы мои путешественники могли понемногу привыкнуть къ этому висячему на воздухѣ экипажу, поставили его на первый случай на дрогахъ, надѣясь на ровную дорогу первыхъ 50 или 100 верстъ. Однакожъ, лошадь, хотя лучшая изъ всѣхъ, бѣсилась и на первомъ же дебютѣ опрокинула дроги съ качкою. И такъ отправили ее пустою впередъ. Между тѣмъ, якуты обвязывали вьюки и сѣдлали лошадей, которыя рвались, бѣсились, разбивали клади, ушибали ямщиковъ и свирѣпостью наводили страхъ и ужасъ на неопытныхъ моихъ путешественницъ. Наконецъ, отправили 45 навьюченныхъ лошадей, раздѣливъ ихъ на два отряда. Остались сѣдоки; лошади наши уже были осѣдланы и привязаны къ столбамъ. Желая испытать свойства ихъ, я велѣлъ сперва подвести свою лошадь; она вырвалась и пустилась по полю, какъ стрѣла изъ лука; другія сначала немножко чванились, однакожъ скоро вошли въ послушаніе. Ремнями притянули кожаный коробъ (для ребенка) къ груди человѣка, которому я рѣшился довѣрить эту драгоцѣнную ношу, уложили малютку и посадили сѣдока на лошадь, другой долженъ былъ пѣшкомъ вести ее подъ уздцы. Во все это время ребенокъ громко плакалъ, мать, нянька и остальныя женщины проливали слезы, а у меня на сердцѣ было весьма грустно. Усѣлась и Лизанька, и няня, и M-me Розенбергъ, и люди наши, и такимъ печальнымъ шагомъ поѣхали вслѣдъ за ребенкомъ. Они отошли отъ меня уже далеко, когда привели моего бѣглеца. Догнавъ въ слезахъ утопающую процессію, я узналъ, что лошадь подъ ребенкомъ завязла въ болотѣ и теперь человѣкъ съ нимъ идетъ пѣшкомъ, — впрочемъ, кромѣ наведеннаго на мать страха, все шло благополучно.

26-е. Хотя мы отправились изъ Якутска въ 9 ч. утра, но съ Лены тронулись не раньше 9-го часа вечера; солнце было близко къ закату, а погода довольно пріятная. Въ 1-мъ часу утра сего числа, пріѣхали наконецъ на р. Солу, въ 13 верстахъ отъ Лены, гдѣ я намѣренъ былъ переночевать. Но каково было мое удивленіе, когда мы не застали здѣсь нашего обоза, ни палатки, ни кухни, ни постелей. Ночь была холодная и густой туманъ лежалъ на сырой землѣ. Развели огромный огонь въ лѣсу, и около него расположились въ ожиданіи обоза; прошелъ часъ, другой и третій—нѣтъ никого. Между тѣмъ, на сучьяхъ и потникахъ, подъ прикрытіемъ шинелей, усталыя, утомленныя путешественницы заснули крѣпкимъ сномъ. Меня терзала досада на ямщиковъ и состраданіе къ невиннымъ страдальцамъ. Наконецъ, въ 5-мъ часу утра раздались по лѣсу громкіе клики: готъ! готъ! якутовъ, которые показались съ обозомъ за рѣчькою; при переправѣ чрезъ нее упали въ воду вьюки съ нашимъ дорожнымъ запасомъ сахару, соли и кофе—

новая бѣда! Солнце стояло уже высоко на ясномъ небѣ, разогнало сѣрые туманы и вселило бодрость въ спутниковъ моихъ. Я нуждался въ снѣ, бросился подъ дерево и часа четыре насладился отдыхомъ. Проснувшись около 9 ч. утра, поднялъ людей; спутницы наши, слава Богу, еще спали, а дитя лежало у груди матери. Онѣ раскрыли глаза, когда чай былъ уже готовъ.

Обозы разошлись съ нами недалеко отъ Лены, нѣсколько лошадей разбѣжались, часть вьюковъ побросали въ лѣсу. Я долженъ былъ послать неутомимыхъ въ трудахъ якутовъ отыскивать потерянное. Качку кое какъ дотащили, однакожъ я долженъ былъ ее здѣсь бросить, несмотря на мрачную перспективу для жены моей— совершить все путешествіе верхомъ.

Упованіе на безпредѣльное милосердіе Небеснаго Отца и совершенная готовность переносить безропотно всѣ страданія, его волею ниспосланныя, укрѣпили наши силы. О! по истинѣ часы искушенія и физическихъ опасностей суть настоящіе ангелы хранители нашей жизни: они вводятъ насъ въ храмъ вѣры и изцѣляютъ отъ эгоизма, самолюбія и убійственнаго самомнѣнія, отъ высокомѣрія и жестокосердія, отравляющихъ душу нашу.

Въ обозѣ нашемъ ввелъ я другой, удобнѣйшій порядокъ, и въ 4 часа пополудни мы пустились въ дальнѣйшій путь. Кромѣ Лизаньки, всѣ другія женщины были довольно несносны: кому лошади не нравилась, кому сѣдло было худо, кто требовалъ, чтобы особый пѣшеходъ велъ лошадь подъ усцы, кто досадовалъ на все, не имѣя причины быть чѣмъ нибудь въ особенности недовольнымъ. Лизанька совершенно меня восхищала бодростью, веселостью духа. Дитя понесли пѣшкомъ.

Не отъѣхали мы и 5-ти верстъ, какъ бѣшеная моя лошадь, съ которой я слѣзъ, чтобы подтянуть подпругу, вырвалась изъ моихъ рукъ и въ мигъ исчезла изъ виду. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пройтись пѣшкомъ и любоваться свѣжестью природы, подобно странствующему авантюристу. По довольно широкой и сухой тропинкѣ шли мы рядомъ съ Лизинькой, позади ребенка, для котораго мать должна была часто слезать съ лошади, чтобы или покормить, или перепеленать; нянька уѣхала впередъ и въ первую недѣлю вовсе не заботилась о ребенкѣ, оставшемся совершенно на попеченіи неопытной, по бодрой и нѣжной матери. Такимъ образомъ, путешествовали мы до вечера, когда у пригорка лѣсомъ обросшаго холма, на рубежѣ обширнаго травянаго поля, расположили лагерь, въ 20-ти верстахъ отъ вчерашняго ночлега.

Едва вскипѣлъ чайникъ, какъ конскій топотъ возвѣстилъ намъ появленіе поспѣшающаго гонца: это былъ сынъ якутскаго коммисіонера, съ забытыми вещами и деньгами для перемѣны въ ближнихъ якутскихъ селеніяхъ худыхъ лошадей на другія. Привели также и лошадь мою съ сломаннымъ сѣдломъ, безъ тароковъ (ши-

нель за сѣдломъ) и всю избитую: ее поймали якуты съ передней станціи.

27-е. При постоянно прекраснѣйшей погодѣ тронулись въ 11 ч. утра въ путь. На 9 лошадяхъ отправили обозъ съ ненужными вещами впередъ, съ тѣмъ чтобы онъ шелъ независимо отъ насъ; другое отдѣленіе, на 10 лошадяхъ, двигалось позади насъ; а третье, заключавшее кухню, на 10 лошадяхъ, при насъ или впереди — всего же было 50 лошадей съ нашими. Вновь попытались везти ребенка на лошади, и теперь съ успѣхомъ. На 10-й верстѣ пріѣхали на станцію, гдѣ нашли кумысъ и свѣжее молоко; кухня насъ уже ожидала и обѣдъ былъ готовъ; но оставшійся назади обозъ присоединился къ намъ не ранѣе 11 ч. ночи; 5 лошадей убѣжали съ вьюками,—тутъ былъ дорожный запасъ солонины и ветчины. Александръ Өедоровичъ (сынъ коммисіонера), сопутствовавшій намъ, распорядился о новыхъ лошадяхъ и отысканіи потерянной провизіи, что все на другой день и привезено въ цѣлости, кромѣ солонины и ветчины. Я нанялъ якута пѣшехода, чтобы вести за поводъ лошадь подъ ребенкомъ.

28-е. Сдѣлали 20 верстъ при хорошей погодѣ и по весьма пріятнымъ мѣстамъ: озера, луга, холмы, перелѣски. Никакихъ приключеній не было и кажется дѣла приняли настоящій ходъ. Александръ Өедоровичъ, увѣрившись въ устроившемся порядкѣ, распростился съ нами и ночью ускакалъ съ письмомъ отъ Лизаньки, адресованномъ въ Ревель.

30-е. Подвигались потихоньку впередъ, обѣдая на станціяхъ и ночуя въ лѣсу или въ полѣ. Странствованіе наше все болѣе и болѣе обращалось намъ въ удовольствіе.

Подъѣзжая сегодня къ станку Поротово, гдѣ намѣрены были обѣдать, я ускакалъ съ Лизанькой впередъ, оставляя трехъ людей и няньку у ребенка. Едва мы слезли съ лошадей, какъ видимъ лошадь Марьи Ивановны (няньки), бѣгущую безъ сѣдла. Вы можете себѣ вообразить испугъ Лизаньки. Оказалось, что лошадь подъ ребенкомъ наступила на гнѣздо оводовъ, взвилась на дыбы, едва не сронила сѣдока съ ребенкомъ и перепугала всѣхъ остальныхъ лошадей; Марья Ивановна видя дитя въ опасности, бросилась съ сѣдла ему на помощь, но запуталась рукой въ стремени и едва не была зашиблена лошадью; понемногу лошади успокоились и все это происшествіе кончилось mit einer Armverlankung няньки, что и понудило насъ остаться здѣсь на ночь. Натурально, матери я разсказалъ это дѣло иначе.

Близь станка лежатъ нѣсколько озеръ, гдѣ водятся кулики. Мейеръ ушелъ съ ружьемъ за ними въ болото, но вдругъ мы видимъ его бѣгущимъ съ ужаснѣйшимъ крикомъ назадъ, махая ружьемъ и рукою, какъ умалишенный. Если бы мы находились въ Индіи, то я подозрѣвалъ бы близость боа, но въ мирныхъ пусты-

няхъ Сибири встрѣтить такое чудовище мнѣ казалось событіемъ чрезвычайно смѣшнымъ и любопытнымъ. Несчастный произвелъ въ слушателяхъ сильный хохотъ, когда объявилъ, что изступленный побѣгъ его можетъ намъ доставить нѣкоторое слабое понятіе о множествѣ и кровожадности напавшихъ на него комаровъ.

Іюля 3-го. Проѣзжая каждый день отъ 25 до 35 верстъ по равнинамъ, покрытымъ журавлинымъ горохомъ (Wicken) и другими сочными травами, и чрезъ мелкіе лѣса березъ и лиственницы, мы пользовались постоянно хорошою погодою, на станціяхъ находили молоко и кумысъ, а на ночлегахъ стрѣляли утокъ и куликовъ. Вчера привезли намъ отысканныя фляги съ солониной и ветчиной: первой недоставало всего $^1/_4$ части, а послѣдняя была почти вся съѣдена червями.

Сегодня у станка Лебщинскаго встрѣтилъ насъ Сивцовъ, якутскій князекъ сосѣдственнаго ночлега и подрядчикъ нашъ. Онъ объявилъ, что свѣжія лошади приведены уже изъ дома его въ 20 верстахъ отсюда и пасутся теперь у станка, гдѣ мы и расположились дневать. Остатокъ дня провели въ осмотрѣ лошадей, въ перемѣнѣ нѣкоторыхъ ямщиковъ, въ заготовленіи провизіи и подобныхъ дорожныхъ занятіяхъ, сопряженныхъ всегда здѣсь съ большими хлопотами и неудовольствіями, ибо якуты чрезвычайно многорѣчивы, упрямы, плутоваты и съ намѣреніемъ бестолковы.

4-е. Вчерашніе работы продлились весь день. Якутъ, водившій за поводъ лошадь подъ ребенкомъ, требовалъ себѣ здѣсь, по сдѣланному условію, смѣны, хотя должность его въ послѣдніе дни облегчилась тѣмъ, что онъ уже не пѣшкомъ, а сидя на смирной лошади, исполнялъ оную. Явились трое кандидатовъ: Иванъ, Афанасій и Константинъ, на моихъ харчахъ, моей лошади и 100 руб. денегъ до Охотска. Всѣ они имѣли хорошія рекомендаціи: Иванъ, молодой, здоровый гигантъ, былъ уже 4 раза въ Охотскѣ но— плутъ; Афанасій честный мужикъ, совершившій эту дорогу 16 разъ, но слѣпъ на одинъ и худо видитъ другимъ глазомъ; Константинъ, молодой проворный парень, одинъ нападаетъ на чернаго медвѣдя, отважный охотникъ, но ни разу по этой дорогѣ не ѣздилъ. Я рѣшился взять Ивана, заключилъ съ нимъ контрактъ и отдалъ по требованію его деньги впередъ.

Мы здѣсь хорошо отдохнули. Заняли станціонную у р о с у, конусообразное, высокое и обширное лѣтнее строеніе; ея основу составляютъ лиственные длинные шесты, которые обложены берестовой, подобно кожѣ выдѣланной и узорами вышитой, корой, сшитой вмѣстѣ конскимъ волосомъ. Въ этихъ уросахъ свѣтъ легокъ для глазъ, всегда прохладно и комаровъ не бываетъ. Свѣжаго мяса и птицъ, молока и кумысу привозили намъ съ ночлега. Подрядили Сивцова — и мы съ усердіемъ къ нашимъ тощимъ желудкамъ собирали силы для дальнѣйшаго пути.

Сегодня прискакали изъ Якутска священникъ, засѣдатель, земскій врачъ, ѣхавшіе для освидѣтельствованія трупа нѣкоего старика Аргунова, смотрителя Агданской станціи, умершаго скоропостижно, почти въ одинъ часъ съ женою старухою. Они перемѣнили лошадей и спѣшили дальше. Я поздравлялъ ихъ, что эта смертность случилась только въ 300 верстахъ отъ Якутска, а не гдѣ нибудь въ Зашиверскѣ, или на Колымѣ, куда бы имъ должно было проѣхать тысячи двѣ съ половиною верстъ, ибо для мѣстности не дѣлаютъ у насъ исключеній въ исполненіи земскихъ установленій. Пустынная ли сибирская тундра, или средина Россіи— порядокъ одинъ.

5-го. Якутъ Иванъ поспѣшилъ обнаружить плутовство свое предъ самымъ отправленіемъ нашимъ; я долженъ былъ отобрать у него деньги и нанялъ Афанасья съ однимъ глазомъ. Этотъ случай и заключеніе новаго контракта задержали насъ до 3-го часа пополудни на мѣстѣ.

6-го. Пріѣхали на Амчинскую станцію, на р. Амчу, гдѣ есть русскій смотритель и слѣдовательно нѣкоторое хозяйство. Вчерашнимъ дождемъ попортилась болотистая дорога, однакожъ не въ такой степени, чтобы слишкомъ затрудняло ѣзду; мы даже часто по нѣскольку верстъ шли пѣшкомъ, любуясь цвѣтами и тучными травами, покрывавшими поля. О другихъ предметахъ не спрашивайте: ихъ нѣтъ.

На Амчинской станціи встрѣтила насъ старушка, хозяйка уѣхавшаго въ якутскія стойбища (они всѣ въ сторонѣ отъ почтовыхъ дорогъ) смотрителя. Она мучима была сильной лихорадкой, и будучи великой охотницей болтать, съ сердцемъ восклицала: «куда дѣлись мои прекрасныя рѣчи!» Она ихъ замѣнила — и мы не остались въ потерѣ — свѣжимъ хлѣбомъ, мясомъ и молокомъ. Какъ живыя доказательства ея хозяйственныхъ талантовъ, скакали по крышамъ станціонныхъ юртъ коты, а въ огородѣ зеленѣла капуста, картофель и огурцы. Хлѣбъ здѣсь не поспѣваетъ, но верстахъ въ 50 отсюда, у Амчинской слободы, русскими поселенцами крестьянами обрабатываются пашни съ великимъ нерадѣніемъ, но большимъ успѣхомъ: сѣютъ ярицу, пшеницу и ячмень; послѣдній родится самъ сороковой и отличной доброты. Съ стараніемъ и опытностью даже около Якутска ячмень и ярица созрѣваютъ и здѣсь только недостаетъ хозяина начальника, чтобы пріучить якутовъ къ хлѣбопашеству.

Вечеромъ переправили лошадей чрезъ глубокую, но узкую рѣку Амчу; а завтра намѣрены перевести багажъ и переправиться сами на тотъ берегъ.

9-е. На пространствѣ около 80 верстъ, между рр. Амчою и Алданомъ, дорога идетъ чрезъ топкое болото по досткамъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи затрудняющимъ ѣзду до опасности; въ нѣкото-

торыхъ мѣстахъ мы должны были по нѣскольку верстъ сряду идти пѣшкомъ, перескакивая съ бревна на другое, а когда непривычная лошадь попадала ногами между двухъ бревенъ въ бездонную подъ ними грязь, то должны были помогать другъ другу, чтобы не остаться навсегда въ этомъ несчастномъ положеніи. Прибавьте къ этому неотвязныя нападенія цѣлыхъ тучъ комаровъ, которые и по ночамъ не давали намъ покою; вода вездѣ стоялая, весьма дурнаго запаху.

Съ приближеніемъ къ р. Алдану земля дѣлается нѣсколько гористою, суше, и покрыта лѣсами и травами; взоръ отдыхаетъ скользя по округленнымъ группамъ холмовъ, обросшихъ березой, ольховникомъ, осиной, и подошвы которой краснѣются отъ спѣлой земляники. Когда мы выѣхали изъ лѣсу, намъ открылся быстрый широкій (2 версты поперегъ) Алданъ, несущій свои воды между зеленѣющими рощами и грозною цѣпью горъ: видъ прелестный. Станція находится на этомъ, т. е. лѣвомъ берегу, а на противулежащемъ—провіантскій магазинъ и жилище вахтера и умершаго Аргунова. Услышавъ, что на станкѣ днюетъ конвой ссыльныхъ, идущихъ на Охотскій солоноварный заводъ, я рѣшился, не смотря на сильный вѣтеръ и волненіе на рѣкѣ, переправится на тотъ берегъ. Лошадей я оставилъ до завтра здѣсь, а сами мы съ вьюками усѣлись на паромъ и кое-какъ, съ напряженіемъ силъ, достигли берега. Здѣсь, въ двухъ огородахъ росла капуста, саладъ и морковь; за Якутскомъ огородничество становится рѣдкостью и потому каждый листокъ этой зелени меня радуетъ, какъ встрѣча съ стариннымъ знакомымъ, заблудившимся подобно намъ въ этой дичи.

12-е. За Амчою прекратились якутскія жилища и встрѣчаются на всемъ обширномъ пространствѣ, почти до Охотска, одни станціи, да и то рѣдко. Между поименованною рѣкою и Алданомъ находится одна станція; а отъ Алдана первый станокъ Чернолѣсье, въ 90 верстахъ: на него то мы, къ общей радости, пріѣхали сегодня, утомившись отъ трудной ѣзды чрезъ грязи, по горамъ, каменьямъ и въ частыхъ бродахъ чрезъ глубокія, быстрыя рѣки; проѣзжали въ день отъ 35 до 40 верстъ и находились на лошадяхъ отъ 9 да 11 часовъ безъ отдыха. На Алданѣ насъ предварили, что мы встрѣтимся съ медвѣдями и чтобы приняли всѣ мѣры осторожности, какъ при ѣздѣ, такъ и на ночлегахъ. Мы привязали звонкій колоколъ къ стремю передовой лошади, на которой сидѣлъ якутъ, ведшій за поводъ другую, съ сѣдокомъ, несшимъ ребенка; всѣ прочіе не разлучались; однакожъ мишка не являлся, и ничего особеннаго съ нами не приключилось.

13-е. Якуты наши пожелали остаться дневать на Чернолѣсьи, ссылаясь на трудную дорогу впереди и необходимость дать лошадямъ отдыхъ; мои спутницы не менѣе нуждались въ покоѣ и мы скоро согласились съ ямщиками.

Здѣсь догнали насъ ссыльные. Ихъ 25 человѣкъ, скованные и привязанные по двое въ рядъ къ толстой веревкѣ, по которой ихъ вообще называютъ здѣсь канатными; для присмотру приставлено 10 человѣкъ казаковъ при офицерѣ, которые всѣ безъ изъятія должны идти пѣшкомъ; ужаснѣе этого наказанія почти и придумать нельзя: пѣшкомъ пробираются они чрезъ болота, потомъ выше пояса переходятъ чрезъ холодныя рѣки и босикомъ тащутся по острымъ каменьямъ, питаясь сухарями! Жена одного канатнаго, якутка, беременная и съ пятилѣтнимъ сыномъ, ѣхала верхомъ; она, обливаясь слезами, просила провизіи, и Лизанька съ большимъ удовольствіемъ снабдила ее всѣмъ нужнымъ и бѣльемъ. Безъ сердечнаго соболѣзнованія нельзя смотрѣть на этихъ несчастныхъ, преданныхъ всевозможнымъ бѣдствіямъ.

Продолжать ли дневникъ мой? Желая единственно доставить тебѣ нѣкоторое понятіе о нашемъ странствованіи по Охотской дорогѣ, чувствую, что никогда этого не достигну. Описаніе мое, конечно, наведетъ на тебя скуку, подобную той, которую и я въ пути довольно часто ощущалъ; — но ты не можешь раздѣлить съ нами труды и опасности, наслажденія отдыха, пріятности великолѣпныхъ зрѣлищъ дикой природы и множества развлеченій, безцвѣтныхъ въ описаніи, а на самомъ дѣлѣ услаждающихъ душу и сердце. При всемъ однообразіи болотъ, горъ, лѣсовъ, рѣкъ, — каждое болото, гора, каждый кустъ и ручей отличались чѣмъ-нибудь отъ прочихъ. Если наслажденія жизни соразмѣрны страданіямъ и сердце тѣмъ живѣе принимаетъ впечатлѣнія пріятныя, чѣмъ болѣе волновалось оно среди опасностей, то 40 дней, проведенныхъ нами по Охотской дорогѣ, составляютъ эпоху въ нашей жизни, богатую безпрерывными доказательствами неизреченнаго милосердія и благости Бога. Въ сихъ пустыняхъ человѣкъ сближается съ природою, и благодаря ей, какою то магическою силою, возносится къ Творцу.

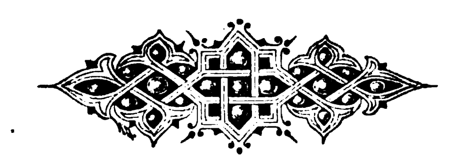
И такъ, пройдя молчаніемъ переходъ чрезъ высокій хребетъ Чебогъ-Дола, чрезъ Семь хребтовъ, чрезъ ледяныя озера, проѣздъ по долинѣ Чихиное плачище, гдѣ многіе годы якутъ-поэтъ оплакивалъ въ печальныхъ пѣсняхъ потерю лошадей своихъ, по степи, усѣянной костьми и полусгнившими трупами падшихъ во множествѣ лошадей отъ ужасной заразы въ прошломъ году, — упомяну о первой и послѣдней встрѣчѣ съ путешественниками по сей дорогѣ. Это случилось 25 іюля, близь станка Юдомскій крестъ: морская команда съ женами и дѣтьми слѣдовала изъ Охоска въ Иркутскъ; унтеръ-офицеръ, начальникъ конвоя, разсказывалъ о хорошей дорогѣ, возможности съ Юдомы везти ребенка въ качкѣ и о произведенномъ въ сихъ окрестностяхъ за нѣсколько

дней разбоѣ тремя бѣжавшими изъ соловареннаго завода якутами, ограбившими купеческій обовъ. По прибытіи нашемъ на другой день въ станокъ, увидѣли мы и хозяина сего обоза, суздальскаго купца Бобкова, которому разбойники проломили голову, отняли 50 тысячъ денегъ и, разрѣзавъ вьюки, побросали въ лѣсъ часть его товаровъ. На поиски за разбойниками было отправлено 6 козаковъ.

Устроивъ качку, мы ѣхали покойно и скоро по порядочной тропинкѣ и сухимъ мѣстамъ до станка и якутской деревни. на р. Мстѣ; прибывъ сюда 3-го августа, сѣли 4-го на двѣ лодки и въ 6 ч. переплыли по быстрой рѣкѣ Охотѣ въ Охотскъ, въ компанейскую факторію, гдѣ правитель конторы насъ давно ожидалъ. Строившійся здѣсь компанейскій бригъ, Полифенъ, былъ уже спущенъ и вооружался; бригъ Охотскъ прибылъ изъ колоній; ботъ Сивучъ при насъ вошелъ въ рѣку изъ Ситки, а шлюпъ Урунъ обрадовалъ насъ своимъ появленіемъ чрезъ недѣлю.

Августа 25-го, мы на Урунѣ были уже на рейдѣ; сегодня должна была прійти россійская почта и намъ предстояла радость получить письма изъ дому. Не смотря на это, я велѣлъ сняться съ якоря, и, при задувшемъ попутномъ вѣтрѣ, удалиться отъ береговъ. Предосторожность эта оказалась спасительною для насъ, ибо на другой день задулъ столь жестокій съ моря вѣтеръ, что насъ выбило изъ парусовъ. Вообще, на всемъ переходѣ до Ситки крѣпкіе вѣтры и сильное волненіе преслѣдовали насъ; почти всѣхъ пассажировъ безъ исключенія укачало, погода была пасмурная и холодная, провизія худая, и Лизанька вкусила послѣднюю чашу горести, утомясь болѣе, чѣмъ по Охотской дорогѣ. Можешь себѣ представить наше общее восхищеніе, когда 29-го сентября, въ воскресенье, при ясной, теплой погодѣ, мы вошли въ заливъ благополучно, не потерпѣвъ другихъ несчастій, кромѣ потери вельбота, сорваннаго волненіемъ съ баканцевъ, и продольной щели по водеръ-вельсу отъ ужасной волны, набѣжавшей ночью по неосторожности рулеваго съ навѣтренной стороны на судно, смывшей съ палубы все подвижное и наполнившей наши каюты водою.

Ф. Врангель.



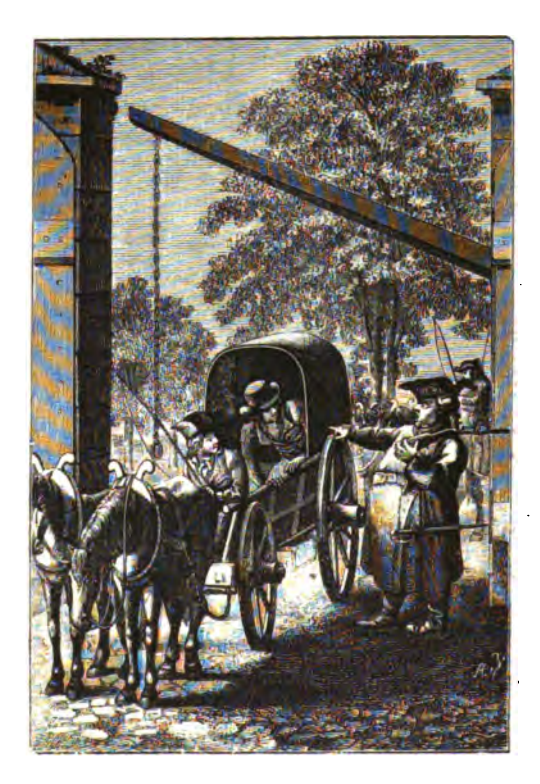
Н. М. Карамзинъ.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

(Дешевая Библіотека, издаваемая А. С. Суворинымъ. Письма русскаго путешественника; Н. М. Карамзина. 2 тома, съ портретомъ и гравюрами. Спб. 1884).

Русская литература, не смотря на свою относительную молодость, пережила уже не одно направленіе, не говоря о тѣхъ временахъ, когда въ ней не было вовсе никакого направленія. Издатель «Писемъ русскаго путешественника», появляющихся вновь послѣ тридцати-шести-лѣтняго промежутка времени (послѣднее, седьмое изданіе вышло въ 1848 году), называетъ современное направленіе нашей литературы — историческимъ, болѣе однакоже въ смыслѣ стремленія къ «пикантнымъ» разоблаченіямъ добраго стараго времени, чѣмъ къ серьезнымъ изслѣдованіямъ. Но если о родѣ стремленій нашего времени мнѣнія могутъ быть различны, то эпоха, когда впервые появились «Письма» Карамзина, безспорно можетъ назваться эпохой сентиментализма, и Карамзинъ былъ однимъ изъ блистательныхъ представителей этого направленія. Въ западной литературѣ оно было переходомъ отъ классицизма къ романтизму. Начало сен-

тиментализма положилъ Ричардсонъ своимъ романомъ «Клариса Гарлоу», имѣвшимъ огромный успѣхъ въ 1748 году. «Сентиментальное путешествіе» Стерна появилось черезъ двадцать лѣтъ и онъ первый употребилъ прилагательное sentimental въ значеніи, утвердившемся впослѣдствіи за этимъ эпитетомъ. Онъ самъ говорилъ о своей книгѣ: «это путешествіе сердца къ природѣ и такимъ ощущеніямъ, которыя изъ нея проистекаютъ и побуждаютъ насъ лю-

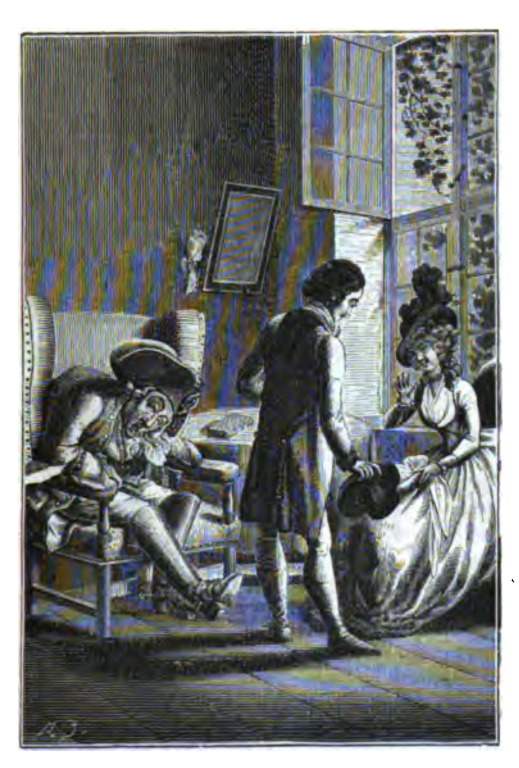


Wer Seyd ihr?

бить ближнихъ, и даже весь міръ, больше, чѣмъ мы его обыкновенно любимъ».

Эти слова англійскаго юмориста — лучшая характеристика писемъ русскаго автора. Они составлены явно въ подражаніе знаменитой книгѣ Стерна, но подражать ему Карамзинъ могъ только тамъ, гдѣ его подлинникъ былъ «оригинальнымъ живописцемъ чувствительности», по выраженію самого Карамзина. Но у него не было ни Стерновскаго, да и вообще никакого юмора. Онъ не понималъ смѣха, раздающагося «сквозь невидимы міру слезы». Законы вкуса не позволяли, по его мнѣнію, смѣшивать грустныхъ впечатлѣній съ веселыми. Отъ этого русское путешествіе оказалось далеко не-

похожимъ на англійское. Русскій сентиментализмъ, отдавая предпочтеніе чувству передъ всѣми остальными сторонами человѣческой природы, измѣряя достоинство человѣка только бо̀льшею или меньшею степенью его чувствительности, то-есть впечатлительности, рисовалъ въ украшенномъ видѣ прошлое, пренебрегалъ настоящимъ и искалъ идеала въ будущемъ. А идеаломъ этимъ было состояніе человѣчества, близкое къ природѣ, воспѣтое Жан-Жакомъ



Москвитянинъ.

Руссо, идилическое и пастушеское. Вотъ почему русскій человѣкъ конца прошлаго столѣтія, объѣхавъ Германію, Францію, Англію, Швейцарію—отдаетъ послѣдней странѣ преимущество передъ всѣми остальными, хотя и болѣе цивилизованными государствами. «Жители земли свободы и благополучія, щастливые Швейцары, должны всякой день, всякой часъ благодарить небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и служа одному Богу. Вся жизнь ихъ есть, конечно, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь, невозмущаемую тиранскими страстями».

Въ «Письмахъ» не мало подобныхъ мѣстъ, прекрасно рисующихъ и эпоху, когда они появились, и самого «чувствительнаго путешественника», какъ называетъ себя Карамзинъ, въ смыслѣ человѣка воспріимчиваго, впечатлительнаго. Поэтому-то новое изданіе «Писемъ» Карамзина, по которымъ воспитывалось не одно поколѣніе, было далеко не лишнимъ. Молодое поколѣніе не знало ихъ, старое — имѣло время позабыть. А напоминать о хорошемъ, хотя и

Я первый!

устарѣломъ, въ эпоху, когда новаго хорошаго такъ немного,—весьма не безполезно.

Новому изданію «Писемъ» предпослана рѣчь объ ихъ значеніи, произнесенная Ѳ. И. Буслаевымъ, на праздникѣ столѣтней годовщины дня рожденія Карамзина, въ 1866 году. Рѣчь эта носитъ на себѣ юбилейный характеръ, то-есть впадаетъ въ тонъ панегирика. Соглашаясь съ тѣмъ, что «старшія поколѣнія чувствовали на себѣ всю обаятельную свѣжесть непосредственнаго дѣйствія гармоніи мыслей и звуковъ, которою писатель плѣнялъ своихъ соотечественниковъ», и что «младшія поколѣнія учились мыслить и выра-

жать свои мысли по сочиненіямъ Карамзина»,—мы не можемъ не признать, что русская стилистика, хотя и основанная на этихъ сочиненіяхъ, ушла, даже въ слѣдующій, пушкинскій, періодъ литературы гораздо дальше этой «гармоніи мыслей и звуковъ». Но все, что почтенный академикъ говоритъ о внутреннемъ значеніи «Писемъ», совершенно вѣрно: они дѣйствительно лучшее произведеніе Карамзина, послѣ его «Исторіи», и больше другихъ его со-

Ты счастливъ, мой другъ?

чиненій оказали свое дѣйствіе на образованіе русской публики («оказываютъ его и теперь», прибавляетъ авторъ, но это уже преувеличеніе). Своими письмами онъ внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія о европейской цивилизаціи. Цивилизующая сила этихъ писемъ много зависѣла помимо дарованія и обширныхъ свѣдѣніи автора, отъ самой формы этого рода сочиненій. Эта литературная форма была самая общеупотребительная въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Она замѣняла и ученые трактаты, и философскія системы, и всякаго рода диссертаціи. Въ письмахъ популяризировались самыя отвлеченныя науч-

ныя изслѣдованія. Лучшіе романы являлись въ той же формѣ, гдѣ можно было рельефно выставить авторское *я*. И Карамзинъ въ своихъ письмахъ передавалъ малообразованнымъ читателямъ свѣдѣнія о наукѣ, искусствѣ, литературѣ, исторіи цивилизованныхъ народовъ. И соотечественники его «учились смотрѣть на образованіе его глазами, чувствовать его благороднымъ чувствомъ, мечтать его прекрасными мечтами».

Ахъ, государь мой! Я вижу кровь, я вижу кровь.

Г. Буслаевъ возсоздаетъ по «Письмамъ» нравственную характеристику писателя, приводитъ его сужденія о важнѣйшихъ вопросахъ науки, искусства, литературы и объ ихъ представителяхъ. Но не надо забывать, что сужденія эти произносилъ двадцатитрехлѣтній юноша, имѣвшій возможность на дальнѣйшемъ поприщѣ своей трудовой жизни еще болѣе развить, укрѣпить, а во многомъ и измѣнить свое міросозерцаніе. Если въ немъ осталось неизмѣннымъ до конца жизни уваженіе къ такимъ личностямъ, какъ Кантъ, Гердеръ, Виландъ, Лафатеръ, Боннетъ, если онъ поклонялся Руссо и Вольтеру, благоговѣлъ передъ Шекспиромъ, то съ теченіемъ

времени конечно пересталъ восхищаться такими писателями, какъ Аддисонъ, Вейсе, Гесснеръ, Тоблеръ, Бартелеми, Маттисенъ, Томсонъ, скучную поэму котораго онъ величаетъ «зеркаломъ натуры», и перемѣнилъ мнѣніе о Чоусерѣ, Рабеле, Эразмѣ Роттердамскомъ, о мистеріяхъ и народныхъ драмахъ, которыя онъ называетъ глупыми. Г. Буслаевъ останавливается далѣе на многихъ воззрѣніяхъ русскаго путешественника, «съ благоговѣйнымъ вниманіемъ» изслѣ-

Bonjour, messieurs!

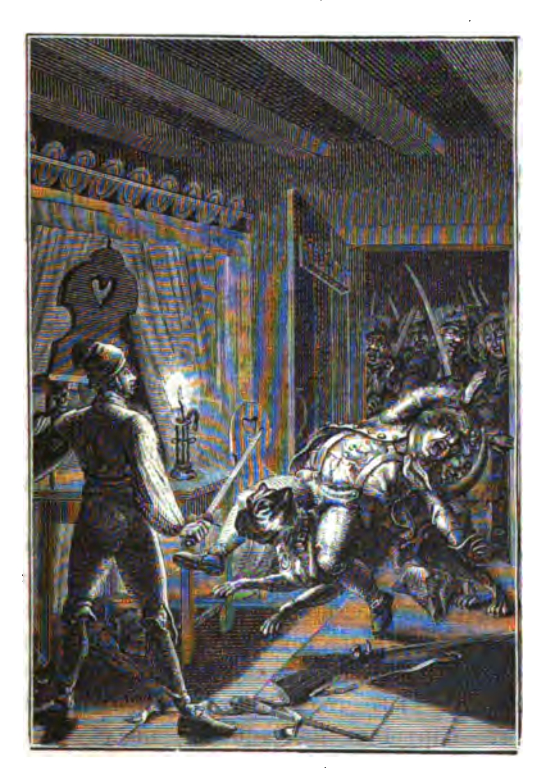
довавшаго мѣста, гдѣ жили Руссо и Вольтеръ. О послѣднемъ говорится, что «онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное суевѣріе». Самъ Карамзинъ называлъ католическіе монастыри «жилищемъ фанатизма, наполненнымъ страшилами, издѣвался (выраженіе г. Буслаева) надъ католическими реликвіями и надъ иконами Богородицы, изображающими портреты извѣстныхъ прелестницъ». По теоріи Карамзина, человѣкъ созданъ наслаждаться и быть счастливымъ; источникъ счастія—природа. Союзы семейный и общественный потому намъ дороги, что основаны на природѣ, самая смерть, какъ явленіе естественное—пре-

красна. Искусства дополняютъ природу своимъ дѣйствіемъ на счастіе человѣка. Всё прекрасное радуетъ, въ какой бы формѣ оно ни было; въ мірѣ нравственномъ прекрасна добродѣтель. Крупная черта, проходящая черезъ всѣ путевыя впечатлѣнія Карамзина — любовь къ родинѣ, заставляющая его предпочитать Россію всѣмъ странамъ... «Петра Великаго, говорилъ онъ, я почитаю какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля».

Вся ваша республика не стоитъ слезы ея.

То обстоятельство, что русскій путешественникъ, бывшій во Франціи въ самый разгаръ революціи, не сдѣлалъ объ ней ни одного сколько нибудь серьезнаго заключенія, г. Буслаевъ объясняетъ «организаціей нѣжной души» Карамзина, не терпѣвшаго ничего насильственнаго, рѣзкаго, болѣзненнаго. Онъ не могъ переносить равнодушно ни нищеты, ни физическаго страданія, готовъ былъ уничтожить тюрьмы и въ самой войнѣ, даже въ побѣдѣ, видѣлъ только жестокую необходимость. Поэтому онъ не могъ сочувствовать гибельнымъ для многихъ потрясеніямъ и находилъ только что «французское дворянство и духовенство кажутся худыми за-

щитниками трона», а въ Англіи видѣлъ не одну революцію, но «остервененіе въ сердцахъ и изступленіе умовъ» и восклицалъ: «кто полюбитъ англичанъ, читая ихъ исторію!» Но какой же народъ виноватъ въ томъ, что во всемірной исторіи дѣйствовало преступленіе и остервененіе отдѣльныхъ личностей? Мы не видимъ также основанія утвержденію г. Буслаева, что «молодой путешественникъ вывезъ еще изъ Россіи мечты о правахъ человѣчества, основан-



Помогите, помогите! бьютъ, рѣжутъ!

ныхъ на законахъ природы, а не на искусственныхъ условіяхъ, мечты о свободѣ мысли и совѣсти и о свободныхъ учрежденіяхъ». Въ «Письмахъ» гораздо больше размышленій о природѣ и чувствительности, чѣмъ объ этихъ «мечтаніяхъ». Вообще, было бы любопытно сопоставить сужденія объ этихъ и другихъ важныхъ предметахъ молодого путешественника и журналиста-историка зрѣлыхъ лѣтъ, но это не входитъ въ рамки нашей статьи.

Г. Буслаевъ не сравниваетъ писемъ Карамзина съ письмами Фонвизина, какъ это дѣлаютъ многіе критики, отдавая преимущество послѣднимъ. Г. Галаховъ справедливо замѣчаетъ, что нельзя и сравнивать положеній, въ какихъ находились оба путешественника. Фонвизину было во время его поѣздки 33 года, а Карам-

зинъ 33-хъ лѣтъ издавалъ уже «Вѣстникъ Европы», въ которомъ обзоръ внѣшнихъ событій и сужденія о внутреннихъ дѣлахъ, не уступая серьезностью «Письмамъ о Франціи», берутъ надъ ними верхъ правдивостью. Фонвизинъ писалъ къ своему начальнику П. И. Панину и долженъ былъ поддѣлываться подъ понятія вельможи, нерасположеннаго къ французамъ. Всѣхъ энциклопедистовъ Фонвизинъ называетъ «по меньшей мѣрѣ корыстолюбивыми, безнравственными шарлатанами» и преднамѣренно скопляетъ густыя тѣни на картинѣ тогдашней Франціи: «письма его грѣшатъ непомѣрной односторонностью и пристрастіемъ». Карамзинъ писалъ къ короткимъ друзьямъ, Плещеевымъ; это письма интимныя, откровенныя, безъ всякой предвзятой мысли; въ нихъ онъ самъ называетъ источники, изъ которыхъ черпалъ нѣкоторыя свои сужденія и описанія, какъ, напримѣръ, мысли о вѣротерпимости (изъ Вольтера), типы Лондона и парламента (изъ Морица), Швейцаріи (изъ Кокса и Рамона) и др. Если онъ не писалъ Плещеевымъ о важныхъ предметахъ, это не значитъ, чтобы онъ вовсе ихъ игнорировалъ. Сохранилась дѣятельная переписка Карамзина съ братомъ, касающаяся самыхъ маловажныхъ предметовъ—развѣ это доказываетъ, что писатель въ эти годы не думалъ ни о чемъ серьезномъ? Выдающійся пунктъ карамзинскихъ писемъ—умственные интересы; въ нихъ, какъ и онъ самъ сознавался, много неважнаго и мелочей, но они выставляютъ преимущества цивилизованной жизни, «мудрой связи общественности».

«Письма» были переведены на французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій и польскій языки. Изъ нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго на глазахъ автора въ 1799—1802 г., въ новое изданіе, которому мы посвящаемъ настоящую замѣтку, перенесены портретъ Карамзина и восемь гравюръ; изъ перваго отдѣльнаго московскаго изданія 1797 года — заглавный листъ съ виньеткой. Мы заимствуемъ портретъ и гравюры; послѣднія особенно замѣчательны по выбору предметовъ и указываютъ на то, что интересовало въ то время читателя. Это — не портреты замѣчательныхъ лицъ, съ которыми встрѣчался путешественникъ, не виды живописныхъ мѣстностей и общественныхъ зданій, но бытовыя сцены, отличающіяся господствующимъ направленіемъ «писемъ»—сентиментализмомъ, или комизмомъ. Гравюръ перваго рода четыре и столько же второго. Нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно характерны, какъ, напр., типъ «москвитянина», прусскаго часового, женевскаго республиканца и др. Вообще новое изданіе по компактности и дешевизнѣ заслуживаетъ полнаго вниманія. Остается только желать, чтобы публика наша, жалующаяся на то, что въ настоящее время—нечего читать, вспомнила о томъ, что въ прошедшемъ нашей литературы есть много произведеній, съ которыми не мѣшаетъ познакомиться и современному обществу.

Вл. З.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ И ЧЕРТЫ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

(1719—1777).

Время отъ времени, хотя и рѣдко, у насъ появляются изданія, не только относящіяся исключительно къ какому нибудь особому предмету, но и къ одной какой-либо мѣстности. Не смотря однако на такую ограниченность, они имѣютъ иногда и общее значеніе. Это послѣднее замѣчаніе относится преимущественно къ издаваемымъ стариннымъ актамъ. Хотя жизнь каждаго народа и представляетъ много разнообразія и пестроты, но если свести одиночныя мѣстныя явленія въ общій итогъ, то въ большей части случаевъ окажется сходство во всѣхъ проявленіяхъ общественнаго развитія одной и той же единоплеменной и единовѣрной страны. Сходство это сильнѣе всего обусловливается законодательствомъ, которое стремится къ тому, чтобы установить единство въ отправленіяхъ судебной и исполнительной власти на всемъ пространствѣ государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ нравы, обычаи и привычки народа производятъ здѣсь всегда болѣе или менѣе замѣтныя уклоненія, которыя, однако, получаютъ въ свою очередь однообразный оттѣнокъ. По этому ознакомленіе съ общественною средою въ одной какой либо мѣстности въ Россіи, особенно за прежнее время, всегда даетъ, если и не вполнѣ точныя, то все же приблизительныя понятія о томъ, что̀ дѣлалось въ другой мѣстности, такъ какъ народная жизнь и понятія и тамъ и здѣсь слагались и развивались подъ одинаковыми условіями государственнаго быта.

На такія общія мысли наводитъ напечатанная недавно въ Псковѣ книжка г. И. И. Васильева подъ заглавіемъ: «Дѣла псковской провинціальной канцеляріи». Повидимому, чтó любопытнаго могутъ представить «дѣла провинціальной канцеляріи», и при томъ дѣла, давно сданныя въ архивъ, и давность которыхъ достигаетъ почти полтора столѣтія вообще, и даже въ иныхъ случаяхъ заходитъ и свыше столѣтія? Между тѣмъ оказывается, что эти ветхія бумаги имѣютъ важность не только для знакомства съ давнишними нашими судебными порядками, но и заключаютъ въ себѣ не мало любопытныхъ указаній на складъ старинныхъ нашихъ политическихъ понятій, хотя, разумѣется, и не по дѣламъ внѣшнимъ, но по дѣламъ внутренней государственной управы. При изслѣдованіи отжившихъ понятій и взглядовъ было бы крайне недостаточно и даже ошибочно руководствоваться только важными государственными событіями. Напротивъ, въ этомъ случаѣ очень часто должны имѣть преимущество дѣла, не представляющія, повидимому, никакой важности, дѣла, кажущіяся съ перваго раза мелочными, ничтожными, но содержащія въ себѣ такія черты, которыя всего рѣзче и нагляднѣе обрисовываютъ духъ и понятія извѣстнаго времени. Съ своей стороны г. Васильевъ издалъ книжку повидимому не только скромнаго, но и скучнаго для большинства читателей содержанія. Онъ изложилъ въ краткихъ очеркахъ суть дѣлъ псковской провинціальной канцеляріи за время ея существованія съ 1719 по 1777 года.

Когда, въ 1708 году, по указу Петра I, послѣдовало распоряженіе о новомъ дѣленіи государства на восемь губерній, то къ каждому изъ городовъ, назначенныхъ быть губернскими городами, были приписаны второстепенные города съ ихъ уѣздами. Въ губернскихъ городахъ управленіе было поручено губернаторамъ, а въ уѣздныхъ городахъ — воеводамъ и коммисарамъ, смотря по важности города. Въ 1719 г., вмѣсто прежнихъ восьми губерній было образовано двѣнадцать, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распредѣленіе уѣздныхъ городовъ на провинціальные и уѣздные, при чемъ первое названіе получили города болѣе значительные и къ числу ихъ былъ отнесенъ Псковъ, причисленный съ 1710 года къ С.-Петербургской губерніи, а позднѣе, въ 1727 году, онъ былъ приписанъ къ губерніи Новгородской. Въ составъ Псковской губерніи входили города: Псковъ, Гдовъ, Изборскъ, Опочка, Островъ, Ржевъ, Пустая и Заволочье и поэтому дѣла псковской провинціальной канцеляріи относятся къ значительному пространству исконной, коренной Руси. Главными судьями въ провинціяхъ были воеводы, которые, однако, съ отмѣной прежняго единоличнаго судебнаго производства, должны были рѣшать дѣла коллегіально и провинціальная судебная коллегія состояла подъ предсѣдательствомъ воеводы, изъ двухъ ассессоровъ, которые назначались изъ отставныхъ офи-

церовъ. Впослѣдствіи эта коллегія съ присоединеніемъ къ ней прокурора, секретарей, протоколистовъ, регистраторовъ, канцеляристовъ, подканцеляристовъ, копiистовъ и палача получила общее названіе «провинціальной канцеляріи».

Съ дѣлами одной изъ такихъ канцелярій насъ и знакомитъ г. Васильевъ, и мы, пользуясь этимъ необработаннымъ источникомъ, остановимся на указаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣютъ преимущественно значеніе въ нашей народной жизни, слагавшейся подъ вліяніемъ со стороны властей: законодательной и распорядительной. По этимъ даннымъ прежде всего можно судить о развитіи политической зрѣлости и нравственной жизни русскаго народа, такъ какъ несомнѣнно, что то, что̀ происходило въ Псковской провинціи, происходило и въ другихъ русскихъ провинціяхъ, за весьма лишь незначительными уклоненіями. При этомъ особенную важность должны, разумѣется, представлять дѣла съ надписью «секретное», большая часть которыхъ относится — по словамъ указа императора Петра III—къ «ненавистному израженію слово и дѣло». Нельзя не замѣтить, что въ настоящее время этого рода секреты не имѣютъ не только прежней, большой, но, можно сказать, даже никакой заманчивости. Теперь, благодаря печати, извѣстны уже самыя секретныя дѣла, производившіяся нѣкогда въ тайной канцеляріи; но, не смотря на это, еще весьма мало извѣстны такого же рода дѣла, производившіяся въ другихъ учрежденіяхъ, имѣвшихъ только общее значеніе въ мѣстномъ управленіи, но тѣмъ не менѣе занимавшихся и такими «секретными» дѣлами, большей части которыхъ придавали политическій, противоправительственный смыслъ. Такого рода дѣлъ было, какъ видно изъ книги г. Васильева, не мало и въ псковской провинціальной канцеляріи. Въ сущности они ничтожны, и въ настоящую пору большей ихъ части странно было бы придавать хотя бы малѣйшую важность, но въ прежнюю пору они представлялись ужасающими преступленіями, и обвиняемые по нимъ не только подвергались жестокимъ пыткамъ и мучительнымъ наказаніямъ, но и смертной казни. Теперь дѣла этого рода должны были бы утратить придаваемую имъ въ ту пору важность и по самымъ способамъ ихъ возникновенія, такъ какъ они возникали главнымъ образомъ только изъ злобы, ненависти, зависти, клеветы и оговора.

До восшествія на престолъ Петра III, при всѣхъ не только губернскихъ, но и при всѣхъ провинціальныхъ канцеляріяхъ существовали страшные пыточные застѣнки, устроенные по образцу московскихъ, и по всей Россіи раздавался неумолчно старо-московскій грозный кликъ: «государево слово и дѣло».

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что объявленіе кѣмъ нибудь «слова и дѣла» подлежало со стороны провинціальныхъ канцелярій только первоначальному, поверхностному розыску, то есть кан-

целяріи эти должны были только дознать, существуетъ ли дѣйствительно за кѣмъ нибудь «слово и дѣло», и оговориваемыхъ въ томъ препроводить въ тайную канцелярію, но и при упомянутыхъ дознаніяхъ употреблялись орудія тогдашней пытки. Кнутъ, плети, дыбы и прочіе пыточные снаряды были въ употребленіи, и при томъ самымъ обычномъ, и въ застѣнкахъ провинціальныхъ канцелярій.

Такъ какъ, по разнымъ причинамъ, значительная часть дѣлъ бывшей псковской провинціальной канцеляріи къ настоящему времени утратилась, то г. Васильевъ могъ разсмотрѣть въ общей сложности только 277 дѣлъ, и изъ нихъ ровно 100 дѣлъ относятся къ объявленію «государева слова и дѣла», при чемъ надобно исключить дѣла за послѣднія шестнадцать лѣтъ, когда это «ненавистное изъраженіе» было запрещено и когда кричавшихъ его, безъ всякихъ допросовъ и розысковъ, принялись бить кнутомъ. Московская привычка была, однако, очень укоренившись въ народѣ. Когда «слово и дѣло» потеряло уже прежнюю страшную силу, то ябедники и доносчики, боясь кнута, не употребляли уже этого клича, но принялись заявлять, что имъ извѣстенъ «секретъ». Однако, распоряженіе благодушнаго государя возымѣло свою силу и теперь людей, объявлявшихъ «секретъ», принялись въ псковской провинціальной канцеляріи, а вѣроятно и въ другихъ такихъ же канцеляріяхъ, жарить плетьми, наставляя при этомъ очень разсудительно: «коли знаешь секретъ, то и содержи его въ тайнѣ». Само собою разумѣется, что такая мѣра должна была произвести въ понятіи народа благотворный нравственной переворотъ, показавъ ему, что правительственная власть не гонится за тайными доносами, а хочетъ вести дѣла на чистоту.

Изъ поступившихъ прежде въ псковскую провинціальную канцелярію ста упомянутыхъ дѣлъ, двадцать девять дѣлъ было передано для дальнѣйшаго производства въ тайную канцелярію, и это указываетъ на то, что болѣе четвертой части упомянутыхъ дѣлъ имѣли, по тогдашнимъ понятіямъ о политическихъ преступленіяхъ, существенную важность. Замѣчательно также, что не смотря на продолжительную у насъ въ старину волокиту всякихъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, дѣла, имѣвшія политическій характеръ, производились, какъ надобно заключить изъ дѣлопроизводства псковской провинціальной канцеляріи, съ особенною быстротою. За поступившія такого рода дѣла принимались обыкновенно въ тотъ же день, и если дѣло могло кончиться въ провинціальной канцеляріи, то по приговору ея на третій день исполнялось наказаніе кнутомъ или плетьми, а на четвертый день наказанный былъ уже отправленъ въ мѣсто назначенія. Съ такою же быстротою были отправляемы колодники и въ Петербургъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Иногда тайная канцелярія въ

свою очередь отправляла въ псковскую провинціальную канцелярію указъ по поводу поступившаго въ первую доноса, непосредственно для розыска на мѣстѣ. Охотниковъ доносить въ ту пору было очень много, не смотря на то, что самихъ доносчиковъ приводили къ пыткѣ, и что въ случаѣ бездоказательности доноса явными уликами или свидѣтельскими показаніями, съ доносчикомъ, по «Уложенію» царя Алексѣя Михайловича, поступали такъ, какъ слѣдовало бы поступить съ оговореннымъ, если бы подтвердился сдѣланный на него доносъ.

При старинныхъ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ личная работа человѣка считалась ни во что; такъ, напримѣръ, изъ псковской провинціальной канцеляріи, т. е. изъ Пскова, отправляли пѣшкомъ разсыльнаго съ однимъ только пакетомъ въ Петербургъ въ тайную канцелярію, при чемъ на ходьбу въ одинъ лишь конецъ требовалось одиннадцать дней.

Кромѣ прежнихъ старинныхъ жестокихъ наказаній кнутомъ, плетьми и батогами, съ начала XVIII столѣтія появились у насъ еще и новыя: прогнаніе сквозь строй или битіе шпицъ-рутенами кошками и еще какимъ-то особымъ ударнымъ снарядомъ, называвшимся «топтунками» и «лазунами», вѣроятно лозами, розгами. Наказанія были такъ жестоки, что истязуемый, дабы хоть на время прекратить испытываемыя имъ мученія, кричалъ: «слово и дѣло». Тогда истязанія прекращались, но за то впослѣдствіи виновный долженъ былъ вынести снова еще болѣе жестокія муки. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ случаевъ такого рода мы встрѣтили въ книжкѣ г. Васильева слѣдующій: въ полиціймейстерской канцеляріи наказывали «кошками» четырнадцатилѣтняго крестьянскаго мальчика за побѣгъ отъ его владѣльца, и онъ, «не стерпя боя», сказалъ «слово и дѣло». Научила его этому сердобольная его матв. Она и была привлечена къ отвѣтственности за подущеніе, и провинціальная канцелярія постановила по этому дѣлу такое рѣшеніе: «солдатскую жену Мареу за наученіе ею сына свего Степана къ показанію имъ ложно за собою «государева слова и дѣла», котораго какъ она сама, такъ и сынъ ея не знаютъ и за ними не сыскалось, а приличая она желала его, Степана, тѣмъ отъ бѣды освободить, а сыну ея Степану за то, что онъ такія немаловажныя рѣчи отъ матери своей принявъ и оныя при битьѣ въ полиціи въ дѣйство употребилъ, въ страхъ какъ имъ, такъ и прочимъ, наказать публично: Мареу бить кнутомъ—дать пятнадцать ударовъ, а Степана за малолѣтствомъ, который впредь въ надеждѣ къ службѣ, вмѣсто плетей бить батожьемъ нещадно».

Производство дѣлъ по объявленію «слова и дѣла» возникало въ провинціальной канцеляріи по обстоятельствамъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Такъ, противъ бывшаго псковскаго воеводы Пущина возникло дѣло: вопервыхъ, по доносу, что онъ не отослалъ изъ

провинціальной канцеляріи въ сенатъ какъ подписанныхъ, такъ и неподписанныхъ присяжныхъ листовъ на вѣрность объявленному наслѣдникомъ престола великому князю Петру Ѳедоровичу и сдѣлалъ это «неизвѣстно почему», и, вовторыхъ, что онъ, Пущинъ, подписывался «воеводою Псковскаго Государства». Другое дѣло возникло изъ того, что пьяный попъ Марковъ заявилъ, что архимандритъ Іосифъ «всемилостивѣйшую государыню бранилъ» и что такую брань слышалъ діаконъ Зборомірскій, когда онъ еще учился въ псковской семинаріи у означеннаго архимандрита. Попа и діакона отправили скованныхъ въ тайную канцелярію, а архимандрита взяли подъ караулъ. Тайная канцелярія нашла, что доносъ не подтвердился свидѣтельскими показаніями, а потому попъ Марковъ за «учиненный имъ церковный мятежъ», по снятіи священства, наказанъ плетьми, но такъ какъ разстрига и послѣ этого не унимался и настаивалъ на справедливости своего доноса, то его наказали кнутомъ и сослали въ Оренбургъ.

Кромѣ того, что секретныя дѣла возникали по объявленію «слова и дѣла», такого же рода дѣла начинались еще очень часто и изъ-за названія кого-либо «измѣнникомъ». Слово это имѣло въ ту пору весьма широкое значеніе. Такъ, однажды по поводу ссоры двухъ копіистовъ, въ которой было употреблено слово «измѣнникъ», провинціальная канцелярія постановила такое рѣшеніе: «Сникореву и Шаблакову учинить наказаніе—бить плетьми, Сникорева за то, что онъ назвалъ Шаблакова измѣнникомъ, хотя измѣны за нимъ никакой не оказалось, а послѣдняго за то, что онъ тѣ слова доносилъ и бранилъ Сникорева, тогда какъ ему слѣдовало бы съ простымъ челобитьемъ обратиться въ судъ». Наказаніе было приведено въ исполненіе, послѣ чего съ нихъ взята была подписка въ томъ, что они впередъ въ канцеляріи никакихъ продерзостныхъ словъ говорить не будутъ, а равно и объявлять кому-либо, за что они были наказаны, подъ страхомъ жестокаго истязанія, тоже не будутъ». Вообще же битье кнутомъ за «продерзостныя», «затѣйныя», «непристойныя», «неподобныя», «неистовыя» и «непригожія» рѣчи было въ ту пору самой обычной судебной расправой.

Такую расправу учиняли не только гражданскія, но и духовныя власти, и при томъ послѣднія въ лицѣ высокопоставленныхъ іерарховъ. Такъ, въ книгѣ г. Васильева встрѣчается, между прочимъ, дѣло, въ которомъ упоминается о подобной расправѣ, произведенной «Великимъ Господиномъ преосвященнѣйшимъ Варлаамомъ, архіепископомъ Псковскимъ и Нарвскимъ». Этотъ крутой владыка приказалъ приведеннаго къ нему, сбѣжавшаго отъ него пѣвчаго, Барана, за продерзость и нехожденіе въ церковь наказать плетьми. Во время его наказанія—излагается въ дѣлѣ—Прокоѳей (Баранъ) неоднократно говорилъ такія рѣчи: «ой, больно, скажу за собою слово», а какое не выговаривалъ и ничего не сказалъ. А при томъ

наказаніи присутствовалъ самъ его преосвященство. По поводу этого возникло особое дѣло о томъ, «въ какой силѣ Баранъ произносилъ «слово»». Баранъ объяснилъ, что онъ хотѣлъ обѣщать дать архіерею подписку, что онъ не будетъ никуда отлучаться изъ архіерейскаго дома, а болѣе никакого слова за собою не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе консисторія опредѣлила препроводить Барана въ провинціальную канцелярію. Тамъ его растянули «въ кольцы» ремнями и били плетьми, но онъ настаивалъ, что никакого «государева слова» сказать не хотѣлъ. Дѣло это началось въ 1735 году, а окончилось только 1741 году. «При быстротѣ рѣшенія подобныхъ дѣлъ— замѣчаетъ г. Васильевъ — медленность въ настоящемъ случаѣ можно объяснить только тѣмъ, что при невозможности признать Барана виновнымъ, его все-таки держали въ продолженіе пяти лѣтъ въ тюрьмѣ, боясь выпускомъ его на свободу оскорбить архіерея, и несчастный пѣвчій былъ избавленъ отъ наказанія только въ силу манифеста, изданнаго при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, такъ что въ концѣ концевъ онъ оказался только прощеннымъ, но не оправданнымъ».

Далѣе мы видимъ, что, напримѣръ, по ссорѣ крестьянина Остафьева съ попомъ Потапомъ, первый по доносу послѣдняго, былъ привлеченъ къ отвѣту за выраженіе, что онъ Остафьевъ «купилъ Христа» и назвалъ «бѣсомъ» попа Потапа, который, служа обѣдню, во время пѣнія херувимской, упалъ пьяный на престолъ и разшибъ себѣ носъ до крови. Провинціальная канцелярія нашла это дѣло столь важнымъ, что, не рѣшая его сама, отправила Остафьева, который былъ слѣпъ, и Потапа, закованными въ желѣза, въ тайную канцелярію. Дальнѣйшая ихъ участь неизвѣстна.

Точно также распорядилась въ 1736 году провинціальная канцелярія и по доносу игуменьи Надежды на бобыля Ѳедора Игнатьева, который въ церкви, при чтеніи высочайшаго манифеста о взиманіи одной лошади съ 233 душъ, сказалъ: государынина-де не правда, что напечатано засчитать въ подушный окладъ всякую лошадь за 12 рублевъ, а купится и больше 12-ти рублей. Провинціальная канцелярія не входила въ разсмотрѣніе вопроса: правиленъ или неправиленъ былъ разсчетъ Игнатьева, но только отправила его въ Петербургъ на расправу къ своей старшей сестрицѣ.

Не лишено интереса и относящееся къ 1738 году дѣло о дьяконѣ Иванѣ Васильевѣ, назвавшемъ себя «царемъ». Прося у монастырскаго казначея пива, онъ, ни съ того, ни съ сего, сказалъ: «я-де самъ царь!» и отозвался запамятованіемъ, такъ какъ былъ въ то время пьянъ. Вслѣдствіе чего и обвиняемый, и доносчикъ, и присутствовавшій при этомъ свидѣтель, были отправлены въ тайную канцелярію, откуда потомъ игуменъ и свидѣтель возвратились въ Псковъ, а что сталось съ дьякономъ — неизвѣстно. Не мало обвиняемыхъ, отправленныхъ въ Петербургъ изъ псковской канцеляріи

въ тайную и по разнымъ другимъ дѣлахъ, пропадало безслѣдно. Это случилось и съ крестьянкой Домной Ларіоновой, «которая будто въ нѣкоторое время имѣла поношеніе въ словахъ своихъ о ея императорскомъ величествѣ при нѣкоторыхъ свидѣтеляхъ». Возбуждались нерѣдко въ провинціальной канцеляріи дѣла о «воровскихъ пачпортахъ» и о неправильномъ написаніи императорскаго титула, за что писавшаго били кнутомъ, а рукоприкладчика — батогами. Изъ послѣдняго рода дѣлъ заслуживаетъ вниманія дѣло, относящееся къ 1739 году. Изъ дѣла этого видно, что новгородская провинціальная канцелярія прислала въ таковую же псковскую канцелярію три указа, въ которыхъ были усмотрѣны слѣдующія погрѣшности. Въ одномъ изъ этихъ указовъ было написано: «учинить о томъ по сему ея императорскаго величества», а слѣдовало написать: «учинить о томъ по ея императорскаго величества указу»; въ другомъ: «отписать на ея и*м*ператорское величество» — вмѣсто императорское, и въ третьемъ: «указъ императорскаго величества», съ пропускомъ слова «ея». По поводу этихъ описокъ началось строжайшее слѣдствіе, неизвѣстно, впрочемъ, чѣмъ кончившееся. Частныя лица, враждуя между собою, чтобъ повредить своимъ противникамъ, тоже нерѣдко прибѣгали къ доносамъ о опискахъ въ императорскомъ титулѣ, при чемъ отыскивали такія описки, сдѣланныя лѣтъ десять тому назадъ и даже болѣе. Въ 1738 году какой-то лейбъ-гвардіи прапорщикъ Нормацкій подалъ доносъ на купца Горшанова, что онъ, Горшановъ, въ одномъ изъ своихъ прошеній по дѣлу съ нимъ, Нормацкимъ, написалъ, противъ печатной формы не такъ какъ слѣдуетъ, а именно: на одной строкѣ «импера», а на другую перенесъ — «трица». Дѣло это было отправлено въ тайную канцелярію, которая разрѣшила его очень разумно. Она признала, что переноска учинена токмо отъ неосторожности и неумѣнья, и что Нормацкій сдѣлалъ доносъ только по злобѣ. «А понеже ему—объясняла канцелярія — такъ дерзновенно дознавать собою, писать и вчинать не подлежало, то онъ подлежитъ штрафу». Дѣло это однако было покончено за силою манифеста отъ 28-го октября 1740 года.

Очень многихъ били кнутомъ и въ царствованіе Елизаветы Петровны за какое-нибудь пустое выраженіе. Такъ, одинъ крестьянинъ былъ наказанъ тридцатью ударами кнута за то, что царскій титулъ царя Алексѣя Михайловича, прописанный въ крѣпостныхъ книгахъ, «поставлялъ паче табачнаго фырчка». Другой крестьянинъ поплатился семьюдесятью ударами кнута за то, что непочтительно отозвался о квитанціи, на которой былъ прописанъ царскій титулъ; двое присутствовавшихъ при этомъ и промедлившіе доносомъ были наказаны плетьми нещадно. Третій крестьянинъ подвергся такому же наказанію за то, что когда ему сказали, что указъ подписанъ Екатериною Алексѣевною, замѣтилъ: «у насъ-де много и своихъ такихъ Катеринъ».

Къ дѣламъ политическаго свойства относилось и распространеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тревожныхъ и при томъ такихъ слуховъ, которые не признавались ложными со стороны правительства, но дѣла такого рода старались замять, не давая имъ хода. Такъ, когда по поводу происшедшаго 28-го іюня 1762 года государственнаго переворота, какой-то прапорщикъ Лазаревъ разсказывалъ, что при приводѣ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ полки преображенскій и лейбъ-кирасирскій не желали быть въ подданствѣ императрицы, то дѣло объ этомъ было начато въ псковской провинціальной канцеляріи, но государыня приказала, чтобъ оно вовсе не разглашалось, ибо въ самомъ дѣлѣ такого противнаго поступка не происходило и всѣ вѣрноподданные поступили по обязанной торжественной присягѣ.

Кромѣ указанныхъ выше дѣлъ, обсужденію провинціальной канцеляріи подлежали разнаго рода уголовныя дѣла большей важности по кражамъ, по убійствамъ, по растратамъ казенныхъ денегъ. Такія дѣла канцелярія вытребовывала къ себѣ изъ полиціи или магистрата и рѣшала ихъ сама окончательно. Что же касается лицъ духовнаго званія, то большую часть начинавшихся о нихъ дѣлъ канцелярія препровождала въ консисторію, но нѣкоторыя изъ нихъ рѣшала сама. Не смотря, однако, на это, въ сборникѣ г. Васильева поражаетъ множество лицъ духовнаго званія, являвшихся не только свидѣтелями, но и обвиняемыми и доносчиками, такъ что, судя по всему этому, нельзя не сказать, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія нравственный уровень нашего духовенства былъ очень низокъ: Большая часть уголовныхъ дѣлъ, какъ видно изъ сборника, не обходилась безъ прикосновенности къ нимъ монаха, попа, дьякона или причетника.

Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ сдѣланный въ 1761 г. доносъ въ псковскую провинціальную канцелярію на псковскую консисторію, въ которомъ крестьянинъ Өедоровъ, между прочимъ, писалъ: «священно-церковныя служители, забывъ страхъ божій и будущій судъ Господень и присягу свою, входятъ въ церковь Господню съ гордостію и честнаго крестнаго знаменія, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, истово на себя не полагаютъ, но махаютъ по носу своему семо и овамо, аки отъ комаровъ защищаясь». При этомъ Өедоровъ добавлялъ, что такое неистовство священно-служителей дѣйствуетъ зловредно и что такому «маханію, по писанію, не ангели, но токмо бѣси радуются». Далѣе онъ добавлялъ, что въ церквахъ не кадятъ, толкованія Евангелія и поученія не читаютъ. Доносъ Өедорова въ особенности напиралъ на слѣдующее: «священно-служители, которые готовятся пребожественную литургію отправлять и, предъ тѣмъ прежде набивъ роги и табакерки богомерзкимъ пьянымъ и вонючимъ табакомъ, полагаютъ въ карманахъ своихъ, съ которымъ и пребожественную литургію служатъ и свя-

тыхъ Христовыхъ таинъ пріобщаются, а во время церковнаго служенія иные и церковно-служители, будучи во святой церкви, и ходя другъ къ другу означеннымъ пьянымъ зельемъ и вонючимъ табакомъ не точію въ церкви господней, но и въ пребожественномъ алтарѣ угощаются, на что взирая и простой народъ, тожь-де творитъ и тѣмъ сугубо и божественную церковь ругательно оскверняютъ и безчестятъ».

Подобныхъ бытовыхъ замѣчаній, относящихся къ представителямъ разныхъ сословій и званій, можно было бы привесть не мало изъ сборника г. Васильева.

К. Н. В.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА.

Революціонный соціализмъ за послѣднія двадцать лѣтъ раскинулся по Европѣ въ такихъ разнокалиберныхъ формахъ, въ видѣ соціалистическихъ группъ и партій, крупныхъ и мелкихъ, разноцвѣтныхъ и совсѣмъ безцвѣтныхъ, что опредѣлить степень ихъ родства между собой и значеніе каждой изъ нихъ въ взаимодѣйствіи съ остальными представляется весьма затруднительнымъ даже для патентованныхъ политиковъ. Такой пробѣлъ въ исторіи современнаго общества можетъ быть отчасти пополненъ недавно напечатаннымъ въ Парижѣ изслѣдованіемъ Поля Страусса «Les parties socialistes». Авторъ дѣлаетъ обзоръ соціалистическихъ элементовъ, уже сложившихся въ партіи съ особыми титулами. Какъ возникали эти партіи, какъ зачалась и расширялась партія анархизма — эти вопросы Страуссъ изучилъ документально и разрѣшаетъ весьма удачно. Изложеніе здѣсь чуждо полемическаго характера и авторъ съ безпристрастіемъ психолога разбираетъ данное явленіе. Но прежде чѣмъ воспользоваться любопытнымъ матеріаломъ изъ его критическаго обзора, намъ бы хотѣлось обратить вниманіе на нѣкоторый пробѣлъ въ изслѣдованіяхъ литературной исторіи новѣйшаго соціализма.

Обыкновенно зародышъ идей этого новѣйшаго соціализма указывается въ сочиненіяхъ, явившихся не раньше середины XVIII-го вѣка, главнымъ образомъ въ «Code de la nature» аббата Морелли. Между тѣмъ одно сочиненіе, гдѣ ясно и опредѣленно формулированы требованія соціалистовъ съ рѣзко коммунистической точки зрѣнія, старше «Code de la nature» на нѣсколько десятилѣтій. Объ

этомъ сочиненіи не упоминается въ изслѣдованіяхъ литературной исторіи соціализма, хотя оно не могло не вліять на соціалистовъ конца XVIII-го вѣка. Самая книга называется «Le testament»; имя автора ея—Жанъ Мелье (Meslier). Это «завѣщаніе» любопытно въ данномъ случаѣ особенно потому, что, не смотря на свою стародавность, оно очень близко подходитъ къ доктринамъ новѣйшаго соціализма. По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ анализируетъ эту книгу Георгъ Адлеръ въ этюдѣ «Ein vergessener Vorläufer des modernen Socialismus». («Забытый предтеча новѣйшаго соціализма»).

I.

Забытый проповѣдникъ новѣйшаго соціализма.

Біографію Жана Мелье можно разсказать въ немногихъ словахъ. Мелье родился въ 1664 году, въ деревнѣ Мазерни (въ департаментѣ Арденъ). Онъ былъ сынъ ремесленника. Мѣстный священникъ, заинтересовавшись ребенкомъ, подготовилъ его въ семинарію въ Шалонѣ на Марнѣ. Оттуда Жанъ вышелъ въ 1688 г., а въ 1692 г. получилъ приходъ въ Эстрепи и Бютѣ (въ Шампаньи). Мелье исполнялъ свои священническія обязанности съ рѣдкой пунктуальностью, усердно и заботливо принималъ участіе въ бѣдныхъ и нуждающихся, раздавалъ имъ почти всѣ свои доходы. Мелье умеръ въ 1733 г. Наслѣдство, оставленное имъ, было такое: 1) «Le testament» [1]), 2) нѣсколько проповѣдей и 3) переводъ «Пѣсни пѣсней». Съ «Завѣщанія» вскорѣ было сдѣлано нѣсколько копій. Вольтеръ упоминаетъ о ста копіяхъ слишкомъ, ходившихъ по рукамъ въ одномъ только Парижѣ. Фернейскій философъ между прочимъ, въ 1762 г., напечаталъ оттуда же извлеченіе. Изданіе это имѣло огромный успѣхъ и разошлось быстро. Это же извлеченіе выдержало еще нѣсколько изданій, но въ полномъ видѣ, въ трехъ томахъ, «Завѣщаніе» было напечатано впервые въ 1864 г. въ Амстердамѣ съ подобающимъ предисловіемъ одного голландскаго «libre penseur'a».

Рядомъ съ философскими и религіозно-критическими сужденіями, которыя и мѣшали, вѣроятно, изслѣдователямъ литератур-

---

[1]) Полное заглавіе этого «завѣщанія» буквально слѣдующее: «Mémoires des pensées et des sentimens de J. M.., pretre, curé d'Estrepy et de But, sur une partie des abus et des erreurs de la conduite et du gouvernement des hommes, où l'on voit des demonstrations claires et évidentes de la vantié et de la fausseté de toutes les divinités et de toutes les réligions du monde, pour étre adressés à ses paroissiens aprés sa mort et pour leur servir de témoignage de vérité a eux et à tous leurs semblables».

ной исторіи новѣйшаго соціализма включить въ свои обзоры сочиненіе Мелье, въ этомъ «Завѣщаніи» анализированы чисто соціалистическія доктрины. Вотъ, напримѣръ, священникъ XVIII-го вѣка берется критиковать право собственности. Это право называется имъ кратко—«abus». Тѣмъ же эпитетомъ величалъ собственность и Прудонъ. По Мелье, ближайшее послѣдствіе собственности таково, что каждый старается столько пріобрѣсти, сколько въ силахъ, не безпокоясь о способахъ пріобрѣтенія. Кто сильнѣе, талантливѣе, изворотливѣе и безсовѣстнѣе, тотъ и побогаче дѣлается. Коммунисты и такъ называемые «каѳедральные соціалисты» не шли дальше Мелье въ сужденіяхъ о собственности пріобрѣтаемой путемъ свободной конкурренціи. Въ доказательство авторъ ссылается на Адольфа Вагнера, повторяющаго тоже самое въ «Grundlegung der allgemeinen oder theoretischen Volkswirthschaftslehre».

Изъ той же борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, по словамъ Жана Мелье, и выходитъ, что одни имѣютъ больше, а другіе меньше, зачастую даже одни имѣютъ все, а другіе—ничего, одни хорошо ѣдятъ, хорошо живутъ, хорошо одѣваются, словомъ пользуются всѣми благами жизни, тогда какъ другіе плохо ѣдятъ, въ плохой обстановкѣ живутъ, дурно одѣваются, зачастую даже изводятся голодомъ, коченѣютъ отъ стужи. Отсюда и бываетъ, что одни блаженствуютъ въ счастьѣ и довольствѣ, тогда какъ другіе угнетаются горемъ и заботой.

Въ подобномъ тонѣ исписаны цѣлыя страницы, гдѣ собственностью объясняются рѣшительно всѣ мрачныя стороны въ жизни современнаго общества. Авторъ «Завѣщанія», самъ принадлежавшій къ привиллегированному сословію, между прочимъ, отрицаетъ всякія сословныя различія. Это самая характерная черта новѣйшаго соціализма, красной нитью проходящая чрезъ всю исторію его, начиная съ Бабефа до Маркса, Лассаля и до программы нынѣшнихъ нѣмецкихъ соціальдемократовъ, въ которой первый параграфъ гласитъ, что по отношенію къ рабочему классу всѣ прочіе классы являются единой реакціонной массой.

Священникъ-соціалистъ говоритъ о бракѣ. Онъ считаетъ непростительной вещью, что браки нерасторжимы. Послѣдствіемъ этого, по его мнѣнію, является масса зла. Мужъ чувствуетъ себя несчастнымъ, жена не менѣе того. И что особенно увеличиваетъ ихъ несогласіе, это безвыходность супруговъ въ такомъ несчастномъ положеніи. Стало быть, и въ борьбѣ противъ нерасторжимости брака соціалисты XIX-го вѣка—лишь послѣдователи Мелье.

Печальную картину, по Мелье, представляетъ государство, основанное на собственности. Куда ни посмотришь, всюду одно ужасное бѣдствіе, вездѣ раздается плачъ и скрежетъ зубовный. Человѣчество кажется приковано къ страшнымъ несчастіямъ. Однакожь

ему, оказывается, можно и пособить. Стоитъ только людямъ устроить коммуны. Тогда картина измѣнится. Мелье рисуетъ такое коммунистическое общество въ привлекательномъ свѣтѣ. Точно на землѣ водворяется рай. Счастливы и довольны люди, пользуясь общиннымъ владѣніемъ, мирно наслаждаясь всякими благами. Всѣ живущіе въ какомъ-нибудь городѣ или въ какомъ-нибудь округѣ составляютъ единую семью. Всѣ считаютъ себя братьями и любятъ другъ друга. Всѣ трудятся одинаково и въ правѣ пользоваться одинаковой пищью, одинаковой одеждой, одинаковымъ жилищемъ. Во главѣ стоятъ мудрѣйшіе и благороднѣйшіе. Всѣ города и всѣ округа составляютъ единый союзъ, чтобы взаимно помогать одинъ другому. Такъ какъ земля можетъ родить достаточно для прокормленія всѣхъ, то каждый, при не слишкомъ обременительной работѣ, будетъ имѣть столько, сколько ему нужно. Никому не придется заботиться о пропитаніи. Прекратятся всякія распри, всякія тяжбы, всякая ненависть, всякія обкрадыванія, всякія убійства. Человѣчеству останется наслаждаться такимъ блаженствомъ. Это, опять таки по Мелье, доказываютъ монахи, которые, ведя общее хозяйство, не терпятъ нужды ни въ чемъ.

Какъ видите, Мелье настолько же неисправимый оптимистъ, насколько и многіе изъ позднѣйшихъ соціалистовъ. Онъ полагаетъ, что люди, только что терзавшіе другъ друга, превратятся въ ангеловъ, какъ скоро ихъ имущество сдѣлается общимъ достояніемъ. Доказательство, приводимое Мелье, въ свидѣтельство жизненности коммунистическаго порядка вещей, само собою разумѣется, не выдерживаетъ критики. Монастыри обязаны своимъ богатствомъ не общиной жизни монаховъ и трудолюбію ихъ, а крѣпостному труду монастырскихъ крестьянъ и частнымъ пожертвованіямъ. Только въ первые вѣки христіанства было иначе. Но тогдашніе монахи и не жили въ дворцахъ и довольствѣ, о которыхъ говоритъ Мелье.

Впрочемъ, суть дѣла не въ критикѣ соціалистической системы Мелье. Тутъ собственно любопытно отмѣтить, что новѣйшій соціализмъ въ важнѣйшихъ своихъ пунктахъ строится на тѣхъ же же принципахъ, какіе проповѣдуетъ Мелье, что послѣдній, дѣйствительно, настоящій его предвѣстникъ. Въ самомъ дѣлѣ, доктрина Мелье относительно одинаковаго труда, одинаковой пищи, одинаковой одежды и т. д. принята была позднѣе Бабефомъ, сложившимъ голову на эшафотѣ за свои соціалистическія убѣжденія, и Кабэ, авторомъ «Путешествія въ Икарію» [1]). Мнѣніе Мелье о регулированіи труда и отдыха не централизованнымъ правительствомъ, а коммунами, защищалось Фурье. Его «Фаланстеріи» не что иное, какъ общины Мелье. Мысли Мелье о томъ, что мудрѣй-

[1]) См. «Соціализмъ въ романѣ» (Историч. Вѣстн. 1883 г., XI-й т., стр. 168 и слѣд.).

шіе должны управлять государствомъ, позже развивались сенъ-симонистами. Наконецъ, и въ томъ еще сходенъ съ позднѣйшими соціалистическими доктринами идеалъ государства Мелье, что браки по желанію заключаются и по желанію же расторгаются. Этотъ принципъ находитъ сторонниковъ въ средѣ большинства коммунистовъ и особенно поддерживался знаменитымъ Робертомъ Оуэномъ. Неудивительно также, что Мелье придаетъ большое значеніе воспитанію и ожидаетъ отъ него чудесъ. Почти каждая соціалистическая система преисполнена въ данномъ случаѣ преувеличенныхъ надеждъ, какъ бы забывая, что такое чудодѣйственное воспитаніе невозможно просто по недостатку воспитателей.

Новѣйшій соціализмъ не ограничился, однако, этими фантастическими доктринами. Теорія уступила мѣсто практикѣ. Въ ознакомленіи съ этой практикой можетъ служить надежнымъ путеводителемъ критическій обзоръ «соціалистическихъ партій» Страусса.

II.

Интернаціоналъ и Карлъ Марксъ.

Въ исторіи «интернаціоналя» надо искать ключъ къ современному соціалистическому движенію. Извѣстны быстрые успѣхи этой ассоціаціи въ послѣдніе годы второй имперіи. Мысль объ организаціи «интернаціоналя» нѣсколько разъ возникала, но всѣ попытки привести ее въ исполненіе оказывались тщетными. Посылка делегаціи рабочихъ на лондонскую выставку 1862 года позволила Карлу Марксу устроить союзъ рабочихъ всѣхъ странъ. Молодые республиканцы и прудоніанцы, Анри Лефоръ, Толлэнь, Фрибургъ и еще нѣсколько другихъ, горячо принялись за дѣло. Они вошли въ сношенія съ англійскими рабочими. Вмѣшательство Маркса сдѣлало остальное. Международная ассоціація рабочихъ была основана 28-го сентября 1864 года на рабочемъ митингѣ подъ предсѣдательствомъ профессера Бирли. Поводомъ къ митингу послужило голосованіе сочувствія польскому возстанію. Карлъ Марксъ составилъ «Pacte fondamental», сдѣлавшійся хартіей интернаціоналя.

Новая ассоціація объявила, что эмансипація тружениковъ должна быть дѣломъ самихъ тружениковъ. Фактически же международная ассоціація всегда имѣла вліяніе лишь ограниченное и поверхностное. Она была скорѣе штабомъ, чѣмъ дѣйствующей арміей. Бенуа Малонъ, одинъ изъ первыхъ членовъ интернаціоналя, въ правѣ былъ сказать, что она «была только федераціей на звеньяхъ гибкихъ и хрупкихъ». Тѣмъ не менѣе, ассоціація, благодаря парижской федераціи, умѣла долгое время морочить Европу насчетъ своихъ силъ. Имперія пробовала было направлять въ своихъ интересахъ

это движеніе, обратить его на дѣло цезаризма. Но подобная тактика не имѣла большаго успѣха и вскорѣ наполеоновскимъ судамъ было внушено преслѣдовать съ безпощадной строгостью этотъ авангардъ республиканской партіи.

Интернаціональ въ дѣйствительности не игралъ той роли, какая ему обыкновенно приписывается въ событіяхъ 1871 года. День 18-го марта не былъ подготовленъ парижскими секціями. Члены интернаціоналя, присоединившіеся къ коммунѣ, составляли въ ней меньшинство, и сравнительно умѣренное. Можно предполагать даже, что если бы продлилось инсурекціонное движеніе, соціалисты попали бы въ подозрѣніе. И дѣйствительно, 15-го мая, 22 члена коммуны грозили удаленіемъ по своимъ округамъ и открытымъ разрывомъ съ правительствомъ Ратуши. Доказано, между прочимъ и то, что въ послѣдніе дни коммуны происходили стычки между членами меньшинства и большинства. Конечно, какъ скоро наступило пораженіе, всѣ эти оттѣнки сгладились. На поверхности осталось меньшинство, которому и приписывался починъ въ парижскомъ возстаніи. Заграницей, особенно въ Швейцаріи, въ Бельгіи и Германіи, въ кружкахъ рабочихъ все болѣе и болѣе распространялась легенда о соціалистской коммунѣ. Члены интернаціоналя, Малонъ и Лефрансэ, старались придать соціалистскій характеръ коммунистическому движенію. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, годовщина 18-го марта свято чествовалась заграницей. Можно было сказать, что существовало какое-то соціалистское евангеліе, котораго апостолами и мучениками были парижскіе коммунисты. И это вовсе не потому, что сами сосланные въ Нумею дѣйствительно заслуживали высокаго мнѣнія о себѣ. Такое мнѣніе, раздѣлявшееся развѣ неофитами, о побѣжденныхъ членахъ коммуны сильно подрывалось при личномъ сближеніи съ ними. Кажется, если бы значительное число французскихъ коммунистовъ не разсѣялось по Европѣ, иныя изъ идей не такъ бы легко проложили себѣ дорогу. Предоставленные сами себѣ, эти побѣжденные предпочли бы всему спокойствіе и раскаяніе. Мало-по-малу, однако, по мѣрѣ того, какъ иллюзіи потеряли подъ собой всякую почву, и прозелитизмъ коммуны лишался своей силы. Коммунары, усмиренные или добровольно смирившіеся, жаждавшіе отдыха, обезкураженные,—а иные въ тоскѣ по родинѣ, все болѣе и болѣе разочаровывались въ революціонной пропагандѣ. Упорствовали только такъ называемые политики, да и тѣ не замедлили испытать на себѣ вліяніе, такъ сказать, экзотическое. Почти всѣ они, за исключеніемъ небольшой группы, извѣстной подъ названіемъ «Революціонной коммуны», явились лишь орудіемъ въ рукахъ Маркса или Бакунина.

Уставы интернаціоналя предоставили обширную власть «главному совѣту», засѣдавшему въ Лондонѣ. До франко-германской войны это руководительство проявлялось въ предѣлахъ, довольно

тѣсныхъ. Все нравственное вліяніе сосредоточивалось въ парижской федераціи. Послѣ войны, и особенно послѣ коммуны, роль главнаго совѣта должна была необходимо расшириться. Карлъ Марксъ, въ качествѣ уполномоченнаго Германіи и Голландіи, олицетворявшій собою всю власть главнаго совѣта, попытался придать центральному органу ассоціаціи новый престижъ и новую силу. Первоначально Карлъ Марксъ благоразумно держался въ сторонѣ отъ коммунистскаго движенія; но, послѣ мая, не задумался взять подъ свою защиту побѣжденныхъ коммуны. Главный совѣтъ ассоціаціи разослалъ, подъ заглавіемъ «Междуусобная война во Франціи», длинный адресъ къ своимъ секціямъ, съ цѣлью разъяснить значеніе и характеръ парижскаго движенія. Этотъ документъ былъ явно написанъ Марксомъ. «Парижъ рабочихъ съ его коммуной, говорилось въ адресѣ, навсегда останется знаменитымъ, какъ предтеча новаго общества. Его мученики найдутъ себѣ мѣсто въ великодушномъ сердцѣ рабочаго класса». Этотъ адресъ не мало способствовалъ распространенію легенды о соціалистской коммунѣ. Двое изъ главныхъ англійскихъ членовъ интернаціоналя, Оджеръ и Люкрафтъ, засѣдавшіе въ главномъ совѣтѣ, вышли въ отставку, не желая принимать на себя отвѣтственность за опубликованіе манифеста.

Нравственный эффектъ былъ достигнутъ. Изгнанники коммуны имѣли въ Лондонѣ центръ своего сближенія. Двери главнаго совѣта отверзлись нѣсколькимъ изъ бывшихъ членовъ или дѣятелей коммуны. Домъ Маркса сдѣлался главной квартирой для изгнанниковъ. Однако, это не было ассимилированіемъ коммунистическихъ элементовъ, какъ надѣялся Марксъ. Изгнанники не замедлили подѣлиться на категоріи. Надежды нѣмецкаго агитатора могли осуществиться только отчасти; но за то ему посчастливилось теперь ближе узнать французскихъ пропагандистовъ.

Марксу суждено было имѣть фанатическихъ поклонниковъ и горячихъ соперниковъ. Въ Германіи борьба марксистовъ и лассальянцевъ была продолжительна и упорна. Съ первыхъ же дней, по основаніи интернаціоналя, возникъ антагонизмъ между Марксомъ и Мадзини. Итальянскій революціонеръ, приславшій на учредительный митингъ интернаціоналя своего секретаря Вольфа, не замедлилъ выйти изъ ассоціаціи. Карлъ Марксъ оспаривалъ предложеніе мадзинистовъ, стремясь создать организацію, сильно централизованную. Вскорѣ онъ встрѣтилъ противниковъ, явныхъ и скрытыхъ, во главѣ которыхъ явился Бакунинъ, и вся исторія интернаціоналя сводится затѣмъ къ разладу между этими двумя агитаторами.

Загадочная фигура Маркса заслуживаетъ вниманія. Немного нужно было, чтобъ этотъ мыслитель сталъ въ уровень съ Контомъ или Прудономъ. Обладая обширной эрудиціей, мечтатель и діа-

лектикъ, Марксъ рано отдался изученію политической экономіи. За свой либерализмъ онъ принужденъ былъ покинуть Пруссію. Пребываніе въ Парижѣ дало ему возможность еще болѣе расширить свои воззрѣнія. Съ тѣхъ поръ онъ и задумалъ воспользоваться Франціей, какъ орудіемъ эмансипаціи для Германіи. Небезъизвѣстно, что идеи Маркса были внушены ему Франціей. Но, благодаря англійскимъ статистикамъ и въ особенности его склонности къ дедуктивному методу, молодой нѣмецкій писатель сдѣлался поистинѣ главою школы или доктрины. Основа теоретическая его доктрины принадлежитъ, правда, Робертусу Ягетцову, тѣмъ не менѣе Марксъ обновлялъ коммунистическіе доктрины Бабефа и Кабэ. Но въ данномъ случаѣ личность его любопытна, какъ дѣятеля практическаго, оказавшаго прямое или косвенное вліяніе на соціалистское движеніе.

Въ 1847 г. Марксъ, эмигрировавшій въ Лондонъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Энгельсомъ, издалъ коммунистическій нѣмецкій манифестъ. Этотъ манифестъ явился исходнымъ пунктомъ пропаганды, болѣе уже не прекращавшейся въ Германіи. Марксъ отличается отъ французскихъ коммунистовъ тѣмъ, что онъ не впадаетъ въ сантиментальность, въ немъ нè виденъ филантропъ, утопистъ, мечтающій облагодѣтельствовать родъ человѣческій. Это — ученый, хладнокровно погружающійся въ метафизику. Не имѣя такихъ пособниковъ, какъ Энгельсъ и его горячіе послѣдователи, Марксъ не могъ-бы сдѣлаться практическимъ дѣятелемъ. Въ Фердинандѣ Лассалѣ онъ нашелъ себѣ предтечу, настоящаго организатора соціалистической демократической партіи въ Германіи. Энгельсъ далъ ему помощниковъ, Бебеля, Либкнехта, Карла Гирша, протестовавшихъ въ 1870 г. противъ франко-германской войны вмѣстѣ съ Якоби, Гвидо Вейссомъ, Брекелемъ и Гейбомъ.

Тѣ, кто зналъ близко Маркса, отзываются съ большимъ уваженіемъ о характерѣ его. Это былъ человѣкъ хладнокровный, ровный, недовѣрчивый и въ то же время его обмануть было не трудно, такъ какъ онъ не умѣлъ распознавать людей. Весьма впечатлительный, увлекавшійся стратегіей, интересовавшійся, напримѣръ, стратегическимъ значеніемъ Савойи, онъ не любилъ покидать свой кабинетъ, хотя политика занимала его. Онъ вовсе не былъ непримиримымъ и сектантомъ По всей вѣроятности, въ Германіи онъ пошелъ бы по дорогѣ своего соперника Лассаля. Извѣстно, насколько онъ былъ искрененъ въ своей международной роли, но несомнѣнно, кажется, одно, что онъ всегда смотрѣлъ на Францію, какъ на обѣтованную землю. «Когда все будетъ готово въ Германіи, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, возстаніе вспыхнетъ только по крику галльскаго пѣтуха».

III.

Бакунинъ и его агитаторская дѣятельность.

Борьба Маркса съ Бакунинымъ была вполнѣ въ порядкѣ вещей. Методичность Маркса не могла примириться съ безпокойнымъ темпераментомъ его соперника. Кипучая дѣятельность Бакунина претила дипломатической разсчетливости лондонскаго эмигранта. Между ними антипатія была даже племенная. Бакунинъ питалъ ненависть къ нѣмцамъ. Даже сдѣлавшись сторонникомъ интернаціоналя, онъ никогда не отказывался вполнѣ отъ явнаго предпочтенія племени славянскаго и латинскаго. Жизнь Бакунина похожа на романъ. Въ Москвѣ онъ занимался философіей вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, потомъ жилъ въ Берлинѣ, Парижѣ и Цюрихѣ. Въ Парижѣ онъ познакомился съ Жоржъ-Зандъ и Прудономъ, написалъ нѣсколько статей для «Réforme». «Романы Жоржъ-Занда меня совратили», признавался онъ Бенуа Малону. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ въ Прагѣ, Берлинѣ и Дрезденѣ. Арестованный въ Хемницѣ, заключенный въ тюрьму, переведенный въ Кенигштейнъ, затѣмъ выданный русскому правительству, онъ пробылъ восемь лѣтъ въ Петропавловской крѣпости, сосланъ былъ въ Сибирь и въ 1861 году бѣжалъ оттуда. Дочь тюремщика, впослѣдствіи ставшая его женой, помогала ему въ бѣгствѣ. Коммисія на конгрессѣ въ Гагѣ, открывшая кампанію на Бакунина, старалась снять легендарный ореолъ съ этой геджры русскаго агитатора. Утинъ доставилъ Карлу Марксу данныя для обвинительнаго акта подъ заглавіемъ «L'Alliance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des travailleurs». Изъ слѣдствія надъ Бакунинымъ видно, что онъ не останавливался ни предъ какими средствами для своего бѣгства: «онъ не только самъ поддѣлалъ свой паспортъ, въ качествѣ путешественника по Сибири, но онъ получилъ оффиціальное порученіе обревизовать страну вплоть до ея крайнихъ восточныхъ границъ. Доѣхавъ до Николаевска, онъ безъ труда переправился въ Японію, откуда могъ уже спокойно отплыть въ Америку и проѣхать въ Лондонъ въ концѣ 1861 года. Такъ совершилась чудесная геджра этого новаго Магомета».

Идеи гегеліянскія и прудоновскія увлекли его въ анархическія теоріи. На первыхъ порахъ ему трудно было найти себѣ подходящую дорогу. Однимъ изъ главныхъ членовъ «Лиги мира и свободы» сдѣлался онъ лишь послѣ проповѣди въ «Колоколѣ» панславизма и антагонизма между національностями. 15-го февраля 1862 года Бакунинъ написалъ панславистскій манифестъ, въ которомъ говорилъ, что надо всѣхъ татаръ прогнать въ Азію, а нѣмцевъ въ Гер-

манію. Тогда же онъ напечаталъ свою брошюру «Народное дѣло». Въ общемъ, изъ всей этой странной и романической жизни видно, что Бакунинъ презиралъ всякія требованія нравственности. На подобіе іезуитовъ онъ признавалъ, что всѣ средства хороши для достиженія цѣли. Онъ — дѣятеленъ, интриганъ, скептикъ, при этомъ его гложетъ честолюбіе. Онъ говорилъ много и обладалъ всѣми качествами и недостатками руководителей надъ людьми.

Въ 1867 году, Бакунинъ, поселившись въ Женевѣ, былъ избранъ членомъ постояннаго комитета «Лиги мира и свободы». При имперіи эта лига, въ которую вступали французскіе эмигранты и республиканцы, играла довольно громкую роль. Конгрессы лиги республиканцамъ Франціи доставляли случай собираться съ старѣйшинами эмиграціи. Около того же времени Бакунинъ, съ одобренія лиги, издалъ свой этюдъ о федерализмѣ, соціализмѣ и «антитеологизмѣ». Съ одной стороны, онъ пытался соединить лигу съ интернаціоналемъ, а съ другой — увлечь ее на путь революціонный. Международный конгрессъ въ Брюсселѣ, однакожъ, отказался обсуждать предложеніе Карла Фогта, президента лиги, о заключеніи обѣими ассоціаціями союза наступательнаго и оборонительнаго. Бакунинъ усмотрѣлъ въ этомъ вліяніе Маркса и открылъ кампанію на него. Между тѣмъ члены лиги мира собрались на конгрессъ въ Бернѣ, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго. Бакунинъ предложилъ лигѣ присоединиться къ коммунистической программѣ, принявшей въ основу всеобщее равенство экономическое и соціальное. Восемьдесятъ голосовъ высказались противъ такой попытки. Тридцать членовъ меньшинства, во главѣ котораго находился Бакунинъ, собрались потомъ въ Женевѣ. Тутъ были Гамбузи, Фанелли, Жакларъ, Элизе Реклю, Ю. Жуковскій и нѣсколько русскихъ. Жакларъ, одинъ изъ выдающихся послѣдователей Бланки, предложилъ основать новую ассоціацію. Порѣшили соединиться подъ титуломъ «Союза соціалистской демократіи». Впрочемъ, потомъ ни Жакларъ, ни его единомышленники, не принимали никакого участія въ кампаніи, веденной Бакунинымъ.

Соперникъ же Маркса не удовольствовался устройствомъ открытаго «Союза», онъ организовалъ въ тоже время «Союзъ международныхъ братьевъ». Эта организація разоблачена была главнымъ совѣтомъ интернаціоналя. Отчетъ о ней, напечатанный, по распоряженію гагскаго конгресса, познакомилъ съ механизмомъ этого тайнаго общества. Въ составъ его допускались троякого рода члены: вопервыхъ «собратья международные»; потомъ «собратья національные», потомъ — члены «Союза соціалистской демократіи». Первые, въ числѣ ста человѣкъ, составляли священную коллегію. Они подчинены были центральному комитету, зависѣвшему отъ учредительнаго собранія изъ двухъ третей всего числа собратій международныхъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ ихъ статута.

«Собратья международные не знаютъ иного отечества, помимо всемірной революціи, иной чужбины, иного врага, помимо реакціи. Всѣ международные собратья знакомы между собой. У нихъ не должно быть политической тайны. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ принадлежать къ какому-либо тайному обществу безъ разрѣшенія его комитета и, въ случаѣ надобности, если пожелаетъ послѣдній, безъ разрѣшенія центральнаго комитета. И во всякомъ случаѣ онъ допускается къ участію въ тайномъ обществѣ лишь подъ условіемъ открывать своимъ собратьямъ всѣ тайны, какія могутъ интересовать ихъ непосредственно или косвенно». «Личность каждаго должна быть священна для всѣхъ остальныхъ, болѣе священна, чѣмъ личность роднаго брата. Каждому собрату обязаны помогать, каждаго обязаны защищать всѣ остальные, пока не изсякнутъ для нихъ самихъ источники возможнаго».

Организація обнимала собой главный комитетъ или учредительное собраніе, комитетъ центральный, комитеты національные. Статуты со всевозможной точностью регламентировали тайный механизмъ международнаго союза соціалистской демократіи. «Эта организація, читаемъ въ программѣ, исключаетъ всякую мысль о диктатурѣ и управленіи съ титулами. Но, для упроченія этого революціоннаго союза и торжества революціи противъ реакціи, необходимо, чтобъ въ народной анархіи, которая должна составлять самую жизнь и всю энергію революціи, единство мысли и революціонныхъ дѣйствій находили себѣ органъ. Такимъ органомъ должна быть тайная и всемірная ассоціація международныхъ собратьевъ». Это постановленіе обнаруживаетъ большую ловкость Бакунина, съумѣвшаго прикрыть федералистскими интригами диктаторски централизованную организацію.

Первыми членами такого союза были нѣсколько итальянцевъ и русскихъ, проживавшихъ въ Женевѣ. Мало по малу, нѣсколько молодыхъ швейцарцевъ, подчиняясь вліянію Бакунина, вошли въ составъ союза. Бакунинъ располагалъ теперь арміей для борьбы съ Марксомъ. Ему хотѣлось во всеоружіи вступить въ интернаціоналъ и онъ старался придать «союзу» характеръ отдѣла лондонской ассоціаціи. Эта претензія не была принята. Федеральные совѣты бельгійскій и парижскій отказались признать союзъ. Главный совѣтъ объявилъ въ засѣданіи 22-го декабря 1868 года, что нельзя признавать союзъ отдѣломъ интернаціоналя. 9-го марта 1869 года, главный совѣтъ опять повторилъ свой отказъ и въ международныхъ швейцарскихъ группахъ.

Съ этого времени въ самомъ интернаціоналѣ велась кампанія противъ Меркса и главнаго совѣта, противъ диктатуры и централизаціи. Бакунинъ вначалѣ пользовался услугами швейцарскихъ секцій, позже — итальянскими и испанскими секціями для войны съ Марксомъ. Центромъ пропаганды была вначалѣ Женева, гдѣ

14*

Бакунинъ съ Нечаевымъ устроилъ тайный революціонный комитетъ. Почти всѣ русскіе, проживавшіе въ Женевѣ, за исключеніемъ Утина, бывшаго ярымъ противникомъ Бакунина, признали главенство учредителя союза. Прежде всего столкновенія произошли между федеральнымъ комитетомъ интернаціоналя и союзомъ. Возгорѣлась оживленная полемика въ газетахъ. Нѣкоторое время сторонники союза имѣли на своей сторонѣ «Égalité», издававшуюся въ Женевѣ при участіи Элизе Реклю, Пепе, Варване и Малона. Вскорѣ они лишились содѣйствія женевской газеты. Сторонники союза нашли себѣ горячихъ пособниковъ въ Невшателѣ и Бернѣ. Гилльомъ изъ Невшателя поддерживалъ въ «Progrès du peuple» дѣло союза. Бакунинъ покинулъ Женеву въ концѣ 1868 г. съ цѣлью основать въ Невшателѣ вмѣстѣ съ Гилльомомъ газету «Solidarité». Швейцарскіе интернаціолисты подѣлились, — одни съ «Égalité» Утина приняли сторону главнаго совѣта, другіе явились сторонниками возстанія, которое проповѣдывало «Solidarité».

Дѣленія группъ и соперничества личныя въ результатѣ должны были привести къ отступленіямъ отъ программы. Обыкновенно такъ бываетъ, какъ случилось и въ средѣ интернаціоналя, что въ основѣ всѣхъ несогласій въ доктринахъ лежитъ антагонизмъ личностей. По мѣрѣ того, какъ разрывъ, первоначально личный, мотивируется теоретическими разногласіями, вызываемое этимъ столкновеніе идей въ свою очередь воздѣйствуетъ на соперничество группъ. Было, слѣдовательно, вполнѣ въ порядкѣ вещей, что швейцарскіе интернаціоналисты раздѣлились на два противоположныя направленія. Оба эти направленія одинаково держались на почвѣ личностей и доктринъ. Стычка произошла на съѣздѣ въ Chaux-de-Fonds въ апрѣлѣ 1870 г. Женевскіе делегаты, покорные авторитету главнаго совѣта, отказались допустить на съѣздъ двухъ членовъ секціи союза. 22 юрскихъ делегата подали голоса за союзъ, 13 женевскихъ и 5 сторонниковъ демократа Куллени голосовали противъ. Раздѣлились такимъ образомъ на двѣ группы, оспаривавшія другъ у друга права швейцарской федераціи, — оффиціальная группа была въ Женевѣ, другая—въ Chaux-de-Fonds. Главный совѣтъ, приглашенный разсудить обѣ соперничествовавшія федераціи, сталъ на сторону женевскаго федеральнаго комитета. Диссиденты изъ Chaux-de-Fonds прекратили оффиціальныя сношенія съ главнымъ совѣтомъ.

Во время этихъ пререканій и столкновеній, началась франкогерманская война. Бакунинъ между тѣмъ издавна находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Альберомъ Ришаромъ и Гаспаромъ Бланомъ, впослѣдствіи авторами бонапартистской брошюры «Empire et la France nouvelle». Учредитель «Союза» 28 сентября пытался произвести инсуррекціонную манифестацію въ ліонской ратушѣ. Эта попытка, какъ извѣстно, потерпѣла фіаско. Дѣятельность рус-

скаго анархиста, помимо этого эпизода, такъ и не нашла себѣ примѣненія на почвѣ Франціи.

Швейцарскій раздоръ между тѣмъ не стихалъ. Послѣ войны и особенно послѣ коммуны, прибытіе въ Швейцарію французскихъ эмигрантовъ усилило этотъ раздоръ. Нѣкоторые изъ нихъ, вмѣстѣ съ Ю. Жуковскимъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ Бакунина, основали секцію для революціонно-соціалистической пропаганды и дѣятельности, имѣвшую своимъ органомъ «Révolution sociale». Спустя нѣсколько мѣсяцевъ возстаніе нашло себѣ двухъ сильныхъ сторонниковъ въ Малонѣ и Лефрансѣ, бывшихъ членахъ коммуны. Юрскій инсуррекціонный элементъ проникъ и въ Лондонъ, благодаря сотрудничеству извѣстнаго числа эмигрантовъ. Французская вѣтвь интернаціоналя въ Лондонѣ, гдѣ уже давно господствовало недовольство на главный совѣтъ, преобразовалась въ «Section française de 1871». Два члена совѣта присоединились къ диссидентской группѣ. Эта секція даже открыто протестовала противъ «пангерманской идеи» главнаго совѣта.

Такое критическое положеніе продолжалось, однакожъ, недолго, не смотря на всѣ старанія Бакунина. Французская секція не замедлила сама себя уничтожить своими внутренними раздорами. Вторичный расколъ образовался въ диссидентской группѣ Тейза. Авриль и Камелина благоразумно удалились подъ ея покровъ: составились двѣ новыхъ группы, одна съ Везинье, другая съ Ландеккомъ во главѣ. Но Карлъ Марксъ въ то же время далеко не терялъ почвы. Онъ располагалъ двумя сотрудниками въ лицѣ Шарля Лонге, бывшаго прудоніанца, и Поля Лафара, весьма дѣятельнаго пропагандиста. Нѣсколько членовъ коммуны, Антуанъ Арно, Курне, Шоаннаръ, Ранвье, Валльянъ, Франкель и Сераллье, сдѣлались членами главнаго совѣта. Также и полемъ дѣятельности Бакунина былъ этотъ небольшой уголокъ романской Швейцаріи, гдѣ интернаціональ проявлялъ особенную жизненность. Въ сентябрѣ 1871 г. частная конференція интернаціоналя, бывшая въ Лондонѣ, подтвердила прежнее рѣшеніе относительно юрскихъ диссидентовъ. Юрскія секціи, которыхъ постигло запрещеніе, собрались на конгрессъ 12-го ноября въ Сонвилльѣ. Швейцарская федерація была объявлена распущенной. Съ своей стороны эта федерація произнесла veto противъ автономистовъ. Съ тѣхъ поръ юрская федерація имѣла своимъ назначеньемъ быть представительницей доктринъ политической анархіи и враждебныхъ дѣйствій противъ главнаго совѣта. Бакунисты и анархисты вступили въ отчаянный бой съ Карломъ Марксомъ.

Происходилъ конгрессъ въ Гагѣ (2—7 сентября 1872 г.). Гилльомъ безпощадно нападалъ на Маркса. «Мы не хотимъ, говорилъ онъ, — такого предводителя, который проповѣдуетъ ереси». Анархистское меньшинство протестовало противъ подачи голосовъ, при-

знавшей за главнымъ совѣтомъ право распускать секціи и федераціи, безъ согласія конгресса. Многіе изъ членовъ меньшинства, Курне, Ранвье, Валльянъ, съ шумомъ оставили залу засѣданій. Конгрессъ, большинствомъ голосовъ стоявшій за главный совѣтъ, рѣшилъ исключить изъ интернаціоналя Гилльома и Бакунина. Резиденціей главнаго совѣта назначенъ былъ Нью-Іоркъ. Юрская федерація, не соблюдая уже мѣры, собралась на конгрессъ въ Сентъ-Эмили. Всѣ рѣшенія гагскаго конгресса объявлены были не стоющими вниманія. Четырнадцать делегатовъ меньшинства гагскаго конгресса, 4 испанца, 5 бельгійцевъ, 2 швейцарца, 2 голландца, 1 американецъ, заключили «дружественный договоръ для солидарности и взаимной обороны». Этотъ договоръ направленъ былъ на борьбу съ диктатурой главнаго совѣта и гагскаго конгресса. Юрская федерація, гдѣ властвовалъ «Союзъ» Бакунина, была центромъ автономистскаго противодѣйствія. Другой конгрессъ антицентрализаторскій происходилъ въ Кордовѣ, въ Испаніи.

На этотъ разъ интернаціональная ассоціація раздѣлилась на двое. Старались потомъ неоднократно сблизить обѣ вѣтви, но разрывъ, вызванный гагскимъ конгрессомъ, оказался рѣшительнымъ. Интернаціональ лишь формально могъ пережить гагскій расколъ на пять или шесть лѣтъ.

Что касается доктринъ интернаціоналя, то очень трудно доискаться ихъ основной идеи. Три элемента встрѣтились на общей мысли: члены англійскихъ trade's unions, французскіе соціалисты и Карлъ Марксъ. Эккарій, бывшій адъютантъ Маркса, на автономистскомъ конгрессѣ въ Женевѣ (2 сентября 1873 г.) такъ очертилъ исторію ассоціаціи, учрежденію которой онъ самъ способствовалъ: «починъ принадлежалъ ремесленнымъ союзамъ Лондона, пожелавшимъ заниматься политическими вопросами, и прудоніанцамъ, не желавшимъ этого. Первые добивались примѣненія принциповъ уніонизма, т. е. увеличенія заработной платы скопомъ и стачками; вторые думали осуществить свои теоріи соціальнаго переустройства. Въ Базелѣ прудоніанцы потерпѣли фіаско, но въ тоже время уніонистскій элементъ былъ приниженъ личными соперничествами въ главномъ совѣтѣ. Въ Парижѣ, напротивъ, уніонисты безусловно взяли верхъ надъ прудоніанцами. Въ 1870 г., быть можетъ, удалось бы возстановить согласіе; но тутъ помѣшала война». Эккарій, вблизи смотрѣвшій на то, что происходило кругомъ, обобщаетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Не только два противоположныя направленія сталкивались въ интернаціоналѣ. Партія trade's unions весьма отличалась отъ группы Маркса, а французскіе соціалисты не всѣ были прудоніанцами. Даже прудоніанцы, гораздо болѣе теоретики, чѣмъ практики, не преслѣдовали цѣли соціальнаго переустройства. Рабочіе изъ прудоніанцевъ, составлявшіе манифестъ шестидесяти, большею частью были сторонниками взаимнопомощи и взаимодѣйствія.

Нѣмецкіе соціалисты, группировавшіеся вокругъ Маркса, были коммунистами. Англійскіе рабочіе имѣли въ виду только повышеніе заработной платы. Карлъ Марксъ былъ слишкомъ искусенъ, чтобъ компрометировать успѣхъ предпріятія черезчуръ точнымъ ограниченіемъ почвы, на которой предстояло подвизаться новой ассоціаціи. Растяжимой формулой «нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей» учредители интернаціоналя покрыли свое дѣло. До 1868 г., когда начались гоненія на парижскихъ интернаціоналистовъ, ассоціація была сравнительно умѣренной. Революціонеры и особенно бланкисты упрекали членовъ интернаціоналя за ихъ экономическую умѣренность и за ихъ политическую осторожность.

Различныя побужденія, увлекавшія ассоціацію на путь систематическаго соціализма, не имѣли никакого успѣха на конгрессахъ въ Женевѣ (1866 г.) и въ Лозаннѣ (1867 г.). Лишь съ брюссельскаго конгресса (1868 г.) интернаціональ принялъ новое направленіе. Этотъ конгрессъ особенно важенъ не только потому, что на немъ интернаціональ подвергся значительному преобразованію, но и потому, что онъ былъ исходнымъ пунктомъ непечатной пропаганды. Послѣ Прудона никто уже не рѣшался открыто высказывать свое сочувствіе коммунизму. Даже Марксъ не водрузилъ въ своемъ «Капиталѣ» коммунистическаго знамени. Надо было подыскать формулу, которая не стращала бы ни буржуа, ни рабочаго. Бакунинъ первый на конгрессѣ «Лиги Мира» въ Лозаннѣ (1867 г.) нашелъ такую кличку, подъ именемъ коллективизма. Въ слѣдующемъ году тотъ, кого называли «сѣвернымъ варваромъ», пытался, какъ выше замѣчено, во всеоружіи явиться въ средѣ интернаціоналя. Французскіе интернаціоналисты впервые услыхали имя Бакунина на брюссельскомъ конгрессѣ, гдѣ читалось письмо съ такой подписью: «Бакунинъ, русскій крестьянинъ». Бывшій сотрудникъ Герцена, подобно Прудону, хотя и въ меньшей степени, оказывалъ вліяніе на другихъ во время своего пребыванія въ Брюсселѣ, и первыми сотрудниками будущаго коллективизма были бельгійцы, Цезарь Пепе, Брисме, Стенсъ и Гинсъ.

Вопросъ о собственности на брюссельскомъ конгрессѣ служилъ предметомъ продолжительныхъ дебатовъ. Толэнъ краснорѣчиво защищалъ индивидуальную собственность земли, какъ условіе индивидуальной свободы. Типографщикъ Цезарь Пепе, студентъ медицины, нападалъ на личную собственность. «Мы хотимъ, говорилъ этотъ ораторъ, чтобы земля уступалась большимъ земледѣльческимъ компаніямъ, какъ копи, желѣзныя дороги и пр.—большимъ рабочимъ компаніямъ». Отсюда видно различіе, отдѣляющее такой коллективизмъ, иногда именовавшійся «постыднымъ коммунизмомъ», отъ настоящаго коммунизма. Сторонники новой доктрины требовали только эксплоатаціи земли ассоціаціями. Французскій делегатъ Мю-

ратъ отъ имени особой коммиссіи представилъ заключенія, которыя и были приняты 30 голосами изъ 49 наличныхъ. 4 голоса были противъ и 15 делегатовъ воздержались отъ подачи голоса, въ томъ числѣ Толэнъ и его друзья. Относительно угольныхъ копій, рудниковъ и желѣзныхъ дорогъ конгрессъ объявилъ, что эти великія орудія труда, какъ собственность государства, должны быть уступлены рабочимъ компаніямъ, что возвышеніе экономическаго уровня сдѣлаетъ соціальной необходимостью обращеніе пахатной земли въ коллективную собственность, что каналы, дороги и пути сообщенія должны остаться коллективной собственностью общества и что лѣса должны принадлежать соціальной коллективности. По вопросу о машинахъ, который обсуждался довольно долго, конгрессъ объявилъ, что «только при помощи кооперативныхъ ассоціацій и организаціи взаимнаго кредита производство можетъ получить въ собственность машины». Теоріи коллективистскія или неокоммунистскія раздѣлялись далеко не всѣми членами интернаціоналя. Система коопераціи и взаимодѣйствія находила еще не мало сторонниковъ.

Конгрессъ въ Базелѣ только подтвердилъ, несмотря на весьма сильную оппозицію Толэна и Ланглуа, рѣшеніе брюссельскаго конгресса о собственности. Принята была слѣдующая резолюція: «конгрессъ объявляетъ, что общество имѣетъ право установить промышленную собственность земли и передать эту землю въ общее владѣніе». Но уничтоженіе наслѣдства, предложенное коммунистами, было отвергнуто 68-ю голосами противъ 32. Коллективисты высказались въ защиту правъ наслѣдства для всѣхъ имуществъ, не принадлежащихъ государству.

Итакъ, соціализмъ постепенно прокладываетъ себѣ дорогу. Если въ интернаціоналѣ встрѣчаемъ послѣдователей Прудона рядомъ съ сторонниками Маркса, кооперaціонистовъ вмѣстѣ съ коммунарами, то, съ другой стороны, движеніе не замедлило проявиться въ пользу умѣреннаго коммунизма. Коллективистская тенденція, выражаемая робко, проглядываетъ уже на различныхъ конгрессахъ и на собраніяхъ секцій. Тѣмъ не менѣе въ средѣ интернаціоналя не перестаетъ преобладать критика. Члены этой ассоціаціи, особенно во Франціи, вообще не отличались революціонернымъ темпераментомъ. Они не вѣрили въ всеобщую панацею, они не ждали съ наивностью соціальной ликвидаціи раньше разрѣшенія всякихъ проблемъ. Весьма любопытно, что большинство членовъ парижскихъ секцій старались уклоняться отъ политическихъ дебатовъ и занимались преимущественно вопросами экономическими. Парижская осада и послѣдовавшія за ней событія разстроили парижскую федерацію. Большинство членовъ прежняго интернаціоналя были заняты прежде всего изученіемъ и обсужденіемъ различныхъ соціальныхъ проблемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Варлэнъ, рабочій—переплетчикъ, столь трагически умершій, питали горячую вѣру въ свое дѣло. Исто-

рія, однако, докажетъ, что революціонный соціализмъ произошелъ не отъ интернаціоналя.

IV.

Коллективизмъ.

Доктрина коллективизма вполнѣ новѣйшаго происхожденія. Малонъ въ своей «Histoire du socialisme» замѣчаетъ, что этотъ неокоммунизмъ въ своихъ главныхъ основахъ понимался еще въ 30-хъ годахъ Колинсомъ (1835 г.), Видалемъ (1838 г.) и Пеккеромъ (1840 г.). Всѣхъ яснѣе формулировалъ принципы «грядущаго коллективизма» Франсуа Видаль въ «Economie sociale»: «капиталъ кончитъ тѣмъ, что станетъ соціальнымъ и каждый будетъ получать часть производства, по мѣрѣ затрачиваемаго имъ времени на трудъ. Производительность будетъ совершаться сообща, того требуютъ экономическія потребности, но пользованіе этой производительностью останется личнымъ, въ обезпеченіе индивидуальной свободы». Такова основная мысль коллективизма. Характеристическая черта коллективизма заключается въ допущеніи пользованія правомъ собственности. Коллективный собственникъ можетъ уступать или передавать это пользованіе рабочимъ или земледѣльческимъ ассоціаціямъ.

Коллективизмъ возникъ въ средѣ интернаціоналя. Послѣ гагскаго конгресса, образовавшіяся двѣ партіи не совсѣмъ потеряли надежду на сліяніе. По прежнему происходили международные конгрессы, за исключеніемъ конгресса въ Женевѣ, который устроенъ былъ автономистами и централистами въ 1873 г. и имѣлъ два особыхъ засѣданія. Но съ 1874 г. конгрессы организуются лишь диссидентами. Вліяніе Маркса стушевывается. Тѣмъ не менѣе даже между автономистами обозначаются два противоположныхъ теченія: анархистское и коллективистское. Въ этомъ отношеніи особенно интересны два конгресса въ Брюсселѣ (7—13 сентября 1874 г.) и въ Бернѣ (26—30 октября 1876 г.). На первомъ, гдѣ число иностранныхъ делегатовъ было довольно ограничено, Цезарь Пепе читалъ свою записку объ организаціи общественнаго строя. Коллективисты съ уваженіемъ относятся къ этому труду, какъ и къ отчету о земельной собственности.

Вообще Нидерланды играли довольно значительную роль въ соціалистскомъ движеніи. Пребываніе тамъ французскихъ эмигрантовъ при реставраціи, при іюльскомъ правительствѣ и особенно при имперіи, подготовило тамъ умы къ радикальной пропагандѣ. При имперіи группа молодыхъ людей, сблизившихся съ Прудономъ въ Брюсселѣ, стала во главѣ движенія. Они основывали газеты, устроивали кружки, группы. Рядомъ съ интернаціоналемъ, весьма процвѣтавшимъ въ Бельгіи съ 1868 по 1870 г., бельгійскіе соціа-

листы оказывали свое вліяніе при содѣйствіи обществъ, называемыхъ «свободными мыслителями» или «солидарными». Брюссельскіе соціалисты, Пепе, Стеенсъ, Гиисъ, Робэнъ, первоначально открыли кампанію на молодыхъ прудоніанцевъ-позитивистовъ, Гектора Дениса, Дегрефа, Виктора Арнульфа. Вскорѣ эти два элемента разошлись въ разныя стороны. Первые примкнули къ интернаціоналю и коллективизму, вторые остались вѣрными реформистскому соціализму.

Брюссель, Антверпенъ, Гентъ, Вервье, Льежъ, имѣли свои газеты и свои секціи революціонныя. Но представляло интересъ это движеніе только въ Брюсселѣ, да и то благодаря доктору Цезарю Пепе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ «солидарные» и «интернаціоналисты» собирались на Grand'-Place въ трактирѣ Cygne. Послѣ коммуны нѣсколько французскихъ эмигрантовъ были дѣятельными сотрудниками бельгійцевъ. Эти сходки имѣли очень мирный характеръ. За стаканомъ вина велись обыкновенно серьезныя разсужденія. Самыми популярными ораторами на нихъ были Стеенсъ и Пепе. Личность послѣдняго особенно любопытна. Простой рабочій—типографщикъ Пепе сдѣлался докторомъ. Въ немъ всегда видна была смѣсь достоинствъ и недостатковъ рабочаго, занятаго ручнымъ ремесломъ. Съ большой эрудиціей, одаренный большой памятью, онъ составлялъ обширные планы по рабочему вопросу, которые довести до конца не позволяла ему борьба за существованіе. О немъ замѣчаетъ Страуссъ, что это—темпераментъ умѣренный, служившій уму утопическому. Первоначально сторонникъ взаимнопомощи, Пепе постепенно дошелъ до коммунизма. На конгрессѣ въ Лозаннѣ (1867 г.) онъ первый требовалъ передачи земли въ коллективную собственность общества. Съ тѣхъ поръ на разныхъ конгрессахъ, въ прессѣ, онъ выступалъ, какъ наиболѣе авторитетный представитель новой коллективистской доктрины. Позже главными помощниками его явились Бенуа Малонъ, Жюль Гедъ и Поль Лафаргъ. По мѣрѣ того, какъ пропаганда расширялась, эти предводители группы опредѣлили точнѣе характеръ своихъ соціальныхъ теорій. На позднѣйшихъ конгрессахъ во Франціи опредѣлился и составъ новой партіи коллективистовъ.

V.

Анархистское движеніе и происхожденіе нигилизма.

Южная федерація возникла послѣ конгресса въ Сентъ-Имьѣ въ 1870 г. Первыми делегатами, объявившими свою волю организовать международное единство путемъ свободной федераціи автономныхъ группъ, были швейцарцы Швицгебель и Гилльомъ, Ю.

Жуковскій и французъ Жюль Гедъ. Дѣятельность Бакунина распространилась тогда на Испанію, Италію и Бельгію. «Федерація испанская» и «федерація итальянская» составились въ видѣ оппозиціи Марксу. Вопросъ о принципахъ съ тѣхъ поръ вытѣсняется вопросомъ о личностяхъ. Конгрессъ въ Римини (4—6 августа 1872 г.) принялъ резолюцію, которой объявлялся разрывъ его съ главнымъ совѣтомъ. Это рѣшеніе оправдывалось, кажется, разногласіемъ въ доктринахъ. Лондонской конференціи (сентября 1871 г.) приписывалась попытка навязать всей международной ассоціаціи рабочихъ спеціальную доктрину, централизаторскую, которая есть, собственно говоря, доктрина нѣмецкой коммунистической партіи. Въ 1872 г., какъ уже сказано выше, делегаты диссидентскихъ федерацій, испанской, итальянской, южно-американской и французской, составили «актъ дружбы, солидарности и взаимной обороны». На конгрессѣ въ Сентъ-Имьѣ, сверхъ того, было объявлено что: 1) «уничтоженіе всякой политической власти есть первая обязанность пролетаріата; 2) всякая организація политической власти, такъ называемой временной и революціонной, съ цѣлью достигнуть этого уничтоженія, можетъ быть только лишнимъ обманомъ и столь же гибельна, какъ и всѣ нынѣ существующія власти, 3) отвергая всякій компромиссъ для достиженія соціальной революціи, пролетаріи всѣхъ странъ должны установить, внѣ всякой будущей политики, солидарность революціонной дѣятельности». Съ 1869 года итальянскій депутатъ Фанелли былъ командированъ Бакунинымъ въ Испанію для вербовки рекрутовъ «союзу». Борьба, которая велась въ Швейцаріи между Марксомъ и его соперникомъ, въ тождественной формѣ началась и въ Испаніи. Въ средѣ интернаціоналя возникли двѣ группы. Обѣ враждебныя группы вступили въ бой. Конгрессъ въ Кордовѣ (25 декабря 1872 г., и 2 января 1873 года), отказался признать резолюцію гагскаго конгресса. Тоже было и въ Бельгіи. Происходила оппозиціонная сходка и въ Лондонѣ. Главный совѣтъ долженъ былъ объявить отлученіе относительно мѣстныхъ федерацій, секцій и лицъ, принимавшихъ участіе въ конгрессахъ и на собраніяхъ въ Брюсселѣ, Кордовѣ и Лондонѣ. Однимъ изъ предлоговъ къ разногласію «союза» съ интернаціоналемъ послужила резолюція лондонской конференціи на счетъ рабочей партіи. Карлъ Марксъ и его друзья считали нужнымъ для пролетаріевъ участіе въ политической борьбѣ. Такъ, въ Германіи, подъ искуснымъ руководствомъ Бебеля и Либкнехта, соціалисты подготовляли себѣ послѣдователей, принимая участіе въ дебатахъ всеобщей подачи голосовъ.

Анархистская программа не согласовалась съ такимъ образомъ дѣйствій. Поэтому и секціи, закрѣпощенныя Бакунинымъ въ Испаніи, Италіи и Швейцаріи, высказались въ пользу политическаго безучастія рабочихъ классовъ. Анархизмъ съ воздержаніемъ отъ

политики сдѣлался первымъ пунктомъ вѣры всѣхъ раскольниковъ. Но почему именно Бакунинъ, зачинщикъ нападенія на Ліонскую ратушу 28-го сентября 1870 года, призналъ теперь необходимымъ безусловное воздержаніе отъ политики, это остается необъяснимымъ. Главное заключается въ томъ, что починъ въ анархизмѣ одинаково въ Россіи и Европѣ принадлежитъ Бакунину, этому «папѣ Мишелю», какъ его величали его противники. Подъ какимъ же вліяніемъ сложились доктрины этого «папы Мишеля?»

Несомнѣнно, въ молодости Бакунинъ увлекся теоріями Прудона, какъ и вообще Франція служила исходнымъ пунктомъ всякой революціонной пропогандѣ въ Европѣ. Нѣмецкій соціализмъ, какъ онъ выработанъ Ротбертусомъ, Марксомъ и Лассалемъ, коренится почти исключительно на французскихъ теоріяхъ. Карлъ Марксъ не отказался признать это открыто. Фурье, Кабэ, Луи Бланъ, Прудонъ, Бланки — вотъ ихъ воспитатели. И основой нигилизма, какъ его понималъ Бакунинъ, послужила «анархія» Прудона. Прежде всего поражаетъ масса заимствованій, почерпнутыхъ Бакунинымъ у Прудона. Извѣстно также, что Бакунинъ посѣщалъ Прудона въ Парижѣ въ 1847 году. Онъ видѣлъ его потомъ въ Брюсселѣ, во время эмигрированія французскаго писателя. Любопытенъ также слѣдующій фактъ: полковникъ Соколовъ, тогда еще состоявшій при русскомъ посольствѣ въ Пекинѣ, нарочито пріѣхалъ въ Европу, чтобъ повидаться въ Брюсселѣ съ Прудономъ и Бакунинымъ.

Прудонъ очень любилъ Герцена, который не замедлилъ разойтись съ Бакунинымъ. И, не смотря на свою дружбу съ Герценомъ, Прудонъ писалъ ему 15-го марта 1860 г. («Correspondance», t. IX, p. 347): «мы служимъ одному и тому же дѣлу, но будемъ работать каждый самъ по себѣ и на свой ладъ для общаго дѣла». Такимъ образомъ, помимо воли Прудона, политическій анархизмъ шелъ отъ него. Безансонскій мыслитель ужаснулся бы, если бы могъ видѣть революціонную жатву, какую принесли его метафизическія воззрѣнія.

Быть можетъ, Бакунинъ никогда бы не нападалъ съ такимъ пыломъ на власть и государство, не столкнись онъ съ Карломъ Марксомъ. Герценъ, подобно Прудону, былъ умѣреннымъ въ текущей политикѣ. И когда Бакунинъ сталъ агитировать въ Россіи, Герценъ писалъ: «не вѣрю серьезно людямъ, которые предпочитаютъ разрушеніе и грубую силу развитію и компромиссамъ».

Что касается революціоннаго движенія въ Россіи, то авторъ этюдовъ о соціалистическихъ партіяхъ различаетъ два періода: одинъ до указа объ освобожденіи крестьянъ и другой—послѣ него. Соціалисты критиковали реформу, какъ недостаточную; партія Герцена торжествовала, видя въ реформѣ зарю прогресса и возрожденія. Бакунинъ началъ съ того, что причислился къ партіи Герцена. По примѣру Герцена, онъ поднялъ въ Женевѣ тостъ за

Царя-Освободителя. Это впослѣдствіи ставилось ему въ вину марксистами; его называли умѣреннымъ. Послѣ указа 1861 г. пропаганда Герцена была исчерпана. Его дѣятельность смѣнилась вліяніемъ Бакунина.

Процессъ Нечаева въ 1871 г. обнаружилъ вліяніе Бакунина и въ Россіи. Этотъ лазутчикъ «папы Мишеля» явился въ Женеву въ 1869 г., выдавая себя за бѣглеца. Бакунинъ былъ его покровителемъ и крестнымъ отцомъ. Они вмѣстѣ составили прокламацію къ студентамъ. Послѣднимъ совѣтывалось бросать школы и по меньше заботиться о наукѣ, «именемъ которой васъ де хотятъ связать». Основанъ былъ спеціальный отдѣлъ «союза» подъ именемъ «Общества народнаго суда»; распространялись анонимныя брошюры. Въ одной изъ нихъ, Бакунинъ взываетъ къ помощи русскихъ разбойниковъ, какъ пособниковъ революціи; въ другихъ онъ проповѣдуетъ всеобщее разрушеніе. Именно въ «принципахъ революціи», сообразно съ тайными статутами «союза», папа Мишель рекомендуетъ все разрушить для достиженія «новаго аморфизма». Эта брошюра курьезнѣйшая изъ всѣхъ. Бакунинъ рекомендуетъ въ ней систематическое убійство, онъ обязываетъ, подъ страхомъ смертной казни, русскихъ эмигрантовъ вернуться въ Россію въ качествѣ революціонныхъ агентовъ, исключая тѣхъ, кто объявилъ себя «дѣятелемъ революціи европейской». Это ловкое ограниченіе внесено для того, чтобы разрѣшить самому главѣ «международныхъ собратьевъ» пребываніе въ Женевѣ или Невшателѣ. Въ этой прокламаціи имѣются неслыханные совѣты: «не допуская никакой иной дѣятельности, кромѣ разрушительной, мы признаемъ, что формы, въ какихъ должна выражаться эта дѣятельность, могутъ быть чрезвычайно различныя: ядъ, кинжалъ, петля и пр. Революція санкціонируетъ все безъ различія». Такой совѣтъ характеризуетъ революціонную анархію. Секта не стѣсняется требованіями нравственности или справедливости. Есть только одно правило, верховное и все санкціонирующее: «революція санкціонируетъ все безъ различія». Такова же была мораль и іезуитовъ. По мнѣнію этихъ первыхъ нигилистовъ, всеразрушеніе началось покушеніемъ 1866 г.

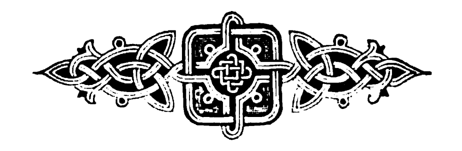
Замѣчательно, что не всѣ эти публикаціи, предназначавшіяся для разнаго калибра читателей, исполнены такого цинизма. Учредители анархіи были довольно ловки, чтобы не примѣняться къ «предразсудкамъ» своихъ западныхъ сторонниковъ. Французскія брошюры, тайные статуты международныхъ собратьевъ написаны съ нѣкоторой сдержанностью. Новоявленный нигилизмъ выступаетъ съ своей истинной физіономіей лишь въ тайныхъ публикаціяхъ, предназначенныхъ для посвященныхъ изъ русскихъ. Рѣзкость выраженій равносильна въ нихъ развѣ чудовищности идей.

Съ точки зрѣнія политической, Бакунинъ является въ Россіи

коммунистомъ въ то время, какъ въ Европѣ объявляетъ себя коллективистомъ. Русскій нигилизмъ сложился, подобно западному анархизму, подъ вліяніемъ и подъ дѣйствіемъ Бакунина. Во Франціи анархистскія доктрины его нашли послѣдователя и распространителя въ лицѣ Элизе Реклю. Ученый географъ былъ увлеченъ этими доктринами въ силу нѣкоторыхъ мистическихъ и сентиментальныхъ тенденцій. По смерти Бакунина, сто «братьевъ международныхъ», сгруппированные гросмейстеромъ анархизма, какъ власть темная и направляющая, имѣла во главѣ Поля Брусса, французскаго эмигранта, Крапоткина, Андреа Косту, итальянскаго эмигранта, и самымъ дѣятельнымъ агентомъ своимъ Элизе Реклю. Въ самое послѣднее время французскіе анархисты лишились и этихъ руководителей.

Нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшимъ обзоромъ разныхъ революціонныхъ группъ, какой находимъ у Страусса. Эти группы суть отпрыски выше охарактеризованныхъ основныхъ партій. Но нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ соціалистическихъ и революціонныхъ силъ наибольшимъ кредитомъ пользуются поссибилисты, которые строго дисциплинированы и стремятся предоставить рабочимъ управленіе въ синдикальныхъ палатахъ. Органъ ихъ «Prolétariat», редактируется на подобіе оффиціальной газеты. «Національный комитетъ» регулярно печатаетъ протоколы своихъ засѣданій, рѣшенія комитета объявляются на подобіе законодательныхъ актовъ. Только такая свобода дѣйствій соціалистическихъ группъ, свобода печати и сходокъ, открыли возможность оцѣнить ихъ дѣйствительное значеніе и прійти къ выводу, что революціонныя партіи сами себя истребляютъ взаимнымъ соперничествомъ и, независимо отъ ихъ вліянія, силы рабочей партіи крѣпнутъ и направляются на улучшеніе экономическаго положенія трудящихся классовъ, не въ ущербъ развитію и благосостоянію государства.

Ѳ. Булгаковъ.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани, съ 31 іюля по 18 августа 1877 года. Томъ I. Казань. 1884. in 4°, 670 стр.

Ъ ІЮЛѢ настоящаго года оконченъ печатаніемъ первый томъ «Трудовъ» IV русскаго археологическаго съѣзда, засѣдавшаго въ Казани семь лѣтъ тому назадъ, съ 31 іюля по 18 августа 1877 года. Томъ этотъ, изданный подъ редакціей ректора Казанскаго университета, профессора Н. Н. Булича, профессора Д. А. Корсакова и доктора филологіи В. В. Радлова, заключаетъ въ себѣ болѣе 80 печатныхъ листовъ. Семь лѣтъ, раздѣляющіе засѣданія съѣзда отъ появленія въ свѣтъ его «Трудовъ», даютъ возможность правильнѣе оцѣнить значеніе казанскаго съѣзда. Впечатлѣнія минуты улеглись; дѣйствительные, реальные результаты съѣзда выяснились вполнѣ — теперь казанскій археологическій съѣздъ есть достояніе исторіи; послѣ казанскаго съѣзда были еще два археологическихъ съѣзда: V—въ Тифлисѣ, въ 1881 году, и VI—въ Одессѣ, только что окончившій свои засѣданія.

Пользуясь матеріаломъ, заключающимся въ I томѣ «Трудовъ» казанскаго съѣзда, познакомимъ читателей «Историческаго Вѣстника» съ ходомъ занятій на этомъ съѣздѣ и съ научными данными, добытыми имъ, главнымъ образомъ, по изученію мѣстныхъ древностей Казани и Волжско-Камскаго края вообще. Край этотъ, обнимая собою всю восточную часть русскаго государства, представляетъ весьма разнообразный и богатый матеріалъ археологическій, историческій и этнографическій. На обширной территоріи этого края, отъ Уральскаго хребта до Оки и отъ средины Камы до Каспійскаго моря, сталкивались въ теченіе многихъ вѣковъ племена тюрко-финскія, монгольскія и славяно-русскія. Здѣсь находились древнія царства Бол-

гарское и Хазарское, здѣсь основывались колоніи Новгорода Великаго, здѣсь раскинулись улусы Батыя, изъ которыхъ образовались два татарскихъ царства: Казанское и Астраханское. Съ половины XVI в. оба эти царства покоряются русскимъ оружіемъ и мало-по-малу входятъ въ составъ Московскаго государства и затѣмъ имперіи Россійской. Съ покореніемъ Казани и Астрахани начинается новое колонизаціонное движеніе славяно-русскаго племени на Востокъ, открывающее ему просторъ для дальнѣйшихъ завоеваній въ Азіи.

Широкая программа казанскаго съѣзда обнимала археологію въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Кромѣ разсмотрѣнія вещественныхъ памятниковъ древности, составляющихъ предметъ собственно археологіи, программа обнимала вопросы по исторической географіи и этнографіи, по изученію памятниковъ языка и письма. Въ ней находили себѣ мѣсто и общіе вопросы не только по археологіи, но и по исторіи, и по этнографіи, и древности первобытныя, и древности обще-русскія, древности мѣстныя (Казанскаго, Волжско-Камскаго края) и древности восточныя. Съ строго научной точки зрѣнія такая «ширь» программы съѣзда могла бы быть поставлена въ укоръ ея составителямъ, если бы въ Россіи была болѣе спеціализирована научная дѣятельность. Но при отсутствіи у насъ этой спеціализаціи и при неразработанности изученія отечествовѣдѣнія только и можетъ подвинуть впередъ такое изученіе широкая постановка научныхъ программъ. Спеціализація вопросовъ въ будущемъ, когда опредѣлятся общія рубрики, такъ сказать, магистральныя линіи составныхъ частей той или другой отрасли изученія Русской земли. Программа казанскаго археологическаго съѣзда поставила очень много вопросовъ и запросовъ для разрѣшенія по археологіи, исторіи и этнографіи Волжско-Камскаго края. Хотя далеко не всѣ изъ этихъ desiderata были разрѣшены съѣздомъ, тѣмъ не менѣе съѣздъ сдѣлалъ для изученія края весьма много: на иные вопросы и запросы онъ далъ положительные отвѣты, для разрѣшенія другихъ онъ подготовилъ матеріалы и поставилъ много новыхъ вопросовъ, не бывшихъ въ виду у предварительнаго комитета съѣзда.

IV археологическій съѣздъ имѣлъ всего 24 засѣданія, которыя по отдѣламъ программы съѣзда распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: по вопросамъ общимъ было 3 засѣданія; всѣ остальныя засѣданія посвящены были семи спеціальнымъ отдѣленіямъ съѣзда: первобытныхъ древностей — 7 засѣданій; исторической географіи и этнографіи — 4 засѣданія; памятниковъ искусствъ и художествъ — 2; соединенныхъ отдѣленій быта домашняго, общественнаго и религіознаго — 2; памятниковъ языка и письма и древностей восточныхъ по 3 засѣданія. Кромѣ засѣданій, ученая дѣятельность съѣзда выразилась въ осмотрѣ древностей города Казани, въ двухъ археологическихъ экскурсіяхъ — въ Свіяжскъ и въ с. Успенское (древнія Болгары, столица Камско-Волжскихъ болгаръ) — и въ археологической выставкѣ, устроенной при съѣздѣ. На засѣданіяхъ съѣзда было доложено и обсуждено 90 рефератовъ и ученыхъ сообщеній, осталось неразсмотрѣнными болѣе 40. Редакція «Трудовъ» не ограничилась помѣщеніемъ въ нихъ только доложенныхъ рефератовъ, но дала мѣсто самымъ любопытнымъ и изъ недоложенныхъ за недостаткомъ времени. Болѣе ста ученыхъ, мѣстныхъ и пріѣзжихъ, принимали личное участіе въ засѣданіяхъ съѣзда, всего же членовъ съѣзда было 340. Въ первомъ томѣ «Трудомъ» помѣщены рефераты почти сорока

русскихъ ученыхъ по вопросамъ общимъ и по тремъ отдѣламъ частныхъ вопросовъ: первобытныхъ древностей, исторической географіи и этнографіи и памятниковъ искусствъ и художествъ. Въ числѣ этихъ ученыхъ археологовъ мы встрѣчаемъ столь извѣстныя всѣмъ имена, какъ: И. И. Срезневскаго, Н. В. Калачева, докт. І. Аспелина, Л. К. Ивановскаго, В. В. Антоновича, П. И. Мельникова, А. Я. Гаркави, Ф. К. Бруна, П. В. Павлова, Д. И. Прозоровскаго, Ю. Б. Иверсена и др. Остальные рефераты принадлежать мѣстнымъ казанскимъ и поволжскимъ ученымъ, изъ которыхъ лишь четверо (А. С. Гацискій, И. А. Износковъ, А. Ѳ. Лихачевъ и В. К. Савельевъ) извѣстны по трудамъ предшествующихъ съѣздовъ, всѣ же остальные, въ числѣ семнадцати, являются впервые референтами на съѣздѣ. Весьма много дѣятелей IV археологическаго съѣзда сошло уже въ могилу. Не дождались они появленія въ печати своихъ изслѣдованій, предложенныхъ ими этому съѣзду! Редакція «Трудовъ», перечисляя умершихъ ученыхъ (предисл., с. VIII) забыла упомянуть о Н. И. Золотницкомъ, скончавшемся въ маѣ 1880 года и весьма много потрудившемся для изученія языка и быта поволжскихъ инородцевъ.

Археологія, исторія и этнографія Волжско-Камскаго края явились главными предметами разработки мѣстныхъ казанскихъ ученыхъ; пріѣзжіе ученые въ большинствѣ случаевъ внесли на казанскій съѣздъ вопросы общіе, касающіеся науки древностей въ самомъ обширномъ ея значеніи, и любопытные результаты своихъ ученыхъ изслѣдованій по первобытнымъ и историческимъ древностямъ въ другихъ областяхъ обширной Русской земли. Нижній-Новгородъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Москва, Старая Руса, Смоленскъ, Петербургъ, Балтійскій край, южная Русь, Кавказъ, Сибирь, Вятка, Печерскій край, Пермь, подвергались здѣсь научному изслѣдованію.

Изъ рефератовъ по вопросамъ общимъ, разсмотрѣнныхъ съѣздомъ, общенаучный археолого-историческій интересъ представляютъ три реферата: 1) мнѣнія ученыхъ учрежденій о запискѣ профессора Дерптскаго университета А. Г. Брикнера объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи; 2) рефератъ профессора Варшавскаго университета, Д. Я. Самоквасова: «О причинахъ непроизводительности для науки уничтоженія древнихъ земляныхъ насыпей и о мѣрахъ къ предупрежденію безплодныхъ для науки раскопокъ кургановъ и городищъ»; 3) рефератъ сенатора Н. В. Калачева: «Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта».—Профессоръ Брикнеръ въ особой статьѣ, напечатанной въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1876 г., предлагалъ, вопервыхъ: издать нѣчто въ родѣ Bibliographie raisonnée источниковъ русской исторіи, и вовторыхъ: устроить для практическаго преподаванія русской исторіи въ университетахъ коллекціи наглядныхъ пособій (моделей, слѣпковъ и снимковъ вещественныхъ памятниковъ, палеографическихъ образцовъ, археологическихъ и историко-географическихъ картъ, портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей и т. п.) и особой библіотеки изъ учебниковъ и пособій по русской исторіи. Мнѣнія ученыхъ учрежденій о проектѣ профессора Брикнера, доставленныя въ предварительный комитетъ съѣзда, были разсмотрѣны особой комиссіей, избранной ученымъ комитетомъ съѣзда. Коммиссія высказала сочувствіе проекту профессора Брикнера, а разсмотрѣніе вопроса о практическомъ примѣненіи проекта предоставила съѣзду. Докладъ коммиссіи вызвалъ оживленныя пренія (вечернее засѣданіе 10 августа, см. прото-

колы съѣзда, с. LXXX—XC), которыя всѣ сводились къ трудности осуществленія на дѣлѣ весьма полезнаго предложенія профессора Брикнера, и съѣздъ постановилъ обратить вниманіе на вышеизложенное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія. Съѣздъ, согласно предложенію профессора Самоквасова, постановилъ также ходатайствовать о необходимомъ исполненіи слѣдующихъ условій при раскопкахъ кургановъ и городищъ: 1) раскопки эти могутъ быть произведены не иначе какъ съ ученою цѣлью и съ разрѣшенія археологическихъ учрежденій; 2) лица, получающія право на производство раскопокъ, должны строго руководствоваться общеобязательною инструкціею и для доказательства того должны представить по окончаніи работъ отчетъ и журналъ, веденный во время раскопокъ, въ учрежденіе, давшее разрѣшеніе; 3) инструкціи утверждаются археологическимъ съѣздомъ въ каждой новой сессіи его засѣданій; 4) лица, не исполнившія вышеозначенныхъ требованій, лишаются права производить раскопки. Н. В. Калачевъ указалъ на необходимость учрежденія мѣстныхъ историко-археологическихъ обществъ и при нихъ архивовъ для храненія мѣстныхъ историческихъ актовъ и документовъ. Затѣмъ три остальные реферата, помѣщенные въ отдѣлѣ общихъ вопросовъ, касаются изученія Волжско-Камскаго края, поэтому о нихъ мы скажемъ ниже.

Отдѣлъ первобытныхъ древностей открывается рефератомъ извѣстнаго финляндскаго археолога д-ра Аспелина: «О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ», служа какъ бы введеніемъ къ остальнымъ рефератамъ по этому отдѣлу, который правильнѣе можно было бы назвать не первобытными древностями, а древностями кургановъ и городищъ, потому что многіе рефераты, помѣщенные въ отдѣлѣ первобытныхъ древностей, посвящены изученію кургановъ и городищъ историческаго періода. (Сюда относятся рефераты, посвященные Волжско-Камскому краю, гг. Толмачева, Поливанова, Малахова и Савельева). Наука первобытныхъ древностей и изученіе кургановъ имѣютъ въ Россіи цѣлую, можно сказать, школу ученыхъ, группирующуюся около столь хорошо извѣстнаго и у насъ, и на западѣ, своими учеными археологическими трудами графа А. С. Уварова. Ученые этой школы и явились главнымъ образомъ вкладчиками въ отдѣлъ первобытныхъ древностей Казанскаго археологическаго съѣзда. Рефераты самого графа Уварова, за замедленіемъ печатанія «Трудовъ» казанскаго съѣзда, къ сожалѣнію, не помѣщены въ немъ, а вошли въ составъ изслѣдованія гр. Уварова о каменномъ періодѣ въ Россіи (Москва. 1881 г.). Особенно интересны рефераты Л. К. Ивановскаго и кіевскаго профессора В. Б. Антоновича. Л. К. Ивановскій, въ сообщеніи о своихъ раскопкахъ на берегахъ рѣки Сити въ 1875 г., весьма убѣдительно доказалъ, что курганы, находящіеся на берегахъ этой рѣки и обыкновенно принимаемые за могильники русскихъ, павшихъ въ битвѣ съ татарами въ 1237 г., принадлежатъ народности, жившей въ тѣхъ мѣстностяхъ задолго до XIII в. Рефераты профессора Антоновича о курганахъ, валахъ и пещерахъ юго-западнаго края и средняго Приднѣпровья и о древнемъ кладбищѣ въ Кіевѣ—отличаются тою точностью изслѣдованія, которой богаты всѣ археологическіе труды почтеннаго ученаго.

Отдѣлъ исторической географіи и этнографіи почти всецѣло посвященъ мѣстной, Волжско-Камской старинѣ и изобилуетъ очень интересными и новыми въ наукѣ данными для этой старины. Но свѣдѣнія о Волжско-Кам-

скомъ краѣ находятся также и въ другихъ отдѣлахъ «Трудовъ», а потому, сгруппировавши всѣ рефераты, касающіеся мѣстной археологіи, исторіи и этнографіи, познакомимъ съ ними вкратцѣ читателей «Историческаго Вѣстника».

Отдѣлъ общихъ вопросовъ открывается соображеніями секретаря съѣзда, Д. А. Корсакова, объ основаніи въ Казани ученаго общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. Общество это, о которомъ было много разсужденій на казанскомъ съѣздѣ, на необходимость котораго указывали графъ А. С. Уваровъ, П. Д. Шестаковъ, бывшій въ то время попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, и профессоръ С. М. Шпилевскій, основалось въ Казани вслѣдъ за окончаніемъ занятій съѣзда, явившись, такъ сказать, его наслѣдникомъ, продолжателемъ, его научной колоніей. Общество это существуетъ съ мая 1878 г., и три тома изданныхъ имъ «Извѣстій» доказываютъ, что общество весьма усердно работаетъ по изученію Казанскаго края. О дѣятельности казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, мы побесѣдуемъ какъ нибудь особо. Вслѣдъ за соображеніями г. Корсакова помѣщенъ интересный рефератъ покойнаго академика И. И. Срезневскаго «О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и средняго Поволжья до XVI в.». Этотъ рефератъ явился ученымъ комментаріемъ къ древностямъ, найденнымъ во время съѣзда въ Свіяжскѣ, въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ и въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Указавъ на древнѣйшіе памятники письменности въ Казани, относящіеся къ XV в., и на иконы XV в. въ казанскихъ монастыряхъ и церквахъ, референтъ подробно остановился на образкахъ XII и XIII вв., найденныхъ въ Казанскомъ соборѣ и въ Свіяжскѣ (образки эти вырѣзаны на аспидныхъ дощечкахъ менѣе квадратнаго вершка величиною), и на золоченой рипидѣ XII в., съ изображеніями Іисуса Христа, Богородицы и святыхъ, найденной въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ. Всѣ эти находки и рефератъ о нихъ академика Срезневскаго весьма важны. Ими констатируется несомнѣнный фактъ, что памятники христіанской древности въ Поволжьи идутъ гораздо дальше второй половины XVI в., эпохи покоренія Казанскаго царства. Какъ же попали эти древности въ Казань? вотъ вопросъ весьма интересный. Онѣ могли быть занесены туда и новгородскими ушкуйниками, и русскими торговыми и ратными людьми задолго до XVI в. Извѣстны наши торговыя и военныя сношенія съ Камской Болгаріей въ XI, XII и XIII вв., наши походы на Казань въ XIV, XV и первой половинѣ XVI в.; извѣстно, что послѣдователи христіанства были въ землѣ Камской Болгаріи въ XIII в. Наконецъ, иконы не только XV в., но и XII и XIII вв. могли заноситься въ Казань въ XVI в. Все это требуетъ изслѣдованія и разъясненія. Сообщеніе А. С. Гацискаго, весьма извѣстнаго дѣятеля по изслѣдованію Нижегородской губерніи въ археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніи, «О задачахъ членовъ-корреспондентовъ археологическихъ съѣздовъ», представляетъ въ сжатомъ изложеніи результаты археологическихъ и этнографическихъ изученій Нижегородской губерніи.

По отдѣлу первобытной археологіи сообщеній, посвященныхъ Волжско-Камскому краю, было немного, потому что остатками каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ этотъ край не богатъ. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія самыя попытки опредѣлить эти остатки профессора Казанскаго университета Н. А. Толмачева въ его рефератѣ о земляныхъ сооруженіяхъ

въ Казанской губерніи и П. В. Алабина въ сообщеніи о первобытныхъ древностяхъ Самарскаго края.

Отдѣлъ исторической географіи и этнографіи былъ самымъ богатымъ отдѣломъ по отношенію мѣстныхъ древностей. Сообщенія по этому отдѣлу принадлежали главнымъ образомъ спеціалистамъ, въ теченіе многихъ лѣтъ работавшимъ надъ предметами своихъ сообщеній. Рефераты С. М. Шпилевскаго, протоіерея П. Г. Заринскаго, Н. И. Золотницкаго и И. А. Износкова составляли извлеченія или изъ монографій, изданныхъ къ съѣзду, или же изъ матеріаловъ, ими собираемыхъ. С. М. Шпилевскій представилъ съѣзду цѣлый томъ въ 500 страницъ in 8° «О древнихъ городахъ и другихъ вещественныхъ памятникахъ древне-болгарскаго царства», извлеченіе изъ котораго было прочтено авторомъ на съѣздѣ въ день его открытія. Книга г. Шпилевскаго есть весьма полный сводъ свидѣтельствъ о названныхъ предметахъ восточныхъ писателей и русскихъ лѣтописей и обзоръ вещественныхъ остатковъ Болгарскаго царства (главнымъ образомъ городищъ, валовъ, могилъ). По всей вѣроятности, весьма понятное желаніе представить результатъ своихъ трудовъ съѣзду заставило г. Шпилевскаго не вполнѣ докончить свою работу. Въ его почтенной книгѣ замѣтно отсутствіе свидѣтельствъ о Болгарскомъ царствѣ византійскихъ писателей и западно-европейскихъ путешественниковъ XII, XIII и XIV вв. Подробное изложеніе описаній вещественныхъ памятниковъ Болгарскаго царства, находящееся въ книгѣ профессора Шпилевскаго, невольно заставляетъ желать въ будущемъ подробнаго осмотра ихъ на мѣстѣ, научнаго инвентаря ихъ въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи археологическій съѣздъ сдѣлалъ только пробу, такъ сказать, репетицію, а въ будущемъ это является непремѣнной обязанностью мѣстныхъ казанскихъ ученыхъ, казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи. Археологическій съѣздъ имѣлъ возможность сдѣлать только небольшую экскурсію для нагляднаго ознакомленія съ развалинами «Великаго города», столицы Болгарскаго царства, и результаты этой краткой экскурсіи были плодотворны, что можно видѣть изъ интереснаго сообщенія академика Срезневскаго, о которомъ рѣчь была выше. Весьма любопытной иллюстраціей къ книгѣ профессора Шпилевскаго и комментаріемъ къ экскурсіи въ Болгары послужили очень важныя карты и описанія Болгарскаго городища XVIII в., доставленныя директоромъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Баронъ Бюлеръ, всегда столь сочувственно относящійся къ ученымъ задачамъ археологическихъ съѣздовъ, доставилъ также списокъ рукописей, относящихся къ исторіи царства Казанскаго изъ собранія московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Снимки съ карты и рисунковъ войдутъ въ составъ «Атласа Трудовъ» IV археологическаго съѣзда, а списокъ названныхъ рукописей будетъ помѣщенъ во II томѣ «Трудовъ».

П. Г. Заринскій посвятилъ IV археологическому съѣзду изслѣдованіе о топографіи города Казани въ XVI в. и объ осадѣ его русскими въ 1552 г. Переработка этого изслѣдованія помѣщена въ I томѣ «Трудовъ». По изслѣдованію о. Заринскаго расположеніе осаждающихъ войскъ царя Іоанна IV и топографическія подробности Казани во время ея осады представляются совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ они являлись доселѣ. Главнымъ источникомъ этому изслѣдованію послужили писцовыя книги города Казани и его уѣзда 1566—1568 гг., изданныя къ съѣзду казанской духовной академіей по извлеченію К. И. Невоструева.

И. А. Износковъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимается этнографическими изслѣдованіями инородческаго населенія Казанскаго края. На съѣздѣ онъ представилъ по этимъ изслѣдованіямъ три реферата, изъ которыхъ одинъ — «О сохранившихся въ народѣ преданіяхъ о названіяхъ селеній въ Казанской губерніи», представляетъ большой интересъ, по даннымъ для исторіи колонизаціи Поволжья великорусскимъ племенемъ.

Н. И. Золотницкій представилъ любопытныя соображенія также по вопросу о названіяхъ поселеній въ своемъ рефератѣ о селеніяхъ съ названіемъ «Тарханъ». Другія сообщенія г. Золотницкаго касались религіозныхъ вѣрованій чувашъ и черемисъ. Всѣ сообщенія Золотницкаго составляли дальнѣйшее развитіе многолѣтнихъ его изслѣдованій и соображеній по этнографіи финскихъ инородцевъ Казанскаго края, помѣщенныхъ въ его книгѣ, къ сожалѣнію весьма малой извѣстной: «Корневой чувашско-русскій словарь», Казань, 1875 г.

Весьма интересны также сообщенія лицъ, являвшихся на съѣздъ новичками въ разработкѣ мѣстной археологіи и исторіи: казанскаго муллы Шихаббудина-Багаутдинова и Н. П. Загоскина. Казанскій мулла представилъ съѣзду «Исторію Болгарскаго и Казанскаго царствъ» по арабскимъ и татарскимъ источникамъ на татарскомъ языкѣ. Извлеченія изъ этой исторіи были прочтены на съѣздѣ В. В. Радловымъ по русски. Трудъ г. Багаутдинова любопытенъ какъ образчикъ современной мѣстной татарской исторіографіи, указывающій на нѣкоторые неизвѣстные доселѣ источники. Н. П. Загоскинъ посѣтилъ въ 1875 году развалины, такъ называемаго, Селитрянаго городка на рѣкѣ Ахтубѣ, въ Астраханской губерніи, и вывезъ оттуда собраніе монетъ и нѣсколько обломковъ мозаики отъ зданій, съ арабскими надписями. Рефератъ г. Загоскина состоитъ въ объясненіи привезенныхъ имъ монетъ и вещей и въ очеркѣ литературы о Селитряномъ городкѣ. Два реферата иногородныхъ ученыхъ: извѣстнаго гебраиста А. Я. Гаркави и одесскаго археолога, профессора Бруна, также касаются мѣстной поволжской исторіи и этнографіи болгаръ и хазаръ.

По отдѣлу памятниковъ искусствъ и художествъ для археологіи Волжско-Камскаго края любопытны сообщенія: В. К. Савельева «О Маджарѣ и Болгарѣ по монетамъ» (этотъ рефератъ служилъ дополненіемъ къ сообщеніямъ С. М. Шпилевскаго и П. Д. Шестакова [1]) и А. Ѳ. Лихачева «О загадочныхъ сосудахъ сфероконической формы изъ Вожской Болгаріи».

Въ такомъ видѣ представляется общій очеркъ главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ I томѣ «Трудовъ» IV археологическаго съѣзда. Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ этого тома мы далеко не исчерпали его интереснаго въ научномъ отношеніи содержанія, но изъ изложеннаго нами, читатели «Историческаго Вѣстника» несомнѣнно выведутъ заключеніе, что казанскій археологическій съѣздъ внесъ весьма существенный вкладъ въ изученіе мѣстныхъ поволжскихъ древностей и этнографіи. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода атласа къ «Трудамъ» и II ихъ тома, въ которомъ должны быть помѣщены рефераты по отдѣламъ: быта общественнаго, домашняго и религіознаго, па-

---

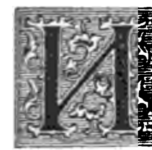
[1]) Бывшій въ 1877 г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа, П. Д. Шестаковъ, сообщилъ на Казанскомъ съѣздѣ свѣдѣнія о городѣ Маджарѣ, развалины котораго находятся на кавказѣ, на берегу рѣки Кумы (см. I т. «Трудовъ», отд. III, с. 3 — 16).

мятниковъ языка и письма и древностей восточныхъ, а также обѣщаннаго редакціей дополнительнаго отдѣла—археологическихъ матеріаловъ и библіографіи. Знаніе, энергія и заботы объ изданіи теперешняго предсѣдателя редакціоннаго комитета, ректора Казанскаго университета Н. Н. Булича, благодаря которому напечатанъ наконецъ I томъ «Трудовъ» IV съѣзда,—служатъ надежнымъ ручательствомъ, что продолженіе ихъ вмѣстѣ съ атласомъ не замедлитъ своимъ появленіемъ.

Д. Корсаковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Лѣтопись Нестора въ французскомъ переводѣ.—Книги Марвина о Средней Азіи и бакинской нефти. — Королева in partibus. — Исторія Китая. — Исторія воспитанія. — Александръ Македонскій по Арріану. — Послѣдній англійскій губернаторъ въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ. — Вильгельмъ IV и его время. — Правители Египта. — Царствованіе Генриха VIII. — Полярныя страны. — Красавица и философы. — Ненавистникъ Россіи въ Ригѣ. — Исторія русской критики.



НОСТРАННЫЕ писатели, знающіе и любящіе Россію, продолжаютъ знакомить съ нею западную Европу. Въ послѣднихъ книжкахъ «Историч. Вѣстника» мы говорили о сочиненіяхъ Леруа-Болье, Рамбо, Вогюе; теперь Луи Леже окончилъ въ высшей степени замѣчательный трудъ — переводъ «Лѣтописи Нестора», и издалъ ее подъ названіемъ «Chronique dite de Nestor. Traduite sur le texte Slavon-Russe avec introduction et commentaire critique par Louis Leger).» Двадцать лѣтъ уважаемый писатель трудился надъ этимъ переводомъ и въ это время явились три перевода этой же лѣтописи на европейскихъ языкахъ, чуждыхъ однако же западной Европѣ и столько же непонятныхъ ей, какъ и славянскій оригиналъ. Первымъ появился въ 1864 году польскій переводъ Бѣловскаго, въ изданіи «Monumenta Poloniae Historica»; затѣмъ чешскій переводъ Эрбена, изданный въ Прагѣ 1867 года, наконецъ, датскій профессора Смита 1869 года въ Копенгагенѣ. Стало быть, великія западно-европейскія державы могли узнать эту первоначальную лѣтопись только по переводу г. Леже, отзывающагося съ особеннымъ уваженіемъ о переводѣ Смита, серьезнаго ученаго, рано похищеннаго смертью, болѣе другихъ компетентнаго въ вопросѣ о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ. Л. Леже называетъ еще три нѣмецкихъ перевода Нестора: Шерера въ 1774 году, Шлёцера въ 1809 и Іосифа Миллера въ 1812, но считаетъ ихъ устарѣвшими, такъ же какъ французскій переводъ Луи Пари 1834 года. Собственный трудъ Л. Леже заслуживаетъ безусловной похвалы. Онъ передалъ ясно

и добросовѣстно разсказъ лѣтописца, не смотря на всѣ трудности, съ которыми долженъ былъ бороться. Въ введеніи изложено значеніе лѣтописи; въ концѣ книги 130 страницъ занято хронологическимъ и критическимъ указателемъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, представляющимъ богатый этнографическій и историческій матерьялъ. Несмотря на то, что въ кіевскомъ монастырѣ показываютъ гробницу Нестора, Л. Леже не видитъ прямыхъ доказательствъ, чтобы авторъ жизнеописанія Бориса и Глѣба и Ѳеодосія Печерскаго написалъ и лѣтопись, носящую его имя. Леже не признаетъ однако авторомъ лѣтописи игумена монастыря св. Михаила Сильвестра, какъ объ этомъ говоритъ Лаврентьевскій списокъ, и оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ. Авторъ лѣтописи, говоритъ Леже, нисколько не заботился о литературной отдѣлкѣ; его трудъ — компиляція, лишенная всякаго художественнаго оттѣнка. Составляя ее, авторъ взялъ образцомъ какую нибудь византійскую хронику, переведенную въ Болгаріи. Даже не пытаясь групировать событія, лѣтописецъ передаетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, мѣстами прерывая разсказъ скучными благочестивыми коментаріями. Несомнѣнно, что первоначальный текстъ испещренъ послѣдующими вставками переписчиковъ, которымъ вѣроятно принадлежатъ и коментаріи. Леже полагаетъ, что разсказъ о принятіи Владиміромъ христіанства составленъ долгое время спустя послѣ этого событія, греками, стремившимися всегда къ духовной гегемоніи надъ славянами. Но историческое значеніе лѣтописи чрезвычайно важно. Это единственный источникъ свѣдѣній о первыхъ трехъ столѣтіяхъ великаго государства. Не смотря на исправленіе текста многими критиками, онъ еще очень теменъ во многихъ мѣстахъ и переводъ ихъ представлялъ большія затрудненія, которыя Л. Леже съумѣлъ однако преодолѣть.

— Чарльсъ Марвинъ издалъ двѣ книги о Россіи. Въ одной изъ нихъ, «Рекогносцировка въ центральной Азіи» (Reconnoitring in Central Asia), передаются разныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ ханствъ и туркменскихъ владѣній, пограничныхъ съ Персіей. Авторъ приводитъ извѣстія, сообщаемыя лицами, посѣщавшими эти страны, но коментируетъ разсказы своими соображеніями и выводами. Новаго тутъ мало, но извѣстія передаются безъ тенденціозной окраски и вообще авторъ не враждебенъ къ Россіи. Онъ не высказывается относительно вопроса: имѣла ли Россія право завоевать Среднюю Азію, а Англія противиться этому завоеванію? но говоритъ прямо, что только «ослѣпленная, фанатическая вражда можетъ утверждать, будто русское управленіе пагубно для покоренныхъ народностей. Какими бы жестокостями ни сопровождалось завоеваніе, какими бы недостатками ни отличалась русская администрація, но каждый, въ комъ есть чувство человѣколюбія и кто съ ужасомъ читалъ страшные разсказы о торговлѣ рабами въ Средней Азіи, — долженъ радоваться, что ханства перешли подъ скипетръ Бѣлаго-царя». Даже Вамбери принужденъ былъ засвидѣтельствовать ужасы торговли рабами и разсказываетъ объ освобожденіи 150,000 человѣкъ, возвращенныхъ русскимъ правительствомъ своимъ семьямъ, съ благодарностью прославлявшимъ завоевателей. Едва ли найдется какое нибудь селеніе въ земляхъ, пограничныхъ съ Туркменіею, гдѣ бы о Россіи не вспоминали съ признательностью. Персіяне завидуютъ туркменамъ, покорившимся Россіи, и сравниваютъ полное обезпеченіе ихъ жизни и собственности съ тираніей и произволомъ персидскихъ правителей. Полковника Мак-Грегори спрашивали, когда же русскіе придутъ въ Гератъ и прибавляли: «послалъ бы ихъ Богъ поскорѣе!» Въ этихъ

странахъ русскихъ ждутъ, какъ своихъ освободителей, и всѣ увѣрены, что они явятся, раньше или позже — это вопросъ времени. Какъ истый англичанинъ, Марвинъ однако не стѣсняется утверждать, что въ странахъ, подвластныхъ Англіи, появляются русскіе агенты, возбуждающіе мирное населеніе, но въ земляхъ, подвластныхъ Россіи, никогда не волнуютъ народъ англійскіе агенты. Марвинъ упрекаетъ однако англійское правительство въ томъ, что оно не пользуется своимъ вліяніемъ въ странѣ и не извлекаетъ должныхъ выгодъ изъ своихъ отношеній къ туземцамъ центральной Азіи. Онъ увѣряетъ, что текинцы просили, чтобы Англія приняла ихъ подъ свое протекторство, и что еслибъ былъ обнародованъ секретный рапортъ полковника Непира въ 1875 году о необходимости занять Мервъ, въ виду его важнаго стратегическаго положенія, общественное мнѣніе въ Англіи принудило бы Биконсфильда исполнить желаніе мервскихъ туркменъ. Въ книгѣ Марвина находятся также интересныя соображенія по вопросу: возможно ли исправить теченіе Аму-Дарьи по Узбою, въ Каспійское море.

— Другая книга того же автора «Страна вѣчнаго огня» (The region of the eternal fire) посвящена нефтяной промышлености и преимущественно дѣятельности братьевъ Нобель по добыванію и обработкѣ нефти. Онъ называетъ этихъ промышленниковъ — «создателями благосостоянія современнаго Баку». По его словамъ въ прошломъ году тамъ добыли 800,000 тоннъ петролеума, который, отправленный въ Германію и западную Европу, вытѣснилъ съ тамошнихъ рынковъ американскій керосинъ. Марвинъ отправился изъ Севастополя въ Батумъ и предрекаетъ этому послѣднему городу блистательную будущность въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ приложеніи къ этой книгѣ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соотношеній, помѣщенъ переводъ проекта Скобелева о походѣ въ Индію и нѣкоторые изъ его плановъ по среднеазіятскому вопросу, а также свѣдѣнія о секретной русской миссіи въ Кабулъ въ 1882 году, подъ начальствомъ капитана Верховскаго (?) Объ этой миссіи сообщилъ свѣдѣнія автору керченскій часовщикъ, еврей, бывшій переводчикомъ при миссіи. Къ книгѣ приложенъ даже портретъ и автографъ этого еврея, вѣроятно для подтвержденія авторитета сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній.

— Въ «Серіи выдающихся женщинъ», составляемыхъ Вернономъ Ли (Eminent Women series. — The countess of Albany), появилась біографія вдовы претендента на англійскій престолъ и любовницы Альфіери. Была ли графиня Альбани, рожденная Луиза Стольбергъ, выдающеюся личностью? Должна ли она занять мѣсто въ исторіи своего времени? Авторъ отвѣчаетъ на эти вопросы положительно, хотя въ этомъ позволительно сомнѣваться. Участь ея заслуживаетъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ удивленія. Она была остроумна, хитра, предусмотрительна, умѣла пользоваться своею красотой, но въ ней не было возвышенныхъ качествъ ума и сердца. Ей было двадцать лѣтъ, когда на ней женился послѣдній изъ Стюартовъ, Чарльсъ-Эдуардъ, такъ рельефно изображенный Вальтеръ Скоттомъ въ романѣ «Red gauntlet», въ его молодые годы, когда онъ кружилъ головы шотландскихъ женщинъ и велъ своихъ горцевъ къ побѣдѣ, въ битвѣ при Гладсмюирѣ. Но Чарльсъ — Эдуардъ въ изгнаніи, получавшій пенсію отъ французскаго двора и замышлявшій поднять якобинское возстаніе въ Англіи, не былъ уже блестящимъ юношею 1746 года, а жена его, малообразованная, легкомысленная, серьезно считала себя королевою, живя въ своемъ римскомъ дворцѣ, гдѣ соблюдался самый

строгій придворный этикетъ. Когда же пришлось оставить всѣ королевскія претензіи и переселиться въ гораздо болѣе скромный дворецъ во Флоренціи, она скоро сошлась съ поэтомъ Альфіери и жила съ нимъ въ Кольмарѣ, Парижѣ и Лондонѣ; въ послѣднемъ городѣ королева in partibus представилась Георгу III и въ послѣдствіи выпросила у него пенсію. Когда поэтъ умеръ во Флоренціи, разочаровавшись во французской революціи и ненавидя ее больше, чѣмъ ненавидѣла прежде королевскую власть, графиня Альбани писала: «счастье исчезло для меня въ этомъ мірѣ», но вскорѣ же утѣшилась, сойдясь съ живописцемъ Фабромъ, плохимъ ученикомъ Давида. Она прожила еще двадцать лѣтъ во Флоренціи, гдѣ ее посѣщали иностранцы, пріѣзжавшіе въ этотъ городъ. Девятнадцатилѣтній Ламартинъ явился къ ней на поклоненіе; она принимала особенно любезно ученаго Сисмонди; г-жа Сталь писала ей: «ma chère reine», Уго Фосколо повѣрялъ ей планы своихъ произведеній; Тикноръ описалъ жизнь ея во Флоренціи въ 1818 году, гдѣ она умерла восьмидесятилѣтней старухой. Вернонъ Ли собралъ объ ней всѣ подробности, между которыми встрѣчается много любопытныхъ, но большей части ихъ авторъ придаетъ уже слишкомъ много значенія. Онъ относится также слишкомъ строго къ Альфіери, отрицая въ немъ дарованіе и представляя его образцомъ надутаго самолюбія и чванства.

— Война Франціи съ Китаемъ придаетъ въ настоящее время особенный интересъ «Исторіи Китая» (History of China) Деметрія Боульджера. Предпринявъ составить эту исторію, авторъ прежде всего долженъ былъ рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли довольствоваться, какъ авторитетомъ, сочиненіями, де-Майлья и другихъ европейскихъ писателей объ этомъ предметѣ, или самому изучить китайскій языкъ, чтобы познакомиться въ подлинникѣ съ произведеніями китайскихъ историковъ. Избравъ первый путь, какъ болѣе легкій, Боульджеръ ограничилъ свою исторію тремя томами. Въ первомъ разсказываются событія отъ начала имперіи до паденія монгольской династіи, основанной Чингис-ханомъ, т. е. до 1368 года. Этотъ томъ обнимаетъ собою періодъ въ 4000 лѣтъ; второй описываетъ возникновеніе и паденіе династіи Мингъ до 1644 года и управленіе нынѣшней манджурской династіи до конца прошлаго столѣтія; наконецъ въ третьемъ томѣ разсказана исторія Китая отъ отреченія Кіен-Лунга въ 1795 году до 1881 года. Имперія, существующая болѣе 5000 лѣтъ почти съ одними и тѣми же нравами и обычаями, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изученія. Если въ ней мѣнялись династіи, вырождавшіяся, слѣдуя общему закону, черезъ 200—300 лѣтъ, то народъ оставался вѣренъ обычаямъ своихъ предковъ и стоитъ того, чтобы Европа ознакомилась съ его бытомъ, преданіями и міровоззрѣніемъ. Нынѣшняя династія падаетъ даже въ мнѣніи самихъ китайцевъ съ каждымъ новымъ царствованіемъ и если бы не помощь французскихъ и англійскихъ авантюристовъ, ей положило бы конецъ возстаніе тайпинговъ, поднявшееся еще въ 1850 году. Но оно же доказываетъ живучесть этой имперіи, которую не могутъ сломить даже страшныя внутреннія потрясенія. Поэтому-то нельзя ожидать, чтобы Китай призналъ превосходство Европы съ ея цивилизацiей и подчинился требованіямъ Франціи, если бы она даже захватила лучшія провинціи имперіи. Не надо забывать, что тайпинги владѣли третью лучшихъ провинцій Китая. Только взявъ Пекинъ, можно заставить упрямое, самонадѣянное и лукавое правительство заключить миръ съ варварами. Самыя страшныя потери народа не подвигнутъ на уступки разжирѣвшихъ мандариновъ, пока не будутъ затронуты ихъ собственныя шкуры.

— Любопытное сочиненіе не для однихъ педагоговъ представляетъ «Исторія воспитанія отъ его начала до нашего времени» (Geschichte der Erziehung von Anfang an bis auf unsere Zeit) К. Шмидта. Вышла только первая часть этого замѣчательнаго труда, обнимающая собою до христіанское воспитаніе. Авторъ ставитъ вообще воспитаніе въ зависимость отъ культуры, которая, въ свою очередь, замѣтно вліяетъ на него. Еще Лоренцъ Штейнъ признавалъ воспитаніе существенною частью науки правленія и Шмидтъ раздѣляетъ это убѣжденіе, пользуясь въ своемъ сочиненіи выводами своихъ предшественниковъ на поприщѣ педагогики и дидактики, въ особенности Вильманца,—но онъ приписываетъ слишкомъ большое значеніе теократическому воззрѣнію евреевъ на воспитаніе. Теоріи грековъ и римлянъ переданы отчетливо, но авторъ не довольствуется тѣмъ, что излагаетъ ихъ, а въ тоже время дѣлаетъ ихъ оцѣнку, высказывая объ нихъ свое мнѣніе, и такимъ образомъ является уже не исторія, а критика системъ и теорій.

— Вышелъ новый переводъ «Исторіи Александра Македонскаго» Арріана (The Annabasis of Alexander) Чайнока. Переводъ этотъ почти буквальный, но съ хорошими коментаріями. Извѣстно, что два лучшіе источника походовъ Александра составлены, почти черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ его смерти, на латинскомъ языкѣ Квинтомъ Курціемъ, оставившимъ только одно это сочиненіе, и на греческомъ Арріаномъ изъ Никомидіи. Послѣдняя исторія во многомъ отличается отъ книги Курція, дошедшей до насъ не вполнѣ, и Арріанъ утверждаетъ, что онъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ описаній современниковъ и полководцевъ Александра—Птоломея Лага и Аристовула. Книга Арріана дѣйствительно заслуживаетъ довѣрія и вниманія и удивительные походы Македонскаго героя переданы имъ даже лучше, чѣмъ новѣйшими историками Гроте и Тирльуолемъ. Чайнокъ не только передаетъ въ точности разсказъ подлинника, но и объясняетъ его темныя мѣста.

— Одинъ изъ потомковъ послѣдняго губернатора потерянныхъ Англіею колоній въ Сѣверной Америкѣ, Томаса Готчинсона, издалъ его «Дневникъ и письма» (The Diary and letters of Thomas Hutchinson). Этотъ правитель колоній въ Массачуветскомъ заливѣ приводилъ въ дѣйствіе мѣры англійскаго парламента, подавшія поводъ къ возстанію, и дѣйствія его подверглись сильному осужденію историковъ. Потомокъ утверждаетъ, что предокъ его былъ оклеветанъ злословіемъ и ненавистью и старается оправдать всѣ его поступки. Но потомокъ губернатора—не историкъ, и если сужденія Банкрофта и другихъ американскихъ историковъ о Готчинсонѣ слишкомъ строги, то совершенно обѣлить его нѣтъ никакой возможности. Авторъ настаиваетъ больше всего на томъ, что губернаторъ исполнялъ только королевскія приказанія. Но если приказанія противорѣчатъ законамъ совѣсти и человѣчества, честный человѣкъ долженъ отказаться отъ ихъ исполненія, хотя бы съ потерею своей власти и своего значенія. Готчинсонъ не сдѣлалъ этого и исторія осудила его, а изданія его записокъ и писемъ, не имѣющія никакой важности, не отмѣнятъ безпристрастнаго приговора.

— «Жизнь и время Вильгельма IV съ обозрѣніемъ общественной жизни и нравовъ этого царствованія» (The life and times of William IV, including a vieew of social life and manners during his reign)—объемистая компиляція Перси Фитцджеральда, откровенно признающагося въ предисловіи, что онъ заимствовалъ все, что нашелъ интереснаго и занимательнаго въ книгахъ Брума, Кемпбеля, Броутона, Рейкса, Гревиля и другихъ менѣе извѣст-

ныхъ писателей, какъ Маколея, Сиднея Смита, леди Морганъ, Гайворда и пр. Поэтому сочиненіе Фитцджеральда отличается обиліемъ фактовъ, не всегда важныхъ, но рисующихъ вѣрную картину того времени. Лучшая часть книги — первая половина ея, гдѣ разсказана жизнь герцога Кларенскаго, прежде чѣмъ онъ сдѣлался королемъ Англіи. Авторъ приводитъ, между прочимъ, прекрасную характеристику Вильгельма IV, написанную извѣстнымъ барономъ Штокмаромъ. Вообще новая книга автора «Жизни Георга IV» ни сколько не слабѣе его прежняго произведенія, доставившаго ему извѣстность, и также полнаго любопытныхъ подробностей. Личность Вильгельма, этого настоящаго вига на тронѣ, дѣлается вполнѣ ясною читателямъ изъ книги Фитцджеральда.

— Книга «Хедивы и паши, очерки современныхъ египетскихъ правителей и государственныхъ людей» (Khedives and Pashas, Sketches of contemporary egyptian rulers and statesmen) написана «однимъ изъ тѣхъ, кто ихъ хорошо знаетъ» (one, who knows them well), какъ сказано въ заглавіи — и это совершенно вѣрно. Только лицо, близкое къ этимъ лицамъ, могло сообщить объ нихъ такія интимныя свѣдѣнія. Особенной правдой дышутъ портреты трехъ первыхъ министровъ: самодовольнаго Ріаза-паши, хитраго, но непокладистаго, забавнаго, но смѣлаго Нубара-паши и Шерифа-паши, любящаго больше играть на бильярдѣ и гонять голубей, чѣмъ заниматься государственными дѣлами. Къ Араби-пашѣ авторъ относится строго и съ предубѣжденіемъ, можетъ быть потому, что былъ свидѣтелемъ бомбардированія Александріи и рѣзни въ ней. О приверженцахъ Араби, Махмудѣ Сами, Тульбѣ, Недимѣ, отзывы еще строже. Но всего интереснѣе характеристика двухъ послѣднихъ правителей Египта — Измаила и Тевфика. Авторъ очень снисходителенъ къ нимъ, но изъ того, что онъ сообщаетъ объ ихъ подвигахъ, видно, какъ печально положеніе народа, управляемаго такими личностями, неспособность, невѣжество и алчность которыхъ — внѣ всякаго сомнѣнія.

— «Царствованіе Генриха VIII отъ его восшествія на тронъ до смерти Вольсея» (The reign of Henry VIII from his accession to the death of Wolsey) написано покойнымъ профессоромъ Брюеромъ по офиціальнымъ документамъ. Еще прежде тотъ же авторъ издалъ на основаніи тѣхъ же источниковъ «Письма и бумаги царствованія Генриха VIII» и настоящій, неоконченный трудъ составляетъ резюме прежнихъ изслѣдованій. Онъ оканчивается 1530 годомъ и заключаетъ въ себѣ исторію первыхъ двадцати лѣтъ царствованія, изложенную чрезвычайно подробно и отличающуюся строгою правдивостью. Надо было изучить громадную массу матерьяловъ всякого рода, для того чтобы составить такое ясное изложеніе стольких важныхъ событій. Авторъ мастерски и вполнѣ вѣрно изображаетъ даже такія событія, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи Генриха VIII, какъ напр. разграбленіе Рима въ 1527 году шайками Конетабля Бурбонскаго. Брюеръ представляетъ также превосходную характеристику Лютера, мастерской разборъ «Утопіи» Томаса, Моруса и др. Однимъ словомъ, это вполнѣ серьезный, историческій трудъ.

— Книга бостонскаго профессора Ноурса «Американскія экспедиціи въ ледяные поясы» (American expeditions in the ice zones) появилась прежде, чѣмъ Соединенные Штаты встрѣтили съ такимъ почетомъ послѣднія жертвы полярныхъ изслѣдованій, лейтенанта Грилли и его товарищей, вернувшихся на родину послѣ страшныхъ страданій, какимъ они подвергались во время долгой стоянки во льдахъ. Но изъ описанія Ноурса видно, что эти

страданія — общи всѣмъ полярнымъ мореходамъ и если другіе не доходили до того, чтобы, умирая отъ голода, питаться, какъ Грилли, мясомъ ихъ умершихъ товарищей, то это не болѣе какъ счастливая случайность. Авторъ уже издалъ прежде, на счетъ правительства, исторію второй экспедиціи Галля къ полюсу, и теперь продолжаетъ описывать изслѣдованія Гевена, Кэна, Делонга, Гейеса, Роджерса, Барри и др., поиски за несчастной шкуной «Жанетта» антарктическое плаваніе командора Уилькса и пр. Читая описаніе всѣхъ этихъ странствованій и бѣдствій, невольно спрашиваешь себя: стоятъ ли открытія всѣхъ этихъ полярныхъ земель и морей, покрытыхъ вѣчнымъ льдомъ, тѣхъ многочисленныхъ человѣческихъ жизней, которыя погибли въ этихъ плаваніяхъ?

— Графъ Вильнёвъ-Гиберъ издалъ переписку и нѣсколько неизвѣстныхъ произведеній г-жи Дюпенъ, подъ названіемъ «Le Portefeuille de madame Dupin». Эта знаменитость второй половины XVIII вѣка, въ салонѣ которой собирались выдающіяся личности того времени, не была никогда писательницей по профессіи и потому всѣ ея мелкія замѣтки, мысли, отрывки — не имѣютъ литературнаго значенія; но въ ея портфелѣ нашлось нѣсколько писемъ къ ней извѣстныхъ писателей и философовъ,—и эти документы не безъ интереса прочтутся потомствомъ. Таковы письма Жан-Жака Руссо, выставляющія его не съ выгодной стороны. Онъ былъ учителемъ музыки у сына г-жи Дюпенъ и, живя кромѣ того у нея въ домѣ въ качествѣ секретаря, влюбился въ нее и сдѣлалъ ей признаніе среди музыкальнаго урока. Она встала, оскорбленная, и оставила Руссо, сказавъ ему: «вы лучше пронойте это!» Руссо и послѣ этой сцены остался учителемъ, получивъ прощеніе г-жи Дюпенъ и ея мужа, послѣ написаннаго имъ письма, въ которомъ выражено больше опасенія потерять выгодное мѣсто, чѣмъ раскаянія въ своей винѣ. Онъ говоритъ даже объ отвращеніи, которое внушаетъ г-жѣ Дюпенъ и проситъ позволенія остаться служить ей. Въ другихъ письмахъ философа — то льстивый тонъ, доходящій до унизительныхъ фразъ, то высокомѣріе эгоиста, оскорбляющагося даже такими пустяками, какъ присылкою ему въ подарокъ г-жею Дюпенъ вкуснаго кофе. Она хотѣла предоставить ему воспитаніе своего сына и философъ составляетъ для нея планъ этого воспитанія, непохожій на «Эмиля». Тамъ Руссо требуетъ для воспитателя безграничной и безконтрольной власти: отецъ далъ жизнь ребенку, мать вскормила его, ихъ роль окончена, — остальное должно принадлежать наставнику. Здѣсь онъ идетъ на уступки, даже требуетъ, чтобы родители помогали ему въ дѣлѣ развитія ребенка. Интересны также письма абата Сен-Пьера, мечтавшаго о всеобщемъ мирѣ и воспѣвавшаго госпожу Дюпенъ подъ именемъ Пистины, одаренной всѣми добродѣтелями: кротостью, великодушіемъ, терпѣніемъ, цѣломудріемъ въ особенности, такъ какъ на восторженныя посланія абата, она отвѣчала ему: «я заключила договоръ съ разсудкомъ»; и абатъ даже не подумалъ напомнить ей, что въ ея ранней молодости, злословіе говорило о другомъ договорѣ между нею и банкиромъ-милліонеромъ Самуиломъ Бернаръ. Зато Сен-Пьеръ доказываетъ ей, что женщина должна имѣть совершенно одинаковыя права съ мущиною, пользоваться полною свободою даже въ любви, какъ Сафо, Аспазія или Агнеса Сорель, «спасшая Францію, потому что любила свободно». Правда, все это абатъ пишетъ женщинѣ, мужъ которой могъ бы по годамъ быть ея отцомъ, только потому, что она намѣрена писать статью о способности женщинъ къ занятію общественныхъ должностей и всѣхъ званій, присвоенныхъ себѣ мужчинами; но тѣмъ не менѣе философъ—утопистъ

наивно восклицаетъ, что свѣтъ непремѣнно выигралъ бы много, еслибы женщины пользовались правомъ любить столько же мущинъ, сколько женщинъ любятъ мущины. Но философъ не склонилъ красавицу къ этимъ комунистическимъ идеямъ, какъ не склонилась она и къ невѣрію, несмотря на свои сношенія съ философами. Есть еще въ портфелѣ владѣтельницы замка Шенонсо, воспѣтаго поэтами вмѣстѣ съ его хозяйкой, письма Монтескье Битобе и др., но издатель говоритъ, что во время революціи духовникъ г-жи Дюпенъ уничтожилъ много ея бумагъ и писемъ изъ опасенія, что они могутъ компрометировать ее. Остается только пожалѣть, что они не дошли до насъ.

— Нѣмецкая журналистика усердно занимается изученіемъ русской журналистики. Въ послѣдней книжкѣ еженедѣльнаго органа «Unsere Zeit» помѣщенъ обширный этюдъ о Достоевскомъ, подъ рубрикою «Портреты изъ русской литературной жизни». Въ этомъ же отдѣлѣ были уже прежде помѣщены такія же обстоятельныя монографіи о Гоголѣ и Тургеневѣ. Кромѣ того въ томъ же журналѣ напечатана любопытная статья Дорнета «Поѣздка черезъ Литву въ Курляндію и Ригу». Рѣдко случается даже въ самыхъ руссофобныхъ изданіяхъ встрѣчать такую открытую ненависть къ Россіи, какъ въ этой статьѣ. Авторъ больше всего говоритъ о Ригѣ, съ грустью вспоминаетъ о томъ времени, когда городъ, основанный Бременомъ, поддержанный Любекомъ, процвѣталъ подъ нѣмецкимъ владычествомъ до тѣхъ поръ, пока «орды Шереметьева» не опустошили весь край. Но о нынѣшнемъ времени, когда «русское національное сумасбродство (Nationalitäts schwindel) подъ видомъ благодѣянія вбило колъ въ нѣмецкое тѣло», авторъ говоритъ просто съ пѣной у рта: дѣло идетъ о новомъ городовомъ положеніи, введенномъ въ Ригѣ. Въ то время, когда русская журналистика постоянно плачется о томъ, что русскій элементъ очень слабо проводится и укрѣпляется въ балтійскихъ провинціяхъ, нѣмцы дѣлаютъ печатно выкладки: долго ли еще Рига, а за нею и другіе балтійскіе города, останутся нѣмецкими городами. Болѣе всего достается отъ автора «ревизующему и диктаторствующему» тайному совѣтнику Манассеину. Его обвиняютъ даже въ учрежденіи сборищъ нигилистовъ между эстами и латышами. Распространеніе нигилизма въ Россіи приписывается административнымъ мѣрамъ. По поводу послѣдней ревизіи, авторъ вспоминаетъ о «Ревизорѣ» Гоголя и разсказываетъ при этомъ случай, какъ его дядя, какой-то Дмитрій Карловичъ, любимецъ Николая I еще съ времени воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ, отправленъ былъ императоромъ на ревизію города X. (къ чему же тутъ иксы?), гдѣ губернаторъ предложилъ ревизору 100.000 рублей серебромъ, если онъ скроетъ безпорядки въ госпиталѣ. Честный нѣмецъ не принялъ взятки и доложилъ обо всемъ государю, но получилъ въ отвѣтъ, что графъ Л., генералъ-лейтенантъ В., министръ Н. и другія лица нашли поступки ревизора въ X. грубыми и оскорбительными — и всѣмъ имъ было обѣщано, что жалоба останется безъ послѣдствій. Ему было даже прямо сказано, что онъ напрасно не взялъ ста тысячъ. (Авторъ приводитъ даже подробно бесѣду Дмитрія Карловича съ императоромъ). Статья оканчивается интересными фактами, относящимися къ ревизіи Манассеина, къ переходу эстовъ въ православіе и введенію русскаго языка въ офиціальныя сношенія. Послѣднія слова его: «Рига еще нѣмецкій городъ, но долго ли онъ такимъ останется?»

Отъ статей, дышащихъ ненавистью къ Россіи, пріятно перейти къ статьямъ, полнымъ сочувствія къ нашему отечеству. Таковъ въ еженедѣльномъ изданіи «Das Magazin für die Litteratur des In — und Auslandes» этюдъ Александра

Рейнгольдта «Литературная критика въ Россіи». Въ четырехъ, прекрасно составленныхъ очеркахъ авторъ знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ исторіей русской критики отъ Бѣлинскаго до нашего времени. Справедливо замѣтивъ въ началѣ статьи, что Германія въ послѣдніе 20—25 лѣтъ достаточно ознакомилась въ переводахъ съ русскими писателями, Рейнгольдтъ говоритъ, что мнѣніе самихъ русскихъ о своихъ писателяхъ, критическая оцѣнка ихъ, были почти вовсе неизвѣстны нѣмцамъ, или что еще хуже: русская журналистика представлялась разными Карловичами, Любомирскими и имъ подобными, какимъ-то разбойничьимъ вертепомъ, и на основаніи сужденій этихъ лицъ, историкъ литературы (переведенной и на русскій языкъ) Гонеггеръ, называетъ всю современную русскую словесность невоздѣланнымъ полемъ, на которомъ работаютъ матерьялизмъ и нигилизмъ. Но ее нельзя вполнѣ оцѣнить, не изучивъ русской журналистики, подавляющей книжную производительность. Всѣ наличныя, интелектуальныя силы Россіи работаютъ въ періодической печати и «положеніе журналиста въ русской жизни самое почетное и уважаемое». Эта печать въ настоящее время арсеналъ могущественныхъ орудій для распространенія здравыхъ идей, зеркало, въ которомъ современное общество видитъ изображеніе своихъ стремленій и идеаловъ. Таково мнѣніе автора, начинающаго исторію русской критики съ Бѣлинскаго, котораго онъ называетъ русскимъ Лессингомъ, замѣчая, однако, что Лессингъ, возставая противъ педантовъ и клерикаловъ, писалъ для образованной публики, въ эпоху когда процвѣтала наука, тогда какъ Бѣлинскій долженъ былъ объяснять своимъ читателямъ элементарныя понятія искуства, философіи, гуманности, здравыхъ понятій. Стѣсняемый придирчивою цензурою, критикъ долженъ былъ ограничиваться эстетическими и философскими выводами, но Рейнгольдтъ совершенно основательно примѣняетъ къ нему слова Гервинуса о Лессингѣ: «онъ былъ повивальною бабкою русской литературы», хотя и находитъ, что критика его была преимущественно идеалистическая, въ которой многое надо было читать между строками. Также вѣрно характеризуетъ авторъ послѣдователей Бѣлинскаго — Валерьяна Майкова, утонувшаго въ 1847 году, и Владиміра Милютина, застрѣлившагося въ 1855 г. Если къ этимъ лицамъ прибавить Добролюбова, умершаго отъ чахотки въ 1861 г., спившагося въ 1864 г. Аполона Григорьева, истощившаго свои силы неумѣренными удовольствіями Дружинина, утонувшаго или утопившагося въ 1868 г. Писарева, то получится мартирологія русскихъ критиковъ, скончавшихся преждевременно, не менѣе печальная, чѣмъ мартирологія первыхъ русскихъ поэтовъ и писателей. Характеристика всѣхъ этихъ критиковъ представлена авторомъ въ сжатыхъ, но вполнѣ вѣрныхъ чертахъ. Онъ говоритъ даже о лицахъ, подвизающихся въ самое послѣднее время на поприщѣ исторической и эстетической критики, — о Пыпинѣ, Скабичевскомъ, Арсеньевѣ, Михайловскомъ, Утинѣ, г-жѣ Цебриковой. Но полную справедливость отдаетъ Рейнгольдтъ услугамъ, оказаннымъ на поприщѣ цивилизаціи русскимъ журналамъ: «Современнику» и въ особенности, «Отечественнымъ Запискамъ», почти полвѣка дававшимъ возможность высказываться всѣмъ писателямъ, которые вошли въ исторію этого періода русской литературы. Въ послѣднемъ № этого же журнала помѣщено извѣстіе объ изданіи указателя (index), заключающаго въ себѣ перечень 125-ти сочиненій на русскомъ языкѣ, изъятыхъ изъ публичныхъ библіотекъ, гдѣ они обращались свободно въ теченіи послѣднихъ 25-ти лѣтъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Случай изъ жизни И. С. Тургенева.

Въ ОДНОМЪ изъ недавнихъ номеровъ газеты «Figaro» извѣстный французскій писатель Гюи де Мопассанъ помѣстилъ небольшой психологическій этюдъ, разбирающій чувство страха («La peur»). Въ статьѣ этой (трактующей о томъ, что всегда мы боимся того, чего не понимаемъ), между прочимъ, онъ передаетъ слышанный лично имъ самимъ разсказъ И. С. Тургенева. Сообщаемъ этотъ разсказъ въ полномъ переводѣ, желая сохранить его для будущихъ біографовъ Тургенева, какъ характерный эпизодъ изъ его молодости.

«Вотъ какую исторію разсказалъ намъ Тургеневъ, въ одно изъ воскресеній у Густава Флобера, говоритъ г. Мопассанъ. Не знаю, написалъ ли онъ ее гдѣ нибудь или нѣтъ.

«Никто не могъ сравниться съ великимъ романистомъ въ умѣньи своимъ разсказомъ повергать васъ въ дрожь передъ скрытымъ неизвѣстнымъ и въ полу-свѣтѣ странной исторіи развертывать передъ вами цѣлый міръ какихъ-то непонятныхъ, тревожныхъ и даже грозныхъ явленій. Онъ умѣлъ внушить этотъ страхъ передъ невидимымъ, страхъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, что скрывается сейчасъ за стѣной, за дверью, за предѣлами видимой жизни.

«Кажется иногда, что онъ уже показываетъ истинное значеніе странныхъ совпаденій и какъ будто бы чисто случайныхъ обстоятельствъ, но оказывается, что ими управляетъ чья-то скрытая воля. Онъ какъ бы даетъ вамъ чувствовать ту неуловимую нить, которая таинственно проходитъ черезъ всю нашу жизнь, какъ черезъ туманной сонъ, смыслъ котораго постоянно исчезаетъ.

«Онъ не переходитъ смѣло въ область сверхестественнаго, какъ Эдгаръ Поэ или Гоффманъ; онъ разсказываетъ простыя исторіи, только въ нихъ скрывается что-то странное,—что-то повергающее въ смущеніе.

«Въ тотъ вечеръ онъ тоже сказалъ: «Дѣйствительно, боишся только того, чего не понимаешь».

«Онъ сидѣлъ глубоко откинувшись въ своемъ большомъ креслѣ, свѣсивъ руки и вытянувъ ноги. Его совсѣмъ бѣлая голова утопала въ волнахъ серебрившихся волосъ и бороды. Онъ говорилъ медленно, съ какой-то лѣностью (придававшей еще большую прелесть его рѣчи), какъ бы запинаясь слегка на нѣкоторыхъ словахъ, что еще болѣе подчеркивало ихъ яркую мѣткость. Въ его нѣсколько утомленныхъ, широко открытыхъ глазахъ, какъ у ребенка, отражалось всякое движеніе его мысли.

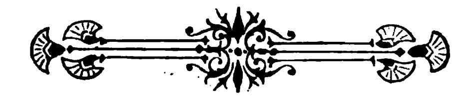
«Вотъ что именно разсказалъ намъ Тургеневъ.

«Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ охотился какъ-то разъ въ своемъ имѣньи. Проходивъ цѣлый день по лѣсу, онъ остановился на берегу рѣчки, сильно заросшей водорослями, но съ довольно чистой водой. Охотника охватило непреодолимое желаніе искупаться; онъ раздѣлся и поплылъ по теченію. Молодой, здоровый, отличный пловецъ, онъ плылъ тихо, безмятежно, ощущая лишь прикосновеніе водорослей.

«Вдругъ онъ почувствовалъ руку на своемъ плечѣ, обернулся и увидѣлъ страшное существо, съ жадностью взиравшее на него. Это была не то женщина, не то обезьяна. Ея громадное морщинистое лице улыбалось и дѣлало страшныя гримасы. Громадные, порыжѣвшіе отъ солнца волосы въ безпорядкѣ окружали и даже закрывали лицо этого чудовища.

«Тургеневъ ощутилъ ужасъ омерзенія, оцѣпеняющій страхъ передъ сверхъестественнымъ существомъ. Не разсуждая, не понимая, какъ потерянный, онъ сталъ плыть къ берегу; но чудовище настигало; съ радостнымъ хохотомъ, оно хватало его за спину, за ноги, за шею. Обезумѣвъ отъ страха, Тургеневъ достигъ, наконецъ, берега, быстро выскочилъ изъ воды и побѣжалъ черезъ лѣсъ, оставивъ ружье и платье. Страшное существо продолжало его преслѣдовать, осыпая ругательствами. Бѣглецъ, обезсиленный и пораженный страхомъ, падалъ уже отъ изнеможенія, когда мальчикъ, который пасъ скотъ, прибѣжалъ къ нему на помощь и сталъ хлестать страшное чудовище въ человѣческомъ образѣ, такъ что оно обратилось въ бѣгство, испуская отчаянные вопли. Тургеневъ видѣлъ, какъ оно исчезло въ листвѣ деревьевъ, совершенно какъ какая-нибудь горилла. Оказалось, что это была сумасшедшая, которая уже лѣтъ тридцать проживала въ лѣсу, питаясь тѣмъ, что ей давали пастухи, большую же часть дня проводя въ водѣ.

«Окончивъ свой разсказъ, великій русскій писатель прибавилъ: «Никогда въ моей жизни я не испытывалъ подобнаго страха, и это потому, что я не понималъ, что это было за чудовище».



СМѢСЬ.

Памятникъ Пушкину въ Петербургѣ. Въ концѣ лѣта, когда число болѣе или менѣе интеллигентныхъ жителей невской столицы замѣтно уменьшается, безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній, воззваній къ публикѣ, газетныхъ напоминаній и т. п., Петербургъ поставилъ, наконецъ, памятникъ своему великому поэту. Мы говоримъ—Петербургъ, потому что въ то время, когда на памятникъ поэту въ Москвѣ собиралась подписка по всей Россіи и въ торжествѣ участвовали всѣ оффиціальныя и неоффиціальныя учрежденія, у насъ и иниціатива, и исполненіе, и открытіе памятника принадлежитъ исключительно городской думѣ, то-есть, представителямъ петербургскихъ жителей, преимущественно торговцевъ и владѣльцевъ недвижимостей, элемента самаго консервативнаго, не увлекающагося никакими превратными толкованіями. Поэтому-то, конечно, и самое празднованіе открытія совершилось чрезвычайно тихо и скромно, далеко не такъ, какъ въ Москвѣ. Газеты посвятили ему нѣсколько оффиціальныхъ строкъ, не вспомнивъ даже о пресловутомъ «сближеніи» писателей всѣхъ лагерей, занимавшемъ тогда всю печать, не упомянувъ, что въ то время, когда въ другихъ городахъ запрещаютъ даже панихиды по народнымъ дѣятелямъ, какъ Кошелевъ и Корфъ, въ Петербургѣ чествуютъ поэта, называютъ даже его именемъ цѣлую улицу, и не одни полиціймейстеры, какъ Эртель, даютъ свои названія стогнамъ и торжищамъ столицы. Но какъ ни келейно старалась дума отпраздновать это открытіе, петербургская публика узнала однако объ немъ и приняла въ немъ участіе сколько могла. Съ утра вся Пушкинская улица, отъ Невскаго до Кузнечнаго переулка, запружена была толпою: въ скверѣ, около покрытой завѣсомъ статуи, находились представители городскаго общественнаго управленія, съ городскимъ головою въ главѣ и членами управы. Въ средѣ почетныхъ гостей, приглашенныхъ къ торжеству открытія, находились: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, петербургскій градоначальникъ, сынъ поэта, свиты его величества генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Пушкинъ, директоръ Александровскаго лицея съ воспитанниками, многіе литераторы... Молебенъ совершенъ былъ духовенствомъ Знаменской церкви. Послѣ провозглашенія многолѣтія государю императору и всему царствующему дому, провозглашено было многолѣтіе городскому общественному управленію и вѣчная память «великому русскому писателю Александру». Передъ водоосвященіемъ, со статуи спала завѣса и глазамъ присутствующихъ предстала бронзовая фигура незабвеннаго поэта во весь ростъ. Статуя Пушкина изображаетъ поэта стоящимъ со сложенными на груди руками; обнаженная голова его приподнята и взоръ обращенъ въ пространство. Статуя обращена лицомъ къ Невскому проспекту. Величина ея съ пьедесталомъ и цоколемъ около

трехъ саженей. На пьедесталѣ изъ сѣраго мрамора находятся надписи золотыми буквами, на передней сторонѣ: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», на задней: «Родился въ Москвѣ, 26 мая 1799 г., умеръ въ С.-Петербургѣ, 29 января 1837 г.»; съ правой стороны — выдержка изъ поэмы «Мѣдный Всадникъ»: «Природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно...», наконецъ, съ лѣвой стороны два стиха изъ «Памятника»: «Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой и назоветъ меня всякъ сущій въ немъ языкъ» и «И долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ». Послѣднія двѣ строчки исправлены по найденной въ румянцевскомъ музеѣ подлинной рукописи Пушкина. Поправка эта не изъ счастливыхъ и слѣдоваво бы оставить стихъ въ томъ видѣ, какъ его уже заучили русскіе люди. Вопросъ о постановкѣ памятника былъ рѣшенъ думою единогласно 27-го октября 1882 года. Высочайшее соизволеніе на постановку статуи послѣдовало 28-го апрѣля 1883 года. Городская управа поручила исполненіе этого дѣла академику-скульптору А. М. Опекушину, тому самому, которому принадлежитъ памятникъ Пушкина въ Москвѣ. Статуя поэта была имъ вылѣплена изъ глины и отлита изъ гипса къ октябрю 1883 года, а на бронзовомъ заводѣ Моранда отлита изъ артистической бронзы. Пьедесталъ сдѣланъ изъ чернаго полированнаго гранита. Общій расходъ простирается до 10,000 руб. Памятникъ оконченъ исполненіемъ въ іюлѣ, а открытіе его послѣдовало въ августѣ. «Городская дума, почтивъ великаго поэта сооруженіемъ памятника, исполнила этимъ желаніе всего образованнаго и даже просто грамотнаго населенія Петербурга»—говорилъ въ своей рѣчи въ думѣ товарищъ головы—«памятникъ поставленъ по рѣшенію городского общественнаго управленія, въ которомъ находятся представители всѣхъ классовъ петербургскаго населенія; слѣдовательно, отрадно видѣть, что не прошло еще и полвѣка со дня кончины писателя, а между тѣмъ сознаніе о величіи заслугъ Пушкина отечеству проникло во всѣ слои русскаго общества». Блаженъ, кто вѣруетъ въ это!..

Археологическій съѣздъ въ Одессѣ. 15-го августа открылся въ нашей южной столицѣ Россіи, какъ ее величаютъ одесситы, VI-й археологическій съѣздъ, продолжавшійся двѣ недѣли. Послѣ всѣхъ обычныхъ предварительныхъ церемоній, профессоръ Некрасовъ, за отсутствіемъ попечителя учебнаго округа, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ несомнѣнныя права Одессы быть однимъ изъ средоточій археологической науки, ибо въ прилежащихъ къ ней мѣстностяхъ много памятниковъ древности и въ городѣ жили и умерли многіе дѣятели, заявившіе себя усердными и плодотворными трудами на поприщѣ этой науки, каковы Надеждинъ, Мурзакевичъ, Брунъ и Григоровичъ. Почтенный ораторъ все прибрежье Чернаго моря пріурочивалъ къ сферѣ одесскаго средоточія. Онъ замѣтилъ также, что многіе изъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, добытыхъ изъ нѣдръ черноморской прибрежной территоріи, сдѣлались украшеніемъ петербургскаго Эрмитажа. Новороссійцы вообще недовольны тѣмъ, что многія интересныя археологическія находки поступили въ Эрмитажъ и другія солидныя хранилища, а не попали въ коллекціи ихъ крошечныхъ музеевъ, изъ которыхъ одинъ выстроенъ въ Одессѣ теперешнимъ городскимъ головою, а другой въ Ѳеодосіи построенъ извѣстнымъ живописцемъ Айвазовскимъ. Есть и въ Керчи тоже нѣчто въ родѣ музея. Такая любовь по своему очень почтенна въ одесситахъ и новороссійцахъ, но совершенное отсутствіе спеціалистовъ по нѣкоторымъ отраслямъ историко-археологической науки дѣлаетъ рѣшительно безплодною извѣстную часть нумизматическаго и рукописнаго матеріала, который не возбуждаетъ ничьего любопытства и будетъ лежать неразработаннымъ богъ-вѣсть до какого времени. Въ числѣ выдающихся делегатовъ, явившихся на съѣздъ, оказались также и иностранцы, хорваты Рачки и Любичъ. Поименованіе ихъ сопровождалось рукоплесканіями, вызванными особымъ обстоятельствомъ ихъ прибытія въ Одессу. Оба эти славянина—католики и духовныя лица, а такимъ лицамъ запрещенъ въѣздъ въ Россію. Объ этомъ забыли, приглашая ученыхъ на съѣздъ, и полиція, чуждая ученыхъ соображеній, пригласила ихъ выѣхать обратно изъ Одессы, даже арестовала ихъ на короткое время. Конечно, все это вскорѣ же разъяснилось, разрѣшеніе на пребываніе и занятіе наукою въ Россіи получено, но братья-славяне, ознакомившіеся «по недоразумѣнію» съ россійскою кутузкою, заявили своимъ сочленамъ по съѣзду, что

они совершенно довольны гостепріимствомъ и пріемомъ Одессы. Заявленіе это они сдѣлали, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ, сдѣлавшимся общеславянскимъ задолго до того времени, когда у насъ начали думать о пригодности русскаго языка для того, чтобы братья-славяне могли понимать другъ друга. Засѣданія съѣзда шли безостановочно каждый день, часто одновременно въ разныхъ отдѣлахъ утромъ и вечеромъ. Охотниковъ говорить и заявлять разные рефераты было такъ много, что не было возможности дать мѣсто всѣмъ чтеніямъ и заявленіямъ, изъ которыхъ многія и не имѣли прямого отношенія къ археологіи. Но у насъ такъ рѣдко разрѣшаются даже ученые съѣзды, что всѣ торопились высказать свои изслѣдованія и наблюденія, хотя и не прямо относящіяся къ дѣлу. Мы перечислимъ только главнѣйшіе рефераты. 16-го августа прочитаны два реферата: о первобытномъ гончарномъ производствѣ—князя Путятина, и исторія города Одессы—Орлова. Первый рефератъ, несмотря на слишкомъ спеціальное значеніе, благодаря живому изложенію, представляетъ много характерныхъ, не лишенныхъ научнаго интереса, комбинацій. Такъ, референтъ отмѣчаетъ, что въ эпоху «каменнаго вѣка» — глина играла весьма важную роль, благодаря тому, что изъ нея можно лѣпить все. Глину слѣдуетъ считать первымъ и единственнымъ матеріаломъ, положившимъ начало различнымъ отраслямъ искусствъ, ибо какъ только у человѣка родилась мысль объ украшеніяхъ, — онъ эту мысль немедленно осуществилъ съ помощью глины, украшая свою домашнюю утварь различными рисунками, о чемъ свидѣтельствуетъ первобытное гончарное искусство. Даже зачатки счетоводства и вообще зачатки письма обязаны глинѣ. У египтянъ и китайцевъ первоначальное письмо производилось на камнѣ, а чаще всего на глинѣ; говоря о русской первобытной письменности, референтъ сослался на остатки этой письменности въ Псковской, Тверской и Новгородской губерніяхъ, гдѣ до сихъ поръ неграмотные хозяева бумагу и карандашъ замѣняютъ дверями амбаровъ и бѣлой глиной (мѣлъ); знаки письма подтверждаютъ мысль реферата: полукружокъ, въ формѣ луны, обозначаетъ цифру 50; кружокъ, въ формѣ солнца — цифру 100; фигура, въ формѣ воротъ — цифру 500 и т. д. Первобытный человѣкъ лѣпилъ эти знаки изъ глины или вырѣзывалъ ихъ на деревѣ и камнѣ. Рефератъ г. Орлова объ основаніи города Одессы слишкомъ обширенъ: 150 печатныхъ листовъ, и новаго, кромѣ того, что уже имѣется въ массѣ сочиненій по этому вопросу, въ немъ нѣтъ. По вопросу объ ордаліяхъ, проф. Ковалевскій обратилъ особенное вниманіе на тождество пріемовъ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ у самыхъ разобщенныхъ народовъ арійской расы, свидѣтельствующее объ исконности этого кроваваго обычая, и исключающее всякую мысль о заимствованіи его однимъ народомъ у другого. Любопытно также было замѣчаніе о томъ, что примѣненіе варварскаго, пагубнаго для человѣка способа дознанія виновности испытуемыхъ имѣло мѣсто обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этой виновности не было никакого сомнѣнія, такъ что, стало быть, у людей происходилъ самообманъ: собственное сознаніе ихъ возводимо было на степень приговора существа высшаго. На случай же промаха, такъ сказать, въ подобномъ процессѣ существовали правила о томъ, какихъ субъектовъ и въ какое время слѣдовало подвергать испытаніямъ, напримѣръ, страдающихъ астмою не подвергали испытанію холодною водою; испытаніе огнемъ рекомендовалось производить въ дождливую погоду. Мало того, у средневѣковыхъ писателей имѣется множество рецептовъ для исцѣленія отъ увѣчій, причиняемыхъ испытаніями, если бы испытуемые все-таки вынесли ихъ и остались живы. Г. Бранденбургъ читалъ рефератъ о томъ, «Какія фибулы встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи?» Дѣло въ томъ, что фибулы (пряжки или застежки) извѣстнаго типа, встрѣчаясь въ курганахъ Ирландіи, Шотландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, въ Финляндіи, въ сѣверной половинѣ Россіи, служатъ однимъ изъ указателей торговыхъ путей, соединявшихъ разные народы въ отдаленнѣйшую эпоху. Депутатъ петербургской академіи художествъ, г. Сусловъ, говорилъ о деревянныхъ церквахъ въ Вологодской и частію въ Архангельской губерніяхъ. Эта деревянная архитектура тѣмъ особенно обращаетъ на себя вниманіе, что она оригинальна и вполнѣ наша отечественная церковная архитектура, именно, древне-новгородскаго типа. Одесскій профессоръ по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, Н. П. Кондаковъ, поднялъ интересный вопросъ о вліяніи византійскаго ис-

кусства на западно-европейское. Въ настоящее время нѣкоторые ученые, особенно нѣмецкіе (Шпрингеръ), оспариваютъ византійское вліяніе на западное искусство или стараются свести его къ крайнему минимуму. Референтъ доказалъ, что это явленіе было очень сильно не только въ древнее время, но и въ XI—XIV столѣтіяхъ, когда итальянское искусство уже шло своимъ полнымъ ходомъ. Сообщенія одесскаго профессора Ѳ. И. Успенскаго «О землевладѣніи въ Византіи по ея писцовымъ книгамъ» и московскаго профессора М. М. Ковалевскаго «О православныхъ рабахъ въ Испаніи въ XIV и XV столѣтіяхъ» отличались новизной данныхъ. Г. Успенскій выставилъ, что въ Византіи преобладала мелкая собственность, пока правительственными распоряженіями, очень стѣснительными для крестьянскаго хозяйства, не было произведено то, что свободные люди мало-по-малу должны были сдѣлаться крѣпостными. Г. Ковалевскій доказалъ неоспоримыми данными, что между православными рабами въ Испаніи находилось много русскихъ, увозившихся въ плѣнъ крымскими татарами, которые продавали ихъ на анатолійскіе рынки, откуда они поступали и во владѣніе испанскихъ помѣщиковъ.

Пятидесятилѣтіе Александровской колонны. 30-го августа, исполнилось 50 лѣтъ со дня открытія въ Петербургѣ, на площади Зимняго дворца, Александровской колонны, составляющей памятникъ Александру I; памятникъ состоитъ изъ цѣльнаго гранитнаго столба, поставленнаго на гранитномъ подножіи, украшенномъ аллегорическими барельефами, вылитыли изъ бронвы и представляющими походы 1812, 1813 и 1814 гооовъ. На обращенной ко дворцу сторонѣ пьедестала надпись: «Александру I-му, благодарная Россія». На вершинѣ колонны стоитъ ангелъ, даржа въ лѣвой рукѣ крестъ, а правою указывая на небо. Вышина всего памятника болѣе 22 саженъ, или 154 фута 9 дюймовъ; стержень изъ цѣльнаго гранита 84 фута (12 саженъ). Гранитъ для колонны взятъ изъ пютерлакской мызы (въ Финляндіи), находящейся въ Выборгской губерніи, въ 160 верстахъ отъ Петербурга, и привезенъ моремъ. Колонна была поднята на подножіе 30-го августа 1832 года, а черезъ два года послѣ того происходило открытіе монумента. Главнымъ архитекторомъ при отдѣлкѣ и поднятіи колонны былъ Монферранъ, строитель Исаакіевскаго собора, а ангелъ на колоннѣ изваянъ академикомъ Орловскимъ. По случаю открытія Александровской колонны, Добелла составилъ и издалъ книгу, подъ названіемъ: «30 августа 1834 года, или чувства и мысли при созерцаніи колонны, посвященной безсмертной памяти императора Александра I-го».

Московское археологическое общество. Изъ отчета о дѣятельности московскаго археологическаго общества оказывается, что въ теченіи минувшаго 1883 года общество имѣло 11 засѣданій, считая въ томъ числѣ соединенное засѣданіе съ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, состоявшееся въ годовщину трехсотлѣтія со дня смерти перваго московскаго книгопечатника діакона Ивана Ѳедоровича. Дѣятельность общества была сосредоточена на изслѣдованіи кургановъ и городищъ и на сохраненіи памятниковъ старинной русской архитектуры; работы по возобновленію стѣнописи Владимірскаго Успенскаго собора близки къ окончанію. Обществомъ было приступлено въ теченіи года къ реставраціи церкви въ селѣ Микулинѣ-Городищѣ, построенной въ концѣ XIV вѣка княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ и освященной Арсеніемъ тверскимъ. Библіотека и музей общества обогатились въ 1883 году нѣсколькими интересными и цѣнными пріобрѣтеніями, найденными при раскопкахъ или состоящими изъ членскихъ и частныхъ пожертвованій.

Находка въ Симферополѣ. Въ іюнѣ отправлена изъ Симферополя въ археологическую коммисію интересная находка. Нѣсколько крестьянъ Мелитопольскаго уѣзда, отыскивая для ломки камень, разрыли, близь села Большой-Знаменки, курганъ, въ которомъ оказался деревянный склепъ, состоящій изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ изъ нихъ найденъ скелетъ человѣка, около него находилась длинная сабля, совершенно истлѣвшая, и потому, когда прикоснулись къ ней, разломавшаяся на куски; затѣмъ было найдено много разныхъ костей людскихъ и лошадиныхъ, а во второмъ отдѣленіи склепа — четыре однообразныхъ ножки, длиною до 2 вершковъ, съ сквозными продольными отверстіями; кромѣ того, въ этомъ же отдѣленіи найдены: мѣдная четырехъ-угольная палочка, крючокъ, въ видѣ змѣйки, изъ желтой мѣди, и нѣ-

сколько тонкихъ пластинокъ этого же металла, служившихъ, вѣроятно украшеніемъ какого-либо одѣянія или убора. На полу склепа, сдѣланномъ изъ желтой глины, настланы были ковры, совершенно сгнившіе. За склепомъ идутъ деревянные коридоры, въ которыхъ крестьяне не были.

Послѣдніе результаты раскопокъ Шлимана. Очень важны недавно полученные результаты раскопокъ, произведенныхъ Генрихомъ Шлиманомъ въ Тиринсѣ, гдѣ онъ открылъ постройки, составлявшія дворецъ и два храма. Устройство, мѣстонахожденіе и положеніе всѣхъ этихъ построекъ вполнѣ согласуются съ такими же храмами и дворцами другого доисторическаго города, найденнаго и описаннаго Шлиманомъ въ Гиссарликѣ, и это помогаетъ опредѣленію времени построенія недавно-открытыхъ зданій. Судя по остаткамъ стѣнной живописи, тиринскія постройки древнѣе микенскихъ; кромѣ того, въ первыхъ найдено много сосудовъ, несомнѣнно гораздо раньше употреблявшихся въ древности, чѣмъ найденные въ Гиссарликѣ.

Годичный праздникъ общества журналистовъ въ Лондонѣ. Въ Лондонѣ состоялся подъ предсѣдательствомъ лорда Гэмдена, годичный праздникъ журналистовъ. На праздникѣ присутствовали: кардиналъ Маннингъ, много лордовъ и членовъ палаты общинъ, выдающіеся политическіе и военные дѣятели и литераторы. Провозгласивъ тостъ за процвѣтаніе общества журналистовъ, лордъ Гэмденъ (бывшій спикеръ палаты общинъ), произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на большія услуги, оказываемыя періодическою прессою парламенту. «Во время оно, сказалъ между прочимъ благородный лордъ, между парламентомъ и прессою бывали столкновенія, но будемъ надѣяться, что въ будущемъ обѣ эти державы будутъ взаимно уважать другъ друга и оставаться въ сферѣ своихъ правъ и обязанностей. Существованіе печати мыслимо и безъ парламента, но парламентъ безъ прессы существовать не можетъ». Сдѣланная за обѣдомъ подписка въ пользу фонда журналистовъ дала около 10,000 руб.

† Членъ военнаго совѣта, генеральнаго штаба генералъ-отъ-инфантеріи **Апполонъ Эрнестовичъ Циммерманъ**, на 60-мъ году. Онъ родился въ 1825 году, началъ службу въ 1843 году, въ 14-мъ гусарскомъ митавскомъ полку. Получивъ образованіе въ военной академіи и окончивъ курсъ въ 1847 году, онъ вскорѣ выступилъ на боевое поприще, причемъ, благодаря своимъ способностямъ, пріобрѣлъ репутацію боевого офицера. Во время восточной войны полковникъ Циммерманъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на закавказской границѣ, гдѣ заслужилъ орденъ Георгія 4-й степени, а затѣмъ въ оборонѣ Севастополя, въ должности помощника начальника штаба севастопольскаго гарнизона. Въ 1860 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на нашихъ среднеазіатскихъ окраинахъ, въ званіи начальника экспедиціоннаго отряда. Затѣмъ, послѣ службы въ различныхъ должностяхъ на Кавказѣ и въ Западной Сибири, онъ, въ 1863 году, назначенъ начальникомъ штаба виленскаго военнаго округа въ періодъ польскаго мятежа. Затѣмъ командовалъ сначала 4-й пѣхотною, а потомъ 2-й гренадерскою дивизіями. Въ 1876 году онъ назначенъ командиромъ 14-го армейскаго корпуса, съ которымъ дѣйствовалъ въ 1877 году на Нижнемъ Дунаѣ и въ Добруджѣ. Корпусъ этотъ не одержалъ блестящихъ побѣдъ, не участвовалъ въ большихъ сраженіяхъ, но содѣйствовалъ свободнымъ движеніямъ главной арміи. Циммерманъ былъ человѣкъ умный, образованный, обладалъ превосходной библіотекой, гдѣ было много рѣдкихъ рукописей, и охотно открывалъ ее для литераторовъ. После него остались весьма интересныя записки, которыя однако еще не скоро увидятъ свѣтъ.

† Въ прошломъ мѣсяцѣ въ Берлинѣ извѣстный египтологъ **Карлъ-Рихардъ Лепсіусъ**. Онъ родился въ 1811 году въ Наумбургѣ. Прослушавъ курсъ филологическихъ наукъ и сравнительнаго языковѣдѣнія въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ и Берлинѣ, молодой Лепсіусъ отправился въ Парижъ, гдѣ академія наукъ присудила ему премію за сочиненіе: «Палеографія, какъ средство къ изслѣдованію въ области языковѣдѣнія». Послѣ того, какъ еще два другихъ сочиненія его признаны были тою же академіею достойными премій, Лепсіусъ отправился въ Италію. Въ 1837 году появилось въ Римѣ его письмо къ Розелини о іероглифическомъ алфавитѣ. Вслѣдъ затѣмъ Лепсіусомъ изданы были первые вѣрные древнеегипетскіе тексты. Одновременно съ этимъ онъ занимался изслѣдованіемъ этрусскаго и оскаго языковъ и результатомъ

этихъ изслѣдованій было нѣсколько сочиненій. Изъ Италіи Лепсіусъ поѣхалъ въ 1842 году въ Англію, гдѣ ему удалось организовать научную экспедицію въ Египетъ. Экспедиція провела въ Египтѣ три года, добывъ драгоцѣнныя данныя объ исторіи и культурѣ страны фараоновъ. Назначенный по возвращеніи на родину въ 1846 году профессоромъ при берлинскомъ университетѣ и избранный членомъ Берлинской академіи наукъ, Лепсіусъ издалъ на казенный счетъ «Памятники Египта и Эѳіопіи» (12 томовъ in-folio, съ 650 таблицами рисунковъ, 1849—1860). Это одно изъ роскошнѣйшихъ и коллоссальнѣйшихъ изданій, богатое свѣдѣніями, служащими основаніемъ всякихъ изслѣдованій въ области древне-египетскихъ памятниковъ и языковѣдѣнія. Для профановъ Лепсіусъ написалъ книгу: «Письма изъ Египта, Эѳіопіи и съ Синайскаго полуострова» и много сочиненій о различныхъ періодахъ древняго Египта и его историческихъ памятникахъ. Съ 1855 года Лепсіусъ поставилъ себѣ спеціальною задачею составленіе и введеніе всеобщаго лингвистическаго алфавита, и въ 1863 году ему удалось достигнуть такого результата съ 120 языками. Съ 1864 года Лепсіусъ состоялъ редакторомъ «Zeitschrift für egyptische Sprache und Alterthumskunde», и благодаря ему журналъ этотъ пріобрѣлъ значеніе международнаго научнаго органа. Въ 1866 году онъ совершилъ вторичное путешествіе въ Египетъ и опять сдѣлалъ тамъ весьма важныя научныя открытія. Съ 1878 года Лепсіусъ занималъ постъ главнаго библіотекаря Берлинской королевской библіотеки.

† Въ Аѳинахъ извѣстная путешественница **Карла Серена**, имя которой памятно и въ Россіи. Оставшись вдовой,—мужъ ея былъ въ числѣ сорока изгнанниковъ венеціанской республики 1849 года—Карла Серена отправилась въ Вѣну въ 1873 году и плодомъ этого путешествія были ея «Lettres d'Autriche» («Письма объ Австріи»). Потомъ она поѣхала въ Стокгольмъ, откуда проѣхала по Швеціи и Норвегіи. Изданныя ею «Lettres scandinaviennes» удостоились золотой медали «Litteris et Artibus», пожалованной шведскимъ королемъ. Потомъ Серена посѣтила Россію, Турцію, Египетъ, Палестину, Сирію, Малую Азію и Грецію. Путешествіе по Греціи описано ею въ «Lettres helléniques». Но самое важное путешествіе совершено ею на Кавказъ. Здѣсь она пробыла два года и собранныя ею наблюденія изложила въ обширномъ двѣнадцатитомномъ трудѣ «Le Caucase». Во время ея пребыванія на Кавказѣ началась русско-турецкая война. Карла Серена принуждена была провести зиму въ Персіи и затѣмъ уже оттуда побывала на берегахъ Каспійскаго моря, на Волгѣ и въ Калмыцкихъ степяхъ. Изъ Россіи она прибыла въ Вѣну, гдѣ географическое общество избрало ее въ члены. Такую же честь оказало ей и Парижское географическое общество. Принявъ участіе въ антропологическомъ конгрессѣ въ Лиссабонѣ, Серена въ Мадридѣ, въ географическомъ обществѣ, прочла лекцію о нравахъ и обычахъ посѣщенныхъ ею странъ. Въ 1881 году Карла Серена вторично была на Кавказѣ. Король Италіи наградилъ путешественницу въ 1882 году золотою медалью, нарочно для нея изготовленною. Послѣдній ея трудъ явился всего годъ назадъ. Онъ озаглавленъ «Hommes et choses en Perse». Это родъ законченныхъ очерковъ, нравовъ и бытовыхъ условій Персіи, которые, какъ все, что ею написано, отличаются живымъ, образнымъ наложеніемъ и наблюдательностью.

† 1-го августа въ Вѣнѣ извѣстный писатель, драматургъ и поэтъ **Генрихъ Лаубе**. Онъ родился въ 1806 году, въ Шпроттау, въ Силезіи, по окончаніи гимназическаго курса поступилъ на богословскій факультетъ въ Галле, былъ домашнимъ учителемъ и въ 1832 году переселился въ Лейпцигъ, чтобы обезпечить себѣ свободное существованіе литературнымъ трудомъ. Вслѣдствіе высказаннаго имъ сочувствія къ французской революціи 1830 года, Лаубе подвергся преслѣдованіямъ, былъ высланъ изъ Саксоніи и просидѣлъ девять мѣсяцевъ въ берлинской тюрьмѣ. Сочиненія его были конфискованы, какъ пропитанныя духомъ «юной Германіи», подвергавшейся тогда жестокимъ гоненіямъ. Въ 1837 году Лаубе опять былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ. Въ 1839 году онъ путешествовалъ по Франціи и Алжиріи и по возвращеніи вновь поселился въ Лейпцигѣ. Избранный въ 1848 году городомъ Эльбогеномъ въ члены германскаго парламента, онъ въ мартѣ 1849 году вышелъ въ отставку. Въ томъ же году вышло его политическое сочиненіе: «Первый германскій парламентъ». Въ 1849 году онъ былъ приглашенъ въ Вѣну въ званіи артистическаго директора императорскаго драма-

тическаго театра и въ этой должности пробылъ до 1867 года. Лаубе стремился создать образцовый репертуаръ, въ которомъ съ классическими драмами передавались бы лучшія произведенія современнаго драматическаго искусства. Онъ самъ написалъ исторію своего управленія въ книгѣ «Das Burgtheater» (1869 г.). Въ 1869 году онъ былъ назначенъ директоромъ лейпцигскаго, а въ 1872 году директоромъ вѣнскаго городскихъ театровъ. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ, а также принципы, которыхъ онъ держался при управленіи тѣмъ и другимъ театромъ изложены имъ въ книгахъ: «Сѣверогерманскій театръ» (1872 г.) и «Вѣнскій городской театръ» (1875 г.). Какъ писатель, Лаубе выступилъ въ драмѣ «Густавъ-Адольфъ», вслѣдъ за которою вышли въ свѣтъ историко-политическіе очерки «Новый вѣкъ» и романъ «Юная Европа». Его «Любовныя письма» и повѣсти «Актриса» и «Счастье»—варіаціи на прежнія темы. Его «Reisenovellen», написанныя въ продолженіе знаменитыхъ «Reisebilder» Генриха Гейне, свидѣтельствуютъ о наблюдательности автора. Затѣмъ онъ издалъ полное собраніе сочиненій Гейне и написалъ «Исторію нѣмецкой литературы» (1840 г., 4 тома), слабое произведеніе, заставившее его вернуться на прежній путь. Съ 1841 по 1847 годъ онъ написалъ нѣсколько романовъ и повѣстей, въ томъ числѣ «Претендентъ» (извѣстная исторія графа Наундорфа) и «Графиня Шатобріанъ», а въ 1848 году появился его «Парижъ въ 1847 г.», въ которомъ прекрасно изложена парламентская борьба между Тьеромъ и Гизо. Одновременно съ беллетристикою Лаубе занимался и драмою. Трагедія «Рококо» и комедія «Янтарная вѣдьма» не особенно удачны, за то имѣли большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ трагедія «Струэнзе» и комедіи «Готшедъ и Геллертъ», «Karlsschüler». Но лучшее изъ всѣхъ драматическихъ произведеній Лаубе, это трагедія «Графъ Эссексъ» (1856 г.). Новѣйшія театральныя произведенія его, какъ «Злые языки» и «Желѣзный Катонъ» (1868 г.) свидѣтельствуютъ о подчиненіи его вліянію французской школы». Попытка закончить недоконченную трагедію Шиллера «Лжедимитрій» Лаубе не удалась, какъ не удалась и многимъ другимъ. Зато въ романѣ «Германская война» (1865—1868 г., 9 томовъ), талантъ Лаубе проявился во всей его силѣ. Этотъ романъ считаютъ лучшимъ произведеніемъ многосторонняго и плодовитаго писателя. Первымъ томомъ своихъ «Воспоминаній» (1875 г.) Лаубе приступилъ къ полному собранію своихъ сочиненій. Полное собраніе его драматическихъ сочиненій было издано еще раньше (13 томовъ).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Двѣ народныя поговорки.

Въ № 8 «Историческаго Вѣстника» за 1884 годъ помѣщена крайне интересная статья г. Бѣлова: «Русская исторія въ поговоркахъ». Но исчерпать вопросъ, затронутый почтеннымъ авторомъ, въ настоящее время невозможно; у насъ до сихъ поръ не существуетъ ни одного сборника историческихъ поговорокъ, а потому предъ изслѣдователемъ не раскрывается еще вполнѣ народная исторія съ ея своеобразными взглядами и пониманіемъ переживаемыхъ историческихъ эпохъ. Въ одной изъ приволжскихъ губерніи мнѣ пришлось слышать нѣсколько поговорокъ, изъ которыхъ припоминаю двѣ слѣдующихъ: «Сходи въ Новгородъ поучись уму-разуму». Такъ далеко разнеслась слава Новгорода, какъ самостоятельнаго, независимаго и умнаго хозяина! Не знаю была ли извѣстна г. Бѣлову вторая, такъ какъ она касается неумѣнья Петра Великаго плесть лаптей, о чемъ онъ упоминаетъ. Мнѣ случилось ее слышать въ такой формѣ: «Ихъ (лапти) Петръ царь плёлъ, да и проклёлъ» (проклялъ).

А. Г.

Два палача скрутили назадъ руки Саванаролы и связали ихъ на спинѣ концомъ веревки, перекинутой черезъ перекладину, между тѣмъ какъ другой конецъ ея былъ прикрѣпленъ къ мотовилу. Съ помощью колеса его подняли кверху до сводовъ и затѣмъ внезапно сбросили внизъ съ высоты. Паденіе было такъ сильно что слышно было какъ хруснули суставы; изъ груди мученика вырвался подавленный крикъ.

— Сознайтесь, патеръ! сказалъ съ притворнымъ смиреніемъ инквизиторъ Торріани, стараясь придать своему голосу убѣдительный тонъ.

— Я сознаюсь въ томъ, отвѣтилъ Джироламо, что любилъ народъ и хотѣлъ дать ему свободу... я уважалъ церковь и желалъ видѣть ее обновленной...

Слова эти отчетливо прозвучали среди мертвой тишины, царившей въ залѣ.

— Поднимите его снова! крикнулъ повелительнымъ голосомъ папскій коммиссаръ; и палачи, исполнивъ это приказаніе, вторично сбросили съ высоты злополучную жертву инквизиціи. Пытка была повторена до четырехъ разъ, пока, наконецъ, Саванарола, изнемогая отъ боли, пробормоталъ:

— Господи, сжалься надъ моей бѣдной душой!

Судьи надѣялись, что наступилъ удобный моментъ, чтобы смирить гордость еретика, и воскликнули въ одинъ голосъ:

— Сознайся, что ты служилъ сатанѣ и хотѣлъ ввести народъ въ соблазнъ своими проповѣдями!

Саванарола ничего не отвѣтилъ и только отрицательно покачалъ головой.

Послѣ этого его трижды поднимали до сводовъ и сбрасывали съ высоты. Въ послѣдній разъ глаза его выступили изъ орбитъ; онъ судорожно открылъ ротъ, но изъ горла раздался глухой храпъ, такъ что съ трудомъ можно было разслышать слова:

— Я сознаюсь, что...

Онъ не могъ кончить начатой фразы, потому что у него изо рта хлынула кровь. Судьи приказали развязать ему руки, послѣ чего палачи положили его на матрацъ въ безчувственномъ состояніи.

Доменико Буонвичини и Маруффи подверглись такимъ-же истязаніямъ, какъ ихъ настоятель, но не измѣнили своимъ убѣжденіямъ.

Когда Саванарола опомнился отъ продолжительнаго обморока, онъ долженъ былъ выслушать протоколъ мнимыхъ признаній, сдѣланныхъ имъ подъ пыткой, который былъ прочитанъ фискаломъ Франческо Ароне.

Саванарола старался дать себѣ отчетъ въ сказанныхъ имъ словахъ, но не могъ ничего припомнить кромѣ того, что вынесъ не-

выразимыя мученія. Въ числѣ присутствовавшихъ монаховъ онъ увидѣлъ съ глубокимъ огорченіемъ нѣсколькихъ доминиканцевъ изъ монастырь Санъ-Марко,

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ взволнованнымъ прерывающимся голосомъ:

— Я признаю за истину все, что я проповѣдывалъ и говорилъ прежде. Если во время пытки мною были дѣйствительно сказаны тѣ слова, которыя записаны въ протоколѣ, то я отрекаюсь отъ нихъ, потому что они были вызваны ужасными мученіями. То, чему я училъ народъ, всегда останется непреложной истиной, хотя по своей тѣлесной немощи я не могъ вынести истязаній, которымъ подвергли меня и, быть можетъ, подъ пыткой сознался въ небывалыхъ преступленіяхъ. Поэтому я протестую противъ прочитанныхъ показаній.

Но папскій коммиссаръ, не обращая вниманія на его слова, настойчиво требовалъ, чтобы онъ письменно подтвердилъ свои показанія. Инквизиторъ съ своей стороны снова отдалъ приказъ палачамъ схватить подсудимаго; но Саванарола отстранилъ ихъ знакомъ руки и изъявилъ согласіе подписать ту часть протокола, которая по его мнѣнію до извѣстной степени соотвѣтствовала фактамъ. Затѣмъ, подписавъ свое имя, онъ сказалъ слабымъ голосомъ:

— Я отдаю свою душу Богу и готовъ принести себя въ жертву за свободу народа...

Узника отвели назадъ въ тюрьму, гдѣ онъ безъ всякой помощи или слова участія былъ предоставленъ своимъ тѣлеснымъ и нравственнымъ страданіямъ.

Вслѣдъ затѣмъ «Signoria» собралась въ большой залѣ паллаццо, гдѣ кромѣ того присутствовала многочисленная публика изъ всѣхъ сословій. Фискалъ Франческо Ароне, прочитавъ протоколъ процесса, добавилъ:

— Я выбралъ только немногія мѣста изъ протокола, потому что если бы я прочелъ его отъ начала до конца и представилъ всѣ показанія узника, то дѣло приняло бы совсѣмъ иной видъ. Но я прохожу остальное молчаніемъ, потому что нахожу неудобнымъ посвящать всѣхъ присутствующихъ въ тайны нашего города.

Это объясненіе было ловко придумано, чтобы подорвать послѣднее довѣріе народа къ Саванаролѣ, такъ какъ слова фискала были истолкованы въ томъ смыслѣ, что настоятель Санъ-Марко выдалъ многія важныя тайны, которыя были сообщены ему на исповѣди. Такимъ образомъ принятъ былъ систематическій способъ дѣйствій, чтобы уронить ученіе реформатора. Враги его намѣренно умалчивали о вынесенныхъ имъ мученіяхъ и только выставляли на видъ тотъ фактъ, что онъ сознался въ своей виновности. Грубая, невѣжественная толпа все еще была раздражена противъ него за неудавшійся судъ Божій; и даже его приверженцы не могли понять,

что человѣкъ, который изгналъ именемъ Божіимъ Медичисовъ изъ Флоренціи и смирилъ честолюбіе Карла VIII, не въ состояніи былъ совершить чудо.

Оффиціальный защитникъ Саванаролы, Анджело Пандольфини, употребилъ всѣ усилія для спасенія своего кліента, но противники несчастнаго монаха были слишкомъ сильны и многочисленны. Гонцы одинъ за другимъ привозили изъ Рима папскія буллы, въ которыхъ расточались обѣщанія и угрозы въ то время, какъ Медичисы съ своей стороны не щадили денегъ.

Наконецъ, 22-го мая 1498 года, составленъ былъ приговоръ, по которому Саванарола и его двое товарищей были осуждены на смертную казнь. Трое подсудимыхъ присутствовали при чтеніи приговора передъ судомъ. На лицѣ Джироламо не выразилось ни малѣйшаго волненія; онъ обнялъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ и убѣждалъ ихъ не терять присутствія духа до послѣдней минуты. Затѣмъ, онъ поднялъ глаза къ небу и, подобно распятому Христу, молилъ Бога простить его враговъ и ниспослать благословеніе на ослѣпленный народъ.

Для флорентинцевъ наступили дни волненія и напряженнаго ожиданія. Тѣ, которые въ глубинѣ души все еще были убѣждены, что стремленія Саванаролы угодны Богу, надѣялись, что ради него совершится чудо, между тѣмъ, какъ другіе, убѣжденные въ его сношеніяхъ съ сатаной, ожидали, что онъ въ критическую минуту спасетъ себѣ жизнь съ помощью волшебства.

Въ это время Саванарола готовился къ смерти. Не разъ воображеніе рисовало ему дни счастливаго дѣтства, когда онъ сидѣлъ на колѣняхъ любящей матери и приносилъ ей цвѣты, нарванные въ полѣ. Затѣмъ онъ представлялъ себя въ отроческомъ возрастѣ, когда въ немъ впервые пробудились тѣ высокія стремленія, которыя впослѣдствіи прославили его имя. Всѣ эти сладкія воспоминанія были связаны съ Феррарой, гдѣ онъ прожилъ лучшее время своей жизни. Пребываніе въ Болоньи и тяжелое испытанное имъ горе дали другое направленіе его дѣятельности. Отсюда мысли узника невольно переносились во Флоренцію, гдѣ уваженіе народа, для котораго онъ столько разъ жертвовалъ жизнью, подняло его на недосягаемую высоту.

Такимъ образомъ, дорогія воспоминанія прошлаго время отъ времени освѣщали для него своимъ золотистымъ отблескомъ печальное настоящее и проясняли его чело, омраченное близостью смерти.

Но ему предстояло еще новое испытаніе отъ грубости и непониманія солдатъ, бывшихъ на караулѣ у его тюрьмы, которые не считали нужнымъ стѣсняться съ нимъ. Они врывались во всякое время дня и ночи въ его темницу, насмѣхались надъ нимъ и угрожали побоями, если онъ не представитъ имъ какое либо доказа-

тельство своей сверхъестественной силы. Они хотѣли, чтобы онъ превратилъ камни въ золото и продѣлалъ фокусы, которыми въ тѣ времена мнимые волшебники обманывали народъ.—Смерть у тебя за плечами, говорили они, пора творить чудеса!..

Саванарола молча выслушивалъ насмѣшки и грубыя шутки солдатъ; онъ настолько ослабѣлъ тѣломъ и духомъ отъ вынесенныхъ имъ истязаній, что съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать смертной казни.

Наконецъ, наступилъ желанный день. Рано утромъ, дверь его темницы отворилась; онъ отправился въ сопровожденіи стражи въ капеллу, куда вслѣдъ за нимъ приведены были его двое товарищей. Смертельная блѣдность покрывала ихъ лица; они казались больными и измученными. Послѣ принятія Св. Даровъ, которые они взаимно поднесли другъ другу, ихъ повели на казнь.

Когда трое приговоренныхъ достигли площади, епископъ Паганотти лишилъ ихъ по принятому обычаю духовнаго сана, послѣ чего инквизиторъ Торріани снялъ съ нихъ монашеское облаченіе, такъ что они остались въ нижнемъ платьѣ, безъ обуви.

Саванарола попросилъ, чтобы ему возвратили на минуту его доминиканскую рясу и, приложившись къ ней, сказалъ громкимъ голосомъ.

— Святое одѣяніе, съ какимъ томленіемъ я нѣкогда стремился къ тебѣ! Впослѣдствіи, когда мое желаніе исполнилось, я хранилъ тебя чистымъ и незапятнаннымъ до настоящей минуты, и никогда бы не разстался съ тобой, еслибы меня насильственно не принудили къ этому!..

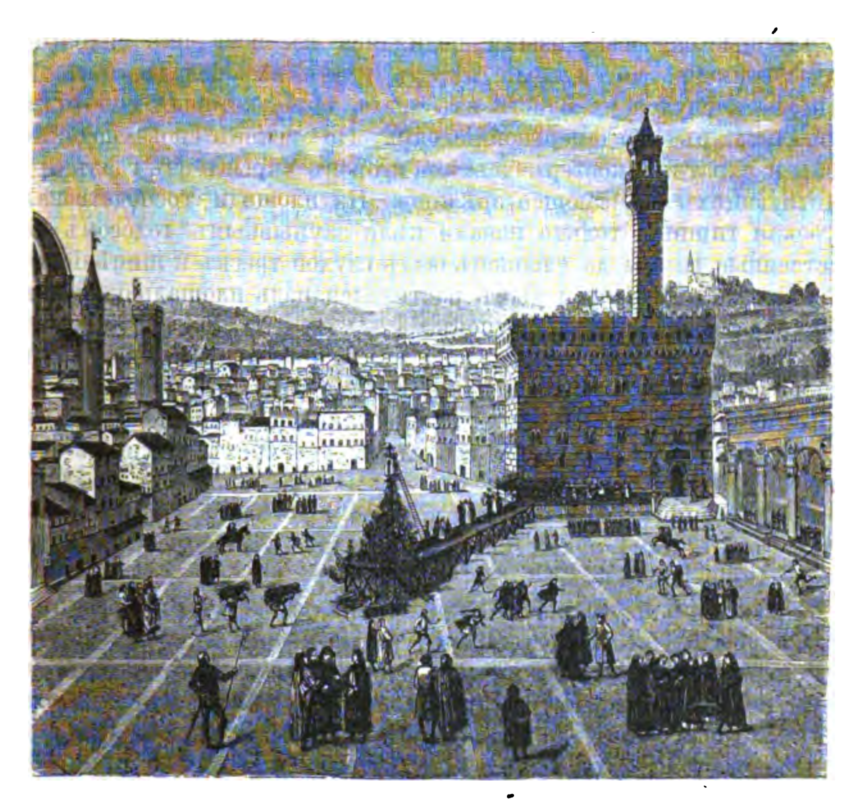
Епископъ Рамолино въ силу уполномочія, полученнаго имъ отъ папы, освободилъ троихъ приговоренныхъ отъ церковнаго покаянія и далъ имъ полное разрѣшеніе отъ грѣховъ. По странному противорѣчію Александръ VI обѣщалъ имъ рай; но они должны были войти въ него черезъ пламя костра.

На площади «Signoria» были воздвигнуты три трибуны: одна для епископа Паганотти, другая для коммисара папскаго престола, третья для караула, состоящаго изъ восьми человѣкъ. Широкіе подмостки вели отъ золотаго льва передъ дворцомъ «Signoria» до центра площади, гдѣ они достигали значительной высоты. Здѣсь устроенъ былъ костеръ изъ легко воспламеняемаго дерева и соломы, облитой масломъ, чтобы огонь могъ быстрѣе охватить его. По срединѣ костра возвышался столбъ въ двадцать метровъ высоты съ поперечной перекладиной, которая придавала ему издали форму креста.

Трое приговоренныхъ, дойдя до мѣста казни, простились другъ съ другомъ съ взаимными увѣреніями, что они съ радостью идутъ на смерть, чтобы заслужить пальму мученичества. У каждаго изъ нихъ было въ рукахъ распятіе.

Монахъ, сопровождавшій Саванаролу, спросилъ его: не желаетъ ли онъ сказать что либо передъ смертью?

Саванарола отвѣтилъ: — Я хотѣлъ только заявить, что не чувствую никакой злобы противъ моихъ враговъ и отъ всей души прощаю имъ. Молю Бога, чтобы флорентинцамъ не пришлось раскаяться въ моей смерти...



Казнь Саванаролы.

Голосъ Саванаролы можно было разслышать съ одного конца площади до другаго, потому что собравшаяся несмѣтная толпа въ эту минуту хранила мертвое молчаніе.

Палачъ надѣлъ сперва петлю на шею Сильвестро Маруффи и прикрѣпилъ веревку къ одной сторонѣ креста; затѣмъ, онъ накинулъ ему черезъ голову обручъ, висѣвшій на цѣпи посреди креста.

Той же процедурѣ подвергся Доменико Буонвичини.

Наступила очередь Саванаролы, который въ это время громкимъ голосомъ читалъ сvмволъ вѣры. Онъ медленно поднялся по лѣстницѣ и, дойдя до висѣлицы, окинулъ взглядомъ стоявшій внизу народъ. Хотя разстояніе было слишкомъ велико, чтобы кто либо

изъ толпы могъ видѣть въ эту минуту выраженіе его лица, но каждому казалось, что онъ слышитъ слово: «Неблагодарный!»

Колоколъ Санъ-Марко сопровождалъ мѣрными ударами мрачную сцену смерти своего настоятеля.

Тѣло Джироламо Саванаролы повисло между его двумя вѣрными приверженцами.

Былъ десятый часъ утра, 23 мая 1498 года.

Длинные багровые языки поднялись къ небу изъ сплошной массы пламени, но сильный вѣтеръ гналъ ихъ назадъ, такъ что огонь не коснулся ни одного изъ трехъ тѣлъ, которыя судорожно корчились въ предсмертной агоніи. Но вскорѣ снова поднялся огонь и охватилъ костеръ со всѣхъ сторонъ скрылъ изъ глазъ присутствующихъ ужасающее зрѣлище. На площади господствовала глубокая тишина; только монахи пѣли заунывнымъ голосомъ божественные гимны да слышенъ былъ глухой трескъ и шипѣніе пылавшаго костра. Густой дымъ растилался надъ площадью вмѣстѣ съ смрадомъ горѣвшихъ труповъ.

Папскій коммиссаръ обратился къ Торріани, и они многозначительно пожали другъ другу руки. На ихъ лицахъ выражалась безкорыстная радость, что три человѣческихъ души попадутъ въ рай, а святой отецъ будетъ избавленъ отъ трехъ опасныхъ враговъ.

Пламя, уничтоживъ остатки костра, мало по малу угасло; поднялся столбъ дыму, послѣ котораго остались только угли и пепелъ.

Зрѣлище кончилось.

Коммиссаръ и «Signoria» отдали приказъ палачамъ собрать пепелъ и бросить въ Арно съ Ponte vecchio. Волны Арно далеко унесли смертные останки Джироламо Саванаролы; но ни вѣтеръ, ни волны не могли уничтожить память объ его умственной дѣятельности, которая будетъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію до тѣхъ поръ, пока будутъ жить люди на землѣ.

ГЛАВА IX.

Походъ Людовика XII въ Италію.

Въ то время, какъ Чезаре Борджіа, отстраняя мелкихъ князей Романьи, стремился къ господству надъ всей Средней Италіей, герцогъ Геркулесъ Феррарскій прислалъ посольство въ Римъ, чтобы просить руки Лукреціи для своего сына Альфонса д'Эсте. Властелинъ Феррары надѣялся этимъ бракомъ обезпечить свои владѣнія отъ притязаній Чезаре и поправить разстроенные финансы. Невѣстѣ было назначено приданое въ сто тысячъ дукатовъ; кромѣ того Феррарское герцогство на три поколѣнія освобождалось отъ ленныхъ податей. Папа Александръ VI въ присутствіи посла феррарскаго герцога открылъ шкатулку, наполненную жемчугомъ. Все это для Лукреціи, сказалъ онъ; у ней будетъ лучшій жемчугъ и въ большемъ количествѣ, нежели у которой либо изъ итальянскихъ принцессъ!

Обрученіе совершилось въ воскресный день; по окончаніи церемоніи Лукреція отправилась черезъ городъ въ церковь Santa Maria del popolo; ее сопровождали четыре епископа съ своими свитами и около трехъ сотъ всадниковъ. На слѣдующее утро на улицахъ появились два шута; одинъ изъ нихъ ѣхалъ верхомъ въ платьѣ изъ золотой парчи, стоимостью въ триста дукатовъ, въ которомъ наканунѣ была одѣта невѣста; другой шутъ шелъ пѣшкомъ въ такомъ-же богатомъ нарядѣ. Они кричали: Да здравствуетъ свѣтлѣйшая герцогиня феррарская! Да здравствуетъ папа Александръ! Ура!..

Лукреція оставалась въ Римѣ еще четыре мѣсяца; затѣмъ послѣдовалъ ея отъѣздъ въ Феррару. Свита ея состояла изъ шести сотъ лицъ. За герольдомъ ѣхалъ кардиналъ-архіепископъ Козенцы, Франческо Борджіа, въ видѣ легата отъ церковнаго города, во время проѣзда невѣсты по главнымъ улицамъ Рима. За нимъ слѣдовалъ кардиналъ Пьерлуиджи Борджіа и оба феррарскіе принца: Фердинандо и Сиджисмондо, братья Альфонса. Невѣста ѣхала между кардиналомъ Ипполито д'Эсте и своимъ братомъ Чезаре. Толпа дворянъ и вооруженныхъ всадниковъ замыкала шествіе, въ которомъ участвовали многіе знатные римляне въ великолѣпныхъ нарядахъ изъ серебряной и золотой парчи. Такимъ образомъ Лукреція разсталась съ Римомъ, который ей больше не суждено было увидѣть въ жизни.

Союзъ съ французскимъ королемъ потребовалъ не мало труда и денегъ со стороны Чезаре Борджіа. При первой своей поѣздкѣ во Францію, какъ во время путешествія, такъ и пребыванія въ странѣ, онъ выказалъ такую неслыханную роскошь, что затмилъ ею королевскій дворъ. Для скорѣйшаго достиженія цѣли, онъ старался склонить на свою сторону королевскаго любимца архіепископа д'Амбуазъ, дѣлая намеки этому честолюбивому и вліятельному человѣку, что онъ можетъ имѣть виды на высшій духовный санъ въ христіанскомъ мірѣ. Разсчетъ Чезаре оказался вѣрнымъ, потому что этимъ путемъ онъ скоро пріобрѣлъ дружбу короля, который помимо титула герцога Валентинуа назначилъ его начальникомъ сотни всадниковъ (chevaliers), съ значительнымъ годовымъ жалованьемъ.

Логда всѣ необходимыя приготовленія были окончены, Людовикъ XII предпринялъ походъ въ Италію, заручившись союзомъ съ Венеціей и испанскимъ королемъ Фердинандомъ Католикомъ.

Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, потому что Людовикъ XII въ самое непродолжительное время завладѣлъ Миланомъ и изгналъ оттуда герцога Лодовико Моро. И на этотъ разъ прекрасно организованныя французскія войска одержали верхъ надъ нестройными толпами, выводимыми на поле битвы итальянскими кондоттьери. На той и на другой сторонѣ были вспомогательныя войска изъ Швейцаріи; но вслѣдствіе несчастной случайности они были преждевременно вызваны на родину своимъ правительствомъ, такъ что Лодовико Моро неожиданно очутился въ безвыходномъ положеніи.

Въ это время въ арміи итальянскихъ кондоттьери все еще господствовали самыя варварскія военные обычаи. Между тѣмъ французскіе рыцари при всей своей признанной храбрости проявляли въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчательную гуманность, что придавало имъ извѣстнаго рода обаяніе въ глазахъ мѣстныхъ жителей. Въ томъ смыслѣ особенно славился Баярдъ, «рыцарь безъ страха и упрека»; о немъ разсказывали цѣлыя легенды, въ которыхъ онъ

являлся образцомъ всѣхъ добродѣтелей и безпримѣрнаго мужества, и при этомъ выказывалъ крайнюю щекотливость относительно своей рыцарской чести.

Во время осады города Брешьи въ числѣ тяжело раненыхъ былъ Баярдъ. Истекая кровью, онъ обратился къ своему товарищу сеньеру де Молларъ и проговорилъ съ усиліемъ: Побѣда на нашей сторонѣ! Ведите вашихъ людей на приступъ; къ сожалѣнію я долженъ остаться здѣсь, потому что чувствую приближеніе смерти!..

Когда французскія войска вошли въ городъ, двое стрѣлковъ внесли раненаго Баярда въ жилище одного знатнаго горожанина. Послѣдній искалъ спасенія въ бѣгствѣ, между тѣмъ какъ жена его осталась дома и изъ боязни насилія со стороны побѣдителей, спрятала своихъ двухъ красивыхъ дочерей на чердакѣ подъ сѣномъ.

Неожиданный стукъ въ дверь еще болѣе увеличилъ ея опасенія; но когда она увидѣла, что къ ней въ домъ несутъ раненаго рыцаря, то почувствовала къ нему глубокое состраданіе. По ея распоряженію стрѣлки внесли Баярда въ богато убранную комнату и уложили въ постель. Вслѣдъ затѣмъ вошла хозяйка дома и, преклонивъ колѣна, сказала:—Благородный рыцарь, я знаю, что по правиламъ войны этотъ домъ составляетъ теперь вашу собственность, и охотно предоставляю вамъ его въ полное распоряженіе. Но умоляю васъ пощадить жизнь и честь моихъ двухъ дочерей, такъ какъ онѣ дороже для меня всего на свѣтѣ.

Баярдъ отвѣтилъ: Я не знаю, чѣмъ кончится моя рана; но во всякомъ случаѣ могу васъ увѣрить, многоуважаемая синьора, что пока во мнѣ есть хотя искра жизни, вы и ваши дочери обезпечены отъ какой либо непріятности. Пусть только молодыя дѣвушки не выходятъ на улицу, и я ручаюсь честнымъ словомъ, что ни одинъ изъ моихъ людей не вступитъ въ домъ безъ вашего разрѣшенія.

Эти слова успокоили встревоженную женщину; по желанію раненаго, она немедленно отправилась за хирургомъ подъ охраной одного изъ стрѣлковъ.

Приглашенный врачъ внимательно осмотрѣлъ рану и, сдѣлавъ перевязку, объявилъ, что, по его мнѣнію, состояніе больнаго не представляетъ никакой опасности для жизни, хотя потребуетъ довольно продолжительнаго леченія. Тоже нашелъ и лейбъ-медикъ герцога Немурскаго, который вслѣдъ за тѣмъ посѣтилъ Баярда.

Хозяйка съ материнской заботливостью ухаживала за французскимъ рыцаремъ и нерѣдко проводила ночи у его постели. Когда онъ настолько поправился, что сталъ обращать вниманіе на окружающее, отъ него не ускользнуло печальное выраженіе лица хозяйки дома. Догадываясь отчасти о причинѣ, онъ спросилъ ее: гдѣ ея мужъ?

— Клянусь вамъ, благородный рыцарь, отвѣтила она, заливаясь слезами, что я не знаю, живъ ли онъ, или нѣтъ, потому что лишена была возможности имѣть о немъ какія либо извѣстія. Если непріятель пощадилъ его, то онъ долженъ быть въ одномъ изъ окрестныхъ монастырей...

Баярдъ уговорилъ ее послать за своимъ мужемъ, ручаясь за его безопасность, и далъ для охраны своего конюха и нѣсколько человѣкъ стрѣлковъ. Бѣглецъ былъ скоро отысканъ; онъ, не колеблясь, вернулся въ свой домъ, такъ какъ рыцарское слово Баярда имѣло такое же значеніе для его враговъ, какъ и для соотечественниковъ.

Баярдъ пролежалъ около пяти недѣль въ постели. Когда онъ настолько окрѣпъ, что въ состояніи былъ встать и пройти по комнатѣ, то не могъ долѣе оставаться безъ дѣла. Онъ получалъ ежедневно извѣстія съ театра войны, и, зная, что тамъ ожидаютъ битвы, хотѣлъ во чтобы то ни стало принять въ ней участіе. Поэтому онъ послалъ за хирургомъ и сталъ настойчиво просить его, чтобы онъ дозволилъ ему отправиться въ путь.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что я почти выздоровѣлъ и могу сѣсть на лошадь. Увѣряю васъ, что мнѣ не принесетъ никакого вреда, если уѣду отсюда, и что я скорѣе могу заболѣть отъ скуки.

Хирургъ, предупрежденный слугами относительно желанія рыцаря участвовать въ предстоящемъ сраженіи, еще разъ осмотрѣлъ рану и послѣ нѣкотораго колебанія изъявилъ свое согласіе.

Ничто на свѣтѣ не могло такъ обрадовать Баярда, какъ это дозволеніе; онъ назначилъ свой отъѣздъ черезъ два дня и приказалъ слугамъ готовиться въ путь.

Хозяйка считала себя и свое семейство въ плѣну у рыцаря, и зная, что могла бы лишиться всего своего состоянія, еслибы онъ вздумалъ воспользоваться своимъ правомъ побѣдителя, рѣшила поднести ему соотвѣтствующій подарокъ, чтобы выразить ему свою признательность.

Утромъ того дня, когда Баярдъ долженъ былъ отправиться въ путь, въ его комнату вошла хозяйка дома; слуга шелъ за нею съ красивой шкатулкой въ рукахъ. Рыцарь отдыхалъ въ креслѣ послѣ прогулки и былъ очень смущенъ, когда почтенная синьора встала передъ нимъ на колѣни. Онъ поспѣшилъ приподнять ее, и, усадивъ рядомъ съ собой, съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее, какъ бы ожидая, чтобы она объяснила ему цѣль своего прихода.

— Благородный рыцарь, сказала она, я считаю для себя особеннымъ счастьемъ, что Господь послалъ васъ въ нашъ домъ и черезъ это избавилъ насъ отъ смерти и безчестья. Съ тѣхъ поръ, какъ вы поселились у насъ, мы не испытали ни малѣйшей непріятности отъ вашихъ людей; всѣ они были постоянно вѣжливы съ нами и не позволили себѣ ничего взять отъ насъ безплатно. На-

конецъ, вы сами добровольно отказались отъ своего права распорядиться нашимъ имуществомъ, которое могло быть конфисковано въ вашу пользу. Поэтому я рѣшилась просить васъ оказать намъ величайшую милость и принять небольшой подарокъ, который только отчасти можетъ служить выраженіемъ нашей благодарности.

Съ этими словами синьора взяла изъ рукъ слуги шкатулку, наполненную дукатами, и высыпала ихъ на столъ.

— Сколько здѣсь дукатовъ? спросилъ ее съ живостью Баярдъ.

Этотъ вопросъ смутилъ почтенную синьору: она вообразила, что рыцарь разсердился за незначительность подарка.

— Здѣсь всего двѣ тысячи пятьсотъ дукатовъ, отвѣтила она, но если эта сумма кажется вамъ недостаточной, благородный рыцарь, то мы можемъ увеличить ее.

— Клянусь честью, синьора, возразилъ Баярдъ, что еслибы вы подарили мнѣ сто тысячъ дукатовъ, то они имѣли бы для меня менѣе цѣны, нежели ваше радушное гостепріимство и уходъ за мной во время болѣзни. Поэтому, куда бы не занесла меня судьба, я всегда буду къ вашимъ услугамъ. Что же касается дукатовъ, то я не могу взять ихъ, тѣмъ болѣе, что во всю мою жизнь больше дорожилъ людьми, чѣмъ деньгами.

Добрая женщина была искренно огорчена этимъ отказомъ и со слезами на глазахъ умоляла рыцаря принять подарокъ, который, по ея словамъ, не имѣлъ никакой цѣны сравнительно съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для всего ея семейства.

Баярдъ, видя ея настойчивость, рѣшилъ сдѣлать небольшую уступку, чтобы прекратить дальнѣйшій разговоръ. — Хорошо, сказалъ онъ, я принимаю вашъ подарокъ, но съ тѣмъ, что вы позволите мнѣ распорядиться имъ по моему усмотрѣнію. Поэтому прошу васъ оставить двѣ тысячи дукатовъ у себя, такъ какъ я отдаю ихъ въ приданое вашимъ дочерямъ, что же касается остальныхъ пятисотъ дукатовъ, то я дарю ихъ бѣднымъ жителямъ Брешьи, которые наиболѣе пострадали отъ грабежа и военнаго постоя. Само собой разумѣется, что раздача денегъ будетъ зависѣть отъ васъ, потому что вы лучше меня знаете, кому нужна помощь. Затѣмъ, если вы ничего не имѣете противъ этого, то я попросилъ бы у васъ дозволенія проститься съ обѣими синьорами.

Хозяйка дома позвала обѣихъ дочерей, которыя съ замѣчательной красотой соединяли хорошее образованіе и нерѣдко во время болѣзни Баярда развлекали его пѣніемъ и игрой на лютнѣ.

Старшая изъ дѣвушекъ обратилась къ нему съ прощальнымъ привѣтствіемъ: Великодушный рыцарь, сказала она, я и сестра моя приносимъ вамъ искреннюю благодарность за оказанное вами покровительство. Мы всегда будемъ молить Бога о вашемъ благополучіи и сожалѣемъ, что не можемъ иначе выразить вамъ нашу признательность.

Баярдъ былъ тронутъ этими словами. Я скорѣе долженъ благодарить васъ синьорина и вашу сестру за неизмѣнную доброту, съ какой вы обѣ относились ко мнѣ во время моей продолжительной болѣзни. Малѣйшій знакъ вниманія и ласковый взглядъ прекрасныхъ глазъ получаютъ для насъ двойную цѣну, когда мы удалены отъ родины и осуждены на суровую походную жизнь.

Затѣмъ онъ дружески простился съ хозяйкой дома и обѣими дѣвушками; и пожалъ имъ руки по итальянскому обычаю, который въ то время еще не былъ принятъ во Франціи.

Баярдъ, едва дождавшись вечера, приказалъ сѣдлать лошадей, такъ какъ спѣшилъ присоединиться къ своимъ товарищамъ по оружію. Обѣ дѣвушки вышли проводить его на крыльцо; каждая поднесла ему подарокъ своей работы: одна изъ нихъ подарила рыцарю изящные наручни изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ; другая — кошелекъ для золота.

Ваярдъ надѣлъ на себя наручни и привязалъ кошелекъ къ поясу. При этомъ онъ сердечно поблагодарилъ молодыхъ синьоринъ и сказалъ, что въ память о нихъ постоянно будетъ носить подаренныя ему вещи.

Помимо боязни пропустить битву, Боярдъ спѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій, чтобы остаться вѣрнымъ данному слову. Когда онъ лежалъ раненый въ Брешьи, принцъ Гастонъ де Фуа ежедневно навѣщалъ его и однажды, находя здоровье рыцаря удовлетворительнымъ, сказалъ ему: «Мой дорогой Баярдъ, я надѣюсь, что ваша рана скоро заживетъ и вы будете участвовать въ первой битвѣ, которую мы дадимъ непріятелю. Ваше отсутствіе было бы для насъ незамѣнимой потерей». Баярдъ отвѣтилъ, что онъ готовъ скорѣе приказать вынести себя вмѣстѣ съ постелью на средину битвы, нежели отказаться отъ участія въ ней.

Король Людовикъ XII и его полководцы напрасно обманывали себя надеждой, что и на этотъ разъ французская армія быстро обойдетъ Италію и останется побѣдительницей, не прибѣгая къ оружію. Причина такого заблужденія главнымъ образомъ заключалось въ томъ, что они совершенно упустили изъ виду, что предшествующее нашествіе французовъ было тяжелой, но крайне поучительной школой для итальянскихъ властелиновъ и предводителей войска. Если Карлу VIII удалось быстро и безпрепятственно пройти страну съ своей арміей, то это нужно приписать крайней запутанности дѣлъ на полуостровѣ и тому обстоятельству, что здѣсь еще не были извѣстны новые способы веденія войны. Жестокій урокъ не прошелъ безслѣдно для живыхъ и воспріимчивыхъ итальянцевъ; они воспользовались короткимъ отдыхомъ, чтобы усвоить всѣ тѣ нововведенія, при которыхъ можно было съ успѣхомъ выдержать борьбу съ сильнымъ непріятелемъ. Въ самое короткое время сооружены были новыя крѣпости, построены мосты и пріобрѣтено усо-

вершенствованное оружіе, такъ что высокомѣрное французское рыцарство увидѣто передъ собой другаго непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла въ Италіи приняли вскорѣ иной оборотъ. Самые знаменитые художники, какъ Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль и др. отложили кисть и рѣзецъ и занялись составленіемъ стратегическихъ плановъ для защиты страны отъ непріятеля.

Еслибы вражда между отдѣльными государствами и ненависть противъ Венеціи не мѣшали итальянцамъ дѣйствовать соединенными силами противъ враговъ, то врядъ ли французамъ удалось проникнуть въ полуостровъ.

Людовикъ не ошибся относительно тѣхъ выгодъ, какія можетъ принести ему союзъ съ Чезаре Борджіа и дружба съ папой, потому что только этимъ путемъ онъ могъ пройти безпрепятственно по средней Италіи и достигнуть Неаполя, гдѣ обстоятельства измѣнились въ его пользу.

Напрасно король Федериго неаполитанскій для спасенія своего государства, еще до начала войны, предлагалъ своимъ подданнымъ признать власть Людовика XII, а его самаго назначить вице-королемъ. Неаполитанцы не приняли этого предложенія не только изъ чувства національной гордости, но и вслѣдствіе привязанности къ Федериго.

Вскорѣ послѣ того Людовикъ сообразно своему плану овладѣлъ Неаполемъ, но не долго удержалъ его за собой, и въ битвѣ при Гаэта долженъ былъ уступить Испаніи вновь пріобрѣтенное королевство, которое съ этихъ поръ управлялось аррагонскими вице-королями.

Въ болотистой равнинѣ на бергу Гарильяно близъ Неаполя произошла битва между французами и испанцами, имѣвшая роковыя послѣдствія для Пьетро Медичи, который вопреки традиціямъ своего дома и на этотъ разъ примкнулъ къ французскому королю. На одной сторонѣ рѣки, у развалинъ древняго Минтурнэ, стояли французы подъ предводительствомъ Гонзага изъ Мантуи; на другомъ берегу расположились испанскія войска, въ главѣ которыхъ былъ знаменитый полководецъ Гонзальвъ Кордуанскій. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ французамъ удалось переправиться черезъ рѣку. Но Ганзальвъ смѣло бросился на нихъ и обратилъ въ бѣгство, говоря, что предпочитаетъ найти могилу и сдѣлать шагъ впередъ чѣмъ двинуться назадъ на нѣсколько локтей, хотя бы изъ-за этого онъ могъ прожить сто лѣтъ. Французы отступили къ Гаэта; и здѣсь послѣдовала вышеупомянутая битва. Несмотря на обычную храбрость французовъ, испанцы остались побѣдителями. Пьетро Медичи искалъ спасенія на купеческомъ суднѣ, которое утонуло вмѣстѣ съ нимъ отъ слишкомъ тяжелаго груза.

Во время войны рѣшилась судьба Федериго неаполитанскаго. Историки не согласны въ томъ: умеръ ли онъ на родинѣ отъ тяжелой болѣзни, прежде чѣмъ непріятель подошелъ къ Неаполю, или,

какъ увѣряютъ нѣкоторые, прожилъ еще послѣ этого извѣстное время во Франціи. Говорили даже, что Людовикъ XII отдалъ ему во владѣніе графство Анжуйское съ значительнымъ ежегоднымъ содержаніемъ. Но гдѣ бы ни кончилъ свою жизнь Федериго, онъ во всякомъ случаѣ провелъ ее въ такомъ же душевномъ одиночествѣ, какъ его возлюбленная Катарина Карнаро.

ГЛАВА XX.

Семья Лодовико Моро и германскій императоръ Максимиліанъ.

Въ ТО ВРЕМЯ, какъ въ южной Италіи свирѣпствовала война и Чезаре Борджіа приводилъ въ исполненіе свои хищническіе планы, семья изгнаннаго герцога миланскаго нашла убѣжище въ Иннсбрукѣ, гдѣ въ то время находился дворъ германскаго императора Максимиліана.

По ту сторону горъ, которыя защищаютъ солнечную Италію отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, лежитъ Тироль со своими живописными горами, сосновыми и буковыми лѣсами, водопадами и свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Тирольцы издавна отличались отъ изнѣженныхъ обитателей цвѣтущей и плодоносной Италіи простотой нравовъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ. Страна ихъ болѣе ста лѣтъ принадлежала австрійскому дому. Габсбурги нерѣдко являлись сюда для для охоты и неутомимо преслѣдовали дичь въ лѣсной чащѣ, среди дикихъ, неприступныхъ утесовъ.

Императоръ Максимиліанъ раздѣлялъ наслѣдственную страсть Габсбургскаго дома къ охотѣ, и въ этомъ случаѣ никакая гора не казалась ему достаточно высокой и никакой утесъ слишкомъ опаснымъ. Во времена своей молодости онъ едва не погибъ на охотѣ среди крутыхъ альпійскихъ скалъ Тироля, такъ какъ потерялъ слѣдъ тропинки и не могъ двинуться съ мѣста. Всѣ попытки добраться до него оказались напрасными. У подножья гигантскаго утеса, который поднимался къ небу въ видѣ сплошной стѣны, собралось все населеніе ближайшей деревни. Пасторъ поднялъ обѣими руками св. Дары, ниспосылая церковное благословеніе на злополучнаго охотника, который долженъ былъ неизбѣжно погибнуть

отъ голодной смерти. Онъ находился на такой высотѣ, что стоявшіе внизу люди съ трудомъ могли различить его стройную фигуру. Но въ тотъ моментъ, когда пасторъ издали напутствовалъ его къ смерти и онъ самъ готовился къ ней, явилась неожиданная помощь. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него послышался въ кустарникѣ шорохъ; вслѣдъ за тѣмъ, изъ зеленой листвы выглянула бѣлокурая головка съ тонкими чертами лица и большими голубыми глазами. Удивленный Максимиліанъ не могъ подробно разглядѣть фигуры, но видѣлъ короткое мужское платье. Таинственное видѣніе молча указало ему рукой на узкую тропинку въ скалахъ, по которой онъ безопасно спустился въ долину, гдѣ встрѣтилъ свою свиту, которая съ радостью привѣтствовала его. Максимиліанъ оглянулся, отыскивая глазами красиваго юношу, которому онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Но онъ исчезъ безслѣдно, и всѣ попытки отыскать его оказались напрасными, такъ что вскорѣ всѣ пришли къ убѣжденію, что св. Дѣва Марія послала ангела, чтобы указать путь молодому принцу.

Максимиліанъ пользовался такимъ же уваженіемъ и любовью въ Тиролѣ, какъ его отецъ, потому что въ то время Габсбурги своими нравственными качествами и кроткимъ правленіемъ выдѣлялись между всѣми тогдашними властелинами.

Хотя они не менѣе другихъ заботились о могуществѣ своего дома и подчасъ прибѣгали къ мечу для увеличенія своихъ владѣній, но преимущественно старались пріобрѣсти чужія земли посредствомъ браковъ и связанныхъ съ ними наслѣдственныхъ правъ.

Максимиліанъ былъ женатъ на дочери Карла Смѣлаго, Маріи Бургундской, вслѣдствіе чего сынъ ихъ, Филиппъ, сдѣлался властелиномъ Нидерландовъ. Послѣ смерти своей первой жены германскій императоръ хотѣлъ жениться на Аннѣ Бретанской, но Карлъ VIII предупредилъ его, и Максимиліанъ выбралъ себѣ въ супруги Біанку Сфорца изъ миланскаго герцогскаго дома. Біанка славилась своей красотой и богатствомъ; она внесла въ Германію болѣе утонченные нравы и образованіе, которымъ придавали большое значеніе при итальинскихъ дворахъ.

Максимиліанъ поздно вступилъ на престолъ, такъ какъ уже былъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда умеръ его отецъ, Фридрихъ III, но сохранилъ юношескую воспріимчивость и зорко слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій. Несогласія съ Франціей начались еще въ царствованіе Людовика XI, который употреблялъ всѣ усилія, чтобы побудить Нидерландскіе штаты отдѣлиться отъ Австріи и даже присвоилъ себѣ часть южной Фландріи. При Карлѣ VIII отношенія приняли болѣе мирный характеръ, благодаря вмѣшательству Лодовико Моро. Съ вступленіемъ на престолъ Людовика XII, Франція болѣе чѣмъ когда нибудь заискивала дружбы германскаго императора изъ боязни, чтобы онъ не помѣшалъ ея завоевательнымъ стремленіямъ относительно Милана.

Тирольцы, изъ преданности къ своему властелину, принимали сердечное участіе во всемъ, что касалось его семьи. Такимъ образомъ, всѣ жители Иннсбрука знали блѣдную красивую женщину, которая съ нѣкотораго времени поселилась при германскомъ дворѣ, съ двумя сыновьями, и жалѣли объ ея несчастной судьбѣ. Когда она посѣщала соборъ, взоры всѣхъ присутствующихъ обращались на почетныя мѣста, гдѣ ее можно было видѣть вмѣстѣ съ другими членами императорской фамиліи. Смуглый цвѣтъ лица обоихъ мальчиковъ и ихъ черные глаза служили поводомъ къ страннымъ толкамъ среди простаго народа. Многіе думали, что въ Италіи люди чернокожіе; другіе увѣряли, что герцогъ миланскій, супругъ блѣдной женщины — мавръ, хотя нѣкоторые возражали противъ этого, что тогда у мальчиковъ была бы черная кожа съ бѣлыми пятнами. Обыкновенно, подобные разговоры кончались похвалами доброй герцогинѣ, которая сама раздавала милостыню бѣднякамъ и терпѣливо выслушивала ихъ, когда они разсказывали ей о своихъ семейныхъ дѣлахъ.

Добродушные тирольцы съ искреннимъ состраданіемъ смотрѣли на ея грустное лицо и черный вуаль, покрывавшій ея каштановые волосы, и приписывали ея печаль долгой разлукѣ съ мужемъ. Между тѣмъ, болѣе серьезныя заботы наполняли ея сердце. Она не находила себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, и даже во время кратковременнаго сна, ее мучили тревожныя видѣнія. Ей казалось, что ея мужъ сидитъ за крѣпкими тюремными стѣнами и осужденъ на пожизненное заключеніе; не разъ она даже видѣла во снѣ, что его ведутъ на смертную казнь и просыпалась въ испугѣ.

Судьба Милана еще не была рѣшена, и герцогъ пока не терялъ надежды освободить страну отъ французскаго ига. Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ свое положеніе настолько ненадежнымъ, что отвезъ жену, обоихъ сыновей и остатки сокровищъ ко двору своего родственника, императора Максимиліана.

Марія находила единственное утѣшеніе въ религіи. Въ тѣ времена, для знатныхъ женщинъ въ дни тяжелыхъ испытаній не оставалось иного исхода, кромѣ обращенія къ Богу и Пресвятой Маріи въ горячихъ молитвахъ и ревностнаго исполненія религіозныхъ обрядовъ. Герцогиня ежедневно бывала въ церкви при утреннемъ богослуженіи, и чѣмъ сильнѣе было ея безпокойство объ участи мужа и будущности дѣтей, тѣмъ усерднѣе была ея молитва. Всякое общество тяготило ее при ея печальномъ настроеніи духа, но въ качествѣ близкой родственницы императора, она должна была неизбѣжно принимать участіе въ различныхъ придворныхъ торжествахъ и увеселеніяхъ. Наконецъ, Максимиліанъ, какъ бы снисходя къ ея положенію, предложилъ ей поселиться на нѣкоторое время въ небольшомъ уединенномъ замкѣ, расположенномъ среди горъ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Иннсбрука. Марія съ ра-

достью согласилась на это предложеніе и просила только, чтобы ей немедленно сообщали каждое извѣстіе, которое будетъ получено отъ ея мужа. Въ продолженіе многихъ лѣтъ никто не жилъ въ замкѣ; поэтому велѣно было сдѣлать въ немъ нѣкоторыя поправки и приготовленія къ пріему герцогини, которая отправилась туда при первой возможности, съ своими дѣтьми и свитой, пріѣхавшей съ ней изъ Милана.

Марія обязана была этой перемѣной Біанкѣ Сфорца, супругѣ императора, которая поспѣшила удалить ее отъ двора, чтобы избавить отъ новыхъ непріятностей, такъ какъ въ это время шли дѣятельные переговоры между французскимъ королемъ и Максимиліаномъ. Императоръ, при всей своей рыцарской вѣжливости, не отличался тонкостью чувствъ и, не смотря на близкое родство съ Лодовико Моро, готовъ былъ принести въ жертву родственныя связи политическому разсчету. По примѣру своихъ предшественниковъ, Максимиліанъ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для увеличенія могущества Габсбургскаго дома, и тѣмъ охотнѣе согласился на удаленіе миланской герцогини, что она до извѣстной степени стѣсняла его своимъ присутствіемъ.

До сихъ поръ Максимиліанъ выказывалъ явное нерасположеніе къ Франціи и упорно отказывался признать притязанія Орлеанскаго дома на Миланское герцогство. Людовикъ XII не могъ при этихъ условіяхъ спокойно пользоваться плодами своихъ побѣдъ и рѣшился послать въ Тріентъ своего перваго министра, кардинала д'Амбуазъ, который долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы склонить къ миру германскаго императора. Д'Амбуазъ предложилъ руку единственной дочери короля, малолѣтней принцессы Клотильды, внуку Максимиліана, Карлу, сыну Филиппа и Анны Кастильской. Клотильда должна была получить въ приданое Миланское герцогство, если германскому императору будетъ угодно пожаловать его принцессѣ въ видѣ леннаго владѣнія. Филиппъ вполнѣ одобрялъ этотъ планъ и, ради торговыхъ интересовъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ, желалъ прочнаго мира съ Франціей. Онъ самъ вызвался быть посредникомъ между своимъ отцомъ и Людовикомъ XII. На предварительномъ совѣщаніи, которое состоялось въ Тріентѣ, д'Амбуазъ поднялъ также вопросъ о церковной реформѣ и смѣнѣ наличнаго состава высшаго католическаго духовенства, начиная съ главы его. Честолюбивый кардиналъ надѣялся этимъ путемъ проложить себѣ путь къ папскому престолу. Онъ обѣщалъ именемъ своего властелина прекратить враждебныя дѣйствія противъ особы Лодовико Моро, кардинала Асканіо Сфорца и другихъ плѣнныхъ миланцевъ. Но главный пунктъ договора представлялъ непреодолимыя затрудненія. У Людовика XII могъ родиться сынъ и онъ не хотѣлъ лишить его заранѣе выгоднаго наслѣдства въ пользу дочери. Императоръ съ своей стороны не со-

глашался на оговорку, которая давала возможность французскому королю распорядиться впослѣдствіи Миланскимъ герцогствомъ по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ конференція въ Тріентѣ не привела ни къ какимъ результатамъ.

Во время этихъ переговоровъ почти прерваны были всякія сношенія между императорской фамиліей и супругой бывшаго миланскаго герцога, такъ что Марія сама должна была разсылать гонцовъ, чтобы получать извѣстія о положеніи дѣлъ своего мужа. Хотя она имѣла мало надежды на лучшую будущность, но въ ея новомъ убѣжищѣ, по крайней мѣрѣ, ничто не нарушало тишины ея уединенной жизни; она могла вполнѣ предаться молитвѣ и благотворительности.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда она собрала подробныя свѣдѣнія о бѣдныхъ семействахъ, живущихъ въ окрестностяхъ, и старалась, по возможности, облегчить ихъ участь. Хотя нищета въ Тиролѣ далеко не была такъ велика, какъ въ Италіи, гдѣ постоянныя войны довели народъ до крайняго разоренія, но и здѣсь было не мало несчастныхъ, которымъ благодѣтельная рука доброй герцогини могла принести помощь и утѣшеніе.

Между тѣмъ, германскій императоръ, по окончаніи неудачной конференціи въ Тріентѣ, вернулся въ Иннсбрукъ. Теперь ничто не мѣшало ему возобновить прежнія дружескія отношенія съ миланской герцогиней, и онъ рѣшился немедленно посѣтить ее вмѣстѣ съ своей супругой. Императорская чета отправилась въ путь съ небольшой свитой и послѣ короткаго, но утомительнаго путешествія достигла уединеннаго горнаго замка, гдѣ жила Марія. Герцогиня не ожидала ихъ пріѣзда; поэтому высокіе посѣтители застали ее, окруженную деревенскими дѣтьми, которымъ она раздавала съѣстные припасы.

Императоръ съ супругой остановились у входа въ залу и молча смотрѣли на трогательное зрѣлище, которое представилось ихъ глазамъ. Марія сидѣла на стулѣ съ высокой спинкой, одѣтая какъ всегда, въ темное платье; ея старшій сынъ стоялъ за нею облокотившись обѣими руками на спинку стула; младшій помѣстился на скамейкѣ, у ногъ матери. Оба мальчика съ видимымъ участіемъ смотрѣли на бѣдно одѣтую молодую дѣвушку, съ которой въ эту минуту разговаривала герцогиня.

Но сцена тотчасъ-же измѣнилась съ появленіемъ императорской четы. Марія, вмѣстѣ съ своими сыновьями, поспѣшила на встрѣчу гостямъ; молодая дѣвушка робко отошла въ сторону, между тѣмъ какъ остальныя дѣти съ наивнымъ любопытствомъ разглядывали высокія фигуры незнакомыхъ посѣтителей.

Императоръ разсѣянно поздоровался съ своей родственницей и обоими принцами, такъ какъ все его вниманіе было обращено на бѣдно одѣтую дѣвушку, стоявшую въ углубленіи комнаты. Взглядъ

его былъ такъ пристально устремлёнъ на нее, что она окончательно растерялась, недоумѣвая, что могъ найти въ ней необыкновеннаго знатный господинъ, который такъ неожиданно появился въ замкѣ. Поэтому она очень обрадовалась, когда герцогиня позволила ей удалиться вмѣстѣ съ деревенскими дѣтьми.

Герцогиня Марія обратилась съ разными вопросами къ императору, который подробно разсказалъ ей о своемъ пребываніи въ Тріентѣ и неудачныхъ переговорахъ съ кардиналомъ д'Амбуазъ. Въ заключеніе онъ сообщилъ ей, что герцогъ миланскій спасся бѣгствомъ и вскорѣ явится въ Иннсбрукъ, чтобы уговориться съ нимъ относительно дальнѣйшихъ мѣръ противъ Франціи.

Это извѣстіе привело несчастную женщину въ самое радостное настроеніе духа; надежда снова проснулась въ ея наболѣвшемъ сердцѣ. Время проходило для нея незамѣтно среди оживленнаго разговора, тѣмъ болѣе, что появленіе неожиданныхъ гостей доставило ей искреннее удовольствіе. Но они оставались недолго и послѣ легкаго завтрака собрались въ обратный путь. Императоръ, выходя изъ залы, вспомнилъ о молодой дѣвушкѣ, обратившей на себя его вниманіе въ моментъ пріѣзда, и спросилъ герцогиню: знаетъ-ли она ея родителей? Герцогиня отвѣтила, что это дочь бѣдной вдовы, которая въ настоящее время больна, что и заставило ее прибѣгнуть къ благотворительности, такъ какъ до сихъ поръ она всегда сама содержала себя и дѣтей работой. Но императоръ не довольствовался этимъ отвѣтомъ и просилъ герцогиню навести справки объ отцѣ дѣвушки и узнать, не имѣетъ-ли она съ нимъ поразительнаго сходства? — Въ такомъ случаѣ, — добавилъ онъ, — объяснится одно странное происшествіе, которое много лѣтъ представляло для меня неразрѣшимую загадку.

Съ этими словами императоръ, простился съ радушной хозяйкой дома и, оставивъ богатый подарокъ молодой дѣвушкѣ, отправился обратно въ Иннсбрукъ съ своей супругой и свитой.

Германскій императоръ Максимиліанъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, великодушномъ и благородномъ характерѣ, отличался мелочнымъ корыстолюбіемъ, которое проявлялось во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ его жизни. Когда вскорѣ послѣ того Лодовико Моро прибылъ въ Иннсбрукъ, чтобы просить его помощи, онъ, противъ всякаго ожиданія, потребовалъ, чтобы ему было выдано все имущество изгнаннаго герцога. Лодовико не могъ согласится на подобное условіе, такъ какъ, въ виду неопредѣленной будущности, не считалъ себя вправѣ рисковать матеріальнымъ благосостояніемъ своей семьи.

Маріи не долго пришлось пробыть съ любимымъ мужемъ; но и въ тѣ немногіе дни, которые герцогъ могъ посвятить своей семьѣ, она видѣла его урывками. Къ нему постоянно являлись съ предложеніемъ услугъ разныя личности, которыя хотѣли поступить на

его службу. Это подало ему мысль составить собственное наемное войско; и онъ съ согласія императора началъ вербовать его въ Швейцаріи черезъ своихъ агентовъ.

Такимъ образомъ Лодовико Моро въ самомъ непродолжительномъ времени собралъ довольно значительный отрядъ и двинулся съ нимъ въ Ломбардію, гдѣ подданные, сначала въ Комо, затѣмъ

Императоръ Максимиліанъ.

въ Миланѣ, радостно привѣтствовали его возвращеніе. Французы очистили городъ, но вслѣдъ затѣмъ снова вернулись съ удвоенными силами, разбили войска миланскаго герцога и взяли его самого въ плѣнъ. Людовикъ XII объявилъ Лодовико Сфорца похитителемъ престола, принадлежащаго французской коронѣ и бунтовщикомъ, возставшимъ противъ его власти. Согласно съ этимъ онъ приказалъ отвезти плѣннаго герцога въ Южную Францію и посадить въ тюрьму на пожизненное заключеніе.

Между тѣмъ, герцогиня Марія переживала тяжелые дни постояннаго колебанія между страхомъ и надеждой и съ сердечнымъ трепетомъ ожидала извѣстій отъ своего мужа.

Въ первое время, когда Лодовико побѣдоносно шелъ впередъ съ своимъ войскомъ, она горячо благодарила Бога и въ избыткѣ радости усерднѣе прежняго занималась дѣлами благотворительности. Хотя она немедленно послала по назначенію подарокъ императора, но среди душевныхъ волненій и заботъ не въ состояніи была исполнить его просьбы до отъѣзда Лодовико Моро изъ замка. Теперь она могла опять располагать своимъ временемъ и тотчасъ-же отправилась къ бѣдной женщинѣ, чтобы переговорить съ ней.

Герцогиня застала благодѣтельную перемѣну въ хижинѣ вдовы, которая совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, благодаря щедрости императора, и имѣла такой же бодрый и веселый видъ, какъ и ея дѣти.

Дочь разсказала ей до малѣйшихъ подробностей свою встрѣчу съ императоромъ; поэтому она не выразила ни малѣйшаго удивленія, когда герцогиня съ первыхъ-же словъ спросила ее: похожа-ли ея старшая дочь на своего покойнаго отца.

Вдова грустно улыбнулась при этихъ словахъ: — Если вы желаете герцогиня, — сказала она, — то я могу объяснить вамъ причину милостиваго вниманія императора къ моей дочери, но подъ условіемъ, что вы будете хранить молчаніе, потому что я дала обѣтъ не открывать моей тайны ёго величеству...

Она подозвала старшую дочь и прижавъ красивую головку молодой дѣвушки къ своему лицу сказала:

— Вы сами можете рѣшить, герцогиня, на кого похожъ этотъ ребенокъ!

Молодая дѣвушка была поразительно похожа на мать, такъ что все различіе между ними зависѣло отъ разницы ихъ возраста.

Герцогиня невольно улыбнулась и отвѣтила, что она и прежде замѣчала это сходство, но теперь окончательно убѣдилась въ немъ.

Затѣмъ женщина выслала своихъ дѣтей изъ хижины и начала разсказъ:

— Если васъ герцогиня считаютъ ангеломъ, нниспосланнымъ съ неба, то вы вполнѣ заслужили это по своей добротѣ и крѣпости. Но было время когда по странному стеченію обстоятельствъ, и я, бѣдная грѣшница, удостоилась такой-же чести. Теперь я старуха, и меня сочли бы за сумасшедшую, если бы кто узналъ объ этомъ; но прежде была и другая причина, которая заставляла меня хранить тайну. Отецъ мой былъ лѣснымъ сторожемъ, я росла безъ всякаго присмотра, что не мало способствовало необузданности моего характера, незнавшаго никакого удержу. Мнѣ лучше чѣмъ кому нибудь была извѣстна каждая тропинка въ горахъ потому что я проводила цѣлые дни, карабкаясь по крутымъ утесамъ, безъ

всякой опредѣленной цѣли. Не разъ во время моихъ странствованій я встрѣчала охотниковъ, которые гнались по скаламъ за дикими козами и другой дичью. Но вообще я мало обращала вниманія на мужчинъ, пока не увидѣла изъ-за кустарника цѣлое общества красиво одѣтыхъ охотниковъ. Изъ нихъ особенно выдѣлялся одинъ своей высокой, стройной фигурой и смѣлыми чертами лица, онъ всегда былъ впереди всѣхъ и смѣялся надъ остальными, когда они трусили и не рѣшались идти за нимъ въ какое нибудь опасное мѣсто. Иногда я цѣлыми часами слѣдила издали за каждымъ его движеніемъ, потому что до этого времени не встрѣчала ни одного человѣка, который такъ же смѣло, какъ я, поднимался на самыя высокія горы, безъ боязни головокруженія. Но теперь я убѣдилась, что незнакомый охотникъ еще искуснѣе и смѣлѣе меня. Это былъ очевидно знатный господинъ, и хотя мнѣ неизвѣстно было его имя и онъ никогда не видалъ моего лица, но я, безумная, неопытная дѣвушка, почувствовала къ нему непреодолимую сердечную склонность. Это была несчастная любовь, потому что только одно высокомѣріе могло пробудить ее въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, однажды вечеромъ, я случайно узнала, что онъ сынъ нашего императора и ежегодно пріѣзжаетъ на охоту въ нашу мѣстность. Мнѣ стало стыдно за мое безуміе, я смирилась духомъ и и со слезами молила Бога ниспослать какое нибудь искупленіе, которымъ бы я могла загладить мой грѣхъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, по всѣмъ окрестностямъ разнесся слухъ, что сынъ императора заблудился въ горахъ, среди такихъ неприступныхъ скалъ, что нѣтъ никакой возможности спасти его. Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе что онъ находится на выступѣ отвѣснаго утеса въ нѣсколько тысячъ футъ высоты, называемаго у насъ Мартинсвандъ, за которымъ круто поднималась къ небу другая скала. Самые отважные люди нашей мѣстности старались добраться до него, но ихъ попытки кончились ничѣмъ, такъ что всякая надежда вывести принца изъ его опаснаго убѣжища была потеряна. Тутъ на меня нашло какъ бы наитіе свыше. Я поняла, что могу искупить мою безумную привязанность и рѣшилась пожертвовать жизнью для любимаго человѣка. Не думая объ опасности, я стала взбираться на Мартинсвандъ, чувство придавало мнѣ крылья, такъ что я почти незамѣтно очутилась у того мѣста, гдѣ находился принцъ. Сердце мое усиленно билось, когда раздвинувъ вѣтки кустарника, я увидала его передъ собой. Не говоря ни слова, я кивнула ему головой и провела сквозь лѣсную чащу на тропинку, по которой онъ быстрыми шагами спустился въ долину. Въ виду опаснаго предпріятія, я одѣлась въ короткое платье, въ которомъ мнѣ неудобно было показаться на глаза мужчинѣ, поэтому какъ только онъ вышелъ на прямую дорогу, я тотчасъ-же скрылась за скалами, не простившись съ нимъ. Его встрѣтили въ долинѣ гром-

кими криками радости, вслѣдъ за тѣмъ, молва о его чудесномъ спасеніи быстро разнеслась по окрестностямъ. Никому не приходило въ голову, чтобы дѣвушка могла отважиться на такое опасное предпріятіе и самъ принцъ былъ убѣжденъ, что его спасъ юноша. Напрасно искали всюду мнимаго спасителя, обѣщали большую награду тому, кто найдетъ его. Наконецъ, когда всѣ поиски оказались тщетными, въ народѣ сложилась легенда, что съ неба сошелъ ангелъ, чтобы указать дорогу доброму принцу. Я похоронила тайну въ глубинѣ моей души, такъ какъ знала, что Господь не посылалъ ангела, но пробудилъ любовь въ моемъ сердцѣ, чтобы спасти императорскаго сына въ минуту опасности. Мало по малу исторія была забыта, я вышла замужъ и жила совершенно счастливо, пока не умеръ мой мужъ, тѣмъ болѣе, что Господь благословилъ насъ дѣтьми.

— Но съ тѣхъ поръ, почему вы не обратились къ императору съ просьбой о вспомоществованіи? спросила герцогиня. — Еслибы онъ узналъ, что вы спасли его, то несомнѣнно позаботился бы о васъ, и вашихъ дѣтяхъ, и вамъ не пришлось бы терпѣть нужду и биться изъ-за куска насущнаго хлѣба.

— Вы забываете, герцогиня, отвѣтила вдова,—что я дала обѣтъ хранить тайну, не заставляйте меня раскаяваться въ моей откровенности. Клянусь спасеніемъ моей души, что ни за какія сокровища міра я не согласилась бы взять деньги за услугу, оказанную мною тогда нашему императору. Вы, герцогиня, слишкомъ дурнаго мнѣнія о насъ, простыхъ людяхъ. Я была орудіемъ провидѣнія въ этомъ дѣлѣ, такъ что не можетъ быть и рѣчи о наградѣ. Мы не терпѣли особенной нужды до моей болѣзни, но и тутъ Господь послалъ васъ на помощь намъ и спасъ отъ крайняго бѣдствія.

Герцогиня была тронута до слезъ словами бѣдной женщины. Она видѣла въ ней такое твердое упованіе на Бога, что невольно упрекнула себя въ недостаткѣ вѣры въ небесное милосердіе. Выходя изъ хижины, она мысленно произнесла обѣтъ переносить съ терпѣніемъ всѣ испытанія, какія ей ниспошлетъ судьба.

Не далѣе какъ въ слѣдующіе дни, ей пришлось убѣдиться, что она можетъ ожидать самаго худшаго, по тѣмъ извѣстіямъ которыя были получены изъ Италіи.

Небольшая армія, навербованная ея мужемъ, вслѣдствіе недостатка дисциплины не въ силахъ была состязаться съ французскими войсками. Храбрый Лодовико Моро очутился въ безвыходномъ положеніи, потерялъ нѣсколько битвъ и, наконецъ, взятъ былъ въ плѣнъ; Кардиналъ Асканіо также попалъ въ руки непріятеля, между тѣмъ, какъ остальные члены фамиліи Сфорца спаслись бѣгствомъ въ Германію, гдѣ искали покровительства императора Максимиліана, которое было имъ оказано по просьбѣ императрицы Біанки.

Трудно передать словами горе несчастной герцогини Маріи, когда оно узнала о печальной судьбѣ своего мужа.

Людовикъ XII приказалъ отвести плѣннаго герцога на югъ Франціи, гдѣ его съ позоромъ провели въ цѣпяхъ среди бѣлаго дня по улицамъ Ліона, а затѣмъ заперли въ небольшой крѣпости, въ которой онъ долженъ былъ оставаться до конца жизни.

Съ этихъ поръ у герцогини Маріи не было другаго желанія, какъ поселиться съ дѣтьми вблизи несчастнаго Лодовико Моро, имѣть право, хотя изрѣдка видѣться съ нимъ и принести ему утѣшеніе своей неизмѣнной любовью.

Но исполненію этой мечты мѣшали непредолимыя затрудненія. Французскій король велѣлъ держать своего узника въ строгомъ заключеніи и могъ не только запретить ему всякія сношенія съ женой, но встрѣтить ея просьбу съ оскорбительной насмѣшкой. Теперь она снова переживала томительные дни полнаго душевнаго одиночества и напрасныхъ неопредѣленныхъ отношеній. На ряду съ воспитаніемъ дѣтей и исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, она по прежнему занималась благотворительностью. Но ничто не могло отвлечь несчастную женщину отъ упорно преслѣдовавшей ее мысли, такъ что ея единственнымъ утѣшеніемъ была переписка съ немногими близкими ей людьми.

Леонардо да Винчи принадлежалъ къ небольшому числу друзей, съ которыми она постоянно обмѣнивалась письмами. Великій художникъ жилъ въ это время во Флоренціи, гдѣ онъ писалъ фрески въ большой залѣ палаццо «Signoria». Леонардо былъ другомъ герцогини въ продолженіе многихъ лѣтъ и выказывалъ такую неизмѣнную преданность ея мужу, что она откровенно изливала передъ нимъ свою печаль и не разъ писала о томъ, что считала бы для себя величайшимъ счастьемъ жить вблизи любимаго человѣка.

Да Винчи оставлялъ эти жалобы безъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что не придавалъ никакой цѣны утѣшеніямъ, пока они ограничивались одними словами. Такимъ образомъ несчастная женщина пережила еще нѣсколько мѣсяцевъ безнадежнаго горя, нерѣдко доводившаго ее до полнаго отчаянія. Но тутъ, противъ всякаго ожиданія, она получила письмо отъ Леонардо да Винчи, вмѣстѣ съ оффиціальной бумагой, собственноручно подписанной королемъ Франціи, который разрѣшалъ ей выбрать для жительства любое мѣсто въ его государствѣ.

Печальныя письма герцогини Маріи глубоко встрѣвожили ея друга, Леонарда да Винчи. Онъ не могъ спокойно работать; и даже почетные заказы, полученные имъ въ родномъ городѣ, потеряли для него всякій интересъ. Его занимала одна мысль: помочь тѣмъ или другимъ способомъ несчастной женщинѣ въ исполненіи ея сердечнаго желанія.

Не смотря на пари съ Микель Анджело, который вмѣстѣ съ

нимъ работалъ въ палаццо «Signoria», онъ рѣшился оставить Флоренцію и отправился въ Римъ, такъ какъ надѣялся черезъ герцога Валентинуа найти доступъ къ французскому королю. Хотя ему дорого стоила рѣшимость возобновить сношенія съ ненавистнымъ для него человѣкомъ, который по прежнему составлялъ предметъ ужаса для всей Италіи, но онъ опять съумѣлъ заслужить его расположеніе.

Леонардо, разсчитывая на славу, связанную съ его именемъ, попросилъ Чезаре Борджіа отрекомендовать его французскому кокоролю. Герцогъ Валентинуа охотно исполнилъ желаніе художника, который былъ немедленно вызванъ въ Миланъ, такъ какъ Людовикъ XII считалъ для себя честью, что любимецъ бывшаго миланскаго герцога, знаменитый творецъ «Тайной Вечери» въ церкви Maria delle Grazie, хочетъ поступить на его службу.

Такимъ образомъ, Леонардо да Винчи снова очутился въ городѣ, который былъ свидѣтелемъ высшей его славы и лучшихъ дней творчества. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти благоволеніе французскаго короля и наконецъ выпросилъ у него въ видѣ особенной милости дозволеніе герцогинѣ Маріи жить во Франціи.

Король съ живымъ интересомъ слѣдилъ за разсказомъ художника объ его отношеніяхъ къ семейству Пацци, начиная съ первой встрѣчи съ Маріей въ замкѣ Буэнфидардо. Онъ не только подписалъ собственноручно пропускной листъ, но отдалъ приказъ проводить герцогиню съ дѣтьми до той мѣстности, гдѣ находилась небольшая крѣпость, въ который былъ заключенъ Лодовико Моро.

Здѣсь, въ недалекомъ разстояніи отъ моря и крѣпостныхъ стѣнъ, поселилась бывшая миланская герцогиня и въ продолженіе многихъ лѣтъ вела ту же тихую и замкнутую жизнь, какъ въ уединенномъ замкѣ Тироля. Весьма немногія знатныя и царствующія особы удостоили ее своимъ посѣщеніемъ; но въ ближайшей деревнѣ часто жилъ болѣе или менѣе продолжительное время другъ ея ранней молодости, Леонардо да Винчи, который послѣдовалъ за королемъ Людовикомъ во Францію. Сердце его, какъ и въ былое время, жаждало близости той женщины, которая была добрымъ геніемъ его жизни и творчества. Но въ его художественной дѣятельности не было прежней силы; онъ уже никогда не достигалъ до той высоты таланта, какъ въ то время, когда создалъ «Тайную Вечерю» и собралъ вокругъ себя цѣлый кругъ учениковъ. Леонардо да Винчи не принадлежалъ къ числу титаническихъ натуръ, у которыхъ сила творчества заглушаетъ личныя чувства.

ЭПИЛОГЪ.

НЕ РАЗЪ сдѣлано было наблюденіе, что честолюбивые люди къ концу своей общественной дѣятельности стремились съ удвоенной энергіей къ достиженію цѣлей, занимавшихъ ихъ въ продолженіе жизни. Тоже случилось и съ Чезаре Борджіа, судьба котораго была такъ тѣсно связана съ судьбой папы Александра VI, что они составляли какъ бы одно лицо. Въ послѣдніе годы жизни своего отца, Чезаре упорнѣе, чѣмъ когда нибудь, добивался исполненія своей завѣтной мечты сдѣлаться королемъ средней Италіи. Историки сообщаютъ намъ о множествѣ гласныхъ и тайныхъ убійствъ, совершенныхъ герцогомъ Валентинуа, чтобы захватить въ свои руки и укрѣпленные замки, и княжества Романьи. Предводители болѣе или менѣе значительныхъ партій погибли одни за другими, такъ какъ ихъ смерть была необходима для честолюбца, который шелъ шагъ за шагомъ по избранному пути, разрушалъ семейное счастье, платилъ черной неблагодарностью своимъ прежнимъ друзьямъ.

Внезапная смерть папы разрушила всѣ планы его сына. Одни говорили, что святой отецъ умеръ отъ лихорадки, которая въ тѣ времена уносила не мало жертвъ, при жалкомъ состояніи тогдашней медицины. Другіе упорно утверждали, что Александръ VI погибъ отъ яда, такъ какъ на одномъ парадномъ обѣдѣ пилъ отравленное вино, которое было приготовленно его преступнымъ сыномъ, для одного изъ присутствовавшихъ кардиналовъ. Среди общаго развращенія нравовъ, трудно было добиться истины при подобныхъ условіяхъ, хотя весьма вѣроятно, что слуги намѣренно перемѣшали бутылки. Во всякомъ случаѣ по той или другой при-

чинѣ, отравленное вино было подано Александру VI и его сыну: первый умеръ почти внезапно; второй опасно заболѣлъ.

Чезаре Борджіа говорилъ впослѣдствіи Никколо Маккіавели, флорентинскому посланнику, жившему тогда въ Римѣ, что онъ былъ готовъ ко всякимъ случайностямъ въ моментъ смерти папы, но никогда не думалъ, что его собственная жизнь подвергнется опасности. Онъ разсчитывалъ, что выборъ папы будетъ зависѣть отъ него, потому что конклавъ долженъ былъ преимущественно состоять изъ испанцевъ, назначенныхъ въ кардиналы его отцомъ.

Во времена своего могущества Чезаре настолько ослабилъ вліяніе римской аристократіи, что не считалъ ее болѣе опасной для для себя. Всѣ крѣпости въ Римѣ и въ окрестностяхъ были заняты его солдатами; армія, съ которой онъ боролся противъ Орсини, находилась у стѣнъ столицы. Но съ другой стороны, онъ не могъ разсчитывать на помощь Франціи и Италіи, потому что, незадолго передъ тѣмъ разошелся съ обоими дворами. Однако, несмотря на это неблагопріятное обстоятельство и на болѣзнь, которая его удерживала въ постели, онъ не потерялъ своего обычнаго самообладанія.

Въ это время римскій народъ съ шумными изъявленіями радости спѣшилъ въ церковь св. Петра, чтобы видѣть тѣло Александра VI и открыто выразить свою ненависть къ умершему. Чезаре былъ невольнымъ свидѣтелемъ этого, такъ какъ находился въ Ватиканѣ. Онъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Колонна, возвратилъ имъ нѣсколько городовъ и крѣпостей, отнятыхъ у нихъ папой, и этой мѣрой обезпечилъ себя со стороны ихъ нейтралитетъ. Но онъ не имѣлъ достаточно войска, чтобы удержать въ повиновеніи народъ и помѣшать своимъ противникамъ вернуться въ Римъ. Вслѣдъ за Колонна явились въ вѣчный городъ Орсини и не только заняли свой наслѣдственный палаццо, но изъ мести къ покойному папѣ и его сыну отдали на разграбленіе дома и лавки испанцевъ и богатыхъ купцовъ, пользовавшихся ихъ покровительствомъ.

На счастье Чезаре жители мелкихъ захваченныхъ имъ княжествъ не желали возвращенія своихъ прежнихъ повелителей, которые обременяли ихъ тяжелыми налогами и разоряли страну. Тѣмъ не менѣе, новый властелинъ Романьи не могъ вполнѣ разсчитывать на ихъ вѣрность и рѣшился искать поддержки у Франціи или Испаніи, которыя въ это время находились между собой въ враждѣ изъ-за Неаполя; но такъ какъ ему болѣе, чѣмъ кому нибудь было извѣстно блестящее состояніе французской арміи, то онъ остановился на мысли возобновить прежнія дружескія отношенія съ Людовикомъ XII. Поэтому, когда кардиналъ д'Амбуазъ пріѣхалъ въ Римъ съ рекомендательными письмами отъ своего государя, въ надеждѣ быть выбраннымъ въ папы, то Чезаре, чтобы заручиться расположеніемъ этого вліятельнаго человѣка, увѣрилъ

его въ успѣхѣ. Сверхъ того, онъ заключилъ формальный договоръ съ французскимъ королемъ, по которому обязался употребить все свое вліяніе, чтобы содѣйствовать его любимцу въ достиженіи папскаго престола.

Между тѣмъ, кардиналы, чтобы избѣжать вмѣшательства честолюбиваго Чезаре Борджіа поспѣшили выборомъ новаго папы. Армія герцога Валентинуа находилась въ недалекомъ разстояніи отъ Ватикана, поэтому конклавъ собрался въ церкви Santa Maria sopra Minevra, гдѣ былъ единогласно выбранъ въ папы Франческо Пикколомини. Это былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и крайне слабаго здоровья, такъ что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что если ему отдано было предпочтеніе передъ другими соискателями папскаго престола, то съ единственною цѣлью, чтобы выиграть время и принять мѣры противъ вліянія Борджіа.

Пикколомини вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Пія III, и съ этого момента измѣнились всѣ дипломатическія отношенія. Герцогъ Валентинуа потерялъ всякое значеніе для Франціи, которая сосредоточила все свое вниманіе на Неаполѣ.

Колонна примкнули къ Испаніи, и только дружба кардинала д'Амбуазъ съ Чезаре Борджіа помѣшала Орсини предложить свои услуги Франціи. Но тутъ, сверхъ всякаго ожиданія, благодаря вмѣшательству Венеціи, давнишніе смертельные враги Орсини и Колонна помирились другъ съ другомъ, чтобы общими силами бороться противъ ненавистнаго для всѣхъ герцога Валетинуа.

Папа Пій III не обманулъ ожиданій избравшихъ его кардиналовъ и умеръ два мѣсяца спустя, послѣ своего вступленія на папскій престолъ. Смерть его произошла такъ внезапно, что ее приписали яду.

Кардиналы и на этотъ разъ приняли мѣры, чтобы оградить себя отъ какихъ либо [случайностей; и даже тѣ изъ нихъ, которые имѣли въ виду своихъ кандидатовъ, рѣшили примкнуть къ большинству, но хотѣли только какъ можно дороже продать свои голоса. Кардиналъ д'Амбуазъ, видя, что ему ни въ какомъ случаѣ не получить папской тіары, употребилъ всѣ усилія, чтобы выборъ палъ по крайней мѣрѣ, на того изъ кандидатовъ, который выказывалъ наибольшее сочувствіе Франціи. Это были кардиналъ Джуліо Ревере, племянникъ папы Сикста IV.

Еще при Карлѣ VIII Джуліо, изъ мести къ своему личному врагу Александру VI, всего больше способствовалъ вторженію французовъ въ Италію; послѣ же своего изгнанія изъ Рима почти безвыѣздно жилъ при французскомъ дворѣ. Онъ обладалъ огромнымъ богатствомъ и, получая значительные доходы, могъ тратить ихъ на усиленіе своей партіи. Сверхъ того, онъ вообще пользовался хорошей репутаціей въ Римѣ. По странной случайности онъ былъ обязанъ этимъ своему врагу Александру VI, который не разъ говорилъ о немъ, что «кардиналъ Ровере при безчисленныхъ поро-

кахъ имѣетъ то достоинство, что на него можно вполнѣ положиться».

Но кардиналъ д'Амбуазъ не подозрѣвалъ, что Джуліо Ровере принадлежалъ къ числу людей, которые умѣютъ пользоваться обстоятельствами и не пренебрегаютъ никакими средствами для достиженія цѣли. Не далѣе, какъ за два дня до своего избранія, онъ заключилъ формальное условіе съ Чезаре Борджіа, по которому окончательно рѣшено было предположенное прежде обрученіе между племянникомъ Ровере и дочерью герцога Валентинуа. Такимъ образомъ въ первый же день собранія конклава всѣ голоса были въ пользу кардинала де Ровере и дальнѣйшія формальности оказались лишними. Новый папа вступилъ на престолъ подъ именемъ Юлія II.

Это былъ могущественный, богато одаренный человѣкъ, который чувствовалъ себя въ своей сферѣ среди выдающихся умовъ. Римъ преимущественно обязанъ ему эпохой небывалаго художественнаго творчества; съ его именемъ навсегда связаны имена Микель Анджело и Рафаэля Санціо. Исторія искусства особенно чтитъ его память, такъ какъ при немъ созданы были многія грандіозныя произведенія, уцѣлѣвшія до нашего времени.

Другая судьба постигла его предшественника. Имя Родриго Борджіа покрыто такимъ позоромъ, что изъ-за этого были преданы забвенію его позднѣйшія заслуги, несмотря на очевидное желаніе напомнить о нихъ потомству хвастливыми надписями, которыми были испещрены стѣны залъ Борджіа. Вскорѣ послѣ смерти Александра надписи эти были закрашены по приказанію папы Юлія II и ихъ замѣнили впослѣдствіи мастерскія произведенія Рафаэля, которыя до сихъ поръ приводятъ въ восторгъ цѣнителей искусства.

Уже во времена Александра VI замѣтна усиленная дѣятельность въ области зодчества, которая принесла богатые плоды при Юліи II. Знаменитый Браманте изъ Урбино пріобрѣлъ извѣстность еще при жизни Борджіа, и такія архитектурныя произведенія, какъ палаццо Ріаріо, получившій впослѣдствіи названіе «Cancelleria», носятъ несомнѣнно характеръ чистѣйшаго стиля возрожденія. Любопытно, что для украшенія новой церкви Santa Maria maggiore послужило первое золото, привезенное изъ Америки. Колумбъ относился съ большимъ уваженіемъ къ церкви и передъ смертью завѣщалъ своей родинѣ, республикѣ Генуѣ, молитвенникъ, нѣкогда подаренный ему папой Александромъ VI, который доставлялъ ему величайшее утѣшеніе въ темницѣ, при борьбѣ съ врагами и различныхъ невзгодахъ.

Постоянная боязнь Чезаре потерять всякое значеніе со смертью отца осуществилась вполнѣ. Папа Юлій II сдѣлалъ попытку употребить его для своихъ цѣлей, но Чезаре обманулъ его довѣріе; открыты были разныя злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ онъ былъ запертъ въ той самой башнѣ, гдѣ по его приказанію столько

несчастныхъ было подвергнуто пыткѣ и убито. Но онъ былъ вскорѣ выпущенъ изъ заключенія, являлся послѣ этого, въ качествѣ кондоттьери, то въ Италіи, то въ Испаніи и, наконецъ, погибъ въ одномъ походѣ, въ которомъ сопровождалъ своего зятя, короля Наваррскаго.

Что же касается сестры Чезаре, Лукреціи, то послѣ своего, втораго замужества она безвыѣздно жила въ Феррарѣ. Подданные

Папа Юлій II (по Рафаэлю).

любили и уважали ее, какъ за ея кроткій характеръ, такъ и за покровительство, которое она оказывала художникамъ и ученымъ. Само собой разумѣется, что ей, болѣе чѣмъ кому нибудь, было желательно, чтобы мало по малу забыли объ ея происхожденіи. Но если, съ одной стороны, положеніе супруги владѣтельнаго герцога ограждало ее отъ личныхъ оскорбленій, то, съ другой, еще при жизни ея, многіе, по странному недоразумѣнію приписывали ей пороки и преступленія, опозорившіе имена Александра VI и его сына. Но тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что женщина, извѣстная въ исторіи Реформаціи своей дружбой съ

Кальвиномъ, а именно принцесса Рената французская, дочь Людовика XII, рѣшилась выйти замужъ за внука безславнаго папы Александра VI, сына Лукреціи Борджіа и герцога феррарскаго.

Послѣ смерти Александра VI, въ Римѣ старались, по возможности, отодвинуть на задній планъ все, что прямо или косвенно напоминало его. Такимъ образомъ, три близкія ему женщины должны были поневолѣ жить въ величайшемъ уединеніи и строго исполнять всѣ предписанія благочестія, чтобы хотя до извѣстной степени загладить прошлое. Свѣту ничего не было извѣстно о дальнѣйшей судьбѣ синьоры Адріаны и прекрасной Джуліи Фарнезе; нужно приписать стеченію особенныхъ обстоятельствъ, что весной 1510 года, при погребеніи Ваноццы де-Катанеи, онѣ снова выступили на сцену и напомнили римлянамъ о своемъ существованіи.

Изъ всѣхъ лицъ, пользовавшихся расположеніемъ папы Александра VI, одна Ваноцца понимала, до извѣстной степени, значеніе событій и могла взвѣсить ихъ послѣдствія. Но ея непосредственное вліяніе кончилось почти въ тотъ моментъ, когда Родриго Борджіа вступилъ на папскій престолъ, и она должна была предоставить господство другимъ женщинамъ. Съ этихъ поръ всѣ ея усилія были обращены на то, чтобы, по крайней мѣрѣ, обезпечить собственную будущность, что вполнѣ удалось ей, такъ какъ благодаря умѣнію пользоваться обстоятельствами, она составила себѣ огромное состояніе. Послѣ смерти своего мужа она пожертвовала значительныя суммы на различныя благотворительныя учрежденія, состоявшія подъ покровительствомъ духовенства, вслѣдствіе чего ея имя стали произносить наравнѣ съ именами людей, оказавшихъ величайшія услуги родному городу. Это придало ей родъ ореола и, мало-по-малу, заставило римлянъ забыть объ ея прошлой жизни.

Чувствуя приближеніе смерти, она пріобщилась св. Тайнъ и назначила въ своемъ завѣщаніи такія огромныя пожертвованія въ различные монастыри, что высшее духовенство сочло своимъ долгомъ торжественно почтить ея память. Церковь Santa Maria del popolo нѣкогда находилась подъ особеннымъ покровительствомъ кардинала Родриго Борджіа, который и впослѣдствіи, во времена своего папства, всегда оказывалъ ей предпочтеніе. Ваноцца, въ числѣ другихъ предсмертныхъ распоряженій, изъявила желаніе быть погребенной въ этой церкви; въ виду ея необыкновенной щедрости, казалось невозможнымъ не выполнить ея послѣдней воли. Кромѣ того, она была мать феррарской герцогини, и уже поэтому необходимо было похоронить ее съ извѣстнымъ почетомъ, тѣмъ болѣе, что герцогская семья могла прислать въ Римъ своихъ представителей ко дню погребенія. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было торжественно похоронить синьору Ваноццу въ

церкви Santa Maria del popolo и поставить ей великолѣпный памятникъ, чтобы почтить ее за великія услуги, оказанныя родному городу и церкви. Не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе Феррары не мало содѣйствовало этому рѣшенію.

Въ томъ же году скончалась другая женщина, которая пользовалась еще бо̀льшей извѣстностью среди своихъ современниковъ. Утромъ, 12-го іюля, въ Венеціи, величественная погребальная процессія двинулась черезъ мостъ, построенный съ этой цѣлью къ церкви св. Апостоловъ, гдѣ находился семейный склепъ фамиліи Карнаро. Въ гробѣ, обитомъ золотой парчей, покоились смертные останки нѣкогда прославленной кипрской королевы Катарины. Она прожила послѣдніе годы своей жизни въ Азоло, гдѣ, подобно Лоренцо Медичи и Лодовико Моро, устроила убѣжище музъ. Этимъ способомъ красивая женщина старалась пополнить пустоту своего сердца и заглушить горе о потерянномъ счастьи. Одно изъ поэтическихъ произведеній ея секретаря, называемое «Asolari», сохранилось до нашихъ временъ. Оно состоитъ изъ разсужденій или «діалоговъ» о сущности любви. Эти «діалоги» происходятъ во время ряда празднествъ, устроенныхъ Катариной Карнаро, по поводу свадьбы ея фрейлины, при которыхъ трое приглашенныхъ кавалеровъ: Пероттино, Джисмондо и Лавинелло встрѣчаются въ паркѣ съ тремя синьоринами: Береничe, Лизой и Сабинеттой.

Въ первый день, несчастный любовникъ Пероттино говоритъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія принимаетъ любовь, и въ заключеніе удаляется въ слезахъ. На второй день, счастливецъ Джисмондо, любимый взаимно, доказываетъ несостоятельность жалобъ Пероттино и восхваляетъ сладость любви и ея освѣжающее вліяніе на людей. Въ третій день Лавинелло долженъ взвѣсить доводы обоихъ товарищей и сказать о нихъ свое мнѣніе въ присутствіи Катарины, случацно узнавшей о «діалогахъ», происходившихъ въ паркѣ. Но вмѣсто этого, Лавинелло разсказываетъ слушателямъ, какъ онъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ встрѣтилъ у замка, на горѣ, поросшей лѣсомъ, пустынника и обратился къ нему за совѣтомъ, такъ какъ этотъ зналъ о темѣ «діалоговъ» изъ видѣннаго имъ сна. Пустынникъ отвѣтилъ, что нельзя довѣрять земной любви, такъ какъ существуетъ одна истинная небесная любовь, которая можетъ доставить вѣчную радость людямъ.

Эти «діалоги» отличаются богатствомъ красокъ и живостью описанія; основой ихъ служатъ миѳологическіе образцы, заимствованные изъ классическаго міра. Они переполнены сонетами и кантатами и пользовались большой популярностью въ XVI столѣтіи. Въ пластическомъ искусствѣ того времени мы также встрѣчаемъ попытки сопоставленія земной и небесной любви. На картинѣ знаменитаго венеціанскаго художника Тиціана, которая впослѣдствіи была перевезена въ Римъ, въ палаццо Боргезе, изображены двѣ

женскія фигуры, олицетворявшія земную и небесную любовь. По существующему преданію, у одной изъ нихъ воспроизведены черты лица Катарины Карнаро.

Въ день погребенія синьоры Ваноццы де-Катанеи, матери Чезаре Борджіа и Лукреціи, герцогини феррарской, улицы «вѣчнаго» города съ ранняго утра были переполнены народомъ. Всѣ стремились къ похоронному шествію, во главѣ котораго шли монахи съ пѣніемъ, множество священниковъ и епископовъ въ полномъ облаченіи; за гробомъ слѣдовали другіе монашескіе ордена съ зажженными свѣчами. Въ церкви была такая тѣснота, что весьма немногимъ удалось видѣть вблизи погребальное торжество.

Къ числу ихъ принадлежалъ нѣмецкій августинскій монахъ, который пріѣхалъ изъ Виттенберга съ цѣлью узнать рѣшеніе высшей церковной коллегіи по одному спорному вопросу. Несмотря на его молодость настоятель монастыря рѣшился дать ему это важное порученіе предпочтительно передъ другими монахами, такъ какъ помимо знанія языковъ онъ не разъ выказывалъ въ различныхъ случаяхъ замѣчательную энергію выносливость. Молодой августинецъ съ радостью взялся за порученіе, которое вполнѣ соотвѣтствовало его дѣятельному и энергичному уму. Вездѣ, гдѣ ему приходилось останавливаться, онъ старался уловить не только общій характеръ внѣшнихъ явленій, но по возможности вникнуть въ сущность историческихъ событій. Во Флоренціи онъ посѣтилъ библіотеку монастыря Санъ-Марко, при этомъ ему показали келью несчастнаго настоятеля Джироламо Саванаролы, гдѣ изъ уваженія къ его памяти все было оставлено въ прежнемъ видѣ. Молодой нѣмецкій монахъ хорошо зналъ исторію знаменитаго отщепенца католической церкви, но при отсутствіи безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ извѣстій, не могъ составить о немъ правильнаго сужденія. Только здѣсь, на мѣстѣ дѣятельности и страданій Саванаролы, онъ понялъ его настоящее значеніе. Монахи показали ему розовый кустъ, вокругъ котораго Джироламо обыкновенно собиралъ своихъ приверженцевъ.

— Еще не разъ, подумалъ онъ, — пророчество о Божьемъ царствѣ на землѣ будетъ превратно истолковано какъ умными, такъ и глупцами!

При осмотрѣ монастыря Санъ-Марко, онъ подробно разспрашивалъ монаховъ о жизни и дѣятельности ихъ бывшаго настоятеля, но дѣлалъ свои умозаключенія относительно всего того, что видѣлъ и слышалъ. Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Саванарола долженъ былъ умереть за свои убѣжденія, но въ этотъ короткій промежутокъ времени цивилизація двинулась впередъ гигантскими шагами. Два такихъ великихъ событія, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія и открытіе Америки уже оказали свое вліяніе и замѣтно отразились на общемъ ходѣ вещей, хотя въ это время даже умнѣйшіе

люди врядъ-ли могли предвидѣть ихъ дальнѣйшія послѣдствія. Мысли виттенбергскаго монаха были пока исключительно направлены на рѣшеніе религіозныхъ или, вѣрнѣе сказать, церковныхъ вопросовъ. Но такъ какъ у него не было склонности къ мечтательности, то свѣтская власть папы и все, что имѣло къ ней отношеніе, преимущественно служили предметомъ его размышленій. До сихъ поръ онъ видѣлъ въ Саванаролѣ только еретика, отступившаго отъ церкви, но теперь ему стало ясно, что настоятель Санъ-Марко хотѣлъ основать на землѣ новое царство божественнаго обѣтованія и противопоставить папскому владычеству истинную церковь Христову. Онъ невольно вспомнилъ, что сто лѣтъ назадъ Гусъ погибъ на кострѣ по тому же поводу. Онъ также искалъ божьяго царства не въ внутреннемъ совершенствованіи, а въ преходящихъ земныхъ учрежденіяхъ. Въ умѣ нѣмецкаго монаха смутно представлялась возможность осуществленія тѣхъ-же надеждъ въ духовной области. Но мысль о полномъ разрывѣ съ католической церковью пока не приходила ему въ голову.

Семья Медичи все еще жила въ изгнаніи, хотя во Флоренціи вездѣ шли толки о томъ, что Лоренцо, сынъ Пьетро и внукъ Лоренцо Великолѣпнаго, скоро вернется на родину и вступитъ въ прежнія права своего дома. Виттенбергскій монахъ съ особеннымъ рвеніемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій, которыя представлялись ему на мѣстѣ въ иномъ свѣтѣ, нежели вдали, потому что тогда словесныя и письменныя извѣстія, помимо медленности передачи, нерѣдко затемнялись слишкомъ узкимъ пониманіемъ.

По странному стеченію обстоятельствъ судьба занесла его въ Римъ какъ разъ къ тому времени, когда погребали Ваноццу-де-Катанеи, ту женщину, съ которой еще разъ въ памяти людей воскресъ весь внѣшній блескъ, вся пышность, безнравственность и жестокія злодѣянія, связанныя съ именемъ Борджіа. Еще не мало было очевидцевъ, которые могли сообщить никому неизвѣстныя подробности на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Новый папа жилъ также роскошно, какъ и его предшественникъ. Великолѣпіе его двора возбуждало глубокое негодованіе въ душѣ скромнаго виттенбергскаго монаха; онъ видѣлъ, что деньги, пожертвованныя всѣмъ католическимъ міромъ, употреблялись на свѣтскія произведенія искусства. Невольно вспомнилъ онъ и о постыдной продажѣ индульгенцій, которая производилась въ его собственномъ отечествѣ, чтобы направить въ Римъ деньги, пріобрѣтенныя въ потѣ лица несчастнымъ отупѣвшимъ народомъ. Хаосъ противорѣчивыхъ мыслей охватывалъ голову взволнованнаго юноши; онъ ждалъ наитія свыше, которое бы пролило лучъ свѣта на окружавшій его мракъ.

Дѣла заставили его остаться въ Римѣ нѣсколько недѣль, въ продолженіе которыхъ онъ жилъ въ августинскомъ монастырѣ, смѣжномъ съ церковью Santa Maria del popolo. Въ слѣдующее воскре-

сенье ему предстояло войти на каѳедру этой церкви, чтобы въ качествѣ гостя произнести латинскую проповѣдь. Можно было также ожидать, что папа, глава христіанской церкви, въ виду важнаго порученія, возложеннаго на него, назначить ему особенную аудіенцію. На родинѣ онъ слылъ за ученаго человѣка, такъ какъ усердно изучалъ Библію и читалъ лекціи въ Виттенбергскомъ университетѣ. Но онъ чувствовалъ, что пребываніе въ Римѣ измѣнить всѣ его взгляды и зналъ, что вернется на родину другимъ человѣкомъ.

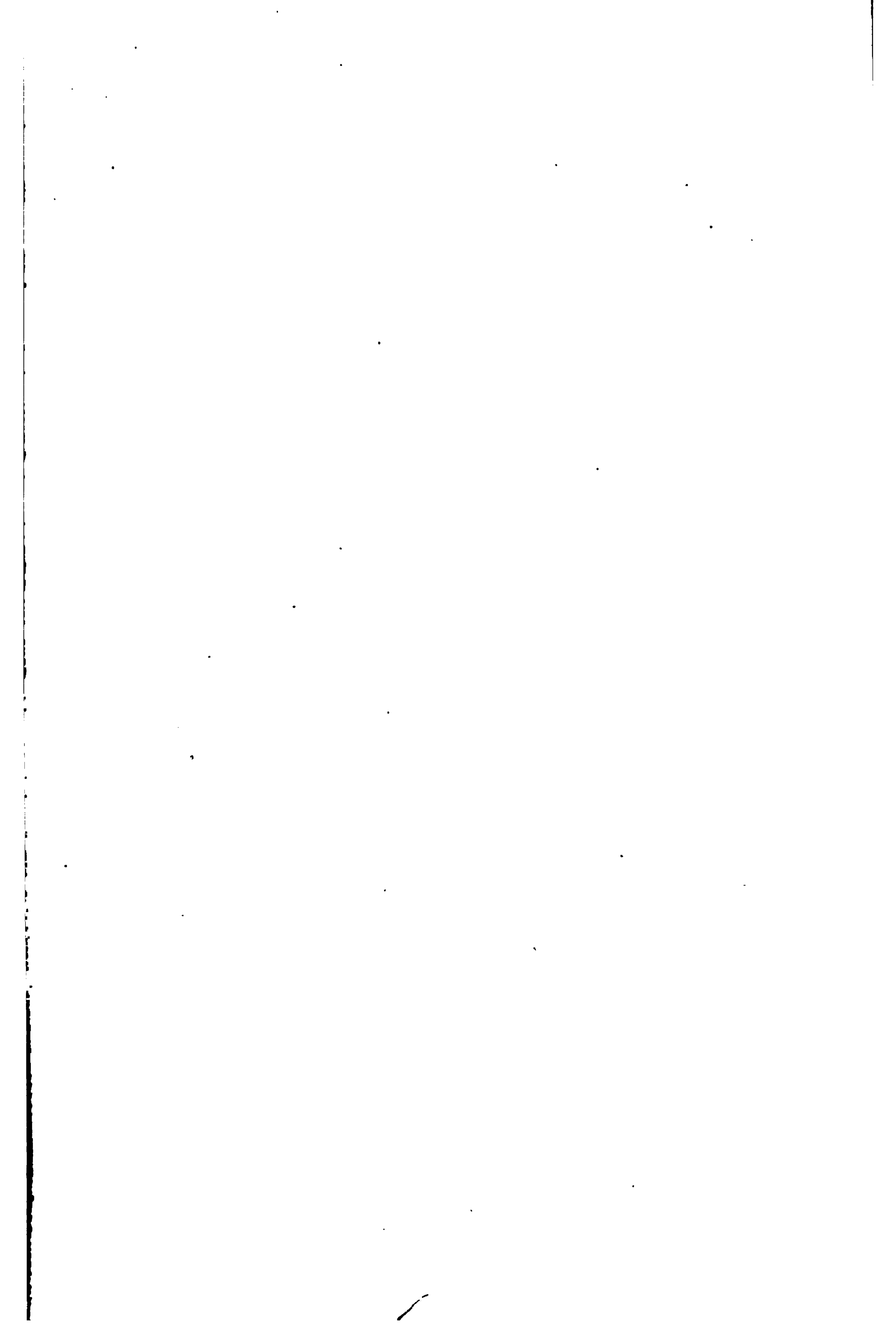
Во время погребенія Ваноццы онъ могъ видѣть всѣ подробности торжества, такъ какъ настоятель августинскаго монастыря заранѣе позаботился о томъ, чтобы доставить лучшее мѣсто своему гостю. Молодой монахъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило передъ его глазами; но на его лицѣ уже не былъ выраженія дѣтскаго удивленія, какъ въ первые дни его пребыванія въ пышномъ городѣ, куда стекались богомольцы со всего христіанскаго міра.

Настоятель авсустинскаго монастыря, замѣтивъ его издали, поподошелъ къ нему и спросилъ съ благосклонной улыбкой:

— Довольны ли вы своимъ мѣстомъ, братъ Мартинъ Лютеръ?

Виттенбергскій монахъ молча поблагодарилъ его за вниманіе почтительнымъ поклономъ.

Конецъ.



ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Штенглина; гравировалъ на деревѣ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 марта 1883 г.
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1885 году.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **въ 1885 году** на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшія пять лѣтъ (1880 — 1884).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Для первыхъ книжекъ **„Историческаго Вѣстника“** 1885 года въ распоряженіи редакціи уже имѣются, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Двѣ упраздненныя автономіи. Отрывокъ изъ воспоминаній **Н. А. Бороздина.** *(Съ портретами и иллюстраціями).* — Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. **А. Г. Брикнера.** *(Съ портретами и иллюстраціями).* — Неронъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. **В. П. Буренина:** *(Съ иллюстраціями).* — Солдатскій бытъ въ поговоркахъ и пословицахъ. **И. Д. Бѣлова.** — Исторнки прошлаго вѣка. **Е. М. Гаршина.** *(Съ портретами).* — Записки Казановы и императрица Екатерина II. Изслѣдованіе по вновь открытымъ документамъ г. **Шарля Генри,** библіотекаря Парижскаго университета. (Статья, написанная исключительно для «Историческаго Вѣстника»). — Исторія Краснаго Кабачка. **Г. В. Есипова.** — Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II. **И. Н. Захарьина.** — Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній **В. Р. Зотова.** — Культурныя очерки Директоріи. **Его же.** *(Съ иллюстраціями).* — Цензура временъ императора Павла I. **П. П. Каратыгина.** — Переполохъ въ Петербургѣ. Историческая повѣсть **Е. П. Карновича.** — Бѣлая дама. **Его же.** *(Съ иллюстраціями).* — Забытыя знаменитости русской литературы. **А. И. Кирпичникова.** *(Съ портретами).* — Воспоминанія о селѣ Спасскомъ и его обитателяхъ. **В. Н. Колонтаевой.** — С. И. Шешковскій. Біографическій очеркъ **А. Н. Корсакова.** — Отрывки изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта **В. Д. Крение.** — Поѣздка въ Переяславль. **И. И. Костомарова.** — Изъ воспоминаній о прошломъ. **А. А. Малышева.** — Отрывки изъ воспоминаній **А. П. Милюкова.** — Разсказы объ архимандритѣ Фотіѣ. **И. Г. Мизерецкаго.** — Авантюристы. Историческая повѣсть. **Д. Л. Мордов-**

цева. — Семейство Скавронскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. **В. О. Михневича.** — Средне-Колымскъ и его округъ. **А. В. Оксенова.** *(Съ иллюстраціями).* — Эпоха каруселей и маскерадовъ въ Россіи. **М. И. Пыляева.** — Сумасшедшій художникъ. **К. К. Случевскаго.** *(Съ иллюстраціями).* — Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянъ-Шаня. Путевыя записки (профес.) **Н. В. Сорокина.** *(Съ иллюстраціями).* — Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. **А. В. Старчевскаго.** — Педагогическія задачи Пирогова. **В. Я. Стоюнина.** — Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. **М. И. Сухомлинова.** — Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ. **З. А. Сытиной.** *(Съ иллюстраціями).* — Проконсулъ Кавказа. **Ѳ. М. Уманца.** *(Съ портретами).* — Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869 — 1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи **Ѳ. Н. Устрялова.** — Среди раскольницъ. Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ **П. С. Усова.** *(Съ иллюстраціями).* — Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. **К. Н. Фаврикодорова.** — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. **С. Н. Шубинскаго.** *(Съ иллюстраціями).* — Алтай и его инородческое царство. **Н. М. Ядринцева.** *(Съ иллюстраціями).*

Для приложеній къ **„Историческому Вѣстнику“ 1885 года** редакція пріобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія:

1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; **Уильяма Гильдера,** корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». *(Съ 40 иллюстраціями).* Переводъ съ англійскаго **В. Н. Майнова.**

2) **Мои темницы;** воспоминанія **Сильвіо Пеллико да-Салуццо.** *Съ 18-ю иллюстраціями).* Новый переводъ съ итальянскаго подлинника **А. Н. Дьяконова.**

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“,** Невскій проспектъ, д. № 38. Отдѣленіе конторы **въ Москвѣ,** при московскомъ книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“,** Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

(Изданіе А. С. Суворина).

«Иллюстрированная исторія Екатерины II», будетъ издаваться по тому же плану, какъ изданная уже **«Иллюстрированная исторія Петра Великаго»** и будетъ заключать въ себѣ до **300 портретовъ, видовъ городовъ и мѣстностей, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени.**

Текстъ **«Иллюстрированной исторіи Екатерины II»** составленъ профессоромъ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, **А. Г. Брикнеромъ**, и раздѣленъ на пять частей. Въ первой изложены событія до государственнаго переворота 1762 года; во второй говорится объ опасностяхъ, угрожавшихъ престолу Екатерины, въ особенности со стороны разныхъ претендентовъ и самозванцевъ до 1775 года; третья часть посвящена исторіи внѣшней политики при Екатеринѣ; четвертая заключаетъ въ себѣ очеркъ законодательства и администраціи и, наконецъ, въ пятой разсказана исторія послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы и очерчена ея личность.

«Иллюстрированная исторія Екатерины II» будетъ выходить, съ декабря мѣсяца, **выпусками, каждый объемомъ до двухъ печатныхъ листовъ, съ нѣсколькими рисунками въ текстѣ или на отдѣльныхъ листахъ.** Всѣхъ выпусковъ будетъ не менѣе **30** и они составятъ **книгу объемомъ около 60 печатныхъ листовъ большаго формата, четкаго, убористаго шрифта, съ 300 гравюрами, фототипіями и цинкографіями.**

Такъ какъ текстъ и всѣ рисунки уже находятся въ распоряженіи издателя, то остановокъ въ выпускахъ не можетъ произойти и все изданіе **«Иллюстрированной исторіи Екатерины II»** будетъ окончено въ теченіе десяти мѣсяцевъ.

Цѣна «Иллюстрированной исторіи Екатерины II» 15 руб. безъ пересылки и 17 руб. сер. съ пересылкой. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 60 коп., а съ пересылкой 70 коп.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ уплачивать деньги съ разсрочкой, **а именно: 5 руб. при подпискѣ, 5 руб. по выходѣ 10 выпуска и 5 руб. по выходѣ 20 выпуска.** За пересылку прибавляется особо 2 руб. при первомъ взносѣ.

Кромѣ того, будетъ напечатано **100 экземпляровъ** на роскошной веленевой бумагѣ; **цѣна каждому такому экземпляру двадцать пять руб.**

Съ требованіями на „Иллюстрированную исторію Екатерины II“ слѣдуетъ обращаться въ книжные магазины **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина),— **въ С.-Петербургѣ:** Невскій проспектъ, № 38; **въ Москвѣ:** Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

КАТОРЖНАЯ ДОРОГА.

I.

Отъ Перми до Кунгура.

УТЬ, братъ, неразживешься!... обернулся ко мнѣ сумрачный кунгурскій мужикъ съ облучка своей телѣги, когда мы выѣхали изъ Перми.

— Заработки плохи?

— А вотъ какъ: дай Богъ, коли своихъ коней до зимы не зарѣжу.

— Чего же рѣзать?

— Нужа рѣжетъ... Дорога эта рѣжетъ... Пять троекъ у меня было опрошлый годъ, а нынѣ—двѣ... Голодное дѣло-то наше, вотъ что... А то бы не пошелъ!.. Вотъ далѣ, самъ погляди, какова путина... За грѣхи наши, вотъ что,—эту самую путину Богъ выдумалъ.

Позади на аломъ фонѣ заката рѣзко вырисовывались громадныя, казавшіяся совсѣмъ черными, ели; края облаковъ горѣли расплавленнымъ золотомъ. Съ востока уже ползла вечерняя мгла, голубая, мечтательная... Безчисленные обозы попадались намъ на встрѣчу. Только минуешь одинъ—за нимъ въ сотню телѣгъ растянулся другой, за другимъ третій—и конца имъ нѣтъ... Однообразно скрипятъ здоровые кунгурскія колеса, медленно идутъ рядомъ понурившіеся крестьяне... Ни говору, ни пѣсенъ, по всему этому неоглядному простору. Село попадается обстроенное на славу, громадныя чистыя избы постоялые дворы, на полуверсты растянувшіеся съ своими сараями

и службами... Въ старое время строены. Вонъ нынѣшнія лачуги— и дерева, видно, мало, да и земли въ обрѣзъ, за то прежніе такъ и горятъ на заходящемъ солнцѣ стеклами своихъ оконъ...

— Теперь всѣ эти обозы на Крестовскую ярмарку въ Шадринскъ, да въ Пермь ѣдутъ... сказалъ ямщикъ. Тутъ ихъ до пропасти. Было время, хорошо мы на тракту этомъ кормились. Ну, а теперь—нѣтъ.

— Почему? товару мало стало?...

— Намъ съ проѣзжимъ человѣкомъ разговаривать не велѣно, во-что!... За это какъ еще влетаетъ-то... На станціи поспрошай, скажутъ, какіе нынѣ порядки. Ну, да что!... Вонъ Ермакова лощина, ишь... перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Почему Ермакова?

— Да здѣсь самъ отдыхалъ, какъ на Сибирь шелъ. Онъ вѣдь эфтими самыми мѣстами. Тутъ вѣдь онъ сколько этой нѣмоты побилъ...

— Какой нѣмоты?

— Такое племя было, что по нашему по христіанскому не понимало, ну, и ему, Ермаку, покориться не хотѣло... Окружилъ его Ермакъ и три дня билъ... Такъ и извелъ всю нѣмоту...

Тройка коней бойко внесла насъ на высокую гору, съ которой такъ и пахло въ тепломъ воздухѣ этой сѣверной ночи липовымъ цвѣтомъ... Тутъ цѣлая роща липъ стоитъ. Добѣжали они до верхушки да точно и останавилились тамъ, засмотрѣвшись на громадную, верстъ на двадцать раскинувшуюся долину... Вокругъ обложили эту долину конусы и ощетинившіеся густыми лѣсами гребни первыхъ уступовъ Урала. Внизу вьется рѣка, капризно подбѣгая къ каждой рощицѣ, къ каждой деревушкѣ... То она окутается вся въ непроницаемую синь далекаго лозника, то непокорно выбившись изъ его объятій блеснетъ подъ зарей яркимъ заревомъ, точно тамъ, изъ какой-то невидимой разсѣлины, горитъ извивъ краснаго полымя... А деревень-то—будто насыпано. Вонъ Башкирское сельбище—Колковское. Бѣднота такъ и сквозитъ во всѣ прорѣхи... Стѣны разшатались, кровли въ дырьяхъ совсѣмъ, трубы гдѣ есть—пообвалились, упали и заборы—видимое дѣло и хранить имъ уже нечего стало у себя... Все съѣдено... Мечеть—та почище, новенькая, вонъ и старая за нею... того же Казанскаго типа, какія я видѣлъ на Камѣ и на Волгѣ.

— Они, эти башкиры, умные...

— Чѣмъ это?

— А какже, они свои мечети и школы, которыя есть, насчетъ кабака содержутъ.

— Да развѣ они пьютъ?

Ямщикъ съ удивленіемъ обернулся ко мнѣ.

— А то какъ?

— Татары вѣдь непьющій народъ...

— Нѣтъ, братъ... Ноне такого мужика, что бы не пилъ, значитъ — нѣтъ... И быть не можетъ... потому что пьешь, что не пьешь—все одно... А башкиры прежде, какъ у нихъ лѣса были—хорошо жили... Богато!... Тогда они и водки не пили... А какъ стали бѣднять и пить стали...

— И тутъ, значитъ, лѣса повырублены.

— А вотъ: какіе видишь округъ—все это такъ мелколѣсье, молодятникъ, нестоющій совсѣмъ. Настоящіе, какіе были, кандовые лѣса всѣ подъ топорами сгинули... Не стало ихъ. Въ упокойникахъ лѣса наши!... У насъ, по нашему Пермскому краю, отъ этого отъ самаго промысла многіе мѣщане милліонщиками объявились... Какіе лѣса—казна продала, потому что и чиновнику ѣсть—пить требовается, какіе у помѣщиковъ скупили, а потомъ и башкирскіе рубить пошли... Такъ и сняли съ земли шубу-то... Ишь, ей безъ шубы холодно, она и мерзнетъ; гдѣ прежде хлѣбъ рожался самъ восемь, да самъ девять, теперь и самъ четыре—слава-те Господи! А то совсѣмъ весь въ солому уйдетъ. Безъ лѣсу и воды не стало... Такія были у насъ прежде деревни, что совсѣмъ въ лѣсу схоронились... Сутокъ трое идешь бывало—полянки есть—а конца лѣсу нѣтъ; а теперь такая деревушка вся тебѣ на припекѣ, на ладонькѣ... Ни лѣсинки кругомъ—поле, да луга одни... Опять же коли новый лѣсъ и выростетъ гдѣ—тамъ уже старому, нѣжному дереву не бывать. Гдѣ липа была—тамъ хвоя подымется, да и то карявая вся, словно въ болячкахъ.

Дорога мало по малу становилась все хуже и хуже. Вся она была въ какихъ-то колдобинахъ; колеса вязли въ прутьяхъ, выбивавшихся вверхъ сквозь навозъ и мелкій камень. Насъ бросало во всѣ стороны.

— Вотъ ты спрашивалъ отколь у насъ раззореніе пошло, у ямщиковъ... отъ этой самой дороги и пошло... Пока сухо—теперь примѣрно—рай... А въ ненастье—не приведи Господи, всѣхъ лошадей покалѣчишь. Въ маѣ исправляли ее—да какъ? Ивовыхъ пучковъ набросали, да сверху каменьемъ присыпали... Первые обозы пошли—каменья внизъ скрозь сучья... А потомъ чрезъ недѣлю и началась битва эта самая. Колеса пополамъ, шины—тоже. Развалъ самый... Теперь ничего не видать, а вотъ какъ дождь пойдетъ и станутъ тутъ кони калѣчиться. А сколько денегъ перегубили на эту самую каторжную путину—страсть!.. Бумажками всю ее услать можно было бы.

И дѣйствительно, на первой же станціи, развернувъ книгу жалобъ, я прочелъ въ ней ламентаціи только что проѣхавшихъ передо мною путешественниковъ. Вотъ одинъ жалуется, что двадцать пять верстъ онъ ѣхалъ—восемь часовъ, другой, называя эту дорогу отвратительной, гадкой и убійственной, говоритъ, что всѣ

прегрѣшенія могутъ проститься человѣку за страданія, испытанныя имъ по этому пути, третій предлагаетъ пермскихъ земцевъ, съ Смышляевымъ во главѣ, возить по Сибирскому тракту до тѣхъ поръ, пока они на своихъ бокахъ не почувствуютъ всего ужаса его. Титулярный совѣтникъ Петръ Рыловъ проситъ начальство освободить его отъ адскихъ мукъ, поручикъ Жигулевъ, совѣтуетъ прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ, а именно: разстрѣливать, «не щадя виновныхъ»; за то одна дама оказалась болѣе мирныхъ настроеній... Она только задалась вопросомъ: кто насъ пожалѣетъ здѣсь—«лошадей и женщинъ!..».

Чѣмъ дальше, тѣмъ деревенскія постройки здѣсь дѣлаются крупнѣе и крупнѣе. Сплошные постоялые дворы вытянулись по обѣ стороны дороги. Пузатые дворники съ громадными бородами стоятъ у крылецъ своихъ дворовъ и заманиваютъ еще издали къ себѣ троешниковъ и обозчиковъ, или же провожаютъ отъѣзжающихъ, перебрасываются криками и пожеланіями съ одного конца громаднаго обоза въ другой.

— Ивану Трофимычу... Поскорѣе вернуться... Съ Богомъ!...

— Твой гость! Назадъ поѣду, приверну...

— Ужь и перменями я тебя тоды угощу.

— Дѣло хорошее.

— Вы намъ, а мы вамъ... Мы вашими животами живемъ, что говорить!..

По пути, на дорогу, видимо только что исправленную, наброcаны цѣлыя глыбы крупнаго камня... Лошади съ трудомъ пробираются между ними...

— Вотъ какъ у насъ путь то устраиваютъ! злится мой спутникъ.

— Отчего не разбиваютъ этихъ камней?

— Спросите! говорятъ, лошади копытами разобьютъ...

Сколько же копытъ понадобится, чтобы привести хотя во сколько нибудь сносное состояніе эту хаотическую дорогу. Еще хорошо, гдѣ остался клочекъ старой дороги неисправленнымъ — тамъ хоть дышать можно, за то на ремонтированныхъ участкахъ — невыносимо... Это какія то рельефныя карты Гималаевъ. Вашъ экипажъ то становится на одно, то на другое колесо, то вмѣстѣ съ вами задомъ рушится куда то внизъ, то васъ вѣбрасываетъ такъ, что вы руками хватаетесь за воздухъ, что бы сейчасъ же перекинуться вправо, влѣво и пересчитать головою всѣ обручи, весь переплетъ надвинутой на экипажъ кибитки...

— Это еще рай. Погодите, — предупреждаютъ меня, — самое ужасное впереди...

У самаго моста ямщикъ нашъ взялъ влѣво, сползъ съ косогора по цѣлинѣ и опять поднялся на дорогу. Оказалось, что на ней зіяетъ громадная яма...

— Давно ли она у васъ тутъ?

— Да недѣли двѣ уже. Чиновникъ пріѣзжалъ, смотрѣлъ. Сказываютъ, еще пріѣдетъ — смотрѣть будетъ.

— Чего же смотрѣть то?

— Очсенно ему любопытно... Онъ вѣдь не даромъ смотритъ-то... Онъ за просмотръ деньги беретъ. Ему этакая яма за первое удовольствіе...

Скоро кругомъ уже стала прохладная сѣверная ночь. Робко мигали звѣзды на бѣлѣсоватомъ небѣ... Въ туманѣ грузный сулуэтъ какой то горы... Точно сказочное чудовище залегло тамъ и сторожитъ насъ...

— Тутъ вотъ проѣзду не было, ломались экипажи, оглядывается ямщикъ...

— Кто это хрипитъ въ туманѣ?

Мы дѣйствительно слышали хрипѣніе... Бьется кто-то.

— Конь колѣетъ... Намучился... Ишъ сердечный, — зорко глянулъ вправо ямщикъ. Эту станцію, коли въ дождь, намъ случается въ два дня ѣхать... Колько разовъ назадъ сворачивали — потому, нѣтъ пути... Каждый годъ исправляютъ — а только все хуже... Старые пути куда лучше были... Теперь, чтобы совсѣмъ устроить эту путину — нужно всѣ новыя работы прочь снести, чтобы ихъ и не пахло. Вы господинъ не здѣшній?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ, что я вамъ скажу... Все это онъ...

— Кто онъ?

— Онъ самый, Смышляевъ. Все это онъ. Потому онъ у насъ царь. Что захотѣлъ то и сдѣлалъ. Теперь, сказываютъ, казна какія тысячи на эту дорогу отпустила — страху подобно. А у насъ все пути нѣтъ. Ишь вѣточки торчатъ. Это онъ набросалъ вѣтокъ; только еще пуще испортилъ.

Все крестьянство кругомъ, какъ это и видно будетъ изъ слѣдующихъ очерковъ, раззорено дорогой. Раззорено такъ, что ему и не оправиться. Лошади — искалѣчились, пали на каторжномъ пути, а тутъ еще безкормица была, пришлось продать коровъ... И вотъ тогда то и начался голодный годъ, послѣдствія котораго до сихъ поръ замѣтны на Уралѣ. Въ деревняхъ, гдѣ на каждый дворъ приходилось по двѣ коровы, да по тройкѣ коней, теперь на пять дворовъ — одна корова, да въ рѣдкой семьѣ сохранилась лошадь...

— Мы уже и не знаемъ, что будетъ? говорили мнѣ... Сначала на Бога надѣялись, теперь и Онъ насъ забылъ.

— Колѣимъ, голубчикъ, колѣимъ... Видно чернети много развелось, что изводятъ насъ... Когда лѣса были, лѣсами кормились, дорога хороша была — дорогой жили... а теперь лѣса вырубили, дорогу испортили... Куда намъ...

Туманъ по пути все гуще и гуще... Едва разсмотришь причудливыя очертанія каменныхъ горъ. Вотъ дорога подошла къ нимъ...

Точно одна цѣльная скала вытянулась гребнемъ версты на три... Ни разщелинъ, ни перерыва. Мы ѣдемъ вдоль... Ни лѣсинки на ней. Скала пониже и пониже... слилась съ сырою луговиною, на которой мы по бѣлому пару отличаемъ рѣку. Вонъ на право другія горы поднялись. Не смотря на ночь, обозы тянутся за обозами, всѣ по одному направленію съ нами...

— Это все въ Кунгуръ? объясняютъ мнѣ.

— Ивовую кору для кожевенъ везутъ...

Вотъ въ туманѣ и самый Кунгуръ. Огни мелькаютъ оттуда...

— Эхъ вы разнесчастные!.. похлестываетъ лошадокъ ямщикъ и наша телѣга, оставляя за собой окутанныя мглою поля и луга, въѣзжаетъ на широкую и людную площадь... Сотни возовъ стоятъ на ней. Слышно фырканье коней, голоса и крики...

— Что это?

— Базары.

— Ночью то?

— Да все наши крестьяне съ ивовой корой привалили. Городъ у насъ большой, да красовитый. Куда прикажите?.. На станцію?

Подъѣхали къ станціи—на самомъ крыльцѣ усатая фигура. Во рту чубукъ.

— Проѣзжіе?

— Да.

— И мните на ночлегъ сюда?

— Мнимъ.

— Вотще... всего двѣ комнаты здѣсь... Въ одной молодые заперлись... Свадьба здѣсь была, такъ комнату для пріѣзжающихъ заняли... А въ другой комнатѣ—пьяные купцы бушуютъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто... Одинъ напился и вообразилъ, что умираетъ... Изъ города нотаріуса вытребовалъ. Диктуетъ ему духовное завѣщаніе. А другой горько надъ нимъ плачетъ...

— А вы же тутъ при чемъ?

— Я при нихъ состою... Былъ прежде помѣщикъ, но какъ видите—яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего. Теперь—вотъ при купцахъ. Прежде бы я эту пьяную рожу... Ну да что!.. Пожили—будетъ... Все вѣдь лучше, чѣмъ въ острогѣ?.. Какъ вы полагаете, благородному человѣку, дворянину—потомственному,—хотя въ острогѣ то мѣсто дадутъ?.. Если я кражу напримѣръ?.. Даетъ она кража права или не даетъ?

— Сергѣй Васильевичъ! выбѣжалъ растрепанный молодецъ изъ комнаты и точно потерялъ что, давай озираться.

— Чего тебѣ? Вѣрно встряска была?.. Ишь вихры то во всѣ стороны...

— Пожалуйте... Савва Ивановичъ требуютъ... Подписываться подъ завѣщаніемъ... Совсѣмъ ужъ они теперь кончаются...

— Это я подъ двадцатьшестымъ-съ подписываюсь... Потому, какъ напьется, сейчасъ умирать!..

— Куда же мы теперь? Спросилъ я у спутника.

— Никакъ не иначе — въ Константинополь!

— Это еще что?

— Лучшая гостинница!..

II.

Кунгуръ.

Мы все ѣдемъ базарами... Всюду сотни возовъ съ ивовою корою для кожевенъ. На возахъ и подъ возами сидятъ, лежатъ и болтаютъ ихъ хозяева, переругиваясь съ скупщиками. Тѣ, не глядя на нихъ, какъ саранча шмыгаютъ вокругъ сонныхъ мужиковъ... Тутъ же воза съ сѣномъ. Съ одного базара на другой мы переѣзжаемъ чистенькими, хорошо обстроенными улицами. Толпа косцовъ-башкиръ, въ бѣлыхъ балахонахъ ждетъ на какой-то площади... Тутъ тишина... Башкиры не болтаютъ между собою... Вонъ и третій базаръ, на немъ бабы съ ягодами, грибами, яйцами, крестьяне съ овсомъ и хлѣбомъ, мальчишки съ цѣлыми горами деревянной посуды. Все это оретъ, галдитъ, тѣ же скупщики и здѣсь шныряютъ въ толпѣ и торгуются.

— Вотъ и Константинополь.

Едва дозвонились... Омерзительный номеръ... Въ окно пахнетъ кожей, кожей пахнетъ и въ комнатахъ... Затхлая и дурная конура; все голодное населеніе тотчасъ же выползало на стѣны, очевидно любопытствуя, кого Богъ послалъ на ужинъ... Половой отнесся къ этимъ обиженнымъ довольно спокойно.

— Что это у васъ?

— Извѣстно что!.. Унасъ вездѣ... Домашній звѣрь-то...

— Тюфякъ-то этотъ подъ холернымъ былъ, должно быть?

— Туфячекъ первосортный... Волосомъ набитъ.

— А что стоитъ камера?

— Полтора!.. Если безъ всего — полтора рубля... Остальное по таксѣ...

— Отчего же такъ дорого?

— Да больше вѣдь въ городѣ и гостинницъ нѣтъ... Сколько спросимъ, только и платятъ... Генералъ останавливался, три платилъ. И то радъ былъ, что мѣсто нашолъ... Вина вы много пьете?

— Совсѣмъ не пью.

— Ну, вотъ! Намъ и разсчета нѣтъ пускать непьющихъ. Жилецъ непьющій — намъ невыгоденъ. У хозяина винный пог-

ребъ свой... Вотъ рядомъ стоитъ артистъ одинъ, такъ ему номеръ то за рубль отдали.

— Пьетъ много?

— Да... Они тутъ концерты давали... Ну, что собрали, все у насъ оставятъ... Они артисты столичные. Только пока выѣхать не могутъ. Потому имъ все аспиды представляются и будто бы у нихъ изъ живота кота вырѣзываетъ докторъ.

Я подошелъ къ окну. Городокъ выглядываетъ очень кокетливо, хотя между чистенькими и щелогеватыми домами здѣшняго купечества кое-гдѣ на показъ выставляется гнилая рвань мѣщанскаго убожества... Вонъ разсвѣтъ выхватилъ изъ сумеречнаго марева ночи Сылву, словно спрятавшуюся въ крутые берега свои... И опять этотъ противный задушающій запахъ кожи.

— Вы намъ паспортъ свой пожалуйте.

— Утромъ...

— Нельзя-съ... У насъ строго... Потому мы тоже поджигателевъ ловимъ... Ну и бродягъ, которые...

— Говорю, утромъ. До тѣхъ поръ не стану раскрывать чемодана.

— Какъ угодно-съ... А только ежели квартальный пьяный придетъ, большое вамъ безпокойство будетъ... Третьяго дня одному проѣзжающему руки назадъ скрутилъ.

— Что?

— Потому, они нѣмецкаго природу и порусски не понимаютъ... Ну, такъ имъ руки назадъ скрутили... Въ лучшемъ видѣ... Исправникъ ужь выпустилъ.

— За чтожь его арестовали?

— А зачѣмъ они къ намъ ѣздятъ. Мы здѣсь тихо, смирно... по православной вѣрѣ живемъ... А они зачѣмъ къ намъ... по какой причинѣ, ежели по нашему ни слова?.. Чего хорошаго... Вотъ ужь именно... У нихъ опять книги свои... Квартальному тоже нельзя... Онъ приступилъ къ нимъ: — какого содержанія? спрашиваетъ; а они нѣмцы, глазами только хлопаютъ, да лопочутъ что то по своему... Ну онъ опять вторительно: какого содержанія... А по третьему разу — и руки назадъ... Потому ихъ только пусти... Сказываютъ, они у насъ, на нашей землѣ, свои крѣпости на случай войны хотятъ строить...

— Это въ Кунгурѣ-то?

— А хоша... У насъ камня много... Хорошую крѣпость можно... У насъ, что вы думаете, у насъ пѣвчіе какіе... Въ Екатеринбургѣ такихъ нѣтъ... У насъ по воскресеньямъ паркесное пѣніе въ соборѣ... Ужь именно!.. У насъ если кто смирный — такъ весело, ничего, и отъ начальства большаго притѣсненія не бываетъ.

Кунгуръ играетъ громадную роль въ торговлѣ этого края. Едвали это не самый богатый городъ. Одного перечисленія фирмъ его довольно, чтобы получить нѣкоторое понятіе о значеніи Кун-

гура въ Пермской губерніи. Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ: Кузнецовъ, отправляющій ежегодно за-границу сала на 10-ть милліоновъ рублей. Губкинъ, занимающійся чайною торговлею съ 6-ю милліоннымъ оборотомъ. Грибушинъ, изъ писцовъ почтовой конторы, ставшій милліонщикомъ, кожевщикъ Фоминъ, Чуватовъ, Пликинъ, Турицинъ, торгующіе кожею отъ 300 до 100 тысячъ въ годъ каждый и многіе другіе.

— У насъ купцы значительные! объясняли мнѣ здѣсь. Нигдѣ такихъ пожертвованіевъ нѣтъ, какъ у насъ... Вонъ недавно Грибушинъ на техническую школу домъ да нѣсколько сотъ тысячъ далъ, а вотъ мѣщанинъ здѣшній, Зыряковъ, взялъ да такъ, ни съ того ни съ сего, девяносто тысячъ рублей на благотворительныя дѣла отдалъ... Вотъ вы съ ними и поговорите...

На другой день, когда я вышелъ изъ номера, всѣ улицы и площади этого торговаго города были залиты народомъ. Башкиры, татары, пермяки, русскіе, все это мѣшалось въ одну пеструю толпу. Всюду — склады кожи, огнеупорной извести, громады мѣшковъ, набитыхъ чѣмъ то, точно все это выползло изъ сараевъ, гдѣ не хватило мѣста нашему богатству. Вонъ толстый купецъ тащитъ за ухо черезъ улицу своего прикащика, тотъ смиренно слѣдуетъ за нимъ и даже не дѣлаетъ попытки освободиться...

— Что это онъ?..

— Попался... Такая ли юла этотъ Спиридоновъ... Вѣрно Трофимъ Трофимовичъ на мошенствѣ его поймалъ... Сейчасъ казнить будутъ...

— Какъ казнить?

— Чѣмъ ни попало по мордѣ. Палка—палкой, вѣникъ—вѣникомъ. У нихъ это просто, оттого ими и прикащики завсегда довольны. У другихъ выгонятъ, а этотъ оставитъ, — служи... И еще разъ поймаютъ, и еще разъ сами изъ своихъ рукъ накажутъ.

— Ну, и права у васъ...

— У насъ права простые.

Кунгуръ — по преимуществу купеческій городъ. Всѣ тутъ живутъ тѣмъ, что дастъ купецъ, и купецъ здѣсь первый человѣкъ. Онъ даетъ тонъ городу, онъ первый и въ городской и въ земской управѣ. Въ клубѣ чиновники передъ нимъ млѣютъ, въ соборѣ батюшка о его благотвореніяхъ произноситъ краткія слова. Мѣщане смотрятъ ему въ глаза и еще издали снимаютъ шапки...

— Помилуйте, они наши кормильцы, мы безъ нихъ, что тараканы въ пустой избѣ..

— Ну, и они насъ тоже... замѣтилъ было одинъ...

— Что—тоже?..

— Болванъ ты... Всѣ изъ тебя соку съ кокой выжмутъ.

— Отчего не выжать, коли мы голодные. Сытые бы—не пошли. А съ голоднаго отчего не взять. Голодный самъ идетъ... Крестья-

нина, того не такъ. У крестьянина есть хозяйство, земля... А у насъ одно—блоха своя, всего и хозяйства!..

На сѣверѣ хмурятся высокія горы. На ихъ гребняхъ зеленѣетъ мелколѣсье, откосы и обрывы всѣ обнажены и массы огнеупорнаго известняка бѣлѣютъ вокругъ города. Городъ весь построенъ на скалахъ изъ той же породы и построенъ отлично. Красивыя церкви безъ того запущеннаго вида, какимъ они отличаются въ другихъ мѣстахъ, красивые дома, гдѣ ни во дворѣ, ни въ окнахъ не видать ни души... Большое и роскошное зданіе Губкинскаго пріюта на нѣсколько корпусовъ, сады съ густою листвой своихъ липъ и кленовъ, все это подходитъ прямо къ крутому берегу Сылвы, по которому сползаютъ внизъ по крутому берегу маленькіе, покривившіеся домики кунгурской бѣдноты. Подымаясь все выше въ гору, я добрался до церкви Тихвинской Божіей Матери и невольно остановился на ея паперти. Подо мною внизу весь городъ... Крутой и капризный извивъ Сылвы, въ родѣ французскаго S. Вокругъ массы деревянныхъ простенькихъ домовъ, перемѣшанныхъ съ бѣлыми кварцевыми скалами, взрѣзавшими кое гдѣ зеленыя поляны и откосы. Сверху видны, какъ на ладони, дворы со всѣмъ ихъ неприхотливымъ обиходомъ, кучи дѣтей, бабъ, лошадей.... Вонъ по улицамъ ползутъ долгушки, на каждой по двадцати бабъ съ земледѣльческими орудіями въ рукахъ; всѣ онѣ ѣдутъ теперь на полевую работу. Вонъ бѣлыя пятна на площади—это толпы башкировъ... На лѣво масса каменныхъ домовъ, съ зелеными кровлями, высокія колокольни, церкви, точно глядящіяся сверху въ красивую и чистую Сылву. А за нею, за Сылвой, опять таки цѣлое марево всевозможныхъ мелкихъ построекъ и домиковъ, холмы съ березовыми рощами, окутанными золотистымъ солнечнымъ свѣтомъ.

По моему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ нашего востока, да и изъ самыхъ благоустроенныхъ.

Ходилъ я, ходилъ, по улицамъ Кунгура и запутался. Наконецъ выбрался къ какой-то церкви. Около, прямо на улицѣ, столикъ, на столикѣ кружка для сбора пожертвованій. За кружкой сидитъ духовная особа женскаго пола—несомнѣнно просвирня или что-либо въ этомъ родѣ. Лицо—широкая масляница, сама—толще колокольни...

— Какъ пройти,—спрашиваю—въ «Константинополь»?

— А ты изъ пріѣзжихъ будешь?.. Молодой какой.... Что жъ ты въ нашъ Кунгуръ по дѣлу, либо проѣздомъ?

— Проѣздомъ.

— А ты поживи... У насъ люди хорошіе, богобоязненные. Нашъ городъ красивый. Однихъ храмовъ сколько.

— А не скучно у васъ? Тутъ, я думаю, взбѣсишься отъ тоски.

— Чего скучно. Въ Москву отъ насъ не захочешь, если мы тебѣ полюбимся. У насъ какіе купцы живутъ, знаешь ли ты?

— Да что же мнѣ то до нихъ за дѣло.

— А ты не гордыбачься... Они озолотить человѣка могутъ... И женимъ мы тебя здѣсь. У насъ невѣсты бѣлыя, разсыпчатыя, мягкія... Около ее, что около печи—тепло будетъ... Оставайся-ко.

Я расхохотался — засмѣялась и она. Наконецъ, указала куда идти...

Когда я вернулся въ гостинницу, тамъ шло веселье. Вмѣсто органа въ залѣ играла шарманка. Мотивы — такихъ уже теперь въ другихъ мѣстахъ и не услышишь: «шла дѣвица за водой», «гусаръ на саблю опираясь», «подъ вечеръ осени ненастный».

За однимъ изъ столиковъ цѣлая компанія. Какой-то длинноволосый съ перекошеннымъ отъ пьянства лицомъ и вокругъ господа купцы.

— Можете ли вы понимать что такое музыка? злился длинноволосый.

— Нѣтъ, ты это не говори... Ежели хорошіе пѣвчіе....

— Что пѣвчіе.... Это развѣ искусство...

— У насъ одинъ дьячекъ...

— Съѣзжу я тебя по мордасу, кажется.

— Это они-съ... артисты... пояснилъ мнѣ половой. — Съ нашимъ хозяиномъ сидятъ.

— Построй ты мнѣ здѣсь каменный театръ! приставалъ артистъ къ купцу.

— Зачѣмъ? Кто ходить-то будетъ?

— Я вамъ оперы ставить берусь. Свѣтъ увидите, черти этакіе. Тутъ вы вѣдь совсѣмъ щетиной обросли, свинымъ саломъ покрылись... Кромѣ кожи ничего не знаете. Вѣдь васъ толстолобыхъ не прошибешь теперь...

Большая площадь передъ гостинницей представляла оригинальное зрѣлище. Вся она была полнымъ-полна народу. Бабы, въ необычайно яркихъ платьяхъ, бродили между телѣгами и лошадьми, болтались по лавкамъ. Со всѣхъ сторонъ сюда съѣзжались мужики покупать косы, грабли и серпы. Звонъ идетъ отъ нихъ... Ругань стоитъ въ воздухѣ.

— Вы первые грабители! оретъ мужичено, обращаясь невѣдомо къ кому, посреди площади. — Вамъ бы шкуру снять съ крещеныхъ... Нешто такъ можно.

— Да на кого ты?

— На эво... Енъ съ меня три рубли—за что?.. За что три рубли?.. У меня на подать нѣтъ, а ему за что?...

III.

Отъ Кунгура до Саксунской горы.

Только выѣхавъ изъ Кунгура, мы поняли, почему эту дорогу называютъ каторжной.

Она ужасна въ полномъ смыслѣ слова! Представьте себѣ, что васъ кто нибудь схватилъ за голову и, приподнявъ, начинаетъ энергично растирать собственною вашею особою сидѣнье, какъ растираютъ краски, вправо, влѣво, кругомъ, назадъ, впередъ, по діагонали. Въ видѣ разнообразія, вы дѣлаетесь молотомъ и всюду—вверхъ, внизъ, въ стороны, вы стучите головой и боками во всю мочь. Вы стараетесь головою проломать навѣсъ вашего тарантаса, какъ трамбовка прибиваете внизу веревочный переплетъ экипажа. Въ концѣ концовъ, когда лошади останавливаются у станціи, вы выходите разбитый, уничтоженный, весь въ синякахъ. Языкъ прикушенъ, въ головѣ сумбуръ какой-то. Только и отдыхаешь, когда ямщикъ цѣлиной поѣдетъ или свернетъ на проселокъ, до котораго не касались мудрые строители. Всѣ обозы тоже идутъ проселками, обѣгая, какъ огня, большой дороги. Съ боку она кажется длиннымъ рядомъ какихъ-то насыпей, перемѣшанныхъ съ грудами бѣлаго камня. Въ насыпяхъ этихъ, расползающихся отъ перваго дождя, вбиты колышки довольно высоко надъ землей, точно для того, чтобъ о нихъ разбивались копыта подлинно несчастныхъ коней.

— Страсть, какъ мы этой дороги боимся!—машетъ на нее кнутомъ ямщикъ.

— А что?

— Каторжная!.. Еще хорошо, что начальства нѣтъ, потому начальство требуетъ, чтобъ не сворачивали въ сторону, а по ней ѣхать по самой. Я тутъ пару чудесныхъ коней потерялъ...

— Колѣютъ?—машинально спрашиваю я.

— Колѣютъ! А когда—нѣтъ, такъ каждый день на шестьдесятъ коней тридцать—сорокъ подковъ нужно новыхъ. Мочи не стало! Кузнецъ и молотовщикъ отдыху не знаютъ, такъ что колесо перетянуть иногда дня два ждать приходится. Экипажей что на дорогѣ брошено!

И дѣйствительно, на встрѣчу намъ попался священникъ. Самъ идетъ впереди, позади лошади съ кое-какъ навязанными на нихъ узлами, подушками, чемоданами.

— Что это вы, батюшка?

— Да у Бушуевской станціи колеса и переднія, и заднія—въ дребезги.... Тарантасъ я бросилъ, а въ Екатеринбургѣ за него полтораста далъ... Изъ самаго Иркутска ѣду, а такого пути еще не встрѣчалъ.

— Плохо, батюшка, Богу помолись, замѣчаетъ мой спутникъ.

— Непрестанно возсылаемъ мольбы о путешествующихъ. Но что жъ дѣлать!—нынѣ по нашимъ грѣхамъ и чудесъ нѣтъ.

— Какихъ чудесъ?

— А уцѣлѣть экипажу на семъ пути развѣ не истинное чудо? Вонъ дама сидитъ на завалинкѣ своей коляски и ревмя реветъ. Кстати наѣхали мы. Взяли ее къ себѣ.

— Что же я съ коляской то дѣлать буду?

— Бросить надо.

— Я за нее въ Перми пятьсотъ рублей отдала. Думала, дочери въ приданое!

За Сабаровкой пошли поля. Народъ, видимое дѣло, землей живетъ. Кровли крыты соломой, соломой же покрыты и многочисленныя, всюду попадающіяся часовни. Когда мы проѣзжали мимо нихъ, выходили старики и позванивали—не бросимъ ли нѣсколько грошей. Видимо народъ здѣсь пошелъ религіознѣе. Гдѣ нѣтъ часовни—тамъ бѣлые столбики съ иконами. И типъ у народа какой. Черныя брови, нѣсколько задумчивые глаза, женщины румяныя и стройныя. Не въ Украйну ли попали мы? Не Новороссійскій ли югъ это? И только синяя кайма рѣзко очерченныхъ горъ на краю неба говоритъ вамъ о далекомъ Уралѣ. Все, что не окинешь взглядомъ здѣсь, вся эта къ самымъ горамъ подступившая гладь — вспахана до послѣдняго клочка, или смѣняется сочными понизями съ тучными мровинами.

— Тутъ народу хорошо жить! вглядывается ямщикъ.

— Отчего?

— Потому у него заработковъ много... Не хочешь на заводѣ работать, въ Суксунѣ землю паши. Земля здѣсь хорошая, жирная земля... Въ ей силушки много... Нѣтъ земли, либо тяжело хозяйничать — иди въ Кунгуръ на кожевни... А коли ежели вотъ—въ извозѣ. Тутъ отъ самой Сабаровки народу рай—не житье?

— Отчего у васъ однѣ бабы косятъ!

— Баба по здѣшнему мѣсту большой человѣкъ. Мужикъ на заводѣ, либо въ кожевнѣ, а баба въ полѣ. Здѣсь баба крѣпкая, ядреная... Иная за двухъ заводскихъ мужиковъ управится. Нашу сабаровскую бабу не замай... Въ иныхъ прочихъ мѣстахъ бабъ бьютъ, а здѣсь бабу нельзя бить.

— Не дается?

— Она сама оклоушитъ кого угодно въ лучшемъ видѣ. Сабаровскія бабы своихъ мужиковъ въ струнѣ держутъ. Во какъ учатъ! Коли пошелъ пить и ее съ собой бери. Одинъ не смѣй.

— Что же тутъ хорошаго? Вдвоемъ и пропьютъ вдвое.

— Съ бабой-то вдвое?... Никакъ этого невозможно! Мужикъ стервѣетъ отъ водки, а баба пьетъ съ разумомъ... Она честно, благородно—стаканчикъ выпила и мужика прочь изъ кабака волокетъ, домой. Наше крестьянское хозяйство одной бабой и держится. Не было бы здѣшней бабы и достатку бы не стало! Здѣсь баба мудрая, справедливая... У насъ и на сходы бабы ходятъ.

— Ну?

— Вѣрно! и говорятъ бабы на сходахъ, если хозяина нѣтъ, либо если она вдова съ семьей осталась... У насъ часто баба рестантовъ водитъ, когда мужика нѣтъ... Она за мужа повинност справляетъ.

— И убѣгаютъ отъ нихъ вѣрно?

— Отъ нее не убѣжишь. Она свое дѣло знаетъ. Наша баба, бываетъ, и на звѣря съ ружьемъ ходитъ за Суксунъ. Тутъ одна есть Марфа, такъ она двѣнадцать медвѣдевъ убила ужь. Вотъ она какая, наша баба.

Гладь кончилась. Мы въѣхали на Суксунскую гору.

Еще издали рисавались намъ заманчивыя дали. Какъ будто безчисленныя облака, приникли тамъ и сямъ синія рощи.. Съ вершины налѣво — лощины за лощинами, цѣлое марево холмовъ, горъ и хребтовъ, словно нежданно-негаданно раскинулся передъ нами какой-то сказачно красивый край. Вонъ въ узкомъ ущельи сбилось большое село Совѣтное; тамъ разрабатываютъ чугунную руду. Вонъ изъ за горныхъ скалъ слѣдующей гряды вьется дымокъ,—тамъ прислонилось къ кручамъ и осыпямъ другое село... Направо — лощины за лощинами. Въ одной изъ нихъ граціозный извивъ голубаго пруда и масса сѣрыхъ строеній завода. Бѣлая церковь точно стремится вырваться изъ нихъ, вырваться прочь изъ тѣсныхъ объятій этихъ горъ и, словно жалуясь, высоко въ самое небо возноситъ свой ярко сверкающій крестъ... Вся жизнь по лощинамъ и по норамъ... Здѣсь на вершинахъ — пустыня... Меланхолически шелеститъ подъ вѣтромъ рѣдкая трава; корявая, вся сморщенная береза жмется точно испуганная по самой землѣ, громадные камни посѣдѣли отъ старости, тысячи лѣтъ они думаютъ все одну и туже думу надъ этими долинами и холмами.

— Хорошо!... У насъ мѣсто красовитое,—замѣчаетъ мой спутникъ.

Вдали — едва, едва замѣтныя, мерещутся синія массы Урала... Вблизи золотые разливы ржы, изумрудныя пятна свѣжихъ луговъ...

— Хорошо! Дѣйствительно хорошо.

Тарантасъ точно нырнулъ внизъ... Великолѣпный сосновый боръ разступился и захватилъ насъ въ свое задумчивое царство. Громадные великаны, стройные, выхоленные, посылаютъ намъ на встрѣчу свой привѣтствующій шелестъ... Лошади, попавъ на хорошую дорогу, бѣгутъ весело впередъ—туда, гдѣ за послѣдними соснами курится намъ на встрѣчу густой и удушливый дымъ.

— Это что еще тамъ?

— А на околицѣ навозъ жгутъ, чтобъ отъ сосѣдей сибирская язва не перешла сюда. Она страсть этого дыму боится. Теперь округъ всего села такіе костыри курятся. Ну, и точно, ходитъ-ходитъ язва—а сюда не можетъ.

Народъ здѣсь живетъ дикій. Мы просились въ избы—насъ не пустили никуда. Такъ и пришлось уѣхать отсюда.

IV.

Отъ Суксуна до Ачинской.

Чѣмъ дальше, тѣмъ окружающіе насъ виды—все лучше и грандіознѣе.

Что за чудныя окрестности открываются, напримѣръ, съ песчаной горы... Безконечный просторъ—передъ вами. Все раздвигается далеко, далеко. Налѣво среди холмовъ голубѣютъ извивы красивой рѣки, направо—котловина. Съ самаго дна ея подымается отдѣльно стоящій коническій холмъ рѣзкихъ очертаній. Онъ точно давитъ прижавшееся къ самому подножію его село Ключи... По той же котловинѣ чуть не десятью рукавами разливается рѣчушка, выметывая повсюду островки то изъ бѣлаго камня, то изъ зеленыхъ луговинокъ, то покрытые свѣжими рощами. Дорога съ самаго Суксунскаго завода превосходная, потому что грунтъ твердый и не испортишь его ничѣмъ; никакіе инженеры не могутъ создать тутъ подобія того ада, который мы оставили за собою и должны еще встрѣтить впереди.

— У насъ село Ключи богатое.

— Чѣмъ?

— Хлѣбъ свой. Не покупаемъ... Опять же тутъ такіе цѣлебные источники есть.

Оказалось, что около изъ земли бьютъ сѣрные ключи, давшіе свое названіе и селу. Они дѣйствительно пользуются заслуженною славою, хотя, разумѣется, около нѣтъ никакихъ приспособленій для помѣщенія больныхъ.

— Дорога-то какая здѣсь славная.

— А вотъ погодите, завернемъ за село.

— Ну?

— Помянете родителей.

И дѣйствителвно, не успѣло село Ключи съ ихъ почтовою станціею отбѣжать назадъ, какъ насъ опять начало взбрасывать, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто выкидывало изъ телѣги. Жалѣя свою голову, я на этотъ разъ взялъ экипажъ безъ навѣса.

— Это еще мы проселкомъ ѣдемъ! обернулся ко мнѣ ямщикъ.

— А настоящая дорога?

— Тамъ не приведи Богъ. Вонъ она взгляните.

Я посмотрѣлъ—рядъ какихъ-то сугробовъ, на которыхъ растетъ трава. Видимое дѣло, никто тутъ не ѣздитъ. Сверху наброшена галька, подъ нею крупный камень, а подъ камнемъ глина. Все это расползлось, встало ребрами. Разумѣется, ѣзда невозможна. Когда я распросилъ, оказалось, что до «исправленія» по этому пути ѣздили и ничего, не особенно было плохо, а какъ исправили дорогу, такъ

ужь никого на нее и калачемъ не заманишь. Сотни тысячъ рублей, и государственныхъ, и земскихъ, истрачено на этотъ путь и только для того, чтобы изъ удобнаго сдѣлать его совсѣмъ недоступнымъ. Въ одномъ мѣстѣ проселокъ свернулъ на эту каторжную дорогу и намъ пришлось сдѣлать полверсты по ней. Эти полверсты мы шли часъ, по крайней мѣрѣ. Не только ѣхать—идти было трудно. На самой серединѣ пути мы наткнулись на почту. Телѣга безъ коней, лошади отпряжены и на чемоданахъ и сумкахъ грустно сидитъ почтальонъ, словно Марій на развалинахъ Карфагена. Не успѣли мы взъѣхать на мостъ, какъ наткнулись на новую картину: полковникъ Войцеховскій—колесо его экипажа провалилось въ дырья этого моста—загородилъ намъ путь. Безъ преувеличенія можно сказать, что проѣзжій на этомъ только-что исправленномъ пути рискуетъ быть убитымъ или изувѣченнымъ каждую минуту. И такая дорога идетъ отъ Ключевской вплоть до Быковской станціи безъ перерыва... Больная женщина встрѣтилась намъ около самой Быковской станціи. Пѣшкомъ она не могла идти и потому лежала пластомъ, избитая, вся въ синякахъ—въ своемъ тарантасѣ, который какъ носорогъ переваливался съ одного бока на другой. А рядомъ съ нею дѣти головами другъ о друга стукаются, какъ телята, которыхъ везутъ на убой. И дальше—все было такъ же, какъ и здѣсь... Когда мы сползли на цѣлину—увидѣли туже картину: послѣ только-что оконченнаго ремонта трактъ заросъ травою и о его существованіи напоминаютъ только телеграфные столбы да березовыя аллеи.

— А прежде, до ремонта, и тутъ можно было ѣздить... Почему же теперь не пробуютъ?

Ямщикъ остановилъ коней.

— А вотъ подите да поглядите.

Я взошелъ на дорогу... Чортъ знаетъ, какой хаосъ представился моимъ глазамъ. Колдобины, сугробы, ямы въ полсажени глубины. Кое-гдѣ галька расползлась и обложила растрескавшуюся глину; въ другихъ мѣстахъ изъ-подъ камня торчатъ вверхъ какіе-то пучки сучьевъ, которыми наскоро забрали дорогу... Даже пѣшкомъ идти увязнешь, а лошадямъ ни за что не вытащить телѣгу, которая по самую ступицу уйдетъ въ эти засосы и ямы... И на эти безобразія казна ежегодно отпускала по 400,000 рублей. Интересно, въ чьи карманы уходили эти деньги? Кто исправлялъ этотъ путь, сдѣлавъ его совсѣмъ невозможнымъ? Стонъ стоитъ по всѣмъ окрестностямъ. Одни плачутся на то, что лошадей на немъ покалѣчили, другіе на то, что добраться никуда нельзя... Обозчики—воютъ. Хоть совсѣмъ не вези товаровъ, все равно приходится и ихъ бросать посередь пути за невозможностью миновать эту въ полномъ смыслѣ слова и для людей, и для коней каторжную дорогу... Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что у кого изъ про-

ѣзжихъ здѣсь голова оказывалась не разбитой и самъ онъ выходилъ изъ этого испытанія здоровымъ, то таковое чудо слѣдовало приписать особенной благости провидѣнія. Проѣзжимъ оставалось одно утѣшеніе—отводить душу, записывая свои жалобы въ станціонныя книги. И за то сіи послѣднія дѣйствительно представляютъ здѣсь своеобразную литературу. Сколько злости, остроумія и слезъ потрачено пассажирами на описаніе своихъ злоключеній.

— Это еще что... А вотъ сейчасъ на Ачинскую станцію пріѣдемъ.

— Ну, такъ что же?

— Здѣсь хуже путина.

— Да развѣ можетъ быть хуже?... испугался я.

— Сами увидите.

И это оказалось правдой. Каждую станцію здѣсь ѣдешь—думаешь, ничего ужаснѣе быть не можетъ, и на слѣдующей убѣждаешься, что воображеніе безсильно создать то, что сотворено здѣсь земскими техниками и заправилами. Вонъ передъ нами громадный обозъ съ казеннымъ порохомъ увязъ и стоитъ посерединѣ дороги.

— Сколько времени, братцы, здѣсь? спрашиваю у понурившихся и до послѣдней степени озленныхъ солдатъ.

— Второй день! Ничего подѣлать не могимъ... И ѣсть самимъ нечего, и кони голодные. А съ каждымъ новымъ часомъ телѣги вязнутъ все больше и больше.

Дальше — опять земскій сѣнокосъ — то есть дорога, поросшая травою. Мы имѣли неосторожность двинуться по ней—и жизнь прокляли. Какъ ни искалѣчены боковые объѣзды, какъ ни испорчены они, все же съ ними и сравнить нельзя этого земскаго тракта. Это что-то невѣроятное. Галька, насыпанная здѣсь, вѣситъ каждая по три фунта. Я самъ видѣлъ гальки съ голову двухлѣтняго ребенка. Все это брошено прямо на вязкую глину и не утрамбовано. Думали, что колеса экипажей и копыта коней утрамбуютъ и разобьютъ камень, но никто не рискнулъ ѣхать—и все такъ и осталось въ своемъ полномъ и несравненномъ безобразіи. А гдѣ и проѣхали неосторожные, тамъ сейчасъ же образовались глубокія колеи. На жалобы проѣзжающихъ земство не обращало вниманія, а когда появились въ газетахъ извѣстія объ ужасномъ состояніи Сибирскаго тракта, тогда пермская управа не нашла ничего лучшаго, какъ ассигновать тысячу пятьсотъ рублей на преслѣдованіе газетныхъ корреспондентовъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна жалоба, записанная въ книгѣ Ачинской станціи. Привожу ее здѣсь цѣликомъ: «Въ виду того, что пермское земство значительнымъ большинствомъ голосовъ опредѣлило 1,500 рублей на преслѣдованіе корреспондентовъ и газетныхъ заявленій объ ужасахъ Сибирскаго тракта, симъ свидѣтельствую, что трактъ за нѣсколько станцій до Екатеринбурга и отъ него также невообразимо

дуренъ. Но будучи инженеромъ, не могу не изумляться громадности цифръ стоимости исправленій дороги. Проѣхавъ отъ границы Монголіи до Екатеринбурга, положительно нигдѣ не встрѣчалъ такого отвратительнаго пути. Раньше много слышалъ и читалъ о неисправности его, но никогда не могъ себѣ представить, чтобы дѣйствительность превзошла воображеніе. Глубокая грязь, выбоины и ухабы въ 12 вершковъ вышины и глубины, мѣстами полотно дороги перерыто канавами. Исправленіе ничтожно, запасъ хряща незначителенъ, ѣду отъ трехъ до пяти верстъ въ часъ».

И такихъ заявленій сотни. Я самъ видѣлъ, проѣзжая въ одинъ конецъ, обширныя заготовленія для исправленія нѣкоторыхъ участковъ дороги, а возвращаясь обратно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, нашелъ, что путь совсѣмъ испортили, а не улучшили. Несчастные въ полномъ смыслѣ слова ямщики должны были сами прокладывать себѣ дорогу по сторонамъ зигзагами, увеличивая длину пути. И замѣчательно, что проложенныя ими тропы, ничего не стоя — гораздо лучше чѣмъ драгоцѣнный Сибирскій трактъ, по которому перестали ѣздить.

Одно, что немного примиряетъ со всѣмъ этимъ, да и то записныхъ любителей природы — это виды Урала. Они здѣсь грандіозны и красивы.

V.

Отъ Ачинской до Висерти.

Та же исторія: дорога хороша тамъ, гдѣ ее не исправляли, и скверна тамъ, гдѣ ее ремонтировали—тѣже громадныя гальки, глубокія ямы и колеи. Тутъ намъ пришлось перегнать цѣлый поѣздъ арестантовъ. Бритыя головы, бряцаніе цѣпей, взгляды изъ-подлобья и тѣ же, полныя страдальческой покорности судьбѣ, лица женщинъ и простодушныя, даже въ этой обстановкѣ улыбающіяся лица дѣтей... Особенно одинъ ребенокъ остался у меня въ памяти. Онъ сидѣлъ на рукахъ у отца и игралъ цѣпями, которыми были скованы эти мускулистыя, сильныя руки... Въ одной изъ телѣгъ лежала лицомъ въ солому и рыдала женщина.

— Ахъ, вы, дѣтки, дѣтки! вздохнулъ мой ямщикъ. А только не по правдѣ это! обернулся онъ ко мнѣ.

— Что не по правдѣ?

— Везутъ то ихъ... Этихъ бабъ которыхъ... За что?.. Иная и не виновата совсѣмъ, а засудили. За что младенцы теперича страдать должны? Мы ихъ страсть жалѣимъ. Какъ въ село къ намъ приведутъ, сейчасъ молока имъ, хлѣба... Оборони Богъ, деньги взять съ нихъ. Большой это грѣхъ... Ишь Ермакова гора, махнулъ онъ кнутомъ впередъ.

— Гдѣ?

— Да вонъ. Ишь точно двѣ срослись... Ихъ двѣ и было. Тутъ допрежъ разная невѣрная чудь жила. Шолъ Ермакъ и давай воевать ее. Бились они бились,—а тамъ двѣ горы стояли; промежъ нихъ-то и загналъ Ермакъ невѣрнаго царя. А царь этотъ волшебный былъ: видитъ онъ—нѣтъ ему пути. Ни впередъ, ни назадъ, конецъ невѣрной душѣ приходитъ, и заклялъ онъ эти горы. Лучше же, говоритъ, мнѣ отъ горъ пропасть, чѣмъ отъ меча христіанскаго. Горы и навалились одна на другую. Тамъ такъ и до селѣ чудской царь съ своимъ воинствомъ сидитъ.

— Почему же доселѣ!

— А какіе охотники были, влѣзали туда, такъ разные гласы слышали тамъ, какъ въ горѣ разговариваютъ. Особенно ночью внятно. А только же и злая эта чудь... Съ той поры она все на насъ посылаетъ и непогодь, и грозу. Какъ закурилась гора, такъ и знаешь, что волшебные люди изъ подъ камени мару на насъ пускаютъ... А если тучи свертываются на ней—быть грозѣ... Никакъ царь этотъ своей гибели забыть не можетъ.

— Зачѣмъ же онъ не раздвинетъ горы, вѣдь съумѣлъ же сдвинуть ее?..

— А ты какъ думаешь, Ермакъ то дуракъ былъ!.. Онъ сейчасъ, какъ гора сдвинулась, срубилъ большую сосну, обтесалъ ее, да на верху, на горѣ самой, крестъ и поставилъ. Такъ и не можетъ изъ подъ креста чудской волшебный царь уйти... До скончанія вѣка будетъ сидѣть въ ней.

Какія громадныя села пошли съ Ключей. Ѣдемъ, ѣдемъ по улицамъ—конца нѣтъ. На версты раскинулись они... Вотъ, напримѣръ, Ялымъ на р. Утѣ, впадающей въ Сылву. Большіе дома по широкой и длинной улицѣ. Солнце уже поднялось и грѣетъ довольно сильно. Массы барановъ жмутся подъ тѣнь домовъ, лошади стоятъ у воротъ попарно и обмахиваются хвостами, телята посереди проѣзда невозмутимо смотрятъ на васъ. Гдѣ легли, тамъ и лежатъ—хоть подъ колеса... Обиліе скота замѣтно повсюду. У воротъ кое-гдѣ доятъ коровъ, и коровы рослыя, сильныя. Подъ стать всему этому достатку, пожалуй, даже крестьянскому богатству—и типъ мѣстныхъ крестьянъ совсѣмъ не похожъ на оставленныхъ позади. Мужики, видимое дѣло, сытые, бабы красивыя, сильныя. За этимъ селомъ—другое такое же... Третье...

Наконецъ, мы взъѣхали на одну гору—и я невольно остановилъ коней.

Большая долина раскинулась внизу и по ней самыми прихотливыми извивами тянется р. Бисерть, то разбрасываясь и дробясь на маленькіе волошки, то сливаясь въ одно быстрое теченіе, яро стремящееся вдаль, чтобы тамъ опять разбиться на красивые рукава. Кажется, ей хочется обогнуть каждый холмикъ, забѣжать во всякую встрѣчавшуюся по пути рощицу. Вся долина застав-

лена такими идилическими холмами; но они совсѣмъ теряются въ виду горъ, обступившихъ ее, а за этими горами, синѣютъ вершины еще болѣе далекихъ. Сверху, въ красивой Бисертѣ мы различаемъ лодочки, точно черныя черточки... Вонъ табунъ лошадей зашелъ въ воду. Вонъ, на берегу оригинальные кавалеристы— мужикъ съ бабой на одномъ конѣ...

VI.

Отъ Бисерти до Кирчишана.

За Бисертью, на Сибирскомъ трактѣ толпы рабочихъ.

— Что дѣлаете, братцы?.. спрашиваемъ.

— Земскія деньги хоронимъ! — дорогу портимъ! кричатъ намъ въ отвѣтъ они.

Массы вѣтвистыхъ жердей безъ толку валятъ на шоссе. На жерди, льютъ полужидкую грязь зачѣмъ то. Мужики смѣются.

— Тутъ еще вчера можно было проѣхать, а вотъ поправимъ— никому пути не будетъ.

Дорога отсюда идетъ горами; на двадцати пяти верстахъ ея— двадцать четыре горы. Телѣга то спускается въ долины, то взъѣзжаетъ на верхушки, гдѣ печетъ солнце, и острые камни одни стоятъ по сторонамъ, смѣнивъ давно вырубленные лѣса... Оставили позади красивую рѣченку Еманчу, что шумитъ въ своихъ порогахъ и переборахъ, бѣлыми каскадами падая съ уступовъ скалъ. Красота видовъ по этому пути невольно миритъ съ дорогою. Вонъ, впереди, безконечная цѣпь холмовъ и долинъ съ Клоковой горы такъ и просится въ картину... Жалѣешь, что тутъ нѣтъ художника, который бы съумѣлъ воспроизвести эти крутые обрывы горъ подъ которыми змѣится рѣка Ута, эти гордыя вершины, стремящіяся точно перерости одна другую, эти рѣзкіе кряжи, точно окаменѣвшіе морскіе валы, извивающіеся параллельно одинъ другому, эти синія ущелья и пади, откуда только вьются дымки невидимыхъ сельбищъ. Но не успѣешь еще отдохнуть на этой дивной панорамѣ, какъ, смотришь, колесо пополамъ и телѣга валится на бокъ. Только и дышешь тамъ, гдѣ дорогу еще не исправляли — а какъ попадешь на гать, залитую грязью и заброшенную крупною галькою, такъ тебя точно въ рѣшетѣ начинаютъ сбивать. Въ теченіе трехъ часовъ мы сдѣлали только восемь верстъ, вставивъ запасное колесо вмѣсто сломаннаго... Ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ. Точно переживаешь какой то кошемаръ. Готовъ наброситься на кого нибудь, прибить перваго попавшаго. Безвыходная злость ростетъ въ душѣ, хотя и сознаешь, что она прежде всего ни къ чему не ведетъ. Гораздо лучше было бы отдать эту дорогу крестья-

намъ, а не техникамъ. Первые взяли бы четверть того, что истратили, невѣдомо на что, послѣдніе, и исправили бы путь отлично. Вѣдь не много надо спеціальныхъ познаній, чтобъ взять да засыпать эту дорогу жердями и грязью. Вѣдь нельзя же выводить на это въ расходъ по 400,000 рублей ежегодно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по пути качаетъ сильнѣе, чѣмъ на пароходѣ въ бурю. На станціи я засталъ несчастнаго чиновника. Тотъ чуть не плачетъ.

— Что вы?

— Помилуйте, я подъ судъ попаду, или выгонятъ.

— За что?

— Я еще вчера долженъ былъ явиться начальству, а что мнѣ дѣлать, если по этому пути болѣе сорока верстъ въ сутки не проѣдешь?... У кого тутъ свидѣтельство возьмешь, да и кто повѣритъ, чтобы такое безобразіе могло быть у насъ.

И тутъ литература почтовыхъ книгъ въ высшей степени интересна. Вотъ, напримѣръ, маіоръ Винокуровъ, сдѣлавшій эту дорогу вмѣстѣ съ женою пѣшкомъ, по невозможности ѣхать, такимъ образомъ обращается къ виновнику его мукъ: «Г. предсѣдатель, Дмитрій Дмитріевичъ Смышляевъ, вы два трехлѣтія распоряжаетесь въ губернскомъ земствѣ, по вашему ходатайству денежная земская повинность уѣздными управами отдана губернской, по вашему ходатайству правительство назначило на исправленіе той же дороги 200,000 руб. ежегодно, и между тѣмъ въ ваши два трехлѣтія Сибирская дорога отъ Кунгура до Екатеринбурга уничтожена. Неужели стоны проѣзжающихъ, стоны крестьянъ обозчиковъ не доходятъ до вашей совѣсти. Я готовъ передъ общественнымъ судомъ доказать фактами, что дорогъ здѣсь не существуетъ». Другой, полковникъ Войцеховскій, свидѣтельствуетъ, что онъ проѣзжалъ по этому же тракту въ 1867, 69, 71 и 72 годахъ и никогда бы не повѣрилъ, что дорога до Кунгура можетъ быть уничтожена, а между тѣмъ это оказалось такъ; слѣдовательно, отпускаемые правительствомъ 200 тыс. руб. и столько же земскихъ ежегодно—тратились не на улучшеніе, а на уничтоженіе пути... Мы не приводимъ другихъ, безчисленныхъ жалобъ.

Опять мы нагнали партію арестантовъ. Тутъ меня глубоко поразили здѣшніе крестьяне. Шла ихъ цѣлая партія. Увидѣвъ «несчастныхъ», они захотѣли подать имъ милостыню. И въ первый разъ въ жизни я видѣлъ, какъ уралецъ дѣлаетъ это. Они сняли шапки и безъ шапокъ подошли къ арестантамъ, низко поклонились имъ и тогда уже подали деньги.

— Что это они? спрашивалъ я у своего спутника.

— Они всегда такъ... Это они кланяются несчастію... Не они ждутъ благодарности, а сами благодарятъ, что ихъ милостыня принята.

Меня это тронуло. Нужно было самому видѣть выраженіе лицъ у этихъ странниковъ, глубокое чувство, отразившееся въ нихъ.

У Кленовской станціи начались самыя высокія горы. И дорога отсюда пошла еще хуже, если это только возможно.

VII.

Отъ Кирчишанской до Грабовской.

Ночь. Мы медленно спускаемся въ долину. Сѣрое небо, сѣрыя, мглистыя горы. Ничего опредѣленнаго, все тускло, все мерещится.

Опять пошли ямы и ухабы... Насъ вновь стало мучить по этой каторжной дорогѣ.

Вдругъ передъ нами, на сѣдловинѣ, какъ бы выросъ цыганскій таборъ. Точно въ декораціи, раскинулись щеголеватые шатры; кругомъ тарантасы и цѣлый табунъ добрыхъ коней.

Я было выразилъ свое недоумѣніе, но оказалось, что ларчикъ просто открывается.

Хотя это и цыгане, но въ то же время весьма богатые тюменскіе купцы. У нихъ мало-мало у каждаго тысячъ по сорока денегъ. Тѣмъ не менѣе они не оставляютъ своихъ кочевыхъ привычекъ и дѣти ихъ—мальчики—совсѣмъ по инстинкту, никакъ уже не изъ нужды, выпрашиваютъ у проѣзжихъ милостыню.

У нихъ такъ: какъ май мѣсяцъ—они сейчасъ же заколачиваютъ свои дома, переселяются въ тарантасы и на кочевку, гдѣ день, гдѣ ночь подъ шатрами. Лѣтомъ и весной въ городѣ чахнутъ совсѣмъ. Имъ не по природѣ оставаться на это время въ стѣнахъ домовъ. Камышловскіе богатые купцы, изъ цыганъ, то же самое дѣлаютъ. Ихъ безъ кочевья тоска беретъ. Въ городѣ живутъ — купецъ купцомъ, какъ выползли на кочевье — все старое опять возвращается. Готовы и коня увести, и погадать на ладони и на картахъ, и спѣть цѣлымъ таборомъ.

Вонъ со смѣхомъ и весельемъ идутъ поденщицы на работу.

Оказывается, что на хозяйскихъ харчахъ баба получаетъ здѣсь отъ сорока пяти до шестидесяти копѣекъ. На Кирчишанскомъ заводѣ на двѣ косы полагается рубль. Мужчина, когда онъ свободенъ и можетъ работать на поляхъ, получаетъ немного больше — отъ восьмидесяти копѣекъ до рубля каждый—тоже, разумѣется, на хозяйскомъ корму. При дороговизнѣ хлѣба здѣсь, ему нельзя было бы и существовать на своемъ.

По пути на Грабовскую станцію мы, наконецъ, попали на дорогу, еще не исправленную. По ней можно было ѣхать быстро и покойно, тутъ и обозамъ легко... Но за то всякій разъ, какъ только намъ попадался участокъ, къ которому земство приложило руку, мученія наши были невыносимы—крупная галька и торчащія прямо подъ ноги конямъ жерди дѣлали передвиженіе невозможнымъ. Пе-

ску нѣтъ вовсе; — и опять повсюду палые кони или еще живые, но уже бьющіеся въ послѣдней агоніи.

Дорога спускалась все ниже и ниже къ лощинѣ, на самомъ днѣ которой раскинулось большое и богатое село Грабовское. Типъ мѣстныхъ жителей славится своею красотою. Здѣшнія женщины считаются самыми привлекательными изо-всѣхъ кунгурскихъ. Многіе купцы нарочно пріѣзжаютъ сюда жениться на нихъ. Даже рабочіе, на шоссе, понятно, въ Грабовскомъ селѣ, отличаются отъ своихъ товарищей ростомъ и силой.

— Здравствуй, Василій! привѣтствовали они моего ямщика.— Проѣзжай, проѣзжай скорѣй... Потому, какъ мы поправимъ, такъ уже и проѣзду не будетъ.

Земскіе техники ссылались здѣсь на болота, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ, и оправдывались недостаткомъ песку, котораго здѣсь массы. Поправляютъ они мѣста проѣзжія, тогда какъ скверныя такъ и остаются въ прежнемъ видѣ. Съ 1871 по 1875 годъ изъ Грабовской станціи до Билимбая въ одну и въ Кирчишанъ въ другую сторону отправляли проѣзжающихъ верхами. Дамамъ давали экипажъ, но запрягали вмѣсто четырехъ—восемь лошадей. Въ теченіе послѣдняго года, здѣсь, въ одномъ Грабовскомъ, пало восемьдесятъ коней, а искалѣчено и испорчено гораздо больше. Ямщики буквально раззорены этимъ. Очередные ямщики охотно платили по 6—8 и даже по 12 рублей обывателямъ, чтобы тѣ за нихъ исполняли гоньбу по дорогѣ. Прежде каждому ямщику мало-мало принадлежала тройка коней; теперь они должны сбирать у товарищей или нанимать у другихъ крестьянъ. То время, когда я проѣзжалъ по пути, было самое удобное для его исправленія; но ничего не дѣлалось. Нельзя же было считать ремонтомъ жерди, кинутыя на дорогу и безобразно пересыпанныя галькой. У подрядчика Стрижова, доставляющаго матеріалъ, рабочіе разбѣжались совсѣмъ. Онъ, какъ оказалось, въ качествѣ единственнаго матеріала для дороги заготовлялъ глину, которая при первомъ дождѣ расплывалась въ жидкую грязь, и только. На двухъ этихъ станціяхъ у Стрижова изъ ста пятидесяти человѣкъ не осталось и трети, причемъ и дѣвочки отъ 12—15 лѣтъ идутъ тоже въ счетъ за взрослыхъ. Мужикамъ онъ платитъ по 50 коп. въ день на ихъ продовольствіи. Мѣстные жители на эти работы не идутъ и ихъ приходится набирать гдѣ попало. Теперь страдная пора и цѣны эти въ высшей степени не выгодны. Земляная работа самая тяжелая изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, а при томъ еще и энергія работы у крестьянъ отнимается крайнею нецѣлесообразностью ея.

— Что же, по хорошему мѣсту мы каменье кидаемъ, глину льемъ... А дурныя такъ и остаются.

Кому это выгодно?...

Изъ Грабова до Билимбая 22 версты. Сибирскіе обозчики дѣ-

лали этотъ путь въ три дня. Они должны принанимать воловъ у здѣшнихъ крестьянъ—иначе имъ бы и не выбраться изъ этого ада. За воловъ платили по 3 рубля съ воза, нагруженнаго 20 пудами. Представьте себѣ, во что обходится имъ доставка чужаго товара.. Наконецъ, за невозможностью дорогъ перестали даже овесъ доставлять на станціи для лошадей. Изъ Талицы въ Билимбай за 15-ть верстъ платилось 15 коп. съ пуда; только перевозить овесъ туда желающихъ не было.

— Глядя на это бѣдствіе, говоритъ смотритель станціи,—я готовъ былъ просто въ лѣсъ бѣжать. Тоска брала смертная! Вчуже жаль было крестьянъ. Старики, бородатые мужики бывало придутъ на станцію и ревутъ, какъ бабы. «Что это съ нами сдѣлали!»... Молчишь поневолѣ; что имъ сказать, какъ ихъ утѣшить?

Особенно съ прошлаго (1875) года начали крестьяне жаловаться. Нашъ крестьянинъ выносливъ до нельзя. Онъ только тогда начнетъ роптать, когда ему совсѣмъ не въ терпежъ. Сунулись было они въ городъ, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ жалобы ихъ оттуда вернули обратно за непредставленіемъ гербовыхъ пошлинъ.

— А какія это такія ербовыя, Господь ихъ знаетъ! И гдѣ ихъ купить? Мы народъ темный.

Наконецъ, мужики не выдержали, собрались и за общей подписью, съ засвидѣтельствованіемъ смотрителя станціи, послали въ Петербургъ жалобу на крайнее свое разореніе. Смышляевъ, узнавъ объ этомъ, телеграфировалъ въ Петербургъ, что коренное исправленіе тракта уже предпринято и что на немъ работаютъ тысяча человѣкъ. Въ дѣйствительности же, у Екатеринбурга и за нимъ работало только 300 человѣкъ, а въ самыхъ скверныхъ мѣстахъ у Грабова и Кирчишана не было никого. Потомъ самъ Смышляевъ отговаривался тѣмъ, что работы были прекращены вслѣдствіе сильныхъ дождей. Проѣзжалъ тутъ вице-губернаторъ Лысогорской—жаловались ему крестьяне, но онъ ихъ просьбы не принялъ; послали общую жалобу губернатору — тотъ ни слова въ отвѣтъ. Не знали, куда дѣваться; обратились въ сенатъ; затребовано было свѣдѣніе: что сдѣлано по прошеніямъ крестьянъ? Начальство спохватилось. Оказалось, что въ губернаторской канцеляріи даже во входящія книги не были записаны мужицкія просьбы... Въ концѣ концовъ, съ тѣхъ поръ прошло больше году, но разоренные ямщики не получили никакого отвѣта. Такъ и не знаютъ, кому имъ теперь жаловаться. Въ одной изъ деревень былъ образъ Николая Чудотворца. Собрались крестьяне, написали просьбу, пришли въ церковь и положили ее передъ Николаемъ.

— Пусть онъ хоть узнаетъ, авось либо поможетъ.

Но и эта инстанція оказалась не лучше.

Въ Билимбаѣ ямщики тоже поневолѣ нарушили контрактъ и отказались возить. По 15 рублей за вольный экипажъ платилъ со-

держатель почтовыхъ лошадей на этомъ трактѣ, Михайловъ. Ему же пришлось купить отъ себя 60 лошадей... Это было въ полномъ смыслѣ слова время ужаса и отчаянія. Арестантскія партіи отъ Кирчишана до Билимбая сорокъ восемь верстъ ѣхали двадцать пять часовъ. Обозные раззорились совершенно; въ мѣстностяхъ, нѣкогда богатыхъ, гдѣ о преступленіяхъ не было слышно, развились грабежи. Крестьяне въ одинъ голосъ стали требовать суда и слѣдствія— ихъ подкупали водкой, чтобы они молчали. На Талицкой станціи обозы стояли по четыре, по пяти сутокъ; за тройку платили за 15 верстъ по восьми рублей и то не находили желающихъ. На станціяхъ и всюду крики, шумъ, плачъ. Лошади есть—но всѣ искалѣчены... Пассажиры жалуются, ямщики ревутъ. Грязь всюду до ступицъ, камни перемѣшались съ грязью и глиной. Къ вечеру— какъ подморозитъ немного—шабашъ. Проѣзжающіе, пока не подоспѣютъ на помощь новыя подводы, разводятъ костры на дорогѣ, сидятъ на холоду. Свѣжую лошадь приведутъ бывало, а на другой день она уже безъ копытъ, съ искалѣченными ногами... Сдѣлаетъ три версты и вся въ мылѣ. Силъ не хватало вовсе. Богатые Решетовскіе ямщики имѣли такихъ коней, что, закладывая ихъ, тормозили экипажи съ мѣста, пока кони не обойдутся. Кони были— огонь, ретивые, сильные, не доглядишь — мигомъ разнесутъ. Въ 1873 году, они, эти ямщики, еще выдерживали, но въ 74-мъ всѣ эти превосходные кони перекалѣчились, измучились; пали... Вся нѣкогда богатая конская сила страны была уничтожена.

VIII.

Отъ Грабовской до Билимбая.

Дорога идетъ лѣсомъ.

По временамъ, сквозь деревья мерещутся далекія синія горы. Вонъ на право, внизу, ущелье, на днѣ котораго шумитъ и бьется потокъ. Его только слышно, самъ же онъ весь спрятался въ сочную тѣнистую чащу. За ущельемъ нахмурился точно ощетинившійся лѣсной хребетъ, сумрачный, зловѣщій... На лѣво просѣка точно въ безконечность проложена среди громадныхъ Строгановскихъ лѣсовъ... Зеленая, въ зеленомъ царствѣ, шла она прямо, какъ остріе ножа.

— Это Строгановское царство, несосвѣтимое. Только у него поди и остались старые боры на Уралѣ.

Опять горы; за горами, на нѣсколько плановъ раскинулись они, чѣмъ дальше, тѣмъ туманнѣе. Нивѣсть что чудится на нихъ раздраженному взгляду...

— Это Зачусовая сторонка.. Самое приволье наше началось!..

Тутъ и вѣдмедь, и бѣглые—сколько хошь. Слободно имъ ходить тутъ, куда глаза глядятъ. Не ловятъ ихъ наши; бѣглыхъ жалѣютъ, а вѣдмедь, что жъ, онъ здѣсь смирный. Уходитъ отъ человѣка, если не дразнить его...

— А много бѣглыхъ бываетъ здѣсь?

— Сколько хочешь. Тоскуютъ по родимому то мѣсту и бѣгутъ... Сами идутъ, чтобы опять на муку попасть. Прежде они и селилисъ у насъ, случалось.

— Какъ?

— Въ семью ихъ принимали. У кого сынъ померъ—ну, онъ и запишетъ замѣсто сына.

— И ничего, каяться не приходилось?

— Зачѣмъ каяться-то... Вѣдь онъ съ горя да съ нищеты на злое дѣло пошелъ. Ну, а какъ видитъ добро кругомъ, такъ сердце то у него и смягчится. Еще какіе люди выходили. Умные, работящіе.

— А теперь этого не случается?

— Теперь нельзя. Ноне отъ начальства большая прижимка пошла. Никуда не спрячешься. Изъ своихъ же старшины, а хуже Ирода.

Горы. Я ничего не знаю красивѣе этихъ горъ; однѣ за другими, мрачными твердынями подымаются онѣ, заполоняя горизонтъ. Ближайшія опушены лѣсами—чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ заманчивѣе и таинственнѣе. Когда мы выѣхали на послѣдній спускъ, передъ нами открылась большая долина р. Чусовой... Сверху видно до двѣнадцати деревень, разсыпавшихся по берегамъ. И каждая деревня или къ сумрачному лѣсу прижалась, или у крутыхъ откосовъ сѣрыхъ скалъ ютится... Точно ей защита нужна... Лѣса за лѣсами, рощи за рощами. Все это млѣетъ подъ солнечнымъ свѣтомъ, разметывающимъ свои золотые блики и въ струяхъ рѣки, и въ свѣтлыхъ щитахъ озерковъ, едва, едва выглядывающихъ однимъ краешкомъ изъ за обступившихъ ихъ деревьевъ... На зеленыхъ лугахъ еще красивѣе кажутся отдѣльно стоящія величавыя сосны—послѣдніе великаны, оставшіеся здѣсь, точно въ свидѣтельство того, что когда-то стояли тутъ могучія дубравы, срубленныя жадными и ненасытными промышленниками... Тесовыя кровли избъ тоже ярко, словно золотыя, блестятъ на солнцѣ. На свѣжихъ, только что построенныхъ баркахъ—бѣлянахъ тоже горитъ солнце. Бѣляны простоятъ здѣсь до весны будущаго года... Вонъ и Билимбаевскій заводъ...

Мы въѣхали въ него широкой улицей. Красивые каменные и деревянные постоялые дома раскинулись на этомъ привольѣ. Не смотря на просторъ, улица была запружена обозами.

Намъ было нѣкогда останавливаться здѣсь; да въ описаніи завода пришлось бы повторяться. Въ статьяхъ нашихъ въ «Русской Рѣчи» 1881 года и «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882 года, мы уже

достаточно разсказывали объ этомъ. Положеніе рабочихъ, производство то же, что и въ другихъ нами описанныхъ мѣстностяхъ.

IX.

Отъ Билимбая до Екатеринбурга.

Изъ Билимбая мы выѣхали на Теплую гору. Она очень высока и крута.

— Почему ее прозвали Теплой?

— А потому — на ней каждый упарится, пока до верху доберется...

Съ вершины уже видны рѣзкія очертанія сумрачныхъ Шайтанскихъ горъ, конусы которыхъ чѣмъ ближе, тѣмъ дѣлаются все грознѣе и грознѣе. Онѣ то кряжемъ, то цѣлымъ рядомъ вершинъ облегаютъ долину, которая вся какъ будто прячется въ тѣнь этихъ великановъ. За этими вершинами выступаютъ другія, третьи... За ними такія же грозныя, такія же мрачныя едва, едва рисуются новыя. А тамъ уже и самъ не знаешь — чудится ли утомленному взгляду или дѣйствительно въ безконечной дали поднялись едва, едва намѣтившіяся горы. То они сливаются съ лазурью неба, то полувоздушными, расплывающимися очерками выступаютъ на немъ... Въ эффектной оправѣ этихъ пиковъ, конусовъ и кручь, Шайтанъ на своемъ зеленомъ холмѣ является удивительно красивымъ... За то и тутъ дорога завалена палыми лошадьми. Безпечность заводскаго правленія въ этомъ отношеніи поразительна. Вонъ у самаго завода—трупъ коня уже не только загнившій, а даже посѣрѣвшій, вонь кругомъ на версту—и точно никому нѣтъ дѣла до этого. На улицѣ сбились бараны. Тройка летитъ на нихъ—а они даже и не шелохнутся, точно не ихъ дѣло совсѣмъ. Табунъ лошадей на площадкѣ обмахивается хвостами. Только шелестъ стоитъ кругомъ отъ нихъ. Кучи дѣтей снуютъ повсюду, бабы въ пестрыхъ костюмахъ и опять разбитый тутъ же цыганскій таборъ. Смуглая красавица побѣжала за нами, издали показывая ладонь—«погадать-де», да не догнала, плюнула и погрозила намъ кулакомъ... Совсѣмъ все это не похоже на скудную и будничную обстановку русскихъ селъ, заморенныхъ вѣковыми голодами, безработицей.

А виды этихъ горъ дѣлаются все красивѣе и красивѣе.

Еще изъ Шайтана мы замѣтили эффектный силуетъ мрачной лѣсной горы Волчихи. Чѣмъ ближе, тѣмъ она становилась все болѣе и болѣе похожей на это животное, повернувшее голову къ вамъ. Только вмѣсто шерсти на этой волчихѣ выросли вѣковые лѣса, лапы ея громадными отрогами раскинулись по долинѣ, а на головѣ поднялись такой массой скалы, что передъ ними нѣмѣетъ

воображеніе. Точно перенесенъ въ какое то волшебное царство. Міромъ легендъ кажется вся эта даль, заставленная мрачными горами. И дѣйствительно, о каждой изъ нихъ разскажутъ вамъ массу преданій. Тутъ Строгановы татаръ били, тамъ татары поймали Строгановыхъ и мучили ихъ, вымогая признаній, гдѣ зарыты ихъ сокровища. Вонъ на этой горѣ они изжарили на медленномъ огнѣ старика, а рядомъ одинъ изъ Строгановыхъ поймалъ изувѣровъ и двѣнадцать человѣкъ ихъ закопалъ живьемъ въ землю... Три дня головы ихъ виднѣлись надъ нею, пока несчастные не погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Народъ здѣсь, какъ и вездѣ. Чтобы кѣмъ ни было сдѣлано, припишутъ Строгановымъ, чтобы съ кѣмъ ни случилось—случилось съ Строгановыми. Билъ какой нибудь «разбойный» человѣкъ мирные поселки пермяковъ—это Ермакъ. Разспросишь и окажется, что легендарный герой нашъ долженъ былъ жить по крайней мѣрѣ триста лѣтъ.

— Вонъ,—на этой самой горѣ Ермаку снесла голову мурза татарская.

— Ого... Какъ же онъ потомъ Сибирь воевалъ?

— А у пермяковъ тогда волшебникъ оказался. Онъ и предложилъ, коли вы нашихъ не тронете, въ мірѣ съ нами жить будете, я вамъ Ермака оживлю... И оживилъ.

— Какъ же это онъ ухитрился сдѣлать?

— А такъ: забилъ его съ головой въ камень; черезъ три дня и три ночи раскололь камень и вышелъ оттуда Тимофѣевичъ живымъ!

— Что же пермяковъ не тронули? И посель живутъ?

— Гдѣ жить... И духу ихняго не осталось... Строгановы ихъ разметали.

Здѣсь, въ Талицѣ, тѣ же воспоминанія о страшномъ 70—71 годѣ. У нашего ямщика тогда восемь коней пало. Цѣлое лѣто валились кони косяками. Отдавали тройку за восемь рублей. Ѣхали стороной, всѣ покосы были смяты. На колесахъ нельзя было ѣздить, на осяхъ двигались. Четверка не могла поднять самаго легкаго экипажа, возвращались за подмогой. Максимъ Осокинъ — богатѣйшимъ крестьяниномъ былъ — нищимъ сталъ. Яковъ Бѣлоусовъ бросился съ жалобами къ одному земцу, а тотъ его «накормилъ плюхами». Кидались къ губернатору — гнали вонъ, послали ходатаевъ въ Петербургъ.

— За чѣмъ это?

— Самому царю жалится. Только не доѣхали. По этапу вернули... А двухъ въ Сибирь угнали...

Отъ Талицы вздумали поправлять хорошую и безъ того дорогу, накатываютъ на нее, невѣдомо зачѣмъ, пучки жердей и засыпаютъ землей. Ѣдемъ мы, сегодня сухо — а все таки дорога поддается подъ нами, волнуется, точно внизу топь.

— Бѣда! жалуется ямщикъ. Никакой управы на нихъ нѣтъ... Одна была надежда, сказываютъ, изъ Питера чиновника пришлютъ. Только и его обойдутъ... У нихъ пироги скусные, они хоть кого скрутить могутъ.

Вонъ небольшой холмъ... На его вершинѣ столбъ каменный на каменномъ же пьедесталѣ.

«Граница Европы и Азіи».

На этотъ разъ направо въ Европѣ заходило солнце, а налѣво въ Азіи сгущался вечерній сумракъ. Кругомъ уныніе и пустыня. Меланхолически свиститъ вѣтеръ, пробѣгая по голымъ полянамъ и заваленнымъ каменьями спускамъ... Лѣсъ нахмурился и молчитъ.

Страшное мѣсто!

Сколько слезъ пролилось здѣсь! Несчастные въ кандалахъ въ послѣдній разъ оглядывались отсюда назадъ, на свою на вѣки-вѣчные покидаемую родину. Далекій, непріютный, чужой и холодный край начинается отсюда. Новая жизнь, новые люди, новыя страданія! Воображаю, какія мысли цѣлымъ роемъ носились въ головѣ бѣднаго ссыльнаго, когда онъ приваливался на краткій отдыхъ къ этой пограничной колоннѣ. Можетъ быть, на каждый камень ея подножія падали горючія слезы... Не оттого ли и лѣсъ замолчалъ и нахмурился, что слишкомъ много слышалъ онъ здѣсь рыданій.

Со станціи Рѣшты опять пошли лѣсистыя вершины. Туманъ уже окутывалъ ихъ. Въ травѣ звенѣли кобылки, какая то пичуга уныло посвистывала въ чащѣ березняка. Вонъ проскрипѣлъ коростель. Внизу что то заухало. Тучи надвигаются отовсюду грознѣе и грознѣе.

И не успѣли мы подальше углубиться въ неподвижное лѣсное царство, какъ вверху грянуло и прокатилось по лѣснымъ вершинамъ... Крупныя капли дождя зашуршали въ листвѣ деревъ.

— Скоро пройдетъ дождь. Ишь кобылка то радуется.

И дѣйствительно, кобылки изъ травы высоко взлетали на воздухъ и трепетали въ немъ своими сквозными крыльями. Цѣлыми роями подымались онѣ, точно привѣтствуя шумѣвшую вверху непогоду.

Направо и налѣво въ темнотѣ медленно подступавшей ночи поднялись какіе-то громадные камни, цѣлые холмы изъ отдѣльныхъ и безпорядочно наваленныхъ скалъ... Съ одного спуска масса огней блеснула внизу...

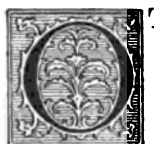
— Вотъ и Екатеринбургъ...

Конецъ нашимъ злоключеніямъ, конецъ этой каторжной дорогѣ!...

В. И. Немировичъ-Данченко.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Поѣздка въ Одессу къ открытію Новороссійскаго университета.—Пути, по которымъ можно было ѣхать на югъ Россіи въ то время. — Путь на Варшаву, Краковъ, Львовъ, Черновицы и Бессарабію и дорожныя впечатлѣнія.—Открытіе университета.—Составъ профессоровъ.—Смертность среди нихъ и скорый выѣздъ многихъ изъ нихъ.—В. И. Григоровичъ и Н. Н. Соколовъ, главные представители новаго университета.—Лицейскій элементъ въ университетѣ.—Три диспута. — Цѣль воспоминаній.



ОТКРЫТІЕ Новороссійскаго университета въ Одессѣ было назначено 1-го мая 1865 года. Цѣлый рядъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и доцентовъ (это была въ то время еще новая должность) назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія для занятія каѳедръ въ новомъ университетѣ. Нѣкоторый контингентъ преподавателей составили лица, занимавшія до того времени каѳедры въ только-что упраздненномъ тогда Ришельевскомъ лицеѣ; но главныя и наиболѣе многочисленныя силы притекли въ новый разсадникъ высшаго просвѣщенія извнѣ. Ихъ далъ болѣе всего Петербургъ; чего въ немъ недоставало, добавили другіе университетскіе города: Москва, Харьковъ, Казань и Кіевъ. Было назначено нѣсколько отставныхъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые проживали за границей. Въ числѣ лицъ, отправившихся въ Одессу изъ Петербурга, былъ и я, только что получившій тогда степень и дипломъ магистра «Римской словесности».

Въ то время, т. е. около двадцати лѣтъ назадъ, званіе профессора и вообще университетскаго преподавателя считалось еще очень почетнымъ. Кромѣ того, университеты только-что получили новый уставъ, давшій имъ самоуправленіе и значительно увеличившій

какъ учебныя средства заведенія, такъ и содержаніе преподавателей. Общее настроеніе въ нихъ было бодрымъ, и ярко сіяла надежда, что при новыхъ штатахъ, поднявшихъ библіотеки, кабинеты и лабораторіи, и въ виду новыхъ ученыхъ силъ, тогда въ значительномъ числѣ возвращавшихся изъ-за границы, высшему русскому образованію предстоитъ хорошее будущее. Надежда эта вполнѣ раздѣлялась и нами, тогда начинавшими свое ученое поприще по возвращеніи изъ заграничной командировки, и потому я отправился на службу въ новый университетъ очень охотно. Южное положеніе Одессы, теплый климатъ, море, историческая почва берега Понта Эвксинскаго—все это только усиливало въ моихъ глазахъ привлекательность новаго университета. Я всегда любилъ Петербургъ и съ трудомъ представлялъ себѣ возможность для человѣка, знакомаго съ удобствами европейскаго города, жить въ Россіи внѣ столицы нашего государства; однако этотъ разъ я покидалъ Петербургъ безъ сожалѣнія.

Но, девятнадцать лѣтъ тому назадъ, совершать путешествіе отъ Балтійскаго моря къ Черному было дѣло очень нелегкое. Въ то время наиболѣе комфортабельнымъ путемъ изъ Петербурга въ Одессу былъ путь черезъ Варшаву и Вѣну до Базіаша (въ Венгріи) по желѣзной дорогѣ, отъ Базіаша на австрійскомъ пароходѣ по Дунаю до Галаца, откуда уже на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли по Черному морю до Одессы. Путь этотъ хотя былъ длиненъ и дорогъ, но имъ пользовались многіе, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ продолжительнѣе чисто русскихъ путей, хотя бы самыхъ короткихъ. Въ какихъ-нибудь 10 дней по немъ навѣрняка можно было добраться до мѣста. Его нѣкоторые изъ профессоровъ и взяли. Русскіе же собственно пути были слѣдующіе: самый длинный, но казавшійся наиболѣе удобнымъ, былъ изъ Нижняго по Волгѣ до Царицына, затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Калача, оттуда по Дону, по Азовскому морю и, наконецъ, по Черному. Онъ требовалъ изъ Петербурга до Одессы двухъ недѣль непрерывной ѣзды: имъ никто не поѣхалъ. Самымъ обыкновеннымъ путемъ былъ путь по Варшавской желѣзной дорогѣ до Острова, оттуда въ дилижансѣ до Кіева, изъ Кіева на пароходѣ по Днѣпру до Екатеринослава, изъ Екатеринослава въ дилижансѣ до Никополя, изъ Никополя на пароходѣ опять по Днѣпру, съ остановкой въ Херсонѣ, и, наконецъ, по Черному морю. Онъ требовалъ не менѣе 9 дней непрерывнаго движенія и былъ утомителенъ. Тѣмъ не менѣе имъ отправились тѣ, которые желали избѣгнуть ѣзды на перекладныхъ, что было неизбѣжно при пути на Москву, гдѣ кончалась желѣзная дорога, Харьковъ и Кременчугъ. Я нашелъ, что самый скорый и менѣе другихъ дорогой путь—заграничный, но только не по Дунаю и Черному морю, а черезъ Галицію и Буковину, и затѣмъ черезъ Бессарабію, и поѣхалъ на Варшаву, Краковъ, Львовъ, Черновицы, Новоселицу и Кишиневъ. Желѣзная дорога шла непре-

рывно до Львова, оттуда ходилъ дилижансъ до Черновицъ, изъ Черновицъ ѣзда совершалась въ еврейскомъ экипажѣ до русской границы (Новоселицы), а отъ русской границы, на разстояніи 450 верстъ слишкомъ, на перекладныхъ. Говорю объ этихъ способахъ передвиженія съ сѣвера югъ Россіи для того, чтобы дать тѣмъ нѣкоторую характеристическую черту нашему недавнему прошлому. Когда сравнишь нашу нынѣшнюю, хотя тоже небогатую матеріальную культуру, съ той, какою мы наслаждались менѣе чѣмъ два десятка лѣтъ тому назадъ, то все-таки прогрессъ въ нашей жизни является несомнѣннымъ. А это большое утѣшеніе.

Путь, взятый мною при отправленіи въ Одессу, былъ тѣмъ хорошъ, что давалъ мнѣ случай хоть не много познакомиться съ двумя интересными городами — Варшавой и Львовомъ, въ которыхъ до тѣхъ поръ мнѣ бывать не приходилось. Варшава въ то время состояла еще на военномъ положеніи, вызванномъ возстаніемъ 1863 года. Понятно, что общественной жизни въ ней было не много и познакомиться съ ней, хотя сколько-нибудь, не было возможности уже и потому, что по случаю послѣдовавшей 12-го апрѣля (1865) смерти наслѣдника Россійскаго престола, Николая Александровича, всѣ общественныя увеселенія прекратились и пріѣзжему русскому дѣваться было рѣшительно некуда. Къ стѣснительнымъ условіямъ пребыванія тамъ присоединилось еще то, что вечеромъ обязательно было выходить изъ дому не иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ. Если мѣстные жители къ этой необходимости уже попривыкли, то пріѣзжему, не говоря о совершенно лишнемъ расходѣ на фонарь, это было совсѣмъ не по вкусу. Волей — неволей я долженъ былъ купить фонарь; зажегъ въ немъ свѣчку и пошелъ по улицѣ, но такое путешествіе мнѣ скоро показалось до того стѣснительнымъ, что черезъ четверть часа я воротился въ свою гостинницу, изъ которой предпочелъ не выходить и на слѣдующій вечеръ. Познакомившись съ внѣшнимъ видомъ города, съ нѣкоторыми церквами и съ Лазенками, я отправился на третій день дальше съ впечатлѣніями, не особенно радостными. Ничего подобнаго ни раньше, ни послѣ, ни въ своемъ государствѣ, ни за-границей мнѣ не приходилось испытывать; жалко было поляковъ, доведшихъ себя до такого суроваго съ ними обращенія; не весело было смотрѣть и на русскихъ, принужденныхъ удерживать безпокойный народъ желѣзною рукою въ покорности.

Какъ Варшава мнѣ показалась городомъ съ почти совершенно замершею жизнію, такъ Краковъ, въ который я пріѣхалъ вечеромъ и остался только переночевать, былъ полонъ движенія. Кофейни были биткомъ набиты народомъ и переполнены газетами. Бойкая жизнь, шумный говоръ пріятно поразили меня послѣ Варшавы въ этомъ старопольскомъ городѣ, мрачномъ и тѣсномъ снаружи, какимъ онъ мнѣ тогда показался. Но дни моего путешествія были разсчи-

таны, мнѣ хотѣлось пробыть нѣсколько дней во Львовѣ и познакомиться съ положеніемъ тамошнихъ русскихъ или русиновъ, какъ они тамъ называются, и потому, оставивъ знакомство съ Краковымъ до другаго раза, я на другой же день поспѣшилъ во Львовъ, куда у меня были письма и посылки изъ Петербурга.

Восточная Галиція и въ частности Львовъ, ея столица, вся эта исконная русская земля, въ то время чрезвычайно рѣдко была посѣщаема русскими учеными и писателями, и потому тогдашнее положеніе ея русскаго населенія было почти совсѣмъ неизвѣстно нашему образованному обществу. О положеніи этомъ, тяжкомъ, убогомъ и забитомъ, я тогда же написалъ нѣсколько строкъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшіяся В. Ѳ. Коршемъ, и затѣмъ недавно говорилъ о немъ въ одномъ журналѣ, въ статьѣ, написанной по поводу извѣстнаго Львовскаго процесса (см. мою книгу «Статьи для публики» I. стр. 167—188). Поэтому я не стану здѣсь распространяться о своихъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ города Льва и Даніила Галицкихъ. Скажу только, что я былъ принятъ представителями тамошняго русскаго общества съ большимъ радушіемъ. Имъ такъ было не въ привычку видѣть въ стѣнахъ своихъ русскаго ученаго, заинтересовавшагося ихъ судьбою, что во все время моего коротокаго пребыванія тамъ я буквально не оставался одинъ ни на минуту. Со слезами на глазахъ нѣкоторые изъ нихъ разсказывали мнѣ про свое горькое житье-бытье, про свое положеніе, по истинѣ тяжкое, безъисходное. Львовскій процессъ 1882 года показалъ всему міру, на какую жалкую жизнь обречены среди смертельно враждебнаго имъ польскаго общества эти пасынки Австрійской имперіи даже въ настоящіе дни, когда всѣ другіе народы монархіи Габсбурговъ такъ гордо подняли свои головы, требуя политической и административной автономіи, уваженія своей народности, своего языка, полной свободы своего національнаго развитія. Что же было съ ними тогда, двадцать лѣтъ назадъ, когда, не смотря на конституціонную попытку, слѣдовавшую за несчастной для Австріи итальянской компаніей, во всей странѣ царилъ еще полный абсолютизмъ и когда для загнаннаго и фактически безправнаго населенія не было защиты ни въ гласномъ судѣ съ присяжными, тогда еще не введенномъ въ Австріи, ни въ своихъ представителяхъ въ общемъ парламентѣ, какъ это было при недавнемъ обвиненіи въ государственной измѣнѣ Добрянскаго, Наумовича, Маркова, Площанскаго и проч.? Несчастные люди, за которыми польское общество и подчинявшаяся ему администрація не хотѣли признавать даже права называть себя русскими, писать россійскою гражданскою азбукой, читать издаваемыя въ Россіи книги, горько жаловались мнѣ на нашу великую страну, какъ имъ казалось, забывшую о существованіи трехъ милліоновъ душъ однокровнаго народа, оторваннаго исторіей отъ общей родины и не видящаго исхода своему

невыносимому положенію внѣ новаго соединенія съ этой общей родиной. «Обратите насъ хоть въ крѣпостное состояніе, но только вырвите насъ изъ ногтей поляковъ», — говорилъ мнѣ, сквозь слезы, одинъ изъ патріотовъ, повидимому, особенно чувствовавшій горечь приниженнаго состоянія своего народа, отданнаго на жертву враговъ его. Я старался утѣшать добрыхъ людей, видѣвшихъ мое превосходство надъ собой уже въ томъ, что я не знаю польскаго языка и не имѣю нужды говорить по-польски, безъ чего имъ нельзя сдѣлать шага, я старался утѣшать ихъ, какъ могъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извинять Россію, которая, говорилъ я, совсѣмъ не безучастно смотритъ на ихъ судьбу, но въ качествѣ великой державы, ведущей міровую политику, не можетъ не принимать во вниманіе общаго хода дѣлъ и безъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ поднять галиційскій вопросъ такъ, какъ этого требуютъ и ихніе и наши государственные и національные интересы. Я уже хорошо познакомился съ профессоромъ Я. Ѳ. Головацкимъ, каноникомъ Петрушевичемъ, представителями мѣстной учености, съ редакціей журнала «Слова», издавшагося Б. И. Дѣвицкимъ, побывалъ въ «Народномъ Домѣ», т. е. въ клубѣ русскаго общества, слушалъ въ немъ оперу «Наталка Полтавка», посѣтилъ даже одно страховое общество, которымъ завѣдывалъ одинъ изъ мѣстныхъ русскихъ, и, наконецъ, уже взялъ билетъ для отъѣзда въ дилижансѣ на слѣдующій день, какъ былъ приглашенъ въ полицію для объясненій о цѣли и продолжительности своего пребыванія во Львовѣ, но успокоилъ ее тѣмъ, что могъ показать свой билетъ для отъѣзда въ Черновицы. Между тѣмъ во Львовъ пріѣхалъ мой университетскій товарищъ П. Н. Полевой, слѣдуя тѣмъ же путемъ въ Одессу. Я свелъ его къ своимъ новымъ знакомымъ, къ которымъ у него были письма изъ Петербурга, и уѣхалъ въ Черновицы, обѣщаясь дождаться тамъ его, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на почтовыхъ отъ русской границы. Мой будущій спутникъ не заставилъ себя ждать болѣе сутокъ и мы, переѣхавши въ комфортабельномъ экипажѣ изъ Черновицъ въ Новоселицу, понеслись на почтовыхъ по Бессарабіи сломя голову въ Одессу, желая прибыть туда наканунѣ открытія университета. И, дѣйствительно, пріѣхали во время, хотя и не безъ приключеній, безъ которыхъ рѣдко обходилась въ то время ѣзда на почтовыхъ, особенно въ такой мало культурной мѣстности, какова Бессарабія.

Въ самый день пріѣзда (30-го апрѣля) мы побывали у попечителя А. А. Арцимовича, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться за годъ до того въ Берлинѣ, во время его кратковременной командировки за-границу, и затѣмъ видѣлся въ Петербургѣ не задолго до нашего отъѣзда въ Одессу. Остальное время дня мы посвятили частію на отдыхъ, а частію на нѣкоторое ознакомленіе съ городомъ, который хотя и показался съ виду довольно

богатымъ, но мало располагалъ къ себѣ признаками своего неблагоустройства. Одесса, теперь довольно красивый и прекрасно вымощенный городъ, девятнадцать лѣтъ назадъ, представляла собой непролазную грязь послѣ каждаго дождя и неимовѣрную пыль, когда было сухо. На этотъ разъ въ городѣ было довольно грязно по причинѣ бывшаго ночью дождя, который порядочно-таки потрепалъ насъ въ дорогѣ. Но эта грязь была ничто въ сравненіи съ тою, съ какою намъ пришлось вскорѣ познакомиться, о пыли же мы пока еще не имѣли никакого представленія. Тѣмъ не менѣе первая прогулка по Одессѣ невольно поставила передъ нами вопросъ: можно ли жить въ этомъ городѣ намъ, петербуржцамъ? Я рѣшалъ вопросъ скорѣе отрицательно, Полевой—скорѣе положительно. Будущее показало, что я былъ больше правъ: Полевой выѣхалъ изъ Одессы черезъ два года, а я черезъ два съ половиной. Однако жизнь въ Одессѣ я никакъ не могу причислить къ непріятнымъ моментамъ моего существованія. Она была ни скучна, ни особенно весела, но такъ какъ здѣсь были первые мои шаги на профессорскомъ поприщѣ, то она мнѣ очень памятна и во всякомъ случаѣ возбуждаетъ гораздо болѣе пріятныхъ, чѣмъ непріятныхъ воспоминаній. Я даже пустилъ въ почву этого города нѣкоторые корни и, выѣхавши изъ него, долгое время считалъ себя полу-одесситомъ.

Помню живо, какъ мы вошли въ первый разъ въ университетъ въ качествѣ участниковъ празднества его открытія. Вошли мы никому невѣдомые. Другіе петербуржцы не поспѣли къ этому дню, а прежнихъ лицейскихъ профессоровъ, какъ и тѣхъ, которые явились изъ провинціальныхъ университетовъ, мы никого не знали. Вошедши въ актовую залу, мы заняли мѣста, назначенныя для преподавателей. Единственнаго знакомаго намъ человѣка, попечителя, еще не было. Между тѣмъ являются бывшія лицейскія власти, до послѣдняго момента еще не слагавшія своихъ должностей, и инспекторъ лицейскихъ студентовъ, г. Юргевичъ, проситъ насъ оставить занятыя нами мѣста, такъ какъ они предназначены для преподавательскаго персонала. Мы улыбнулись, но продолжали сидѣть. Юргевичъ настаивалъ, но въ это время исправлявшій должность директора лицея г. Богдановскій останавливаетъ его замѣчаніемъ, что, вѣроятно, онъ видитъ передъ собой пріѣзжихъ профессоровъ. Тогда мы отрекомендовались и познакомились съ новыми товарищами. Наконецъ, явился и попечитель и познакомилъ насъ съ другими, между прочимъ и съ новымъ ректоромъ, И. Дм. Соколовымъ, бывшимъ профессоромъ математики въ Харьковскомъ университетѣ. Явилась княгиня Воронцова, вдова знаменитаго генералъ-губернатора. Попечитель и нѣкоторые мѣстные профессора, обращаясь къ ней, оказывали знаки глубокаго почтенія, котораго эта умная и добрая женщина вполнѣ, впрочемъ, заслуживала. Начался актъ открытія университета. Онъ прошелъ

чисто оффиціальнымъ порядкомъ. Не было ни рѣчей, ни чего-либо другого, похожаго на празднество по поводу событія, очень важнаго не только для города, но и для цѣлаго края, даже для цѣлой Россіи, обогатившейся новымъ университетомъ. Я послалъ телеграмму въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», какъ это условлено было между мною и Коршемъ.

Стали мало по малу собираться и назначенные въ новый университетъ профессора, не поспѣвшіе къ его открытію, и началась организація университета. Нужно было устроивать лабораторіи, кабинеты, пополнять доставшуюся намъ въ наслѣдство лицейскую библіотеку; на все это была отпущена спеціальная сумма. Другихъ занятій по университету не было, такъ какъ не было ни студентовъ, ни, слѣдовательно, экзаменовъ, обыкновенно происходящихъ въ маѣ. Время приближалось къ каникуламъ. Нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ снова уѣхали. Меня пригласили поселиться на лицейской дачѣ, на такъ называемомъ Маломъ Фонтанѣ, куда переѣхалъ изъ города ректоръ и нѣкоторые чиновники университета. Тамъ я и провелъ лѣто, не имѣя другого развлеченія, кромѣ никогда не надоѣдавшаго вида на море, на его вѣчныя волны, то тихія, то бурныя, и нерѣдко, при видѣ постоянно выступающихъ изъ-подъ горизонта судовъ съ натянутыми парусами, уносясь воображеніемъ въ тѣ далекія времена, когда на этихъ самыхъ берегахъ кипѣла жизнь торговыхъ эллинскихъ колоній, жизнь людей иной, но роскошной культуры, каждый слѣдъ которой представляетъ теперь для насъ предметъ высокаго, увлекающаго интереса.

Къ началу учебнаго года, во второй половинѣ августа, профессорскій персоналъ былъ на лицо уже въ полномъ своемъ составѣ, на сколько онъ могъ образоваться въ мѣру свободныхъ научныхъ силъ, какими тогда могла располагать Россія. Составъ этотъ не былъ слишкомъ блестящъ, особенно при участіи въ немъ значительнаго лицейскаго элемента; но онъ былъ, говоря вообще, никакъ не ниже того, какимъ располагаетъ Новороссійскій университетъ послѣ почти двадцатилѣтняго своего существованія. Лучше всѣхъ былъ сформированъ физико-математическій факультетъ. Въ немъ были, безспорно, крупные люди: химикъ Н. Н. Соколовъ, ботаникъ Л. С. Ценковскій, математикъ И. Дм. Соколовъ (ректоръ); между доцентами его, подававшими надежды и людьми не безъизвѣстными, были ботаникъ Яновичъ, химикъ Абашевъ, къ которымъ вскорѣ присоединился и пріобрѣвшій потомъ большую извѣстность Мечниковъ. Не былъ плохъ на первый разъ и историко-филологическій факультетъ. Въ немъ были наиболѣе крупными учеными силами В. И. Григоровичъ и академикъ П. С. Билярскій, первый — знаменитый славистъ, второй — извѣстный изслѣдователь по церковно-славянскому и русскому языкамъ; хуже всего въ немъ была представлена исторія, пока каѳедры всеобщей исторіи не занялъ про-

фессоръ Брикнеръ, потомъ, впрочемъ, переѣхавшій въ Дерптъ. Юридическій факультетъ былъ положительно слабъ, не смотря на то, что въ составъ его входилъ старикъ А. В. Куницынъ, изъ такъ называемыхъ питомцевъ Сперанскаго, взявшій на себя чтеніе римскаго права, и доценты Леонтовичъ и Вольскій, изъ которыхъ первый уже заявилъ себя до этого времени дѣльными работами по исторіи русскаго права («Литовскій статутъ»), а послѣдній большимъ трудомъ по политической экономіи («Объ обработкѣ земли крестьянами собственниками»). Повторяю, университетъ не былъ въ началѣ своего существованія богатъ учеными силами, но не былъ и слабѣе другихъ провинціальныхъ университетовъ. Во всякомъ случаѣ онъ началъ свою дѣятельность при общемъ сочувствіи города и съ надеждами на блестящую будущность, до сихъ поръ, правда, мало оправдавшимися.

Но, Боже мой, какъ мало изъ тѣхъ, кому было суждено быть первыми дѣятелями Новороссійскаго университета, осталось въ живыхъ! Умерли не только старики, какъ Лапшинъ и Куницынъ, не только люди, явившіеся въ него уже пожилыми, какъ Билярскій, Григоровичъ, ректоръ Соколовъ, Маркузенъ (физіологъ), умерли люди, начавшіе въ немъ свою дѣятельность въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ Соколовъ (химикъ), Яновичъ (ботаникъ). Власьевъ (юристъ), Смирновъ (историкъ), или даже еще совсѣмъ молодыми, какъ Абашевъ (химикъ), Вольскій (экономистъ). Не знаю, живъ ли Струве, читавшій греческій языкъ, впослѣдствіи директоръ или старшій наставникъ гимназіи при петербургскомъ филологическомъ институтѣ. Несомнѣнно, живы остались я съ Полевымъ, Ценковскій, давнымъ давно покинувшіе Одессу, три профессора изъ лицейскихъ (гг. Богдановскій, Юргевичъ и Карастелевъ), не покидавшіе этого города, да профессоръ Леонтовичъ, питомецъ кіевскаго университета. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, живъ и г. Палимпсестовъ, читавшій нѣкоторое время по открытіи университета сельское хозяйство. Видно, однако, что ни климатъ Одессы, ни условія тамошней университетской жизни не благопріятствуютъ здоровью людей науки.

Климатъ Одессы, подверженной господству сѣверовосточнаго и восточнаго вѣтровъ, есть климатъ сухой, не смотря на приморское положеніе города, и подверженъ необыкновенно рѣзкимъ перемѣнамъ. Поэтому, смертность въ этомъ городѣ чрезвычайно велика, составляя, по обнародованнымъ въ 1865 году (Труды одесскаго статистическаго комитета) изслѣдованіямъ д-ра Финкеля, 45,5 человѣкъ на тысячу жителей въ годъ, то есть такую смертность, при которой одинъ умершій приходится на 23,3 жителя, такъ что нынѣшняя смертность Петербурга, гдѣ умираетъ 32,1 человѣкъ на тысячу, должна считаться, по отношенію къ одесской, въ высшей степени благопріятною. Понятно, что посылка нѣкоторыми петербургскими докторами больныхъ въ Одессу никогда не даетъ хоро-

шихъ результатовъ. Первой жертвой этого недоразумѣнія палъ на моихъ глазахъ профессоръ—академикъ Билярскій. Рослый и, повидимому, здороваго сложенія мужчина, страдавшій въ Петербургѣ груднымъ катарромъ, съ которымъ онъ могъ прожить еще много лѣтъ, онъ переѣхалъ въ Одессу прямо въ надеждѣ на поправленіе здоровья, но сталъ таять тамъ до того быстро, что черезъ годъ мы его уже хоронили. На меня лично одесскій климатъ дѣйствовалъ такъ дурно, что я, не довѣряя помощи мѣстныхъ врачей, черезъ два года счелъ уже нужнымъ съѣздить въ Вѣну посовѣтоваться съ знаменитымъ Шкодой и, чувствуя сильный упадокъ силъ, сталъ серьезно опасаться за свою жизнь. Но стоило мнѣ переѣхать изъ Одессы въ Казань, какъ я немедленно сталъ поправляться самымъ очевиднымъ образомъ. Особенно губительно одесскій климатъ дѣйствовалъ на нервы пріѣзжихъ профессоровъ. Яновичъ черезъ три года сошелъ съ ума и былъ отвезенъ въ Петербургъ въ лечебницу Штейна, гдѣ я одинъ разъ навѣстилъ его, и вскорѣ умеръ. Очень близкій мнѣ человѣкъ Мих. Март. Вольскій, отличавшійся, казалось, желѣзнымъ здоровьемъ и обладавшій особенно крѣпкимъ желудкомъ, дошелъ до крайняго нервнаго разстройства и тоже умеръ въ помѣшательствѣ, въ больницѣ для умалишенныхъ въ Петербургѣ. Два другіе профессора, расположеніемъ которыхъ я дорожилъ и которыхъ всегда цѣнилъ, химики Н. Н. Соколовъ и Дм. Н. Абашевъ, также страдали сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. Первый изъ нихъ, подъ вліяніемъ склонности къ раздраженію, былъ доведенъ до весьма непріятнаго столкновенія съ Вольскимъ и долженъ былъ оставить Одессу (умеръ въ Петербургѣ); второй не захотѣлъ покинуть города, сдѣлавшагося ему ненавистнымъ, но сдѣлался мизантропомъ, велъ нѣсколько лѣтъ странный и до крайности уединенный образъ жизни и преждевременно умеръ, переживши, впрочемъ, и Вольскаго, своего пріятеля, и химика Соколова, своего недруга.

Неблагопріятное климатическое вліяніе Одессы на пріѣзжихъ профессоровъ, особенно отражавшееся на нервномъ разстройствѣ, безъ сомнѣнія играло немаловажную роль въ тѣхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ между ними, которыя начались почти съ первыхъ же дней по сформированіи университета и скоро дошли до весьма напряженной степени. Въ то время, когда я уѣзжалъ изъ Одессы (въ ноябрѣ 1867 года), отношенія между разными группами преподавательскаго персонала были уже значительно натянуты; уже и тогда взаимная вражда, особенно на физико-математическомъ факультетѣ, имѣла нѣсколько случаевъ довольно рѣзкаго обнаруженія. По своему тогдашнему положенію — положенію доцента, т. е. лица, не участвующаго въ засѣданіяхъ совѣта, — я не могъ возбудить противъ себя особенно сильной вражды въ комъ бы то ни было, но все-таки оставлялъ Одессу, какъ городъ,

въ которомъ не очень легко живется въ университетскомъ мірѣ. Однако тѣ непріятности и столкновенія, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ довелось быть, были цвѣточками въ сравненіи съ тѣми, какія проявились впослѣдствіи. Едва прошелъ годъ или полтора послѣ моего выѣзда, какъ одесскій университетъ стали покидать одинъ за другимъ его лучшіе члены. Принуждены были уйти оба Соколовы (ректоръ и химикъ), Ценковскій, Маркузенъ, Григоровичъ, покинули университетъ и позже прибывшіе въ него—Брикнеръ, Сѣченовъ и др., стали уходить даже и такіе люди, какъ Струве, какъ наконецъ Цитовичъ, сожалѣть о выѣздѣ которыхъ университету не было большого основанія. Вообще, Одесскому университету какъ-то не счастливилось съ самаго начала и не счастливится до настоящей минуты. То смерть безжалостно косила его преподавателей, то они покидали его, не видя возможности спокойнаго существованія. Я никогда не прерывалъ вполнѣ связей съ Одессой и знаю, какъ мало и теперь сладости въ тамошней университетской жизни. Недавній выходъ изъ Одесскаго университета нѣсколькихъ профессоровъ избавляетъ меня отъ необходимоcти приводить тому доказательства.

Впрочемъ, моя рѣчь не о настоящемъ, а о прошедшемъ. А отъ отъ этого прошедшаго остались и пріятныя воспоминанія. И прежде всего пріятно остановиться на людяхъ, украшавшихъ собой то учрежденіе, въ которомъ мнѣ приходилось дѣйствовать въ качествѣ ихъ младшаго товарища. Такими людьми изъ умершихъ теперь (о живыхъ говорить неудобно) были: Викторъ Ивановичъ Григоровичъ и Николай Николаевичъ (Парамоновичъ тожъ) Соколовъ.

Изъ славнаго тріумвирата русскихъ славистовъ, сошедшихъ теперь въ могилу, Срезневскаго, Григоровича и Бодянскаго, я зналъ лично двухъ первыхъ. При всемъ уваженіи къ памяти моего бывшаго учителя, И. И. Срезневскаго, я не поколеблюсь поставить выше его Григоровича. И тотъ и другой были люди большой учености, и оба были способны своимъ умомъ и сердцемъ возбуждать къ себѣ глубокую привязанность, но память Григоровича, съ которымъ я былъ гораздо меньше близокъ, чѣмъ съ Срезневскимъ, для меня священнѣе. Ученость Григоровича была поразительная: она поражала не только въ его спеціальной области, но и во многихъ другихъ. Съ Срезневскимъ можно было нетолько спорить, но и выходить изъ спора побѣдителемъ, съ Григоровичемъ никогда. Съ нимъ было даже страшно говорить о наукѣ, не смотря на всю его младенческую кротость и самую утонченную вѣжливость. Касалось ли дѣло филологіи, этнографіи, географіи, исторіи, вездѣ онъ обнаруживалъ подавляющую массу самыхъ разнообразныхъ и мелочныхъ свѣдѣній. Всецѣло преданный наукѣ, только одной наукѣ, онъ въ каждый данный моментъ, по какому угодно пред-

мету, преподающемуся въ историко-филологическомъ факультетѣ, буквально засыпалъ своего собесѣдника данными, даже относившимися къ спеціальной области послѣдняго. Писалъ онъ не много, но все, что онъ написалъ, было драгоцѣнно и собиралось его многочисленными учениками, какъ реликвіи. Мнѣ не разъ приходилось разставаться съ его статьями, печатавшимися иногда въ самыхъ малоизвѣстныхъ изданіяхъ, чтобы удовлетворить усиленной просьбѣ того или другого изъ прежнихъ учениковъ его. Дѣйствіе его на слушателей даже въ послѣднюю пору было самое сильное: всѣ его ближайшіе слушатели, то есть, люди, избиравшіе славянскія нарѣчія своей спеціальностью, любили его до страсти, до обожанія. Онъ не только увлекалъ ихъ своей восторженною преданностью къ наукѣ, но и училъ ихъ съ такимъ мастерствомъ, такъ скоро ставилъ ихъ на ноги въ своей области, что едва-ли какой-либо другой русскій профессоръ могъ указать на такую живительную и непосредственную плодотворность своей преподавательской дѣятельности. Таковъ былъ Григоровичъ какъ ученый и профессоръ; таковъ онъ былъ въ Казани, таковъ онъ былъ и въ Одессѣ. И тамъ и здѣсь онъ составлялъ истинную гордость университета и былъ бы гордостью всякаго ученаго учрежденія, какой угодно академіи.

Но этотъ славный русскій ученый былъ скроменъ до убожества, скажу даже до смѣшного. Онъ не только никогда не говорилъ о своихъ трудахъ, но и умалялъ себя какъ нельзя болѣе предъ всякимъ, кто сдѣлалъ что нибудь въ его области. Этою скромностью пользовались его собратья по наукѣ, злоупотребляли ею и просто обижали несчастнаго. О Григоровичѣ громко говорили во всемъ западномъ и южномъ славянскомъ мірѣ, но въ Россіи, внѣ мѣстъ его жительства, о немъ говорили мало и даже старались забывать о немъ. Можно было замѣтить, что покойникъ въ глубинѣ души чувствовалъ эту несправедливость, но выражался онъ о своихъ соперникахъ не иначе, какъ тономъ глубокаго почтенія, и старался выставлять ихъ заслуги предъ наукой въ самомъ яркомъ и въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ своею скромностью Григоровичъ соединялъ идеальное безкорыстіе, рѣдкую готовность помочь въ нуждѣ всякому, даже самому недостойному человѣку. Онъ велъ самый непритязательный образъ жизни, отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ комфортѣ, заходя въ этомъ отношеніи даже за границы благоразумія, но отказать человѣку нуждающемуся въ томъ, что онъ могъ удѣлить изъ послѣднихъ грошей, для него было дѣло невозможное. Честолюбіе ему было совершенно чуждо. Ничего онъ не искалъ, ни у кого не заискивалъ для полученія какого бы то ни было матеріальнаго блага и устранялъ себя всѣми мѣрами отъ всего, что давало ему почетъ передъ другими или лишнюю матеріальную выгоду. Тѣмъ не менѣе нашъ факультетъ, если не ошибаюсь, единогласно выбралъ его въ деканы, какъ самаго до-

стойнаго своего сочлена. Но какъ администраторъ Викторъ Ивановичъ не обладалъ большими дарованіями. Онъ не былъ созданъ управлять чѣмъ бы то ни было и стушевывался въ своей роли предводителя факультета больше, чѣмъ этого требовала польза послѣдняго. Но благородство его характера, чувство полной справедливости, постоянное стремленіе оказать содѣйствіе всякому доброму дѣлу или намѣренію производили то, что въ нашемъ факультетѣ интрига была безсильна замутить взаимныя отношенія, и во все время моего пребыванія въ Одесскомъ университетѣ товарищескія отношенія одного члена къ другому не были ни разу нарушены, по крайней мѣрѣ во внѣшнихъ проявленіяхъ.

Какъ Григоровичъ былъ центромъ тяжести историко-филологическаго факультета, такъ Н. Н. Соколовъ былъ центромъ тяжести физико-математическаго факультета. Не мое дѣло судить объ учености химика: я могу только сказать, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Одессѣ его считали знатокомъ своей науки и мастеромъ въ преподаваніи. Къ этому могу прибавить, что у него была огромная для частнаго лица библіотека (тысячь семь или больше томовъ) и что онъ занимался своей наукой не только съ постоянствомъ, но и со страстью, съ увлеченіемъ. Преподавая въ Петербургскомъ университетѣ, онъ, чтобъ пользоваться большею независимостью въ занятіяхъ, устроилъ для себя на свой счетъ особую лабораторію. Отчасти ученая авторитетность, отчасти широкое образованіе, какое рѣдко встрѣчается въ русскомъ натуралистѣ, но еще болѣе того стойкость убѣжденій, сильный характеръ и нравственная строгость дѣлали его лицомъ, которому въ факультетѣ не было равнаго по значенію. Потому-то, когда началась организація факультетовъ въ новомъ университетѣ, о выборѣ кого-нибудь другого въ деканы физико-математическаго факультета не могло быть и рѣчи. Соперникомъ ему могъ быть только его другъ и университетскій товарищъ, извѣстный ботаникъ Л. С. Ценковскій, но тотъ отстранялъ отъ себя всякую мысль объ этой конкуренціи и прямо отказывался отъ административныхъ должностей въ университетѣ. Такимъ образомъ Соколовъ былъ избранъ деканомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ физико-математическій факультетъ съ перваго же раза занялъ въ университетѣ господствующее положеніе. Всякое дѣло въ факультетѣ, на сторонѣ котораго стоялъ его энергическій деканъ, считалось заранѣе выиграннымъ. Даже вскорѣ начавшаяся вражда между деканомъ и ректоромъ, смертельно другъ друга ненавидѣвшихъ, не поколебала значенія перваго ни въ факультетѣ, ни въ совѣтѣ. Ректорская партія была и меньше числомъ, и слабѣе по нравственному и ученому значенію своихъ членовъ; все, болѣе сильное, энергическое, независимое, сочувствовало Н. Н. Соколову. Въ злобѣ своей на своего противника И. Д. Соколовъ (ректоръ) дошелъ до того, что велѣлъ въ бумагахъ назы-

вать его оффиціально не Николаемъ Николаевичемъ, какъ Соколовъ всегда назывался и писался, а Николаемъ Парамоновичемъ, что болѣе соотвѣтствовало формальному акту о рожденіи Соколова. Я не принадлежалъ къ числу лицъ, враждебно относившихся къ ректору, и даже относился къ нему съ уваженіемъ, котораго онъ въ нѣкоторой степени и заслуживалъ, но мнѣ было странно въ столь умномъ и почтенномъ человѣкѣ видѣть мелочность, не отказывавшуюся искать средствъ къ нанесенію обиды врагу въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ его рожденія или крещенія. Оба Соколовы давно уже покоятся въ могилѣ, и потому ничто не мѣшаетъ произнести безпристрастный приговоръ о каждомъ изъ нихъ. Безпристрастный же приговоръ будетъ тотъ, что если по уму противники и были равны или близки другъ къ другу, то по высотѣ нравственнаго характера это были величины мало соизмѣримыя. Н. Н. Соколовъ былъ сама честность, гуманность и справедливость, тогда какъ къ И. Дм. Соколову нельзя было бы ни въ какомъ случаѣ приложить вполнѣ ни того, ни другого, ни третьяго качества. Этотъ послѣдній могъ сближаться съ людьми самыми неопрятными въ нравственномъ отношеніи, не смотря на свою природную доброту, былъ способенъ топтать въ грязь всякаго своего противника и обнаруживалъ крайнее пристрастіе въ сужденіяхъ, когда дѣло касалось лицъ, ему преданныхъ или враждебныхъ. Какъ можно сравнивать его съ Н. И. Соколовымъ, съ лицомъ, къ которому, не смотря на его крайнюю нервность, нельзя было не почувствовать глубокой симпатіи, и которое, особенно на молодыхъ людей, производило обаятельное дѣйствіе! У Н. Н. Соколова, какъ и у всякаго стойкаго и съ независимымъ характеромъ человѣка, было много враговъ въ жизни, но мнѣ его имя всегда будетъ представляться свѣтлымъ и заслуживающимъ самой доброй памяти.

Таковы были два наиболѣе видныхъ представителя новаго университета въ первое время, и я всякій разъ обращаюсь къ нимъ съ мыслью, когда думаю о лучшихъ силахъ и лучшихъ людяхъ, ознаменовавшихъ собою начальный періодъ университетской жизни въ Одессѣ. Вообще объ этой жизни трудно сказать что-либо опредѣленное и характеристическое. Лица, сошедшіяся изъ разныхъ мѣстъ, вынесшія изъ прежнихъ мѣстъ своего воспитанія или преподаванія разныя традиціи, не могли слиться ни въ какомъ общемъ стремленіи, кромѣ, быть-можетъ, стремленія видѣть новый университетъ пришедшимъ со временемъ къ наибольшему процвѣтанію. Вообще же говоря, царствовала большая разноголосица во всемъ, что касалось отношеній преподавательскаго персонала къ попечителю, къ студентамъ, къ городу. Устроенныя ректоромъ еженедѣльныя собранія у себя на дому, гдѣ охотно принимались всѣ профессора и преподаватели университета съ семействами, объеди-

нили нѣсколько лишь небольшой кружокъ лицъ, составившихъ ректорскую партію; пріемные вечера у попечителя посѣщались мало и обыкновенно лицами, не желавшими стоять близко къ ректору; съ городскимъ обществомъ входили въ знакомство почти исключительно молодые профессора и доценты, игравшіе роль жениховъ, или считавшіеся такими. Наиболѣе рѣзко отличавшійся отъ другихъ типъ представляли бывшіе лицейскіе профессора. Привыкшіе къ другимъ отношеніямъ къ начальству, чѣмъ какіе обычны у профессоровъ университета, они не могли, какъ слѣдуетъ, войти въ новую роль членовъ автономически управляющагося университета и, любя искать поддержки своимъ желаніямъ или домогательствамъ на сторонѣ, нерѣдко проявляли весьма некрасивый духъ интриги и тѣмъ портили отношенія университета къ попечителю. Въ интригѣ этой нѣкоторые изъ нихъ заходили дальше предѣловъ, полагаемыхъ самыми простыми правилами нравственности и приличія, и поведеніе этихъ людей составляетъ, быть можетъ, наиболѣе мрачную сторону моихъ воспоминаній объ Одессѣ. Находились между этого рода профессорами такіе, которые вмѣшивались даже въ семейныя дѣла другихъ и считали для себя удовольствіемъ ихъ растраивать. Словомъ, лицейскій элементъ въ новомъ университетѣ былъ, какъ мнѣ (и не одному мнѣ) казалось еще тогда, дурной закваской, которая не переставала давать себя чувствовать ему до самаго послѣдняго времени и чувствуется, повидимому, даже и по сію минуту. Необходимо принять и то во вниманіе, что бо̀льшая часть переданныхъ университету лицеемъ профессоровъ была ниже своего новаго положенія, и интересы науки ей были совершенно чужды. А какъ только въ университетскихъ корпораціяхъ заводится элементъ, смотрящій на профессуру лишь какъ на служебную карьеру, разстройство университетскихъ дѣлъ неизбѣжно, и въ такомъ университетѣ напрасно было бы ждать мира и согласія. Жертвами возникающихъ замѣшательствъ и раздоровъ обыкновенно бываютъ люди, преданные наукѣ и наиболѣе дорогіе для университета: они не выдерживаютъ этого духа грязной интриги, старающейся проникнуть во всѣ университетскія отношенія, и покидаютъ университетъ, а интриганы остаются и торжествуютъ. Одесскій университетъ знаетъ это, быть можетъ, болѣе чѣмъ всякій другой, за исключеніемъ, быть можетъ, кіевскаго.

Моя роль въ Одесскомъ университетѣ, какъ я уже замѣчалъ раньше, была очень незначительная. Я занималъ тамъ должность доцента, слѣдовательно не былъ членомъ совѣта, да и лѣтами былъ едва ли не всѣхъ моложе. Поэтому какихъ-нибудь выдающихся обстоятельствъ, хотя бы столкновеній, въ тамошней моей жизни быть не могло, если исключить одинъ диспутъ на юридическомъ факультетѣ, въ которомъ мнѣ, филологу, пришлось принять живое участіе. Обстоятельство это настолько характеристично

для первоначальной исторіи Новороссійскаго университета, что я рѣшаюсь разсказать его.

Легко понять, что каѳедры въ новомъ университетѣ не могли быть заняты сразу, когда вакантныхъ каѳедръ достаточно было и въ старыхъ университетахъ. Но такъ какъ естественно было предполагать, что занять мѣсто въ новомъ университетѣ легче, чѣмъ въ старомъ, то въ Одесскій университетъ стали являться такіе охотники до преподаванія, которые не вдругъ бы осмѣлились предложить себя какому-нибудь старому университету. Къ числу такихъ претендентовъ на профессорское званіе въ новомъ университетѣ принадлежалъ нѣкто П—фъ, докторъ правъ Лейпцигскаго университета, но бывшій, кажется, уроженцемъ нашего Прибалтійскаго края. Онъ думалъ начать свою ученую карьеру въ Россіи выдержаніемъ экзамена на магистра въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, но такъ какъ съ этимъ экзаменомъ онъ потерпѣлъ неудачу уже въ трехъ университетахъ, то ему пришла въ голову мысль перестать до поры до времени думать о пріобрѣтеніи магистерской степени, а прямо начать читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента въ Новороссійскомъ университетѣ. Съ этою цѣлью онъ запасся въ Петербургѣ разными сильными рекомендаціями къ новороссійскому генералъ-губернатору, недавно умершему П. Е. Коцебу, а отчасти, кажется, и къ попечителю учебнаго округа, и явился въ Одессу. Но для полученія права чтенія въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента необходимо представить факультету диссертацію и защитить ее на публичномъ диспутѣ. П—фъ напечаталъ въ Одессѣ небольшую брошюрку по римскому праву и представилъ ее въ юридическій факультетъ въ видѣ диссертаціи. Но юридическій факультетъ въ Одессѣ въ это время (осенью 1865 г.) состоялъ пока изъ однихъ бывшихъ лицейскихъ профессоровъ, за исключеніемъ вошедшаго въ его составъ доцента кіевскаго приватъ-доцента Ѳ. И. Леонтовича, впрочемъ до перехода въ Кіевъ также читавшаго лекціи въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ. Но важнѣе всего въ данномъ случаѣ было то, что въ факультетѣ не было ни одного спеціалиста по римскому праву, и потому диссертація П—фа была принята въ факультетѣ безъ затрудненія.

Я не зналъ ничего ни о П—фѣ, ни о его диссертаціи, ни о рѣшеніи юридическаго факультета, какъ вдругъ въ субботу вечеромъ, наканунѣ диспута, получилъ экземпляръ этой диссертаціи съ увѣдомленіемъ о предстоящемъ на другой день диспутѣ. Мало интересуясь дѣлами другихъ факультетовъ, я сначала отложилъ было принесенную мнѣ брошюру въ сторону, едва пробѣжавъ ея заглавіе; но, взявши, спустя нѣкоторое время ее въ руки, тотчасъ замѣтилъ, что она трактуетъ о вопросѣ, мнѣ достаточно извѣстномъ по римскимъ древностямъ. Рѣшившись прочитать изъ любопытства нѣсколько строкъ, я скоро замѣтилъ, что авторъ диссертаціи имѣлъ

въ виду надуть факультетъ, не имѣвшій спеціалиста, что диссертація его есть ни что иное, какъ произведеніе грубѣйшаго невѣжества, соединеннаго съ крайнею недобросовѣстностью, что въ ней не только бездна нелѣпостей, но еще нелѣпостей, подтверждаемыхъ ложными цитатами. Первымъ моимъ движеніемъ послѣ такихъ впечатлѣній было сейчасъ же отправиться къ главному члену тогдашняго факультета А. М. Б—му (декана еще не было въ одесскомъ юридическомъ факультетѣ, и обязанности его исполнялъ въ то время ректоръ, математикъ) и сообщить ему о своихъ наблюденіяхъ. Г. Б—ій былъ, повидимому, нѣсколько озадаченъ тѣмъ, что ему было сообщено мною, но старался придать дѣлу такой видъ, что все это пустяки, на которые не стоитъ обращать вниманія. Но такъ какъ мнѣ казалось, что принятіе такой диссертаціи, феноменальной по своему невѣжеству и недобросовѣстности, было бы позоромъ для университета, и что пропустить одобреніе ея безъ протеста, по крайней мѣрѣ со стороны спеціалистовъ по римскимъ древностямъ, было бы непозволительнымъ равнодушіемъ къ интересамъ университета, то я заявилъ г. Б—ому, что я послѣ разговора съ нимъ считаю себя въ необходимости возражать на диспутѣ и дать диссертаціи надлежащую оцѣнку. Возражать я думалъ только для очистки совѣсти, никакъ не думая, что это поведетъ къ немаловажнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Но вышло иначе.

Передъ диспутомъ П—фъ сказалъ длинную рѣчь, по содержанію своему большею частію совсѣмъ не относившуюся къ предмету диссертаціи, такъ что въ концѣ концовъ былъ остановленъ ректоромъ, напомнившимъ ему, что онъ говоритъ слишкомъ долго и не къ дѣлу. Рѣчь такимъ образомъ была закончена скорѣе, чѣмъ это было желательно диспутанту. Начались возраженія. Сперва дѣлалъ ихъ покойный теперь профессоръ Власьевъ, затѣмъ профессоръ Богдановскій,—одинъ профессоръ гражданскаго, а другой—уголовнаго права. Но возраженія ихъ были слабы и незначительны до послѣдней степени. Каждый изъ нихъ закончилъ свою рѣчь похвалой достоинству диссертаціи и признаніемъ того, что она удовлетворяетъ цѣли, для которой написана. Затѣмъ попросилъ слова г. Юргевичъ, профессоръ римской словесности, мой старшій коллега по каѳедрѣ, и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній несущественнаго значенія. Наконецъ, пришла и моя очередь. Но видя, что одинъ въ полѣ не воинъ, я уже потерялъ-было охоту возражать и думалъ ограничиться лишь нѣсколькими словами, выражающими сомнѣніе въ достоинствѣ диссертаціи. Мнѣ хотѣлось только одного, чтобъ принятіе ея не прошло безъ протеста и чтобъ на диспутѣ было публично заявлено, что въ новомъ университетѣ есть люди, которые знаютъ цѣну продѣлкѣ доктора правъ Лейпцигскаго университета. Но первый отвѣтъ П—фа до того поразилъ меня своимъ

вызывающимъ характеромъ, что рѣшеніе ограничиться однимъ-двумя замѣчаніями у меня пропало мгновенно. Я началъ свои возраженія обращеннымъ къ П—фу вопросомъ: какъ онъ самъ думаетъ о своей диссертаціи, которую такъ снисходительно похвалили члены юридическаго факультета? Считаетъ ли онъ ее имѣющею какое-либо научное значеніе, или смотритъ на нее, какъ на брошюрку, написанную по случаю, для извѣстной цѣли, и ученаго значенія не имѣющую? Докторъ правъ Лейпцигскаго университета безъ всякаго колебанія отвѣтилъ, что онъ не только признаетъ свою книгу имѣющею ученое значеніе, но и такою, которая сто лѣтъ будетъ читаться въ Россіи. Отъ такого неожиданнаго отвѣта у меня кровь бросилась въ голову и я, едва сдерживая негодованіе, прямо сказалъ, что въ виду такого отвѣта, я заявляю, что его диссертація не стоитъ ровно ничего и что я сейчасъ докажу это. Мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда сдѣлать для всѣхъ очевиднымъ, что диссертація П—фа представляетъ собой не только верхъ невѣжества, но и поражаетъ своей недобросовѣстностью и наглостью, разсчитанною на то, что въ юридическомъ факультетѣ нѣтъ людей, которые бы могли разоблачить всю эту недостойную манахинацію. Считаю нужнымъ при этомъ замѣтить, что тѣхъ возраженій или разоблаченій, какія я сдѣлалъ на диспутѣ, я не ставлю себѣ буквально ни въ какую ученую заслугу: ихъ могъ бы сдѣлать всякій, даже хорошій студентъ—филологъ, прослушавшій курсъ Римскихъ древностей. Методъ моихъ возраженій былъ такой: вы говорите то и то, но это не вѣрно; вы приводите въ подтвержденіе своихъ неправильныхъ заявленій ссылки на такого-то и такого-то писателя, но у этихъ писателей въ указанныхъ мѣстахъ нѣтъ ничего подобнаго. Зная, съ кѣмъ я буду имѣть дѣло, я изъ предосторожности захватилъ съ собой цѣлую охапку книгъ, именно латинскихъ авторовъ, на которыхъ ссылался П—фъ для приданія своей диссертаціи ученаго характера, и когда онъ отрицалъ вѣрность моего заявленія, что у Гая, Ливія или Геллія нѣтъ ничего похожаго на то, для чего онъ на нихъ ссылается, то я развертывалъ книгу, прочитывалъ указанное мѣсто и затѣмъ подносилъ ему самую книгу для вящаго вразумленія. Сконфуженный П—фъ началъ, наконецъ, говорить мнѣ дерзости, но былъ рѣзко остановленъ ректоромъ, который безъ церемоніи провозгласилъ: «вы, милостивый государь, какъ видно, ничего не знаете, а между тѣмъ позволяете себѣ говорить дерзости оппоненту». Замѣчаніе это окончательно срѣзало П—фа. Я счелъ, наконецъ, дальнѣйшія возраженія ненужными и кончилъ ихъ, замѣтивши, что кончаю не потому, что мои возраженія исчерпаны—вся книга у меня исписана по полямъ замѣчаніями о безпрерывныхъ продѣлкахъ и грубыхъ промахахъ, — а потому, что едва ли требуется какое-нибудь новое доказательство полной негодности диссертаціи. Послѣ меня сталъ

говорить Полевой, выставляя диспутанту на видъ неприличіе и неблаговидность его манеръ защищаться. Результатомъ всего этого было то, что П—фъ, не смотря на свои высокія рекомендаціи, не былъ удостоенъ званія приватъ-доцента, т. е. не былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ университетѣ. Одесской публикѣ, кажется, еще въ первый разъ присутствовавшей на университетскомъ диспутѣ, такой исходъ его очень понравился (мнѣ приходилось получать по этому случаю поздравленія даже отъ незнакомыхъ людей на улицѣ); но были люди, которыхъ недопущеніе П—фа въ университетъ глубоко возмущало и которые не хотѣли простить мнѣ непрошеннаго вмѣшательства въ это дѣло. Къ числу этихъ людей принадлежали, по понятной причинѣ, и нѣкоторые члены юридическаго факультета, злобу которыхъ я чувствовалъ на себѣ нѣсколько лѣтъ даже и по выѣздѣ изъ Одессы.

Участіе въ диспутѣ П—фа было самымъ крупнымъ актомъ моей, такъ сказать, общественной дѣятельности въ Одессѣ. Въ другомъ диспутѣ, въ которомъ мнѣ пришлось принять участіе,— въ докторскомъ диспутѣ профессора Юргевича—роль моя была слабая. Диспутъ этотъ происходилъ на латинскомъ языкѣ. Первую роль взялъ на себя профессоръ Струве, который писалъ и рецензію на диссертацію; вторымъ возражателемъ хотѣлъ быть Григоровичъ, и я долженъ былъ уступить ему свое мѣсто. На мою долю осталось не много возраженій, тѣмъ болѣе, что диссертація была написана на очень спеціальную тему по греческой миѳологіи. Диспутъ по своему содержанію былъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и для новаго университета имѣлъ лишь то значеніе, что происходилъ на непонятномъ для присутствующихъ языкѣ и показалъ одесской публикѣ, что и въ наше время можно воскресить преданія былыхъ временъ, когда наука говорила языкомъ, недоступнымъ для профановъ, и не заботилась о посвященіи ихъ въ ея таинства.

Гораздо интереснѣе для городской публикѣ былъ докторскій диспутъ доцента по каѳедрѣ ботаники, Яновича, на которомъ, быть можетъ, въ первый разъ въ русскомъ университетѣ встрѣтились публично защитники и противники теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ. Но на этомъ диспутѣ я былъ лишь однимъ изъ публики, хотя, быть можетъ, и больше многихъ интересовался возраженіями профессора Маркузена, упорно оспаривавшаго незыблемость Дарвиновой теоріи постепеннаго превращенія одного вида въ другой,—теоріи, признававшейся въ то время, по крайней мѣрѣ, въ Россіи, за аксіому. Ходъ этого диспута я тогда же вкратцѣ описалъ въ письмѣ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», корреспондентомъ которыхъ состоялъ все время своего пребыванія въ Одессѣ.

Написанныя строки могутъ дать хотя нѣкоторое понятіе о первыхъ шагахъ новаго русскаго университета, равно какъ и вообще

о его внутреннемъ состояніи въ первоначальный періодъ его жизни и дѣятельности. Если эти краткія воспоминанія сохранятъ для послѣдующаго времени какую-либо черту, относящуюся къ исторіи нашего просвѣщенія и не отмѣченную другими, то цѣль ихъ будетъ достигнута.

В. Модестовъ.

ЭТНОГРАФЪ-БЕЛЛЕТРИСТЪ.[1]

IX.

Отчего Павелъ сдѣлался Савломъ.

Занявшись изученіемъ раскола, Мельниковъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи такіе успѣхи, что, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, «при знаніи каноническаго права и раскольническихъ сочиненій, содѣйствовалъ своими убѣжденіями къ обращенію въ единовѣріе раскольническихъ скитовъ Керженскаго и Осиновскаго, дѣйствительно обратившихся». Оба эти скита находились въ Семеновскомъ уѣздѣ[2] и самое обращеніе совершено было Мельниковымъ въ 1849 году. По его словамъ, онъ изучилъ для того всѣ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописьменныя книги, потому что, при вразумленіи раскольниковъ, необходимо истину православія доказывать имъ ихъ же книгами. Съ согласія тогдашняго архіепископа нижегородскаго и арзамасскаго Іакова, Мельниковъ употребилъ этотъ способъ убѣжденія раскольниковъ и такимъ образомъ въ непродолжительное время обратилъ въ единовѣріе означенные скиты. Передъ тѣмъ, прикомандированный къ чиновнику особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Алябьеву, который въ сороковыхъ годахъ употреблялся

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVIII, стр. 25.

[2]) Керженскій находится на правомъ берегу рѣки Керженца, въ восточной части Семеновскаго уѣзда, а Осиновскій въ сѣверо-западномъ углу того же уѣзда, близъ границы Костромской губерніи.

преимущественно по раскольничьимъ дѣламъ и розыскамъ, Мельниковъ составилъ подробное описаніе раскольническихъ скитовъ Нижегородской губерніи, а въ 1848 году, при отысканіи бѣжавшаго раскольническаго попа, открылъ въ часовнѣ, въ Городцѣ, тѣ колокола, которые секретно отыскивались по высочайшему повелѣнію еще съ 1826 года. Ихъ не могли найдти отчасти по той причинѣ, что мѣстная полиція и мѣстные употреблявшіеся для этой цѣли чиновники щедро награждались раскольниками за неусмотрѣніе колоколовъ, отчасти по незнакомству съ дѣломъ тѣхъ лицъ, на которыхъ такое порученіе возлагалось. Затѣмъ, «въ 1849 году, какъ сказано въ послужномъ спискѣ, онъ произвелъ слѣдствіе объ оглашеніи раскольниками бывшей въ Шарпанской деревнѣ иконы Казанской Богородицы». Эта икона почиталась старообрядцами чудотворною; по ихъ преданіямъ, она находилась въ Соловецкомъ монастырѣ во времена патріарха Никона. Говорили, что она была комнатною иконою царя Алексѣя Михайловича въ первые годы его царствованія. По преданію, когда уже не было никакой надежды на избавленіе Соловецкой обители отъ осадившихъ ее царскихъ войскъ, эта икона перенесена была по воздуху, вмѣстѣ съ дивнымъ инокомъ Арсеніемъ, въ пустынные лѣса Чернораменскіе, гдѣ на урочищѣ Шарпанъ Арсеній и поставилъ первый скитъ въ тамошней мѣстности. Старообрядцы твердо вѣровали, что какъ только соловецкая икона выйдетъ изъ Шарпана и будетъ поставлена въ никоніанской церкви, то древнему благочестію настанетъ неизбѣжный конецъ. Въ своемъ романѣ «На горахъ», Мельниковъ описываетъ, какъ петербургскій чиновникъ, т. е. онъ самъ, прибылъ въ Шарпанскій скитъ, открылъ въ тамошней моленной икону Казанской Богородицы и вынесъ ее оттуда [1]). Она была перенесена въ Керженскій Благовѣщенскій монастырь, незадолго передъ тѣмъ обращенный къ единовѣрію Мельниковымъ изъ раскольническаго скита. Осиновскій же монастырь получилъ икону Николая Чудотворца, которая тѣмъ же «петербургскимъ чиновникомъ» была взята въ Комаровскомъ скиту [2]).

---

[1]) Въ сентябрѣ 1884 года я слышалъ отъ многихъ поповцовъ, какъ въ Семеновѣ и Городцѣ, такъ и отъ современницъ разгрома скитовъ, что «матери» успѣли обмануть при этомъ П. И. Мельникова и выдали ему не подлинную икону Казанской Богородицы, но копію съ нея. Всѣ означенныя лица, равно какъ и нѣкоторыя сельскія власти, увѣряли меня, что подлинная древняя икона сохраняется донынѣ въ средѣ поповцовъ Семеновскаго уѣзда, не указывая, однако, гдѣ именно. Можетъ быть, интересы поповщины побуждаютъ ея послѣдователей утверждать подобный подмѣнъ подлинной иконы «петербургскому чиновнику», преслѣдовавшему ихъ въ тѣ времена по распоряженію высшей власти.

[2]) Скиты Шарпанскій и Комаровскій лежатъ къ сѣверо-западу отъ Семенова, невдалекѣ отъ него Шарпанъ, послѣ удаленія изъ него древней иконы, много лѣтъ представлялъ только одно пепелище, но теперь тамъ вновь поселился одинъ старикъ-крестьянинъ съ женою.

Подобная дѣятельность молодаго чиновника естественно обратила на него вниманіе не только свѣтскихъ административныхъ лицъ, но и высшаго духовенства, особенно когда, во время царствованія императора Николая, преслѣдованіемъ раскольниковъ, закрытіемъ ихъ молеленъ и тому подобными мѣрами надѣялись ограничить или даже уменьшить численность раскола. Учрежденіе бѣлокриницкой митрополіи точно также побуждало правительство къ строгимъ мѣрамъ противъ раскольниковъ, какъ и вкоренившееся тогда убѣжденіе, что они «опасны и въ политическомъ отношеніи для государства». Въ это время самъ Мельниковъ, по его словамъ, раздѣлялъ это убѣжденіе, не смотря на то, что онъ уже тогда, лучше многихъ высокообразованныхъ духовныхъ лицъ, не говоря уже о свѣтскихъ и администраторахъ, знакомъ былъ съ расколомъ. Но только дальнѣйшее его изученіе до самаго корня побудило Мельникова отказаться отъ этого убѣжденія и въ дальнѣйшихъ своихъ докладахъ по начальству доказывать несостоятельность подобнаго взгляда на расколъ.

Доказавъ на практикѣ возможность убѣжденія раскольниковъ въ ихъ заблужденіи, Мельниковъ, въ составленномъ имъ въ 1854 г. «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи», выставилъ на видъ неподготовленность православнаго духовенства къ воздѣйствію на раскольниковъ путемъ убѣжденія. Онъ откровенно объяснилъ въ своемъ отчетѣ и тогдашнее состояніе сельскаго духовенства въ Нижегородской губерніи, и причины этого неудовлетворительнаго положенія православнаго духовенства, и вліяніе такого состоянія духовенства на расколъ.

Мельниковъ писалъ въ своемъ отчетѣ, что большинство раскольниковъ въ Нижегородской губерніи принадлежитъ къ разряду остающихся въ расколѣ по невѣдѣнію или по недостатку церковнаго вразумленія. Отрасли спасова согласія, извѣстныя подъ названіемъ церковщиковъ и перекупыванцовъ, образовались прямо вслѣдствіе недостатка церковнаго вразумленія. Тотъ же самый недостатокъ способствовалъ къ увеличенію и поддержанію поповщины въ Заволжьѣ. Въ уѣздахъ Сергачскомъ и Лукояновскомъ и въ большей части Арзамасскаго, Ардатовскаго и Княгининскаго уѣздовъ, расколъ, можно положительно сказать, возникъ и развился по причинѣ жалкаго состоянія, въ которомъ находилось православное духовенство, далеко не соотвѣтствуя своему высокому назначенію.

«Состояніе сельскаго православнаго духовенства дѣйствительно самое жалкое, писалъ Мельниковъ министру внутреннихъ дѣлъ. Народъ, котораго совѣсть должна была бы находиться въ рукахъ священниковъ, по свыше данному имъ праву вязать и рѣшать,— этотъ народъ не уважаетъ духовенства, преслѣдуетъ его насмѣшками и укоризнами и тяготится имъ. Въ рѣдкомъ разсказѣ забавнаго содержанія народъ не глумится надъ попомъ, попадьею и по-

повскимъ батракомъ. Во всѣхъ народныхъ пословицахъ, присказкахъ и байкахъ, во всѣхъ народныхъ поговоркахъ и присловьяхъ, если только говорится о духовенствѣ, говорится съ насмѣшкою. Народъ чуждается духовенства и прибѣгаетъ къ нему не по внутреннему внушенію совѣсти, а поневолѣ. Преслѣдуя насмѣшкою поповъ своихъ, онъ преслѣдуетъ ею и весь родъ ихъ: никакіе подвиги, никакія заслуги не избавятъ поповскаго сына отъ браннаго прозванія «кутейникъ»; онъ умретъ съ этимъ прозваніемъ и передастъ его дѣтямъ своимъ. Въ этомъ прозваніи высказывается нелюбовь народа къ своему духовенству. Повидимому, все это мелочи, но такъ какъ эти мелочи выражаютъ понятіе народа о духовенствѣ, то онѣ и перестаютъ быть мелочами. Скорѣе злобныя насмѣшки раскольниковъ надъ нашимъ духовенствомъ можно назвать мелочами, чѣмъ эти незлобливыя насмѣшки надъ нимъ православныхъ, доказывающія, что пастыри наши народомъ не уважаются. Эту слабую сторону православія знаетъ расколъ, и, къ несчастію, давно уже ею воспользовался.

«Оттого духовенство наше не уважается народомъ, что слишкомъ отрѣшено отъ общества. Получивъ превратное воспитаніе, оно не вноситъ въ жизнь народную живаго ученія духа, а остается при однихъ мертвыхъ формахъ внѣшняго служенія, да и тѣми пренебрегаетъ до кощунства. Оттого духовенство не уважается народомъ, что оно часто представляетъ безпрерывные примѣры неуваженія къ вѣрѣ; оттого оно не уважается народомъ, что служеніе Богу превратило оно въ доходное для себя ремесло.

«Можетъ ли народъ съ уваженіемъ смотрѣть на духовенство, можетъ ли онъ не уклоняться въ расколъ, когда то и дѣло слышитъ онъ, какъ одинъ попъ, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ-подъ подушки деньги, какъ другаго народъ вытащилъ изъ непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго, во время пасхальнаго богослуженія, діаконъ вытащилъ за волосы изъ царскихъ дверей? Можетъ ли народъ уважать поповъ, которые не выходятъ изъ кабака, пишутъ кляузныя просьбы, дерутся крестомъ, бранятся скверными словами въ алтарѣ? [1]). Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда повсюду въ средѣ его видитъ святокупство, небрежность къ служенію, безчиніе при совершеніи таинственныхъ обрядовъ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда видитъ, что правда совсѣмъ изчезла въ немъ, а потворство консисторій, руководимыхъ не регламентами, а кумовствомъ и взятками, истребляетъ въ немъ и послѣдніе остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками въ

---

[1]) Нѣсколько страницъ можно наполнить такого рода примѣрами, означая время и мѣсто каждаго случая и не выходя притомъ изъ предѣловъ Нижегородской губерніи. Прим. Мельникова.

исповѣдныя росписи и метрическія книги, оброки, собираемые священниками съ раскольниковъ, превращеніе алтарей въ оброчныя статьи, отдачу за поповскими дочерьми въ приданое церквей Божіихъ и проч. т. под., то вопросъ о томъ, можетъ ли народъ уважать наше духовенство и можетъ ли затѣмъ не уклоняться въ расколъ—рѣшится самъ собою.

«Несчастному положенію православнаго духовенства не менѣе содѣйствовали образованіе касты и зависимость отъ народа въ матеріальныхъ средствахъ. Въ настоящее время священникомъ можетъ быть только сынъ священника. Этого въ старину не бывало. Тогда всякій, кто чувствовалъ въ себѣ призваніе, могъ свободно вступать въ клиръ церковный, если личностію своею онъ удовлетворялъ требованіямъ церковныхъ постановленій. Такіе священники по рожденію своему не были отрѣшены отъ своей паствы. Они жили съ нею общею жизнію, имѣли къ ней сочувствіе, за которое и паства платила имъ взаимнымъ сочувствіемъ. Оттого избранный священникъ пользовался любовію прихожанъ, имѣлъ на нихъ нравственное вліяніе и, по праву вязать и рѣшать, руководилъ ихъ совѣстію не на словахъ, какъ теперь, а на дѣлѣ. Когда же образовалась духовная каста, неправильно называемая духовнымъ сословіемъ, связь клира съ народомъ разрушилась. Тотъ, кому прихожане должны были бы вручать совѣсть свою, являлся между ними не избранный ихъ совѣстью, какъ бы слѣдовало по правиламъ апостольскимъ и вселенскихъ соборовъ, а человѣкъ незнаемый, чуждый имъ и по рожденію, и по образу мыслей, и по взгляду на міръ житейскій. Естественно, что отъ этого произошло взаимное охлажденіе клира и народа и отчужденіе духовенства отъ прихожанъ. За охлажденіемъ послѣдовало неуваженіе, за неуваженіемъ насмѣшка.

«Между тѣмъ клиръ матеріальными средствами своими зависитъ отъ народа. Когда клиръ былъ приходу свой человѣкъ, приходъ достаточно обезпечивалъ его и не заставлялъ духовенство прибѣгать къ святокупству. Но когда послѣдовало охлажденіе прихода къ чуждому отъ него клиру и духовенство неизбѣжно должно было почувствовать всю тягость зависимости своей отъ прихожанъ, его неуважающихъ, то, изъ необходимости имѣть насущный хлѣбъ, оно должно было смотрѣть сквозь пальцы на безпорядки паствы, а такъ какъ снисхожденіе было корыстное, то, въ награду за него, пастыри, конечно, не могли пріобрѣсти и любви и уваженія прихожанъ. Дошло дѣло до вымогательствъ, отъ вымогательствъ до святокупства, и это окончательно разрушило народное уваженіе къ духовенству и охладило народъ къ самой вѣрѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что народу стало въ тягость духовенство съ его поборами, а духовенство получило ненасытную алчность къ стяжанію, перестало задумываться надъ средствами къ пріобрѣтенію и стало торговать алтаремъ.

«Такое печальное состоянiе нашего духовенства способствуетъ усиленiю раскола, послѣдователи котораго всегда указываютъ на неблаговидную жизнь священниковъ и усиливаются доказывать ею мнимую неправость православiя. По алчности своей къ стяжанiямъ, духовенство не можетъ желать уничтоженiя раскола: дойдя до крайней степени святокупства, оно видитъ въ расколѣ вѣрную статью дохода и оберегаетъ ее. Сельскому причту несравненно выгоднѣе, если у него въ приходѣ раскольниковъ больше, чѣмъ православныхъ: за то, чтобы «не исправлять» у нихъ требы, онъ получаетъ несравненно болѣе, чѣмъ отъ православныхъ «за исправленiе» требъ. При опредѣленiи большей или меньшей выгодности прихода, всегда принимаются въ соображенiе раскольники; чѣмъ больше ихъ въ приходѣ, тѣмъ приходъ считается выгоднѣе. Само епархiальное начальство допускаетъ такого рода оцѣнку приходовъ. Такъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ скиты были раздѣлены между шестью приходами, и такъ какъ приходу пафнутовскому, по географическому его мѣстоположенiю, недоставалось скитовъ, то, чтобы не обидѣть пафнутовскiй причтъ передъ сосѣдними причтами, причислили къ нему скиты Улангерскiй и Фундриковскiй, отстоящiе верстъ на тридцать отъ границъ прихода, между тѣмъ какъ пять церквей находятся отъ этихъ скитовъ въ несравненно ближайшемъ разстоянiи, чѣмъ церковь села Пафнутова. Есть, напримѣръ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ приходъ Личадѣевскiй, въ которомъ почти всѣ прихожане тайные раскольники, отъ которыхъ священникъ получаетъ болѣе 1000 рублей серебромъ и зато даже въ Свѣтлое Воскресенiе не служитъ обѣдни. По особому условiю съ раскольниками, онъ никогда не показывается на улицѣ, такъ что, въ случаѣ надобности выѣхать изъ села, онъ выѣзжаетъ изъ дома задними воротами. Въ духовныхъ росписяхъ всѣ прихожане его показываются самыми усердными христiанами и если бы они вздумали обратиться къ православiю, то первый противъ этого былъ бы, конечно, приходскiй священникъ.

«При такомъ несчастномъ положенiи вещей, возможно ли церковное вразумленiе раскольниковъ? Много ли найдется сельскихъ священниковъ, которые выгодами своими пожертвовали бы для блага церкви? На словахъ и на бумагѣ найдется много; на дѣлѣ очень мало. Составитель сего отчета получилъ положительныя свѣдѣнiя, что многiе сельскiе священники въ Нижегородской губернiи, больше чѣмъ самые раскольники, боятся рѣшительныхъ мѣръ правительства противъ раскола.

«Но если бы какимъ нибудь чудомъ нравственное состоянiе духовенства улучшилось и оно, сознавая долгъ свой, рѣшилось бы церковнымъ вразумленiемъ дѣйствовать противъ раскола, то и въ такомъ случаѣ успѣха ожидать было бы невозможно. Чтобы дѣлать церковное вразумленiе, надобно умѣть его дѣлать. А сель-

ское духовенство, за исключеніемъ весьма немногихъ священниковъ, рѣшительно неспособно къ этому, по причинѣ получаемаго имъ превратнаго воспитанія. Нельзя сказать, чтобы семинарское воспитаніе вполнѣ соотвѣтствовало своей цѣли. Образцами для нашихъ духовныхъ училищъ въ свое время послужили кіевскія и бѣлорусскія школы, имѣвшія цѣлью образовать духовенство, которое могло бы бороться съ уніею и католицизмомъ. Оттого въ нашихъ семинаріяхъ преобладалъ латинскій языкъ и доселѣ существуетъ мертвое схоластическое направленіе. То и другое несообразно ни съ духомъ русскаго народа, ни съ духомъ православія. Нашему духовенству не придется бороться ни съ уніею, которой уже не существуетъ, ни съ католицизмомъ, но зато на немъ лежитъ обязанность истреблять расколъ. Почему бы не ввести въ духовныя училища такое воспитаніе, которое собственно и направлено было бы для искорененія раскола? [1]) При такомъ воспитаніи духовенства, при исправленіи нравственности его и при достаточномъ обезпеченіи его со стороны правительства, можетъ быть, можно было бы надѣяться на успѣхи православія противу раскола; до тѣхъ же поръ всякія мѣры правительства не достигнутъ вполнѣ своей цѣли. Само собою разумѣется, что, для достиженія этой цѣли, необходимо отмѣнить секретное воспрещеніе православному духовенству входить въ дома раскольниковъ и вступать съ ними въ религіозные разговоры. Какъ же и требовать отъ духовенства церковнаго вразумленія, когда оно воспрещено особымъ повелѣніемъ [2]).

«Не менѣе, чѣмъ исправленіе нравственности духовенства, необходимо, для истребленія раскола, возстановленіе въ церквахъ благочинія и уставной службы. Весьма много православныхъ уклоняются въ расколъ; весьма многіе раскольники не присту-

---

[1]) Недавно при петербургской духовной академіи учреждены особые классы для образованія миссіонеровъ, назначаемыхъ для обращенія раскольниковъ. Если бы такіе же классы существовали при каждой семинаріи и если бы въ священники рукополагали только тѣхъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ прошли эти классы, тогда церковное вразумленіе раскольниковъ сдѣлалось бы дѣломъ возможнымъ. Конечно, для каждаго семинариста было бы несравненно полезнѣе, время, употребляемое имъ на изученіе Аристотеля и Цицерона, употребить на изученіе Аввакума, Андрея Денисова и проч. т. подобн. для того, чтобы умѣть впослѣдствіи доказывать раскольникамъ нелѣпость ученія этихъ ересіарховъ.

Примѣчаніе Мельникова.

[2]) Для вразумленія раскольниковъ священникамъ необходимо изучать всѣ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописьменныя книги, ибо, при вразумленіи раскольниковъ, необходимо истину православія доказывать ихъ же книгами. Недавно умершій протоіерей единовѣрческой церкви съ селѣ Городцѣ, Георгій Иконниковъ, имѣлъ намѣреніе написать въ такомъ родѣ книгу противъ раскола, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Примѣч. Мельникова. Начало означеннаго труда протоіерея Иконникова было представлено П. И. Мельниковымъ при его отчетѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

паютъ къ православію, единственно потому, что въ церквахъ нашихъ отправляется служба не по уставу. Повсюду, не исключая и самыхъ соборовъ каѳедральныхъ, не соблюдается у православныхъ церковный уставъ, что особенно замѣчается за всенощными [1]). Составителю сего отчета въ каѳедральныхъ даже соборахъ не разъ случалось слышать замѣчанія и укоризны купцовъ и мѣщанъ на несоблюденіе устава. Въ городахъ духовенство хочетъ угодить дворянству, помѣшанному на какой-то европейской жизни и, по несчастному своему полуобразованію, чуждому всего русскаго, а тѣмъ болѣе православнаго. Это дворянство, не понимающее православія, не знающее его уставовъ, требуетъ только одного—скорой службы, и угодливое городское духовенство вмѣсто службы поетъ ему, такъ сказать, извлеченіе изъ службы; сельское духовенство подражаетъ городскому, а народъ, который всегда и вездѣ несравненно болѣе православенъ, чѣмъ жалкое своимъ полуобразованіемъ дворянство, ропщетъ на такое отступленіе отъ уставовъ церковныхъ, ропщетъ и потомъ мало по малу уклоняется въ расколъ.

«Изъ всего сказаннаго видно, что распространенію и поддержанію раскола въ Нижегородской губерніи весьма много способствуютъ упадокъ нравственности духовенства, его святокупство и корыстное потворство расколу, отсутствіе благочинія въ церквахъ и пренебреженіе устава церковнаго. При такихъ несчастныхъ условіяхъ состоянія духовенства, конечно нельзя ожидать отъ него надлежащаго церковнаго вразумленія раскольниковъ, которыхъ самая значительная часть пребываетъ въ расколѣ именно по причинѣ недостатка этого вразумленія. Чрезвычайно много раскольниковъ остаются въ своемъ заблужденіи единственно по невѣдѣнію. Они не знаютъ, въ чемъ состоитъ различіе церкви отъ ихъ секты [2]), не знаютъ правилъ своего лжеученія и раскольничаютъ, или глядя на другихъ, или оттого что, по причинѣ торговыхъ и промышленныхъ связей съ богатыми раскольниками, находятъ раскольничество дѣломъ выгоднымъ. Къ числу такихъ раскольниковъ, остающихся въ расколѣ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго

---

[1]) Такъ, благословеніе хлѣбовъ бываетъ только во время двунадесятыхъ праздниковъ; нѣкоторые стихиры, а иногда и всѣ, пропускаются, или читаются вмѣсто того, чтобы пѣть ихъ; сѣдальны пропускаются; нахвалитѣхъ вмѣсто пѣнія читаются и притомъ съ большими пропусками; каноны поются безъ катавасій, напѣвы гласовъ на «Господи воззвахъ», на прокимнахъ, на «Богъ Господь», на ирмосахъ, на хвалитѣхъ не соблюдается, такъ что вмѣсто 6 гласа поется на 7, вмѣсто 4 на 5 и т. д. Примѣчаніе Мельникова.

[2]) Были примѣры, что, при производствѣ формальныхъ слѣдствій, раскольники, при всемъ желаніи своемъ разсказать слѣдователямъ, въ чемъ состоятъ ихъ религіозныя убѣжденія, не могли или лучше не знали, что сказать и ограничивались словами: «вѣра наша въ томъ и состоитъ, что въ два перста креститься, да въ церковь не ходить». Примѣчаніе Мельникова.

вразумленія, можно причислить почти все молодое поколѣніе раскольниковъ. Оно совсѣмъ не имѣетъ понятія о расколѣ, не знаетъ, для чего и на какомъ основаніи уклоняется оно отъ церкви и только ссылается на примѣръ отцовъ и дѣдовъ: «какъ родители жили, такъ и насъ благословили».

«Изъ ста семидесяти тысячъ явныхъ и тайныхъ раскольниковъ, находящихся въ Нижегородской губерніи, едвали найдется и двадцать тысячъ преданныхъ расколу по убѣжденію. Можно положительно сказать, что изъ нихъ 150,000 человѣкъ уклоняются отъ церкви и пребываютъ въ расколѣ, не имѣя никакого понятія ни о церкви, ни о расколѣ. Двуперстное сложеніе, молитва съ лѣстовкою, исключительное поклоненіе старымъ иконамъ, необщеніе съ православными и нехожденіе въ церковь — вотъ въ чемъ состоитъ все догматствованіе этихъ раскольниковъ. Такіе раскольники конечно присоединятся къ церкви, если съ одной стороны будетъ устранено безчиніе и святокупство духовенства, а съ другой прекратится на нихъ вліяніе фанатиковъ и коноводовъ раскола, которые, по своимъ личнымъ разсчетамъ, держатъ толпу въ раскольническомъ заблужденіи для того, чтобы посредствомъ этого имѣть на нее вліяніе и руководить ею по своей волѣ».

Не надобно забывать, что такое откровенное мнѣніе объ отношеніи духовенства къ расколу было высказано тридцать лѣтъ тому назадъ молодымъ чиновникомъ, недавно только что промѣнявшимъ провинціальную службу на столичную. Подобный отзывъ не могъ понравиться высшимъ лицамъ духовной іерархіи, хотя многія изъ нихъ сами сознавали печальную участь сельскаго духовенства. Вслѣдствіе того благоволеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ П. И. Мельникову, какъ разоблачителю непривлекательныхъ сторонъ раскола, выставленныхъ имъ какъ по прежде исполненнымъ имъ порученіямъ, такъ и въ первыхъ частяхъ его отчета «о современномъ положеніи раскола», которыя онъ постоянно представлялъ своему начальству въ продолженіе 1853 и 1854 годовъ, — смѣнилось на немилость. Одно высокопоставленное духовное лицо, какъ разсказывалъ самъ Мельниковъ, оказывавшее ему прежде особаго рода вниманіе, по прочтеніи его мнѣнія о духовенствѣ и о расколѣ, выразило свое неудовольствіе слѣдующею остроумною игрою словъ: «было время когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савелъ».

X.

Оригиналъ Потапа Максимовича Чапурина.

Читатели двухъ романовъ Мельникова, «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», знакомы съ личностью заволжскаго тысячника, Потапа Мак-

симовича Чапурина, своими связями въ губернскомъ городѣ и своими хорошими отношеніями къ полицейскимъ и другимъ властямъ, устранявшимъ, на сколько было возможно, бѣды и напасти отъ чернораменскихъ и керженскихъ раскольническихъ скитовъ. За то скитскія матери не знали, какъ благодарить его и охотно прощали ему и насмѣшки его надъ образомъ жизни въ скитахъ, и выходки его самодурства. Подобный тысячникъ не представляетъ лица, вымышленнаго фантазіею автора. Въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и оказывалъ сильное покровительство расколу въ Заволжьѣ. Почти за пятнадцать лѣтъ до появленія своего романа «Въ лѣсахъ», Мельниковъ описалъ такого старообрядца въ своемъ «отчетѣ о современномъ положеніи раскола», въ лицѣ Петра Егоровича Бугрова, имѣвшаго въ 1853 году 65 лѣтъ отъ роду, торговавшаго тогда по свидѣтельству перваго рода удѣльнаго крестьянина Семеновскаго уѣзда, Чистопольскаго приказа, деревни Поповой. Онъ былъ поповцемъ рогожскаго согласія и жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ занимался казенными подрядами и хлѣбною торговлею.

По словамъ «отчета», значительныхъ коноводовъ раскола, подобныхъ московскимъ, въ Нижегородской губерніи въ то время не было. Тамошніе раскольники по большей части находились въ зависимости отъ коноводовъ Москвы, Казани, Саратова и другихъ городовъ, подчинившихъ подъ свое вліяніе второстепенныхъ коноводовъ, которые имѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ постоянное пребываніе. Къ такимъ второстепеннымъ дѣятелямъ Мельниковъ отнесъ и Бугрова, и представилъ слѣдующую характеристику его, связавъ ее съ тогдашними порядками въ Нижегородской губерніи:

«Совершенно чуждый образу жизни новаго поколѣнія раскольниковъ, Бугровъ живетъ такъ, какъ жилъ онъ прежде, будучи не капиталистомъ, какъ теперь, а рядовымъ мужикомъ деревни Поповой [1]). При суровомъ образѣ жизни, столь уважаемомъ раскольниками, Бугровъ и держитъ себя со всѣми просто: и своему работнику, и губернатору онъ говоритъ одинаково «ты». Имѣя рѣдкій умъ и смѣтливость, онъ прикидывается неучемъ и тѣмъ много выигрываетъ въ свою пользу, привлекая къ себѣ кого нужно задушевною, повидимому, простотою и дѣйствительною прямотою поступковъ во всемъ, что не касается раскола. Имѣя нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, большую водя-

[1]) П. Е. Бугровъ, будучи уже многократнымъ милліонеромъ, продолжалъ прежній простой образъ жизни до своей смерти. Такъ, разъѣзжая по своимъ дѣламъ, онъ на пароходахъ бралъ мѣсто въ третьемъ классѣ, возилъ съ собою ржаной каравай съ огурцами или лукомъ и довольствовался подобною пищею, не прибѣгая къ услугамъ пароходнаго буфета. И его одежда, порядочно поношенная, соотвѣтствовала такому образу жизни. Сынъ его и наслѣдникъ, по отзывамъ нижегородцевъ, держится также, подобно отцу, прежняго быта.

ную мельницу [въ Семеновскомъ уѣздѣ и кредитъ чрезвычайно обширный, ворочая сотнями тысячъ, этотъ старикъ живетъ хуже всякаго мѣщанина средней руки и дѣлаетъ это не отъ скупости, не изъ ханжества и вообще не по какимъ либо разсчетамъ, а по привычкѣ къ простому быту.

«Для опредѣленія обширности кредита Бугрова, достаточно представить слѣдующій случай: лѣтъ пять тому назадъ, Бугровъ хотѣлъ взять большой подрядъ на перевозку казенной соли изъ нижегородскихъ оптовыхъ магазиновъ. Знали, что онъ значительно спуститъ цѣны, и потому члены соляного правленія, изъ своихъ разсчетовъ, не хотѣли допустить Бугрова къ торгамъ. Узнавъ, что у Бугрова въ наличности денегъ нѣтъ, но что онъ долженъ получить въ возвратъ залогъ свой изъ строительной коммиссіи, они устроили дѣло такъ, что строительная коммиссія подъ разными предлогами задержала выдачу ему залога. Приходитъ день переторжки. Бугрову въ этотъ день приказали явиться въ строительную коммиссію за полученіемъ залога, продержали тамъ до половины двѣнадцатаго часа и затѣмъ объявили, что залога онъ не можетъ получить ранѣе слѣдующаго дня. Оставалось только полчаса до переторжки. Бугровъ опрометью бросается на Нижній Базаръ и тамъ, сказавъ торговцамъ: «братцы, давайте денегъ скорѣе», снялъ передъ ними свой малахай. Черезъ четверть часа въ малахай было накидано 20,000 р. серебр., съ которыми Бугровъ поспѣлъ на переторжку во-время и поставка осталась за нимъ [1]).

«Въ ветхой шубенкѣ, крытой крашениной, въ истертомъ малахаѣ, на простыхъ роспускахъ, запряженныхъ неказистою клячею, разъѣзжаетъ онъ по городу, чтобы посмотрѣть за работами, взятыми имъ съ подряда, или побывать у людей чиновныхъ, съ которыми, говоря о дѣлахъ по постройкамъ и подрядамъ, онъ, въ случаѣ надобности, ловко ввертываетъ хитрое словцо, которымъ убѣждаетъ нужнаго человѣка дѣйствовать въ пользу раскола. Въ той же шубенкѣ, въ которой, глядя на мостовщика, не знающаго снаровки, Бугровъ самъ садится на заподряженную имъ мостовую и бьетъ молотомъ булыжникъ, съ шуточною приговоркою, что достался же крѣпышъ своему хозяину, — въ той же шубенкѣ онъ приходитъ и въ пріемную губернатора, но не остается въ ней долго: въ то время, какъ болѣе или менѣе важные чиновники часа по два ожидаютъ выхода начальника губерніи, Бугровъ немедленно впускается въ губернаторскій кабинетъ. Тамъ толкуетъ онъ съ начальникомъ губерніи о разныхъ дѣлахъ по подрядамъ, шутя и балагуря, уступаетъ цѣны на заготовляемые матеріалы, берется сдѣлать безплатно сверхсмѣтныя работы и, пріобрѣтая такимъ обра-

---

[1]) См. такой же случай съ Чапуринымъ, разсказанный «Въ лѣсахъ», изд. 1875 года, часть первая, стр. 8.

зомъ расположеніе начальника губерніи, ходатайствуетъ въ то же время передъ нимъ за того или другаго раскольника, но всегда заводитъ о томъ рѣчь осторожно, стороною. Такія ходатайства угодливаго Бугрова имѣютъ весьма сильное вліяніе на положеніе дѣлъ о раскольникахъ въ Нижегородской губерніи, ибо двѣ копѣйки пониженія цѣнъ на какую нибудь поставку губернаторъ, генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, считаетъ дѣломъ, безъ всякаго сравненія, важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, нежели прекращеніе развивающагося, по безпечности его, въ Нижегородской губерніи раскола. Ходатайству Бугрова семеновскіе скиты обязаны тѣмъ, что губернаторъ смотритъ на возобновленіе ихъ сквозь пальцы; ходатайству Бугрова обязаны скиты тѣмъ, что князь Урусовъ въ 1853 году писалъ даже о необходимости оставить скиты въ прежнемъ положеніи; ходатайству Бугрова обязана городецкая часовня[1]) тѣмъ, что губернаторъ, имѣя въ виду высочайшее повелѣніе уничтожить ее при удобномъ случаѣ, оставляетъ ее неприкосновенною.

«Съ полиціею Бугровъ дѣйствуетъ, конечно, съ меньшею осторожностью, чѣмъ съ губернаторомъ, и притомъ напрямикъ, т. е просто даетъ чиновникамъ ея годовой оброкъ, или условную за дѣло плату. Оттого полицейскіе чиновники дозволяютъ ему имѣть школы для обученія раскольническихъ дѣтей; оттого дозволяется ему имѣть моленныя; оттого дозволяется ему въ деревнѣ Поповой устраивать обители для высланныхъ изъ скитовъ раскольницъ. Пользуясь такимъ покровительствомъ губернатора и имѣя на своей сторонѣ подкупную полицію, Бугровъ ни мало не стѣсняется въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Напрасно преосвященный Іеремія[2]) обращаетъ на него вниманіе князя Урусова; напрасно преосвященный представляетъ святѣйшему синоду о вредѣ, приносимомъ Бугровымъ; напрасно г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по сообщенію св. синода, предписываетъ губернатору принять мѣры относительно Бугрова, губернаторъ убѣжденъ, что все это говорятъ и пишутъ ему несправедливо и не дѣлаетъ рѣшительно никакихъ распоряженій, чтобы сколько нибудь обуздать этого раскольника. Да и какъ сталъ бы онъ дѣлать противъ него распоряженія? Въ то время, какъ начались объ немъ настоянія преосвященнаго и предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ, посредствомъ подставнаго лица (помощника директора ярмарочной конторы, Смолькова) содержащій постоянно въ Нижнемъ-Новгородѣ и временно въ Костромѣ труппу актеровъ и только-что потерпѣвшій убытокъ отъ пожара, истребившаго старый

---

[1]) Она построена въ 1771 году съ дозволенія Екатерины II и существуетъ до нынѣ.

[2]) Бывшій епископъ нижегородскій, живущій еще на покоѣ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

театръ, — былъ до высшей степени обрадованъ угодливостью Бугрова, который на свой счетъ взялся построить ему каменный театръ. Оттого онъ никогда не выдастъ его и, дозволяя ему дѣлать, что ему угодно, всегда будетъ защищать предъ высшимъ правительствомъ этого коновода раскола, столь обязательно споспѣшествовавшаго увеличенію его театральныхъ доходовъ[1]). Бугровъ имѣетъ сильное вліяніе на раскольниковъ: всѣ издержки по подкупу мѣстныхъ властей принимаетъ онъ на свой счетъ, думая дѣлать тѣмъ богоугодное дѣло, и потому всѣ бѣглопоповцы Нижегородской губерніи считаютъ его своимъ ходатаемъ и покровителемъ. Дома Бугрова открыты для всякаго единомысленнаго съ нимъ сектатора и если въ нихъ не было пріюта лжеепископамъ, то единственно потому, что Бугровъ не признаетъ правильности ихъ хиротоніи. Значительная переписка сектаторская раскольниковъ Нижегородской губерніи, особенно заволжскихъ, съ Москвою, Казанью, Саратовомъ, Сибирью и другими мѣстами производится чрезъ Бугрова. Особенно сильное вліяніе имѣетъ этотъ коноводъ на Семеновскій и Балахнинскій уѣзды. Тамошніе раскольники всѣ у него подъ рукою, особенно же удѣльные крестьяне Чистопольскаго приказа, въ которомъ и головою выбранъ находящійся въ полномъ повиновеніи у Бугрова однодеревенскій съ нимъ раскольникъ.

«Какое бы ни возникло въ Нижегородской губерніи дѣло по расколу, Бугровъ всегда является его заступникомъ и ходатаемъ и даетъ ему направленіе по своему усмотрѣнію. Занимаясь постройками и подрядами, Бугровъ имѣетъ у себя много работниковъ и, отдавая явное предпочтеніе раскольникамъ, способствуетъ уклоненіямъ въ расколъ православныхъ. Никакими вразумленіями на него нельзя подѣйствовать. Составитель сего отчета имѣлъ съ нимъ нѣсколько разъ разговоръ объ этомъ предметѣ, но Бугровъ всегда старался уклониться отъ прямаго отвѣта на это и всегда говорилъ одно и тоже: «какой я раскольникъ? У меня вонъ сколько работы подряжено; мнѣ не то что раскольничать, а лба перекрестить некогда».

[1]) Въ Нижнемъ-Новгородѣ и вообще въ Нижегородской губерніи носится всеобщій слухъ даже о томъ, будто бы князь Урусовъ имѣетъ частныя сдѣлки по всѣмъ подрядамъ какъ съ Бугровымъ, такъ и съ Губинымъ. До какой степени вѣроятенъ этотъ слухъ, составитель сего отчета (Мельниковъ) сказать не можетъ, но считаетъ не излишнимъ упомянуть, что князь Урусовъ, имѣя съ нимъ (Мельниковымъ), въ сентябрѣ 1854 года, частный разговоръ о томъ, какое неблагопріятное вліяніе имѣетъ на внутреннюю торговлю Нижняго ярмарка, сказалъ слѣдующія слова: «Неужели вы думаете, что здѣшніе купцы дѣйствительно богаты? У всѣхъ у нихъ гроша нѣтъ за душою. Вотъ, напримѣръ, Мичуринъ (городской голова, православный), Бугровъ, Губинъ, у нихъ часто не бываетъ денегъ для залоговъ и я имъ свои деньги даю, потому что цѣны, ими предлагаемыя, для казны чрезвычайно выгодны, а безъ залога ихъ нельзя допустить къ исполненію подрядовъ. Я знаю, что объ этомъ въ городѣ много ходитъ сплетенъ, но я дѣйствую для пользы казны».

«Помогая бѣднымъ, иногда изъ какихъ либо разсчетовъ и православнымъ, дѣлая пожертвованія [1]) на общеполезныя учрежденія и предпріятія и ведя вообще жизнь трудолюбивую и притомъ честную, Бугровъ даже и прямаго начальника своего, управляющаго удѣльною конторою, статскаго совѣтника Даля, хорошо знающаго и расколъ, и раскольниковъ, поставилъ въ такое убѣжденіе, что будто бы онъ не вреденъ въ сектаторскомъ отношеніи.

«Когда, въ декабрѣ 1853 года, составитель сего отчета запечаталъ моленную у раскольника Блинова [2]) и лавку у книгопродавца Головастикова, Бугровъ на другой же день явился къ нему «похлопотать о дѣлѣ». У составителя сего отчета, въ восьми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, есть небольшая деревня [3]), изъ которой хлѣбъ продается не зерномъ, а мукою. Бугровъ, пріѣхавъ къ нему, сначала сталъ просить о томъ: «нельзя ли повести дѣло Блинова полегче; нельзя ли не подуть на него холоднымъ вѣтромъ». Когда же Бугровъ получилъ на то отказъ, то сказалъ: «да вѣдь я, баринъ, къ тебѣ не за тѣмъ пріѣхалъ, а вотъ что: продай мнѣ изъ Ляхова муку-то; надобно въ казенные магазины ставить, а муки ни куля». Когда ему было сказано, что мука уже вся продана, Бугровъ, по видимому, не вѣря этому, сказалъ: «эхъ, баринъ, поищи-ка у себя въ амбарахъ-то, я бы тебѣ полтора рубля за пудъ далъ». А мука въ то время продавалась въ Нижнемъ-Новгородѣ по 1 руб. ассиг. за пудъ. Вотъ образецъ ходатайства Бугрова».

П. Е. Бугровъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ милліонеромъ, оставившимъ послѣ себя добрую память въ Нижнемъ-Новгородѣ. По слухамъ, онъ оставилъ послѣ себя семь милліоновъ рублей капитала и 180.000 десятинъ лѣса, по нижегородской желѣзной дорогѣ и по шоссе отъ Нижняго до Владиміра, а также въ Семеновскомъ уѣздѣ. Увѣряютъ, что принадлежащія ему лѣсныя богатства оцѣниваются въ 14 милліоновъ рублей. «Это цѣлое княжество, въ нашей губерніи», говорятъ нижегородцы, недовольные переходомъ дворянскихъ земель къ купцамъ. Для разработки этого лѣснаго богатства устроено нѣсколько паровыхъ лѣсопиленъ, соединенныхъ рельсовыми вѣтвями съ нижегородскою желѣзною дорогою. Огромный садъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, бывшій князя Грузинскаго, также принадлежитъ наслѣдникамъ Бугрова.

---

[1]) Такихъ пожертвованій, дѣйствительно, сдѣлано Бугровымъ очень много. Даже послѣ его смерти, по его завѣщанію, они не прекращаются. Такъ въ настоящее время (1884 г.) въ Нижнемъ Новгородѣ, сооружается домъ для помѣщенія 50 вдовъ съ семьями. Къ этому пожертвованію присоединилъ свою лепту и Блиновъ, а городское управленіе безплатно уступило землю, необходимую для этого зданія.

[2]) Умершій, осенью 1883 года, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, оставившій послѣ себя милліонное состояніе. Онъ, вмѣстѣ съ Бугровымъ, принадлежалъ къ числу немногихъ дѣйствительныхъ капиталистовъ Нижняго-Новгорода.

[3]) Ляхово, сельцо не П. И. Мельникова, но его второй жены.

Въ своемъ «отчетѣ о современномъ состояніи раскола», Мельниковымъ приводится нѣсколько примѣровъ и случаевъ, въ которыхъ нижегородскій губернаторъ князь Урусовъ оказывался на сторонѣ раскольниковъ. Такъ, къ числу закоренѣлыхъ фанатиковъ-раскольниковъ, временно проживавшихъ въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ отнесъ въ своемъ отчетѣ также крестьянина деревни Поспѣлихи, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, Захара Никитина, послѣдователя Нѣтовской секты. По словамъ Мельникова, онъ «распространялъ въ народѣ нелѣпыя раскольническія сочиненія объ антихристѣ, направленныя противъ православія и правительства, и велъ гласную проповѣдь раскола. Въ 1854 году, на нижегородской ярмаркѣ онъ распродалъ по крайней мѣрѣ до ста самыхъ вредныхъ раскольническихъ сочиненій и, сидя у дверей лавки № 59 по Холщевой линіи, гдѣ имѣлъ пристанище, бывалъ постоянно окруженъ раскольниками. Среди бѣлаго дня, Никитинъ, сидя на складномъ стулѣ у лавки, съ счетами въ рукахъ, проповѣдовалъ нелѣпое ученіе о воцареніи антихриста въ лицѣ государя императора и на счетахъ дѣлалъ вычисленія апокалипсическаго числа 666. О распространеніи Никитинымъ на ярмаркѣ книгъ и о публичной его проповѣди раскола я неоднократно докладывалъ нижегородскому губернатору, прося его о немедленномъ пресѣченіи этому раскольнику возможности распространять привезенныя имъ на ярмарку книги и проповѣдовать расколъ. Генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ принялъ это со свойственною ему безпечностью и не сдѣлалъ относительно Захара Никитина никакихъ распоряженій. При одномъ моемъ докладѣ о Никитинѣ, князь Урусовъ сказалъ, что онъ это дѣло поручитъ своему адъютанту, но адъютантъ, занятый разсылкою приглашеній на балъ, данный княземъ Урусувымъ, и устройствомъ самаго бала, не имѣлъ ни времени, ни возможности заняться Захаромъ Никитинымъ, которой благополучно продалъ весь свой товаръ и также благополучно уѣхалъ изъ Нижняго».

Вотъ еще случай. Посланія объ учрежденіи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ проникли впервые въ Нижегородское Заволжье въ 1847 году, одновременно изъ Саратова и изъ Москвы, съ прибывшими изъ этихъ городовъ скитницами Оленевскаго и Комаровскаго скитовъ. Въ 1848 году, Мельниковъ, состоя чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, «получилъ въ Семеновскомъ уѣздѣ списки съ двухъ бѣлокриницкихъ воззваній, которые и представилъ губернатору, но послѣдній не сдѣлалъ никакихъ распоряженій по этому предмету. Князь Урусовъ въ то время не вѣрилъ возможности лжеепископства, а нынѣ (въ 1854 году) совершенно равнодушенъ къ этому дѣлу, считая все это «пустяками, не стоющими никакого вниманія». Это были собственныя выраженія князя Урусова».

Этими случаями столкновенія чиновника особыхъ порученій съ своимъ губернаторомъ, особенно когда первый считалъ, что послѣдній не выполняетъ строгихъ предписаній о преслѣдованіи раскола, которыя присылались тогда изъ Петербурга, объясняется удовольствіе Мельникова, когда, въ 1850 году, онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно былъ освобожденъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ зависимости мѣстнаго начальника губерніи. Исполняя возлагаемыя на него министрами внутреннихъ дѣлъ порученія, Мельниковъ не щадилъ ни губернатора, ни полиціи, ни богатыхъ раскольниковъ, не смотря на ихъ попытки пріобрѣсти себѣ его благоволеніе или, по меньшей мѣрѣ, снисхожденіе. По какимъ именно внутреннимъ побужденіямъ князь Урусовъ мирволилъ раскольникамъ: по тѣмъ ли, о какихъ заставляетъ подозрѣвать «отчетъ о современномъ положеніи раскола», или по другимъ, но онъ только предупредилъ, такъ сказать, тотъ снисходительный къ нимъ образъ дѣйствія, который, съ воцареніемъ новаго императора, замѣнилъ прежнія преслѣдованія. Жаркимъ сторонникомъ такого снисхожденія сдѣлался впослѣдствіи самъ П. И. Мельниковъ.

XI.

Всеподданнѣйшій отчетъ 1855 года. — Рядъ повѣстей и разсказовъ Андрея Печерскаго. — Прошенія поповщины. — Историко-догматическое описаніе раскола.

Съ назначеніемъ Сергѣя Степановича Ланскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. И. Мельникову приходилось служить при третьемъ лицѣ на одномъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ постовъ въ Россіи. Несмотря на краткое, въ повелительномъ тонѣ, приказаніе «немедленно прибыть» въ Петербургъ изъ Нижняго-Новгорода, С. С. Ланской принялъ Мельникова, по пріѣздѣ его въ столицу, столь же ласково и внимательно, какъ и его предшественники, графъ Перовскій и генералъ-адъютантъ Бибиковъ. Искренній, давнишній другъ Мельникова, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, вновь оказалъ ему услугу, рекомендовавъ его С. С. Ланскому съ самой лучшей стороны и тѣмъ предупредилъ интриги недоброжелателей Мельникова. Новый министръ встрѣтилъ Мельникова слѣдующими словами: «Вы мнѣ нужны; я выбралъ васъ для составленія всеподданнѣйшаго отчета. Этотъ отчетъ долженъ быть совсѣмъ особеннымъ, новымъ. Государь новый, министръ новый, а каково при этомъ положеніе государства?.. Вы получите нѣсколько десятковъ отчетовъ [1]) и, можно напередъ сказать, най-

---

[1]) Департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разныхъ подвѣдомственныхъ ему отдѣльныхъ управленій и губернаторовъ.

дете въ нихъ оффиціальную неправду, фантазію, вымыслы и уже непремѣнно самохвальство: каждый губернаторъ считаетъ теперь себя спасителемъ отечества. Въ моемъ отчетѣ должна быть одна правда, какъ бы она горька ни была, и ни малѣйшаго самовосхваленія. Необходимо вполнѣ ознакомить государя съ его наслѣдіемъ, во всей его наготѣ, отнюдь не скрывая язвъ. Онъ посланъ къ намъ Богомъ, какъ лекарь, чтобы исцѣлить Россію отъ хроническихъ ея болѣзней и — дай только Богъ долголѣтняго ему царствованія: онъ исцѣлитъ насъ. А передъ лекаремъ язвъ не скрываютъ... Впрочемъ, я набросаю на бумагѣ мои мысли относительно этого и завтра пришлю вамъ... Я желаю, чтобы мой отчетъ нисколько не пахнулъ канцеляріею, чтобы въ немъ былъ живой духъ, выраженный живымъ слогомъ, а не мертвая буква. Я знакомъ съ вашимъ перомъ; вы пишите немножко рѣзко; это для канцеляріи, конечно, непріятно, но для меня теперь нужно... А главное правда, строгая правда. Пишите такъ, какъ бы стали вы говорить самому государю, если бы онъ спросилъ васъ... Мало того, пишите такъ, какъ бы вы отвѣчали самому Господу Богу на страшномъ судѣ».

И порученіе, и довѣріе новаго министра были необыкновенно лестны Мельникову. При графѣ Перовскомъ всеподданнѣйшіе отчеты составлялъ Н. И. Надеждинъ, а послѣ его смерти другіе наиболѣе выдающіеся чиновники министерства. Поэтому дѣло, порученное С. С. Ланскимъ Мельникову, разомъ выдвигало его впередъ. Онъ усердно принялся за работу и въ іюлѣ 1856 года отчетъ былъ окончательно обработанъ, одобренъ министромъ и представленъ государю императору, передъ отъѣздомъ его на коронацію въ Москву. На этомъ отчетѣ императоръ Александръ Николаевичъ собственноручно написалъ: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые, съ Божіею помощію и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться». Сверхъ того на поляхъ отчета было множество собственноручныхъ замѣчаній государя и высочайшихъ повелѣній, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи Россіи.

Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ подвинулъ впередъ крестьянскую реформу, указалъ на необходимость предоставленія большей самостоятельности въ хозяйственномъ управленіи уѣзда, на необходимость довѣрія въ этомъ отношеніи къ мѣстнымъ жителямъ, на неотлагательность отдѣленія слѣдственныхъ дѣлъ отъ обязанностей полиціи и проч. По поводу матеріальнаго и нравственнаго положеній земской и городской полиціи было выражено, что «настоящая картина указываетъ на необходимость преобразованій въ полицейской части». Въ этомъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ было сказано, что «въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, въ ущербъ самому

дѣлу. Упрощеніемъ этихъ обрядовъ можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ и тогда можно будетъ дѣлать выборъ хорошихъ чиновниковъ изъ соискателей».

Мельниковъ до конца жизни гордился своимъ участіемъ въ составленіи всеподданнѣйшаго отчета за 1855 годъ, что, между прочимъ, видно и изъ его «Воспоминаній о графѣ Ланскомъ», помѣщенныхъ имъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 года. С. С. Ланской, увидавъ, что Мельниковъ оправдалъ выборъ его для этого труда, приблизилъ его къ себѣ болѣе другихъ своихъ чиновниковъ, такъ что онъ имѣлъ къ нему доступъ во всякое время и преимущественно являлся для бесѣды по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

По составленіи всеподданнѣйшаго отчета, С. С. Ланской, 31-го іюля 1856 г., предписалъ Мельникову «немедленно отправиться на нижегородскую ярмарку, гдѣ, при собраніи свѣдѣній о ходѣ торговли восточными товарами, войти въ сколь возможно близкія сношенія съ прибывшими туда послѣдователями армяно-григоріянскаго исповѣданія, какъ русскими подданными, такъ и находящимися въ подданствѣ султана турецкаго и шаха персидскаго и узнать отъ нихъ о характерѣ и дѣйствіяхъ верховнаго патріарха гайканскаго народа, Нерсеса, и о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на армяно-григоріанъ, состоящихъ въ подданствѣ Россійской имперіи, незамѣщеніе остающихся вакантными архіерейскихъ каѳедръ и мѣстъ членовъ эчміадзинскаго синода. Свѣдѣнія сіи предлагаю вамъ собрать совершенно секретно и представить мнѣ». Мельниковъ составилъ пространное описаніе дѣйствій патріарха Нерсеса, причемъ доказывалъ въ своемъ докладѣ, что главными причинами безпорядковъ въ Эчміадзинѣ были: 1) невѣжество и низкая нравственность армянскаго духовенства, до которыхъ оно доведено тяжелымъ владычествомъ мусульманъ; 2) слабое управленіе патріарха Іоакима, предшественника Нерсеса; 3) непомѣрное своеволіе Нерсеса, который, при преклонныхъ лѣтахъ, не привыкъ признавать другой власти, кромѣ собственныхъ побужденій, большею частью честолюбивыхъ и корыстныхъ и 4) бездѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

На досугѣ, отдыхая въ подгородномъ сельцѣ Ляховѣ, имѣніи его второй супруги, Елены Андреевны, урожденной Рубинской, П. И. Мельниковъ, послѣ четырехлѣтняго перерыва, вновь принялся за беллетристику. За подписью «Андрей Печерскій» [1]) появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 года разсказъ «Старые годы». Это было начало ряда разсказовъ («Поярковъ»; «Дѣдушка Поликарпъ», «Медвѣжій уголъ» «Непремѣнный», «Бабушкины росказни»), которые въ 1857 и 1858 годахъ сдѣлали Андрея Печерскаго однимъ изъ

---

[1]) Въ № 55 «Литературной Газеты» 1840 года помѣщено было стихотвореніе Мельникова «Великій художникъ» (переводъ съ польскаго Мицкевича).

любимѣйшихъ писателей русскаго общества. Эти разсказы были третьимъ приступомъ Мельникова къ исключительно беллетристической формѣ своихъ литературныхъ произведеній. Первый приступъ его къ тому былъ въ 1840 году. Въ № 52 «Литературной газеты» 1840 года (въ послѣдній годъ редактированія ея А. А. Краевскимъ) появился разсказъ, за подписью П. М—н—к—въ, «О томъ, кто такой былъ Эльпидифоръ Перфильевичъ и какія приготовленія дѣлались въ Черноградѣ къ его имянинамъ» (начало повѣсти, которая, можетъ быть, будетъ окончена, а, можетъ быть, и не будетъ, какъ объявилъ авторъ). Въ № 80-мъ продолженіе этой повѣсти, уже за подписью П. И. Мельниковъ, появилось подъ заглавіемъ: «О томъ, какія были послѣднія приготовленія Эльпидифора Перфильевича и какъ собрались къ нему гости». Третьяго продолженія повѣсти не появилось и такимъ образомъ публика не узнала вполнѣ ея героя, уѣзднаго исправника. Повѣсть эта, — попытка Мельникова подражать Гоголю, была слабымъ произведеніемъ, написаннымъ въ юмористическомъ духѣ, въ которомъ чувствовался однако невѣрный, невыдержанный тонъ. Мельниковъ самъ остался недоволенъ своимъ первымъ беллетристическимъ произведеніемъ и въ письмѣ къ брату Николаю, убитому въ 1844 году на Кавказѣ, сообщалъ: «Ты пишешь, что въ Кубанской глуши добылъ «Литературную газету» и восхищался Эльпидифоромъ и Художникомъ. Плохой же у тебя вкусъ, если только восхищеніе твое не произошло единственно отъ родственнаго чувства. Никогда не прощу себѣ, что я напечаталъ такую гадость; если бы можно было, я собралъ бы всѣ листки «Литературной газеты» не только на Кубани, но и по всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи и всѣ бы ихъ въ печку. Я еще мало знаю людей, чтобы писать повѣсти, и даю тебѣ и себѣ честное слово не писать ни стиховъ, ни прозы до тѣхъ поръ, пока не узнаю жизнь получше. Исторія и статистика особая статья. Покаюсь тебѣ кстати еще въ грѣхѣ: написалъ я повѣсть, и повѣсть большущую, въ четырнадцати главахъ, подъ названіемъ «Звѣзда Троеславля» [1]), да этого еще мало — послалъ ее къ Краевскому, но, слава Богу, онъ возвратилъ мнѣ ее для передѣлокъ: я ее и передѣлалъ на фидибусы; раскуривалъ трубку этими фидибусами чуть не полгода. Вотъ какая огромная звѣзда была!»

Двѣнадцать лѣтъ Мельниковъ не принимался за беллетристику. Изслѣдуя городское хозяйство въ Нижегородской губерніи, онъ написалъ, въ 1852 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ повѣсть «Красильниковы» и прочелъ ее В. И. Далю. Тотъ уговорилъ его напечатать эту повѣсть и она появилась въ № 8-мъ «Москвитянина», за подписью «Андрей Печерскій». Это былъ второй приступъ П. И. Мельникова къ беллетристикѣ. Тогдашніе журналы обратили

---

[1]) Ярославля.

вниманіе на это произведеніе и осыпали его похвалами. По словамъ «Современника», передъ «самою сжатостью и безъискуственностью разсказа Андрея Печерскаго, въ которомъ нѣтъ ни одной слабой или невѣрной черты, ни одного неумѣстнаго, вычурнаго слова, гдѣ дѣйствительность является безъ прикрасъ, безъ подмалевокъ, безъ ухищреній фантазіи, блѣднѣютъ даже нѣкоторые разсказы лучшихъ и талантливѣйшихъ современныхъ писателей. По вѣрности, дѣйствительности, по мѣткости и по силѣ впечатлѣнія, этотъ разсказъ можетъ быть поставленъ на ряду только съ лучшими произведеніями».

И «Старые годы» произвели сильное впечатлѣніе на читателей. По выраженію «Библіотеки для чтенія» 1857 года, этотъ разсказъ «глубоко поэтическая панихида надъ нашими безпутными годами. Выведенныя въ «Старыхъ годахъ» личности не только этнографически, но и психологически, вѣрны: онѣ думаютъ, говорятъ, дѣйствуютъ, движутся какъ живые люди, а это несомнѣнно обнаруживаетъ въ авторѣ поэтическій талантъ. Есть мѣста, гдѣ его историческій этюдъ переходитъ въ драматическія сцены, исполненныя удивительно-художественно». Знавшіе псевдонимъ Мельникова, привѣтствовали его и благодарили частными письмами за «Старые годы». Близкій къ нему, товарищъ его по казанскому университету, извѣстный своими статистическими работами, А. И. Артемьевъ (онъ тремя годами позже Мельникова кончилъ курсъ), писалъ къ нему, съ границъ Финляндіи, отъ 23-го іюля 1857 года:

†

«Такъ начинали въ «старые годы» [1]). Начнемъ же по стародавнему. А дѣйствительно безпутны были «старые годы», хотя во время оно и начиналось все съ Господи-благослови, а оканчивалось славословіемъ...

«И нельзя не порадоваться, что прошли, миновали эти «старые годы». И дай Богъ, чтобы не возвращались они. И нѣтъ сомнѣнія, что не возвратятся они!

«Только за одно можно похвалить «старые годы» и ради этого одного можно порадоваться продолженію ихъ...

«Въ «старые годы» былъ у насъ Печерскій, возсоздавшій въ своей «Повѣсти» старые годы съ ихъ князьями, съ ихъ дикимъ нестыдѣніемъ къ невѣсткамъ и проч.

«И теперь у насъ есть новый Печерскій, также возсоздавшій передъ нами «старые годы» съ ихъ князьями Иванами Алексѣевичами Алексѣями Юрьевичами...

«И дай Богъ, чтобы въ этомъ отношеніи шло все по старому, чтобы Печерскіе, возсоздатели «старыхъ годовъ», не прекращались на многія лѣта впредь, ради наученія современниковъ и потомства.

---

[1]) Т. е. крестомъ.

«А теперь позвольте, г. Андрей Печерскій, выразить предъ вами искреннее желаніе, чтобы и вашему художественному воссозданію «старыхъ годовъ» выпала доля вашего соплеменника Печерскаго Нестора: благородная доля — быть предметомъ уваженія для 800 лѣтъ потомства».

Всѣ разсказы Андрея Печерскаго появились въ журналахъ съ разрѣшенія тогдашней цензуры, но наибольшая ихъ часть была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», цензоръ котораго, фонъ-Крузе, допускалъ для его редакціи такую свободу печати, которая заставляла завидовать петербургскихъ редакторовъ своему московскому собрату. Успѣху «Русскаго Вѣстника», въ первые годы его появленія подъ редакціею М. Н. Каткова, много содѣйствовалъ фонъ-Крузе усвоенною имъ себѣ системою цензуры. Но когда петербургскій книгопродавецъ А. Давыдовъ предпринялъ отдѣльное изданіе «Разсказовъ А. Печерскаго» и представилъ ихъ для того въ цензуру, то вышелъ своего рода курьезъ. Цензоръ московскаго комитета, фонъ-Крузе, одобрилъ къ печати эти «Разсказы» 18 іюня 1858 г., но когда потребовалось разрѣшеніе петербургскаго цензурнаго комитета, вслѣдствіе печатанія этого изданія въ Петербургѣ, то комитетъ опредѣлилъ: «возвратить издателю безъ одобренія», причемъ зачеркнулъ и разрѣшеніе московской цензуры, равно какъ и приложенную къ нему печать московскаго комитета. Книгопродавцу Давыдову, въ его сборникѣ «Для легкаго чтенія», разрѣшено было перепечатать только два разсказа: «Красильниковъ» и «Поярковъ». Обличительный тонъ остальныхъ разсказовъ, не понравившійся въ тѣ годы многимъ лицамъ высшей администраціи, былъ причиною цензурнаго ихъ запрещенія въ новомъ изданіи. Впослѣдствіи разсказы Андрея Печерскаго разошлись въ нашей публикѣ въ двухъ изданіяхъ.

Но, сверхъ своихъ беллетристическихъ занятій, П. И. Мельниковъ и въ 1857 году не оставлялъ своего излюбленнаго по преимуществу вопроса о расколѣ. Особенный случай далъ ему вновь поводъ высказаться по этому вопросу, разумѣется, непечатно. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ августѣ 1856 года, тамошніе поповцы подали всеподданнѣйшее прошеніе государю императору о дозволеніи имъ принимать отъ церкви бѣглыхъ священниковъ. Эта просьба была оставлена безъ послѣдствій, подобно тому, какъ и прежде имъ было въ томъ отказываемо, при неоднократныхъ ихъ подобныхъ прошеніяхъ. Правительство находило, что такое дозволеніе было бы несообразно съ достоинствомъ православной церкви. Св. синодъ находилъ, что самый побѣгъ священника къ раскольникамъ есть уже преступленіе уголовное. Наконецъ и желаніе старообрядцевъ возвращать епархіальному начальству попа, почему либо сдѣлавшагося для нихъ негоднымъ, ни въ какомъ случаѣ не могло

быть исполнено, ибо тогда православная церковь представилась бы какимъ-то вмѣстилищемъ, куда поповцы могутъ кидать все имъ ненужное и въ то же время брать изъ него все, что есть получше. Впрочемъ, невозможность удовлетворить желаніе раскольниковъ, дозволеніемъ имъ брать изъ православной церкви поповъ, сознавали сами поповцы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые были развитѣе и безпристрастнѣе.

Но, въ мартѣ 1857 года, московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, представилъ новую просьбу тамошнихъ поповцовъ подобнаго же содержанія, причемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайствовалъ, въ видахъ успокоенія раскольниковъ, «даровать имъ поповъ не подчиненныхъ духовному начальству» и для осуществленія этой цѣли придумалъ три способа. На докладѣ графа Закревскаго, императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ написать: «Дѣло это внести неотлагательно на разсмотрѣніе Секретнаго Комитета, причемъ обращаю вниманіе гг. членовъ на важность сего государственнаго и можно сказать жизненнаго для насъ вопроса и ожидаю полнаго и откровеннаго ихъ мнѣнія, для успокоенія колеблющейся моей совѣсти въ этомъ важномъ дѣлѣ, т. е. какъ согласовать выгоды нашей церкви съ государственными выгодами, ибо дѣло идетъ о успокоеніи умовъ 5 милл. людей».

Приглашенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ланскимъ, дать свое мнѣніе по докладу графа Закревскаго, Мельниковъ доказалъ всю несостоятельность предложенныхъ имъ трехъ способовъ удовлетворенія просьбы поповцевъ. Особенно онъ возсталъ противъ втораго способа, который, по словамъ Мельникова, долженъ былъ уронить въ глазахъ народа всякое уваженіе къ достоинству правительства, прибѣгающаго ко лжи, ради соблюденія формальности. Именно гражданское правительство должно было бы, по предложенію графа Закревскаго, отвѣчать епархіальному архіерею, что попъ находится при своемъ мѣстѣ, тогда какъ онъ собственно пребываетъ уже у старообрядцовъ, и архіерей долженъ повѣрить этой лжи и въ своихъ бумагахъ лгать, что бѣглый попъ находится при своемъ мѣстѣ. «А ложь (писалъ Мельниковъ), какого бы рода она ни была, по каноническимъ правиламъ, разрушаетъ санъ архіерейства, а по дворянской граматѣ разрушаетъ дворянство. Слѣдовательно и гражданское и епархіальное начальства, исполняя волю правительства, то и дѣло разрушали бы свое достоинство. Ни правительство, прибѣгающее въ затруднительныхъ вопросахъ ко лжи, ни церковь, принимающая ложь за правду, не могутъ быть уважаемы народомъ. Правда, что распоряженіе это будетъ сдѣлано секретно, но секретъ въ дѣлѣ, касающемся до пяти милліоновъ людей, не есть секретъ. Онъ будетъ существовать только на бумагѣ». Въ заключеніе своей записки Мельниковъ полагалъ, что «единственнымъ выходомъ изъ

этого дѣла есть дарованіе раскольникамъ своихъ архіереевъ изъ православнаго духовенства. Это успокоило бы умы пяти милліоновъ подданныхъ его императорскаго величества, прекратило бы дальнѣйшее развѣтвленіе раскола и образованіе новыхъ сектъ, которое послѣдуетъ при всякой другой мѣрѣ и, что всего важнѣе въ государственномъ отношеніи—это тотчасъ же не только уничтожило бы зловредное вліяніе на Россію Австріи, но и окончательно убило бы Бѣлую Криницу».

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, представилъ въ Секретномъ Комитетѣ свое мнѣніе, въ которомъ говорилъ, что несообразно было бы ни со святостью церкви, ни съ достоинствомъ правительства, дозволить священникамъ бѣгать къ раскольникамъ и терпѣть бы такихъ бѣглецовъ. Для успокоенія же раскольниковъ поповщинской секты онъ предлагалъ осуществить обѣщаніе, данное правительствомъ при императрицѣ Екатеринѣ Великой, но неисполненное: «дать единовѣрцамъ особыхъ архіереевъ», даровать совершенно полное устройство единовѣрческой церкви. Это предположеніе Ланскаго осталось безъ послѣдствій.

Возбужденное графомъ Закревскимъ ходатайство въ пользу раскольниковъ обратило вниманіе на нихъ правительства въ 1857 году и Мельниковъ составилъ для великаго князя Константина Николаевича особую записку о русскомъ расколѣ, которая появилась въ печати только въ 1866 году, но безъ конца, съ пропусками и искаженіями, въ «Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о расколѣ», изданномъ В. И. Кельсіевымъ въ Лондонѣ.

Въ бумагахъ П. И. Мельникова осталось нѣсколько черновыхъ отъ его мнѣній по вопросу о расколѣ, изложенныхъ имъ въ 1857 году. Въ одной изъ такихъ записокъ онъ, между прочимъ, излагалъ: «Исторія двухъ сотъ лѣтъ достаточно показала, что ни крутыя мѣры Петра Великаго, ни казни, совершенныя въ его царствованіе, ни публичное осмѣяніе раскола, ни анаѳема, произнесенная въ 1667 году, ни полемическія и увѣщательныя сочиненія духовныхъ пастырей, ни полумѣры правительства, предпринимаемыя безъ всякой послѣдовательности, а единственно по случайнымъ обстоятельствамъ, или по личнымъ взглядамъ на этотъ предметъ государей и высшихъ сановниковъ государства, изучавшихъ расколъ преимущественно по оффиціальнымъ бумагамъ,—ничто не могло уврачевать эту язву, болѣе и болѣе распространяющуюся на государственномъ тѣлѣ нашего отечества. Все это, а въ особенности непослѣдовательность полумѣръ по воздвигаемымъ преслѣдованіямъ раскола, то оставлявшихъ его безъ всякаго вниманія, то стѣснявшихъ гражданскія права раскольниковъ, то дававшихъ имъ неумѣстныя льготы,—все это не только не ослабило раскола, но значительно усилило его и увеличило число его послѣдователей. При Петрѣ Великомъ раскольниковъ едва-ли было бо-

нѣе полумилліона; теперь ихъ до десяти милліоновъ обоего пола. Если и на будущее время будутъ приниматься такія же полумѣры, какія были предпринимаемы въ послѣдніе двѣсти лѣтъ, то, безъ сомнѣнія, расколъ будетъ усиливаться и число раскольниковъ будетъ увеличиваться въ той же пропорціи. Такимъ образомъ можно ожидать, что въ XX столѣтіи всѣ великоруссы, за исключеніемъ дворянства и духовенства, будутъ въ расколѣ. Сдѣлаются ли раскольниками малороссіяне—Богъ знаетъ, но жители Новороссійскаго края и юго-западныхъ губерній послѣдуютъ за великоруссами: между ними и теперь расколъ сильно распространяется, а близость Бѣлой Криницы, конечно, не остается безъ вліянія на Бессарабію, Волынь, Подолію.

«И какая страшная опасность угрожаетъ Россіи въ будущемъ! Событія послѣднихъ годовъ, кажется, достаточно доказали, что Россія не можетъ разсчитывать на дружбу и доброжелательство Австріи. Мы потеряли, можетъ быть, навсегда, возможность грозить Вѣнѣ славянскимъ вопросомъ, а австрійское правительство на границахъ нашихъ поставило страшную для насъ каѳедру Бѣлокриницкую. Наполеонъ I сдѣлалъ страшную ошибку, войдя въ Москву. Если бы онъ, притворявшійся въ Египтѣ мусульманиномъ, вмѣсто того, чтобы превращать кремлевскіе соборы въ конюшни, взялъ бы съ Рогожскаго кладбища раскольническаго попа, заставилъ бы его отслужить въ Успенскомъ соборѣ обѣдню и объявилъ бы возстановленіе въ Россіи старой вѣры и стараго быта, обошелъ бы съ раскольниками крестнымъ ходомъ Кремль Московскій — война 1812 года имѣла бы другой исходъ. Напрасно думаютъ, что онъ, какъ иностранецъ и иновѣрецъ, не нашелъ бы сочувствія въ народѣ русскомъ. И тогда какъ онъ своими необдуманными поступками возбудилъ ненависть къ себѣ всего народа русскаго, считавшаго его Антихристомъ, — явилась же въ Россіи и до сихъ поръ въ тайнѣ существующая секта наполеоновская, признающа Наполеона I сыномъ Божіимъ [1]).

«Австрійцы съ Бѣлокриницкою митрополіею обходятся не такъ, какъ Наполеонъ I обходился съ православіемъ. Изъ перваго манифеста Бѣлокриницкаго (въ ноябрѣ 1846 г.), разосланнаго по Россіи, русскіе раскольники узнали, что митрополитъ Амвросій былъ милостиво принятъ императоромъ Фердинандомъ, получилъ отъ него охранную грамату, съ почетомъ былъ принятъ львовскимъ губернаторомъ и съ торжественностію слѣдовалъ изъ Львова въ Бѣлую Криницу. Во время послѣдней войны, русскіе раскольники узнали, что 6-го января 1855 года, когда митрополитъ Кириллъ

---

[1]) До 1848 года никто въ Россіи и не подозрѣвалъ этой секты. Первый намекъ на нее сдѣлалъ извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ.

Прим. Мельн.

совершалъ крестный ходъ, для освященія воды, его сопровождалъ эрцгерцогъ австрійскій и когда Кириллъ погружалъ крестъ, австрійская артиллерія дѣлала выстрѣлы. Между русскими раскольниками распространена исторія Бѣлокриницкой митрополіи, въ которой говорится съ уваженіемъ объ австрійскомъ императорѣ, а о императорѣ Николаѣ Павловичѣ говорится въ такомъ духѣ: «и царь русскій зѣльно уязвися злобою на преосвященнаго Амвросія... и по наговору русскаго царя и за помощь его противъ венгерцовъ новый австрійскій Юзефъ сослалъ преосвященнаго митрополита Амвросія въ заключеніе въ Тироль, въ городъ Цилль».

«Преданность бѣлокриницкому митрополиту и вслѣдствіе того сочувствіе покровительствующему Бѣлой Криницѣ австрійскому правительству, съ каждымъ годомъ усиливается между русскими раскольниками. Бѣлая Криница составляетъ ихъ гордость, ихъ надежды. Изъ Бѣлой Криницы чаютъ они спасенія. Лжеепископы, которыхъ теперь въ Россіи шесть, если не болѣе, и множество лжепоповъ, поддерживаютъ это сочувствіе нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ людей къ иноземному правительству.

«Что если у насъ произойдетъ разрывъ съ Австріею и впереди австрійскихъ войскъ явится на русской землѣ митрополитъ Кириллъ въ древнемъ облаченіи русскихъ святителей? Что если онъ возгласитъ: «я гряду, христіане древляго благочестія, подъ прикрытіемъ австрійскихъ солдатъ, очистить мерзость запустѣнія [1]), въ священномъ Кремлѣ Московскомъ и во всемъ государствѣ русскомъ»? Своимъ осьмиконечнымъ крестомъ онъ принесетъ тогда намъ въ сто разъ больше вреда, чѣмъ штуцеры и улучшенныя осадныя орудія англо-французовъ. Изъ края въ край восколеблется тогда земля русская—и двуглавый орелъ австрійскій въ самомъ центрѣ Россіи восторжествуетъ надъ нашимъ двуглавымъ орломъ. Австрія намъ страшнѣе всякаго другаго врага. Она страшнѣе намъ всей остальной Европы, ополчившейся на насъ.»

Таковъ былъ въ 1859 году взглядъ П. И. Мельникова на политическое значеніе для Россіи Бѣлокриницкой митрополіи, учредившейся въ Австріи. Разрывъ впослѣдствіи съ митрополіею той части поповщины, которая не признаетъ «австрійскаго священства», придаетъ этому мнѣнію Мельникова нынѣ одно «историческое» значеніе. Но это мнѣніе находило въ то время многихъ сторонниковъ среди лицъ высшей администраціи Россіи.

Пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ къ нему С. С. Ланскаго, Мельниковъ въ это время своей жизни стремился всѣми силами направить вопросъ о расколѣ на тотъ путь, на которомъ, по его убѣжденію, могло послѣдовать его разрѣшеніе въ смыслѣ, наиболѣе полезномъ

---

[1]) Такъ зовутъ раскольники православное богослуженіе въ древнихъ церквахъ.

для государства и для народа. На этомъ основанiи онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ докладъ, въ которомъ разъяснилъ, что расколъ остается все еще недостаточно изслѣдованнымъ, потому что исторiя и догматика всѣхъ нашихъ разнообразныхъ вѣроученiй и сектъ неизвѣстны не только нашему правительству, но даже и большинству самихъ раскольниковъ. Мельниковъ предлагалъ ассигновать до 10,000 р. въ годъ на постепенное изданiе исторiи и догматики раскола, поручивъ критическую разработку каждаго предмета лицамъ, заявившимъ уже свои познанiя по этому вопросу. Докладъ Мельникова совпалъ съ замѣчанiемъ государя императора, что исторiя, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и что незнанiе всѣхъ его обстоятельствъ затрудняетъ правительство не только при рѣшенiи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избранiи правильной и твердой системы дѣйствiя въ отношенiи къ расколу вообще. 18-го октября 1857 года, С. С. Ланской поручилъ П. И. Мельникову, совмѣстно съ Александромъ Ивановичемъ Артемьевымъ, «составленiе возможно полнаго историко-догматическаго изложенiя ученiя разныхъ раскольническихъ сектъ въ Россiи». Имъ было предоставлено пользоваться книгами и рукописями Императорской Публичной Библiотеки и Румянцовскаго Музея, открытъ былъ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разрѣшенъ былъ осмотръ дѣлъ Секретнаго Комитета по расколу и извлеченiе изъ нихъ выписокъ, а также было выдано «на прiобрѣтенiе необходимыхъ рукописей» 150 руб. Вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ 1858 года, послѣдовало особое высочайшее повелѣнiе министру внутреннихъ дѣлъ о составленiи подробнаго описанiя раскола, согласно съ планомъ, выработаннымъ Мельниковымъ. Сверхъ себя и Артемьева, онъ предлагалъ воспользоваться услугами для того и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и экстраординарнаго профессора Московской духовной академiи Субботина, извѣстнаго знатока раскола.

При участiи гг. Субботина, Мельникова и имъ подобныхъ дѣятелей, означенный трудъ по расколу обѣщалъ быть капитальнымъ. Съ разрѣшенiя С. С. Ланскаго, Мельниковъ вошелъ въ сношенiя съ разными лицами въ Россiи, которыя стали сообщать ему всѣ замѣчательные случаи проявленiя раскола. Мельниковъ и Артемьевъ издали три тома «Сборника постановленiй, относящихся къ расколу». Въ 1861 году, начатыя работы были прерваны съ замѣной С. С. Ланскаго, въ званiи министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаремъ П. А. Валуевымъ, тѣмъ болѣе, что и суммъ, необходимыхъ на осуществленiе предположеннаго въ обширномъ размѣрѣ труда о расколѣ, уже не отпускалось. Черезъ три года, 6-го марта 1864 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, «предложилъ» Мельникову немедленно ему донести «въ какомъ положенiи находится нынѣ порученное вамъ, въ 1857—1858 году,

составленіе историко-догматическаго описанія раскола». Мельниковъ представилъ ему, рапортомъ отъ 14-го марта, положеніе порученнаго ему труда, но такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то онъ и прекратилъ возложенную на него работу. Такимъ образомъ цѣлесообразно задуманное и высочайше одобренное ознакомленіе правительства, общества, раскольниковъ, съ однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни русскаго народъ осталось однимъ предположеніемъ.

5-го ноября 1857 года, въ годовщину основанія Казанскаго университета, впервые, по почину Мельникова и нѣкоторыхъ его университетскихъ товарищей, собрался кружокъ бывшихъ воспитанниковъ этого высшаго учебнаго заведенія. Обѣдъ бывшихъ казанцевъ и рѣчи, произнесенныя на немъ, въ свое время подробно были описаны и сообщены въ «Русскомъ Вѣстникѣ». На этомъ обѣдѣ рѣшено было издать сборникъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Казанскаго университета съ тѣмъ, что чистый доходъ, послѣ покрытія издержекъ на бумагу и печать, предоставить въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Сборникъ этотъ вышелъ въ 1859 году подъ заглавіемъ «Братчина», подъ редакціею Мельникова. Это названіе придумано было Сергѣемъ Тимоѳеичемъ Аксаковымъ, оказавшимся въ 1857 году старѣйшимъ бывшимъ студентомъ Казанскаго университета. На обѣдѣ 5-го ноября, Мельниковъ, провозглашая «здоровье старѣйшаго казанца», назвалъ С. Т. Аксакова «первымъ» русскимъ писателемъ. Это обстоятельство вызвало слѣдующее любопытное письмо С. Т. Аксакова къ Мельникову, отъ 8-го ноября 1857 года, изъ Москвы: «Вчера возвратился сынъ мой изъ Петербурга, и я узналъ отъ него, какъ много обязанъ вамъ за ваши лестные обо мнѣ отзывы, высказанные вами на обѣдѣ 5-го ноября, а равно и за то сочувствіе, съ какимъ приняты были ваши одушевленныя слова всѣми бывшими студентами Казанскаго университета. Примите, милостивый государь, мою душевную благодарность; вы доставили мнѣ такія отрадныя минуты, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти. Теперь я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: вы назвали меня въ своей рѣчи «первымъ» русскимъ писателемъ, и мнѣ сказалъ мой сынъ, что все это будетъ напечатано. Не нужно говорить, какъ мнѣ лестенъ и дорогъ отзывъ человѣка, талантъ котораго уже обратилъ на себя вниманіе и одобреніе всей читающей публики, и котораго статьи недавно были выслушаны мною съ наслажденіемъ; но вы слишкомъ благосклонны ко мнѣ и потому сдѣлались несправедливы къ другимъ. Не согласитесь ли вы измѣнить ваше выраженіе въ печати и, вмѣсто «перваго» писателя, назвать меня однимъ изъ первыхъ. Слово «первый», котораго я не заслуживаю, оскорбитъ и возстановитъ противъ меня многихъ. Въ изустной рѣчи, при всеобщемъ сочувствіи и увлеченіи и притомъ въ извѣстномъ кругѣ

людей, болѣе или менѣе ко мнѣ расположенныхъ, это слово могло быть принято съ одобреніемъ; но въ печати — совсѣмъ другое дѣло».

Когда С. Т. Аксаковъ скончался въ 1859 году, Мельниковъ напечаталъ нѣсколько прочувствованныхъ о немъ словъ въ своемъ «Русскомъ Дневникѣ». Этотъ отзывъ вызвалъ слѣдующее письмо къ Павлу Ивановичу Мельникову отъ Ивана Сергѣевича Аксакова, изъ Москвы, отъ 2-го іюня 1859 г.: «По порученію матушки, брата, всего нашего семейства, и по собственному своему побужденію, приношу вамъ искреннюю, сердечную благодарность за ваши прекрасныя строки объ отцѣ моемъ. Вы въ немногихъ словахъ сказали больше и полнѣе, чѣмъ другіе въ длинныхъ статьяхъ. Вы такъ рельефно изобразили его внутреннюю духовную сторону, что трудно повѣрить, что вы никогда не видали его, не знали его лично! Все это, въ моихъ глазахъ, свидѣтельствуетъ въ одно время, какъ о силѣ таланта вашего, такъ о тонкости и вѣрности вашего душевнаго разумѣнія. Еще разъ благодаримъ васъ за то утѣшеніе, которое доставили ваши строки всему нашему семейству».

XII.

Дневникъ 1858 года. — Я. И. Ростовцовъ. — Князь В. А. Долгоруковъ.

Въ 1858 году, предположено было ихъ императорскими величествами совершить поѣздку по нѣкоторымъ мѣстамъ Россіи, причемъ посѣтить и приволжскіе города. Мельникову, какъ знатоку приволжскаго края, поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ, по волѣ императрицы Маріи Александровны, составить указатель достопримѣчательностей на пути и очеркъ нижегородской ярмарки. Указатель былъ составленъ изъ отдѣльныхъ 14 частей. Какъ указатель, такъ и очеркъ ярмарки, не были пущены въ продажу, составляютъ библіографическую рѣдкость и были напечатаны безъ одобренія цензуры и безъ означенія типографіи. Въ библіотекѣ, оставшейся послѣ П. И. Мельникова, оказался экземпляръ этого указателя, съ слѣдующею собственноручною надписью автора: «по приказанію Государыни Императрицы, въ 1858 году написалъ и напечаталъ отдѣльными брошюрами въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ». Въ этихъ брошюрахъ были вкратцѣ описаны: 1) Тверь, 2) Клинъ, 3) Дмитровъ, 4) Переяславль-Залѣсскій, 5) Ростовъ (Ярославскій), 6) Ярославль, 7) Волжскій путь отъ Ярославля до Костромы, 8) Кострома, 9) Волжскій путь отъ Костромы до Нижняго, 10) Нижній-Новгородъ, 11) Вязники, 12) Владиміръ на Клязьмѣ, 13) Покровъ, 14) Богородскъ.

Съ 1858 года началась усиленная дѣятельность губернскихъ комитетовъ по крестьянской реформѣ. Хотя Мельниковъ, состоя помѣщикомъ Семеновскаго уѣзда, а по имѣнію жены и Нижегородскаго уѣзда, могъ бы принять участіе въ занятіяхъ по реформѣ, но онъ не былъ приглашенъ къ нимъ ни въ Петербургѣ, ни въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Но этотъ вопросъ не могъ не интересовать Мельникова, знатока крестьянскаго дѣла. Дѣйствительно, въ бумагахъ Мельникова оказался дневникъ его, который онъ началъ было вести, съ 22-го марта 1858 года, но выдержалъ свое намѣреніе только въ продолженіе немногихъ дней. Если бы онъ не прекратилъ своего дневника, то въ немъ отразилась бы интересная картина тогдашняго времени, преисполненнаго заботъ, волненій, предположеній о готовившейся крестьянской реформѣ. Мельниковъ, сочувствуя этому важному дѣлу, не могъ не волноваться въ своемъ дневникѣ, при томъ или другомъ слухѣ, извѣстіи, касавшихся задуманнаго преобразованія. На этомъ основаніи я привожу вполнѣ его дневникъ 1858 года, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ служить своего рода документомъ для этой интересной эпохи.

«Марта 22-го. Великая суббота. День прекрасный, ясный, теплый. Часу во второмъ пошелъ я на Невскій; тамъ толпа огромная. Совершенно неожиданно встрѣтился съ Сергѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ и ходилъ съ нимъ по Невскому и по Литейной болѣе двухъ часовъ. Онъ сегодня поутру пріѣхалъ изъ Нижняго, гдѣ засѣдалъ въ комитетѣ объ освобожденіи крестьянъ, депутатомъ отъ Горбатовскаго уѣзда. Онъ, разумѣется, противъ освобожденія. Бранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ губернатора Муравьева и членовъ комитета, особенно Штевена, Карамзина и друг., которые горячо стоятъ за крестьянъ. «Людей то у насъ много, да головъ мало», замѣтилъ онъ. Муравьевъ дѣйствительно уже черезъ чуръ гонитъ дѣломъ; ему хочется, чтобы къ 20-му августа непремѣнно было все кончено, но это невозможно. Дѣло дѣлается на вѣкъ. Нельзя же его во кругъ пальцевъ обвести. Шереметевъ сказалъ, между прочимъ, что еще будутъ перемѣны въ этомъ дѣлѣ, но какія не говорилъ. Онъ въ связяхъ и родствѣ съ великими міра сего и, конечно, говоритъ не безъ основанія. Что же это будетъ? Народу обѣщали свободу, назначили срокъ и правила; народъ ждетъ; вездѣ тихо, спокойно, несравненно спокойнѣе чѣмъ прежде, и вдругъ, если Шереметевъ правду говоритъ, пойдетъ дѣло въ оттяжку. Такихъ дѣлъ откладывать нельзя, а то чего добраго и за топоры примутся.

«Марта 23-го. У заутрени и обѣдни былъ въ церкви министра внутреннихъ дѣлъ. Въ началѣ обѣдни пріѣхали изъ дворца Ланской съ дочерью; новостей не узналъ. Въ 11 часовъ былъ на общемъ представленіи у министра и здѣсь узналъ новости: Княже-

вичъ замѣнилъ Брока (министра финансовъ), Ковалевскій[1] — Норова (министра народнаго просвѣщенія); князь Вяземскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, тоже уволенъ. Все остальное незначительно. А Панинъ сидитъ себѣ да сидитъ, а пора бы и ему, по вошедшему обыкновенію, съѣздить безсрочно за границу. Назначеніе Княжевича произвело во всѣхъ живѣйшее удовольствіе; — одного жаль — старъ. За Ковалевскаго говорятъ два обстоятельства: то, что онъ отстоялъ цензора Крузе и прекрасно велъ исторію о побіеніи студентовъ московскаго университета полицейскими разбойниками въ октябрѣ 1857 года[2]). О перемѣнѣ министровъ Норова и Брока положительно говорили уже недѣли полторы тому назадъ, но объ нашемъ (Ланскомъ) и рѣчи не было, тогда какъ съ новаго 1857 года, передъ каждымъ праздникомъ, молва смѣняла его и назначала то Булгакова, то Буткова, то Суковкина, то Игнатьева.

«Марта 25-го. Праздникъ храмовой у министра. Послѣ обѣдни у Петра Ермолаевича Волкенштейна обѣдъ; было человѣкъ до тридцати, но никого изъ властей не было. Волкенштейнъ старостою церковнымъ при домовой церкви (министра внутреннихъ дѣлъ). Шуринъ его, Евгеній Пеликанъ, теперь профессоръ медико-хирургической академіи, будетъ вице-директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто нашего казанца Козлова, котораго Енохинъ (директоръ медицинскаго департамента военнаго министерства) взялъ къ себѣ въ вице-директоры, а Ланской далъ ему на прощанье станиславовскую звѣзду. Пеликанъ теперь въ Парижѣ и обратилъ тамъ на себя большое вниманіе французскихъ медиковъ, сдѣланъ членомъ-корреспондентомъ парижской Академіи Наукъ. Всѣхъ Пеликановъ я знаю, кромѣ его, но говорятъ, что онъ лучше всѣхъ, а Пеликаны люди хорошіе.

«Марта 27-го. Завернулъ въ министерство и услышалъ вновь возникшіе слухи объ увольненіи Ланскаго и объ назначеніи на мѣсто его Іакова Ивановича Ростовцова. Вѣроятно, сказки. Ростовцовъ вѣкъ свой управлялъ кадетами, а вѣдь министерство внутреннихъ дѣлъ не кадетскій корпусъ. Впрочемъ, чего не бываетъ на свѣтѣ. — Охтенскіе поселяне уволены изъ адмиралтейскаго вѣдомства; имъ предоставлено перечислиться къ городскимъ или сельскимъ сословіямъ и образовать отдѣльное подгородное общество, а такъ какъ они большею частію ремесленники и промышленники, то предположено образовать у нихъ ремесленную управу,

---

[1]) Бывшій попечителемъ московскаго учебнаго округа. У.

[2]) Извѣстное столкновеніе студентовъ московскаго университета съ полиціею, которая оскорбила студентовъ. Судъ и высочайшая воля рѣшили дѣло въ пользу студентовъ. Виновные чины полиціи были наказаны по закону. У.

по примѣру петербургской, и подчинить ее петербургской городской думѣ. Прекрасная записка (историческо-административная) по этому дѣлу составлена Чернавскимъ. Она въ хозяйственномъ департаментѣ.

«Марта 28-го. Былъ въ министерствѣ. Слухи о назначеніи Ростовцова ростутъ. Говорятъ, что это будетъ 17-го апрѣля, въ день рожденія государя. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Левшинъ, говорилъ въ статистическомъ комитетѣ, что министръ «будто бы» самъ ему сказывалъ, что онъ болѣе не останется министромъ. Левшинъ при этомъ объявилъ, что онъ не останется товарищемъ ни при какомъ министрѣ. Великаго князя или принца крови, конечно, не назначатъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Левшинъ, со своими александровскими алмазами, иначе какъ у высочества или, по меньшей мѣрѣ, у свѣтлости товарищемъ быть не можетъ!!! Левшинъ приказалъ нѣкоторыя срочныя бумаги готовить, какъ можно скорѣе, чтобы перемѣна министерства не застала въ расплохъ.

«Марта 30-го. Ростутъ и ростутъ слухи о Ростовцовѣ. Но Ланской ничего не говоритъ. Гвоздевъ (директоръ департамента общихъ дѣлъ) прислалъ мнѣ записку, что министръ ждетъ меня завтра поутру съ работами о раскольникахъ. Эту работу еще въ январѣ обѣщалъ я сдѣлать къ 1-му апрѣля, но Ланской, шутя, сказалъ, «что онъ боится poisson d'avril»; я ему отвѣчалъ: «въ такомъ случаѣ къ 2-му апрѣля». — «Нѣтъ уже лучше къ 31-му марта», отвѣчалъ онъ. — Вспомнилъ старикъ.

«Марта 31-го. Поутру былъ съ докладомъ. Министръ былъ очень веселъ и любезенъ и совершенно незамѣтно, чтобы что-нибудь походило на его увольненіе. Впрочемъ, говорятъ, его дѣлаютъ графомъ, какимъ-то первымъ чиномъ двора и оставляютъ все содержаніе, стало быть, унывать ему нечего. Но не захочется ему разстаться съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, которое онъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, да отчасти съ графомъ Блудовымъ, двинули, а то бы оно и до сихъ поръ лежало въ проектѣ. Секретный комитетъ собирался бы по субботамъ, Панинъ сказывалъ бы членамъ его сказки и вопросъ не подвинулся бы ни на шагъ. Особенно золъ князь Орловъ [1]) на Ланскаго. Онъ еще около новаго года, когда закладывалъ свое имѣніе, сказалъ: «Ланской графство-то получитъ, а шею-то себѣ все-таки сломитъ» [2]). Орловъ предводитель тайной партіи; Панинъ, Ростовцовъ его спод-

[1]) Бывшій тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

[2]) Ланской остался министромъ внутреннихъ дѣлъ до весны 1861 года и уже послѣ крестьянской реформы получилъ графское достоинство и былъ назначенъ оберъ-камергеромъ. У.

ручники. Закревскій, другъ Орлова, свирѣпствуетъ въ Москвѣ. Князь Долгоруковъ слишкомъ ограниченъ, чтобы имѣть какое-нибудь мнѣніе, а Мих. Ник. Муравьевъ заботится не о свободѣ крестьянъ, а о свободѣ своего кармана, о лентахъ владимірской и андреевской. Изъ за денегъ да изъ за лентъ онъ отца роднаго зажаритъ [1]). Княжевичъ едва-ли будетъ дѣйствовать рѣшительно по крестьянскому дѣлу. Что дѣлаетъ тамъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ [2]), не слышно, но онъ, сколько мнѣ извѣстно по нижегородскимъ его дѣламъ, пропитанъ помѣщичьимъ духомъ съ ногъ до головы. И такъ, кто же остаются? Великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Блудовъ и Ланской. Но Блудовъ очень болѣнъ, почти совсѣмъ разрушается; весною онъ ѣдетъ на свадьбу къ сыну заграницу, со свадьбы на воды, чтобы лечиться, но вѣроятно оттуда пріѣдетъ прямо на кладбище Александроневской лавры [3]). Затѣмъ, если еще Ланскаго не будетъ, кто же въ главномъ комитетѣ останется изъ людей, преданныхъ общественной пользѣ Россіи — одинъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Темная партія сѣтьми опутываетъ государя. Добраго что-то не предвѣщаетъ настоящее. Тучки набѣгаютъ на ясное небо Россіи, а Муравьевъ съ Ростовцовымъ мѣтятъ въ Аракчеевы.

«У министра внутреннихъ дѣлъ былъ Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ; откланивался передъ отъѣздомъ въ Рязань на вице-губернаторство. Ланской говорилъ ему, между прочимъ, чтобы онъ былъ по осторожнѣе въ литературныхъ дѣлахъ, потому что Богъ знаетъ, съ которой стороны вѣтеръ подуетъ. Салтыковъ въ пріемной у министра мнѣ говорилъ, что «если будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ростовцовъ, намъ съ нимъ лафы не будетъ». Клингенбергъ, вновь назначенный губернаторомъ въ Рязань, прежде

---

[1]) Подобныя мнѣнія о князѣ Вас. А. Долгоруковѣ и Мих. Ник. Муравьевѣ, дѣйствительно, были распространены въ то время въ обществѣ, особенно въ той его части, которая нетерпѣливо ожидала рѣшенія крестьянскаго вопроса, такъ что Мельниковъ былъ только отголоскомъ этихъ мнѣній, но ихъ слѣдуетъ считать преувеличенными и не соотвѣтствующими истинѣ. Замѣчательно, что Мих. Ник. Муравьевъ, бывшій противникъ Я. И. Ростовцова въ реформѣ 19 февраля 1861 года, исправилъ ея недостатки относительно крестьянъ западнаго края, вкравшіеся вслѣдствіе искуснаго образа дѣйствія представителей польскихъ помѣщиковъ, когда самъ сдѣлался могущественнымъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ и увидѣлъ на дѣлѣ, на поселянахъ, послѣдствія ловкой польской интриги. У.

[2]) Гагаринъ былъ въ то время вліятельнымъ членомъ государственнаго совѣта, Муравьевъ министромъ государственныхъ имуществъ, Панинъ министромъ юстиціи, князь Долгоруковъ шефомъ жандармовъ, Ростовцовъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, Закревскій московскимъ генералъ-губернаторомъ. У.

[3]) Графъ Блудовъ возвратился изъ заграницы совершенно здоровымъ и послѣ князя Орлова былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. У.

былъ у насъ въ хозяйственномъ департаментѣ чиновникомъ особыхъ порученій, потомъ перешелъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и былъ протеже Ростовцова, который и сдѣлалъ его управляющимъ дѣлами совѣта военно-учебныхъ заведеній, далъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и каммергерскій ключъ въ какіе нибудь четыре года и наконецъ исходатайствовалъ у государя назначеніе его губернаторомъ, такъ что Ланской подавалъ о немъ всеподданнѣйшій докладъ по приказанію. Когда Клингенбергъ [1]) явился къ Іакову Ивановичу благодарить его, Ростовцовъ сказалъ, между прочимъ, «ну очень радъ, мой милый, что ты получилъ губернію; губернія прекрасная, близко отъ Москвы» и проч. и проч., «одно жаль, вице-губернатора къ тебѣ назначили какого! Пишетъ все это губернскіе очерки—человѣкъ безпокойный!» Это было еще великимъ постомъ, когда никакихъ слуховъ о назначеніи Ростовцова министромъ внутреннихъ дѣлъ еще не было и Клингенбергъ разсказалъ Салтыкову этотъ разговоръ. Ну, а уже я съ Салтыковымъ по одной дорожкѣ иду: что Щедрину, то и Печерскому. Гвоздевъ, горюя о Ланскомъ, когда мы до доклада сидѣли въ кабинетѣ его въ особенной канцеляріи, сказалъ мнѣ прямо, что если министромъ будетъ Ростовцовъ, то первый я улечу изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ростовцовъ другъ и пріятель съ Чевкинымъ и сынъ Чевкина у него адьютантомъ [2]), а Чевкинъ не можетъ мнѣ простить «Медвѣжьяго угла» [3]), а еще болѣе того, что онъ жаловался на меня государю и ничего изъ этого не вышло, а послѣ государь его же попрекнулъ, сказавъ: «вѣрно Мельниковъ лучше васъ знаетъ, что у васъ дѣлается». Это было еще въ декабрѣ 1857 года и Чевкинъ былъ двѣ недѣли послѣ того болѣнъ».

Далѣе 31-го марта П. И. Мельниковъ въ 1858 году не продолжалъ своего дневника; но мнѣ, изъ разныхъ источниковъ, извѣстны тогдашнія отношенія Я. И. Ростовцова.

Передъ кончиною императора Николая Павловича, въ февралѣ 1855 года, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ находился въ Тулѣ, гдѣ

---

[1]) Клингенбергъ велъ у Я. И. Ростовцова переписку съ высокопоставленными лицами и ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ во дворецъ въ дни всеподданнѣйшихъ докладовъ по дѣламъ военно-учебныхъ заведеній. Клингенбергъ читалъ эти доклады, между тѣмъ какъ императоръ съ Ростовцовымъ ходилъ по кабинету. У.

[2]) Это не вѣрно. Сынъ Чевкина не былъ адъютантомъ у Ростовцова, но послѣдній былъ въ дружбѣ съ Чевкинымъ, какъ своимъ товарищемъ по воспитанію. У.

[3]) Въ этой повѣсти Мельниковъ разсказалъ неблаговидныя продѣлки и способы личнаго обогащенія со стороны инженеровъ путей сообщенія въ Нижегородской губерніи. Для Чевкина это было непріятно еще и потому, что, при вступленіи своемъ въ главноуправляющіе путями сообщенія въ 1856 году, онъ говорилъ молодымъ офицерамъ своего вѣдомства, предупреждая ихъ отъ взятокъ отъ подрядчиковъ на казенныхъ работахъ, что онъ «надѣлъ мундиръ инженеровъ путей сообщенія съ цѣлію искоренить взяточничество въ этомъ вѣдомствѣ».

осматривалъ тамошній кадетскій корпусъ. Въ этомъ городѣ, 19-го февраля, онъ получилъ телеграмму отъ императора Александра Николаевича съ извѣстіемъ о кончинѣ Николая I и съ приглашеніемъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. Я. И. Ростовцовъ явился на призывъ и въ самое непродолжительное время сдѣлался вліятельнымъ человѣкомъ въ царствованіе новаго императора, приближеннымъ къ которому онъ уже былъ при Николаѣ I, по совмѣстному управленію военно-учебными заведеніями. Никто въ то время не ожидалъ подобнаго повышенія Я. И. Ростовцова. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]) я уже говорилъ, какъ Я. И. Ростовцовъ, въ октябрѣ 1855 года, зналъ уже о рѣшеніи прекратить войну съ англо-французами и о предстоящихъ предварительныхъ переговорахъ о мирѣ.

Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, назначенный въ коронацію, 26-го августа 1856 года, шефомъ жандармовъ, не смотря на свой новый важный постъ, чувствовалъ преобладающее вліяніе на дѣла Я. И. Ростовцова и неоднократно указывалъ на это обстоятельство лицамъ, которымъ онъ болѣе всего довѣрялъ. Незадолго передъ новымъ назначеніемъ своимъ, уволенный изъ военныхъ министровъ, князь Долгоруковъ считалъ себя тогда какъ бы въ опалѣ, не зналъ что дѣлать, а между тѣмъ, уже въ 1857 году, говоря, что Ростовцовъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и что въ этомъ званіи онъ возьметъ верхъ надъ нимъ, шефомъ жандармовъ, по своему личному вліянію, прибавлялъ: «или я, или онъ, кто нибудь долженъ уступить». Уже въ это время князь Долгоруковъ сталъ носиться съ проектомъ уничтоженія III Отдѣленія собственной канцеляріи, или сліянія его съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но при всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ получилъ въ отвѣтъ резолюцію, «что еще не время». Князь Орловъ, князь Меншиковъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, графъ Гурьевъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ и другія лица, со вліяніемъ въ предшествовавшее царствованіе, также съ неудовольствіемъ взирали въ то время на возроставшее значеніе генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцова. Многія изъ этихъ лицъ всѣми способами парализировали ходъ крестьянскаго дѣла, хотя бы только въ имущественныхъ цѣляхъ, состоя крупными помѣщиками и земельными собственниками. Но эта оппозиція не была дѣломъ небывалой политической партіи, какъ стараются нѣкоторые писатели выставить подобное сопротивленіе волѣ государя.

Между тѣмъ, императоръ Александръ Николаевичъ, отправившись въ продолжительное путешествіе по Россіи, взялъ съ собою князя Василія Андреевича Долгорукова, графа Александра Владиміровича Адлерберга, молодыхъ генераловъ и флигель-адъютантовъ своей свиты, но генералъ-адъютанта Ростовцова оставилъ въ Пе-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1882 года, февраль.

тербургѣ. Что произошло во время этой поѣздки—для сообщавшихъ мнѣ обо всемъ разсказываемомъ осталось неизвѣстнымъ, но только по возвращеніи императора въ Петербургъ, Я. И. Ростовцовъ замѣтилъ какъ бы охлажденіе къ нему государя. Это охлажденіе особенно выразилось на смотру военно-учебныхъ заведеній весною 1858 года. По настоятельному требованію врачей, Я. И. Ростовцовъ въ началѣ мая отправился заграницу. Во время его отсутствія происходилъ парадъ. Государь императоръ на немъ выразилъ рѣзко свое неудовольствіе во всѣхъ отношеніяхъ кадетскими корпусами. Никогда еще подобнаго неудовольствія не слыхали отъ государя. Очевидно было для всѣхъ, что положеніе Я. И. Ростовцова пошатнулось, хотя еще въ февралѣ 1858 года циркуляры къ губернаторамъ, по крестьянскому дѣлу, составленные по указаніямъ Ростовцова, его тогдашнимъ секретаремъ Ѳ. П. Еленевымъ, безъ всякихъ измѣненій подписывались С. С. Ланскимъ и разсылались по принадлежности. Такимъ образомъ, не будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Я. И. Ростовцовъ по крестьянскому дѣлу былъ уже въ то время полноправнымъ распорядителемъ въ этомъ вѣдомствѣ. Такая податливость и услужливость С. С. Ланскаго, не мѣшавшаго ходу крестьянскаго дѣла, а равно сближеніе Ростовцова съ Н. А. Милютинымъ, котораго онъ прежде чуждался, не вынуждали его искать поста министра внутреннихъ дѣлъ, хотя ранѣе 1858 года онъ высказывалъ своимъ приближеннымъ подобное желаніе. Изъ заграницы онъ началъ писать къ государю императору письма по крестьянскому вопросу. Письма эти были посланы изъ Вильдбада, отъ 17-го и 23-го августа, изъ Карлсруэ отъ 28-го августа и изъ Дрездена отъ 3-го сентября. Извлеченіе изъ этихъ всеподданнѣйшихъ писемъ было напечатано по высочайшему повелѣнію въ 1858 году для соображеній главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, но въ продажу не поступало. Главная сущность этихъ писемъ состояла: 1) въ необходимости дарованія крестьянамъ не одной усадьбы, но и земельнаго надѣла и 2) въ необходимости дарованія имъ земли не во временное пользованіе, но въ постоянное. Представившись императору, по возвращеніи изъ заграничнаго отпуска, въ Варшавѣ, Я. И. Ростовцовъ убѣдился, въ оказанномъ ему пріемѣ, что неблаговоленіе къ нему государя, высказанное на парадѣ весною, не прекратилось. «Мои противники достигли своей цѣли, сказалъ Я. И. Ростовцевъ по возвращеніи въ Петербургъ,—но я не боюсь интриги». Дѣйствительно, осенью же 1858 года къ Я. И. Ростовцову возвратилось благорасположеніе императора, видѣвшаго въ немъ незамѣнимаго сотрудника въ важной реформѣ. По разсказамъ Я. И. Ростовцова, письма его изъ заграницы были прочитаны императоромъ и императрицею, выразившими ему за нихъ свою благодарность. Послѣдствіемъ было назначеніе Ростовцова въ февралѣ 1859 года предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій, учрежден-

ныхъ для составленія положенія о крестьянахъ. Членомъ секретнаго комитета по улучшенію быта крестьянъ онъ состоялъ уже съ начала 1857 года.

Если уже въ 1857 году князь Долгоруковъ говорилъ про Я. И. Ростовцова, «или онъ, или я», намекая на ожиданіе видѣть въ немъ министра внутреннихъ дѣлъ, то понятно то волненіе, которое господствовало въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при подобныхъ слухахъ объ увольненіи С. С. Ланскаго, оставшагося однако на своемъ посту до пасхи 1861 года. Между тѣмъ и вліяніе князя В. А. Долгорукова, съ назначеніемъ его шефомъ жандармовъ, стало усиливаться, вслѣдствіе личнаго довѣрія къ нему императора. Оно не ослабѣло по самый выходъ князя изъ должности шефа жандармовъ, послѣ событія 4-го апрѣля 1866 года, когда онъ, не смотря на нежеланіе государя согласиться на его прошеніе объ увольненіи, сказалъ, что «не считаетъ себя достойнымъ занимать этотъ постъ, когда онъ не съумѣлъ охранить особу государя отъ покушенія Каракозова». Тогдашнее значеніе князя В. А. Долгорукова можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго мнѣ очевидцемъ. Для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета военнаго министра, генералъ-адъютанта Сухозанета, за 1856 годъ, была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, графа Гурьева, въ квартирѣ котораго, на Фонтанкѣ, у Аничкова моста, и происходили ея засѣданія. Членомъ этой коммиссіи былъ также и шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ. Однажды, во время занятій коммиссіи, князю Долгорукову доложили, что пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, и желаетъ его непремѣнно видѣть. — «Пусть подождетъ!» отвѣчалъ шефъ жандармовъ. Сужденія членовъ коммиссіи продолжались попрежнему и министру Ланскому пришлось прождать въ пріемной гостиной около четверти часа. Князь Долгоруковъ наконецъ вышелъ къ С. С. Ланскому и, переговоривъ съ нимъ, сказалъ, возвратившись въ комнату, гдѣ засѣдала коммиссія:

— Вотъ каковъ министръ внутреннихъ дѣлъ! вотъ зачѣмъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ!

Окáзалось, что, по какому-то возникшему между министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ дѣлу, С. С. Ланской привозилъ князю Долгорукову показать черновую заготовленнаго къ нему письма и спросить, можетъ ли онъ въ такой редакціи письма отвѣчать ему.

Я. И. Ростовцовъ скончался 6-го февраля 1860 года. Передъ скончавшимся своимъ подданнымъ, пожертвовавшимъ собою на великое дѣло освобожденія, императоръ Александръ Николаевичъ простоялъ болѣе получаса на колѣняхъ, заставивъ и другихъ присутствовавшихъ послѣдовать его примѣру.

Въ вышедшей вскорѣ послѣ его смерти книжкѣ «Отечественныхъ

Записокъ», въ самомъ началѣ ея, въ траурной каймѣ было напечатано извѣстіе о кончинѣ этого государственнаго человѣка, въ теплыхъ о немъ выраженіяхъ. Редакторъ журнала, А. А. Краевскій, былъ немедленно приглашенъ въ III Отдѣленіе собственной канцеляріи, гдѣ ему былъ сдѣланъ за черную кайму необыкновенно строгій выговоръ, необыкновенный по рѣзкимъ выраженіямъ, которыми онъ сопровождался. Мнѣ его передали вслѣдъ затѣмъ, «въ поученіе быть осторожнымъ самому», какъ редактору «Сѣверной Пчелы». А. А. Краевскій очень долго не могъ забыть выговора, полученнаго имъ за некрологъ Я. И. Ростовцова.

XIII.

«Русскій Дневникъ». — «Письма о расколѣ». — «Русская Правда и Польская Кривда».

Составивъ себѣ имя въ литературѣ своими беллетристическими произведеніями, историческими и статистическими трудами и пользуясь покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскаго, П. И. Мельниковъ легко выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на изданіе, съ 1859 года, ежедневной газеты, подъ названіемъ «Русскій Дневникъ». Въ то время, несмотря на облегченія въ цензурѣ, новыхъ ежедневныхъ газетъ еще не разрѣшали. Въ програму «Русскаго Дневника» вошли внутреннія извѣстія, науки и искусства, словесность и библіографическія извѣстія. Иностраннаго политическаго отдѣла не существовало въ новой газетѣ, что не мало способствовало ея неуспѣху; но этотъ отдѣлъ былъ особою привиллегіею нѣкоторыхъ тогдашнихъ газетъ, потому что просматривался цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ что, напримѣръ, даже «Московскія Вѣдомости» имѣли право заимствовать иностранныя политическія извѣстія только изъ петербургскихъ газетъ.

«Русскій Дневникъ» составлялъ собственность нѣсколькихъ лицъ а не одного Мельникова, который подписывался подъ газетою только «редакторомъ» ея, но не «издателемъ». Такъ какъ въ то время закономъ не требовалась, какъ нынѣ, обязательная подпись издателя или издателей, то они и оставались неизвѣстными. Мельниковъ принялъ на свою отвѣтственность только литературную часть газеты, что не воспрепятствовало ему, однако, при прекращеніи газеты, 5-го іюля 1859 года на № 141, взять на себя обязанность удовлетворить подписчиковъ тѣмъ или другимъ способомъ, за недоданные нумера годоваго изданія. Главнымъ помощникомъ Мельникова по изданію газеты былъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ, усидчивая, спокойная натура котораго уравновѣшивала недостатки нервной, порывистой работы Мельникова въ ежедневномъ изданіи. Въ

«Русскомъ Дневникѣ» появилось много интересныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ Россіи, много статей, разнообразныхъ свѣдѣній, часть которыхъ почерпалась изъ донесеній губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ, который разрѣшилъ Мельникову пользоваться этимъ матеріаломъ. Рядъ передовыхъ статей, за подписью П. М. (передовыя статьи въ «Русскомъ Дневникѣ» подписывались заглавными буквами фамилій ихъ авторовъ), принадлежалъ редактору газеты. Нѣкоторыя статьи газеты не нравились высшимъ административнымъ сферамъ, изъ которыхъ иныя непріязненно относились въ то время къ расширенію свободы печатнаго слова. Редактированіе газеты выдающимся чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ было причиною, что ее стали считать его органомъ. Вслѣдствіе того министру С. С. Ланскому приходилось выслушивать замѣчанія и неудовольствія на «Русскій Дневникъ», какъ бы виновнику или вдохновителю статей, появлявшихся въ немъ. Такое положеніе оказалось на столько непріятнымъ для С. С. Ланскаго, что онъ наконецъ призвалъ къ себѣ П. И. Мельникова и предложилъ ему на выборъ: или выйдти въ отставку изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и продолжать изданіе не въ качествѣ его чиновника, или прекратить «Русскій Дневникъ» и остаться въ такомъ случаѣ на государственной службѣ. Не имѣя состоянія, Мельниковъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, предпочелъ остаться на государственной службѣ, дававшей ему средства къ жизни. При недостаточномъ числѣ подписчиковъ, всего 1518, на полугодовое изданіе «Русскаго Дневника» не только были израсходованы всѣ деньги, собранныя съ подписчиковъ, но и затрачена была, сверхъ того, довольно значительная сумма. Такъ Мельниковъ получилъ въ ссуду изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ 3,000 р. на изданіе «Русскаго Дневника». По его прекращеніи, эту ссуду стали вычитать изъ скромнаго жалованья П. И. Мельникова, такъ что онъ былъ сильно стѣсненъ въ средствахъ къ жизни. Долгъ этотъ былъ ему прощенъ только въ послѣдствіи, благодаря ходатайству тогдашняго директора департамента общихъ дѣлъ, графа Петра Андреевича Шувалова.

Въ «Русскомъ Дневникѣ» стала появляться, за подписью Андрея Печерскаго, повѣсть «Заузольцы» [1]), которая послужила началомъ его романа «За Волгой» и «Въ Лѣсахъ». Всего напечатано было въ 1859 г. семь фельетоновъ о «Заузольцахъ». Въ «Заузольцахъ» Потапъ Максимовичъ Чапуринъ явился подъ именемъ Лукьяна Никитина, дочери его назывались Груша и Липа. Отца Алексѣя Лохматова звали въ этой повѣсти Пахомъ Ононкинъ. Многое изъ «Заузольцовъ» слово въ слово перешло въ романъ «Въ Лѣсахъ». Въ «Рус-

[1]) Т. е. живущіе за рѣкою Узолою, которая, протекая по заволжской части Балахнинскаго уѣзда, впадаетъ въ Волгу выше Балахны. Къ числу заузольцевъ П. И. Мельниковъ отнесъ жителей Балахнинскаго и Семеновскаго уѣздовъ.

скомъ же Дневникѣ» появился впервые разсказъ Андрея Печерскаго «На Станціи». Повѣсть свою «Заузольцы» П. И. Мельниковъ началъ подъ вліяніемъ неоднократно данныхъ ему совѣтовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскимъ, который, зная перо и обширныя свѣдѣнія Мельникова о русскомъ народѣ и его бытѣ, почти настоятельно убѣждалъ своего чиновника приступить къ его описанію съ наибольшими подробностями.

Во время изданія «Русскаго Дневника», у Мельникова произошло столкновеніе съ редакціею «Русскаго Вѣстника», вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства. Въ февралѣ 1859 года, послѣ запрещенія цензурою отдѣльнаго изданія «Разсказовъ Андрея Печерскаго», у книгопродавцевъ появились въ продажѣ «Старые Годы» и «Медвѣжій уголъ», вырѣзанными изъ «Русскаго Вѣстника» 1857 года и сброшированными въ особой оберткѣ. Оказалось, что редакція продала оставшіеся у ней неразошедшимися по подпискѣ 400 экземпляровъ «Русскаго Вѣстника» этого года, а книгопродавецъ Свѣшниковъ, пріобрѣтя ихъ, пустилъ въ продажу означенные разсказы по 1 р. с. за экземпляръ. Въ этомъ поступкѣ редакціи журнала не было ничего предосудительнаго, потому что она была въ правѣ располагать своимъ изданіемъ. Иначе посмотрѣлъ на эту продажу Мельниковъ и въ № 59 «Русскаго Дневника» напечаталъ за своею подписью слѣдующее заявленіе: «Хотя я и обѣщалъ редакціи «Русскаго Вѣстника» помѣстить въ этомъ журналѣ мой романъ «Свадьба уходомъ» и другія статьи, но, послѣ продажи г. Свѣшниковымъ моихъ сочиненій, не считаю себя обязаннымъ исполнить это обѣщаніе: названный романъ и другія статьи, назначенныя для «Русскаго Вѣстника», будутъ напечатаны, думаю, въ «Современникѣ», частію въ «Русскомъ Дневникѣ». Понятно, что для редакціи «Русскаго Вѣстника» разрывъ съ нею Мельникова былъ непріятенъ, и она желала примиренія. Такъ, въ январѣ 1860 года, одинъ литераторъ писалъ мнѣ изъ Москвы: «М. Н. Катковъ радъ возрожденію «Сѣверной Пчелы». Намѣренія его журнала къ вашей газетѣ очень дружественны. Желательно было бы, чтобы П. И. Мельниковъ послалъ въ «Русскій Вѣстникъ» хотя одну статью Печерскаго, въ знакъ прекращенія какихъ то недоразумѣній, мнѣ неизвѣстныхъ впрочемъ». Но первая статья Мельникова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась только въ концѣ 1862 года.

Для удовлетворенія подписчиковъ «Русскаго Дневника», за невысланные имъ нумера этой газеты, Мельниковъ, въ ноябрѣ 1859 года, принялъ мое предложеніе разослать имъ газету «Сѣверная Пчела», которая обновлялась, подъ моею редакціею, съ 1-го января 1860 года. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ принялъ дѣятельное участіе своими статьями въ моей газетѣ, которое продолжалось въ теченіе 1860, 1861 и 1862 годовъ. Это его участіе уже описано въ моихъ «Воспоминаніяхъ о Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ», по-

явившихся въ 1883 году въ «Новомъ Времени» [1]). Сверхъ многихъ статей разнообразнаго содержанія, Мельниковъ помѣстилъ въ эти годы въ «Сѣверной Пчелѣ»: разборъ «Грозы», Островскаго (№ 41 и № 42, 1860 г.), разсказы Андрея Печерскаго «У Макарья», (№ 144, 1860 г.) и «Въ Чудовѣ» (№ 30, 1862 г.), «Преданіе о судьбѣ Таракановой» (№ 39, 1860 г.) и наконецъ пять «Писемъ о расколѣ». Послѣднія появились безъ подписи автора, но его всѣ узнали немедленно по знанію предмета, по ясности, убѣдительности изложенія. Эти «Письма» были переверстаны изъ «Сѣверной Пчелы» въ особую брошюру и изданы въ числѣ 500 экземпляровъ. «Письма о расколѣ» были капитальнымъ даромъ Мельникова газетѣ. Мнѣ стоило двухлѣтнихъ усилій убѣдить П. И. Мельникова начать писать о расколѣ въ газетѣ. Онъ не рѣшался взяться за этотъ трудъ, и по своему служебному положенію, и изъ опасенія, что цензура не дозволитъ ему высказать свои взгляды ясно, откровенно, согласно его убѣжденію. По этому предмету у меня были продолжительные переговоры съ тогдашнимъ цензоромъ «Сѣверной Пчелы», Егоромъ Егоровичемъ Волковымъ, благоволившимъ къ моей газетѣ. «Письма о расколѣ» произвели сильное впечатлѣніе въ нашемъ духовномъ мірѣ. Вотъ что писалъ преосвященный Нектарій, епископъ нижегородскій, въ письмѣ къ П. И. Мельникову, изъ Нижняго, отъ 14-го мая 1862 года: «Примите мою живѣйшую благодарность за то величайшее утѣшеніе, которое доставили мнѣ «Письма о расколѣ» за вашимъ подписаніемъ и съ вашею надписью, свидѣтельствующею о вашемъ добромъ глубоко чувствуемомъ мною и высокоцѣнимомъ расположеніи ко мнѣ. Хотѣлъ я писать къ вамъ, достоуважаемый Павелъ Ивановичъ, не прежде, какъ по прочтеніи этихъ «Писемъ», но, къ сожалѣнію моему, дѣла, посѣтители, просители и служба дозволили мнѣ прочитать до сихъ поръ только три письма, а завтра отправляюсь обозрѣвать епархію, именно Горбатовскій уѣздъ, гдѣ особенно силенъ расколъ, и беру съ собою «Письма» ваши. Впрочемъ не только изъ трехъ писемъ, но и изъ первыхъ строкъ видно, что малъ золотникъ да дорогъ. Видно и то, что вы умѣли задобрить цензора... Въ самомъ дѣлѣ, есть очень, очень смѣлыя выраженія и предположенія».

Начавъ свои «Письма о расколѣ», П. И. Мельниковъ задался идеею представить историческій очеркъ каждаго религіознаго разномыслія, его догматику, обрядность. Въ послѣднемъ, пятомъ, письмѣ онъ обѣщалъ продолженіе своего труда, но оно не появилось въ «Сѣверной Пчелѣ». Онъ не хотѣлъ браться за анализъ раскола, говоря, что для того не наступило еще время, и что прежде всего необходимо сообщить о немъ факты и факты, которыхъ собрано имъ много. Они и стали появляться, съ 1863 года, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ разными заглавіями: «Старообрядческіе архіереи»,

---

[1]) См. № 2528 и 2537.

(№ 4—6 1863 г.), «Историческіе очерки поповщины» (№ 5 1864 г., № 5 и 9 1866 г., № 2 1867 г. «Русскаго Вѣстника»), «Счисленіе раскольниковъ» (№ 2 «Русскаго Вѣстника» 1868 г.), «Тайныя секты» (№ 5 1868 г.), «Бѣлые голуби, разсказы о скопцахъ и хлыстахъ» («Русскій Вѣстникъ» № 3 и 5 1869 г.).

Появившееся въ то время въ нашей литературѣ мнѣніе, первоначально, впрочемъ, высказанное нѣкоторыми представителями нашей іерархіи, будто бы расколъ составляетъ готовую почву для переворота, зараженъ демократическими поползновеніями, а потому и имѣетъ не только церковное, но и политическое значеніе, заставило П. И. Мельникова, въ № 142 «Сѣверной Пчелы» 1862 года, напечатать особое заявленіе о его взглядѣ на расколъ. Въ немъ онъ объявилъ, что въ его «Письмахъ о расколѣ» имъ проведена была слѣдующая мысль: «Раскольники не заключали и не заключаютъ въ себѣ ничего опаснаго для государства и общественнаго благоустройства: двухсотлѣтнее преслѣдованіе ихъ и ограниченіе въ гражданскихъ правахъ поэтому было совершенно излишне и даже вредно, и раскольники вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами». Далѣе: «Я самъ прежде смотрѣлъ на расколъ такъ же, какъ и другіе авторы; но, занимаясь изученіемъ его не со вчерашняго дня, пришелъ къ убѣжденію, что раскольники вовсе не заключаютъ въ себѣ тѣхъ элементовъ, за мнимое присутствіе которыхъ они два вѣка подвергались то преслѣдованіямъ, то ограниченіямъ гражданскихъ правъ. Вѣроятно, вамъ желательно, чтобы я объ этомъ предметѣ говорилъ противное: чтобы я говорилъ, что расколъ заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, за подозрѣніе которыхъ преслѣдовали его послѣдователей. Не буду. Потому не буду, что это было бы ложно, и по отношенію къ раскольникамъ крайнею несправедливостью и даже клеветою. Конечно можно сдѣлать и доказать, напримѣръ, что въ раскольникахъ есть присутствіе демократизма. Чего нельзя доказать? Нужна только извѣстная ловкость. Для этого надобно лишь искажать, изъ любви къ искусству, историческіе факты; переносить ихъ изъ столѣтія въ столѣтіе; изъ оффиціальныхъ актовъ и раскольничьихъ сочиненій выдергивать нужные клочки, не вставлять тѣхъ, которые ослабляютъ или вовсе уничтожаютъ мысль, высказанную въ этихъ клочкахъ; кое-гдѣ присочинить, кое-что не договорить, кое о чемъ вовсе умолчать; но не думаю, чтобы въ такомъ сочиненіи могла быть правда. Цѣль оправдываетъ средства, но какова бы цѣль ни была, дѣло все-таки будетъ не хорошо, если въ основаніе его положена ложь. Притомъ же это правило старое; оно уже сильно поизносилось еще отцами іезуитами, которыхъ, кажется, нельзя заподозрить въ политической честности» [1]).

---

[1]) Этотъ взглядъ на раскольниковъ былъ высказанъ Мельниковымъ не въ

Политическія событія 1863 года доказали вѣрность взгляда П. И. Мельникова на раскольниковъ, когда не только русскіе старообрядцы, но даже и турецкіе (некрасовцы), подъускиваемые поляками, отказались дѣйствовать за одно съ врагами русскаго царя.

Въ то время, когда П. И. Мельниковъ принадлежалъ къ числу главныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», онъ получилъ, въ августѣ 1861 года, приглашеніе отъ попечителя покойнаго цесаревича великаго князя Николая Александровича, генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строганова, прибыть въ Нижній-Новгородъ для руководства его императорскаго высочества при обзорѣ нижегородской ярмарки и затѣмъ сопровождалъ цесаревича въ Казань и обратно въ Нижній. Эта поѣздка, по словамъ П. И. Мельникова, имѣла вліяніе на появленіе впослѣдствіи его художественныхъ произведеній «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Во время поѣздки по Волгѣ на пароходѣ, Мельниковъ передавалъ цесаревичу разныя сказанія о тѣхъ мѣстахъ нагорнаго и луговаго береговъ рѣки, мимо которыхъ они плыли. Цесаревичъ, любившій преданія, повѣрья, сказанія про русскій народный бытъ, съ интересомъ внималъ рѣчи талантливаго разсказчика. Когда около Лыскова, Мельниковъ распространился о жизни народа за Волгою, о' тамошнихъ скитахъ, лѣсахъ и промыслахъ, цесаревичъ сказалъ:

— Чтобы вамъ, Павелъ Ивановичъ, все это написать; изобразить повѣрья, преданія, весь бытъ заволжскаго народа.

Когда Мельниковъ сталъ уклоняться отъ подобнаго труда, отговариваясь неимѣніемъ времени при служебныхъ занятіяхъ, цесаревичъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, непремѣнно напишите. Я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ «въ лѣсахъ» за Волгою.

Преждевременная кончина цесаревича Николая Александровича и присутствіе на его погребеніи въ Петропавловской крѣпости П. И. Мельникова не только воскресили въ его памяти разговоръ 1861 года на пароходѣ подъ Лысковомъ, но и побудили его приняться за осуществленіе мысли, данной ему покойнымъ великимъ княземъ.

Между тѣмъ въ служебной карьерѣ Павла Ивановича Мельникова произошла невыгодная для него перемѣна. Въ 1861 году, на мѣсто С. С. Ланскаго, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. А. Валуевъ. Вмѣсто прежняго благосклоннаго вниманія, которое ему оказывали предшествовавшіе три министра, къ Мельникову почувствовали какое-то нерасположеніе. Вмѣсто прежняго довѣрія къ его знаніямъ, опытности, къ его умѣнью исполнять са-

---

его «Письмахъ о расколѣ», какъ утверждаетъ Д. И. Иловайскій, въ своей статьѣ «П. И. Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность» («Русскій Архивъ» 1875 г., стр. 83), а въ отдѣльной статьѣ, въ полемическомъ отвѣтѣ автору внутренняго обозрѣнія въ «Современникѣ».

мыя трудныя административныя порученія, новый министръ сталъ пренебрегать своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, держать его, что называется, въ «черномъ тѣлѣ». Такое обхожденіе сильно огорчало Мельникова, дорожившаго коронною службою, какъ единственнымъ вѣрнымъ источникомъ содержанія его семьи и ея обезпеченія въ будущемъ. Почти двадцатипятилѣтняя служба давала ему основаніе надѣяться, что и онъ имѣетъ право на занятіе болѣе обезпеченной должности, чѣмъ постъ чиновника особыхъ порученій, благосостояніе котораго зависѣло отъ командировокъ, дополнявшихъ его скудный бюджетъ.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе издавать, съ 1-го января 1862 г., ежедневную газету «Сѣверная Почта», вмѣсто прежняго ежемѣсячнаго «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Редакторомъ новаго органа своего министерства, П. А. Валуевъ избралъ не изъ служащихъ въ своемъ вѣдомствѣ, а профессора и академика А. В. Никитенко. Выборъ этотъ оказался неудачнымъ. Не такое лицо нужно было П. А. Валуеву, желавшему сдѣлать свою газету первенствующимъ органомъ въ нашей печати. П. И. Мельниковъ надѣялся, что выборъ падетъ на него, какъ на извѣстнаго литератора; но на мѣсто А. В. Никитенко редакторомъ «Сѣверной Почты» назначенъ былъ также талантливый беллетристъ И. А. Гончаровъ. Мельникову было предложено сотрудничать въ газетѣ его министерства, но онъ уклонился, потому что для его самолюбія было обидно, что ему предоставляютъ второстепенное мѣсто, когда онъ могъ бы съ пользою исполнять обязанности главнаго редактора. Это уклоненіе Мельникова было одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія къ нему новаго министра. П. А. Валуевъ говорилъ, что если «его чиновникъ умѣетъ писать статьи для другихъ газетъ, то долженъ умѣть ихъ писать и для «Сѣверной Почты».

Разгорѣвшійся польскій вопросъ заставилъ, однако, министра обратить вниманіе на П. И. Мельникова. Въ 1863 году, по видамъ правительства, найдено было необходимымъ написать изложеніе тогдашнихъ польскихъ событій, которое легко было бы усвоено народомъ. Составленіе подобнаго сочиненія поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ П. И. Мельникову. Онъ написалъ «Письмо къ православнымъ христіанамъ», которое при слѣдующей докладной запискѣ представилъ, 11-го іюля 1863 года, Петру Александровичу Валуеву: «Въ виду настоящихъ политическихъ событій, сопровождаемыхъ попытками враговъ Россіи, посредствомъ распространенія прокламацій и фальшивыхъ манифестовъ, вовлечь крестьянъ въ безпорядки и тѣмъ произвести внутреннія замѣшательства въ Великой Россіи, ваше превосходительство изволили поручить мнѣ написать брошюру для крестьянъ, которая служила бы пропагандою противъ возмутительной пропаганды.

«Представляя присемъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства «Письмо къ православнымъ христіанамъ», долгомъ поставляю покорнѣйше просить взглянуть на него не болѣе, какъ на образецъ и быть самымъ строгимъ судьею. По крайнему моему разумѣнію, все, что писано въ этомъ письмѣ, полезно при настоящихъ обстоятельствахъ распространить въ народѣ, но до какой степени сообразно оно съ высшими видами и намѣреніями правительства, я не знаю. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обращеніе къ народной массѣ въ столь знаменательную историческую минуту, какова настоящая, самолюбіе всякаго автора, если онъ истинно русскій, должно умолкнуть. Вполнѣ сознавая это, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство не оставить меня своимъ руководствомъ и наставленіями и смотрѣть на меня, не какъ на литератора, имѣющаго нѣкоторую извѣстность, а какъ на ученика.

«Относительно изложенія дозволяю себѣ представить нѣсколько соображеній. Большинство нашихъ писателей, обращаясь къ простонародью, или говорятъ съ нимъ, какъ съ дѣтьми, или до приторности наполняютъ рѣчь свою разнаго рода прибаутками. Мнѣ кажется, что ни то, ни другое никуда не годится. До какой бы степени ни былъ не развитъ русскій народъ (а онъ вовсе не до того не развитъ, какъ обыкновенно думаютъ, но лишь имѣетъ своеобразное міросозерцаніе), во всякомъ случаѣ обращаться къ нему какъ къ ребенку нельзя. Вѣдь этому ребенку тысяча лѣтъ. Такой тонъ для него оскорбителенъ и довѣрія внушить не можетъ; сочиненій, въ родѣ дѣтскихъ книжекъ, онъ не любитъ и даже смѣется надъ ними. На сочиненія же, приправленныя не въ мѣру и некстати прибаутками, смотритъ, какъ на скоморошество. Такою рѣчью можно потѣшить молодежь деревенскую, но ничего серьезнаго ею достигнуть невозможно. Современники московскаго раззоренья утверждаютъ, что самыя растопчинскія афишки нравились только гулякамъ и пьяной толпѣ; люди же болѣе серьезные изъ московскаго простонародья, особенно старообрядцы, смотрѣли на нихъ весьма неблагосклонно. Мнѣ кажется, что въ сочиненіяхъ, обращаемыхъ къ народу, особенно въ важные историческіе моменты, должно говорить серьезно и съ достоинствомъ, говорить тѣми своеобразными оборотами рѣчи, тѣми выраженіями, которыя, въ теченіе столѣтій, народъ выработалъ изъ чтенія книгъ церковныхъ, изъ былинъ и сказаній, изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ; это тѣ обороты рѣчи, тѣ выраженія, которыя недоступны для изученія въ аудиторіяхъ и кабинетахъ, но которыя могутъ быть усвоиваемы образованнымъ человѣкомъ не иначе, какъ посредствомъ долгаго и близкаго знакомства съ простонародьемъ, сопровождаемаго изученіемъ церковной литературы, лѣтописныхъ сказаній и изустныхъ былинъ и преданій.

«На сколько могъ, я старался говорить такимъ языкомъ, и въ основу «Письма» положилъ религіозное чувство народа и преданность его царю.

«Затѣмъ дозволяю себѣ войдти въ нѣкоторыя соображенія относительно распространенія представленнаго «Письма», если ваше превосходительство изволите найдти его достигающимъ предначертанной вами цѣли.

«Я полагалъ бы напечатать его въ Москвѣ и назвать «Письмомъ изъ Москвы». Простонародье имѣетъ къ Москвѣ благоговѣйное уваженіе, какимъ Петербургъ не пользуется. Москва и Кіевъ города святые, по понятіямъ народа. Въ то время, когда народный духъ возбужденъ, когда по сельщинѣ и деревеньщинѣ раздаются, какъ теперь, старинные наши голоса: «за домъ пресвятой Богородицы и за православнаго царя!» съ народомъ удобнѣе говорить изъ Кремля, чѣмъ съ Невскаго проспекта. Петербургъ имѣетъ высокій правительственный авторитетъ въ глазахъ народа, основанный на томъ, что государь императоръ имѣетъ въ немъ постоянное пребываніе. Москва же имѣетъ авторитетъ религіозный и народный, не будучи лишена и царственнаго авторитета. Кореннымъ царскимъ городомъ народъ все-таки считаетъ Москву.

«Если ваше превосходительство изволите признать мысль о напечатаніи «Письма» въ Москвѣ основательною, то я охотно принялъ бы на себя распоряженія и самый надзоръ за печатаніемъ, предварительно посовѣтовавшись съ московскими литераторами, знающими русскій народъ лучше, чѣмъ петербургскіе, и принимающими близко и горячо совершающіяся событія къ своему русскому сердцу.

«Полагаю, что брошюру непремѣнно надо продавать, хотя за самую ничтожную плату. Безплатная раздача сильно можетъ повредить успѣху дѣла. Чтобы брошюра получила болѣе сочувствія въ народѣ, слѣдовало бы ее продавать, напримѣръ, въ пользу семействъ тѣхъ солдатъ и крестьянъ, которые убиты польскими мятежниками, что и напечатать на оберткѣ. Распространять ее надо преимущественно изъ Москвы и съ нижегородской ярмарки, посредствомъ офеней или кустарниковъ. Если угодно будетъ вашему превосходительству, то, имѣя довольно значительное знакомство съ торговцами нижегородской ярмарки, я съ полною готовностью принялъ бы на себя распространеніе брошюры на этомъ всероссійскомъ народномъ съѣздѣ.

«Настоящія событія, теперешнее положеніе дѣлъ таковы, что и не посвященному въ государственныя тайны и высшія соображенія правительства, безошибочно можно сказать, что одинъ Богъ знаетъ, что предстоитъ намъ въ близкомъ будущемъ. Если потребуется перо для народа и если ваше превосходительство признаете, что я могу владѣть имъ, то не оставьте меня своею начальниче-

скою милостью: доставьте мнѣ и впередъ, если то нужно будетъ, возможность сослужить посильную службу всемилостивѣйшему государю моему и русскому народу, къ которому принадлежу по праву рожденія, по вѣрѣ и по воспитанію».

На этой запискѣ сохранилась слѣдующая надпись ея автора: «Записка Мельникова, представленная министру Валуеву (тогда еще тайному совѣтнику). Вслѣдствіе этой записки, на отпущенныя изъ казны деньги, напечатано 40,000 экземпляровъ брошюры «О русской правдѣ и польской кривдѣ» въ Москвѣ, въ типографіи Каткова и Комп. Посредствомъ офеней распродана вся мѣсяцевъ въ пять или въ шесть. Продавалась (четыре листа печатныхъ) по 6 коп.».

Желаніе Мельникова было исполнено. Онъ отправился въ Москву и на нижегородскую ярмарку, причемъ ему поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ тогдашнее смутное время ознакомиться съ настроеніемъ общества и народа въ Россіи, для чего ярмарка представляла наиболѣе удобное время. Мельниковъ 18-го іюля отправился въ Москву. Тамъ его брошюра, вмѣсто своего прежняго заглавія «Письмо къ православнымъ христіанамъ», получила другое заглавіе: «О русской правдѣ и польской кривдѣ». М. Н. Катковъ, въ виду патріотической цѣли брошюры, согласился напечатать ее по такой дешевой цѣнѣ, что сдѣлалось возможнымъ пустить ее въ продажу по 6 коп. за экземпляръ. Даль и Погодинъ, съ которыми совѣтовался Мельниковъ, настаивали напечатать не 40,000, а 100,000 экземпляровъ, но такое количество, вѣроятно, не разошлось бы въ народѣ въ теченіе и всего года. Брошюра одобрена была къ печати цензурою 25-го іюля и заключала въ себѣ 56 страницъ. Она была «писана добрымъ православнымъ христіанамъ изъ царствующаго града Москвы» и т. д., какъ было сказано въ заголовкѣ и начиналась слѣдующимъ образомъ:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Аминь.

Православные христіане!»

На первой страницѣ былъ приведенъ стихъ изъ Голубиной Книги о томъ, что правда сходилась съ кривдою, что правда преодолѣла кривду, и правда пошла на небо къ самому Христу, Царю Небесному, а кривда осталась на сырой землѣ и пошла по сырой землѣ, по всѣмъ четыремъ по сторонушкамъ. Кто станетъ жить у насъ съ правдою, тотъ наслѣдуетъ царство небесное, а кто станетъ жить съ кривдою, тотъ обреченъ будетъ на муки вѣчныя. Вообще вся брошюра «О русской правдѣ и польской кривдѣ» отличалась своеобразными особенностями, указывавшими на умѣнье ея автора удовлетворить требованіямъ русскаго простолюдина, предъявляемымъ имъ къ наиболѣе излюбленнымъ имъ произведеніямъ печати. Брошюра заканчивалась текстомъ молитвы изъ рукописи XVI сто-

лѣтія и молитвами: «Спаси, Господи, люди твоя» и «Вѣруемъ и исповѣдуемъ».

Если бы напечатать коллекцію частныхъ писемъ, посланныхъ Мельниковымъ министру внутреннихъ дѣлъ въ іюлѣ и августѣ 1863 года, то она представила бы интересную картину настроенія московской печати вообще, дворянства, купечества, народа въ эпоху польской смуты, въ первые годы крестьянской реформы, эпохи неудовольствія на мировыхъ посредниковъ, введенія уставныхъ грамать, вслѣдъ за неудавшеюся попыткою размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, разныхъ толковъ въ торговомъ сословіи по поводу начинавшаго установлять оные порядки новаго министра финансовъ и т. д. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ П. И. Мельникова не оказалось ни черновыхъ этихъ писемъ, ни вообще какихъ либо замѣтокъ его объ этой эпохѣ, когда общество, публика, народъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ были въ крайне враждебномъ настроеніи ко всѣмъ посягательствамъ на цѣлость и достоинство Россіи.

XIV.

Редакторъ «Сѣверной Почты» Д. И. Каменскій.—Мельниковъ редакторъ ея внутренняго отдѣла. — Редактированіе этой газеты П. А. Валуевымъ. — Новая записка Мельникова по расколу. — Столкновеніе его съ генералъ-губернаторомъ Огаревымъ.

Не прошло и трехъ лѣтъ со дня появленія «Сѣверной Почты», а министру внутреннихъ дѣлъ приходилось искать для своей газеты третьяго редактора. Первые два не удовлетворили тѣмъ условіямъ, которыя онъ желалъ найдти въ подобномъ лицѣ. П. И. Мельниковъ, какъ извѣстный уже литераторъ, какъ чиновникъ исполнявшій разнообразныя порученія своего министра, между прочимъ и по составленію подобной брошюры, каковою явилась «Русская правда и польская кривда», полагалъ, что онъ имѣетъ право быть редакторомъ «Сѣверной Почты». Таково было и мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ со вліяніемъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, говорившихъ въ пользу Мельникова Петру Александровичу Валуеву, но не таково было желаніе послѣдняго. Редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ, на мѣсто И. А. Гончарова, Дмитрій Ивановичъ Каменскій, сотрудничавшій передъ тѣмъ въ газетѣ «Голосъ» и въ «Современной Лѣтописи», прибавленіи къ «Русскому Вѣстнику» и, послѣ преобразованія «Сѣверной Почты» въ «Правительственный Вѣстникъ» при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантѣ А. Е. Тимашевѣ, назначенный членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. П. И. Мельникову предложено было быть помощникомъ редактора «Сѣверной

Почты». Онъ отказался отъ этой обязанности, потому что считалъ за собою болѣе Д. И. Каменскаго правъ быть редакторомъ органа своего министерства. Сверхъ того, многимъ было извѣстно, что Д. И. Каменскій не питалъ особаго расположенія къ П. И. Мельникову, хотя оба они сходились въ своихъ чувствахъ расположенія и привязанности къ М. Н. Каткову. Полагаю, что и П. И. Мельниковъ догадывался о нерасположеніи къ нему Д. И. Каменскаго. Но такъ какъ П. А. Валуевъ настаивалъ на сотрудничествѣ Мельникова въ «Сѣверной Почтѣ» и выражалъ неудовольствіе на участіе его въ другихъ частныхъ періодическихъ изданіяхъ, то, въ видахъ сохраненія за собою положенія въ администраціи и тѣхъ преимуществъ, которыя пріобрѣтены были слишкомъ двадцатипятилѣтнею службою, Мельниковъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, согласился быть редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Сѣверной Почтѣ», самостоятельнымъ, отвѣтственнымъ. Естественно, что подобное его положеніе въ редакціи не могло нравиться главному редактору газеты, Д. И. Каменскому.

П. И. Мельниковъ представилъ своему министру пространную программу для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», какъ онъ предполагалъ бы вести его. Самой программы въ бумагахъ Мельникова не оказалось, но я нашелъ критическій разборъ ея, сдѣланный министромъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ замѣчаній послѣдняго, въ большинствѣ основательныхъ и вѣрныхъ, видно, какъ П. А. Валуевъ смотрѣлъ, со своей точки зрѣнія, на оффиціальный органъ и чего онъ для него требовалъ отъ его редакторовъ.

На слова программы: «Полная, по возможности, лѣтопись дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ во внутреннемъ отдѣлѣ «Сѣверной Почты», — министръ замѣтилъ: «можно, но вовсе не главная цѣль. Министерство издаетъ «Сѣверную Почту», но не для себя, въ видахъ самописанія. Полная лѣтопись большею частію скучная лѣтопись. Министерство должно имѣть въ виду пріобрѣтать нравственное вліяніе и силу. Слѣдовательно въ лѣтопись должно входить преимущественно то, что способствуетъ къ этому пріобрѣтенію».

На слова программы, что «внутреннія извѣстія «Сѣверной Почты» должны быть, сколь возможно, полны и свѣжи», министръ возразилъ, что «это точка зрѣнія всякой вообще газеты и что извѣстія «Сѣверной Почты» должны быть: своевременны, точны, разборчивы».

П. И. Мельниковъ полагалъ, что «выборъ статей «Сѣверной Почты» согласуется со взглядомъ и цѣлями министерства», противъ чего П. А. Валуевъ коротко написалъ: «конечно».

Относительно руководящихъ статей министръ замѣтилъ: «совершенно такъ». Касательно словъ программы, что «мелкія извѣстія заимствуются «Сѣверною Почтою» изъ другихъ газетъ», П. А. Ва-

луевъ возразилъ, что «ихъ вообще слѣдуетъ весьма мало заимствовать».

На предположеніе П. И. Мельникова, что «фельетонъ вообще исключается изъ «Сѣверной Почты», какъ газеты серіозной и оффиціальной» послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ министра: «конечно; но, устраняя всякій юмористическій, литературный или до ежедневной жизни относящійся фельетонъ, нѣтъ однако же повода отказываться отъ подстрочнаго (т. е. на мѣстѣ фельетона) помѣщенія отдѣльныхъ статей библіографическаго, научнаго и тому подобнаго содержанія».

Слова програмы, что «Сѣверная Почта» не проходитъ молчаніемъ замѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ и вообще въ литературѣ», министръ замѣтилъ, что «все это большею частію относится не только до внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», но и до иностраннаго».

Предположенія о сношеніяхъ редактора внутренняго отдѣла съ учеными, художниками и литераторами вызвали слѣдующій отвѣтъ министра: «Все это вообще правильно; но случаи примѣненія неизбѣжно будутъ рѣдки. Съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду то, что встрѣчается или встрѣтится часто».

Въ программѣ Мельникова были выяснены отношенія редактора внутренняго отдѣла къ главному редактору. Это обстоятельство дало поводъ П. А. Валуеву высказать слѣдующее: «Обо всемъ этомъ я нѣсколько сожалѣю, какъ о признакѣ опасеній, которыхъ я не желалъ бы встрѣчать. Замѣчательно, что у насъ вообще предусматриваются такого рода препятствія и затрудненія, которыя имѣютъ личный характеръ, и предусматриваются какъ нѣчто, могущее повторяться часто, между тѣмъ какъ подобные случаи могутъ бывать только рѣдко. Полезнѣе обождать подобнаго случая въ конкретной формѣ».

На слова Мельникова о «необходимости извлеченія секретаремъ при директорѣ департамента общихъ дѣлъ министерства для «Сѣверной Почты» свѣдѣній изъ входящихъ бумагъ всего министерства», П. А. Валуевъ съ своей стороны замѣтилъ: «все это можетъ быть исполнено съ тѣмъ, чтобы не задерживать теченіе входящихъ бумагъ; но, повторяю, что свѣжести и полноти свѣдѣній приписывается преувеличенное значеніе. Это видно, напримѣръ, изъ того, что говорится о всѣхъ бумагахъ, а въ сущности думается о донесеніяхъ о происшествіяхъ и о какихъ либо особыхъ административныхъ распоряженіяхъ или событіяхъ, напримѣръ, открытіи земскихъ и дворянскихъ собраній, учрежденіи банковъ, устройствѣ путей сообщенія и т. п.».

Въ программѣ было также сказано, что «статьи, составленныя въ департаментахъ министерства внутреннихъ дѣлъ по относящимся до нихъ предметамъ, поступаютъ на окончательное разсмотрѣніе

редактора внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты». На это министръ возразилъ: «Здѣсь есть оттѣнокъ. Если статья составлена по распоряженію директора департамента, то помѣщеніе ея не можетъ зависѣть отъ редакціи. «Сѣверная Почта» обязана помѣщать то, что министерству нужно и молчать о томъ, что для него неудобно. Въ случаѣ разногласія слѣдуетъ спрашивать министра».

Мельниковъ писалъ въ программѣ, что въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщаются отчеты губернаторовъ, врачебныхъ управъ и другихъ мѣстъ». П. А. Валуевъ замѣтилъ на это: «всякое извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ можетъ быть печатаемо не иначе, какъ по прочтеніи въ корректурѣ министромъ».

На желаніе Мельникова, чтобы «въ распоряженіи редактора внутренняго отдѣла находился особый писарь», министръ написалъ, что «вопросъ объ одномъ писцѣ есть вопросъ совершенно второстепенный».

Касательно «способа выборки изъ газетъ текущихъ новостей», предложеннаго Мельниковымъ, министръ замѣтилъ, что «здѣсь я не встрѣчаю повода ближе всматриваться въ дѣло, предоставляя способъ разрѣшенія взаимному согласію главнаго редактора и завѣдующаго внутреннимъ отдѣломъ».

На предложеніе Мельникова имѣть корреспондентовъ для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», по одному въ губерніи, П. А. Валуевъ написалъ слѣдующую резолюцію: «Развѣ для того, чтобы не печатать ихъ корреспонденцій? Здѣсь снова примѣръ радикальнаго различія съ моимъ взглядомъ. «Сѣверная Почта» не можетъ быть ведена въ перегонку съ «Голосомъ» или съ «Московскими Вѣдомостями». Она не можетъ печатать 99/100 частныхъ корреспонденцій, потому что въ нихъ непремѣнно затрогиваются дѣла самаго министерства или другихъ министерствъ. Если у насъ нѣтъ фельетонистовъ, то у насъ еще менѣе корреспондентовъ. «Московскія Вѣдомости» тому доказательствомъ. Частные корреспонденты, кромѣ научныхъ предметовъ, у насъ для «Сѣверной Почты» траченыя деньги. Министерство должно настоять на томъ, чтобы губернскія вѣдомости доставляли нужные обиходные матеріалы, и чтобы необходимые для того доставлялись самими губернаторами».

Что касается до «расходовъ на устройство внутренняго отдѣла», то министръ замѣтилъ убѣдительно: «предоставляю себѣ распорядиться впослѣдствіи».

Вполнѣ самостоятельнымъ, какъ бы независимымъ отъ главнаго редактора, редакторомъ внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты» П. И. Мельникову не удалось сдѣлаться. Сверхъ понятнаго желанія Д. И. Каменскаго быть самому на первомъ планѣ, требованія П. А. Валуева, предъявляемыя имъ къ лицамъ, которыя становились во главѣ редакціи его органа, были иногда до тонкости неуловимы. П. А. Валуевъ, вступивъ, въ апрѣлѣ 1861

года, въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сейчасъ же обратилъ вниманіе на значеніе печати и познакомился съ тѣми редакторами главныхъ газетъ, которыхъ онъ до того не зналъ. Желаніе его быть руководителемъ тогдашней печати выразилось въ созданіи «Сѣверной Почты». Его «министерство должно было имѣть въ виду пріобрѣтать нравственное вліяніе и силу» при посредствѣ такой газеты. Оно несомнѣнно и пріобрѣло бы ихъ, если бы П. А. Валуеву возможно было, оставаясь министромъ внутреннихъ дѣлъ, найдти время на то, чтобы въ то же время быть дѣятельнымъ редакторомъ своей газеты. Онъ впрочемъ былъ имъ въ дѣйствительности, на сколько ему позволяли его многочисленныя административныя обязанности. П. А. Валуевъ прочитывалъ статьи въ корректурахъ, исправлялъ ихъ, передѣлывалъ до того, что иныя являлись, въ слѣдствіе подобной редакціи, самостоятельными его произведеніями; дѣлалъ указанія на то, чего не слѣдовало помѣщать въ газетѣ, сообщалъ, какъ слѣдуетъ относиться къ извѣстному общественному явленію, событію и проч. Административный тактъ, какъ бы опредѣленная, намѣченная программа дѣйствія, желаніе тонкими штрихами отдѣлываться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе накладывали на картину слишкомъ густую тѣнь, проглядывали во всѣхъ замѣткахъ П. А. Валуева и въ исправленіяхъ имъ статей. Онъ руководствовался, можно сказать, въ этомъ отношеніи французскою поговоркою, que le ton fait la musique. Но весьма немногіе изъ редакторовъ и сотрудниковъ, которыхъ П. А. Валуевъ приглашалъ или допускалъ для своего органа, удовлетворяли его требованіямъ или желаніямъ. П. А. Валуеву необходимо было найдти для «Сѣверной Почты» другаго себя, съ его познаніями, перомъ и, важнѣе всего, съ его тактомъ и тономъ, — и онъ не находилъ подобнаго лица. Болѣе другихъ подошелъ къ его образцу Д. И. Каменскій и онъ долѣе первыхъ двухъ своихъ предшественниковъ остался редакторомъ «Сѣверной Почты». Можетъ быть, П. А. Валуеву прискучило уже отыскиваніе «идеальнаго» редактора, и онъ сталъ удовлетворяться Д. И. Каменскимъ; можетъ быть, упроченію послѣдняго способствовало и то обстоятельство, что онъ ежедневно, по нѣсколько разъ, письменно или словесно испрашивалъ у министра указаній, приказаній, распоряженій, посылалъ ему въ корректурныхъ листахъ статьи, каждое самостоятельное извѣстіе, каждый фактъ, наводившій главнаго редактора на сомнѣніе.

П. И. Мельниковъ сталъ писать руководящія или передовыя статьи для «Сѣверной Почты», относившіяся до порученнаго ему внутренняго отдѣла. Въ бумагахъ его я нашелъ двѣ его статьи въ корректурныхъ листахъ, бывшія на разсмотрѣніи П. А. Валуева. Обѣ статьи касались до состоянія хлѣбныхъ полей и видовъ на урожай въ Россіи. Одну статью П. А. Валуевъ рѣшительно не одобрилъ и написалъ на ней слѣдующую резолюцію: «Все это слиш-

комъ безпокойно, нетвердо, неувѣренно. Мимоходомъ замѣчу, что «утѣшаться» не администраторское чувство; «если»—неудобоприменимый оборотъ рѣчи въ оффиціальной газетѣ, а «безнадежность» —слово, которому въ ней нѣтъ мѣста. Не тотъ складъ. Такъ можетъ писать губернаторъ въ конфиденціальной торопливости. Такъ не можетъ говорить «Сѣверная Почта». Прошу Павла Ивановича на меня не сѣтовать. Наши оффиціальные органы потому имѣли и имѣютъ мало вліянія, что пренебрегаютъ тактическими пріемами и легко сходятъ съ должнаго уровня».

Замѣченныя П. А. Валуевымъ, по его мнѣнію, неудобныя выраженія были употреблены П. И. Мельниковымъ въ слѣдующаго рода фразахъ: «получаемыя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ извѣстія изъ разныхъ губерній о состояніи полей съ каждымъ днемъ утѣшительнѣе»; или «изъ Самарской губерніи получены слѣдующія весьма утѣшительныя извѣстія»; наконецъ: «если бы и случился болѣе или менѣе повсемѣстный неурожай, котораго, при настоящемъ состояніи полей въ Россіи, благодаря Бога, и предполагать невозможно, народное продовольствіе не было бы безнадежнымъ».

Другую передовую статью Мельникова, также о видахъ на урожай, П. А. Валуевъ принялся было перепpавлять карандашемъ, но затѣмъ не одобрилъ ее всю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вся статья написана слишкомъ въ тонѣ отвѣта на обвинительный актъ или на допросъ въ судѣ. Оправдываться никогда не слѣдуетъ. Правда, что мы могли заговорить ранѣе, но если не спохватились, то нечего въ томъ признаваться. Это не даетъ авторитета, а его колеблетъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ становиться въ роль сфинкса, говорящаго или безмолвствующаго по произволенію. Конецъ статьи [1]) слишкомъ явно показываетъ намѣреніе успокоить. Это неловко. Тѣ же цифры можно напечатать мимоходомъ чрезъ три или четыре дня».

П. И. Мельниковъ составилъ для «Сѣверной Почты» извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1862 годъ. Это извлеченіе представлено было ему въ рукописи. Въ седьмомъ отдѣлѣ, названномъ «дѣла духовныя», сказано было, что «по дѣламъ духовнымъ, на обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ лежитъ: а) охраненіе православія; б) управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій». Противъ подобной систематики, П. А. Валуевъ написалъ: «нельзя считать полицейскихъ дѣйствій дѣяніями духовными. Подъ рубрику: «дѣла духовныя», т. е. духовнаго вѣ-

---

[1]) Въ концѣ статьи были сообщены оффиціальныя цифры о количествахъ наличнаго хлѣба въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ и въ магазинахъ министерства государственныхъ имуществъ, а равно размѣры продовольственнаго капитала по этому вѣдомству и по министерству внутреннихъ дѣлъ.

домства, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подходять только дѣла духовныя иностранныхъ исповѣданій. Дѣла по расколу и полицейскому содѣйствію къ охраненію православной церкви должны быть отдѣлены. О расколѣ статья можетъ быть составлена г. Волкенштейномъ, съ доведеніемъ до извѣстной ему моей записки [1]) включительно. По части полиціи, буде найдется матеріалъ для особой статьи, нужно ее составить по справкѣ въ департаментахъ полиціи и общихъ дѣлъ. О церковныхъ постройкахъ въ Западномъ краѣ составить особую статью, для которой справки будутъ доставлены г. Батюшковымъ».

Изъ этой замѣтки видно, что П. А. Валуевъ считалъ тогдашняго начальника раскольническаго отдѣленія въ департаментѣ общихъ дѣлъ, П. Е. Волкенштейна (извѣстнаго садовода), болѣе компетентнымъ лицомъ для составленія статьи о расколѣ, чѣмъ П. И. Мельникова, котораго новый министръ внутреннихъ дѣлъ устранялъ какъ бы отъ раскольническихъ дѣлъ. Но это не воспрепятствовало Мельникову подать новую записку о расколѣ, когда, въ февралѣ 1864 года, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый временный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря графа Панина, изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, для обсужденія представленныхъ П. А. Валуевымъ государю императору соображеній о необходимости измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о раскольникахъ. Мельниковъ писалъ, между прочимъ:

«Доведенные оскудѣніемъ священства до послѣдней крайности, раскольники основали, въ 1846 году, такъ называемую Бѣлокриницкую іерархію. По требованію русскаго правительства, митрополитъ Амвросій былъ высланъ, въ 1847 году, изъ Бѣлой Криницы, но до того онъ посвятилъ двухъ архіереевъ: намѣстника себѣ Кирилла и другаго архіерея для раскольниковъ, живущихъ въ Турціи. По выѣздѣ Амвросія изъ Бѣлой Криницы, Кириллъ, мѣстный уроженецъ, заступилъ его мѣсто и сдѣлался митрополитомъ. Онъ посвятилъ нѣсколькихъ епископовъ въ Россію изъ русскихъ подданныхъ. Затѣмъ, на основаніи каноническаго права, въ Россіи находившіеся епископы, собравшись вдвоемъ или втроемъ, посвящали новыхъ епископовъ. Наконецъ, въ 1862 году, въ Москвѣ былъ учрежденъ особый «духовный совѣтъ», въ родѣ синода, а въ 1863 году русскіе раскольники разорвали связи съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ, чтобы не имѣть дѣла съ заграничными епископами и своего архіепископа Антонія возвели въ санъ «митрополита московскаго и всея Россіи». Турецкіе раскольники признали надъ собою духовную власть московскаго митрополита и также расторгли связи

[1]) Представленной государю императору и, какъ кажется, имѣвшей послѣдствіемъ образованіе особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Панина.

съ Кирилломъ. Ихъ епископы перешли въ Россію [1]). Теперь въ Россіи около 15-ти архіереевъ и много поповъ.

«Такимъ образомъ раскольники поповщинскаго толка образовали у себя правильно, т. е. на точномъ основаніи церковныхъ постановленій, іерархію и, надобно сознаться, устроили ее болѣе согласно съ правилами апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, нежели устроена администрація современной русской церкви, ибо «Духовный Регламентъ», а также учрежденіе или уставъ о консисторіяхъ, заключаютъ въ себѣ много антиканоническаго. Раскольники поповщинскаго отдѣла не нуждаются болѣе въ бѣглыхъ отъ церкви православной попахъ и не просятъ ихъ. Правительству не предстоитъ болѣе суровой необходимости отказывать въ просьбахъ о христіанскомъ утѣшеніи милліонамъ полезныхъ гражданъ, доказавшихъ, и словомъ и дѣломъ, всю непоколебимую вѣрность Царю и русской землѣ и совершенное отвращеніе отъ подстрекательствъ революціонной партіи, которая, въ лицѣ лондонскихъ агитаторовъ (Герцена, Кельсіева и друг.), всячески старалась поколебать въ нихъ уваженіе и преданность къ законному правительству.

«Успокоеніе пяти милліоновъ раскольниковъ поповщины, успокоеніе, столь сильно и столь искренне желаемое Государемъ Императоромъ, теперь можетъ быть достигнуто безъ нарушенія достоинства православнаго правительства и безъ оскорбленія св. церкви дозволеніемъ ея священнослужителямъ бѣгать тайно къ раскольникамъ. Теперь возможно согласить выгоды церкви съ желаніями милліоновъ русскихъ людей, двѣсти лѣтъ тому назадъ отъ нея удалившихся въ силу неотразимыхъ историческихъ событій. Теперь Государю, не съ «колеблющеюся совѣстью», а съ твердымъ духомъ Царя-Христіанина и Царя-Освободителя, предлагаетъ историческая судьба—новый великій подвигъ освобожденія, освобожденіе одной седьмой части его вѣрноподданныхъ отъ стѣснительныхъ мѣръ, въ прошедшее время предпринятыхъ противъ религіозныхъ убѣжденій и противъ дѣла совѣсти значительной части кореннаго русскаго народа.

«Теперь раскольники поповщинской секты просятъ прежде всего терпимости ихъ архіереевъ и поповъ, или, какъ они выражаются, «высшаго и низшаго ихъ духовенства», причемъ желаютъ, чтобы они, по примѣру православнаго духовенства и терпимыхъ въ Россіи христіанскихъ исповѣданій, были избавлены отъ пода-

---

[1]) Послѣднему, Аркадію, который, въ 1863 году, написалъ адресъ некрасовцовъ государю и который проповѣдью своею удержалъ некрасовцовъ отъ соединенія съ находящимися въ Турціи поляками, дозволено пріѣхать въ Россію. По доносу извѣстныхъ Кельсіевыхъ и обвиненію ими въ государственной измѣнѣ, онъ успѣлъ убѣжать отъ турокъ въ Измаилъ, въ ноябрѣ 1863 года.

Примѣчаніе Мельникова.

тей и пользовались бы другими предоставленными духовнымъ лицамъ правами и привиллегіями. Согласиться на это правительству, сдѣлать столь рѣзкій переходъ отъ строгаго преслѣдованія архіереевъ старообрядческихъ къ предоставленію имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользуются архипастыри господствующей церкви, едва-ли возможно; это было бы оскорбительно для православной церкви; это было бы торжественнымъ признаніемъ, что церковь и правительство двѣсти лѣтъ были неправы передъ раскольниками и самое господствующее исповѣданіе неправославно. Не надобно забывать, что расколъ, собственно такъ называемый, т. е. поповщина и безпоповщина, есть порожденіе грубости и невѣжества [1]) и что онъ долженъ современемъ уничтожиться, когда просвѣщеніе проникнетъ въ низшіе слои народа. Передъ свѣтомъ общечеловѣческаго образованія не устоять расколу, если не будутъ воздвигаться на него новыя преслѣдованія и новыя гоненія. Но есть разница, и разница большая, между терпимостью и покровительствомъ. Въ видахъ государственной и народной пользы терпимость необходима, но покровительство положительно вредно. Не забудемъ, что, употребляя вмѣсто терпимости покровительство, русское правительство XVIII столѣтія утвердило и распространило между киргизами и башкирами мохамеданство, тогда какъ при одной терпимости, безъ покровительства муламъ и проч., они были бы теперь непремѣнно христіанами. Не забудемъ, что покровительствомъ ламамъ, какимъ они нигдѣ не пользуются не только въ Китаѣ, но и въ Тибетѣ, гдѣ владычествуетъ Далай-Лама, мы утвердили между бурятами и калмыками буддизмъ, котораго они не понимали до тѣхъ поръ, пока русское правительство не взяло его подъ свое покровительство. Если духовенство раскольническое только «терпѣть», оно само впослѣдствіи приведетъ раскольниковъ къ возсоединенію съ церковью и расколъ рано или поздно уничтожится; если ему «покровительствовать», онъ укрѣпится, получитъ крѣпкую организацію и тогда надобно совершенно отказаться отъ надежды, что впослѣдствіи, когда нибудь, цѣлость и миръ въ русской православной церкви будутъ возстановлены.

«Терпимость относительно высшихъ и низшихъ лицъ раскольническаго духовенства (поповщинской секты) должна состоять въ томъ, чтобы было «допущено» (а не разрѣшено) отправлять имъ богослуженіе по своему обряду и исполнять другія свои обязанности (наприм. судъ епископовъ надъ священниками и проч. т. под.). Но оффиціально пусть они будутъ купцами, мѣщанами, крестьянами, словомъ пользовались бы гражданскими преимуществами,

---

[1]) Молокане, духоборцы, общіе и т. п. не подходятъ подъ это. Они тоже въ православіи, что протестанты въ римско-католичествѣ и имѣютъ свою будущность. Примѣчаніе Мельникова.

которыя имъ по праву рожденія, а не по праву посвященія, принадлежатъ. Словомъ, пусть они будутъ у насъ находиться точно въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся римско-католическіе священники, епископы и даже кардиналы въ Англіи. Тамъ еще можно было опасаться, что это духовенство составляетъ легіонъ служителей папы, естественнаго врага англійскаго государства, у насъ же подобнаго опасенія существовать не можетъ. По разрывѣ связей съ Бѣлою Криницею, наши поповщинскіе раскольники имѣютъ центръ духовной власти въ Москвѣ.

«Дано же позволеніе задунайскому старообрядческому епископу Аркадію, пострадавшему отъ турокъ за преданность государю императору и Россіи, возвратиться въ Россію съ паспортомъ, гдѣ бы онъ не былъ названъ «епископомъ Аркадіемъ», а его мірскимъ именемъ. Вотъ примѣръ и относительно другихъ старообрядческихъ духовныхъ лицъ.

«Двѣсти лѣтъ тому назадъ архіереи (Павелъ Коломенскій и другіе) и попы (Аввакумъ, Никита и многіе другіе), во время исправленія обрядовъ Никономъ, увели часть народа изъ церкви въ расколъ. «Кто увелъ, тотъ только и привести можетъ». Только раскольническіе архіереи могутъ возсоединить раскольниковъ съ церковью. Это не историческая только теорія; она у насъ на опытѣ доказана. Кто увелъ изъ православія бывшихъ уніатовъ? Митрополитъ Михаилъ Рагоза и другіе епископы западнаго края. Кто привелъ въ православіе уніатовъ? Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и другіе митрополиты западнаго края.

«Урокъ, данный русскому правительству—исторіею, долженъ ли пропасть даромъ?

«Упомяну объ одномъ обстоятельствѣ, ничтожномъ, но, мнѣ кажется, такомъ, которое современемъ дастъ въ руки правительству большую силу. Старообрядческое духовенство чрезвычайно падко на внѣшніе знаки отличія, не смотря на то, что наперстные кресты, камилавки и скуфьи учреждены гораздо позже патріарха Никона (при императорѣ Павлѣ I); архіереи старообрядческіе раздаютъ ихъ своимъ попамъ и попы весьма дорожатъ ими. При совѣщаніяхъ о томъ, какъ подавать просьбу государю и чего просить, старообрядческіе архіереи, говорятъ, высказали желаніе, чтобы, въ числѣ испрашиваемыхъ милостей, было и пожалованіе ихъ «орденами за усердную службу». Такое стремленіе старообрядческихъ архіереевъ къ почестямъ и отличіямъ, раздаваемымъ по пожалованію государемъ императоромъ, можетъ быть современемъ могущественнымъ орудіемъ для правительства въ дѣлѣ возсоединенія къ церкви старообрядцовъ.

«Если государю императору благоугодно будетъ даровать высочайшую свою милость вѣрнымъ ему старообрядцамъ и онъ повелитъ: не покровительствуя старообрядческому духовенству, отъ

Амвросія, митрополита бѣлокриницкаго, происшедшему, терпѣть его, то неминуемо возникнетъ вопросъ: «какъ огласить такое повелѣніе»? Надобно ожидать, что этотъ вопросъ возбудитъ недоумѣнія и, можетъ быть, даже опасенія. Опасенія эти весьма умѣстныя и вполнѣ справедливыя. Могутъ сказать, и сказать совершенно основательно: буряты прежде толпами обращались въ христіанство, но съ тѣхъ поръ какъ правительство регламентировало ихъ церковную администрацію (чего нѣтъ ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ) и даже учредило достоинство Бондидо-Хамбы (чего и китайское правительство никогда не дѣлало), то буряты перестали обращаться въ христіанство, говоря, что они не хотятъ отойдти отъ «царской» вѣры (полагая, что государь все это утвердилъ самъ, послѣдуя буддизму) и не смѣютъ быть ослушниками царя, который поставилъ надъ ними Бондидо-Хамбу. Дѣйствительно, «въ настоящее время», когда въ памяти народной еще такъ свѣжи преслѣдованія раскола, а особенно архіерейства, торжественное объявленіе не покровительства даже, а только терпимости старообрядческаго духовенства, — будетъ ли оно выражено въ манифестѣ, будетъ ли изложено въ высочайшемъ указѣ—произведетъ сильные толки и тогда не только не будетъ новыхъ обращеній изъ раскола въ православіе, но неминуемо послѣдуютъ и самыя отпаденія въ расколъ, ибо надобно никогда не забывать, что «девять десятыхъ великороссійскаго простонародья, принадлежащаго къ православію, сочувствуютъ старообрядству и свою новую вѣру далеко не такъ уважаютъ, какъ вѣру старую». Если-простонародье узнаетъ о «торжественномъ покровительствѣ» государя старообрядству, — оно поголовно перейдетъ въ расколъ, и тогда православнымъ архіереямъ и священникамъ останется пастырствовать (въ Великой Россіи) только надъ дворянствомъ и чиновниками.

«Поэтому «терпимость» старообрядческаго духовенства должно огласить не иначе, какъ посредствомъ циркуляра отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній о томъ, чтобы они предписали полиціямъ ни въ какія религіозныя дѣла старообрядцовъ не мѣшаться, преслѣдуя лишь такія дѣянія ихъ, которыя прямо нарушаютъ общественное благочиніе, причемъ губернаторовъ снабдить секретнымъ предписаніемъ, чтобы они, въ случаѣ настояній мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ объ арестованіи и т. п. старообрядческихъ духовныхъ лицъ, оставляли эти настоянія безъ послѣдствій, донося лишь о томъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

«Конечно, это полумѣра, но на первый разъ и она будетъ благодѣтельна. Впослѣдствіи правительству предстоитъ составить подробную программу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій и слѣдовать ей неуклонно, путемъ расширенія правъ старообрядческаго духовенства, сообразно со степенью близости его къ возсоединенію съ господствующею церковью. Но главное въ этомъ отношеніи: «школы,

школы и школы». Повторяю — передъ лицомъ просвѣщенія расколу не устоять. Теперь старообрядцы просятъ «своихъ гимназій». Если ихъ желаніе будетъ удовлетворено, лѣтъ черезъ пятнадцать, черезъ двадцать, они попросятъ и «университета». Не опасаясь быть лжепророкомъ, скажу: первый старообрядческій архіерей, вышедшій изъ этого университета, будетъ новый Іосифъ Сѣмашко. По вѣроятностямъ человѣческаго долголѣтія, государь не будетъ утѣшенъ при жизни своей этимъ великимъ въ русской исторіи явленіемъ, но одинъ изъ его преемниковъ непремѣнно будетъ имѣть утѣшеніе подписать: «благодарю Бога и принимаю», на докладѣ о возсоединеніи старообрядцевъ. Это утѣшеніе будетъ несравненно большимъ того, которое испыталъ покойный государь, 26-го марта 1839 года, когда писалъ эти слова на докладѣ синода о возсоединеніи уніатовъ».

Произведенный, въ апрѣлѣ 1864 года, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Мельниковъ въ продолженіе этого года участвовалъ въ ревизіи текущаго дѣлопроизводства департамента общихъ дѣлъ и хозяйственнаго департамента своего министерства, а затѣмъ въ іюлѣ былъ командированъ въ Нижній-Новгородъ по нѣсколькимъ порученіямъ. На него возложено было собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о причинѣ пожара, случившагося на мѣстѣ расположенія нижегородской ярмарки, 4-го іюня этого года, а равно и о томъ, были ли приняты всѣ мѣры къ предупрежденію распространенія пожара, и сверхъ того представить свои соображенія относительно мѣръ къ предупрежденію повторенія подобныхъ случаевъ на будущее время. При этомъ ему было поручено собрать необходимыя свѣдѣнія по устройству пожарной части въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сверхъ того, П. И. Мельниковъ долженъ былъ осмотрѣть ярмарочный гостиный дворъ и представить свои соображенія о томъ, на какихъ основаніяхъ можетъ быть допущена продажа лавокъ этого двора въ собственность купечества безъ убытка для казны и безъ вреда для торговли. Пожаръ 4-го іюня 1864 года потому потребовалъ командировки въ Нижній-Новгородъ особаго чиновника изъ Петербурга, что онъ произошелъ въ то время, когда на ярмаркѣ еще вовсе не бываетъ съѣзда торговцевъ, когда товары едва начинаютъ туда прибывать, а между тѣмъ пожаръ принялъ такіе большіе размѣры, что имъ было истреблено 40 корпусовъ съ 1514 лавками и 148 отдѣльныхъ зданій. Также обращено было вниманіе и на то обстоятельство, что въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ одна и та же часть ярмарочныхъ зданій три раза истреблялась пожаромъ.

Въ 1864 году генералъ-губернаторомъ на нижегородской ярмаркѣ былъ генералъ-адъютантъ Огаревъ, облеченный особыми полномочіями. Ему было непріятно, что чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, Мельниковъ, былъ присланъ

на ярмарку для слѣдствія о пожарѣ, для наблюденія за могущими тамъ произойдти чрезвычайными случаями и съ тѣмъ вмѣстѣ не былъ ему подчиненъ. При первомъ же неважномъ обстоятельствѣ произошло столкновеніе между генералъ-губернаторомъ и чиновникомъ особыхъ порученій, вѣроятно, дававшимъ понимать прочему служащему міру на ярмаркѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ свое независимое положеніе отъ главной находившейся тамъ власти. Въ письмѣ изъ Нижняго Новгорода, отъ 29-го іюля, Мельниковъ писалъ:.. «Жду, не дождусь, окончанія ярмарки, до того мнѣ надоѣло все. Къ тому же пошли непріятности съ генералъ-адъютантомъ Огаревымъ, которому досадно, что я не въ его распоряженіи, какъ въ прошломъ году. Третьяго дня, по случаю посланной мною министру телеграфической депеши о начавшемся было 27-го числа подлѣ главнаго дома пожарѣ, у насъ было весьма крупное объясненіе, которое хотя и кончилось поцѣлуями, но встревожило меня и подняло во мнѣ всю желчь! Писалъ министру и если бы онъ исполнилъ мою просьбу! Прошусь возвратиться въ Петербургъ и докончить дѣло тамъ, что возможно. Генералъ-адъютантъ Огаревъ стараго закала человѣкъ; онъ добрый, пріятный господинъ, но съ нимъ надобно держать себя осторожно: играй какъ съ медвѣдемъ, все ничего, все ничего, а какъ вдругъ озлится, да ни съ того, ни съ сего и тяпнетъ»...

Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ Мельникову слѣдующимъ письмомъ: «Аптекарскій островъ, $^{31}/_{VII}$. 64. Вы очень хорошо сдѣлали, что мнѣ телеграфировали. Прошу такъ поступать и впредь. Вы въ моемъ, а не въ чьемъ иномъ распоряженіи и монополія телеграфовъ никому не присвоена. — Но вы неправильно поступили, если, являясь генералъ-адъютанту Огареву, вы не доложили ему о данныхъ вамъ порученіяхъ. Я не упомянулъ о нихъ, въ разговорѣ съ генераломъ Огаревымъ, потому что полагалъ, что онъ не могъ о нихъ забыть, и потому что я вообще не распространяюсь о грядущемъ и не люблю будущаго наклоненія глаголовъ. Когда дѣло подвигается, настаетъ время о немъ толковать. Передайте мой поклонъ А. А. Одинцову [1]), преданный Валуевъ».

Письмо это успокоило Мельникова, и онъ остался въ Нижнемъ-Новгородѣ до половины сентября, выполняя возложенныя на него тамъ дѣла. Начавшіеся на ярмаркѣ обѣды служили, впрочемъ, ему немалымъ развлеченіемъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ сообщилъ слѣдующія подробности въ письмѣ отъ 19-го августа: «...А у насъ здѣсь были литературные обѣды съ купцами. На одномъ изъ нихъ Арсеньевъ [2]) (Илья Александровичъ), ни съ того, ни съ сего, въ

---

[1]) Въ то время начальникъ Нижегородской губерніи.

[2]) Арсеньевъ былъ въ первые два года (1862 и 1863 г.) завѣдывающимъ иностраннымъ политическимъ отдѣломъ въ «Сѣверной Почтѣ» и одно время,

рѣчи своей, отъ имени всей литературы, обругалъ все купечество подлецами. Самое непріятное вышло положеніе. Вступился за купцовъ графъ Шуваловъ, бывшій на обѣдѣ. Онъ флигель-адъютантъ и заводчикъ; у него желѣзные заводы. Но вышло еще хуже. Онъ началъ рѣчь, но по-русски говорить не умѣетъ: заговорилъ, да и спутался, а на французскій языкъ перейдти было неудобно. Смѣху сколько надѣлалъ! Якушкинъ (Павелъ Ивановичъ), бывшій тоже на обѣдѣ, напился пьянъ. Вообще былъ скандалъ громадный. Я и еще нѣсколько московскихъ литераторовъ, чтобы показать, что мы тутъ сторона, встали изъ-за стола, и въ углу залы подсѣли къ нѣмкамъ, играющимъ на арфахъ и скрипкахъ, и стали съ ними любезничать, подчивать ихъ шампанскимъ и фруктами. Это имѣло свой эффектъ. Купцы обидѣлись на Арсеньева. Затѣмъ былъ другой обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Владиміра Павловича Безобразова: обѣдъ чинный, приличный и удавшійся какъ нельзя лучше. Арсеньева на этотъ обѣдъ не пригласили. На обѣдѣ рѣчь говорилъ я одинъ о сближеніи сословій и о тому подобномъ, другими словами мировую. Ну и помирились. Все прошло хорошо.

«Якушкинъ, вѣчно пьяный, безобразничаетъ на ярмаркѣ. Генералъ-губернаторъ Огаревъ хотѣлъ выслать его съ ярмарки, для чего уже и жандармы были готовы. Передъ тѣмъ, генералъ-губернаторъ обругалъ Якушкина какъ нельзя хуже. Генералъ-адъютантъ Огаревъ спросилъ у меня моего совѣта по этому дѣлу. Я сказалъ ему, что выслать Якушкина онъ въ правѣ, но что, по моему мнѣнію, ругаться не слѣдуетъ и высылку надобно сдѣлать помягче. Огаревъ и пересолилъ: вмѣсто высылки началъ обниматься и цѣловаться съ Якушкинымъ и оставилъ его здѣсь. Якушкинъ теперь и вретъ, что онъ отдѣлалъ генералъ-адъютанта и проч. и проч. Вообще здѣсь скандалъ за скандаломъ. Такъ вчера предсѣдатель нижегородскаго ярмарочнаго биржеваго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шиповъ [1]) въ трактирѣ пѣсни пѣлъ. Ужасъ, что за безобразія!»

Сотрудничество въ «Сѣверной Почтѣ» П. И. Мельникова не имѣло успѣха. Онъ не могъ подчинить своего пера требованіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, или, вѣрнѣе, онъ не попадалъ въ тотъ тонъ, который желателенъ былъ П. А. Валуеву. Возвращеніе статей Мельникова съ вышеприведенными резолюціями, ежедневныя вѣжливыя препирательства съ Д. И. Каменскимъ, отстаивавшимъ свои права, какъ главнаго редактора, сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшую дѣятельность Мельникова въ качествѣ редактора внут-

---

вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ Розенгеймомъ, издавалъ сатирическій журналъ «Заноза».

[1]) Александръ Павловичъ Шиповъ съ 1864 года смѣнилъ купца Губина въ должности предсѣдателя нижегородскаго ярмарочнаго биржеваго комитета.

ренняго отдѣла въ оффиціальной газетѣ. Между тѣмъ скуднымъ жалованьемъ чиновника особыхъ порученій трудно было существовать съ семьею въ Петербургѣ. Съ крестьянскою реформою 1861 года, прекратился прежній доходъ съ небольшаго подгороднаго нижегородскаго имѣнія Ляхово, принадлежащаго его супругѣ. Заглазное управленіе имъ изъ Петербурга ничего кромѣ убытка не приносило. При такихъ условіяхъ Мельникову сдѣлался необходимъ литературный заработокъ въ извѣстномъ размѣрѣ, болѣе или менѣе опредѣленномъ. Въ тогдашнихъ петербургскихъ газетахъ онъ не могъ его получить, тѣмъ болѣе, что польскія смуты, какъ онъ говорилъ, измѣнили коренньмъ образомъ его взглядъ на многіе предметы и заставили отшатнуться отъ многихъ его прежнихъ симпатій и увлеченій. «Московскія Вѣдомости» болѣе другихъ изданій, своимъ направленіемъ съ 1863 года, соотвѣтствовали новымъ стремленіямъ Мельникова. Во время проѣздовъ чрезъ Москву въ Нижній-Новгородъ въ 1861, 1862, 1863, 1864 годахъ, онъ видался съ М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ и возобновилъ съ ними прежнія близкія отношенія, прерванныя въ 1859 году его заявленіемъ въ «Русскомъ Дневникѣ». Такимъ образомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ концѣ 1862 года, появилась его статья о Преображенскомъ кладбищѣ, подписанная буквою S, которая была назначена и обѣщана собственно для «Сѣверной Пчелы» [1]; въ 1863 году появились «Старообрядческіе архіереи», а въ 1864 г. «Историческіе очерки поповщины». Всѣ эти статьи, касавшіяся раскола въ Россіи, были собственно продолженіемъ «Писемъ о расколѣ», какъ возвѣщено было самимъ Мельниковымъ въ послѣднемъ (пятомъ) письмѣ [2]). Новое сближеніе Мельникова съ Катковымъ и Леонтьевымъ имѣло послѣдствіемъ приглашеніе его принять дѣятельное участіе въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

Пав. Усовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) См. его письмо ко мнѣ, отъ 12-го ноября 1862 года, въ № 2528 «Нов. Времени» 1883 г.

[2]) См. № 15 «Сѣверной Пчелы» 1862 года.

ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОЙ СЦЕНѢ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

I.

Ъ 1862 ГОДУ, въ одной изъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» появился новый романъ Тургенева «Отцы и дѣти». Время было переходное, общество поддавалось различнымъ, и иногда одно другому противоположнымъ, вѣяніямъ, и уловить въ данную минуту настоящую «злобу дня» было дѣломъ труднымъ даже и для недюжиннаго писателя. Небольшая брошюрка Бюхнера «Сила и матерія», не смотря на запрещеніе цензуры, переходила изъ рукъ въ руки, читалась съ жадностью и производила совсѣмъ особенное, до тѣхъ поръ незнакомое, впечатлѣніе на читателя, преимущественно на молодежь. Для послѣдней открывались новые горизонты, тѣмъ болѣе, что число рьяныхъ поклонниковъ естественныхъ наукъ увеличивалось со дня на день, и все,— какъ тогда называлось,— «платоническое» и «идеальное», т. е. все, что не связывалось непосредственно съ видимою дѣйствительностью или не проистекало изъ нея, отходило на второй планъ.

Въ своемъ новомъ романѣ, Тургеневъ, съ присущею ему художественною чуткостью, съумѣлъ уловить этотъ моментъ общественнаго колебанія: съ одной стороны, оказывалось несостоятельнымъ и разрушалось то, чему поклонились «отцы», съ другой, — передъ «дѣтьми» возставалъ новый, болѣе могучій культъ чисто реальнаго направленія. Это то столкновеніе и выставилъ такъ рельефно писатель въ своемъ произведеніи, которое возбудило въ обществѣ и нападки, и упреки, и безпримѣрное восхищеніе, затронуло его самыя чувствительныя струны и даже коснулось его язвъ. Впечат-

лѣніе было громадное: очевидно, симпатіи автора не клонились на сторону молодаго поколѣнія, но и наши предки также не могли быть ему благодарны; смѣшныя и тупыя стороны «жрецовъ чистаго искусства», крѣпко отстаивавшихъ сохраненіе крѣпостничества, не ускользнули отъ мѣткой сатиры геніальнаго писателя. Результатъ оказался тотъ, что обѣ стороны — настоящіе «отцы» и настоящія «дѣти» остались не довольны. Художественная отдѣлка романа, какъ и въ прежнихъ произведеніяхъ Тургенева, была безукоризненна.

Меня не столько занимала основная мысль романа, — сопоставленіе и коллизія прежнихъ убѣжденій съ убѣжденіями послѣдней формаціи, сколько характеръ Базарова, воплотившаго въ себѣ новые принципы реализма, или, по тогдашнему выраженію, нигилизма. Подобнаго рода нигилистовъ мнѣ приходилось встрѣчать довольно часто, при чемъ я обыкновенно придерживался того мнѣнія, что они болѣе нигилисты по формѣ, чѣмъ по внутреннему ихъ содержанію. Еще въ бытность мою въ Петербургскомъ университетѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, я видѣлъ такія личности, которыя на словахъ отвергали не только малѣйшее проявленіе сердечнаго движенія, но и знаменитое «и...» Базарова, а между тѣмъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ эти, тогдашніе «нигилисты», въ критическія минуты своей жизни заливались слезами, точно малыя дѣти.

Словомъ, типъ Базарова казался мнѣ утрированнымъ, но не по винѣ автора, а по самой природѣ «героя» романа. Нѣкоторыя изъ его убѣжденій я считалъ ничѣмъ инымъ, какъ напускною ложью, которую онъ нарочно старался выказывать наравнѣ съ другими напускными чувствами, или, лучше сказать, старался не выказывать никакого чувства. Въ его отношеніяхъ къ Одинцовой и къ отцу за нѣсколько дней, даже часовъ, до смерти проглядываетъ такое скрытое, глубокое сердечное чувство, которое прямо намекаетъ на что-то другое въ самомъ потаенномъ уголкѣ его души. И это-то «другое» и составляетъ истинную разгадку самообольщенія Базарова.

Какъ бы ни былъ въ то время ошибоченъ мой взглядъ, но эта двойственность въ характерѣ Базарова поразила меня въ высшей степени. Разладъ между нравственными убѣжденіями и осуществленіемъ ихъ на дѣлѣ, разница въ словахъ и поступкахъ, разница умышленная, дѣланная, напускная, начиная съ внѣшности и кончая драпированіемъ себя въ никогда, будто бы, невозмутимое равнодушіе, — все это представлялось въ моемъ сознаніи до такой степени естественнымъ, что я только удивлялся, почему на долю ни въ чемъ не повиннаго писателя, «живописующаго» нравы, качества и пороки современнаго общества, выпало столько незаслуженныхъ упрековъ.

II.

Личность Базарова до того заинтересовала меня, что долго не выходила изъ моей памяти, и тогда то, совершенно случайно, въ головѣ моей изъ этого первообраза создался другой типъ, другая личность, которая болѣе подходила къ моимъ воззрѣніямъ, была болѣе для меня понятна, — и этотъ образъ, переработанный моими задушевными убѣжденіями, выразился въ Вертяевѣ, главномъ дѣйствующемъ лицѣ моей первой пьесы, «Слово и дѣло».

Осенью 1862 г. я окончилъ свою комедію. Я назвалъ ее комедіею, такъ какъ изъ понятія о комедіи, въ высшемъ смыслѣ этого слова, до сихъ поръ не выдѣляю присутствіе драматическаго элемента. Въ концѣ сентября я отвезъ мою пьесу Е. Н. Жулевой, бывшей замужемъ за Н. И. Небольсинымъ, двоюроднымъ братомъ моего отца. Не стану распространяться здѣсь, какъ эта прекрасная, гуманная и образованная артистка ласково и съ полнымъ радушіемъ приняла меня: ея гостепріимство и желаніе оказать содѣйствіе начинающему автору извѣстны каждому, кто къ ней обращался. Нѣсколько разъ читалъ я у ней свою пьесу, сдѣлалъ не мало исправленій, ибо былъ совершенный неукъ въ знаніи сцены, и распредѣлилъ роли по ея совѣту. Конечно, главная роль Вертяева предназначалась В. В. Самойлову, и отъ его одобренія или, скорѣе, его согласія зависѣла будущность моей пьесы. Екатерина Николаевна Жулева послала ему мою пьесу для прочтенія и никогда не забуду я того чувства восторга, когда, однажды, придя къ ней, я прочелъ на заглавномъ листѣ моей рукописи крупнымъ почеркомъ написанное слово «хорошо». Подъ самымъ же заглавіемъ «Слово и дѣло» была сдѣлана карандашемъ замѣтка: «пропустить ли названіе цензура?» Какъ бы то ни было, судьба моей пьесы была рѣшена.

Въ то время роковое «быть или не быть» для автора зависѣло большею частью отъ содѣйствія артистовъ. Директоръ театровъ, графъ Борхъ, представлялъ собою лицо миѳическое. Едва ли онъ и понималъ что либо въ дѣлѣ драматическаго и сценическаго искусства. Пьеса читалась артистамъ, предъявлялась къ бенефису, если была признана ими достойною, затѣмъ представлялась въ театрально-литературный комитетъ, состоявшій изъ начальника репертуарной части, П. С. Ѳедорова, Юркевича, Манна, Зуброва и еще кого-то, проходила черезъ цензуру III-го Отдѣленія, подъ отеческимъ попечительствомъ Нордстрема, а иногда и помощника его, г. Кайзера, и, въ концѣ концовъ, ставилась на сцену, при соглашеніи автора съ артистами, исполнявшими роли обязательно по его назначенію. Авторскій гонораръ былъ ничтоженъ, даже смѣшонъ: съ 1827 года, было установлено вознаграждать автора чѣмъ то въ родѣ одной двадцать первой части двухъ третей полнаго

сбора за пяти-актную оригинальную пьесу. Эта часть равнялась въ Маріинскомъ театрѣ, при полномъ сборѣ, семидесяти рублямъ, въ Александринскомъ пятидесяти тремъ.

III.

Въ первый разъ, когда я увидалъ В. В. Самойлова у Е. Н. Жулевой, онъ очаровалъ меня своею любезностью, изящными манерами и мѣткими сужденіями, не смотря на нѣкоторую небрежность въ отношеніяхъ съ другими и, такъ сказать, размашистость. Я прочелъ ему свою пьесу, для чего собственно и было назначено собраніе у Екатерины Николаевны, замѣнилъ нѣкоторыя слова другими, болѣе подходящими, особенно въ роли Вертяева, и получилъ его согласіе исполнить эту роль. — «C'est dit! сказалъ онъ, хлопнувъ рукою по рукописи, по окончаніи чтенія. Онъ остался ужинать, и тутъ-то надо было подивиться его блестящему разговору: анекдоты, остроты, воспоминанія, такъ и разсыпались, точно фейерверкъ, и все это соединялось съ необыкновенною живостью, съ какою-то удивительною бодростью его духа. Статный, стройный, съ вьющимися волосами, въ которыхъ лишь по мѣстамъ серебрилась сѣдина, съ черными, сверкающими глазами, онъ походилъ скорѣе на молодаго человѣка, нежели на солиднаго мужа, которому едва ли не минуло за пятьдесятъ.

Между прочимъ, В. В. узналъ отъ меня, что уже нѣсколько времени я занимаюсь Шекспиромъ,—Макбетомъ и Гамлетомъ; изданіе послѣдняго вышло недавно въ переводѣ г. Загуляева, и В. В. намѣревался поставить Гамлета въ свой бенефисъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ пообѣдать безъ всякихъ церемоній, послѣ завтра; я обыкновенно обѣдаю въ три часа,—и хотѣлъ бы позже, да нельзя: въ шесть часовъ уѣзжаю въ театръ, сказалъ онъ мнѣ на прощаніе.—Мы поговоримъ съ вами о Гамлетѣ; мнѣ интересно узнать ваше мнѣніе о нѣкоторыхъ сценахъ, которыя я намѣренъ воспроизвести совсѣмъ своебразно.

Это приглашеніе было для меня весьма лестно и, конечно, я воспользовался имъ. В. В. жилъ въ то время въ Грязной улицѣ (нынѣ Николаевской), въ собственномъ домѣ, небольшомъ, но очень красивомъ и снаружи, и внутри. В. В. встрѣтилъ меня въ бархатномъ, фіолетовомъ халатѣ и небольшой шапочкѣ; въ этомъ видѣ онъ замѣчательно походилъ на созданную имъ личность кардинала Ришелье въ пьесѣ Бульвера. Онъ извинился за свой черезъ чуръ домашній костюмъ, говоря, что его до сихъ поръ безпокоитъ ушибъ ноги, полученный въ послѣднее представленіе «Лизы Ѳоминой», драмы г-жи Каменской: въ четвертомъ дѣйствіи при паденіи онъ неловко задѣлъ за ширму, которая упала на него и ушибла ему

ногу. При этомъ, конечно, досталось отъ него и бутафору, и помощнику режисера. Впрочемъ, къ обѣду онъ надѣлъ бархатный пиджакъ.

Обѣдъ прошелъ для меня очень весело, не смотря на то, что мы находились только вдвоемъ. Гостепріимство В. В. отличалось радушіемъ, хотя и заключало въ себѣ оригинальныя черты, какъ и все, что составляло для него домашнюю обстановку, начиная съ убранства комнатъ и кончая послѣднею тарелкой. Особенною оригинальностью выдавался его кабинетъ: большая комната въ четыре окна, полъ обитъ коврами, рояль, піанино, мольбертъ, неоконченныя картины и начатые эскизы, стѣны убраны картинами собственной работы и произведеніями Брюлова, надъ каминомъ развѣшано оружіе всякаго рода, съ новѣйшей системы карабина до американскаго томагаука, у одной изъ стѣнъ великолѣпный письменный столъ, на немъ акварели и портреты пастелью въ рамкахъ, подлѣ стола огромные бювары на высокихъ ножкахъ, вдоль стѣнъ этажерки съ зеркальными стеклами, заставленныя золотыми и серебряными кубками, чашами, чарочками, кувшинами, роскошными альбомами въ золотыхъ, чеканныхъ оправахъ... И, къ довершенію всего, громадный песъ ньюфаундленской породы, величаво покоющійся въ углу, на тигровой кожѣ.

Не говоря о художественномъ исполненіи ролей, В. В. обладалъ, какъ многимъ извѣстно, самыми разнообразными способностями въ качествѣ настоящаго дилетанта: онъ прекрасно зналъ музыку, даже сочинялъ романсы, писалъ масляными красками и акварелью, рисовалъ множество каррикатуръ, изъ которыхъ иныя не были лишены остроумія и отличались извѣстнымъ шикомъ, на манеръ Берталя или Гревэна, владѣлъ ружьемъ и для охоты за дичью откупалъ цѣлые участки на островахъ, близъ Волынкиной деревни, ловко управлялся съ гичками и яхтами, плавая по Невѣ и Финскому заливу, превосходно фехтовалъ, танцовалъ и ѣздилъ верхомъ. Казалось-бы, счастливому смертному, обладающему въ дѣйствительности хотя половиною такихъ достоинствъ, не оставалось желать ничего лучшаго; но В. В. тщеславился своимъ знаніемъ даже кулинарнаго искусства: онъ изобрѣталъ кушанья, которыя если и не приходились всѣмъ по вкусу, за то были очень оригинальны, какъ напр. особеннымъ способомъ испеченные каштаны и т. п. Вообще въ обстановкѣ, окружавшей В. В., было весьма много оригинальнаго. Напримѣръ, за обѣденнымъ столомъ, кромѣ тарелокъ и приборовъ изъ серебра, не находилось ничего: ни солонки, ни судка, ни рюмокъ, ни стакановъ, ни графиновъ, ни бутылокъ. Должно быть, по предположенію хозяина, кушанья приготовлялись такимъ образомъ, что никто изъ гостей не могъ нуждаться для нихъ ни въ какой приправѣ. Menu было изысканное, на французскій манеръ, за исключеніемъ своеобразныхъ блюдъ,

придуманныхъ хозяиномъ, и при томъ очень легкое. Послѣ каждаго блюда, человѣкъ приносилъ на серебряномъ подносѣ соотвѣтствующее числу гостей количество холодныхъ или нагрѣтыхъ рюмокъ или стакановъ, и тогда В. В. обращался къ стоявшему подлѣ его кресла весьма почтенныхъ размѣровъ поставцу и золотымъ ключикомъ, висѣвшимъ у него вмѣстѣ съ брелоками на цѣпочкѣ отъ карманныхъ часовъ, открывалъ этотъ поставецъ, вынималъ оттуда бутылку превосходнаго вина, разливалъ его въ принесенные стаканы или рюмки, затѣмъ укладывалъ бутылку въ поставецъ и запиралъ его на замокъ. Та же операція повторялась съ каждою бутылкою вина. Сперва эти странности меня поражали, но потомъ я къ нимъ привыкъ.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній В. В. Самойлова, я увидѣлъ у него г-жу Спорову, которая только что поступила на сцену и брала у него уроки для роли Офеліи въ предстоящій его бенефисъ. Спорова отличалась совершенно своеобразною красотою: она была до прозрачности худощава, стройна, довольно высокаго роста, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и густыми волосами золотистаго цвѣта. Наружность ея дѣйствительно подходила къ типу Офеліи, но и только. Ни правильной дикціи, ни читки, ни художественнаго пониманія, ни искры таланта въ ней не оказывалось, не смотря на то, что В. В. съ большимъ усердіемъ подготовлялъ ее къ роли. Вмѣстѣ съ нею я увидѣлъ и ея матушку, г-жу Бибикову, которая поразила меня своею толстотою и вульгарными манерами. Впрочемъ, она называла себя «генеральшей». Послѣ обѣда, мы, вчетверомъ, удалились въ кабинетъ, и тогда началось преподаваніе сцены между Офеліей и Гамлетомъ («иди въ монастырь!»), причемъ роль Офеліи исполнялъ В. В., реплику Гамлета давала ему г-жа Бибикова, а Спорова должна была слушать. Я тоже долженъ былъ слушать по приглашенію В. В. и высказывать свое мнѣніе по поводу нѣкоторыхъ спорныхъ мѣстъ въ пониманіи смысла выраженій какъ со стороны Гамлета, такъ и со стороны Офеліи. Ничто не могло быть комичнѣе, какъ видѣть г-жу Бибикову, особенно, когда ея тучная фигура и зычный голосъ силились выразить отчаяніе несчастнаго датскаго принца. Мой внутренній смѣхъ не проходилъ даже и тогда, когда В. В. сталъ читать роль Офеліи; но этотъ смѣхъ съ каждою минутою становился слабѣе и, наконецъ, уступилъ мѣсто искреннему удивленію; необыкновенная гибкость голоса В. В., женственность въ выраженіи, замѣчательное пониманіе внутренняго смысла шекспировскаго характера,—все это разомъ произвело на меня чарующее впечатлѣніе. Никогда не могъ я представить себѣ, чтобы артистъ былъ способенъ до такой степени преобразиться, до такой степени воплотить въ себѣ совершенно не подходящую къ его средствамъ личность и заставить позабыть, что передъ вашими глазами на-

ходится мужчина, который, помощью своего громаднаго таланта, играя трагическую роль женщины, заставляетъ не смѣяться, а плакать...

IV.

Моя пьеса не потерпѣла никакихъ измѣненій въ цензурномъ отношеніи и благополучно прошла всѣ мытарства. Въ половинѣ ноября она должна была даваться въ первый разъ въ бенефисъ г-жи Жулевой, въ Маріинскомъ театрѣ. Я получилъ приглашеніе отъ главнаго режиссера, Е. И. Воронова, присутствовать на репетиціяхъ «Слова и дѣла» въ Александринскомъ театрѣ, начинавшихся обыкновенно въ 10½ час. утра. Въ моей пьесѣ участвовали: г-жи Жулева, Снѣткова 3-я и Громова; гг. Самойловъ, Нильскій, Яблочкинъ, Пронскій и др. На первой же репетиціи я познакомился со всѣми артистами. Они отнеслись ко мнѣ весьма радушно. Репетицій было около десяти. Обязанность суфлера, сколько помнится, исполнялъ г. Сосновскій. Кажется, главному режиссеру Воронову мое произведеніе особенно не пришлось по душѣ; онъ обращалъ болѣе вниманія на внѣшнюю обстановку, нежели на роли. Я долженъ отдать полную справедливость участвовавшимъ въ моей пьесѣ артистамъ: такъ дружно, такъ старательно относились они къ своимъ ролямъ и нерѣдко даже обращались ко мнѣ за разъясненіемъ какого-нибудь вопроса или положенія. Я удивлялся ихъ необычайной памяти: уже съ третьей репетиціи, роли были почти выучены наизусть. Не мало изумлялся я и памяти В. В., который въ весьма немногихъ случаяхъ прибѣгалъ къ помощи суфлера, хотя встрѣтилась одна фраза, надъ которой мнѣ пришлось не мало потрудиться. Дѣло въ томъ, что въ рукописи моей было сказано: «я читалъ «Отечественныя Записки», «Современникъ», статьи Бѣлинскаго»... А В. В. говорилъ такъ: «я читалъ «Отечественныя Записки» и «Современникъ» съ статьями Бѣлинскаго»... Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что Бѣлинскій почти ничего не писалъ въ «Современникѣ», а печаталъ свои статьи преимущественно, если не исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ». Такая ошибка въ глазахъ знающей публикѣ могла бы послужить мнѣ дурною рекомендаціей. Вполнѣ зная В. В., я боялся, что, вслѣдствіе малѣйшаго неловкаго замѣчанія съ моей стороны, мою пьесу можетъ ожидать такая же участь, какая постигла незадолго до того поставленную на сцену комедію П. Д. Боборыкина «Однодворецъ», когда В. В., послѣ перваго уже представленія ея, отказался играть въ ней главную роль, вознегодовавъ на автора, «осмѣлившагося» высказать ему нѣсколько совѣтовъ. Предваренный опытомъ, я избралъ болѣе тонкій, болѣе дипломатическій путь.

— Василій Васильевичъ, сказалъ я однажды Самойлову на репетиціи, вѣдь, кажется, Бѣлинскій никогда не писалъ въ «Современникѣ»?

— Разумѣется, никогда не писалъ, съ большою увѣренностью отвѣтилъ мнѣ онъ.

— А между тѣмъ, сколько помнится, у меня сказано въ рукописи: «Современникъ съ статьями Бѣлинскаго»...

— Ну, да.

— Это большая ошибка съ моей стороны, Василій Васильевичъ...

— Конечно, большая ошибка.

— Нельзя ли ее исправить?

— Какъ исправить?

— А вотъ какъ: не можете ли вы, вмѣсто этой фразы, сказать: «Современникъ и статьи Бѣлинскаго»?

— Разумѣется, могу.

— И отлично! Значитъ, мы порѣшимъ тѣмъ, что у насъ будетъ «Современникъ и статьи Бѣлинскаго»?

— Такъ и будетъ.

Я былъ въ восторгѣ, что моя хитрость удалась. Но, увы! на слѣдующей репетиціи В. В. повторилъ прежнее, очевидно, позабывъ нашъ разговоръ и всѣ мои намеки. Что разъ западало ему въ память, того измѣнять онъ не хотѣлъ. Такимъ образомъ, моя «тонкая» уловка не привела ни къ чему, и несчастный «Современникъ» повторялся въ его первоначальной редакціи, съ безукоризненною точностью. Къ счастію, мои опасенія не оправдались, публика совсѣмъ и не замѣтила этого lapsus linguae.

Въ то время А. А. Нильскій былъ замѣчательно красивъ собою; исполняя благодарныя роли первыхъ любовниковъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не производилъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія на публику, былъ холоденъ, однообразенъ и въ патетическихъ сценахъ черезчуръ замѣтно придавалъ себѣ напускнаго жара. Мнѣніе публики о немъ измѣнилось къ лучшему только съ появленія его въ роли Жадова, въ пьесѣ «Доходное мѣсто», А. Н. Островскаго. Эту роль онъ, дѣйствительно, игралъ съ увлеченіемъ и въ четвертомъ дѣйствіи вызывалъ громъ рукоплесканій. Въ моей пьесѣ роль свѣтскаго молодаго человѣка, ничего не дѣлающаго чиновника, богатаго жениха, была ему по плечу и онъ справился съ ней какъ нельзя лучше.

Много веселости и неподдѣльнаго комизма выказалъ А. А. Яблочкинъ въ роли фата — сорванца, юнаго кутилы и всѣмъ извѣстнаго трусишки; а покойный Пронскій никогда не портилъ своихъ второстепенныхъ ролей, и здѣсь, точно также, содѣйствовалъ удачному ансамблю пьесы.

Женскія роли не представляли ничего особенно выдающагося, но, тѣмъ не менѣе, были исполнены прекрасно. Съ Ф. А. Снѣт-

ковой я познакомился на репетиціяхъ; она была очень скромна, тиха, старательна и невольно очаровывала всѣхъ своею природною граціей. Передъ каждымъ выходомъ на сцену, во время представленія, она невольно смущалась и робѣла; но артистическая натура брала верхъ и, нѣсколько разыгравшись, она чувствовала себя какъ дома. Задушевность, простота и искренность звучали въ каждомъ ея словѣ; къ этому присоединялся и прекрасно выработанный голосъ, который, помимо всего, подкупалъ въ ея пользу. Но, кажется, ея общее умственное развитіе далеко уступало ея сценическимъ способностямъ: по крайней мѣрѣ, на репетиціяхъ она не вдавалась ни въ какія постороннія разсужденія, а все больше слушала, что говорили другіе.

В. В. Самойловъ являлся центромъ, около котораго вращался весь артистическій міръ. Какъ только пріѣзжалъ онъ на репетицію, его уборная наполнялась чуть ли не всѣми артистами, находившимися на лицо. Его совѣты принимались съ благодарностью, его замѣчаніями никто не обижался; на сценѣ онъ распоряжался какъ въ своей собственной квартирѣ. Онъ былъ и режиссеромъ, и бутафоромъ, и настоящимъ заправилой всей постановки пьесы. Съ большою снисходительностью смотрѣли и на нѣкоторыя черезчуръ оригинальныя стороны его характера, приписывая ихъ вполнѣ естественнымъ уклоненіямъ, свойственнымъ лишь широкой художественной натурѣ. Такъ, напримѣръ, онъ вздумалъ пріѣзжать на репетицію съ громаднымъ ньюфаундлендскимъ псомъ, который наводилъ страхъ, преимущественно на актрисъ, своимъ ревомъ и оглушительнымъ лаемъ. Но никто не рѣшался попросить В. В. оставлять лучше собаку дома, пока, наконецъ, Е. И. Вороновъ не заявилъ ему категорически, что наложитъ на него штрафъ, если онъ еще разъ пріѣдетъ съ собакой въ театръ. Точно также, за нѣсколько дней до перваго представленія, В. В. давалъ слѣдующія приказанія, призвавъ въ свою уборную театральнаго парикмахера, бутафора и помощника режиссера.

— Будутъ готовы завтра парикъ и борода? обратился онъ къ первому.

— Непремѣнно будутъ готовы, В. В.

— Какъ я тебѣ нарисовалъ?.. Смотри, поставь самые лучшіе волосы: не вздумай налѣпить пакли или мочалки! Слышишь?.. Да чтобы и лысина была сдѣлана точь въ точь, какъ на рисункѣ!..

— Уже не безпокойтесь, В. В., все будутъ сдѣлано, какъ изволили приказать.

— Теперь, вотъ что, началъ онъ, отпустивъ парикмахера: въ первомъ дѣйствіи завтракъ; такъ мнѣ приготовить настоящій, вкусный завтракъ,—не то, чтобы изъ папье-маше или картона.

— Слушаю, В. В.; что прикажете, можно котлету, бифстексъ...

— У васъ здѣсь такой проклятый буфетъ, что, чего добраго,

котлета застрянетъ въ горлѣ и, невзначай, поперхнешься... Н-да!.. Конечно, котлету, но только куриную, маленькую, самую нѣжную, чтобы таяла во рту, чтобъ была съ пыла, совсѣмъ горячая... Ну, съ соусомъ: шпинатъ и спаржа. Слышишь?

— Слышу, В. В. За котлету отвѣчаю.

— Да чтобы приборъ былъ какъ слѣдуетъ: на серебрѣ и прочее. Стаканы и рюмки чтобы на чисто были вымыты; а не то вѣдь я на сценѣ швырну вамъ и рюмки, и стаканы... Да! въ бутылку, вмѣсто хереса, налить холоднаго чая... а вмѣсто краснаго— подать глинтвейна, но только чтобы коньяку не слишкомъ много...

— Все будетъ исполнено, В. В. Не въ первый разъ.

— Во второмъ дѣйствіи,—тосты: такъ вы не вздумайте, вмѣсто шампанскаго, подать тамъ донское, что ли... Чтобъ было шампанское настоящее, Силлери или Клико, замороженное, безъ пѣны... Да чтобы, кто будетъ разливать на сценѣ, не вздумалъ пафнуть изъ бутылки: въ порядочномъ домѣ такъ не дѣлается.

Сообщивъ послѣднія наставленія бутафору, В. В. обратился къ помощнику режиссера, терпѣливо ожидавшему своей очереди.

— Въ третьемъ дѣйствіи, сказалъ В. В., во время бала, за сценой слышна музыка... Поставьте не болѣе пяти музыкантовъ, да безъ трубъ и рожковъ, а только со скрипками...

— Бальная музыка, В. В.

— Ну, да, бальная музыка... Да чтобы не слишкомъ громко, а немножко подъ сурдиной... Не то эти канальи такъ грянутъ, что моихъ словъ не будетъ слышно... При этомъ пусть играютъ отнюдь не польку, а какой нибудь вальсъ, изъ новыхъ...

— Вальсъ можно изъ Штраусса; а музыкантовъ я самъ выберу хорошихъ изъ оркестра.

— Ну, да; Штраусса...

Такимъ-то образомъ В. В. входилъ во всевозможныя подробности до самыхъ послѣднихъ мелочей. То же самое происходило и съ костюмеромъ; но съ послѣднимъ В. В. велъ частые и весьма продолжительные серьезные разговоры.

Относясь къ каждой своей роли въ высшей степени добросовѣстно, В. В., подобно истинному художнику, создавалъ въ своемъ воображеніи цѣлые, оконченные типы и переносилъ ихъ внѣшній образъ на бумагу красками; такимъ образомъ, у него сформировалась огромная коллекція созданныхъ имъ ролей, а нѣкоторыя изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ были имъ нарисованы даже по нѣсколько разъ, въ ихъ различныхъ сценическихъ моментахъ. Всѣ они были изображены загримированными, съ такимъ же точно выраженіемъ лица, съ какимъ являлись на сценѣ, и въ соотвѣтствующихъ костюмахъ. Не забывалась ни одна характеристическая особенность въ одеждѣ, въ головномъ уборѣ, въ позѣ, даже въ самой обстановкѣ. По собственнымъ рисункамъ, онъ заказывалъ себѣ па-

рики и платье, различнаго фасона картузы и шляпы, сапоги и перчатки. Въ первомъ дѣйствіи «Слова и дѣла» онъ вышелъ въ грубыхъ сапогахъ со скрипомъ, на необычайно толстыхъ подошвахъ, и въ пресмѣшной фуражкѣ съ уродливымъ козырькомъ. Въ третьемъ дѣйствіи, на балу, онъ явился въ потертомъ, смятомъ фракѣ, наглухо застегнутомъ, и въ замшевыхъ перчаткахъ. Впослѣдствіи, онъ подарилъ мнѣ нарисованное имъ акварелью, довольно большаго размѣра, изображеніе Вертяева во весь ростъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ игралъ въ третьемъ дѣйствіи, и собственную фотографическую карточку съ надписью «отъ Вертяева—Устрялову».

V.

Насталъ, наконецъ, день бенефиса Е. Н. Жулевой, 13-го ноября 1862 года, — день перваго представленія моей первой пьесы. Мои личныя чувства и впечатлѣнія по этому поводу едва ли могутъ представлять интересъ для читателя; поэтому я буду касаться ихъ лишь на столько, на сколько они необходимы для освѣщенія другихъ, болѣе интересныхъ, фактовъ и подробностей. Скажу только, что весь этотъ день я былъ точно въ лихорадкѣ, а вечеромъ, уже съ шести часовъ, находился въ уборной В. В. Самойлова, который скоро прибылъ туда съ двумя чемоданами,—въ одномъ находились костюмы, въ другомъ парики, шляпы и фуражки. Когда онъ приступилъ къ одѣванію, я отправился поздороваться съ другими артистами, но болѣе всего бродилъ, въ сильномъ волненіи, по корридорамъ и фойе. Не помню, кого тогда видѣлъ и съ кѣмъ говорилъ но къ началу представленія я уже сидѣлъ въ своей ложѣ, любезно предоставленной мнѣ бенефиціанткою.

Маріинскій театръ былъ совершенно полонъ, и, когда началось представленіе, публика стала слушать съ большимъ интересомъ, а почти немедленное появленіе В. В. Самойлова на сцену приковало къ себѣ вниманіе всѣхъ. Его внѣшній обликъ отличался поразительною художественностью и, какъ потомъ многіе говорили, представлялъ удивительное сходство съ наружностью и чертами лица того знаменитаго писателя, о которомъ въ то время можно было говорить лишь втихомолку, — Герцена. Не знаю, на сколько было справедливо это мнѣніе; знаю только то, что В. В. никогда не говорилъ мнѣ о своемъ желаніи копировать его наружность; можетъ быть, это сходство произошло и помимо воли самого артиста.

Послѣ перваго дѣйствія, Самойлова вызывали нѣсколько разъ. Я поспѣшилъ за кулисы и отъ искренняго сердца, со слезами на глазахъ, благодарилъ геніальнаго исполнителя. Онъ также нѣсколько измѣнилъ своему обычному хладнокровію, казался взволнованнымъ, но довольнымъ до чрезвычайности, и сказалъ мнѣ, что, судя по

пріему, оказанному публикою первому дѣйствію моей пьесы, успѣхъ ея обезпеченъ. Въ уборную В. В. скоро нахлынули всѣ артисты и даже дамы, участвовавшія въ пьесѣ; всѣ весело переговаривались съ нимъ, шутили, восхищались его мастерской игрой... Между прочимъ, послѣ третьяго дѣйствія, произошелъ довольно комичный случай, хорошо сохранившійся въ моей памяти: по ходу пьесы, перенеся незаслуженное оскорбленіе, Вертяевъ удаляется, и его послѣднія слова заключаютъ въ себѣ, сравнительно, весьма сильную драматическую коллизію. В. В.. послѣ этой сцены, нѣсколько утомился, и это было вполнѣ естественно, такъ какъ артистическая натура близко принимала къ сердцу всякое драматическое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ не какъ человѣкъ, а какъ артистъ, исполняющій извѣстную роль.

— Ну, батенька, сказалъ мнѣ В. В:, входя въ уборную, шутливо улыбаясь и стирая потъ съ лица, ужъ заставили же вы Вертяева въ третьемъ дѣйствіи выслушивать всевозможныя ругательства! Эко, сколько ихъ наплели!... Ну, да за то онъ всѣмъ имъ отплатитъ въ четвертомъ актѣ!...

При этихъ словахъ появился въ уборной давнишній пріятель В. В., извѣстный и всѣми уважаемый артистъ балетной труппы, Н. О. Гольцъ, прекрасно знавшій по русски. Онъ обратился въ В. В., съ восторгомъ отзываясь о его игрѣ.

— Вотъ, батенька, отвѣтилъ ему, смѣясь, В. В., — по чьей милости я былъ сейчасъ такъ жестоко обруганъ... А, каково выносить брань заслуженному артисту?... Я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ волненія!...

— Да, да! замѣтилъ г. Гольцъ, мнѣ приходится испытывать точно такое же положеніе въ роли царя Фараона... Помните, въ третьемъ дѣйствіи, когда похищаютъ его дочь... Эта потрясающая мимическая сцена требуетъ отъ артиста почти нечеловѣческихъ усилій, и каждый разъ, послѣ нея, я чувствую себя совершенно утомленнымъ, насилу дохожу до уборной и въ изнеможеніи падаю на диванъ...

Сказавъ еще нѣсколько словъ, Гольцъ ушелъ, а В. В. съ усмѣшкою обратился ко мнѣ:

— Удивительный человѣкъ! замѣтилъ онъ: — и простой, и добрый, и, кажется, не глупый, и я его очень люблю, а вѣдь какую поретъ чушь!.. Приравниваетъ балетъ къ драмѣ! Падаетъ на диванъ!.. Я думаю, упадешь въ его лѣта на диванъ, послѣ того, какъ цѣлые полчаса дрыгаешь на сценѣ ногами, болтаешь руками и скачешь козломъ!..

Во второмъ дѣйствіи значительный успѣхъ имѣла сцена съ тостами, въ третьемъ — сцена оскорбленія на балу; въ четвертомъ дѣйствіи — признаніе Вертяева возбудило оглушительный взрывъ рукоплесканій всей публики. Самойлова вызывали безчисленное

множество разъ. Оваціи выпали и на мою долю: по окончаніи четвертаго дѣйствія я находился за кулисами; вдругъ подходятъ ко мнѣ П. С. Ѳедоровъ (начальникъ репертуарной части) и режиссеръ Е. И. Вороновъ и говорятъ, что меня вызываетъ публика. Я нѣсколько смутился, но медлить было нельзя. Въ то время авторамъ не было разрѣшено выходить на сцену, чтобы раскланиваться на вызовы публики. Они должны были продѣлывать это изъ директорской ложи, находившейся въ бенуарѣ, подлѣ сцены, съ правой стороны. То же самое сдѣлалъ и я; вызывали меня, кажется, разъ шесть или семь. Помню, что въ ложѣ сидѣли какія-то дамы и полный генералъ, которые, при моемъ появленіи, встали и ушли въ глубину ложи. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ снова подошелъ П. С. Ѳедоровъ и сказалъ, что графиня Борхъ, жена директора театровъ, желаетъ меня видѣть. Я опять вошелъ въ директорскую ложу и былъ имъ представленъ одной пожилой дамѣ изъ числа здѣсь находившихся. Графиня Борхъ, очень, повидимому, любезная и добродушная особа, говорившая по-русски съ весьма замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, посмотрѣвъ на меня, черезъ золотой лорнетъ, точно на какое-то чудо, сказала нѣсколько комплиментовъ и поздравила съ успѣхомъ, причемъ обратилась ко мнѣ съ обычными, въ такихъ случаяхъ, вопросами: долго ли я писалъ свою пьесу, намѣренъ ли продолжать еще и т. п. Затѣмъ она замѣтила стоявшему подлѣ нея генералу, кажется, Н. П. Анненкову: «Il est bien agréable de voir des jeunes gens, qui s'occuppent de littérature dramatique» [1]). При этихъ словахъ, я счелъ за лучшее раскланяться и поспѣшилъ снова въ уборную В. В., съ которымъ можно было отвести душу, послѣ наплыва такихъ разнообразныхъ впечатлѣній. Признаюсь, это «представленіе» въ ложѣ, послѣ настоящаго представленія на сценѣ, не произвело на меня никакого эффекта. Мои нервы были черезъ-чуръ возбуждены и я очень легко могъ бы обойтись безъ оффиціальныхъ любезностей, поздравленій и поощреній на будущее время.

Пятое дѣйствіе отчасти расхолодило публику, нашедшую въ немъ приторность и дѣланную сентиментальность. Но нѣсколько фразъ, мастерски произнесенныхъ Самойловымъ и Снѣтковой, вновь привели зрителей въ хорошее настроеніе. По окончаніи пьесы, были вызваны всѣ артисты нѣсколько разъ, затѣмъ, отдѣльно, Самойловъ. Я также не былъ забытъ и снова появлялся въ директорской ложѣ. При второмъ представленіи я сократилъ пятое дѣйствіе, и это послужило въ пользу пьесѣ. Какъ бы то ни было, я убѣдился, что главная мысль, которая меня наиболѣе занимала—разладъ между словомъ и дѣломъ въ жизни—была проведена въ пьесѣ отъ

---

[1]) «Пріятно видѣть молодыхъ людей, которые занимаются драматическою литературою».

начала до конца и, мало того, была встрѣчена сочувственно большинствомъ публики, даже понята ею, на чтò, признаюсь, я мало разсчитывалъ.

VI.

На другой день послѣ перваго представленія «Слова и дѣла», ко мнѣ пріѣхалъ В. П. Печаткинъ, котораго до тѣхъ поръ я совсѣмъ не зналъ, и предложилъ мнѣ продать ему рукопись моей пьесы для напечатанія отдѣльною книжкой. Мы сошлись въ условіяхъ и она была вскорѣ напечатана въ количествѣ 2,000 экземпляровъ. Говорятъ, будто все изданіе давно разошлось; преимущественно большой спросъ былъ въ провинціи. По поводу моей пьесы, я получилъ довольно много писемъ, частью отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, частью анонимныя. Какъ и всегда бываетъ, одни хвалили меня, другія, особенно неподписанныя, ругали на повалъ. Впрочемъ, за исключеніемъ этихъ крайностей, иныя замѣчанія отличались мѣткостью, дѣльностью и тонкостью. У меня и донынѣ сохранилось одно письмо за подписью «Зырянинъ Лыткинъ», въ которомъ онъ благодаритъ меня, хотя и весьма сдержанно, за то, что я съумѣлъ, по его словамъ, отчасти уловить въ данную минуту нравственное настроеніе общества, но при этомъ предостерегаетъ отъ напускныхъ увлеченій, отъ стремленія къ тенденціозности, фальшивымъ положеніямъ и неосторожнымъ выводамъ и вполнѣ осуждаетъ развязку комедіи въ пятомъ дѣйствіи, какъ не мотивированную ни характеромъ дѣйствующихъ лицъ, нѝ ихъ взаимными отношеніями.

Въ Петербургѣ, въ короткое время, моя пьеса была сыграна на казенной сценѣ болѣе двадцати разъ. Въ началѣ я бывалъ на каждомъ представленіи, но затѣмъ убѣдился, что мое присутствіе совершенно излишне: артисты, съ каждымъ разомъ, сыгрывались все лучше и лучше, такъ что не нуждались въ «истолкователѣ». На одномъ изъ представленій присутствовалъ покойный цесаревичъ Николай Александровичъ, соблаговолившій словесно поручить начальнику репертуарной части передать автору благодарность.

Между тѣмъ, сношенія мои съ В. В. не прекратились: я посѣщалъ его и въ уборной за кулисами, бывалъ и на дому; иногда обѣдалъ у него, иногда ужиналъ,—по субботамъ,—и, большею частью, вдвоемъ. Въ то время В. В. находился въ состояніи небольшой мизантропіи и рѣдко принималъ постороннихъ, чтò, кажется, происходило отъ его несогласій съ дирекціею. Тѣмъ не менѣе, онъ ревностно предавался изученію «Гамлета», который долженъ былъ идти въ его бенефисъ недѣли черезъ двѣ. Роли были уже распредѣлены: Клавдій—Григорьевъ I, Гертруда—Жулева, Офелія—Спорова, Полоній—Сосницкій, Лаэртъ—Степановъ, Гильденштернъ—Яб-

лочкинъ, Фортинбрасъ—Нильскій, Могильщикъ—Зубровъ. Декораціи готовились новыя, костюмы тоже. Самойловъ, какъ и всегда, обращалъ самое тщательное вниманіе на внѣшнюю постановку; такъ, напримѣръ, онъ ни за что не допускалъ мысли, чтобы тѣнь отца Гамлета могла являться изъ трапа; необходимо было въ первомъ дѣйствіи прибѣгнуть къ электричеству, чтобы луннымъ, серебристымъ блескомъ освѣтить фигуру отца, проходящаго по крѣпостной стѣнѣ, и въ особенности его золотой шлемъ, который и былъ нарочно для этого придуманъ и сдѣланъ; а въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ требовалось устройство спектра, что̀ было сопряжено съ большими хлопотами, такъ какъ въ то время оптическія фокусы не достигли еще такого совершенства, какъ теперь. Какъ бы то ни было, настоянія В. В. увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ пользовался такимъ значеніемъ, что никто и не подумалъ бы отвѣчать ему отказомъ.

Нѣкоторыя изъ воззрѣній В. В. на личность Гамлета представлялись, по крайней мѣрѣ для меня, вполнѣ справедливыми и основательными. Главною чертою характера датскаго принца онъ хотѣлъ выставить сомнѣніе и недостатокъ душевной воли для обязанности мстителя, которую налагаетъ на него роковое провидѣніе. Его колебанія и нерѣшительность прямо происходятъ отъ неимѣнія твердости характера и, когда преступленіе является въ его глазахъ несомнѣннымъ, когда ему остается только мстить, мстить безпощадно,—его слабая, поэтическая, гуманная природа не выдерживаетъ страшнаго наплыва чувствъ, онъ сходитъ съ ума и рѣшается умереть самъ, исполнивъ свой долгъ и предавъ смерти виновныхъ. Этимъ чувствомъ объясняются и его отношенія къ Офеліи, которую онъ любитъ искренно, но которой совѣтуетъ «идти въ монастырь», потому что у него есть нѣчто высшее, за что онъ долженъ положить свою жизнь и душу.

Я полагаю, что въ этомъ отношеніи В. В. наиболѣе, если не исключительно, руководствовался, такъ сказать, своимъ артистическимъ чутьемъ и удивительнымъ знаніемъ сценическихъ эффектовъ, при чемъ, какъ выше уже было говорено, внѣшняя обстановка стояла въ его глазахъ далеко не на второстепенномъ планѣ. Не говоря о В. А. Каратыгинѣ, онъ и о А. М. Максимовѣ отзывался неодобрительно въ исполненіи роли Гамлета. Не знаю, видалъ ли онъ другихъ исполнителей въ этой роли, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Среди послѣднихъ онъ признавалъ замѣчательнаго артиста лишь въ актерѣ Фештѐрѣ (Fechter), который игралъ первыя роли на сценѣ театра du Gymnase въ Парижѣ, потомъ набралъ труппу и давалъ цѣлый рядъ представленій въ Лондонѣ, привлекавшій весь high—life. Самойловъ долгое время обдумывалъ монологъ Гамлета въ тотъ моментъ, когда онъ узнаетъ о дѣйствительно-совершенномъ преступленіи своего отчима Клавдія, послѣ представленія, даннаго при дворѣ странствующими комедіантами. Онъ гово-

рилъ мнѣ не разъ, что задуманное имъ исполненіе все еще не удовлетворятъ его, что оно блѣдно и не эффектно. Конечно, первое мѣсто здѣсь занимала внѣшность... И вотъ, однажды, когда я вошелъ къ нему въ уборную, В. В. сказалъ мнѣ:

— Теперь, кажется, нашелъ. Смотрите, какъ это будетъ!

При этомъ онъ вскочилъ на стулъ, приложилъ руки, въ видѣ козырька, къ глазамъ, всмотрѣлся вдаль, какъ бы вслѣдъ убѣгающему въ смятеніи Клавдію и проговорилъ съ самодовольнымъ видомъ, стоя на стулѣ, знаменитый монологъ:

«Оленя ранили стрѣлой» и т. д.

— Только эти черти, продолжалъ онъ, смѣясь, чего добраго, поставятъ мнѣ такой гнилой стулъ, на которомъ «провалишься» и въ буквальномъ, и въ переносномъ значеніи этого слова... Ужъ лучше я прикажу привести изъ своей квартиры настоящій, крѣпкій готическій стулъ!

Я былъ на бенефисѣ Самойлова. Конечно, онъ не могъ играть не хорошо и были минуты, когда онъ являлся истиннымъ художникомъ, но эти минуты были довольно рѣдки. Въ цѣломъ, исполненіе имъ этой роли меня не удовлетворило, какъ не удовлетворяла и прежде его игра въ «Королѣ Лирѣ». Вообще исполненіе пьесъ Шекспира удавалось ему менѣе другихъ.

Появившіеся вскорѣ послѣ перваго представленія моей пьесы отзывы и критическія статьи въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ относились къ ней скорѣе одобрительно, нежели враждебно. За то въ «Современникѣ» была помѣщена статья М. Е. Салтыкова хотя и колкая, но въ высшей степени остроумная, гдѣ мой несчастный мыловаръ былъ разнесенъ на всѣ стороны. Не стану говорить о разныхъ пасквиляхъ, въ родѣ напечатаннаго г. Іероглифовымъ въ одномъ изъ петербургскихъ мелкихъ журналовъ и т. п.

Моя комедія перешла и на сцену любительскихъ театровъ въ Петербургѣ. Въ декабрѣ какъ-то пріѣхали ко мнѣ депутаты отъ любителей-актеровъ съ просьбою принять участіе въ постановкѣ «Слова и дѣла» на сценѣ театра Пассажа. Театръ былъ плохенькій, грязный, дурно освѣщенный; публики было довольно много, но, кажется, большею частью изъ родственниковъ и знакомыхъ актеровъ. Едва ли окупился расходъ на постановку. Да и сами любители, хотя и старались, но ихъ старанія оказывались безуспѣшными: никто не зналъ даже, какъ стать какъ пойти, когда сѣсть... Всѣ, съ особенною охотою, поворачивались спиною къ публикѣ и сталкивались при выходахъ другъ съ другомъ. На репетиціяхъ мнѣ пришлось исполнять обязанности и режиссера, и бутафора, и чуть ли не суфлера. Безпорядокъ и хаосъ встрѣчались на каждомъ шагу. Помню, какого труда мнѣ стоило уговорить «первую любовницу» не хохотать все время на сценѣ и не ѣсть поминутно конфекты... Она убѣждала меня, что если пьеса—комедія, то и

сами актеры должны въ ней смѣяться для удовольствія публики. Впрочемъ, безъ такихъ маленькихъ недоразумѣній не обходится ни одинъ любительскій спектакль. Былъ еще одинъ спектакль, дававшійся тоже любителями, въ частномъ театрѣ Реймерса (1-я рота Измайловскаго полка), но тамъ моя пьеса была разыграна несравненно лучше, да и обстановка была гораздо роскошнѣе, полнѣе и изящнѣе.

Въ Москвѣ, на Маломъ театрѣ, моя комедія была дана въ бенефисъ Е. Н. Васильевой, извѣстной всему первопрестольному граду своею талантливостью, образованіемъ и умомъ. Роль Вертяева исполнялъ С. В. Шумскій. О немъ будетъ рѣчь впереди. На московской сценѣ моя пьеса произвела гораздо меньшее впечатлѣніе: она не понравилась москвичамъ. Въ ней нашли черезчуръ тенденціозную струнку, о которой я даже и не помышлялъ. Словомъ, москвичи удивлялись, какъ въ Петербургѣ эта комедія возбудила такой всеобщій говоръ. Изображенія нигилистовъ, въ какой бы формѣ они не выражались, приходились не понутру общимъ квасно-патріотическимъ мнѣніямъ московской,—якобы,—прессы. Шумскій, въ сравненіи съ Самойловымъ, имѣлъ менѣе успѣха. Онъ былъ артистъ, дѣйствительно, но артистъ съ недостатками, которые публика ему прощала, въ силу его громаднаго искусства и работы надъ самимъ собою. Шумскій не имѣлъ ни голоса, ни фигуры, онъ даже слегка пришепетывалъ; но былъ замѣчательно умный, толковый и добросовѣстный человѣкъ. Каждую роль онъ обдумывалъ и извлекалъ для нея изъ своихъ средствъ все, что могъ; онъ не брался за такія роли, которыя ему были не по силамъ, какъ, напримѣръ, въ пьесахъ Шекспира или Шиллера, и болѣе всего любилъ тѣ, въ которыхъ выражалась современность (Gegenwart).

Провинціальные театры отнеслись къ моей комедіи съ большимъ сочувствіемъ: она обошла почти всѣ провинціальныя сцены и до сихъ поръ еще играется въ провинціи. Въ то время не существовало «Общество драматическихъ писателей», выдающее авторамъ гонораръ за представленіе ихъ пьесъ въ провинцію. Поэтому подобный успѣхъ могъ только развѣ льстить моему самолюбію, но не представлялъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Провинціальные антрепренеры старались, какъ и всегда это бываетъ, соблазнять публику всевозможными приманками и вычурно-нелѣпо составленными объявленіями.

Мнѣ какъ-то попалась афиша,—кажется, изъ Казани, на которой огромными, чуть ли не въ четверть аршина, буквами было напечатано: Слово и дѣло, или нигилисты (откуда взялись эти «нигилисты»,—да еще и не одинъ, а нѣсколько,—я рѣшительно не могъ понять),—пьеса въ пяти дѣйствіяхъ и шестнадцати картинахъ. Дѣйствіе первое. Картина I. Встрѣча. Картина II. Клевета. Картина III. Никогда не женюсь. Дѣйствіе второе.

Карт. I. Знакомство. Карт. II. Тосты. Карт. III. Отъѣздъ. Дѣйствіе третіе. Карт. I. Балъ. Карт. II. Оскорбленіе. Карт. III. Вызовъ на дуэль и т. д.

Къ моему крайнему сожалѣнію, я ни разу не видалъ исполненія моей пьесы на провинціальной сценѣ. Говорили, что лучше всѣхъ изъ провинціальныхъ актеровъ исполнялъ роль Вертяева Никитинъ въ Одессѣ.

VII.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, русское общество переживало такъ много надеждъ и опасеній, постоянно смѣнявшихся другъ другомъ, что иные вопросы, къ рѣшенію которыхъ уже давнымъ давно было приступлено въ другихъ государствахъ, только всплывали на поверхность и ждали своей очереди. Въ это время всеобщихъ реформъ, перетасовки, измѣненія старыхъ порядковъ на новые, возникъ такъ называемый «женскій вопросъ», т. е. вопросъ о равноправности женщинъ и ихъ соціальномъ положеніи. Онъ являлся новинкою дня и возбуждалъ много толковъ и пересудовъ какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Впрочемъ, скорѣе можно сказать, что онъ былъ внесенъ въ жизнь по почину литературы.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ талантливѣйшіе изъ нашихъ писателей, представляя идеалы современной русской женщины, изображали, въ то же время, нравственное убожество ея настоящаго положенія, ту глухую, замкнутую обстановку, въ какой она находилась, и тѣ стремленія, которымъ она не видѣла никакого исхода. Къ уясненію и правильному, насколько возможно, опредѣленію положенія современной русской женщины, общество было подготовлено романами Дружинина («Жюли»), Авдѣева («Подводный камень»), Чернышевскаго, Тургенева—въ особенности двухъ послѣднихъ. Романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?», являясь въ сущности перекладкой на русскіе нравы теорій Прудона и Пьера Леру, тѣмъ не менѣе открылъ намъ нѣкоторые новые горизонты, а тургеневская Елена въ «Наканунѣ» осуществила типъ современной русской дѣвушки, сбросившей съ себя путы рутины и начавшей жить самостоятельною жизнью. Главною причиною зла многіе изъ тогдашнихъ передовыхъ людей считали, прежде всего, воспитаніе дѣвочекъ и взрослыхъ дѣвушекъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ онѣ могли только болтать пофранцузски, да и то съ грѣхомъ пополамъ, граціозно танцовать и «обожать» наиболѣе красивыхъ изъ своихъ учителей; при этомъ, конечно, считалось полною безнравственностью внушеніе имъ здравыхъ понятій объ обязанностяхъ жены и матери.

Подъ вліяніемъ такихъ идей, я написалъ свою вторую комедію «Чужая вина», которой въ началѣ хотѣлъ дать названіе «Инсти-

тутка». Исторія ея представленія на сценѣ и дальнѣйшія ея приключенія не лишены, по моему мнѣнію, нѣкотораго интереса, поэтому я и распространюсь о ней нѣсколько подробнѣе.

На репетиціяхъ моей второй пьесы, которая была поставлена на сценѣ въ 1863 году театральною дирекціею, я въ первый разъ познакомился съ Ю. Н. Линской, П. А. Каратыгинымъ и г-жою Владиміровой, исполнявшей роль кисейной барышни въ первомъ дѣйствіи и глупенькой жены въ остальныхъ дѣйствіяхъ моей пьесы. Прочія роли были распредѣлены между знакомыми уже мнѣ артистами: Нильскимъ, Яблочкинымъ, Пронскимъ и Горбуновымъ. Разумѣется, центромъ всего являлся В. В. Самойловъ, исполнявшій роль отставнаго капитана, ворчуна, добрѣйшаго человѣка, душой и тѣломъ преданнаго своей простоватой племянницѣ Вѣрочкѣ. Надо было видѣть измышленный имъ мундиръ, съ высоко-поднятымъ краснымъ воротникомъ и галстухомъ, долѣзавшимъ чуть ли не до ушей; надо было видѣть его физіономію, загримированную на подобіе лицъ генераловъ Ветрищева или Дитятина, съ хохолкомъ на темени и прилизанными на передъ височками; нельзя было не подивиться его пережившей все отжитое военной выправкѣ, когда онъ, вытягиваясь точно на парадѣ, ковылялъ своею правою ногой, для которой нарочно былъ заказанъ каблукъ пониже!.. Онъ до такой степени измѣнилъ свою наружность, что Ю. Н. Линская, съ которою я однажды разговаривалъ за кулисами въ то время, когда онъ подошелъ къ намъ въ видѣ отставнаго капитана, спросила меня, указывая на него:

— Это вашъ знакомый?

— Честь имѣю рекомендоваться, отвѣтилъ В. В. совсѣмъ не своимъ голосомъ:—отставной капитанъ мушкатерской роты, Платонъ Степановъ Возницынъ.

Юлія Николаевна совсѣмъ растерялась и хохоту тогда было не мало.

В. В. досталъ себѣ откуда-то—а на это онъ былъ большой мастеръ—великолѣпный, расшитый шелками кисетъ, который и привѣсилъ на пуговицу своего уморительнаго мундира. Его очень интересовала также сцена съ чубукомъ, на которую онъ возлагалъ большія надежды: въ порывѣ негодованія, Платонъ Степановичъ Возницынъ ломаетъ пополамъ о колѣно свой чубукъ. Объ этомъ чубукѣ В. В. долго хлопоталъ: чубукъ оказывается то недостаточно длиненъ, то недостаточно толстъ; кромѣ того, нужно было такъ его принаровить, чтобы можно было изъ него курить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы въ серединѣ сдѣланъ былъ довольно глубокій надрѣзъ, съ цѣлью удобнѣе сломать его въ данный моментъ. Сколько помнится, такихъ чубуковъ приготовили В. В. чуть ли не цѣлую дюжину. Дѣйствительно, во время представленія сцена съ чубукомъ прошла великолѣпно и Самойловъ за нее былъ вызванъ неоднократно.

Какъ дружно ни срепетировались актеры, но сердце у меня не было спокойно. Я боялся за Владимірову. Ей назначалась главная роль и она прямо говорила мнѣ, что едва ли съ нею совладаетъ. Она была высокая, статная блондинка, съ гармоническимъ, даже черезъ чуръ пѣвучимъ голосомъ, съ голубыми глазами съ поволокой и съ безжизненнымъ выраженіемъ лица. Впечатлѣнія на зрителей производила она мало, но не портила роли; въ драматическихъ сценахъ она играла слабо... Лучше другихъ ей удавались роли простушекъ и наивныхъ дѣвушекъ. Она не пользовалась особеннымъ расположеніемъ публики и скоро сошла со сцены.

Я уже давно искалъ случая познакомиться съ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ, котораго зналъ не только какъ прекраснаго актера, но и слышалъ о немъ, какъ о добромъ и умномъ человѣкѣ, истинномъ любителѣ и цѣнителѣ драматическаго искусства. Его любезностью, простымъ обращеніемъ и интересными разсказами о различныхъ театральныхъ случаяхъ я былъ очарованъ. Въ свою маленькую роль Петръ Андреевичъ вложилъ столько комизма и ума, что публика каждое появленіе его на сценѣ привѣтствовала съ большимъ сочувствіемъ.

Не могу сказать, чтобы я особенно сошелся съ Ю. Н. Линской: во время репетицій она держала себя какъ-то черезъ чуръ свысока, въ родѣ великосвѣтской дамы съ большими претензіями, что̀, между прочимъ, совсѣмъ не подходило къ ея наружности; о своей роли она не говорила ни слова и относилась критически къ окружающимъ. У ней вышла даже маленькая размолвка изъ-за пустяковъ съ Самойловымъ, который, впрочемъ, не обратилъ на это никакого вниманія. Въ то время онъ гораздо болѣе интересовался красивыми ножками госпожи Мадаевой, которая, во время антрактовъ, исполняла русскую пляску вмѣстѣ съ упомянутымъ выше Гольцомъ и восхищала В. В., одѣтая въ балетный костюмъ.

Репетиціи шли своимъ чередомъ; но на послѣдней, въ день представленія, случился слѣдующій казусъ.

А. А. Яблочкинъ, артистъ весьма добросовѣстный и образованный, исполнявшій въ «Чужой винѣ» роль стараго волокиты и взяточника, занимающаго видное мѣсто, — барона Талецкаго, подошелъ ко мнѣ и замѣтилъ, что не дурно было бы «усилить» одну изъ фразъ, произносимыхъ этою личностью въ моей пьесѣ.

— Какимъ образомъ усилить? спросилъ я.

— Когда Зарновскій говоритъ Талецкому, что купецъ Мѣдный предложилъ ему взятку, то было бы недурно, если бы Талецкій сказалъ: — «Какъ и вамъ тоже?»... Это дало бы понять зрителю, что Мѣдный уже успѣлъ побывать у Талецкаго и уже предложилъ ему взятку, отъ которой тотъ, конечно, не отказался.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ и отъ души благодарю васъ, отвѣтилъ я, радуясь, что вижу передъ собой артиста, который не только понимаетъ, но и дополняетъ мысль автора.

Когда, черезъ нѣсколько времени, Яблочкинъ сказалъ на репетиціи условленное между нами: «Какъ, и вамъ также?» — къ нему подошелъ Е. И. Вороновъ и весьма строго обратился со слѣдующею рѣчью:

— Если вы, Александръ Александровичъ, дозволите себѣ искажать смыслъ рукописи, разрѣшенной цензурою, и добавлять ее своими вставками, то я, какъ главный режиссеръ, этого не потерплю.

— Вѣдь я добавилъ всего четыре слова, Евгеній Ивановичъ, замѣтилъ Яблочкинъ.

— Очень хорошо понимаю я эти четыре слова; очень хорошо понимаю-съ, на что̀ они намекаютъ: важное сановное лицо прямо говоритъ передъ публикой, что беретъ взятки. Этого я не допущу-съ.

— Позвольте, я говорю это съ разрѣшенія автора, возразилъ А. А.

— Дѣйствительно, вступился я въ свою очередь, мы уже условились съ А. А., порѣшивъ, что такъ будетъ гораздо лучше для характеристики его роли. Къ тому же, всего четыре слова...

— Нѣтъ-съ! я этого рѣшительно не могу допустить!... Никакихъ прибавленій-съ!... Что̀ правительство разрѣшило, то и будетъ, но лишняго ничего-съ!... Хотя бы четыре слова! Да вѣдь и слова-то какія, — весьма знаменательныя, особенно въ наше время... Если вы, продолжалъ Вороновъ, войдя въ паѳосъ и обращаясь къ Яблочкину, еще разъ произнесете эти слова, то я васъ оштрафую, отниму у васъ роль и сдѣлаю аннонсъ, что пьеса отмѣняется по вашей болѣзни. Такъ оно и будетъ.

Я тоже началъ нѣсколько кипятиться.

— А если я сейчасъ отправлюсь къ цензору и попрошу его, чтобы онъ позволилъ мнѣ вставить въ рукопись эти несчастныя четыре слова, то вы не будете имѣть ничего противъ этого?...

— Ничего-съ, — потому — законъ! отвѣтилъ мнѣ Вороновъ, быстро повернулся и ушелъ со сцены.

Мое самолюбіе, какъ автора, было задѣто; кромѣ того, я хотѣлъ доказать, что, такъ или иначе, добьюсь разрѣшенія А. А. Яблочкину сказать передъ публикой магическія слова. Онъ совѣтовалъ мнѣ оставить безъ вниманія эти пустяки, но, казалось, втайнѣ былъ доволенъ моей рѣшимостью. Я обѣщалъ ему привезти въ театръ, до начала спектакля, формальное разрѣшеніе.

Театральныя пьесы допускались къ представленію на сценѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія театральной цензуры при III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Цензоромъ былъ въ то время д. с. с. Нордстремъ, весьма обходительный и любезный человѣкъ, но осторожно-подозрительный чиновникъ, какъ и вообще, впрочемъ, всѣ лица, принадлежавшія къ помянутому Отдѣленію или находившіяся въ его составѣ. Я отправился на набережную Фонтанки, къ Пантелеймонскому мосту, вошелъ въ красивыя сѣни

и затѣмъ увидѣлъ передъ собою безконечный рядъ корридоровъ, исчезавшихъ гдѣ-то въ пространствѣ... У каждой двери, выходившей въ эти корридоры, я непремѣнно натыкался на жандарма, какъ бы окаменѣвшаго на своемъ посту и представлявшагося мнѣ олицетвореніемъ непреклонности и готовности все сокрушить. Тутъ же, по корридорамъ, шныряли и бѣгали чуть ли не въ запуски весьма прилично одѣтые молодые джентльмены, очевидно готовившіеся къ блестящей карьерѣ... Какой-то простакъ-сторожъ надоумилъ меня, и я попалъ въ изящный, свѣтлый кабинетъ всегда любезнаго и обязательнаго д. с. с. Нордстрема.

Послѣ первыхъ привѣтствій и искреннихъ любезностей какъ съ той, такъ и съ другой стороны, я сказалъ ему, что прошу разрѣшить маленькое недоразумѣніе, возникшее между мною и режиссеромъ по поводу вставки ничего не значущихъ четырехъ словъ въ мою рукопись, которую я нарочно захватилъ съ собою, такъ какъ время не терпитъ и сегодня назначено представленіе моей пьесы.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, заговорилъ Нордстремъ, это такіе пустяки... ровно ничего не значитъ... Я сейчасъ же... Однако, позвольте, все-таки, узнать... просто такъ, ради любопытства, какія это такія четыре слова?

— Очень простыя, отвѣтилъ я съ самымъ добродушнымъ и невиннымъ видомъ; нужно прибавить: «Какъ, и вамъ тоже?» Вотъ и все. У меня и листъ готовъ, ожидаетъ только вашей подписи.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ... Сію минуту подпишу... Но что собственно означаютъ эти слова? Я, виноватъ, немножко забылъ сюжетъ вашей интересной комедіи.

— Тутъ говорится о взяткахъ, вымолвилъ я, запинаясь... Это.. это взрывъ благороднаго негодованія...

— Гмъ!... О взяткахъ?... Н-да! Нынче взятки... того... Такъ вы говорите однако: взрывъ благороднаго негодованія?

— Да-съ.

— Ну, если такъ... Отлично-съ. Сейчасъ подпишу.

И онъ подписалъ.

Въ тотъ же вечеръ, до начала представленія, я съ торжествомъ отправился въ театръ и, прежде всего, забѣжалъ въ уборную А. А. Яблочкина.

— Ура! закричалъ я при входѣ. Наша взяла!...

При этомъ я показалъ ему разрѣшеніе, добытое мною не безъ труда.

Когда мы предъявили его Воронову, тотъ только пожалъ плечами, развелъ руками и повторилъ нѣсколько разъ: «Удивляюсь! удивляюсь!!»

Моя вторая пьеса имѣла менѣе успѣха на петербургской сценѣ, нежели предыдущая. Независимо отъ ея опять-таки тенденціознаго

направленія, которое обыкновенно не слишкомъ нравится публикѣ, исполненіе ея далеко не могло назваться образцовымъ. Линская осуществила шаблонный типъ злой, придурковатой, ворчливой и взбалмошной женщины, который публика уже привыкла видѣть въ другихъ пьесахъ въ ея исполненіи; она не произвела впечатлѣнія и оставалась какъ-то незамѣтной. Главная мужская роль, въ лицѣ Нильскаго, совсѣмъ пропала: онъ былъ, по обыкновенію, безцвѣтенъ и въ драматическихъ сценахъ прибѣгалъ къ своимъ ординарнымъ жестамъ. Даже милѣйшій разсказчикъ, И. Θ. Горбуновъ, въ эпизодической роли купца Мѣднаго, совсѣмъ стушевался: не то онъ оробѣлъ, не то не сладилъ съ ролькою, но отъ его исполненія можно было ожидать гораздо лучшаго и болѣе оригинальнаго. На первомъ представленіи вызывали артистовъ, вызывали и меня, но не такъ дружно и восторженно, какъ послѣ «Слова и дѣла». Вообщее, на петербургской сценѣ «Чужая вина» имѣла, что называется, succès d'estime и послѣ десяти съ небольшимъ представленій сошла со сцены.

Совсѣмъ иное произошло въ Москвѣ.

VIII.

«Чужая вина» была поставлена въ Москвѣ, на сценѣ Малаго театра, кажется, въ бенефисъ режиссера Богданова, въ началѣ января 1864 года. На другой день послѣ ея перваго представленія, я получилъ изъ Москвы телеграмму приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Нижеподписавшіеся артисты московской сцены благодарятъ автора пьесы «Чужая вина» за тотъ прекрасный матеріалъ, который онъ далъ для ихъ дѣятельности. Подписали: Θедотова, Васильева, Никулина; Садовскій, Самаринъ, Шумскій, Вильде, Рѣшимовъ».

Эта телеграмма привела меня въ восторгъ: я еще не имѣлъ до той поры понятія, чтобы могли существовать такія внимательныя, деликатныя отношенія артистовъ къ автору, и чтобы первые, по общему своему рѣшенію, вздумали послать благодарственный привѣтъ только что начинающему писателю, пьеса котораго не отличалась никакими выдающимися достоинствами. Я рѣшительно не зналъ, чему приписать такое вниманіе съ ихъ стороны, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже сказалъ выше, «Чужая вина» почти не имѣла успѣха на петербургской сценѣ. Слѣдовательно, все дѣло зависѣло главнымъ образомъ отъ искусства участвовавшихъ въ ней артистовъ, или, что̀ труднѣе предположить, отъ настроенія публики въ данный моментъ. Въ первомъ отношеніи, петербургскихъ артистовъ упрекнуть было едва ли возможно: они весьма сочувственно отно-

сились къ пьесѣ и сдѣлали все, что могли,—скорѣе вина автора, что изображаемые имъ характеры или лица оказались безжизненными; наконецъ тѣже самые артисты содѣйствовали успѣху «Слова и дѣла» въ Петербургѣ,—комедіи, которую въ Москвѣ постигла почти противуположная участь... Что же касается настроенія публики, то едва ли можно было предположить такую замѣтную разницу въ симпатіяхъ публики московской и петербургской, хотя, конечно, первой всегда болѣе нравились семейныя, бытовыя сцены, а второй—пьесы съ болѣе широкимъ, современнымъ пошибомъ. Какъ бы то ни было, загадка оставалась для меня неразъясненною; изъ газетъ я могъ узнать очень мало по поводу исполненія пьесы въ Москвѣ; онѣ болѣе обращали вниманія на ея содержаніе, а «Московскія Вѣдомости» упомянули о ней какъ-то вскользь и весьма неопредѣленно.

Мое недоумѣніе объяснилось только во время нахожденія моего въ Москвѣ, куда я отправился въ томъ же году, въ великомъ посту, по своимъ дѣламъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ, я хотѣлъ непремѣнно познакомиться съ кѣмъ либо изъ московскихъ актеровъ или актрисъ и однажды поѣхалъ Е. Н. Васильевой, жившей, сколько помнится, на Остоженкѣ, близь церкви Воскресенія, въ собственномъ домѣ. Не зная ея лично, я нѣсколько времени находился уже съ нею въ перепискѣ по поводу постановки моихъ пьесъ въ Москвѣ. Е. Н. приняла меня очень любезно и радушно. Это была вполнѣ образвванная, очень умная и замѣчательно добрая женщина, лѣтъ сорока пяти, высокаго роста, съ пріятнымъ, симпатичнымъ выраженіемъ лица. Она занимала тѣ же роли на московской сценѣ, какія занимаетъ Е. Н. Жулева на петербургской, и пользовалась общимъ расположеніемъ московской публики. Игра ея была прочувствованная, изящная, съ прекрасною дикціей и тонкимъ пониманьемъ исполняемой роли. Въ первомъ бракѣ она была замужемъ за любимцемъ Москвы, талантливымъ артистомъ, С. В. Васильевымъ, котораго еще многіе москвичи помнятъ въ роли Любима Торцова. Я былъ у нея раза два или три и отъ нея узналъ подробности о томъ, какъ «Чужая вина» шла на московской сценѣ.

— Мы всѣ,—артисты, сказала она мнѣ, живемъ здѣсь очень дружно, составляемъ какъ бы одну семью и у каждаго изъ насъ есть даже свое амплуа въ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ: Садовскій и Самаринъ занимаютъ мѣста отцовъ, Шумскій—является резонеромъ, я—въ родѣ матушки или тетки, а Ѳедотова—наша любимая, балованная дочка. Въ эту семью мы охотно принимаемъ и каждаго автора, въ которомъ находимъ драматическій талантъ, или простые намеки на него... Посмотрите, какъ дружно мы живемъ съ Островскимъ, и онъ это понимаетъ и цѣнитъ: какъ онъ принесъ намъ пользу, такъ и мы, надѣюсь, оказались ему необходимы, особенно въ первое время. И публикѣ нашей тоже это из-

вѣстно. Она жалуетъ насъ и ходитъ въ театръ, чтобы полюбоваться нашею дружною игрой, чуждою всякой мысли о первенствѣ однимъ надъ другимъ, зависти и интригъ... Мы всѣ помогаемъ другъ другу и, тѣмъ самымъ, помогаемъ автору, изучая и обдумывая долгое время роли, въ которыхъ мы участвуемъ. Теперь постъ и театръ закрытъ. Очень жаль, что вы пріѣхали въ такое время въ Москву: вы увидали бы, какъ мы играемъ вашу «Чужую вину» и, навѣрное, остались бы довольны. Я приведу вамъ одинъ примѣръ: сначала Садовскій не хотѣлъ браться за роль купца Мѣднаго, находя ее слишкомъ ничтожною для своего таланта; но вдумавшись въ нее, онъ напалъ на мысль, что изъ нея можно создать новый, отдѣльный типъ купца—подрядчика, кулака, надувалу, хоторый ползкомъ добьется таки своего. И, разъ согласившись, онъ исполнилъ эту маленькую роль великолѣпно, художественно, артистически. Одна его входная сценка во второмъ дѣйствіи, съ лакеемъ Зарновскаго, Андреемъ, представляетъ бытовую картинку, выхваченную цѣликомъ изъ жизни. Продувной купчина, уже собравшій кое какія свѣдѣнія о домашней жизни Зарновскихъ, хочетъ провѣрить ихъ на дѣлѣ, приходитъ къ нимъ на квартиру и обращается къ первому попавшемуся лакею, который, конечно, вначалѣ принимаетъ его свысока, съ чисто хамскимъ презрѣніемъ, но не можетъ устоять при видѣ красненькой ассигнаціи и разсказываетъ всю подноготную. Надо было, по истинѣ, восхищаться даже мимическою игрою артиста въ тотъ мигъ, когда Садовскій медленно вытаскивалъ изъ кармана смятую десятирублевку, разглаживалъ ее на колѣнѣ, а въ то время продолжалъ дѣлать вопросы Андрею... У того точно текли слюньки: вотъ—вотъ бумажка сейчасъ перейдетъ ему въ руки... Но бумажка не переходила, она методически—хладнокровно снова запрятывалась въ карманъ, и на лицѣ обманутаго въ ожиданіяхъ Андрея выражались полнѣйшее отчаяніе и безнадежность... Тутъ дѣло было не въ словахъ, а въ мимикѣ, въ жестахъ... Два актера такъ сыгрались между собою, что ихъ игрою была воспроизведена сама жизнь, сама природа... Театръ разразился хохотомъ и долго неумолкавшими рукоплесканіями. За одну эту сценку, продолжавшуюся не болѣе двухъ—трехъ минутъ, Садовскій былъ вызванъ чуть ли не десять разъ. Это новая жемчужинка въ его репертуарѣ. Тоже самое повторилось и въ той сценѣ, когда Мѣдный даритъ Вѣрочкѣ шаль въ видѣ взятки. У васъ, въ Петербургѣ, роль Мѣднаго игралъ Горбуновъ и мнѣ говорили, что она совсѣмъ пропала. Я этому не удивляюсь: Горбуновъ отличный и очень умный разсказчикъ, но онъ не актеръ.

Въ Москвѣ я пробылъ не долго и не могъ повидать другихъ артистовъ; нѣкоторые изъ нихъ были въ разъѣздѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, я сталъ подумывать, какъ бы напечатать свою пьесу, и рѣшился предложить ее редакціи «Отечественныхъ За-

писокъ». Та приняла ее на довольно смѣшныхъ условіяхъ: уплатить мнѣ гонорара за всю пьесу (не по листамъ) пятьдесятъ рублей и предоставить въ мою пользу триста отдѣльныхъ экземпляровъ. Я не столько добивался денегъ, сколько того, чтобы, не входя въ расходы, имѣть отдѣльные экземпляры моей комедіи, и потому согласился. Переговоры я велъ съ С. С. Дудышкинымъ, бывшимъ въ то время оффиціальнымъ редакторомъ журнала и извѣстнымъ публикѣ только тѣмъ, что издалъ собраніе сочиненій Лермонтова, съ предисловіемъ и біографическимъ очеркомъ знаменитаго поэта. Я видѣлся съ Дудышкинымъ нѣсколько разъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ»; онъ былъ очень хорошій и симпатичный человѣкъ, и умеръ, кажется, на сороковомъ году своей жизни.

IX.

Лѣтомъ 1864 года пріѣхалъ въ Петербургъ С. В. Шумскій и далъ нѣсколько представленій въ Александринскомъ театрѣ. Я видѣлъ его въ «Шутникахъ» и «Лѣсѣ» Островскаго и не могъ невосхищаться его игрой. Впрочемъ, уже и прежде, лѣтъ десять тому назадъ, я видѣлъ его въ Москвѣ, въ роляхъ молодыхъ любовниковъ, кутилъ, повѣсъ и весельчаковъ. Тогда онъ рѣдко брался за характерныя или драматическія роли. Въ теченіе этихъ послѣднихъ десяти лѣтъ, онъ сдѣлался настоящимъ артистомъ-художникомъ, въ полномъ значеніи этого слова. Игра его была совсѣмъ особенная: онъ не отличался ни представительною наружностью, за исключеніемъ выразительныхъ глазъ, ни какими либо другими внѣшними достоинствами, но бралъ чисто нервами, и во всемъ его обликѣ горѣлъ артистическій огонь, обоятельно дѣйствовавшій на зрителей. Нѣкоторые псевдо-любители драматическаго искусства утверждали, будто между Самойловымъ и Шумскимъ было много общаго; но это общее основывалось развѣ только на томъ, что они оба занимали одинаковое амплуа, между тѣмъ, какъ въ характерѣ ихъ игры замѣчалась громадная разница. Первый отличался привлекательною наружностью, симпатичнымъ голосомъ, который онъ могъ модулировать по произволу и изящными пріемами; онъ много работалъ надъ каждою ролью, проводилъ ее обдуманно и умно, и это самое подчасъ замѣняло ему искренность и чувство. Второй не столько обращалъ вниманія на внѣшность, сколько на правдивое изображеніе характера данной личности, хотя бы даже для вѣрнаго воспроизведенія ея у него не хватало внѣшнихъ средствъ, да и въ самомъ осуществленіи извѣстнаго типа онъ оставался вѣрнымъ природѣ, не искажая его ни малѣйшимъ прибавленіемъ собственной фантазіи, изъ желанія снискать лишніе аплодисменты публики, при помощи какихъ нибудь нарочно придуманныхъ эф-

фектовъ. Этимъ сравненіемъ объясняется и то обстоятельство, что В. В. Самойловъ съ нѣкотораго рода неохотою брался за иныя роли въ пьесахъ Островскаго, называя ихъ огульно «мужицкими», да и вообще изъ всего огромнаго репертуара драматическихъ произведеній этого писателя онъ исполнилъ всего пять — шесть ролей и, хотя игралъ въ нихъ прекрасно,—иначе онъ играть не могъ,— но все-таки особеннаго успѣха не имѣлъ. Точно также относился онъ къ Гоголю и Грибоѣдову. Было бы весьма интересно посмотрѣть, что сдѣлалъ бы, при своемъ громадномъ талантѣ, Самойловъ изъ личностей Хлестакова и Чацкаго, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда онъ былъ въ самой цвѣтущей порѣ своей артистической дѣятельности. Значитъ у артиста было убѣжденіе, что онъ не можетъ справиться съ этими ролями, и потому какъ бы игнорировалъ ихъ. Напротивъ, для Шумскаго служили торжествомъ роли въ пьесахъ Островскаго и Гоголя.

Зная, что С. В. Шумскій бываетъ ежедневно на репетиціи до двухъ часовъ, я однажды заѣхалъ къ нему въ четвертомъ часу до обѣда. Онъ занималъ, сколько мнѣ помнится, двѣ или три плохо меблированныя комнаты на Вознесенскомъ проспектѣ. Я увидѣлъ передъ собою худощаваго человѣка, средняго роста, съ довольно рѣдкими вьющимися черными волосами, въ которыхъ изрѣдка мелькала сѣдина, съ неправильными, смугловатаго оттѣнка, чертами лица, ослѣпительно бѣлыми зубами и черными, какъ уголь, большими, замѣчательно блестящими глазами. Эти глаза долго оставались у меня въ памяти... Выраженіе ихъ было глубокое, серьезное, но въ тоже время они были точно бархатные и вкрадывались въ душу. Вообще, вся наружность его отличалась серьезностью и сдержанностью: ни малѣйшаго самохвальства, ни малѣйшаго шикарства, присущихъ актерамъ, черезъ чуръ много и не по праву думающихъ о себѣ. Я пробылъ у него около часа и въ этотъ часъ вынесъ массу самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній.

— Вы еще молодой писатель, говорилъ мнѣ Шумскій, вы только-что начинаете работать для сцены. Не обольщайтесь тѣми рукоплесканіями, вызовами и одобреніями, которые могутъ выпасть и выпадали на вашу долю; не обращайте, кстати сказать, особеннаго вниманія и на сочувственную телеграмму, которую мы прислали вамъ изъ Москвы. Признаюсь, я и Садовскій сперва даже не хотѣли ее подписать, боясь дать вамъ поводъ... какъ бы выразиться по мягче?... ну, все равно,—дать поводъ зазнаться!.. Наконецъ, мы рѣшились поставить наши фамиліи, такъ какъ мы дѣйствуемъ сообща и нашъ нѣмой протестъ возбудилъ бы неудовольствіе въ нашихъ товарищахъ по искусству... Какъ-бы то ни было, но это сочувствіе къ вамъ доказываетъ, что въ васъ видны начатки драматическаго таланта, разовьются ли они, — это еще Богъ знаетъ!.. Не спорю, ваше «Слово и дѣло» имѣло успѣхъ въ Петербургѣ:

Самойловъ сдѣлалъ свое дѣло и принесъ вамъ большую пользу,— сожалѣю, что мнѣ не пришлось его видѣть. Но я, съ своей стороны, не вполнѣ понимаю характеръ Вертяева, хотя и игралъ его болѣе пятнадцати разъ. Мнѣ кажется, что вы впали въ противорѣчіе съ самимъ собою и не выдержали этого характера до конца... Вообще ваша пьеса какъ-то не выдержана, — прошу васъ, необижайтесь моими словами!.. Впрочемъ, въ ней есть нѣкоторыя достоинства, напримѣръ, есть намекъ на довольно своеобразный, оригинальный типъ, который, къ несчастью, теперь нерѣдко попадается въ нашемъ обществѣ.

— Что же касается вашей новой пьесы, продолжалъ Шумскій, то скрывать тутъ нечего: «Чужая вина» на петербургской сценѣ чуть не провалилась... На московской же сценѣ своимъ успѣхомъ она обязана исключительно намъ, артистамъ. Я думалъ, что послѣ «Слова и дѣла» вы напишите что нибудь гораздо лучшее, болѣе оригинальное и самостоятельное. Оказалось совсѣмъ не то; ваша новая пьеса даже не особенно сценичная вещица съ тенденціонною подкладкой... Повѣрьте, нѣтъ ничего хуже, какъ писать пьесы на придуманныя заранѣе тэмы!.. Въ нихъ только и останутся голыя идеи, но не будетъ ни настоящихъ характеровъ, ни живыхъ типовъ... Вы, однако, удивительно счастливы для начинающаго автора! Одна пьеса имѣла успѣхъ въ Петербургѣ, другая — въ Москвѣ; сдѣлайте теперь такъ, чтобы ваша третья пьеса имѣла успѣхъ и тамъ, и здѣсь,—на обѣихъ сценахъ. Тогда это будетъ шагъ впередъ и послужитъ мнѣ мѣриломъ для оцѣнки вашихъ драматическихъ способностей. Но если новая пьеса не оправдаетъ ожиданій, тогда, — ужъ не прогнѣвайтесь! — я скажу, что вы увлеклись наплывомъ мыслей данной минуты... Повторяю еще разъ: старайтесь пуще огня избѣгать всякой предвзятой тендѐнціи!.. Тенденція — очень опасная вещь и уже сгубила многихъ писателей.

Я запомнилъ эти слова, но, къ сожалѣнію, они не пошли мнѣ въ прокъ.

X.

Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ русскомъ обществѣ, появились, кромѣ нигилистовъ, еще и нигилистки. Съ понятіемъ о нигилисткѣ представлялось обыкновенно что-то довольно безобразное: нахально-дерзкое выраженіе лица, на глазахъ синія очки, грязныя руки, изорванный пледъ на плечахъ, истоптанныя галоши и остриженные волосы. Въ силу послѣдней примѣты, нигилистокъ нерѣдко называли «стрижеными». Но это были только внѣшнія формы нигилизма, часто выражавшіяся, дѣйствительно, въ уродливомъ видѣ. На дѣлѣ иныя нигилистки нисколько не подчинялись и не слѣдовали этимъ внѣшнимъ проявленіямъ нигилизма,

хотя, можетъ быть, гораздо сильнѣе и сознательнѣе осуществляли мыслью примѣненія нигилистической теоріи на практикѣ. Въ романѣ Лѣскова «Некуда» встрѣчаются подобные типы нигилистокъ втораго разряда, хотя нѣсколько утрированные. Это были дѣвушки и женщины, стремившіяся вырваться изъ узкихъ рамокъ семейной жизни и зависимости отъ родныхъ и близкихъ, хотѣвшія заработывать хлѣбъ своимъ трудомъ, не быть никому въ тягость и отрѣшиться отъ условныхъ и сословныхъ предразсудковъ. Безъ сомнѣнія, ихъ прошлая жизнь была нерадостна: онѣ жаждали или освободиться изъ подъ гнета семейнаго деспотизма, или избѣгнуть искушеній, представляемыхъ жизнью, или отстраниться отъ разврата, во власть котораго могли подпасть окончательно,—во всякомъ случаѣ, онѣ должны были въ конецъ измѣнить свою прежнюю обстановку, разомъ порѣшить съ своимъ прошлымъ, съ своими бывшими связями и интересами, и начать житье въ другой средѣ. Но и эта среда зачастую приводила ихъ къ тому результату, отъ котораго онѣ бѣжали; случалось что онѣ подвергались еще большему деспотизму, впадали еще въ большій развратъ, встрѣчаясь съ людьми, пользовавшимися ихъ неопытностью для своихъ личныхъ цѣлей, и тогда, конечно, имъ уже было не подъ стать бороться съ жизнью и онѣ погибали, не находя себѣ никакого логическаго исхода. Если же судьба наталкивала ихъ на людей честныхъ, развитыхъ и образованныхъ, то ихъ жизнь становилась нормальною и онѣ удовлетворялись ею вполнѣ.

Одну изъ такихъ дѣвушекъ постарался я изобразить въ своей новой четырехъ-актной пьесѣ, подъ названіемъ «Разрывъ», данной въ бенефисъ Е. Н. Жулевой, въ 1865 году, на масляной. Время было выбрано очень неудачно; ее дали всего четыре или пять разъ и затѣмъ она была снята со сцены по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ. Роль дѣвушки, разрывающей связь съ отсталымъ, барскимъ и развратнымъ обществомъ, идущей на встрѣчу новой жизни, съ душою, полною твердыхъ силъ и завѣтныхъ упованій, — играла молодая артистка Брошель, въ короткое время заслужившая любовь публики. Она была нехороша собою, небольшаго роста, худенькая, съ смуглыми чертами лица и большими черными глазами. Но въ ней горѣла та божественная, художественная искра, которая дается въ удѣлъ немногимъ избраннымъ артистамъ... Для роли молодыхъ наивныхъ дѣвушекъ она совсѣмъ не годилась. Къ ней лучше всего шло изображеніе порывистой, кипучей страсти, гнѣва, отчаянія; тогда она какъ-бы вполнѣ преображалась, лицо ея дѣлалось прекраснымъ, глаза разгорались и сильный голосъ пріобрѣталъ особенныя металлическія ноты... Кажется, она сама не подозрѣвала всего богатства, которое скрывалось въ ея артистической натурѣ... Всѣ понимавшія дѣло лица предсказыввли блестящую карьеру, завидную участь... Но она не долго пробыла на сценѣ и, если не ошибаюсь, умерла отъ скоротечной чахотки.

На репетиціяхъ я познакомился съ Малышевымъ, игравшимъ въ моей новой пьесѣ роль домашняго учителя, и возобновилъ знакомство съ любимымъ всѣми, талантливымъ ветераномъ нашей сцены, И. И. Сосницкимъ. Малышевъ былъ очень старательный и добросовѣстный актеръ, хотя и не выказывавшій особенно выдающагося таланта, но обладавшій иногда неподдѣльнымъ увлеченіемъ. Ему не повезло на сценѣ, не повезло, какъ говорили, и въ жизни... Какъ актеръ, онъ подвергался многимъ непріятностямъ, даже униженіямъ, вслѣдствіе того, что не умѣлъ подлаживаться къ высшимъ міра сего и подчиняться ихъ подчасъ нелѣпымъ требованіямъ. Онъ былъ загнанъ и забитъ на сценѣ; его обходили постоянно и окончили тѣмъ, что стали давать самыя ничтожныя роли, да и то очень рѣдко. Вполнѣ естественно, онъ впалъ въ апатію, предался лѣни и на все махнулъ рукой. Это настроеніе отразилось и на его жизни вообще, не на одной только сценѣ...

Небольшую роль дочери генерала Бахматова играла г-жа Денисова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Малышева. Это была очень хорошенькая, стройная блондинка, мило и граціозно державшаяся на сценѣ. Продолжала ли она играть по выходѣ замужъ,— я не знаю, такъ какъ ея имя очень рѣдко появлялось въ афишахъ. а потомъ и совсѣмъ исчезло.

А. А. Нильскій олицетворилъ типъ молодого, придурковатаго графа, маменькина сына, человѣка безсердечнаго, думающаго, что все можно купить за деньги. Онъ сыгралъ эту роль прекрасно, было даже нѣсколько такихъ сценъ, которыя онъ исполнилъ мастерски, какъ, напримѣръ, сцену объясненія съ Еленой и сцену, когда его напаиваетъ Мурягинъ, съ цѣлью заставить разболтаться. По моему мнѣнію, вообще этотъ артистъ пошелъ совсѣмъ не по той дорогѣ, по какой ему слѣдовало идти. Вмѣсто того, чтобы исполнять роли jeune premier и драматическія, онъ долженъ былъ браться исключительно за роли комическія или резонеровъ; онъ дѣйствительно доказалъ впослѣдствіи, что послѣднія роли можетъ исполнять съ большимъ успѣхомъ.

В. В. Самайловъ и въ новой пьесѣ остался вѣренъ своему обычному характеру; онъ изображалъ собою приживальщика Мурягина, невоздержнаго къ питіямъ и явствамъ, стараго однокашника и закадычнаго друга генерала Бахматова, которому онъ говоритъ ты наединѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добраго и честнаго человѣка, готоваго на всякое самоотверженіе. По обыкновенію, В. В. загримировался великолѣпно: въ какомъ-то грязномъ, разорванномъ сюртучишкѣ, въ брюкахъ съ бахромками, безъ малѣйшихъ признаковъ бѣлья, съ физіономіей не то стараго, не то трактирнаго забулдыги, онъ, какъ Мурягинъ, не смотря на все свое нравственное паденіе, былъ удивительно типиченъ въ тѣхъ сценахъ, когда затрогивалась въ немъ его прежняя благородная струнка, когда кровь приливала

къ сердцу и все выстраданное презрѣніе къ человѣчеству онъ былъ готовъ съ ожесточеніемъ бросить въ лицо всѣмъ этимъ крикунамъ, фатамъ и развратникамъ, надѣвшимъ на себя маску ханжества, добропорядочности и любви къ ближнему. Въ его отношеніяхъ къ старинному другу, сановнику Бахматову, выражалась, въ своемъ родѣ, цѣлая поэма: тутъ было и сознаніе нравственнаго превосходства надъ нимъ, и чувство униженнаго, придавленнаго самолюбія, и ощущеніе зависимости отъ него и безотчетное стремленіе порвать съ нимъ всякую связь, и безграничная къ нему любовь, какъ къ доброму, по своему, человѣку, не смотря на его безчисленные недостатки и нелѣпое самомнѣніе. Типъ вышелъ вполнѣ художественный и законченный.

Выше я сказалъ, что вновь возобновилъ знакомство съ И. И. Сосницкимъ, исполнявшимъ роль генерала Бахматова въ моей комедіи «Разрывъ». Первое мое знакомство съ нимъ произошло лѣтъ десять назадъ еще прежде того, т, е. въ 1855 году, при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, которыя я не могу пройти здѣсь молчаніемъ, такъ какъ они непосредственно относятся къ характеристикѣ и обрисовкѣ тогдашнихъ дѣятелей русской сцены.

Въ началѣ іюля 1855 года, отецъ мой вздумалъ совершить, вмѣстѣ со мной, студентомъ III-го курса С.-Петербургскаго университета, небольшую поѣздку по Ладожскому озеру, на острова Коневецъ и Валаамъ, затѣмъ доѣхать по озеру до Сердоболя, а оттуда, черезъ Кексгольмъ, по Финляндіи, вернуться домой. На всю эту поѣздку предназначалось не болѣе двухъ недѣль. Одинъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ совершенію маленькаго путешествія заключался въ намѣреніи осмотрѣть Шлиссельбургъ и его крѣпость,—такъ какъ пароходъ останавливался тамъ часовъ на пять,—а также присутствовать на храмовомъ праздникѣ, который ежегодно происходитъ въ честь св. мучениковъ Сергія и Германа, основателей валаамскаго монастыря.

На пароходѣ, въ первомъ классѣ, оказалось очень мало пассажировъ; но въ числѣ ихъ находился И. И. Сосницкій, съ которымъ мой отецъ былъ уже давно знакомъ и нерѣдко игрывалъ съ нимъ въ карты у Н. И. Небольсина. Сосницкій, уже и въ то время, былъ довольно пожилыхъ лѣтъ, очень полонъ, высокъ ростомъ, съ красноватымъ, добродушнымъ, улыбающимся лицомъ и совсѣмъ бѣлыми, рѣдкими волосами. Отецъ мой помнилъ, какъ онъ, въ какой-то пьесѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, лихо отплясывалъ мазурку съ г-жою Дюръ. Иванъ Ивановичъ, подобно намъ, желалъ посмотрѣть на Валаамъ и его живописныя окрестности. Онъ тотчасъ же познакомилъ насъ съ своимъ спутникомъ, Д. Т. Ленскимъ, артистомъ московскаго театра, извѣстнымъ переводчикомъ французскихъ пьесъ и ловкимъ куплетистомъ. Въ то время Ленскому было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но онъ казался довольно стройнымъ, не-

смотря на небольшую полноту; умная, веселая улыбка слегка играла на уголкахъ его губъ. Вообще онъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ необычайно остроумный, веселый, забавный собесѣдникъ, хохотавшій безъ умолку и заставлявшій невольно хохотать другихъ, мастеръ говорить каламбуры и разсказывать бездну анекдотовъ, большею частью нецензурнаго свойства... Въ немъ жизнь била ключомъ. Онъ ничѣмъ не походилъ на тяжелаго, вялаго славянина, а скорѣе его можно было принять за чистокровнаго парижанина, у котораго умъ искрится точно шампанское...

Время до Шлиссельбурга пролетѣло незамѣтно въ веселомъ, увлекательномъ обществѣ обоихъ артистовъ. Мы отвалили отъ пристани, находившейся близъ Смольнаго монастыря, часовъ въ восемь утра и прибыли въ Шлиссельбургъ, вверхъ по теченію, часовъ въ пять пополудни. Кухня на пароходѣ оказалась до того варварскою, что мы не были въ состояніи ничего ѣсть. Нашему горю вызвался пособить Д. Т. Ленскій. Онъ отправился къ пароходному повару, шептался съ нимъ очень долго, потомъ очутился на носу парохода, закупилъ тамъ грибовъ, яицъ и свѣжей рыбы у мелкихъ торговцевъ, сбывавшихъ въ три дорога свой товаръ по окрестностямъ Невы, и возвратился, наконецъ, къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и хитрою улыбкою, увѣряя, что обѣдъ будетъ приготовленъ на славу къ тремъ часамъ пополудни. Потомъ онъ опять куда-то все исчезалъ и являлся къ намъ бесѣдовать на очень короткое время.

Въ назначенный часъ, передъ нами, на палубу, явился осанистый, дородный поваръ, въ колпакѣ, бѣлой курткѣ и передникѣ, и громкимъ голосомъ почтительно доложилъ, что кушанье готово и обѣдъ насъ ждетъ въ общей каютѣ. На лицахъ нашихъ выразилось удивленіе, которое тотчасъ же смѣнилось неумолкаемымъ хохотомъ. Оказалось, что мнимый поваръ былъ никто иной, какъ Д. Т. Ленскій, доставшій себѣ совсѣмъ новый поварской костюмъ. Съ такимъ же хохотомъ мы взяли его подъ руки и вчетверомъ спустились въ каюту, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, хотя просто, но чисто сервированный. Ленскій оказался мастеромъ въ поварскомъ дѣлѣ: онъ состряпалъ намъ превосходную уху изъ живой рыбы, яичницу, телячьи котлеты со всевозможнымъ гарниромъ и даже какой-то маседуанъ, въ видѣ пирожнаго. Мы упросили его сидѣть за нашимъ столомъ въ поварскомъ костюмѣ, да и онъ самъ, кажется, былъ очень доволенъ, что мы выразили подобное желаніе. Онъ былъ увѣренъ, что его пребываніе среди нашего общества въ такомъ странномъ видѣ подастъ поводъ къ забавнымъ недоразумѣніямъ и комичнымъ сценамъ. Такъ оно и случилось.

Ограниченное число пассажировъ перваго класса состояло преимущественно изъ купцовъ и монаховъ, конечно не посвященныхъ въ тайну переодѣванія. Нѣкоторые изъ купцовъ, внезапно почув-

ствовавъ призваніе сдѣлаться моряками «прѣсной» воды, прежде всего, для храбрости, обратились къ очищенной и коньяку, чего на каждомъ русскомъ пароходѣ имѣется всегда въ изобиліи.

Во время нашего обѣда, въ каютѣ, за отдѣльнымъ столикомъ, сидѣлъ какой-то солидный купецъ, съ окладистой бородою; передъ нимъ стояли два графинчика водки, одинъ уже опороженный, и тарелка съ селедкою и соленымъ огурцомъ. Онъ долгое время всматривался въ насъ и, преимущественно, въ импровизированнаго повара. Очевидно, онъ никакъ не могъ сообразить, почему поваръ сидитъ за однимъ столомъ съ «господами» и, не стѣсняясь, хохочетъ и разговариваетъ съ ними.

— А позвольте, господа честные, спросить, вдругъ обратился онъ къ намъ; вотъ теперь, примѣрно, межъ васъ, вижу я, поваръ... А каковъ онъ поваръ: такъ себѣ, изъ простыхъ, али какой либо особливый?

— Особливый, ваше степенство, серьезно отвѣтилъ Ленскій; совсѣмъ особливый...

— Тэкъ-съ; значитъ, ты, любезный, все особливыя кушанья стряпаешь?

— Стряпаю кушанья для особливыхъ господъ; вотъ для нихъ только: за то они меня и уважаютъ, и почитаютъ, и за столъ вмѣстѣ съ собой сажаютъ.

— Ну, а для меня, любезный другъ, не состряпалъ бы ты, эдакъ, примѣрно, селяночку?.. Я бы ублаготворилъ тебя вонъ по эвтихъ поръ...

— Нельзя никакъ, ибо я съ этими господами контрактомъ связанъ на одинъ мѣсяцъ: куда они, туда и я.

— Путешественники, значитъ?

— Путешественники.

— Странники?

— Нѣтъ, не странники,—а болѣе, такъ сказать, любопытствующіе...

— Тэкъ-съ... Мудрено это очень, закончилъ купецъ, отеръ потъ со лба и задумался.

Между тѣмъ, въ буфетѣ, какъ-то отыскалась бутылка шампанскаго, а затѣмъ Д. Т., все-таки, въ костюмѣ повара, приступилъ къ варенію жженки.

Въ каюту вошелъ старый монахъ.

— Отецъ святой, обратился къ нему Ленскій, не желаете ли отвѣдать коньячку?

— А это что за снадобье будетъ, любезный?

— А, примѣрно сказать, въ родѣ рома или французской водки.

— Отродясь не пробовалъ; прежде, бывало, грѣшнымъ дѣломъ, баловались водкой, да не французской тамъ, а просто нашей, отечественной.

— Такъ вотъ, попробуйте стаканчикъ.

— Благодарствуйте за угощеніе.

Монахъ взялъ стаканъ довольно почтенныхъ размѣровъ, налитый до краевъ, посмотрѣлъ на него на свѣтъ, выпилъ залпомъ и сплюнулъ.

— Ну, какъ? понравилось?..

— Да не разберешь спервоначалу-то, любезный другъ...

— Такъ вотъ, позвольте еще вамъ налить... Можетъ быть, теперь разберете...

Таже исторія съ монахомъ: опять выпилъ залпомъ и опять сплюнулъ.

— Ну, что? разобрали?..

— Разобрать-то разобралъ, а все какъ будто сумлѣваюсь...

— Такъ, чтобы не было сомнѣнія, позвольте предложить вамъ третій...

— Могу.

Монахъ опорожнилъ до капли третій стаканъ, опрокинулъ его донышкомъ верхъ на столъ и сказалъ, утирая рукавомъ губы:

— Это просто елисѣевскій коньякъ, въ полтора рубля бутылка.

И вышелъ изъ каюты, какъ ни въ чемъ не бывало.

На Валаамѣ мы разстались съ нашими спутниками: они спѣшили въ Петербургъ, а мы въ Финляндію. Съ тѣхъ поръ я уже ни разу не видалъ Д. Т. Ленскаго, а съ И. И. Сосницкимъ встрѣтился, въ первый разъ послѣ нашей поѣздки, десять лѣтъ спустя, на сценѣ Александринскаго театра, во время репетиціи моей пьесы «Разрывъ».

Я нѣсколько не довѣрялъ памяти И. И. Сосницкаго. Мнѣ говорили, что она, съ лѣтами, значительно у него ослабѣла. Однако на дѣлѣ мои опасенія оказались напрасными. И. И. прекрасно зналъ свою роль съ начала до конца и прибѣгалъ къ помощи суфлера нисколько не чаще другихъ артистовъ, по крайней мѣрѣ, въ моей пьесѣ. Многіе изъ театраловъ до сихъ поръ помнятъ его умную, тонкую, изящную игру: таковымъ онъ былъ и въ роли генерала Бахматова. Публика встрѣчала его очень радушно и онъ вполнѣ заслуживалъ такой пріемъ съ ея стороны.

XI.

Моя четвертая оригинальная пьеса, подъ названіемъ «Слабый человѣкъ», была написана въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, одобрена театрально-литературнымъ комитетомъ и разрѣшена цензурою къ представленію на сценѣ. Но этого представленія она не дождалась ни на петербургскихъ, ни на московскихъ театрахъ, а обошла разныя провинціальныя сцены и, какъ мнѣ говорили, имѣла нѣкоторый успѣхъ. Послѣднее обстоятельство подтверждается и тѣмъ, что эту пьесу до сихъ поръ продолжаютъ давать на провин-

ціальныхъ театрахъ и я до сихъ поръ получаю за нее гонораръ, конечно, весьма незначительный, при посредничествѣ Общества драматическихъ писателей.

Причина, почему моя драма, будучи одобрена къ представленію, не давалась на сценѣ императорскихъ театровъ, заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ средѣ тогдашней драматической труппы не находилось такого артиста, который согласился бы безъ риска и безъ полной увѣренности какъ въ своихъ силахъ, такъ и въ успѣхѣ, взять роль главнаго дѣйствующаго лица; точно также и молодыя актрисы съ недовѣріемъ относились къ главной женской роли, требовавшей много энергіи и сильнаго нервнаго напряженія со стороны исполнительницы. Изъ петербургскихъ артистовъ только одинъ В. В. Самойловъ могъ бы съ успѣхомъ создать личность Лохова, героя пьесы; но силы его, съ теченіемъ времени, ослабѣли, и онъ неохотно брался за исполненіе подобныхъ ролей, основанныхъ на проявленіи высокаго драматическаго чувства. Впрочемъ, я и не безпокоилъ его предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ, сколько помнится, вслѣдствіе недоразумѣній съ театральною дирекціей, въ скоромъ времени оставилъ сцену и уѣхалъ заграницу.

Послѣ долгихъ размышленій, я рѣшился обратиться къ И. И. Монахову, артисту молодому, умному, горячо любившему искусство и создавшему нѣсколько замѣчательныхъ ролей. Онъ даже пробовалъ играть мольеровскаго «Тартюфа». Къ сожалѣнію, нерѣдко свой крупный талантъ онъ размѣнивалъ на мелкую монету... Я отвезъ къ нему пьесу, но не засталъ его дома. Черезъ двѣ-три недѣли я снова отправился къ Монахову и свидѣлся съ нимъ. Съ большимъ сожалѣніемъ онъ мнѣ заявилъ, что опасается взять на себя исполненіе главной роли.

Я замѣтилъ, что ему, вѣроятно, не нравится пьеса или предназначаемая ему роль.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, пьеса эффектна и хорошо сдѣлана; точно также, и роль Лохова—очень благодарная... Но признаться вамъ, я опасаюсь за сцену дуэли... Ничего нѣтъ хуже для артиста, когда поединокъ происходитъ на глазахъ зрителя и, при томъ, на пистолетахъ.

— Въ чемъ же тутъ можетъ быть опасеніе? спросилъ я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— А, видите ли, можетъ произойти осѣчка... т. е. просто пистолетъ не выстрѣлитъ. Вотъ недавно съ Нильскимъ былъ такой казусъ: онъ долженъ застрѣлиться на сценѣ—какъ ни спуститъ курокъ, все осѣчка... Стрѣлялъ, стрѣлялъ, такъ и не могъ застрѣлиться...

— Но вѣдь это дѣло бутафора!

— Положимъ, бутафору достанется своимъ чередомъ... Но, посудите, каково же артисту!..

— Конечно, это непріятно... Но, наконецъ, можно устроить такъ, что противники станутъ за деревьями по обѣимъ сторонамъ сцены: если произойдетъ осѣчка, то тутъ же, незамѣтно, имъ могутъ подать другой заряженный пистолетъ...

— Но тогда дуэль уже не будетъ, собственно говоря, происходить на сценѣ... Вообще, это вещь очень, очень рискованная!..

Я полагаю, что Монахову просто не понравилась пьеса и онъ выдумалъ только предлогъ, чтобы отказаться отъ роли въ ней, хотя предлогъ и не принадлежалъ къ числу особенно удачныхъ.

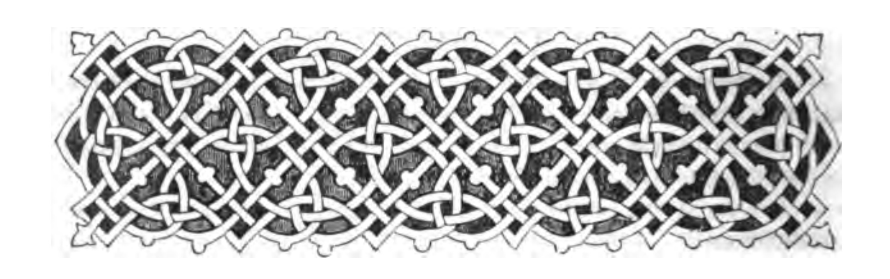
Подобнаго рода совершенно неожиданныя отговорки мнѣ случилось слышать дважды. Не знаю, были ли онѣ искренни, или служили лишь въ видѣ любезности, которою золотили пилюлю.

А. А. Яблочкинъ выдумалъ-было поставить въ свой бенефисъ мои сцены «Вечеръ въ среднемъ кругу». Но такъ какъ эта пьеска собственно для театра не предназначаласъ, а была напечатана въ «Будильникѣ» Н. А. Степанова, то я и сдѣлалъ нѣсколько передѣлокъ, съ цѣлью принаровить ее къ сценѣ. Между прочимъ, въ этой пьесѣ одна картина состояла въ томъ, что нѣкоторыя лица танцуютъ мазурку и въ это время разговариваютъ между собой... По поводу этого, было найдено, вопервыхъ, что танцы съ разговорами мѣшать нельзя, ибо балетъ—балетомъ, а комедія—комедіей, и вовторыхъ, что для мазурки потребуется особый балетмейстеръ, а также балетныя танцовщицы и танцоры и это представляло не мало хлопотъ и затрудненій. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Второй случай произошелъ не такъ давно съ моимъ переводомъ мольеровскаго «Скупаго». На провинціальныхъ сценахъ этотъ переводъ дается постоянно, но на императорскихъ—«Скупой», въ моемъ переводѣ, не появлялся еще ни разу. Бывшій артистъ петербургскихъ театровъ, Н. И. Новиковъ, устроилъ въ кронштадтскомъ театрѣ спектакль; въ газетахъ было заявлено, что пойдетъ «Скупой» Мольера и главную роль, т. е. роль Гарпагона, исполнитъ Н. И. Новиковъ. Разумѣется, если я не видалъ этой пьесы въ моемъ переводѣ на императорской сценѣ, то тѣмъ не менѣе мнѣ было бы весьма желательно посмотрѣть ее хотя бы даже на частной. На основаніи этого, я написалъ письмо къ Н. И. Новикову, съ которымъ былъ лично знакомъ, и просилъ его отвѣтить мнѣ, въ чьемъ переводѣ будетъ даваться «Скупой» въ Кронштадтѣ. На это я получилъ отвѣтъ, что частью въ моемъ переводѣ, частью въ переводѣ другихъ лицъ, такъ какъ нѣкоторые изъ казенныхъ актеровъ привыкли къ своимъ ролямъ по прежнимъ переводамъ и, слѣдовательно, вытверживаніе ролей снова было бы для нихъ обременительно.

Конечно, я въ Кронштадтъ не поѣхалъ.

Ѳ. Устряловъ.



ДУХОВНО-БИБЛЕЙСКОЕ БРАТСТВО.

Очеркъ еврейскаго религіознаго движенія.

ОЗНИКШЕЕ три-четыре года тому назадъ религіозное движеніе среди русскихъ евреевъ, вызвало много толковъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Особенно много писалось объ этомъ движеніи въ южныхъ провинціальныхъ газетахъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти описанія, въ силу своей отрывочности, не даютъ сколько нибудь полнаго представленія о движеніи, которое съ самыхъ первыхъ поръ привлекло къ себѣ вниманіе русскаго общества. Поэтому до сихъ поръ въ обществѣ обращаются самые разнорѣчивые, самые противоположные отзывы о значеніи, характерѣ и цѣляхъ «Духовно-библейскаго братства», явившагося результатомъ этого движенія.

Въ то время, какъ одни въ возникновеніи и процвѣтаніи «Духовно-библейскало братства» видятъ «зарю самаго свѣтлаго будущаго для еврейства» [1]), другіе, наоборотъ, не признаютъ за нимъ ни малѣйшаго прогрессивнаго значенія, ничего, кромѣ безполезнаго стремленія подновить давно устарѣвшія ветхо-завѣтныя традиціи, такъ сказать, подмалевать ихъ, согласно современнымъ общественнымъ тенденціямъ. Наконецъ, находятся люди, которые въ существованіи братства видятъ источникъ всякихъ бѣдъ для еврейства и потому не на шутку проповѣдуютъ походъ противъ «библейцевъ» и предлагаютъ ни больше-ни меньше, какъ предать всѣхъ членовъ братства «моральной смерти».

---

[1]) «Знаменательныя движенія въ еврействѣ». В. О. Португалова. Спб. 1884.

Въ настоящей статьѣ мы постараемся представить хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ очеркъ постепеннаго развитія братства за время его существованія и познакомить съ ученіемъ «библейцевъ», ихъ взглядами, цѣлями и задачами. Мы сдѣлаемъ это на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ подлинныхъ произведеній самихъ библейцевъ, ихъ проповѣдей, писемъ, разнаго рода рукописей и проч. Что касается всѣхъ этихъ матеріаловъ, то они достались намъ слѣдующимъ образомъ.

Въ числѣ лицъ, стоящихъ болѣе или менѣе близко къ «Духовно-библейскому братству», находится извѣстный врачъ-публицистъ В. О. Португаловъ. Онъ давно уже состоитъ въ дружескихъ сношеніяхъ со многими изъ наиболѣе выдающихся представителей братства, и не разъ лично присутствовалъ на собраніяхъ «библейцевъ». Прошедшимъ лѣтомъ, проѣздомъ въ Швецію, г. Португаловъ заглянулъ въ Москву и здѣсь передалъ намъ всѣ тѣ матеріалы о «Духовно-библейскомъ братствѣ», которыми онъ располагалъ въ то время,—предоставивъ намъ право воспользоваться этими матеріалами по нашему усмотрѣнію [1]).

I.

Первые шаги братства.

Духовно-библейское братство возникло въ 1880 году въ г. Елисаветградѣ. Основателями братства считаются слѣдующія лица: хлѣбопромышленникъ, довольно состоятельный человѣкъ, среднихъ лѣтъ (36-ти), семейный; это былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ пропагандистовъ новаго вѣроученія, «фанатикъ своего дѣла»; затѣмъ, писецъ нотаріальной конторы, «человѣкъ съ порядочнымъ умственнымъ развитіемъ», 32-хъ лѣтъ; далѣе — учитель начальной еврейской школы, самоучка, 27-ми лѣтъ и, наконецъ — мужской портной, 50-ти лѣтъ отъ роду, — «горячая натура, увлекающійся, впечатлительный, впослѣдствіи — образцовый библеецъ-энтузіастъ». Всѣ четверо — женаты, имѣютъ семьи.

Эти лица составили первоначальное ядро братства. Вскорѣ имъ удалось привлечь на свою сторону еще трехъ человѣкъ: букиниста, «человѣка разсудительнаго, практика, съ прямымъ и откровеннымъ характеромъ» (38-ми лѣтъ); скрипача, воспитывавшагося въ варшавской консерваторіи, «человѣка скромнаго и добраго» (24-хъ лѣтъ) и, наконецъ, одного еврейскаго учителя. Почти всѣ

[1]) Считаемъ своимъ долгомъ гласно выразить здѣсь почтенному В. О. Португалову искреннюю признательность за обязательное доставленіе этихъ матеріаловъ.

эти лица теперь покинули родину и живутъ въ Америкѣ, продолжая и тамъ пропагандировать идеи своего «братства».

Прежде всего, на самыхъ первыхъ порахъ, члены братства взялись проповѣдывать воспринятое ими ученіе въ своихъ семьяхъ — женамъ и дѣтямъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи увѣнчалась, хотя и не сразу, полнымъ успѣхомъ. Новое ученіе приняли всѣ жены, за исключеніемъ жены портнаго — «женщины пожилой и сварливой», которая, изъ-за религіозныхъ распрей, хотѣла даже на старости лѣтъ развестись съ мужемъ и разстаться съ дѣтьми. Хотя впослѣдствіи она сдѣлалась горячей и преданной послѣдовательницей новаго вѣроученія, но тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ успѣла принести молодому, только что зарождавшемуся дѣлу не мало вреда. Она первая прозвала «новыхъ братьевъ» «штундистами» и эта кличка съ тѣхъ поръ такъ и упрочилась за ними; далѣе, она успѣла на первыхъ порахъ многихъ вооружить противъ братства, «представляя все въ искаженномъ видѣ».

Мало по малу число членовъ братства начало увеличиваться. Среди пропагандистовъ новаго вѣроученія замѣчалось необыкновенное оживленіе; «всѣ были охвачены какимъ-то невѣдомымъ огнемъ». На собраніяхъ возбуждались и разработывались разные вопросы, имѣвшіе огромный, жгучій интересъ для членовъ возникающаго братства. Между прочимъ, заговорили о необходимости перейти къ къ земледѣльческому труду, о необходимости устройства профессіональной школы, гдѣ подрастающія дѣти воспитывались бы въ духѣ «братскаго вѣроученія». На первыхъ порахъ рѣшили устроить маленькую колонію, въ которой должны были поселиться нѣкоторые изъ «братьевъ» вмѣстѣ съ евреями-мірянами, изъ которыхъ впослѣдствіи можно было бы приготовить новыхъ членовъ братства.

Но для выполненія всѣхъ этихъ плановъ прежде всего требовались, конечно, деньги, а ихъ-то и не было у членовъ братства, а потому, волей-неволей, они принуждены были обратиться къ сторонней помощи.

Въ это время на всю Россію прогремѣлъ такъ-называемый поляковскій фондъ, имѣвшій цѣлью распространить среди евреевъ земледѣльческій и ремесленный трудъ. «Братья, по своей наивности, подумали, что поляковское общество желаетъ дѣйствительно дѣло дѣлать, а не шумѣть только. Составилась группа изъ десяти подходящихъ семействъ и пошло хожденіе: прошенія, докладныя записки, рекомендательныя письма, удостовѣренія, телеграммы и проч. Мѣсяцевъ 7 — 8 велась переписка и въ концѣ концовъ — Поляковъ остался-таки генераломъ, а члены братства остались безъ земли».

Между тѣмъ, среди елисаветградскихъ евреевъ стали распространяться ложные и нелѣпые слухи о евреяхъ-штундистахъ; увѣряли, напримѣръ, что у нихъ существуетъ «свальный грѣхъ», при-

писывали имъ разные дикіе, безразсудные обряды и проч. «Братство не могло дольше молчать и вынуждено было выступить съ печатнымъ заявленіемъ, въ которомъ въ краткихъ словахъ выразило свои взгляды и основы своихъ нравственно-религіозныхъ правилъ».

Это было первое публичное слово духовно-библейскаго братства. Оно было напечатано въ «Елисаветградскомъ Вѣстникѣ». Замѣтка эта произвела не малую сенсацію. «Всѣ лучшія русскія газеты перепечатали эту замѣтку и вообще высказались въ пользу зарождавшагося дѣла». Еврейскіе органы печати тоже дали благосклонные отзывы, за исключеніемъ «Гамелица»; съ особеннымъ же сочувствіемъ отнесся къ братству «Разсвѣтъ».

Все это немедленно же отозвалось на дѣлахъ братства: въ обществѣ вдругъ пробудился сильный интересъ къ новому ученію. Довольно обширная зала, въ которой собирались члены братства, не могла уже болѣе вмѣстить всѣхъ приходящихъ. Сочувствіе публики къ возникавшему братству выражалось, между прочимъ, въ томъ, что многіе начали приносить свои книги и жертвовать ихъ въ библіотеку, къ устройству которой приступило братство. Мысль объ устройствѣ колоніи также находила сочувствіе среди общества; многіе состоятельные люди обѣщали свое содѣйствіе. Предполагалось устроить колонію на акціяхъ. Но...

Въ это самое время надъ еврействомъ неожиданно разражается новая бѣда — страшные «погромы». Роковымъ образомъ отзываются они на дѣлахъ братства. Многіе изъ библейцевъ были разорены въ конецъ и остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Страшная паника охватила еврейское населеніе. «Всеобщее возбужденіе и раздраженіе, неизвѣстность и страхъ предъ будущимъ — все это отстранило на время всякія духовныя дѣла. Все еврейство временно сплотилось въ одну непроницаемую массу».

Въ довершеніе всего, одинъ изъ «братьевъ» «имѣлъ неосторожность въ это самое время обратиться къ еврейству съ воззваніемъ [1]), въ которомъ, безъ обиняковъ, высказалъ много горькихъ истинъ». Еврейскія газеты подхватили это воззваніе, стали обвинять библейцевъ въ «заискиваніи и лести», «въ наускиваніи и натравливаніи» и т. п. Нѣкоторые пошли еще дальше въ этомъ направленіи и начали указывать на дѣятельность братства, какъ на причину погромовъ. Посыпалась брань, ругань, клевета, инсинуаціи. Со стороны разныхъ мѣстныхъ «квасныхъ патріотовъ» явились попытки уничтожить братство. Газета «Гамелицъ» предлагала предать всѣхъ братчиковъ моральной смерти.

Все это имѣло самое тлетворное вліяніе на ходъ братскаго дѣла. Евреи, напуганные погромами, боялись собственной тѣни и во всемъ

---

[1]) Оно было напечатано въ «Южномъ Краѣ».

готовы были видѣть причину поразившаго ихъ несчастія. Подъ вліяніемъ этого страха и толковъ газетъ, въ родѣ «Гамелица», многіе изъ среды еврейскаго общества начали относиться къ братству явно враждебно. Лица, еще недавно сочувствовавшія дѣятельности братства, вдругъ отшатнулись отъ него и порвали съ нимъ всякую связь. Дѣло дошло до того, что даже многіе изъ «братьевъ» начали отказываться отъ участія въ братствѣ и бросали только что начатое дѣло. «Въ самомъ братствѣ происходили непріятности, споры и раздоры». Многіе изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу «братьевъ», огорченные всѣмъ этимъ, намѣревались покинуть родину и эмигрировать за-границу.

Почти единственнымъ утѣшеніемъ для братства въ это трудное для него время, были тѣ сочувственныя заявленія, которыя получались имъ изъ разныхъ городовъ и отъ разныхъ лицъ. Такія заявленія были получены братствомъ изъ Одессы, Новозыбкова, Вознесенска, Кременчуга и проч. Въ это же время братствомъ было получено письмо одного изъ харьковскихъ профессоровъ г. В—ва «весьма сочувственное».

Что касается русской печати, то она, почти въ полномъ составѣ, высказалась въ пользу «духовнаго братства» и многіе русскія газеты привѣтствовали дѣятельность «братьевъ», направленную къ обновленію и нравственному возрожденію еврейской націи. Дѣлами братства заинтересовались нѣкоторые изъ литераторовъ. Между прочимъ, извѣстный еврейскій писатель г. Богровъ завязалъ съ библейцами «братскую» переписку и даже «обѣщалъ посвятить себя нѣкоторымъ образомъ дѣлу братству». «Но, конечно, (?) съ этимъ литературнымъ генераломъ случилось тоже самое, что и съ желѣзно-дорожнымъ».

По мѣрѣ того, какъ мало по малу начала разсѣеваться паника, вызванная погромами, — проповѣдь братства снова пріобрѣтаетъ успѣхъ. Такъ, около этого времени, подъ вліяніемъ пропаганды елисаветградскихъ «библейцевъ», возникаетъ новое братство въ городѣ Кременчугѣ. Но прежде чѣмъ продолжать очеркъ дальнѣйшаго распространенія братства, мы познакомимся съ самымъ ученіемъ библейцевъ, съ ихъ теологическими и нравственными взглядами и принципами.

II.

«Основы» братскаго ученія.

Ученіе братства изложено въ особой тетради, озаглавленной «Основы Духовно-Библейскаго Братства» и состоящей изъ слѣдующихъ рубрикъ: «О Богѣ», «О безсмертіи души», «Право толкованія слова Божія», «Предсказанія святыхъ пророковъ о возрожденіи»,

«О братствѣ», «О искренности, прямодушіи и честности», «О трудѣ», «О земледѣліи», «О торговлѣ», «О корыстолюбіи», «О процентахъ», «О виноторговлѣ», «О факторствѣ», «О лжи», «О клятвѣ», «О злословіи», «О мести и кулачной расправѣ», «О безполезныхъ забавахъ», «О воспитаніи дѣтей и самовоспитаніи», «О суевѣріи», «О бракѣ и разводѣ», «О равенствѣ женщинъ», «О праздникахъ», «О обрядахъ и молельняхъ» и наконецъ «О молитвахъ».

Прежде всего братья заявляютъ, что они «вѣруютъ въ Бога, который есть сумма высшаго разума, святѣйшей истины и святѣйшей справедливости. Онъ — олицетвореніе кротости и милости, олицетвореніе добра и правдивости, великодушія и щедрости; Онъ олицетворяетъ собою защитника гонимыхъ и покровителя угнетенныхъ, строгаго и неподкупнаго Судью и милостиваго и всепрощающаго Отца. Онъ долженъ быть нашимъ идеаломъ, къ Нему мы должны стремиться и ему подражать, развивая духовныя свойства нашей души и увеличивая сумму нашихъ познаній».

Вслѣдъ за этимъ приводится изъ библіи длинный рядъ цитатъ, въ которыхъ говорится о Богѣ; напримѣръ: «Господь оказываетъ правосудіе обиженнымъ, даетъ хлѣбъ голоднымъ, Господь разрѣшаетъ узниковъ, Господь открываетъ глаза слѣпымъ, Господь возставляетъ согбенныхъ, Господь любитъ праведниковъ, Господь хранитъ пришельцевъ и поддерживаетъ сироту и вдову». (Псаломъ 146, 7, 9). «Правда Твоя—правда вѣчная и законъ Твой—истина». (119, 142) и т. д.

Въ слѣдующей рубрикѣ «О безсмертіи души» говорится: «Наши предки вѣровали, что душа — какой-нибудь органъ человѣческаго тѣла. Они указывали даже мѣстонахожденіе сего Божественнаго органа. Мы же теперь знаемъ, что всѣ жизненныя отправленія (функціи) человѣческаго организма, единство (гармонія) и соотвѣтственность его частей — душа, а свобода воли, разумъ, стремленіе къ истинному, прекрасному и благородному суть душевныя и духовныя свойства человѣческаго организма. Совокупность всего разумнаго, прекраснаго, возвышеннаго, величественнаго есть душа вселенной—Богъ. Еще въ глубокой древности вѣровали, что Богъ есть всемірный, духовный разумъ. Его существо двойственно: оно вещественно въ тѣлахъ и не вещественно въ душѣ и разумѣ. Духовное свойство есть совершеннѣйшее. Человѣкъ — отождествленіе Божества, ибо онъ созданъ по образу и подобію Божію. Тѣло его смертно, но душа и ея духовныя свойства не вещественны и безсмертны».

Но хотя библейцы и признаютъ безсмертіе души, тѣмъ не менѣе они понимаютъ это безсмертіе весьма оригинально и, во всякомъ случаѣ, совершенно не согласно съ ученіемъ нашей православной церкви. Вотъ ихъ толкованіе:

«Когда люди, сохраняя свои душевныя и духовныя свойства

(безъ чего они становятся грубыми и бездушныти животными) стараются еще увеличить ихъ саморазвитіемъ и самоусовершенствованіемъ, то этимъ увеличивается духовное достояніе міра—возвеличивается слава Господа Бога. Когда ихъ тѣла, послѣ смерти, давно уже приняли другую какую-нибудь формы жизни,—душа, ея благородныя стремленія и проявленія продолжаютъ жить и благотворно вліять на окружающихъ. Все умственное и духовное богатство нашего вѣка, вся наука, всѣ познанія, всѣ нравственныя понятія и правила чести и совѣсти, распространенныя среди человѣчества,—суть души нашихъ предковъ, вѣчно витающія надъ нашими головами».

И затѣмъ далѣе мысль эта комментируется слѣдующимъ образомъ: «Чѣмъ больше святыхъ истинъ мы успѣли распространить, чѣмъ больше добра мы сдѣлали своимъ ближнимъ, чѣмъ больше научныхъ открытій и полезныхъ человѣчеству изобрѣтеній сдѣлали мы, тѣмъ ближе мы стали къ нашему идеалу—Богу, тѣмъ вѣрнѣе мы поняли нашу обязанность, тѣмъ безсмертнѣе наши души».

Отсюда становится самъ собою понятенъ взглядъ библейцевъ на загробную жизнь, на страшный судъ, рай и адъ. «Вѣрить,—говорится въ «Основахъ» — что за хорошіе поступки насъ ожидаетъ гдѣ-то хорошая плата и разныя даже нравственныя наслажденія, крайне, по нашему мнѣнію, безнравственно. Дѣлая добро, мы ощущаемъ духовное наслажденіе и этимъ нравственно удовлетворяемся. Въ святой же библіи неоднократно сказано: если будете поступать согласно моимъ заповѣдямъ, то продлятся ваши лѣта (здѣсь) на *землѣ*» (курсивъ въ подлин.).

По ученію братства, библія или слово Божіе отнюдь не должно пониматься буквально. «Мы видимъ,—гласятъ «Основы Братства»,— что святые пророки уже толковали святое Моисеево ученіе согласно съ требованіями ихъ времени. Христосъ, признавая неприкосновенность библіи, далъ ей все-таки совершенно *новое* освѣщеніе. Талмудисты и законоучители караимовъ въ одномъ и томъ же текстѣ находили различный внутренній смыслъ. Наши нравственно-религіозныя правила, будучи основаны на библіи, должны все-таки соотвѣтствовать духу времени, требованіямъ и выводамъ науки, должны соотвѣтствовать умственному нашему развитію и нашимъ человѣческимъ потребностямъ».

Нельзя сказать, конечно, чтобы эта послѣдняя тирада отличалась особенною опредѣленностію. Въ особенности же, по нашему мнѣнію, представляется страннымъ требованіе о томъ, чтобы нравственно-религіозныя правила, вырабатываемыя братствомъ, непремѣнно соотвѣтствовали «духу времени». Вѣдь мало ли какой оборотъ и направленіе можетъ принять «духъ времени». Нерѣдко погоня за наживой, бѣшеная жажда богатства и роскоши — составляютъ наиболѣе характерную и преобладающую черту извѣстной

эпохи,—такъ неужели же нравственно-религіозныя правила должны соотвѣтствовать подобному «духу времени», согласоваться съ нимъ?

Мы лично не сомнѣваемся въ томъ, что духовно-библейское братство, какъ нельзя болѣе, далеко отъ подобнаго предположенія: этическія воззрѣнія братства,—къ изложенію которыхъ мы сейчасъ перейдемъ, — ручаются намъ въ этомъ. Тѣмъ неменѣе крайне неточная формулировка приведенныхъ выше положеній, невольно вызываетъ недоумѣнія у каждаго, незнакомаго съ характеромъ и цѣлями братства.

Всю внѣшнюю, обрядовую сторону религіи братство отрицаетъ самымъ категорическимъ образомъ. «Богъ, говорится въ «Основахъ»,—свѣтлѣйшій разумъ и необъемлимое величіе—не нуждается въ великолѣпныхъ храмахъ, золотыхъ алтаряхъ, пышныхъ обстановкахъ и стройныхъ хорахъ. Господу противны всѣ обряды и внѣшніе признаки богопочитанія».

Эту мысль—конечно, совершенно еретическую съ точки зрѣнія православной церкви, — библейцы силятся доказать слѣдующими текстами священнаго писанія. «Такъ говоритъ Господь: ты-ли построишь мнѣ домъ для обитанія?» (Самуилъ II, 7. 7). «По истинѣ Богу-ли жить на землѣ? Вѣдь небо и небо небесъ не вмѣщаютъ тебя, тѣмъ менѣе домъ, который я построилъ»? (Цари I, 8, 27), «Когда вы желаете явиться предъ лице мое, кто требуетъ, чтобы вы топтались на дворахъ моихъ»? «Не приносите больше лицемѣрныхъ даровъ: куреніе—мерзость предо мной: новомѣсячье и субботы ваши, собранія и созванія нестерпимы мнѣ...» (Исаія, I). «Такъ говоритъ Господь: небо—престолъ мой, а земля—подножіе ногамъ моимъ, гдѣ же вы построите мнѣ домъ, и гдѣ мѣсто для присутствія моего?» (Исаія, 66) и т. д. и т. д.

Никакихъ опредѣленныхъ, заранѣе составленныхъ молитвъ у библейцевъ нѣтъ. «Въ этомъ отношеніи—говорятъ они—мы должны подражать нашимъ предкамъ и святымъ пророкамъ, которые молились не по заранѣе приготовленнымъ молитвамъ, а изливали свои чувства по вдохновенію и на понятномъ для себя языкѣ. Такъ поступали патріархи: Моисей, Іисусъ Навинъ, царь Давидъ и проч.».

Не признавая никакихъ обрядовъ, члены братства въ то же время отрицаютъ и всѣ таинства. Такъ, по поводу таинства брака они говорятъ: «Бракъ долженъ совершаться безъ какихъ-либо религіозныхъ обрядовъ и церемоніаловъ, по одному сердечному влеченію. Въ библіи мы видимъ, что браки совершаются просто и естественно: «и увидѣлъ онъ ее, и взялъ ее, и пришелъ къ ней и она зачала...» или: «и пошелъ одинъ человѣкъ изъ дому Левіина и взялъ дочь Левія».

«Сойдясь между собою, новобрачные являются въ первое собраніе братства, гдѣ и получаютъ отъ братства поздравленія, благо-

пожеланія и благословенія. О своихъ же личныхъ интересахъ, выгодахъ и могущихъ произойти послѣдствіяхъ представляется заботиться самимъ брачущимся».

Разводъ, по ученію братства,—допускается подъ условіемъ, если его одобрятъ десять братьевъ и сестеръ, которымъ будутъ извѣстны побудительныя причины. «Мы видимъ изъ библіи, говорятъ «братья»,—что недоразумѣнія между мужемъ и женой разрѣшались старѣйшинами публично».

Праздники библейцы признаютъ; по этому поводу «Основы братства» гласятъ слѣдующее: «праздники есть досугъ, время отдыха отъ работъ физическихъ, изнурительныхъ. Въ эти дни мы должны почерпнуть новыя нравственныя силы для души, доставивъ ей новую умственную пищу; для этого по праздникамъ всѣ братья и сестры собираются вмѣстѣ и ведутъ умственныя и религіозно-нравственныя бесѣды. Изъ праздниковъ предпочитаются: суббота, Швуотъ и 2-е генваря, день основанія братства. Въ эти послѣдніе праздники желательно, чтобы всѣ братья и сестры хоть одной мѣстности имѣли бы общій столъ и общую трапезу.»

III.

Этическія воззрѣнія «библейцевъ».

Основная идея ученія «библейцевъ—братство. Объ этомъ находимъ въ «Основахъ» братскаго ученія слѣдующія положенія:

«Всѣ народы, всѣ племена, всѣ люди—братья, ибо одинъ у насъ у всѣхъ отецъ, Создатель, и всѣ мы дѣти одной матери—природы.

«Состоя какъ бы членами одной всемірной семьи, мы должны стараться какъ нашими дѣяніями, такъ и нашими братскими чувствами—улучшить отношенія между различными членами этой семьи и стремиться къ тому свѣтлому будущему, когда Господь, по словамъ пророка Исаіи, устроитъ для всѣхъ народовъ всеобщую трапезу на святой горѣ своей, гдѣ Онъ сорветъ маски и покрывала съ лица народовъ, т. е. когда уже ничто не будетъ мѣшать всѣмъ народамъ объединиться и слиться въ одно.

«Каждый изъ насъ нравственно обязанъ заботиться какъ о томъ, чтобы душа его ближняго, т. е. нравственная и духовная сторона его жизни, не погибла бы въ невѣжествѣ, грубомъ фанатизмѣ, такъ и о томъ, чтобы и тѣло его не погибло отъ лишеній и физическихъ страданій. Мы всѣ обязаны другъ другу и отвѣтственны другъ за друга, какъ и сказано: «Отъ руки человѣка, отъ руки всякаго брата его взыщу душу человѣка». (Бытіе, 9—5),

Далѣе, въ доказательство мысли о братствѣ всѣхъ людей въ «Основахъ» приводятся слѣдующіе тексты: «Не одинъ-ли у всѣхъ

у насъ отецъ? Не одинъ-ли Богъ сотворилъ насъ? Зачѣмъ же вѣроломно поступаемъ другъ противъ друга, унижая тѣмъ завѣтъ отцевъ нашихъ?» (Малахія, 2, 10). «Какъ хорошо и какъ прекрасно жить братьями всѣмъ вмѣстѣ!» (Псаломъ 133, 1). «Какъ туземецъ вашъ пусть будетъ для васъ пришлецъ, поселившійся у васъ, и люби его, какъ самаго себя». (Левитъ, 19, 33). «Если братъ твой обѣднѣетъ и придетъ въ упадокъ, то пусть живетъ съ тобой» (Левитъ, 25, 35).

Главныя достоинства нравственнаго человѣка, по ученію братства,—состоятъ въ томъ, чтобы «быть всегда откровеннымъ, искреннимъ, честнымъ и справедливымъ». «Религіозно-нравственный человѣкъ долженъ снискивать себѣ насущный хлѣбъ честнымъ трудомъ, а потому мы всѣ обязаны быть трудолюбивыми, ибо сказано: «И въ потѣ лица твоего будешь есть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ землю»́. (Бытіе, 3, 19).

Самый честный и самый желательный трудъ для «братьевъ»—земледѣліе. Недаромъ Господь, выславъ Адама изъ сада Эдемскаго заповѣдалъ ему «воздѣлывать землю, изъ которой онъ взятъ». (Бытіе, 3, 23). «Обработывающій свою землю насытится хлѣбомъ, но кто гонится за пустыми дѣлами, тотъ насытится бѣдностью». (Притчи, 28, 19).

Разъ братья пришли къ заключенію, что «самый честный трудъ—трудъ земледѣльческій и, вообще, производительный, то, само собой, что торговля вообще терпима только, какъ необходимость, тѣмъ болѣе, что святые пророки тоже часто высказывались о неблаговидности торговли. «По обширности твоей торговли, внутренность твоя наполнилась неправдами и ты согрѣшилъ». (Езекіель, 28, 16). А пророкъ Наумъ говоритъ: «Купцовъ у тебя стало болѣе, нежели звѣздъ на небѣ; но эта саранча разсѣется и улетитъ» (3, 16).

Однако членамъ братства не воспрещается заниматься торговлей. Имъ предписывается только «строго соблюдать» при этомъ всѣ тѣ указанія, которыя встрѣчаются относительно торговли въ святой библіи. «Не дѣлайте неправды на судѣ, въ измѣреніи, въ вѣсѣ и въ мѣрѣ. Вѣсы вѣрныя, гири вѣрныя, Ефа вѣрная, гинь вѣрный должны быть у васъ: Я Господь Богъ вашъ». (Левитъ, 19, 35—36). «И если будешь продавать что своему ближнему, или будешь покупать что у ближняго твоего, не обижайте другъ друга: бойся Бога твоего, потому что я Господь Богъ вашъ». (Тамъ же).

Безусловно осуждается братствомъ лишь одинъ родъ торговли, а именно—торговля спиртуозными напитками, какъ «низкое и безнравственное занятіе». «Торговать виномъ или какимъ нибудь другимъ хмѣльнымъ напиткомъ значитъ торговать развратомъ и распущенностью,—значитъ вращаться въ кругу порочныхъ и пад-

шихъ людей и обогощаться ихъ порочностью. Пророкъ Аввакумъ говоритъ: «Горе тебѣ, который напоешь ближняго, навлекшаго на себя гнѣвъ твой и дѣлаешь его пьянымъ и видишь срамоту его» (2, 15). А въ притчахъ сказано: «Не будь между упивающимися виномъ, между развращающими свою плоть» (23, 20).

Далѣе въ «Основахъ братства» встрѣчаемъ рядъ статей, направленныхъ противъ такъ-сказать специфическихъ пороковъ еврейства: корыстолюбія, ростовщичества, факторства и т. п. «Корыстолюбіе портитъ самымъ лучшихъ людей, ожесточаетъ добрѣйшихъ и ослѣпляетъ глаза умнѣйшихъ»,—и въ доказательство этого приводится множество цитатъ изъ псалмовъ, притчей, пророка Исаіи и т. д. Но съ особенною рѣзкостью нападаетъ братство на ростовщичество, какъ «самое недостойное, самое безнравственное занятіе».

«Ростовщикъ ничего не дѣлаетъ, ничего не производитъ, а пользуется только нуждой своего ближняго, которая (нужда) даетъ ему возможность еще и еще увеличить свои средства, чтобы больше угнетать неимущихъ и порабощать трудящихся, пріобрѣтая ихъ трудъ и ихъ произведенія за ничтожную плату, за безцѣнокъ. Духовно-библейцы безусловно и абсолютно отвергаютъ сіе омерзительное и гнусное занятіе, при чемъ они поступаютъ только согласно указаніямъ библіи, которая переполнена самыми строжайшими запрещеніями относительно роста и лихвы».

Такъ, въ книгѣ «Исходъ» сказано: «Если дашь деньги кому изъ народа моего, бѣдному при тебѣ, то не будь его притѣснителемъ: не налагай на него роста и лихвы» (22 и 24). «Серебра твоего не отдавай въ прибыль» (Левитъ, 25, 37). «Не отдавай въ ростъ брату твоему ни серебра, ни хлѣба, ни чего-либо другаго, что можно отдавать въ ростъ» (Второзаконіе, 23, 20) и т. д.

Факторство также воспрещается членамъ духовно-библейскаго братства. «Нечего, конечно, распространяться о томъ, что факторство несовмѣстимо съ понятіемъ о чести и личномъ достоинствѣ. Фактору дѣлаются иногда такія порученія, о которыхъ здѣсь неблагоприлично даже говорить. Вообще же факторство основано на лжи, безъ которой иногда невозможно довести до соглашенія тѣхъ, интересы которыхъ противоположны».

Кромѣ разныхъ теологическихъ положеній и религіозно-нравственныхъ правилъ въ «Основахъ братства» находимъ указанія о томъ, какъ должны «братья» воспитывать своихъ дѣтей и себя, какъ они должны относиться къ женщинѣ и т. п.

«Великая и святая обязанность лежитъ на насъ — заявляется, между прочимъ, въ «Основахъ» — дать благоразумное и честное воспитаніе нашимъ дѣтямъ, пріучая ихъ съ самаго ранняго дѣтства къ нравственной, честной и трудолюбивой жизни». Въ то же время настойчиво рекомендуется «заниматься собственнымъ саморазви-

тіемъ, самоусовершенствованіемъ и самообученіемъ, такъ какъ ученіе и познанія суть средства, посредствомъ которыхъ мы можемъ постигнуть величіе и мудрость Господа».

Члены братства вѣрятъ, что знанія и развитіе, разлившись въ мірѣ, освободятъ человѣчество отъ всевозможныхъ золъ, которыя теперь угнетаютъ людей. Не даромъ пророкъ Исаія говоритъ: «въ тотъ день, когда глухіе познаютъ грамоту, а глаза слѣпыхъ прозрятъ изъ тьмы и мрака, тогда не будетъ больше притѣснителя, погибнетъ лицемѣръ и истреблены будутъ всѣ блюстители беззаконія» (Исаія, 29, 18—20). «Если внимательнымъ ухомъ будешь слушать мудрость, будешь имѣть сердечную склонность къ познанію, если призовешь разумъ и станешь взывать къ разсудку; если мудрость войдетъ въ твое сердце и знаніе будетъ пріятно твоей душѣ — тогда поймешь правду и правосудіе, и справедливость и всякій добрый образъ дѣйствія» (Притчи, 2).

Ясно само собою, что человѣкъ, стремящійся къ знанію и развитію, не долженъ быть суевѣрнымъ. «Суевѣріемъ же, по ученію братства, называется вѣра въ духовъ, какъ злыхъ, такъ и добрыхъ, вѣра въ разныя примѣты и предзнаменованія, вѣра въ цадиковъ, святыхъ патроновъ и покровителей, вѣра въ колдуновъ, вѣдьмъ, чародѣевъ, гадателей и ворожей».

Взгляды братства на женщину и ея положеніе въ семьѣ и въ обществѣ какъ нельзя болѣе проникнуты чувствомъ гуманности. «Не нужно прибѣгать къ доказательствамъ,—говорится въ «Основахъ»,—чтобы убѣдить нравственно-религіозныхъ людей въ томъ, что женщины — наши нравственныя и духовныя сестры, — равны во всемъ безъ исключеній намъ—мужчинамъ. Усвоивая себѣ нравственныя правила, развиваясь и усовершенствуясь, мы обязаны стараться, чтобы наши жены, матери нашихъ дѣтей, наши сестры и дочери, шли наравнѣ съ нами, не отставая».

Поэтому, какъ въ собраніяхъ братства, такъ и въ общежитіи, женщины пользуются правами, одинаковыми съ мужчинами. «Видимъ же мы,—говорятъ по этому поводу библейцы,—что Господь считалъ женщинъ, какъ и насъ, достойными, чтобы одарять ихъ духомъ прорицанія, мудрости и геройства», и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ на Маріаму, Дебору, Эсфирь, Юдифь и др. ветхозавѣтныхъ женщинъ.

Библейцы искренно вѣрятъ, что рано или поздно, но непремѣнно «наступитъ пора обновленія и возрожденія, когда богоизбранный народъ пойметъ наконецъ, что не обрядами, не внѣшними знаками богопочитанія и не буквальнымъ исполненіемъ повелѣній Господнихъ должно служить Ему, а добрымъ сердцемъ и внутреннимъ, духовнымъ пониманіемъ Его слова».

Во имя этой вѣры «библейцы» начали свое дѣло, дѣло проповѣди нравственныхъ началъ, нравственнаго возрожденія среди современнаго еврейскаго общества — корыстнаго, жаднаго, погруженнаго въ грубый меркантилизмъ, ушедшаго въ погоню за наживой и всякаго рода гешефтами...

А. Пругавинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАСХА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(Изъ воспоминаній о поѣздкахъ на Востокъ въ 1881—1882 годахъ [1]).

I.

Отъѣздъ. — Черное море. — Буря. — Босфоръ. — Константинополь. — Дворцы. — Долма-Бахче. — Белеръ-бей. — Старый сераль. — Сокровищница султана. — Багдадскій кіоскъ. — Кіоскъ Абдулъ-Меджида. — Золотой Рогъ. — Патріархія. — Его святѣйшество Іоакимъ III. — Церковь патріаршая. — Кафедра св. Іоанна Златоуста. — Константинопольскія стѣны.

ПАРОХОДЪ вышелъ въ открытое море. Мы сидимъ, какъ въ туманѣ, не можемъ еще придти въ себя послѣ суетни и шума, сопровождавшихъ отъѣздъ. Носильщики, пассажиры, матросы, такъ и мелькаютъ въ глазахъ; мнѣ кажется, я еще вижу, какъ невозмутимо голубой офицеръ, стоя у трапа, отбираетъ паспорты. Прощанье съ родными навело на меня уныніе, хотя мы ѣдемъ только на два мѣсяца. «Берегите себя, не простудитесь, пишите чаще, счастливый путь»—все еще звучитъ въ ушахъ, а также свистки и звонки!... Но вотъ начинаетъ покачивать.

Какой-то странный холодъ пронизываетъ до костей; чувствую, что это начинается морская болѣзнь. Я не смѣю пошевелиться. Слышу сзади нетвердые шаги маленькой дочери капитана — она

[1]) Считаю необходимымъ оговорить, что нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ настоящихъ записокъ были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1883 года. Авт.

надѣется тутъ, на палубѣ, найдти спасеніе. «Вѣдь тутъ лучше?» спрашиваетъ она тоскливо. Я только отрицательно качаю головой. Больше оставаться невозможно; встаю и, спотыкаясь, бреду въ каюту.... Что было дальше—хорошенько разсказать не могу. Весь переѣздъ до Константинополя остался въ моей памяти, какъ страшный кошмаръ.

Вспоминаю, какъ бы во снѣ, тускло-освѣщенную каюту, — вездѣ разбросанныя вещи, мой маленькій чемоданъ, перекатывающійся изъ одного угла въ другой, стоны и вздохи несчастныхъ жертвъ моря, раздававшіеся изъ всѣхъ каютъ, лязгъ разбивавшейся посуды и отвратительный скрипъ сильно-раскачиваемаго парохода, при чемъ мнѣ безпрестанно казалось, что я то головой, то ногами лечу въ бездну.

Наконецъ, послѣ 40 часовъ муки, мы вошли въ Босфоръ и пассажиры, зеленые, измятые, выползли на палубу. Чудныя картины, постепенно развертывающіяся по обѣимъ сторонамъ тѣснаго пролива, заставили насъ позабыть только-что перенесенныя невзгоды и окончательно разсѣяли дурное расположеніе духа. Тутъ я сразу поняла, что описать Босфоръ невозможно и что всѣ попытки извѣстныхъ мастеровъ пера — ни что иное, какъ блѣдная копія очаровательной дѣйствительности. О видѣ Константинополя съ моря и говорить нечего. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ — это красота неописуемая; за то внутри города... Но объ этомъ писано довольно...

Въ 11 часовъ яснаго солнечнаго утра, на паровомъ катерѣ Общества Пароходства и Торговли отправились мы большой компаніей осматривать дворцы султана. Придерживаясь европейскаго берега, юркій катеръ пролетѣлъ среди полчищъ всевозможныхъ судовъ и остановился у пристани дворца Дольма-Бахче, гдѣ насъ встрѣтилъ адъютантъ султана—Ризадъ-бей, долженствовавшій служить намъ чичероне. Разумѣется, мы очень обрадовались и одинъ за другимъ начинали предлагать ему вопросы на разныхъ европейскихъ языкахъ, но онъ только мычалъ; мы догадались, что онъ присланъ собственно для почета, въ виду того, что главой нашей компаніи состоялъ статскій генералъ С. Ризадъ повелъ насъ къ главнымъ воротамъ дворца. Ворота эти монументальны, въ родѣ нашихъ тріумфальныхъ арокъ и сплошь рѣзныя; рѣзьба такой тонкости, что невольно напоминаетъ наши паутино-образные оренбургскіе платки. За воротами разбитъ необыкновенно чисто-содержимый садикъ съ бассейномъ по срединѣ, въ которомъ плаваютъ черные лебеди. Въ этотъ садикъ выходитъ главный подъѣздъ дворца, который фасадомъ обращенъ къ Босфору. Съ перваго взгляда Дольма-Бахче производитъ сильное впечатлѣніе и очень нравится. Это мраморная громада, красиво выдѣляющаяся своей бѣлизной на темномъ фонѣ сада. Но вглядываясь внимательнѣе, видишь, что дво-

рецъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго стиля и состоитъ собственно изъ трехъ зданій, построенныхъ вплотную и рѣзко отличающихся архитектурнымъ стилемъ. Разбирая Дольма-Бахче въ подробностяхъ, встрѣчаешь множество ошибокъ противъ строительнаго искусства, напримѣръ, несмѣтное количество украшеній, которыми дворецъ просто залѣпленъ снаружи, хотя эти украшенія сами по себѣ и очень красивы. Впрочемъ, мы имѣли мало времени для критики, такъ какъ нашъ молчаливый Ризадъ-бей повелъ насъ по чудной мраморной лѣстницѣ во второй этажъ Дольма-Бахче, гдѣ находятся бывшіе покои зарѣзаннаго знаменитыми англійскими ножницами султана Абдулъ-Азиса. Все внутреннее убранство—французское, даже ковры. Комнаты расположены неправильно; рядомъ съ огромными залами ютятся крошечныя каморки. Кабинетъ султана, гдѣ онъ такъ часто принималъ графа Игнатьева, бывшаго у него всегда желаннымъ гостемъ,—небольшая комната, выходящая окнами на Босфоръ. Убранство ея чрезвычайно просто: письменный столъ и плетеное передъ нимъ кресло посрединѣ, низкіе диваны вдоль стѣнъ и нѣсколько недурныхъ картинъ,—вотъ и все. Кстати о картинахъ. Во дворцѣ, въ длинномъ корридорѣ расположена султанская картинная галлерея, въ которой есть нѣсколько морскихъ видовъ знаменитаго нашего мариниста Айвазовскаго. Если бы судить объ его талантѣ по этимъ произведеніямъ его кисти, то не высокаго о немъ должны бы быть мнѣнія, хотя ему заплачено страшно дорого. Въ той же галлереѣ обратила на себя вниманіе большая картина, завѣшанная полотномъ, и мы полюбопытствовали узнать, что она изображаетъ; оказалось—взятіе Плевны,—чьей она работы и почему завѣшана, того нашъ чичероне объяснить, конечно, не могъ. Особенно понравились намъ въ Дольма-Бахче: роскошная золотая пріемная зала въ два свѣта, съ чуднымъ паркетомъ и массивнымъ трономъ, мраморная баня султана и полукруглый залъ, первый отъ входа; въ немъ чрезвычайно оригинальны громадныя зеркала, составленныя изъ граненыхъ стеклянныхъ кусочковъ, въ родѣ подвѣсокъ къ люстрамъ или бронзовымъ подсвѣчникамъ. При вечернемъ освѣщеніи зеркала эти горятъ неисчислимымъ количествомъ огней и, говорятъ, производитъ поразительный эффектъ. Очень хороши также вазы (большею частью французскія), въ огромномъ количествѣ украшающія дворецъ. Третья часть Дольма-Бахче занята гаремомъ покойнаго султана и потому мы ее не осматривали. Изъ Дольма-Бахче поѣхали мы къ азіатскому берегу и пристали къ мраморной пристани Белеръ-бея. Дворецъ этотъ, тоже изъ бѣлаго мрамора, поражаетъ своимъ изяществомъ какъ снаружи, такъ и внутри. Султанъ отдѣлалъ его для пріема прелестной ех-императрицы французской Евгеніи и дѣйствительно лучшаго не найдти и въ арабскихъ сказкахъ. Поразительно хороша внутренняя лѣстница, поддерживаемая тонкими колонками настоящаго арабскаго

стиля, безподобны потолки, разрисованные причудливыми яркими арабесками, съ картинами посрединѣ. Только пріемная зала составляетъ диссонансъ въ этомъ волшебномъ дворцѣ: убранство ея самое обыкновенное—французское, а раскрашенныя подъ ляписъ-лазурь колонны, держащія потолокъ, — верхъ безвкусія и тяжеловѣсности. За то купальный залъ въ нижнемъ этажѣ—верхъ восточной роскоши. Онъ такъ и дышетъ прохладой. Бассейнъ изъ бѣлоснѣжнаго мрамора занимаетъ три четверти комнаты; полъ его—изъ одного цѣльнаго мраморнаго куска, чтобы купающіяся тамъ красавицы не ушибли своихъ маленькихъ ножекъ. Посрединѣ большой фонтанъ. Кругомъ всего зала расположены крошечныя комнаты съ громадными диванами и мягкими, какъ вата, коврами; въ нихъ отдыхали прежде гуріи Белеръ-бейскаго гарема; теперь онъ опустѣлъ: современный недугъ—безденежье одолѣлъ даже владыку мусульманскаго міра. — Остальныя комнаты бывшаго гарема высоки и прохладны; вездѣ огромные низкіе диваны, въ нѣкоторыхъ монументальные гардеробные шкафы, а въ одной, къ нашему изумленію, мы нашли піанино. Картинъ нигдѣ нѣтъ, да онѣ и не нужны, когда каждый потолокъ—картина. Очень много вездѣ великолѣпныхъ китайскихъ вазъ. Вообще, во всемъ дворцѣ проглядываетъ Востокъ съ его лѣнью и комфортомъ. Окна и балконы громадные, а видъ оттуда безподобный. Сзади Белеръ-бея небольшой, но очень запущенный садъ, расположенный террасами. Въ одномъ изъ его отдѣленій, въ деревянныхъ клѣткахъ, содержатся прекрасные королевскіе тигры; не то что хилые, сонные тигры нашихъ звѣринцевъ, нѣтъ — это истинные принцы королевской звѣриной семьи. Надо сознаться, что мы недолго любовались грозными красавцами; ихъ свирѣпый ревъ, страшные прыжки и сомнительная прочность деревянныхъ клѣтокъ чрезвычайно ускорили осмотръ нами сада.

Изъ дворца Белеръ-бея насъ повезли въ старый сераль, къ тому красивому холму, на которомъ теперь высятся нестройныя зданія Блистательной Порты. Когда-то на мѣстѣ стараго сераля красовался роскошный дворецъ византійскихъ императоровъ, въ которомъ были собраны сокровеща всего свѣта, чудныя произведенія живописи и скультипуры Запада и всевозможныя драгоцѣнности Востока.

Вмѣсто дворца на холмѣ образовался теперь цѣлый городъ стройныхъ кіосковъ, высокихъ, стрѣлообразныхъ минаретовъ, свинцевыхъ и золотыхъ куполовъ, воздушныхъ башень и мраморныхъ фонтановъ, а среди нихъ, на большомъ дворѣ, была выкопана канава для стока крови казненныхъ тутъ жертвъ султанскаго деспотизма.

Рѣзкій свистокъ внезапно прервалъ нашъ осмотръ. Катеръ подошелъ къ отвратительной пристани изъ большихъ камней и мы не безъ труда выбрались на песчаный берегъ. Нашъ молчаливый чичероне провелъ насъ чрезъ большія ворота Блистательной Порты

къ небольшому зданію, въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, съ большой чугунной рѣшеткой передъ нимъ. Пришелъ какой-то любезный старичекъ-паша, отворилъ огромную желѣзную дверь и ввелъ насъ во внутрь этого скромнаго по виду зданія, оказавшагося сокровищницей султана. И дѣйствительно—это сокровищница! Чего только въ ней нѣтъ! Въ первой комнатѣ, уставленной громадными стеклянными шкапами, собраны всевозможныя драгоцѣнности; красуются тутъ кинжалы и пистолеты, съ самоцвѣтными камнями, трубки и чубуки изъ янтаря и слоновой кости, тоже осыпанные бриллиантами, драгоцѣнные камни безъ всякой оправы, между ними громадный алмазъ, правда, немного желтоватый, но за то въ грецкій орѣхъ. Въ одномъ углу стоитъ тронъ султана Махмуда, безобразное кресло съ высокой спинкой, инкрустированное перламутромъ и слоновой костью; въ сидѣнье его вставленъ кусокъ небеснаго цвѣта бирюзы—въ ладонь величиною. По серединѣ комнаты другой тронъ—персидскій; онъ деревянный, формой похожъ на бобъ. Бока его сплошь усѣяны жемчугомъ, а середина выложена бирюзой и драгоцѣнными камнями. Противъ трона виситъ огромный шарообразный кусокъ прозрачнаго зеленаго камня, который намъ выдавали за настоящій изумрудъ. Въ сосѣдней комнатѣ любовались мы великолѣпными севрскими сервизами—столовыми и кофейными, изъ которыхъ многіе осыпаны бриллiантами, чудными вазами и всѣхъ сортовъ бриллiантовыми цвѣтами, воткнутыми въ пробки грошевыхъ стеклянныхъ чернильницъ и прелестными, крошечными куколками изъ цѣльныхъ жемчужинъ причудливой формы. Тутъ же стоятъ большія миски съ грудами крупныхъ красныхъ и розовыхъ коралловъ, очевидно не особенно цѣнимыхъ турками; въ темномъ углу одного изъ шкаповъ, мы примѣтили и родной самоваръ, къ сожалѣнію грубой работы. Затѣмъ по узкой лѣстницѣ провели насъ на хоры этой комнаты, идущія вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ ея. Тутъ въ большихъ стеклянныхъ шкапахъ красуется рядъ куколъ въ ростъ человѣческій, плохо сдѣланныхъ изъ картона; каждая изъ нихъ должна изображать одного изъ умершихъ турецкихъ султановъ, самый парадный костюмъ котораго на нее и надѣтъ, такъ какъ костюмы эти, по обычаю, никѣмъ, кромѣ своихъ владѣтелей, носимы быть не могутъ. Шелкъ, парча, золотое шитье и масса драгоцѣнныхъ камней украшаютъ этихъ картонныхъ повелителей правовѣрныхъ; на одномъ нарядъ особенно роскошенъ: онъ такъ и блещетъ бриллiантами; на монументальной бѣлой чалмѣ сіяютъ изумрудъ и два кровавые рубина, неграненые и безъ дорогой оправы, но чудной воды, и каждый въ куриное яйцо; за широкимъ вышитымъ поясомъ заткнутъ кинжалъ съ рукояткой изъ цѣльнаго куска изумруда! Изъ маленькаго ярлычка надъ головой куклы мы узнали, что этотъ костюмъ принадлежалъ Солиману Великолѣпному. Кромѣ куколъ, на хорахъ

находятся парадныя султанскія сѣдла и сбруя неописаннаго великолѣпія.

Во время осмотра всѣхъ этихъ чудесъ, мы часто подходили къ Ризадъ-бею, стараясь выразить ему наши восторги, но онъ молчалъ и только улыбался; впрочемъ, одному изъ насъ удалось какъ-то съ помощью одного слова «бурда» и необычайныхъ жестовъ узнать отъ глубокомысленнаго адъютанта, что изъ сераля въ Долма-Бахче проведенъ подводный телеграфъ. Изъ сокровищницы насъ повели въ Багдадскій кіоскъ, обложенный снаружи и внутри крупными, синими кафелями, чрезвычайно рѣдкими и дорогими. Весь кіоскъ, точно колпакомъ, одѣтъ крытой стеклянной галлереей; широкіе турецкіе диваны и роскошные смирнскіе ковры составляютъ его внутреннее убранство. Фасадомъ своимъ онъ выходитъ на мраморную террасу съ небольшимъ бассейномъ воды. Не далеко оттуда довольно большая библіотека старинныхъ мусульманскихъ книгъ въ великолѣпныхъ переплетахъ, съ прелестными виньетками и необыкновенными миньятюрами, рисованными акварелью и украшенными золотомъ.

Изъ книгохранилища, не заходя въ церковь св. Ирины, обращённую въ арсеналъ, мы прошли мимо двухъ платановъ—современниковъ Греческой имперіи—въ новый кіоскъ, построенный Абдулъ-Меджидомъ. Кіоскъ украшенъ роскошно, но во французскомъ стилѣ. Громадныя зеркальныя окна открываются на мраморную террасу, съ которой открывается видъ, достойный тысячи и одной ночи; направо разстилается голубое Мраморное море, съ сторожащей его башней Мандра и пестрый берегъ Скутари, увѣнчанный кипарисами; чуть-чуть лѣвѣе синяя извилистая лента Босфора исчезаетъ между цвѣтущими холмами, а прямо передъ нами кипащій кораблями и лодками, полной жизни—Золотой Рогъ съ громоздящимися надъ нимъ Перой и Галатой. Мы долго любовались этимъ чудеснымъ видомъ, куря настоящій султанскій табакъ и лакомясь въ тоже время розовымъ вареньемъ и душистымъ кофе, поданнымъ въ прелестныхъ золотыхъ съ бирюзой чашечкахъ, по распоряженію любезнаго паши—смотрителя сераля.

Наконецъ, настало время возвращаться на пароходъ. Мы распрощались съ нашимъ чичероне и сѣли на катеръ.

На другой день, рано утромъ, когда Пера, Галата и Стамбулъ еще были закутаны туманомъ и только высокіе минареты выступали кое гдѣ изъ его дымки острыми верхушками, нашъ каикъ уже скользилъ по Золотому Рогу, усыпанному, не смотря на ранній часъ, массой разнообразныхъ лодокъ и барокъ, по серединѣ которыхъ красиво выдѣлялись щегольскіе станціонеры нѣкоторыхъ европейскихъ державъ. Вдругъ, солнечные лучи прорвались сквозь туманъ и освѣтили чудную панораму Константинополя; какой красивой и богатой кажется эта древняя столица, какая пестрота и

яркость красокъ. Правда, если вглядѣться, то можно замѣтить, что эти пестренькіе, веселенькіе домики не всѣ крѣпкіе, не всѣ богатые; многіе съ разбитыми окнами, съ обвалившимися трубами; вотъ одинъ только потому и не развалился, что прислоненъ къ громадной гранитной колоннѣ—сѣдому остатку древности, а другой стоитъ на мраморномъ фундаментѣ, тоже остаткѣ какого нибудь храма, а вмѣсто двери—грязныя лохмотья, но кому же охота приглядываться, когда воздухъ такъ нѣженъ, а солнце такъ ярко. Больше часу мчался нашъ каикъ и, наконецъ, подъѣхалъ къ маленькой, невзрачной пристани. «Фанаръ», проговорилъ нашъ лодочникъ. Мы вышли и вступили въ узенькую, коротенькую улицу, круто поднимающуюся въ гору.

Трудно вообразить, до чего грязна эта маленькая улица и какой грязный оборванный людъ въ ней обитаетъ; въ концѣ ея — греческая патріархія, цѣль нашей поѣздки. Патріархія помѣщается въ нѣсколькихъ зданіяхъ, довольно приличнаго вида. Передъ домомъ патріарха маленькій садикъ, который мы обошли весь, пока патріаршій слуга носилъ ему визитную карточку моего мужа. «Просятъ», объявилъ онъ, приглашая подняться на небольшую каменную лѣстницу. Пройдя нѣсколько комнатъ, мы вошли въ большой, но скромно убранный кабинетъ; у письменнаго стола сидѣлъ патріархъ;—онъ тотчасъ всталъ намъ на встрѣчу и благословилъ насъ. Наружность его замѣчательна. Высокаго роста, брюнетъ, на видъ лѣтъ 40 съ небольшимъ (ему было тогда 48), сѣдина только начинала серебрить его волосы, цвѣта вороньяго крыла; большіе черные глаза смотрѣли живо и энергично, на всей фигурѣ — отпечатокъ сильнаго характера, не чуждаго хитрости; одѣтъ былъ патріархъ чрезвычайно просто, безъ всякихъ видимыхъ знаковъ своего высокаго сана.

— Je viens, votre sainteté, de la part de notre archeveque d'Odessa [1]).

— Ich ferstehe nicht die französische sprache [2]), перебилъ съ любезной улыбкой патріархъ. Увы! а мы только собирались сказать ему самый витіеватый комплиментъ. Пришлось объясняться понѣмецки.

Мы передали ему письмо одесскаго архіерея Платона, только что назначеннаго тогда Кіевскимъ митрополитомъ. Патріархъ отозвался о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. «Передайте ему пожалуйста, говорилъ онъ, что я бы очень желалъ получить его портретъ для украшенія моего скромнаго жилища. Давно-ли вы въ Константинополѣ, все-ли осмотрѣли?» Мы распространились о красотахъ города и Св. Софіи. «Тяжелое, говоримъ, впечатлѣніе произ-

---

¹) Я являюсь, ваше святѣйшество, отъ нашего одесскаго архіерея.

²) Я не понимаю французскаго языка.

водить, что святыня эта въ рукахъ невѣрныхъ». — «Отъ васъ-же русскихъ, зависитъ ее освободить», лукаво улыбнулся патріархъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на положеніе греческой церкви на Востокѣ. Патріархъ жаловался, что нетолько съ турками справляться трудно, но и съ греками: «вѣра ослабѣла, только о наживѣ и думаютъ, партій разныхъ много, интриги постоянныя». Когда мы стали прощаться, онъ предложилъ намъ дать рекомендательное письмо къ іерусалимскому патріарху; мы, конечно, не отказались. Пока сочинялось это письмо секретаремъ патріарха, мы осмотрѣли пріемныя комнаты патріархіи, а затѣмъ получили благословеніе его святѣйшества; онъ пожелалъ намъ счастливаго пути, приглашалъ снова посѣтить его и на прощанье сказалъ намъ даже по-русски: «до свиданія». Изъ патріаршаго дома мы прошли въ маленькую старинную церковь патріархіи. Видъ ея не изященъ, но въ ней есть замѣчательныя древности. Иконостасъ изъ почернѣвшаго отъ времени дерева, неоцѣнененъ для любителя старины. Великолѣпны двѣ мозаичныя иконы, спасенныя изъ Св. Софіи. Онѣ чуть-чуть попорчены огнемъ во время пожара Софійскаго храма. Тутъ-же находятся—патріаршее мѣсто и каѳедра (тоже изъ Св. Софіи), съ которой Іоаннъ Златоустъ громилъ царицу Ѳеодору; каѳедра великолѣпно инкрустирована перламутромъ и слоновою костью.

Домой мы возвращались по дорогѣ, идущей вдоль стѣнъ города. Эти стѣны—самый поэтическій изъ памятниковъ Константинополя; онѣ зубчатыя и построены въ три ряда; черезъ извѣстные промежутки возвышаются круглыя башни. У подножія стѣнъ тянется широкій ровъ; онъ весь заросъ зеленымъ кустарникомъ, да и самыя стѣны во многихъ мѣстахъ покрыты мохомъ и обвиты плющемъ; нерѣдко изъ-за развалившихся кирпичей выставляетъ молоденькое деревцо свою зеленую верхушку. Этотъ контрастъ свѣжей молодой зелени и сѣдыхъ мрачныхъ твердынь производитъ чарующее впечатлѣніе. Стѣны безконечно разнообразны въ своемъ величественномъ разрушеніи; глядя на нихъ, невольно обращаешся ко временамъ знаменитой Константинопольской осады. Развращенная, дряхлая имперія, представительница европейской цивилизаціи и изнѣженности, хранительница христіанскаго ученія, великая своимъ великимъ прошлымъ, не выдержала напора дикой орды фанатическихъ рабовъ ислама и пала, погребя подъ своими развалинами послѣдняго великаго своего защитника Константина Палеолога. Вотъ развалины башень Св. Романа, а вотъ Семибашенный замокъ; замѣтны еще слѣды его золотыхъ воротъ, но они заложены: суевѣрные мусульмане боятся, чтобы, по предсказанію, не вошелъ черезъ нихъ побѣдитель, — особенно русскій. Вѣдь разъ уже былъ прибитъ щитъ русскаго князя на этихъ воротахъ и ихъ завѣщалъ, вмѣстѣ съ Св. Софіей, единовѣрцамъ своимъ послѣдній императоръ византійскій.

II.

Мраморное море.—Дарданеллы.—Мителенъ.—Сафо.—Смирна.—Базаръ.—Невольничій рынокъ.—Александрія.—Портъ-Саидъ.—Высадка въ Яффѣ.

... Ночь. Пароходъ тихо скользитъ по спящему Мраморному морю. Въ блѣдныхъ лучахъ луны море кажется массой жидкаго серебра, заключеннаго въ необъятную, причудливой формы чашу съ высокими, неровными, зубчатыми краями; струя воды за пароходнымъ винтомъ переливается и блеститъ перламутромъ. Вспоминается Сафо, родина которой уже недалеко отъ насъ:

Передъ дискомъ сіяющимъ мѣсяца,
Надъ землею, объятою сномъ,
Съ своимъ слабымъ мерцаніемъ прячутся
Звѣзды на небѣ ночномъ.

Рано утромъ показались Дарданеллы. Утро было свѣжее; облака укутывали вершины горъ; море потеряло свой бирюзовый оттѣнокъ и посѣрѣло. Помощникъ капитана и нѣсколько человѣкъ пассажировъ, въ томъ числѣ и я, спустились въ шлюпку и поѣхали къ маленькому игрушечному городку Чанаку, окруженному далеко не игрушечными батареями. Шлюпка пристала къ отвратительному деревянному помосту; взобравшись на него, мы очутились передъ деревянной дверью, закрытой деревянной же рѣшеткой. Какая то феска просунула желѣзные щипцы въ одно изъ отверстій рѣшетки, уцѣпила ими бумаги, поданныя офицеромъ, бросила ихъ въ небольшой ящикъ; потомъ вынула ихъ обратно, осѣдлала свой длинный носъ pince-nez, внимательно ихъ прочла, велѣла отворить намъ дверь и мы были впущены въ святилище карантиннаго бюро. Святилище оказалось изрядно грязнымъ и пока нашъ офицеръ получалъ «практику», я пошла въ городъ, состоящій всего изъ двухъ улицъ съ лавченками; войдя въ одну изъ нихъ, я увидѣла издѣлія изъ классической троянской глины, надо сознаться, отвратительныя. И по какимъ это моделямъ готовятъ ихъ потомки Гектора и Андромахи! особенно поразила меня одна, надо полагать, птица съ собачьимъ хвостомъ; выкрашена она была въ семь радужныхъ цвѣтовъ, а глаза были замазаны сусальнымъ золотомъ. Потоптавъ землю Пріама, мы вернулись на пароходъ, но онъ еще долго простоялъ въ Дарданеллахъ, такъ какъ на «Чихачева» сажали 500 турецкихъ солдатъ. Отъ нечего дѣлать я все разсматривала въ бинокль генуэзскую крѣпость на европейскомъ берегу, очень похожую на разсѣвшійся пирогъ.....

Вотъ и Архипелагъ. Налѣво темной полосой тянется берегъ злополучной Трои и невольно въ памяти воскресаютъ воспомина-

нія юношества. Воображеніе по отрывкамъ исторіи и Иліады старается возстановить картину священнаго Пріамова города:

«Палъ Пріама градъ священный,
«Грудой пепла сталъ Пергамъ:

Направо тянутся обнаженные холмы Мителена, древняго Лесбоса, родины Сафо. Печаленъ берегъ Мителена, но за то поэтическій образъ Сафо, какъ бы носился надъ островомъ, и ея колыбельная пѣсенка звучала въ ушахъ:

«Милая матушка, прясть не могу я,
«Мнѣ не сидится. Ноя, тоскуя,
«Сердце томится, здѣсь въ заперти.
«Ниточки рвутся, руки трясутся,
«Милая матушка, дай мнѣ уйти».

Вечеромъ, на палубѣ танцовали турецкіе солдаты—бравые, высокіе молодцы, подъ звуки трехъ-струнной балалайки. Взявшись за руки и мѣрно припадая на одну ногу, они двигались, кружась по одному направленію; быстрѣе заиграла музыка и танцоры, присѣвъ на корточки, закружились быстрѣе, но все въ тактъ, прищелкивая пальцами и припѣвая дикими голосами. Странное впечатлѣніе производили эти дикіе люди, въ военныхъ мундирахъ, танцующіе какую-то варварскую пляску на палубѣ парохода. Товарищи ихъ засѣли кружкомъ, нѣкоторые играли въ шашки, другіе пили кофе, продававшійся ловкимъ кафеджи, первымъ драгоманомъ парохода, за свои труды безданно-безпошлинно торгующимъ ракіей и кофе...

Вотъ и Смирна. Южная красавица пестрымъ полукругомъ залегла у берега Смирнскаго рога. По обѣимъ сторонамъ высятся горы «двухъ сестеръ» и «трехъ братьевъ» съ сѣрыми голыми вершинами оригинальной формы; надъ самымъ городомъ тоже небольшая гора съ развалинами цитадели на вершинѣ. Въ этой цитадели былъ разстерзанъ св. Поликарпъ дикими звѣрями, клѣтки которыхъ сохранились и до сихъ поръ. Кипарисныя рощи, пропасть садовъ, нѣсколько высокихъ церквей, ярко окрашенныя зданія, наконецъ, прекрасная набережная, вымощенная плитами и сплошь застроенная гостинницами и кофейнями, придаютъ родинѣ Гомера чрезвычайно красивый видъ. Въ Смирнѣ, осматривая базаръ, который напоминаетъ константинопольскій, но несравненно меньше и грязнѣе его, мы увидѣли въ первый разъ караваны верблюдовъ, мѣрно выступающихъ подъ тяжелыми ношами, позвякивая колокольчиками. На этомъ же базарѣ какой-то оборванецъ большой лингвистъ, привязался къ намъ, предлагая показать всѣ достопримѣчательности города. Сколько ни изощрялись мы на всѣхъ извѣстныхъ намъ нарѣчіяхъ, прося и приказывая ему удалиться, онъ не отставалъ и наконецъ соблазнилъ насъ предложеніемъ показать невольничій рынокъ.

Мы поддались на удочку, хотя бывшій съ нами капитанъ отлично зналъ, что торговля невольниками запрещена въ Турціи и консула всѣхъ державъ обязаны строго наблюдать за недопущеніемъ такого торга. Нашъ чичероне провелъ насъ черезъ весь базаръ къ какому-то крытому двору и клятвенно увѣрялъ, что сидѣвшіе тамъ на корточкахъ вдоль стѣнъ негры и арабы—невольники, и что купить каждаго изъ нихъ можно рублей за 200, 300, сохраняя конечно тайну. «Да спроси самъ, ils vous dirons», твердилъ нашъ проводникъ, указывая на псевдо-невольниковъ; плутъ отлично зналъ, что мы арабскаго языка не понимали.

Въ 4 часа дня мы снялись съ якоря и покинули Смирну, этотъ истинно греческій городъ, гдѣ процвѣтаетъ греческій языкъ и въ особенности греческая торговля. При отъѣздѣ онъ казался намъ очаровательнымъ; можетъ быть тому способствовала перспектива почти трехдневнаго плаванія до Александріи.

. . . .

Наконецъ, мы въ Африкѣ. Пароходъ сталъ на Александрійскомъ рейдѣ. Для насъ Александрія послѣ долгаго плаванія показалась очень гостепріимной. Съ рейда она некрасива. Сѣроватый, голый берегъ почти сливается съ моремъ. Бѣлые дома тускло выдѣляются на грязноватомъ фонѣ. Растительности не видно. Внутри городъ раздѣляется на двѣ части: одна — у самой гавани, поражаетъ зловоніемъ, грязью, необыкновенной узкостью улицъ и странной архитектурой домовъ, этажи которыхъ выступаютъ одинъ надъ другимъ, чѣмъ увеличиваютъ мракъ и грязь этихъ несчастныхъ закоулковъ и проходовъ (въ нѣкоторыхъ почти невозможно разъѣхаться двумъ экипажамъ); другая — очень красива и оригинальна. Улицы широкія, великолѣпно мощенныя, дома красивые, часто съ садиками, гдѣ красуются пальмы и другіе представители южной флоры. Лучшее мѣсто города — площадь консуловъ (Place des consuls), гдѣ прежде они и жили, посрединѣ которой разбитъ очень большой скверъ съ громадными мраморными бассейнами — фонтанами по концамъ и статуей Мехмета-Али верхомъ на конѣ въ центрѣ. Площадь обстроена огромными пятиэтажными зданіями, занятыми теперь по преимуществу гостинницами и магазинами со всевозможными товарами, большею частію европейскими. Долго катались мы въ удобной парной коляскѣ съ черным ъ кучеромъ одѣтымъ въ бѣлый бедуинъ, отлично понимавшимъ итальянскій языкъ. Не даромъ издревле у египтянъ огромный процентъ населенія былъ переводчиками, такъ какъ они замѣчательно легко выучивались иностраннымъ языкамъ. Налюбовавшись вдоволь прекрасными, чистыми улицами, фонтанами и пальмами, впервые видѣнными нами подъ открытымъ небомъ, мы вернулись къ пристани, откуда насъ на парусной лодочкѣ доставили на пароходъ...

Всю дорогу отъ Александріи до Портъ-Саида насъ качало такъ страшно, что пришлось лежать въ койкахъ, да еще держаться, чтобы не очутиться на полу. Только что пароходъ остановился у Портъ-Саида, мы съѣхали на берегъ и пошли бродить по городу. Онъ производилъ оригинальное впечатлѣніе; въ чрезвычайно короткое время выросъ онъ, точно грибъ послѣ дождя, на совершенно плоскомъ песчаномъ берегу, безъ всякаго признака растительности; куда ни посмотришь — всюду пустыня. Кажется, что городъ возникъ тутъ по мановенію какой нибудь капризной волшебницы; самые дома какъ будто перенесены откуда-то и поставлены совсѣмъ готовые на песчаный грунтъ; они точно игрушечные и поразительно похожи на спичечницы и игольники въ видѣ домиковъ съ зелеными ставнями, во множествѣ продающимися во всѣхъ уголкахъ Швейцаріи. Въ нижнихъ этажахъ домовъ европейскіе магазины и довольно плохіе; есть два, три, гдѣ продаются индѣйскія и китайскія вещи, которыя привозятся океанскими пароходами, проходящими чрезъ Суезскій каналъ. Ходили мы смотрѣть на каналъ; — правду сказать видъ у него очень неприглядный. Впослѣдствіи, плавая по немъ, мы убѣдились, что онъ вездѣ одинаковъ и узкой полосой тянется въ низкихъ, песчаныхъ, совершенно голыхъ берегахъ цѣлыя сотни верстъ. По каналу изъ Портъ-Саида ежедневно отправляются почтовые пароходы-лилипуты въ Измаилъ и Суезъ...

Какъ страшно и грозно бушуетъ море. Всѣ пассажиры лежатъ. Я хотѣла было открыть окно (наша каюта на палубѣ въ рубкѣ) и взглянуть на море, но оно такъ сердито обрызгало меня холодной волной, что пришлось закрыть. Пароходъ прыгаетъ, какъ резиновый мячикъ, но мѣрно, точно, по часамъ. Мы стоимъ на якорѣ въ виду Яффы. Уже разъ нашъ «Лазаревъ» уходилъ назадъ въ море, не будучи въ состояніи выдерживать напоръ волнъ. — Пожалуй, и теперь уйдетъ...

Наконецъ, отъ набережной Яффы отвалила первая лодка. Давно пора,—уже второй часъ, а въ четыре «Лазаревъ» снимется съ якоря и уйдетъ въ Бейрутъ, — тогда прощай пасха въ Іерусалимѣ..

Опять приходится ждать. Капитанъ непускаетъ насъ на этой лодкѣ: «если она дойдетъ до Яффы, то я пущу васъ со слѣдующей, а теперь не могу взять на свою отвѣтственность». Море стало чуть-чуть тише; волны плещутъ на палубу, но не хватаютъ до окна каюты. Какая страшная и красивая картина передъ нами: море растилается, какъ безконечный огородъ съ живыми грядами, которыя вздуваются, ростутъ, разсыпаются жемчужной пѣной и снова ростутъ, ростутъ до чудовищныхъ размѣровъ. А за ними на горѣ красуется Яффа съ своими бѣлыми и пестрыми домами. Кажется, близко; только небольшая площадь разбушевавшейся воды, да груда громадныхъ черныхъ камней раздѣляютъ насъ. — «Ба-

тюшка, родименькій, оставь Христа-ради»! вдругъ раздался на палубѣ пронзительный старушечій вопль. Обернувшись, вижу преоригинальное зрѣлище: среди лежащихъ и сидящихъ на палубѣ богомольцевъ снуютъ только что пріѣхавшіе въ своемъ узкомъ баркалѣ арабы, — черные, полунагіе и мокрые; они, какъ непріятель послѣ штурма, накинулись на несчастныхъ пилигримовъ, съ дикими возгласами вырываютъ у нихъ ихъ узелки и котомки, швыряютъ ихъ за бортъ въ свою лодку, а затѣмъ также безцеремонно бросаютъ за ними и ихъ обладательницъ. Несчастныя богомолки, одурѣвъ отъ страха и дрожа за свое имущество, не смѣли пикнуть и только одна, сидѣвшая у нашей каюты, увидя, что и къ ней приближается одинъ изъ этихъ демоновъ-обезьянъ, взмолилась такъ отчаянно, что ее услыхали. Пришелъ капитанъ и досталось же страшнымъ перевозчикамъ. Съ этой лодкой уѣхало нѣсколько богомольцевъ; они плыли до Яффы больше получаса. Съ какимъ замираніемъ сердца слѣдили мы, какъ ихъ скорлупка то взлѣтала на гребни волнъ, то исчезала въ пучинѣ — и казалось — на вѣки.

Три часа; наконецъ-то пришла наша лодка.

Изъ классныхъ пассажировъ съ нами ѣдутъ только супруги С. Пароходъ раскачивается такъ, что идти невозможно; меня ведутъ подъ руки. Съ ужасомъ вижу, какъ г-жа С. усаживается на трапъ и вдругъ исчезаетъ, затѣмъ пропадаетъ также мужъ ея. Но раздумывать некогда: меня влекутъ къ тому же трапу и усаживаютъ; пароходъ сильно накреняется, два араба хватаютъ меня за руки и я лечу въ бездну, примѣтивъ только, что гдѣ-то внизу подъ трапомъ пляшетъ неуклюжая лодченка; въ нее-то, пролетѣвъ сажени двѣ, я и попадаю, прямо въ руки сторожившимъ мой полетъ арабамъ. Бѣдная С., совершая свой сальто-мортале, сильно ушибла ногу. Но это еще ничего: при такихъ выгрузкахъ и совсѣмъ ноги ломаютъ. Черезъ 20 минутъ безпрерывнаго, отчаяннаго нырянья по громаднымъ валамъ, благополучно миновавъ гряду яффскихъ камней, мы подошли къ пристани, гдѣ пестрая толпа народа встрѣтила насъ шумными восклицаніями. Очнулись мы только въ русскомъ страннопріимномъ домѣ, гдѣ насъ ожидали двѣ чистыя комнаты и родной самоваръ.

III.

Яффа.—Дорога въ Іерусалимъ.—Рамля.—Латронъ.—Горы Іудеи.—Эмаусъ.—Іерусалимъ.—Русское подворье.—Церемонія омовенія ногъ.—Храмъ.—Голгофа.

Яффа, чуть-ли не самый древній городъ въ мірѣ, построена была Іафетомъ и много вытерпѣла на своемъ вѣку. Массы войскъ видѣла она подъ своими стѣнами: Маккавей, Помпей, Константинъ,

крестоносцы, Салахъ-Эдинъ (Саладинъ) и даже Наполеонъ I-й осаждали ее. Яффа же видѣла и величайшій во всей исторіи крестовыхъ походовъ подвигъ короля Ричарда—Львиное Сердце. Узнавъ о нападеніи Саладина (Салахъ-Эдина) на Яффу, Ричардъ двинулся туда, но корабли его подошли къ городу, когда онъ былъ уже во власти мусульманъ. Не дожидаясь перевозочныхъ судовъ, король со свитой бросился въ воду и напалъ на турокъ такъ неожиданно, что тѣ растерялись и начали отступленіе, Ричардъ съ десятью рыцарями бросился ихъ преслѣдовать и обратилъ въ бѣгство. Яффа же была свидѣтельницей подвиговъ апостоловъ; и теперь еще легковернымъ богомольцамъ показываютъ мѣсто, гдѣ апостолъ Петръ воскресилъ Тавифу, и мѣсто, гдѣ прежде стоялъ домъ Симона Кожевника, въ которомъ жилъ апостолъ Петръ и гдѣ ему было извѣстное видѣніе. Теперь тутъ католическій монастырь. Остатковъ отъ древнихъ укрѣпленій города и слѣда нѣтъ. Вообще Яффа по внѣшности не интересна. Съ моря городъ недуренъ, — онъ расположенъ террасами на горѣ, но внутри — невообразимая грязь, мизерныя постройки и корридоры вмѣсто улицъ. Сады всѣ за городомъ. Для христіанъ Яффа была всегда предверіемъ Св. Земли и поклонники, выйдя на берегъ, прежде всего цѣлуютъ землю.

Отдохнувъ немного — въ три часа утра мы отправились въ путь въ ужаснѣйшемъ фургонѣ, нѣчто въ родѣ эшафота на колесахъ, съ бѣлобрысымъ кучеромъ нѣмцемъ; ихъ около Яффы цѣлая колонія. Дорога шла сначала великолѣпными садами. Заборы изъ кактусовъ въ ростъ человѣческій охраняли цѣлые лѣса апельсинныхъ, лимонныхъ, померанцевыхъ и гранатныхъ деревьевъ и банановъ. Полная, яркая луна серебрила ланшафтъ и самыя причудливыя тѣни ложились кругомъ. А за нами безконечная поверхность моря казалась сотканной изъ серебра и лазури, и вѣтерокъ доносилъ до насъ порою ласкающій ропотъ волнъ. Незнакомыя звѣздочки привѣтливо мигали намъ съ теплаго, южнаго неба; попадавшіеся по дорогѣ, полуразрушенные водоемы и сторожевыя башни подъ волшебнымъ луннымъ свѣтомъ принимали самыя фантастическія очертанія. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ померанцевъ. Какая-то сладостная истома овладѣвала нами, голова не работала, всѣ заботы житейскія уходили далеко, и страстно хотѣлось, чтобы эта чудная ночь тянулась до безконечности. Въ пять часовъ утра на востокѣ засвѣтлѣлась узенькая полоска и стала разгораться сильнѣе и сильнѣе; предметы получили свой обыденный отпечатокъ; пахнулъ свѣжій вѣтерокъ и изъ-за тучки выкатилось красное солнышко, освѣтивъ розовымъ свѣтомъ лежавшую передъ нами Саронскую равнину. Равнина эта одна изъ плодороднѣйшихъ въ Палестинѣ; далеко разстилаются по ней поля пшеницы, усѣянныя кринами сельными, между которыми особенно много тюльпановъ; тутъ пасъ когда-то стада царь—поэтъ Сатрай Саронитянинъ. На право,

на пригоркѣ, виднѣется селеніе Язуръ—отчизна Маккавеевъ; память о нихъ доселѣ живетъ въ народныхъ воспоминаніяхъ. Жалѣю, что не могла узнать, сохранился-ли Саронскій лѣсъ, описанный Тассо подъ именемъ волшебнаго. За равниной, сѣрой громадной массой высятся горы Іудеи.—Часа черезъ три, по выѣздѣ изъ Яффы, показались первыя масл чныя насажденія, нѣкогда составлявшія вмѣстѣ со смоковницами бо́льшую часть доходовъ царямъ израильскимъ. За маслинами бѣлѣются домики Рамли, древней Аримаѳеи, родины Никодима и благообразнаго Іосифа. У самаго селенія красиво рисуется на безоблачномъ небѣ высокая башня временъ крестоносцевъ. Въ Рамли мы остановились кормить лошадей и отдохнули немного въ плохенькой гостинницѣ.—Еще три долгихъ часа ѣхали мы до Латрапа, гдѣ ловкій янки Howard устроилъ хорошій hotel; впрочемъ, нашъ возница не заблагоразсудилъ тутъ остановиться и мы отдыхали, уже простясь съ Саронской равниной, въ какой-то жидовской корчмѣ у подошвы Іудейскихъ горъ.

Горы Іудеи поражаютъ своимъ дикимъ величіемъ: крутыя, голыя, почти безъ признаковъ зелени, съ бездонными пропастями, они носятъ на себѣ печать смерти:

«Безглагольна, недвижима
Мертвая страна».

Порою издали кажется, что онѣ покрыты грязноватымъ снѣгомъ, но вблизи снѣгъ оказывается свѣтло-сѣрыми камнями, которыхъ такое множество, точно здѣсь шелъ каменный дождь много, много дней.

Подъемы на скалы круты; дорога ужасна и лѣпится по самому краю пропастей. Лошади едва передвигаютъ ноги; жара страшная; бока и спина болятъ—къ жесткимъ спинкамъ нашего эшафота невозможно прислониться. Картины самыя безотрадныя смѣняютъ одна другую. Скука томящая. Минуемъ деревушку Каріэтъ-эль-Енабъ, плотно приставшую къ скалѣ. Какая-то процессія спускается съ горы; смуглые арабы, тонкіе, стройные, въ пестрыхъ дырявыхъ одеждахъ, несутъ разноцвѣтные флаги, слышится что-то похожее на музыку. Пришлось пережидать. Подивились на невиданное зрѣлище и потащились дальше. За деревней, на отвѣсной почти скалѣ, видны развалины рыцарскаго замка; монументальные ворота еще хорошо сохранились—отъ нихъ такъ и вѣетъ средними вѣками. Дорога становится все хуже; повороты чрезвычайно круты, спускаемся съ горъ оригинальными зигзагами, такъ какъ спуски почти отвѣсные. На одномъ изъ поворотовъ вдругъ открылся видъ на хорошенькую долину, густо засаженную маслинами и виноградниками; надъ ней бѣлѣется на горѣ большое поселеніе — это горній градъ Іудинъ, родина Іоанна Крестителя,—а передъ нами уже Эммаусъ, гдѣ Христосъ, по воскресеніи Своемъ, явился двумъ ученикамъ. Еще часа два пути и мы увидимъ Іерусалимъ. Увидѣть

Іерусалимъ! у кого не было этого желанія. Кому изъ насъ съ самаго ранняго дѣтства онъ не былъ близокъ и родственъ? Страшное нетерпѣніе овладѣваетъ нами, даже флегматичный нѣмецъ погоняетъ лошадей, но время тянется нескончаемо; усталость и голодъ сильно даютъ себя чувствовать, а подъемы все круче, спуски все отчаяннѣе и сколько ихъ — безъ конца. Но вотъ въѣзжаемъ снова на гору; какія-то только-что отштукатуренныя высокія строенія закрываютъ горизонтъ; дорога превращается въ шоссированную улицу, по бокамъ красуются кабаки и харчевни. Удивленные смотримъ другъ на друга, но возница выводитъ насъ изъ оцѣпененія: «это новое предмѣстье Іерусалима». Если бы крестоносцы въ первый разъ вмѣсто высокихъ стѣнъ и башень увидѣли такое предмѣстье, не упали-бы они ницъ и не стали-бы цѣловать эту землю. Всякое молитвенное настроеніе изчезло и съ горечью въ сердцѣ подъѣхали мы къ русскимъ постройкамъ, расположеннымъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ самаго Іерусалима. Тутъ только увидѣли мы древнія, сѣрыя стѣны и громадныя желѣзныя Яффскія ворота, сквозь которыя виднѣлась узенькая улица и толпа богомольцевъ, сновавшихъ по всѣмъ направленіямъ.

Послѣ долгихъ поисковъ за какимъ нибудь помѣщеніемъ, н найдя ни одного номера ни въ одной гостинницѣ, по случаю громаднаго наплыва путешественниковъ, мы размѣстились кое какъ въ русскомъ пріютѣ; дамы внизу, въ дворянскихъ номерахъ, гдѣ имъ отдали столовую, а мужчины съ адмираломъ С. на верху, въ комнатахъ архимандрита. Только что начали чайничать, какъ посланный отъ о. Антонина пригласилъ адмирала и моего мужа въ русскую баню; они конечно обрадовались такому пріятному предложенію и поспѣшили принять его. На горячемъ полкѣ мужъ мой имѣлъ удовольствіе познакомить С. съ о. Антониномъ...

Чудное безоблачное утро. Насъ разбудили рано; еще съ вечера было рѣшено, что всѣ мы, обитатели русскаго пріюта, пойдемъ смотрѣть церемонію омовенія ногъ. Въ 9 часовъ, все наше общество было въ сборѣ и отправилось въ городъ подъ предводительствомъ перваго драгомана. Пройдя Яффскія ворота и небольшую площадь, мы вошли въ узенькую улицу, обстроенную высокими, до нельзя грязными домами, съ зелеными жалюзи и кривыми балкончиками. Толпа народа совсѣмъ запрудила этотъ темный корридорчикъ; турки, торговавшіе и кричавшіе у своихъ лавокъ, и арабы, и богомольцы, спѣшившіе на церемонію, невыносимо толкались, а идти и безъ того было трудно по скользкой мостовой, отшлифованной сотнями тысячъ ногъ прошедшихъ по ней пилигримовъ. Впрочемъ, путь нашъ былъ очень коротокъ: сдѣлавъ поворотъ въ другую, не болѣе широкую улицу и спустившись въ концѣ ея по большой каменной лѣстницѣ, мы очутились среди тысячной толпы на громадной площадкѣ передъ храмомъ Гроба Господня; оттуда по другой лѣст-

ницѣ насъ провели на обширный плоскій балконъ греческаго Геѳсиманскаго монастыря. Любезные монахи усадили насъ у самой рѣшетки и мы могли спокойно любоваться невиданнымъ нами, чудеснымъ зрѣлищемъ.

Четыреугольная площадка св. храма, обставленная съ одной стороны зданіями храма, а съ другихъ башней Омара, греческимъ монастыремъ и высокой стѣной, представлялась глазамъ нашимъ

Рамля.

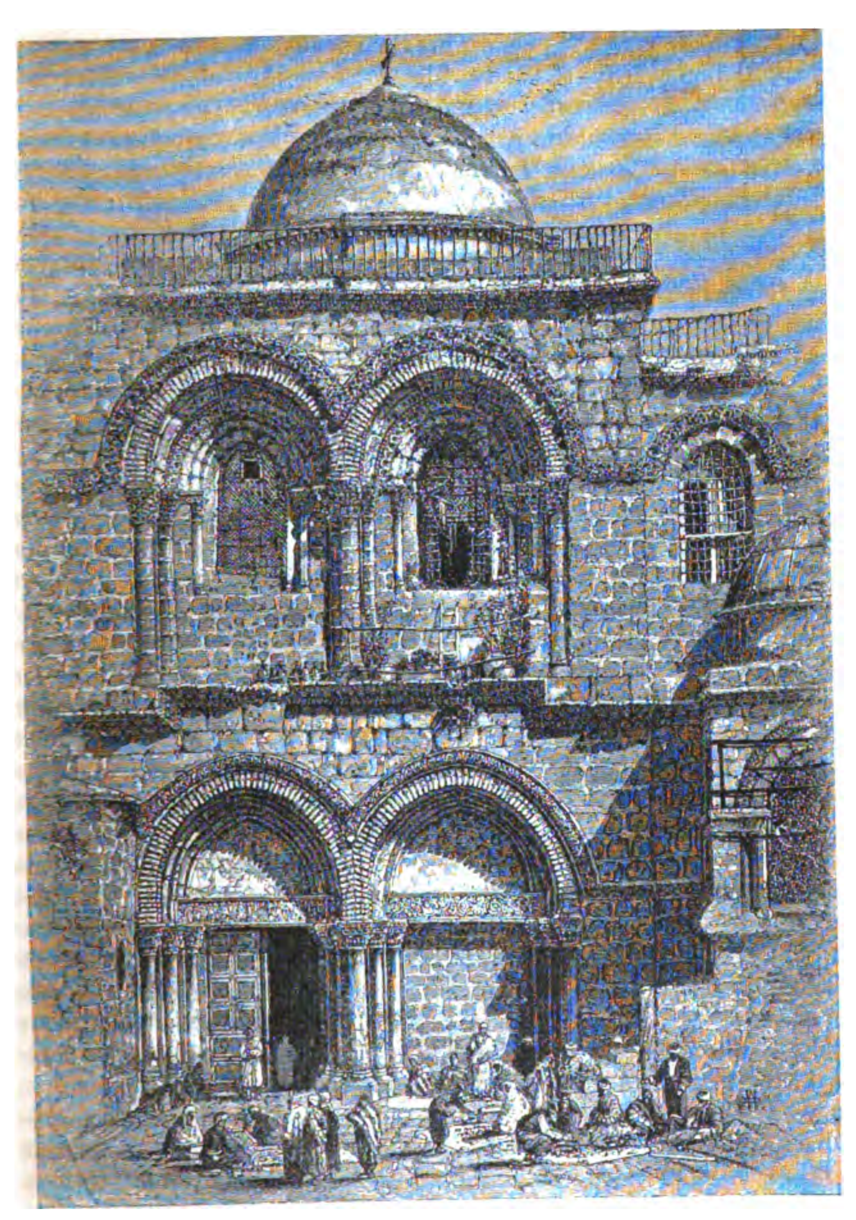
дномъ громаднаго каменнаго колодца. Внизу, у нашихъ ногъ, какъ море, волновалась сплошная толпа. Черные платочки, высокіе гречишники и картузы нашихъ богомольцевъ, чалмы и платки арабовъ, красныя турецкія фески и бѣлыя чадры мѣстныхъ женщинъ— ярко пестрѣли на солнцѣ. Не только окна, но и крыши были буквально унизаны народомъ; едва на одной изъ нихъ становилось тѣсно, какъ тотчасъ приносилась деревянная лѣстница и арабы, цѣпкіе какъ кошки, взбирались по ней выше, на сосѣднюю крышу. Часто способъ путешествія избирался простѣйшій: бросятъ съ какого нибудь выступа кровли внизъ веревку, ухватится за нее чер-

номазый сынъ Салима и дюжина проворныхъ рукъ усердно тащитъ его кверху; шумная толпа тотчасъ обращаетъ вниманіе на смѣлаго воздухоплавателя, кричитъ, поощряетъ его и неистово хохочетъ, когда одна изъ его стоптанныхъ туфель, неудержавшись на худой, голой ногѣ, летитъ на головы богомольцевъ. На колокольнѣ и куполѣ—вездѣ люди; нѣсколько человѣкъ прилѣпилось къ самому кресту, другіе, свѣсивъ ноги, сидѣли на карнизахъ; два, три смѣльчака, привязавъ себя поясомъ къ рѣшеткѣ окна, висѣли въ воздухѣ, чуть-чуть придерживаясь рукой за подоконникъ. Вся эта масса любопытныхъ волновалась, кричала, спорила (часто до драки) перебрасывалась апельсинами и съ восхищеніемъ оглядывала приготовленный для церемоніи высокій деревянный помостъ, покрытый ковромъ, горделиво красовавшійся среди площадки; на немъ стояли: патріаршее кресло, скамьи съ 12 подушками для священниковъ и большой серебрянный умывальникъ. Нѣсколько монаховъ въ плоскодонныхъ широкихъ клобукахъ толпилось у помоста, безпрестанно оглядываясь въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться патріархъ. Турецкіе солдаты, съ трудомъ очистившіе для духовенства узенькій проходъ, наскучивъ ждать, сонно глядѣли по сторонамъ, а иные такъ и совсѣмъ дремали, облокотившись на ружья. Долгое ожиданіе утомило и насъ, не смотря на то, что гостепріимные монахи развлекали насъ, угощая вареньемъ, кофе и ликеромъ. Наконецъ, раздался колокольный звонъ. Толпа дрогнула; русскіе богомольцы, обнаживъ головы, стали истово креститься. Среди двухъ рядовъ смуглыхъ мусульманскихъ солдатъ показалось греческое духовенство въ дорогихъ ризахъ. Два красавца дьякона поддерживали бодраго и тоже чрезвычайно красиваго старика-патріарха, усердно благословлявшаго на обѣ стороны. Процессія взошла на помостъ; патріархъ занялъ свое кресло; по обѣ стороны его сѣли три архіерея: Петры Аравійскій, Іорданскій, Виѳлеемскій—и о. Антонинъ. Остальныя мѣста заняли іеромонахи. Церемонія началась чтеніемъ евангелія на греческомъ языкѣ, продолжавшемся довольно долго; затѣмъ патріархъ всталъ, снялъ митру и омофоръ, опоясался полотенцемъ и, подошедъ къ одному изъ іеромонаховъ, грузно опустился на колѣни; дьяконы подставили серебрянный тазъ съ водой, іеромонахъ стыдливо выставилъ громадную голую ногу и патріархъ добросовѣстно вымылъ ее и вытеръ тонкимъ полотенцемъ. Передъ каждымъ іеромонахомъ повторялось тоже; видно было, съ какимъ трудомъ тучный старикъ вставалъ и снова опускался на колѣни. Дойдя до о. Антонина, патріархъ хотѣлъ и ему омыть ноги, но архимандритъ, изображавшій апостола Петра, произнесъ ему извѣстный отказъ. «Если не умою тебя, не имѣешь части со мною», медленно произноситъ патріархъ (Іоан. глав. 13). «Господи, не только ноги мои, но и руки и голову», отвѣчаетъ о. Антонинъ.—Они говорятъ по-гречески, но знакомыя

слова Евангелія невольно отгадываешь и понимаешь — и Тайная Вечеря, во всей ея величественной простотѣ, рисуется возбужденному воображенію. Высокая, устланная, приготовленная горница въ Сіонѣ, длинный столъ съ Іудейской пасхой и вокругъ него вдохновенная лица учениковъ, благоговѣйно внимающихъ божественнымъ словамъ своего Учителя; мрачная физіономія Іуды, рѣшившаго измѣну и кроткая фигура Іоанна, припавшаго къ груди Спасителя и боязливо вопрошавшаго «Господи, кто это»? Все воскресаетъ въ памяти. А церемонія продолжается; уже и архіереямъ всѣмъ и іеромонахамъ омыты ноги; патріархъ, опять въ митрѣ и омофорѣ, сѣлъ въ свое кресло, тяжело переводя духъ. Молодой монахъ, склонившись къ его ногамъ, что-то тихо спрашиваетъ— онъ повторяетъ вопросъ апостола Іоанна. Патріархъ, обращаясь къ одному изъ іеромонаховъ, произноситъ слова Спасителя: «Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе» — и несчастный, импровизированный Іуда поспѣшно удаляется. Церемонія закончилась греческой проповѣдью, сказанной молодымъ монахомъ съ крошечнаго, едва держащагося въ стѣнѣ балкончика. Патріархъ, кропя народъ съ великолѣпнаго букета, медленно удалился со всѣмъ духовенствомъ. На опустѣвшій помостъ со всѣхъ сторонъ полетѣли платки; два монаха проворно смочили ихъ въ оставшейся отъ омовенія ногъ водѣ и бросили въ толпу; вырывая ихъ другъ у друга, загорѣлыя руки схватили и спрятали ихъ: народъ считаетъ воду эту освященной. Вся эта церемонія невольно напомнила намъ описанія средневѣковыхъ мистерій. Площадка опустѣла и мы отправились въ храмъ. Чувство особенной радости овладѣваетъ сердцемъ предъ входомъ въ это святилище, къ которому стремится всякая душа христіанская. Въ нѣскольких шагахъ отъ насъ живоносный Гробъ Господень, къ которому, какъ источнику жизни, искони стекаются христіане всѣхъ націй безъ различія пола, возраста и состояній. Никакой трудъ, никакая опасность пути не останавливали паломниковъ и при одномъ только видѣ стѣнъ Іерусалимскихъ всѣ перенесенныя невзгоды забывались и чувство блаженной радости охватывало ихъ сердца. Личныя наши ощущенія при приближеніи къ святынямъ Іерусалимскимъ описывать не будемъ; они дороги намъ однимъ, да и не поддаются описанію. Храмъ, впрочемъ, производитъ на всѣхъ громадное впечатлѣніе. Снаружи вида онъ не имѣетъ, такъ какъ весь обстроенъ домами и на площадку выходитъ только сѣверной своей стороной; его фасадъ состоитъ изъ двухъ поставленныхъ другъ на друга двойныхъ арокъ, въ лѣвой — нижней аркѣ— входныя двери, а въ верхнихъ по окну. Храмъ на столько обширенъ и неправильно расположенъ, что безъ чертежа трудно себѣ составить о немъ отчетливое понятіе. При входѣ первое, что бросается въ глаза — это большой камень мvропомазанія; онъ закрытъ мраморной плитой, нѣсколько возвышающейся надъ поломъ; надъ

камнемъ висятъ огромныя матовыя лампады. Кругомъ стоятъ высокіе подсвѣчники. Рядомъ съ камнемъ, на полу, мраморный кругъ, огражденный рѣшетчатымъ колпачкомъ. На этомъ мѣстѣ, сказали намъ, стояла Богоматерь, когда пречистое тѣло Спасителя обвивали плащаницей. Направо отъ входа—Голгоѳа; на нее поднимаются по узкой лѣстницѣ въ 28 ступеней; церковь тутъ маленькая и темная, раздѣленная аркой на двѣ части. Правая половина принадлежитъ грекамъ, лѣвая католикамъ. Мѣсто, гдѣ былъ водруженъ крестъ—у грековъ; оно обложено серебряннымъ окладомъ съ чеканнымъ изображеніемъ страстей Христовыхъ. Надъ нимъ открытый престолъ, передъ которымъ стоитъ чудное, громадное распятіе съ фигурами Богоматери и Іоанна по бокамъ. Около престола показываютъ трещину въ скалѣ, открывшуюся въ минуту смерти Христа. Алтарь католиковъ на мѣстѣ пригвожденія Спасителя ко кресту. Подъ Голгоѳой часовня Адама. Налѣво отъ входныхъ дверей храма—ложа турецкихъ привратниковъ, гдѣ они пьютъ кофе и курятъ трубки, а противъ нея, рядомъ съ лѣстницей на Голгоѳу—диванная греческихъ монаховъ.

Пройдя мимо камня мvропомазанія и повернувъ на лѣво, черезъ небольшой темный корридоръ вступаемъ въ огромную ротонду съ куполомъ, имѣющимъ до 65 футъ въ поперечникѣ: недалѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, куполъ этотъ находился, по свидѣтельству Норова, въ самомъ печальномъ положеніи, но теперь онъ проченъ и красивъ. Въ серединѣ ротонды находится часовня Гроба Господня, по гречески Кувуклія. Извѣстно, что Христосъ погребенъ былъ въ скалѣ; часть этой скалы съ гробомъ Спасителя осталась нетронутой, остальную-же снесли и на мѣстѣ ея построили храмъ. Кувуклія снаружи украшена иконами и множествомъ дорогихъ лампадъ и обложена желтымъ мраморомъ; внутри она тоже покрыта мраморомъ и раздѣлена на двѣ части: первая отъ входа называется придѣломъ Ангела и имѣетъ около 5 квадр. аршинъ, по срединѣ стоитъ мраморная ваза съ частью камня, отваленнаго Ангеломъ отъ гроба; на нее во время службы кладется серебрянная доска, пожертвованная Мазепой, которая служитъ престоломъ; отсюда узенькая и низенькая дверь ведетъ во вторую половину часовни, гдѣ находится Святой Гробъ. Саркофагъ закрытъ мраморной доской въ 6 фут. длины при 3-хъ ширины. Надъ гробомъ, образъ Воскресенія, нѣсколько вазъ съ цвѣтами и подсвѣчниковъ; съ потолка спускаются 36 лампадъ; во второй половинѣ часовни мѣста такъ мало, что болѣе 4-хъ человѣкъ не могутъ войдти заразъ, причемъ иначе, какъ согнувшись, или на колѣняхъ, войдти нельзя: такъ низокъ входъ въ пещеру. Съ наружной стороны Кувукліи, противоположной входу, пристроенъ бѣдный алтарь коптовъ, а противъ него придѣлъ сиріянъ съ гробами Іосифа и Никодима. Налѣво отъ придѣла коптовъ мраморнымъ кругомъ означено мѣсто



Храмъ Св. Гроба.

явленія Спасителя Маріи Магдалинѣ послѣ воскресенія, а противъ него католическій храмъ явленія Христа Богоматери, въ которомъ за рѣшеткой хранится часть столба, къ коему будто-бы привязывали Христа во время бичеванія. Здѣсь показывали намъ мечъ и шпоры Готфрида Бульонскаго. Могила его и его брата, Балдуина, находятся тутъ-же, но навѣрно неизвѣстно гдѣ: греки нарочно скрыли слѣды ихъ, потому что онѣ напоминали о правахъ католиковъ. За этимъ храмомъ есть еще придѣлы Логина Сотника и Раздѣленія Ризъ и друг. Эти придѣлы уже не въ ротондѣ гроба Господня, а расположены вдоль лѣвой стѣны греческаго храма Воскресенія, находящагося прямо противъ входа въ Кувуклію и отдѣленнаго отъ ротонды широкой Императорской аркой. Церковь Воскресенія очень велика и украшена иконами и лампадами, присланными въ огромномъ большинствѣ изъ Россіи. Посрединѣ — мраморная урна съ крестомъ, которую наши поклонники считаютъ за пупъ земли.

Изъ алтаря этой церкви есть ходъ на Голгоѳу. У подножія Голгоѳы, за алтаремъ придѣла Раздѣленія Ризъ—начинается широкая каменная лѣстница, по которой спускаешься въ маленькую церковь, построенную св. Еленой на мѣстѣ обрѣтенія Животворящаго Креста. Тутъ прежде былъ городской ровъ, въ который и сбросили крестъ. На хорахъ помѣщается церковь армянъ. Содержится храмъ чрезвычайно неопрятно: запахъ въ немъ такой, что иногда около Кувукліи стоять невозможно, — грязь пола превосходитъ всякое вѣроятіе. Это объясняется тѣмъ, что во время страстной недѣли въ храмѣ ежедневно ночевало около 1000 человѣкъ русскихъ богомольцевъ, нечистоплотность которыхъ легендарна. Не надо забывать при этомъ, что храмъ всю ночь запертъ. При осмотрѣ храма, а также и другихъ святынь Палестины, насъ поразила та точность, съ которой указываютъ мѣста, ознаменованныя евангельскими и даже ветхо-завѣтными событіями, точно всѣ они происходили не тысячалѣтія назадъ и Палестина ни разу не мѣняла своихъ властителей и не испытывала никакихъ измѣненій.

Несомнѣнно, что ни одного зданія, современнаго Спасителю, въ Іерусалимѣ нѣтъ, кромѣ нѣкоторыхъ подземныхъ сооруженій, а потому о нихъ и говорить нечего. Что касается мѣстъ, то немногія изъ нихъ достовѣрны и обширная о нихъ литература сдѣлала сравнительно мало, что вполнѣ и понятно: во времена Спасителя общество христіанъ было такъ малочисленно, что дорогія имъ событія никакъ не могли запечатлѣться въ памяти народной. И Голгоѳу, и гробъ Господень удалось открыть только благодаря счастливой случайности. На за то теперь всѣ доводы лицъ, доказывающихъ, что Голгоѳа находится въ другомъ мѣстѣ,—опровергнуты. Главное ихъ доказательство, что Голгоѳа, находясь за городомъ, не могла очутиться въ срединѣ города—опровергается тѣмъ, что, какъ

несомнѣнно доказано, Іерусалимскія стѣны имѣли форму вдающихся и выдающихся угловъ (объ этомъ говоритъ Тацитъ, hist. V, II) и Голгоѳа была въ одномъ изъ вдающихся угловъ, внѣ стѣнъ; когда-же стѣны были перестроены прямоугольникомъ, то она вошла въ городскую черту. Еще доказательствомъ того, что Голгоѳа была внѣ города, служитъ ея извѣстковый каменный грунтъ, въ которомъ не осталось никакихъ слѣдовъ построекъ, что видно отлично изъ часовни Адамовой и съ мѣста обрѣтенія креста.

Открыть Голгоѳу св. Еленѣ помогло то обстоятельство, что римляне на мѣстѣ распятія и погребенія Спасителя поставили храмы Венерѣ и Юпитеру, мѣста которыхъ сохранились въ памяти народа; говорятъ, даже нашелся одинъ старецъ, бывшій очевидцемъ этихъ храмовъ; онъ и помогъ св. Еленѣ. Что касается гроба Господня, то онъ несомнѣнно былъ вблизи Голгоѳы. Не надо забывать, что Спаситель скончался въ пятницу вечеромъ, и евреи, праздновавшіе субботу (особенно пасхальную), должны были похоронить тѣло до наступленія ночи, такъ какъ съ наступленіемъ субботы они обязаны были оставаться въ покоѣ по заповѣди, а слѣдовательно и похоронили они Христа какъ можно ближе къ Голгоѳѣ, за неимѣніемъ времени куда нибудь дальше отнести тѣло — и конечно въ готовой уже могилѣ.

«Когда же насталъ вечеръ, пришелъ богатый человѣкъ изъ Аримаѳеи, именемъ Іосифъ, который также учился у Іисуса; онъ, пришедши къ Пилату, просилъ тѣло Іисусово»... и положилъ Его въ новомъ своемъ гробѣ. (Еванг. отъ Матѳея). Гробъ же былъ у подножія Голгоѳы, въ саду, гдѣ потомъ былъ поставленъ надгробный памятникъ первосвященника Іоанна, между стѣной Агриппы и другой стѣной, съ которой императоръ Титъ хотѣлъ осадить городъ. Объ этомъ садѣ упоминаетъ Іосифъ Флавій и его слѣды видѣлъ св. Кириллъ Іерусалимскій въ половинѣ IV вѣка. «На томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ былъ распятъ, былъ садъ и въ саду гробъ новый, въ которомъ еще никто не былъ положенъ. Тамъ положили Іисуса ради пятницы Іудейской, потому что гробъ былъ близко». (Еванг. отъ Іоанна гл. 19 стр. 41 и 42).

IV.

Патріархія. — Патріархъ Іерофей. — Ризница. — Двѣнадцать Евангелій. — Гора Елеонская. — Гробница Богоматери. — Геѳсиманія. — Мѣсто Вознесенія. — Монастырь. — «Отче нашъ». — Русская постройка. — Потокъ Кедронскій. — Могила Авессалома.

Осмотрѣвъ храмъ, мы отправились къ патріарху. Входъ довольно приличный. Чугунная сквозная лѣстница ведетъ во второй этажъ и выходитъ на очень широкую площадку съ цѣлымъ ря-

домъ дверей въ жилыя комнаты; чрезъ одну изъ нихъ насъ провели въ пріемную патріарха. Эта довольно большая квадратная комната, устланная плохенькими коврами; вдоль стѣнъ кресла и диваны, на стѣнкахъ портреты патріарховъ и лубочныя изображенія нашихъ государя и государыни; посрединѣ большой круглый столъ. Когда мы вошли, сидѣвшій въ переднемъ углу на низенькомъ креслѣ патріархъ Іерофей, нынѣ уже покойный, поднялся намъ на встрѣчу; привѣтливая улыбка освѣтила и смягчила нѣсколько суровыя и крупныя, но очень красивыя, черты его лица. Онъ производилъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и когда мы познакомились съ нимъ поближе, то отъ души полюбили этого добраго человѣка. Что касается его дѣятельности, то я о ней ничего не скажу, памятуя пословицу: «de mortuis aut bene, aut nihil». Передавъ патріарху письмо его святѣйшества, мы просили его не оставить насъ своимъ вниманіемъ въ Іерусалимѣ; онъ любезно обѣщалъ и дѣйствительно до самаго нашего отъѣзда мы ежедневно имѣли удовольствіе видѣть какой-нибудь знакъ особаго его къ намъ вниманія. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ!

Но вообще греческое духовенство грѣшно похвалить. Старое замѣчаніе А. Н. Муравьева, что церковно и священно-служители греческіе видятъ въ храмѣ домъ свой, а не церковь—вѣрно и до сихъ поръ, какъ и то, что эктеніи ихъ быстры, невнятны и заглушаются безпрерывнымъ «киріе — элейсонъ», выходы поспѣшны и вся служба не соотвѣтствуетъ своему значенію; всего же ужаснѣе ихъ пѣніе. Нѣтъ человѣческихъ нервовъ, кромѣ, конечно, греческихъ и турецкихъ, которые бы не разстроились отъ этого козлогласія. Обыкновенно регентъ затягиваетъ въ носъ пронзительную ноту, всѣ пѣвчіе ее подхватываютъ и тянутъ до безконечности. Не угодно ли прослушать подобную музыку въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Что же касается нахальства, вымоганія денегъ, всевозможныхъ обмановъ и неприличнаго отношенія къ святынѣ,—то іерусалимскіе монахи всякихъ другихъ поучатъ. Напримѣръ: случилось намъ осматривать ризницу въ храмѣ Воскресенія, гдѣ, къ слову сказать, кромѣ великолѣпной брилліантовой митры изъ Парижа, ничего изящнаго мы не видали; какой-то монахъ открылъ дверцы громаднаго, вдѣланнаго въ стѣну шкафа, въ которомъ хранятся въ кованныхъ серебрянныхъ ящичкахъ частицы св. мощей и началъ намъ ихъ показывать. «Вотъ палецъ Св. Стефана», забормоталъ онъ, открывая крошечный ящичекъ и вытаскивая грязными руками изъ ваты маленькій кусочекъ почернѣвшей отъ поцѣлуевъ кости. — «Вотъ рука Св. Магдалины, которую посылали въ Петербургъ къ покойной императрицѣ», продолжалъ онъ тѣмъ же монотоннымъ голосомъ, тыча намъ въ лица открытый ящикъ, гдѣ покоилась совершено сохранившаяся рука со сморщенной, коричневой отъ времени кожей. — «Вотъ мощи святаго......» еще и

еще! Не могу вспомнить безъ отвращенія эту кощунственную выставку частей тѣла усопшихъ святыхъ......

Вечеромъ, въ великій четвергъ, чтеніе двѣнадцати Евангелій мы слушали въ русскомъ пріютѣ. Вотъ бы гдѣ грекамъ поучиться благолѣпію и благочинію службы...

Утро только что настало, свѣжее и ясное; мы пошли на Елеонъ. Гора Елеонская самая высокая изъ горъ окрестъ Іерусалима и самая красивая изъ нихъ. Выйдя изъ города Геѳсиманскими воротами, мы спустились по ужасной дорогѣ въ узкую лощину—это высохшее русло потока Кедронскаго, который показывается теперь только въ зимнее время и гораздо выше Іерусалима; надъ нимъ возвышется Елеонъ; у подошвы его—Геѳсиманія, трехдневная гробница Богоматери. Слово Геѳсиманія происходитъ отъ еврейскихъ словъ «геть-мимани», что значитъ — гнетъ масличный, и имя это было дано нѣкогда находившемуся на горѣ Елеонской селенію, извѣстному по массѣ приготовлявшагося въ немъ оливковаго масла. Гробница Богоматери находилась прежде на поверхности земли; царица Елена построила надъ ней храмъ; но теперь это зданіе почти совсѣмъ засыпано землей, отъ него остался только готическій фронтонъ и входная дверь, стѣны же и погребальный вертепъ подъ землею. Широкая лѣстница въ 50 ступеней ведетъ въ мрачное подземелье; въ правой его стѣнѣ три гробницы, по увѣренію монаховъ — въ нихъ покоились святые Іоакимъ и Анна и Іосифъ обручникъ, но, кажется, справедливѣе мнѣніе, что могилы первыхъ находились на мѣстѣ ихъ дома, въ скалѣ, къ которой прислонено ихъ жилище (это мѣсто принадлежитъ французамъ). Въ глубинѣ подземелья гробница Богоматери; она высѣчена въ скалѣ, вокругъ ея вырублена небольшая галлерея, такъ что скала имѣетъ видъ часовни, вся наружная часть которой обвѣшана лампадами, чрезвычайно цѣнными, но греки зажигаютъ изъ нихъ очень немногія, отчего и темнота въ храмѣ порядочная.

Внутри часовни находится гробъ, покрытый бѣлой мраморной плитой съ синими жилками; на ней совершается литургія; стѣны украшены образами; между ними замѣчателенъ только что присланный изъ Москвы—образъ Успенія, сплошь шитый жемчугомъ. Съ южной стороны часовни отведено особое мѣсто для мусульманскихъ женщинъ, которыя чрезвычайно чтутъ гробницу Пресвятой Дѣвы, а за гробомъ находится пещера, гдѣ, по увѣренію католиковъ, Христосъ молился о чашѣ. Прежде обѣ эти пещеры были даже соединены и принадлежали грекамъ, но однажды католическіе монахи воспользовались довѣрчивостью одного изъ хранителей малой пещеры, выманили у него ключъ отъ нея и завладѣли ею силой, а затѣмъ купили у турокъ фирманъ, удостовѣрившій принадлежность пещеры имъ, а не грекамъ. По Евангелію же и по изысканіямъ русскихъ писателей, въ этой пещерѣ вѣроятно спали апостолы

въ то время, какъ Христосъ молился въ саду, именно тамъ, гдѣ былъ и есть вертоградъ Геѳсиманскій. Теперь этотъ вертоградъ — огороженное мѣсто, напротивъ погребальнаго вертепа Богородицы, съ весьма старыми, корявыми маслинами, между которыми разбитъ цвѣтникъ, обнесенный, какъ и каждое отдѣльное дерево, — деревянной рѣшеткой.

Ко внутренней сторонѣ наружной ограды придѣланы крошечныя часовенки; одна впрочемъ довольно большая — въ ней стоитъ прекрасная статуя колѣнопреклоненнаго Христа; въ другихъ крайне аляповато изображены крестныя страданія Спасителя; тутъ же и Апостолы, и воины въ видѣ безобразныхъ деревянныхъ куколъ. Трудно болѣе испортить суровый садъ Геѳсиманскій. Какое грубое непониманіе истинной красоты! Какъ соотвѣтствуютъ полному высокаго трагизма, бывшему тутъ моленію о чашѣ — эти мѣщанскія цвѣточныя клумбы и эти ужасныя рельефныя картины, профанирующія всякое религіозное чувство. Нечего и говорить, что отъ маслинъ, подъ которыми молился Христосъ, могли остаться развѣ одни корни, такъ какъ они были срублены еще Титомъ Веспасіаномъ. Съ тяжелымъ чувствомъ вышли мы изъ Геѳсиманскаго палисадника и начали подниматься на гору. Подъемъ очень крутъ, но это неудобство вполнѣ выкупается чуднымъ видомъ, открывающимся сверху на Іерусалимъ. Окруженный стѣнами, башнями и бойницами, онъ кажется средневѣковой твердыней, до которой не смѣло коснуться всегубящее время. Какъ много говоритъ сердцу этотъ святой городъ. Съ лѣтъ самой ранней юности знаемъ мы о немъ; сколько тысячъ разъ рисовало намъ его воображеніе — и вотъ онъ воочію передъ нами.

На высокой, гористой площади, 2400 ф. выше уровня моря, заложилъ священникъ Бога Вышняго, Мельхиседекъ, великій городъ и назвалъ его Салимомъ, что значитъ «миръ». Но не суждено ему было наслаждаться миромъ; 17 разъ онъ былъ завоеванъ и разворенъ.

Въ 70 году по Р. Х. Іерусалимъ выдержалъ страшнѣйшую въ исторіи осаду. Возмущенные притѣсненіями римскихъ намѣстниковъ, іудеи возстали и перерѣзали всѣхъ римлянъ, бывшихъ въ ихъ столицѣ. Подавить возмущеніе явился римскій полководецъ Веспасіанъ съ тремя легіонами регулярнаго войска; будучи вскорѣ избранъ императоромъ, онъ оставилъ войско сыну своему Титу, который весной 70 г. обложилъ Іерусалимъ. Положеніе Іудеевъ было отчаянное: въ городѣ царствовалъ такой ужасный голодъ, что жителямъ приходилось питаться человѣческимъ мясомъ. И все-таки іудеи не сдавались, до послѣдней минуты ожидая появленія Мессіи. Титу приходилось брать приступомъ не только каждую укрѣпленную позицію, но каждую стѣну, каждую башню. Іерусалимляне геройски, отчаянно защищали каждую улицу, даже

каждую залу въ храмѣ Соломоновомъ—и все-таки погибли, а чудесный храмъ былъ сожженъ и разрушенъ до основанія.

Послѣ взятія города 11 тысячъ жителей умерло отъ голода, а всѣ плѣнные, не старше 17 лѣтъ, были проданы въ рабство. 1019

Садъ Геѳсиманскій.

лѣтъ спустя, Іерусалимъ снова выдерживалъ осаду, но защищали его не іудеи, а мусульмане, а осаждали не язычники, а христіане. 5 недѣль длилась осада и, наконецъ, 15-го іюля 1099 г., крестоносцы, послѣ двухдневной битвы, взяли городъ приступомъ. Му-

сульмане бросились въ Омарову мечеть, построенную на мѣстѣ храма Соломонова и защищались съ геройскимъ мужествомъ, но были разбиты. Невѣроятны жестокости, произведенныя крестоносцами въ побѣжденномъ городѣ: они рѣзали невѣрныхъ всю ночь, даже дѣтямъ не давали пощады, а на слѣдующій день отправились босые, съ непокрытой готовой, въ церковь Воскресенія, чтобы принести покаяніе въ грѣхахъ. Чего, чего не натерпѣлся несчастный Іерусалимъ и теперь «слезы его на ланитѣхъ его и нѣсть утѣшаяй его» (Іеремія). Какъ хорошо видно съ горы Елеонской Омарову мечеть. Во время «оно» на мѣстѣ ея красовался храмъ Соломона. «И нача Соломонъ созидати домъ Господень въ Іерусалимѣ». За 1008 лѣтъ до Р. Х. заложилъ онъ фундаментъ этого дома, фундаментъ, котораго своды и столбы до сихъ поръ цѣлы подъ землею. Площадь храма равнялась одной пятой города и до 200 тысячъ человѣкъ работали надъ его построеніемъ; все, что было лучшаго и драгоцѣннаго на Востокѣ было употреблено на украшенія; нетолько утварь была золотая, но и кедровыя стѣны и даже полъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—были покрыты листовымъ золотомъ съ рѣзными украшеніями. Безчисленныя торжества сопровождали освященіе храма, подобнаго которому не видѣлъ древній міръ. Сколько знаменательныхъ библейскихъ событій совершилось на этой горѣ Моріи. Тутъ, говоритъ преданіе, Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву сына своего, Исаака, сюда Ангелъ-истребитель приходилъ наказать Давида; тутъ же на помостѣ, покрытомъ листовымъ золотомъ, стоялъ Кивотъ Завѣта. Здѣсь воспитывалась Богоматерь и сюда принесла Она Свою скромную очистительную жертву. Въ томъ же храмѣ 12-ти-лѣтній Божественный Отрокъ поучалъ учителей еврейскихъ; въ него торжественно вступилъ Онъ при кликахъ «осанна» и здѣсь же, черезъ нѣсколько дней послѣ того, разодралась церковная завѣса во время Его Голгофскихъ страданій. Исполнились слова Спасителя—и камня на камнѣ не осталось отъ этого храма. Вотъ холмъ Сіона, на которомъ когда-то стоялъ дворецъ царя-поэта; здѣсь пѣлъ онъ свои импровизаціи подъ аккомпаниментъ арфы. И велико значеніе Сіона для насъ христіанъ: тутъ установлено таинство причащенія. Куда ни посмотришь, всюду мѣста, освященныя пребываніемъ на нихъ Великаго Учителя. Эти же горы, эта же мрачная юдоль плача, долина Іосафатова, были и предъ Его очами, когда Онъ «по обычаю» ходилъ на гору Елеонскую. Здѣсь раздавались Его поученія.

Возвращусь къ описанію горы Елеонской; не безъ усилій взобрались мы на ея вершину; какая-то арабская деревушка пріютилась тутъ; обойдя ее, мы вступили за ограду небольшой группы строеній, посрединѣ которыхъ возвышается четырехъ-угольная мечеть съ несведеннымъ куполомъ, построенная на мѣстѣ Вознесенія Спасителя. Св. Елена воздвигла тутъ храмъ, но теперь онъ замѣ-

ненъ мечетью, съ грубыми, испещренными надписями стѣнами, безъ всякой внутренней и внѣшней отдѣлки. На полу мечети лежитъ камень съ отпечаткомъ стопы. Предполагаютъ, что съ этого камня Спаситель вознесся. Отпечатокъ другой стопы перенесенъ мусульманами въ мечеть Эль-Акса. Недалеко отсюда, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Христосъ научилъ учениковъ молитвѣ Господней, княгиня Латуръ д'Овернь построила богатый Кармелистскій монастырь. На стѣнахъ наружной колоннады его церкви написана молитва Господня на тридцати трехъ языкахъ, между прочимъ, по-русски, и замѣчательно безграмотно. Въ этомъ же, знаменитомъ строгостью своего устава, монастырѣ показываютъ подземную комнату, гдѣ апостолы составили Сvмволъ Вѣры. Въ ней когда-то была православная церковь, отъ которой остался нетронутымъ крошечный иконостасъ. За монастыремъ «Отче нашъ» расположена русская постройка. Начатый отцомъ Антониномъ прекрасный храмъ доведенъ до половины, дальше турки не позволили строить, но наши дипломаты уже три года обѣщаютъ выхлопотать разрѣшеніе на его окончаніе. Богъ поможетъ, и выхлопочутъ. За церковью — отличный садъ и пріютъ, съ террасы котораго открывается чудный видъ на Іудейскія горы; за ними ясно виднѣется голубая лента Іордана и синѣетъ Мертвое море. До нихъ, кажется, рукой подать, а они очень далеко. Отдохнувъ въ пріютѣ, мы спустились съ горы къ памятнику непокорнаго сына Давидова — Авессалома; за нимъ тянется юдоль плача. Тысячи надгробныхъ памятниковъ усѣяли ее; сюда пріидетъ Вѣчный Судія судить живыхъ и мертвыхъ, говоритъ преданіе. Гробница Авессалома довольно красива, но евреи ненавидятъ его, и до сихъ поръ, проходя мимо, бросаютъ въ нее каменьями. Почти тутъ же показываютъ гробницу Захаріи, отца Предтечи, а близь нея очень древній мостъ, чрезъ который, по преданію, проѣзжалъ Христосъ, во время своего торжественнаго въѣзда въ Іерусалимъ. За мостомъ, при соединеніи Моріи и Сіона — купель Силоамская, а надъ нею село Скудельничье. Противъ купели — Кедронскій потокъ круто поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ вдоль горы «Злаго совѣщанія», мрачной и изрытой пещерами, безъ всякихъ признаковъ растительности; на ея вершинѣ развалины загороднаго дома Каіафы, гдѣ Іуда согласился предать Спасителя, отсюда и названіе горы.

V.

Via dolorosa. — Вифлеемъ и церемонія погребенія Христа.

Начну настоящую главу съ описанія Страстнаго Пути, который мы осмотрѣли въ подробностяхъ послѣ горы Елеонской. Путь, по которому вели Спасителя на казнь, извѣстенъ лишь отъ дома Пи-

лата до воротъ Судныхъ; но гдѣ шелъ Спаситель отъ сада Геѳсиманскаго (гдѣ Онъ былъ преданъ) до дома Пилатова достовѣрно неизвѣстно. Считаютъ болѣе вѣроятнымъ, что изъ сада Христосъ былъ веденъ вдоль Кедронскаго потока до гробницы Авессалома,—здѣсь чрезъ мостъ Онъ перешелъ потокъ и вошелъ въ Іерусалимъ чрезъ Гнойныя ворота (нынѣ заложенныя). Прежде всего Его привели къ первосвященнику Аннѣ, жившему около теперешняго армянскаго монастыря; затѣмъ къ Каіафѣ на Сіонъ, гдѣ Онъ и провелъ ночь, а на утро, чрезъ весь городъ, Онъ былъ препровожденъ къ Пилату. Для того, чтобы осмотрѣть Страстной Путь, мы вернулись къ Геѳсиманскимъ воротамъ, пройдя мимо того мѣста, гдѣ по преданію былъ побитъ каменьями первомученикъ Стефанъ. Пройдя Геѳсиманскія ворота, мы вышли на довольно широкую улицу; на правой ея сторонѣ, у самыхъ воротъ, находится Овчая купель, построенная Соломономъ, въ которой омывали овецъ и другихъ животныхъ, назначенныхъ для жертвоприношеній. По еврейски купель эта называется Виѳезда—домъ милосердія, такъ какъ существуетъ преданіе, что Ангелъ сходилъ въ эту купель чрезъ извѣстные промежутки времени и возмущалъ въ ней воду и первый, затѣмъ въ нее вошедшій, получалъ исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней. Теперь купель—огромная мусорная яма. Миновавъ купель, на правой сторонѣ той же улицы мы увидѣли прекрасное двухъэтажное зданіе, оказавшееся французскимъ монастыремъ, построеннымъ на развалинахъ дома Богоотецъ Іоакима и Анны. Чрезъ маленькую калитку огромныхъ, окованныхъ желѣзомъ воротъ проникли на небольшой дворикъ, въ концѣ котораго возвышается величественный храмъ, еще неокончательно достроенный; пока въ немъ помѣщена школа. Широкая каменная лѣстница ведетъ въ находящуюся подъ храмомъ пещеру, въ которой по преданію родилась Богоматерь. Пещера очень не велика; въ ней поставленъ алтарь. Судя по пещерѣ, домикъ Іоакима и Анны былъ прислоненъ одною своею стороною къ скалѣ и отличался болѣе нежели скромными размѣрами. Почти противъ монастыря — турецкія казармы, построенныя на развалинахъ дома Пилатова. Увѣряютъ, что во времена крестоносцевъ была еще цѣла лѣстница, ведшая въ Преторію, по которой Спаситель сходилъ на казнь. Ступени ея перенесены въ Римъ и находятся въ церкви La santa scala. Нижняя ступень этой лѣстницы видна и теперь, она вошла въ составъ уличной стѣны. Никакихъ остатковъ старины въ казармахъ нѣтъ, но А. С. Норовъ, въ своемъ извѣстномъ путешествіи по Св. Землѣ, говоритъ, что прежде въ одной изъ комнатъ Пилатова дворца, на стѣнѣ, былъ изображенъ судъ надъ Христомъ и имѣлись двѣ латинскія надписи, содержащія въ себѣ, какъ предполагаютъ, приговоръ Пилата надъ Іисусомъ; первая гласила: «Іисуса Назорея обольстителя народа, закона Моисеева разрушителя, первосвященниками

обвиненнаго, разоблачите, свяжите и накажите»; а вторая: «Іисуса Назорея, мужа мятежнаго, презрителя Кесаря, какъ-то доказано старѣйшинами народа, изведите по среди двухъ разбойниковъ на обычное мѣсто казни и за поруганіе царскаго величія посреди двухъ разбойниковъ распните». Дворецъ Пилата соединенъ небольшою аркою со строеніемъ, находящимся на другой сторонѣ улицы. Греки увѣряютъ, что эта-та самая арка, въ одно изъ оконъ которой Пилатъ показалъ Христа народу, сказавъ: «Се человѣкъ». Какъ эта арка могла сохраниться, когда дворецъ, къ которому она примыкала, давно разрушенъ — того греки необъясняютъ. Около арки маленькая дверь ведетъ въ католическую церковь, построенную на мѣстѣ бичеванія. Она не велика и подъ алтаремъ чернымъ кругомъ обозначено предполагаемое мѣсто бичеванія. Шагахъ въ 150 отъ мѣста бичеванія, если идти въ верхъ по улицѣ, лежитъ мраморная колонна, обозначающая мѣсто перваго паденія Спасителя подъ тяжестью креста. Затѣмъ указываютъ: домъ того богача, о которомъ Спаситель упомянулъ въ притчѣ, мѣсто встрѣчи Христа Симономъ Киринейскимъ, домъ Вероноки, мѣсто второго паденія и наконецъ остатки Судныхъ воротъ, которыми и кончается Via dolorosa; дальнѣйшее ея продолженіе застроено домами. Съ тяжелымъ чувствомъ вернулись мы домой — подъ вліяніемъ грустныхъ воспоминаній.

Послѣ обѣда мы рѣшились съѣздить въ Виѳлеемъ и попросили драгомана консульства нанять намъ проводника, на котораго бы можно было положиться. Привели пару осликовъ и мѣдно-краснаго юнца въ бѣломъ тюрбанѣ и длинной рубашкѣ, съ глуповатымъ, но чрезвычайно добродушнымъ лицомъ. Заботливый драгоманъ посовѣтывалъ моему спутнику положить въ карманъ револьверъ для подкрѣпленія, въ случаѣ надобности, мимическихъ объясненій съ проводникомъ, или могущимъ попасться на встрѣчу грубіаномъ, далъ какія-то наставленія нашему чичероне на не понятномъ намъ языкѣ и мы тронулись.

Сначала мы спустились къ нижнему водоему Гигонскому, а затѣмъ поднялись къ горѣ Злаго Совѣщанія и поѣхали по равнинѣ, разстилающейся между этой горой и другими. Дорога тутъ порядочная и можно проѣхать въ экипажѣ. По сторонамъ тянулись поля съ зелеными всходами и масса народа попадалась намъ на встрѣчу. Виѳлеемскія женщины въ синихъ хитонахъ съ открытыми шеями, увѣшанными монетами, невольно останавливали вниманіе правильными чертами лица и прекрасными черными миндалевидными глазами. Даже синяя таутировка на лбу, щекахъ и подбородкѣ не портила этихъ библейскихъ красавицъ. Мущины — куда хуже, но и между ними были черноглазые, стройные, точно изъ однихъ мускуловъ сбитые красавцы. Большинство женщинъ имѣли на головахъ кувшины или корзины, а у мужчинъ часто сверкали

въ рукахъ длинныя, допотопныя ружья съ узкими ложами и широкими мѣдными скобами, прикрѣпляющими ложе къ стволу.

День былъ не жаркій и мы быстро подвигались по долинѣ Рефаимской, до которой нѣкогда достигли соглядатаи Моисеевы, донесшіе ему, что тутъ жили превысокіе люди. Здѣсь же побѣждалъ Давидъ филистимлянъ;—какая сѣдая древность! Незамѣтно доѣхали мы до огромнаго зданія монастыря Св. Иліи, противъ котораго расположено неменьшее зданіе, если не ошибаюсь, странно-пріимнаго дома австрійскаго генеральнаго консула, Кабога де Церва. Монастырь стоитъ на горѣ, а внизу, недалеко отъ него, виднѣется колодезь трехъ волхвовъ. Проѣхавъ немного и спустившись съ горы, мы увидѣли магометанскую часовню, какъ говорятъ, покрывающую собой гробницу Рахили, а за нею, на половинѣ горы, арабскую деревушку—Рама. «Гласъ въ Рамѣ слышанъ, плачь и рыданіе и вопль великій» (Матѳ. 2. 18). Налѣво возвышается гора Давидова; масличныя деревья въ изобиліи растутъ на гребняхъ ея сѣдыхъ скалъ; за ней выступаютъ холмистыя, суровыя возвышенности Іудеи, съ разбросанными по нимъ кое-гдѣ стадами, пасомыми заботливыми пастырями. Вѣка низмѣнили ихъ костюма и мы совершенно также представляли ихъ себѣ по иллюстраціямъ къ Ветхому-завѣту. Но вотъ Виѳлеемъ; узкая улица обстроена новыми домами, многіе даже и не окончены, въ нижнихъ этажахъ почти вездѣ устроены мастерскія, гдѣ потомки Соломона вырѣзываютъ, первобытными инструментами перламутровые образа, крестики и четки, десятками тысячь штукъ раскупаемые ежегодно нашими богомольцами. Рѣжутъ арабы прекрасно; мнѣ случалось видѣть ажурные кресты тончайшей и изящнѣйшей работы. Берутъ, смотря по времени года и покупателю, но не особенно все-таки дорого. Улица привела насъ на широкую площадь, среди которой возвышается сѣрое зданіе, похожее на солидную крѣпость—это монастырь, построенный надъ вертепомъ Рождества. Едва успѣли мы выѣхать на площадь, какъ къ намъ подскочилъ черномазый арабъ, въ щегольскомъ желтомъ платкѣ на головѣ, и на языкѣ, составляющемъ смѣсь полдюжины нарѣчій, предложилъ свои услуги, объяснивъ, что онъ первый торговецъ перламутромъ въ свѣтѣ. Мы обѣщали посѣтить его магазинъ по осмотрѣ монастыря, но онъ предпочелъ для вѣрности самъ показать намъ достопримѣчательности Виѳлеемскія. Узкая дверь, не лишняя предосторожность на случай бедуинскаго набѣга, ведетъ въ величественную базилику. Четыре ряда мраморныхъ колоннъ поддерживаютъ ея потолокъ изъ огромныхъ балокъ ливанскаго кедра; на сѣрыхъ стѣнахъ виднѣются слѣды мраморной обивки, а на нѣкоторыхъ колоннахъ слѣды живописи (прежде они всѣ были расписаны); у одной изъ нихъ стоитъ мраморная купель необъятной величины, примѣрно, человѣкъ на пять. Храмъ построенъ (одни говорятъ Юстиніаномъ, другіе Константи-

Phototypie Gaillard, Berlin.

Страстный путь и арка «Ecce homo».

номъ), въ формѣ креста и алтарь находится въ верхней его части. Съ обѣихъ сторонъ алтаря мраморныя лѣстницы ведутъ въ вертепъ Рождества. Вертепъ въ 5 саж. длинны и 1½ ширины, вырубленный въ природной скалѣ и обложенный мраморомъ. Съ правой стороны отъ входа, (если войдти по правому спуску) ярко освѣщенная ниша, на полу которой серебрянная звѣзда съ надписью: «Hic ge Virgine Maria Jesus Christus natus est» обозначаетъ мѣсто рожденія Бога-человѣка. «И родила Сына Своего первенца и спеленала Его и положила въ ясли, потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ». (Ев. Лука. 2. 7). Надъ звѣздой мраморная доска, служащая престоломъ во время литургіи. Невдалекѣ другая пещера, гдѣ стояли ясли. Надъ этимъ мѣстомъ остановилась путевая звѣзда волхвовъ, принесшихъ Младенцу богатые дары: злато, ладанъ и смvрну. Тутъ два престола, одинъ на мѣстѣ яслей, которыя перенесены въ Римъ, другой на мѣстѣ поклоненія волхвовъ,—надъ нимъ великолѣпный образъ работы Іакова Пальмы «Поклоненіе Пастырей».

Жаль, что бархатъ, золото и мраморъ скрываютъ отъ насъ суровость этого близкаго всякому христіанину мѣста. Всѣ эти суетныя украшенія, которыя и «ржа и моль истребляютъ и воры подкапываютъ и крадутъ»,—только затемняютъ поучительную бѣдность и величіе этой пещеры.

Изъ вертепа мы прошли въ другія пещеры; въ одной изъ нихъ погребенъ знаменитый св. Іеронимъ, рядомъ убогая келья, гдѣ онъ переводилъ Ветхій Завѣтъ на латинскій языкъ. Осмотрѣвъ монастырь и школу св. Іеронима, мы ходили еще въ такъ называемую Молочную пещеру, гдѣ будто бы Св. Семейство провело нѣсколько дней передъ бѣгствомъ въ Египетъ. Пещера раздѣлена на двѣ части—одна устроена въ видѣ часовни, а другая оставлена въ первобытномъ видѣ. Затѣмъ посѣтивъ магазинъ нашего чичероне, накупивъ образовъ и освѣжившись апельсинами, мы оставили Виѳлеемъ (домъ хлѣба), въ который, по словамъ апостола, сошелъ съ неба хлѣбъ жизни (Іоаннъ 6—35) и вернулись въ Іерусалимъ.

Вечеромъ мы пошли на церемонію погребенія Христа. Было темно и холодно, улицы спали; яркій свѣтъ громаднаго факела въ рукахъ шествовавшаго впереди насъ араба причудливо игралъ на стѣнахъ мрачныхъ домовъ Іерусалима, придавая имъ странный видъ; только мѣрный стукъ булавы каваса, да топотъ ногъ нарушали тишину; общество наше молчало или переговаривалось шепотомъ, невольно подчиняясь воспоминанію той страшной ночи, когда въ этомъ самомъ городѣ хоронили Христа. Храмъ былъ полонъ народа и насъ провели въ диванную грековъ, гдѣ мы просидѣли довольно долго и имѣли удовольствіе познакомиться съ нашей землячкой Б., чрезвычайно симпатичной женщиной. Во время нашей съ ней бесѣды, любезные монахи угощали насъ кофе и ва-

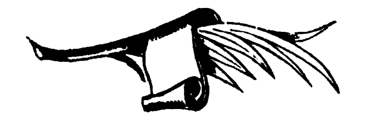
реньемъ съ водой. Отъ угощенія отказаться невозможно; впрочемъ, мы и не сѣтовали: свѣжая вода и душистый кофе помогали намъ одолѣвать безпрестанно нападавшую на насъ отъ усталости и ожиданія дремоту.

Было уже 11 часовъ. Наконецъ, какой-то монахъ пришелъ сказать, что церемонія начинается и провелъ на Голгоѳу, гдѣ уже собралась громадная толпа богомольцевъ. Едва успѣли мы размѣститься, пробираясь поближе къ Св. Кресту, какъ появился патріархъ со всѣмъ духовенствомъ и началась служба. Страшная давка, духота, жаръ, незнакомое нарѣчіе и противное гнусливое пѣніе грековъ—мѣшали молитвенному настроенію; боясь поджечь другъ друга огромными свѣчами, мы не смѣли пошевелиться. Къ счастію, служеніе длилось не долго; послѣ ряда молитвъ и эктеній, о. Антонинъ съ маленькой каѳедры, вдѣланной въ стѣну, произнесъ не особенно понравившуюся намъ проповѣдь объ упадкѣ вѣры—и затѣмъ духовенство подняло съ престола Св. Плащаницу и понесло ее съ Голгоѳы къ камню Миропомазанія. Мы отправились туда же и стали къ сторонкѣ. Странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ: въ громадномъ храмовомъ притворѣ со сводами и стѣнами, почернѣвшими отъ времени, вокругъ крытаго мраморомъ камня двигалась мрачная процессія; впереди шли четыре маститыхъ старца въ черныхъ бархатныхъ, шитыхъ серебромъ ризахъ, въ высокихъ блестящихъ митрахъ, они несли роскошную, усѣянную цвѣтами Плащаницу, съ прекрасно вышитымъ изображеніемъ Христа и заунывно пѣли. За ними мѣрно двигались ряды монаховъ въ черныхъ одеждахъ съ зажженными свѣчами, колеблящійся свѣтъ которыхъ придавалъ процессіи фантастическій видъ.

Погребальное пѣніе, темныя монашескія фигуры, таинственный, наглухо запертый храмъ, суровыя лица вооруженныхъ турокъ, охранявшихъ порядокъ, глухая ночь—все это сильно дѣйствовало на нервы, не говоря уже о близости Голгоѳы. Даже арабскій проповѣдникъ, отчаянно кричавшій и жестокулировавшій, не испортилъ впечатлѣнія. Церемонія окончилась третьей проповѣдью, сказанной греческимъ іеромонахомъ, противъ часовни Св. Гроба, куда и положили Плащаницу. Сильно усталые вернулись мы домой...

А. Селиванова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



КЪ ИСТОРІИ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧАЛѢТІЯ РОССІИ.

МНѢ ПРИНАДЛЕЖИТЪ первая идея о сооруженіи въ Новѣ-городѣ памятника тысячалѣтію Россіи. Самому говорить объ этомъ не будетъ самохвальствомъ, вопервыхъ, потому, что говорю сущую правду, а вовторыхъ, заявленіе мое объ устройствѣ памятника не составляетъ какую-нибудь заслугу; не я, такъ нѣсколько позже, десятки, сотни голосовъ, моглибы заявить то же самое.

Дѣло было такъ:

Въ началѣ февраля 1857 года, Константинъ Петровичъ фонъ Кауфманъ (слывшій впослѣдствіи подъ именемъ Туркестанскаго, для отличія отъ другаго брата) былъ начальникомъ штаба великаго князя Николая Николаевича, генералъ-инспектора по инженерной части, а я былъ полковникомъ командиромъ учебнаго сапернаго баталіона (упраздненнаго въ 1860 году). Въ то время Кауфманъ часто сходился со мной, мы бесѣдовали о лучшемъ направленіи саперъ для исполненія назначенной имъ роли въ арміи. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ, именно 10 февраля 1857 г., когда рѣчь шла о жизни и стоянкѣ Гренадерскаго сапернаго баталіона въ Новгородѣ, я къ слову о Новгородѣ замѣтилъ, что черезъ 5 лѣтъ совершится тысячалѣтіе Россіи, что хорошо было бы соорудить монументъ Рюрику и самое приличное для этого мѣсто есть Новгородъ, какъ колыбель русскаго государства, что для исполненія этого предпріятія 5-ти лѣтъ только что достаточно, надобно объявить всенародную подписку на сооруженіе памятника, составить проектъ его и соорудить, и прибавилъ, что въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ можетъ пособить намъ великій князь, какъ Новгородскій князь.

Кауфманъ живо сочувствовалъ этой идеи, обѣщалъ при первомъ же докладѣ передать о ней великому князю и спросилъ, почему

Николай Николаевичъ называется Новгородскимъ княземъ. Я, какъ самъ новгородецъ, объяснилъ, что новгородцы считаютъ Николая Николаевича своимъ княземъ на томъ основаніи, что день рожденія и имянинъ его высочества 27-го іюля, въ день памяти новгородскаго угодника Николая Кочанова Блаженнаго, мощи котораго почіютъ въ Новгородѣ, въ особой ракѣ, сооруженной по повелѣнію императора Николая, послѣдовавшему уже по рожденіи великаго князя, и всякій годъ, къ 27 іюля, отъ Новгорода является депутація съ поздравленіемъ великаго князя. При продолженіи разговора объ осуществленіи идеи памятника, я говорилъ, что вѣроятно прежде всего придется писать министру юстиціи объ объявленіи сенатскимъ указомъ всенародной подписки на памятникъ и обратиться къ двумъ академіямъ Художествъ и Наукъ,—къ первой объ объявленіи конкурса на составленіе проекта памятника, а ко второй объ указаніи мѣста, гдѣ впервые поселился Рюрикъ на Новгородской землѣ.

15 февраля, вечеромъ, я опять зашелъ къ Кауфману. Онъ радостно встрѣтилъ меня, сказалъ, что я пришелъ очень ктати, что успѣхъ съ памятникомъ превзошелъ ожиданія, великій князь не только принялъ въ этомъ участіе, но уже успѣлъ доложить и государю, и государь, какъ выразился великій князь, принялъ эту идею съ восторгомъ и приказалъ великому князю самому написать объ этомъ министру юстиціи и въ обѣ академіи.

Тутъ Кауфманъ признался, что когда онъ говорилъ съ великимъ княземъ о сооруженіи памятника, то въ концѣ своего разсказа, желая сильнѣе подѣйствовать на его высочество, прибавилъ, что это должно быть близко его сердцу, какъ новгородскаго.... и тутъ, вмѣсто слова «князя», сорвалось съ языка слово «помѣщика». великій князь тотчасъ же возразилъ: «Нѣтъ, я не помѣщикъ новгородскій, а покойный отецъ мой всегда называлъ меня новгородскимъ княземъ». Затѣмъ Кауфманъ, отзываясь, что въ данную минуту у него много спѣшныхъ дѣлъ, просилъ меня составить проекты писемъ отъ имени великаго князя министру юстиціи и въ обѣ академіи. На другой же день я прислалъ ему эти три проекта, вотъ они:

1) «Министру Юстиціи. По случаю приближенія тысячалѣтія историческому существованію Россіи, какъ отдѣльнаго государства я имѣлъ счастіе представить на благоусмотрѣніе Государя Императора идею о сооруженіи въ Новгородѣ памятника первому русскому князю Рюрику.

«Государь Императоръ, благосклонно принявъ мое предложеніе и вполнѣ одобривъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, привести его въ исполненіе.

«На этомъ основаніи покорно прошу Ваше Сіятельство испросить Высочайшее соизволѣніе Государя Императора на повсемѣст-

ное объявленіе, Указомъ Правительствующаго Сената, объ открытіи всенародной подписки на сооруженіе памятника.

«Какъ событіе это весьма близко сердцу каждаго русскаго, то полагалъ бы дать подпискѣ такое развитіе, чтобы каждый русскій подданный могъ принять въ ней участіе. Если отъ всѣхъ сословій государства: дворянъ служащихъ и неслужащихъ, духовенства, купечества, мѣщанъ и крестьянъ, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, собрать по 1 к. съ души, а желающіе могутъ вносить и болѣе, по собственному произволу, то при народонаселеніи Россіи свыше 60 милліоновъ, составится капиталъ свыше 600,000 р.»

2) «Въ Императорскую Академію Художествъ. Послѣ такого же начала—покорно прошу предложить конкурсъ на составленіе проекта памятника, на слѣдующихъ основаніяхъ:

«а) Памятникъ долженъ очевидно изображать то событіе, въ ознаменованіе котораго онъ сооружается.

«б) Проектъ долженъ быть представленъ на Высочайшее утвержденіе не позже 19-го февраля 1858 года.

«в) Работы по сооруженію памятника непремѣнно должны быть окончены въ четыре года.

«г) Вся стоимость памятника не должна превышать 600,000 р.

«и д) Памятникъ долженъ быть сооруженъ въ Новгородѣ или вблизи его, на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые поселился Рюрикъ; мѣсто это будетъ указано Археологическимъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

и 3) «Въ Императорскую Академію Наукъ. Послѣ такого же начала,—покорнѣйше прошу:

«а) Опредѣлить мѣсто, гдѣ именно Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, въ самомъ ли городѣ, или въ такъ называемомъ Городищѣ, за городскою чертою нынѣшняго Новгорода.

«и б) При составленіи проекта памятника оказать содѣйствіе Академіи Художествъ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ. Напримѣръ: кто былъ первый Великій Князь? Въ договорѣ съ греками, въ 911 году, уже Олегъ называлъ себя Великимъ Княземъ. Іоаннъ IV короновался царемъ русскимъ, но Іоаннъ III и еще прежде русскіе государи, при сношеніяхъ съ иностранными государями,—называли себя царями русскими».

Этимъ и ограничилась моя лепта на памятникъ тысячалѣтія Россіи и я не знаю, въ такомъ ли видѣ пошли эти письма по принадлежности, или были измѣнены. Въ архивѣ главнаго инженернаго управленія, можетъ быть, сохранились слѣды этой переписки.

Весною 1857 года, состоялся указъ правительствующаго сената объ открытіи всенародной подписки на сооруженіе памятника.

Въ 1858 году, великая княгиня Александра Петровна сообщила мнѣ, что изъ множества проектовъ, представленныхъ на сооруженіе памятника тысячалѣтія, государю болѣе всѣхъ понравился проектъ молодого художника Микешина.

Затѣмъ, въ 1862 году, когда я служилъ въ Кіевѣ, командиромъ саперной бригады, а К. П. Кауфманъ былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, мы часто переписывались, и въ одномъ изъ іюльскихъ писемъ, я между прочимъ говорилъ: «настаетъ время открытія памятника, а вѣдь мы, вы и я, первые виновники этого торжества; будемъ ли мы приглашены на праздникъ открытія памятника; для меня, изъ Кіева, путешествіе порядочное» (тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ). Въ августѣ мѣсяцѣ Кауфманъ отвѣчалъ мнѣ и также между прочимъ сказалъ: «а что касается праздника открытія памятника тысячалѣтія, то объ этомъ я вамъ сообщу при первомъ личномъ свиданіи».

Первое личное свиданіе состоялось въ маѣ 1864 года и Кауфманъ передалъ мнѣ, что мы не были приглашены въ Новгородъ на праздникъ тысячалѣтія, потому что онъ, Кауфманъ, боялся и напомнить о томъ, что мы были первыми виновниками этого праздника, такъ какъ тогда ходили слухи, что къ новгородскому празднику готовится какое-то злоумышленное предпріятіе. Государь очень неохотно ѣхалъ на праздникъ и громко говорилъ о томъ.

В. Кренке.

ХРАМЪ СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ ХЕРСОНЕСѢ ТАВРИЧЕСКОМЪ.

Слова ИМПЕРАТРИЦЫ Екатерины II, сказанныя ею во время знаменитаго ея путешествія на югъ Россіи въ 1787 году: «Крымъ драгоцѣннѣйшая жемчужина въ коронѣ царей русскихъ», совершенно справедливы; не только по красотѣ природы, но и по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя возбуждаются на каждомъ шагу всего прибрежья Крымскаго полуострова, онъ дѣйствительно долженъ считаться перломъ земли русской.

Берега Крыма играли немаловажную роль въ исторіи человѣчества; Таврида, населенная въ доисторическія времена дикими обитателями пещеръ, сохранившихся въ большомъ числѣ и понынѣ, лежала на пути между древними Элладою и Колхидою и была посѣщаема эллинами въ самыя древнія времена; ихъ поэты переносятъ на берега ея дѣйствіе многихъ миѳическихъ своихъ сказаній: похищеніе Антіоны Тезеемъ, освобожденіе Ифигеніи Орестомъ и т. д.—правильное же заселеніе Тавриды греческими колоніями относится къ седьмому вѣку до Р. Х. Милетскіе греки основались на восточномъ берегу, а ираклійскіе на югозападномъ; колоніи эти достигли скоро высокой степени богатства и цивилизаціи,—особенно же процвѣтали милетская «Пантикопея», на мѣстѣ нынѣшней Керчи, и ираклійскій «Херсонесъ», на полуостровѣ, носившемъ названіе «Ираклійскаго», къ югозападу отъ заливовъ нынѣшнихъ Севастопольскаго и Балаклавскаго (Ктенусъ и Символонъ).

Херсонесъ уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. славился своею обширностью, своимъ богатствомъ, своими академіями, въ немъ было до пяти тысячъ домовъ и до 50,000 жителей, великолѣпныя зданія, улицы и площади, украшенныя металлическими и мрамор-

Видъ Херсонеса.

ными статуями;—къ философамъ херсонесскимъ стекались слушатели и ученики изъ всей Греціи, цари посылали сюда дѣтей своихъ на воспитаніе.

Греки, заселившіе берега Тавриды, во внутрь полуострова не углублялись, тамъ жили скифы, съ которыми греки вели постоянныя войны, и отъ нападеній которыхъ много терпѣли,— когда же въ первомъ столѣтіи до Р. X. Херсонесъ подпалъ подъ власть Рима, утративъ свою самостоятельность, скифы начали до того тѣснить грековъ, что послѣдніе, не видя помощи изъ Рима, обратились къ Понтійскому царю Митридату, прося его защиты. Митридатъ, разбивъ скифовъ, хотѣлъ завладѣть Херсонесомъ, но побѣжденный самъ Помпеемъ окончилъ жизнь свою (63 годъ до Р. X.) трагическимъ самоубійствомъ и власть Рима надъ Херсонесомъ была возстановлена и надолго упрочена.

Вскорѣ затѣмъ совершилось великое всемірное событіе, появленіе Богочеловѣка на землѣ!

Ученіе Іисуса Христа было принесено въ Херсонесъ въ самомъ его началѣ; преданіе гласитъ, что въ Херсонесѣ проповѣдывалъ апостолъ св. Андрей Первозванный около 50-таго года по Р. X.; проповѣдь эта была не безплодною: когда въ царствованіе Траяна (96 годъ по Р. X.), изгнанный изъ Рима, папа римскій св. Климентъ прибылъ въ Херсонесъ, онъ нашелъ тутъ паству въ болѣе 2,000 христіанъ и до 75-ти церквей. Въ четвертомъ вѣкѣ, христіанство, съ принятіемъ его Константиномъ Великимъ, сдѣлалось господствующею религіею, какъ въ метрополіи, такъ и во всѣхъ колоніяхъ,—со введеніемъ его Херсонесъ процвѣталъ все болѣе и болѣе, науки и искусства возвышались, храмы умножались, христіанская проповѣдь усиливалась и распространялась въ Скифію,— и продолжалось это до византійскаго періода его исторіи, когда онъ вмѣстѣ съ другими колоніями Понта Эвксинскаго отошелъ къ слабымъ владѣтелямъ Восточной Римской имперіи. Съ воцареніемъ восточныхъ императоровъ, Херсонесъ сталъ подвергаться частымъ нападеніямъ гунновъ, аваровъ, хазаровъ и другихъ народовъ, наводнившихъ Крымъ; и отъ русскихъ князей Херсонесу грозила большая опасность. Руссы дѣлали набѣги на самую Византію при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, но особенно памятенъ походъ св. великаго князя Владиміра, который, покоривъ Херсонесъ, принялъ въ немъ святое крещеніе (988 годъ по Р. X.) и тѣмъ открылъ новую эру для всего народа русскаго.

Сослуживъ эту великую службу нашему отечеству, Херсонесъ теряетъ свое историческое значеніе; съ развитіемъ торговой дѣятельности генуезцевъ, онъ утрачиваетъ и свое торговое значеніе, наконецъ, когда въ XV-мъ столѣтіи турки завладѣли Крымомъ, то они нашли уже въ Херсонесѣ одни пустые дома и оставленныя церкви.

Съ завоеваніемъ Крыма Россіею при Екатеринѣ II-й — память о совершившемся великомъ событіи въ Херсонесѣ хотя и была возобновлена, но долгое время она ограничивалась однимъ преданіемъ,—развалины Херсонеса, то, что отъ нихъ уцѣлѣло отъ расхищенія турками и татарами, было безпощадно уничтожено для построекъ въ Севастополѣ.

Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ.

Императоръ Александръ I, въ послѣдніе дни своей жизни, посѣтивъ Крымъ, сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ храма во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра, на развалинахъ Херсонеса; открытая повсемѣстная подписка пожертвованій на этотъ предметъ продолжалась съ 1828 по 1848-й годъ и доставила сбора до 215 т. рублей! Императоръ Николай I въ 1852 году, въ бытность въ Севастополѣ, приказалъ изслѣдовать мѣстность развалинъ Хер-

сонеса и для храма составить роскошный проектъ, предполагая постройку его изъ мраморовъ и порфира, изобилующихъ въ Крыму. Археологическое обслѣдованіе мѣстности Херсонеса было сдѣлано въ 1853 году графомъ Уваровымъ и открыты были, между прочимъ, и развалины храма, въ которомъ св. Владиміръ принялъ крещеніе, по описанію храма и мѣста его нахожденія, имѣющемуся въ Несторовой лѣтописи. Англо-французская война остановила осуществленіе постройки храма; все, что до того было сдѣлано, ограничивалось постройкою покойнымъ архіепископомъ Иннокентіемъ въ Херсонесѣ небольшой церкви съ кельями для нѣсколькихъ монаховъ. Въ 1858 году, по окончаніи войны, собранная сумма, съ высочайшаго соизволенія, была раздѣлена на постройку храма въ Севастополѣ и на постройку храма въ Херсонесѣ; — составленіе проекта херсонесскаго храма было поручено, молодому тогда, талантливѣйшему архитектору Д. И. Гримму, посвятившему себя спеціально изученію византійской архитектуры. Проектъ его удостоился высочайшаго утвержденія въ 1859 году, къ постройкѣ было приступлено, торжественная закладка храма была произведена собственноручно императоромъ Александромъ II 23-го августа 1861 года. Первоначальная смѣта Д. И. Гримма была изчислена въ 738 т. рублей—за недостаткомъ средствъ—мраморы и порфиръ были оставлены, замѣнили ихъ мѣстнымъ довольно хорошимъ камнемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «хомутовскаго». Смѣта оттого сократилась до 456 т. рублей, а затѣмъ и хомутовскій камень замѣнили мягкимъ инкерманскимъ, вслѣдствіе чего храмъ долженъ былъ стоить только 185 т. рублей. Но на имѣвшіяся деньги около 120 т. руб. успѣли построить только фундаментъ и нижій этажъ. На окончаніе храма требовали еще 177 т. рублей, которые впослѣдствіи возросли до 237 т. — за эту сумму окончаніе храма «въ чернѣ» было отдано въ 1873 году подрядчику Губонину. Въ чернѣ храмъ построенъ и съ тѣхъ поръ стоитъ въ томъ же видѣ, подверженный всѣмъ непогодамъ, не доведенный до окончанія — съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушаясь!

Въ 1888 году Россія вспомнитъ о Херсонесѣ Таврическомъ и о великомъ событіи, совершившемся тамъ за 900 лѣтъ. Неужели и къ тому времени храмъ не будетъ оконченъ?

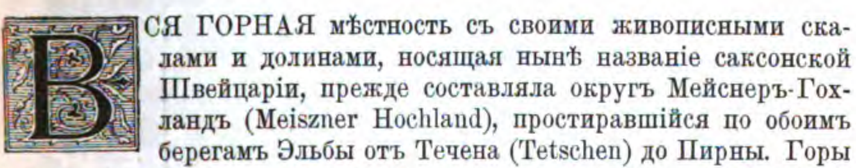
Херсонесскій храмъ, кромѣ значенія своего, какъ историческій памятникъ, самъ по себѣ такое замѣчательное художественное произведеніе, что и нынѣ, въ неоконченномъ своемъ видѣ, служитъ восхищеніемъ всѣхъ знатоковъ и любителей византійской архитектуры.

Неужели этому перлу русскаго зодчества суждено еще многія лѣта стоять заброшеннымъ?

Рис. 1. Велергрундъ.

САКСОНСКАЯ ШВЕЙЦАРІЯ.

(Статья Вессели).



ВСЯ ГОРНАЯ мѣстность съ своими живописными скалами и долинами, носящая нынѣ названіе саксонской Швейцаріи, прежде составляла округъ Мейснеръ-Гохландъ (Meiszner Hochland), простиравшійся по обоимъ берегамъ Эльбы отъ Течена (Tetschen) до Пирны. Горы принадлежатъ теперь частью Саксоніи, частью Богеміи, почему и носятъ названіе саксонской Швейцаріи и богемской Швейцаріи, хотя характеръ ихъ совершенно одинъ и тотъ же. Горы состоятъ изъ песчаника; формы ихъ такъ причудливы, такъ живописны, что туристъ съ трудомъ отрываетъ отъ нихъ свой взглядъ и кажется, будто горные духи заманиваютъ его въ свое заколдованное царство.

Менѣе ста лѣтъ тому назадъ, эта дикая, прелестная страна была почти неизвѣстна; доступъ въ горы былъ труденъ. Впрочемъ, сто лѣтъ тому назадъ мало кто думалъ о путешествіи ради удовольствія, пути сообщенія были неудобны, на поѣздку, даже недалекую, приходилось тратить много времени.

Два мѣстныхъ пастора: Гетцингеръ изъ Нейштата и Николаи изъ Ломена первые повѣдали публикѣ о прелестяхъ горной страны—

Рис. 2. Каменная зала.

ихъ родины; они издали — первый въ 1786 году, второй въ 1804 году — путеводители по ней.

Горы саксонской Швейцаріи имѣютъ много особенностей, по которымъ геологу не трудно составить ихъ исторію. Мѣстами гро-

мадныя плиты песчаника нагромождены одна на другую, точно стѣна, сложенная руками исполиновъ, мѣстами скалы едва, кажется, держатся, и приходится удивляться, какъ могли онѣ про-

Рис. 3. Фельзенторъ (скалистыя ворота) въ долинѣ Уттевальдергрундъ.

держаться такъ цѣлыя тысячелѣтія; мѣстами онѣ округлены, точно токарь тщательно трудился надъ ними, мѣстами—зубчатыя. Въ горизонтальномъ разрѣзѣ, горы представляютъ рядъ пересѣкающихъ

одна другую линій, какъ линіи ствола дерева въ поперечномъ разрѣзѣ, по которымъ можно опредѣлить его возрастъ. И характеръ горъ, и ихъ причудливыя формы зависятъ отъ вліянія на нихъ моря, которое, покрывая всю Сѣверную Германію, покрывало и ихъ. Узкій каналъ соединялъ это море съ другимъ, внутреннимъ, покрывавшимъ всю Богемію. Доказательствомъ этому служатъ раковины, окаменѣлости морскаго ежа и другихъ морскихъ животныхъ, находимыя въ горахъ, а также морскихъ водорослей и губокъ. Когда море отхлынуло и обнажило горы саксонской Швейцаріи, ушло чрезъ каналъ, ставшій русломъ рѣки Эльбы, и внутреннее море, покрывавшее Богемію. Это перемѣщеніе громадной массы воды оказало тоже большое вліяніе на форму скалъ. Еще одну особенность замѣчаемъ мы въ ихъ строеніи: онѣ мѣстами покрыты сплошь маленькими отверстіями, какъ поры губки. «Gutta cavat lapidem», говоритъ латинская пословица; но сколько тысячь лѣтъ нужно каплѣ капать на одно и тоже мѣсто, чтобы оправдать эту пословицу.

Рис. 4. Гелленвандъ (адская стѣна).

Надо думать, что обвалы, слѣды которыхъ замѣтны и теперь, произошли въ то время, когда горы обнажились изъ подъ воды. Обрушиваясь, скалы или достигали дна долинъ и пропастей, или, удержанныя другими скалами, образовывали пещеры. Обвалы случаются и теперь. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи ихъ было два: первый — въ 1830 году, второй — два года тому назадъ, близь города Шандау. Обломокъ скалы упалъ въ Эльбу и заградилъ въ этомъ мѣстѣ путь пароходамъ.

Украшеніемъ саксонской Швейцаріи служитъ Эльба; горы прекрасны и въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Богеміи; но здѣсь рѣка даетъ жизнь ландшафту. По ней снуютъ вверхъ и внизъ пароходы, пассажирскіе и буксирные, тянущіе за собой вереницы барокъ, проходятъ цѣлые караваны большихъ лодокъ съ разнымъ товаромъ и съѣстными припасами, а осенью — съ фруктами изъ Богеміи, которые останавливаются въ Дрезденѣ, или

идутъ дальше въ Магдебургъ, Гамбургъ и даже въ Берлинъ по каналу.

Песчаникъ представляетъ, прекрасный строительный матеріалъ. Изъ него построены всѣ дворцы и дома Дрездена. Ломка камня производится по берегамъ Эльбы, чтобы облегчить его доставку во внутрь страны. Мѣста недавней ломки рѣзко отличаются отъ сѣрыхъ, потемнѣвшихъ отъ грозъ и времени старыхъ скалъ. Это портитъ мѣстами прелестные виды береговъ Эльбы. Впрочемъ, горный духъ саксонской Швейцаріи жестоко мститъ за разрушеніе его каменныхъ одеждъ: почти всѣ рабочіе въ каменноломняхъ умираютъ отъ чахотки.

Рис. 5. Геркулесовы столбы.

Путь въ горы можно совершить или по желѣзной дорогѣ, или на пароходѣ, вверхъ по Эльбѣ.

Первый путь ведетъ изъ Дрездена до Печа. Еще изъ окна вагона, проѣзжая мимо городка Пирны, вы залюбуетесь видомъ на гору Зонненштейнъ. Остановившись въ Печа, вы переправитесь въ лодкѣ на противоположный берегъ Эльбы. Отсюда собственно начинается путешествіе въ горы. Еще съ рѣки встанутъ передъ вашими глазами живописныя развалины замка Велена; отъ его раз-

Рис. 6. Домъ Вебера въ Гостервицѣ.

рушенныхъ стѣнъ повѣетъ на васъ духомъ средневѣковаго рыцарства. Эти развалины самыя древнія на берегахъ Эльбы; ихъ разрушеніе произошло только отъ вліянія всесокрушающаго времени. Пройдя Веленъ, вы вступаете въ долину Велергрундъ (рис. 1), Прекрасное лѣтнее утро мягкимъ свѣтомъ озаряетъ скалы; вы идете въ тѣни, падающей отъ нихъ на долину. Журчанье ручья, который весело бѣжитъ вамъ на встрѣчу, точно нашептываетъ вамъ

о красотѣ и величіи тѣхъ высотъ, съ которыхъ онъ беретъ свое начало. Скалы, окоймляющія долину Велергрундъ имѣютъ видъ стѣнъ, правильно сложенныхъ изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ; немного далѣе онѣ принимаютъ самыя фантастическія очертанія, а потому долина мѣняетъ свое названіе,—вы переходите Уттевальдергрундъ и ваша фантазія разыгрывается невольно; скалы принимаютъ самыя причудливыя формы: тутъ человѣческой головы, тамъ цѣлой человѣческой фигуры, дальше собаки... Въ народномъ представленіи—это бывшіе одушевленные предметы, обращенные въ камень силою суроваго рока...

Съ каждымъ шагомъ по Уттевальдергрунду передъ вами открываются все новые виды и манятъ васъ въ самую глубь до-

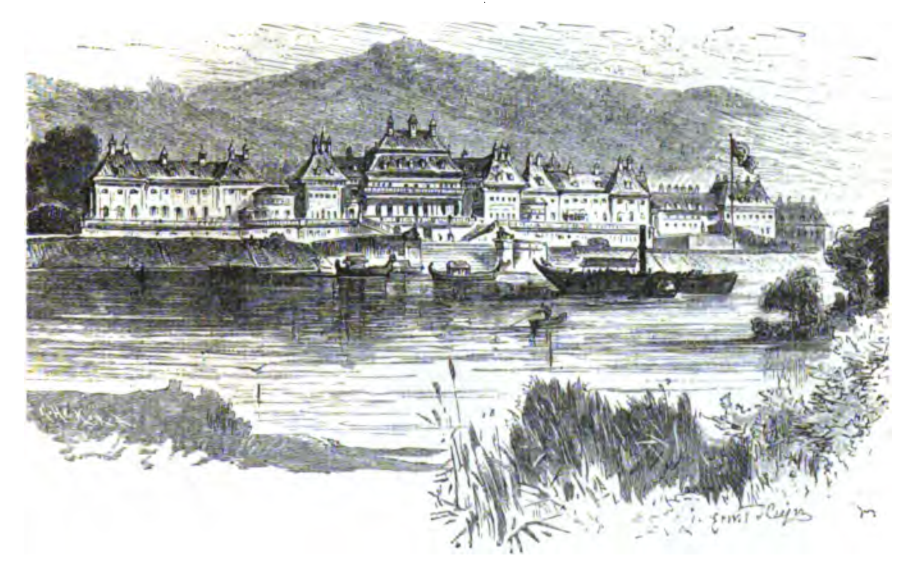


Рис. 7. Замокъ Пильницъ.

лины. Вы проходите мимо каменнаго «Дома» и «Залы» (рис. 2), мимо «Чертовой кухни». Здѣсь скалы наступаютъ на васъ со всѣхъ сторонъ, сходятся такъ близко, что вамъ кажется, дальше нѣтъ ходу. Но еще нѣсколько шаговъ и передъ вами открывается узкій проходъ. Обрушившіяся скалы, не достигнувъ дна долины, образовали скалистыя ворота—Фельзенторъ (рис. 3). Выйдя черезъ Фельзенторъ въ Фельзенталь, вы съ невольнымъ страхомъ взглядываете на окружающія васъ скалы, которыя, вамъ кажется, каждую минуту готовы рухнуть на васъ.

Вернувшись назадъ и поднявшись въ гору по долинѣ Черн-грундъ, вы, пройдя мимо Гелленвандъ (адской стѣны, рис. 4), выйдете въ Гелленгрундъ (адскую долину) и возвратитесь въ Велергрундъ обратно по Тейфельсгрундъ (чертовой долинѣ).

Всѣ эти названія принадлежатъ среднимъ вѣкамъ, когда адъ и сатана играли немаловажную роль въ жизни народа; поэтому всѣ особенно дикія мѣстности связаны съ именемъ черта и ада. Можно предполагать, что и названіе «Чернгрундъ» произошло отъ чешскаго слова «čert» (чертъ), такъ какъ еще въ XII столѣтіи Пирна была чешскимъ городомъ.

Съ противоположной стороны, точно привидѣнія, высится передъ вами группа скалистыхъ столбовъ, носящихъ названіе Геркулесовыхъ (рис. 5); и вы невольно дивитесь, глядя на нихъ, какъ не рушились они до сихъ поръ отъ дѣйствія стихій...

Наконецъ вы достигли вершины горъ. Сверху открывается широкій, привольный видъ на скалы и только что пройденныя вами

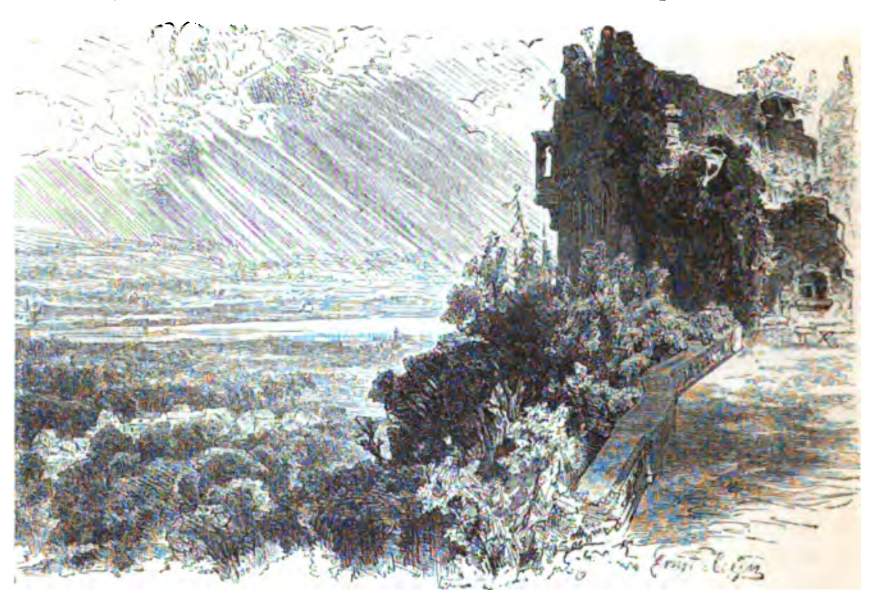


Рис. 8. Развалины Пильница.

долины, ярко освѣщенныя горячими лучами солнца. Вы дышите полной грудью чистымъ, горнымъ воздухомъ. Вдали, на другомъ берегу Эльбы, мерещутся высокія скалы Бастея, а внизу, у самаго берега, недалеко отъ Дрездена, ютится въ тѣни парка Вальдшлёсхенъ (лѣсной замокъ), любимое гулянье дрезденцевъ.

Отдохнувши, вы спускаетесь съ горъ, къ Эльбѣ. На этомъ берегу лежитъ городокъ Лошвицъ; прямо противъ него, на противоположномъ берегу—Блазевицъ. Съ обоими этими городками связано воспоминаніе о Шиллерѣ. Въ Лошвицѣ, въ домѣ отца Теодора Кернера, онъ написалъ своего «Донъ-Карлоса»; а въ Блазевицѣ жила служанка кабачка, съ которой Шиллеръ написалъ Густель изъ Блазевица въ поэмѣ «Лагерь Валенштейна».

Вблизи Лошвица лежитъ Гостервицъ, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о музыкальномъ геніи Карла-Маріи Вебера. Онъ жилъ въ скромномъ маленькомъ домикѣ (рис. 6); тутъ онъ написалъ свои знаменитыя оперы: «Фрейшюцъ» и «Оберонъ».

Отсюда четверть часа пути до Пильница—саксонской Версали. Королевскій увеселительный замокъ (рис. 7) весело смотрится въ волны Эльбы, отчетливо вырисовываясь на темномъ фонѣ горъ. Его можно осматривать, когда королевская семья не живетъ въ немъ. Въ столовой и капеллѣ замѣчательны фрески, работы Фогеля. Главный садовникъ охотно позволитъ вамъ осмотрѣть садъ; въ немъ особенно замѣчательна громадная камелія—цѣлое большое дерево, которая помѣщается въ большомъ стеклянномъ павильонѣ.

Рис. 9. Деревня Либенталь.

Поднимаясь опять въ гору, вы дойдете до искусственныхъ развалинъ Пильница (рис. 8). Отсюда прелестный видъ на Эльбу, на Дрезденъ и на горную мѣстность, лежащую между нимъ и Пирной. Поднявшись еще выше, минуя Пойрицъ и высокую гору Порсбергъ, вы достигнете деревни Либенталь (рис. 9), гдѣ мѣстность состоитъ изъ высокихъ и крутыхъ скалъ, разсѣченныхъ глубокими и узкими долинами. Вы съ удивленіемъ увидите тутъ, какихъ тяжелыхъ усилій стоило людямъ устроить доступъ къ своимъ хижинамъ, вырубивъ въ скалѣ ступени, высокія и узкія, очень неудобныя, но по которымъ привычный горный житель спускается и поднимается свободно, съ тяжелой ношой на спинѣ.

Спустившись по этимъ ступенямъ внизъ, вы очутитесь въ долинѣ Либеталергрундъ. Эта долина полна идиліи: журчанье ручья, шумъ мельничнаго колеса, которое онъ приводитъ въ движеніе, слышны вамъ еще издали. А вотъ изъ-за скалъ, между которыми она пріютилась, выглянула и мельница—Лохмюле (рис. 10), плотина которой образуетъ небольшой водопадъ.

Пройдя всю долину Либеталергрундъ, вы достигните маленькаго городва Ломена, который соединенъ желѣзной дорогой съ Пирной. Ломенъ очень старый городокъ, основанный еще чехами; онъ получилъ свое названіе отъ каменноломенъ, находящихся въ его окрестностяхъ, которыя разрабатываются уже 400 лѣтъ. Въ городѣ уцѣлѣла церковь, построенная еще въ 1291 году. Старый

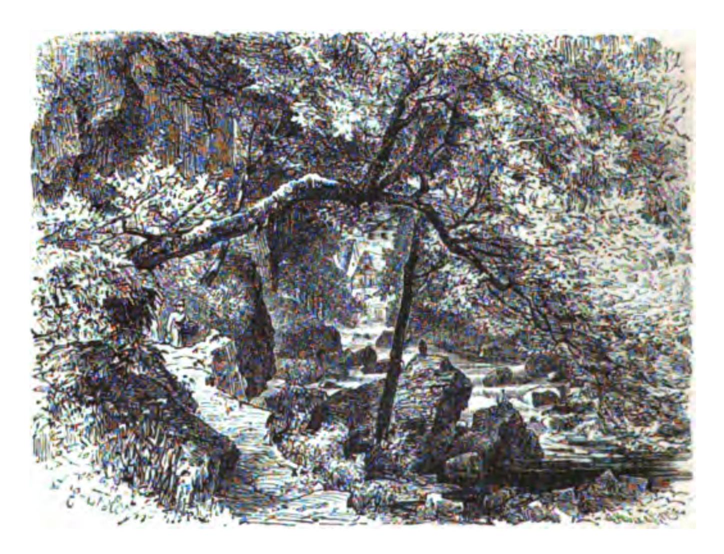


Рис. 10. Лохмюле въ Либеталергрунде.

Ломенскій замокъ (рис. 11), превращенъ въ очень прозаическую хозяйственную постройку и поэтическое сказаніе, связанное съ нимъ, имѣетъ очень прозаическое происхожденіе: на одной изъ стѣнъ замка уцѣлѣла надпись, которая гласитъ, что какой-то пажъ, упавшій со стѣны, сломалъ себѣ обѣ ноги...

Путь отъ Ломена ведетъ къ Бастею (рис. 12). Бастей безспорно одна изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей всей саксонской Швейцаріи. У подножія скалъ стоитъ гостинница. Подкрѣпивъ въ ней свои силы и отдохнувъ, вы взбираетесь на Бастей. Это имя собственно носитъ мостъ, соединяющій нѣсколько скалъ и издали дѣйствительно имѣющій видъ бастіона (Bastei значитъ бастіонъ). Прежде, съ 1826 года, мостъ былъ деревянный; съ 1851 года—выстроенъ каменный.

Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, вы снизу изъ окна вагона невольно залюбуетесь на группу скалъ, соединенныхъ между собой мостомъ. Но всю прелесть Бастея вы поймете только тогда, когда взберетесь наверхъ, на мостъ. Точно рельефная карта, далеко во всѣ стороны открываются съ него живописные виды на горы, на глубокія долины, на красивый изгибъ Эльбы, омывающей его подошву...

Рис. 11. Замокъ Ломенъ.

Спустившись съ Бастея, вы легко можете вернуться въ Дрезденъ, стоитъ только переплыть Эльбу. Но, если вы не устали, идите дальше.

Отъ Бастея влѣво вамъ откроется видъ на долину — Амзельгрундъ (рис. 13). Идите все по берегу ручья, который протекаетъ по дну долины; скалы, какъ кулисы громадной сцены, групируясь все разнообразнѣе и живописнѣе, наконецъ сходятся и образуютъ Амзельлохъ — пещеру, по дну которой протекаетъ Грюнбахъ, ручей, приведшій васъ сюда и образующій здѣсь водопадъ. Грюн-

бахъ лѣтомъ пересыхаетъ; воду на лѣтнее время собираютъ искусственно и спускаютъ ее за извѣстную плату, чтобы показать водопадъ туристу.

Поднявшись опять въ гору, къ деревнѣ Ратевальдъ, вы выйдете на прекрасное шоссе, которое мимо Гокштейна, приведетъ васъ къ Гогенштейну (рис. 14). Гокштейнъ (рис. 15) состоитъ изъ двухъ

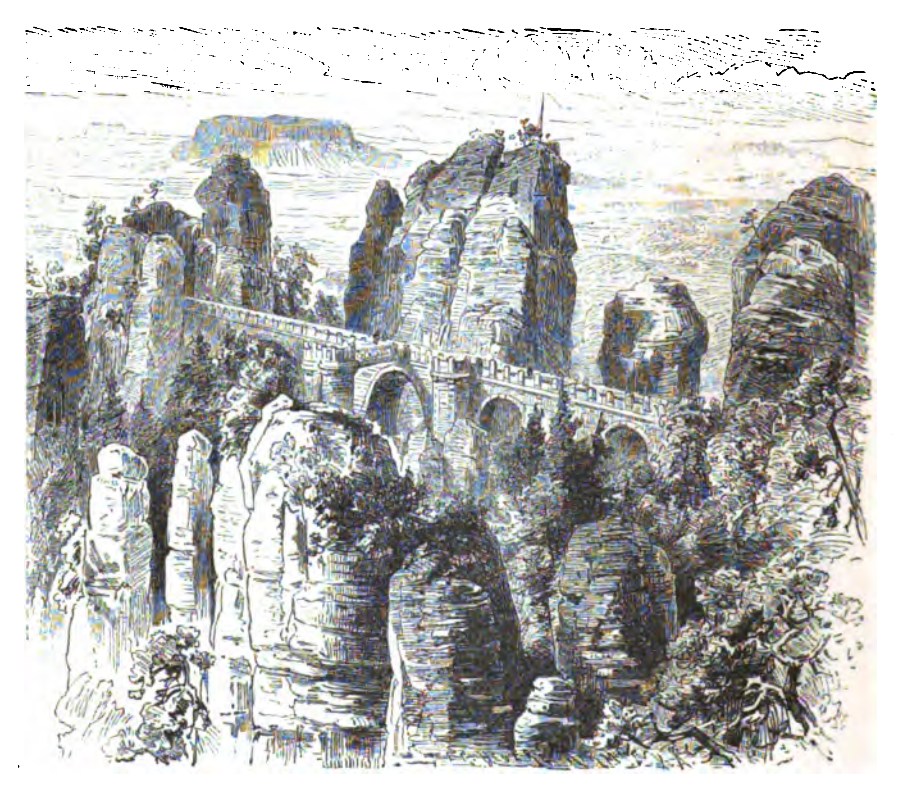


Рис. 12. Бастейскій мостъ.

утесовъ-близнецовъ, которые круто обрываются въ долину—Поленцталь. Оба утеса соединены между собой мостомъ, перекинутымъ черезъ глубокую пропасть и носящимъ названіе Тейфельсбрюке (чертовъ мостъ); онъ выстроенъ въ 1821 году, но съ тѣхъ поръ, какъ отрытъ природный каменный мостъ, соединяющій оба утеса, онъ не оправдываетъ болѣе своего громкаго названія.

Есть основанія думать, что на вершинѣ этихъ утесовъ стоялъ когда-то замокъ. Слѣды ступеней и цистернъ сохранились до нанашего времени и свидѣтельствуютъ, что когда-то здѣсь жили люди; можетъ быть они искали на этихъ высотахъ убѣжища во время войны.

Съ Гокштейна, чрезъ долину Вольфсхшлухтъ (волчья пасть) видъ на замокъ и городокъ Гогенштейнъ. Вотъ наконецъ и обращикъ средневѣковаго романтизма! Замокъ вѣнчаетъ самую вершину скалы; которая круто обрывается въ Поленцталь. Достигнувъ городка, ваши иллюзіи пропадаютъ: замокъ въ настоящее время обращенъ

Рис. 13. Амзельфаль и Амзельгрундъ.

въ исправительный домъ. Но его подземелья, его залы пытокъ, его медвѣжьи ямы, сохранились и желающіе могутъ ихъ осмотрѣть; видъ съ балкона замка — прелестенъ.

Поленцталь, выходящая къ Эльбѣ, видомъ которой вы только что любовались, служитъ дорогой къ Бранду — крутой скалѣ, вблизи каторой расположены каменные столбы, прозванные народомъ Габерзеке (овсяные мѣшки).

Спустившись по ступенямъ внизъ, вы по шоссе скоро дойдете до Шандау. Изъ тишины, которая окружала васъ въ горахъ, вы сразу попадаете въ шумный городокъ, живописно-раскинувшійся по берегу Эльбы и ставшій мѣстомъ моднаго купанья.

Миновавъ Шандау, вы снова углубляетесь въ горы. По берегу ручья Кирничъ, мимо нѣсколькихъ мельницъ, вы достигаете водо-

Рис. 14. Гогенштейнъ.

пада Лихтенгейнеръ, когорый, какъ и Амзельфаль, спускаютъ только за деньги. Надо замѣтить, что горы саксонской Швейцаріи очень небогаты водой; только весной, во время таянія снѣга, или послѣ дождей, ручьи, высыхающіе лѣтомъ, превращаются въ бурные горные пороки.

Въ получасовомъ разстояніи отъ водопада Лихтенгейнеръ находится Куштэль. Это природныя ворота, черезъ которыя откры-

вается видъ на долину Гаихсгрундъ. Вся эта мѣстность представляется какимъ-то дикимъ лабиринтомъ. Куштaль (коровье стойло) получилъ свое прозаическое названіе оттого, что во время войны сюда загоняли скотъ.

Отсюда путь лежитъ къ Винтербергу по скалистому проходу, прозванному «кривобокой Каролиной» (die krumme Karoline) мимо

Рис. 15. Видъ на утесъ Гокштейнъ.

Шнейдерлоха и Пфафенлоха. Малый Винтербергъ не великъ; за нимъ высится большой Винтербергъ. Тутъ находится ресторанъ съ хорошей кухней, съ прекраснымъ австрійскимъ виномъ и умѣренными цѣнами. Съ большаго Винтерберга полюбуйтесь солнечнымъ закатомъ. Когда день угаснетъ за горами, когда станетъ таинственно тихая сумрачная ночь, когда взойдетъ полный мѣсяцъ, видъ на горы, на долины, такъ хорошъ, что вамъ трудно будетъ оторваться отъ него.

Почти на границѣ Богеміи стоитъ Пребишторъ (рис. 16)—громадныя природныя ворота. На двухъ большихъ скалахъ покоится громадная каменная плита, служащая въ то же время природнымъ мостомъ. Прежде тутъ ютилась, какъ гнѣздо ласточки, маленькая гостинница; теперь на ея мѣстѣ стоитъ большое каменное зданіе.

Рис. 16. Пребишторъ.

Спустившись въ привѣтливую долину Виллагрундъ, вы достигните въ Гернкреченѣ берега Эльбы; на пароходѣ или, переѣхавъ на противоположный берегъ, по желѣзной дорогѣ вы совершите отсюда свой обратный путь въ Дрезденъ. Въ хорошую погоду возвращеніе на пароходѣ пріятнѣе; оба берега Эльбы рисуются передъ вашими глазами. Особенно величественный видъ представляетъ

крѣпость Кёнигштейнъ (рис. 17); съ горы, на которой стоитъ крѣпость, открываются прелестные виды. Первоначально Кёнигштейнъ былъ пограничной крѣпостью Богеміи. Въ 1425 году, находясь уже во владѣніи Вильгельма I фонъ-Мейсенъ, она была разрушена гусситами; въ концѣ XVI столѣтія, курфюрстъ Августъ снова возстановилъ ее. Съ 1704 по 1707 годъ въ ней содержался Бётхеръ, изобрѣтатель фарфора, затѣмъ въ 1848 году — Бакунинъ. Кіау, бывшій комендантомъ крѣпости съ 1715 по 1733 годъ, прозвалъ ее своею каменной невѣстой.

Съ одной изъ скалъ Кёнигштейна, прозванной Паженбетъ (постель пажа), связана слѣдующая легенда: во время пира, даннаго Іоганномъ-Георгомъ II (1665 г.), одинъ пьяный пажъ, Генрихъ фонъ-Грюнау, уснулъ на вершинѣ этой скалы; курфюрстъ сперва приказалъ его связать, потомъ разбудить звуками трубъ.

И на лѣвомъ берегу Эльбы есть много живописныхъ мѣстностей, но самыя живописныя находятся на правомъ, который мы здѣсь описали.

Рис. 17. Кенигштейнъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs et les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-me et au XVI-me siècle. Par Vladimir Lamansky, professeur de l'université de St.-Pétersbourg. (Записки Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Часть XII. Спб. 1884).

КАПИТАЛЬНЫЙ трудъ этотъ, самое печатаніе котораго продолжалось нѣсколько лѣтъ (65 листовъ самаго убористаго шрифта) появился уже въ началѣ нынѣшняго года, но не былъ еще, если не ошибаемся, предметомъ обстоятельнаго разбора. Причина весьма понятна: такой разборъ былъ бы своего рода большимъ и для очень немногихъ посильнымъ трудомъ (если даже имѣть въ виду не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ). Пишущему эти строки уже самые размѣры критико-библіографическаго отдѣла, допускаемые «Историческимъ Вѣстникомъ», не позволяютъ вдаваться въ подробности; но и при другихъ условіяхъ онъ бы долженъ былъ, конечно, признать себя неспособнымъ вполнѣ оцѣнить какъ самую важность опубликованныхъ въ настоящемъ трудѣ матеріаловъ, такъ и ученое достоинство двухъ, напечатанныхъ тутъ же разсужденій автора: 1) О покушеніяхъ на жизнь папъ въ средніе вѣка и въ XVI ст. и о борьбѣ латино-германскаго запада съ греко-славянскимъ востокомъ (стр. 357—396) и 2) О центральномъ управленіи и общественномъ положеніи Венеціи въ XVI ст. (671—850). Оставалось бы только внимательно остановиться на тѣхъ выводахъ изъ всего труда, которые представляетъ намъ авторъ въ предисловіи къ нему, прямо связывая эти выводы съ политическою злобою нашихъ дней, но предоставленные для настоящей статьи размѣры заставляютъ и тутъ ограничиться самыми краткими замѣчаніями. Предисловіе къ настоящему труду напечатано было авторомъ и от-

дѣльно еще до появленія въ свѣтъ самаго труда—а именно въ № 22 «Руси» за прошлый годъ. Само собой разумѣется, что тамъ это предисловіе появилось въ переводѣ на русскій языкъ.

Во французскомъ языкѣ подлинника сказалась своего рода иронія рока относительно ученаго, который такъ нападалъ на нашу Академію Наукъ за труды ея, печатаемые не по русски. Но если самъ онъ напечаталъ свой собственный трудъ въ ученомъ изданіи С.-Петербургскаго университета на чужомъ языкѣ—напечаталъ ради большаго распространенія своей книги на Западѣ—то это, конечно, свидѣтельствуетъ, что никакого оскорбленія для нашего народнаго достоинства тутъ еще нѣтъ, да и быть не можетъ (другое дѣло образъ дѣйствій нашей академической нѣмецкой колоніи относительно русскихъ ученыхъ — противъ этого нашъ авторъ возставалъ вполнѣ справедливо). Мы съ своей стороны полагаемъ, вопреки взгляду почтеннаго автора, высказанному имъ въ предисловіи, что никакого оскорбленія для достоинства Россіи не было бы и въ допущеніи въ школѣ, судѣ и администраціи въ русской Польшѣ ея народнаго, т. е. польскаго языка вмѣсто русскаго государственнаго (думаемъ, что вся сила преобразованій незабвеннаго Н. А. Милютина въ Польшѣ заключалась въ соціальномъ вопросѣ, и что послѣ столь удачнаго рѣшенія его тамъ не представлялось ни малѣйшей надобности въ упраздненіи самаго историческаго имени края и замѣнѣ его искусственною кличкою «Привислянскій»). Мы полагаемъ съ другой стороны, что почтенный авторъ дѣлаетъ слишкомъ много чести живущимъ по ту сторону Вислы евреямъ и нѣмцамъ, говоря, что «было бы абсурдомъ со стороны русскаго правительства себѣ во вредъ полонизовать этихъ многочисленныхъ подданныхъ и колонистовъ имперіи», т. е. рекомендуя правительству считать ихъ не просто пришельцами (руководимыми исключительно личными интересами), а какими-то избранными органами нашихъ государственныхъ интересовъ. Мы полагаемъ, что ради этихъ пришельцевъ незачѣмъ лишать туземцевъ ихъ природнаго языка, что усиленный наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Польшу составляетъ не только для нея, но и для самой Россіи, по крайней мѣрѣ не меньшій вредъ, чѣмъ нѣмецкая колонія въ нашей Академіи Наукъ, что, наконецъ, взглядъ, котораго держится почтенный авторъ по отношенію къ русской Польшѣ за одно съ «Московскими Вѣдомостями»—не принесетъ особенной пользы нашему народному достоинству уже потому, что это взглядъ не самостоятельный, а относящійся, такъ сказать, къ вѣдомству русскаго бисмаркизма, которое только несообразительными людьми принимается за vieux parti russe. Мы полагаемъ, что настоящая народность политики — въ свободныхъ проявленіяхъ русскаго духа, а не въ насильственно-объединительныхъ мѣрахъ à l'allemande.

Но почтенный авторъ въ своемъ предисловіи даже прямо предлагаетъ намъ союзъ съ Германіей — правда, не съ Германіей Гвельфовъ, а съ Германіей Гибеллиновъ, не съ Габсбургами, а съ продолжателями Гогенштауфеновъ, съ нѣмцами не католическими, а протестантскими. Мы съ своей стороны полагаемъ, что нѣмцы для насъ вездѣ нѣмцы, и что не только враждебныя ихъ дѣйствія противъ насъ (какъ, напримѣръ, en petit тѣ академическія, противъ которыхъ такъ справедливо предостерегалъ насъ В. И. Ламанскій), но и ихъ дружба представляетъ во многомъ свои неудобства (какъ представляла и можетъ еще представить своего рода неудобства и неумѣренная дружба съ греками, этими «нѣмцами древней Руси»). Мы полагаемъ затѣмъ, по ученію Хо-

мякова, что протестантизмъ есть своего рода законное чадо католицизма, что въ томъ, какъ и въ другомъ, сказалось въ различныхъ формахъ одно и то же начало личности или индивидуализма, угрожающее вѣчной борьбой славянскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всечеловѣческому, христіанскому началу братства или общины. Мы полагаемъ затѣмъ, что между славянами католическими — относительно которыхъ нашъ авторъ высказывается съ такою суровою откровенностью — есть, напримѣръ, чехи, далеко не заглушившіе въ себѣ преданій гуситства, а въ этихъ преданіяхъ, по Гильфердингу, такъ много православнаго, т. е. чистаго и древне-церковнаго. Мы полагаемъ поэтому, что даже и оставляя въ сторонѣ единоплеменность, по крайней мѣрѣ чехи между славянами западными приходятся намъ ближе, чѣмъ излюбленные нашимъ авторомъ оффиціально православные греки или румыны, въ настоящее время, въ культурныхъ своихъ слояхъ, довольно индифферентные, какъ извѣстно, въ вопросахъ вѣры и церкви.

Почтенный авторъ въ концѣ своего предисловія говоритъ: «ни Гвельфы, ни Гибеллины, ни феодалы консерваторы, ни третье сословіе — буржуа-либералы, ни демократы-соціалисты — четвертые пласты, имѣя свое собственное соціальное устройство, во многихъ отношеніяхъ отличное отъ таковаго Европы, мы должны внимательно изучать эти партіи, эти мятежныя согласія, эти секты, не вмѣшиваясь въ ихъ распри и не заражаясь ихъ страстями... Но такъ какъ Европа состоитъ изъ государствъ, которыя суть реальныя силы, имѣющія каждая свои особые интересы, то всякій честный русскій, по нашему мнѣнію, долженъ желать для своего отечества, чтобы оно старалось жить въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми ними»... И мы съ свою очередь готовы совѣтовать нашему отечеству подобную тишь да гладь, т. е. не совѣтовать ему войны; но мы полагаемъ, что Россія, если, кромѣ «тиши да глади», она имѣетъ въ виду и «божью благодать», едва ли должна, что касается внутренняго положенія европейскихъ обществъ, держаться правила: «моя хата съ краю». Коль скоро мы имѣемъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «свое собственное соціальное устройство, во многихъ отношеніяхъ отличное отъ таковаго Европы», другими словами, если на нашемъ знамени стоитъ община, а не индивидуализмъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были держать это знамя взаперти у себя дома (а по мнѣнію нѣкоторыхъ и у себя-то его изорвать въ клочки). Мы полагаемъ, что подъ это знамя издавна уже инстинктивно стремятся многіе на самомъ западѣ — на томъ основаніи, что не всегда же, по словамъ Достоевскаго, какой нибудь горсти избранныхъ будетъ приноситься въ жертву все остальное человѣчество. Мы полагаемъ, что наши прямые союзники — не въ тѣхъ или другихъ европейскихъ государствахъ, а въ «чающихъ движенія воды» слояхъ европейскаго общества, до сихъ поръ еще и не жившихъ настоящею жизнію. Другими словами, наша сила въ уразумѣніи той великой исторической задачи, которой никогда не рѣшатъ, при демонскомъ своемъ властолюбіи, запятнанные преступленіями дѣятели всесвѣтной революціи, но на настоятельность рѣшенія которой не даромъ указываетъ государству, по внушенію своего дальновиднаго ума, геніальный Бисмаркъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы бы дѣйствительно могли съ нимъ вступить въ союзъ, чтобы впослѣдствіи поразить его самого полнотою своей послѣдовательности; но именно этого и не рекомендуютъ наши домашніе бисмарки. Мы же увѣрены въ томъ, что именно въ широкой постановкѣ вопросовъ общественныхъ

задачъ какъ у себя дома, такъ и въ европейской семьѣ, и заключается наше: «симъ побѣдиши». Отъ этого, и только отъ этого, зависитъ и совершенное упраздненіе нигилизма, и безпрепятственное вступленіе наше въ Царьградъ— не столько въ прямомъ, сколько въ иносказательномъ смыслѣ этого выраженія.

Предоставленные нашей замѣткѣ размѣры заставили насъ написать ее въ видѣ положеній, могущихъ, пожалуй, показаться бездоказательными. Но мы не теряемъ надежды найти себѣ уголокъ, гдѣ бы можно было вполнѣ обосновать и развить эти положенія.

Настоящую же замѣтку о крупномъ трудѣ В. И. Ламанскаго окончимъ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы, къ чести русскаго имени, европейская наука все болѣе и болѣе обогащалась подобными вкладами. Не смотря на наше разногласіе съ нѣкоторыми положеніями автора, мы, вмѣстѣ со множествомъ его почитателей, гордимся тѣмъ, что можемъ считать его своимъ соотечественникомъ. Мы отъ всей души привѣтствуемъ ту школу молодыхъ славистовъ, которую, какъ извѣстно, умѣлъ создать В. И. Ламанскій. Мы бы только пожелали его ученикамъ — именно для того, чтобы изъ ихъ рядовъ могли выйти многочисленные Ламанскіе — побольше самостоятельности, т. е. поменьше готовности jurare in verba magistri.

Ор. Миллеръ.

Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи, Н. Ф. Хованскаго. Выпускъ первый. Съ портретомъ А. Н. Радищева и видомъ части г. Саратова. Саратовъ. 1884.

Вышедшая недавно, съ такимъ заглавіемъ, въ Саратовѣ книга представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей провинціальной печати.

Содержаніе этой небольшой книжки (235 стр. in 16°) распредѣлено авторомъ на шесть отдѣловъ: I. Кой-что вообще о г. Саратовѣ [1]) и Саратовской губерніи. II. Библіографія сочиненій, касающихся саратовскаго края. III. Библіографическій указатель мѣстныхъ изданій. IV. Наши писатели, ученые, воины и государственные люди. V. Географическій очеркъ губерніи съ указателемъ двойныхъ названій селъ. VI. Началo исторіи саратовскаго края.

Изъ всѣхъ этихъ отдѣловъ наиболѣе важную—какъ въ мѣстной, такъ и въ печати вообще—новость составляютъ три средніе отдѣла, особенно же четвертый: попытка ввести въ исторію русской литературы и жизни отдѣльныя группы провинціальныхъ дѣятелей данныхъ мѣстностей или извѣстнаго областнаго района съ присоединеніемъ къ нимъ лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ этому району или краю—по своему ли рожденію, или по воспитанію, или же по дѣятельности — такая попытка заслуживаетъ полнаго уваженія. Удачно выполненная, она многое освѣтитъ въ исторіи нашей литературы и жизни, въ исторіи духовнаго роста провинцій и въ исторіи областнаго прогресса. На первый разъ, въ этотъ пробный, такъ сказать, выпускъ вошли біографіи, частью довольно обстоятельныя, частью же отрывочныя,

---

[1]) Намъ кажется, что лучше было бы писать о Саратовѣ, чѣмъ о г. Саратовѣ (какъ-будто бы о господинѣ Саратовѣ); или же писать полностію о городѣ Саратовѣ.

бѣдныя фактами—А. Н. Радищева, І. Х. Гамеля, А. М. Княжевича, А. Ф. Леопольдова, С. П. Шевырева, А. В. Попова, А. К. Жуковскаго (поэтъ Вернетъ), И. И. Введенскаго, Д. И. Губера, А. У. Порѣцкаго. А. И. Артемьева, Я. П. Буткова, Г. Е. Благосвѣтлова, А. Н. Пыпина, И. А. Салова, А. И. Соколова и П. Н. Яблочкова. Я указалъ только на біографіи лицъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны всей читающей Россіи. Но въ книгѣ г. Хованскаго имѣются коротенькія біографіи или бѣглыя упоминанія лицъ другихъ категорій—или мѣстныхъ писателей, какъ напр. И. Г. Воронина, А. А. Лунина, Г. Д. Коровина, В. И. Дурасова, С. С. Гусева, А. А. Кулакова, П. М. Волохова, или наконецъ дѣятелей другихъ сферъ, имѣющихъ къ данному краю отношенія или по своему рожденію, воспитанію, или по общественной дѣятельности, какъ напр. г. Скопинъ, Г. И. Чернышевскій (отецъ Н. Г. Чернышевскаго), протоіер. Росницкій, генералъ Слѣпцовъ и нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ саратовской семинаріи, получившихъ впослѣдствіи или большіе чины (дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ) или епископскія митры (Петръ, еписк. томскій, Нестеръ—аксайскій, Гурій—архіеп. таврическій).

По отношенію къ этому отдѣлу, г-ну Хованскому можно было бы сдѣлать одинъ упрекъ:—отдѣлъ этотъ далеко не исчерпываетъ своего предмета. Но авторъ «Очерковъ» предвидѣлъ этотъ упрекъ и предупредилъ его. «Работа наша — говоритъ г. Хованскій — представляетъ первый опытъ группировки въ одно цѣлое лучшихъ умственныхъ силъ нашего края и мы полагаемъ, что при всемъ несовершенствѣ этого опыта, онъ даетъ немаловажный матеріалъ для сужденія о краѣ съ историко-этнографической точки зрѣнія», и поясняетъ: «въ настоящемъ собраніи біографій читатель не встрѣтитъ многихъ знакомыхъ ему именъ, но пусть за это не винитъ насъ, ибо мы поставлены были въ невозможность получить свѣдѣнія о многихъ дѣятеляхъ какъ покойныхъ, такъ и живыхъ, и чтобы не отлагать на долгое время изданіе нашей книги, вынуждены были составленіе другихъ біографій оставить до слѣдующаго выпуска» (стр. 38).

Конечно, съ этимъ нельзя не согласиться, хотя жаль, что въ первомъ выпускѣ, въ этомъ пробномъ провинціальномъ дебютѣ, читатель не встрѣтитъ такихъ именъ, къ которымъ вполнѣ можно было бы примѣнить слова Пушкина, въ видѣ дружескаго упрека обращенныя къ Бестужеву, который въ статьѣ «О старой и новой словесности въ Россіи» забылъ Радищева... «Кого-же будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу, и отъ тебя я его не ожидалъ». Впрочемъ, мы приводимъ эти слова совсѣмъ не въ видѣ упрека г-ну Хованскому, а только въ видѣ сожалѣнія.

Равнымъ образомъ и нѣкоторыя, уже напечатанныя біографіи, страдаютъ крайнею неполнотою, а нѣкоторыя свѣдѣнія изъ новѣйшей, современной почти исторіи Саратова не вполнѣ точны, хотя бы напр. о возбужденіи въ Саратовѣ вопроса объ университетѣ. Гораздо раньше г. Блюммера и ранѣе 60-хъ годовъ, а именно во второй половинѣ 50-хъ—о необходимости открытія въ Саратовѣ университета много писалось проживавшими тогда въ этомъ городѣ Н. И. Костомаровымъ, И. А. Ганомъ и пишущимъ сіи строки, и при томъ проводилась мысль объ открытіи университета общественнаго, на средства общества, которое въ этомъ дѣлѣ было бы заинтересовано; указывались даже средства, какъ реализировать этотъ проектъ.

Изъ біографическихъ очерковъ наиболѣе обстоятельными являются въ трудѣ г-на Хованскаго: о Радищевѣ, Леопольдовѣ, Губерѣ, Шевыревѣ, Введенскомъ и Пыпинѣ.

По поводу біографическихъ свѣдѣній о Введенскомъ я считаю необходимымъ разъяснить нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся меня лично. Въ біографіи Введенскаго г. Хованскій приводитъ выдержку изъ моихъ отзывовъ о переводчикѣ Диккенса, но изъ какой моей статьи взята эта выдержка, г. Хованскій не говоритъ. Мнѣ почему-то помнится, что (выдержка) приводимое г-мъ Хованскимъ мѣсто изъ моихъ отзывовъ о Введенскомъ находится въ «Письмахъ мистера Плюмпуддинга», которыя я печаталъ когда-то въ «Новомъ Времени»; но такъ какъ у меня нѣтъ подъ рукою этихъ писемъ, то я не могу утверждать, что этотъ отзывъ взятъ именно оттуда. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ. Для характеристики Введенскаго авторъ «Очерковъ» приводитъ слѣдующее: «О Введенскомъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ вспоминаетъ Д. Л. Мордовцевъ: «Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ въ саратовской семинаріи учился молоденькій бурсачекъ, котораго товарищи звали Иринархушкой. Это былъ извѣстный впослѣдствіи даровитѣйшій изъ всѣхъ англійскихъ переводчиковъ—переводчикъ Диккенса и Теккерея—Ир. Введенскій. Какъ теперь вижу передъ собою этого живаго, симпатичнаго юношу, часто съ задумчивыми и кроткими, какъ у дѣвочки, глазами... Память у мальчика была необыкновенная. Смотрѣли на него—и семинарское начальство и товарищи, какъ на явленіе феноменальное. Онъ жадно читалъ все, что могъ выскребсти въ саратовской умственной тундрѣ 30-хъ годовъ. Мало того, при совершенномъ отсутствіи преподаванія иностранныхъ языковъ, Введенскій какимъ-то чудомъ успѣлъ прекрасно усвоить французскій и впослѣдствіи англійскій языкъ» (Очерки, 99—100).

Вопервыхъ — въ концѣ 20-хъ годовъ я еще не родился, и потому не могъ «видѣть живого, симпатичнаго юношу»... Видѣлъ его, конечно, мистеръ Плюмпуддингъ, о чемъ онъ и оповѣстилъ въ своихъ письмахъ, которыя мною и были напечатаны. Я же въ первый разъ увидѣлъ Введенскаго въ 1852 году, уже самъ будучи студентомъ, когда Введенскій и М. И. Сухомлиновъ читали у насъ въ университетѣ (Петербургскомъ) пробныя лекціи.

Вовторыхъ, въ «дополненіи» къ «Очеркамъ» г. Хованскаго, въ замѣткѣ—«Кой-что объ И. И. Введенскомъ и нѣкоторыхъ другихъ воспитанникахъ саратовской духовной семинаріи» — неизвѣстный авторъ говоритъ: «Мнѣ, какъ близко знакомому съ Ир. Ив. Введенскимъ, странными кажутся нѣкоторыя сообщенія о немъ, появившіяся въ печати. Такъ. напр., Мордовцевъ сообщилъ, что будто Введенскій въ бытность его (чью?—мою?—но я въ семинаріи никогда не учился) въ семинаріи бывалъ приглашаемъ мѣстнымъ архіереемъ для совмѣстнаго чтенія французскихъ и англійскихъ авторовъ,—это не правда; никогда и никто въ саратовской семинаріи ничего подобнаго не говорилъ и не слышно было отъ другихъ постороннихъ лицъ» (Очерки, стр. 177—178).

Но опять таки—вопервыхъ—мистеръ Плюмпуддингъ не говорилъ вовсе, что Введенскій усвоилъ себѣ англійскій языкъ (но не французскій) въ семинаріи; онъ сказалъ—«впослѣдствіи».

Вовторыхъ, относительно чтенія французскихъ авторовъ совмѣстно съ архіереемъ мнѣ сообщалъ, въ 70-хъ годахъ, священникъ саратовско-воскресенской церкви, почтеннѣйшій Матвѣй Михайловичъ Розановъ, который зналъ Введенскаго въ семинаріи и можетъ лично подтвердить то, что сообщалъ мнѣ.

Впрочемъ, замѣчанія эти сдѣланы только кстати, для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній; въ общемъ же, трудъ г. Хованскаго заслуживаетъ полнаго одобренія. Желательно только, чтобъ пробнымъ выпускомъ и не кончилось задуманное дѣло.

Д. Мордовцевъ.

Художественная Россія. Общедоступное описаніе нашего отечества. Изданіе П. Н. Полеваго. Томъ I. Выпуски 1—5. Спб. 1884.

Потребность въ общедоступномъ иллюстрированномъ описаніи Россіи ощущается уже давно. До сихъ поръ, всѣ попытки въ этомъ родѣ были крайне неудачны, такъ какъ за дѣло принимались лица или вовсе къ нему неподготовленныя, или имѣвшія въ виду исключительно лишь однѣ комерческія цѣли. Для примѣра укажемъ на «Живописную Россію» покойнаго книгопродавца Вольфа, которая, несмотря на значительныя затраты издателя, и исполнена неудовлетворительно и недоступна по цѣнѣ для публики. По этому, мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе первыхъ выпусковъ, предпринятаго г. Полевымъ изданія, подъ заглавіемъ «Художественная Россія». При многолѣтней издательской опытности г. Полеваго и его литературномъ и художественномъ вкусѣ, мы вправѣ ожидать, что это изданіе удовлетворитъ вполнѣ требованіямъ русскихъ образованныхъ читателей. Судя по первымъ пяти выпускамъ «Художественной Россіи» заключающимъ въ себѣ описаніе Великаго Новгорода и его пригородовъ, эти ожиданія оправдываются. Здѣсь читатель найдетъ въ живомъ, литературномъ изложеніи и исторію Новгорода и описаніе его современнаго состоянія, торговли, промысловъ, судоходства, особенностей быта, наиболѣе замѣчательныхъ мѣстностей, біографіи и характеристики выдающихся личностей и т. п. Все это поясняется множествомъ иллюстрацій, значительная часть которыхъ появляется въ первый разъ, благодаря обширному художественному матеріалу, тщательно собранному и провѣренному издателемъ на мѣстѣ. Рисунки въ первыхъ выпускахъ исполнены очень хорошо, за немногими лишь исключеніями; но тотъ кто знаетъ съ какими трудностями приходится бороться у насъ при исполненіи и печатаніи иллюстрацій, не поставитъ этого въ упрекъ издателю. Мы искренно желаемъ, чтобы полезное предпріятіе г. Полеваго встрѣтило въ публикѣ сочувствіе и поддержку, тѣмъ болѣе, что и цѣна за «Художественную Россію» назначена весьма умѣренная. Мы еще вернемся къ этому изданію и дадимъ о немъ болѣе подробный отзывъ, когда будетъ законченъ первый томъ.

С. Ш.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура, скульптуры, живопись, музыка. Для школъ, самообученія и справокъ. Съ 134 рисунками, переводъ Ѳ. Булгакова. Спб. 1884.

Вильгельмъ Любке принадлежитъ къ числу уважаемыхъ нѣмецкихъ писателей по части искусствъ. Въ молодости онъ занимался филологіею, но уже 30-ти лѣтъ, въ 1857 году, поступилъ учителемъ исторіи архитектуры въ строительную берлинскую академію. Потомъ онъ былъ профессоромъ исторіи

искусствъ въ Цюрихѣ, Штутгартѣ и пріобрѣлъ почетную извѣстность своими лекціями и, въ особенности, своими сочиненіями по избранному имъ предмету. Изъ книгъ «Очеркъ исторіи искусствъ» выдержалъ 8 изданій, «Исторія архитектуры»,—5, «Исторія пластики»—3, (издана въ 1873 году г. Солдатенковымъ въ переводѣ В. Чаева). Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько сочиненій по отдѣльнымъ искусствамъ: церковной архитектурѣ, живописи, объ эпохѣ Возрожденія и др. Русскій переводчикъ «Иллюстрированной исторіи искусствъ» совершенно основательно обращаетъ вниманіе на значительныя преимущества этой книги сравнительно съ другими руководствами по тому же предмету. Метода Любке представляетъ удачное соединеніе хронологической и этнографической системы изложенія. Книга его дѣйствительно пригодна для школъ, самообученія и справокъ, какъ сказано въ заголовкѣ. Это ведетъ, конечно, къ сжатости и нѣкоторой сухости изложенія, зато Любке говоритъ только о тѣхъ созданіяхъ искусства, которыя признаны образцовыми, имѣютъ общеевропейское значеніе, и опускаетъ подробности, интересныя только для спеціалистa. Лучше всего у него обработаны пластическія искусства, полнѣе всего архитектура, слабѣе музыка. Въ этомъ послѣднемъ искусствѣ многое, конечно, зависитъ отъ вкуса, отъ индивидуальныхъ расположеній къ тому или другому роду мелодіи или гармоніи. Россія вовсе игнорируется авторомъ, такъ же какъ сѣверныя и славянскія племена. Изъ 500 слишкомъ именъ художниковъ, помѣщенныхъ въ указателѣ, нѣтъ ни одного русскаго. Рисунки подобраны вообще хорошо, но и въ нихъ встрѣчаются пробѣлы. Такъ, въ отдѣлѣ византійской архитектуры изображены только внутренность храма св. Виталія въ Равеннѣ, да планъ св. Софіи въ Константинополѣ; въ мусульманской архитектурѣ нѣтъ ни Альгамбры ни Генералифа и т. п. Въ живописи среднихъ вѣковъ и новѣйшихъ временъ, всего лишь 33 рисунка и всѣ религіознаго содержанія, кромѣ двухъ иллюстрацій — Дюрера и Вандика. Всѣ эти мелкіе недостатки книги относятся, конечно къ ея автору, — а не къ ея русскому переводчику, исполнившему свой трудъ вполнѣ добросовѣстно.

В. З.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1882 годъ. С.-Петербургъ. 1884.

Отчеты императорской публичной библіотеки, не смотря на нѣкоторое запаздываніе въ выходѣ ихъ въ свѣтъ, представляются интересными какъ по тѣмъ пріобрѣтеніямъ, которыя ежегодно пополняютъ библіотеку, такъ и въ отношеніи пользованія ею со стороны читателей.

Изъ отчета библіотеки за 1882 годъ, недавно вышедшаго изъ печати, видно, что въ этомъ году библіотекою были пріобрѣтены весьма рѣдкія рукописи и книги, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ небольшое, но драгоцѣнное собраніе греческихъ пергаменныхъ рукописей, купленное у Н. К. Николаидеса и заключающее въ себѣ рукописныя книги религіознаго содержанія, относящіяся къ XI, XII и XIII вѣкамъ; важнѣйшія изъ нихъ, какъ напр. номоканонъ съ толкованіями Аристина, подробно описаны, въ приложеніи къ «Отчету», И. А. Бычковымъ; далѣе слѣдуетъ цѣлое собраніе автографовъ Ѳ. К. Опочинина, завѣщанное имъ библіотекѣ и состоящее

изъ писемъ и записокъ царствующихъ особъ, государственныхъ дѣятелей, духовныхъ лицъ, писателей и ученыхъ; бумаги знаменитаго собирателя сербскихъ народныхъ пѣсенъ Вука Стефановича Караджича, купленныя отъ сына его Вука Караджича и состоящія главнымъ образомъ изъ собранныхъ имъ пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и проч.; сатиры князя А. Д. Кантемира, въ первоначальной ихъ редакціи; два дѣла петербургской казенной палаты объ опредѣленіи нашего баснописца И. А. Крылова, въ 1783 году, на службу въ палату и объ увольненіи его, въ 1786 году, отъ службы; письма исторіографа Н. М. Карамзина и поэта И. И. Дмитріева къ г. Сенъ-Тома; письмо Н. В. Гоголя къ Загоскину; автографъ романа М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» и проч. Изъ числа пріобрѣтенныхъ библіотекою печатныхъ книгъ обращаетъ на себя вниманіе переданная по высочайшему повелѣнію книга, находившаяся въ числѣ документовъ императора Александра Николаевича: «Манифестъ или объявленіе, которое чтено въ столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ и Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Министрахъ и прочіихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; лѣта 1718, марта въ 5 день»; затѣмъ слѣдуетъ указать на многотомныя приношенія частныхъ лицъ, именно: графа К. Ѳ. Литке, директора королевской библіотеки въ Стокгольмѣ, доктора Клемминга Л. Креля, въ Лейпцигѣ. Изъ числа печатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ самою библіотекою, по рѣдкости и цѣнности замѣчательны нѣмецкіе летучіе листы XVI вѣка, касающіеся Россіи, частію совершенно неизвѣстные еще библіографамъ; листки эти, пополнившіе отдѣлъ библіотеки «Rossica», подробно описаны въ приложеніи къ «Отчету» К. Ѳ. Феттерлейномъ вмѣстѣ съ другими пріобрѣтенными библіотекою документами, относящимися къ тому же времени. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе: классическое, весьма рѣдкое сочиненіе «Le Sérapéum de Memphis décevert et décrit pas Aug. Mariette»; собраніе снимковъ съ наиболѣе важныхъ памятниковъ и надписей, добытыхъ изъ развалинъ Персеполя, съ примѣчаніями профессора Нельдеке; извѣстная превосходно изданная монографія о соборѣ св. Марка въ Венеціи, начатая въ 1843 г. нѣмецкимъ художникомъ Крейцомъ и оконченная въ 1881 году итальянскимъ издателемъ, Онганіа и проч.

Художественное отдѣленіе библіотеки пополнилось портретомъ гравера Скородумова, подареннымъ ректоромъ академіи художествъ, нынѣ покойнымъ, Ѳ. И. Іорданомъ, снимкомъ съ портрета Петра I, находящагося въ Берлинѣ и доселѣ еще неизвѣстнаго, и нѣсколькими фотографіями и эстампами.

Всего библіотекою въ отчетномъ гогу было пріобрѣтено печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листковъ 21.673 сочиненія, въ 24,462 томахъ; въ этомъ числѣ доставлено цензурнымъ вѣдомствомъ и разными учрежденіями 11,792 соч. въ 12,384 т. и пожертвовано частными лицами 7,064 соч. въ 7,897 т. Всѣхъ рукописей и автографовъ пріобрѣтено 576 (изъ нихъ 450 было пожертвовано частными лицами); картъ и плановъ — 178; эстамповъ и фотографій—1,169 и наконецъ нотъ 620 экземпляровъ.

Кромѣ работъ по каталогизаціи всей этой массы рукописей, книгъ, эстамповъ и проч., въ отчетномъ году въ библіотекѣ производились и другія ученыя работы, какъ напр. директоромъ библіотеки окончено печатаніе 3-го выпуска 1 части «Описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ», а библіотекарь Гаркави продолжалъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ и описаніемъ пергаменныхъ фрагментовъ изъ библейскихъ рукописей коллекціи Фирковича.

На ряду съ такимъ обогащеніемъ перваго русскаго книгохранилища, годъ отъ году увеличивающимъ письменныя и печатныя его сокровища, производились улучшенія и во внутреннемъ его устройствѣ; въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе помѣщеніе, на стѣнахъ библіотеки, мраморныхъ плитъ съ надписями, снятыхъ съ турецкихъ крѣпостей, срытыхъ русскими саперами по окончаніи войны 1877—1878 годовъ, (описаніе этихъ памятниковъ приложено къ «Отчету»); устройство особаго хранилища печатныхъ сочиненій о Святой Землѣ и образованіе отдѣльнаго собранія сочиненій римскаго поэта Горація, хранящихся въ огромномъ числѣ въ библіотекѣ.

Содержаніе личнаго состава библіотеки въ 1882 году обошлось въ 24,519 руб.; на пріобрѣтеніе рукописей и книгъ и на печатаніе каталоговъ и отчетовъ израсходовано 24,103 р. (въ 1881 году 21,568 р.); на переплеты 6,165 р., на составленіе инвентарей и карточекъ—1765 р. Содержаніе зданій библіотеки, отопленіе, освѣщеніе и проч. стоило болѣе 14,000 рублей.

Билетовъ для занятій въ библіотекѣ было выдано 12,322 (въ 1881 году 12,277), въ томъ числѣ лицамъ женскаго пола 1,984, а читателей въ общей залѣ было 121,154 (въ 1881 году 115,985). Изъ мужскаго персонала, занимавшагося въ библіотекѣ въ теченіе 1882 года, наибольшее число составляютъ учащіеся и окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, именно 3,738; затѣмъ слѣдуютъ чиновники—1,685, мѣщане и цѣховые—893, дворяне—состоящіе на частной службѣ и неслужащіе—851, офицеры всѣхъ ранговъ — 615; есть наконецъ и крестьяне, занимавшіеся въ библіотекѣ въ числѣ 291, и нижніе чины вѣдомствъ: военнаго—123 и морскаго—7. Изъ женскаго персонала болѣе всего занимались въ библіотекѣ жены и дочери дворянъ и чиновниковъ — 800, далѣе идутъ слушательницы различныхъ курсовъ — 600, и изъ нихъ на долю высшихъ женскихъ курсовъ приходится 407; женъ и дочерей мѣщанъ и крестьянъ было 146; наконецъ, явилась одна артистка здѣшнихъ театровъ.

По времени года болѣе всего читателей приходится на октябрь и ноябрь—по 14 слишкомъ тысячъ, а менѣе всего—на іюль и іюнь—5 и 6 тысячъ. Посѣтителей въ библіотекѣ было 4,240 (въ 1881 году 4,101).

Книгъ было вытребовано читателями, какъ изъ отдѣленій, такъ и изъ библіотеки при читальной залѣ, 228,983 тома (въ 1881 году 209,085 т.), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 194,683 т. (въ 1881 году 174,527). Отказано было въ требованіяхъ 10,725 по отдѣленіямъ и 14,284 изъ библіотеки при читальной залѣ; при этомъ обращаетъ на себя вниманіе то, что 2,205 требованіямъ было отказано по неимѣнію сочиненій.

Изъ русскихъ книгъ большее число требованій приходилось на періодическія изданія—15,126; затѣмъ идутъ исторія и ея вспомогательныя науки—2,768, юридическія и политическія науки—2,238, полиграфія—2,237. По тѣмъ же предметамъ преобладали требованія и на иностранныя книги.

Изъ 404 повременныхъ изданій, выходившихъ въ 1882 году на русскомъ и славянскомъ языкахъ, болѣе всего требовались литературные журналы: «Отечественныя Записки»—2,976 разъ, «Русская Рѣчь»—1,720, «Дѣло»—1,342 и «Вѣстникъ Европы»—1,296; изъ историческихъ журналовъ: «Историческій Вѣстникъ»—1,407 разъ и «Русская Старина»—506; изъ техническихъ журналовъ «Зодчій»—357 и «Техническій Сборникъ»—191; изъ духовныхъ журналовъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ» — 142 и «Православное Обозрѣніе»—103; изъ дѣтскихъ «Семейные Вечера»—130 и «Семья и Школа»—121;

изъ газетъ «Правительственный Вѣстникъ»—830 и «Новое Время»—694. Не были забыты и провинціальныя изданія и изъ нихъ большее число требованій поступило на «Кіевскую Старину» — 156 разъ, «Кронштадтскій Вѣстникъ—148 и «Кавказъ»—123; изъ Губернскихъ Вѣдомостей чаще справлялись Курскія, именно 94 раза. 76 повременныхъ изданій не были требуемы ниразу.

Изъ французскихъ періодическихъ изданій болѣе всего требовалась «Revue des deux Mondes»—631 разъ; изъ нѣмецкихъ—«St.-Peterburger Herold» — 109; изъ польскихъ «Ateneum»—503, изъ армянскихъ «Мшакъ»—140; изъ грузинскихъ «Дроэба»—108; изъ еврейскихъ «Hakermel»—66 разъ.

М. Городецкій.

Ученіе объ отцовской власти по римскому праву. Л. Н. Загурскаго. Харьковъ. 1884.

Сочиненіе это составляетъ вторую часть обширнаго труда, несящаго названіе «Личныя отношенія между родителями и дѣтьми по римскому и французскому праву». Первая часть вышла въ 1881 году подъ заглавіемъ «Ученіе о законнорожденности и незаконнорожденности по римскому праву». Обѣ части заключаютъ въ себѣ историческое изслѣдованіе извѣстной юридической формулы: «законнорожденныя дѣти принимаютъ юридическое положеніе своего отца и подчиняются его власти». Вторая часть изслѣдуетъ главнымъ образомъ развитіе идеи объ обязанности родителей по отношенію къ своимъ дѣтямъ въ связи съ законною защитою дѣтей. Сочиненіе г. Загурскаго вполнѣ исчерпываетъ свой предметъ. Сначала онъ изслѣдуетъ права отца надъ личностью своихъ дѣтей, характерѣ отцовской власти по римскому праву, праве произвести выкидышъ (procuratio abortus) или выбросить своего ребенка (expositio). Затѣмъ говорится о правахъ отца, объясняемыхъ экономической точкой зрѣнія, о дисциплинарной сторонѣ отцовской власти, о вѣчной обязанности дѣтей оказывать почтеніе родителямъ (reverentia). Сравнительно съ этимъ разсмотрѣны формулы отцовской власти галловъ и галло-римлянъ. Что касается до обязанностей отца относительно своихъ дѣтей, то въ этомъ отдѣлѣ изложены: характеръ обязанности отца (pietas, officium) обязанность воспитанія (disciplina) дѣтей, ихъ содержаніе родителями (alimenta), обязанность, впрочемъ весьма ограниченная, — содержать и воспитывать незаконнорожденныхъ, общественное призрѣніе дѣтей (alimenta publica), наконецъ, обязанность давать приданое дочерямъ. Въ заключеніе указывается на историческій ходъ развитія этого вопроса, на ограниченіе по кодексу Юстиніана абсолютной власти отца надъ дѣтьми, какою онъ пользовался въ древнемъ Римѣ, на вмѣшательство суда, въ случаѣ упорнаго отказа отца на бракъ сына или на выдачу приданаго дочери, на необходимость обращенія въ судъ, въ случаѣ неуспѣшности принятыхъ отцомъ дисциплинарныхъ мѣръ, на установленіе между родителями и дѣтьми взаимнаго права и обязанности на содержаніе (obligatio correlata) и проч. Но все-таки власть отца, хотя и могла быть передана его женѣ, въ случаѣ неисполненія имъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ, была до того велика, что отецъ могъ продавать своихъ новорожденныхъ дѣтей, съ правомъ выкупить ихъ впослѣдствіи за деньги или замѣнить рабомъ той же цѣнности. Сочиненіе г. За-

гурскаго изобилуетъ цитатами, доказывающими большую начитанность. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ всѣхъ цитированныхъ авторовъ, числомъ болѣе 300.

В. З.

Новыя книги по исторіи Пермскаго края.

Сборникъ статей Н. К. Чупина, изд. Пермскаго губернскаго статистическаго комитета, вып. 1-й, in 8°, Пермь, 1882 г.

В. Н. Шишонко. Пермская лѣтопись съ 1263 по 1881 годъ, изд. Пермскаго губернскаго земства, т. I и II, in 8°, Пермь, 1881—1882 гг.

А. Д. Дмитріевъ. Отдѣльные оттиски статей по исторіи Пермскаго края изъ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1882—1884 гг.

Область Пріуральскаго покамья, древняя «Пермь Великая»; заключаетъ въ себѣ весьма обильный матеріалъ этнографическій, археологическій и историческій. Составляя дальнѣйшее, сѣверо-восточное, продолженіе Волжско-Камскаго края въ географическомъ отношеніи, Пермскій край являетъ собою самостоятельное цѣлое въ отношеніяхъ этнографическомъ и историческомъ. Этотъ край не входилъ въ составъ Булгарскаго Поволжья и, будучи издавна населенъ двумя финскими племенами, зырянами и вогулами, ранѣе другихъ восточныхъ окраинъ теперешняго Русскаго государства подвергся вліянію русскаго народа. Великая Пермь была изстариною, исконною волостью Великаго Новгорода, и предпріимчивые новгородцы являются въ ея предѣлахъ съ XIII вѣка. Такими новгородцами были и Строгановы, которые, начиная съ XIV вѣка, колонизируютъ Пермскій край русскими и разработываютъ его природныя богатства. Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на происхожденіи этой замѣчательной русской фамиліи.

При теперешнемъ знакомствѣ нашемъ съ новгородской исторіей, преданіе о происхожденіи купцовъ Строгановыхъ отъ крещенаго татарскаго мурзы, взятаго татарами въ плѣнъ и застроганаго ими до смерти — не выдерживаетъ критики. Строгановы никогда не были торговыми людьми; они были колонизаторами-хозяевами и богатыми вотчинниками въ Пермскомъ краѣ. Но Строгановы не были и служилыми людьми: никто изъ нихъ не состоялъ на службѣ у царей московскихъ. Права Строгановыхъ были исключительны и своеобразны. Они были именитые люди, изъятые изъ вѣдѣнія и суда московскихъ приказовъ, намѣстниковъ и воеводъ; крестьяне и работники, живущіе на ихъ обширныхъ земляхъ и заводахъ, пользовались той же привиллегіей. Еще Н. Г. Устряловъ, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, обратилъ вниманіе на нелѣпость преданія о татарскомъ происхожденіи и купечествѣ Строгановыхъ,—преданія, сложившагося въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка, и противопоставилъ ему другое—новгородское преданіе, ведущее Строгановыхъ изъ стародревняго новгородскаго дома Добрыниныхъ (см. Именитые люди Строгановы, Спб., 1842 г., стр. 1—2). Фамилія Добрыниныхъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ фамилій изъ новгородскихъ земскихъ бояръ. Устряловъ не подозрѣвалъ о существованіи этого аристократическаго новгородскаго общественнаго класса, но теперь, послѣ изслѣдованій о Новгородѣ Н. И. Костомарова, И. Д. Бѣляева и А. И. Никитскаго, мы очень хорошо знаемъ, какую политическую силу представляли изъ себя именитые люди, земскіе новгородскіе бояре. Пишущій эти строки вы-

сказалъ уже на страницахъ «Историческаго Вѣстника» свои соображенія относительно того обстоятельства, почему новгородскія боярскія фамиліи въ Москвѣ должны были скрывать ихъ настоящее происхожденіе [1]). Скрывали свое новгородское происхожденіе предки Романовыхъ и Шереметевыхъ-Кошкиныхъ, скрывали его, а потомъ совсѣмъ забыли, и Строгановы.

Съ конца XV вѣка, Великая Пермь входитъ въ составъ московскаго государства, а столѣтіемъ позже Строгановы получаютъ отъ Іоанна Грознаго земли по Камѣ на пространствѣ 146 верстъ, являясь съ того времени самыми богатыми вотчинниками въ Пермской области. Призванный ими для защиты отъ набѣговъ на ихъ владѣнія зауральскихъ татаръ Ермакъ Тимоѳеевичъ съ казацкою дружиною покоряетъ подъ власть Московскаго государства владѣнія царя Кучума — царство Сибирское. Въ XVII вѣкѣ черезъ Пермскую землю прокладываются торговые пути въ Сибирь, вслѣдствіе чего она начинаетъ получать важное торговое значеніе. Естественныя минеральныя богатства Камскаго Пріуралья, которыя начали добываться еще Строгановыми, разрабатываются въ большихъ размѣрахъ съ XVIII вѣка по почину Петра Великаго. Горные заводы, казенные и частные, покрываютъ сѣтью Пермской край. Учрежденная въ 1775 году Пермская губернія своей территоріей занимаетъ большую часть Великопермской области. Поэтому изслѣдованіе великопермской этнографіи, археологіи и исторіи весьма естественно должно останавливать на себѣ вниманіе интеллигентныхъ классовъ города Перми.

Пермскіе дѣятели на научномъ поприщѣ, надо отдать имъ справедливость, усерднѣе многихъ другихъ мѣстныхъ дѣятелей сѣверо-восточныхъ русскихъ губерній изучаютъ свой родной край. Однимъ изъ первыхъ мѣстныхъ повременныхъ изданій въ Россіи еще въ концѣ 50-хъ годовъ является «Пермскій Сборникъ» Д. Д. Смышляева, редактированный съ большимъ знаніемъ дѣла и представляющій собраніе важныхъ изслѣдованій и любопытныхъ матеріаловъ по этнографіи, археологіи и исторіи Пермскаго края. Нельзя не выразить сожалѣнія, что наши провинціальныя изданія распространяются до того туго, что несмотря на сосѣдство Казани съ Пермью, мы не можемъ даже здѣсь своевременно получать пермскихъ изданій: не говоримъ уже о Петербургѣ и Москвѣ. Поэтому прежде всего мы должны извиниться передъ Пермскими учеными и передъ редакціей «Историческаго Вѣстника» въ нашемъ запоздаломъ отчетѣ. Выписанныя нами заглавія книгъ въ началѣ замѣтки показываютъ, что мѣстный губернскій статистическій комитетъ и губернское земство расширяютъ дѣятельность Д. Д. Смышляева на поприщѣ изученія Пермской губерніи. Изъ числа этихъ книгъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ сборникъ статей Чупина.

Н. К. Чупинъ († 12-го апрѣля 1882 г.) принадлежитъ къ весьма ученымъ и талантливымъ изслѣдователямъ Пермскаго края. Краткія біографическія о немъ свѣдѣнія уже были помѣщены на страницахъ «Историческаго Вѣстника» [1]), а потому мы не станемъ останавливаться на его личности, укажемъ лишь на ученыя его заслуги. Съ 1846 года тянется длинный рядъ замѣчательныхъ статей Чупина, разбросанныхъ по разнымъ, въ большинствѣ случаевъ малоизвѣстнымъ, періодическимъ изданіямъ. Сорокъ шесть статей его помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»,

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ» 1881 года, т. VI, стр. 189 — 190.

[1]) Тамъ же, 1882 г., т. X, стр. 617 — 629.

«Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Пермскомъ Сборникѣ», «Сборникѣ Пермскаго Земства», «Екатеринбургской Недѣлѣ», «Запискахъ Уральскаго Общества Естествознанія», «Ирбитскомъ Ярмарочномъ Листкѣ», «Горномъ Журналѣ», «Русской Старинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Первый выпускъ сборника статей Чупина заключаетъ въ себѣ лишь статьи изъ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (числомъ 17), всѣ остальныя вѣроятно войдутъ въ послѣдующіе выпуски, изданіе которыхъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидается каждымъ серьезнымъ изслѣдователемъ русской исторіи. Въ числѣ этихъ послѣднихъ статей находится самый капитальный трудъ Наркиза Константиновича: «Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи», доведенный имъ въ печати лишь до буквы Н. Неужели въ бумагахъ покойнаго не сохранилось продолженія этого важнаго труда, на который еще въ 1875 году обращалъ вниманіе К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей статьѣ о Татищевѣ. Изъ статей, вошедшихъ въ составъ перваго выпуска, самыми главными являются монографіи, посвященныя исторіи Екатеринбурга и дѣятельности въ Пермскомъ краѣ Вас. Никит. Татищева, написанныя главнымъ образомъ на основаніи мѣстнаго архивнаго матеріала. Статьи эти представляютъ весьма важныя дополненія и поправки къ біографическимъ изслѣдованіямъ о Татищевѣ, Н. А. Попова и К. Н. Бестужева-Рюмина. Въ 1860 году Чупинъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 263) замѣтку о библіотекѣ Татищева въ Екатеринбургѣ, не вошедшую въ разсматриваемый нами выпускъ сборника, но представляющую весьма большой интересъ въ виду имѣющаго быть 1886 года празднованія двухсотлѣтія со дня рожденія перваго русскаго историка. Поэтому считаемъ не лишнимъ привести сущность замѣтки Чупина.

Въ казенной библіотекѣ при горномъ управленіи въ Екатеринбургѣ, (заключающей въ себѣ болѣе 2,700 названій, кромѣ періодическихъ изданій) г. Чупина поразило прежде всего обиліе книгъ XVII и первыхъ тридцати лѣтъ XVIII вѣка, по военнымъ наукамъ, математикѣ, исторіи, географіи и наукамъ государственнымъ, не только на русскомъ, но и на многихъ иностранныхъ языкахъ. Затѣмъ, послѣ ближайшаго знакомства съ этими книгами, г. Чупинъ нашелъ между ними не мало библіографическихъ рѣдкостей, а на многихъ вензель «В. Т.» и отмѣтки рукою Татищева по русски и по нѣмецки о мѣстѣ покупки книгъ и о цѣнѣ ихъ. Въ 1737 году, Татищевъ, будучи назначенъ начальникомъ оренбургской экспедиціи, оставилъ всю свою библіотеку, болѣе 1,000 книгъ, заводскимъ школамъ, имъ основаннымъ и организованнымъ. Ясно, что книги, найденныя Чупинымъ въ екатеринбургской библіотекѣ, составляли именно библіотеку Татищева. Въ виду вышеуказаннаго чествованія памяти В. Н. Татищева, слѣдовало бы составить подробное описаніе его библіотеки въ Екатеринбургѣ и соединить всѣ его книги въ одно помѣщеніе, назвавъ эту коллекцію его именемъ. Замѣтимъ здѣсь также, что изученіе архивовъ астраханскаго и оренбургскаго несомнѣнно должно открыть новыя данныя для исторіи дѣятельности Татищева въ этихъ двухъ областяхъ. Изслѣдовать екатеринбургскую библіотеку Татищева и названные архивы всего ближе, конечно, Казанскому университету и Казанскому обществу археологіи, исторіи и этнографіи.

Директоръ училищъ Пермской губерніи В. Н. Шишонко предпринялъ сводъ всѣхъ свѣдѣній о Пермскомъ краѣ съ 1263 года до нашего времени, подъ названіемъ «Пермской лѣтописи». Въ настоящее время онъ довелъ

свою лѣтопись до 1645 года. Представляя собой весьма полезный для справокъ сводъ историческихъ данныхъ, полезный тѣмъ болѣе, что многія свѣдѣнія г. Шишонко заимствуетъ изъ мѣстныхъ архивныхъ документовъ и неизданныхъ мѣстныхъ лѣтописей, книга г. Шишонки страдаетъ дословной перепечаткой актовъ, иной разъ очень обширныхъ, изъ изданій археологической коммисіи; изъ такихъ актовъ, находящихся въ общедоступныхъ изданіяхъ, можно было бы дѣлать извлеченія; это уменьшило бы объемъ книги и удешевило бы ее. Цѣна книги очень высока: 2 тома, составляющіе 740 страницъ въ 8° долю листа, правда чрезвычайно убористой печати, продаются за 10 рублей; впрочемъ, эта высокая цѣна быть можетъ зависить отъ малаго количества экземпляровъ «Лѣтописи». Г. Шишонко кромѣ названной книги издалъ еще слѣдующіе важные для мѣстной исторіи источники:

1) Соликамскія писцовыя книги 1623 — 1624 годовъ.

2) Переписныя Осинскія книги 1678 года.

3) Книги сошнаго письма г. Чердыни и Чердынскаго уѣзда 1579 года.

4) Книги Соликамскаго Вознесенскаго монастыря.

5) Исторію гг. Строгановыхъ.

6) Межевыя книги кунгурскаго воеводы Поливкина 1675 года.

7) Кунгурскія писцовыя книги татаръ 1623 — 1624 годовъ.

Третьимъ по времени, самымъ младшимъ изслѣдователемъ Пермской исторіи, является преподаватель исторіи въ пермской классической гимназіи А. Д. Дмитріевъ. Мы имѣли случай познакомиться съ слѣдующими его брошюрами, составляющими отдѣльные оттиски изъ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»:

1) Соликамскія лѣтописи (П. 1884 г.).

2) Усольская лѣтопись Ѳ. А. Волегова (П. 1882 г.).

3) Матеріалы къ исторіи рода Строгановыхъ за послѣднія два столѣтія (П. 1883 г.).

4) «Картофельный бунтъ» въ Россіи 1842 — 1843 года и новый матеріалъ къ его исторіи въ Пермской губерніи (П. 1882 г.).

Всѣ брошюры представляютъ разработку неизданныхъ архивныхъ матеріаловъ, сообщая новые, совершенно неизвѣстные раньше историческіе факты. Г. Дмитріевъ посвящаетъ лѣтнее вакаціонное время на ученыя экскурсіи по Пермской губерніи, усердно розыскивая неизданные историческіе источники. Такъ, въ 1882 году онъ напалъ въ селѣ Пыскорѣ, Соликамскаго уѣзда (резиденціи Строгановыхъ въ XVI в.) на библіотеку недавно умершаго мѣстнаго купца Шеина, заключающую въ себѣ, по словамъ г. Дмитріева, многія рѣдкости, вѣроятно переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе въ фамиліи Шеиныхъ. Въ числѣ этихъ рѣдкостей г. Дмитріевъ пріобрѣлъ рукописный сборникъ въ четвертку, въ которомъ находится, между прочимъ списокъ XVII вѣка «Новаго Лѣтописца», представляющій варіанты какъ къ изданной въ 1772 году княземъ Щербатовымъ «Лѣтописи о многихъ мятежахъ», (2° изд. 1778 г.), такъ и къ изданіямъ «Новаго Лѣтописца» въ Никоновской лѣтописи, изд. академіей наукъ, (т. VIII, Спб. 1792 г.) и по списку князя А. М. Оболенскаго (1853 г.). Интересный списокъ г. Дмитріева будетъ, какъ мы слышали, изданъ Казанскимъ обществомъ археологіи, исторіи и этнографіи. Пожелаемъ отъ души г. Дмитріеву дальнѣйшаго преуспѣянія на столь удачно избранномъ имъ поприщѣ и болѣе разысканій пермской старины, важной не для одной только мѣстной, но и для всей русской исторіи.

Д. Корсаковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Письма Гордона изъ Крыма. — Война въ Суданѣ. — Ирландія въ XVII вѣкѣ. — Шотландія въ языческія времена. — Новая Зеландія. — Папа не врагъ науки и просвѣщенія. — Португальская исторія религіозныхъ миѳовъ. — Византійская и османская имперія. — Германія въ эпоху франковъ. — Исторія Швейцаріи. — Военноплѣнные въ франко-прусскую войну. — Іюльская монархія. — Маркиза Ментенонъ какъ наставница. — Біографія Дантона. — Казановаво французской и русской литературѣ. — Цивилизація и фанатизмъ во времена вторженій непріятеля. — Военная и дипломатическая Европа XIX вѣка. — Письма тѣлохранителя. — Компьенскія оргіи. — Каковъ долженъ быть секретарь академіи. — Философы и французская академія.

ДВА ЧЕЛОВѢКА, надъ которыми останавливается историкъ второй половины нашего столѣтія, какъ надъ выдающимися личностями—генералы Скобелевъ и Гордонъ». Такъ начинаетъ лучшій критическій журналъ Англіи «Athenaeum» статью о вышедшихъ недавно въ свѣтъ «Письмахъ генерала Гордона изъ Крыма, съ Дуная и изъ Арменіи» (General Gordon's letters from the Crimea, the Danube and Armenia). Вообще англичане ставятъ очень высоко своего генерала, а въ письмахъ его видятъ прямоту и почти дѣтскую простоту выраженія. Письма эти начинаются съ 18-го августа 1854 года и доходятъ до 17-го ноября 1858 года. Изъ-подъ Севастополя Гордонъ пишетъ о положеніи осаждающихъ, о траншейныхъ работахъ, о стычкахъ съ русскими, о томъ, что англійскіе офицеры во многомъ нуждаются и терпятъ отъ недостатка комфорта, въ чемъ, впрочемъ, сами виноваты, такъ какъ ждутъ, что объ нихъ будетъ заботиться интендантство, а французы устраиваются отлично, такъ какъ сами о себѣ заботятся. Эта безпомощность англійской арміи не была, однако, замѣтна во флотѣ. Собственно о ходѣ осады не говорится ничего новаго. О лицахъ, которыя вели ее, Гордонъ не высокаго мнѣнія, а Канробера называетъ прямо шарлатаномъ и негодяемъ. Онъ не доволенъ и сардинцами, но отдаетъ полную справедливость русскимъ, удивляясь хладнокровію ихъ офицеровъ подъ выстрѣлами. Описывая неудавшійся штурмъ 18-го іюня, онъ осуждаетъ распоряженія осаждающихъ и утверж-

даетъ, что надо было обратить всѣ усилія на реданъ и тогда штурмъ удался бы. Неудачу атаки на реданъ, 8-го сентября, онъ объясняетъ тѣмъ, что атакующіе, достигнувъ редана, остановились на пять минутъ и не пошли дальше, подъ страшнымъ огнемъ, потерявъ во время остановки 150 офицеровъ и 2,400 солдатъ. Находясь въ Крыму, Гордонъ отказывался принимать какое-либо пособіе отъ своего отца не только деньгами, но одеждою и съѣстными припасами. Любя горячо военное ремесло, онъ, однако, сильно желалъ мира. По окончаніи войны, Гордонъ былъ отправленъ въ Бессарабію для опредѣленія границы територіи, отошедшей къ Румыніи. Въ скучныхъ и утомительныхъ занятіяхъ онъ провелъ годъ, описывая въ письмахъ къ роднымъ страну и нравы жителей. Онъ жалуется на то, что русскіе были не расположены къ коммисіи, проводившей новую границу, и бессарабскій губернаторъ ни разу не пригласилъ членовъ ея пообѣдать. Французскаго полковника Бессона генералъ-губернаторъ пригласилъ однажды на чашку чая и потомъ на партію виста, «но за карты гость долженъ былъ заплатить 6 шиллинговъ 8 пенсовъ», прибавляетъ Гордонъ, удивляясь существованію такого дикаго обычая. Онъ замѣчаетъ также, что русскіе чиновники большіе интриганты. Съ бессарабской границы его отправили проводить границу въ Арменіи. Письма его изъ этой страны также интересны. Онъ описываетъ пограничное племя воинственныхъ лазовъ, едва признающихъ власть султана; вмѣстѣ съ родственными кабулетскими племенами они поставляютъ въ Константинополь невольниковъ и невольницъ, захватывая ихъ въ Гуріи, принадлежащей Россіи. Отважные аджарцы также предлагали доставить въ Батумъ лучшихъ рабовъ, отъ 40 до 120-ти фунт. стерлинговъ за штуку. Русская стража на границѣ не можетъ ничего сдѣлать противъ этихъ разбойниковъ, такъ какъ они отлично вооружены, а казацкія винтовки изъ рукъ вонъ плохи. Много разныхъ любопытныхъ подробностей разсѣяно въ письмахъ авантюриста, сражающагося теперь въ Суданѣ.

— О войнѣ въ Суданѣ, въ которой не участвовалъ Гордонъ, запертый въ Хартумѣ возставшими племенами, сообщаетъ книга военнаго корреспондента, Беннета Борлей: «Война въ пустынѣ, хроника кампаніи въ восточномъ Суданѣ» (Desert Warfare: beeing the chronicle of the eastern Soudan campaign). За этой войной англійская публика слѣдила съ особеннымъ интересомъ, такъ какъ страшное пораженіе египетской арміи, подъ начальствомъ Гикса-паши, въ началѣ кампаніи, не предвѣщало счастливаго исхода. Война эта, дѣйствительно, полна драматическихъ эпизодовъ и даетъ много полезныхъ уроковъ. Авторъ самъ участвовалъ въ ней и ведетъ свой разсказъ на основаніи очныхъ свидѣтельствъ и оффиціальныхъ депешъ. Книга начинается географическимъ и статистическимъ очеркомъ Судана, причемъ показаны разстоянія между главными пунктами. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика Махди, Османа-Дигмы и Гикса-паши. Гибель послѣдняго авторъ приписываетъ измѣнѣ и бѣгству египетскихъ войскъ. Феллаховъ онъ считаетъ совершенно неспособными къ военной службѣ; генерала Грагама упрекаетъ за то, что онъ не уничтожилъ хлѣбныхъ запасовъ непріятеля и за странную идею идти на арабовъ, въ сраженіи при Эль-Тебѣ, выстроивши войско въ каре, удобное для защиты, но никакъ не для атаки. Вообще книга эта снабженая множествомъ картъ и плановъ—лучшее описаніе суданской войны, возобновившейся теперь съ новою силою.

— Въ исторіи Англіи не много такихъ печальныхъ страницъ, какъ тѣ, въ которыхъ описываются кровавыя сцены 1641 года въ Ирландіи. Новый свѣтъ бросаетъ на нихъ книга, озаглавленная «Ирландія въ XVII вѣкѣ или ирландскія убійства 1641—42 года, ихъ причины и послѣдствія» (Ireland in the seventeenth century, or the irish massacres of 1641—42, their causes and results). Англійскіе писатели изображаютъ эту эпоху на основаніи современныхъ ей сочиненій Генри Джонса (1641) и историковъ Джона Темпля (1646) и Эдмонда Борлеза (1680), но разсказы ихъ основаны на свидѣтельствѣ лицъ, пострадавшихъ во время безпорядковъ и стало быть заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Они говорятъ только объ убійствахъ, потерѣ имуществъ и также о сверхъестественныхъ видѣніяхъ. Слѣдствіе производили члены англиканской церкви; въ коммисіи не участвовало ни одного католика, ни духовнаго, ни свѣтскаго, хотя они доказывали, что не слѣдовало обвинять все населеніе за одиночныя преступленія фанатиковъ. Свидѣтелей допрашивали подъ пыткою. Мудрено ли, что исторіи Темпля и Борлеза не заслуживаютъ довѣрія. Убійства, совершенныя ирландскою чернью, не такъ ужасны, какъ, напримѣръ, убійство братьевъ де-Виттъ въ Гагѣ ихъ же соотечественниками. Книга Гиксона сообщаетъ много новаго объ этомъ эпизодѣ послѣднихъ лѣтъ царствованія Карла I.

— Превосходно иллюстрированное описаніе «Шотландія въ языческія времена и въ желѣзномъ вѣкѣ» (Scotland in pagan times. The iron age) изображаетъ эту страну не только въ историческомъ и геологическомъ отношеніи, но и въ художественномъ. Авторъ сравниваетъ укрѣпленные холмы и земляныя жилища первобытныхъ жителей Шотландіи съ подобными же постройками въ Ирландіи и Франціи. Съ особенною подробностью авторъ разработалъ свѣдѣнія о бытѣ и обычаяхъ древнихъ шотландцевъ, объ ихъ искусствахъ, домашней утвари, схожей съ финикійскою и съ современною китайскою. Индійское происхожденіе кельтійскаго племени, господствовавшаго и въ Шотландіи въ до-историческую эпоху, подтверждается этимъ сочиненіемъ.

— Керри Никольсу удалось проникнуть въ страну, куда рѣдко допускаются европейцы, и онъ составилъ объ ней любопытную книгу: «Королевская страна или изслѣдованія въ Новой Зеландіи» (The king country, or explorations in New Zealand). Это не простое путешествіе, а подробная исторія сѣверной части острова, занимающей 10,000 квадратныхъ миль и почти неизвѣстной Европѣ. Ею вполнѣ независимо и самодержавно управляетъ король Тауіао, изъ племени маорисовъ, къ которому авторъ книги нашелъ доступъ посредствомъ рекомендательныхъ писемъ. Этотъ предводитель дикарей не смѣетъ прямо запретить доступъ въ свою «Королевскую страну», смежную съ англійскими владѣніями, но ставитъ такія затрудненія желающимъ посѣтить ее, что они сами отказываются отъ попытокъ познакомиться съ запретнымъ краемъ. Никольсъ рѣшился, однако, преодолѣть всѣ препятствія, перенесъ всѣ лишенія, подвергся множеству непріятностей и опасностей, но достигъ своей цѣли и плодомъ его настойчивости явилась книга, полная совершенно новыхъ свѣдѣній и фактовъ. Описаніе одной такой мѣстности, какъ «Пустыня священнаго песку», достаточно для того, чтобы заинтересовать всякаго и заставить его познакомиться съ книгою отважнаго изслѣдователя.

— Между всѣми папами XV столѣтія, въ эпоху Возрожденія, выдается своими достоинствами и значеніемъ личность Николая V, исторію котораго,

хотя и далеко не полную, написалъ Джіованни Сфорца, подъ заглавіемъ: «Отечество, семейство и молодость Николая V» (La patria, la famiglia e la giovinezza di Nicolo V). Рѣдкое счастіе, которому удивлялись еще современники, увѣнчало бѣднаго педагога изъ Сарцаны папскою тіарою, которую онъ украсилъ лаврами, болѣе цвѣтущими, чѣмъ Григорій VII и Иннокентій III. Недаромъ современникъ его Эней Сильвіо Пикколомини, бывшій потомъ папою подъ именемъ Пія II, въ надгробной надписи своему предмѣстнику, сказалъ: «Aurea qui dedunt secula Roma tibi». Николай V не былъ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, какъ Пій II, но вліяніе его, какъ ученаго, какъ собирателя классическихъ древностей, было огромно и благотворно. Его называли тосканскимъ Меценатомъ, по мѣсту его родины, какъ первыхъ Медичи, прежде чѣмъ они сдѣлались низкими тиранами. Заключивъ конкордатъ съ германскою имперіею, взволнованною реформаціею, папа сталъ въ главѣ германскаго движенія, смѣло открылъ доступъ въ Ватиканъ классическому язычеству и у папскаго трона столпились эллинисты и латинисты. Его агенты отыскивали всюду рѣдкія рукописи. Число ихъ особенно увеличилось въ ватиканской коллекціи съ паденіемъ Константинополя. Въ Римѣ же явились ко двору папы первые германскіе книгопечатники. Ему обязаны также многимъ искусства, въ особенности архитектура. Онъ украсилъ Римъ не меньше, чѣмъ Юлій II и Левъ X. Ни на нѣмецкомъ, ни на французскомъ языкѣ нѣтъ отдѣльной біографіи Николая V и теперь этотъ трудъ принялъ на себя секретарь академіи наукъ въ Луккѣ, близъ которой родился будущій папа, семейство и молодость котораго подробно описаны въ сочиненіи, еще не оконченномъ, но полномъ новыхъ, интересныхъ изслѣдованій.

— Въ Лиссабонѣ, Оливейра Мартинсъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе «Системы религіозныхъ миѳовъ» (Systema dos Mythos religiosos). Это — исторія религій, обработанная ученымъ португальцемъ съ зоологической точки зрѣнія. Въ созданіяхъ типовъ нѣтъ ничего изолированнаго, обособленнаго; каждый типъ суммируетъ въ себѣ всѣ предшествовавшіе ему типы; каждый существующій миѳъ заключаетъ въ себѣ предъидущіе типы, только въ измѣненномъ видѣ. Авторъ отвергаетъ присутствіе сознательнаго обмана, какъ фактора въ развитіи миѳологическихъ догматовъ. Онъ признаетъ два главные пути въ развитіи вѣрованій: путь объективный или космическій, выражающійся въ поклоненіи астральнымъ элементамъ, и путь субъективный или психическій, заключающійся въ поклоненіи образамъ, созданнымъ во снѣ или воображеніемъ. Три главные типа вѣрованій достигли высшей степени развитія: анимистическое—въ Египтѣ, натуралистическое—въ іудаизмѣ, идеальное—въ Греціи. Поклоненіе лунѣ предшествуетъ поклоненію солнцу и господствуетъ у номадовъ; солнце дѣлается верховнымъ божествомъ у земледѣльческихъ народовъ. Египетская религія является цивилизаторскою дикаго состоянія; индійская и ассирійская обозначаетъ дикое состояніе цивилизаціи. Божества Египта — люди съ головами звѣрей, Ассиріи — звѣри съ человѣческими головами. Въ системѣ анимизма поклоненіе является воззваніемъ къ божеству, въ іудаизмѣ — актомъ покаянія, въ аріанизмѣ — восхваленіемъ божества. Средніе вѣка, въ которыхъ чортъ игралъ такую важную роль, принадлежатъ къ ретроградной эпохѣ.

— Весьма важенъ новый трудъ Гертцберга «Исторія византійской и османской имперіи до конца XVI вѣка» (Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechzehnten Jahr-

hunderts). Авторъ принимаетъ слѣдующія главныя дѣленія этого періода: Византійская имперія до ея завоеванія латинянами въ четвертомъ крестовомъ походѣ (1204); отъ Юстиніана I до паденія македонской династіи; романская эпоха византизма. При Юстиніанѣ кончились переселенія германскихъ племенъ и этотъ императоръ пытался противупоставить романскую реакцію всюду вторгавшемуся германству, славянскому и туранскому элементу. Болгаръ авторъ не причисляетъ къ славянамъ и говоритъ, что они были отраслью гунновъ — кутригуровъ. Сербы, по его мнѣнію, находились подъ верховной властью аваровъ. Много подобныхъ новыхъ взглядовъ разсѣяно въ исторіи Гертцберга, съ которой необходимо ознакомиться всякому, занимающемуся судьбами славянства.

— Первый періодъ германской исторіи разработанъ въ сочиненіи Арнольда: «Deutsche Geschichte. Frankische Zeit». Не смотря на то, что трудъ этотъ остался неоконченнымъ за смертью автора, онъ вноситъ много свѣта въ эту довольно темную эпоху. Переходъ германцевъ отъ состоянія воинственныхъ номадовъ къ осѣдлой жизни, заселеніе ими постоянныхъ мѣстностей, основаніе новыхъ государствъ, продолжавшееся въ теченіе семи столѣтій отъ V до XI, переданы авторомъ въ стройной, по возможности, картинѣ. Не меньше вниманія обращаетъ онъ и на общественное устройство въ эпоху франкской имперіи, говоритъ о домашней жизни составившихъ ее племенъ, пускается даже въ филологическія изысканія.

— Въ Цюрихѣ вышла исторія Швейцаріи» (Geschichte der Schweiz), въ особенности по отношенію къ развитію ея учрежденій и культурной жизни отъ древнѣйшихъ до настоящихъ временъ. Это не историческая, но и не критическая исторія страны. Авторъ, Дендликеръ выбралъ средній путь между прославленіемъ своихъ соотечественниковъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ ихъ заслугамъ. Онъ отыскиваетъ слѣды первобытныхъ обитателей Швейцаріи еще въ ледяной періодъ, потомъ въ свайныхъ постройкахъ, причисляетъ гельветовъ къ кельтамъ, описываетъ ихъ культуру, общественный бытъ и проч.

— Бывшій офицеръ французскаго генеральнаго штаба издалъ «Послѣ пораженія. Воспоминанія и впечатлѣнія военнаго въ Германіи» (Après la défaite. Souvenirs et impressions d'un prisonnier de guerre en Allemagne). Написанная въ патріотическомъ духѣ, книга имѣетъ интересъ помимо увлеченій автора. Въ ней много малоизвѣстныхъ подробностей о нѣкоторыхъ эпизодахъ франко-прусской войны, какъ напр. о сраженіи при Фрешвильерѣ и смерти генерала Рауля. Авторъ описываетъ жизнь французскихъ офицеровъ въ Германіи и сообщаетъ любопытные факты о своемъ возвращеніи во Францію, о сношеніяхъ съ генераломъ Сиссе въ 1871—72 г. и пр. Идея реванша конечно является на первомъ планѣ.

— Вышли два тома «Исторіи іюльской монархіи «Тюро-Данжена (Histoire de la monarchie de Juillet). Авторъ полагаетъ, что теперь настало время для безпристрастной оцѣнки этой эпохи и обѣщаетъ представить такую оцѣнку. Безпристрастіе, конечно, качество уважительное, но его не легко достигнуть. Прежде всего, лицо описывающее историческія событія такой же человѣкъ, какъ и тѣ, которые «дѣлаютъ исторію». Его не чужды ни ихъ страсти, ни ихъ привязанности, не чуждо ничто человѣческое. Историки Греціи стояли за Аѳины или за Спарту, историки Рима — за патриціевъ или плебеевъ, за Цезаря или за Помпея. Почему же нынѣшніе писатели должны

отрѣшиться отъ своихъ національныхъ или философскихъ симпатій? Тюро-Данженъ — приверженецъ конституціонной монархіи, не могъ не выставить въ лучшемъ свѣтѣ іюльской монархіи, не смотря на всѣ свои обѣщанія полнаго безпристрастія. Событія въ нынѣ вышедшихъ томахъ доведены только до 1836 года. Разсказъ ведется живо, хотя и въ строгой послѣдовательности.

— Членъ Института Греаръ, издалъ изслѣдованіе о г-жѣ Ментенонъ, какъ о воспитательницѣ (M-me de Maintenon. Extraits sur l'éducation). Въ обширномъ введеніи онъ дѣлаетъ полную оцѣнку морганатической жены короля-солнца, но книга посвящена преимущественно описанію Сен-Сира и принятой въ немъ системы воспитанія. Система эта мѣнялась съ теченіемъ времени: сначала это было очень нестрогое, хотя и закрытое заведеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ послѣ представленія въ немъ «Эсеири», одна изъ воспитанницъ-актрисъ была похищена смѣлымъ вельможею, Сен-Сиръ превратился въ свѣтскій монастырь. Король и его супруга старѣли и угрюмѣе относились къ молодой жизни. Но рисуя портретъ вдовы Скаррона, сдѣлавшейся королевою, хотя и съ лѣвой руки, авторъ защищаетъ ее отъ нападокъ Мишле, въ суровомъ приговорѣ даже назвавшемъ ее — не женщиною. Греаръ доказываетъ, что она была женщиною, хотя въ ней преобладала наставница. Даже въ офиціальномъ протоколѣ ея смерти упоминается объ этомъ: «въ семнадцатый день апрѣля мѣсяца 1719 была погребена высокопоставленная дама, г-жа Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенонъ, наставница королевскаго дома имени св. Людовика». Въ ея наставленіяхъ надзирательницамъ заведенія, собранныхъ авторомъ, не видно никакихъ крайнихъ мнѣній. Она требуетъ, чтобы молодыхъ дѣвушекъ не держали въ оковахъ узкаго благочестія, и помнили, что воспитываютъ не монахинь, а будущихъ матерей семейства и свѣтскихъ женщинъ. Она распредѣляетъ, сколько времени надо посвятить занятіямъ для развитія памяти и воображенія, сколько для ручныхъ работъ; заботится о сформированіи характера и здраваго мышленія. Она даетъ благоразумные совѣты не только ученицамъ, но и воспитательницамъ. Послѣднимъ она совѣтуетъ не оставлять дѣвицъ безъ надзора, подъ предлогомъ необходимости удалиться для молитвы въ часовню. Она возстаетъ и противъ излишней щепетильности дѣвушекъ, доходившей до того, что при перечисленіи таинствъ онѣ выбрасывали бракъ. Вообще изысканія автора рисуютъ г-жу Ментенонъ, какъ воспитательницу, въ весьма благопріятномъ свѣтѣ.

— Въ то время, когда Тэнъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, старается совершенно втоптать въ грязь и безъ того грязнаго и сумасшедшаго Марата, біографія другого революціонера, Дантона, выходитъ третьимъ изданіемъ (Danton. Mèmoire sur sa vie privée) и въ своей частной жизни этотъ пламенный ораторъ является, въ жизнеописаніи, составленномъ докторомъ Робине, симпатичной личностью, что впрочемъ было высказано и прежними историками революціи. Робине шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми обвиненіями противъ министра юстиціи и опровергаетъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, не раздѣляя увлеченій автора, серьезная исторія никогда не поставитъ Дантона на одну доску съ завистливымъ, безсердечнымъ Робеспьеромъ или помѣшаннымъ маніакомъ Маратомъ.

— Перепечатана большая библіографическая рѣдкость: «Исторія моего бѣгства изъ темницъ венеціанской республики, называемыхъ свинцовыми, на-

писанная въ Дуксѣ, въ Богеміи, 1787 года, Жакомъ Казанова де-Сейнгальтъ» (Histoire de ma fuite des prisons de la république de Venise qu'on appelle les Plombs, écrite à Dux, en Bohême, l'annéc 1787 par Jaques Casanova de Seingalt). Между авантюристами XVIII вѣка развѣ только Каліостро можетъ сравниться съ Казановой, но личность хитраго обманщика, наживавшагося на счетъ людского легковѣрія, все-таки гораздо менѣе симпатична, чѣмъ типъ беззаботнаго гуляки Казановы, беззаботно сорившаго деньгами во время своихъ любовныхъ и политическихъ похожденій. Къ тому же онъ оставилъ мемуары, гдѣ, на ряду съ хвастливой болтовней и циническими подробностями, много вѣрныхъ и любопытныхъ замѣтокъ объ обществѣ и лицахъ, среди которыхъ вращался этотъ искатель приключеній. Всего любопытнѣе, конечно, его бѣгство изъ свинцовой тюрьмы въ Венеціи, описанное и изданное самимъ Казановою для того, чтобы избавиться отъ труда повторять обстоятельства этого изумительнаго факта, интересовавшаго все тогдашнее общество. У насъ долгое время даже имя Казановы принадлежало къ числу запрещенныхъ. Выведенный въ романѣ В. Зотова «Старый домъ», въ числѣ другихъ авантюристовъ, бывшихъ въ Россіи: д'Эона, Каліостро и Сен-Жермена, Казанова, по требованію цензуры «Отечественныхъ Записокъ», превратился въ кавалера Серра-Флора, и разсказъ о его бѣгствѣ изъ тюрьмы былъ цѣликомъ вычеркнутъ изъ романа цензоромъ Фрейгангомъ, не уступавшимъ проницательностью и глубиною соображеній знаменитому Н. Елагину. Только въ 1861 году, въ журналѣ М. Достоевскаго «Время», появилось описаніе этого бѣгства, вошедшее потомъ въ книгу: «Histoire des évasions célèbres», переведенную и порусски, отчего однако нисколько не потряслись никакія «основы». Нынѣшнее французское изданіе воспроизводитъ это бѣгство въ его настоящемъ видѣ, со словъ самого Казановы.

— «Послѣдствія капитуляціи. Реляція байленскихъ плѣнниковъ и славнаго отступленія 116-го полка» (Les suites d'une capitulation. Relations des captifs de Baylen et de la glorieuse retraite du 116 régiment), возобновляетъ въ памяти одинъ изъ драматическихъ эпизодовъ наполеоновскихъ войскъ съ Испаніею. Онъ подтверждаетъ твердость французскихъ солдатъ, но еще болѣе фанатизмъ народа, поднявшагося въ борьбѣ за свою независимость противъ чужеземнаго владычества. Сдѣлавшись безъ особаго труда итальянскимъ королемъ, Наполеонъ захотѣлъ сдѣлаться и испанскимъ— въ лицѣ своего брата, и не могъ придти въ себя отъ удивленія, что испанцы не пожелали этого, а заявили странныя претензіи, будто народомъ нельзя распоряжаться, какъ баранами, которымъ все равно, кому бы онъ ни принадлежалъ. Разсказы о страданіяхъ байленскихъ плѣнниковъ ужасны; еще ужаснѣе примѣры испанской ненависти, приводимые авторомъ; — такъ онъ говоритъ о матери, приготовившей отравленную пищу для отряда французскихъ солдатъ, явившихся къ ней на постой и, вмѣстѣ со своими четырьмя дѣтьми, раздѣлившей обѣдъ съ непріятелемъ, чтобы убѣдить, что пища не отравлена. Эта черта фанатизма, погубившая и мать, и дѣтей, и враговъ — всѣхъ вмѣстѣ, конечно, противна цивилизаціи, но вотъ что говоритъ французскій рецензентъ этой книги: «ахъ, еслибы у насъ было поменьше цивилизаціи и побольше испанской свирѣпости въ тѣ дни, когда нѣмецкій Шейлокъ вырѣзалъ у насъ фунтъ мяса, отъ котораго мы до сихъ поръ истекаемъ кровью».

— «Военная и дипломатическая Европа въ XIX вѣкѣ» (L'Europe militaire et diplomatique au XIX siecle). Четыре объемистыхъ тома этого

серьезнаго труда представляютъ полную картину политическихъ и военныхъ движеній нашего времени. Въ первомъ томѣ изложены политика священнаго союза, конституціонныя движенія и войны за независимость отъ 1820 до 1864 года; во второмъ — исторія завоевательныхъ войнъ отъ 1820 до 1878 года: войнъ съ Турціею, греческаго возстанія, войны за Шлезвигъ-Гольстейнъ, войнъ прусско-австрійской и франко-прусской. Тутъ же разсказано возстаніе коммуны. Третій томъ занятъ колоніальными войнами и далекими экспедиціями отъ 1830 до 1884 года, въ Алжиръ, Сенегалъ, Мадагаскаръ, Тунисъ, Таити, Лаплату, Мексику, Китай. Въ четвертомъ томѣ изложены дѣла въ Японіи, Аннамѣ, Кохинхинѣ, Тонкинѣ, борьба Россіи съ Англіей въ Центральной Азіи, англійскія экспедиціи въ Африку, Новую Зеландію, войны Испаніи съ Марокко, Перу и Чили, возстанія на Сан-Доминго и Кубѣ, голландская экспедиція противъ Ачина. Это раздѣленіе войнъ на три сорта заставляетъ автора повторяться. Съ другой стороны онъ ничего не говоритъ о междоусобныхъ войнахъ 1830 и 1848 года, о чартистскомъ движеніи, возстаніяхъ Ирландіи. Но въ цѣломъ трудъ Фредерика Нольта — замѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Исторія великаго соціальнаго движенія въ концѣ прошлаго столѣтія похожа на огромное зданіе, въ которомъ, не смотря на тщательный и подробный инвентарь, все еще по временамъ отыскиваются уголки, не вполнѣ изслѣдованные и описанные. Такъ Фурнье отыскалъ въ Швейцаріи любопытныя «Письма Кагенека, бригадира тѣлохранителей, къ барону Альстромеру о періодѣ царствованія Людовика XVI, отъ 1779 до 1784 года» (Lettres de M. de Kageneck, brigadier des gardes du corps au baron Alstromer sur la periode du règne de Louis XVI de 1779 à 1784). Письма эти, совершенно неизвѣстныя до настоящаго времени, полны интересныхъ подробностей, пикантныхъ анекдотовъ, политическихъ и литературныхъ фактовъ, имѣющихъ историческое значеніе и сообщаемыхъ лицомъ, имѣвшимъ возможность и умѣвшимъ хорошо наблюдать. Авторъ былъ пажомъ при дворѣ съ 15-ти лѣтъ, и оставилъ его въ 1783 году въ званіи бригадира. Лицо, къ которому адресовались письма, было также извѣстно въ ученомъ и промышленномъ мірѣ. Авторъ классическаго сочиненія о земледѣліи, основатель и директоръ индійской компаніи, баронъ Клосъ Альстромеръ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Кагенекомъ, сообщавшимъ ему обо всемъ, что происходило во Франціи.

— Къ другой, болѣе близкой къ намъ, но не менѣе любопытной эпохѣ переноситъ насъ книга Сильванекта «Императорскій дворъ въ Компьенѣ» (La cour impériale à Compiègne). Это излюбленное мѣсто оргій цезаризма описываетъ неизвѣстный авторъ, очевидно близкій къ павшему авантюристу. Исторія уже разоблачила грязныя сцены, происходившія въ этомъ притонѣ, и авторъ напрасно даже скрываетъ имена лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ вакханаліяхъ — всѣ они уже заклеймены исторіей, хотя многіе изъ нихъ еще не сошли со сцены. Авторъ еще не привелъ самыхъ возмутительныхъ страницъ скандальной императорской хроники и вообще избѣгаетъ рѣзкихъ картинъ и описаній. Но и въ смягченномъ видѣ похожденія героевъ этой книги внушаютъ отвращеніе.

— Брюнель издалъ замѣчательный этюдъ «Философы и французская академія въ XVIII вѣкѣ» (Les philosophes et l'Académie française au XVIII siècle). Объ академіи мало говорили въ XVII вѣкѣ, когда она раз-

давала титулъ безсмертныхъ мелкимъ и ничтожнымъ писателямъ. Объ ней мало говорятъ и въ XIX вѣкѣ, когда, устарѣвъ, она держится въ сторонѣ отъ умственнаго движенія Франціи. Но академія играла важную роль въ XVIII вѣкѣ, слѣдя за увлеченіями тогдашняго общества, принимая въ свою среду философовъ и революціонеровъ, ратуя за вѣротерпимость, за право разума, за свободу, за искорененіе предразсудковъ. Періодъ, изображаемый авторомъ, не обнимаетъ собою и сорока лѣтъ (отъ избранія Дюкло непремѣннымъ секретаремъ до смерти Даламбера, 1746—1783 г.), но онъ полонъ любопытныхъ эпизодовъ. Брюнель описываетъ не только самыя избранія съ ихъ офиціальною обстановкою, но и приготовленіе къ нимъ, канунъ битвъ, подготовляющій развязку. То, что происходитъ за кулисами, часто интереснѣе того, что дѣлается на сценѣ. Въ первую половину XVIII вѣка, роль академіи была очень жалкая. Нисколько не раздѣляя современнаго движенія идей, она была къ нимъ, напротивъ, враждебна. По настоянію кардиналовъ Флери и Полиньяка, она изгнала изъ своей среды честнаго и наивнаго абата Сен-Пьера, проповѣдывавшаго вѣчный миръ на землѣ. Ролленъ и Расинъ-сынъ не могли попасть въ число безсмертныхъ, потому что были янсенистами; Монтескье выбрали съ большимъ трудомъ. Пирона и Дидро не выбрали вовсе, тогда какъ двери святилища широко отворились для бездарнаго Буамона; Вольтеръ былъ забалотированъ на двухъ выборахъ и прошелъ только въ третій разъ, черезъ десять лѣтъ, послѣ того какъ былъ предложенъ въ члены. Это печальное направленіе измѣнилось съ избраніемъ Дюкло въ секретари. Настоящій литераторъ и честный человѣкъ, не смотря на свою распущенную жизнь и циническій языкъ, Дюкло помирилъ академію съ общественнымъ мнѣніемъ и движеніемъ умовъ, избавилъ ее отъ постороннихъ вліяній, отъ интригъ министровъ, отъ вмѣшательства двора, сдѣлалъ независимыми избранія, которыя одушевлялъ своимъ нѣсколько жесткимъ краснорѣчіемъ, пугая нерѣшительныхъ своими насмѣшками и остротами. Онъ не былъ однако революціонеромъ, ни въ политикѣ, ни въ религіи: въ политикѣ онъ держался установившагося порядка, къ религіи былъ индиферентенъ, но ненавидѣлъ нетерпимость убѣжденій въ обоихъ лагеряхъ и говорилъ о философахъ: «ужъ заставятъ они меня ходить къ обѣдни». Прежде всего Дюкло настаивалъ на томъ, чтобы въ академіи открытъ былъ свободный доступъ всякому истинному дарованію, какихъ бы мнѣній оно ни держалось. Въ литературномъ и ученомъ учрежденіи на первомъ мѣстѣ должна быть литература и наука, а не религія и политика. И философы вслѣдъ за Даламберомъ явились въ академіи. Сначала они были тамъ въ меньшинствѣ, но съ 1760 по 1770 годъ играли первенствующую роль. Этому не мало способствовали выходки ретроградныхъ академиковъ противъ философовъ, надутая рѣчь Лефран-Помпиньяна противъ философіи, потрясающей всѣ основы, комедія Палиссо, въ которой онъ силился осмѣять философовъ, но самъ былъ безпощадно осмѣянъ талантливымъ Морилье, какъ Помпиньянъ Вольтеромъ:

«И другъ нашъ Помпиньянъ быть тоже чѣмъ-то хочетъ,
Но умный и дуракъ надъ нимъ равно хохочетъ».

На публичныхъ чтеніяхъ академики развивали философскія идеи, говорили съ кафедры о свободѣ мысли, о позорѣ нетерпимости. Если они выбрали своимъ сочленомъ тулузскаго архіепископа, то потому, что Ломени де-Бріенъ хвастался своимъ атеизмомъ. Въ пріемной рѣчи поэтъ Тома заклеймилъ ненавистниковъ литературы, преслѣдующихъ писателей изъ личной мести, подъ

видомъ защиты трона и алтаря — и взгляды всего торжественнаго собранія обратились на министра Сегье, поблѣднѣвшаго отъ злости. За эту выходку Тома былъ обвиненъ въ возбужденіи ненависти къ правительству и ему было запрещено писать, а академіи — допускать Тома произносить рѣчи. Затѣмъ слѣдовали столкновенія академіи съ главою кабинета, маршаломъ Ришелье, предложившимъ 50 луидоровъ на памятникъ Вольтеру, но ненавидившимъ философовъ; неудовольствіе короля по поводу выбора Даламбера въ секретари, по смерти Дюкло, неутвержденіе академиками Сюара и Делиля, потомъ уступка и въ этомъ случаѣ общественному мнѣнію. Съ духовенствомъ столкновенія и не прекращались все это время, начиная съ выговора академіи за обнародованіе «Похвалы Мольеру», написанной въ противорелигіозномъ духѣ, и оканчивая выходками на похоронахъ Вольтера. Но въ эту эпоху академія уже сдѣлала свое дѣло: философское направленіе до того распространилось въ обществѣ, что борьба съ его противниками въ стѣнахъ академіи стала анахронизмомъ. Она перешла въ жизнь и восторжествовала повсюду. Роль академіи была кончена, и замѣчательная книга Брюнеля оканчивается передъ наступленіемъ великаго общественнаго движенія конца XVIII столѣтія.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Сюрпризъ на Пасху.

(Изъ воспоминаній старожила).

ѢСНОЙ ИНСТИТУТЪ въ прежнее время помѣщался въ центрѣ С.-Петербурга, но 1 сентября 1830 года былъ переведенъ за городъ, недалеко отъ Черной рѣчки, гдѣ для него были выстроены особыя зданія. При этомъ институтъ былъ совершенно преобразованъ и въ него начали принимать дѣтей отъ 9 лѣтъ, въ число которыхъ попалъ и я въ первый же годъ по преобразованіи института.

Тогда, въ свободное время, воспитанникамъ разрѣшалось гулять по всѣмъ ближайшимъ окрестностямъ. Гдѣ теперь идетъ Новосильцевскій проспектъ въ то время существовала только просѣка, до которой и дозволялось ходить всѣмъ воспитанникамъ.

Мѣстность эта была совсѣмъ дикая; не было ни дорогъ, ни аллей, а о дачахъ никто и не думалъ. Гулять здѣсь кромѣ своихъ было некому и встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ постороннихъ считалось большою рѣдкостью, чуть не событіемъ.

Однажды, нѣсколько воспитанниковъ во время прогулки встрѣтили на просѣкѣ какого-то пожилаго мужчину съ мальчикомъ. Онъ очень ласково разговаривалъ съ воспитанниками и такимъ образомъ свелъ первое съ ними знакомство. Встрѣчи эти повторялись довольно часто и вскорѣ незнакомецъ, узнавъ, что у насъ есть воспитанники, которые на праздники остаются въ институтѣ, потому что у нихъ въ Петербургѣ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, отправился къ директору и просилъ его отпустить къ нему двухъ изъ такихъ воспитанниковъ, что потомъ продолжалось почти каждый праздникъ. Незнакомецъ жилъ близъ института, въ деревнѣ Беклешовкѣ, и жилъ тамъ

постоянно лѣто и зиму. Онъ оказался оставнымъ генераломъ Тутолминымъ, и, какъ разсказывали, находился тогда за что-то въ опалѣ. По разсказамъ бывавшихъ у него воспитанниковъ онъ былъ очень ласковъ, добръ и образованъ; но по образу жизни и всей его обстановкѣ ясно было видно, что онъ очень небогатъ; онъ жилъ съ малолѣтнимъ сыномъ въ крестьянской избѣ и держалъ только одну прислугу. Съ учрежденіемъ у насъ въ 1833 году церкви, Тутолминъ сталъ постоянно являться къ каждой службѣ, былъ очень набоженъ и коротко сошелся съ нашимъ симпатичнымъ священникомъ, отцомъ Іоанномъ Романовымъ.

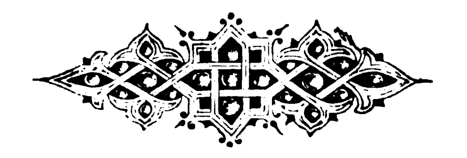
Пасха въ 1835 году была очень ранняя и стоялъ сильный холодъ. Тутолминъ былъ у свѣтлой заутрени въ институтской церкви, по окончаніи службы, захвативъ съ собою по обыкновенію кого-то изъ воспитанниковъ на праздники, возвратился въ свое скромное жилище, гдѣ былъ пораженъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Среди комнаты стояла роскошная корзина, въ которой, на лебяжьемъ пуху, закутанный въ кружева и шелки, покоился новорожденный младенецъ, мальчикъ; на шеѣ его, на золотой цѣпи, былъ надѣтъ бриліантовый крестъ, а въ корзинѣ лежалъ большой запечатанный пакетъ, въ которомъ оказались разныя документы, инструкція какъ воспитывать ребенка и значительная сумма денегъ.

Прислуга объяснила, что во время заутрени услыхала лошадиный топотъ и вслѣдъ затѣмъ стукъ въ ставни; отворивъ калитку, она увидѣла стоявшую тройку въ большихъ саняхъ, гдѣ сидѣли двое незнакомцевъ; они спросили: здѣсь ли живетъ генералъ Тутолминъ? прислуга отвѣтила утвердительно, прибавивъ, что онъ въ церкви; тогда одинъ изъ пріѣхавшихъ внесъ корзину въ комнату, въ ту же минуту вернулся въ сани и тройка ускакала по направленію къ городу.

Все это разсказалъ въ институтѣ воспитанникъ очевидецъ, взятый Тутолминымъ на праздникъ прямо отъ заутрени изъ церкви. Вскорѣ послѣ этого Тутолминъ уѣхалъ въ Москву, къ крайнему прискорбію тѣхъ воспитанниковъ, которые бывали у него по праздникамъ и успѣли подружиться съ его сыномъ, отъ котораго и узнали, что привезенный малютка въ память дня событія получилъ фамилію Пасхинъ.

Впослѣдствіи этотъ Пасхинъ служилъ въ лейбъ-гусарахъ и умеръ холостымъ, не достигнувъ еще тридцати лѣтъ. Оставшійся послѣ него большой каменный домъ въ С.-Петербургѣ, на углу Владимірской и Невскаго проспекта, подаренный ему «неизвѣстнымъ» покровителемъ, поступилъ во владѣніе одной аристократки, а нынѣ принадлежитъ купцу Палкину, гдѣ теперь и помѣщается извѣстный трактиръ.

Сообщено А. А. Малышевымъ.



СМѢСЬ.

Трехсотлѣтній юбилей Архангельска. 5-го сентября, главный пунктъ нашей сѣверной окраины праздновалъ трехсотлѣтнюю годовщину своего существованія. Первоначальное заселеніе мѣста, на которомъ теперь стоитъ Архангельскъ, относится къ XII-му вѣку, когда архіепископъ новгородскій Іоаннъ построилъ здѣсь монастырь, названный Архангельскимъ. Въ 1419 году, по сказанію двинской лѣтописи, мурманы и норвежцы, приходившіе къ устью Двины, разорили этотъ монастырь. Къ этому же мѣсту присталъ, въ 1553 году, капитанъ англійскаго корабля Ченслеръ, положившій основаніе русской торговлѣ съ англичанами. На этомъ мѣстѣ былъ основанъ первоначальный городъ Новохолмогорскъ. Основаніе это относится къ 1584 году. Первыми постройками въ городѣ были возведены необходимыя зданія для складовъ товара, русскій и иностранный гостинные дворы и факторія. Въ томъ же 1584 году воевода Волоховъ и Нащокинъ построили вокругъ Архангельскаго монастыря деревянный острогъ; а въ 1613 году, Новохолмогорскъ былъ переименованъ въ Архангельскъ. Первоначальными жителями новаго города были стрѣльцы, а черезъ три года по его основаніи въ него были приписаны 130 семействъ изъ двинскихъ посадовъ. Архангельскъ, какъ не устроенный городъ, часто подвергался опустошительнымъ пожарамъ. Въ 1668 году, послѣ третьяго пожара, были высланы сюда нѣмецкіе градодѣльцы, построившіе новую каменную крѣпость, раздѣлявшуюся въ то время на три части: верхняя, по теченію рѣки, называлась «русскимъ дворомъ», нижняя—«нѣмецкимъ», а средняя часть составляла самую крѣпость. Но не смотря на сооруженіе новаго города, въ которомъ сосредоточивалась вся торговая дѣятельность края, внутреннее управленіе имъ по прежнему находилось въ Холмогорахъ. Въ 1702 году Петръ I велѣлъ перенести воеводское управленіе въ Архангельскъ. Первое посѣщеніе Петромъ Архангельска состоялось въ 1693 году и ознаменовалось устройствомъ въ городѣ адмиралтейства. Это послѣднее сооруженіе было поставлено на Соломбальскомъ островѣ, который отдѣляется отъ города рукавомъ Двины. Здѣсь, при адмиралтействѣ Петръ построилъ для себя деревянный дворецъ, который впослѣдствіи былъ перенесенъ на островъ Моисеевъ, рядомъ съ Соломбальскимъ островомъ. Въ 1701 году, на берегу Березовскаго устья Двины, въ 18 верстахъ отъ Архангельска, была заложена Петромъ новая крѣпость, названная имъ Новодвинской. Крѣпость эта была сооружена для того, чтобы защищать городъ съ моря, на случай нападенія непріятеля. Пожары 1724, 1738, 1753, 1777, 1779, 1784 и 1793 годовъ истребили почти все

старыя постройки города, а отъ прежней каменной крѣпости остались только развалины, вскорѣ совершенно уничтожившіяся. При раздѣленіи Россіи на 8 губерній, въ 1708 году, Архангельскъ былъ назначенъ главнымъ городомъ Архангелогородской губерніи, съ причисленіемъ къ нему 19 городовъ. Съ переименованіемъ губерній въ намѣстничества, въ 1784 году, онъ былъ назначенъ губернскимъ городомъ, которымъ остался при изданіи штата Архангельской губерніи въ 1802 году. Архангельскъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Сѣверной Двины, въ разстояніи отъ Петербурга 1,206 верстъ. Мѣстность города низменная и сырая. Въ немъ теперь 2 гавани: Соломбальская и Архангельская, первая для иностранныхъ, вторая для русскихъ судовъ. Въ обѣихъ гаваняхъ могутъ помѣститься 1,000 кораблей. Пристаней въ Архангельскѣ—13. Населеніе города не превышаетъ 25,000 жителей. Въ послѣдне время замѣтно паденіе торговаго значенія Архангельска. Одна изъ причинъ этого—обмелѣніе устья Сѣверной Двины; другая причина кроется въ недостаткѣ путей сообщенія: между архангельскимъ портомъ и сосѣдними губерніями, Вологодской, Вятской и Пермской, не имѣется никакого организованнаго и постояннаго сообщенія, если не считать сплавного пути по Сѣверной Двинѣ, находящагося въ далеко неудовлетворительномъ состояніи. Нѣтъ также никакого вполнѣ удобнаго и правильнаго сообщенія съ Сибирью, и это обстоятельство отражается весьма печально на промышленной жизни сѣвернаго края. Для поднятія торговли города, упавшей съ 10-ти милліоновъ слишкомъ, въ 1880 году до 7-ми милліоновъ въ 1883 году, необходимо углубить гавани, а для сношенія съ средней Россіей и Сибирью — желѣзная дорога. По древней легендѣ, Чудь прорубила «оконце мало» для сношенія съ Русью. Впослѣдствіи это оконце было прорублено, въ видѣ Архангельскаго порта, уже для сношеній Руси съ Европою. Благодаря Петру, оконце стало большимъ окномъ, и неужели теперь допустятъ его закрытіе, когда сношенія съ Европою должны получать все большіе размѣры въ виду промышленнаго и торговаго роста Россіи? Городъ праздновалъ свой юбилей въ теченіи трехъ дней, съ процессіями, рѣчами, депутаціями, адресами, со всею обстановкою, приличною торжественному случаю.

Пятидесятилѣтній юбилей Кіевскаго университета. Одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ городовъ также два дня праздновалъ полувѣковую годовщину своего университета. 7-го сентября, была панихида по императорамъ Николаю I и Александру II, по усопшимъ профессорамъ, членамъ университета и студентамъ; затѣмъ отслужены литургія, молебствіе и посѣтители осматривали всѣ учебно-вспомогательныя заведенія университета. 8-го сентября, былъ торжественный актъ съ рѣчами, депутаціями, провозглашеніемъ почетныхъ членовъ и т. п. Полвѣка жизни—для университета срокъ короткій, сравнительно съ университетами западными, изъ которыхъ иные, какъ пражскій, оксфордскій, саламанкскій, приближаются къ половинѣ тысячелѣтія. Университетъ св. Владиміра — одинъ изъ самыхъ молодыхъ университетовъ. Послѣ него основаны Александромъ II университеты Новороссійскій и Варшавскій и ждетъ своего открытія университетъ Сибирскій. Учрежденіе императора Николая I, университетъ св. Владиміра, принявъ наслѣдство, завѣщанное высшими школами въ Западномъ краѣ, Кременецкимъ лицеемъ и Виленскою медико-хирургическою академіею, не могъ не принять отъ нихъ, до нѣкоторой степени, и того особаго національнаго духа, которымъ жили эти польскія учебныя заведенія. Не смотря, однако, на такое наслѣдство, на географическое свое положеніе, на господство польской аристократіи и интеллигенціи на Юго-западномъ краѣ, Кіевскій университетъ оставался чуждъ польской агитаціи, хотя столкновеніе національностей въ составѣ кіевскаго студенчества создавало для университета по временамъ тревожное положеніе. Разноплеменность въ составѣ студентовъ сказалась въ 1863 году, когда большая часть ихъ покинула университетъ. Былъ онъ и закрываемъ вслѣдствіе волненій, закрылся и теперь, послѣ тяжелыхъ, прискорбныхъ сценъ, когда буйная толпа разбила камнями окна квартиры ректора. Это повело къ тому, что всѣ студенты уволены, съ лишеніемъ права поступить въ другіе университеты и могутъ подавать прошенія о принятіи ихъ вновь въ университетъ св. Владиміра только къ новому году, когда возобновятся лекціи. Агитаторы лишили такимъ образомъ даже и многихъ неповинныхъ студентовъ возможности продолжать свое образованіе. Да и кто знаетъ, студенты ли буйствовали у дома ректора? Слѣдствіе

конечно, откроетъ виновныхъ. А между тѣмъ, праздникъ науки и просвѣщенія встрѣченъ былъ съ особымъ сочувствіемъ не только въ Россіи: кромѣ всѣхъ нашихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, поздравительные адресы приносили университеты: Страсбургскій, Берлинскій, Лейпцигскій, Вѣнскій, Эдинбургскій, Гетингенскій, Львовскій, Римскій, Пражскій, Хорватскій, Черновицкій. Государь пожаловалъ 225,000 руб. на расширеніе университетскихъ клиникъ. Почетными членами университета избраны 77 лицъ (до этого времени, въ теченіи 50-ти лѣтъ, избрано 81 лицо), въ это число вошли и профессора, и ученые, и писатели (Л. Н. Толстой, А. Н. Островскій, И. А. Гончаровъ) и бывшіе министры (г. Головинъ, Николаи, Милютинъ) и иностранныя знаменитости и князь Николай Черногорскій. Съ 1834 по 1883 годъ, включительно, по факультетамъ: физико-математическому, филологическому, юридическому и медицинскому получили степень кандидата и лекаря и званіе дѣйствительнаго студента всего 4,358 лицъ. Изъ нихъ окончило: филологическій факультетъ 615, физико-математическій—679, юридическій — 1,144 и медицинскій—1,920 человѣкъ. Кромѣ того, медицинскія званія: инспектора врачебной управы, члена врачебной управы и званія уѣзднаго врача получили 537 лицъ; степень провизора—535; аптекарскаго помощника — 1,541 и званія дантиста—63. Званія повивальной бабки 1,280 лицъ, въ теченіе 39-тилѣтняго существованія акушерской клиники при университетѣ св. Владиміра; высшихъ ученыхъ степеней: доктора — 118 лицъ, магистра—85. Въ теченіе своего пятидесятилѣтняго существованія, университетъ св. Владиміра выдалъ 8,517 дипломовъ. Это очень немного для университета, районъ котораго едва ли уступаетъ по пространству нѣкоторымъ даже великимъ европейскимъ державамъ. Въ теченіе 50-ти-лѣтняго существованія въ университетѣ св. Владиміра перебыло 231 преподаватель: православныхъ — 143, католиковъ — 28, лютеранъ—47, англичанъ—2, еврей 1.

Памятникъ на полѣ альминскаго сраженія. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ роковой для насъ битвы при Альмѣ, 8-го сентября открытъ памятникъ на мѣстѣ альминскаго сраженія. Памятникъ имѣетъ форму обелиска, высотой вмѣстѣ съ постаментомъ около пяти саженъ. Съ лицевой стороны надпись: «Въ память воиновъ, павшихъ въ альминскомъ сраженіи»; съ противоположной — «8-го сентября 1884 года». Памятникъ отличается простотой. Онъ сдѣланъ изъ инкерманскаго камня, бѣлъ и издали бросается въ глаза. Мѣсто, на которомъ онъ стоитъ въ полугорѣ, ниже бывшей ставки князя Меньшикова, на мѣстѣ батареи, которая защищала мостъ черезъ Альму и откуда владимірскій полкъ три раза ходилъ «въ штыки» на англичанъ и всѣ три раза отбивалъ ихъ. У подножія памятника разбросано много братскихъ могилъ. Убранъ онъ былъ гирляндами изъ дубовыхъ и лавровыхъ вѣтокъ. Однимъ изъ ветерановъ, бывшихъ въ этомъ сраженіи, положенъ на памятникъ большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. На торжествѣ открытія присутствовали: архіепископъ таврическій, мѣстный губернаторъ, корпусный начальникъ, нѣсколько генераловъ и англійскій консулъ. Изъ войскъ находились четыре роты бѣлостокскаго полка и одна горная батарея мѣстной бригады. Публики съѣхалось до 4,000. Послѣ освященія памятника и панихиды по павшимъ воинамъ, сопровождавшихся пушечными выстрѣлами, войскамъ и гостямъ предложено было угощеніе.

Памятникъ Александру II въ Полтавѣ. Въ полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ состоялось открытіе и освященіе памятника императору Александру II, сооруженнаго на средства, пожертвованныя служащими и воспитанницами заведенія. Послѣ литургіи законоучителемъ была произнесена рѣчь, въ которой подробно очерченъ образъ императора, какъ человѣка и государя. Послѣ рѣчи, воспитанницы, въ сопровожденіи классныхъ дамъ, направились къ мѣсту, гдѣ воздвигнутъ памятникъ, окруженный оградой изъ живыхъ цвѣтовъ. Въ срединѣ круга, на гранитномъ пьедесталѣ, установлена мраморная колонна съ высѣченными на ней золотыми буквами годовъ посѣщенія института покойнымъ императоромъ и съ надписями «Царю-Отцу, Царю-Освободителю, Царю-Просвѣтителю и Царю-Мученику»; на колоннѣ укрѣпленъ бюстъ императора, сдѣланный по модели ген. Тимашева, отличающейся сходствомъ и изяществомъ работы. Памятникъ былъ закрытъ двумя штандартами съ изображеніемъ государственнаго герба и декорированъ живыми цвѣтами; между массой цвѣтущихъ растеній выдѣлялся вѣнокъ съ вензелемъ

императора Александра II изъ розъ. Передъ памятникомъ была совершена литія; по провозглашеніи вѣчной памяти возлюбленному Монарху, штандарты раздвинулись, и передъ присутствующими открылся величественный образъ Александра II. Тогда, взойдя на ступень пьедестала, преподаватель института А. Н. Корсунскій произнесъ краткую рѣчь о почившемъ, въ которой указалъ на значеніе торжества и на обязанности каждаго изъ подданныхъ, помня покойнаго императора, служить честно своему царю и отечеству.

Полуторостолѣтняя годовщина рожденія Дмитревскаго. 23-го сентября, на Волковскомъ кладбищѣ была отслужена панихида на могилѣ знаменитаго артиста Ивана Афанасьевича Дмитревскаго, по случаю 150-ти-лѣтія со дня его рожденія. Почитателей памяти покойнаго, можно сказать, создателя драматическаго искусства въ нашемъ отечествѣ явилось немного. Могила Дмитревскаго близъ такъ называемой старой церкви Волковскаго кладбища «Спаса нерукотвореннаго образа». Надъ могилою воздвигнутъ памятникъ чернаго мрамора, на пьедесталѣ котораго, изъ краснаго гранита, съ одной стороны надпись: «Ивану Афонасьевичу Дмитревскому», а съ другой стороны: «родился 1734 года; скончался 1821 года, октября 28 дня». Противъ памятника находится каменная гробница, воздвигнутая надъ могилою его жены, съ слѣдующею надписью:

«На семъ мѣстѣ погребена придворнаго россійскаго театра славная актриса Агрипіна Михаиловна Дмитревскаго, по породѣ Мусина Пушкина, родившаяся въ 1740 году, іюня 16 дня, а скончавшаяся 20 іюля 1782 года; всего житія ея въ семъ временномъ свѣтѣ было 42 года и 35 дней, а въ супружествѣ за Иваномъ Дмитревскимъ 23 года и 9 мѣсяцевъ».

По другую сторону гробницы вычеканена эпитафія:

«Дмитревская цвѣла душевной добротою,
Россійской Таліи служила красотою,
Къ стѣнанью горькому супруга и дѣтей,
Сраженна смертію среди цвѣтущихъ дней,
Лишась мірскихъ суетъ, здѣсь въ гробѣ почиваетъ
И «помни смертный смерть» отъ толѣ возглашаетъ».

Тутъ-же похоронена и дочь Дмитревскаго, Софія, 19-ти лѣтъ, на памятникѣ которой эпитафія:

«Софія! не земля отечество твое!
Презрѣвъ земное бытіе,
Ты воспарила въ сонмъ духовъ,
Оставивъ въ сиротствѣ и дружбу и любовь!..»

Софія Дмитревская родилась 20-го декабря 1810 года, а скончалась 1-го Іюля 1829 года.

Почему поэзія вдохновилась женою и дочерью Дмитревскаго, а не самимъ артистомъ — остается неразъясненнымъ.

Столѣтіе Павловской церкви. Исполнилось столѣтіе со дня освященія перваго православнаго храма въ Павловскѣ — придворной церкви во имя Маріи Магдалины. Императрица Екатерина II подарила, по случаю рожденія своего внука, родителямъ его лѣсную чащу въ 5 верстахъ отъ Царскаго Села. Императоръ Павелъ, выстроенное въ этой чащѣ селеніе назвалъ городомъ и предоставилъ въ собственность своей супругѣ, Маріи Ѳедоровнѣ. Основательница города, прежде постройки здѣсь дворца, приступила къ созданію храма съ благотворительными при немъ учрежденіями: больницею и богадельнею. 8-го сентября 1874 г. храмъ былъ освященъ и построенъ со всѣми заведеніями при немъ по плану извѣстнаго архитектора Гуаренги; иконостасъ дѣлалъ художникъ Кадесъ въ Римѣ. Флигеля при храмѣ, сперва одноэтажные, съ 1809 г. сдѣланы двухъ-этажными; въ сѣверномъ флигелѣ находится больница и богадельня, въ южномъ — живетъ причтъ церкви. Особенности храма составляютъ: аналой съ кіотой изъ кипариса, въ которой находится серебряный золоченый крестъ съ мощами, драгоцѣнные дискосъ и потиръ на постаментахъ изъ слоновой кости, выточенныхъ императрицею Маріею Ѳеодоровной, и запрестольное паникадило въ 12 свѣчей изъ янтаря и слоновой кости — ея же работы; образа итальянской школы. Кормовые флаги французскихъ, итальянскихъ и голландскихъ войскъ, отбитые русскими во время войны 1790 г., и нѣкоторыя русскія знамена, украшаютъ стѣны храма, здѣсь же надгробные памятники князю Куракину — пирамида съ медальо-

номъ покойнаго и съ надписью: «Другу супруга моего», воздвигнутъ Маріею Ѳедоровной, и мавзолей Загряжскому, изображающій плачущую женщину. 10 мая 1881 года, въ день столѣтія со дня закладки храма, открыто при церкви благотворительное общество.

Общество любителей древней письменности. Дѣятельность общества любителей древней письменности ознаменовалась за періодъ времени съ мая 1882 года, по январь 1884 года выпускомъ въ свѣтъ четырехъ капитальныхъ изданій и 19 нумеровъ «Памятниковъ древней письменности и искусства». Изданія эти слѣдующія: «Житіе св. Николая Чудотворца» съ лицевыми изображеніями, — воспроизведенное факсимиле по рукописи Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, «Заставки и миніатюры четверо-евангелія 1507 года», изданныя по рукописи публичной библіотеки; «Леонтьевскій сборникъ», заключающій въ себѣ 11 статей и «Записка Леонтія Магницкаго по дѣлу Тверитинова», любопытный и важный памятникъ по возникшему въ 1713 году дѣлу увлекшихся протестантскими вѣрованіями московскихъ еретиковъ. Рядъ изданныхъ «Памятниковъ» касается святынь Іерусалима и Аѳона, сообщенія о которыхъ сдѣланы обществу изслѣдователемъ русской древней письменности, намѣстникомъ Троицкой лавры — архимандритомъ Леонидомъ. Два выпуска «Памятниковъ» посвящены историко-литературнымъ изслѣдованіямъ. Въ настоящее время обществомъ предпринято изданіе «полнаго круга церковнаго древняго знаменнаго пѣнія», печатающееся съ рукописи крестьянина И. А. Фортова.

† **Степанъ Тимофѣевичъ Славутинскій**, даровитый писатель. По происхожденію рязанецъ, онъ въ своихъ сочиненіяхъ съ особенною любовью рисовалъ картины изъ жизни роднаго, широкаго приволья Оки и ея окрестностей. Особенный успѣхъ имѣлъ его романъ «Бѣглянка». Сочиненія его, историческаго характера, представляютъ рядъ занимательныхъ изслѣдованій. Въ послѣднее время онъ сотрудничалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ».

† **Фердинандъ Гохштетеръ**, австрійскій географъ, извѣстный путешествіями въ славянскія земли и за Уралъ, президентъ географическаго общества и академикъ близъ Вѣны, 55-ти лѣтъ. Онъ родился въ Эслингенѣ, первоначально изучалъ богословіе, но вскорѣ затѣмъ занялся естественными науками. Ему было поручено руководить экспедиціей, извѣстной подъ именемъ «Путешествіе фрегата Наварра». По возвращеніи Гохштеттеръ напечаталъ рядъ трудовъ, открывшихъ европейцамъ естественныя богатства Новой Зеландіи и Тихаго Океана. Потомъ путешествія на Балканы, въ Румелію, за Уралъ, на Альпы и на востокъ доставили ему много матеріала для новыхъ ученыхъ трудовъ.

† Въ гор. Палланца на Лаго Маджіоре, сенаторъ **Джуліо Каркано**, одинъ изъ талантливѣйшихъ итальянскихъ литераторовъ. Ревностный сторонникъ направленія, приданнаго итальянской литературѣ Манцони, Каркано въ своихъ романахъ изображаетъ преимущественно сцены изъ народнаго быта. Его «сельскія повѣсти» (novelle rusticane) имѣли большой успѣхъ, особенно «Angiola Maria» считающаяся его лучшимъ трудомъ. Каркано извѣстенъ также какъ авторъ революціоннаго гимна, написаннаго имъ по случаю возстанія ломбардцевъ противъ Австріи въ 1848 году, а также какъ переводчикъ трагедій Шекспира.

† **Гарсія Гутьерресъ**, испанскій драматургъ, въ Мадридѣ. Онъ родился въ 1812 году и въ молодости началъ заниматься медициной, но, увлекшись литературою, сталъ писать. Сперва пришлось ему перебиваться кое-какъ, а затѣмъ случайность помогла выбраться изъ нужды. Въ Мадридѣ была поставлена его трагедія «El Trovador». Пьеса имѣла огромный успѣхъ. Гутьерресъ сдѣлался знаменитостью. Послѣ долгаго пребыванія въ Америкѣ, онъ вернулся въ Испанію и съ тѣхъ поръ писалъ только пьесы, имѣвшія огромный успѣхъ. Въ трагедіяхъ «Simon Bocanegra» и «Venganza catalana» онъ обнаружилъ большой лирическій талантъ и такое умѣнье владѣть стихомъ, что ему безспорно должно быть отведено первое мѣсто въ числѣ современныхъ испанскихъ писателей. Изъ всѣхъ трехъ драмъ его Верди написалъ оперы.

Портретъ Лестока.

Къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прилагается копія съ рѣдкаго гравированнаго портрета извѣстнаго лейбъ-медика императрицы Елизаветы Петровны, Германа Лестока. Оригиналъ находится въ собраніи русскихъ гравюръ и портретовъ Д. А. Ровинскаго и принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ гравера прошлаго столѣтія Штенглина. Лестокъ изображенъ въ богатомъ, придворномъ костюмѣ, съ портретомъ императрицы, украшеннымъ драгоцѣнными камнями на шеѣ и портретомъ великаго князя Петра Ѳедоровича въ петлицѣ. Подъ гравюрой въ подлинникѣ сдѣланъ гербъ Лестока и слѣдующая подпись:

«Hermann de Lestocq S. R. I. Comes Augustae Russorum Imperatricis Consiliari actualis intimus Primarius Medicus et Supremus Cancellariae ac inclytae facultatis Medicae Director. G. C. Grooth pinx. Stenglin sc.».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Сибирскіе сатрапы».

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» было напечатано П. П. Каратыгинымъ, подъ заглавіемъ «Сибирскіе сатрапы», письмо барона Штейнгеля къ А. П. Ермолову. Письмо это было передано г. Каратыгину покойнымъ генераломъ отъ инфантеріи А. Э. Циммерманомъ, который снялъ копію съ письма Штейнгеля въ бытность свою на Кавказѣ и удостовѣрилъ, что оно было писано къ Ермолову. Въ настоящее время, г. И. В. Ефимовъ прислалъ намъ замѣтку, въ которой доказываетъ, что письмо Штейнгеля писано не къ Ермолову, а къ А. П. Юшневскому. Печатаемъ замѣтку г. Ефимова, хотя, въ данномъ случаѣ, вопросъ о томъ, къ кому именно было адресовано письмо Штейнгеля, не имѣетъ никакого значенія. Ред.

Не знаю, былъ ли друженъ Владиміръ Ивановичъ и находился ли въ сношеніяхъ съ А. П. Ермоловымъ—этого я отъ него не слыхалъ; но знаю однако, что письмо это онъ писалъ отнюдь не Ермолову, а хотя тоже Алексѣю Петровичу, но только товарищу своему Юшневскому, который желалъ ознакомиться отъ него съ дѣйствіями прежнихъ, до временъ Сперанскаго, правителей Сибири. Это подтверждается даже заключительными словами письма: «пусть оно останется памятникомъ того неподдѣльнаго уваженія и чистосердечной пріязни, которую къ вамъ питаю и сохраню вездѣ, куда бы судьба насъ не разбросала, сохраню до послѣдней минуты».

Что письмо это писано къ Алексѣю Петровичу Юшневскому, я знаю положительно. Окончивъ въ 1835 году курсъ въ Иркутской гимназіи, я переѣхалъ жить въ Тельминскую, тогда еще казенную фабрику, гдѣ служилъ мой отецъ, и чрезъ него познакомился съ Владиміромъ Ивановичемъ, который незадолго до того, по освобожденіи изъ Петровскаго каземата, былъ поселенъ въ 16-ти верстахъ отъ этой фабрики въ селѣ «Елань» Бадайской волости Иркутскаго округа, откуда онъ потомъ былъ переведенъ (въ концѣ 1836 или началѣ 1837 г.), если не ошибаюсь, въ г. Ишимъ Тобольской губерніи. Въ Елани онъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, который устроилъ для себя покойный Александръ Ивановичъ князь Одоевскій и въ которомъ жилъ, послѣ Одоевскаго и раньше Штейнгеля, нѣкоторое время В. Кюхельбекеръ.

Познакомившись съ Владиміромъ Ивановичемъ и заслуживъ его расположеніе, я ѣздилъ къ нему часто и проводилъ иногда у него нѣсколько дней. Въ это время онъ читалъ и разсказывалъ мнѣ многое, слышанное имъ отъ очевидцевъ и современниковъ, многое, что впослѣдствіи, чрезъ долгое время, мнѣ пришлось читать и въ «Русской Старинѣ». Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ онъ далъ мнѣ прочесть и списать помянутое выше письмо. Долго хранился у меня этотъ списокъ; но сгорѣлъ со всѣми другими бумагами и всѣмъ моимъ имуществомъ въ бывшемъ у меня въ Томскѣ, гдѣ я живу, въ 1869 году пожарѣ. Считаю не лишнимъ прибавить, что лучшій, насколько помню, противъ доставленнаго г. Каратыгинымъ, списокъ письма мнѣ случилось читать, какъ-то давно, въ одномъ изъ заграничныхъ сборниковъ.

И. В. Ефимовъ.

ОБЗОРЪ

ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

ПОКОЙНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

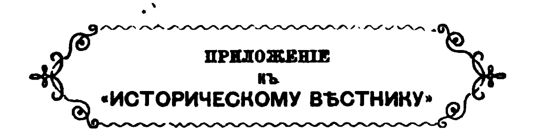
Д. Д. ЯЗЫКОВА

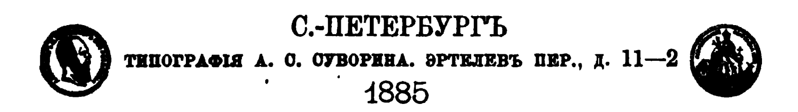
Чтò люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ...

Лермонтовъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Русскіе писатели, умершіе въ 1881 году




С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

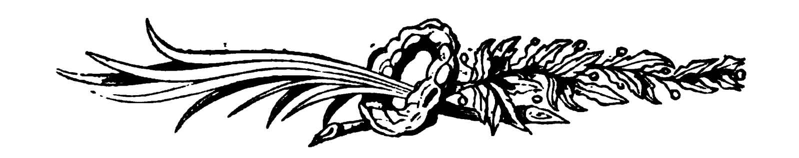
АЖДЫЙ историко-литературный трудъ требуетъ такой справочной книги, которая бы въ сжатомъ видѣ передавала главные факты изъ біографіи какого бы то ни было писателя, перечисляла всѣ его печатныя произведенія и, наконецъ, точно указывала на обнародованные матеріалы, необходимые для полнаго знакомства съ его жизнью и дѣятельностью. Эти требованія давно были подмѣчены такими лицами, какъ Н. И. Новиковъ, митрополитъ Евгеній, архіепископы Филаретъ и Г. Г. Генади: всѣ они постарались собрать какъ біографическія, такъ и библіографическія свѣдѣнія о старинныхъ и новыхъ авторахъ, а потомъ позаботились напечатать собранные матеріалы въ систематическомъ порядкѣ, въ видѣ «Словарей покойныхъ писателей [1]). Особенно долго и неутомимо потрудился на этомъ полезномъ поприщѣ недавно почившій библіографъ Геннади: послѣ, «краткихъ некрологовъ», какіе постепенно печатались имъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1858 — 1861 гг.), «Книжномъ Вѣстникѣ (1860 г.) и «Русскомъ Архивѣ» (1864—1877 гг.), онъ незадолго до смерти занялся обработкою своихъ прежнихъ трудовъ и успѣлъ издать начало извѣстнаго «Справочнаго Словаря». Къ сожалѣнію, этотъ важный трудъ прервался на второмъ томѣ, который вышелъ въ 1880 году. Съ той поры прошло уже четыре года;

---

[1]) Напоминаемъ эти важные труды: «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», Н. И Новикова, Спб. 1772 года; изд. 2-е въ книгѣ П. А. Ефремова: «Матеріалы для исторіи русской литературы», Спб. 1867 года. «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина» (Спб. 1827 г., 2 т.) и «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», митрополита Евгенія (М. 1845 г., 2 т.). «Обзоръ русской духовной литературы», архіепископа Филарета (сначала въ «Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, 1856 г., кн. 3, стр. 1—300, а потомъ отдѣльно: кн. I, Спб. 1857 г. и Харьк. 1859 г.; кн. II, Спб. 1861 г. и Черниг. 1863 г.). «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ». Г. Геннади, Берл. 1876 — 1880 года, два тома.

много новыхъ именъ прибавилось къ кружку покойныхъ русскихъ авторовъ, а между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, до настоящей минуты еще никто не принялся за продолженіе работъ Геннади. Поэтому мы рѣшаемся сдѣлать попытку и на первый разъ представляемъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» за 1881 годъ. Такой «Обзоръ» по своей цѣли близко подходитъ къ труду Геннади и, если можно сказать, является его прямымъ продолженіемъ, но въ то же время отличается своимъ планомъ: съ одной стороны, въ нашъ «Обзоръ» занесены по возможности всѣ авторы, хотя бы нѣкоторые участвовали только въ журналахъ и газетахъ, тогда какъ «Справочный Словарь» не отмѣчалъ сотрудниковъ періодическихъ изданій, если они не напечатали ни одного отдѣльнаго сочиненія; съ другой стороны, трудъ Геннади перечислялъ только тѣ произведенія умершаго автора, какія вышли въ видѣ книги или брошюры, между тѣмъ какъ нашъ «Обзоръ» указываетъ не только отдѣльныя изданія, но, на сколько возможно, журнальныя и даже газетныя статьи того или другаго покойнаго писателя. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ обширномъ планѣ намъ не удалось освободить свою работу отъ невольныхъ пробѣловъ; но этотъ недостатокъ, обычный при всякой библіографической работѣ, устранится легко, если мы, какъ надѣемся, встрѣтимъ въ печати указанія на пропуски и помѣстимъ эти добавленія при новомъ выпускѣ своего труда.

Димитрій Языковъ.



РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ, УМЕРШІЕ ВЪ 1881 ГОДУ.

Александровъ, Григорій Николаевичъ, статскій совѣтникъ, сначала служилъ подъ начальствомъ графа Сперанскаго, во II-мъ Отдѣленіи собственной Е. В. канцеляріи (1826 — 1835 г.), а въ послѣдніе годы управлялъ московскимъ отдѣленіемъ архива главнаго штаба; † 18-го марта въ Москвѣ. Онъ, кромѣ многихъ историческихъ документовъ и замѣтокъ, помѣщенныхъ на страницахъ «Русскаго Архива» [1]), напечаталъ статью: «Мои воспоминанія о графѣ Сперанскомъ» (Современ. Лѣтопись, 1865 г. № 18).

Алексѣевъ, Николай Николаевичъ [2]), професоръ и адъюнктъ-академикъ по каѳедрѣ математики. Онъ воспитывался въ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ и на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата (1847 г.) и серебряною медалью за сочиненіе: «Вычислить сжатіе земли по наблюденіямъ съ помощью способа наименьшихъ квадратовъ»; по окончаніи курса — учитель и инспекторъ классовъ 2-й военной гимназіи въ Петербургѣ, а послѣ полученія почетнаго докторскаго диплома (1869 г.) — профессоръ математики въ Варшавскомъ университетѣ (1870 г.) и адъюнктъ Академіи Наукъ (1878 г.); † 2-го марта въ Варшавѣ. Кромѣ статей въ «Математическомъ Сборникѣ», имъ напечаны:

«Начала интегральнаго исчисленія», двѣ книги, М. 1862 г.— Второе изданіе подъ заглавіемъ: «Интегральное исчисленіе», М. 1874 г.

«Записка объ эллиптическихъ функціяхъ» (Comptes-Rendus de l'Académie Imperiale des sciences 1864 г.).

---

[1]) См. «Роспись содержанію «Русскаго Архива», за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія», М. 1877 года, стр. 81.

[2]) О немъ: Московск. Университ. Извѣстія 1870 г. № 3 и Моск. Вѣдомости 1881 года № 81.

«Аналитическая геометрія на плоскости», вып. I, М. 1878 г.

«Интегрированіе дифференціальныхъ уравненій», вып. I, М. 1878 г., 312 стр.

«О подходящихъ дробяхъ, получаемыхъ при извлеченіи квадратнаго корня изъ цѣлаго многочлена какой либо степени» (Записки Имп. Академіи Наукъ 1881 г. т. 37).—Отдѣльно: Спб. 1881 г., 17 стр.

Антроповъ, Лука Николаевичъ, сотрудникъ «Библіотеки для чтенія» (подъ буквами: «Л. Н. А»), «Зари» (за подписью: «Л. Н. А—въ» и «Московскихъ Вѣдомостей», но болѣе извѣстный, какъ драматическій писатель; † 14-го сентября въ Москвѣ. Его труды:

«Госпожа Брошель», біограф. статья (Библіот. для чтен. 1865 г. кн. 1).

«Разборъ повѣстей Н. Дмитріева» (Библіот. для чтен. 1865 г., кн. 2).

«Спектакль любителей съ участіемъ г. Васильева» (Библіот. для чтен. 1865 г. кн. 2).

«Современная русская сатирическая журналистика» (Библіот. для чтен. 1865 г. кн. 3).

«Театральныя замѣтки» (Заря 1869 г. кн. 1, 2 и 5).

«Разборъ романа Гончарова»: «Обрывъ» (Заря, 1869 г. кн. 11).

«Блуждающіе огни», комедія въ 5 д., Спб., 1878 г. (литогр. изданіе).

«Ванька-Ключникъ», драматическій эскизъ въ 4 д., Спб., 1878 г. (литогр. изданіе) и М. 1878 г. (такое же изданіе).

«Гордое сердце», комедія въ 3 д., Спб. 1878 г. (литогр. изданіе).

«Очаровательный сонъ», ком. въ 3 д., Спб. 1878 г. (литогр. изданіе).

«Русскіе раскольники и англійскіе диссиденты» (Русск. Рѣчь, 1881 г. кн. 4).

Бабстъ, Иванъ Кондратьевичъ, извѣстный политико-экономистъ [1]). Онъ родился въ 1823 году, воспитывался въ Рижской гимназіи и на «словесномъ» факультетѣ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата (1845 г.); затѣмъ былъ учителемъ исторіи въ Московскомъ сиротскомъ домѣ (1845—1851 г.), преподавателемъ политической экономіи и статистики въ Казанскомъ университетѣ (1851—1857 г.), наконецъ, профессоромъ тѣхъ же наукъ въ университетѣ Москвы (1857—1874 г.); въ послѣднее же время управлялъ Московскимъ купеческимъ банкомъ; † 6-го іюля въ селѣ Бѣлавинѣ, Московской губерніи. Кромѣ изданія газетъ: «Вѣстникъ Промышленности» (1860—1861 г.) и «Акціонеръ» (1860 — 1862 г.); сверхъ сотрудничества въ «Днѣ», «Москвѣ», «Москвичѣ» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ», покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

«Нѣсколько замѣчаній по поводу критики г. Стасюлевича на книгу»: Аббатъ Сугерій» (Отечеств. Записки, 1850 г. кн. 7).

«Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія, М. 1851 г. (магистерская диссертація).

«О Саллюстіи и его сочиненіяхъ» (Пропилеи, изд. П. М. Леонтьева, М. 1852 г. т. 1).

«Рѣчная область Волги» (Магазинъ землевѣдѣнія, изд. Н. Фролова, М. 1852 г., т. I и отдѣльною брошюрою).

---

[1]) О немъ: Русск. Вѣд. 1881 г. № 201; Русь, 1881 года, № 38.

«Поѣздка въ Илецкую Защиту» (Магазинъ землевѣдѣнія, изд. Н. Фролова, М. 1852 г., т. I).

«Джонъ Ло, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регенства» М. 1852 г. (докторская диссертація).

«Дмитрій Поліоркетъ, эпизодъ изъ исторіи Діадоховъ» (Отечеств. Записки 1853 г., кн. 7).

«Антоній и Клеопатра» (Пропилеи, изд. П. М. Леонтьева, М. 1854 г. т. IV).

«Экономическіе этюды» (Московск. Вѣд. 1855 г. № 68, 110 и 111).

«О трудахъ Вильгельма Рошера» (Московск. Вѣд. 1856 г. № 60).

«О характерѣ политико-экономическихъ ученій, возникшихъ послѣ Адама Смита» (Журналъ мин. нар. просв. 1856 г., кн. 4).

«О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала», Каз. 1856 г. и М. 1857 г. (актовая рѣчь).

«Историческій методъ въ политической экономіи» (Русск. Вѣстн. 1856 г. книга 9).

«Куда дѣлось серебро»? (Русск. Вѣстн. 1856 г., кн. 20).

«Народное хозяйство въ Венгріи» (Русск. Вѣстн. 1856 г., кн. 22).

«Разборъ Новаго опыта о богатствѣ народномъ», г. Каменскаго (Московск. Вѣд. 1857 г. № 11).

«По поводу новаго тарифа, 28-го мая 1857 года» (Московск. Вѣд. 1857 г., № 96 и 97).

«Статистика и географія Россіи и смежныхъ странъ Азіи» (Русск. Вѣстн. 1857 г., кн. 3).

«Нѣсколько словъ о городскихъ банкахъ и вспомогательныхъ кассахъ» (Записки Имп. Казанск. Эконом. Общества 1857 г. ч. I, кн. 2).

«Историческій очеркъ торговаго движенія по Дунаю и его притокамъ» (Сборникъ ученыхъ статей, написан. проф. Казанск. университета, Каз. 1857 г., т. II).

«Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 году J. de-Podeca», переводъ (Магаз. землевѣд., изд. Н. Фролова, М. 1858 г., т. V).

«Разборъ сочиненія г. А. Корсака»: Истор.-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ» (Атеней, 1858 г., кн. 9).

«Черты изъ современнаго экономическаго быта Франціи (Атеней, 1848 г., кн. 15).

«Русскіе протекціонисты» (Атеней, 1858 г., кн. 16).

«Разборъ изслѣдованія г. И. Аксакова»: О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ» (Атеней, 1858 г., кн. 37 и 38).

«Три мѣсяца за границею» (Атеней, 1858 г., кн. 42, 45, 50; 1859 г., кн. 4 и 8).— Эти «Письма» вышли и отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: «Отъ Москвы до Лейпцига», М. 1859 г.

«Свобода труда», матеріалы для реформы промышленнаго законодательства (Атеней, 1859 г., кн. 6).

«О винномъ откупѣ» (Атеней, 1859 г., кн. 35).

«Бывшій прусскій министръ финансовъ Ганземанъ» (Московск. Вѣд. 1859 г., № 6).

«Главное банковое и торговое общество» (Московск. Вѣд. 1859 г. № 198).

«По поводу увеличенія штатовъ уѣздныхъ училищъ» (Московск. Вѣстн. 1859 г., № 25).

«О книгѣ г. Семенова»: Изученіе истор. свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности», (Отечеств. Зап. 1859 г., кн. 10).

«Мысли о современныхъ нуждахъ нашего народнаго хозяйства», М. 1860 г. (актовая рѣчь).

«Публичныя лекціи по политической экономіи», читанныя въ Практической Академіи, М. 1860 г.

«Начала народнаго хозяйства», руководство А. Рошера, перев. съ нѣмецкаго, т. I, отд. 1 и 2, М. 1860—1862 г.

«Русская мануфактурная промышленность» (С.-Петерб. Вѣд. 1863 г. № 115 и 119).

«Войско и народное хозяйство» (Русск. Инвалидъ 1863 г. № 123).

«Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи, отъ Петербурга до Крыма», М. 1864 г. — Въ составленіи этихъ «Писемъ» принималъ участіе и К. П. Побѣдоносцевъ.

«Курсъ политической экономіи», М. 1872 г., вып. 1.

«Письма о банкахъ», М. 1872 г.

Барсовъ, Павелъ Петровичъ, окончилъ курсъ по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ (1844 г.) и долгое время (1864—1879 г.) состоялъ при томъ же университетѣ помощникомъ проректора (субъ-инспекторомъ); † 5-го марта въ Москвѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе переводы:

«Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ», перев. съ нѣмецкаго (Чтенія въ общ. истор. и древн. 1868 г., кн. 1—4; 1870 г., кн. 2 и отдѣльной книгой: М. 1870 г.).

«О воспитаніи женщинъ и освобожденныхъ негровъ въ Америкѣ», переводъ статьи Гиппо (Московск. Университ. Извѣстія 1870 г.).

«Путешествіе чрезъ Московію Корнилія де-Бруина», перев. съ французскаго (Чтенія въ общ. истор. и древн. 1872 г., кн. 1—4 и отдѣльною брошюрой: М. 1873 г.).

«Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ», перев. съ нѣмецкаго (Русск. Архивъ 1872 г., кн. 6—9).

«Изъ послѣднихъ дней русской императрицы Елизаветы Петровны» (изъ донесенія графа Мерси Аржанто), перев. съ французскаго, М. 1877 г.

Безобразова, Елизавета Дмитріевна, урожденная Маслова[1]), съ 1872 года до дня кончины, печатала пофранцузски корреспонденціи и публицистическія статьи въ такихъ журналахъ, какъ «Journal des Economistes», «Journal des Débats», «La Nouvelle Revue», «Revue Suisse», «Contemporary Review», «Rivista Europea» и Journal de St.-Petersbourg», но подъ двумя псевдонимами: «T. S.» и «T. Swetow»; † 6-го сентября въ Царскомъ Селѣ.

---

[1]) О ней Journal de St. Petersbourg 1881 года № 246; Истор. Вѣстн. 1881 года, кн. XII, стр. 794—797.

Блюменталь, Адріанъ Ивановичъ[1]), родомъ изъ Курляндіи, воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ; по окончаніи курса (1826 г.) былъ сперва профессоромъ патологіи въ Харьковскомъ университетѣ, потомъ—главнымъ докторомъ Голицынской больницы и Воспитательнаго Дома, наконецъ, почетнымъ опекуномъ Московскаго опекунскаго совѣта и членомъ по учебной части въ Екатерининскомъ институтѣ: † 10-го марта въ Ялтѣ. Кромѣ «Курса патологіи» на латинскомъ языкѣ, статей въ разныхъ медицинскихъ журналахъ и двухъ сборниковъ своихъ нѣмецкихъ стихотвореній, подъ заглавіями «Herbstblumen» (М. 1873 г.) и «Lieder Kranz» (М. 1876 г.), онъ издалъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ: «Катихизисъ» митр. Филарета, «Руководство къ изученію православнаго догматическаго богословія» митр. Макарія, «Исторію русской церкви» архіеп. Филарета и романъ «Евгеній Онѣгинъ» (Eugen Onegin, Roman in Versen, M. 1878 г. 132 стр.; въ концѣ книги, на стр. 134—139, помѣщенъ переводъ восьми мелкихъ стихотвореній Пушкина).

Бутовскій, Викторъ Ивановичъ[2]) родился въ 1815 году, воспитывался въ частномъ пансіонѣ Курнанда и Петербургскомъ университетѣ, откуда вышелъ со степенью дѣйствительнаго студента по историко-филологическому факультету (1835 г.), затѣмъ служилъ въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку, въ канцеляріи морскаго министра князя Меншикова и главноуправляющаго путями сообщеній Чевкина; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отставки, онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ и назначенъ былъ директоромъ московскаго Строгановскаго училища (1860—1881 г.) и Художественно-Промышленнаго музея (1868—1881 г.); † 22-го іюня въ Москвѣ. Кромѣ изданія «Строгановскаго иконописнаго лицеваго подлинника» (М. 1866 г.) и «Исторіи русскаго орнамента съ X-го по XVI-е столѣтіе» (М. 1869—1872 г., 2 т.), покойный напечаталъ двѣ свои брошюры:

«О приложеніи естетическаго образованія къ промышленности въ Европѣ и въ Россіи въ особенности», Спб. 1870 г.

«Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віолле-ле-Дюка, французскаго ученаго архитектора, и Ѳ. И. Буслаева, русскаго ученаго археолога», критическій обзоръ, М. 1879 г., 196 стр.

Васильевъ, Іосифъ Васильевичъ[3]), родился въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи (1821 г.), воспитывался въ Орловской

---

[1]) О немъ: «Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorp. 1853 г., стр. 81; Московск. Вѣдом. 1876 г. № 115; 1881 г. № 77 и 78; Московск. Медицинск. Газета 1869 г. № 5—8; 1876 г. № 18 и 21.

[2]) О немъ: Московск. Вѣдом. 1881 г. № 173 и 212.

[3]) О немъ: Исторія С.-Петерб. акад. Чистовича, Спб. 1857 г. стр. 380; Иллюстрація, 1858 г. № 42; Иллюстр. Семейн. Листокъ, 1861 г. № 198; Воскресн. Досугъ, 1867 г. № 202; Нов. Время, 1881 г. № 2096; Прав. Обозрѣніе, 1882 г., кн. I, стр. 175—181; Русск. Старина, 1882 г., кн. II, стр. 527—530.

семинаріи и Петербургской духовной академіи, изъ которой вышелъ первымъ магистромъ богословія (1846 г.); тотчасъ же по окончаніи курса онъ былъ назначенъ священникомъ (послѣ — протоіереемъ) православной церкви въ Парижѣ, гдѣ и пробылъ до 1867 года; въ этомъ году его избрали предсѣдателемъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, при которомъ онъ и состоялъ до дня своей кончины; † 27-го декабря въ Гатчинѣ. Покойный протоіерей, кромѣ изданія журнала: «L'Union Chrétienne» (1858 — 1867 г.), гдѣ помѣщены его статьи подъ псевдонимами: «J. W.», «Абъ-Юсуфъ», «Королевъ», напечаталъ:

«Аббатство и библіотека Св. Женевьевы» (Журналъ мин. нар. просв. 1854 г. ч. 61).

«Письма къ нантскому епископу Жакмэ (Христіанск. Чтеніе, 1861 г. т. I—II и отдѣльною брошюрой: Спб. 1864 г.).

«Письмо къ г. Гиво, члену французской академіи» (Христіанск. Чтеніе 1862 г. т. I).

Васильчиковъ, Александръ Илларіоновичъ[1]), князь, родился 27-го октября 1818 года въ Петербургѣ; послѣ домашняго воспитанія онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ по юридическому факультету (1839 г.); на слѣдующій годъ его командировали на Кавказъ къ барону Гану, которому было поручено за Кавказомъ введеніе новаго административнаго устройства (1840—1844 г.); къ этой эпохѣ относится участіе покойнаго, какъ секунданта, при дуэли между отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ и поэтомъ Лермонтовымъ; за такое участіе А. И. былъ преданъ военному суду, но императоръ Николай Павловичъ простилъ «виновнаго» во вниманіе къ заслугамъ отца; послѣ службы на Кавказѣ, Васильчиковъ служилъ чиновникомъ во II Отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи (1845 г.), церемоніймейстеромъ двора и предводителемъ дворянства въ Новгородской губерніи (1846 — 1854 г); восточная война заставила его поступить въ ополченскую дружину (1854 г.), послѣ же компаніи онъ былъ зачисленъ въ сверхштатные чиновники канцеляріи начальника Новгородской губерніи и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ; въ 1861 году занималъ должность члена новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которую совершенно оставилъ въ 1866 году; съ этой поры служба А. И. продолжалась уже въ земствѣ: онъ былъ гласнымъ новгородскаго губернскаго земства, предсѣдателемъ новгородской губернской земской управы и петербургскаго отдѣла о сельскихъ кредитныхъ учрежде-

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1881 г.: Русь, № 48; Русск. Вѣдом., № 269; Вѣстн. Евр. кн. XI, стр. 416 — 421; Русск. Рѣчь, кн. XI, стр. 86 — 87; Истор. Вѣстн. кн. XII, стр. 798—806 и Наблюдатель, 1882 г. кн. I, стр. 225—247. Кромѣ того «Кн. А. И. Васильчиковъ», біограф. очеркъ, составл. А. Голубевымъ, Спб. 1882 г. Истор. Вѣстн., 1882 г. кн. 5, стр. 391—402.

ніяхъ; † 2-го октября въ селѣ Трубетчинѣ, Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«По поводу доклада о праздничныхъ и прогульныхъ дняхъ» (Современ. Лѣтопись, 1865 г., № 7).

«О самоуправленіи», Спб. 1869 г. т. I; Спб. 1870 г. два тома; Спб. 1871 г., т. III; Спб. 1872 г. т. I и II (второе изданіе).

«Земская повинность въ Россіи» историческій очеркъ (Вѣстн. Евр. 1871 г., кн. 2).

«Дуэль и кончина Лермонтова» (Русск. Архивъ, 1872 г., кн. 1).

«Эмиграція» (Сборникъ госуд. знаній, изд. В. П. Безобразовымъ, Спб. 1864 г., кн. 1).

«Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ» два тома, Спб. 1876 и 1881 г.; изд. 2-е, Спб. 1882 г., т. I и II.

«Мелкій земельный кредитъ въ Россіи», Спб. 1876 г. (Въ составленіи этой брошюры принималъ участіе и А. В. Яковлевъ).

«Докладъ совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества», Спб. 1878 г., 35 стр.

«По поводу критикъ и рецензій на книгу: «Землевладѣніе и земледѣліе» (Вѣстн. Евр. 1878 г., кн. 2).

«Предисловіе къ книгѣ г. Субботина: «Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ», Спб. 1880 г.

«Нѣсколько словъ о современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній по изслѣдованію сельско-хозяйственнаго быта» (Русск. Рѣчь 1881 г., кн. 1).

«Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи», Спб., 1881 г., 177 стр.

Воронова, Елизавета Петровна, издательница ежемѣсячнаго сборника переводныхъ романовъ, подъ названіемъ «Изумрудъ» (1877—1881 г.); † 27-го февраля въ Москвѣ. Ею изданы:

«Разсказы», М. 1863 г.

«Романъ моей матери», Спб. 1865 г.

«Черезъ Березину», романъ, перев. съ франц. Спб. 1870 г.

«Воспоминанія и замѣтки Наполеона III въ Вильгельмсгеэ», перев. съ франц. Спб. 1872 г.

«Оригинальные разсказы и очерки», М. 1877 г.

Галактіоновъ, Иванъ Александровичъ, кандидатъ Петербургскаго университета по историко-филологическому факультету (1869 г.), затѣмъ—преподаватель исторіи въ третьей С.-Петербургской гимназіи; † 9 августа въ Петергофѣ.—Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Императоръ Александръ Благословенный и его царствованіе», Спб. 1877 г., ч. I и Спб. 1879 г., ч. II.

«Письма брата къ сестрѣ о Петергофѣ, его исторіи и достопримѣчательностяхъ» (Семейн. Вечера 1881 г., кн. 6—9).

Григорій, въ мірѣ Евлампій Медіоланскій [1]), воспитывался въ Костромской семинаріи и Московской духовной академіи,

---

[1]) О немъ: Списки іерарховъ, Строева, Спб. 1877 г. стр. 268—269 и 954; Исторія Московской духовной академіи, Смирнова, М. 1879 г., стр. 443 и періодическія изданія 1881 г.: Церковно-обществ. Вѣстникъ, № 51 и Востокъ, № 103.

гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія (1848 г.); потомъ — профессоръ Новгородской семинаріи (1848—1851 г.), инспекторъ и ректоръ Оренбургской семинаріи (1851—1867 г.), епископъ Выборгскій (1867 г.) и Пензенскій (1868—1881 г.); † 24 апрѣля въ Пензѣ.—Ему принадлежатъ нѣсколько поученій, напечатанныхъ въ «Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

Григорій, въ мірѣ Николай Миткевичъ [1]), родился въ 1807 году, учился въ Черниговской семинаріи и Кіевской академіи, въ которой кончилъ курсъ магистромъ богословія (1831 г.); затѣмъ былъ баккалавромъ въ той же академіи (1831—1833 г.), инспекторомъ Казанской семинаріи и Кіевской академіи (1833—1837 г.), ректоромъ Ярославской семинаріи и Казанской академіи (1837—1851 г.), епископомъ (послѣ—архіепископомъ) Калужскимъ и Боровскимъ (1851—1881 г.); † 13 апрѣля въ Калугѣ.—Покойный напечаталъ много проповѣдей въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Воскресномъ Чтеніи» и «Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

Григорьевъ, Василій Васильевичъ—извѣстный оріенталистъ [2]), родился въ 1816 году, воспитывался сначала дома, а потомъ въ Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету; по окончаніи курса со степенью кандидата (1834 г.) онъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ для приготовленія къ дипломатической дѣятельности, но, по призванію къ ученой карьерѣ, скоро перешелъ въ такъ называемый профессорскій институтъ и въ то же время началъ преподавать персидскій языкъ въ родномъ университетѣ (1836 г.); черезъ два года ему пришлось отправиться въ Одессу для преподаванія восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ (1838—1844 г.), а затѣмъ снова переѣхать въ Петербургъ на службу при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; здѣсь, въ теченіе семи лѣтъ, онъ занимался редакціею «Журнала» означеннаго министерства и состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (1844—1851 г.); послѣ того—чиновникъ, командированный въ распоряженіе оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора (1852—1854 г.), управляющій областью оренбургскихъ киргизовъ (1854—1863 г.), профессоръ по каѳедрѣ исто-

---

[1]) О немъ: въ книгѣ: «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ 1869 г., стр. 385; Списки іерарховъ, Строева, Спб. 1877 г., стр. 569 и періодическія изданія 1881 г.: Востокъ, № 100; Всемірн. Иллюстрація, № 23; Минск. епарх. Вѣд., № 9, Московск. Вѣд., № 113 и Православн. Обозр. кн. IV, стр. 851—852.

[2]) О немъ: Отечеств. Записки, 1846 г., кн. XII, отд. VI, стр. 93; Справочн. энциклопед. лексиконъ Старчевскаго, т. III; Encyklopedyja Powszechna, т. XI; Журналъ мин. нар. просв. 1868 г., кн. XI, стр. 649—656; Исторія Петерб. университета, Григорьева, Спб. 1870 г., стр. 379—383; Современ. Извѣстія 1881 г., № 358; Историч. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 2, стр. 494—495.—Протоколы засѣданій совѣта Петерб. университета, Спб. 1871 г., стр. 66—72.

ріи Востока въ Петербургскомъ университетѣ (1863—1881 г.) и начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати (1874—1880 г.); † 19 декабря въ Петербургѣ. — Кромѣ редактированія «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ» (1844—1852 г.), «Географическихъ извѣстій» (1849—1850 г., 11 вып.), «Правительственнаго Вѣстника» (1869—1870 г.) и «Трудовъ третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ» (Спб. 1879—1880 г.), сверхъ участія въ «Энциклопедич. Лексиконѣ» Плюшара (Спб. 1835—1839 г.), «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Новороссійскомъ календарѣ», «Journal Asiatique» и «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей, — покойный Григорьевъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Исторія монголовъ отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана», перев. съ персидскаго, Спб. 1834 г.

«Объ образѣ правленія у Хазаровъ» (Журналъ мин. нар. просв. 1835 г., ч. III. Сынъ Отечества и Сѣверн. Архивъ, 1835 г. т. 48).

«О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ» (Журналъ мин. нар. просв. 1835 г. ч. V).

«Историческіе и филологическіе труды русскихъ оріенталистовъ» (Московск. Наблюдатель 1835 г., іюнь, кн. 1).

«Вулгары Волжскіе» (Библіот. для чтенія 1836 г., кн. XI).

«Разборъ двухъ монгольскихъ христоматій Ковалевскаго и Попова» (Журналъ мин. нар. просв. 1838 г., ч. XIX).

«Фирдоуси, довершитель возражденія національной поэзіи въ Персіи» (Одесск. Альманахъ на 1839 г.).

«Объ отношеніи Россіи къ Востоку». Одесса 1840 г., (актовая рѣчь).

«Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году» (Спб. 1841 г.).

«О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству»; историко-филологическое изслѣдованіе, М. 1842 г., (магистерская диссертація).

«О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи» (Записки одесск. общества исторіи и древн. 1844 г., т. I).

«Монеты джучидовъ, генуэзцевъ и гиреевъ, битыя на Таврическомъ полуостровѣ» (Тамъ-же).

«Ярлыки Тохтамыша и Сеадетъ-Гирея» (Тамъ-же).

«Сказки сорока Визирей и Царицы» (Москвитян. 1844 г. кн. 1).

«О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды-Сарая» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ 1845 г. и отдѣльною брошюрой: Спб. 1845 г.).

«Монгольская надпись временъ Монеке-хана, найденная въ Восточной Сибири» (Журналъ мин. внутрен. дѣлъ 1846 г.; Отечеств. Записки 1846 г. кн. 12 и отдѣльно: Спб. 1846 г.).

«Еврейскія религіозныя секты въ Россіи» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ 1847 г., и отдѣльно: Спб. 1847 г.).

«О правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ» (Географич. Извѣстія Имп. Русск. Географ. общества 1847 г.).

«Разборъ книги Фундуклея: Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» (Географич. Извѣстія 1848 г., № 162—164).

«Описаніе клада изъ золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близь развалинъ Сарая» (Записки нумизматическо-археолог. общества 1850 г.).

«Разборъ книги Березина: Библіотека восточныхъ историковъ» (Москвит. 1850 г., кн. 14 и 22).

«Цари Воспора Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ памятникамъ и монетамъ» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ 1851 г., и отдѣльнымъ изданіемъ: Спб. 1851 г.).

«Историческій» очеркъ распространенія и устройства русскаго владычества подъ Кавказомъ и въ Закавказьѣ» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ 1851 г.).

«О великорусскихъ словахъ восточнаго происхожденія» (Матеріалы для сравнит. и объяснит. Словаря, Спб. 1854 г.).

«Современныя монеты Коканскаго ханства» (Записки Археологич. общества 1855 г., т. IV).

«Записка Ахмедъ-Эфенди о посольствѣ его въ Пруссію въ 1763—1764 году» переводъ съ турецкаго (Москвит. 1855 г. кн. 17 и 18).

«Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» (Русск. Бесѣда 1856 г. кн. 3 и 4).

«Разборъ сочиненія П. И. Небольсина: Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіей» (XXV-ое присужденіе Демидовск. наградъ, Спб. 1856 г.).

«Новооткрытыя Джучидскія монеты» (Извѣстія Имп. Археолог. общества 1858 г., т. 1).

«Неизданныя бухарскія и хивинскія монеты» (Извѣстія Имп. Археолог. общества 1859 г., т. II).

«О первыхъ монгольскихъ монетахъ Сельджукскаго типа приписанныхъ Алушъ-Беку» (Извѣстія Имп. Археолог. общества 1859 г., т. II).

«О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ, записки Мирзы-Шемса Бухари» (Учен. Записки Казанск. унив. 1861 г., кн. I и отдѣльно: Каз. 1861 г.).

«Жизнь и ученье труды П. С. Савельева», Спб. 1861 г.

«О нашихъ среднеазіатскихъ дѣлахъ (Акціонеръ 1862 г., № 12).

«Куфическія монеты, найденныя въ Псковской губерніи» (Извѣстія Имп. Археолог. общества 1861 г., т. III).

«Еще о коканскихъ монетахъ и событіяхъ» (Извѣстія Имп. Археолог. общества 1862 г., т. IV).

«Разборъ» Изслѣдованія о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» Вельяминова Зернова (День 1863 г., № 29; 1865 г., № 3).

«Неизданныя монеты уйгурскихъ владѣльцевъ Мавераннагра» (Учен. Записки Казанск. унив. 1864 г., кн. I).

«Землевѣдѣніе Азіи Карла Риттера: Кабулистанъ и Кафиристанъ», перев. съ дополн. и критическ. примѣч., Спб. 1867 г.

«Разборъ Очерковъ Средней Азіи» Вамбери» (Извѣстія Имп. Географ. общества 1868 г., № 5).

«Землевѣдѣніе Азіи Карла Риттера: Восточный и Китайскій Туркестанъ», перев. съ дополн. и критическ. примѣч., Спб., 1869 г. вып. 1; Спб. 1873 г., вып. 2.

«Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», Спб. 1870 г.

«О скифскомъ народѣ Сакаръ», Спб. 1871 г.
«Разборъ Исторіи Бохары Вамбери» (Журналъ мин. нар. просв. 1873 г., кн. XI).
«О нелѣпости предположенія, будто бы Вамбери не ѣздилъ по Средней Азіи» (Русск. Міръ 1874 г., № 26 и 45).
«Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами» (Журналъ мин. нар. просв. 1875 г., кн. 3).
«Россія и Азія», сборникъ изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи», Спб. 1876 г., 575 стр.
«Путешествіе г. Пясецкаго по Китаю» (Отголоски 1881 г., кн. 1).
«По поводу кашгарскихъ монетъ съ именемъ Абдулъ-Азисъ хана», Спб. 1881 г.

Дебольскій, Григорій Сергѣевичъ [1]), магистръ богословія Петербургской духовной академіи (1833 г.), потомъ—законоучитель Петербургскаго коммерческаго училища и наконецъ — протоіерей Казанскаго собора; † 14 іюня въ Петербургѣ. — Онъ напечаталъ:

«Дни Богослуженія православной греко-россійской церкви», Спб. 1837, 1840 1846, 1849, 1858, 1866 и 1882 гг. (семь изданій).
«Попеченіе православной церкви о спасеніи міра», 3 ч., Спб. 1843—1857 г.; изд. 2-е, Спб. 1872 г.
«О необходимости и важности христіанскаго поведенія и послушанія церкви», Спб. 1849 г.
«Краткое обозрѣніе Богослуженія православной церкви», Спб. 1850 г.; изд. 2-ое, Спб. 1861 г.
«О говѣніи по уставу православной церкви», Спб. 1850 г. изд. 2-ое Спб. 1882 г.
«О любви къ отечеству и труду, по Слову Божію», Спб. 1859 г.
«О пользѣ чтенія Библіи, сирѣчь книгъ Священаго Писанія», Спб. 1863 г.
«Сочиненія», 4 т., Спб. 1869 г.
«Неестественность и неправильность отрицаній сверхъестественнаго» (Христіанск. Чтеніе 1869 г., ч. I и II).

Демиденковъ, Макарій Васильевичъ—по окончаніи курса въ Кіевской семинаріи священникъ Херсонсхой епархіи; † въ мартѣ въ селѣ Дымовкѣ. — По указанію некролога, онъ былъ сотрудникомъ «Херсонскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей» (см. Херсонскія епарх. Вѣд., 1881 г., № 19).

Дмитровскій, Дмитрій Ивановичъ [2]), спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ, окончилъ курсъ въ Медико-хирургической академіи (1860 г.) и затѣмъ служилъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ; † 17 мая въ Петербургѣ. — Въ послѣдніе десять лѣтъ (1871—1881 г.) онъ издавалъ еженедѣльную газету «Медицинскій Вѣстникъ».

---

[1]) См. о немъ: «Исторію Петербургск. духовной академіи» Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 377; Церковн. Вѣстникъ 1881 г., № 27; Странникъ 1881 г., кн. 7.
[2]) О немъ: Россійск. библіогр. 1881 г., № 11; Врачъ 1881 г., № 23; Медицинскій Вѣстникъ 1882 г., № 1.

Дорнъ, Борисъ Андреевичъ [1]), извѣстный оріенталистъ, родился 11 мая 1805 года въ Шейерфельдѣ, близъ Кобурга, и въ 1825 году получилъ званіе привать-доцента лейпцигскаго университета; послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ (1827—1828 г.) онъ прибылъ въ Россію и принялъ каѳедру восточныхъ языковъ въ Харьковскомъ университетѣ (1829—1835 г.); отсюда ему пришлось перейти профессоромъ исторіи и географіи востока въ Институтъ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (1835—1839 г.) и въ Петербургскій университетъ—для временнаго преподаванія санскритскаго и афганскаго языковъ; послѣ того его избрали адъюнктомъ восточныхъ языковъ въ Императорской Академіи наукъ (1839 г.), экстра-ординарнымъ (1842 г.) и ординарнымъ академикомъ (1852—1881 г.); † 19 мая въ Петербургѣ.— Сверхъ многихъ рецензій, для присужденія Демидовскихъ наградъ (см. Систематич. указатель къ изданіямъ Импер. Академіи наукъ, Спб. 1875 г., стр. 382), и сочиненій, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ (см. Histoire des orientalistes par Dugat, Paris 1868, p. 76—78),—покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

«Академикъ Френъ и его ученая дѣятельность» (Учен. Записки Академіи наукъ 1855 г., т. III, вып. 3).

«Новая коллекція восточныхъ рукописей въ Импер. Публичной Библіотекѣ» (Журналъ мин. нар. просв. 1859 г., кн. 12).

«Могила академика Гмелина на Кавказѣ» (С.-Петерб. Вѣд. 1861 г., № 179).

«Азіятскій музей Импер. Академіи наукъ» (Записки Академіи наукъ 1864 г., т. V, кн. 2).

«Матеріалы къ познанію иранскихъ нарѣчій», Спб. 1866 г.

«Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на прибрежья Каспійскаго моря» (Записки Академіи наукъ 1875 г., т. XXVI, кн. 1 и отдѣльной книгой: Спб. 1875 г.).

Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ—извѣстный писатель [2]). Онъ родился въ Москвѣ 30-го октября 1822 года и воспитывался въ частномъ пансіонѣ Л. К. Чермака, откуда шестнадцатилѣтнимъ

---

[1]) О немъ: Журналъ мин. нар. просв. 1869 г., кн. 8, отд. IV, стр. 23—25; С.-Петербургскій университетъ, Григорьева, Спб. 1870 г., стр. 282 и 286; Записки Академіи наукъ 1873 г., т. XXII, кн. 2, стр. 301.

[2]) О немъ: Иллюстрація 1863 г., № 258; Воскресн. Досугъ 1868 г., № 164; Нива 1880 г., № 1; періодическія изданія 1881 года: Добро № 2; Владимірск. епарх. Вѣд. № 7; Нива № 7; Огонекъ № 8; Народн. Школа № 3; Русск. Начальн. Учитель № 3; Соврем. Изв. № 29; Московск. Вѣд. № 31—32; Русь № 12—16, 18, 30, 36 и 40; Русск. Вѣстн., кн. 2, стр. 955—961; Отечеств. Записки, кн. 2, стр. 242—265, Полярн. Звѣзда, кн. 2, стр. 129—152; Православн. Обозр., кн. 2, стр. 435—442; Семейн. Вечера, кн. 2, стр. 219—224, 235—248; Древн. и Нов. Россія, кн. 2, стр. 363—372; Странникъ, кн. 2, стр. 344—346; Вѣстн. Евр., кн. 3, стр. 418—429; Историч. Вѣстн., кн. 3, стр. 481—488, 602—616, 703—704; кн. 4, стр. 838—853; Русск. Мысль, кн. 3, стр. III—XIV; Русск. Рѣчь, кн. 3, стр. 134—136; Русск. Старина, кн. 3, стр. 691—708; кн. 5, стр. 33—52; Христіанск.

юношей поступилъ въ Инженерное училище; выпущенный изъ послѣдняго съ чиномъ подпоручика (1841 г.), Ѳ. М. поступилъ на службу въ Инженерный департаментъ, но скоро вышелъ въ отставку (1844 г.) и отдался литературнымъ занятіямъ; эта новая дѣятельность была прервана въ 1849 году, когда Достоевскаго, по дѣлу Петрашевскаго, заключили въ крѣпость, а потомъ приговорили къ каторгѣ на четыре года, съ зачисленіемъ, послѣ назначеннаго срока, въ солдаты; по воцареніи государя Александра II, онъ былъ произведенъ въ офицеры и служилъ до 1859 года; затѣмъ вторично вышелъ въ отставку и жилъ сначала въ Твери, а потомъ, за исключеніемъ заграничныхъ поѣздокъ, въ Петербургѣ, продолжая неутомимую и горячую литературную дѣятельность; † 28-го января въ Петербургѣ. Покойный писатель, кромѣ перевода романа Бальзака: «Евгенія Гранде» (Библіот. для чтенія), редактированія журналовъ: «Времени», «Эпохи» (1862—1865 г.) и «Гражданина» (1873 г.), помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ или напечаталъ отдѣльно слѣдующія произведенія:

«Бѣдные люди», повѣсть (Петербургск. Сборникъ, изд. Некрасовымъ въ 1846 г. и отдѣльно: Спб. 1847 г.).
«Двойникъ, приключенія господина Голядкина», романъ (Отеч. Записки, 1846 г., кн. 2).
«Господинъ Прохарчинъ», повѣсть (Отеч. Зап. 1846 г., кн. 10).
«Романъ въ девяти письмахъ» (Современ. 1847 г., кн. 1).
«Хозяйка», повѣсть (Отеч. Зап. 1847 г., кн. 10—11).
«Чужая жена», уличная сцена (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 1).
«Слабое сердце», повѣсть (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 2).
«Разсказы бывалаго человѣка» (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 4).
«Елка и свадьба», разсказъ (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 10).
«Воробей», разсказъ (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 11).
«Бѣлыя ночи», сантиментальный разсказъ (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 12).
«Ревнивый мужъ», разсказъ (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 12).
«Неточка Незванова», романъ (Отеч. Зап. 1849 г., кн. 1—2, 5—6).
«Дядюшкинъ сонъ», повѣсть (Русск. Слово, 1859 г., кн. 3).
«Село Степанчиково и его обитатели», повѣсть (Отеч. Зап. 1859 г., кн. 11—12).
«Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго», два тома. М. 1860 г.
«Униженные и оскорбленные», романъ (Время, 1861 г., кн. 1—7 и отдѣльно: Спб., 1861 г., два тома).
«Записки изъ мертваго дома» (Время, 1861 г., кн. 4, 9—11; 1862 г., кн. 1—3, 5 и 12 и отдѣльно: 2-е изд. Спб. 1862 г., 3-е изд. (Стелловскаго)

Чтеніе, кн. 3, стр. 396—429; Соврем. Изв. 1882 г., № 32, 59, 61, 73, 76 и 85 отдѣльныя книги: «Достоевскій и его сочиненія» истор.-литер. очеркъ г. Булича (Каз. 1881 г. 48 стр.); «Гуманизмъ и націонализмъ Достоевскаго» г. Тиличеева (Спб. 1881 г.); «Ѳ. М. Достоевскій» (Спб. 1881 г., 56 стр.); «Откликъ», сборникъ со статьей Венгерова (Спб. 1881 г.). Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго, съ портретомъ и приложеніями. Спб. 1883 г. «Три рѣчи въ память Достоевскаго» Влад. Соловьева (Спб. 1884 г.). «Достоевскій въ своихъ послѣднихъ романахъ» (Русь, 1884 г. № 1).

Спб. 1867 г., 4-е изд. Спб. 1875 г., 5-е изд. Спб. 1881 г. Это произведеніе переведено на англійскій языкъ подъ заглавіемъ: «Buried alive or ten years of penal servitude in Syberia», bu Marie von Thilo. London. 1881 г.

«Скверный анекдотъ» (Время, 1862 г., кн. 11).

«Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» (Время, 1863 г., кн. 2—3).

«Записки изъ подполья» (Эпоха, 1864 г., кн. 1—2 и 4).

«Нѣсколько словъ о М. М. Достоевскомъ» (Эпоха, 1864 г., кн. 6).

«Примѣчанія къ «Воспоминаніямъ объ А. Григорьевѣ» (Эпоха, 1864 г., кн. 9).

«Необыкновенное событіе, или пассажъ въ пассажѣ» (Эпоха, 1865 г., кн. 2).

«Повѣсти и романы Ѳ. М. Достоевскаго», Спб. 1865—1867 г., три части, изданіе Стелловскаго. Въ этомъ изданіи, вмѣстѣ съ давно извѣстными произведеніями, помѣщенъ нигдѣ ранѣе ненапечатанный романъ: «Игрокъ».

«Преступленіе и наказаніе», романъ (Русск. Вѣстн. 1866 г., кн. 1—2, 4, 6, 8, 11—12 и отдѣльно: 2-е изд. Спб. 1867 г., 3-е изд. того же года (Стелловскаго), 4-е изд. Спб. 1870 г., 5-е изд. Спб. 1882 г.

«Идіотъ», романъ (Русск. Вѣстн. 1868 г., кн. 1, 2, 4—12 и отдѣльно: 2-е изд. Спб. 1874 г., 3-е изд. Спб. 1882 г.).

«Вѣчный мужъ», повѣсть (Заря, 1870 г., кн. 1—2 и отдѣльно: Спб. 1872 г.).

«Бѣсы», романъ (Русск. Вѣстн. 1871 г., кн. 1—2, 4, 7, 9—12; 1872 г., кн. 11—12).

«Маленькія картинки» (Сборникъ «Складчина», Спб. 1873 г.).

«Дневникъ писателя» (Гражданинъ, 1873 г., № 1—50).

«Подростокъ», романъ (Отеч. Зап. 1875 г., кн. 1, 2, 4, 5, 9, 11 и 12 и отдѣльно: Спб. 1876 г.).

«Дневникъ писателя», ежемѣсячное изданіе, Спб. 1876 и 1877 года 24 выпуска.

«Братья Карамазовы», романъ (Русск. Вѣстн. 1879 г., кн. 1, 2, 4, 5, 8—11; 1880 г., кн. 1, 4, 7—11 и отдѣльно: Спб. 1881 г., два тома).

«Пушкинъ», очеркъ (Московск. Вѣд. 1880 г., № 162).

«Дневникъ писателя», Спб. 1880 г., одинъ выпускъ.

«Дневникъ писателя», Спб. 1881 г., одинъ выпускъ (посмертное изданіе).

«Дневникъ писателя», Спб. 1881 г. (перепечатка «Дневника» за мѣсяцъ мартъ 1876 г.).

«Русскимъ дѣтямъ», изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, издано подъ редакціей О. Ѳ. Миллера, Спб. 1882 г.

«Евгенія Гранде», романъ Бальзака, пер. съ франц., Спб. 1883 г.

«Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, 14 томовъ, Спб. 1882—1883 гг.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳеньевичъ[1]) родился въ Черниговской губерніи (1807 г.), воспитывался въ Новгородъ-Северской гимназіи и Московскомъ университетѣ по физико-матема-

---

[1]) См. о немъ брошюру: «Привѣтствія А. П. Заблоцкому-Десятовскому, сказанныя ему на дружескомъ обѣдѣ по случаю пятидесятилѣтія его службы и отвѣтъ его» (Спб. 1879 г.); періодическія изданія 1881 года: Нов. Время № 2095; Русск. Вѣд. № 352; Порядокъ № 356; Свер. Изв. № 360; журналы 1882 года: Вѣстн. Евр., кн. 2, стр. 876—885; Истор. Вѣстн., кн. 2, стр. 495 и Русск. Стар., кн. 2, стр. 531—560.

тическому факультету, на которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ (1827 г.); затѣмъ — магистръ математики (1832 г.) и чиновникъ въ Хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (1832—1837 г.), въ V отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи (1837 г.), въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (1838—1859 г.), въ департаментѣ экономіи (1859—1866 г.) и комитетѣ финансовъ (1867—1875 г.); наконецъ—членъ Государственнаго Совѣта (1875—1881 г.); † 24-го декабря въ Петербургѣ. Онъ, кромѣ участія въ «Лѣсномъ журналѣ», «Земледѣльческой газетѣ» и «Извѣстіяхъ С.-Петербургской городской думы», напечаталъ слѣдующія труды:

«О способахъ изслѣдованія кривыхъ линій втораго порядка», М. 1831 г. (магистерская диссертація).

«Статистическое обозрѣніе С.-Петербурга», Спб. 1833 г.

«Разборъ переводнаго сочиненія: «Аріанна Периплъ Понта Евксинскаго» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ, 1837 г., ч. 23).

«О шелководствѣ въ юго-восточной Россіи по сю сторону Кавказа (Отеч. Зап. 1839 г., ч. VI).

«Сельское чтеніе», книжка, составленная кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ, Спб. 1843 г. Этотъ трудъ выдержалъ одиннадцать изданій; послѣднее—Спб. 1874 г.

«Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи» (Отеч. Зап. 1847 г., кн. 5 и 6).

«Разборъ изслѣдованія гр. Д. А. Толстаго: «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи» (Отеч. Зап. 1848 г., кн. 2).

«Взлядъ на исторію развитія статистики въ Россіи (Записки Географ. Общества, 1848 г., т. II).

«Воспоминанія объ Англіи» (Отеч. Зап. 1849 г., кн. 1 и 2).

«Хозяйственные афоризмы» (Отеч. Зап. 1849 г., ч. 62, 63 и 69).

«Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ», Спб. 1849 г. Въ изданіи этой книжки принималъ участіе и кн. В. Ѳ. Одоевскій.

«Разборъ сочиненія Н. И. Желѣзнова: «О разведеніи хмѣля въ средней Россіи» (Журналъ мин. госуд. имущ. 1851 г., ч. 41).

«Объ этнографической картѣ Европейской Россіи, изданной П. Кеппеномъ» (Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общества 1852 г., кн. 1).

«Ручная книжка для граматнаго поселянина», Спб. 1854 г. Послѣднее, девятое изданіе этой книжки вышло въ 1854 г.

«Вспомогательная для сельскихъ хозяевъ книжка на 1856 годъ», Спб. 1856 г. Въ изданіи участвовалъ и К. Домонтовичъ.

«О финансахъ въ Австріи» (Русск. Вѣстн. 1865 г.).

«Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи». Спб. 1868 г.

«Прусскіе финансы», историческій очеркъ (Вѣстн. Евр. 1871 г., кн. 4).

«Финансовое управленіе и финансы Пруссіи». Спб. 1871 г., два тома.

«Графъ П. Д. Киселевъ въ Парижѣ» (Вѣстн. Евр. 1881 г., кн. 8).

«Графъ П. Д. Киселевъ и его время», матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, Спб. 1882 г., четыре тома.

Зенгиреевъ, Апполинарій Алексѣевичъ, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ лѣкаремъ съ отличіемъ (1876 г.); затѣмъ—ординаторомъ пропедевтической клиники Московскаго университета 1877—1880 г.) и докторъ медицины (1880 г.); † 17-го февраля въ Москвѣ. Его труды:

«Случай органическаго пораженія мозговой клусы» (Протоколы Московск. Медиц. Общ. 1877 г.).

«Краткій очеркъ нѣкоторыхъ военно-временныхъ госпиталей тыла дѣйствующей дунайской арміи» (Протоколы Московск. Медиц. Общ., 1879 г.).

«Матеріалы къ изученію физіологическаго значенія мышечнаго гликогена», М. 1880 г. (докторская диссертація).

Ишимова, Александра Іосифовна [1]), извѣстная писательница для дѣтей, родилась въ Костромѣ 25-го декабря 1804 года; черезъ годъ вмѣстѣ съ родителями прибыла въ Петербургъ и восьмилѣтнимъ ребенкомъ поступила въ пансіонъ г-жи Миллеръ, а потомъ въ учебное заведеніе г-жи Гофманъ; по случаю высылки отца изъ Петербурга, она вмѣстѣ съ семьею жила въ Вологдѣ, Усть-Сысольскѣ, Никольскѣ и Кеми (1819—1825 г.); въ 1825 году ей удалось снова пріѣхать въ Петербургъ, испросить у государя прощеніе для отца и открыть маленькую школу; благодаря этой школѣ и первымъ литературнымъ трудамъ, А. І. завязала знакомство съ лучшими русскими писателями (кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ), также со многими высокопоставленными лицами, и чрезъ послѣднихъ получила приглашеніе давать уроки сначала принцессѣ Терезѣ Ольденбургской, а потомъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ; въ послѣднее время Ишимова жила вдали отъ педагогическихъ занятій и незадолго до смерти отпраздновала пятидесятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности; † 4-го іюня въ Петербургѣ. Кромѣ изданія двухъ ежемѣсячныхъ журналовъ: «Звѣздочка» для дѣтей (1842—1863 г.) и «Лучи» для дѣвицъ (1850—1860 г.), покойная писательница напечатала слѣдующіе оригинальные или переводные труды:

«Искусство быть счастливымъ», сочин. Іосифа Дроза, перев. съ франц., Спб. 1831 г.

«Красный морской разбойникъ», повѣсть Фенимора Купера, перев. съ англійскаго, Спб. 1832 г., 3 ч.

«Семейные вечера, или собраніе полезныхъ и пріятныхъ разсказовъ для юношества»: сочин. Экина и Барбольдъ, перев. съ англійск., Спб., 1833 г. 4 ч.

«Драматическіе очерки Варри Карнуэля», перев. съ англійск. (Современ. 1837 г.; т. VIII).

---

[1]) О ней: Древн. и Нов. Россія 1878 г., кн. 8, стр. 316—323; періодическія изданія 1881 года: Всемірн. Иллюстр. № 20; Женск. Образов., кн. 4, стр. 260—261 Семейн. Вечера, кн. 7, стр. 104—117; Новый русск. Базаръ 1875 г., № 40.

«Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей», Спб. 1837—1840 г. 6 ч. Изд. 2-е, 3 ч.. Спб. 1841 г. Изд. 3-е, 3 ч., Спб. 1846 г. Изд. 4-е, 3 ч., Спб. 1856 г. Изд. 5-е, 3 ч., Спб. 1867 г.

«Разсказы старушки», Спб. 1839 г., 2 ч.

«Священная исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей», Спб. 1841, 1843, 1849, 1854, 1858 и 1864 г. (шесть изданій).

«Чтеніе для дѣтей перваго возраста», Спб. 1845 г.

«Каникулы 1844 года или поѣздка въ Москву», Спб. 1846 г.

«Мери и Флора», повѣсть для дѣтей, перев. съ англійск., Спб. 1846 г.

«Историческіе разсказы», Спб. 1849 г.

«Колокольчикъ», книга для чтенія въ пріютахъ, Спб. 1849 г.

«Двѣ жизни, или казаться и быть», повѣсть Мекинтошъ, перев. съ англійск., Спб. 1851 г. Изд. 2-е, Спб. 1865 г.

«Бабушкины уроки, или русская исторія для малолѣтнихъ дѣтей», Спб. 1852 г. Изд. 2-е, Спб. 1859 г.

«О ласковомъ обращеніи съ животными», перев. съ англійск. Спб. 1854 г.

«Эліасъ, или маленькое путешествіе на Востокъ», сочин. Пужула, перев. съ французск., Спб. 1854 г.

«Рисованіе безъ учителя по способу, изобрѣтенному М. Е. Каве», перев. съ французск., Спб. 1855 г.

«Первое чтеніе и первые уроки для дѣтей», Спб. 1856 и 1860 г. (два изданія).

«Маменькины уроки, или всеобщая исторія въ разговорахъ для дѣтей», Спб. 1858—1863 г., 5 вып.

«Сокращенная русская исторія», Спб. 1868, 1870, 1873 и 1879 г. (четыре изданія).

«Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи», Спб. 1877 г.

«Разсказы изъ священной исторіи для крестьянскихъ дѣтей», Спб. 1878 г.

«О молитвѣ Господней для маленькихъ дѣтей», М. 1881 г.

«Крезъ, разговоръ Саши съ мамой» (Семейн. Вечера, 1881 г., кн. 7).

«Русскимъ дѣтямъ, разсказы для дѣтей перваго возраста», съ картинками въ текстѣ, Спб. 1882 г.

Іосифъ, въ мірѣ Иванъ Михайловичъ Дроздовъ,[1]) род. въ 1824 году, въ селѣ Лекмахъ (Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи), воспитывался въ Тверской семинаріи и Петербургской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія (1851 г.); затѣмъ — инспекторъ Рижской семинаріи, ректоръ Симбирской и Виленской семинарій, епископъ Ковенскій (1868—1874 г.) и Смоленскій (1874—1881 г.); † 28-го сентября въ Ялтѣ. Перу покойнаго принадлежатъ многія проповѣди, напечатанныя въ «Смоленскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1881 года: Московск. церковн. Вѣд., № 41; Московск. Листокъ, № 56; Церковно-обществен. Вѣстникъ, № 123; Таврич. епарх. Вѣд., № 20; Православн. Обозр., кн. 10, стр. 393—394; Странникъ, кн. 11, стр. 513.

Кеслеръ, Карлъ Өедоровичъ, заслуженный профессоръ Петербургскаго университета[1]), род. 19-го ноября 1815 года, воспитывался въ 3-й петербургской гимназіи и университетѣ, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата философіи (1838 г.); затѣмъ четыре года (1838—1842 г.)—преподаватель 1-й петербургской гимназіи; въ концѣ 1842 года получилъ каѳедру зоологіи въ университетѣ Св. Владиміра, а съ 1862 года перешелъ на ту же каѳедру при Петербургскомъ университетѣ, гдѣ съ 1867 года до 1875 года былъ и ректоромъ; † 3-го марта въ Петербургѣ. Кромѣ статей въ «Энциклопедическ. Лексиконѣ» Плюшара, «Бюллетенѣ Московск. Общества Испытателей Природы», «Вѣстникѣ естествен. наукъ», «Извѣстіяхъ» и «Трудахъ съѣзда естествоиспытателей», «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» и «Натуралистѣ», — имъ напечатаны:

«О ногахъ птицъ», Спб. 1840 г. (магистерская диссертація).
«О скелетахъ дятловъ», Спб. 1842 г. (докторская диссертація).
«Русская арнитологія», Кіевъ 1847 г.
«О происхожденіи домашнихъ животныхъ», Кіевъ, 1848 г. (актовая рѣчь).
«Фауна губерній Кіевскаго учебнаго округа», Кіевъ, 1850—1856 гг., шесть выпусковъ.
«Путешествіе съ зоологическою цѣлью къ сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ», Кіевъ, 1861 г.
«Лекціи по естественной исторіи рыбъ». Спб. 1864 г.
«Описаніе рыбъ С.-Петербургской губерніи», Спб. 1865 г.
Рыбы, обработка матеріала, собраннаго г. Федченко» (Путешествіе въ Туркестанъ, Спб. 1874 г., т. II, вып. 3).
«Рыбы Чернаго и Каспійскаго морей», Спб. 1875 г.
«Русскіе рѣчные раки», Спб. 1875 г.
«Путешествіе по Закавказскому краю съ зоологическою цѣлью», Спб. 1878 г.

Колосовъ, Митрофанъ Алексѣевичъ[2]), ординарный профессоръ Варшавскаго университета, род. въ Дмитровскѣ, городѣ Курской губерніи, обучался въ гимназіи до пятаго класса, а потомъ занималъ мѣсто приходскаго учителя въ одномъ уѣздномъ городкѣ, пока въ 1862 году, по экзамену, не поступилъ на историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета; по окончаніи университетскаго курса, былъ преподавателемъ въ Таганрогской и Одесской гимназіяхъ, а потомъ получилъ степень магистра (1872 г.) и занялъ каѳедру русской словесности въ Вар-

---

[1]) См. его біографію въ книгѣ проф. Григорьева: «С.-Петербургск. университетъ», Спб. 1870 г., стр. 345—348; въ Иллюстриров. Мірѣ 1881 г., № 13; Московск. Телеграфѣ 1881 г., № 65, и брошюрѣ М. Богданова: «Карлъ Өеодоровичъ Кесслеръ» (1815—1881 г.), Спб. 1882 г.

[2]) О немъ: Истор. Вѣстн. 1881 г., кн. 4, стр. 940—941; Современ. Извѣстія 1881 г., № 47; Русск. филолог. Вѣстникъ 1881 г., кн. 1, стр. 208—218 и Филолог. Записки 1881 г., вып. I.

шавскомъ университетѣ; † 14-го января въ Ялтѣ. Онъ напечаталъ въ журналахъ или издалъ отдѣльно:

«Поэтъ и поэзія» (Филолог. Записки, 1867 г., вып. 5).
«Учебникъ старославянскаго языка», девять изданій (1867, 1869, 1873, 1875. 1876, 1878, 1879, 1880 и 1882 г.).
«Теорія поэзіи» (Приложеніе къ циркулярамъ Одесск. учебн. округа, 1870 г., № 1).
«Замѣтки по русской грамматикѣ» (Журналъ мин. народн. просв. 1870 г. кн. 10).
«О звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ» (Филолог. Записки, 1872 г. вып. 4).
«Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе» Варш. 1872 г. (магистерская диссертація).
«Разборъ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга» (Филолог. Записки, 1874 г. вып. 2).
«Разборъ сочиненія Житецкаго»: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (Варшавск. унив. извѣстія, 1876 г. № 6).
«Замѣтка по поводу статьи г. Барсова (Журналъ мин. нар. просв. 1876 г., кн. 12).
«Замѣтка о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-велико-русскаго нарѣчія», Спб. 1876—1877 г., два тома (Это—отчеты о путешествіи по Россіи, прежде напечатанные въ «Запискахъ Академіи Наукъ» (т. XXVIII и XXX) и «Сборникѣ Академіи Наукъ по II-му отдѣленію» (т. XVII).
«Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка», Варш. 1867 г.
«Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка», Варш. 1878 г. (докторская диссертація).
«Русскій филологическій Вѣстникъ» за 1879 г., 4 кн.

Костровъ, Николай Александровичъ [1]), князь, родился въ 1823 году, окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета (1843 г.), состоялъ членомъ Кіевскаго юридическаго, географическаго и другихъ обществъ; † 25-го апрѣля въ Томскѣ. Его статьи:

«Чешскія народныя пѣсни» (Москвитян. 1845 г., ч. VI и Енисейск. губ. Вѣд. 1860 г. № 42).
«Туруханскій Троицкій монастырь» (Москвитян. 1852 г., кн. 3).
«Римскіе гастрономы временъ Августа» (Москвит. 1852 г., кн. 8).
«Замѣтки о бассейнѣ рѣки Уса» (Москвитян. 1852 г., кн. 10).
«Юраки» (Москвитян. 1853 г., кн. 9, и Записки Сибирск. отд. Имп. русск. Географ. общества 1856 г., кн. 2).
«Сохатый» (Москвитян. 1853 г., кн. 9).
«Кизильскіе татары» (Москвитян. 1854 г., кн. 6).
«Енисейскіе тунгусы» (Москвитян. 1855 г., кн. 11).
«Замѣчанія къ изданію Пушкина» (Москвитян. 1856 г., кн. 1).

---

[1]) О немъ: Россійск. Библіогр. 1881 г. № 11, стр. 242—243.

«Городъ Минусинскъ» и «Народныя примѣты крестьянъ—старожиловъ Минусинскаго округа» (Записки Сибирск. отд. Имп. русск. Географ. общества 1856 г., кн. 2).

«Психея», повѣсть изъ Апулея (Москвитян. 1856 г., кн. 13—16).

«Очерки Туруханскаго края» и «Вельтиры» (Записки Сиб. отд. Имп. русск. Геогр. общества 1857 г., кн. 4 и Енисейск. губ. Вѣд. 1858 г., № 48 и 49).

«Сороковой медвѣдь» (Русск. Вѣстн. 1857 г., кн. 12).

«Святки въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи» и «Объ ученой экспедиціи въ Минусинскій край» (Записки Спб. отд. Имп. русск. Географ. общества 1858 г., кн. 5).

«Аскысъ» (Енисейск. губ. Вѣд. 1858 г., № 51 и 52).

«Соляныя озера Минусинскаго края» (Вѣстникъ Имп. русск. Геогр. общества 1859 г. кн. 3).

«Замѣтки о минусинскихъ инородцахъ и обитаемой ими мѣстности» (Енисейск. губ. Вѣд. 1859 г. №№ 11—13, 15, 16, 20—27).

«Пѣсни минусинскихъ татаръ» (№ 30).

«Тесинская пещера» (№ 43).

«Мѣсторожденіе мрамора въ минусинскомъ округѣ» (№ 44).

«Страна мраковъ арабскаго путешественника Ибнъ-Батуты» (№ 45).

«Енисей на пространствѣ минусинскаго округа» (Енисейск. губ. Вѣд. 1860 г. №№ 5—7).

«День рожденія у древнихъ римлянъ» (№№ 19—20).

«Очеркъ Шушенской волости минусинскаго округа» (№ 35).

«Свадебные обряды минусинскихъ крестьянъ» (Иллюстрація, 1861 г., № 176 и 177).

«Вирюсы» (Иллюстрація, 1862 г., № 203).

«Кайбалы» (Записки Сибирск. Отдѣла Географ. общества 1863 г., т. VI).

«Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи» (Записки Сибирск. Отд. Географ. общества 1864 г., т. VII).

«Городъ Колывань» (Томск. губ. Вѣд. 1866 г., № 40).

«Городъ Нарымъ» (№ 41 и 42).

«Томскъ» (№ 43 и 44).

«Городъ Кузнецкъ (№№ 45—47).

«Городъ Бійскъ» (№ 49 и 50).

«Городъ Каинскъ» (№ 51).

«Городъ Барнаулъ» (Томск. губ. Вѣд. 1867 г., № 3 и 4).

«Изъ древнихъ римскихъ поэтовъ» (Иллюстр. Газета, 1867 г., № 3).

«Замѣтка для исторіи города Томска» (Томск. губ. Вѣд. 1867 г., № 43).

«Замѣтка для исторіи города Кузнецка» (№№ 34—36).

«Открытіе Томской губерніи въ 1804 году (Томск. губ. Вѣд. 1869 г., № 43).

«Туруханскій округъ въ 1803 году» (Томск. губ. Вѣд. 1871 г., № 7 и 10).

«Томскъ сто лѣтъ тому назадъ» (Томск. губ. Вѣд. 1872 г., № 13).

«Томская губернія въ 1818 году» (№ 15).

«Нарымскій округъ съ 1806—1818 г. (№№ 20, 30—32, 36—39, 41, 42, 44—51).

«Городъ Томскъ съ 1806 по 1818 годъ» (Томск. губ. Вѣд. 1874 г. № 50).

«Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи», Томскъ 1876 г.

«Очерки юридическаго быта якутовъ», Спб. 1878 г.

«Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири», Спб. 1879 г.

Котляревскій Алексанръ Александровичъ, профессоръ [1]), родился въ Кременчугѣ (1837 г.); по окончаніи курса въ Полтавской гимназіи, поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета; тамъ онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе: «Въ которомъ году было крещеніе Болгаръ», но при окончаніи курса, «вслѣдствіе размолвки съ преподавателемъ богословія и психологіи», былъ удостоенъ только званія дѣйствительнаго студента (1857 г.); затѣмъ ему удалось сдать кандидатскій экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ (1861 г.) и занять мѣсто преподавателя русскаго языка въ Московскомъ Александровскомъ корпусѣ; къ несчастію, его педагогическая дѣятельность была прервана шестимѣсячнымъ одиночнымъ заключеніемъ въ Петропавловской крѣпости и при III-мъ Отдѣленіи, какъ говорятъ, за свиданіе съ тогдашнимъ эмигрантомъ Кельсіевымъ (1863 г.); только съ 1868 года, уже удостоенный магистерской степени, онъ началъ продолжать свою ученую карьеру — сначала въ Дерптскомъ университетѣ по каѳедрѣ русской словесности (1868—1872 г.), а послѣ годичной отставки и пребыванія въ Прагѣ — по каѳедрѣ славянской филологіи въ университетѣ Св. Владиміра (1875—1881 г.); † 29-го сентября въ Пизѣ. — Покойный — кромѣ участія въ «Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества», «Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ»и и «Кіевлянинѣ», сверхъ изданія подъ своей редакціей «Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности» М. 1867 г. вып. I) и «Вѣстника Московскаго Археологическаго Общества» (М. 1868 г., шесть выпусковъ) — напечаталъ слѣдующіе труды:

«Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ» (Московск. Вѣд. 1856 г. № 132, 135, 137 и 156).

«Сказанія о русскихъ богатыряхъ» (Московск. Вѣд. 1857 г. № 56, 64 и 66. Московск. губ. Вѣд. 1857 г., № 23 и 33).

«Разборъ книги г. Миллера: О нравственной стихіи въ поэзіи» (Атеней, 1858 г., № 37 и 39).

«Разборъ Исторической грамматики проф. Буслаева» (Отеч. Записки, 1858 г. кн. 8 и 9).

«О книгѣ С. Бергмана: Les Scythes, les ancêtres des peuples germaniques et slaves» (Лѣтописи русск. литер. и древн., 1859 г., т. I).

«Рутина въ преподаваніи исторіи словесности» (Московск. Вѣд. 1861 г., № 1 5).

---

[1]) См. о немъ періодическія изданія 1881 года: Русск. филолог. Вѣстн. кн. 3, стр. 201—202; Филологическ. Записки, вып. IV, стр. I—II; Вѣстникъ Евр., кн. 11, стр. 428—431; Журналъ мин. нар. просв., кн XI. отд. 2, стр. 60—63; Истор. Вѣстникъ, кн. 11, стр. 679 — 680; Кіевск. унив. Извѣстія, кн. 10. стр. 1 — 96, Странникъ, кн. II, стр. 135; Современн. Извѣстія, № 292—293. Кромѣ того издана брошюра: «Поминки по А. А. Котляревскомъ», Кіевъ, 1882 г.

«Новые труды по русской старинѣ и народности: Воронежскій Сборникъ; Воронежская Бесѣда и Старосвѣтскій Бандурiста» (№ 263).

«Двѣ новыя христоматіи гг. Буслаева и Галахова» (№ 279).

«Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ» (Основа 1862 г. № 10).

«Сравнительное языкознаніе» (Филолог. Записки, 1863 г., вып. 3, 4 и 5).

«Исторія всеобщей литературы въ Россіи» (вып. 4 и 5).

«Изображеніе калики перехожаго въ латинской рукописи XIV вѣка» (Извѣстія Имп. Археол. Общества 1862 г., т. IV, вып. 5).

«Русское періодическое изданіе Академіи Наукъ (Петерб. Вѣд. 1862 г., № 39).

«Наука о русской старинѣ и народности за истекшій годъ» (Московск. Вѣд. 1862 г., № 84, 87, 92, 102 и 103).

Эти статьи вышли отдѣльнымъ оттискомъ, подъ заглавіемъ: «Старина и народность за 1861 годъ, библіографическое обозрѣніе», М. 1862 г.

«Замѣтка о библіографіи въ отношеніи науки о русской старинѣ и народности» (Отеч. Записки, 1862 г. кн. 11).

«Литературный подлогъ: Балалайка-сборникъ русскихъ пѣсенъ, изданный въ Германіи» (Петерб Вѣд., 1863 г. № 67).

«О книгѣ: Палеографическія снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей» (№ 72).

«Для исторіи русскаго народнаго театра: Аника воинъ и смерть—представленіе, разыгрываемое фабричными работниками» (Русск. Архивъ 1863 г.).

«Основной элементъ русской богатырской былины» (Филолог. Записки 1864 г. вып. 1 и 2).

«Русская народная сказка» (Петерб. Вѣд. 1864 г., № 94, 100 и 108).

«Для сравнительной науки древностей», М. 1865 г.

«Два библіографическіе вопроса — о Словарѣ русскихъ писателей и польскомъ переводѣ книги г. Греча» (Книжный Вѣстникъ, 1865 г., № 15, Русск. Архивъ, 1865 г. кн 10—11).

«Ученая новость — Древности Геродотовой Скиѳіи» (Петербург. Вѣд. 1866 г., № 271).

«О трудахъ Ѳ. Н. Глинки по наукѣ русскихъ древностей» (Бесѣды въ Обществѣ люб. россійск. словесн. 1867 г., вып. I).

«О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», магистерская диссертація. М. 1868 г.

«О Толковомъ Словарѣ г. Даля» (Бесѣды въ Обществѣ люб. россійск. словесн. 1868 г., вып. 2).

«О книгѣ г. Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (Отчеты о 10 и 13 присужденіяхъ Уваровскихъ наградъ, Спб. 1868 и 1872 гг.).

«Н. А. Ивановъ, профессоръ русской исторіи» (Петерб. Вѣдом. 1869 г., № 103; Журналъ мин. нар. просв. 1869 г. кн. 4).

«Запоздалые листки изъ исторіи языка и литературы», Ворон. 1871 г.

«Къ вопросу о разработкѣ славянской миѳологіи», Спб. 1871 г.

«Древность права Балтійскихъ славянъ», докторская диссертація, Прага 1874 г.

«Сказаніе объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древностей», Прага 1874 г.

«Uspechy stavistiky na Rusi» (Часопис Музея кралевстви Ческаго 1874 г. вып. I—III).

«В. И. Григоровичъ» и «О. М. Бодянскій» (Славянск. Ежегодн. 1878 г.).

«Объ изданіяхъ Общества Древн. Письменности» (Критическ. Обозрѣніе 1879 г., № 7).

«Рядъ статей, читанныхъ въ Обществѣ Нестора» (Чтенія въ истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, Кіевъ 1879 г.).

«Разборъ сочиненія Забѣлина: Исторія русской жизни», Кіевъ 1880 г. (Оттискъ изъ Кіевск. Универс. Извѣстій).

«Библіологическій опытъ о древней русской письменности», Ворон. 1881 г. (Оттискъ изъ Филологическ. Записокъ).

Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ, профессоръ [1]), род. 25-го сентября 1796 года въ Москвѣ, учился въ Славяно- Греко-Латинской Академіи и Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ словеснаго отдѣленія (1819 г.); послѣ защиты своего сочиненія: «De origine, summo perfectionis gradu variisque fatis eloquentiae Romanae», получилъ степень магистра и каѳедру римской словесности въ родномъ университетѣ (1826—1038 г.); въ 1839 году его назначили экстраординарнымъ профессоромъ Кіевскаго университета, но онъ вышелъ въ отставку и жилъ вдали отъ университетской службы до дня своей кончины; † 14-го іюня въ Москвѣ. — Его труды:

M. T. Ciceronis: de Amicitia, e recensione Schützii, M. 1830 г.

«Краткая латинская грамматика» Цумпта, перев. съ нѣмецк., М. 1882, 1835, 1839, 1844 и 1847 г., (пять изданій).

«Собраніе темъ, или краткихъ задачъ направила Цумптовой грамматики», М. 1834, 1838 и 1848 г. (три изданія).

«De praestantia littetarum Romanarum», актовая рѣчь, М. 1835 г.

«Латинскій синтаксисъ, заимствованный изъ краткой грамматики Бредера», М. 1837 г.

«Теорія русскаго стихосложенія», М. 1837 г.

«M. T. Ciceronis: Cato Major et Laelius», M. 1837 г.

«Несторъ, первый писатель Россійской исторіи, церковной и гражданской» (Русск. историч. Сборникъ, М. 1840 г. т. IV).

«О Патерикѣ Печерскомъ и описаніе харатейнаго списка Печерскаго Патерика» (Чтенія въ Обществѣ истор. и древн. 1847., кн. 9).

«Саллустій римскій историкъ» (Москвитян. 1854 г. т. I).

«Нѣсколько словъ о переводѣ Гомеровой Илліады (Москвитян. 1855 г., т II.

«О редакціяхъ Патерика Печерскаго» (Чтенія, 1858 г. кн. 3).

---

[1]) О немъ: Словарь проф. Московск. университета, М. 1855 г. ч. I, стр. 443—444; Жизнь и труды Строева, сочинен. Барсукова, Спб. 1878 г.; Древн. и Нов. Россія 1880 г., кн. 2, стр. 260—261.—Еще при жизни Кубарева, г. Барсуковъ напечаталъ нѣкоторыя его письма въ «Древней и Новой Россіи» (1880 г., кн. 2, 3 и 4), которыя затѣмъ вошли въ книгу: «Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ» (Спб. 1880 г.).

«Московскій публичный музей и библіотека» (Чтенія, 1866 г., кн. 2).
«Корнелія Непота жизнеописанія славнѣйшихъ полководцевъ съ критическими и грамматическими примѣчаніями», М. 1867 г.
«О Саллустіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ, находящихся въ риторическихъ наставленіяхъ Квинтиліана», критическое изслѣдованіе, М. 1870 г.
«Новыя критическія примѣчанія къ жизнеописаніямъ Корнелія Непота, Спб. 1873 г.

Кугушевъ, Флоръ Васильевичъ, князь, сотрудникъ «Московскаго Листка», писавшій подъ псевдонимомъ: «Ковшовъ»; † 6-го ноября, въ Москвѣ (Московск. Листокъ, 1881 г., № 85). Имъ напечатана книга:

«Среди пріятной компаніи», юмористическія разсказы, очерки и сцены. М. 1881 г., 174 стр.

Лешковъ, Василій Николаевичъ [1]), профессоръ, родился 2-го августа 1810 года, въ селѣ Медвѣдовѣ (Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи), воспитывался въ Черниговской духовной семинаріи и Педагогическомъ институтѣ, откуда по окончаніи курса былъ отправленъ за-границу — въ Берлинъ, Лейпцигъ, Прагу и Вѣну; по возвращеніи изъ ученой командировки, онъ былъ назначенъ (26-го января 1839 г.) адъюнктомъ въ Московскій университетъ, гдѣ и читалъ лекціи по юридическому факультету до дня своей смерти: † 21-го января въ Москвѣ. Кромѣ редактированія «Юридической Газеты» (1866 г. по 1-е іюля 1867 г., 24 №№), «Юридическаго Вѣстника» (1871—1879 гг.) и участія въ «Юридическихъ Запискахъ» Рѣдкина, покойный профессоръ напечаталъ:

«Историческое изслѣдованіе началъ неутралитета относительно морской торговли», докторская диссертація, М. 1841 г.
«Нѣсколько словъ о нѣмецкомъ таможенномъ или пошлинномъ союзѣ» (Москвитян. 1841 г., кн. 4).
«Разборъ разсужденія В. Соловьева: О значеніи законовъ» (кн. 5).
«О книгѣ С. Баршева: Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (кн. 12).
«Общій взглядъ на происшествія 1842 года» (Москвит. 1843 г., кн. 1).
«О правѣ осмотра» (кн. 3),
«О законахъ благоустройства и благочинія, или что такое полиція?» (кн. 5).
«Разборъ рѣчи проф. Платонова: О камеральномъ образованіи» (Москвитян. 1845 г., кн. 11).
«О древней русской дипломатіи», М. 1847 г. (рѣчь на университетскомъ актѣ).

---

[1]) О немъ: Словарь проф. Московскаго университета, М. 1855 г., ч. I, стр. 455 — 458 и періодическія изданія 1881 года: Древн. и Нов. Россія, кн. 2, стр. 375; Юридическ. Вѣстникъ, кн. 2; Историческ. Вѣстникъ кн. 3, стр. 702; Странникъ, кн. 2, стр. 363—365; Русск. Мысль, кн. 2, стр. II—III; Московскія Вѣд., № 25; Современн. Извѣстія, № 32. Русск. Стар., 1882 г., кн. 9, стр. 665—668.

«Общинный быть древней Россіи» (Журналъ мин. нар. просв. 1849 г., т. XCI).

«О древней московской полиціи» (Москвитян. 1851 г., кн. 7).

«Разборъ диссертаціи г. Пахмана: О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву» (кн. 13).

«Историческій очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ или почтахъ» (Москвитян. 1852 г., кн. 1).

«О книгѣ П. Бибикова: Очеркъ международнаго права въ Греціи» (кн. 10).

«Объ изслѣдованіи М. Капустина: Дипломатическія сношенія съ Западной Европой» (Москвит., кн. 11).

«Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о ремесленной и заводской промышленности» (кн. 12).

«Историческія очерки русскаго законодательства о промышленности», М. 1852 г.

«О книгѣ: Протокулъ Стародубскаго магистрата до записыванія справъ на рокъ 1690» (Москвит., 1853 г., кн. 1).

«Что и какъ дѣлалось въ древней Россіи на пользу народнаго здравія» (кн. 6).

«О народномъ продовольствіи въ древней Россіи» (Москвитян. 1854 г., кн. 5).

«О книгѣ г. Заблоцкаго: О цѣнностяхъ въ древней Руси» (Москвит. 1854 г., кн. 13).

«Древніе русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства» (Временникъ Импер. Общ. истор. и древн. 1854 г., кн. 18).

«О русской Правдѣ въ отношеніи къ благоустройству» (кн. 20).

«Объ изданіи: Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными» (Москвитян. 1854 г., кн. 24).

«Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи», М. 1885 г. (Это отдѣльный оттискъ изъ сборника: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 года»).

«О русскомъ воззрѣніи» (Москвит. 1856 г., кн. 1 и 2).

«По поводу статьи г. Вернадскаго: Еще о внѣшней торговлѣ» (кн. 4).

«О диспутѣ г. Вицына» (кн. 4).

«Объ изданіи: Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи» (Молва, 1857 г., №№ 15—17).

«Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка», М. 1858 г.

«О Временникѣ Имп. Общ. истор. и древн.» (Русск. Бесѣда, 1858 г., кн. 9).

«О раздѣленіи Россіи на губерніи по указамъ Петра Великаго и Екатерины Второй» (Русск. Вѣстн. 1859 г., кн. 22).

«Замѣтка на статью: О смертной казни самозванца Александра Семикова» (Московск. Вѣд. 1860 г. № 59),

«Два слова въ видѣ извѣщенія о проэктѣ устава о военно-морскомъ судѣ» (Наше время, 1861 г. № 13).

«Имущественныя и личныя права по указамъ Петра Великаго» (Русск. Вѣстн. 1861 г., кн. 12).

«Что такое общество, и что значитъ земство» (День, 1862 г. № 19—22).

«Русскіе экономическіе вопросы», (№ 44).

«Земскія учрежденія» (Зритель, 1862 г. № 44).

«Отчего наше общественное или народное благоустройство до сихъ поръ не было устроено» (Зритель, 1862 г. № 50—51: 1863 г. № 1—2).
«Русскія основы права» (День, 1863 г. № 13).
«Національность или народность Русской земли» (№ 20).
«Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и крѣпостное право въ ихъ происхожденіи и значеніи» (Зритель, 1863 г. № 15—18).
«Черты управленія въ Россіи по указамъ XVIII вѣка» (Русск. Вѣстн. 1863 г., кн. 7).
«Общество и воспитаніе, личность и народное просвѣщеніе» (День, 1864 г., № 21).
«Опытъ теоріи земства и его земскихъ учрежденій» (День, 1865 г., № 42—44).
«Замѣтка по вопросу о полицейскомъ правѣ» (Московск. университ. Извѣстія, 1868 г., кн. 2).
«Два-три замѣчанія на книгу: Курсъ гражданскаго права К. Побѣдоносцева» (Юрид. Вѣстн. 1868 г. кн. 3).
«Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Сергѣевича: Вѣче и князь» (Русскій, 1868 г., № 48, 49, 51 и 53).
«Замѣчанія на первую книгу Гражданскихъ Законовъ о семейномъ правѣ» (Юрид. Вѣстникъ, 1869 г. кн. 12).
«Объ основномъ источникѣ и общемъ строѣ права» (Юрид. Вѣстникъ, 1873 г., кн. 1).
«Вопросъ о субъектѣ и объектѣ юридическаго права» (кн. 2).
«Критика на «Полицейское право» г. Андріевскаго» (кн. 5).
«Наша средняя исторія общественнаго права съ Петра Великаго» (Юрид. Вѣстникъ, 1874 г. кн. 1).
«Рѣчь при открытіи перваго съѣзда русскихъ юристовъ (Журналъ мин. нар. просв. 1875 г. кн. 10).
«Русская промышленность по указамъ Петра Великаго» (Юрид. Вѣстн. 1876 г. кн. 5).
«О народномъ просвѣщеніи по указамъ Петра Великаго» (Юрид. Вѣстн. 1877 г., кн. 3).
«Библіографическое извѣщеніе о разсужденіи доцента Ковалевскаго» (кн. 7).
«Отзывъ о сочиненіи г. Гольцова касательно финансоваго права XVII вѣка» (Юрид. Вѣстникъ 1879 г., кн. 3).
«Рецензія на сочиненіе: Русское земство и прибалтійское самоуправленіе» (Критич. Обозрѣніе, 1879 г., № 15).
«Разборъ книги г. Кесслера: Исторія и критика русскаго общиннаго самоуправленія» (№ 22).
«Критическая статья о книгѣ: Внутренній бытъ русскаго государства отъ 1740 по 1741 годъ» (Юрид. Вѣстн. 1881 г., кн. 3).

Львовичъ-Кострица, Николай Ульяновичъ, кандидатъ правъ Московскаго университета (1874 г.), а затѣмъ присяжный повѣренный при Московскомъ Окружномъ Судѣ; † 7-го декабря въ Москвѣ. Онъ издалъ брошюру: «Права и обязанности присяжныхъ засѣдателей и необходимыя свѣдѣнія для нихъ по уголовному судопроизводству» (М. 1879 г.).

Меньшовъ, Иванъ Ивановичъ[1]), родился въ 1831 году, состоялъ членомъ Оренбургскаго и Уфимскаго статистическихъ комитетовъ, Оренбургскаго отдѣла Имп. Географическаго Общества и Комитета грамотности при Имп. Вольноэкономическомъ Обществѣ; † 28-го мая въ Уфѣ. Покойный собиралъ свѣдѣнія по исторіи, этнографіи и статистикѣ; а затѣмъ печаталъ ихъ въ «Уфимскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ», какъ напримѣръ: «Празднованіе новаго года въ Уфѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ» (1870 г., № 1).

Мизко, Николай Дмитріевичъ[2]), родился 13-го мая 1818 г. въ Екатеринославѣ и воспитывался въ тамошней гимназіи (1828—1835 г.); по окончаніи курса—канцеляристъ Екатеринославской губернской строительной коммиссіи, уголовной и казенной палаты (1834—1871 г.); затѣмъ вышелъ въ отставку и жилъ то въ своемъ имѣніи—селѣ Карабиновкѣ (Новомосковскаго уѣзда), то въ Воронежѣ, то въ Москвѣ, гдѣ и † 27-го мая. Онъ, кромѣ редактированія «Екатеринославскихъ Вѣдомостей» и участія въ нихъ своими статьями (1845—1847 г.), напечаталъ слѣдующія произведенія:

«Программа полнаго курса теоріи словесности» (Журналъ мин. нар. просв. 1838 г., кн. 12).

«Голосъ изъ провинціи о поэмѣ: Мертвыя Души» (Отеч. Записки, 1843 г. кн. 4).

«Екатеринославскій театръ во время Петропавловской ярмарки» (Реперт. и Пант. 1843 г.; кн. 10).

«Рецензія на книгу Чистякова: Очеркъ теоріи изящной словесности» (Москвитян. 1843 г., кн. 12).

«Театръ въ Екатеринославѣ въ 1844 году (Реперт. и Пант. 1845 г., кн. 5).

«Сцены изъ ежедневной жизни» (Реперт. и Пант. 1847 г., кн. 12).

«Объ открытіи въ Екатеринославѣ постояннаго театра» (Реперт. и Пант. 1848 г., кн. 1).

«Памятная записка о жизни Дмитрія Тимоѳеевича Мизко» (Одесса, 1849 г., 32 стр.).

«Столѣтіе русской словесности» (Одесса, 1849 г., 342 стр.).

«Мысль о восточномъ вопросѣ» (Москвит. 1854 г., кн. 7).

«Рецензія книги Нейкирха: Diechterkanon» (кн. 11).

«Овидій въ русской литературѣ» (кн. 11).

«Разборъ книги Метлинскаго: Народныя южнорусскія пѣсни» (Москвитян. 1855 г., кн. 4).

«Педагогическія замѣтки» (Журналъ мин. нар. просв. 1856 г., т. 92). Отдѣльный оттискъ: (Спб. 1856 г., 63 стр.).

«Голосъ изъ провинціи» (Отеч. Записки, 1855 г., кн. 6).

«Взглядъ на проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ» (Журналъ мин. нар. просв. 1857 г., т. 109).

«О проповѣдяхъ Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ» (Русск. Бесѣда, 1857 г. кн. 3).

«Три встрѣчи» (Мода, 1857 г., № 8).

---

[1]) О немъ: Московск. Вѣд. 1881 г., № 201.

[2]) См. о немъ: Историческ. Вѣстн. 1882 г., кн. 10, стр. 83 — 108.

«Нѣсколько словъ о крестьянскомъ трудѣ въ барщинномъ хозяйствѣ» (Сельск. Благоустр. 1858 г., кн. 7).
«Ода Хераскова на восшествіе на престолъ Александра I (Библіограф. Записки, 1858 г. № 9).
«Замѣтка о сельско-хозяйственномъ образованіи» (Одеcск. Вѣстн. 1858 г., № 56).
«Разборъ перваго выпуска философскаго лексикона» С.-Петер. Вѣдом. 1858 г. № 148).
«Общественная библіотека и книжный магазинъ въ Екатеринославѣ» (Библіограф. Записки, 1859 г., № 18).
«По поводу одного романа «Маргарита Готье» (Сынъ Отеч. 1859 г., № 40).
«Русская словесность въ ея современномъ развитіи» (Литерат. Прибавл. къ Кіевск. Телеграфу, 1860 г. № 1—2).
«По поводу проекта о продажѣ государственныхъ имуществъ» (Сынъ Отеч. 1860 г., № 4).
«Воспоминаніе о Солепикѣ, знаменитѣйшемъ украинскомъ актерѣ» (Основа, 1861 г., № 2).
«Вісті изъ села Карабиновки (№ 5).
«Разборъ втораго выпуска философскаго лексикона» (Журналъ мин. нар. просв. 1861 г., кн. 4).
«Краткій историческій очеркъ украинской литературы» (Основа, 1862 г., № 3).
«Книга для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи, М. 1865 г., 370 стр.
«Народное образованіе въ Новомосковскомъ уѣздѣ (Журналъ мин. нар. просв. 1868 г., кн. 5).
«По поводу открытія памятника Кольцову въ Воронежѣ» (Донъ, 1868 г. № 41).
«Рецензія на книгу Ковалевскаго: «Изъ жизни» (1869 г. № 1). Отдѣльно: Воронежъ, 1869 г., 11 стр.
«Нужно ли руководство при изученіи языка, теоріи словесности и исторіи литературы (Филолог. Записки, 1869 г., кн. 1).
«Надъ гробомъ младенца» (Воронежск. епарх. Вѣдом. 1869 г., № 1 — 3).
«Общія понятія о поэзіи» (Филолог. Записки, 1869 г., кн. 6).
«Типы современной жизни» (Донъ, 1869 г., № 24).
«Любопытный случай изъ земскаго дѣла» (№ 25).
«Князь В. Ѳ. Одоевскій (№ 27 — 29).
«Разборъ книги В. Орлова: Собраніе словъ» (№ 34).
«О распаденіи историко-филологическаго факультета въ университетѣ Св. Владиміра» (№ 46 — 53).
«О славянахъ» (№ 48).
«Переводъ по-русски стихами малороссійской поэмы: Неофиты» (№ 48—49).
«Наша старина» (№ 54 — 57).
«По поводу книги Будиловича: Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (Филолог. Записки, 1870 г., кн. 1).
«Новый годъ» (Воронежск. епарх. Вѣдом. 1870 г., № 2).
«По поводу сочиненій Филонова и Колосова» (Филолог. Записки, 1870 г., кн. 3).
«Не дай Богъ смерти» (Воронежск. епарх. Вѣд. 1870 г. № 9).
«Современная журналистика» (Донъ, 1870 г. № 10).
«Изъ непереведенныхъ по-русски стихотвореній Шевченка» № 17.

ПУГАЧЕВСКІЙ СУДЪ.

Картина художника Перова. Гравировалъ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою спб., 16 ноября 1884 г. Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ПОДЪ НЕБОМЪ УКРАИНЫ.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura,
Che la diritta via era smarrita.

Dante.

I.

Отъ Венеціи до Прилукъ.

ПРИВЕДЕННЫМИ въ эпиграфѣ словами мрачный поэтъ Италіи начинаетъ повѣствованіе о нисхожденіи своемъ въ ужасную область Аида по прошествіи первой половины жизни. Я этими же словами начинаю нѣчто совсѣмъ иное, хотя я прошелъ больше, гораздо больше половины моего жизненнаго пути.

Въ послѣдніе годы я немало скитался по бѣлу свѣту. Горькое сознаніе, съ которымъ, однако, въ извѣстные годы всякій волей-неволей мирится — сознаніе, что жить уже осталось немного, и вытекающее изъ этого обидное чувство, что придется лечь въ землю, не видавъ и пятой доли ея поверхности, омытой синими морями и океанами, обставленной горами и расцвѣченной невиданною въ нашихъ широтахъ зеленью, наконецъ, другія болѣе глубокія и болѣе острыя нравственныя побужденія, вызывали въ душѣ моей, въ эти послѣдніе годы, неодолимое стремленіе побродить по свѣту, помыкаться далеко-далеко отъ родины, чтобы хоть немного размыкать тотъ осадокъ горечи, который наложила на душу эта самая жизнь и эта самая родина.

Въ эти годы скитаній я мыкалъ свое горе и на берегахъ Нила, и подъ пирамидами фараоновъ, палился и подъ солнцемъ Палестины, тосковалъ и подъ знойнымъ небомъ Андалузіи, подъ небомъ Неаполя и Рима. На Араратѣ я едва не нашелъ вѣчный конецъ моимъ скитаніямъ, но судьба пощадила меня, подъ небомъ Приморскихъ Альпъ возвративъ съ избыткомъ то, что я потерялъ было подъ небомъ Арменіи.

Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ скитаній я очутился подъ небомъ Украины. Изъ Венеціи черезъ Вѣну, Краковъ, Львовъ и Броды, я попалъ прямо въ сердце Украины — въ Кіевъ. Тамъ отъ Рудченки я узналъ, что между земляками прошла вѣсть о моей кончинѣ за границей: говорили, что я не осилилъ болѣзни, подкосившей меня на Араратѣ, и легъ въ сырую землю гдѣ-то на чужбинѣ. Добрые украинцы пожалѣли обо мнѣ... И вдругъ я — какъ «Пилипъ зъ конопель»!

Но я торопился оставить знойный и пыльный Кіевъ. Продолжительныя скитанія утомили меня, и я боялся потерять тотъ запасъ здоровья, которымъ за зиму запасся въ моемъ «прекрасномъ далекѣ», на вѣчно-цвѣтущихъ берегахъ бирюзоваго моря. Профессоръ Д. И. Кошлаковъ, пользовавшій меня въ Петербургѣ послѣ моей араратской бѣды, посылая меня на зиму въ Ментонъ, къ теплымъ бирюзовымъ водамъ, ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, по прошествіи зимы, я не иначе возвращался лѣтомъ въ Петербургъ, какъ проведя весну гдѣ нибудь на югѣ Малороссіи. Вслѣдствіе этого Костомаровы (Алина Леонтьевна и Николай Ивановичъ) и пригласили меня на весну въ имѣніе первой, въ Полтавской губерніи, верстахъ въ четырехъ отъ Прилукъ, куда они и намѣревались прибыть изъ Петербурга къ началу мая.

Къ нимъ то я и долженъ былъ ѣхать изъ Кіева. Я выѣхалъ 2-го мая. Небо Украины уже въ сущности давно разстилалось надо мною голубымъ покровомъ. Уже въ Австріи, едва лишь Вѣна осталась за мною, я начиналъ чувствовать, что нахожусь до нѣкоторой степени въ родственной атмосферѣ: славянскія надписи на станціяхъ «Новыя Веси» вмѣсто «Нейдорфовъ», босыя въ бѣлыхъ «кошуляхъ» славянскія дѣти, знакомые «чоботы» на ногахъ и «брили» на головахъ, пестрые наряды славянскихъ дѣвушекъ — все это какъ будто отдавало чѣмъ-то своимъ, родственнымъ этнографически, если не по душѣ. А въ Галичинѣ, около Львова и за Львовомъ, уже все смотрѣло на меня широко раскрытыми украинскими глазами. Вплоть до Кіева глядѣли на меня эти украинскія очи.

И до Кіева, и послѣ Кіева путь лежалъ по мѣстности, надъ которой, казалось, вереницами носились тѣни прошлаго: такъ много около каждаго городка, около каждаго почти мѣстечка ютится историческихъ воспоминаній — яркія, отрадныя, иногда же мрач-

ныя, кровавыя картины казачества, насильственной уніи, «хмельницщины», «руины», «гайдамачины», татарскихъ загоновъ, польскихъ наѣздовъ и заѣздовъ, крымской неволи... То встанетъ передъ вами тѣнь Хмельницкаго или образъ его злополучнаго сына Юраськи, котораго земля не принимаетъ; то пройдетъ среди «руины» правобережья задумчивый образъ Палія; то пронесется мимо васъ тѣнь Мазепы, направляющагося къ Диканькѣ изъ Бахмача, чтобы ѣхать на свиданье съ Мотренькой Кочубеевной... А чаще всего подъ этимъ небомъ Украины бередитъ душу горькій стихъ поэта:

Съ того часу въ Украіні
Жито зеленіе;
Не чуть плачу, ни гармати,
Тільки вітеръ віе,
Нагинае верби въ гаі,
А тирсу на полі.
Все замовкло. Нехай мовчить:
Така Божа воля.

Отъ Кіева вплоть до Нѣжина по сторонамъ рельсоваго пути тянутся группами пѣшеходы съ котомками за плечами и съ длинными палками въ рукахъ, преимущественно бабы и «дівчата»: это богомольцы, отправляющіеся въ Кіевъ «на прощу». И прежде, во времена гетманщины, такими же вереницами тянулись каждую весну богомолки въ Кіевъ молиться—кто за сына, томящагося въ крымской или турецкой неволѣ, кто за «казака черноброваго», ушедшаго въ Запорожье, кто за чумака, отправившагося на Донъ за солью, кто за болящаго. И теперь сердобольныя бабы идутъ молиться почти о томъ же: только вмѣсто крымской неволи—конная гвардія гдѣ-то въ далекомъ-далекомъ Петербургѣ, вмѣсто Запорожья—технологическій институтъ, петровская академія. А бабамъ все не лучше отъ этого.

Вотъ и Нѣжинъ. Тутъ невольно припоминается вамъ кровавый эпизодъ изъ исторіи гетманщины. Васюта Золотаренко, нѣжинскій полковникъ, и красавецъ Сомко, и лютующій гетманъ Брюховецкій: «онъ, Брюховецкій,—негодуетъ лѣтописецъ,—взявши Сомка и Васюту подъ свой караулъ, велѣлъ головы имъ постинать, не смотря на Сомка, что онъ и лицомъ, и возростомъ хорошъ былъ, котораго и самъ палачъ татаринъ, смотря на него Сомкову уроду (красоту), рубать его отрекался».

Въ Нѣжинѣ кончался для меня рельсовый путь: я долженъ былъ свернуть вправо и ѣхать проселкомъ къ югу, по направленію къ Прилукамъ.

Подъ дугой зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ, котораго я не слыхалъ съ тѣхъ поръ, какъ больнымъ уже, страдающимъ я возвращался изъ-подъ проклятаго Арарата черезъ Малый Кавказъ.

Передо мной разстилались милыя, чарующія своей скромной, но глубоко симпатичной красотой картины Украины. Я радовался какъ ребенокъ, вспоминая, какъ я, еще такъ недавно, видѣлъ передъ собою выжженныя солнцемъ равнины Кастиліи, мрачныя очертанія Сіерра-Морены, яркія, тропическія красоты Андалузіи и Гренады съ ихъ гигантскими кактусами, пальмами, агавами. А теперь передо мною—вербы, что шумятъ въ «въ кінці греблі», да тополи

Гнучкі, гнучкі, та високі...

Я готовъ былъ вмѣстѣ съ философомъ Григоріемъ Сковородою декламировать его до сумбурности великолѣпную канту:

Ой поля, поля зелены,
Поля цвѣтомъ испещрены!
Ой долы, долы, яры,
Кругомъ могилы, бугры.
Ой вы водъ потоки чисты,
Ой вы берега травиеты,
Ой ваши волоса,
Вы, курчавые лѣса.
Жайворонокъ межъ полями,
Соловейко межъ садами:
Той, выспрь летя, сверчитъ,
А сей на вѣтвяхъ свиститъ.

И жаворонокъ дѣйствительно взвивался «выспрь» и «сверчалъ» высоко въ небѣ, а въ кустахъ неугомонно, словно сумасшедшій, свисталъ соловей, котораго я въ послѣдній разъ слышалъ во Флоренціи, въ садахъ Боболи.

Ямщикъ, ражій парень, съ серьгой въ ухѣ и въ городскомъ мѣщанскомъ картузѣ, всѣ усилія употреблялъ, чтобы казаться чистѣйшимъ «москалемъ».

— Гей вы, дѣти!—пошаливай! покрикивалъ онъ на лошадей.

Но лошади плохо «пошаливали», можетъ быть, потому, что было очень жарко, да и отъ зимней безкормицы имъ, видно, было не до шалостей.

— Но-но, пошевеливай!

Замѣтно было, что парень усердно старался говорить помосковски:—это былъ съ его стороны шикъ, признакъ образованности, культурности... Мы-де видали виды...

— Да ты здѣшній, или изъ Россіи, изъ москалей? спросилъ я съ умысломъ.

— Мы здѣшній.

— Стало быть, нашъ братъ, хохолъ, да тільки москалемъ вырубае, якъ тамъ кажуть:

При данилусці стояла,
Калину ломала...

Онъ обернулся ко мнѣ и снисходительно улыбнулся.

— Но-но, дѣти!

Ясно, что онъ, по крайней мѣрѣ, при мнѣ, игнорировалъ свой родной языкъ, считалъ себя выше его по образованію.

— Которые эсли ничаво не видали, а мы, слава Богу, и у Ромнѣ, и у Бахмачу...

Ну, однимъ словомъ, человѣкъ образованный, чуть ли не полсвѣта видалъ—«и у Ромнѣ, и у Бахмачу».

Между тѣмъ все говорило мнѣ, что я ѣду по мѣстности, богатой, такъ сказать, насыщенной историческими воспоминаніями — говорили и эти старыя, одинокія вербы, и эти ветхіе исполинскіе тополи, словно одинокіе часовые, стерегущіе историческій путь и, казалось мнѣ, вспоминающіе о далекихъ временахъ гетманщины, о татарскихъ набѣгахъ, — и болѣе всего говорило мое воображеніе, какъ губка, насыщенное поэтическимъ прошлымъ Украйны.

Вотъ и ночь захватила меня въ дорогѣ — та украинская ночь, которая вливала въ сердце и въ творческую мысль поэта вдохновеніе:

Тиха Украинская ночь...

Та ночь, которая растворяла слезами сердце другаго поэта, вдохновеніе котораго повито было этими дивными ночами Украины, снившимися ему и на далекомъ сѣверѣ, и въ далекой ссылкѣ:

Кричать сови, спить діброва,
Зіронькі сіяють,
По-надъ шляхомъ, щирицею,
Ховрашки гуляють.
Спочивають добрі люде;
Що кого втомило:
Кого — счастя, кого — слезы
Все птичка покрыла.
Всіхъ покрыла темнесенька,
Якъ діточокъ мати...

Покрыла она и эти бѣленькія хатки, и эти вишневые садочки, и зеленыя левады, и «криниці» съ холодною водою. Только не можетъ покрыть она этихъ сильныхъ, мелодическихъ голосовъ «улиці», на которую подъ прикрытіемъ этой чудной ночи повышло изъ хатокъ все живое, молодое, любящее, и сколько этой любви, этого молодаго счастья разлито въ воздухѣ!

Луна свѣтила во всѣ глаза и бросала—и фантастическіе блики на бѣлыя хатки, и на темную зелень, и фантастическія тѣни отъ этихъ хатокъ, тополей, вербъ и вишневыхъ садочковъ. Въ свою очередь воображеніе придавало этимъ ночнымъ картинамъ что-то волшебное, сказочное.

За полночь уже я пріѣхалъ въ Прилуки, гдѣ и рѣшился отдохнуть до утра.

II.

Таинственная пѣсня.

Прилуки — маленькій, скромный украинскій городъ, но и у него есть историческое прошлое, и въ этомъ прошломъ—своя доля поэзіи. Тутъ верховодили когда-то Горленки—Лазарь и сынъ его Дмитро, прилуцкіе полковники. Здѣсь и теперь еще немало есть Горленковъ, потомковъ историческихъ казацкихъ полковниковъ Лазаря и Дмитра, о которыхъ доселѣ читаемъ въ лѣтописцахъ, въ этихъ безсмертныхъ поминальникахъ Украины. «Того жъ 1677-го року, протопопъ нѣженскій Симеонъ Адамовичъ, же не хотѣлъ ведлугъ декрету зостати черпцемъ, отданъ на карность свѣцкую, который безъ фолги мѣлъ вязення и битя, и признадъ, же змову мѣлъ зъ нѣкоторими о здоровя гетманское, а звлаща зъ Рославцемъ полковникомъ стародубскимъ, Дмитрашкомъ переясловскимъ, Лазоромъ прилуцкимъ и инними, которыхъ успѣхъ до вязення побрано и маетности попечатано и поотбѣрано». Въ другомъ мѣстѣ, подъ годомъ 1687-мъ, говорится о томъ, какъ Мазепа, будучи избранъ гетманомъ, велѣлъ арестовать нѣкоторыхъ полковниковъ, въ томъ числѣ и Лазаря Горленка, «котораго и убито». Послѣ отца на страницахъ лѣтописей Украины появляется сынъ убитаго Лазаря — Дмитро. Подъ годомъ 1696-мъ записано. «На початку того року, заразъ по Рождествѣ Христовомъ, выйшли орды великія—крымскія, черкасскія и бѣлогорскія и, скупившися, доставали Китай-городка, и не достали; о которыхъ силахъ татарскихъ увѣдомившися гетманъ нашъ запорожскій, Иванъ Мазепа, не допускаючи далѣй оным непріятелемъ распространитися и пустошити Украины, скупивши войска свои, выйшелъ противко нихъ на Прилуку, на Лохвицю да на Гадячое; о которомъ походѣ гетманскомъ увѣдомившися, орды назадъ повернули отъ Говтвы, жадного городка не вынявши, тилко въ тихъ краяхъ села попустошили; и гетманъ съ войсками своими назадъ повернулъ, пославши за ними полковника прилуцкаго Дмитра Лазаренка (Горленка) и Ивана Романовскаго съ войсками, которыя въ поля за ними выйшли, але имъ орда жадного отвороту не чинила». Въ другомъ мѣстѣ упоминается о походѣ полковниковъ Якова Лизогуба, Дмитра Горленка и другихъ подъ Азовъ. Наконецъ послѣ измѣны Мазепы, упоминается, какъ Горленко вмѣстѣ съ прочими ушелъ къ туркамъ, какъ потомъ воротился въ Россію и взятъ былъ въ Москву, гдѣ и прожилъ 16 лѣтъ «въ московской неволѣ». А уже подъ 1730-мъ годомъ записано: «Того-жъ года Димитрій Горленко зъ Москвы въ отчество свое къ женѣ до Прилуки по 16-ти лѣтехъ отпущенъ».

Изъ Прилукъ я выѣхалъ съ восходомъ солнца. Утро было прелестное. До самыхъ Дѣдовецъ путь мой лежалъ среди пышной зелени, между хатокъ и вишневыхъ садочковъ...

А вонъ съ полугорья идетъ мнѣ навстрѣчу длинная алея старыхъ, гигантскихъ тополей. Изъ-за тополей то тамъ, то здѣсь виднѣется жилье. Это Дѣдовцы. Вонъ зеленая крыша усадьбы, надворныя строенія, верхушка церкви — все тонетъ въ зелени, а зелень сама тонетъ въ блѣднорозовой пѣнѣ цвѣтущихъ яблонь, грушъ, вишенъ. Здоровыми, свѣжими женскими голосами выкрикиваются веснянки... Во всемъ этомъ столько чарующей прелести, столько поэзіи.

Въ воротахъ усадьбы, обширный дворъ которой заросъ свѣжею, яркою зеленью, меня встрѣтили дружескія объятія.

— А мы ужъ и не чаяли дождаться васъ—такъ тяжело было прощанье.

— А я еще меньше васъ ожидалъ, что вернусь въ Россію.

— Что ужъ и вспоминать о страшномъ времени!.. А вонъ и мое старье — то-то радъ!

Съ крыльца, простирая руки словно Моисей передъ Чермнымъ моремъ, сходилъ старецъ Украины. Ветхо — ноги едва держатъ, «очи не добачаютъ»... А какимъ онъ былъ двадцать лѣтъ назадъ!

— Какъ я радъ! какъ я радъ!

— Поклонъ вамъ отъ античнаго міра — отъ Помпеи, Рима, поклонъ отъ Испаніи, Андалузіи, Севильи, Гренады! Наконецъ-то я на Украинѣ...

— А Соня осрамилась: все спорила со мной, что раньше всѣхъ васъ встрѣтитъ у начала тополевой алеи и обсыпетъ васъ цвѣтами... А вотъ и прозѣвала...

На крыльцѣ показалась и Соня — Софья Марковна Кисель — чисто украинская, историческая фамилія.

— Что, вѣроятно, вамъ послѣ Испаніи, Андалузіи, Италіи, Неаполя—все здѣсь покажется блѣднымъ, жалкимъ?

— Напротивъ!—куда Андалузіи до Украины, куда Соренто и Альгамбрѣ до Дѣдовецъ!

— Вы шутите?

— Честное слово—не шучу: тамъ много очаровательнаго, невиданнаго, поражающаго; но здѣсь все для меня симпатичнѣе, лучше, ближе, роднѣе.

Послѣ завтрака мы вышли въ садъ, исходили всѣ его дорожки, алейки, посидѣли на зеленой травѣ, подъ тѣнью липъ и тополей. А кругомъ — и въ саду, и на селѣ по левадамъ и огородамъ, и въ полѣ, на табачныхъ плантаціяхъ, и среди чудной зелени, въ которой утопаетъ все село,—ни на секунду не умолкаетъ пѣсня: въ воздухѣ стоитъ мелодія — дѣвическіе голоса не умолкаютъ. Мнѣ положительно думается, что во всемъ мірѣ нѣтъ страны пѣвучѣе

Малороссіи. Я жилъ въ самой пѣвучей землѣ — въ Италіи: тамъ поютъ много; пѣніе для итальянца — это его стихія, его дыханіе. Но еще больше пѣсня—дыханіе украинца, въ особенности украинки. Она поетъ въ полѣ за работой неумолкаемо. Поютъ большею частью хоромъ, и стройность пѣнія—поразительна. Поютъ и послѣ работы, когда идутъ завтракать или обѣдать. Положительно, пѣсня — это ихъ дыханіе, ихъ отдыхъ, сила въ работѣ. А какъ поютъ вечерами, когда идетъ такъ называемая «улица» — это выше всякаго описанія. Но насъ поразилъ одинокій женскій голосъ, который пѣлъ гдѣ-то за вербами, на левадѣ: въ немъ было что-то больше, чѣмъ заунывное, больше, чѣмъ печальное, надрывающее душу — въ немъ было что-то страшное, ужасающее.

— Слышите это одинокое пѣніе, вонъ тамъ, гдѣ-то за вербами? спросилъ меня Костомаровъ.

— Да, я прислушиваюсь къ нему — это что-то непонятное для меня.

— Страшное! — Я давно уже замѣтилъ это пѣніе, какъ только мы пріѣхали сюда изъ Петербурга, и не знаю, что это такое.

— Это какой-то тихій вопль, какое-то глубокое отчаяніе.

— Да, это хуже, чѣмъ поютъ надъ покойникомъ: такъ могли пѣть только надъ повѣшеннымъ.

— И мнѣ кажется.

— Да — именно надъ повѣшеннымъ... Это не та мелодія, которую вы слышите въ «веснянкахъ» или въ пѣсняхъ «петрівочныхъ», которыя, безспорно, этимъ же самымъ голосомъ пѣлись и во времена языческаго идолослуженія.

— Совершенно вѣрно. Мнѣ даже кажется, что, когда я слышу вонъ то обрядовое пѣніе, то мнѣ представляется, что поющіе ходятъ вокругъ идола Перуна, что стоялъ надъ Днѣпромъ, и молитвенно возглашаютъ надъ приносимыми Перуну кровавыми жертвами:

Ой мы кровушки наточимъ, наточимъ,
Ой мы Перуна боженьку напоимъ, напоимъ,
Ой дидъ-ладо, напоимъ, напоимъ!..

— Да правда, — ничто не одарено такой поразительной живучестью, какъ обрядовыя народныя пѣсни. Эти «веснянки» навѣрное пѣлись, и совершенно этимъ же голосомъ, когда здѣсь верховодилъ Лазарь Горленко или Сагайдачный. Мало того, эта мелодія звучала здѣсь и во времена удѣльныхъ усобицъ, и при Мономахѣ, и тогда, когда Игорь сѣверскій совершалъ свой походъ, воспѣтый въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

— Я съ вами совершенно согласенъ: прислушиваясь къ этой мелодіи, половцы и печенѣги подкрадывались къ селамъ и, налетѣвъ на поющихъ саранчею, угоняли ихъ въ полонъ, а села ихъ сожигали до тла, успѣвъ прежде перевѣшать всѣхъ мужчинъ.

— Вѣрно, вѣрно... Въ эту то именно далекую пору, въ виду родныхъ пепелищъ, въ виду висящихъ труповъ отцовъ, мужей, братьевъ, жениховъ, сыновей—подъ этими самыми трупами слагалась эта ужасная мелодія.

— А вы не знаете ея словъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, не знаю — не знаю даже, кто поетъ.

— Вотъ она замолкла.

— Жаль, — а то можно было бы подойдти ближе и узнать, кто поетъ и что это за пѣсня.

Въ это время приходитъ Марья Петровна Савченко, пріятельница и ближайшая сосѣдка А. Л. Костомаровой, женщина очень милая, умная, образованная, великодушно перечитавшая для старика Костомарова (самъ мастистый историкъ давно ужъ слабъ зрѣніемъ — «трошки не добачае»), во время его лѣтнихъ пребываній въ Дѣдовцахъ, всѣ восемнадцать томовъ (пофранцузски) «Исторіи Греціи» Грота и за нынѣшнее лѣто прочитавшая ему нѣсколько томовъ историческихъ книгъ, тоже пофранцузски. Она, живя безвыѣздно въ Малороссіи, по окончаніи курса въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ, великолѣпно изучила украинскую народную поэзію и знаетъ рѣшительно всѣ пѣсни, которыя народъ поетъ теперь въ Дѣдовцахъ и по сосѣднимъ селамъ.

— Марья Петровна! — обратился къ ней Николай Ивановичъ: — вы отлично знаете всѣ здѣшнія пѣсни — и голоса ихъ, и слова, — скажите, не слыхали вы, какъ сейчасъ какой-то женскій голосъ пѣлъ, вонъ тамъ на левадѣ, за этою зеленью, такую пѣсню, какую можно пѣть только надъ повѣшеннымъ?

— Надъ повѣшеннымъ?

— Надъ повѣшеннымъ или сожженнымъ заживо — это ужасный голосъ! — отъ него холодъ пробѣгаетъ по тѣлу.

— Не знаю, сердце, такой пѣсни, а если бъ услыхала, то можетъ и узнала бъ.

— Это ужасная пѣсня... Жаль, что она замолчала.

— Не знаю, голубчику, не знаю. — Не веснянка? — Теперь все веснянки поютъ.

— Нѣтъ, не веснянка — это какая-то висѣльная.

Странное дѣло! — Нѣчто подобное мнѣ пришлось услыхать въ Испаніи, именно въ Мадридѣ. Сидя однажды въ своемъ номерѣ въ «Fonda de Oriente», я услыхалъ подъ своимъ балкономъ монотонное треньканье гитары и пѣніе, такое тоскливое, такое страстно жалобное, что мнѣ показалось, будто я слышу нашего украинскаго слѣпца, Остапа Вересая, когда онъ подъ жгуче-тоскливые звуки бандуры поетъ о побѣгѣ изъ Азова трехъ братьевъ-невольниковъ или свою глубоко-поэтическую пѣсню о «правдѣ и неправдѣ», о нашемъ печальномъ времени, въ которое —

Щирая неправда увесь світъ зажерла...

Оказалось, что это пѣли испанскіе слѣпцы подъ акомпаниментъ гитары. Въ пѣніи ихъ было столько пламенной тоски, такая жгучая жалоба, что, казалось, и ихъ пѣсня слагалась среди сожженныхъ и разрушенныхъ селъ и городовъ и въ виду труповъ повѣшенныхъ. Оно и не удивительно. Мнѣ тогда же пришло на мысль, что и судьбы испанскаго народа имѣли въ прошломъ много общаго съ судьбами украинскаго народа: та же многовѣковая борьба съ мусульманскимъ міромъ, только здѣсь, въ Малороссіи, — съ татарами, тамъ, въ Испаніи,—съ арабами; какъ татары, опустошивъ Украину, пожегши ея села и поубававши и перевѣшавши ея мужское населеніе, цѣлыми загонами гнали къ себѣ въ неволю женщинъ и дѣвушекъ, такъ и арабы цѣлыми стадами гоняли испанокъ и испанцевъ за Сіерра-Морену, въ богатую Кордову, въ пламенную Севилью и богатую фонтанами Альгамбру — и отдавали ихъ въ неволю. Изъ плача надъ трупами, изъ тоски по сожженнымъ на кострахъ инквизиціи слагались иныя испанскія пѣсни, какъ слагались таковыя же и на Украинѣ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Глубоко-поэтическимъ стихомъ Лонгфелло выражаетъ то же, что сказалъ почтенный историкъ относительно того, какъ и изъ чего слагались иныя народныя пѣсни и мелодіи, въ томъ числѣ и та, которую прилично было бы назвать «висѣльною мелодіею». Мысль эту Лонгфелло выражаетъ въ прологѣ къ своей знаменитой поэмѣ «Пѣсня о Гайаватѣ»:

Вы хотите знать — откуда
Эти пѣсни и преданья,
Отъ которыхъ вѣетъ лѣсомъ
И луговъ росистыхъ влагой?
Вы хотите знать — откуда
Эти странныя легенды,
Гдѣ вамъ чудится порою
Дымъ синѣющій вигвамовъ
И стремленье рѣкъ великихъ,
Съ ихъ немолчнымъ, дикимъ плескомъ,
Раздающимся въ пустынѣ,
Точно громъ въ ущельяхъ горныхъ?
Я отвѣчу, я скажу вамъ:
«Отъ лѣсовъ, озеръ великихъ,
Отъ степей страны полночной,
Отъ земли оджибуэевъ,
Отъ пустынныхъ странъ дакотовъ,
Съ горъ и тундръ, съ низинъ болотныхъ,
Гдѣ шухшухга съ длиннымъ носомъ
Въ тростникахъ находитъ пищу.
Эти дикія легенды
И преданья повторяю
Точно такъ, какъ самъ ихъ слышалъ

От индійца Навадаги —
И пѣвца и музыканта».
Если спросите — откуда
Почерпнулъ ихъ Навадага,
Я отвѣчу, я скажу вамъ:
«Онъ нашелъ ихъ въ птичьихъ гнѣздахъ,
Надъ водой въ бобровыхъ норкахъ,
Тамъ, гдѣ ходитъ дикій буйволъ,
Гдѣ орелъ въ скалахъ гнѣздится!
Птицы дикія ихъ пѣли
На низинахъ и болотахъ,
Читовейкъ-зуекъ тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ-нырокъ, гусь дикій вава,
Цапля синяя шухшухга
И тетерька мушкодаза».

Только не въ «птичьихъ гнѣздахъ», не въ «бобровыхъ норкахъ», не въ природѣ одной, не въ степяхъ широкихъ только и не на могилахъ высокихъ находилъ украинскій народъ свои пѣсни, глубоко-поэтическія и подчасъ глубоко-скорбныя, а также и въ исторіи своего края, въ набѣгахъ половцевъ и печенѣговъ, въ наѣздахъ татаръ, въ крымской и турецкой неволѣ, — находилъ ихъ среди пылающихъ селъ, между трупами убитыхъ и повѣшенныхъ... Отсюда и та потрясающая глубиной тоски и отчаянья мелодія, которую мы сейчасъ слышали.

— А Дюрюи будемъ сегодня читать?

— Непремѣнно, если только вы не устали. Притомъ же теперь такъ жарко становится, что гулять невозможно.

— Пречудесно, сердце, — будемъ читать.

— Дюрюи! — «Исторія Турціи!» — и гдѣ же — въ Дѣдовцахъ, среди такой природы и такихъ мелодій! — протестую я: на это и Петербургъ съ его зимою пригодится.

— Правда, правда, поддерживаетъ меня барышня: — лучше пойдемте на Бакумову гору — тамъ дѣвочки будутъ пѣть намъ «веснянки».

— Отлично! — идемте слушать «веснянокъ» — можетъ, узнаемъ что и объ «висѣльной» пѣснѣ.

— Идемъ! — надо же и нашего гостя представить народному собранію — всѣмъ этимъ Химочкамъ, Федонямъ, Присечкамъ, Парасочкамъ, Оришечкамъ...

— Послѣ Испаніи-то! — послѣ донъ-Кихотовъ и разныхъ донья Инезилья, донъ-Рамиро, донья Химена.

Почтенный историкъ беретъ увѣсистую пачку леденцовъ Ландрина для раздачи «народу», и мы всей компаніей идемъ черезъ село на Бакумову гору.

— Паны йдутъ! паны йдутъ! раздаются радостные возгласы по селу, и дѣти со всѣхъ концовъ стекаются къ намъ, словно когда-то

іудеи, чтобы послушать «проповѣдь на горѣ». Только мы шли не проповѣдывать, а слушать «веснянокъ».

Пока мы взобрались на гору, дѣтвора окружила насъ плотною гирляндой. Всѣ лѣзли цѣловаться, всѣ радостно ухмылялись — для нихъ былъ это праздникъ.

Мы усаживаемся на разостланномъ на траву пледѣ, а дѣтвора — кругомъ насъ: дѣвочки особо, мальчики особо. Хоръ составляютъ дѣвочки, возрастомъ отъ 9—10 до 12—13 лѣтъ.

Маститый историкъ вынимаетъ свой бумажный кошель и раздаетъ леденцы, словно католическій попъ облатки. Лица юнаго народа свѣтятся удовольствіемъ.

III.

Прототипы гоголевскаго «Вія» и «Леноры» Бюргера.

— Ну, якоі жъ вы намъ заспіваете, дівчаточка?

— А якоі вамъ?

— Якоі сами знаете... А ну-бо, Химочко, начинай, або ты, Федоню.

— Нехай Оришка — вона старша.

— Ну, Орисю — якоі жъ ты заведешь? — Може:

Ой чи було літо, чи минулося,
Воно жъ мені та не докучило?

— Та хочъ й цієі. — Починай-бо, Орисю.

— Нехай инчі починають.

— Э, вже! — яка-бо ты!

— Та годі вамъ, дівчаточка! — Онъ, бачъ, панъ жде... А може сіеі заспіваете:

Ой сербине, сербиноньку,
Сватай мене дівчиноньку?

Не могутъ никакъ сразу начать: каждая, не освоившись съ «панами», въ особенности же съ чужимъ паномъ, не рѣшается быть запѣвалой.

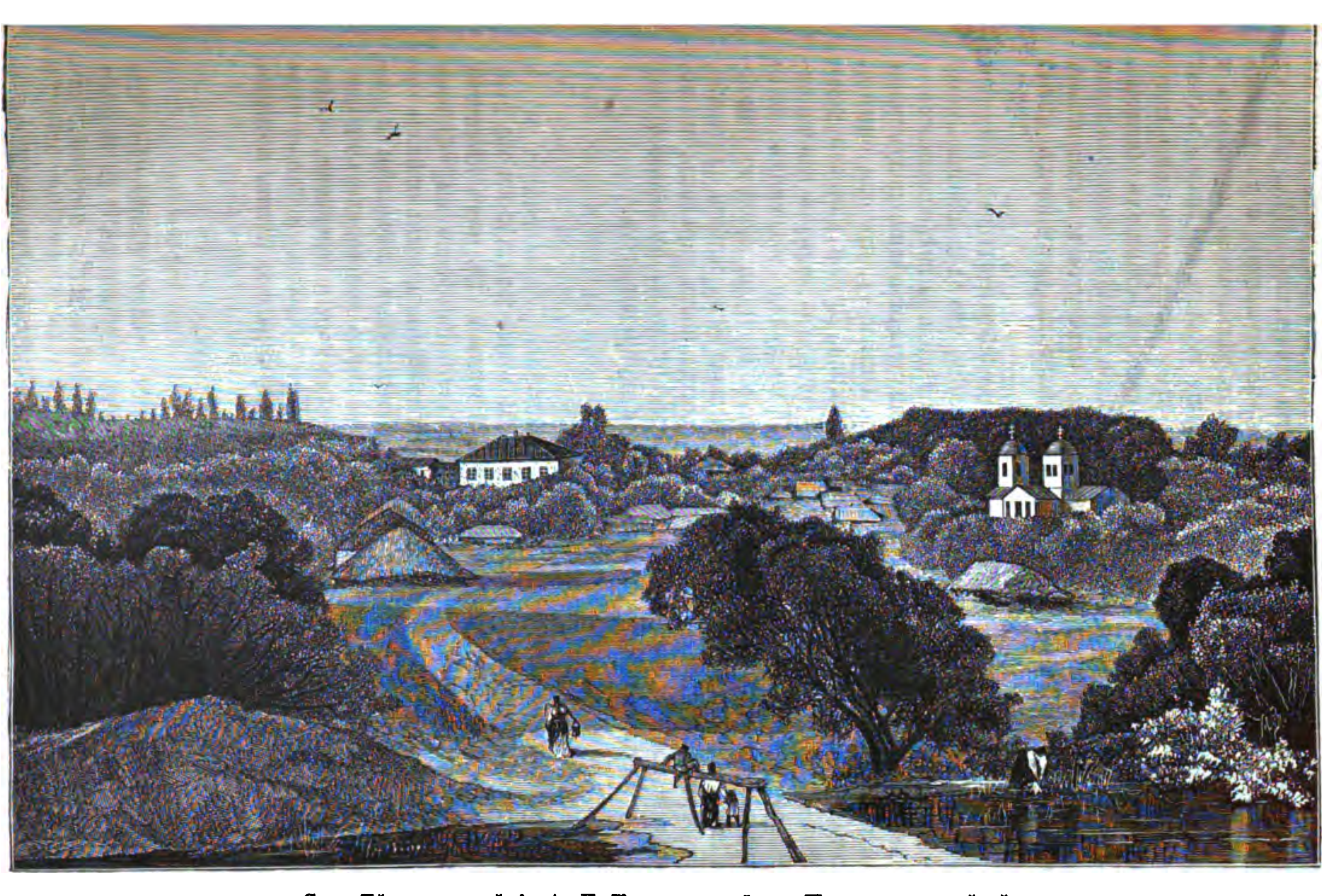
— А може бъ вы заспівали про «богату сестру» та про «бідну?»

— Ні, це погана.

— Чомъ погана?

— Мы не старці, щобъ такоі співати: — це старчача.

Но, наконецъ, они запѣли, и именно эту, которую будто бы только «старці», слѣпые нищіе, поютъ. Оказалось, что это одна изъ симпатичнѣйшихъ пѣсенъ по грустной, какой-то покорно-тихой мелодіи. Содержаніе ея въ томъ, что богатая сестра созываетъ къ себѣ гостей и не зоветъ бѣдной своей сестры, которая и приходитъ на пиръ не прошенною. Всѣхъ гостей сажаютъ за столъ,



Село Дѣдовцы, имѣніе А. Л. Костомаровой, въ Прилукскомъ уѣздѣ.

а бѣдную сестру оставляютъ у порога, всѣхъ подчуютъ дорогими яствами, а бѣдную сестру — «гнилыми сухарцями». Пѣли дѣвочки до того стройно, съ такимъ музыкальнымъ тактомъ и съ такимъ чутьемъ художественности, что я былъ рѣшительно пораженъ и недоумѣвалъ, откуда все это умѣнье, эта мелодія, это знаніе мѣры! А откуда? — отъ самой природы, отъ этой зелени, отъ этого голубаго неба, отъ такихъ же художницъ-матерей, старшихъ сестеръ. Я слышалъ ученые хоры воспитанниковъ капеллъ консерваторіи и находилъ въ нихъ иногда дѣланность, натянутость: здѣсь поетъ сама природа Украины, вложившая поэзію въ душу этихъ дѣтей природы.

При этомъ меня поразило еще другое обстоятельство. Слушая это прелестное, грустное пѣніе, я замѣтилъ, что одна дѣвочка тщательно прячется за другихъ. Я сталъ слѣдить за ней. Оказалось— она не выноситъ чуткой душой этой плачущей пѣсни: подтягивая подружкамъ, дѣвочка горько плачетъ. Оказалось, что она сирота, потерявшая мать. Но не она одна плакала. Другія дѣвочки тоже нѣтъ-нѣтъ, да и пригнутся за спины сосѣдокъ: горькая пѣсня невольно и ихъ заставляла плакать. Я не думаю объяснять этого явленія тою неизящною и неостроумною шуткою, которою покойный Тургеневъ [1]), конечно, въ формѣ каламбура, хотѣлъ охарактеризовать излишнюю будто бы впечатлительность украинца, по поводу всякаго пустяка расплывающагося будто бы въ слезахъ: ему будто бы достаточно взять въ руки бандуру и запѣть:

Граю, граю,
Воропаю, —

чтобъ изъ глазъ его полились слезы.

Юный хоръ пѣлъ долго и охотно. Молодые голоса какъ-бы развязались и крѣпли съ каждой новой пѣсней. Въ нихъ дѣйствительно слышалось все, что упоминаетъ Лонгфелло въ «Пѣснѣ о Гайаватѣ»,—даже больше: въ словахъ и въ мелодіи пѣсенъ отражалась вся природа Украины, вся ея жизнь съ печалями и радостями. Но отъ «веснянокъ» особенно вѣяло доисторической стариной, чѣмъ-то такимъ далекимъ, что помнило и половцевъ, и Перуна, и «умыканье у воды дѣвицъ». Но особенною глубиною чувства и какою-то чарующею мелодіею звучала одна пѣсня, которая начиналась припѣвомъ:

Да була зима, да була зима,
Да не бачили леду.

Въ мелодіи этой пѣсни столько поэзіи, столько изящества, что удивляешься, какъ это простой, дѣтски неразвитой умъ народа могъ создать такую дивную мелодію, для созданія которой, ка-

---

[1]) Собственно не онъ, а выведенный имъ въ «Рудинѣ» острякъ и злюка Африканъ Пигасовъ.

жется, недостаточно одного непосредственнаго чувства — волненія крови, счастливаго сочетанія игры нервовъ безъ чутья изящнаго, не нуженъ, кажется, и умъ, сознательное отношеніе къ красотѣ. По содержанію, пѣсня эта — одна изъ самыхъ обыкновенныхъ: была зима безъ мороза; рѣка не замерзла — нѣтъ на ней льду; а украинскому Леандру, какому-нибудь Грицю, непремѣнно нужно перейдти черезъ рѣку на свиданье съ своей Геро — Марусей. И онъ, подобно Галилею, говоритъ: «а я всетаки перейду!» — но мелодія пѣсни — повторяю — дышетъ глубокою поэзіею.

Здѣсь, въ первый разъ, я былъ пораженъ особенностью выговора этой мѣстности, и когда обратилъ на это обстоятельство вниманіе такого знатока украинской рѣчи и ея фонетики, какъ Н. И. Костомаровъ, онъ сознался, что прежде совсѣмъ не замѣчалъ этого, хотя почти каждое лѣто проживалъ въ Дѣдовцахъ. Здѣсь говорятъ: не «була зима», «не було леду», а — «буля зима», «не булё леду». Это — не элъ, не польское *ł* съ твердымъ знакомъ, а ель, мягкое польское *l*: даже не среднее нѣчто между элъ и эль, а прямо таки эль: «ходиля», «казаля», «ночуваля», «сонечко вставалё», «пірьсчко линялё». Сначала я, разумѣется, подумалъ, что это — слѣды дѣтскаго выговора, который свойственъ такимъ юнымъ существамъ, какими были наши пѣвицы, не осилившія еще твердаго элъ; но, прислушавшись потомъ къ говору взрослыхъ, даже стариковъ, я окончательно убѣдился, что это — особый мѣстный говоръ, отличающійся отъ господствующаго въ остальной Украинѣ. Мало того, я тутъ же убѣдился, что и вообще говоръ этой мѣстности имѣетъ нѣсколько своеобразную фонетику. Такъ здѣсь мягкое *и* или кулишовское *і*, замѣняющее въ извѣстныхъ словахъ великорусское *о*, — напр., волъ — вілъ, конь — кінь, Петровки — Петрівки, Голубовка — Голубівка, — здѣсь оно произносится не мягко, какъ въ словѣ чоловікъ, гріхъ, тінь, а совершенно такъ, какъ обыкновенное *и* — нѣчто среднее между *и* и *ы*, даже ближе къ этому послѣднему.

Но я уклонился въ сторону филологіи. Я, впрочемъ, позволилъ себѣ это уклоненіе съ единственной цѣлью направить его по адресу спеціалиста и присяжнаго судьи украинской фонетики, почтеннѣйшаго П. И. Житецкаго.

Но, кромѣ уклоненія въ сторону филологіи, я позволяю себѣ уклоненіе и въ сторону литературы. Это уклоненіе направляется по адресу безсмертнаго Н. В. Гоголя. «Вій» не совсѣмъ продуктъ его личнаго творчества. Оказывается, что преданіе это цѣликомъ живетъ въ народѣ, на Украинѣ, и Гоголь, воспользовавшись имъ, воспроизвелъ его въ формѣ фантастической повѣсти и съ мастерствомъ, на которое былъ способенъ только его геній.

Когда наши юныя пѣвицы окончили свой импровизированный «концертъ на горѣ», когда веснянки были перепѣты, онѣ стали

занимать насъ просто разсказами — о вѣдьмахъ, о хожденіи мертвецовъ по землѣ и тому подобными «страшными исторіями». Разныя фантастическія народныя легенды онѣ передавали какъ истинныя происшествія...

— Се, кажуть, булё у Голюбивці, говоритъ одна дѣвочка.

— Ни — мати казаля — у Манджосовці, утверждаетъ другая.

— Э! у Манджосовці буля дівчина підкована.

— Якъ підкована? спрашиваетъ заинтересованный историкъ.

— Та вона буля відьма и перекинулясь конемъ, а парубокъ и пидковавъ іі у коваля.

— Ну-ну, такъ ты-жъ усе разскажи, Оришко, якъ воно було, настаивалъ Костомаровъ.

И дѣвочка разсказала намъ сущность той легенды, которая такъ поэтически воспроизведена Гоголемъ въ его «Віѣ», хотя, конечно, съ значительными поэтическими прикрасами. Сущность легенды въ слѣдующемъ. Любились парубокъ и дівчина. Парубокъ узнаетъ, что его возлюбленная — вѣдьма, бросаетъ ее и начинаетъ ходить къ другой дѣвушкѣ. Вѣдьма ему мститъ. Когда разъ ночью парубокъ пошелъ къ своей новой возлюбленной, его нагнала какая-то лошадь. Парубокъ догадался, что это вѣдьма, и, желая проучить ее, сѣлъ на нее верхомъ и поѣхалъ къ кузнецу, прося подковать ему лошадь. Кузнецъ подковалъ, а парубокъ снова сѣлъ на нее и поѣхалъ къ ея двору. Дома вѣдьма упала на землю и умерла; а подковы такъ и остались на ладоняхъ и на подошвахъ. Родные собрались хоронить ее, положили въ гробъ и поставили въ церкви, а читать надъ умершей пригласили самого парубка. Тотъ пошелъ совѣтоваться «до дядька». Дядько сказалъ, чтобы, отправляясь въ церковь читать по ночамъ, онъ, садясь за чтеніе, очерчивалъ вокругъ себя ножомъ десять или двѣнадцать разъ и, что бы ни дѣлалось кругомъ, не поднималъ бы головы отъ книги. Парубокъ такъ и сдѣлалъ. Но во время чтенія вдругъ онъ слышитъ, что вокругъ него собирается нечистая сила — вѣдьмы, которыя обступили его со всѣхъ сторонъ, кидаются къ нему, страшно стрекоча сороками, но черезъ волшебный кругъ переступить не смѣютъ. А онъ все не глядитъ на нихъ. Вдругъ — лупъ! стукнула гробовая крышка, и мертвая вылѣзла изъ гроба. А онъ все ни на что не глядитъ. Вдругъ запѣли пѣтухи — вѣдьмы съ шумомъ улетѣли, а новоумершая, не успѣвъ воротиться въ гробъ, упала мертвою на полъ. Когда стало свѣтать, парубокъ положилъ мертвую въ гробъ, закрылъ крышкою и вышелъ изъ церкви. То же повторилось и въ двѣ послѣдующія ночи. Въ концѣ концовъ, парубокъ остался побѣдителемъ. Даже когда потомъ хоронили вѣдьму, то по дорогѣ къ кладбищу она все поднимала гробовую крышку и требовала, чтобъ парубокъ отдалъ ей какую-то «хустку» (платокъ), которою она вы-

тирала себѣ груди. Но парубокъ хустки не отдалъ, а, по совѣту дядька, сжегъ и женился на младшей вѣдьминой сестрѣ.

Ясно, что Гоголь воспользовался этимъ преданіемъ для своей повѣсти, обставивъ ее другими бытовыми подробностями, которыя позволили ему ввести въ разсказъ ритора Тиберія Горобця, философа Хому Брута и богослова Халяву.

Другой разсказъ той же дѣвочки обнаружилъ, что извѣстная нѣмецкая легенда Бюргера—«Ленора» живетъ и въ преданіяхъ украинскаго народа.

Одна дѣвушка любила парубка. Парубокъ умираетъ. Дѣвушка тоскуетъ по немъ и зоветъ его къ себѣ. Мертвецъ является. Мужественная дѣвушка не боится его и, захвативъ съ собой все свое дѣвическое приданое, ѣдетъ съ нимъ. Дѣло, конечно, происходитъ ночью. Мертвецъ нѣсколько разъ обращается къ дѣвушкѣ съ слѣдующими словами:

Місяць світить, зорі пляшуть, —
Мертвець дівчину везе: —
Чи не боішься ты, дівко?

Дѣвушка довѣрчиво отвѣчаетъ своему возлюбленному:

Чого мені боятьcя? — Я зъ вами.

Но вотъ они на кладбищѣ. Мертвецъ входитъ въ свою разрытую могилу и зоветъ туда же дѣвушку. Тутъ только она понимаетъ весь ужасъ своего положенія — и прибѣгаетъ къ уловкѣ.

Она говоритъ, что должна передать своему страшному жениху свое приданое — съ намѣреніемъ оттянуть время, а потомъ и сама сойдетъ въ могилу. Она начинаетъ бросать въ яму по частямъ свое добро. Но что ни броситъ она туда, мертвецъ въ одно мгновенье разрываетъ брошенное къ нему въ клочки. У нея остается въ рукахъ только одна скатерть, въ которую она на «великдень» — въ свѣтлое воскресенье — завертывала пасху, когда носила ее въ церковь для освященія. Она бросаетъ ее въ могилу — и пускается бѣжать изо всей силы домой.

Скатерть оказывается чѣмъ-то священнымъ, съ чѣмъ нелегко сладить нечистой силѣ. Но, наконецъ, и скатерть уничтожена. Ужасный мертвецъ бѣжитъ за своей жертвой. Вотъ-вотъ онъ настигаетъ ее. Но дѣвушка успѣваетъ добѣжать до дому, вбѣгаетъ въ хату, и едва лишь успѣла она захлопнуть дверь — запѣли пѣтухи! Мертвецъ застучалъ въ дверь и со злобою закричалъ: «счастлива ты, что ушла!—тебя спасла твоя скатерть; а то бы и съ тобою было то же, что съ твоимъ приданымъ».

У Бюргера, какъ извѣстно, Ленора также ночью ѣдетъ вѣнчаться съ мертвецомъ. У него даже почти дословно передается то, что мертвецъ говоритъ дѣвушкѣ въ украинской легендѣ.

Довольно часто мы ходили потомъ на Бакумову гору, и всякій разъ насъ обступало со всѣхъ сторонъ юное поколѣніе, и свѣжіе голоса по цѣлымъ часамъ, неумолкаемо, звенѣли на горѣ, какъ-бы привѣтствуя прощальными гимнами уходящее за далекій горизонтъ, теплое украинское солнце. Чаще другихъ юныя пѣвицы звонкими голосами выкрикивали извѣстную пѣсню о какомъ-то «сербинѣ», о «сербѣ», котораго полюбила украинская дѣвушка и сама предлагаетъ ему «руку и сердце»:

Ой, сербине, сербиночку,
Сватай мене дівчиночку...

Какъ сошлась украинка съ «братомъ славяниномъ» — неизвѣстно; но этотъ счастливецъ «сербинъ» былъ вѣроятно изъ тѣхъ сербовъ, которые поселены были въ прошломъ вѣкѣ на «новой линіи». Трусливый сербъ отвѣчаетъ на сердечное предложеніе дѣвушки, что онъ посваталъ бы ее, да боится ея брата, и совѣтуетъ отравить его посредствомъ змѣинаго яду: онъ говоритъ, что, когда она выйдетъ въ поле, то найдетъ тамъ гадину:

Тамъ гадину сонце пече,
А зъ гадины ропа тече.

Сербъ совѣтуетъ подъ голову змѣи подставить «коновочку», небольшой сосудъ, и, набравъ яду, что натечетъ изъ головы змѣи— отравить имъ брата. Довѣрчивая дѣвушка исполняетъ этотъ коварный совѣтъ и губитъ брата. Тогда негодяй «сербинъ» отказывается отъ несчастной отравительницы и говоритъ: «ты отравила роднаго брата, отравишь и меня молодаго».

Съ закатомъ солнца обыкновенно возвращаются стада домой, и наши юныя пѣвицы спѣшатъ загонять по своимъ дворамъ—кто корову, кто «теличку», а мы возвращаемся восвояси.

Вечеромъ начинается такъ-называемая «улица». Дневныя, полевыя и огородныя работы кончены. Коровы подоены, скотъ убранъ, по дому всѣ подѣлки справлены—и молодежь спѣшитъ насладиться «улицею», которая обыкновенно бываетъ вечеромъ и продолжается иногда за полночь.

Но объ «улицѣ», въ виду происходящихъ на ней нѣкоторыхъ новыхъ явленій, я скажу въ слѣдующей главѣ.

IV.

Украинская «улица» и москалеманія.

«Улица» обыкновенно собирается гдѣ нибудь за селомъ или же и въ самомъ селѣ, но на просторномъ мѣстѣ. На «улицу» выходитъ вся молодежь, преимущественно взрослые «парубки» и «дів-

чата». «Улица» состоитъ главнымъ образомъ въ пѣніи, а также въ играхъ и въ любовномъ заигрываньѣ представителей и представительницъ непрекраснаго и прекраснаго пола. Большею частью начинаютъ пѣть дѣвушки, и преимущественно тѣ пѣсни, которыя соотвѣтствуютъ данному деревенскому сезону — «веснянки», «петрівки», а также свадебныя — «весільні». Дѣвушки поютъ непремѣнно свои украинскія пѣсни, которыя можно назвать бытовыми, обрядовыми и, пожалуй, историческими, въ виду того, что и слова, и мелодіи ихъ пережили иногда цѣлыя столѣтія. Тогда непрекрасный полъ начинаетъ заявлять соперничество: на зло дѣвушкамъ, парубки начинаютъ пѣть своимъ собственнымъ хоромъ, и непремѣнно московскія пѣсни, конечно большею частью солдатскія.

Вотъ то новое явленіе подъ небомъ Украины, на которое я хотѣлъ указать. Явленіе это очень серьезное, и послѣдствія его даже предвидѣть трудно: такъ они могутъ быть велики, если не станутъ совсѣмъ роковыми для украинской рѣчи и литературы.

Какъ я сказалъ сейчасъ, украинская «улица» оглашается почти всегда двумя хорами — женскимъ попреимуществу и мужскимъ. Женщины традиціонно держатся своей народной, украинской пѣсни; мужчины же — парубки — щеголяютъ московской культурой и считаютъ шикомъ горланить до неистовства если не

При данилусці стояла,
Калину ломала, —

такъ «гулялъ маеръ молодой», или —

Ты лети, мой конь, стрѣлой,
Да й не зупинися,
Коло милоі двора
Та й зостановися.

Однимъ словомъ, идетъ такое искаженіе языка, такое подлаживанье подъ московскую рѣчь и такое неудачное, смѣшное, что волосъ становится дыбомъ. Замѣчены даже такого рода подлаживанья подъ московскіе старинные романсы, напримѣръ, подъ этотъ:

Звукъ унылый фортепіана,
Выражай тоску мою.

Москалюющій парубокъ поетъ это такъ:

Жукъ у глині, харько пьяный,
Выряжаечко моя!!...

Это медленное, можно сказать, историческое обрусеніе, проявляющееся въ такихъ смѣшныхъ формахъ, замѣчено уже давно и на него съ очень комической стороны указалъ еще Квитка-Основьяненко. Но въ послѣдніе годы обрусеніе идетъ, повидимому, очень быстрыми шагами, и причиной этого является главнымъ образомъ общая воинская повинность. Парубокъ, которому удалось от-

быть воинскую повинность, побывать на сторонѣ, потолкаться между солдатами—товарищами и между москалями, возвращается уже въ свое скромное село съ гордымъ сознаніемъ, что онъ—выше, «просвіщеннѣе» своего брата хохла, и онъ уже гордо отвѣчаетъ заговаривающимъ съ нимъ «непросвіщеннымъ» парубкамъ и «дівчатамъ», какъ отвѣчалъ мнѣ мой ямщикъ:

— Которые эсли ничаво не видали, а мы, слава Богу, и у Ромнѣ, и у Бахмачу...

Этимъ «просвіщеннымъ« начинаютъ[1] подражать «непросвіщенные», а за ними и ребятишки,—и обрусеніе Украины совершается преблагополучнѣйшимъ манеромъ, даже безъ помощи «Кіевлянина» и казенныхъ обрусителей. Самымъ сильнымъ, хотя невольнымъ обрусителемъ является, такимъ образомъ, графъ Д. А. Милютинъ.

Оттого съ особенной гордостью парубки выкрикиваютъ на всю «улицу»:

У городі у Варшаві били барабаны,
Вони били, выбивали —
Гусаръ набирали...

Къ парубкамъ, наконецъ, присоединяются дѣвушки, и «улица» стонетъ отъ сильныхъ, свѣжихъ голосовъ, которые отбиваются отъ украинской, родной, исторической мелодіи и тонутъ въ морѣ солдатчины.

Наконецъ, и въ разговорѣ парубки стараются «москалемъ вырубать»; но это въ устахъ ихъ выходитъ такъ жалко, такъ негармонично и такъ смѣшно, что невольно вспоминаются нѣкоторые россійскіе господа и барыни, которые силятся объясняться, въ Россіи, на убійственномъ французскомъ языкѣ, напоминающемъ «жука въ глинѣ» или свѣтскій разговоръ, подслушанный на одномъ вечерѣ:

— Сёръ! а-сёръ! обращается братецъ къ сестрѣ.

— Де ке тю? (т. е. чего тебѣ?!).

— Тю дансе?

— Нонъ дансе, фреръ.

— Де ке нонъ дансе?

— Кавалеръ нонъ вулю...

— Даже въ украинское одѣяніе сильно просачивается московщина: барашковую шапку и «бриль» вытѣсняетъ мѣщанскій картузъ, «свитку»—кафтанъ, поддѣвка. Чтобы выразить презрѣніе своему брату, неотесанному украинцу, «просвіщенный» парубокъ говоритъ: «ты мужикъ, хохолъ».

Какая участь ждетъ, при такомъ направленіи народныхъ симпатій, украинскую рѣчь и письменность—трудно сказать. Но во всякомъ случаѣ невозможно допустить, чтобы та могучая и чарующая гармонія языка, которою проникнуты безсмертныя произведенія Шевченки, когда нибудь потеряла свое неотразимое обаяніе для

слуха и сердца украинца на столько, на сколько она чужда сердцу и слуху великоросса, чтобы языкъ, на которомъ въ теченіе столѣтій говорило многомилліонное населеніе и который имѣетъ уже свою литературу, исчезъ безслѣдно.

Но что роковое явленіе это замѣчается въ послѣдніе годы — это несомнѣнно. Одно, что исключаетъ его изъ ряда общихъ, а слѣдовательно и опасныхъ, это то, что зараза «москалюванья» прилипаетъ, какъ и прежде прилипала, только къ молодечествующему «парубоцьству»: разъ что парубокъ превращается въ «чоловіка», онъ отстаетъ отъ этого напускнаго молодечества.

Возвращаясь собственно къ «улицѣ», я долженъ сказать, что, не смотря даже на то, что парубки начинаютъ все болѣе и болѣе вносить въ нее значительный элементъ солдатчины, — она остается необыкновенно поэтичною. Самый элементъ солдатчины какъ-то растворяется въ украинской мелодіи, утрачиваетъ свой острый специфическій запахъ, и хотя въ словахъ, въ бравированіи голосами слышится «гусарія», однако и въ ней доминирующею нотою звучитъ мелодія украинская. Мнѣ доставляло глубокое удовольствіе сидѣть вечеромъ на балконѣ и прислушиваться къ этой дивной мелодіи украинской «улицы», въ то время, когда въ ближайшихъ кустахъ на всѣ лады заливались соловьи, а на низинахъ, по левадамъ и по берегамъ рѣчки Удая, тянули свою безконечную и необыкновенно гармоничную мелодію хоры лягушекъ, у которыхъ тоже шла своя «улица». Въ эти моменты мысль моя переносилась иногда въ тѣ далекія страны, которыя я посѣтилъ недавно, и въ душѣ моей вставала во всю мочь, во всю ширь, во весь ростъ — грандіозная картина общей жизни этого милаго, прекраснаго комочка вселенной, который мы называемъ шаромъ земнымъ: въ каждомъ городкѣ, который я видѣлъ — думалось мнѣ — въ большихъ и малыхъ городахъ, въ Мадридѣ, Севильѣ, Гренадѣ, Неаполѣ — вездѣ, вездѣ — въ этотъ самый моментъ, что я сижу на балконѣ и глубоко чувствую всю прелесть жизни, — вездѣ бьетъ ключемъ эта же безсмертная жизнь, которая здѣсь разрѣшается мелодіею «улицы».

А когда умолкала «улица», въ открытыя окна залы лилась въ темный садъ другая мелодія — мелодія «Stabat mater»; это играла на роялѣ сама хозяйка. Мелодія «Stabat mater» смѣнялась другою — «У сусіда хата біла»; а тамъ снова брала верхъ «улица», отчетливо выговаривая:

Мала нічка петрівочка,
Не выспалась моя дівочка...

Да гдѣ ей и выспаться! — почти всю ночь она поетъ или ласкается съ «казаками»: то съ «Микитою подъ ракитою», то съ «діяволкомъ подъ яворкомъ» — гдѣ же тутъ спать, когда жизнь клоко-

четъ въ крови, а эта «тихая украинская ночь» самую эту кровь превращаетъ въ кипящую лаву.

Какъ очарованный я уходилъ въ свою комнату и засыпалъ сладкимъ, блаженнымъ сномъ, убаюкиваемый безконечными трелями соловья да неумолкамою въ душѣ мелодіею:

Мала нічка петрівочка,
Не выспалась моя дівочка...

V.

«Вѣха» и «Купала».

Врожденное украинскому народу чувство поэзіи особенно проявляется въ двухъ народныхъ бытовыхъ, или, скорѣе, обрядовыхъ празднествахъ, на которыхъ мнѣ довелось присутствовать этою же весною въ Дѣдовцахъ и о которыхъ не знаетъ великорусскій народъ. Это — празднованіе Вѣхи и Ивана Купала.

Празднованіе Вѣхи начинается въ ночь, наканунѣ Троицы, и продолжается весь слѣдующій день, а иногда и долѣе.

— Наказували намъ усі дівчата й хлопці, щобъ запрохати васъ на Віху: — милости просимо, приходьте до насъ.

Съ такою рѣчью обратилась къ намъ наканунѣ празднества депутація отъ дѣдовской молодежи.

— Спасибі за ласку — безпримінно будемо, отвѣчали мы.

— И вы, барышня, приходьте: дівчата васъ дуже просють.

— Спасибі — усі прийдемо.

Ночь была великолѣпная, лунная, когда мы шли къ тому мѣсту, гдѣ должна была ставиться Вѣха. Оттуда уже неслось стройное пѣніе, которое придавало что-то чарующее роскошной ночи. Одинъ хоръ смѣнялся другимъ, «парубоцькая» пѣсня, казалось, заглушала «дівоцькую», но послѣдняя въ свою очередь, поднимаясь до самыхъ высокихъ нотъ, покрывала собой всѣ мужскіе голоса и удерживала за собою это гармоническое поле сраженія. По мѣрѣ того, какъ мы двигались къ мѣсту игрища, къ намъ присоединялись ребятишки и взрослая молодежь, и оживленіе кругомъ насъ росло съ каждымъ новымъ шагомъ.

— И старый панъ иде.

— Та йде жъ, тільки все спотыкаеться.

— Та вінъ бо вже трошки сліпенький собі.

На небольшой площади, середи села, гдѣ и должно было состояться игрище, группы двигались и стояли въ полутьмѣ въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Кто сидѣлъ или лежалъ на травѣ. Тутъ же, немножко въ сторонѣ, обнимались и ласкались влюбленныя парочки, укрываемыя прозрачной дымкою ночи, словно Марсъ

и Венера подъ прозрачною сѣтью Вулкана. Часть молодежи разбрелась по селу — отыскивать высокіе шесты для Вѣхи, рвать цвѣты для гирляндъ и вѣнковъ, разную зелень для украшенія Вѣхи и добывать «клочча» (пакли) для сплетенія изъ нея веревокъ на предметъ поднятія и постановки Вѣхи. Все это, по старинному обычаю, нужно было воровать по дворамъ подъ прикрытіемъ ночи. Впрочемъ А. Л. Костомарова заранѣе разрѣшила «дівчатамъ» нарвать цвѣтовъ изъ ея цвѣтника, и юныя украинки украсили свои головы на славу: у иной загорѣлое личико забавно и въ то же время миловидно выглядывало изъ-подъ цѣлой копны самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Веселые мародеры то разсыпались по селу въ поискахъ за матеріалами для Вѣхи, то возвращались на площадь, обремененные добычею. Говоръ, смѣхъ, пѣніе — все это смѣшивалось въ какой-то хаосъ, но только симпатичный, гармоническій. Между взрослыми шныряли и дѣти, наши маленькія пѣвуньи, и придавали общей гармоніи что-то такое юное, молодое, молодящее.

Парубки приволокли откуда-то скамейку и усадили насъ на ней, чтобъ избавить своихъ почетныхъ гостей отъ необходимости сидѣть на травѣ, нѣсколько увлаженной ночною росой.

Но вотъ всѣ необходимые матеріалы снесены на площадь — двѣ огромныя жерди, которыя нужно было связать въ одну, чуть ли не десятисаженную Вѣху, зелень, пакли, лопаты для вырытія ямы подъ Вѣху. Началось плетенье гирляндъ изъ зелени, связыванье жердей, пряденье веревокъ изъ пакли — и все это дружно, весело, со смѣхомъ, съ «жартами» и невинными заигрываньями разнополыхъ молодыхъ существъ. Дѣвушки плели и вязали гирлянды, парубки связывали жерди и копали яму. Яму выкопали глубокую, такъ что изъ нея не видно было даже самого копальщика.

Между тѣмъ самая юная молодежь, наши маленькія пѣвуньи на Бакумовой горѣ, не желая быть пассивными зрителями игрища взрослой молодежи, отдѣлились отъ общей Вѣхи и устроили себѣ, въ сторонѣ, свою собственную — маленькую, но также всю убранную зеленью.

Наконецъ, все готово: яма вырыта, Вѣха связана и перевита зеленью, кругъ, что̀ укрѣпляется на верху жерди, обвитъ гирляндами и цвѣтами, и Вѣха торжественно поднимается и вставляется нижнимъ концомъ въ яму. Вѣха утверждена прочно, и гордо высится въ темнотѣ ея зеленый съ цвѣточнымъ ободомъ верхъ.

Начинается снова пѣніе уже подъ Вѣхою. Дѣвушки становятся въ кругъ и открываютъ живые характерные танцы... Такъ и чудится, что это — игрище вокругъ Перуна... Вотъ-вотъ запоютъ, кажется, языческую мессу:

Ой мы кровушки наточимъ, наточимъ,
Ой мы Перуна боженьку напоимъ, напоимъ...

Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда мы возвращались восвояси. На душѣ у меня было очень тяжело!

Севершенно съ другимъ чувствомъ возвращался я съ другаго народнаго игрища — съ Ивана Купала.

Игрище это, какъ извѣстно, происходитъ 23-го іюня вечеромъ, въ канунъ рождества Іоанна Предтечи. Какъ и передъ Вѣхою, мы заранѣе были приглашены на это своеобразное празднество. Съ наступленіемъ сумерекъ мы должны были ждать появленія огней на Бакумой горѣ.

Часу въ десятомъ огни дѣйствительно показались. Сначала ярко вспыхивало пламя въ одномъ мѣстѣ, затѣмъ огненные снопы поднимались рядомъ, снопъ за снопомъ, пока не освѣтилась вся гора рядами яркихъ купъ, то вспыхивавшихъ, то притухавшихъ. Передъ огнями и за огнями мелькали какія-то движущіяся тѣни. Скоро огни показались выше Бакумовой горы, подъ самыми вѣтряными мельницами.

Мы двинулись въ путь. Ночь была темная, безлунная, но тихая и теплая. Въ виду этой темени, нашего почтеннаго историка вели подъ руки, словно архіерея. Соловьи и лягушки уже прекратили свои весенніе концерты, и только изрѣдка стонала во мракѣ выпь — «бугай» птица да коростели гдѣ-то отбивали темпъ своими звонкими голосами. Съ горы же неслась дружная пѣсня и по временамъ обрывалась, замѣняясь то веселымъ смѣхомъ, то протестующимъ — «геть! одчепись»!

Спотыкаясь о бугры и кочки, съ опасностью полетѣть въ какое нибудь провалье, мы взбираемся на гору. За нами и впереди насъ — дѣтворà точно козлята ловко карабкаются по такимъ мѣстамъ, гдѣ другой давно сломилъ бы себѣ шею. Маститаго историка, спотыкающагося на каждомъ шагу, мужественная Марья Петровна и вѣрная своему долгу и своей народности Ульяна влекутъ въ обходъ.

— Я ничего не вижу, я совсѣмъ ослѣпъ! Хоть бы мнѣ скорѣй умереть! слышится въ темнотѣ отчаянный голосъ историка.

— Кто продолжаетъ рыться въ государственномъ архивѣ, тотъ еще не ослѣпъ, возражаетъ другой голосъ.

— А кто желаетъ смерти, тотъ не ходитъ по ночамъ на игрища, замѣчаетъ третій ехидный голосъ.

— А вы опять шкилювать надо мной...

Ночувала шосту підъ яворкомъ
Изъ тимъ казаченькомъ изъ діяволкомъ, —

доносится съ вершины горы, которая ярко озаряется вновь разгорѣвшимся огромнымъ снопомъ соломы, представляя изъ себя подобіе Брокена или Лысой горы, на которую слетѣлись вѣдьмы,

чтобы праздновать Вальпургіеву или вѣдёмскую ночь. Парубки и дівчата то кружатся около огня, по временамъ заслоняя его своими темными силуэтами, то перепрыгиваютъ черезъ него, отражая на своихъ лицахъ и вѣнкахъ яркое пламя, словно бы и эти оживленныя лица, и эти вѣнки, и эти бѣлыя, расшитыя рубахи пылали за одно съ костромъ.

Вотъ и мы на горѣ, у купальскаго огня.

— А посмотрите внизъ — и тамъ огни.

— Та се жъ наші хлопці палють снопы, а ихъ дядько Бакумъ розганя.

— А тамъ, дальше, на самомъ горизонтѣ?

— Это подъ Прилуками — тоже купальскіе огни.

— А вонъ тамъ — еще и еще! — смотрите...

— Что за чудная картина! — Это возможно только въ Малороссіи. — Что за волшебство!

Да, такія волшебныя ночи возможны только подъ небомъ Украины. Видно, что въ душѣ ея народа неугасимо горятъ эти купальскіе огни — огонь поэзіи.

На вершинѣ горы, на которую мы взошли, въ неглубокой ложбинѣ ярко пылалъ огромный снопъ соломы. Вокругъ этого костра въ живописномъ безпорядкѣ толпились парубки и дівчата, позади которыхъ яркими обликами горѣли лица ребятишекъ, преимущественно дѣвочекъ. Шла оживленная болтовня, веселый хохотъ.

— А ну, Параско, скакай ты перша, а мы за тобою.

— Нехай Докія перша буде.

— Ні, ты, Параню.

И Параска, вся въ цвѣтахъ, веселая и раскраснѣвшаяся, подобравъ рукою подолъ такъ, что голыя икры освѣщаются огнемъ выше, чѣмъ въ кордебалетѣ, стремительно летитъ въ самое пламя... Одинъ моментъ — и она перемахнула черезъ костеръ.

— Отъ такъ Параска! — лóвка!

За нею летитъ другая, третья — легкость полета замѣчательна. Парубки, всегдашніе скептики и вольнодумцы на всякихъ игрищахъ, особенно же «просвіщенные» солдатчиною, стараются мѣшать дівчатамъ, молодечествуютъ, подставляютъ имъ ноги, толкаютъ въ огонь или норовятъ столкнуть встрѣчныхъ одну объ другую на самомъ кострѣ.

Вотъ, заголивъ могучія икры до nec plus ultra, летитъ другая Параска прямо въ огонь. Не видя ее за пламенемъ костра, другая дѣвушка съ противоположной стороны также стремительно кидается черезъ пламя — и обѣ дѣвушки сталкиваются надъ самымъ костромъ и падаютъ въ огонь!

Испуганные крики дѣвушекъ, злорадный хохотъ парубковъ...

— Дві свині осмалились — отò ковбàсы будуть!

— А до різдвà ще далеко... До різдвà — это до рождества.

— На Пѐтра та на Полупетра розговіемось Парасчиною ковбасою.

Хорошенькая Параска обожгла ноги, икры. Другая пожгла брови, волосы, лицо.

Но это не помѣшало остальнымъ бѣсноваться попрежнему. Невинныя вакханаліи становились все оживленнѣе и оживленнѣе. Вѣрная своему долгу и своей національности Ульяна, сберегшая, какъ весталка священный огонь, свою родную рѣчь даже во все обезличивающемъ Питерѣ, неожиданно подтолкнутая мною, полетѣла черезъ костеръ не хуже Тальони въ «Наядѣ», и прыгала потомъ съ увлеченіемъ. Я также счелъ себя обязаннымъ принести мои ноги въ жертву Перуну и Дажбогу — и прыгалъ черезъ огонь не хуже любаго парубка, чѣмъ и испыталъ доброкачественность моихъ легкихъ, свихнувшихся было на Араратѣ. Только маститому историку нечего было принести въ жертву славянскимъ богамъ: «подагрическія и хирагрическія» немощи, подобно какъ и у его кліента Мазепы, мѣшали ему прыгать черезъ огонь, ибо въ противномъ случаѣ онъ сжарился бы на кострѣ во славу Перуна, не заслуживъ даже славы великаго Гуса.

Наконецъ костры потухли. Поэтическая месса въ честь Перуна, или, скорѣе, въ честь великаго живоноснаго источника — солнца — кончена. Группы участниковъ и зрителей игрища въ темнотѣ расходятся по домамъ. Тамъ слышится пѣніе, въ другомъ мѣстѣ веселый говоръ и смѣхъ, тамъ — крики падающихъ въ темнотѣ въ ямы и провалья, но крики веселые, вызывающіе общій дружный смѣхъ. Тамъ праправнучка въ двадцатомъ колѣнѣ Адама Киселя, Софья Кисель, стремглавъ и съ хохотомъ, словно Рѣчь Посполитая, летитъ съ кручи, и за нею, какъ при паденіи Рѣчи Посполитой, летятъ туда же ея подданныя — Парасочки, Химочки, Прісечки; тутъ, ведомый мужественною Марьею Петровною и вѣрною своему долгу и своей національности Ульяною, маститый историкъ и этой Рѣчи Посполитой, и Адама Киселя, и Богдана Хмельницкаго, и всей Украины, словно верховный жрецъ Перуна, не видя подъ собою почвы и боясь попасть въ провалье, поднимаетъ разомъ обѣ ноги и въ такомъ висячемъ положеніи сносится съ Бакумовой горы... А впереди, изъ мрака выдѣляются голоса:

Ой чи було літо, чи не було,
Вонó жъ мені та не докучило,
А я молоденька та не нагулялася,
Зъ молодымъ казаченькомъ та не настоялася...

Еще имъ мало!—Вотъ ненасытная жажда наслажденій—жажда жизни, счастія!

На утро ночныя чары исчезли. На Бакумовой горѣ чернѣлись только мѣста, гдѣ ночью горѣли купальскіе костры. Но утро было

такое же чудное, какъ и ночь. Украинскія «чары», казалось, носились въ воздухѣ. Ужъ кто, кажется, былъ черствѣе и суше сердцемъ, какъ знаменитый украинскій «философъ» Григорій Сковорода (по крайней мѣрѣ, такимъ онъ представляется въ его тяжелыхъ деревянныхъ виршахъ), но и тотъ доходилъ до комическаго паѳоса, воспѣвая Украину:

Жайворонокъ межъ полями,
Соловейко межъ садами,
Той, выспрь летя, сверчитъ,
А сей на вѣтвяхъ свиститъ.
А когда взошла денница,
Свищетъ въ той часъ всяка птица
Музыкою воздухъ
Растворенный шумлитъ вкругъ.
Только солнце выникаетъ,
Пастухъ овцы выгоняетъ
И на свою свирель
Выдаетъ дрожливый трель.
Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я съ хлѣба кускомъ
Умру на мѣстѣ такомъ.

Я увѣренъ, что подъ небомъ Украины даже самъ Василій Кирилловичъ Тредьяковскій сталъ бы поэтомъ и прыгалъ бы черезъ купальскіе огни.

Грустно, однако, думать, что сѣверный вѣтеръ, холодное вѣяніе котораго становится замѣтно ощутительнымъ въ послѣднюю четверть нашего столѣтія подъ теплымъ небомъ Украины, можетъ внести останавливающую свободный ростъ стужу въ природу и душу украинца. Пусть лучше живетъ въ насъ надежда, переходящая въ увѣренность, что народы съ богатою исторіею въ ихъ прошедшемъ, и своеобразною культурою и творчествомъ духа въ настоящемъ — въ будущемъ не постигнетъ печальная участь такихъ вымирающихъ, не имѣющихъ своего историческаго прошлаго и своего творчества, народностей, какъ мордовская, зырянская, черемисская, чувашская и иныя, вымирающіе типы которыхъ розыскиваются теперь этнографами и антропологами чуть ли не съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ разрываются скиѳскія и иныя могилы...

3-го іюля, въ чудную лунную ночь, я оставлялъ поэтическую Украину, напутствуемый милыми пожеланіями друзей, и уносилъ въ душѣ такія яркія, такія свѣтлыя воспоминанія, какихъ не заронили мнѣ въ душу ни Италія, ни Испанія, ни даже пламенный и волшебный Востокъ.

Д. Мордовцевъ.

ЭТНОГРАФЪ-БЕЛЛЕТРИСТЪ[1].

XV.

Обогащеніе Мельникова новыми свѣдѣніями по расколу.

Ъ 1866 ГОДУ Мельникову дано было изъ министерства внутреннихъ дѣлъ новое порученіе по расколу, которое, по его словамъ, обогатило его знанія по этому дѣлу и разъяснило ему новыми данными нѣкоторыя его стороны. Такое признаніе знатока раскола само уже указываетъ на интересъ тѣхъ изслѣдованій, которыми онъ занялся въ Москвѣ. Оффиціальная программа по этому порученію, данная 24-го апрѣля 1866 года Мельникову, гласила:

«Собрать совершенно негласнымъ образомъ слѣдующія свѣдѣнія: 1) Въ какихъ отношеніяхъ находятся нынѣ русскіе раскольники къ заграничнымъ, особенно же къ австрійцамъ, своимъ единовѣрцамъ; 2) О личномъ составѣ раскольнической, такъ называемой іерархіи (біографическія подробности, характеристика каждаго архіерея, степень его нравственнаго вліянія на раскольниковъ, связи, отношенія и т. п.); 3) Съ какою дѣйствительною цѣлью составлено было «окружное посланіе» и что намѣрены дѣлать раскольники теперь по уничтоженіи его на соборѣ 1-го ноября 1865 года; 4) Какое вліяніе произвело на раскольниковъ совершившееся въ 1865 году присоединеніе къ единовѣрію нѣкоторыхъ изъ ихъ архіереевъ и не предпринимаютъ ли раскольники теперь какихъ-либо мѣръ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVIII, стр. 301.

къ ослабленію этого вліянія; 5) Какія намѣренія имѣютъ раскольники относительно дальнѣйшаго существованія поколебавшейся отъ внутреннихъ раздоровъ ихъ іерархіи; въ чемъ состоятъ ихъ надежды на будущее; 6) На основаніи собранныхъ свѣдѣній и раскольничьихъ документовъ, «которые можно будетъ достать, составить записку о современномъ состояніи поповщинскаго раскола въ Россіи»; 7) Въ какомъ смыслѣ и значеніи представляется раскольникамъ предположеніе о дарованіи имъ правъ гражданскихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ духовныхъ, подъ условіемъ внесенія въ списокъ лицъ, признающихъ бракъ и молящихся за царя; 8) Степень значенія въ расколѣ интересовъ промышленныхъ, мануфактурныхъ, торговыхъ и вообще противо-полицейскихъ; 9) Степень значенія въ расколѣ лицъ, стоящихъ внѣ іерархическихъ его интересовъ, Солдатенкова, Хлудова, Рахманиновой и другихъ; 10) Какой дѣйствительно смыслъ стремленія турецкихъ раскольниковъ къ переселенію въ Россію? въ какомъ отношеніи къ этому расколу Гончаровъ, Чайковскій и задунайское раскольничье священство? 11) Степень значенія раскола въ Сибири».

Изъ черновыхъ съ писемъ Мельникова къ министру внутреннихъ дѣлъ, посланныхъ имъ изъ Москвы въ 1866 г., сохранились въ его бумагахъ далеко не всѣ. Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ, Мельниковъ писалъ:

«Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я нахожусь въ Москвѣ, но до сихъ поръ еще не имѣлъ времени прочесть то множество доселѣ даже и не подозрѣваемыхъ документовъ, которые у меня въ настоящее время подъ руками. Вотъ краткій ихъ перечень: 1) Всѣ документы австрійскаго правительства, отъ императорской грамоты до бумагъ Черновицкаго Крейсамта, относящіеся до тамошнихъ раскольниковъ съ 1783 года по 1817 годъ; 2) Всѣ документы австрійскаго правительства о признаніи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ и о дозволеніи буковинскимъ раскольникамъ имѣть своего епископа; 3) Уставъ Бѣлокриницкой митрополіи, составленный въ 1841 году и утвержденный австрійскимъ правительствомъ; это огромная тетрадь листовъ въ двадцать, если ее напечатать; 4) 213 протоколовъ Бѣлокриницкой митрополіи, съ 12-го (24-го) октября 1846 года по 25-е апрѣля (7-го мая) 1863 года; 5) 194 документа московско-владимірской раскольничьей архіерейской каѳедры съ ея основанія, 4-го февраля 1853 года до 4-го февраля 1864 года; 6) Огромная переписка съ заграничными раскольниками; особенно замѣчательны письма Аркадія Славскаго съ 1854 года до 1866 года о дѣйствіяхъ Гончарова и о польско-раскольнической партіи въ Турціи; 7) Много записокъ обратившихся къ единовѣрію архіереевъ.

«Обѣщана, но пока еще самъ не беру, хотя уже и приносили, вся переписка по составленію окружнаго посланія и послѣднихъ соборовъ въ Москвѣ. Пока одного не прочту, за другое не возьмусь.

«Изъ этого вы усмотрѣть изволите, что я въ настоящее время испытываю въ нѣкоторомъ смыслѣ положеніе Тантала. Списать все—нѣтъ возможности; едва ли успѣю и самыя краткія выписки сдѣлать, а между тѣмъ ежедневныя личныя сношенія съ раскольниками отнимаютъ много времени, хотя эта потеря и вознаграждается пріобрѣтеніемъ интересныхъ свѣдѣній; немало его тратится на разговоры пустые, но въ моемъ положеніи необходимые, для поддержанія довѣрія ко мнѣ раскольнической интеллигенціи. А между тѣмъ, по извѣстнымъ вамъ обстоятельствамъ[1]), не имѣю ни малѣйшей возможности пробыть въ Москвѣ еще болѣе двухъ недѣль, и то едва ли. Съ горькимъ чувствомъ предвижу, что далеко не сдѣлаю всего, что могъ бы сдѣлать, пользуясь моими отношеніями и чего, могу смѣло сказать, едва ли кто изъ вашихъ подчиненныхъ сдѣлать можетъ.

«Но дѣлать нечего,—придется ограничиваться лишь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать въ столь короткое время. Даже на выборъ интересныхъ свѣдѣній, для выписки ихъ, не имѣю времени: списываю то, что попадается подъ руку и, конечно, многаго любопытнаго не запишу. Вѣдь у меня теперь въ квартирѣ цѣлый архивъ, который, стоитъ слово сказать, сейчасъ удвоится.

«Лицъ, имѣющихъ эти любопытные документы, я убѣждаю все напечатать. Они боятся не правительственной цензуры, а своихъ. Что касается до первой, то на мой взглядъ (который, впрочемъ, не смѣю считать компетентнымъ въ цензурномъ отношеніи) можно было бы все напечатать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о митрополитѣ московскомъ Филаретѣ. А это было бы драгоцѣнное собраніе.

«Ваше высокопревосходительство! Могу ли я предложить имъ свое участіе въ ходатайствѣ передъ вами о напечатаніи всѣхъ актовъ? Они сами наводятъ разговоръ на это, но я уклоняюсь отъ отвѣта, не зная, какъ вы изволите на это взглянуть. Прикажите увѣдомить меня поскорѣе, могу ли я взять на себя такое ходатайство, или—подходитъ ли это собраніе документовъ подъ статью закона 6-го апрѣля 1865 года, о печатаніи безъ цензуры оригинальныхъ сочиненій болѣе десяти печатныхъ листовъ; само собою разумѣется, что ни имъ не хочется подпасть подъ судъ и подвергнуть секвестру свое изданіе, ни мнѣ ввести ихъ въ такое положеніе.

«Частію по бумагамъ, но еще болѣе по разсказамъ, я начинаю уяснять себѣ до нѣкоторой степени загадочное дѣло о злоумышленіи на жизнь императора Николая Павловича въ 1853 году. Это было дѣломъ Равскаго, Жуковскаго и Осипа Гончарова, дѣломъ

---

[1]) Неимѣніемъ денегъ на житье въ Москвѣ. У.

революціонно-польско-некрасовской партіи, во главѣ которой теперь находятся Аркадій Славскій и Михаилъ Бакунинъ, пріѣхавшій недавно въ Румынское княжество и въ Славу. Тогда случилось одно странное обстоятельство. Неумѣнье читать пославянски ротмистра Родзянки и петербургскаго оберъ-полиціймейстера Кокошкина обратили розыскъ и слѣдствіе совершенно въ сторону. Изъ записки, найденной въ Измаилѣ, о посланныхъ въ Петербургъ убійцахъ, видно, что изъ нихъ одинъ вошелъ въ Москвѣ въ сношенія, но не съ раскольниками, а съ людьми совсѣмъ иного сорта (въ дѣлахъ министерства есть на то указанія), а другой назначался на цареубійство; если первый промахнется. Первый названъ въ запискѣ йрєкъ. Родзянко и Кокошкинъ верхній ҃ приняли за знакъ, и слово «имярекъ» прочитали «Иракъ». Въ Москвѣ не обратили на эту ошибку вниманія и пошли отыскивать Ирака, но какъ такого имени нѣтъ, то стали искать «Ираклія», и графъ Закревскій (тогдашній московскій генералъ-губернаторъ) указывалъ даже на «Ираклія», выходца изъ-за границы, ранѣе пріѣхавшаго. Тѣмъ дѣло и кончилось. Купецъ Бѣляевъ у котораго найдена была записка, года четыре просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а потомъ, какъ купецъ города Измаила, отошедшаго отъ Россіи по Парижскому трактату, былъ отпущенъ въ свой городъ.

«Зная отчасти, что дѣлаетъ теперь партія Бакунина, Гончарова, Кельсіева и другихъ, собравшихся на нашихъ границахъ въ Добруджѣ и Румыніи и единомышленныхъ съ ними Аркадія Славскаго и немногихъ некрасовцовъ, я долгомъ поставляю представить соображенія мои, весьма можетъ быть ошибочныя, относительно происшествія 4-го апрѣля 1866 года. Нѣкоторые изъ нашей несчастной, сбитой съ толка, молодежи ушли въ Женеву и Добруджу. Женевскій станъ Герцена и компаніи и станъ Бакунина и Гончарова въ Добруджѣ и Румыніи находятся между собою въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Бакунинъ во время рѣзни 3-го апрѣля былъ въ Яссахъ и, кажется, не одинъ, но несправедливо, что тамъ же находился и находится Алимпій Милорадовичъ, бывшій съ Бакунинымъ на сеймѣ 1848 года въ Прагѣ депутатомъ [1]) отъ русскихъ. Онъ теперь въ Москвѣ и, можетъ быть, мнѣ удастся съ нимъ познакомиться. Президентъ общества «Земля и Воля», издавшій въ 1862 году извѣстную прокламацію къ «Молодой Россіи» (которая напечатана была не за границею и не въ Петербургѣ, а въ какой-то деревнѣ, невдалекѣ отъ Динабурга), живетъ то въ Женевѣ, то на нашей границѣ съ Румыніею. Изъ словъ единовѣрцовъ, живущихъ въ Чудовскомъ монастырѣ (изъ нихъ Пафнутій въ 1862 году былъ въ Лондонѣ у Герцена и проживалъ у Кельсіева, когда они думали устроить въ Лондонѣ раскольническую

[1]) Самозванцемъ.

церковь и архіерейскую каѳедру), видно, что Кельсіевъ указывалъ имъ на мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ можно узнать всѣ адресы членовъ общества «Земля и Воля». Я нисколько не сомнѣваюсь въ словахъ чудовской братіи, и потому не вышелъ ли Каракозовъ изъ лагеря Бакунина и общества «Земля и Воля»? Вотъ мое заключеніе, выведенное изъ разговоровъ съ разными здѣсь лицами».

Согласія на напечатаніе всѣхъ документовъ, доставленныхъ Мельникову старовѣрами и раскольниками въ 1866 году, не послѣдовало, потому что такого сборника издано не было.

Въ другомъ позднѣйшемъ письмѣ Мельниковъ писалъ своему министру:

«Занятія мои приближаются къ концу, и я надѣюсь недѣли чрезъ полторы имѣть честь представиться вашему высокопревосходительству. Все интересное мною записано. Списывать все сполна оказалось невозможно: это дѣло, по крайней мѣрѣ, полугода, и притомъ хотя значительнѣйшая часть бумагъ оказалась весьма интересною, но для министерства едва ли пригодною. Это полемика богословскаго содержанія, богословскіе трактаты, выписки изъ твореній св. отцовъ съ замѣчаніями и толкованіями, разсужденія о церковныхъ правилахъ и т. п. Весьма важныя для св. синода, эти бумаги всегда могутъ быть ему доступны чрезъ профессора московской духовной академіи Субботина и чрезъ инока Пафнутія, бывшаго епископа коломенскаго, человѣка въ высшей степени замѣчательнаго и могущаго принести огромную пользу св. церкви, если захотятъ имъ воспользоваться, относясь сколь можно осторожнѣе къ нему, чтобы какъ нибудь не оскорбить его самолюбія [1]).

«Независимо отъ извлеченія свѣдѣній изъ документовъ, я много записалъ какъ изъ разсказовъ братій новаго монастыря (единовѣрческаго), такъ и изъ разсказовъ раскольниковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: 1) разсказъ бывшаго намѣстника митрополіи, епископа Онуфрія, о Бѣлой Криницѣ; 2) разсказъ бывшаго іеромонаха Іоасафа о типографіяхъ и о цѣляхъ поѣздки въ Россію арестованнаго Палладія Лецинскаго; 3) разсказъ бывшаго епископа Пафнутія о поѣздкѣ его въ Лондонъ (въ 1861—1862 г.) для учрежденія тамъ архіерейской каѳедры, высшаго училища, типографіи, журнала, дома для пристанища раскольниковъ и о сношеніяхъ его съ Герценомъ, Кельсіевымъ, М. Бакунинымъ и друг.; 4) о поѣздкѣ Кельсіева въ 1862 году въ Москву и проч.

«Первые два разсказа составлены самими Онуфріемъ и Іоасафомъ; третій записанъ мною со словъ Пафнутія.

«Возвратясь въ Петербургъ, я буду имѣть честь представить вашему высокопревосходительству постепенно цѣлый рядъ запи-

---

[1]) Недавно инокъ Пафнутій покинулъ единовѣріе и сдѣлался попрежнему поповцомъ. У.

сокъ на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній. Теперь въ самомъ краткомъ очеркѣ представляю о попыткахъ внѣшнихъ и внутреннихъ недоброхотовъ Россіи сдѣлать раскольниковъ своимъ орудіемъ.

«Учрежденіе Бѣлокриницкой митрополіи было дѣломъ: 1) поляковъ, оставившихъ наши предѣлы послѣ революціи 1831 года; 2) австрійскихъ государственныхъ людей, католическаго и уніатскаго духовенства (въ отомщеніе за возсоединеніе уніатовъ) и эрцгерцога Людовика; 3) русскихъ государственныхъ людей, графа Бенкендорфа и князя Паскевича, дѣйствовавшихъ, вѣроятно, по непониманію того, что они дѣлали. Графа Бенкендорфа въ это дѣло вовлекъ купецъ Громовъ, князя Паскевича Алексѣй Петровичъ Мельниковъ [1]), братъ министра путей сообщенія.

«Возникшая на Иргизѣ, въ 1831 году, мысль объ учрежденіи іерархіи была одобрена въ 1832 году въ Москвѣ. На осуществленіе ея собрано было 2½ милліона рублей ассигнаціями. Хлопотать стали въ Петербургѣ Громовы. Сергѣй Громовъ сказалъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Блудову; онъ напомнилъ ему Петропавловскую крѣпость. Графъ Бенкендорфъ же одобрилъ мысль раскольниковъ. Какъ не русскій человѣкъ и лютеранинъ, онъ сказалъ, что если у нихъ будетъ за границею архіерей, то поставленные ими попы будутъ приняты въ вѣдѣніе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (объ этомъ есть и въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1854 годъ). У меня есть копіи съ писемъ громовскаго приказчика, Алексѣя Великодворскаго, который, подъ псевдонимомъ пономаря Аркадія Смирнова, велъ въ 1834—1844 годахъ переписку съ австрійскими раскольниками. О томъ же говоритъ и бывшій намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи, Онуфрій. Это, наконецъ, распространено между русскими и заграничными раскольниками отъ Иркутска до Египта и отъ Архангельска до Ливанскихъ горъ и до Багдада.

«Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ купилъ у графа Румянцова Гомельское имѣніе [2]), и послалъ служившаго при немъ Алексѣя Петровича Мельникова для осмотра покупки и соверше-

---

[1]) Алексѣй Петровичъ Мельниковъ скончался въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ чинѣ генерала отъ кавалеріи, въ отставкѣ. Это былъ человѣкъ со своими убѣжденіями. У него былъ домъ въ С.-Петербургѣ, въ Галерной улицѣ, гдѣ всѣ контракты на квартиры были заключены у нотаріусовъ на полуимперіальную монету. Онъ предупредилъ ими проектъ министра финансовъ. А. П. Мельниковъ мнѣ говорилъ (я жилъ въ его домѣ три года), что онъ не признаетъ «деньгами» кредитные рубли и что только золотая монета служитъ дѣйствительнымъ мѣриломъ цѣны. У.

[2]) За взятіе Варшавы въ 1831 году, князь Паскевичъ, сверхъ другихъ наградъ, получилъ отъ императора Николая I одинъ милліонъ рублей ассигнаціями, на который и купилъ Гомельское имѣніе, подаренное императрицею Екатериною фельдмаршалу графу Румянцову. Сыновья послѣдняго не имѣли законнорожденныхъ дѣтей. У.

нія купчей крѣпости. Осматривая имѣніе, Мельниковъ посѣтилъ четыре монастыря раскольничьи, въ немъ находившіеся, и познакомился съ игуменомъ Лаврентьева монастыря, Аркадіемъ (теперь епископъ славскій въ Добруджѣ). Изъ Лаврентьева монастыря вышли всѣ главные дѣятели Бѣлокриницкой митрополіи, ободренные Мельниковымъ. Аркадій съ другимъ монахомъ, Іоилемъ, въ 1835 году были привезены Мельниковымъ въ Варшаву и заявили князю Паскевичу о своемъ намѣреніи, одобренномъ графомъ Бенкендорфомъ. Какъ Паскевичъ принялъ эти заявленія, неизвѣстно, но его подлинный открытый листъ можетъ свидѣтельствовать до нѣкоторой степени о томъ, какъ его свѣтлостію была принята мысль раскольниковъ. Въ дѣлахъ министерства 1854 года вы увидите этотъ документъ за подписью намѣстника царства Польскаго и его печатью. Обратите вниманіе на выраженія этого открытаго листа, о причинахъ поѣздки раскольничьихъ иноковъ въ Варшаву и о вниманіи намѣстника къ поднятому ими труду. Это было въ 1835 году, а въ Сводѣ Законовъ, изд. 1832 года, уже было напечатано о неименованіи раскольничьихъ иноковъ «иноками». Я зналъ одного дворянскаго засѣдателя, котораго въ 1835 году отдали подъ судъ за именованіе въ оффиціальной бумагѣ одного раскольника «инокомъ». Бумаги по этой подсудности я знаю, ибо этотъ дворянскій засѣдатель былъ мнѣ близкій родственникъ, но онъ былъ капитанъ, а не фельдмаршалъ. Замѣчаніе это некстати, но смѣю думать, что оно нѣсколько извинительно сыну этого капитана, человѣка простаго, но хорошаго.

«Хорошій былъ салонъ графини Стадіонъ въ Вѣнѣ, блестящій былъ салонъ княгини Меттернихъ. Въ этихъ салонахъ, около 1843 года, съ чрезвычайною предупредительностью, какъ дорогіе гости, приняты были мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ-Милорадовъ и валдайскій ямщикъ Петръ Великодворскій (инокъ Павелъ), родной братъ вышеупомянутаго громовскаго приказчика. Алимпій, не нуждаясь въ вилкѣ и ножѣ, ѣлъ руками; постоянно пьяный человѣкъ, который, живя въ Бѣлой Криницѣ, никогда не возвращался домой безъ синяковъ и рѣдко безъ окровавленнаго лица, имѣющій привычку сморкаться выстрѣлами въ сторону, посредствомъ прижиманія пальцемъ противоположной ноздри—подобный человѣкъ въ салонѣ княгини Меттернихъ! Дѣло объясняется преданностью графини и княгини католической церкви и вліянію на нихъ іезуитовъ.

«Изъ разсказовъ бывшихъ раскольничьихъ архіереевъ (нынѣ иноки Онуфрій и Пафнутій) и изъ раскольнической переписки оказывается, что польско-революціонная партія много содѣйствовала къ учрежденію заграничной раскольничьей іерархіи, что нѣкоторая часть заграничныхъ раскольниковъ доселѣ находится въ связи съ этою партіею и съ русскими революціонерами, которые старались

вовлечь въ свое дѣло и раскольниковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, но напрасно.

«Раскольники не рѣшались приступить къ дѣлу, пока въ 1836 году графъ Бенкендорфъ не указалъ купцу Громову на учрежденіе за границею епископской каѳедры, какъ на единственный, по его мнѣнію, исходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое они были поставлены воспрещеніемъ имѣть поповъ, бѣглыхъ отъ православной церкви. Это подтверждается, сверхъ переписки раскольниковъ, словами бывшихъ епископовъ Онуфрія и Пафнутія и архидіакона Бѣлокриницкой митрополіи, Филарета. То же говорятъ и многіе московскіе раскольники, въ свое время принимавшіе участіе въ учрежденіи іерархіи. По словамъ тѣхъ и другихъ, никто не рѣшился бы на такое дѣло, если бы въ такомъ участіи близкаго къ покойному государю человѣка не видѣли они нѣкотораго ручательства въ томъ, что задуманное ими дѣло не навлечетъ на себя царскаго гнѣва.

«Теперешній епископъ славскій и экзархъ некрасовцовъ, Аркадій, другъ Гончарова, человѣкъ не безъизвѣстный и Наполеону III, разсказываетъ, что около того же времени, т. е. 1835 или 1836 года, мысль эта была одобрена намѣстникомъ царства Польскаго, княземъ Паскевичемъ, съ которымъ Аркадій былъ будто бы близокъ и ѣздилъ къ нему, въ Варшаву, въ гости. Одобрялъ ли князь Паскевичъ затѣю раскольниковъ, не зналъ ли вовсе о ней, но Аркадій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей въ дѣлѣ учрежденія іерархіи, показывая охранный листъ, данный ему намѣстникомъ и остававшійся въ рукахъ раскольниковъ до 1853 года, много способствовалъ къ распространенію между раскольниками убѣжденія, что такіе сильные люди, какъ Паскевичъ и Бенкендорфъ, сочувствуютъ ихъ замысламъ, не противнымъ и волѣ государевой.

«При такомъ убѣжденіи русскіе раскольники принялись за дѣло, причинившее много вреда православной церкви и надѣлавшее много хлопотъ правительству, которыя, однако, успѣхомъ не увѣнчались. Упрекать названныхъ государственныхъ людей въ сознательномъ дѣйствіи противъ интересовъ церкви и государства, конечно, нельзя, но неосторожность ихъ очевидна.

«Если въ Россіи успѣху затѣяннаго раскольниками дѣла способствовали высокіе по положенію люди, вслѣдствіе непониманія раскольниковъ или неосторожности, то высокія лица за границею, желая нанести вредъ Россіи, способствовали этому успѣху вполнѣ сознательно. Въ Австріи хорошо знали, что наше правительство въ прошедшее царствованіе было убѣждено, что расколъ составляетъ политическую язву Россіи (убѣжденіе это и мною вполнѣ раздѣлялось, пока я не изучилъ раскола до его корней) [1]). Тамъ, можетъ

---

[1]) Не принадлежавъ и не принадлежа къ числу людей, составляющихъ правительство, я, однако, исполнялъ важныя по этому дѣлу порученія, и слова мо-

быть, и вѣрили тому, что въ расколѣ заключаются разрушительныя начала. Какъ бы то ни было, австрійцы воспользовались этимъ.

«Въ 1839 году, у насъ возсоединены уніаты. Уніатскій митрополитъ въ Австріи, Михаилъ Левицкій, не безъ вѣдома папы римскаго, подалъ буковинскимъ липованамъ (раскольникамъ), между которыми уже бродила занесенная изъ Россіи мысль о епископѣ, совѣтъ, чтобы они обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ учрежденіи каѳедры раскольничьяго митрополита. Онъ составилъ имъ програму дѣйствій и обнадежилъ въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. Это была месть за возсоединеніе уніатовъ. Приведенный сейчасъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но слѣдующій требуетъ повѣрки, для которой у меня нѣтъ подъ руками матеріаловъ. Говорятъ, что князь Меттернихъ съ 1815 года получалъ отъ Россіи жалованье, въ видѣ дипломатической субсидіи, какія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ были весьма обыкновенны въ кругу европейскаго дипломатическаго корпуса. Говорятъ, что около 1840 года Россія прекратила выдачу субсидіи этому «другу», державшему насъ на уздечкѣ и принесшему намъ немало бѣдъ. Недочетъ въ ежегодномъ бюджетѣ поставилъ «отца дипломатіи» въ такое положеніе, что онъ тайное намъ недоброжелательство смѣнилъ на болѣе явное и, подъ вліяніемъ той же мысли, что расколъ есть наша политическая язва, задумалъ изъ Буковины сдѣлать арсеналъ для оружія, всегда готоваго проникнуть въ сердце Россіи, какъ только австрійское правительство признаетъ нужнымъ направить его выстрѣлы не изъ штуцеровъ и пушекъ, а изъ раскольничьихъ лѣстовокъ и двуперстнаго благословенія іерарховъ.

«Объ участіи князя Меттерниха въ этомъ дѣлѣ, по слухамъ между нашими раскольниками, я доносилъ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибикову, въ 1854 году. Теперь, изъ разговоровъ съ бывшимъ намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи, вижу, что слухи эти были не въ одной Россіи и имѣли свое основаніе. Но повторяю, что фактическихъ доказательствъ на это и теперь не имѣю, хотя, вникнувъ въ ходъ дѣла, остаюсь вполнѣ убѣжденнымъ, что это правда.

«И римскій дворъ, какъ говорятъ, мстя за уніатовъ, принималъ участіе въ дѣлѣ образованія раскольнической іерархіи. Для подтвержденія этого, еще въ 1854 году представленнаго мною г. министру, слуха фактическихъ доказательствъ также немного, но изъ письма Аркадія Славскаго къ митрополиту Кириллу Бѣлокриницкому, изъ Константинополя, отъ 3-го октября 1858 г., видно, что раскольники и въ это время разсчитывали на папу. Рѣчь въ письмѣ

ихъ донесеній переходили иногда въ правительственные акты. Говорю съ тою цѣлію, чтобы вы не приписали моей фразѣ значенія глупаго хвастовства.

Примѣч. Мельникова.

идетъ о неосвобожденіи русскимъ правительствомъ изъ Суздаля архіепископа Аркадія [1]) и о стѣсненіяхъ вѣры. Вотъ отрывокъ слово въ слово. «Г. Гончарову письмо вручилъ и жалобу во Францію мы читали. Сходно съ моими мыслями. Я всегда помышлялъ, чтобы нашу обиду донести европейскимъ державамъ и папѣ, но только какъ за свое мнѣніе, такъ и за ваше (разумѣются письменныя мнѣнія) недоумѣваю, что будутъ они въ пользу. Если бы посовѣтоваться съ сѣверными (т. е. русскими раскольниками), какъ они скажутъ! Если бы тѣ просили, то мы оба (Аркадій и Гончаровъ) поѣхали бы въ Парижъ и подали бы жалобу Наполеону и папѣ. Но на это нуженъ совѣтъ всего сѣвера. Гончаровъ составилъ стихъ (статью) отъ себя противъ Николая и читалъ въ Царѣградѣ; у него просили европейцы (поляки, судя по другимъ мѣстамъ переписки), хотѣли въ газетахъ напечатать, но Гончаровъ не далъ имъ афишку, подхватятъ (поляки для печати), только просимъ повторенія, да если бы и отъ сѣвера было приглашено».

Слѣдующее письмо П. И. Мельникова дополняетъ свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ предшествовавшемъ.

«Изученіе любопытныхъ матеріаловъ, находящихся у меня подъ руками, а еще болѣе знакомства, сдѣланныя мною съ обратившимися къ единовѣрію епископами и другими лицами раскольнической духовной іерархіи, доставили мнѣ возможность довольно обстоятельно узнать объ отношеніяхъ къ русскому расколу революціонной въ Европѣ партіи, враждебныхъ намъ поляковъ и отчасти нашихъ доморощенныхъ соціалистовъ.

«Первоначально мысль образованія собственной іерархіи возникла въ началѣ царствованія покойнаго государя на Иргизѣ. Въ 1832 году, въ Москвѣ былъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ были депутаты отъ разныхъ раскольническихъ обществъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Иргизская мысль была одобрена, но рѣшено было сначала попытаться въ Петербургѣ: нельзя ли будетъ исходатайствовать у правительства разрѣшенія имѣть попрежнему дозволенныхъ бѣглыхъ поповъ. Для сего поѣхали три богатые купца, московскіе Ѳедоръ Рахмановъ и Иванъ Окороковъ и города Вольска Суетинъ, впослѣдствіи сосланный въ Кутаисъ. Съ ними былъ хвалынскій купецъ, секретарь въ Иргизѣ, Аѳанасій Кочуевъ, которому принадлежалъ починъ учрежденія архіерейства и который впослѣдствіи умеръ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ.

[1]) Аркадій Славскій былъ арестованъ 24-го апрѣля 1854 г. и отправленъ первоначально въ Кіевъ, потомъ въ Москву и наконецъ, 20-го октября, былъ заточенъ въ монастырѣ въ Суздалѣ. Онъ родился въ 1809 году и 19 лѣтъ принялъ монашество въ Мануиловскомъ скиту, въ Молдавіи, а затѣмъ поселился въ Славскомъ скиту, въ Добруджѣ. Въ мірѣ онъ назывался Андрей Спиридоновичъ. Отецъ его, старообрядецъ, былъ жителемъ дер. Кунички, въ Бессарабіи.
У.

«Въ Петербургѣ принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ купецъ Сергѣй Громовъ, у котораго поселился Кочуевъ. Когда ходатайство раскольниковъ о дозволенныхъ попахъ оставлено было безъ послѣдствій, Громовъ обратился къ графу Бенкендорфу. Вслѣдствіе его указанія объ учрежденіи архіерейской каѳедры за границею, раскольники сначала обратились было съ просьбою къ нѣкоторымъ изъ православныхъ епископовъ, приглашая ихъ къ себѣ, но никто, разумѣется, не захотѣлъ измѣнить св. церкви. Это подтверждается разсказомъ преосвященнаго Іереміи, въ то время кіевскаго викарія, а теперь живущаго на покоѣ, въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ [1]). Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсказывалъ мнѣ о дѣланномъ ему предложеніи около 1840 года.

«Не найдя изъ русскихъ православныхъ епископовъ ни одного, который согласился бы на переходъ въ расколъ, раскольники рѣшились искать архіереевъ за границею. Нашлись люди рѣшительные, дѣятельные, которые предприняли путешествія въ отдаленныя страны Востока. Въ то время существовалъ еще раскольничій монастырь Лаврентьевъ, Могилевской губерніи, Гомельскаго уѣзда, уничтоженный въ 1845 году. Находясь на земляхъ канцлера графа Н. П. Румянцова, этотъ монастырь пользовался особымъ покровительствомъ означеннаго сановника. Когда гомельское имѣніе перешло къ фельдмаршалу князю Варшавскому, то и онъ оказывалъ покровительство монастырю. Настоятель его, Аркадій, нынѣшній раскольничій епископъ Славы [2]), звѣно, соединяющее раскольниковъ съ революціонною партіею, какъ увѣряютъ, съ согласія князя Паскевича, отправилъ нѣсколько монаховъ своего монастыря за границу для отысканія архіереевъ и для устройства епископской каѳедры въ Буковинѣ. Въ числѣ ихъ былъ Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, нынѣ единовѣрческій инокъ, но онъ не путешествовалъ, а прямо поселился въ Буковинѣ.

«Путешественники, съ 1836 по 1846 годъ, нѣсколько разъ отдѣльными партіями обходили Малую Азію, придерживаясь берега Чернаго моря, до персидской границы, Палестину, Сирію и далѣе до Багдада, гдѣ нашли нѣсколько раскольниковъ изъ некрасовцовъ Мехмета-Али египетскаго; другіе были въ Египтѣ, доходили до Нубіи; третьи обошли европейскую Турцію и были на Черной Горѣ, но нигдѣ не нашли, чего искали. На ихъ путешествія московскіе раскольники и собрали $2^1/_2$ милліона рублей ассигн. Затѣя раскольниковъ въ это время, конечно, и кончилась бы, если бы не стали во главѣ дѣла трое замѣчательныхъ по своимъ способ-

---

[1]) Въ настоящее время преосвященный Іеремія живетъ на покоѣ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. У.

[2]) Его не нужно смѣшивать съ вышеупомянутымъ Аркадіемъ Славскимъ. У.

ностямъ и ничѣмъ непреодолимой энергіи раскольниковъ: Геронтій, Павелъ и Олимпій (Алимпій) и если бы имъ не помогли недоброхоты русскаго государства. Геронтій, помѣщичій крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи (теперь въ Петропавловской крѣпости, если не умеръ), устроилъ Бѣлокриницкій монастырь, дотолѣ совершенно ничтожный, обогатилъ его московскими деньгами, сдѣлался его настоятелемъ и приготовилъ мѣсто для «Липованской митрополіи», пользуясь грамотой императора Іосифа II, отъ 9-го октября 1783 года, данной раскольникамъ, выходцамъ въ новопріобрѣтенную тогда Австріею Буковину. Ямщикъ города Валдая, потомъ приказчикъ Громова, потомъ инокъ Павелъ и затѣмъ основатель и дѣйствительный правитель митрополіи (умеръ въ 1854 году) и наконецъ мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ, бѣжавшій за границу и назвавшій себя Милорадовымъ [1]), — были главными дѣятелями учрежденія заграничной раскольничьей митрополіи. Но безъ враговъ Россіи они ничего не сдѣлали бы. Уніатскій митрополитъ въ Австріи, Михаилъ Левицкій, далъ имъ совѣтъ обратиться къ австрійскому правительству съ просьбой объ епископѣ, указалъ имъ всѣ пути, составилъ программу и обнадежилъ въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. И онъ не обманулъ раскольниковъ: все исполнилось по его программѣ, составленной имъ въ отомщеніе за возсоединеніе уніатовъ.

«При тайномъ содѣйствіи католическаго высшаго духовенства, лицъ высшаго вѣнскаго круга, даже нѣкоторыхъ дамъ, — валдайскій ямщикъ и крыловскій мѣщанинъ проникли въ министерскіе кабинеты, представлялись эрцгерцогу Райнеру и самому императору Фердинанду. Переводчикомъ у нихъ былъ сербъ Константинъ Ефимовичъ Огняновичъ, котораго нелѣпый и положительно для успѣховъ православія вредный игуменъ Гуслицкаго монастыря, Парѳеній, сдѣлалъ въ своей книгѣ жидомъ. Напрасно православные духовные, митрополитъ Карловичскій и епископъ Буковинскій, Евгеній Гакманъ, протестовали: австрійское правительство согласилось на существованіе отдѣльной епархіи липованъ (раскольниковъ) и потребовало «устава».

«Уставъ для представленія правительству писалъ Павелъ, но когда онъ представилъ его, то австрійское правительство, не найдя существенной разницы въ вѣрѣ липованъ отъ православной вѣры, кромѣ незначительныхъ обрядовъ, и не понимая, разумѣется, той догматической важности, которую раскольники приписываютъ дву-

---

[1]) Онъ теперь въ Москвѣ, но раскольники мнѣ его не показали, отзываясь, что онъ уже уѣхалъ. А съ сыномъ перваго митрополита Амвросія я видѣлся, но на самое короткое время. Онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и воротится чрезъ недѣлю и тогда я надѣюсь поговорить съ нимъ побольше. Зовутъ его Георгій Андреевичъ; онъ австрійскій подданный, не раскольникъ, имѣетъ законный паспортъ. Примѣч. Мельникова.

перстію, ходамъ пὸсолонь, двойной аллилуіи и т. п., рѣшило дозволить учрежденіе особой епархіи, но съ подчиненіемъ ея Карловичскому митрополиту. Какъ громомъ поразила эта новость раскольниковъ: то, отъ чего они бѣжали изъ Россіи, представлялось имъ и теперь, даже болѣе того. Подчиненіе Карловичскому митрополиту— тоже единовѣріе. Но былъ ли бы этотъ митрополитъ столь же снисходителенъ къ ихъ обрядамъ, какъ нашъ св. синодъ—это еще вопросъ.

«Богъ знаетъ, заумствовался ли Павелъ, съ умысломъ ли онъ сдѣлалъ дѣло, ничѣмъ неизвинительное, но, перепpавляя возвращенный правительствомъ уставъ, онъ внесъ въ него богословіе, въ которомъ коснулся самыхъ главныхъ догматовъ христіанства и изложилъ ихъ еретически. Именно онъ провелъ мысль, что до сотворенія міра существовалъ одинъ Богъ-Отецъ, пребывавшій въ молчаніи, имѣя Сына, слово Божіе, только въ умѣ своемъ. Когда же изрекъ: «да будутъ вѣцы», это слово осуществилось во второмъ лицѣ св. Троицы, выйдя изъ ума Бога; въ то же время Богъ-Отецъ отрыгнулъ отъ сердца своего Духъ святый, и сбылось сказанное пророкомъ: «изъ чрева прежде денницы родихъ Тя». Слѣдовательно второе и третье лица св. Троицы небезначальны.

«Видя столь существенную разницу въ догматствованіи липованъ отъ догматствованія не только православныхъ, но и вообще всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, какія только есть въ предѣлахъ австрійскихъ владѣній, вѣнское правительство признало липованскую вѣру за особое исповѣданіе и дозволило ему іерархію императорско-королевскимъ декретомъ 18-го сентября 1844 года. Этимъ же декретомъ разрѣшено было имъ искать себѣ епископа въ иностранныхъ государствахъ и водворить его въ Бѣлой Криницѣ. Подлинные декретъ и уставъ были у меня въ рукахъ. Декретъ списанъ, а «уставъ» я не списывалъ, потому что въ непродолжительномъ времени обращенный въ единовѣріе бывшій епископъ Пафнутій напечатаетъ его съ благословенія митрополита Филарета. Это будетъ сильный ударъ расколу: по причинѣ еретическаго богословія, «уставъ» бѣлокриницкій содержался втайнѣ между весьма немногими лицами, и даже русскіе раскольничьи епископы вполнѣ его не знаютъ, а только по отрывкамъ. Разумѣется, когда напечатается «уставъ», наши раскольники скажутъ, что это клевета, что это правительственная выдумка, но опроверженіе находится въ рукамъ правительства и церкви. Подлинникъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за подписью братства Бѣлокриницкаго, въ томъ числѣ и Павла, утвержденный императоромъ Фердинандомъ, теперь въ Чудовомъ монастырѣ у Пафнутія. Стоитъ только вынести его въ одинъ изъ праздниковъ на кремлевское преніе [1]).

---

[1]) На кремлевскихъ преніяхъ Пафнутій рѣшительно побѣдоносенъ. Пять разъ я былъ тому свидѣтелемъ. Онъ овладѣваетъ совершенно толпою против-

«Бѣлокриницкій уставъ» и другіе подлинные акты находились въ послѣднее время у архидіакона Филарета, правителя дѣлъ Бѣлокриницкой митрополіи. Въ 1864 году, Филаретъ съ священноинокомъ Іоасафомъ были посланы въ Россію, въ качествѣ митрополичьихъ пословъ. Боясь оставить архивъ въ рукахъ невѣжественныхъ монаховъ (умные и начитанные монахи въ Бѣлой Криницѣ или перемерли, или выѣхали въ Россію; осталось 15—20 совершенно ничтожныхъ людей, изъ коихъ самый ничтожнѣйшій митрополитъ Кириллъ), Филаретъ взялъ его съ собой и, обратившись къ единовѣрію, не возвратилъ его раскольникамъ. Такимъ образомъ важнѣйшіе документы раскола сдѣлались достояніемъ церкви. Говорятъ, что заграничные раскольники хлопочутъ, чтобы австрійское правительство вытребовало эти бумаги у нашего путемъ дипломатическимъ. Но въ настоящее время австрійскому правительству не до того, да притомъ у липованъ уже нѣтъ такихъ ходатаевъ, какихъ имѣли прежде: Геронтій въ крѣпости, Павелъ умеръ, Пафнутій и Филаретъ въ новомъ единовѣрческомъ монастырѣ, а Алимпій, сиживавшій въ салонѣ графини Стадіонъ, теперь въ Россіи и пьетъ мертвецки. Развѣ поляки помогутъ.

«Павелъ и Алимпій, въ 1845 году, отправились въ Константинополь и добыли тамъ митрополита Амвросія, бывшаго до 1841 года въ Босніи. Всѣ свѣдѣнія о личности Амвросія и о томъ, какимъ образомъ добыли его раскольники, свѣдѣнія, какъ имѣющіяся въ дѣлахъ министерства, такъ и напечатанныя въ разныхъ нашихъ журналахъ и отдѣльныхъ книгахъ, напримѣръ, епископа Будинскаго, Платона Аѳаницкевича, игумена Парѳенія, профессора петербургской духовной академіи Нильскаго, а въ особенности извратившаго свѣдѣнія о расколѣ до крайнихъ предѣловъ нелѣпости г. Ливанова («Отечественныя Записки» 1865 года),—оказываются совершенно ложными. Имѣю честь представить возстановленіе истины, основанное на документахъ и другихъ самыхъ неоспоримыхъ источникахъ, на которые и буду ссылаться въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

«О личности митрополита заимствую изъ сказанія Стаки Скендеровой [1]), изъ бумагъ австрійскихъ, изъ разсказовъ бывшаго на-

никовъ въ 150—200 человѣкъ и въ полномъ смыслѣ заграждаетъ имъ уста. Что за умъ! Что за начитанность! Что за умѣнье овладѣть слушателями!

Примѣч. Мельникова.

[1]) Стака Скендерова, дочь купца въ городѣ Сараевѣ, дѣвушка высокой нравственности и, можно сказать, первая просвѣтительница своего народа, знавшая лично и близко Амвросія, когда онъ былъ босно-сараевскимъ митрополитомъ, прислуживала въ церкви св. Архангеловъ, единственной православной церкви во всемъ Сараевѣ, и написала о митрополитѣ Амвросіи сказаніе въ своей стихотворной «Лѣтописи Босніи». О Стакѣ Скендеровой и ея высоконравственныхъ качествахъ узнала графиня А. Д. Блудова и доложила о ней государынѣ императрицѣ. Въ 1856 и 1857 годахъ, отъ щедротъ императрицы, Стака Скенде-

мѣстника митрополичьяго, Онуфрія, изъ разсказовъ Василья Васильевича Борисова, бывшаго раскольника, скрывшагося въ 1847 году и тѣмъ избавившагося отъ Шлиссельбургской крѣпости, куда, по повелѣнію покойнаго государя, былъ помѣщенъ товарищъ его, Жигаревъ. Этотъ Борисовъ, теперь уже лѣтъ десять усерднѣйшій единовѣрецъ, ѣздилъ въ 1847 году съ Жигаревымъ, въ качествѣ пословъ къ митрополиту Амвросію отъ Москвы и всего старообрядческаго міра въ Россіи, жилъ съ Амвросіемъ два мѣсяца и крестилъ его новорожденнаго внука. Наконецъ, принимаю въ соображеніе разсказъ митрополичьяго сына.

«Амвросій не грекъ, а болгаринъ, уроженецъ города Эноса; фамилія его Пòпповичь. Въ мірѣ назывался Андреемъ Георгіевичемъ. Онъ стариннаго іерейскаго рода: со дней императора Алексія Комнина двадцать одно поколѣніе Пòпповичей служило передъ православнымъ алтаремъ. Родившійся въ 1791 году, Георгій Пòпповичь былъ двадцать-вторымъ священникомъ [1]). Въ 1811 году, греческимъ эносскимъ митрополитомъ Матвѣемъ онъ рукоположенъ въ іереи и былъ приходскимъ священникомъ въ Эносѣ. Въ 1814 году, онъ овдовѣлъ; у него остался малолѣтній сынъ Георгій, находящійся теперь въ Петербургѣ и на дняхъ ожидаемый въ Москву. По строго соблюдаемому у грековъ обычаю, молодой вдовецъ не можетъ долгое время оставаться бѣлымъ священникомъ, и потому отецъ Андрей Пòпповичь въ 1816 году постригся и принялъ имя Амвросія. До 1823 года онъ жилъ при домѣ митрополита эносскаго, а въ

рова получила капиталъ на открытіе перваго въ Босніи женскаго училища, содержимаго доселѣ на счетъ ея величества. Такая дѣвушка, какъ Скендерова, безъ малѣйшаго сомнѣнія, можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Вотъ какъ Скендерова отзывается объ Амвросіи въ своей «Лѣтописи»:

Тай владика свети чоекъ био,
Сиротиню много є угледо,
Тай є родомъ отъ Бугара био,
Сребра ниє ни мало любио,
Радъ би био да є народъ миранъ
Да народу не има зулума...

—

Ђра му є био доди яло,
Гледаючи одъ народа яда,
Што су паше народу чиниле...

Въ переводѣ эти строки значатъ: «Тотъ владыка былъ святой человѣкъ; онъ много заботился о бѣднякахъ; онъ былъ болгарскаго рода; нимало не былъ сребролюбивъ и заботился лишь о томъ, чтобы народу было спокойно, чтобы народъ не терпѣлъ притѣсненій... Ему опротивѣло глядѣть на страданія, которыя причиняли народу паши». Примѣч. Мельникова.

[1]) Прошеніе Амвросія о подданствѣ, поданное императору Фердинанду лично въ Вѣнѣ 11-го іюня 1846 года. Примѣч. Мельникова.

этомъ году сдѣлался игуменомъ монастыря Пресвятой Троицы на островѣ Халки, при которомъ есть училище для образованія православнаго духовенства, содержимаго на счетъ константинопольской патріархіи и частію на русскія деньги, посылаемыя св. синодомъ. Въ 1826 году, Амвросій сдѣланъ былъ предстоятелемъ церкви въ Мегаремвѣ (Арнаутъ-Кіоѣ), что въ Босфорѣ, со всѣми правами епископа, кромѣ рукоположенія и другихъ епископскихъ священнодѣйствій. Вскорѣ патріархъ Константій сдѣлалъ его протосингеломъ великой патріархіи Цареградской, членомъ Константинопольскаго синода и правителемъ его дѣлъ, а въ 1835 году митрополитомъ Босносараевскимъ [1]).

«Столь высокія должности, занимаемыя Амвросіемъ, не фанаріотомъ, а болгариномъ (едва ли не единственный примѣръ въ не терпящей болгаровъ фанаріотской патріархіи), кажется, вполнѣ могутъ свидѣтельствовать, что онъ былъ далеко не дюжинный человѣкъ, не дуракъ, не мошенникъ, не христопродавецъ, какимъ, съ голоса Платона Будинскаго, представляютъ его отечественные писатели, съ нелѣпѣйшимъ Пареенiемъ во главѣ ихъ. Для этихъ господъ, если кто раскольникъ, то уже непремѣнно негодяй, тогда какъ среда раскольническая, не смотря на религіозныя ея заблужденія, имѣетъ въ себѣ немало хорошихъ сторонъ, которыхъ каждый истинно русскій человѣкъ не можетъ не пожелать и себѣ, и всѣмъ своимъ православнымъ собратамъ. Дай Богъ, чтобы, въ виду проявившагося между раскольниками въ послѣднее время стремленія къ образованію, правительство наше пошло вѣрнымъ путемъ и не было бы шаткимъ въ своихъ распоряженіяхъ. Тогда (мы, конечно, не доживемъ до этого) образованное старообрядчество внесетъ въ нашу жизнь «новые» элементы, или, лучше сказать, «старые», забытые нами отъ наплыва западныхъ понятій и обычаевъ, несродныхъ ни русской землѣ, ни русской душѣ, элементы временъ добраго Михаила Өедоровича, кроткаго и мудраго Алексѣя Михайловича (до мельчайшихъ подробностей подобнаго нашему возлюбленному государю), благодушнаго и симпатичнаго Өедора Алексѣевича, элементы, подорванные Петромъ по закону исторической необходимости, которые онъ, однако (встань онъ изъ гроба), первый бы, по безпредѣльной любви его къ Россіи, теперь, въ пору благовременную, сталъ бы возстановлять... Разумѣю не тѣхъ quasi — образованныхъ старообрядцевъ, которые зовутся «раскольниками въ палевыхъ перчаткахъ», не того, который, отстоявъ уставную службу съ лѣстовкою и по рогожскому закону «съ поясомъ ниже пупа», совѣщевается съ московскими литераторами о переводѣ Шекспира, въ которомъ не понимаетъ ни уха, ни рыла, или всласть

[1]) Прошеніе Амвросія императору Фердинанду 11-го іюня 1846 года. Разсказъ митрополичьяго сына. Примѣч. Мельникова.

наговаривается о судьбахъ Европы и Россіи съ самопервҍйшимъ умникомъ міра сего, самимъ Александромъ Ивановичемъ. Не тҍхъ раскольниковъ, чтò образовали изъ себя новый типъ русскихъ людей — «раскольниковъ-нигилистовъ», въ родҍ . . . . , людей до тошноты отвратительныхъ во время разговора съ ними, разумҍю я подъ «будущими образованными раскольниками», а тҍхъ, первообразами которыхъ теперь: Пафнутій, бывшій епископъ Коломенскій, а теперь простой инокъ; Филаретъ, бывшій архидіаконъ Бҍлокриницкій, жившій въ Вҍнҍ, Парижҍ и Лондонҍ и хотя не бывавшій въ салонҍ графини Стадіонъ, но пользовавшійся расположеніемъ нашего вҍнскаго священника Раевскаго, въ Черновицахъ профессора православной академіи Хибайлы (Гакмана), Палацкаго и другихъ, и, наконецъ, инокъ Ѳеодосій, молодой человҍкъ, лҍтъ двадцати трехъ, бывшій діаконъ раскольничьяго тобольскаго епископа Савватія, а передъ тҍмъ бҍгунъ, странникъ, скрывавшійся въ верхотурскихъ лҍсахъ... Вамъ новы эти рҍчи? Не правда ли? Новы и для меня впечатлҍнія, подъ вліяніемъ которыхъ пишу эти рҍчи. Ваше высокопревосходительство! Пославъ меня сюда, вы сдҍлали мнҍ благодҍяніе: вы утвердили во мнҍ вҍру въ невыблемость дорогой нашей матери Россіи. Живя въ Петербургҍ, человҍку, прожившему и дҍтство, и молодость въ коренной русской землҍ, втянувшись въ ложную жизнь великолҍпно разукрашеннаго чухонскаго болота, чуть не каждый день приходится отчаяваться за русскую будущность, но въ той средҍ, въ которой я теперь нахожусь, свҍтло и радостно смотрится впередъ и вполнҍ вҍрится, что всҍ эти соціализмы, и коммунизмы, и спиритизмы, и космополитизмы, и самое 4-е апрҍля — наносныя болячки на русскомъ здоровомъ тҍлҍ: немножко сҍрной печенки, и чесотка пройдетъ. А главный оплотъ будущаго Россіи всетаки вижу въ старообрядцахъ, которые не будутъ раскольниками, ибо расколу старообрядства передъ свҍтомъ просвҍщенія не устоять. Старообрядцы — Лотова жена, обратившаяся назадъ и окаменҍвшая. Два столҍтія пронеслись надъ этимъ «сланымъ столпомъ», — онъ не двинулся, а мы-то въ это время куда зашли? До 4-го апрҍля дошли!

«Я всегда говорилъ, что надобно воздвигнуть памятникъ польскому возстанію 1863 года. Оно отрезвило насъ; оно сорвало съ русскихъ глазъ повязку, съ которою кто не щеголялъ. Оно соединило насъ; оно вновь скрҍпило тысячелҍтнія узы русскихъ сословій, которыя наносными идеями уже разслабҍвали было; оно заставило постарому биться русское сердце. Сбылась русская пословица: «свои собаки грызутся, чужая не приставай». И во благо послужило намъ это глубоко-мудрое, хотя и не весьма граціозное, изрҍченіе тысячелҍтняго народа.

«Это было «знаменіе во благо». Да будетъ же «знаменіемъ во благо» и событіе 4-го апрҍля. Что это будетъ такъ, духъ Москвы,

сердца Россіи, говоритъ. Что онъ такъ говоритъ, «тому послухъ есмь», говоря языкомъ нашихъ прадѣдовъ. Въ субботу, 21-го мая, буду въ Кремлѣ въ толпѣ народной и напередъ предвкушаю то русское чувство, которымъ «Москва заговоритъ», при видѣ государя.

«А возстановленіе русскаго духа, старобытной нашей жизни, всетаки, произойдетъ отъ образованныхъ старообрядцовъ, которые тогда не раскольники будутъ.

«Я такъ далеко отвлекся отъ прямаго предмета, что мнѣ слѣдуетъ уже не возвращаться немедленно къ нему, а еще далѣе отвлечься.

«Простите мнѣ, ваше высокопревосходительство, эти отвлеченія, но отнюдь не увлеченія. Говорю, что думаю, и «нѣсть лести во языцѣ моемъ». Не имѣя чести быть вашимъ приближеннымъ, не имѣю и возможности выражать мои убѣжденія вамъ лично, словесно. Но вы дозволили, вы даже приказали мнѣ писать къ вамъ письма подъ впечатлѣніями, которыя буду испытывать. Исполняю ваше приказаніе. Сухой, чиновничій рапортъ позвольте написать по возвращеніи въ Петербургъ».

Вотъ еще одно письмо П. И. Мельникова, относящееся къ 1866 году, къ исполненію даннаго ему въ то время порученія министромъ внутреннихъ дѣлъ:

«Въ послѣдніе годы въ старообрядческихъ обществахъ, вообще въ Россіи, особенно же въ Москвѣ, произошло сильное движеніе. Преслѣдованія раскола прекращены. Слѣдствіемъ этого было то же самое явленіе, какое было и при Екатеринѣ II, по прекращеніи преслѣдованій раскола: начались споры и ожесточенная полемика между раскольническими сектами, поповщиною и безпоповщиною. Когда были преслѣдованія и тѣхъ, и другихъ, былъ общій непріятель, и частные раздоры умолкли; когда общаго непріятеля не стало, старинные раздоры поповщины съ безпоповщиною возникли съ прежнею силою.

«Въ прежнее время безпоповцы постоянно брали верхъ надъ поповцами. Когда говорили они имъ, что у нихъ нѣтъ церкви, ибо нѣтъ архіереевъ, а попы хотя и есть, но отъ никоніанъ краденные, поповщинѣ отвѣчать было нечего. Приходилось или отдѣлываться разными изворотами, или молчать. Теперь не то. Теперь у поповщины 12 или 15 архіереевъ и множество своихъ не краденныхъ поповъ. Ихъ церковь организована совершенно, и притомъ съ нынѣшняго года сдѣлалась самостоятельною, разорвавъ связи съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ, на томъ основаніи, что онъ подданный не русскаго государя и имѣетъ пребываніе во враждебной намъ Австріи. Митрополитъ Кириллъ, недавно бывшій въ Петербургѣ (пріѣхалъ туда изъ Берлина) и въ Москвѣ, уѣхалъ чуть не выгнанный. Онъ очень упалъ духомъ, ибо чувствуетъ, что Бѣлой Криницѣ приходитъ конецъ: митрополія тамошняя и вообще заграничные старо-

обрядческіе архіереи поддерживались московскими деньгами, а теперь старообрядцы рѣшили не давать ни гроша въ Австрію.

«Замѣчательно, что старообрядцы, имѣя теперь возможность сдѣлать особаго московскаго митрополита, или даже патріарха, не сдѣлали его, ибо на то, по правиламъ, надобно соизволеніе царя. Они учредили, по примѣру нынѣшней православной церкви, свой синодъ, подъ названіемъ «духовнаго совѣта», находящагося въ Москвѣ. Нынѣ члены его слѣдующіе: 1) Аѳанасій, епископъ Саратовскій, въ качествѣ первоприсутствующаго; 2) Антоній, архіепископъ Владимірскій (бывшій и всея Россіи); 3) епископъ Онуфрій, присланный въ концѣ 1861 года изъ-за границы, но присоединившійся къ россійской старообрядческой церкви и разорвавшій связи съ австрійскими; 4) Іовъ, епископъ Кавказскій; 5) Пафнутій, епископъ Казанскій; 6) Варлаамъ, епископъ Балтовскій; 7) епископъ Іустинъ; 8) Константинъ, епископъ Оренбургскій (онъ находится въ своей епархіи, а вмѣсто его въ духовномъ совѣтѣ засѣдаетъ уполномоченный имъ іеродіаконъ Викентій); 9) Савватій, епископъ Тобольскій. Прочіе епископы не члены духовнаго совѣта: Софроній Симбирскій, Виталій, Измаилъ, Сергій, Пафнутій. Изъ нихъ двое находятся подъ запрещеніемъ: Софроній за святокупство, Пафнутій за то, что на Кузнецкомъ мосту своей пріятельницѣ бурнусъ покупалъ. Сергій Тульскій, въ нынѣшнемъ году посвященный митрополитомъ Кирилломъ, въ назначенной ему епархіи не принятъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ австрійскій подданный, не можетъ быть вѣренъ русскому царю и не можетъ пасти стадо Христово, изъ вѣрноподданныхъ русскому государю состоящее. Онъ собирается уѣхать за границу, если уже не уѣхалъ. Вотъ современный личный составъ старообрядческой іерархіи, самостоятельной и отъ Бѣлокриницкаго митрополита болѣе не зависимой.

«Безпоповцы Преображенскаго кладбища съ 1860 года обнаружили сильный прозелитизмъ, направленный на общество поповщины. Православныхъ они болѣе не привлекаютъ въ свою вѣру, опасаясь возобновленія преслѣдованій, и если дѣлаются совращенія православныхъ, то весьма рѣдко и весьма тайно; за то много они перекрестили изъ поповщины, особенно тѣхъ, которые сомнѣваются въ правильности новой старообрядческой іерархіи.

«Это очень озаботило поповщину. Вслѣдствіе того былъ присланъ, еще въ концѣ 1861 года, изъ Бѣлой Криницы епископъ Онуфрій. Онъ, вмѣстѣ съ русскими старообрядческими архіереями, имѣлъ, 24-го февраля 1862 года, въ Москвѣ соборъ и составилъ окружное посланіе. Главныя положенія этого собора слѣдующія.

«I. Отвергнуты десять сочиненій, написанныхъ въ прежнее время безпоповцами; объявлены лжесоставленными, со св. писаніемъ несогласными и здравому разуму противными. Эти сочиненія слѣдующія.

«а) «Апокалипсисъ седмитолковый», въ которомъ четвероконечный крестъ злославится, въ имени Іисусъ, господствующею церковью употребляемомъ, имя антихриста толкуется; евхаристія господствующей церкви нарицается зміинымъ блеваніемъ и антихристовымъ агнцемъ и проповѣдуется истребленіе священной хиротоніи во всей вселенной.

«б) Книга «Евстафія Богослова», гдѣ сказано, что антихристъ убилъ три царя великіе: вѣру, надежду и любовь, и семь таинствъ церковныхъ покорилъ подъ себя, и что нынѣшнія таинства отъ звѣря морскаго, котораго Даніилъ пророкъ видѣлъ (Даніилъ, глава 7).

«в) «Толкованіе Амфилохіево» на вторую пѣснь Моисееву.

«г) «Слово отъ старчества», гдѣ сказано, что будто бы инокъ Захарія ученику своему сказалъ, что священство не будетъ до скончанія міра стоять, а будетъ истреблено, что уже и случилось.

«д) «Толкованіе десяти перстъ ногъ тѣла, показаннаго Навуходоносору, и 10 роговъ четвертаго звѣря, видѣннаго Даніиломъ», въ которой книгѣ сказано, что тѣ десять роговъ суть: Алексѣй, Өеодоръ, Петръ I, Екатерина I, Анна, Елисавета, Екатерина II, Павелъ, Александръ I и Николай I.

«е) «Слово о бражникѣ». Оно напечатано въ «Памятникахъ древней русской литературы».

«ж) «О винномъ сотвореніи», гдѣ говорится, что хмѣль (растеніе) діаволомъ созданъ.

«з) «О губьбѣ или картофелѣ», будто оный отъ діавола и ѣсть его будто нельзя.

«и) «О духовномъ Антихристѣ», наполненное ругательствами на православіе.

«і) Тетрадь, означающая день и время кончины міра.

«Всѣ эти книги соборъ отвергъ и отметнулъ, имѣть и читать ихъ запретилъ, подъ страхомъ клятвы церковной.

«II. Господствующая въ Россіи и восточная греческая церковь признана не еретическою. «Вѣруетъ не во иного Бога, но во единаго съ нами».

«III. Велѣно употреблять имя Ісусъ, но хулу глаголать на имя Іисусъ воспрещено, ибо Ісъ и Іисъ одного Спасителя означаютъ, только что слово Іисъ неправильно.

«IV. Запрещено ругаться четвероконечному кресту.

«V. О таинствахъ господствующей церкви повелѣно говорить съ уваженіемъ, ругательство же имъ объявлено богохульнымъ и душепагубнымъ.

«VI. «Иже отъ высочайшія и вседержащія Божія десницы поставленнаго, и славою, и честію вѣнчаннаго, самодержавнѣйшаго, богохранимаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Александра Николаевича, и всего августѣйшаго дома его, и о всей палатѣ, и о воехъ его творите моленія о здравіи, и о спасеніи, и

о царстѣй побѣдѣ. О немъ же на св. проскомидіи божественныя литоргіи, въ числѣ великихъ седьми, пятая да приносится просфора и приноситися будетъ, якоже о немъ, тако и о будущихъ преемницѣхъ престола и скипетра его, въ родъ и родъ и до вѣки, яко да Господь Богъ соблюдетъ его здрава, мирна и долгоденствующа, да подастъ ему побѣду на врага, да оградитъ державу его миромъ, и да покоритъ подъ нозѣ его всякаго врага и супостата и да вложитъ въ сердце его благая и полезная о святѣй церкви [1]), яко да и мы тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и честности».

«VII. Кривосказательныхъ ученій (безпоповскихъ) бѣгати и лжесоставленныхъ (ими же) книгъ не принимати.

«VIII. О пришествіи Иліи и Еноха предъ кончиною міра вѣровати, якоже учитъ святая церковь. (Это противъ безпоповцовъ, которые говорятъ, что они уже были духовно и убиты уже антихристомъ).

«IX. О антихристѣ вѣровать со св. церковью, что онъ будетъ «чувственно, видимо и самообразно», а не духовно, какъ говорятъ безпоповцы, полагая, что антихристъ есть господствующая церковь.

«X. Испытословити о времени, днѣ и часѣ кончины міра воспрещается.

«Наконецъ сказано слѣдующее: «Объявляемъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, яко, помогающу Богови, составленъ будетъ «Уставъ», или краткое изложеніе догматовъ и преданій древлеправославно-каѳолическаго исповѣданія единыя, святыя, соборныя и апостольскія церкви, который и преподанъ будетъ въ руководство и окормленіе [2]) всѣмъ православнымъ, священнымъ же и мірскимъ, во еже правѣ и извѣстнѣ вѣдати о догматахъ вѣры, и о преданіяхъ, и о семи таинствахъ церковныхъ, и о инѣхъ нужныхъ и благословныхъ винахъ».

«Этотъ уставъ еще не составленъ. Онъ будетъ разсмотрѣнъ въ духовномъ совѣтѣ и разосланъ по всѣмъ поповщинскимъ обществамъ для строгаго наблюденія его. Отъ достовѣрныхъ людей я слышалъ, что тогда же старообрядцы пошлютъ депутацію отъ разныхъ городовъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и будутъ просить представить этотъ уставъ государю императору, какъ ихъ profession de foi. У государя же будутъ просить: дать имъ на столько гражданскихъ правъ и на столько свободы богослуженія, на сколько государь признаетъ возможнымъ, прочитавъ тотъ уставъ.

«Безпоповцы, послѣ собора 24-го февраля 1862 года, стали смущать нѣкоторыхъ поповцовъ, говоря, что архіереи ихъ признали

---

[1]) Т. е. старообрядческой.

[2]) Отъ слова кормà, не ѡ̂кормле́ніє (отрава), а ѡкормле́ніє.

правильность господствующей церкви, слѣдовательно признали неправымъ старообрядчество, слѣдовательно отступили отъ завѣтовъ отцовъ и прадѣдовъ и древняго благочестія. Многіе были смущены; иные отпали въ безпоповщину; другіе представляли духовному совѣту и Аѳанасію Саратовскому письменныя и словесныя прошенія, даже съ укоризнами.

«Поэтому, 26-го іюня 1863, года было въ Москвѣ засѣданіе духовнаго совѣта. Присутствовали: архіепископъ Антоній, епископы: Аѳанасій, Онуфрій, Іовъ, Пафнутій, Варлаамъ, Іустинъ, Савватій и іеродіаконъ Викентій, вмѣсто Константина Оренбургскаго. Аѳанасій Саратовскій на этотъ разъ уступилъ предсѣдательское мѣсто Антонію, какъ архіепископу, но душею совѣта былъ не Антоній, а Аѳанасій. Написано: соборное опредѣленіе на окружное посланіе. Оно начинается такъ:

«Божіею милостію, мы, освященный россійскій соборъ, слушали, относительно окружнаго посланія, представленныя письменныя и словесныя прошенія и съ глубокою скорбію въ душѣ видимъ, что нѣкоторые изъ христіанъ находятся въ смущеніи, полагая, что будто бы духовенство святой древле-православной церкви окружнымъ посланіемъ признаетъ имя Іисуса за истинное имя Господа нашего І҃са Х҃рта, а также и трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе, употребленіе, идѣ же не показано, четвероконечнаго креста будто бы почитаетъ за правильное. А потому освященный соборъ вынужденнымъ себя находитъ, для успокоенія христіанъ, издать нижеслѣдующее».

«Затѣмъ слѣдуетъ разъясненіе тѣхъ мѣстъ окружнаго посланія 24-го февраля 1862 года, которыя подали поводъ къ соблазну. Здѣсь, равно какъ и въ окружномъ посланіи, говорится о соединеніи старообрядчества съ православіемъ. Вотъ условія, на которыхъ оно соединилось бы.

«1666 года на московскомъ соборѣ ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древляя церковныя преданія произнесести. И строгое гоненіе, и преслѣдованіе воздвижесясь мученіемъ. И по сихъ поръ отъ пастырей, поборающихъ по новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее имя Христа Спасителя нашего Іс злохульно поречено, аки бы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего инаго Ісуса—равноухаго [1]). Къ сему же, але дерзости, именованіе чудовищнымъ и ничего не значащимъ [2]) двоперстное сложеніе тако поречено: аріанствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобожнымъ раздѣленіемъ, арменствомъ, арменскою ересію, арменскимъ кукишемъ, аріевою пропастію, адовыми вратами, вол-

---

[1]) Розыскъ Димитрія Ростовскаго, часть I, глава 15, листъ 18.

[2]) Отвѣты Никифора Астраханскаго, стран. 87.

шебнымъ знаменіемъ, демоносидѣніемъ и чертовымъ преданіемъ [1]).. Сихъ ради совѣсть наша не допущаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкви, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ (спорныхъ) книгъ и не уничтожаютъ означенныхъ жестокословныхъ порицаній, порицаній отвратительныхъ, благочестивому слуху невмѣстимыхъ и христіанскимъ пастыремъ отнюдь несвойственныхъ. Аще же нѣкогда, благодатію Божіею озарившеся, отложатъ вышеупомянутыя порицанія и соборнѣ оставятъ свои новодогматствованія, а святую старожитность возлюбятъ и порученнымъ себѣ хранити ю повелятъ и начнутъ послѣдовати древлецерковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится церковь въ такой точности догматовъ и преданій, яко же бѣша отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра.... и мы безъ всякаго увѣщанія человѣческаго пойдемъ къ общенію ея.. И сего ради нѣсь мы раскольницы и раздорницы, но чада единыя, святыя, соборныя, апостольскія, древлеправославныя каѳолическія церкви».

«Въ соборномъ опредѣленіи 26-го іюня 1863 года сказано: «покудова великороссійская церковь соборно, т. е. публично, не откажется отъ своихъ новодогматствованій и оскорбительныхъ для божества порицаній, до тѣхъ поръ мы ни подъ какимъ видомъ соединиться съ нею не можемъ».

«Собственно говоря, старообрядцы желаютъ, чтобы отвергнуты были тѣ порицанія, которыя были сдѣланы на имя Іс и на двуперстное сложеніе въ прошломъ столѣтіи. Это, по моему мнѣнію, вещь возможная, ибо дѣйствительно эти порицанія въ высшей степени возмутительны и совершенно противны духу православія. Остановки, затрудненія могутъ быть въ томъ, что Димитрій Ростовскій, написавшій (?) «Розыскъ», признанъ святымъ. Но и это не можетъ помѣшать. Посмотрите въ синодскій и другіе архивы, не найдется ли чего о томъ, какъ оклеветано было имя Димитрія, какъ приписано было этому великому человѣку то, о чемъ онъ и не думалъ. «Розыска» онъ не писалъ — свидѣтельство тому въ самомъ «Розыскѣ». Это — нечистое дѣло архіереевъ елисаветинскаго времени. Сказать правду не грѣхъ: мы не отвѣтчики за дѣло тупоумныхъ фанатиковъ, которые уже сто лѣтъ въ могилахъ лежатъ, и которые своимъ неразумнымъ словомъ совершили отдѣленіе отъ насъ пяти милліоновъ поповщины.

«Старообрядцы сами знаютъ, что Димитрій Ростовскій не писалъ «Розыска», что имя его употреблено для большаго авторитета, употреблено святотатственно въ то самое время, когда открыты его мощи. Его соименникъ Димитрій Сѣченовъ (за отъемъ монастыр-

[1]) Розыскъ Димитрія Ростовскаго, обличенія Ѳеофилакта Лопатинскаго и отвѣты Никифора Астраханскаго.

скихъ крестьянъ 1000 душъ, получившій митрополита) и его сотрудники нехорошее дѣло сдѣлали. Черезъ сто лѣтъ теперь можно было бы, кажется, поправить дѣло. Вѣдь митрополитъ Исидоръ не Димитрій Сѣченовъ и оберъ-прокуроръ А. П. Ахматовъ не князь Яковъ Шаховской, а главное государь нашъ не Елисавета Петровна.

«Въ воскресенье, 21-го іюля, съ 4 часовъ пополудни до десятаго вечера, былъ я на словопреніи раскольниковъ разныхъ толковъ, между собою и съ православными, въ Кремлѣ, у Архангельскаго собора. Прежде это бывало на Пасхѣ, теперь же каждый праздникъ. Мнѣ пришлось быть ораторомъ у кремлевскихъ соборовъ, но хотя мнѣ же предлагали не разъ на обсужденіе мои слова, въ печатныхъ сочиненіяхъ сказанныя, и упоминали мое имя, но, что я Мельниковъ, того не узнали: я не сказался именемъ, а знакомыхъ не было. Много было замѣчательнаго. Напримѣръ, говорятъ, говорятъ о вѣрѣ, да тотчасъ и свернутъ на поляковъ и на то, что надо стоять за царя и русскую землю безъ различія вѣръ. Въ Ильинъ день кому-то три оплеухи дали за богохульство и неуважительное слово о царѣ. При мнѣ какая-то юная бородка, проповѣдывавшая сначала о «идеѣ права», буквально говорю, сказала о мощахъ Успенскаго собора, что ихъ надо было бы подвергнуть химическому анализу: бородку чуть было не поколотили, но удержались, и только обругали и прогнали.

— «Кто это? спросилъ я одного старика-старообрядца, стоявшаго возлѣ меня.

— «Должно быть, полякъ, отвѣчалъ старикъ.

— Да вѣдь онъ чисто порусски говоритъ, замѣтилъ я.

— «Ну такъ изъ Петербурга какой нибудь, возразилъ старообрядецъ.

«Вообще я тутъ замѣтилъ, что московскій народъ недоброжелательно смотритъ на Петербургъ, говоритъ, «что тамъ есть измѣна царю». Имена Горчакова и Муравьева у всѣхъ на языкѣ: съ восторгомъ говорятъ о нихъ. А о государѣ безъ особеннаго чувства и говорить не могутъ. Сколько разъ слышалъ я слова: «Эхъ, какъ бы батюшка-царь все зналъ да вѣдалъ! Уши-то ему завѣшиваютъ очи-то ему закрываютъ! Какъ бы онъ все зналъ, давно бы всю измѣну вывелъ».

«А вотъ еще случай не на площади, а въ трактирѣ. Говоритъ одна сѣдая борода: «слышно, десять королей за поляка заступаются и говорятъ нашему царю: у тебя, ваше царское величество, земля большая, а у насъ земли махонькія — дай намъ на брата по-двѣ губерніи, а не дашь — войною пойдемъ. А царь нашъ и говоритъ: не то что губерніи, а уѣзда не дамъ, да и мужики мои не хотятъ, православные, т. е. всѣ христіане».

Посылка П. И. Мельникова въ Москву дала ему возможность собрать тамъ богатый матеріалъ по дѣламъ раскола. Это видно, какъ

изъ приведенныхъ его писемъ, посланныхъ имъ въ 1866 году министру внутреннихъ дѣлъ, такъ и изъ слѣдующаго письма, отъ 21-го сентября 1866 года, полученнаго П. И. Мельниковымъ отъ тогдашняго директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Тысячу разъ жалѣю, что не пришлось видѣться съ вами, по возвращеніи моемъ изъ-за границы. Можете представить, какъ живо интересовали меня дѣла по вашей послѣдней командировкѣ въ Москву. Изъ вашихъ майскихъ писемъ къ г. министру и ко мнѣ въ виду имѣются вещи великолѣпныя, которыя, при мастерской оправѣ отъ рукъ такого опытнаго ювелира, представляются просто сокровищами. Я видѣлъ въ канцеляріи письмо ваше къ г. министру отъ 4-го іюня; видѣлъ двѣ копіи съ показаній Іоасафа и Аркадія о предполагавшейся къ устройству русской типографіи у заграничныхъ раскольниковъ (отъ 5-го и 6-го іюня). Теперь, вѣроятно, у васъ готово уже что нибудь солидное; вѣдь столько важныхъ вопросовъ по извѣстной программѣ взялись вы обсудить. А матеріалы-то, матеріалы! Гдѣ они? Что съ ними? Я говорилъ объ этомъ съ г. министромъ: между прочимъ, онъ находитъ, что теперь матеріалы эти слѣдовало бы представить ему. Вслѣдствіе этого объясненія, я шлю вамъ спѣшно писаніе сіе, нетерпѣливо ожидая приношеній великихъ и богатыхъ и вашего отзыва для доклада г. министру».

Труды Мельникова въ Москвѣ и доставленныя имъ свѣдѣнія оцѣнены были министромъ внутреннихъ дѣлъ. Мельниковъ, бывшій не въ состояніи въ началѣ оставаться въ Москвѣ, по неимѣнію средствъ, получилъ все, что ему было необходимо, для продолженія своихъ изслѣдованій.

Пребываніе же въ Москвѣ въ 1866 году столкнуло его вновь съ старымъ знакомымъ сороковыхъ годовъ, который угощалъ его вкуснымъ рыбнымъ столомъ въ Керженскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, бывшемъ скиту (см. романъ «На Горахъ» [1]). 15-го мая Мельниковъ присутствовалъ въ Москвѣ на открытіи единовѣрческаго монастыря, гдѣ «иноками (по его словамъ) состоятъ бывшіе раскольничьи архіереи, а теперь простые иноки, и надъ ними настоятелемъ старый знакомый, отецъ Тарасій, архимандритъ изъ Семеновскаго уѣзда [2]). Народу было до 3,000 человѣкъ. Служилъ архіерей Леонидъ постарообрядчески. Послѣ того былъ обѣдъ, а послѣ обѣда я повелъ своихъ знакомыхъ, Погодина, Субботина, Хлудова и другихъ къ Тарасію. Старикъ донельзя обрадовался, увидѣвъ меня».

---

¹) Томъ IV, стр. 236, 237.

²) Архимандритъ Тарасій не принялъ предложенія быть настоятелемъ единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, не смотря на убѣдительныя просьбы, и возвратился въ Керженскій монастырь, гдѣ и скончался. У.

XVI.

Переселеніе въ Москву. — Третій приступъ къ беллетристическимъ произведеніямъ. — Отзывъ Мельникова о своемъ талантѣ и о своей памяти. — Поѣздка 1869 года. — Коммиссія о расколѣ 1875 года.

Командировка П. И. Мельникова въ Москву дала ему возможность окончательно условиться съ редакціею «Московскихъ Вѣдомостей» о его постоянномъ, дѣятельномъ въ ней сотрудничествѣ. Онъ рѣшился переселиться со всею семьею на жительство въ Москву. Въ слѣдствіе того, 19-го августа 1866 года, онъ былъ уволенъ отъ должности чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, причисленъ къ этому министерству и откомандированъ въ распоряженіе московскаго генералъ-губернатора, но безъ назначенія ему содержанія. Мельникову приходилось, съ переселеніемъ въ Москву, существовать однимъ литературнымъ трудомъ, но онъ положился на обѣщанія М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева.

Устроившись въ Москвѣ, Мельниковъ, съ 1867 года, принялъ на себя редакторство внутренняго отдѣла въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но оно было также недолговременно, какъ и подобнаго же рода обязанности въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860—1862 года и въ «Сѣверной Почтѣ» 1864—1865 года. По своему характеру, онъ не былъ способенъ къ усидчивому, ежедневному, неблагодарному газетному труду. При его крайней впечатлительности и отзывчивости ко всѣмъ явленіямъ въ политической и бытовой жизни народа, къ ученой и учебной дѣятельности, къ реформамъ, къ разнообразнымъ потрясеніямъ въ послѣдніе годы въ нашемъ государствѣ, въ соединеніи съ обширными его познаніями исторіи и быта русскаго народа, съ подробнымъ знакомствомъ потребностей и слабыхъ сторонъ нашей администраціи, какъ столичной, такъ и губернской, — Мельниковъ теоретически былъ неоцѣненнымъ редакторомъ для внутренняго отдѣла большой ежедневной газеты. Но, по врожденнымъ ему свойствамъ, онъ могъ работать только какими то урывами, какъ бы нервными порывами. Въ эти моменты онъ работалъ до того усердно, быстро, что едва ли имѣлъ себѣ въ томъ многихъ соперниковъ. Но затѣмъ онъ долго не брался за перо, причемъ многое начатое не доводилось до конца, обѣщанное не исполнялось и по необходимости въ его отдѣлѣ оказывались пропуски, недомолвки, молчаніе, когда слѣдовало давать свое мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ.

Поэтому Мельниковъ недолго пробылъ редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но и въ непродолжительное тамъ свое сотрудничество нашелъ себѣ достойную оцѣнку въ ихъ руководителяхъ, особенно въ покойномъ П. М. Леонтьевѣ.

Оставивъ свои постоянныя, ежедневныя занятія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», лишившись поэтому опредѣленнаго жалованья, что для него было крайне тяжело, при многочисленной семьѣ, онъ долженъ былъ существовать построчнымъ и полистовымъ вознагражденіемъ за свои труды. Тогда онъ получилъ приглашеніе, на выгодныхъ для него условіяхъ, писать для «Русскаго Вѣстника». «Историческіе очерки поповщины», «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская», «Очерки Мордвы», «Счисленіе раскольниковъ», «Тайныя секты», «За Волгою», «Бѣлые Голуби», «Въ Лѣсахъ», «Авдотья Петровна Нарышкина», «Воспоминаніе о В. И. Далѣ», наконецъ, «На Горахъ» — появились на страницахъ «Русскаго Вѣстника» въ 1868—1881 годахъ. За немногими статьями, помѣщенными въ этотъ періодъ времени въ «Русской Старинѣ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей», вся литературная дѣятельность Мельникова въ послѣднія четырнадцать лѣтъ его авторства была посвящена «Русскому Вѣстнику». Это былъ третій приступъ Мельникова къ исключительно беллетристической дѣятельности, приступъ наиболѣе плодовитый, давшій наибольшій вкладъ съ его стороны въ нашу литературу, но съ тѣмъ вмѣстѣ упрочившій за нимъ въ ней почетное мѣсто. Матеріальная до извѣстной степени обезпеченность своей семьи, вслѣдствіе хорошаго вознагражденія за свои произведенія, поощряла Мельникова къ труду, давала ему возможность обдумывать и обработывать свои произведенія. Сверхъ того, и жизнь въ Москвѣ не представляла ему тѣхъ развлеченій и увлеченій, которымъ въ Петербургѣ, при его впечатлительной природѣ, онъ невольно поддавался. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы Мельниковъ не переселился въ Москву, то русская публика не прочитала бы ни «Въ Лѣсахъ», ни «На Горахъ».

Подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ слѣдующее извлеченіе изъ его письма, отъ 26-го октября 1872 года, изъ Петербурга, по поводу тогдашняго предположенія о переѣздѣ вновь на жительство въ эту столицу:... «Что касается до корректуры [1]), то никто нигдѣ такихъ удобствъ получить не можетъ, какъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», да и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» я одинъ пользуюсь подобною привиллегіею. А моя корректура стоитъ издате-

[1]) Корректуры Мельникова своихъ статей, разсказовъ, романовъ, которыми онъ дорожилъ, были таковы, что иногда въ корректурѣ прежде написанное появлялось совершенно въ другомъ видѣ. Въ корректурѣ онъ окончательно обработывалъ свое произведеніе, посылая его въ рукописи въ типографію, не прочитавши. При сотрудничествѣ Мельникова въ «Сѣверной Пчелѣ», я могъ цѣнить ту массу труда, который онъ задавалъ типографіи своими корректурами. Онъ дорожилъ правомъ держать подобнаго рода корректуру. Въ послѣдствіи, получая изъ редакціи «Русскаго Вѣстника» по 300 р. за печатный листъ своихъ романовъ, онъ уступилъ 25 р. съ листа въ пользу типографіи, за подобное право переиначивать въ корректурѣ первоначальное свое произведеніе. У.

ліямъ, по крайней мѣрѣ, въ четыре или въ пять разъ дороже обыкновенныхъ на то типографскихъ расходовъ. Говорятъ же, что одинъ мой печатный листъ стоитъ въ типографіи столько же, сколько восемь листовъ другихъ авторовъ. Это также надобно принять въ соображеніе. Отъ этого мои произведенія выходятъ свѣжѣе и обработаннѣе и обращаютъ на себя вниманіе публики. Ты думаешь, все зависитъ отъ таланта, да отъ вдохновенія. Выкинь, пожалуйста, это изъ головы. Будучи женою писателя, ты могла увидѣть, что никакого поэтическаго вдохновенія нѣтъ и не бываетъ. Талантъ заключается только въ томъ, что человѣкъ умѣетъ взяться за работу и имѣетъ тактъ. Главное же — трудъ, трудъ и трудъ. Не только обыкновенные смертные, къ числу коихъ принадлежу и я, все берутъ главнѣйшимъ образомъ трудомъ, но даже и геній есть не что иное какъ трудъ. Больше буду я трудиться, болѣе и получу. Но для беллетристическаго труда, если не нужно небывалаго вдохновенія, то необходимо спокойствіе духа, сосредоточенность, замкнутость. При сильныхъ развлеченіяхъ, дѣло на ладъ не пойдетъ. Оттого и у насъ и за границею всѣ эти вещи пишутся почти всегда не въ городахъ, а въ деревняхъ, въ уединеніи. Живя въ Петербургѣ, я не работалъ столько, сколько теперь пишу. Въ Москвѣ работа удобнѣе, а въ деревнѣ, какъ ты сама нынѣшнимъ лѣтомъ могла замѣтить, еще удобнѣе. Я мало занимался въ Пестряковѣ «Лѣсами», а написалъ болѣе восьми листовъ, что бывало писывалъ въ полгода, а, живя въ Петербургѣ, и въ годъ того не могъ написать. И это надобно принять въ соображеніе. При кипучей жизни въ Петербургѣ, при волнующихъ ежедневно интересахъ, при моей впечатлительной натурѣ, на все откликающейся, много времени уйдетъ на все это. Если газеты сообщаемыми ими извѣстіями отнимаютъ у меня немало времени, то сколько же уйдетъ времени, когда будешь au courant всего. Вспомни, какъ мало писалъ я въ Петербургѣ: не служба же вѣдь мнѣ не давала времени. Ты сама знаешь, что она меня не очень тяготила и что бывало по службѣ иной разъ нѣсколько мѣсяцевъ палецъ о палецъ не ударишь. Поэтому я признаю, для добыванія денегъ литературною работою, самымъ удобнымъ мѣстомъ зимою Москву, а лѣтомъ деревню».

Далѣе, въ томъ же письмѣ, П. И. Мельниковъ сообщалъ:

...«Но когда я съ директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Мансуровымъ, весьма ко мнѣ расположеннымъ, заговорилъ, что вотъ скоро исполнится тридцать пять лѣтъ моей службы и мнѣ хотѣлось бы для пенсіи вновь на нѣкоторое время служить дѣятельно, то узналъ, что мѣста для меня нѣтъ, потому что членами совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, при упраздненіи теперь старыхъ департаментовъ сената, дѣлаютъ только заслуженныхъ губернаторовъ, какъ прежде назначали ихъ сенаторами. Въ губернаторы попасть мнѣ можно, но я ни за что на свѣтѣ не пойду въ губер-

наторы. Не имѣя состоянія, я буду получать только 5,000 рублей, которые и теперь могу получить безъ отвѣтственностей и непріятностей, которыя неизбѣжны на губернаторскомъ мѣстѣ, и не буду обязанъ жить погубернаторски, т. е. давать обѣды, балы, сверхъ необходимости держать лошадей. До звѣздъ и лентъ, ты знаешь, я не охотникъ. Губернатору надобно проживать по меньшей мѣрѣ 10,000 или 12,000 рублей. Гдѣ я ихъ возьму? Не взятки же брать, какъ иные дѣлаютъ, при жалованьѣ въ 5,000 рублей. Именно столько же можно получить отъ литературы. Но губернатору неудобно возиться съ Потапами Максимовичами и Манееами. Пожалуй, какъ разъ и выгонятъ: своимъ, дескать, дѣломъ не занимается. Да притомъ и некогда. А гдѣ и когда найдешь необходимую для литературнаго труда сосредоточенность, гдѣ возьмешь необходимое спокойствіе духа?»

Но если Мельниковъ, въ письмѣ къ супругѣ своей, могъ отрицать присущность ему поэтическаго вдохновенія, то отъ другаго своего природнаго таланта, удивительной памяти, онъ не отказывался. Память его дѣйствительно была замѣчательная. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о ней, на празднованіи своего тридцати-пятилѣтняго юбилея, 10-го ноября 1874 года, въ отвѣтъ на тостъ Н. И. Субботина за Мельникова, какъ писателя и человѣка:

«Сегодня я получилъ столько заявленій сочувствія къ посильнымъ трудамъ моимъ, столько почета, что право можетъ голова закружиться; чего добраго, пожалуй, я могу возмечтать, что я дѣйствительно знаменитый русскій писатель. Нѣтъ, господа, я только любитель русской словесности. Сегодня обо мнѣ наговорили столь много лишняго, приписали мнѣ столько хорошихъ свойствъ, что, видитъ Богъ, я того не заслуживаю. А о главномъ то свойствѣ моемъ, выраженіемъ котораго было все, что ни сдѣлалъ я въ эти тридцать пять лѣтъ, никто даже не заикнется. Другіе прошли о томъ молчаніемъ; видно ужъ мнѣ самому приходится сказать о немъ. Это не будетъ хвастовствомъ, потому что нельзя хвалиться тѣмъ, что досталось безъ труда, что зависѣло отъ природы человѣка. Богъ далъ мнѣ память, хорошую память; до сихъ поръ она еще не слабѣетъ. Что ни видишь, что ни слышишь, что ни прочтешь,— все помнишь. Какъ помнишь — самъ не знаю. И радъ-бы радешенекъ иное забыть, такъ нѣтъ, что хочешь тутъ дѣлай да и только. А на роду было писано довольно таки поѣздить по матушкѣ по святой Руси. И гдѣ-то не доводилось бывать?.. И въ лѣсахъ, и на горахъ, и въ болотахъ, и въ тундрахъ, и въ рудникахъ, и на крестьянскихъ палатяхъ, и въ тѣсныхъ кельяхъ, и въ скитахъ, и въ дворцахъ, всего и не перечтешь. И гдѣ ни былъ, что ни видѣлъ, что ни слышалъ, все твердо помню. Вздумалось мнѣ писать; ну, думаю, давай писать и сталъ писать «по памяти, какъ по грамотѣ», какъ гласитъ старинное присловье. Вотъ и все. Нашъ по-

чтенный предсѣдатель упомянулъ въ засѣданіи о тщательной обработкѣ моихъ сочиненій. Какая же тутъ тщательная обработка? Просто шесть корректуръ, больше ничего. Держу по шести корректуръ. За то ужъ какъ же и бранятъ меня въ типографіи: вотъ редакція можетъ это засвидѣтельствовать. Говорили о художественности моихъ литературныхъ произведеній, объ ихъ обдуманности. Да, ей Богу же, когда беру листъ бумаги и пишу на немъ первую строку, никогда и не знаю, о чемъ буду писать на послѣдней строкѣ той страницы. Не заслугамъ, а единственно вашей благосклонности, вашей любви, обязанъ я всѣмъ, что сегодня видѣлъ и слышалъ»...

Въ періодъ жизни въ Москвѣ, наименѣе производительными годами для русской литературы со стороны Мельникова были 1869 и 1870 годы. Въ это время онъ настойчиво, усердно принялся за дѣло соединенія Нижняго Новгорода желѣзными дорогами съ Казанью и Сызранью. На эту дѣятельность онъ былъ вызванъ довѣріемъ нижегородскаго земства, избравшаго его, 18 декабря 1868 года, въ число депутатовъ, которымъ поручено было ходатайствовать передъ правительствомъ о дарованіи концессіи на рельсовый путь отъ Нижняго до Сызрани, съ вѣтвію къ Казани, и войдти въ предварительныя сношенія о томъ съ земствами Симбирской и Казанской губерній. Съ тѣмъ вмѣстѣ П. И. Мельникова просили составить записки объ этихъ желѣзныхъ дорогахъ для представленія ихъ правительству. Трудъ этотъ, подъ заглавіемъ «Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская желѣзныя-дороги; записка уполномоченныхъ земствомъ Нижегородской губерніи и городскимъ обществомъ Нижняго Новгорода», напечатанъ былъ въ февралѣ 1869 г. въ Петербургѣ. Цѣль записки была повліять на отклоненіе сооруженія желѣзной дороги отъ Моршанска къ Сызрани и убѣдить правительство въ необходимости соединить послѣдній городъ съ Нижнимъ Новгородомъ. Хотя нижегородская депутація и не достигла своей цѣли, но означенная записка, составленная Мельниковымъ, и донынѣ во многихъ отношеніяхъ не утратила своего интереса, по множеству заключающихся въ ней любопытныхъ данныхъ и изслѣдованій, провѣренныхъ по разнымъ источникамъ и свѣдѣніямъ.

Въ 1869 году не было еще окончательно рѣшено направленіе желѣзной дороги, которая должна соединить въ будущемъ Сибирь съ построенными уже рельсовыми путями. Высочайше утвержденная коммиссія, для рѣшенія вопроса о сѣверномъ или южномъ направленіи сибирской желѣзной дороги, отправлена была на Уралъ въ 1870 году и только въ 1875 году впервые состоялось высочайшее повелѣніе, послѣ приступа къ сооруженію Уральской горнозаводской желѣзной дороги, въ пользу постройки южнаго направленія сибирской дороги, отъ Нижняго Новгорода чрезъ Казань на Екате-

ринбургъ. Занявшись желѣзно-дорожнымъ вопросомъ, близкимъ для его роднаго Нижняго Новгорода, П. И. Мельниковъ сошелся въ 1869 году въ Петербургѣ съ нѣкоторыми предпринимателями-капиталистами, которые взяли на себя расходы по изысканіямъ Мелькова, къ сѣверу отъ Волги, наикратчайшаго направленія для южной сибирской дороги отъ Нижняго Новгорода. Министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, «признавъ полезнымъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи народной производительности въ сѣверныхъ губерніяхъ, направленіи сбыта главныхъ произведеній, а равно и о томъ вліяніи, которое могутъ имѣть на развитіе этой производительности нѣкоторыя изъ предположенныхъ линій желѣзныхъ дорогъ», 13-го іюня 1869 года, поручилъ Мельникову «произвести изысканія, согласно ближайшимъ указаніямъ директора центральнаго статистическаго комитета, въ губерніяхъ Вятской, Нижегородской, Пермской, Казанской и Уфимской». Такое офиціальное порученіе облегчило Мельникову собираніе необходимыхъ для него свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что онъ для этой цѣли просилъ себѣ отпускъ, а вмѣсто того получилъ командировку, но безъ какихъ либо денежныхъ пособій отъ казны.

Изъ Нижняго Новгорода Мельниковъ выѣхалъ 11-го іюля въ сопровожденіи Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, профессора Петербургскаго университета, его бывшаго ученика. Въ городѣ Семеновѣ они пробыли недѣлю, но болѣе всего разъѣзжали по его уѣзду, посѣтили игумена Тарасія въ единовѣрческомъ монастырѣ на Керженцѣ, а также Осиновскій женскій монастырь. Оба они были, какъ извѣстно, присоединены къ единовѣрію изъ раскола стараніями Мельникова еще въ 1848 г. Разъѣзды по Семеновскому уѣзду дали Мельникову возможность повѣрить и сравнить перемѣны въ быту и понятіяхъ заволжскихъ раскольниковъ, которыхъ онъ не видалъ въ послѣднія шестнадцать лѣтъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, говоря объ этой интересной для него поѣздкѣ въ своихъ воспоминаніяхъ о П. И. Мельниковѣ [1]), замѣчаетъ, что «онъ былъ свидѣтелемъ того уваженія, съ которымъ раскольники относились къ Мельникову, отчасти, впрочемъ, вслѣдствіе его записки 1857 года». Онъ сообщаетъ также, что въ Уренѣ (на границѣ Костромской и Вятской губерній) «мировой посредникъ и лѣсничій сказали имъ, что тамъ есть раскольники неизвѣстно никому какой

---

[1]) См. «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», мартъ 1883 года. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ — уроженецъ Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Тамъ находится Кудряши, его родовое помѣстье, нынѣ перешедшее, кажется, по раздѣлу, въ другія руки. Имѣніе это отличалось великолѣпнымъ садомъ и паркомъ. Отецъ его, Николай Павловичъ, былъ любитель и знатокъ садоводства, развелъ этотъ садъ, устроилъ паркъ. Въ домѣ у него была богатая библіотека. При Николаѣ Павловичѣ, Кудряши славились во всей губерніи. У.

секты. «Гдѣ они?» спросилъ Мельниковъ. Онъ отправился къ нимъ и все узналъ о нихъ».

Изъ Семенова [1]) наши путешественники поѣхали въ большое село Воскресенское, на рѣкѣ Ветлугѣ, откуда переѣхали въ Костромскую губернію, гдѣ были въ деревнѣ у двоюроднаго брата К. Н. Бестужева, Поливанова, а затѣмъ прибыли въ городъ Варнавинъ. Въ этомъ городѣ случилось курьезное происшествіе, о которомъ П. И. Мельниковъ слѣдующимъ образомъ разсказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Пріѣхали мы туда вечеромъ часу въ одиннадцатомъ и ищемъ Поливанова, другаго двоюроднаго брата Бестужева, служащаго тамъ мировымъ посредникомъ. Подъѣхали къ нумерамъ какого-то купца, гдѣ узнали, что Поливановъ остановился въ другихъ нумерахъ, у Бекорюкова. Мы туда, спрашиваемъ: «здѣсь ли Поливановъ?» Отвѣчаютъ: «здѣсь, но ушелъ гулять».

— «Есть ли свободные нумера?

— «Есть.

— «Хорошо, мы займемъ одинъ.

«Нумера Бекорюкова помѣщаются въ двухъ флигеляхъ, построенныхъ по сторонамъ дома, куда мы послали сначала состоявшаго при насъ солдата Горбунова. Онъ разговариваетъ съ хозяйкою нумеровъ, а мы сидимъ въ тарантасѣ на улицѣ противъ оконъ внутри освѣщеннаго дома. Вечеръ тихій, теплый; окна въ домѣ открыты. Намъ все въ немъ видно и все слышно. Видимъ, что хозяйка играетъ въ карты съ двумя ксендзами (сосланными въ Варнавинъ), и когда Горбуновъ, на вопросъ ея, отвѣчалъ, что пріѣхалъ «генералъ изъ Петербурга, Мельниковъ», то она встала изъ-за картъ, захлопоталась, и мы слышимъ, что она пофранцузски отдаетъ кому-то приказаніе показать намъ свободные нумера. Между тѣмъ, время идетъ, и я начинаю волноваться. Является какая-то женщина, лѣтъ тридцати, которая объявляетъ, что нумера есть, но ключъ отъ нихъ потерянъ. Я довольно жестко говорю ей съ укоромъ: «хороши у васъ нумера, хорошъ порядокъ, когда ключи пропадаютъ. Да дайте же кого нибудь изъ прислуги».

— «Прислуга у насъ вся больна, отвѣчаетъ, какъ бы извиняясь, женщина: — вотъ кухарка занемогла, лакей занемогъ.

— «Да что мнѣ за дѣло до вашихъ лакеевъ, говорю я, покажите скорѣе нумеръ.

[1]) Въ Семеновѣ Мельниковъ посѣтилъ игуменью Маргариту, изъ раскольническаго Олёневскаго скита, которая поселилась въ этомъ городѣ послѣ уничтоженія скитовъ въ 1853 году. Онъ видѣлъ у ней образъ св. Филиппа митрополита и старинные святцы, писанные, по преданію, Анфисою Колычевою, родственницею митрополита, инокинею, поселившеюся въ Оленѣ, въ началѣ раскола, со своими родственниками, также раскольниками. Маргарита дорожила иконою и святцами, какъ святынею. Маргарита умерла лѣтъ чрезъ пять послѣ посѣщенія ея Мельниковымъ въ 1869 году. Мать Маргарита послужила ему типомъ для матушки Манеѳы, въ его романахъ. У.

«Ключъ нашелся; мы входимъ въ комнату. Та женщина съ нами.

— «Ну, говорю я, поставьте намъ самоваръ, да нѣтъ ли у васъ чего поѣсть. Мы были голодны.

— «Самоваръ сейчасъ будетъ, отвѣчала женщина, я уже сама поставлю, но, кажется, ничего отъ обѣда не осталось, кромѣ заливнаго поросенка и жареной утки.

— «Пожалуйте сюда, говорю я, и поросенка, и утку.

— «Да, право, я не знаю: осталось ли?

«Я опять со своими укорами: хороши у васъ нумера, нечего сказать, отличный порядокъ и такъ далѣе.

— «Какая у васъ есть провизія? продолжаю я спрашивать.

— «Есть говядина.

— «Дичь есть? рябчики?

— «Нѣтъ, рябчиковъ нѣтъ, а курица есть.

— «Ну, давайте курицу.

— «Да вѣдь плита не разведена.

«Я начинаю горячиться, когда она начинаетъ меня увѣрять, что некому затопить плиты, потому что прислуга больна. Наконецъ, я требую курицу, говоря, что самъ ее приготовлю въ паровой кострюлѣ. Приносятъ курицу.

— «Изжарьте ее, говорю я женщинѣ.

— «Я не умѣю, отвѣчаетъ она.

«Я опять волнуюсь, браню городъ Варнавинъ, браню нумера... Въ это время приходитъ Поливановъ, и дѣло разъясняется. Думая, что мы въ трактирѣ, мы попали въ домъ варнавинскаго помѣщика, душъ въ триста, мироваго посредника и почетнаго мироваго судьи. Игравшая въ карты съ ксендзами была его жена, а приносившая курицу его племянница. Самого помѣщика не было дома, но онъ вскорѣ пріѣхалъ.

«Можно представить мое глупое положеніе, когда я узналъ, что я распоряжался и шумѣлъ въ самую полночь не въ трактирѣ, а въ домѣ почтеннаго семейства, и образованную, милую даму принялъ за трактирную служанку. Оказалось, что Бекорюковы предобрѣйшіе и патріархально гостепріимные люди, у которыхъ въ двухъ флигеляхъ останавливаются пріѣзжающіе въ городъ ихъ знакомые, и что въ городѣ эти флигеля извѣстны подъ именемъ «нумеровъ». Пошли извиненія, объясненія, а затѣмъ явились и чай, и поросенокъ, и утка, и даже та курица, которую принесла мнѣ хозяйская племянница».

Проѣхавъ чрезъ Вятку и Пермь до Екатеринбурга, Мельниковъ возвратился съ богатымъ запасомъ матеріаловъ для опредѣленія экономическаго значенія желѣзной дороги въ Заволжьѣ. Онъ доказывалъ, что желѣзная дорога, начатая на берегу Нижегородской ярмарки и направленная чрезъ Семеновъ, Царевосанчурскъ, Сарапулъ къ Екатеринбургу, будетъ на 130 верстъ короче линіи изъ Нижняго

Новгорода чрезъ Казань и обойдется значительно дешевле послѣдней постройкою не только потому, что короче, но и потому, что мѣстность по луговому берегу Волги не представляетъ тѣхъ естественныхъ препятствій, которыя на нагорномъ берегу должны увеличить стоимость сооруженія. Въ 1869 году Мельниковъ помѣстилъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Современной Лѣтописи», нѣсколько статей, объяснявшихъ экономическое значеніе отысканнаго имъ нижегородско-сарапульскаго направленія для южной сибирской желѣзной дороги, а равно и выгоды, представляемыя имъ, относительно меньшей стоимости всего сооруженія.

Защита Мельниковымъ луговой желѣзной дороги должна была разъединить его съ тѣми лицами, которыя стояли на сторонѣ направленія рельсоваго пути изъ Нижняго въ Казань по нагорному берегу. Между тѣмъ, для личныхъ интересовъ Мельникова, послѣднее направленіе было выгоднѣе. Оно должно было имѣть свое начало на землѣ сельца Ляхова, имѣнія его жены, гдѣ предполагалось построить станцію, такъ какъ земли Ляхова граничатъ съ городскими землями Нижняго Новгорода и спускаются къ самому берегу Оки. Но интересы общественные, государственные, Мельниковъ постоянно ставилъ выше собственныхъ. Когда производились изысканія для предполагавшагося въ то время направленія желѣзной дороги отъ Нижняго Новгорода къ Сызрани, Мельниковъ писалъ, между прочимъ, 10-го іюля 1869 года, главному инженеру, завѣдовавшему ими: «Имѣю честь обратить вниманіе ваше на слѣдующій, какъ кажется мнѣ, удобный путь для вывода сызранской желѣзной дороги на нижегородскую: изъ Вода, по водораздѣлу Сережи и Кудьмы, къ селу Хвощевкѣ (Рождественское), Горбатовскаго уѣзда; отсюда доломъ къ селу Грудцыну, селу Ворсмѣ, деревнѣ Жестелевой и къ Устной мельницѣ подъ Домнинскою Горою. Здѣсь переходъ чрезъ Оку весьма удобенъ: оба берега невысоки, ширина рѣки не болѣе 250 саженъ, разлива двѣ версты. Затѣмъ, лѣсами до деревни Мануиловки, чтò на нижегородской дорогѣ между станціями Чулковскою и Гороховецкою... Не смотря на то, что, идя къ Нижнему, вы должны были бы переходить Оку въ моемъ имѣніи и устроить тамъ станцію (сами природныя условія мѣстности того требуютъ), не смотря на такія лично для меня выгодныя условія, я всетаки подаю и всегда буду подавать голосъ за направленіе отъ Вода на Хвощевку, Ворсму и Мануиловку».

Когда, 19-го апрѣля 1874 года, получили силу закона разсмотрѣнныя въ государственномъ совѣтѣ правила о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ, проектированныя еще особымъ временнымъ комитетомъ 1864 года, то, при утвержденіи этого закона, состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ поручено было министру внутреннихъ дѣлъ дать въ возможно скорѣйшемъ времени движеніе осталь-

нымъ заключеніямъ комитета 1864 года. Приведеніе же ихъ въ исполненіе замедлялось необходимостью предварительнаго опредѣленія общегражданскихъ правъ раскольниковъ. Во исполненіе такого высочайшаго повелѣнія, въ началѣ 1875 года, была вновь образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, князя Лобанова-Ростовскаго, коммиссія изъ членовъ II и III Отдѣленій Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, св. синода и министра юстиціи, для всесторонняго обсужденія и разработки положеній комитета 1864 года, остававшихся еще не разрѣшенными. П. И. Мельниковъ былъ приглашенъ въ эту коммиссію, въ качествѣ эксперта, слѣдующимъ письмомъ, отъ 15-го марта, посланнымъ къ нему, въ Москву, директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Мансуровымъ: «При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра, статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, особая коммиссія для обсужденія нѣкоторыхъ предположеній относительно раскольниковъ. Его сіятельство князь Алексѣй Борисовичъ, признавая весьма полезнымъ, для исполненія возложеннаго на коммиссію дѣла, получить отъ вашего превосходительства, какъ спеціалиста по части раскола, нѣкоторыя по сему предмету свѣдѣнія, въ особенности касательно классификаціи раскольническихъ сектъ, поручилъ мнѣ пригласить васъ, милостивый государь, въ засѣданіе коммиссіи, имѣющее быть въ четвергъ, 20-го марта, въ часъ пополудни, въ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, у Чернышева моста».

Мельниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ раскольнической коммиссіи, происходившихъ по четвергамъ. Въ засѣданіи 27-го марта онъ говорилъ болѣе трехъ часовъ, защищая свое мнѣніе о той классификаціи раскольниковъ, которую онъ считалъ наиболѣе правильною, но которая не совпадала ни съ мнѣніемъ особаго комитета 1864 года, ни съ мнѣніемъ св. синода и главноуправлявшаго II Отдѣленіемъ собственной канцеляріи, статсъ-секретаря князя Урусова. Мельникову былъ оказанъ въ Петербургѣ въ этотъ пріѣздъ лестный, внимательный пріемъ. 29-го марта онъ удостоился быть принятымъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Въ письмѣ своемъ, отъ 31-го марта, Мельниковъ сообщалъ, что «его императорское высочество, продержавъ меня въ кабинетѣ болѣе получаса, разспрашивалъ о моей службѣ, о моихъ сочиненіяхъ, написанныхъ и будущихъ, потомъ былъ долгій разговоръ о раскольникахъ, П. М. Леонтьевѣ [1]) и проч. Послѣднія слова были: «до свиданія; когда въ Петербургъ пріѣдете, буду всегда радъ васъ видѣть».

---

[1]) Въ Петербургѣ были получены тогда телеграммы объ опасной болѣзни этого редактора «Московскихъ Вѣдомостей», отъ которой онъ и скончался.

У.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ, принимая Мельникова 24-го марта, послѣ болѣзни, постигшей его по пріѣздѣ въ Петербургъ, сказалъ ему, что «онъ достигъ такого положенія, что не имѣетъ права рисковать своею жизнью и здоровьемъ». Передъ тѣмъ, привѣтствуя Мельникова телеграммою, въ день празднованія его юбилея, 10-го ноября 1874 г., генералъ-адъютантъ Тимашевъ принесъ ему поздравленіе съ тридцатипятилѣтіемъ его «научной и литературной дѣятельности, столь много содѣйствовавшей разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія ввѣреннаго мнѣ министерства», признавая за Мельниковымъ его многолѣтнее участіе въ вопросѣ о расколѣ. Министръ просилъ его изложить письменно все то, что онъ говорилъ въ коммиссіи въ засѣданіи 27-го марта. Составленіе этой записки потребовало немало труда, а потому онъ присутствовалъ еще на засѣданіи 3-го апрѣля, и затѣмъ, передавъ министру свое мнѣніе о раздѣленіи раскольническихъ сектъ, выѣхалъ въ Москву.

Такимъ образомъ, важный вопросъ о расколѣ подвигался впередъ только десятилѣтіями. Въ 1854 году рѣшено было изслѣдовать «современное состояніе раскола»; въ 1864 году учрежденъ былъ особый комитетъ графа Панина, двинувшій сильно вопросъ о расколѣ къ желаемому рѣшенію; въ 1874 году обнародованъ былъ законъ о метрикѣ раскольниковъ, и, наконецъ, въ 1883 году, законъ о ихъ гражданскихъ правахъ.

XVII.

Ляхово. — Его мѣстоположеніе. — Домъ Мельниковыхъ. — Переманиваніе Мельникова въ другіе журналы. — Успѣхъ романа «Въ Лѣсахъ». — Учебная хрестоматія изъ этого романа.

Верстахъ въ восьми отъ Нижняго Новгорода лежитъ сельцо Ляхово, принадлежащее второй женѣ П. И. Мельникова, Еленѣ Андреевнѣ, урожденной Рубинской. Оно досталось ей отъ ея дѣда. Большой почтовый арзамасскій трактъ, соединяющій Нижній Новгородъ съ Саратовомъ, перерѣзываетъ земли Ляхова, которыя граничатъ съ городскою землею. Въ верстахъ четырехъ отъ города, проселочная дорога сворачиваетъ влѣво съ почтоваго тракта и доводитъ путника до Ляхова, расположеннаго на покатости холма. Дубовая роща, тѣнистый садъ съ двухсотлѣтними липовыми алеями, скрываютъ усадьбу со стороны саратовской дороги. Направо отъ почтоваго тракта владѣнія Ляхова оканчиваются обрывистымъ берегомъ, такъ называемымъ «Вѣнцомъ» на горѣ Ровнеди, съ Островомъ, откуда открывается великолѣпный видъ на ярмарку, на теченіе Оки, извивающейся подъ ногами стоящаго на горѣ. Въ

Видъ сельца Ляхова, имѣнія жены П. И. Мельникова.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ.

своемъ романѣ «На горахъ», Мельниковъ описываетъ этотъ берегъ [1]) слѣдующими словами: «Вотъ по слудѣ (высокій, бугристый, поросшій лѣсомъ берегъ большой рѣки) желтою ленточкою вьется середь низкорослаго чапыжника (едва проходимаго кустарника) дорожка къ вѣнцу горы, къ Ровнеди, гдѣ гордо высится роща полуторастолѣтнихъ густолиственныхъ дубовъ. Послѣдній бѣдный остатокъ дремучихъ лѣсовъ, когда-то сплошь покрывшихъ нагорный берегъ Оки. Отъ Ровнеди какъ бы отщепилась скала и нависла надъ рѣкою. Она тоже поросла дубами и внизу вся проточена порытыми для ломки алебастра пещерами. То мѣсто «Островомъ» зовется. Красивъ, величавъ видъ на эти мѣста съ водной равнины Оки». Горы, составляющія въ этомъ мѣстѣ нагорный берегъ Оки, начинаются у Мурома, направляются къ Волгѣ и затѣмъ по ея правому берегу—внизъ до Царицына. Чѣмъ далѣе отъ Мурома, тѣмъ онѣ становятся выше. Съ противоположнаго луговаго берега Оки онѣ представляются необыкновенно красивою панорамою. Но, удаляясь отъ береговъ Оки и Волги внутрь страны, эти горы образуютъ холмистую мѣстность, отличающуюся также живописными видами. Посреди подобныхъ холмовъ и лежитъ Ляхово.

Нынѣшняя усадьба его представляетъ деревянный двухъ-этажный помѣстительный домъ, построенный въ 1875 году на мѣстѣ прежняго одно-этажнаго стариннаго столѣтняго помѣщичьяго дома. Новый домъ строился по плану и подъ наблюденіемъ П. И. Мельникова. Съ западной стороны домъ окруженъ самою тѣнистою частью сада. Съ этой стороны онъ и представленъ на прилагаемомъ рисункѣ. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, находился кабинетъ нашего писателя, потому что онъ любилъ, чтобы лѣтомъ его рабочая комната была въ тѣни. Во второмъ этажѣ надъ кабинетомъ помѣщалась его библіотека. Съ небольшаго балкона, изъ втораго этажа лѣстница спускается прямо въ садъ. П. И. Мельниковъ былъ страстнымъ любителемъ цвѣтовъ и ежегодно весною заботился объ украшеніи своего сада новыми цвѣтами, разведеніемъ огородныхъ овощей и ягодныхъ растеній. Въ саду, отъ алеи двухсотлѣтнихъ липъ идетъ кленовая алея, насаженная Мельниковымъ. Въ 1883 году, этимъ деревьямъ исполнилось тридцать лѣтъ. Каждая новость по садоводству интересовала его, доказательства чему видны въ его письмахъ и бумагахъ, въ его наставленіяхъ рабочимъ, какъ, что и гдѣ сажать въ ляховскомъ саду.

Съ южной стороны у ляховскаго дома находятся въ обоихъ этажахъ двѣ пространныя террасы, изъ которыхъ верхняя видна на рисункѣ, нижняя же закрыта растительностью, а съ восточной стороны небольшой балконъ. Съ этихъ балконовъ открываются живописные виды на Козловку, на Бѣшенцово. Въ ближнемъ оврагѣ,

---

[1]) Часть, I, стр. 246, изданія 1881 года.

подлѣ крестьянскихъ домовъ сельца струится Рахма, на которой русскіе бились съ татарами. По берегамъ оврага можно полагать, что нынѣшній ручеекъ былъ прежде рѣкою. Видна вдали и рѣка Кудьма (верстахъ въ трехъ отъ Козловки), которая, вслѣдствіе холмистой мѣстности, подобно рѣкамъ Свіягѣ и Пьянѣ, течетъ по крайне извилистому, прихотливому ложу. Въ одномъ мѣстѣ Кудьма совершенно подошла къ Окѣ, такъ что оставалось только впасть въ нее, но она поворачиваетъ въ сторону и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого поворота вливается въ Волгу. Вода въ Кудьмѣ до того прозрачна, что дно видно совершенно ясно на полусаженной глубинѣ. Въ Козловкѣ находится Барановъ ключъ, холодный, чистый, о происхожденіи котораго въ народѣ много ходитъ легендъ. На самомъ ключѣ построена каменная часовня, въ которой служатъ молебны и куда стекаются паломники со всѣхъ сторонъ. Онъ названъ Барановымъ потому, что одному крестьянину, потерявшему своего барана, было во снѣ указаніе, гдѣ онъ можетъ его найдти, и это мѣсто оказалось на нынѣшнемъ ключѣ. Въ часовнѣ много старинныхъ иконъ. Барановъ ключъ почти примыкаетъ къ обширному помѣщичьему саду Козловки.

Между Козловкою и Ляховымъ лежитъ деревня Бѣшенцово, также расположенная на холмистой покатости. Въ Козловкѣ и Ляховѣ крестьяне православные, но Бѣшенцово населено раскольниками спасова согласія. Волостной старшина этой мѣстности изъ раскольниковъ Бѣшенцова. У него недавно умерла его жена, сохранившая въ своихъ сундукахъ женскіе наряды, доставшіеся ей отъ ея бабушекъ и прабабушекъ, украшенные бусами, позументами и проч. Этимъ женскимъ нарядамъ оказывается болѣе ста лѣтъ. Когда одинъ нижегородскій фотографъ предложилъ ей снять съ нея портретъ въ стародавнемъ женскомъ нарядѣ, то она ни за что не хотѣла на то согласиться. Всѣ убѣжденія фотографа оказались безуспѣшны.

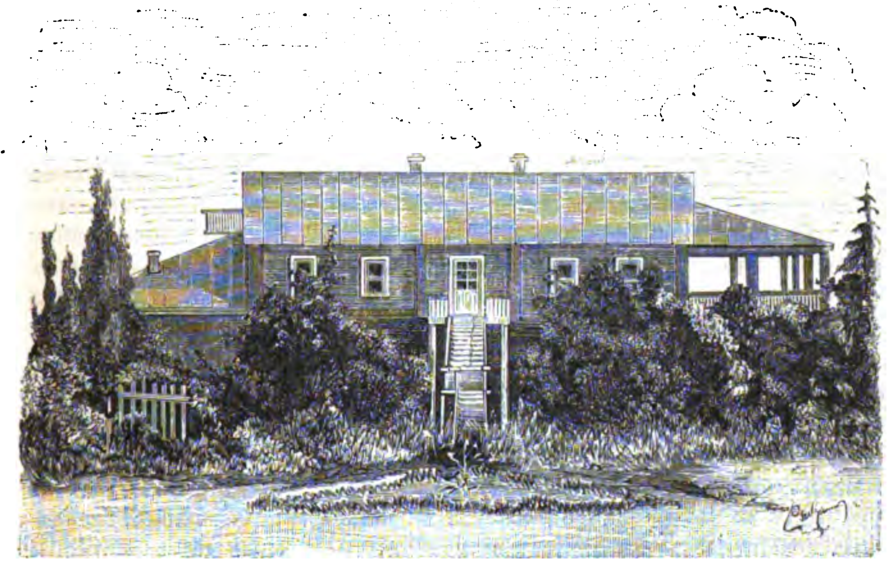
— Не святые мы, отвѣчала жена старшины, — чтобы писать съ насъ лики.

На сѣверной сторонѣ ляховскаго дома съ верхняго балкона открывается также прекрасный видъ на село Константиново, спрятавшееся со своею церковью въ древесной гущѣ, въ одной верстѣ отъ Ляхова. Это село было дорого П. И. Мельникову, потому что въ его церкви совершилось освященіе его втораго брака. Въ этой церкви хранятся вѣнки, которые возложены были на гробъ Мельникова при его погребеніи. Съ балкана сѣверной стороны виднѣется вдали Волга и Высокій Яръ на ней, гдѣ, по народнымъ разсказамъ, разбойничалъ Стенька Разинъ.

Такое мѣстоположеніе Ляхова влекло въ него Мельникова, и онъ, со времени переѣзда въ Москву, почти каждое лѣто проводилъ въ этомъ подгородномъ сельцѣ. Онъ до того къ нему привязался, по-

любилъ его, что когда въ послѣдніе годы его жизни медики совѣтовали ему, для поправленія и укрѣпленія здоровья, ѣхать въ Крымъ на нѣкоторое время, онъ не могъ разстаться со своимъ Ляховымъ и предпочиталъ спокойную въ немъ жизнь въ хорошемъ климатѣ всякому другому мѣстопребыванію.

Въ Ляховѣ Мельникову удалось написать немало увлекательныхъ страницъ своихъ бытовыхъ романовъ; но первый изъ нихъ, «Въ Лѣсахъ», онъ началъ въ Москвѣ. Успѣхъ этого произведенія въ публикѣ имѣлъ послѣдствіемъ предложенія Мельникову съ разныхъ сторонъ: прекратить свое сотрудничество въ «Русскомъ Вѣст-



Домъ въ Ляховѣ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ.

никѣ» и помѣщать свои труды въ другихъ журналахъ. Эти сманиванія Мельникова вызвали слѣдующее письмо къ нему, отъ 17-го октября 1872 г., профессора Любимова, завѣдовавшаго въ то время редакціею «Русскаго Вѣстника»: «Многоуважаемый Павелъ Ивановичъ. Спѣшу отвѣтить на строгое письмо ваше, не безъ удивленія, признаюсь, прочтенное. Что за вами ухаживаютъ и, что называется, васъ сманиваютъ,—удивительнаго ничего нѣтъ. Исполнятъ ли обѣщанія, если вы пойдете на удочку,—вопросъ другой. Какъ говоритъ Павелъ Михайловичъ[1]), въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» никогда не платили меньше другихъ. Вы желаете увеличенія гонорара. По мнѣ, по отношенію къ «Лѣсамъ»

[1]) Леонтьевъ.

нѣтъ къ этому препятствія. Послѣдній гонораръ, сколько помню, назначенъ вами же. Вспомните, какъ вы начали писать эту вещь и какъ она разрослась и поднялась. Вѣдь это не была вещь оконченная, принесенная въ редакцію. Писалось, печаталось, — вы знаете какъ, а торговли о гонорарѣ не было. Вы знаете, не менѣе меня, наши редакціонныя дѣла и порядки, расположеніе къ вамъ Михаила Никифоровича [1]) и высокую цѣну, какую онъ даетъ вашему таланту. Полагаю, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Вы желаете «отъ меня» рѣшительнаго отвѣта, но вы знаете, что Михаила Никифоровича нѣтъ въ Москвѣ, и слѣдовательно, какъ же могу дать я рѣшительный отвѣтъ. Но могу дать рѣшительный совѣтъ: сманиванія не принимать за чистую монету. Тургеневу, сманивая, обѣщали 800 руб. за листъ. Но получалъ ли онъ по 800 руб.? Вернитесь-ка лучше поскорѣе въ Бѣлокаменную, и, полагаю, все можно будетъ уладить къ взаимному удовольствію. Того, что вамъ за статьи ученаго содержанія гонораръ «понижался»,—рѣшительно не понимаю. Нѣтъ ли какого недоразумѣнія? Мы всегда разсчитываемся попрежнему. Вы не говорили ничего, а я полагалъ, что все идетъ установленнымъ порядкомъ. Жду вашего возвращенія, чтобы лично перетолковать обстоятельнѣе; къ тому же Михаилъ Никифоровичъ скоро долженъ пріѣхать. Жму вашу руку и прошу не забывать старыхъ друзей».

Передавая содержаніе этого письма профессора Любимова своей женѣ, П. И. Мельниковъ сообщалъ ей 20-го октября: «... Въ заключеніе всего Любимовъ обвиняетъ меня же въ томъ, что я никогда не требовалъ прибавки платы. Я соглашаюсь повременить и, какъ и прежде писалъ, сбавить нѣсколько съ платы 250 р. за листъ, ибо нигдѣ не найду такого удобства въ корректурахъ. Окончательно дѣло рѣшится по возвращеніи моемъ изъ Петербурга и Каткова изъ Крыма. Впрочемъ, съ «Вѣстникомъ Европы» я связей не порываю, и между тѣмъ какъ буду кончать «Лѣса» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», туда напишу какую нибудь повѣсть листа въ два. Нынѣшняя поѣздка моя въ Петербургъ открыла мнѣ во многомъ глаза, и если бы я былъ помоложе, то, можетъ быть, у меня закружилась бы голова. Меня честятъ, какъ лучшаго современнаго писателя, и, что всего удивительнѣе, разныя фрейлины восхищаются моими сиволапыми мужиками и раскольничьими монахинями, которыхъ, если бы онѣ предстали живьемъ, конечно, и близко къ себѣ не подпустили бы. Даже въ нигилистическихъ лагеряхъ про меня толкуютъ, хотя и не безъ злобы. Надняхъ въ ресторанѣ встрѣтился я съ NN [2]), зоветъ меня сотрудничать въ тотъ журналъ, гдѣ онъ пишетъ; я отшучиваюсь, говорю, что меня туда не пустятъ,

---

[1]) Катковъ.

[2]) Большой пріятель П. И. Мельникова въ 1859—1861 годахъ, но не позже.

но онъ увѣряетъ, что вся ихъ партія признаетъ меня въ политическомъ отношеніи за неблагонадежнаго, даже нечестнаго (это высокая похвала изъ ихъ устъ), но въ отношеніи искусства первостепеннымъ талантомъ. Послѣ того книгопродавецъ Базуновъ сказывалъ, что у него въ магазинѣ NN со своими друзьями громко говорилъ то же самое. Сегодня про мои «Лѣса» говорилъ мнѣ даже министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ. Онъ былъ очень любезенъ со мною и опять намекалъ мнѣ на службу, но лучше подальше отъ нея».

На романъ «Въ Лѣсахъ», еще не оконченный, явились въ 1873 году покупатели для отдѣльнаго его изданія. Въ маѣ 1873 года книгопродавецъ Кожанчиковъ предлагалъ Мельникову 10,000 р. съ правомъ напечатать 5,000 экземпляровъ, но съ условіемъ уплаты этой суммы по частямъ. Мельниковъ просилъ 15,000 р., но, по его словамъ, «согласился бы отдать и за 10,000 р., если бы вся сумма была выплачена одновременно». Но затѣмъ Мельниковъ прекратилъ переговоры о продажѣ своего романа, отложивъ ее до окончанія его. «А кажется (писалъ Мельниковъ 20-го мая 1873 г.), не придется ли издавать самому подъ эгидою Каткова, т. е. напечатать на заглавномъ листѣ: «изданіе «Русскаго Вѣстника»; тогда не тронетъ М. Н. Лонгиновъ[1]), а то чего добраго. Хотя вчера вечеромъ мы очень дружелюбно съ нимъ бесѣдовали (а до того у меня была съ нимъ маленькая стычка въ магазинѣ Базунова, и я съ нимъ посчитался), но я плохо повѣрю и его увѣреніямъ въ дружбѣ, не только что дружелюбному разговору съ нимъ въ обществѣ».

Первое изданіе романа «Въ Лѣсахъ» П. И. Мельниковъ напечаталъ на свой счетъ, въ Москвѣ, въ 1875 году[2]). По просьбѣ автора, государь наслѣдникъ цесаревичъ разрѣшилъ, 19-го марта того года, посвятить это изданіе его августѣйшему имени. П. И. удостоился поднести свое изданіе наслѣднику цесаревичу 23-го мая 1876 года, и описывалъ это счастливое событіе въ своей жизни слѣдующими словами: «Мнѣ было оказано много любезностей и благосклоннаго вниманія. Я услышалъ отъ государя наслѣдника то же, что слышалъ отъ покойнаго цесаревича: «Я васъ не забуду». Велѣлъ присылать «На горахъ» по мѣрѣ выхода. Послѣднія слова были: «Такъ, до свиданія; когда же вы будетъ опять въ Петербургѣ»? Я сказалъ, что осенью. «Такъ увидимся тогда», сказалъ государь наслѣдникъ. А передъ тѣмъ его императорское высочество меня разспрашивалъ, всегда ли я въ Москвѣ живу и гдѣ проведу лѣто. «Въ лѣсахъ?» спросилъ онъ, улыбаясь. Я отвѣтилъ: «Нѣтъ, ваше императорское высочество», на горахъ, и сказалъ,

---

[1]) Тогдашній главный начальникъ управленія по дѣламъ печати.

[2]) Остальные экземпляры этого изданія были проданы книгопродавцу М. О. Вольфу за 3,500 р. Второе изданіе романа «Въ Лѣсахъ», вмѣстѣ со вторымъ изданіемъ «Разсказовъ Андрея Печерскаго», вышедшія въ 1882 г., были куплены имъ же, 1-го мая 1881 г., за 4,000 р., съ правомъ отпечатать 3,000 экземпляровъ.

гдѣ находится Ляхово.—«Славныя тамъ мѣста. Я очень любовался Нижнимъ», замѣтилъ наслѣдникъ цесаревичъ».

Передъ тѣмъ, 26-го февраля 1876 г., П. И. Мельниковъ видѣлся съ академикомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ и узналъ отъ него, что за романъ «Въ Лѣсахъ» Мельникова предложили въ члены русскаго отдѣленія Академіи Наукъ, на мѣсто умершаго передъ тѣмъ графа Алексѣя Константиновича Толстаго. Такъ какъ въ бывшіе тогда выборы Мельниковъ не попалъ, то Срезневскій надѣялся, что онъ будетъ выбранъ въ декабрѣ. «Это былъ бы большой почетъ (писалъ Мельниковъ изъ Петербурга). Въ настоящее время академическія кресла имѣютъ только трое беллетристовъ: князь Вяземскій, Тургеневъ и Майковъ». Но П. И. Мельниковъ, какъ извѣстно, не попалъ въ число академиковъ.

Въ маѣ 1876 года, тогдашній нижегородскій губернаторъ, графъ Павелъ Ипполитовичъ Кутайсовъ, передалъ П. И. Мельникову, бывшему въ это время въ Нижнемъ Новгородѣ, очень лестное предложеніе министра народнаго просвѣщенія. Вотъ какъ сообщалъ о томъ Мельниковъ въ своемъ письмѣ отъ 3-го мая: «Бывши въ Петербургѣ, графъ Кутайсовъ говорилъ съ министромъ о литературѣ. Министръ замѣтилъ ему, что нашъ языкъ приходитъ въ упадокъ, что поддержать языкъ могутъ и должны съ одной стороны литература, а съ другой школы. Но школы (т. е. отъ начальныхъ училищъ до университета), не имѣя хорошихъ образцовъ чисто русскаго языка, ничего сдѣлать не могутъ. Министръ считаетъ первыми у насъ писателями графа Льва Николаевича Толстаго и меня, замѣтивъ, что третій, Тургеневъ, замолкъ. Министръ предполагалъ учить русскому языку по моимъ сочиненіямъ, т. е. «Въ Лѣсахъ». Но въ цѣломъ это сочиненіе не можетъ быть дано въ руки мальчикамъ и дѣвочкамъ. Зная, что я часть года живу въ Нижнемъ Новгородѣ, министръ народнаго просвѣщенія просилъ графа Кутайсова войдти со мною въ переговоры относительно составленія учебной христоматіи изъ моихъ «Лѣсовъ», присовокупивъ, что на такое дѣло изъ средствъ министерства можно дать мнѣ крупную сумму. Я, разумѣется, согласился; но, какъ и что дѣлать, необходимо переговорить съ министромъ. Сегодня графъ Кутайсовъ намѣревался написать о томъ министру народнаго просвѣщенія».

Графу Кутайсову, за годъ передъ тѣмъ, представился случай передать Мельникову другую лестную для него новость. При свиданіи съ нимъ, въ концѣ августа 1875 года, графъ Кутайсовъ, по высочайшему повелѣнію, какъ генералъ-маіоръ свиты его величества, объявилъ ему благодарность государя императора за его статьи, помѣщенныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за которыя велѣно было также благодарить М. Н. Каткова и которыя велѣно было перевести на французскій языкъ и помѣстить въ «Journal de St.-Pétersbourg». Когда графъ Кутайсовъ сообщилъ государю им-

ператору, что статьи писаны Мельниковымъ, писателемъ, печатающимъ также свои произведенія подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, то его величество сказалъ: «Я его знаю; объ немъ теперь всѣ говорятъ».

Этотъ псевдонимъ Печерскаго былъ тогда поводомъ къ одному курьёзному недоразумѣнію. Вотъ какъ передалъ его Мельниковъ въ своемъ письмѣ изъ Нижняго Новгорода, отъ 28-го мая 1874 года: «Графъ Кутайсовъ сегодня разсказалъ мнѣ, что онъ уже зналъ о моемъ пріѣздѣ въ Нижній отъ генерала Ганецкаго, съ которымъ я проговорилъ все время отъ Горбатова до Нижняго Новгорода. У насъ, между прочимъ, шелъ разговоръ и о раскольникахъ. Ганецкій, разсказывая объ этой встрѣчѣ графу Кутайсову, присовокупилъ: «Какой интересный человѣкъ этотъ Мельниковъ, только одно я за нимъ замѣтилъ и сказалъ бы ему, да мало знакомъ съ нимъ, неловко. Именно, онъ выдаетъ за свое то, что явно вычиталъ изъ такой книги, которую всѣ читаютъ, а я такъ автору ея хоть свѣчку готовъ поставить. Хотѣлъ было ему сказать: «да вѣдь это вы вычитали изъ романа «Въ Лѣсахъ», Печерскаго?!» Кутайсовъ на это ему отвѣтилъ:

— «Да вѣдь Мельниковъ то и есть Печерскій; онъ же это и написалъ.

— «Не можетъ быть! вскричалъ генералъ Ганецкій... Да не можетъ же этого быть!

«И какъ ни увѣрялъ графъ Кутайсовъ въ томъ генерала Ганецкаго, тотъ все еще не вполнѣ повѣрилъ, что съ нимъ ѣхалъ и говорилъ Мельниковъ-Печерскій».

Военныя событія 1877 года и происшедшія затѣмъ многія перемѣны не дали возможности осуществить предположеніе о народномъ изданіи, въ видѣ христоматіи, романа «Въ Лѣсахъ». На предложеніе, сдѣланное П. И. Мельниковымъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 9-го апрѣля 1877 года: «Вслѣдствіе письма вашего превосходительства, отъ 28-го минувшаго марта, по предположенію о новомъ изданіи вашего сочиненія «Въ Лѣсахъ», съ приспособленіемъ его къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, долгомъ считаю принести вамъ, милостивый государь, искреннюю мою благодарность за выраженную вами готовность приступить къ такому изданію; но при этомъ, въ виду нынѣшнихъ неблагопріятныхъ для государственнаго казначейства обстоятельствъ, я, къ сожалѣнію, не могу удовлетворить вашему ходатайству объ отпускѣ изъ казны денежнаго пособія на означенное изданіе».

Что можно было легко исполнить въ началѣ 1876 года, то оказалось невозможнымъ дѣломъ чрезъ годъ, когда была рѣшена война съ Турціею. Такимъ образомъ народное изданіе романа «Въ Лѣсахъ» не осуществилось.

XVIII.

Планъ двухъ романовъ Мельникова. — Вниманіе къ нему. — Предложеніе писать для народа въ 1879 году. — Послѣднее оффиціальное порученіе.

Второй свой романъ «На Горахъ», составляющій продолженіе перваго «Въ Лѣсахъ», П. И. Мельниковъ началъ лѣтомъ 1875 года въ Ляховѣ. Въ это время строился новый домъ въ усадьбѣ, и вся семья писателя помѣщалась въ избѣ крестьянина Василія Большова, расположенной по правой сторонѣ деревенской улицѣ, если въѣхать въ нее съ большой саратовской дороги. Изба эта была большая, чистая, со свѣтелкою на верху. Въ этой свѣтелкѣ помѣщался кабинетъ П. И. Мельникова, какъ онъ изображенъ на рисункѣ; въ ней и написаны первыя главы втораго романа. Въ нижнихъ комнатахъ избы помѣщалась семья П. И. Мельникова. Домъ Василія Большова сохранился донынѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ 1875 году. Первая глава романа «На Горахъ» начинается съ описанія той мѣстности, на которой расположено вмѣстѣ съ другими селеніями и Ляхово, и которая составляетъ часть нагорнаго берега Оки.

Изъ плана, или конспекта, романовъ П. И. Мельникова, найденнаго въ бумагахъ видно, что, по мѣрѣ изготовленія перваго романа, его онъ во многомъ отступалъ отъ начертанной себѣ программы. Начавъ «За Волгой», продолжая «Въ Лѣсахъ», Мельниковъ, повидимому, и не думалъ, что очутится «На Горахъ». Найденный планъ, представляя содержаніе въ краткихъ чертахъ романа въ четырехъ частяхъ, вылился, при его разработкѣ, въ два романа въ восьми частяхъ. Такъ, хотя Дуня Смолокурова и Самоквасовъ упоминаются въ планѣ, но въ немъ ни слова нѣтъ о хлыстахъ, столь подробно представленныхъ въ романѣ «На Горахъ». Авторъ, работая надъ развитіемъ своей мысли представить бытъ народа, живущаго по обоимъ берегамъ Волги, втягивался въ свой трудъ, совершенствовалъ его, пополнялъ, разработывалъ и тогда только увидѣлъ, что въ одномъ романѣ онъ не совмѣстить всего, что ему диктовали его память, его разъѣзды по Россіи, его изученіе ея жизни, ея вѣрованій, заблужденій, преданій. Многія набросанныя имъ на планѣ замѣтки, долженствовавшія дать матеріалъ для цѣлыхъ главъ, не были осуществлены на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, онъ намѣревался описать артель гвоздарей, положеніе рабочихъ, въ родѣ павловскихъ, швецовъ по деревнямъ, охоту за рябчиками, мозжевеловыя игрушки, опахиваніе при падежѣ скота, угольщиковъ и смолокуровъ, пожаръ въ скиту, пропившуюся раскольничью обитель Кутилину, набойщиковъ и красильщиковъ, пряхъ — мужиковъ, разносчиковъ-вязниковцевъ и проч.

Нѣкоторыя подробности въ развитіи хода романовъ въ первоначальномъ планѣ были иначе задуманы, чѣмъ въ послѣдствіи исполнены. Мать Манееа должна была умереть въ шестой главѣ четвертой части перваго романа, послѣ раззоренія скитовъ, причемъ она и дѣлала признаніе о Фленушкѣ, какъ о своей дочери. Между тѣмъ, при выполненіи, Манееа не умерла и въ концѣ втораго романа «На Горахъ». По плану, Самоквасовъ дѣлаетъ предложеніе Дунѣ Смолокуровой еще при жизни ея отца, который

Кабинетъ П. И. Мельникова, гдѣ начатъ романъ «На Горахъ».

Съ рисунка А. П. Рябушкина.

вмѣстѣ съ нею отправляется въ Казань, чтобы узнать о семьѣ Самоквасова, и присутствуетъ при раздѣлѣ ея членовъ. Но въ романѣ все это изложено совсѣмъ иначе. По плану, Манееа съ Фленушкою и головщицею Марьею пріѣзжаютъ на Макарьевскую ярмарку, причемъ обѣ дѣвицы попадаютъ даже въ театръ, но въ романѣ ничего подобнаго не было. Первоначально авторъ предполагалъ уже въ третьей главѣ второй части перваго своего романа описать, какъ была отобрана чиновникомъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери изъ Шарпанскаго скита, но объ этомъ

важномъ для раскольниковъ событіи сказано немного въ послѣдней главѣ романа «На Горахъ». Подобныхъ сравненій первоначальнаго плана съ его выполненіемъ можно было бы привести еще много, но и сказаннаго достаточно для полнаго понятія о томъ, какъ видоизмѣнялся замѣчательный трудъ П. И. Мельникова по мѣрѣ его изготовленія.

Для облегченія своего труда относительно народной рѣчи, относительно техническихъ, географическихъ, этнографическихъ и прочихъ названій, употребляемыхъ русскимъ народомъ, въ бумагахъ П. И. Мельникова оказался родъ словаря, въ которомъ разъяснено значеніе и употребленіе 98 словъ, оборотовъ, рѣчей. Можетъ быть, подобный словарь былъ имъ составленъ и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но такъ какъ продолженія его я не отыскалъ, то и не могу положительно рѣшить этого вопроса. Такой словарь былъ ему необходимъ при сочиненіи бытовыхъ романовъ, въ которыхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ находится много драгоцѣнныхъ поясненій разныхъ словъ и выраженій, употребительныхъ въ народѣ въ той или другой мѣстности. Хотя Мельниковъ и называлъ себя постоянно ученикомъ Даля, однако и послѣдній не обошелся безъ содѣйствія перваго при составленіи своего «Толковаго словаря». Въ знаніи русской народной рѣчи, въ знаніи быта нашего народа и Даль, и Мельниковъ были одинаковыми звѣздами первой величины.

Говорятъ, что, при печатаніи романа «На Горахъ», П. И. Мельниковъ крайне обижался на значительныя исключенія въ его произведеніи, которыя производились въ немъ редакціею подъ тѣмъ оправданіемъ, что будто бы зачеркнутыя мѣста нецензурны. Раздраженіе П. И. Мельникова доходило въ этомъ отношеніи до такой степени, что онъ даже сталъ питать намѣреніе прекратить свой романъ, но, съ другой стороны, зависимость существованія всей семьи отъ литературнаго труда главы ея заставляла не прерывать связей съ журналомъ «Русскій Вѣстникъ». Въ этихъ столкновеніяхъ Мельникова съ редакціею, профессоръ Любимовъ, какъ мнѣ говорили, являлся главнымъ защитникомъ интересовъ Мельникова. Но, не смотря на такія обыкновенныя передряги въ редакціонномъ мірѣ, бывающія тѣмъ сильнѣе и обостреннѣе, чѣмъ самостоятельнѣе являются авторъ и редакторъ, взаимныя отношенія между М. Н. Катковымъ и П. И. Мельниковымъ, до самой кончины послѣдняго, остались дружественными, добрыми. Въ бумагахъ П. И. Мельникова я не нашелъ слѣдовъ означенной борьбы редакціи съ романистомъ, и только слѣдующій отрывокъ изъ одного письма профессора Любимова къ Мельникову, отъ 21-го іюля (неизвѣстно какого года), указываетъ, какого рода требованія редакція «Русскаго Вѣстника» предъявляла къ нему въ цензурномъ отношеніи:... «Обратите, добрѣйшій Павелъ Ивановичъ, вниманіе на одно обстоя-

тельство. Выводятся двѣ стороны: всѣ хлысты описываются добродѣтельными людьми съ возвышенными помыслами, а православное духовенство пьяница на пьяницѣ, воръ на ворѣ. Выводилась бы одна сторона—не бѣда. А то очень рѣзко сравненіе. Поуменьшите водочки и мошенничества у православныхъ пастырей, игуменовъ и архіереевъ». При этомъ кстати замѣтить, что когда, въ 1875 году, скончался П. М. Леонтьевъ, то, въ своихъ письмахъ изъ Петер-

Домъ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ умеръ П. И. Мельниковъ.

бурга, П. И. Мельниковъ выражалъ опасенія, что его отношенія къ редакціи «Русскаго Вѣстника» измѣнятся не въ его пользу. Послѣдствія, какъ видно, не оправдали его тревожныхъ ожиданій.

Романъ «На Горахъ» возбудилъ такой же интересъ въ публикѣ, какой былъ вызванъ и романомъ «Въ Лѣсахъ». При посѣщеніи Мельниковымъ Казани, въ августѣ 1877 года, ему былъ тамъ сдѣланъ цѣлый рядъ оваціи. Но передъ тѣмъ онъ удостоился услыхать похвалу себѣ отъ государя императора. На балу у московскаго генералъ-губернатора, князя Долгорукова, 23-го апрѣля

1877 года, П. И. Мельниковъ удостоился чести быть въ первый разъ представленнымъ его императорскому величеству. Императоръ Александръ Николаевичъ въ милостивыхъ выраженіяхъ высказалъ ему свою благосклонность, причемъ упомянулъ, что постоянно читаетъ его произведенія и прочелъ его послѣдніе романы «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ». Съ тѣмъ вмѣстѣ государь освѣдомился о дальнѣйшихъ работахъ, предположенныхъ въ то время Мельниковымъ, и спросилъ его:

— Почему ты не опишешь молоканъ? Не пустятъ они къ себѣ?

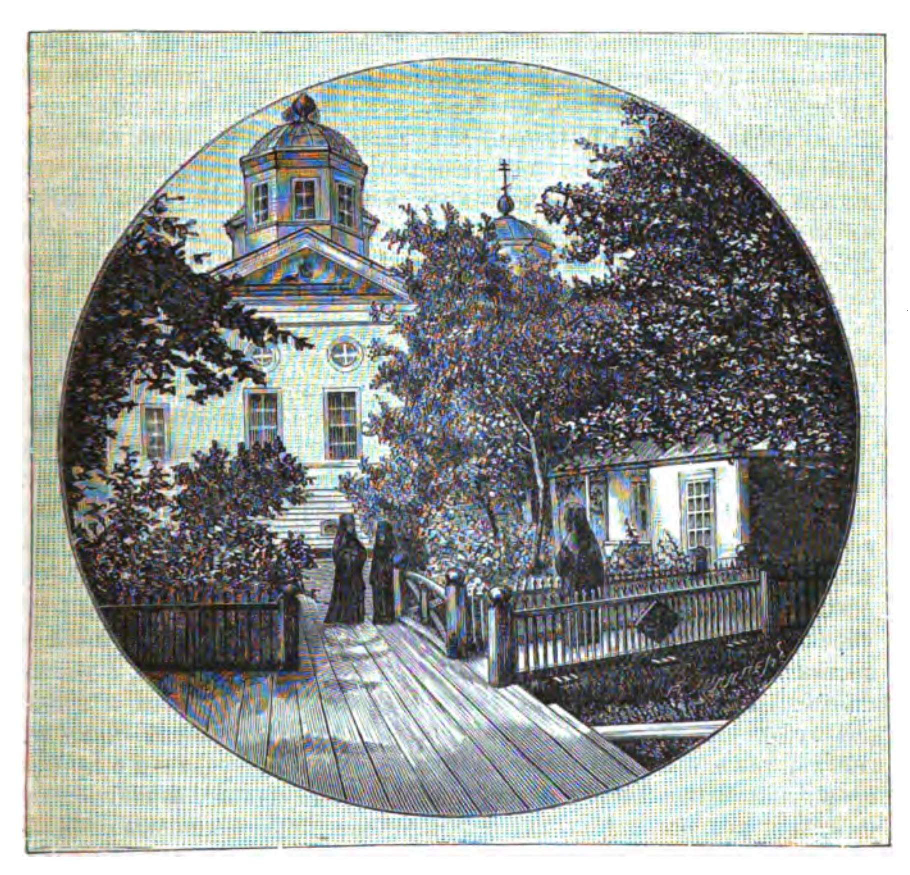
— Нѣтъ, ваше величество, я съ удовольствіемъ приступилъ бы къ этому труду, но въ немъ необходимо будетъ коснуться догматики молоканъ, а духовная цензура не разрѣшитъ этой части моего труда, безъ догматики же нельзя и касаться молоканскаго ученія.

Съ прекращеніемъ войны съ Турціею, усилилось движеніе крамолы въ Россіи. Для борьбы съ нею, въ высшихъ сферахъ правительства найдено было полезнымъ печатать сочиненія для народнаго чтенія. Для достиженія этой цѣли обратили вниманіе на П. И. Мельникова. Уже 20-го сентября 1878 года, исправлявшій тогда обязанности шефа жандармовъ, генералъ-лейтенантъ Сильверстовъ (послѣ убіенія генералъ-адъютанта Мезенцева), писалъ къ Мельникову. «Не можете ли вы пріѣхать въ Петербургъ для свиданія со мной? Я желаю съ вами конфиденціально переговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, именно обратиться къ вашему талантливому золотому перу, чтобы предложить вамъ взять на себя трудъ исполнить одну работу, несложную, но относящуюся до вашей спеціальности. Не откажите немедленно дать отвѣтъ, хотя по телеграфу, о днѣ, въ который вы пріѣдете».

Но Мельниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ только въ январѣ 1879 года. Въ письмахъ своихъ изъ Петербурга онъ сообщалъ о томъ пріемѣ, который ему былъ тамъ оказанъ. «Мнѣ всѣ рады, на рукахъ носятъ», писалъ онъ, сообщая о тѣхъ приглашеніяхъ на обѣды и вечера, которыми его осыпали. Отъ 27-го января онъ писалъ: «Министръ государственныхъ имуществъ, Валуевъ, принялъ меня прекрасно. На другой день самъ заѣхалъ ко мнѣ, но меня не было дома, и пригласилъ пріѣзжать въ восемь часовъ вечера, чтобы поговорить на свободѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Маковъ, также принялъ меня прекрасно, но онъ все время свое посвящаетъ на борьбу съ чумою, которую, кажется, удастся прекратить. Завтра, въ 2 часа дня, онъ назначилъ мнѣ особую аудіенцію, а на другой день вечеромъ поѣду къ П. А. Валуеву. Послѣдній сказалъ мнѣ: «Мы не можемъ требовать отъ васъ, чтобы вы много писали; вы слишкомъ крупная величина въ нашей литературѣ для этого. Много будемъ обязаны, если напишите двѣ, три брошюры въ примѣръ другимъ, рядовымъ писателямъ. Было бы не простительно отвлекать васъ отъ

того блестящаго поприща, по которому вы идете». Завтра у министра внутреннихъ дѣлъ все разъяснится».

Отъ 28-го января Мельниковъ сообщалъ: «Сейчасъ вернулся отъ министра Макова. Въ полчаса все дѣло порѣшили. Работа пойдетъ по своему министерству внутреннихъ дѣлъ. Министръ самъ назначилъ 200 р. за печатный листъ, когда я наотрѣзъ отказался на-



Кресто-Воздвиженскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ погребенъ П. И. Мельниковъ.

значить самъ сумму вознагражденія. Распространеніе брошюръ предоставляютъ мнѣ. Никого, кромѣ своего министра, въ этомъ дѣлѣ я не знаю. Предоставлено мнѣ переговорить съ генералъ-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ о назначеніи мнѣ штатнаго мѣста съ жалованьемъ, но такъ какъ такого мѣста нѣтъ безъ большаго дѣла, то дано слово испросить мнѣ пенсію въ усиленномъ размѣрѣ, тысячи въ двѣ, съ тѣмъ, чтобы она по смерти моей перешла къ моей женѣ. Я сказалъ было, что это трудно, при настоящихъ затрудни-

тельныхъ обстоятельствахъ государственнаго казначейства, но министръ отвѣтилъ, что онъ ручается за успѣхъ и заблаговременно доложитъ о томъ государю императору. Вообще Л. С. Маковъ держалъ себя со мною потоварищески, говорилъ, что «вѣдь мы старые пріятели и сослуживцы, и нѣтъ причины измѣнять этихъ старыхъ отношеній, установившихся долгимъ временемъ».

Отъ 3-го февраля: «Побывавши у разныхъ министровъ и высшихъ сановниковъ, я узналъ, въ чемъ дѣло. Мысль о составленіи брошюръ принадлежитъ самому государю императору. Было для того особое совѣщаніе изъ четырехъ министровъ, и каждый изъ нихъ получилъ право избрать лицо для исполненія. Выборъ палъ на меня. Сегодня одно высокопоставленное лицо передало мнѣ желаніе государя, что писать и какъ писать, и присовокупило свои мысли. Сегодня я былъ на вечерѣ у графа Шереметева. Было много дамъ. Меня упросили прочитать что нибудь изъ «Лѣсовъ». Всѣ были довольны. Всѣхъ слушателей было болѣе 25 человѣкъ».

На Мельникова, въ 1879 году, было возложено еще новое порученіе, довольно труднаго свойства. Московскій генералъ-губернаторъ, въ виду приближенія нижегородской ярмарки, въ заботѣ объ охраненіи этого главнѣйшаго русскаго рынка отъ пожаровъ, изъ которыхъ наиболѣе опустошительные бывали всегда тамъ въ концѣ мая и началѣ іюня, нашелъ необходимымъ, 24-го мая, командировать Мельникова, какъ довѣренное лицо, въ Нижегородскую губернію для мѣстныхъ соображеній относительно предупрежденія пожаровъ и всякаго рода безпорядковъ. Ему поручено было немедленно собрать во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ какъ нынѣ дѣйствующія, такъ и бывшія прежде постановленія высшаго правительства и мѣстныхъ властей, а также приговоры городскаго общества, ярмарочнаго купечества и ярмарочнаго комитета объ охранѣ отъ огня, о благоустройствѣ, какъ въ городѣ, такъ и на ярмаркѣ, на пристаняхъ и на судахъ и о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и безпорядковъ всякаго рода. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, предписано было Мельникову представить въ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, ему поручено было наблюдать за всѣмъ, относящимся до полицейскаго порядка и городскаго благоустройства, особенно за сходбищами разнаго рода людей на ярмаркѣ и за дѣйствіями полицейскихъ городскихъ и уѣздныхъ управленій, слѣдить за издающимися въ Нижнемъ-Новгородѣ произведеніями печати и за книжною торговлею въ городѣ и на ярмаркѣ и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить московскому генералъ-губернатору, увѣдомляя въ то же время и нижегородскаго губернатора, для прекращенія имъ могущихъ возникнуть какихъ либо безпорядковъ. Въ случаѣ надобности Мельникову предоставлено было отправляться въ города и селенія Нижегородской губерніи.

Исполненіе этого порученія заняло у Мельникова все его время до осени. Это было послѣднимъ оффиціальнымъ административнымъ трудомъ его. Онъ началъ свою административную дѣятельность въ родномъ Нижнемъ Новгородѣ и окончилъ ее въ немъ.

XIX.

Послѣдніе годы жизни.—Утѣшеніе друга.

Сидячая жизнь, обусловленная родомъ занятій П. И. Мельникова, повліяла разрушительнымъ образомъ на его организмъ. Своими привычками въ послѣднее десятилѣтіе жизни своей, онъ, можетъ быть, даже усилилъ вліяніе его умственныхъ, литературныхъ трудовъ на вкравшійся въ его организмъ недугъ. Вмѣсто подвижной жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, онъ сдѣлался въ Москвѣ какимъ-то сиднемъ. По цѣлымъ недѣлямъ онъ не выходилъ изъ дома и, лежа на диванѣ, обложенный журналами, книгами, рукописями, занимался почти безъ перерыва чтеніемъ. Знакомые врачи обращали его вниманіе на подобный образъ жизни и говорили, что онъ къ добру не приведетъ. П. И. Мельниковъ не вѣрилъ этимъ совѣтамъ, или, вѣрнѣе, пренебрегалъ ими. Но зародышъ смертельной болѣзни усиливался съ каждымъ годомъ. Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1876 году, Мельниковъ уже жаловался, что «у него въ правой рукѣ что-то творится, что она отказывается служить ему попрежнему». 8-го мая 1877 года, онъ писалъ одному своему знакомому изъ Москвы: «Извините, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Укатали бурку крутыя горки! Дошла до меня барская болѣзнь — подагра, и хотя болитъ нога, а рукѣ писать не даетъ. Не приведи Богъ! Меня утѣшаютъ, что съ подагрою можно до ста лѣтъ прожить, что эта болѣзнь имѣетъ свойство поглощать въ себѣ всѣ болѣзни, свойственныя нашему возрасту, но Богъ съ ними со ста годами. Еще хорошо, что не постоянно мучитъ, даетъ отдохнуть, а теперь съ теплою, сухою погодою и совсѣмъ прошла, но надолго ли? Всѣ знакомые говорятъ: «а, попался! а сколько смолоду выпилъ шампанскаго?» Но въ томъ то и дѣло, что не въ шампанскомъ грѣхи, хотя я и не могу похвалиться особенною воздержностью; но не за шампанское теперь расплачиваюсь, а за сидячую жизнь при жирной пищи (жирная то—страсть моя). Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшили эскулапы, увѣряя, что это «послѣднее слово науки», — фраза, опротивѣвшая мнѣ, по милости нашихъ газетныхъ фельетоновъ».

Ноги у него ослабѣли и болѣли до того, что по временамъ ему трудно было ходить. Но когда, въ январѣ и въ февралѣ 1879 года, во время пребыванія въ Петербургѣ и особенной дѣятельности при

переговорахъ о сочиненіяхъ для народа, Мельниковъ велъ болѣе подвижной образъ жизни, то писалъ въ Москву, что «ноги его до того окрѣпли, что, пожалуй, онъ возвратится въ Москву съ совершенно здоровыми ногами». Врачи совѣтовали ему, при желаніи продолжать свои литературные труды, переѣхать въ болѣе теплый климатъ, но и этотъ совѣтъ оставленъ былъ безъ вниманія. Съ начала 1880 года болѣзнь стала усиливаться. Оказалось, что организмъ пораженъ параличемъ, который постепенно усиливается и распространяется. Въ 1881 году, уже пораженный смертельною болѣзнію, П. И. Мельниковъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Нижній Новгородъ, причемъ оба лѣта 1881 и 1882 года провелъ въ своемъ любимомъ Ляховѣ. Лѣтомъ 1881 года онъ былъ неузнаваемъ для тѣхъ, кто давно его не видалъ. Онъ постарѣлъ, лишился своей живости, блеска своей рѣчи. Уже въ 1880 году послѣднія главы своего романа «На Горахъ» онъ не могъ самъ писать и диктовалъ ихъ женѣ своей. Въ январѣ 1881 года, онъ съ трудомъ могъ написать немного строкъ. Въ 1882 году, П. И. Мельникову стало еще хуже. Пораженный параличемъ, онъ, по словамъ очевидцевъ, уже лѣтомъ 1882 г. съ трудомъ произносилъ слова, постоянно забывался, не могъ держать въ рукѣ папиросу и безпрерывно ронялъ ее. Зимою 1882—1883 года, даже домашніе Мельникова не могли разбирать его рѣчи, до того она сдѣлалась затруднительна. Онъ скончался, 1-го февраля 1883 года, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ домѣ на Петропавловской улицѣ, гдѣ провелъ послѣдніе дни своей жизни.

Болѣзнь П. И. Мельникова глубоко отозвалась въ сердцахъ его друзей, почитателей и цѣнителей его таланта. Старинный другъ его, полюбившій его съ сороковыхъ годовъ, неоднократно помогавшій ему въ его служебной карьерѣ, въ моменты министерскихъ перемѣнъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой [1]), отозвался на болѣзнь своего друга слѣдующими сердечными письмами изъ Сергіевскаго посада (подъ Москвою), гдѣ онъ тогда жилъ. «25-го января 1881 года. Я такъ давно не видался, такъ давно не бесѣдовалъ съ вами, добрѣйшій мой Павелъ Ивановичъ, что рѣшился напомнить вамъ о себѣ этими строками. Надняхъ былъ у меня Бартеневъ [2]) и сказывалъ, что вы нездоровы. Николай Ивановичъ Субботинъ [3]) говорилъ мнѣ, что видѣлся съ вами у Хлудова, и тоже говорилъ, что вы постарѣли и ходите съ помощью другаго. Что вы постарѣли, — это меня не удивляетъ, потому что, хотя вы и моложе меня на десять лѣтъ, совсѣмъ тѣмъ эта относительная молодость въ сущности есть довольно почтенная старость. Онъ ска-

---

[1]) Онъ скончался въ мартѣ 1884 года, переживъ только годомъ Мельникова.

[2]) Редакторъ «Русскаго Архива».

[3]) Профессоръ московской духовной академіи.

зывалъ мнѣ также, что вы въ отставкѣ и обезпечены пенсіею. Этому послѣднему я радуюсь, но все предшествовавшее внушаетъ нерадостныя мысли.

«Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, а конецъ приближается. Что дѣлать? Хорошо, если силы есть работать попрежнему, хотя и не

Могила П. И. Мельникова.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ.

въ той мѣрѣ. Если же силъ не хватаетъ, а жизнь течетъ, то можетъ, по милости Божіей, довести васъ и до моихъ лѣтъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ искренній вашъ другъ, горячо васъ любящій, совѣтую сосредоточиться въ самомъ себѣ, обозрѣть не только поступки, но и самыя помышленія вашей жизни и съ вѣрою и любовію обратиться къ Тому, Кто взялъ на себя грѣхъ всего міра

и пришелъ спасти грѣшниковъ. Просите у него, дабы даровалъ покаяніе и примирилъ васъ съ собою посредствомъ божественныхъ св. тайнъ. Пишу эти строки не потому, чтобы я боялся за продолженіе вашей жизни, которая, какъ я слышу, не въ опасности, но подъ вліяніемъ искренней моей къ вамъ любви. Думать о смерти и каяться никогда не рано; вотъ почему я изъ глубины души молюся съ вами: Господи, въ покаяніе пріими насъ и не введи въ напасть! Быть можетъ, что скоро буду въ Москвѣ. Дай Боже силъ посѣтить васъ».

Отъ 19-го февраля 1881 г.: «Уважаемый и сердечно любимый Павелъ Ивановичъ. Н. И. Субботинъ сказывалъ мнѣ надняхъ, что вы, бесѣдуя съ Ал. Ив. Хлудовымъ, говорили о полученномъ отъ меня письмѣ съ миромъ и любовію. Благодарю Бога, настроившаго ваше сердце. Я боялся, что непрошенные совѣты, хотя внушенные искреннею къ вамъ привязанностію, могли быть для васъ непріятны. Опасеніе это было до того сильно, что я, въ бытность мою въ началѣ сего мѣсяца въ Москвѣ, не рѣшился посѣтить васъ, не смотря на сильное желаніе васъ видѣть. Изъ того же источника я узналъ, что вы жалуетесь, что вамъ не съ кѣмъ сказать «умнаго слова» о вѣчности и что преосвященный Амвросій выразилъ намѣреніе посѣтить васъ съ ѳтою цѣлію на первой недѣлѣ поста. Дай Боже здоровья попечительному архипастырю. Я не сомнѣваюсь, что въ немъ вы найдете «умнаго» собесѣдника, который будетъ силенъ произвести на васъ спасительное впечатлѣніе и по уму, и по лежащей на немъ благодати св. Духа.

«Имѣя въ виду такого наставника, я долженъ былъ бы только тому радоваться и въ молчаніи ожидать результата, какимъ отзовется на это ваша воля, безъ которой самъ Богъ никого къ себѣ не призываетъ. Но я рѣшился и отъ себя сказать вамъ нѣсколько словъ. Зачѣмъ ищете вы «ума» тамъ, гдѣ нужна только одна простая вѣра? Великая тайна спасенія человѣческаго чрезъ воплощеніе Божіе и обоготвореніе природы человѣческой для «ума» непостижимы. Развѣ вы не знаете, что апостолъ Павелъ, пиша къ жителямъ умнѣйшаго того времени Коринѳа, самъ слово креста называетъ словомъ безумія? И всю силу, и всю надежду нашу заключаетъ въ покореніи разума послушанію вѣры? Знаю я, что кощуны нашего времени обращаютъ такое ученіе въ укоръ, но пусть они докажутъ, что Павелъ былъ не уменъ. Безуміе креста состоитъ не въ глупости, а въ непостижимости тайны воплощенія Божія и спасенія человѣческаго. А поэтому отъ всей души желаю вамъ не «ума», которымъ владѣете вы въ изобиліи, а простоты смиренной, вѣры и чувства живой благодарности къ даровавшему намъ способность знать и цѣнить радость искупленія, дарованнаго намъ заслугами Спасителя нашего. Если предстоящая бесѣда съ преосвященнымъ принесетъ ожидаемый мною плодъ, то я увѣренъ,

что милосердый Господь сохранитъ вашу жизнь, чтобы всѣ мы, дорожащіе вашимъ литературнымъ дарованіемъ, не только продолжали видѣть въ васъ любимаго автора, но и примѣръ милости Божіей въ вѣрующемъ человѣкѣ».

П. И. Мельникова похоронили на кладбищѣ при женскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, расположенномъ на самомъ краю города, близь Оки, у начала большаго арзамасскаго тракта, ведущаго къ Ляхову. Монастырь этотъ основанъ въ 1815 году, а въ 1856 году сдѣланъ былъ первоклассньмъ [1]). Кладбище при этомъ монастырѣ считается лучшимъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Могила П. И. Мельникова представлена на рисункѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ августѣ 1883 года, съ простымъ деревяннымъ крестомъ. Лѣтомъ 1884 года этотъ крестъ замѣненъ красивымъ чугуннымъ памятникомъ, воздвигнутымъ вдовою и дѣтьми П. И. Мельникова.

..... Въ августѣ 1883 года, на нижегородской ярмаркѣ, одинъ умный, вліятельный русскій купецъ спросилъ меня:

— Для чего это вы пожаловали къ намъ на Макарьевскую?

— Разобрать бумаги покойнаго Павла Ивановича Мельникова, отвѣчалъ я.

— Доброе дѣло! Царствіе ему небесное, хорошій былъ человѣкъ. И мой собесѣдникъ при этихъ словахъ истово перекрестился.

Пав. Усовъ.

---

[1]) Онъ образовался изъ трехъ прежде бывшихъ женскихъ монастырей въ Нижнемъ: Зачатійскаго, Происхожденскаго, Воскресенскаго. Зачатійскій основанъ былъ въ XIV вѣкѣ великою княгинею Анастасіею Ивановною и находился на устьѣ рѣки Почайны, на самомъ берегу Волги, на мысу, смытомъ впослѣдствіи Волгою. Великая княгиня Анастасія, въ монашествѣ Васса, въ схимѣ Ѳеодора, причислена къ лику святыхъ, мѣстно-чтимыхъ.

РАЗСКАЗЫ БАБУШКИ [1]).

I.

Мои родители. — Городъ Архангельскъ. — Ломоносовъ. — Разговоръ съ Екатериной II.— Холмогорскіе узники. — Современница Петра Великаго. — Архангельскіе генералъ-губернаторы.—Континентальная система.—Голодъ у кореловъ.—14-ти лѣтняя жена. — Моряки. — Воскресеніе умершаго. — Нейтральный прокуроръ. — Французская труппа.— Двѣнадцатый годъ.— Посѣщеніе императоромъ Александромъ I Архангельска. — Воспоминаніе объ Аракчеевѣ.

ЕСЛИ про кого нибудь можно сказать, что онъ идетъ съ вѣкомъ, то это именно про меня: я родилась въ 1800 году; и возрастъ мой указывается календаремъ, на заголовкѣ котораго двѣ послѣднія цифры безошибочно напоминаютъ мнѣ число прожитыхъ лѣтъ. Есть у меня и правнуки; но я довольствуюсь скомнымъ именемъ бабушки, которымъ называетъ меня внучка Женни, записывающая со словъ моихъ мои воспоминанія. Много измѣнилась Россія съ тѣхъ поръ, какъ я отдаю себѣ отчетъ въ происходящихъ вокругъ меня событіяхъ: каждое новое царствованіе силилось придать ей новый видъ, и вотъ я присутствую при началѣ пятаго; а ежели просоединить къ нимъ тѣ три царствованія восемнадцатаго вѣка, которыя застали мои отецъ и мать, родившіеся въ 1745—55 годахъ, то ока-

[1]) Эти разсказы, или, правильнѣе, воспоминанія вдовы инженеръ-генералъ-лейтенанта А. Я. Бутковской, обязательно сообщены намъ сыномъ ея Я. Н. Бутковскимъ. А. Я. Бутковская родилась въ 1800 году и донынѣ живетъ въ своемъ имѣніи, селѣ Добромъ, Новгородской губерніи. Ред.

жется, что я могу считать себя какъ бы живымъ свидѣтелемъ всей новой исторіи нашего отечества.

Я вовсе не хочу сказать, что могу сообщить ходъ событій, которыя переживала. Не говоря о томъ, что въ мои года память измѣняетъ, я могу сравнить себя съ солдатомъ, участвовавшимъ въ большомъ сраженіи, изъ котораго онъ можетъ передать впечатлѣнія о тѣхъ лишь эпизодахъ, которые мелькнули предъ его глазами. Я въ состояніи обрисовать лишь скромный уголокъ большой картины, и этотъ уголокъ будетъ въ общемъ дополнять то понятіе, которое сложилось о бывшей эпохѣ.

Я родилась въ городѣ Архангельскѣ, въ купеческомъ семействѣ Никоновыхъ. Отецъ мой происходилъ изъ духовнаго званія и былъ сыномъ образованнаго священника Никона. Однажды случилось архангельскому епископу Варсонофію, во время священнодѣйствія, собственноручно поколотить дѣда моего въ алтарѣ. Эта грубость и неуваженіе къ святынѣ такъ возмутили дѣда, что онъ ни одного изъ сыновей своихъ не допустилъ до духовнаго званія, и молодой Никоновъ изъ семинаріи поступилъ работникомъ на заводы къ Шубному, семья котораго полюбила его, а впослѣдствіи мать моя вышла за него замужъ. Послѣ женитьбы отецъ мой занялся винными откупами: взялъ сперва, съ помощью тестя, на откупъ городъ Холмогоры, а потомъ, мало-по-малу, и вся Архангельская губернія перешла въ его руки.

Какъ человѣкъ развитой и зажиточный, онъ пользовался почетомъ въ губерніи, что будетъ особенно понятно, если вспомнить, что въ этой губерніи никогда не было крѣпостнаго права, слѣдовательно не было и мѣстнаго дворянства, обыкновенно игравшаго главную роль во внутренней жизни русскаго общества. Самое населеніе губерніи, по условіямъ климата, промысловъ и торговли, отличается духомъ свободы и предпріимчивости; за исключеніемъ пріѣзжихъ чиновниковъ, преобладающій классъ составляетъ купечество, но купечество развитое, сохранившее русскіе обычаи и вѣрованія въ чистотѣ и принявшее европейскую полировку, благодаря близости моря и тѣснымъ сношеніямъ съ Англіей и побережьемъ Нѣмецкаго моря. Въ самомъ городѣ было много иностранныхъ фирмъ, какъ-то: Фанъ Бринъ, которому унаслѣдовалъ Брандтъ, Бритъ, Кропъ, Грель и другіе, производящіе и донынѣ обширную торговлю нашего сѣвера съ Европой. Завязавъ европейскія сношенія со временъ Іоанна Грознаго, уголокъ этотъ даже послѣ устройства петербургскаго окна еще пропускалъ свѣтъ въ Россію, и правительство, видимо, придавало значеніе нашему краю, образовавъ изъ него генералъ-губернаторство.

Дѣятелямъ 1880-хъ годовъ, при существующихъ удобствахъ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, можетъ быть, будетъ непонятно, что самый лучшій путь въ Россію могъ лежать чрезъ Бѣлое море.

Сношенія съ Европой были часты; связи, благодаря денежнымъ интересамъ, близки, а сѣверный край, по богатству природы, представлялся для иностранцевъ заманчивымъ краемъ, но край этотъ не подвергался безсовѣстной эксплоатаціи проходимцевъ, потому что этому препятствовала дальность пути и развитое русское населеніе, не легко поддававшееся обману.

Русское купечество посылало сыновей своихъ учиться въ Гамбургъ и Англію, а между архангельскими дѣвицами встрѣчались такія, которыя, по своему образованію, стояли выше столичныхъ барышенъ и уже, конечно, не могли быть названы провинціалками.

Мать моя считалась почему то въ родствѣ съ Ломоносовымъ; отецъ ея и дѣдъ, по фамиліи Шубный, имѣли свой кожевенный заводъ и отправляли юфть въ Москву и за границу. Въ былое время Ломоносовъ работалъ на заводѣ у Шубнаго, который, видя способности мальчика, говаривалъ ему:

«Работай хорошо, да позаймись ученьемъ, а выростешь—выдамъ за тебя одну изъ дочерей».

Впослѣдствіи, одна изъ племянницъ Ломоносова, Лопаткина, часто бывала у моихъ родителей, и я помню ее шестидесятилѣтней старухой; она очень гордилась своимъ родствомъ съ знаменитымъ писателемъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, куда отецъ мой постоянно отправлялся на время торговъ на откупа, производившихся въ сенатѣ, онъ взялъ съ собою семейство, т. е. жену, сына одиннадцати и дочь девяти лѣтъ. Въ то время въ столицѣ происходили празднества по случаю пріѣзда шведскаго короля, нарѣченнаго жениха великой княжны Александры Павловны, и отецъ мой со всѣмъ своимъ семействомъ получилъ пригласительные билеты для присутствованія на маскарадѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Дѣтей помѣстили на хорахъ, откуда они съ любопытствомъ разсматривали пеструю толпу, а мать моя въ великолѣпномъ костюмѣ архангельской горожанки, съ жемчужной повязкой на головѣ, находилась съ отцемъ моимъ въ залѣ. Танцы начались польскимъ, шествіе котораго обыкновенно открывала сама Екатерина II. Пары двигались безконечной лентой, параллельно, въ различныхъ направленіяхъ и образовывали сплошную массу; такимъ образомъ всѣ приглашенные проходили предъ глазами царственной хозяйки. Увидя моихъ родителей, Екатерина II обратила вниманіе на оригинальность и богатство костюма моей матери и позвала ее къ себѣ движеніемъ руки; она обратилась къ ней съ вопросомъ, кто она и для чего пріѣхала въ Петербургъ. Моя мать растерялась и не могла произнести ни слова; но отецъ отвѣтилъ за нее, что они нарочно пріѣхали изъ Архангельска, чтобы хоть разъ въ жизни увидѣть свою царицу и великолѣпіе ея двора. Государыня милостиво улыбнулась и поручила

близъ стоящему Зубову пройдтись въ парѣ «съ пышной сѣверянкой», а къ отцу моему обратилась со словами:

— «Пріѣхавъ столь издалека, не имѣете ли вы ко мнѣ какой либо просьбы?»

— «Я могу только просить», отвѣчалъ мой отецъ, «принять одиннадцатилѣтняго моего сына на службу вашего императорскаго величества».

Императрица обѣщала исполнить эту просьбу, и чрезъ нѣсколько дней родители мои получили приглашеніе представить сына генералу Мелисино для опредѣленія его въ артиллерійскій корпусъ.

Въ тѣ времена опредѣленіе въ корпусъ или полкъ значило только, что мальчикъ считается въ мѣстѣ служенія по спискамъ, но можетъ продолжать воспитаніе дома; поэтому милостивое вниманіе императрицы, по быстротѣ рѣшенія объ отдачѣ сына, не было согласно съ желаніемъ моей матери; и хотя мальчика представили генералу Мелисино, но просили разрѣшить отдать его, вмѣсто корпуса, въ пансіонъ для образованія. Умный мальчикъ своими отвѣтами понравился старому полуобрусѣвшему генералу; онъ былъ большой добрякъ и, чтобы согласить желаніе родителей съ волей императрицы, предложилъ взять мальчика къ себѣ въ домъ, какъ сына, обучая его въ корпусѣ; онъ предлагалъ это тѣмъ охотнѣе, что не задолго до того потерялъ своего единственнаго сына.

Это предложеніе было принято съ благодарностью; но вскорѣ императрица умерла; отъ императора Павла послѣдовалъ строгій приказъ относительно воспитанниковъ, ихъ содержанія и обученія фронту; мальчиковъ одѣли въ смѣшную форму и подвергли суровой дисциплинѣ. Въ виду этого, родители поспѣшили взять сына обратно и отдали его въ частный пансіонъ.

Уже не занимаясь откупами, мой отецъ продолжалъ ѣздить въ Петербургъ, чтобы брать на торгахъ «отступное»: такъ назывались деньги, которыя давали откупщики опаснымъ конкуррентамъ за ихъ отказъ отъ торговъ. Имѣть дѣла съ откупомъ было всегда выгодно, и въ губерніяхъ всѣ разсчеты по этимъ дѣламъ лежали на вице-губернаторахъ, которые получали за то крупные барыши. По этому поводу разсказывали анекдотъ, что, когда у зданія сената однажды былъ большой съѣздъ экипажей, то на вопросъ императора Александра I: «что это значитъ»?—одинъ изъ его приближенныхъ, А. Л. Нарышкинъ, отвѣтилъ, что это съѣхались губернаторы проситься на должности вице-губернаторовъ.

Начавъ свою дѣятельность съ откупа въ Холмогорахъ, мой отецъ имѣлъ случай видѣться съ лицами, окружавшими принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго и его семейство. Впрочемъ, подробности жизни несчастнаго семейства, по своему однообразію, не представляли большаго интереса; зданіе, носившее названіе дворца, имѣло совершенный видъ острога; доступъ въ него былъ не ле-

гокъ, да и всякая попытка сближенія даже съ прокаженнымъ представляла бы менѣе опасности для любопытнаго. Въ тотъ подозрительный вѣкъ было рискованно интересоваться кѣмъ либо, имѣвшимъ связь съ внутренней политикой. У насъ, однако, въ Архангельскѣ даже на моей памяти продолжалъ бывать прежній докторъ заключенныхъ, Корюкинъ, старичекъ очень жалкаго вида.

Въ началѣ этого столѣтія генералъ-губернаторомъ былъ у насъ Тутолминъ, губернаторомъ Мезенцовъ, а вице-губернаторомъ братъ Тутолмина. Мезенцовъ жилъ открыто, давалъ блестящіе балы, на которыхъ бывала старшая сестра моя Александра, и за ней ухаживалъ вице-губернаторъ. Онъ былъ большой петиметръ, какъ тогда говорилось, и поклонникъ прекраснаго пола, и изъ имѣющагося при немъ штата прислуги присылалъ своего ученаго парикмахера дѣлать избраннымъ имъ дамамъ прически, которыя въ то время отличались особою замысловатостью.

Съ перемѣной царствованія въ 1801 году произошли перемѣны въ управленіи. Военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ старикъ фонъ-Дезенъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ обыкновенно являлся ко двору въ современной одеждѣ; но, возвращаясь въ Архангельскъ, снова надѣвалъ свой парикъ и всю старинную форму, съ которою ни за что не хотѣлъ разстаться. Гражданскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Перфильевъ; оба правителя были люди добрые, безъ особеннаго вліянія на дѣла, и въ это то время особенно развелось сутяжничество въ нашей благословенной сторонѣ, благодаря вице-губернатору изъ канцеляристовъ. Значеніе и барство екатерининскихъ вельможъ стало утрачиваться, такъ, напримѣръ, при генералъ-губернаторѣ Тутолминѣ отъ двора состояли придворные лакеи и экипажи; за столомъ подавались золотые сервизы; генералъ-губернаторъ представлялъ особу царицы, и это дѣлалось съ великолѣпіемъ. Все это было сокращено императорами Павломъ и Александромъ I.

Конечно, провинціальная жизнь того времени не можетъ представлять большаго историческаго интереса, не смотря на то, что это было время самаго сильнаго политическаго напряженія Европы. Россія уже начинала вмѣшиваться въ европейскія распри: сперва посылкой войскъ съ Суворовымъ въ Италію, отправкой эскадръ съ адмираломъ Спиридовымъ въ Корфу, войной 1805 года, причемъ, не смотря на туманность реляцій, Аустерлицкій бой тяжело отозвался въ Россіи; затѣмъ продолженіе войны и Тильзитскій миръ, за который втихомолку упрекали Александра въ слабости и пристрастіи къ Наполеону; поговаривали, что будто народъ въ негодованіи готовился грязью встрѣтить царя; что свой торжественный въѣздъ въ столицу въ золоченой каретѣ, въ которой онъ сидѣлъ съ двумя императрицами, былъ устроенъ имъ, чтобы скрыть

свое пораженіе. Возникли разные слухи и толки, въ народѣ начиналось броженіе умовъ; отголоски событій долетали до насъ.

На Архангельскомъ морскомъ портѣ особенно тяжко отозвалась континентальная система, прервавшая наши торговыя сношенія съ Англіей, которая могла грозить намъ своимъ флотомъ. Понятно, что все это я могла едва сознавать; но впечатлѣнія дѣтства были тѣмъ сильнѣе, что отъ пяти до одиннадцати-лѣтняго возраста я какъ бы питалась этими разговорами. Хотя мнѣ случалось съ родителями ѣздить на короткое время въ Петербургъ, но все же до девятнадцати лѣтъ, т. е. до смерти отца, я провела въ Архангельскѣ, жила его жизнью; все сообщаемое мною о трудной для Россіи эпохѣ пополняется въ памяти моей изъ разсказовъ окружавшихъ меня лицъ. Съ осьми лѣтъ я начала замѣтно развиваться умственно и интересоваться событіями; до насъ доходили реляціи, и не смотря на то, что онѣ излагались въ смыслѣ, благопріятномъ нашему національному самолюбію, общее впечатлѣніе имени Наполеона было гнетущее; чувствовалось, какъ будто какая то гроза висѣла на западѣ. Уже одно частое упоминаніе имени Наполеона, о которомъ все говорило, показывало, что все отъ него зависѣло. Континентальная система раззорительно дѣйствовала на торговое сословіе, изъ котораго преимущественно былъ составленъ Архангельскъ, а фразы: «Наполеонъ не хочетъ, Наполеонъ не позволитъ» — все это наводило какое то уныніе и трепетъ. Простой народъ началъ видѣть въ немъ врага рода человѣческаго, антихриста, въ имени его отыскивали апокалипсическую цифру 666; старовѣры, которыхъ со временъ Петра I особенно много въ сѣверномъ краѣ, стали вычитывать изъ книгъ примѣты появленія «звѣря», и тутъ какъ разъ къ войнамъ присоединился «гладъ», имѣвшій по обстоятельствамъ того времени ужасныя послѣдствія для народа.

Архангельская губернія, какъ извѣстно, сторона не земледѣльческая, въ ней можетъ произростать развѣ только ячмень да конопель, и свои средства продовольствія она получаетъ изъ Вологодской, но въ особенности изъ Вятской губерній, хлѣбные грузы которыхъ сплавляются по рѣкамъ Югу и Сѣверной Двинѣ. Хлѣбъ оттуда въ большомъ количествѣ идетъ даже за границу, но въ самой Архангельской губерніи мѣстнымъ купечествомъ для обезпеченія народнаго продовольствія были устроены запасные магазины. Эта мѣра, впослѣдствіи распространенная на всю Россію, была въ то время результатомъ частнаго почина. Если бы, паче чаянія, однако, въ сосѣднихъ губерніяхъ оказался неурожай, то море всегда обезпечивало доставку хлѣба изъ Швеціи и Англіи.

Но въ 1808 и 1809 годахъ континентальная система была въ полномъ ходу, таможня архангельская въ виду требованій Наполеона сдѣлалась придирчива, и англійскія суда, чтобы провезти свои товары, принимали названіе американскихъ, и лишь подъ

этимъ флагомъ могли проникать въ портъ. Для точнаго наблюденія за строгимъ исполненіемъ запретительной системы было учреждено мѣсто «нейтральнаго прокурора». Англійскія стальныя издѣлія, сукно, набивные ситцы, къ которымъ такъ пріучили насъ англичане, вдругъ сдѣлались рѣдкостью и страшно поднялись въ цѣнѣ. Въ то время съ производствомъ этихъ предметовъ Россія была мало знакома, и потому съ удивленіемъ и радостью былъ встрѣченъ кусокъ случайно завезеннаго къ намъ ситца набивки какого то тверскаго фабриканта, впервые рискнувшаго заняться этимъ дѣломъ.

Закупка иностранцами хлѣба, а слѣдовательно и отправка его моремъ, въ виду строгостей запретительныхъ мѣръ, прекратилась. Между тѣмъ ранняя зима 1808—1809 года захватила тѣ небольшіе караваны судовъ съ хлѣбомъ, которые должны были слѣдовать сѣверными рѣками, а запасные магазины были истощены спѣшной отправкой послѣднихъ заказовъ за границу въ 1807 году, и понятно, что все это. вмѣстѣ взятое, поставило населеніе въ безвыходное положеніе. Жители Мурманскаго берега могли еще питаться рыбой; горожане Архангельска и близь лежащихъ мѣстъ еще получали хлѣбъ изъ магазиновъ по особымъ запискамъ, но между корелами открылся голодъ со всѣми его ужасами; всякіе суррогаты, мохъ и даже какая то глина, употреблялись въ пищу; но это не спасало, и цѣлыя селенія вымирали или разбѣгались. Мѣстному управленію было поставлена на видъ его непредусмотрительность, и губернскому прокурору велѣно было произвести строжайшее дознаніе.

Прокуроромъ въ Архангельскѣ былъ въ это время И. Ѳ. Максимовъ, человѣкъ честный и честолюбивый. Службу свою онъ началъ еще при генералъ-прокурорѣ Вяземскомъ, и затѣмъ извѣстный Д. П. Трощинскій ему особенно покровительствовалъ. Ему въ то время было около сорока пяти лѣтъ. Онъ былъ хорошо знакомъ въ нашемъ семействѣ и часто любовался на вторую сестру мою Анну, двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Въ 1808 году ей минуло тринадцать лѣтъ, и онъ, увидя ее послѣ годоваго отсутствія, былъ пораженъ превращеніемъ ея въ прелестную дѣвушку. Не смотря на ея крайнюю молодость и огромную разницу между ними въ лѣтахъ, Максимовъ сдѣлалъ предложеніе, которое и было принято. И вотъ, получивъ порученіе разслѣдовать на мѣстахъ причины голода, онъ взялъ съ собою въ корельскія тундры свою четырнадцатилѣтнюю ребенка-жену, одѣтую казачкомъ. Въ этомъ костюмѣ она сопутствовала ему всю зиму, не смотря на то, что уже была беременна первою дочерью.

Результаты ревизіи были неблагопріятны, они выказали безпечность военнаго губернатора фонъ-Дезена, который былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначенъ адмиралъ Спиридовъ, со званіемъ

генералъ-губернатора. Это былъ тотъ адмиралъ, который дѣйствовалъ въ Средиземномъ морѣ во время войны съ Франціей; онъ былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, серьезный и представительный. Съ нимъ пріѣхалъ цѣлый штатъ видной молодежи, въ числѣ которой былъ Отто Коцебу, его адъютантъ, офицеръ гвардейскаго экипажа, сынъ извѣстнаго писателя Коцебу.

До того времени представители флота, не смотря на ихъ многочисленность, не пользовались въ Архангельскѣ особымъ почетомъ. Извѣстно, что императоръ Александръ I мало обращалъ вниманія на развитіе флота, который въ его царствованіе пришелъ въ совершенный упадокъ. Селеніе Соломбало, пригородъ Архангельска, стоящій на отдѣльномъ островѣ, заключалъ въ себѣ военное морское населеніе, корабельныхъ мастеровъ и много офицеровъ; но эти послѣдніе почему то мало показывались въ обществѣ. Мнѣ кажется, что они избѣгали образованныхъ кружковъ, потому что и ихъ принимали неохотно; фраза «пьяница во флотѣ» считалась аксіомой. Были въ Архангельскѣ и адмиралы, и такъ называемые флотскіе генералы: Лутохинъ, Шляхтинъ и др., но это были люди не семейные, жившіе на своемъ островѣ, вдали отъ нашего общества, своею особенною жизнью.

Въ мое время о пароходахъ, понятно, не могло быть и рѣчи; весь флотъ былъ парусный и даже гребной. Кромѣ того, имѣлись суда поморовъ, занимавшихся рыбною ловлей, и Архангельскъ не только пользовался въ изобиліи задешево разнообразными сортами рыбъ; но большія партіи трески, палтусины и семги ежегодно зимою на подводахъ отправлялись въ Москву и Петербургъ. Хотя Бѣлое море изобилуетъ сельдями, но ихъ употребляли на мѣстѣ и приготовленіе впрокъ не было извѣстно; одни только соловецкіе монахи обладали секретомъ солить сельдей, и соловецкія сельди пользовались извѣстностью. Ловля моржей доставляла ворвань, шедшую за границу; изъ кожи ихъ дѣлали обивку сундуковъ и погребцевъ, а изъ костей выдѣлывались замѣчательныя по тонкой рѣзьбѣ вещицы. Заслуживаетъ вниманія то, что въ рѣкахъ архангельскихъ крестьяне добываютъ прекрасный жемчугъ, и нѣтъ крестьянки, которая бы не хранила для приданаго своимъ дочерямъ ожерелья или повязки изъ чистаго жемчуга, иногда довольно крупнаго.

Кромѣ англичанъ, въ Архангельскѣ проживало большое число представителей нѣмецкихъ фирмъ, имѣлась нѣмецкая слобода, нѣмецкая улица считалась лучшею въ городѣ, были двѣ нѣмецкія церкви, клубъ, носившій названіе нѣмецкаго и съ особымъ торжествомъ отпраздновавшій въ 1812 году освобожденіе Россіи; было нѣсколько нѣмецкихъ пансіоновъ, и вообще нѣмецкій языкъ былъ въ большомъ ходу. Французскому языку обучались мало, и въ го-

родѣ едва можно было насчитать человѣкъ пять французовъ. Я училась пофранцузски у швейцарца изъ нѣмецкаго кантона.

Я забыла своевременно упомянуть о замужествѣ старшей моей сестры Александры въ 1805 году. Мужъ ея И. И. Платуновъ воспитывался въ Гамбургѣ, онъ былъ человѣкъ дѣятельный и предпріимчивый, завелъ обширные торговые обороты, имѣлъ два собственныхъ морскихъ судна, ходившія въ Англію, взялъ откупъ, поставку хлѣба на армію, устроилъ въ Казани англійскій магазинъ, дѣла его пошли бойко, и онъ уѣхалъ съ женою въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ извѣстнымъ въ то время богачемъ Злобинымъ, графомъ Зубовымъ и другими дѣятелями. Не вдаваясь въ исчисленіе всѣхъ предпріятій и откуповъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, я скажу только, что впослѣдствіи несчастныя обстоятельства и политическія событія разстроили его состояніе до того, что онъ, чтобы не подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ конкурсовъ, взысканіямъ казны, преслѣдованіямъ кредиторовъ и проч., нашелъ возможнымъ при содѣйствіи мѣстныхъ архангельскихъ властей быть признаннымъ умершимъ, и въ этомъ покойномъ состояніи пребывать болѣе тридцати лѣтъ, пока, наконецъ, необходимость совершать гражданскіе акты и невозможность въ новѣйшее время оставаться лицомъ безъ имени не вызвали его изъ города Онеги въ Петербургъ, гдѣ онъ обратился къ оберъ-секретарю сената Шахову, который помогъ ему очистить старые грѣхи и чрезъ то возстановить его право на существованіе. Это воскресеніе изъ мертвыхъ произошло въ 1845 году. Считаю долгомъ прибавить, что со стороны Шахова эта услуга была чисто дружеская.

Съ ранняго дѣтства политика интересовала меня; я въ ней видѣла какъ бы продолженіе исторіи, которая была моею любимою наукой, я также любила русскую литературу, часто по этимъ двумъ предметамъ у меня завязывались оживленные споры, я декламировала оды предъ нашимъ архіереемъ Евлампіемъ, но однажды, будучи одиннадцати лѣтъ, мнѣ вздумалось продекламировать предъ вице-губернаторомъ «Модную жену» Дмитріева. Къ несчастью, въ немъ было нѣкоторое сходство съ портретомъ «пролаза» этой поэмы. Это дало поводъ ему высказать, что я съ дѣтства становлюсь безнравственной. Много выговоровъ отъ родителей, огорченій и слезъ принесла мнѣ эта «Модная жена».

Конечно, не все архангельское купечество было образовано; такъ называемые посадскіе купцы держались старины, жены ихъ одѣвались порусски и многія не умѣли писать, но купцы биржевые, имѣвшіе сношенія съ иностранцами, пріобрѣли складъ европейскій. Благодаря этой близости, имѣлись частыя и интересныя свѣдѣнія отъ англичанъ, зорко слѣдившихъ за ходомъ политики, въ которой были замѣшаны ихъ денежные интересы. Они держали при себѣ какихъ то агентовъ американцевъ, съ помощію ихъ они обдѣлывали

крупныя дѣла, и вслѣдствіе этого значеніе таможни и нейтральнаго прокурора росло. Зять мой Максимовъ, послѣ удачной ревизіи корельскаго голода, окончившейся смѣщеніемъ генералъ-губернатора, пріобрѣлъ большой вѣсъ и хлопоталъ въ Петербургѣ о предоставленіи ему наблюденія надъ таможней; его старанія имѣли успѣхъ, онъ былъ назначенъ на должность нейтральнаго прокурора.

Круто повелъ онъ дѣло; имѣя связи и родство въ коммерческомъ мірѣ, онѣ могъ близко слѣдить за приходящими грузами, всѣ подставные американцы были ему извѣстны, и конфискованные товары загромоздили склады; цѣнность ихъ считалась милліонами. Тогда заинтересованныя лица предложили Максимову пятьсотъ тысячъ рублей, прося его быть снисходительнѣе.

«Бери, коли даютъ», говорилъ мой отецъ, человѣкъ практическій,—«ты себѣ наживаешь сильныхъ враговъ, да еще, Богъ вѣсть, хорошо ли дѣлаешь, играя въ руку Наполеону; желаетъ ли еще того наше правительство?»

Максимовъ, какъ я сказала, былъ человѣкъ честный, и, кромѣ того, ему безъ нарушенія совѣсти предстояло разбогатѣть, такъ какъ часть конфискованнаго товара по закону должна была принадлежать ему; онъ отказался отъ взятки.

Но событія шли быстро, отношенія съ Франціей становились натянутыми, все готовилось къ грозѣ, и континентальная система дѣлалась несвоевременной. Впослѣдствіи, въ 1815 году, когда производилась всеобщая ликвидація государствъ за прошлыя прегрѣшенія, Англія представила Россіи счетъ за конфискацію всѣхъ ея товаровъ, и эта сумма была вычтена изъ контрибуціи, приходившейся на долю Россіи. Максимовъ напрасно добивался слѣдовавшей ему доли за архангельскія конфискаціи, пока, наконецъ, друзья его благоразумно не посовѣтовали ему прекратить эти требованія, напоминавшія правительству его ошибки.

Въ 1811 году, предъ Отечественной войной пріѣхала въ Архангельскъ французская труппа актеровъ. Это обнаруживало полное незнаніе Россіи: французская труппа никогда не могла бы имѣть успѣха у насъ, не знакомыхъ съ французскимъ языкомъ и не имѣвшихъ даже своего національнаго театра, въ настоящихъ же обстоятельствахъ появленіе ихъ было болѣе чѣмъ странно. Всѣ тотчасъ назвали это прикрытымъ шпіонствомъ, впрочемъ по распоряженію губернатора имъ для представленій былъ отведенъ пустой хлѣбный магазинъ. Даже перваго спектакля не состоялось, такъ какъ не нашлось охотниковъ брать билеты, и труппа скоро скрылась.

При этихъ то обстоятельствахъ наступилъ двѣнадцатый годъ.

Лѣто 1811 года я вмѣстѣ съ родителями провела въ Петербургѣ, и зимой мы должны были возвратиться въ Архангельскъ. Путь этотъ въ тысячу двѣсти верстъ мы всегда совершали въ по-

шевняхъ и возкѣ, на передаточныхъ, или, какъ у насъ говорятъ, на протяжныхъ, отдыхая на полпути въ Каргополѣ; хотя поѣздка требовала десяти дней времени и казалась дальнею, но мы къ ней привыкли, на всѣхъ станціяхъ насъ принимали съ удовольствіемъ и вниманіемъ, какъ почетныхъ гостей. Богатый купецъ, бывшій содержатель питейнаго откупа Архангельской губерніи, былъ лицомъ значительнымъ въ глазахъ крестьянъ и властей.

Старшій братъ мой, Аполлонъ, о которомъ я упоминала выше, въ это время служилъ уже въ государственной канцеляріи и затѣмъ въ комитетѣ министровъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ своего начальника, сильнаго въ то время человѣка, статсъ-секретаря Молчанова. Эта личность справедливо заслуживала уваженіе, и удаленіе ея съ этого поста вызвало всеобщее сожалѣніе. Онъ ослѣпъ и долженъ былъ отказаться отъ службы.

Съ наступленіемъ новаго года стали дѣлаться какія-то приготовленія къ войнѣ. Опасались за Архангельскъ, хотя трудно было пріискать, съ какой стороны могъ къ нему подступить непріятель. Правда, съ Швеціей отношенія не были вполнѣ опредѣлены, но съ Англіей сношенія становились все дружественнѣе; дессанта опасаться было нельзя, и, конечно, не противъ нихъ принимались мѣры. Въ Архангельскѣ съ 1808 года держали два полка, Углицкій и Софійскій, и ихъ привели на военное положеніе. Страннѣе всего то, что эти полки все время войны двѣнадцатаго года стояли у насъ въ городѣ точно забытые, и уже къ концу компаніи они были, наконецъ, вызваны къ дѣйствующей арміи.

Наступала весна. Въ одинъ воскресный день, въ маѣ мѣсяцѣ, всѣ наши домашніе отправились въ церковь, а я осталась дома. Вдругъ въ комнату мою вбѣгаетъ младшій братъ мой, десятилѣтній Валеріанъ, съ извѣстіемъ о войнѣ и тутъ же начинаетъ декламировать какіе-то патріотическіе стихи Озерова о нашествіи Мамая. Онъ былъ въ экзальтированномъ настроеніи, и я едва могла добиться отъ него, въ чемъ дѣло. Успокоясь, онъ принялся мнѣ разсказывать, какъ вышелъ на амвонъ соборный протодіаконъ и сталъ громко читать извѣстный манифестъ императора Александра, начинающійся словами: «Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи» и т. д. Всѣхъ находившихся въ соборѣ охватило волненіе; слова манифеста, переносившія воспоминанія за двѣсти лѣтъ къ именамъ Минина, Пожарскаго и Палицына, точно подлили что-то горячее къ сердцу; каждый передавалъ сосѣду свои опасенія и соображенія; все, что было оффиціальнаго, бросилось съ визитомъ къ губернатору, надѣясь отъ него узнать какія нибудь подробности. Событіе, которое всѣ предусматривали въ будущемъ, грянуло какъ громъ среди безоблачнаго дня. У отца моего собралось множество гостей, и у всѣхъ были озабоченныя тревожныя лица.

Гроза эта пронеслась по средней полосѣ Россіи, не задѣвши нашей губерніи, и, однако, все встрепенулось; какое же впечатлѣніе должна была она произвести на жителей мѣстностей, лежавшихъ на пути шествія наполеоновыхъ войскъ? Оглядываясь на всѣ событія и войны, мелькнувшія на моихъ глазахъ въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ семидесяти лѣтъ, я ничего не могу приравнять къ памяти славнаго двѣнадцатаго года и энтузіазму, охватившему какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей. Вниманіе всѣхъ сосредоточилось на государѣ, котораго столько до тѣхъ поръ порицали и который послѣ манифеста и нѣсколькихъ твердыхъ знаменательныхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ духѣ народа, сдѣлался предметомъ общаго поклоненія и горячей любви.

Въ нашей губерніи не было дворянства, ставшаго повсюду во главѣ патріотическаго движенія; отъ насъ не шло ополченія, но купечество и другія сословія въ дѣлѣ денежныхъ пожертвованій не отстали отъ всей Россіи, и даже иностранные торговые дома увлеклись общимъ чувствомъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили у насъ за движеніемъ войскъ внутрь Россіи; это уже не была какая нибудь война въ Германіи или Италіи; тутъ каждый городъ и мѣстечко, о которыхъ упоминалось въ реляціяхъ, были извѣстны; кто нибудь изъ окружающихъ бывалъ тамъ или имѣлъ знакомыхъ. Кромѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Сына Отечества», издававшагося Гречемъ, газетъ не было; но частныя письма дополняли недостающія свѣдѣнія; подробности, заключавшіяся въ этихъ письмахъ, были вѣрнѣе, и живѣе хватали за душу. Вся Россія слилась въ одну семью, и война получила названіе Отечественной. Вотъ въ нѣкоторыя семьи возвратили дѣвицъ изъ московскихъ институтовъ; значитъ, уже и Москва въ опасности; вотъ достигла вѣсть о Бородинскомъ сраженіи, а вслѣдъ за тѣмъ говорятъ: «Москва взята! Москва горитъ! Нѣтъ, видно не сладить съ Наполеономъ!»

Наступило какъ-бы затишье. Ничего нѣтъ новаго; все одно и то же: французъ въ Москвѣ. Когда и чѣмъ все это кончится,—но ударъ уже разразился, хуже быть не можетъ. Вотъ кое-кто изъ раззоренныхъ смолянъ и москвичей пріѣхалъ къ роднымъ въ Архангельскъ; разсказываютъ, будто французы голодаютъ; говорятъ, что еще собираютъ войска и рекрутъ; наши архангельскіе засидѣвшіеся полки получили приказъ выступать; надежда на что-то начинаетъ рости; по рукамъ ходятъ патріотическіе стихи, и ихъ повторяютъ съ одушевленіемъ наизустъ. Вдругъ узнается, что мира не будетъ, что французы выступили изъ Москвы! Точно камень свалился съ сердца. Что-то будетъ?!

Ходъ Отечественной войны извѣстенъ, и разсказывать мнѣ его не для чего, тѣмъ болѣе, что я и сама знаю его изъ печатныхъ источниковъ; но я могу передать то, что русскій народъ и я вмѣстѣ съ нимъ перечувствовали въ эту тяжелую и славную годину;

раны отечества были велики, частныя потери неисчислимы, но ихъ сгоряча какъ-бы не чувствовали; на душѣ стало спокойно, и явилось убѣжденіе въ счастливомъ и скоромъ окончаніи войны. Весь народъ возсталъ, всѣмъ вступившимъ въ ополченіе обѣщана воля, озлобленные крестьяне бьютъ басурмана; французовъ гонятъ изъ Россіи, и они гибнутъ тысячами; донскіе казаки травятъ ихъ какъ зайцевъ; даже старостиха Василиса начальствуетъ надъ крестьянами и забираетъ французовъ десятками въ плѣнъ. Въ народѣ появились разныя лубочныя картинки каррикатурнаго содержанія съ подписями: «Русскій геркулесъ загналъ французовъ въ лѣсъ и давитъ ихъ какъ мухъ», «Маршалъ Ней гонялъ подъ Краснымъ голубей» и проч. Явилась басня Крылова «Волкъ на псарнѣ».

Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи, а 25-го декабря у насъ, въ Архангельскѣ, въ соборѣ служили молебенъ объ освобожденіи Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языковъ.

Впродолженіе цѣлаго столѣтія ни одинъ государь не заглянулъ въ отдаленный нашъ край, послѣдній разъ посѣщенный Петромъ Великимъ въ 1724 году. Сѣверъ нашъ и прежде считался какъ-бы опальнымъ: Соловецкая святыня издавна служила мѣстомъ ссылки духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; чтобы удалить отъ глазъ міра семейство павшаго императора Ивана Антоновича, выбрали Холмогоры; къ намъ ссылали безпокойныхъ людей и преступниковъ; даже губернаторы, пріѣзжавшіе завѣдывать обширною нашею областью, считались впавшими въ немилость. Государыни-матушки были мачихами для Архангельска, и прекрасный торговый городъ нашъ, близкій къ Европѣ, былъ очень, очень далекъ отъ Россіи.

Въ 1819 году сдѣлалось извѣстнымъ, что лѣтомъ Александръ Благословенный посѣтитъ Архангельскую губернію; понятно, какъ эта новость взволновала всѣхъ. Это посѣщеніе было тѣмъ неожиданнѣе, что государь мало придавалъ значенія русскому флоту какъ военному, такъ и коммерческому. Пріѣздъ царя подавалъ надежды, что будетъ что-либо сдѣлано для нашего порта и морской торговли.

По какимъ-то причинамъ государь не хотѣлъ останавливаться въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, отстоявшемъ далеко отъ центра города, и приказано было пріискать ему помѣщеніе въ частномъ домѣ. Нашъ домъ былъ лучшимъ и самымъ помѣстительнымъ; но за нѣсколько недѣль въ семьѣ у насъ случилось несчастіе: отецъ мой умеръ, мы были въ глубокомъ траурѣ, и лицо, которому было поручено сдѣлать выборъ дома, довольно неловко отвѣтило на наше предложеніе, что у насъ пахнетъ покойникомъ. Избранъ былъ домъ Брандта, нынѣ извѣстной фирмы, принявшей по родственнымъ отношеніямъ всѣ дѣла стариннаго дома Фанъ-Бринъ.

Въ Архангельскѣ архіереемъ былъ преосвященный Пареенiй; въ дѣтствѣ онъ былъ школьнымъ товарищемъ моего отца и, встрѣтясь на старости лѣтъ въ одномъ городѣ, они были очень дружны между собою. Этотъ архіерей умеръ почти одновременно съ моимъ отцемъ, но по церковнымъ правиламъ его нельзя было хоронить ранѣе извѣстнаго времени, а потому присутствіе тѣла святителя въ городѣ, желавшемъ принять праздничный видъ, очень стѣсняло распорядителей торжественной встрѣчи. Наконецъ, какими-то происками успѣли добиться того, чтобы на все время пребыванія государя въ Архангельскѣ тѣло покойнаго владыки было спрятано въ подвалъ.

Не стану описывать подробностей пріема царя, обо всемъ этомъ было своевременно напечатано въ оффиціальныхъ отчетахъ, но я могу сказать, что все населеніе горячо желало видѣть побѣдителя Наполеона, освободителя Европы, славнаго государя своего, о которомъ тогда говорилъ весь міръ. Восторгъ народа былъ неподдѣльный; во все время пребыванія Александра въ городѣ давались ежедневно праздники; толпы народа не отходили отъ дома, занимаемаго государемъ, и въ свѣтлыя лѣтнія ночи видно было, какъ площадь чернѣла отъ толпившихся массъ.

Однажды царь, посѣтивъ Соломбалу, возвращался въ шлюбкѣ съ бывшими при немъ княземъ Волконскимъ и будущимъ морскимъ министромъ, княземъ Меньшиковымъ, тогда еще молодымъ генералъ-маіоромъ. Двина пестрѣла лодками, и одна изъ нихъ, управляемая женщинами, везшими свои сельскія произведенія на базаръ, подошла на близкое разстояніе къ царской шлюбкѣ. Крестьянки стали низко кланяться царю, который, желая оказать имъ особенное вниманіе, приказалъ отдать честь дамамъ. Матросы подняли весла. Этотъ морской пріемъ испугалъ поселянокъ: онѣ увидѣли въ этомъ угрозу и съ визгомъ принялись сильно грести къ берегу. Только, выскочивъ на берегъ, успокоились онѣ, когда имъ объяснили, въ чемъ дѣло.

Долго хранилась въ Архангельскѣ память посѣщенія его государемъ, и разные разсказы дополняли подробности о пребываніи его въ губерніи.

Въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, близь Тучкова моста, есть большой четырехъ-этажный домъ, приносящій въ настоящее время до восьмидесяти тысячъ рублей дохода. Въ 1813 году онъ имѣлъ три этажа и былъ пріобрѣтенъ, по случаю, братомъ моимъ за восемьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями.

Его соблазнили выгодныя условія платежа этой суммы въ разсрочку. Въ то время дома были въ низкой цѣнѣ, потому что, благодаря постояннымъ войнамъ, можно было опасаться всякихъ случайностей. Вѣдь сгорѣла же Москва! Когда послѣ смерти отца наше

семейство въ 1819 году переселилось въ Петербургъ, то этотъ домъ давалъ уже двадцать четыре тысячи рублей чистаго дохода, не считая занимаемыхъ нами квартиръ. Такъ поднялось все въ цѣнѣ и вздорожало послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ.

Возвратившаяся изъ Парижа гвардія была въ глазахъ всѣхъ окружена какимъ-то ореоломъ славы. Строфы Грибоѣдова: «кричали женщины ура! и въ воздухъ чепчики бросали»—вѣрно выражаютъ настроеніе общества, хотя Петербургъ и не дѣлалъ такихъ демонстрацій. Либеральный образъ мыслей и сознаніе человѣческаго достоинства стали замѣтны не только между офицерами, но и между нижними чинами гвардіи. Войско это трудно было ввести въ рамку прежнихъ отношеній, что̀ ясно доказала такъ называемая извѣстная семеновская исторія, трагически окончившаяся для полка этого имени. Сочувствіе всего общества было на сторонѣ солдатъ, требованія которыхъ были вполнѣ справедливы, хотя ихъ подвели подъ статью нарушенія дисциплины.

Не даромъ ходилъ слухъ, что Аракчеевъ говаривалъ государю, что ему слѣдовало бы до возвращенія въ Россію утопить всю гвардію.

Послѣ пятнадцатаго года либеральное направленіе первой половины царствованія Александра Благословеннаго стало принимать болѣе суровый оттѣнокъ и постепенно перешло къ такъ называемой аракчеевщинѣ.

Подъ начальствомъ этого холодно-жестокаго временщика служилъ тогда старшій братъ мой, Аполлонъ. Состоя прежде на службѣ въ комитетѣ министровъ, ему пришлось на время отказаться отъ мѣста, чтобы имѣть возможность съѣздить въ Архангельскъ для приведенія въ порядокъ сложныхъ дѣлъ отца, внезапно прерванныхъ его смертью. Возвратясь въ 1819 году въ Петербургъ, братъ подалъ прошеніе о поступленіи вновь на службу, и прошеніе это попало въ руки Аракчеева, который, зная его по прежней дѣятельности, призвалъ къ себѣ и предложилъ брату моему служить въ его канцеляріи.

Всякое сближеніе съ этимъ лицомъ было опасно, но отказаться отъ его предложенія также не представлялось возможности, и братъ мой, уже въ чинѣ статскаго совѣтника, поступилъ дѣлопроизводителемъ въ канцелярію Аракчеева, директоромъ которой былъ почтенный старикъ Колосовъ.

Однажды, составлялся докладъ государю, и, по разсѣянности переписчика, вкралась ошибка, а именно, вмѣсто одного города, былъ названъ другой. Ошибка эта, измѣнявшая смыслъ донесенія, прошла незамѣченною у всѣхъ на глазахъ, и бумага представлена при докладѣ Александру I, который и обратилъ на нее вниманіе Аракчеева.

Злобный временщикъ, по возвращеніи изъ дворца, немедленно потребовалъ къ себѣ Колосова и, выйдя къ нему изъ кабинета,

въ присутствіи всей канцеляріи и просителей обратился со словами:

«До сѣдыхъ волосъ дожили, а дѣла своего не знаете».

И для бо̀льшей очевидности взялъ старика за волосы и дернулъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, о̀нъ бросилъ злосчастную бумагу въ лицо директору канцеляріи. Заслуженный старикъ не выдержалъ позора, съ нимъ тутъ же сдѣлался ударъ, онъ упалъ; его вынесли на рукахъ, и къ вечеру его уже не было въ живыхъ.

Отвѣтственность за недосмотръ бумаги падала частію также и на моего брата; поэтому можно представить себѣ ужасъ всѣхъ насъ, когда дня чрезъ три послѣ событія Аракчеевъ внезапно потребовалъ къ себѣ моего брата на квартиру. Полагая, что это приглашеніе есть продолженіе того же дѣла, братъ ѣхалъ, какъ приговоренный на смерть, но тутъ же заявилъ намъ, что дастъ Аракчееву пощечину при первомъ дерзкомъ словѣ съ его стороны.

Со страхомъ ожидали мы возвращенія брата и менѣе всего были приготовлены къ извѣстію, которое онъ намъ привезъ. Извѣстіемъ этимъ была неожиданная милость, оказанная брату, въ лицѣ одного изъ его родственниковъ. Зять его, Максимовъ, потерявшій со времени войны двѣнадцатаго года мѣсто нейтральнаго прокурора и тщетно хлопотавшій о какомъ нибудь вознагражденіи за прежнюю службу, по особому представленію Аракчеева, былъ назначенъ могилевскимъ губернаторомъ, и Аракчеевъ потребовалъ къ себѣ моего брата, чтобы лично объявить ему эту милость.

Трудно объяснить себѣ такой внезапный поворотъ въ настроеніи суроваго временщика, знавшаго, что братъ мой долженъ былъ нести отвѣтственность одинаково съ Колосовымъ. Хотѣлъ ли онъ этимъ поступкомъ изгладить впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ смертью Колосова, или чувствовалъ угрызеніе совѣсти и искалъ предлога сдѣлать доброе дѣло; во всякомъ случаѣ, это обстоятельство дало возможность Аракчееву оказать намъ благодѣяніе.

II.

Родословная. — Шляхетскій корпусъ. — Полтретьяжды полтретья. — Депо картъ. — Бюро. — Комендантъ безъ крѣпости. — Графъ Оппермanъ. — Бѣдный мальчикъ! — Военная хитрость. — Людовикъ XVIII. — Марья Антоновна. — Уланская шалость. — Мой романъ.

Покойный мужъ мой, инженеръ генералъ-лейтенантъ Н. Я. Бутковскій, родился въ 1782 году, т. е. слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ. Въ гербѣ его значится подкова, и этимологи доказываютъ на основаніи этого, что фамилія предковъ его была не Бутковскій, а Подковскій. Сама же подкова внесена въ гербъ польскимъ королемъ

Казиміромъ I въ память того, что родоначальнику ихъ первому пришло на мысль подковать лошадей, чтобы взобраться на скользкую и крутую гору, гдѣ стоялъ крѣпкій замокъ, который вслѣдствіе того и взятъ.

Легенда эта хотя имѣетъ мало историческаго основанія, такъ какъ вѣроятнѣе, что подковы вошли въ употребленіе въ скоромъ времени по открытіи желѣза; но, по крайней мѣрѣ, она доказываетъ желаніе установить древность рода. Она даже въ настоящее время есть единственный документъ, подтверждающій генеалогію, такъ какъ дѣдъ Бутковскаго въ царствованіе Анны Іоанновны, переправляясь черезъ рѣку Прутъ, въ качествѣ курьера изъ арміи Миниха, утонулъ вмѣстѣ съ депешами, да, кажется, и съ фамильными документами, которые онъ для чего-то возилъ съ собою.

Недостатокъ дворянскихъ документовъ не помѣшалъ, однако, тринадцатилѣтнему Николаю Бутковскому поступить во второй шляхетскій корпусъ. Его привезъ изъ Вятки въ Петербургъ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ для опредѣленія на службу. Въ то время особыхъ экзаменовъ не требовалось, ибо количество фонъ-визинскихъ недорослей еще было велико, а потому и конкурренцій на вакансіи не существовало. Мальчика спрашивали лишь, умѣетъ ли онъ читать и писать, а знающій четыре правила ариѳметики уже считался подготовленнымъ. Свидѣтельство о крещеніи да просьба родственника о принятіи въ корпусъ были единственно требуемые документы, а привитіе оспы производилось уже въ училищѣ.

Такимъ образомъ молодаго Бутковскаго зачислили въ роту, и голову его тотчасъ привели въ порядокъ, т. е. ее намазали саломъ, напудрили мукой и изъ волосъ устроили вержеты и косичку на затылкѣ; а такъ какъ его курчавые волосы плохо поддавались новой формѣ, то ихъ завязали въ мѣшечекъ, куда для противовѣса вложили кусокъ сальной свѣчи.

Далеко то время, далеки и мы отъ тѣхъ порядковъ, или, лучше сказать, безпорядковъ, которые царствовали тогда въ разсадникахъ молодежи; воспитаніе смягчило нравы; но въ тѣ дни трудно было найдти развитыхъ педагоговъ и воспитателей; корпусные офицеры зачастую были пьяницы, а обращеніе кадетъ между собою было грубое. Бывали случаи, что недовольные товарищи спускали провинившагося кадета ночью изъ окна на простыняхъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ варварскихъ корпусныхъ обычаевъ, кажется, сохранились и до нашихъ дней: такъ, напримѣръ, приставанье къ новичкамъ.

Рисованье и черченіе были въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ, но резина не была въ употребленіи, а для стиранія карандаша прибѣгали къ помощи булки, которую, однако, воспитанники должны были пріобрѣтать на свои деньги. Родственникъ, привезшій мальчика изъ Вятки, доставлялъ нужныя ему для этого сред-

ства; онъ давалъ ему на всѣ его нужды въ теченіе недѣли по десяти копѣекъ ассигнаціями, и эта ничтожная сумма имѣла въ то время значительную цѣнность: какъ извѣстно, мѣдная копѣйка дѣлилась на двѣ денежки, которыя раздѣлялись еще на двѣ полушки, и вотъ Бутковскій на одну полушку могъ покупать калачъ, который служилъ ему и завтракомъ, и резиной.

Математика была однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія, и ее проходили основательно; Бутковскій былъ въ ней силенъ и потому быстро переходилъ изъ класса въ классъ; рядомъ съ нимъ на скамьѣ сидѣли товарищи, которые давно брили бороду; былъ даже одинъ двадцати двухъ-лѣтній, три года остававшійся въ одномъ классѣ.

Однажды самъ Мелисино пріѣхалъ въ корпусъ и, проходя по классамъ, остановился, чтобы послушать отвѣты учениковъ.

— А кто изъ вашихъ кадетъ самый сильный въ ариѳметикѣ? спросилъ онъ, — я ему дамъ задачу.

Молодаго Бутковскаго вызвали къ доскѣ, онъ былъ меньше всѣхъ ростомъ, и Мелисино засмѣялся, сравнивая его съ великорослыми кадетами.

— Ну-ка! мой малый золотникъ, рѣши мнѣ задачу, пиши: полтретьяжды полтретья рубля, сколько будетъ копѣекъ?

Мальчикъ, какъ говорится, опѣшилъ. Онъ готовился рѣшать трудныя математическія задачи, но при такомъ простомъ и вмѣстѣ непонятномъ вопросѣ онъ сталъ втупикъ.

На скамьяхъ послышался сдерживаемый смѣхъ.

— Подумай, подумай хорошенько; коли есть смыслъ, то рѣшить можешь, ободрялъ старикъ генералъ.

Это замѣчаніе задѣло за живое самолюбиваго мальчика; онъ гордился своими познаніями передъ товарищами, и неудача въ настоящемъ случаѣ уронила бы его авторитетъ; соображеніе у него было быстрое, онъ оправился, взялъ мѣлъ и, самъ улыбаясь своей недогадливости, бойко написалъ:

$$2^1/_2 \times 2^1/_2 \text{ рубля} = {}^5/_2 \times 250 = 625 \text{ копѣйкамъ.}$$

Репутація математика была спасена. Самъ учитель потомъ расцѣловалъ его.

Шестнадцати съ половиной лѣтъ отъ роду выпущенъ былъ Бутковскій изъ училища, переименованнаго уже въ царствованіе Павла во второй кадетскій корпусъ. Его зачислили въ артиллерійскую экспедицію съ чиномъ кондуктора втораго класса, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ произвели въ кондукторы перваго класса, съ переводомъ въ инженеры депо картъ его величества. Я нарочно привожу эти подробности, чтобы указать на чины и мѣста служенія, названія которыхъ какъ-то странно звучатъ теперь для насъ.

Это депо картъ помѣщалось въ Инженерномъ замкѣ, мрачномъ зданіи и по виду, и по воспоминаніямъ. Въ бытность свою кондук-

торомъ, Бутковскій занимался составленіемъ извѣстной столистной карты Россіи; это былъ замѣчательный по обширности и важности значенія трудъ русскаго штаба; при окончаніи его всѣ участники получили награды и по одному экземпляру изданія на память. Эта столистная карта и до сего дня хранится у меня.

Одинъ изъ экземпляровъ этого изданія былъ пріобрѣтенъ французскимъ посольствомъ и отправленъ во Францію. Наполеонъ приказалъ перевести его на французскій языкъ и отпечатать въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Передъ войной двѣнадцатаго года карты эти были розданы всѣмъ французскимъ генераламъ, такъ какъ для иностранцевъ это былъ единственный вѣрный указатель дорогъ въ малоизвѣстной Россіи. Такимъ образомъ карта эта сослужила службу нашимъ недругамъ.

Кромѣ столистной карты, у мужа моего осталось еще одно вещественное воспоминаніе его службы въ депо: это пятая часть громаднаго бюро.

Дѣло въ томъ, что для храненія плановъ и чертежей въ депо находилось бюро прекрасной работы, но размѣровъ небывалыхъ. Когда въ комнатахъ потребовались передѣлки, то не могли придумать средства не только вынести его, но даже передвинуть, и одинъ шутникъ высказалъ предположеніе, что бюро это было выстроено въ комнатахъ одновременно съ зàмкомъ. Между тѣмъ оставить его на мѣстѣ было нельзя, такъ какъ императоръ выразилъ желаніе, чтобы эту громоздкую вещь сбыли съ рукъ. Сдѣланы были вызовы къ торгамъ, но желающихъ купить его не явилось. При своемъ вторичномъ посѣщеніи, увидя бюро попрежнему на мѣстѣ, Павелъ разгнѣвался и велѣлъ «выбросить его вонъ». Ненавистный шкафъ собирались уже обратить въ щепы, но онъ былъ спасенъ отъ гибели кондукторами: пятеро молодыхъ инженеровъ выпросили его себѣ и, примѣняя къ дѣлу свое строительное искусство, разобрали его по частямъ и выстроили пять отдѣльныхъ бюро.

Пятая часть бюро, нѣсколько оригинальной формы, напоминающей букву Г, и теперь еще красуется въ моемъ деревенскомъ кабинетѣ.

Императоръ Павелъ охотно посѣщалъ депо картъ, интересовался ходомъ работъ... Въ одно утро кондукторы, явившіеся въ чертежныя комнаты, не были допущены до занятій; у всѣхъ дверей стояли часовые. Причинъ не объясняли, но шепотомъ передавали о внезапной смерти императора.

Наступило новое царствованіе, новый вѣкъ!

Про время Павла I разсказывалось много анекдотовъ, о которыхъ печатали даже при жизни его за границею, и это его особенно волновало. Здѣсь я сообщу одинъ изъ нихъ, слышанный мною отъ мужа.

Въ русской военной службѣ состоялъ нѣкто французъ Роже;

онъ былъ принятъ еще Екатериной II, какъ эмигрантъ, пользовался ея покровительствомъ и по старой привычкѣ, съ легкомысліемъ француза, жилъ не по средствамъ и входилъ въ долги, въ чемъ ему усердно помогала его жена. Императрица нѣсколько разъ выручала ихъ изъ бѣды.

Но вотъ на престолъ вступилъ Павелъ; съ нимъ повсюду въ управленіи воцарилась строгая экономія, и бѣдный эмигрантъ, озадаченный прекращеніемъ субсидій, сталъ просить графа Салтыкова, чтобы, въ видахъ экономіи и поправленія обстоятельствъ, его назначили комендантомъ какой либо крѣпости.

По собраннымъ справкамъ оказалось, что въ крѣпости Петра и Павла на оренбургской границѣ не имѣется коменданта, и капитанъ Роже получилъ туда назначеніе.

Снабженный необходимыми инструкціями и распродавъ свое движимое имущество, поѣхалъ новый камендантъ со своею француженкой и дѣтьми на край Россіи. Немало было любопытныхъ эпизодовъ, разнообразившихъ странствованіе этой семьи, незнакомой ни съ русскимъ языкомъ, ни съ обычаями. Они истомились; поэтому всѣ помыслы ихъ были устремлены къ обѣтованной крѣпости, гдѣ должны были окончиться ихъ испытанія.

Но ихъ ждало тяжолое разочарованіе: капитанъ никакъ не могъ отыскать ввѣренной ему крѣпости. Послѣ тщетныхъ поисковъ и разспросовъ, онъ отнесъ эту неудачу къ своему плохому знанію русскаго языка и рѣшился вернуться въ Оренбургъ за справками. Тутъ-то узналъ онъ, что крѣпость эту забыли выключить изъ списковъ, но что двадцать лѣтъ тому назадъ Пугачевъ срылъ ее до основанія, и она не возобновлялась.

Не знаю, чѣмъ окончились мытарства французской семьи.

Въ скоромъ времени судьба свела Бутковскаго съ однимъ изъ видныхъ дѣятелей Александровской эпохи. Онъ поступилъ подъ непосредственное начальство инженеръ генералъ-лейтенанта графа Оппермана, на которомъ въ это грозное время лежала нелегкая задача приведенія западныхъ крѣпостей имперіи въ оборонительное состояніе. Тутъ, кромѣ знанія, нужна была большая дѣятельность, и графъ Оппперманъ оказался на высотѣ этой важной задачи.

Онъ былъ человѣкъ добрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начальникъ, былъ строгъ, требователенъ до педантизма, какъ истый нѣмецъ, и работалъ неутомимо. Объѣзжая въ 1803 Финляндію, онъ убѣдился въ способностяхъ и любви къ труду молодаго подпоручика и оцѣнилъ его. Чрезъ два года онъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты.

Должность эта дѣлала Бутковскаго секретаремъ и домашнимъ человѣкомъ въ семьѣ графа Оппермана, гдѣ онъ имѣлъ готовый столъ и квартиру; отношенія къ нему начальника сдѣлались патріархальны, и генералъ смотрѣлъ на своего адъютанта, какъ на сына.

Вспыльчивость обоихъ вела къ частымъ размолвкамъ, и, конечно, тяжесть ихъ обрушивалась на подчиненнаго. Въ теченіе десяти лѣтъ Бутковскій былъ три раза назначаемъ и три раза отчисляемъ отъ должности адъютанта. Одинъ разъ въ ссорѣ вся вина была на сторонѣ Оппермана, и старикъ благородно сознался это, объяснившись съ молодымъ офицеромъ. Бутковскій всю жизнь сохранялъ самое благодарное воспоминаніе о своемъ строптивомъ начальникѣ.

Въ богатое военными событіями начало девятнадцатаго вѣка, жизнь офицера не могла быть однообразной, и въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ службы подъ начальствомъ графа Оппермана, Бутковскому много довелось странствовать по Россіи и Европѣ. Чины и отличія быстро слѣдовали одно за другимъ; интересно, однако, что первой наградой двадцатилѣтнему молодому человѣку было пожалованіе золотой табакерки. Табаку онъ еще не научился нюхать и, конечно, поспѣшилъ обратить подарокъ въ наличный капиталъ.

Я не буду передавать всего, что изложено въ формулярномъ спискѣ моего мужа: его походы въ Финляндію, компанію 1807 года и Отечественную войну, закончившуюся взятіемъ Парижа. Бутковскій счастливо миновалъ всѣ опасности сраженій и лишь подъ Лейпцигомъ былъ контуженъ ядромъ, заслуживъ за храбрость алмазные знаки ордена Анны. Все, что я стала бы разсказывать, показалось бы выпиской изъ исторіи того времени. Личность человѣка терялась въ великихъ событіяхъ; поэтому ограничусь сообщеніемъ двухъ эпизодовъ изъ числа слышанныхъ мною отъ него.

Въ 1812 году войска наши отступили изъ укрѣпленнаго лагеря подъ Дриссой къ Смоленску; и Бутковскій, уже въ чинѣ капитана, былъ командированъ въ армію Барклая-де-Толли; онъ получилъ отъ графа Оппермана порученіе отвезти главнокомандующему донесеніе и долженъ былъ его нагнать. Спѣша вслѣдъ за нимъ съ быстротой курьера, онъ въ одной деревнѣ принужденъ былъ за недостаткомъ лошадей просидѣть шесть часовъ и былъ очевидцемъ очень грустнаго событія: разстрѣливали русскаго офицера.

Въ арміи были безпорядки, и отдѣльныя команды солдатъ производили мѣстами насилія: поэтому отъ Барклая-де-Толли послѣдовалъ строгій приказъ, чтобы при командахъ всегда находился офицеръ, который могъ бы отвѣчать за нарушеніе дисциплины. Вскорѣ послѣ этого главнокомандующему довелось проѣзжать чрезъ одну деревню, и онъ натолкнулся на страшное безчинство: фуражиры Преображенскаго полка, подвыпивши, затѣяли ссору и драку съ жителями и шли на приступъ кабака и избы. Барклай тотчасъ потребовалъ къ себѣ офицера, но его на лицо не оказалось, и главнокомандующій отправился далѣе, отдавши приказаніе въ двадцать четыре часа разстрѣлять офицера.

Этою жертвой былъ молодой человѣкъ одной изъ лучшихъ фамилій, семнадцатилѣтній мальчикъ, только за мѣсяцъ произведенный въ прапорщики, вслѣдствіе усиленнаго выпуска изъ училищъ, по случаю открытія военныхъ дѣйствій. Не подозрѣвая грозящей ему бѣды, онъ, по легкомыслію и слабому сознанію служебныхъ обязанностей, отправился на обѣдъ въ усадьбу къ сосѣднему помѣщику, довѣривъ команду унтеръ-офицеру, пока фуражиры нагружали повозки. Арестъ и исполненіе приказа Барклая-де-Толли разразились надъ нимъ, какъ гроза въ ясный день. Онъ плакалъ, хотѣлъ просьбой умилостивить главнокомандующаго, но тотъ уже былъ далеко; ослушаться приказанія или отложить казнь не посмѣли, и приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе. Бѣдный мальчикъ!

Бѣдные родители! скажу я,—что чувствовали они, узнавши, что сынъ ихъ погибъ даже не за отечество, а отъ русской пули, по какой то глупой фатальности.

Послѣ изгнанія враговъ изъ русскихъ предѣловъ, приступлено было къ осадѣ прусскихъ крѣпостей, занятыхъ французскими гарнизонами. Будущій мужъ мой находился въ числѣ инженеровъ, руководившихъ работами при обложеніи крѣпости Торна, и для опредѣленія силы профилей онъ зачастую подбирался къ укрѣпленіямъ на ближайшій выстрѣлъ. Переодѣвшись пастухомъ, лежа на травѣ и присматривая за стадомъ, онъ срисовывалъ на лоскуткѣ бумаги верки и детали фортовъ.

Осада тянулась, и союзники намѣревались сдѣлать гарнизону предложеніе сдать крѣпость на почетныхъ условіяхъ. Для этого одинъ изъ высшихъ офицеровъ былъ назначенъ парламентеромъ для объясненій съ комендантомъ. Тогда Бутковскій вызвался сѣсть за кучера на козлы экипажа, въ которомъ долженъ былъ ѣхать парламентеръ. Какъ инженеръ, онъ хотѣлъ высмотрѣть при этомъ удобномъ случаѣ, въ какомъ состояніи находится крѣпость. Переодѣванью способствовала густая борода, которою онъ обросъ, живя въ траншеяхъ, и потому легко могъ быть принятъ за русскаго мужика.

Понятнѐ, что парламентеру при въѣздѣ въ крѣпость завязали глаза платкомъ; но кучеръ-инженеръ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, удачно исполнилъ свою рискованную роль.

Ему угрожала опасность, какъ шпіону, быть повѣшеннымъ, и эта опасность дѣйствительно существовала, потому что въ то время, какъ онъ проѣзжалъ лошадей по улицамъ, къ нему подошелъ одинъ изъ мѣстныхъ поляковъ и сказалъ порусски:

— Васъ узналъ здѣсь одинъ еврей и сообщилъ мнѣ, да я не хочу выдавать васъ, панъ офицеръ, уѣзжайте скорѣй.

По взятіи крѣпости, Бутковскій получилъ золотую шпагу за храбрость.

О времени пребыванія своего въ Парижѣ онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ: внезапный переходъ съ походнаго положенія на жизнь, полную наслажденій и комфорта, былъ какъ бы наградой за прошлыя лишенія и труды. Послѣ трехлѣтнихъ опасностей ему было какъ-то непривычно очутиться въ мирныхъ отношеніяхъ и жать руку тому, съ кѣмъ за недѣлю до того опасно было встрѣтиться. Хотя Францію нельзя было считать завоеванной страной, но тѣмъ не менѣе жители смотрѣли на русскихъ, какъ на освободителей, да и русскіе сами сознавали себя не столько гостями, сколько хозяевами; отдача визита за московское посѣщеніе у каждаго лежала на душѣ. Изъ деликатности и политики старались какъ можно менѣе давать французамъ чувствовать ихъ фальшивое положеніе; но они сами сознавали это, что и выразилъ однажды, при случаѣ, Людовикъ XVIII.

Во время какого-то дипломатическаго обѣда, онъ, вопреки этикета, котораго былъ строгимъ блюстителемъ, направился однимъ изъ первыхъ въ обѣденный залъ. Можетъ быть, къ тому побуждалъ его аппетитъ, которымъ всегда отличался новый король Франціи, однако онъ нашелъ себѣ оправданіе и на косвенное замѣчаніе одного изъ приближенныхъ о разсѣянности отвѣчалъ:

— Нисколько! я хотѣлъ только показать, что пока союзники у меня, въ королевствѣ, я не считаю себя хозяиномъ.

Съ окончаніемъ войны, Александръ I сталъ пользоваться въ Европѣ и у себя, въ Россіи, огромнымъ обаяніемъ; но до двѣнадцатаго года подданные его не питали къ нему особой любви.

Невниманіе государя къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, царицѣ и женщинѣ великихъ достоинствъ, и волокитство также ставились ему въ вину. Памятно, какую роль играла въ его царствованіе Нарышкина, болѣе извѣстная подъ именемъ Марьи Антоновны. Встрѣчая на улицѣ ея экипажъ, Александръ, не стѣсняясь, подходилъ къ дверцамъ кареты и цѣловалъ у ней руку; на разводѣ салютовалъ предъ ней. Она была непризнанною второю царицей; роскошь, которою она была окружена, была поразительна и возбуждала въ народѣ непріязненныя чувства. Въ то время поставщикомъ винъ во дворецъ былъ купецъ Копосовъ: однажды пущенъ былъ слухъ, что Марья Антоновна, по предписанію докторовъ, будетъ купаться въ мадерѣ, и этого было достаточно, чтобы у Копосова въ лавкахъ публика перестала брать вино, говоря, что оно, можетъ быть, взято изъ ванны Марьи Антоновны.

Урожденныя княжны Четвертинскія, она и сестра ея, послѣ конфискаціи ихъ родовыхъ имѣній въ Польшѣ, были сиротами взяты Екатериною II на воспитаніе во дворецъ. Обѣ сестры красавицы-польки обратили на себя вниманіе двухъ братьевъ, Александра и Константина. Старшая изъ нихъ, Марья, выданная замужъ за Нарышкина, человѣка, имѣвшаго видную должность при дворѣ, со-

хранила свое вліяніе на Александра. Второй братъ Константинъ былъ менѣе мягокъ въ обращеніи съ женщинами; онъ былъ далеко не джентльменъ, и говорили, что бѣдная Четвертинская не разъ плакала отъ его суровыхъ словъ и поступковъ.

Впрочемъ, Константинъ не отличался также разборчивостью вкуса, потому что одновременно съ Четвертинскою его занимала жена одного фельдъ-егеря, женщина красивая и бойкая, которая, поэтому, и была извѣстна въ народѣ подъ именемъ лихой фельдъ-егерши. Для нея Константинъ дѣлывалъ болѣе дурачествъ, чѣмъ даже для своей княжны.

Прикрываясь именемъ Константина, его любимые уланы позволяли себѣ различныя вольности и безчинства, которыя считались удальствомъ. Въ Петербургѣ не было семейнаго дома, который могъ бы считать себя обезпеченнымъ отъ такъ называемыхъ уланскихъ шалостей. Много шума надѣлало въ свое время слѣдующее происшествіе.

Въ одномъ почтенномъ семействѣ исчезла дочь, дѣвушка восемнадцати лѣтъ. Говорили, будто она была вызвана подъ какимъ-то предлогомъ въ сѣни и тамъ схвачена двумя замаскированными людьми, которые увезли ее на заранѣе приготовленныхъ саняхъ. Всѣ розыски полиціи не привели ни къ какому результату, хотя по нѣкоторымъ указаніямъ можно было подозрѣвать участіе улановъ. Но вотъ дней десять спустя, на другомъ концѣ города, на Васильевскомъ острову обнаружился слѣдующій случай: къ одному домохозяину явились трое молодыхъ людей нанимать квартиру; давши задатокъ, они просили позволенія начать перевозку мебели. Мебели, однако, было доставлено немного, всего одинъ большой шкафъ, и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней о новыхъ жильцахъ не было слуху. Дворникъ дома обратилъ вниманіе полиціи на это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что по комнатамъ стало распространяться зловоніе. Шкафъ вскрыли и въ немъ нашли распятую голую женщину; лицо было обезображено, но родители узнали въ этой женщинѣ свою похищенную дочь. Слѣды насилія были ужасны.

Говорили, будто Александръ велѣлъ министру полиціи Балашеву строго разслѣдовать это дѣло, будто виновными оказались уланы; но лица, замѣшанныя въ преступленіи, имѣли такія сильныя связи, что сочтено было за лучшее безъ огласки замять эту уланскую шутку.

Знакомство мое съ Н. Я. Бутковскимъ началось съ 1823 года. Въ то время я была подъ настроеніемъ республиканскихъ идей, но не современныхъ, а заимствованныхъ изъ міра Греціи и Рима. Конечно, этотъ взглядъ былъ послѣдствіемъ уроковъ моего бывшаго учителя швейцарца, возросшаго на идеяхъ восемнадцатаго вѣка.

Моя мать и братья заботились о составленіи мнѣ партіи, но я, занятая спартанцами, съ пренебреженіемъ смотрѣла на жениховъ,

возмущавшихъ меня своею прозаичностью и мелкими современными взглядами. Ни одинъ не подходилъ подъ идеалъ мой, составленный по портретамъ мужей Плутарха.

Н. Я. Бутковскій былъ, безспорно, умный человѣкъ и пріятный собесѣдникъ, онъ нравился моимъ роднымъ и, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, могъ понравиться всякой дѣвушкѣ, менѣе меня занятой отвлеченнымъ міромъ. Онъ заинтересовался мною и, желая завязать покороче знакомство съ ученой дикаркой, свелъ разговоръ на любимую мою тему, причемъ довольно остроумно отмѣтилъ смѣшныя стороны моихъ героевъ. Я не вытерпѣла и, выразивъ негодованіе на то, что я называла кощунствомъ, стала горячо защищать доблести римлянъ.

Этого только и желали; разговоръ вышелъ самый оживленный, доказательства у обѣихъ сторонъ были такъ сильны и убѣдительны, что время далеко зашло за полночь; матушка моя давно дремала въ креслѣ, и споръ пришлось отложить до слѣдующей встрѣчи. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этого дня, приготовляя новые аргументы, и удивила своихъ родныхъ, привыкшихъ видѣть меня равнодушною ко всему окружающему.

Бутковскій казался мнѣ чуть не личнымъ врагомъ, и я не могла понять, чтобы человѣкъ, такъ хорошо служившій родинѣ, могъ такъ мало цѣнить великихъ людей и даже находить въ нихъ недостатки. Этотъ прологъ, однако, скоро привелъ насъ къ дружбѣ, а затѣмъ и къ сватовству. Я охотно простила хитрость, которая открыла мнѣ глаза, показавъ, что и между современниками есть достойные люди.

Въ январѣ 1824 года я промѣняла свою фамилію Никоновой на фамилію Бутковской.

— — -

III.

Новая помѣщица.—Преданіе.—Наводненіе 1824 года.—Крестьяне на выводъ.—14 декабря.—Строители.—Холера.—Пожаръ дворца.—Случаи изъ жизни императора Николая.—Балаганъ Лемана.—Буря.—Петербургскіе театры.—Смерть императора.—Заключеніе.

Съ 1823 года для меня началась новая жизнь, жизнь замужней женщины. Мужъ мой былъ въ это время въ отставкѣ, и мы рѣшились употребить мои приданныя деньги на пріобрѣтеніе имѣнія. Я съ удовольствіемъ мечтала о занятіяхъ агрономіей, которая, впрочемъ, была въ то время далеко не то, что теперь, когда освобожденіе крестьянъ совершенно измѣнило всѣ хозяйственные разсчеты, заставило примѣнять земледѣльческія машины, читать книги и испытывать разныя системы хозяйства. Въ то время почти все было основано на количествѣ рабочихъ рукъ, на величинѣ запашки,

и «Экономическій Магазинъ», котораго у меня теперь сохраняется въ библіотекѣ до сорока томовъ, былъ кодексомъ, которымъ руководствовались хозяева, желавшіе улучшенія помѣстья, не довольствуясь рутинными пріемами. Я также подписалась на «Земледѣльческую Газету».

Имѣніе, которое мы пріобрѣли, было отъ Петербурга не близко, верстъ за сто, въ губерніи, тогда богатой лѣсами. Оно принадлежало роду Рахмановыхъ, когда-то очень богатыхъ помѣщиковъ, владѣвшихъ огромнымъ пространствомъ земель въ Новгородскомъ уѣздѣ.

Чтобы добраться до имѣнія нашего, села Добраго, названіе котораго встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ и въ исторіи Петра Великаго, приходилось ѣхать около сутокъ. Оно находилось близь нынѣшней станціи Николаевской желѣзной дороги, Любани. Изъ общаго количества верстъ до двадцати приходилось дѣлать по проселочнымъ мостовинамъ, или по такъ-называемой «клавикордной дорогѣ». Поэтому мы ѣхали съ подставными лошадями, заночевали на полдорогѣ въ крестьянской избѣ и на другой день, въ жаркое лѣтнее утро прибыли въ нашу усадьбу.

Насъ ожидала встрѣча крестьянъ, со старостою во главѣ, съ хлѣбомъ-солью, курами и шитыми полотенцами; и мы вступили въ старинный домъ, въ которомъ все говорило о его вѣковомъ существованіи, напоминало царствованіе Елисаветы. Даже ближайшая сосѣдка наша, Е. В. Бестужева, была старушка лѣтъ подъ семьдесятъ, родившаяся въ 1755 году. Она была очень слаба и не выходила изъ своихъ комнатъ; но мы часто навѣщали ее, учились у ней мудрости мѣстнаго сельскаго хозяйства и слушали ея разсказы о временахъ Екатерины II, при дворѣ которой ей приходилось бывать. Лежа въ своей высокой постелѣ подъ балдахиномъ, окруженная вещицами, бездѣлушками и баульчиками изъ штучнаго дерева, она невольно переносила наши мысли въ минувшій вѣкъ. Она принадлежала къ той фамиліи Бестужевыхъ, члены которой приняли участіе въ заговорѣ декабристовъ; впослѣдствіи двѣ дочери ея продали все свое имущество и отправились на жительство къ ссыльному брату въ Сибирь.

Село наше могло, по справедливости, назваться историческимъ: такъ, напримѣръ, на берегу рѣки Тигоды, у часовни стояла сосна, считавшаяся неприкосновенною, потому что подъ нею отдыхалъ царь Петръ Алексѣевичъ. Народная легенда не замедлила сложиться по этому поводу въ такомъ видѣ: будто царь наложилъ на сосну запретъ, и, когда одинъ крестьянинъ занесъ было на нее топоръ, то рука у него тотчасъ отсохла. Старики говорили, что слышали отъ отцевъ о происходившихъ когда-то тутъ сраженіяхъ; на поляхъ выпахивали оружіе, которое могло быть отнесено къ временамъ столкновеній новгородцевъ съ ливонскими рыцарями, такъ какъ въ числѣ находокъ были желѣзные наконечники стрѣлъ.

Впрочемъ, эту древность передали деревенскому кузнецу, который обратилъ ее въ гвозди. Близь нашего дома, подъ горой имѣется прудъ, въ которомъ, по сказанію, зарытъ былъ кладъ во время какого-то нашествія; онъ, должно быть, донынѣ лежитъ неприкосновеннымъ.

Въ селѣ нашемъ имѣется деревянная церковь, построенная въ 1719 году владѣльцемъ села, Рахмановымъ, въ память своего освобожденія изъ плѣна: во время войнъ со шведами, одинъ изъ отрядовъ ихъ явился въ село Доброе, захватилъ обитателей усадьбы въ плѣнъ, въ томъ числѣ самого владѣльца, и, связавъ, всѣхъ уложилъ въ повозки. Къ счастію, въ погребахъ усадьбы были старинные крѣпкіе напитки; незваные гости устроили себѣ угощеніе и заснули; пользуясь этимъ временемъ, плѣнникамъ удалось спастись и извѣстить о нашествіи ближайшіе русскіе отряды.

Зиму мы провели въ Петербургѣ, и ноябрское наводненіе 1824 года застало насъ, также какъ и всѣхъ жителей, врасплохъ. Матушка моя жила довольно далеко отъ насъ, на Васильевскомъ острову, и я, по старому семейному обычаю нашему, считала своею обязанностью бывать у нея ежедневно съ поклономъ. Съ утра шестаго ноября, въ рѣзкій холодный вѣтеръ, отправилась я, по обыкновенію, на островъ и видѣла, какъ толпы любопытныхъ смотрѣли на воду, которая фонтанами била изъ рѣшотокъ подземныхъ трубъ. Согрѣвшись у родныхъ, я часа черезъ два собралась ѣхать домой; но это оказалось невозможнымъ: по улицамъ текла рѣка, противъ нашего дома какая-то женщина, поднявъ платье, перебиралась съ трудомъ по водѣ, выше колѣнъ. Сдѣлалась суматоха, на лѣстницу предъ входными дверями нашей квартиры начали таскать снизу всякій хламъ; а изъ нижняго этажа явился лавочникъ просить позволенія его семейству помѣститься у насъ въ кухнѣ. Мы были какъ въ осадѣ; хлѣба къ обѣду не оказалось; за дровами спуститься было нельзя, и семейство того же лавочника снабдило насъ кое-какой провизіей. Всѣхъ насъ такъ и подмывало смотрѣть въ окна на невиданное зрѣлище: малая Нева была у насъ предъ глазами, и странно было видѣть суда и барки на высотѣ втораго этажа, двигавшіяся по обширному водному пространству. Скоро начало темнѣть и становилось страшно; фонари, понятно, не зажигались; у насъ являлось безпокойство за кое-кого изъ близкихъ, живущихъ въ городѣ. Я знала, что въ эту ночь и мой мужъ долженъ былъ безпокоиться за меня. На водныхъ улицахъ видны были двигавшіяся свѣтлыя точки: это были лодки и баркасы, спасавшіе несчастныхъ.

Вся ночь проведена нами въ тревогѣ, къ утру вода стала спадать, къ полдню можно было уже двигаться по улицамъ, и я стала сбираться домой, спѣша успокоить мужа. Подъѣздъ дома оказался загроможденнымъ сѣномъ и досками, такъ что я не безъ труда вышла заднимъ ходомъ, а на улицахъ былъ хаосъ невообразимый:

такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ лежала опрокинутая карета; видимо, что ѣхавшіе въ ней были застигнуты водой и, отпрягши лошадей, спаслись верхомъ.

Чрезъ день къ намъ заѣхалъ нашъ дальній родственникъ Кусовниковъ и сообщилъ многіе эпизоды о событіи, повторять которые считаю лишнимъ, такъ какъ все это было столько разъ описано. Въ этой драмѣ было много и смѣшныхъ случаевъ: такъ, напримѣръ, какая-то деревянная хлѣбопекарня всплыла, а находившіеся въ ней люди и не подозрѣвали, что изба ихъ двинулась съ мѣста, и продолжали свою работу.

Этотъ Кусовниковъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ откупщиковъ своего времени; ему принадлежали огромнѣйшіе дома, выходившіе на Дворцовую площадь, потомъ купленные въ казну и обращенные въ зданіе главнаго штаба; ихъ соединили чрезъ улицу аркою. Другой домъ его на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, былъ отданъ въ приданое за дочерью, вышедшею за Энгельгардта. Самъ Кусовниковъ былъ оригиналъ: онъ служилъ въ милиціи 1807 года и сохранилъ за собою право носить какой-то особый костюмъ, состоящій изъ кафтана съ украшеніями и трехугольной шляпы съ зеленымъ перомъ.

Съ весной слѣдующаго года я снова отправилась въ свою деревню; мнѣ было ново положеніе помѣщицы; разные планы построекъ и сельскихъ улучшеній бродили въ головѣ у меня. По количеству пріобрѣтенной земли крестьянъ оказалось мало, но этому легко было пособить: можно было купить крестьянъ на выводъ. Я такъ и сдѣлала и по публикаціи пріобрѣла въ Пензенской губерніи цѣлую деревню въ триддать душъ. Теперь это распоряженіе казалось бы варварствомъ, но тогда и мысль не приходила жалѣть людей, обязанныхъ покинуть свою родину и избы, и изъ хорошей черноземной полосы, по капризу одного лица, тащиться за полторы тысячи верстъ со всѣмъ скарбомъ и стадами, тащиться въ суровую Новгородскую губернію. Для нихъ разница была осязательна, и долго не могли они свыкнуться съ новыми условіями хозяйства.

Болѣе довольны были двѣ семьи безземельныхъ крестьянъ, купленныя мною у нѣкоего засѣдателя Вомялкина, который проигрался, и у него не оставалось ничего за душой, кромѣ этихъ людей, доставшихся ему по раздѣлу съ сестрой. Очутившись снова на пашнѣ и получивъ достаточное для построекъ количество лѣса, въ то время не имѣвшаго почти цѣны у насъ, эти крестьяне благословляли судьбу.

Лѣса наши получили стоимость и стали безпощадно истребляться только съ проведеніемъ въ концѣ сороковыхъ годовъ московской желѣзной дороги. Пятнадцать лѣтъ позже этому помогло освобожденіе крестьянъ. Тамъ, гдѣ теперь выстроены поселенія пришлыхъ курляндцевъ, стоялъ въ двадцатыхъ годахъ густой боръ, въ которомъ водились лисицы, лоси и медвѣди.

Вернувшись позднею осенью въ Петербургъ, я прямо попала на крупныя событія. Получилась вѣсть о смерти Александра, отправившагося на югъ къ своей больной женѣ. Говорили, что, покидая Петербургъ, онъ ѣхалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что болѣе не увидитъ столицы.

Въ обществѣ царствовала тревога. Послѣ кроткаго правленія Александра, котораго все оплакивало, предвидилось воцареніе Константина, извѣстнаго съ дѣтства своимъ сумасброднымъ характеромъ; опасались найдти въ немъ подобіе отца его Павла I. Поговаривали также, что престолъ можетъ наслѣдовать Николай, но и эта перспектива казалась не лучше: онъ извѣстенъ былъ тогда лишь свою суровостью, доходившей даже до жестокости; разсказывали, что онъ только и занимается фронтовою службой, причемъ малѣйшая неисправность вела къ строгимъ взысканіямъ. Что то будетъ?

Отъ неизвѣстности волненіе увеличивалось. Братъ мой Аполлонъ, служившій въ комитетѣ министровъ, сообщилъ новости объ отказѣ Константина отъ престола, о какомъ-то недоразумѣніи и междуцарствіи, и вдругъ въ одно утро заговорили о сборѣ войскъ, о присягѣ, о бунтѣ и раздались выстрѣлы. Это былъ день 14 декабря.

Мой мужъ ходилъ въ городъ по дѣламъ, но когда ему пришлось возвращаться чрезъ Сенатскую площадь, то онъ увидѣлъ войска и толпы народа. На дѣлаемые имъ вопросы о причинахъ сбора, онъ или не получалъ отвѣта, или ему кричали: «убирайся, пока цѣлъ!» Передъ сумерками разыгралась драма, и ночью много труповъ было спущено въ проруби, на Невѣ, подъ ледъ.

Начались розыски; каждый день узнавали мы болѣе и болѣе подробности заговора, о существованіи котораго и не подозрѣвали. Знали, что въ концѣ царствованія Александра многіе высказывали недовольство; но это можно было объяснить запретительными мѣрами, принятыми противъ разныхъ массонскихъ, библейскихъ и другихъ обществъ, размножившихся въ послѣдніе годы. Нѣкоторые изъ извѣстныхъ намъ лицъ оказались замѣшанными въ дѣлѣ; о заговорѣ, впрочемъ, избѣгали много разговаривать изъ опасенія допроса; грозное четырнадцатое декабря навело ужасъ на всѣхъ; названіе «декабристъ» сдѣлалось равнозначуще слову «зачумленный». Стихи Рылѣева самаго безобиднаго содержанія считались запрещенною вещью; они ходили въ спискахъ и заучивались наизусть. Судъ, приговоръ и казнь извѣстны изъ описаній.

Императоръ Николай всегда любилъ инженерное искусство и много занимался имъ. Онъ лично зналъ моего мужа и вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ пригласилъ его вновь на службу, назначивъ вице-директоромъ Строительнаго департамента. Директоромъ этого вновь организованнаго учрежденія былъ назначенъ генералъ Карбоньеръ.

Наступило самое блистательное время строительной дѣятельности въ Россіи, такъ какъ императоръ лично всѣмъ интересовался и во все влагалъ свою энергичную дѣятельность. Укрѣпленіе приморскихъ пунктовъ составляло спеціальность новаго департамента. Начались постройки въ Свеаборгѣ, Севастополѣ, на Аландскихъ островахъ и въ особенности въ Кронштадтѣ. На флотъ, запущенный при Александрѣ, также было обращено вниманіе; къ этому времени нужно отнести появленіе англичанина Верда. Онъ прибылъ въ Россію бѣглецомъ и ознакомилъ насъ съ примѣненіемъ пара къ движенію судовъ. За выдачу этого секрета онъ присужденъ былъ въ Англіи заочно къ повѣшенію. Высокій ростомъ, серьезный, волоса съ просѣдью, небрежно одѣтый, человѣкъ этотъ, которому Россія обязана введеніемъ пароходства, часто появлялся въ домѣ у насъ. Разговоры его всегда были дѣловые, онъ былъ исключительно занятъ своимъ предметомъ. Ему отведено было обширное мѣсто для построекъ на берегу Невы, и даны денежныя средства для примѣненія у насъ той силы, которою пренебрегъ когда-то Наполеонъ, въ чемъ, говорятъ, неоднократно раскаявался, глядя съ своего острова на мимо бѣгущіе пароходы.

Коснувшись страсти императора Николая къ постройкамъ, я попробую объяснить взгляды его на этотъ предметъ. Несомнѣнно, что строительная часть при этомъ государѣ быстро пошла впередъ: великолѣпныя зданія, грозныя укрѣпленія, смѣлыя мостовыя сооруженія появились въ различныхъ пунктахъ Россіи; наконецъ, Московско-Николаевская желѣзная дорога была выстроена такъ тщательно и роскошно, что и до сегодня является образцомъ русскаго строительнаго искусства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у строителей развилась въ высшей степени страсть къ хищенію: быть при казенной постройкѣ сдѣлалось единственной цѣлью служебной карьеры инженера, и это стремленіе, кажется, существуетъ и теперь. Замѣчательно, что оно вначалѣ какъ-бы поощрялось самимъ императоромъ.

Осматривая однажды постройки Брестской крѣпости, государь, въ присутствіи иностранныхъ гостей, хвалившихъ работы, поднялъ кирпичъ и, обратясь къ одному изъ окружающихъ его лицъ, спросилъ:

— Знаете изъ чего онъ сдѣланъ?

— Полагаю, изъ глины, ваше величество.

— Нѣтъ, изъ чистаго золота, отвѣчалъ царь: — по крайней мѣрѣ, я столько за него заплатилъ.

Когда въ Кіевѣ строился чрезъ Днѣпръ замѣчательной архитектуры каменный, на шести устояхъ мостъ, изъ-подъ котораго, сказать мимоходомъ, рѣка собиралась не разъ бѣжать въ сторону, то хищеніе казенныхъ денегъ достигло такихъ баснословныхъ размѣровъ, что велѣно было произвесть дознаніе, но оно ничего не открыло, и не мудрено: строителемъ былъ нѣмецъ, считавшій себя

почему-то родственникомъ императрицы Александры Өедоровны. Но слухи не умолкали; тогда государь послалъ своего флигель-адъютанта, князя Васильчикова, доискаться истины. Васильчиковъ, не въѣзжая еще въ Кіевъ, былъ встрѣченъ на мосту строителемъ, который подалъ ему пакетъ; въ этомъ пакетѣ лежалъ отчетъ о постройкѣ моста и на двѣсти тысячъ рублей банковыхъ билетовъ.

Васильчиковъ принялъ пакетъ и немедленно отослалъ его государю. Слѣдствіе, произведенное имъ, обнаружило кражу на милліонъ, но инженеръ отдѣлался тѣмъ, что прослужилъ три года на Кавказѣ безъ лишенія чина, деньги же остались при немъ.

Этотъ же взглядъ на право пользованія казенными деньгами царствовалъ во всѣхъ управленіяхъ: полки давались полковникамъ на поправку ихъ обстоятельствъ, и когда нашелся одинъ честный человѣкъ, генералъ Афросимовъ, командиръ л.-гв. финляндскаго полка, представившій около тридцати тысячъ рублей годовой экономіи, то о немъ очень рѣзко выразился великій князь Михаилъ Павловичъ, прибавя:

— Ему не для того данъ полкъ, чтобы онъ собиралъ крохи.

Вѣроятно, государь впослѣдствіи раскаявался въ своей снисходительности, когда безцеремонная растрата денегъ, ввѣренныхъ на храненіе, начала обнаруживаться повсюду; извѣстны исторіи Клевецкаго или Политковскаго, растратившаго громадную сумму изъ инвалиднаго капитала. Этотъ прототипъ Юханцева распорядился очень ловко: онъ при ревизіи всегда представлялъ въ наличности банковые билеты, и никогда члены совѣта не догадывались взглянуть на спинку билетовъ многомилліоннаго капитала, это бы заняло слишкомъ много времени; а между тѣмъ на оборотѣ и могли бы они увидѣть сдѣланныя выемки. Нѣкоторые изъ генералъ-адъютантовъ за эту безпечность были лишены аксельбантовъ.

Во время восточной войны возмущенный повсюду обнаруживавшимся хищеніемъ, государь въ разговорѣ съ наслѣдникомъ выразился такъ:

— Мнѣ кажется, что во всей Россіи только ты да я не воруемъ.

Впрочемъ, я въ своемъ разсказѣ объ этомъ предметѣ захожу слишкомъ далеко впередъ.

Новое царствованіе сдѣлалось какимъ то дѣловымъ. Работы у моего мужа было много, и только послѣобѣденные часы дня могъ онъ посвящать мнѣ и дѣтямъ. По вечерамъ собирались у насъ сослуживцы его или бывшіе товарищи походовъ: инженерный генералъ Вансовичъ, человѣкъ мягкій и симпатичный; генералъ Валуевъ, товарищъ мужа со школьной скамьи; адмиралъ Гамильтонъ, англичанинъ, страстный любитель шахматъ и хорошаго портвейна; сенаторъ Мордвиновъ, не знаменитый Николай Семеновичъ графъ, а старый дипломатъ на одной деревяшкѣ, бывшій камеръ-пажъ Екатерины II; сенаторы братья Случевскіе, оба Кон-

стантинъ Аѳанасьевичи; князь Ширинскій-Шихматовъ, будущій министръ народнаго просвѣщенія. Всѣ эти лица посѣщали нашъ домъ, устроивая вечерніе визиты и бостонъ; преферансъ же изобрѣтенъ позже, но за то, когда онъ появился, то эта новинка до того овладѣла всѣми помышленіями, что для нея составляли партіи даже днемъ, и актеръ Каратыгинъ 2-й вѣрно изобразилъ характеры въ своемъ водевилѣ: «Герои преферанса».

Часто навѣщалъ насъ и зять мой Максимовъ, все снабжавшій насъ отличною конфискованною мадерой, воспоминаніемъ его архангельской службы. Онъ что то не поладилъ съ генералъ-губернаторомъ Хованскимъ и потерялъ мѣсто губернатора въ Могилевѣ.

Дамское общество, посѣщавшее меня и носившее согласно модѣ высочайшія прически и тысячныя турецкія шали, занималось иногда шитьемъ башмаковъ, что сдѣлалось одно время модным занятіемъ: каждая изъ насъ имѣла свой щегольской ящичекъ съ подборомъ англійскихъ инструментомъ. Иногда днемъ у меня занимались живописью; въ это время Брюловъ входилъ въ славу, и его «Послѣдній день Помпеи» производилъ фуроръ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, также какъ и я, посѣщали академію и писали масляными красками; руководителемъ нашимъ былъ добрый знакомый нашъ профессоръ Шебуевъ, учитель рисованія императора. Онъ съ семействомъ своимъ помѣщался въ зданіи академіи художествъ, и въ кабинетѣ его хранились всѣ дѣтскіе рисунки Николая.

Странное впечатлѣніе оставилъ 1830 годъ, годъ холеры и польскаго возстанія. Холера еще въ первый разъ посѣщала Россію, и средства борьбы съ нею не были извѣстны; ее приравнивали къ чумѣ, избѣгая соприкосновенія съ заболѣвшими, но она не поддавалась этимъ предосторожностямъ и черезъ то наводила бо́льшій ужасъ. Ежедневно сообщались разсказы о томъ, какъ цѣлыя семьи вымирали въ теченіе сутокъ, даже царскій братъ Константинъ умеръ отъ этой холеры. По улицамъ Петербурга спѣшно двигались процессіи, и цѣлыми партіями перевозились простые некрашенные гробы. Во всѣхъ домахъ царствовалъ запахъ хлора, уксуса и можжевельника, а на шею надѣвали ладонки съ чеснокомъ.

Иные болѣзнь эту объясняли отравой, ссылаясь на народный говоръ; разговоры эти дѣйствовали на настроенное воображеніе, и поварамъ предписывались разныя предосторожности при покупкѣ провизіи. Булка, осыпанная мукой, казалась уже подозрительной: не мышьякъ ли это? Но вотъ у насъ умираетъ отъ холеры кухарка; и мы сами въ страхѣ отъ возможности отравы, а можетъ быть и заразы, не знаемъ, чего остерегаться и какія принимать мѣры. Ужасное время всеобщаго унынія! Мы спѣшили оставить зараженный городъ и бѣжали въ деревню.

Ежели справедливо выраженіе, что счастливые народы не

имѣютъ исторіи, то то же можно сказать и о годахъ, которые оставляютъ мало воспоминаній. Къ такому разряду я могу отнести тѣ восемнадцать лѣтъ, которыя слѣдовали за холернымъ годомъ. Я вся поглощена была воспитаніемъ дѣтей и своимъ сельскимъ хозяйствомъ, и время быстро промелькнуло для меня. Къ тому же и въ общественной жизни Россіи было затишье.

За это время крупнымъ событіемъ можно считать пожаръ Зимняго дворца, сгорѣвшаго по трудно объяснимымъ причинамъ и возобновленнаго съ феноменальною быстротою съ небольшимъ въ годъ. Этой постройкой вошелъ въ силу и милость Клейнмихель, ловко воспользовавшійся способомъ ускоренія работъ, предложеннымъ инженеромъ Готманомъ. Къ тому же сочувствіе къ несчастію, постигшему царскій домъ, было въ народѣ велико, и вызвало общее соревнованіе и усердіе. Разсказываютъ, что однажды въ сани къ царю брошенъ былъ мѣшокъ съ пятью стами рублей однимъ крестьяниномъ, успѣвшимъ скрыться въ толпѣ. Въ мѣшкѣ была записка, въ которой высказывалось, что деньги желаютъ крестьяне пожертвовать батюшкѣ-царю, который самъ помогъ имъ отстроить ихъ сгорѣвшую деревню. И это былъ не единственный примѣръ усердія народа, такъ что Николай особымъ рескриптомъ на имя статсъ-секретаря Блудова выразилъ свою благодарность и желаніе остановить всѣ пожертвованія. По окончаніи постройки всѣмъ участвовавшимъ въ работахъ, даже простымъ крестьянамъ, даны были медали. Но это распоряженіе вызвало насмѣшки общества.

Въ царствованіе Александра II система управленія Николая подверглась различнымъ порицаніямъ. Либеральное направленіе сына шло въ разрѣзъ всѣхъ предшествовавшихъ распоряженій отца. Эта огульная хула была несправедливостью, сильно огорчавшею Александра II. Чтобы вѣрно оцѣнить историческую личность, надо смотрѣть на нее издалека, когда страсти остынутъ. Теперь, по прошествіи болѣе двадцати пяти лѣтъ, понемногу начинаетъ выдѣляться яснѣе изъ тумана величественный образъ рыцаря-императора. Я принадлежу къ числу его ревностныхъ поклонницъ за то уваженіе, которое онъ съумѣлъ внушить иностранцамъ къ русскому могуществу, за тотъ порядокъ, который онъ поддерживалъ внутри государства; за его знаніе духа русскаго народа и любовь ко всему русскому; наконецъ, за все добро, сдѣланное имъ моему мужу и семейству. Купеческое сословіе цѣнило его, а простой народъ и солдаты боготворили. Никакое описаніе характера не передастъ такъ рельефно личности его, какъ изложеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ жизни, поэтому я приведу здѣсь нѣсколько анекдотовъ, можетъ быть, не безъизвѣстныхъ.

Вскорѣ послѣ холернаго года, въ Россіи оказался страшный неурожай, и государь принялъ самыя энергичныя мѣры, чтобы от-

странить отъ народа тяжелыя послѣдствія голода. Разрѣшенъ былъ безпошлинный ввозъ хлѣба; сборъ податей и рекрутская повинность были пріостановлены; значительныя суммы были назначены на покупку зерна для обсѣмененія крестьянскихъ полей. Въ это время ему доносятъ, что одинъ изъ богатыхъ хлѣбныхъ торговцевъ, сдѣлавшій заблаговременно крупныя закупки хлѣба, назначилъ его въ продажу по цѣнамъ несоразмѣрно высокимъ.

Николай послалъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ узнать отъ него о причинахъ подобной спекуляціи и спросить, не согласится ли онъ понизить цѣнъ.

— Не могу! было отвѣтомъ, — мнѣ самому хлѣбъ обошелся дорого, и мнѣ нельзя продавать его въ убытокъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ императоръ, — я не хочу насиловать торговли и раззорять бѣднаго человѣка; я требую только, чтобы онъ не смѣлъ ни одной четверти продать ниже назначенной цѣны.

Одновременно съ этимъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы изъ казенныхъ складовъ хлѣбъ продавался по мелочамъ по цѣнѣ заготовки. Эта мѣра, говорятъ, принесла спекулятору болѣе ста тысячъ рублей убытка.

Вотъ примѣръ, какъ царь строго относился къ себѣ. Во время лѣтнихъ маневровъ гвардейскаго корпуса Николай послалъ флигель-адъютанта князя Радзивила передать начальнику второй кавалерійской дивизіи генералу Пенхержевскому приказаніе, обскакавъ артиллерійскую батарею, сдѣлать кавалерійскую атаку. Князь Радзивилъ или не понялъ распоряженія, или не такъ его передалъ, а Пенхержевскій не исполнилъ маневра какъ слѣдовало.

Взбѣшенный Николай подскакалъ къ начальнику дивизіи и сдѣлалъ ему рѣзкій выговоръ:

— Ты своего дѣла не знаешь! Тебѣ надо вернуться въ школу.

Пенхержевскій, публично оскорбленный, отвѣчалъ, что онъ исполнялъ полученное приказаніе.

— Отъ кого? — кричалъ все болѣе горячившійся императоръ.

Пенхержевскій, не желая переносить на голову Радзивила разразившуюся грозу, отвѣчалъ, что забылъ отъ кого.

— Забылъ! также какъ и строевую службу. Стыдно, сударь, лгать! и государь, круто повернувъ лошадь, уѣхалъ.

Въ тотъ же вечеръ князь Радзивилъ явился съ повинною къ императору:

— Я не успѣлъ ранѣе передать вашему величеству, что на маневрѣ сегодня начальникъ дивизіи не былъ виноватъ.

— А кто же?

— Виноватый предъ вами. Я невѣрно передалъ ему приказаніе вашего величества.

— Хвалю за откровенность, сказалъ государь: — но ошибка сдѣ-

лана, и ее надо искупить. Ты знаешь, что подлежишь аресту. Завтра утромъ распорядись собрать предъ моею палаткой всѣхъ начальниковъ частей и приходи самъ.

На слѣдующее утро, въ назначенный часъ Николай вышелъ къ собравшимся у его ставки генераламъ.

— Я васъ собралъ, господа, началъ онъ: — чтобы честно исполнить долгъ справедливости. Меня величаютъ великимъ человѣкомъ и ставятъ на какой-то пьедесталъ. Но самъ я сознаю, что часто впадаю въ провинности и не всегда сдерживаю свою горячность; въ дѣтствѣ мало исправляли мой характеръ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ я иногда бываю несправедливъ: такимъ былъ я вчера съ однимъ изъ уважаемыхъ мною офицеровъ. Пенхержевскій, подойди сюда!

Генералъ сдѣлалъ три шага впередъ.

— Я вчера тебя оскорбилъ публично, и при всѣхъ приношу сегодня извиненіе. Прощаешь ли меня?

Тронутый Пенхержевскій наклонилъ голову, чтобы скрыть слезу.

— Обними меня! вскричалъ государь и крѣпко прижалъ его къ груди.

Затѣмъ, обратясь къ Радзивилу, сказалъ:

— Благодарю тебя за доставленный мнѣ случай покаяться въ грѣхахъ и отдать должное моему уважаемому начальнику дивизіи.

А вотъ примѣръ его правосудія.

У одного изъ помѣщиковъ, звѣрски обращавшагося съ людьми, находился въ казачкахъ сынъ псаря. Этотъ мальчикъ какъ-то, играя, перешибъ лапу одной изъ любимыхъ собакъ своего барина. Взбѣшенный помѣщикъ втащилъ мальчика въ кабинетъ и выстрѣломъ изъ пистолета раздробилъ ему голову.

На звукъ выстрѣла, подъ вліяніемъ предчувствія, прибѣжалъ отецъ ребенка и увидѣлъ его умирающимъ въ судорогахъ.

— Это ты убилъ моего сына? съ отчаяніемъ проговорилъ онъ.— За что?

— За то, что онъ искалѣчилъ мою лучшую собаку.

— Такъ молись Богу, крикнулъ псарь: — я тебя самъ убью.

И прежде, чѣмъ убійца успѣлъ схватить какое либо оружіе, псарь смялъ его подъ себя и пригнулъ къ землѣ.

— Говорю, молись! не то умрешь безъ покаянія.

Извергъ попробовалъ было откупиться обѣщаніемъ денегъ и свободы; но ни то, ни другое не могло имѣть цѣны въ глазахъ изступленнаго отца. На крикъ прибѣжали слуги, но при видѣ убитаго мальчика всѣ съ ужасомъ остановились; ни который не рѣшался помочь барину.

Псарь скрутилъ ему руки ремнемъ, посадилъ на стулъ и при всѣхъ сталъ перечислять его злодѣйства; затѣмъ, обратясь къ присутствовавшимъ, спросилъ ихъ:

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать, ребята?

— Да убей его! былъ общій отвѣтъ.

Псарь тутъ же перерѣзалъ ему горло охотничьимъ ножомъ. Затѣмъ отправился къ становому, разсказалъ ему все дѣло и отдался въ руки властей.

Когда объ этомъ доведено было до свѣдѣнія государя, онъ велѣлъ оставить дѣло безъ послѣдствій, сказавши:

— Собакѣ собачья и смерть!

Въ одно утро, прогуливаясь, по обыкновенію, вдоль Дворцовой набережной, государь увидѣлъ старика, сѣдаго, какъ лунь, который при его приближеніи упалъ на колѣни и поклонился ему до земли.

— Стыдно въ твои годы валяться въ ногахъ; такъ кланяются только Богу. Чего тебѣ надо?

— Ничего не надо, батюшка, хотѣлось только повидать тебя; для того и пришелъ издалека.

— Откуда-жъ ты, и сколько тебѣ лѣтъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ минуло сто лѣтъ, я и пересталъ считать свои годы. А только я въ жизнь не видалъ царя, вотъ и пошелъ изъ нашей Сибири, чтобы поклониться тебѣ. Теперь я хоть умру спокойно.

Императоръ велѣлъ ему явиться во дворецъ, представилъ его всему своему семейству, и старикъ довольный тѣмъ, что добился, чего желалъ, на другой день отправился въ обратный путь. Какой интересъ могла представить ему столица?

Еще одинъ небольшой разсказъ.

Николай очень любилъ маскарады и каждый разъ въ эти вечера появлялся въ Дворянскомъ собраніи. Къ нему однажды подходитъ женская маска съ слѣдующими словами:

— Знаете ли, государь, что вы самый красивый мужчина въ Россіи?

— Этого я не знаю, отвѣчалъ онъ: — но ты должна бы знать, что этотъ вопросъ касается единственно моей жены.

Я полагаю, что въ этихъ разсказахъ достаточно обрисованъ характеръ Николая.

Въ 1837 году, въ послѣдній день масляницы, въ Петербургѣ произошло ужасное несчастье: на Адмиралтейской площади красовались балаганы, и лучшій изъ нихъ былъ Лемана, любимца публики. Давали какое-то представленіе съ бенгальскими огнями.

Вдругъ самъ Леманъ въ костюмѣ арлекина выбѣгаетъ на сцену и кричитъ: «пожаръ! спасайтесь!»

Публика начала аплодировать этой его новой шуткѣ. Сознаніе опасности явилось лишь тогда, когда огненные языки показались изъ-за занавѣсы. Сдѣлалась ужасная давка, тѣмъ болѣе ужасная, что всѣ восемь входныхъ дверей, отворявшихся внутрь, были немед-

ленно притиснуты толпой. Тяжело вообразить себѣ, что происходило внутри, но вѣсть о пожарѣ распространилась быстро; явились на помощь команды пожарныя и отъ войскъ. Самъ государь увидѣлъ пожаръ изъ оконъ дворца и немедленно прибылъ для личныхъ распоряженій; но, не смотря на всѣ мѣры, изъ восьми сотъ человѣкъ, бывшихъ въ балаганѣ, мало кто могъ спастись. Простому саратовскому мужичку Тихону Савельеву удалось какъ-то топоромъ вырубить отверстіе и вытащить живыми восемь человѣкъ. За это ему было потомъ выдано отъ имени государя восемь сотъ рублей. Обезображенныя тѣла были отправлены въ Обуховскую больницу, а раненыхъ перенесли въ залы адмиралтейства.

Вечеромъ назначенъ былъ балъ въ Дворянскомъ собраніи, и его не успѣли отмѣнить; но публика выказала свое сочувствіе этому несчастію, и начала великій постъ добрымъ дѣломъ, собравъ сорокъ четыре тысячи рублей въ пользу пострадавшихъ.

Леману за непринятіе должныхъ мѣръ осторожности былъ навсегда воспрещенъ въѣздъ въ Россію.

Одно лѣто намъ случилось, не уѣзжая въ деревню, прожить въ Петербургѣ, и мы вздумали побывать на петергофскомъ праздникѣ. Объ этихъ праздникахъ столько говорили, что мужъ мой счелъ обязанностію познакомить меня съ ними, но вмѣсто шумнаго перваго іюля, когда тамъ отъ множества народа нельзя найдти пріюта, выбрано было одиннадцатое іюля, день Ольги. По программѣ праздника, мы надѣялись видѣть иллюминацію и прочія удовольствія, такъ какъ это былъ день именинъ царской дочери—красавицы.

Не только Балтійской желѣзной дороги, но и пароходнаго сообщенія съ Петергофомъ въ то время не существовало; намъ предстояло или ѣхать по шоссе чрезъ Красный Кабачекъ, или водою на парусномъ баркасѣ. Къ счастью князь Меньшиковъ, бывшій тогда морскимъ министромъ, узнавъ о желаніи нашемъ прокатиться моремъ, очень любезно прислалъ своего адъютанта Сколкова съ предложеніемъ взять для прогулки казенный пароходъ Ижора.

Сколковъ, въ крымскую компанію потерявшій правую руку подъ Альмой и затѣмъ бывшій генералъ-адъютантомъ и царскимъ эскадръ-маіоромъ, былъ тогда очень любезный кавалеръ и ловкій танцоръ на балахъ у насъ. Онъ принялъ на себя распоряженія, чтобы пароходъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ: прислугой, провизіей и посудой, и пріѣхалъ сообщить, что все готово.

У насъ собралось небольшое общество, желавшее также воспользоваться пріятной прогулкой по заливу; сборы были кончены, какъ вдругъ небо потемнѣло и разразилась неожиданно страшная гроза: въ окнахъ мигомъ выбило стекла и съ крышъ полетѣли желѣзные листы. Чрезъ два часа, однако, все прошло, и мы отправились къ пароходу, стоявшему на Англійской набережной, противъ дома князя Меньшикова. Но гроза эта не прошла даромъ.

На Невѣ царилъ ужасный безпорядокъ, нѣсколько барокъ было разбито, и одна изъ нихъ, нагруженная боченками съ конопляннымъ масломъ, розлила по поверхности воды свой жирный товаръ, всѣ ялики были въ маслѣ, на берегу множество народа съ ведрами и ковшами загребало себѣ приправу къ кашѣ. По теченію Невы плыли дрова и доски; нѣсколько судовъ отъ взаимнаго столкновенія получили серьезныя поврежденія. Выѣхавъ изъ устья рѣки, мы увидѣли по заливу много затопленныхъ барказовъ, эти суда ѣхали на праздникъ съ публикой и погибли съ ними. Въ этотъ день утонулъ извѣстный артистъ Самойловъ, отецъ В. В., замѣчательнаго актера. Намъ попадались по поверхности воды плывшія вещи: весла, картонки и пр., несчастій было много и день удовольствія былъ испорченъ.

Въ 1848 году, мой мужъ, занимавшій въ чинѣ инженеръ генералъ-лейтенанта должность директора морскаго Строительнаго департамента внезапно скончался отъ апоплексіи. Конечно, и въ протекшіе годы были у насъ тяжелыя семейныя утраты, но это событіе было мнѣ особенно чувствительно, и совершенно измѣнило мою жизнь. Я удалилась въ свое имѣніе и меньше стала принимать участія въ общественной жизни. Въ венгерскомъ походѣ восточной войнѣ двое изъ моихъ сыновей были въ дѣйствующихъ войскахъ, и я поневолѣ интересовалась ходомъ военныхъ событій,

Но вотъ 18 февраля 1855 года, умеръ Николай I, государь, въ которомъ, по моимъ понятіямъ, олицетворялось величіе Россіи. Я донынѣ свято храню его портретъ, бюстъ и все что напоминаетъ мнѣ эту могучую личность и славное царствованіе.

На этой эпохѣ слѣдуетъ закончить «Разсказы бабушки», такъ какъ съ этого времени событія дѣлаются уже воспоминаніями моихъ дѣтей и внуковъ, которые съ большимъ сочувствіемъ отнесутся къ современному. Съ наступленіемъ новаго царствованія и заключеніемъ мира повѣяло новымъ духомъ, который измѣнилъ многое и далъ ходъ частной инициативѣ.

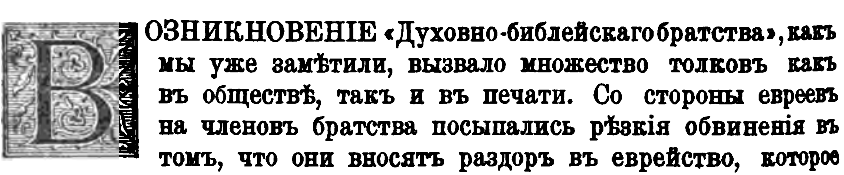
Отрѣшась отъ непосредственнаго участія въ заботахъ проходящаго вѣка, съ которымъ у меня теперь имѣется мало общаго, я съ безпристрастіемъ могу сравнивать недостатки прошлаго времени съ промахами настоящаго и съ интересомъ слѣжу за «комедіей человѣчества». Не поддаваясь слабости хулить все современное, я тѣмъ не менѣе не могу въ своихъ воспоминаніяхъ не жалѣть о прошломъ, съ которымъ связана моя молодость и дѣятельность тѣхъ дорогихъ мнѣ лицъ, которыхъ я съ грустью переживаю.

А. Бутковская.

ДУХОВНО-БИБЛЕЙСКОЕ БРАТСТВО [1].

IV.

Библія и талмудъ.



ВОЗНИКНОВЕНІЕ «Духовно-библейскаго братства», какъ мы уже замѣтили, вызвало множество толковъ какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Со стороны евреевъ на членовъ братства посыпались рѣзкія обвиненія въ томъ, что они вносятъ раздоръ въ еврейство, которое до тѣхъ поръ всегда будто бы отличалось сплоченностью и солидарностью. Съ цѣлью оправдаться противъ этихъ обвиненій, члены братства помѣстили въ одной изъ одесскихъ газетъ особую статью [2], въ которой, изложивъ главныя нравственно-религіозныя положенія своего вѣроученія, доказывали, что они какъ нельзя болѣе далеки и чужды всякаго сепаратизма, всякой сектантской обособленности.

Насъ обвиняютъ, писали библейцы, въ томъ, что мы своимъ ученіемъ будто бы вносимъ въ общество вообще и въ еврейство въ частности духъ раскола и обособленія; но это обвиненіе «падаетъ само собою, какъ ни на чемъ не основанный вымыселъ, въ виду того, что наше ученіе проповѣдуетъ умиротвореніе, единеніе, братство и равенство» всѣхъ людей, всего человѣчества.

Для достиженія этой святой и великой цѣли — общаго единенія и братства, по мнѣнію библейцевъ, прежде всего «необходимо устра-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVIII, стр. 398.

[2]) «Одесскій Вѣстникъ» за 1882 г., №№ 254 и 255.

нить и уничтожить всѣ формальности, которыя налагають на людей съ самаго ранняго дѣтства отличительный отпечатокъ; которыя воспитываютъ въ нихъ духъ непріязненный къ послѣдователямъ другихъ формальностей и обрядностей; которыя доводятъ ихъ до самовосхваленія и яростнаго попиранія человѣческихъ правъ своихъ ближнихъ; словомъ, которыя служатъ главнѣйшей помѣхой, препятствіемъ и тормозомъ всеобщему сліянію и объединенію. Долой китайскую стѣну!»...

На упрекъ, что они составили «секту», члены братства задаются вопросомъ: «что такое секта вообще, и желательно ли ея появленіе?» Секта, говорятъ они, есть «фракція людей, недовольныхъ настоящими формами религіознаго и нравственнаго міровоззрѣнія окружающихъ и, стало быть, соединяющихся для того, чтобы общими силами своего разума и знанія выработать себѣ новыя формы и болѣе здоровыя, и болѣе пригодныя для современной жизни. Зарожденіе такого явленія само по себѣ уже желательно: это самый естественный, самый живой и самый убѣдительный протестъ».

Разумѣется, есть немало сектъ, которыя задаются черезчуръ узкими и эгоистическими цѣлями, которыя стремятся реформировать только свои отношенія къ своимъ же, стараются создать для себя лично такія правила, принципы и условія, при которыхъ только своимъ жилось бы хорошо и привольно, а интересы несвоихъ игнорируютъ. Подобныя секты не могутъ, конечно, и не имѣютъ ни малѣйшаго права разсчитывать на сочувствіе.

Но если секта, говорятъ библейцы, «думаетъ создать такія нравственно-религіозныя формы, которыя могли бы быть пригодны для всѣхъ окружающихъ,— конечно, она можетъ ошибаться, какъ всѣ смертные,— если секта задается цѣлью парализовать и искоренять всѣ личныя, эгоистическія и національныя стремленія, наклонности и предубѣжденія, чтобы этимъ подготовить почву для всеобщаго сліянія и объединенія; если секта старается возвесть въ религіозный догматъ—обязанность распространить между своими ближними нравственныя начала и братскія чувства ко всѣмъ безъ различія; если секта вмѣняетъ себѣ въ обязанность учиться и развиваться, учить и развивать другихъ; если секта имѣетъ искреннее желаніе добраться до истины, которая въ настоящее время покрыта массой наслоеній; если секта уничтожаетъ всѣ внѣшнія преграды и всѣ безполезные обряды, которые препятствуютъ и мѣшаютъ людямъ сойдтись и слиться воедино; если секта представляетъ собой такую фракцію людей, которые начертали на своемъ духовномъ знамени: уничтоженіе всѣхъ обособленій; если секта строитъ свои воззрѣнія на чистомъ разумѣ, если всѣ ея принципы соотвѣтствуютъ духу времени и требованіямъ науки; если религіозныя вѣрованія секты таковы, что все нравственное—

религіозно; все, не имѣющее нравственнаго значенія, не имѣетъ и религіознаго — о, неужели такая секта вредна?!»

Далѣе, въ статьѣ, которую мы цитируемъ, члены братства съ необыкновенною рѣзкостью нападаютъ на всякій разладъ слова и убѣжденія съ дѣломъ, особенно въ области религіозной. Ихъ глубоко возмущаютъ тѣ изъ евреевъ, которые заявляютъ себя атеистами и безбожниками и въ то же время зачастую посѣщаютъ храмъ своего Господа Бога, и «такое криводушіе и лицемѣріе считается благоразуміемъ и поддержаніемъ общности». «Человѣкъ глумится и издѣвается надъ всѣмъ, что только носитъ религіозный характеръ, трубитъ о тлетворности всѣхъ религій вообще и тяжести всѣхъ обрядностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ религію со всѣми ея нелѣпостями и сѣдыми традиціями неприкосновенной и святой, и такое гнусное фарисейство и безпринципность вовсе не считается преступленіемъ противъ убѣжденій совѣсти и чести».

Со своей стороны «братья» не допускаютъ, чтобы человѣкъ нравственный позволилъ бы себѣ поступать противъ своихъ убѣжденій въ какой бы то ни было области, тѣмъ болѣе въ области религіозной. Поэтому, говорятъ они, «наши религіозныя вѣрованія должны прежде всего соотвѣтствовать нашимъ умственнымъ понятіямъ и должны выдерживать критику ума и разсудка,—такія же религіозныя вѣрованія должны быть для насъ безусловно обязательными».

Опредѣляя затѣмъ, что̀ такое религія, библейцы заявляютъ, что «нравственная сторона человѣческой жизни есть его религія, всѣ нравственные принципы — ея законы. Другой религіи, говорятъ они, по нашему мнѣнію, нѣтъ и не должно быть. Безнравственный человѣкъ есть человѣкъ антирелигіозный и безпринципный. Всѣ нравственныя правила, распространенныя въ человѣчествѣ и собранныя воедино, есть наше религіозное вѣроученіе. Въ виду того, что нравы людей современемъ улучшаются и смягчаются, и что въ будущемъ требованія нравственнаго человѣка могутъ принять болѣе широкій размѣръ, въ виду этого мы именуемъ кодексъ нашихъ нравственныхъ правилъ «Основами», предоставляя своимъ пóслѣдователямъ расширять, развивать свое вѣроученіе согласно духу времени, прогрессу и выводамъ общественныхъ наукъ».

Мнѣніе о томъ, что одна наука сама по себѣ безъ всякаго участія религіи можетъ объединить человѣчество,— горячо и энергически оспаривается библейцами. «Нѣтъ и нѣтъ! — восклицаютъ они по этому поводу. Наука безъ вѣры все равно, что разсудокъ безъ чувствъ, тѣло безъ души. Вѣра, религія нужна. Религія, которая можетъ быть всѣми признана, слѣдовательно, всѣми принята,— вѣра, которая пріучила бы людей вѣрить въ силу добра и въ лучшее будущее,—вѣра, которая учила бы, что среда, семья и

святыя вѣрованія наши должны воспитывать въ насъ духъ любви и толерантности, духъ чести и справедливости,—вѣра, которая внушила бы намъ, что наука предназначена для блага и умиротворенія человѣчества, а не для меркантильныхъ цѣлей и эгоистическихъ выгодъ!»

На вопросъ, почему именно выбрали они библію главною основою своего вѣроученія, члены братства заявляли, что они взяли эту книгу базисомъ своего ученія главнымъ образомъ потому, что «библія никогда не потеряетъ своего обаянія на массу». «Библія— писали они далѣе — никогда не сойдетъ съ того пьедестала, на которомъ ее поставила всемірная исторія. Она вѣчно останется для человѣчества книгой книгъ, потому что ни одна книга въ мірѣ не играла такой роли въ исторіи цивилизаціи и всеобщаго прогресса. Всѣ ея старые, старые нравственные принципы будутъ вѣчно молоды и вѣчно юны».

Кромѣ этого, библія—писали «братья» въ своемъ заявленіи— «дорога намъ еще потому, что мы находимъ въ ней горячія проповѣди о братствѣ, равенствѣ и любви,—потому что въ ней мы встрѣчаемъ такихъ сильныхъ, правдивыхъ и смѣлыхъ обличителей своего народа, какъ Исаія;—такихъ горячихъ, искренних и образцовыхъ патріотовъ, какъ Іеремія;—такія божественно-художественныя пѣсни, какъ псалмы царя-пастуха, которые не перестанутъ утѣшать людей, пока таковые будутъ или пока будутъ людскія скорби».

Но подобный взглядъ на библію нимало не мѣшаетъ «братьямъ» относиться критически и даже вполнѣ отрицательно къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея частямъ и положеніямъ. Безусловно обязательною они считаютъ только ту часть библіи, которая имѣетъ «практически нравственное и гуманитарное значеніе». При этомъ «братья» всю библію раздѣляютъ на слѣдующія пять частей: 1) на историческую, которая повѣствуетъ о важнѣйшихъ событіяхъ еврейства, его возникновенія и дальнѣйшаго развитія, 2) кодексъ уложеній, заключающій въ себѣ постановленія гражданскаго и уголовнаго права, 3) земледѣльческая часть, которая состоитъ изъ разныхъ спеціально-хозяйственныхъ указаній и совѣтовъ, 4) медицинская и гигіеническая часть, которая трактуетъ о чистоплотности, о пищѣ, обмываніяхъ, и, наконецъ, 5) часть—нравственно религіозное ученіе.

Разбирая эти составныя части, библейцы заявляютъ, что уголовное и гражданское еврейское право въ настоящее время «не имѣетъ и не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія»; точно также разныя земледѣльческія указанія библіи «могутъ быть теперь признаны на столько, на сколько своевременны, пригодны и примѣнимы». Затѣмъ медицинская и гигіеническая часть, по мнѣнію библейцевъ, «была возведена въ ученіе съ догматическимъ

характеромъ лишь потому, что народъ находился тогда на самой низкой ступени своего развитія, а сама медицина находилась еще въ своемъ зародышѣ и, навѣрное, не располагала къ довѣрію, вслѣдствіе чего и потребовалось извѣстнаго рода давленіе».

Теперь же, говорятъ библейцы, «люди доросли до того, чтобы понять, что нѣтъ ничего общаго между религіей и кухней, между религіей и баней, между религіей и чистоплотностью». По мнѣнію братства, «называть религіозными принципами правила, касающіяся животной стороны нашей жизни и ея мелочей, значитъ — профанировать саму религію и умалять значеніе нашего представленія о Богѣ, какъ о высшемъ разумѣ».

Относительно исторической части библіи «братья» заявляютъ, что разныя «историческія воспоминанія и празднества могутъ быть нами на столько терпимы, на сколько ихъ внутренній смыслъ будетъ соотвѣтствовать нашему умовоззрѣнію и на сколько они съ экономической стороны будутъ соотвѣтствовать нашему матеріальному благосостоянію». И затѣмъ снова подтверждается, что «безусловно обязательна только та часть библіи, которая имѣетъ практически нравственное и гуманитарное значеніе».

Что касается талмуда, играющаго такую огромную роль въ еврейской религіи, то библейцы относятся къ нему совершенно отрицательно, хотя въ то же время они признаютъ, что «въ немъ встрѣчается много глубоко-философскихъ афоризмовъ, много прекрасныхъ народно-поэтическихъ сказаній и легендъ, много чисто-нравственныхъ поученій, много остроумныхъ замѣчаній, софизмовъ и проч.». Талмудъ разсматривается библейцами только какъ достояніе древне-еврейской литературы, какъ «древнѣйшая въ мірѣ энциклопедія, обнимающая всѣ стороны тогдашней еврейской жизни», но въ то же время онъ не пользуется въ глазахъ библейцевъ, «никакой авторитетностью и компетентностью».

«Мы — говорятъ библейцы — относимся къ талмуду отрицательно просто изъ опасенія, чтобы его немногое относительно хорошее не парализировалось бы его обратной стороной». А обратная сторона талмуда, по мнѣнію членовъ духовнаго братства, состоитъ въ томъ, что «талмудисты, главнымъ образомъ, напирали на обряды и казуистику въ то время, когда святые пророки не придавали обрядамъ никакого значенія, а подымали голосъ за попранную правду, за обиженныхъ вдовъ и сиротъ и за попранныя человѣческія права».

V.

Проповѣди.

По словамъ очевидцевъ, собранія членовъ братства происходятъ при самой простой, почти убогой обстановкѣ и при полномъ отсут-

ствіи всего, что можетъ служить хотя малѣйшимъ намекомъ на извѣстную обрядность и ритуалъ.

Въ началѣ собранія обыкновенно произносится молитва за государя, а затѣмъ однимъ изъ присутствующихъ излагается проповѣдь на тотъ или другой текстъ изъ священнаго писанія. Проповѣди эти, по своему характеру и содержанію, весьма разнообразны. Чаще всего онѣ имѣютъ, такъ сказать, обличительный характеръ и направляются противъ пороковъ, наиболѣе господствующихъ среди еврейскаго общества.

Чтобы дать представленіе о проповѣдяхъ этого рода, приведемъ здѣсь маленькое извлеченіе изъ проповѣди, сказанной на тему: «Горе вамъ, пріобрѣтающіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, пока не будетъ мѣста, чтобы вамъ однимъ только жить на землѣ» (Исаія).

«Братія! — говорилъ проповѣдникъ — еслибъ пророкъ Исаія, этотъ грозный обвинитель, этотъ даровитѣйшій прокуроръ, предсталъ бы теперь предъ нами со своимъ давно уже составленнымъ обвинительнымъ актомъ, что могли бы мы сказать предъ судомъ своей собственной совѣсти? Чѣмъ могли бы мы защитить себя, оправдать? Развѣ теперь нашъ алчный, жадный глазъ не хотѣлъ бы завладѣть вселенной? Развѣ наше ненасытное брюхо не совѣтуетъ намъ и теперь тоже захватывать еще, еще, и еще, развѣ оно не говоритъ намъ: крадь, воруй, обманывай, обирай, выдумывай разные гешефты, занимайся ростовщичествомъ, торгуй развратомъ, унижайся, подличай, вырывай у голоднаго послѣдній кусокъ, притѣсняй, жми, —пусть будетъ всѣмъ тяжко, жутко, тѣсно— ничего»!.. и т. д.

Вообще изрѣченія пророка Исаіи чаще всего служатъ темами для проповѣдей членовъ духовно-библейскаго братства. Въ нашихъ рукахъ имѣются, между прочимъ, проповѣди библейцевъ на слѣдующія темы изъ пророка Исаіи: «Горе тѣмъ, которые называютъ зло добромъ и добро зломъ, которые выдаютъ тьму за свѣтъ и свѣтъ за тьму»; «Правосудіе отступило назадъ, правда стоитъ въ дали, истина преткнулась на улицѣ, а справедливость не смѣетъ явиться. И не стало истины, и уклоняющійся отъ зла считается бѣсноватымъ».

Кромѣ обличеній разныхъ темныхъ сторонъ современной жизни еврейскаго общества, въ проповѣдяхъ братства весьма часто затрогиваются и обсуждаются чисто философскіе вопросы въ связи съ религіозными и этическими. Такъ какъ проповѣди этого рода лучше всего выясняютъ сущность и значеніе братскаго вѣроученія, его основные принципы и мотивы, то поэтому мы приведемъ здѣсь въ извлеченіяхъ одну изъ такихъ проповѣдей. Эта проповѣдь, какъ сейчасъ увидитъ читатель, затрогиваетъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ о сущности религіи и науки,

о ихъ цѣляхъ и задачахъ, о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу и проч.

Въ началѣ своей рѣчи проповѣдникъ задается слѣдующими вопросами. «Правда ли, что центръ тяжести всякой религіи лежитъ въ области воображаемой? — что религія обязательно должна быть связана съ чѣмъ-то сверхъестественнымъ и необъяснимымъ? — что религія безъ обрядовой и ритуальной стороны невозможна и немыслима?—что религія не можетъ быть представлена просто въ видѣ краткаго изложенія нравственныхъ правилъ, касающихся обыденной жизни и имѣющихъ практическое, жизненное значеніе?... Правда ли, что науки какъ умозрительныя, напримѣръ, философія, такъ и прикладныя, какъ математика и естественныя науки, сами собой, своей, такъ сказать, сущностью исключаютъ всякую религію и отрицáютъ ея возможность?»

Проповѣдникъ сознается, что всѣ эти «вопросы на столько важны, что казалось не ему бы съ его крошечными умственными средствами браться за ихъ рѣшеніе». «Но братья! восклицаетъ онъ, — «не вѣчно же намъ ходить на помочахъ, не вѣчно же другіе будутъ разрѣшать намъ тѣ вопросы, которые такъ близко касаются нашей жизни; не вѣчно же намъ жить чужимъ умомъ, предоставляя другимъ думать за насъ, создавать для насъ правила духовной жизни и фабриковать формы житія».

По мнѣнію проповѣдника, въ настоящее время «уже немыслимо ожидать появленія такого геніальнаго вѣроучителя, который могъ бы воплотить въ себѣ все: науку, политическіе регламенты, уставы, законы общежитія и общественнаго благоустройства и нравственныя правила, каковыми были древніе законодатели. Теперь все это разбито на отдѣльныя области, изъ которыхъ въ каждой появляются люди, болѣе или менѣе геніальные. Мы же, масса, средніе люди, должны дѣлать выводы изъ всего ими сказаннаго и сдѣланнаго, мы должны все это систематизировать, обобщать, практически примѣнять къ жизни нашей, и все это въ совокупности будетъ нашей религіей и святой вѣрой».

Въ чемъ же именно заключается «центръ тяжести всякой религіи, въ чемъ состоитъ ядро всякаго вѣроученія?» Главная суть всякой религіи, отвѣчаетъ проповѣдникъ, заключается въ этическомъ, нравственномъ ученіи, «все же небесное, заоблачное, фантастическое есть только приправа, драппировка, придаточное предложеніе къ главному — этическому ученію». Не даромъ на скрижаляхъ завѣта были вырѣзаны десять заповѣдей, а не другая какая нибудь часть библіи. Болѣе трехъ тысячъ лѣтъ прошло со времени написанія пятикнижія, а между тѣмъ всѣ главныя нравственныя положенія, изложенныя такъ давно, нимало не измѣнились и не потеряли своего значенія съ развитіемъ человѣчества. Теряютъ же свое значеніе лишь формы и обряды.

Мы видимъ, говоритъ проповѣдникъ,—что «всѣ пророки возстаютъ противъ обрядовъ, установленныхъ Моисеемъ, и указываютъ только на нравственно-религіозные принципы». Когда люди жили больше воображеніемъ, чѣмъ умомъ, то, конечно, фантазія увлекала ихъ въ туманную даль, въ поднебесную высь, они отрекались отъ себя, игнорировали жизненныя явленія, игнорировали обыденную жизнь, дѣйствительность, людей: все это казалось имъ слишкомъ мелочнымъ, слишкомъ ничтожнымъ.

Пророки, затѣмъ послѣдовательно всѣ великіе реформаторы, по мнѣнію проповѣдника, дѣйствовали въ раціоналистическомъ духѣ: они «напоминали людямъ, что Богъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы, главное, дѣлали хорошо, а не вѣрили хорошо, чтобы мы обращали свой взоръ не къ небу, а къ землѣ, чтобы мы обращали вниманіе не на блескъ обрядовъ, а на людей, на своего ближняго, чтобы мы защищали гонимаго, освобождали бы угнетеннаго, помогали нуждающемуся, давали бы неимущему, творили бы судъ и правду и говорили бы истину въ сердцѣ своемъ».

Въ томъ же раціоналистическомъ духѣ всегда дѣйствовала и наука. «Науки умозрительныя и прикладныя помогаютъ намъ только быть болѣе религіозными: онѣ объясняютъ намъ внѣшнія явленія, объясняютъ законы, причины и слѣдствія, изучаютъ нашъ внутренній міръ и наши духовныя потребности, отвергаютъ все ложное, кажущееся, отрываютъ насъ отъ заоблачныхъ высотъ, выводятъ изъ области сверхъестественнаго, отвлеченнаго».

Многіе убѣждены, что религія и наука—непримиримые антагонисты между собой, что онѣ взаимно совершенно исключаютъ другъ друга. Но, по мнѣнію проповѣдника, этотъ антагонизмъ былъ искусственно созданъ въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. «Религія и наука суть въ одинаковой степени продуктъ духовной дѣятельности человѣка; наука и религія суть необходимыя потребности его богато одаренной души и его пытливаго ума. Греческая философія уже давно стала выработывать этическія положенія, идеи о единобожіи, о безсмертіи души и т. д. И, очень можетъ быть, еслибъ историческія условія сложились иначе, Аѳины и Александрія не уступили бы Сіону пальму первенства въ дѣлѣ распространенія духовнаго свѣта и гуманитарныхъ принциповъ: ихъ философскія системы достигли бы такого развитія и распространенія, что человѣчество не имѣло бы никакой надобности въ «откровеніи» и «искупленіи», ибо тѣ нравственныя тенденціи, на которыя среди человѣчества существуетъ запросъ, были бы ему преподнесены одной только наукой».

Но не въ этомъ дѣло. Вся суть въ томъ, что «никакая наука не можетъ противорѣчить нравственнымъ принципамъ, никакіе нравственные принципы не должны противорѣчить выводамъ науки. Наука и религія раздѣляются и становятся во враждебныя другъ

другу отношенія только тогда, когда религія вмѣсто исключительнаго строго-этическаго ученія становится наслоеніемъ глупыхъ и безполезныхъ вѣрованій и положеній и, наоборотъ, когда наука относится отрицательно къ этической сторонѣ человѣческой жизни». Вообще же наука и религія составляютъ одно неразрывное цѣлое. Задача какъ науки, такъ и религіи одна и та же: «служить благу всего человѣчества и къ его умственному и нравственному усовершенствованію».

Религія, говорилъ проповѣдникъ, есть «самая важная и самая необходимая часть всеобщаго духовнаго капитала человѣчества: это—всемірная этика, это—тонкая и глубоко-художественная поэзія души». Научно выработанныя истины и умозаключенія слишкомъ медленно проникаютъ въ народныя массы, которыя стоятъ еще на весьма низкой степени интеллектуальнаго развитія; идеи же и тенденціи, носящія чисто религіозный характеръ, имѣютъ гораздо большій успѣхъ.

Итакъ, общественное благо и прогрессъ—вотъ цѣль религіи и науки. Выходя изъ этого положенія, проповѣдникъ утверждалъ, что «библія, евангеліе, положительная философія, книга о происхожденіи видовъ и проч. суть книги въ одинаковой степени религіозныя, такъ какъ всѣ онѣ вмѣстѣ способствуютъ уничтоженію суевѣрія и предразсудковъ и создаютъ истинную, чистую вѣру, онѣ способствуютъ побѣдѣ раціонализма, уничтожаютъ невѣжество и фанатизмъ».

Присматриваясь къ современной жизни, мы видимъ, что «люди продолжаютъ номинально считаться послѣдователями своего древняго религіознаго культа, не смотря на то, что ни ихъ воззрѣнія, ни ихъ поступки и дѣйствія, ни ихъ взгляды на жизнь и человѣческія обязанности ничуть не согласуются съ основными принципами ихъ вѣроученія». Благодаря этому, происходятъ слѣдующія печальныя явленія.

На почвѣ юдаизма, гдѣ проповѣдуется любовь къ ближнему, любовь къ труду, честность и справедливость, выростаетъ хищеніе, ростовщичество, тунеядство, ненависть и насиліе; на почвѣ христіанской, гдѣ проповѣдуются высшія гуманныя положенія—братство, равенство, любовь, смиреніе, всепрощеніе,—выростаетъ насиліе, произволъ, угнетеніе, постыдное рабовладѣніе, торговля ближнимъ, и все это нимало не мѣшаетъ ни этимъ, ни другимъ считаться послѣдователями своихъ религіозныхъ культовъ, ибо внѣшняя, обрядовая, придаточная сторона предпочитается внутренней, основной, главной».

Далѣе проповѣдникъ доказываетъ, что, собственно говоря, до сихъ поръ «ни евреи, ни христіане не были еще настоящими послѣдователями своихъ религіозныхъ культовъ». Мысль эту по отношенію къ евреямъ онъ подтверждалъ цѣлымъ рядомъ истори-

ческихъ указаній на постоянныя уклоненія евреевъ въ идолопоклонство при царяхъ іудейскихъ и израильскихъ, а также на постоянное возникновеніе среди ихъ разныхъ сектъ и толковъ, въ родѣ садукеевъ, фарисеевъ, или талмудистовъ, хасидовъ, караимовъ, френковъ и др.

Установивъ эту мысль, проповѣдникъ спрашивалъ: «Что же евреямъ дало право величать себя послѣдователями Моисеева вѣроученія? Неужели разные глупые и нелѣпые обряды, сфабрикованные талмудистами и приклеенные почему то къ библіи? Не доказываетъ ли это, что людямъ свойственно усвоивать себѣ форму идеи безъ самой идеи и что обряды и формы заглушаютъ собой самую идею и тормозятъ ходъ нравственнаго развитія людей»?

Резюмируя все сказанное, проповѣдникъ повторялъ, что «религія не должна касаться неба, а лишь земли и ея обитателей, что религія должна быть реальная, понятная, основанная на разумѣ, что обряды вредны и только тормозятъ ходъ нравственнаго развитія, что религіозное ученіе должно быть изложено въ видѣ краткихъ правилъ, каковыя правила суть выводы изъ всего нравственнаго богатства человѣчества, что религія теперь уже не есть продуктъ фантазіи, мистицизма и однихъ чувствъ, а сумма разумныхъ и полезныхъ, въ нравственномъ смыслѣ, убѣжденій, тщательно провѣренныхъ и искренно усвоенныхъ».

Свою рѣчь проповѣдникъ закончилъ слѣдующимъ патетическимъ восклицаніемъ: «Итакъ, долой обряды, традиціи, формы! вонъ суевѣріе и предубѣжденіе!... Старое удались, новое возрождайся»!

Кромѣ проповѣдей философскаго и обличительнаго характера, на собраніяхъ библейцевъ нерѣдко произносятся проповѣди, имѣющія цѣлью поднять духъ въ послѣдователяхъ братства, оживить ихъ вѣру въ успѣхъ дѣла. Канвою для такого рода проповѣдей чаще всего служитъ извѣстный библейскій разсказъ о борьбѣ Давида съ Голіаѳомъ. Приведемъ здѣсь вкратцѣ одну изъ такихъ проповѣдей.

«Да, братья!—говорилъ проповѣдникъ—копье, мечъ и щитъ безсильны противъ идеи. Голіаѳы падаютъ, а идеи живутъ и торжествуютъ! Посмотрите, братья, на наше маленькое духовное братство, развѣ это не отождествленіе Давида, храбро вступающаго въ бой съ могущественнымъ Голіаѳомъ? Развѣ духъ филистерства не грозитъ окончательно поработить себѣ Израиля? Развѣ трусливое израильское воинство не бездѣйствуетъ малодушно? Развѣ евреямъ не грозитъ теперь опасность превратиться поголовно въ филистеровъ, людей, не имѣющихъ ни Бога живаго, ни идей, ни духовныхъ интересовъ?.. И вотъ, мы, маленькіе люди, не зная пріемовъ сраженія, встрѣчаемые насмѣшками и издѣвательствомъ тупыхъ, самодовольныхъ и сильныхъ филистеровъ, мы рѣшаемся снять по-

ношеніе съ Израиля, мы объявляемъ войну могущественному филистерству».

«Но какія же у насъ надежды на побѣду?—спрашиваетъ далѣе проповѣдникъ. Какіе шансы на успѣхъ? Что должны мы предпринять, чтобы обезпечить за собой счастливый исходъ борьбы»?

Мы можемъ имѣть крѣпкую надежду на успѣхъ, отвѣчаетъ проповѣдникъ, потому что «мы видимъ и знаемъ, что идеи могущественнѣе грубой силы, что идеи способны устранить всякое зло, глубоко укоренившееся даже. Ни невѣжество, ни могущество, ни традиціи, ни грубая сила, ни строгія казни и преслѣдованія не могутъ удержать прогрессивнаго теченія мысли, не могутъ сковать духъ и разумъ! Сила убѣжденія и горячая вѣра и преданность дѣлаютъ чудеса. Слѣдовательно намъ стоитъ только проникнуться святостью и непреложностью своихъ убѣжденій, стоитъ только питать горячую вѣру въ святость и правоту своего дѣла. Стоитъ только духовно закалить себя, чтобы быть храбрыми открыто проповѣдывать свои идеи, чтобы быть стойкими и неуклонными въ ихъ исполненіи и проведеніи въ жизнь—и тогда горе Голіаѳу, филистеру!»

Далѣе, доказывая существованіе шансовъ на успѣхъ, проповѣдникъ говорилъ: «Развѣ мы не видимъ, что самые лучшіе люди на нашей сторонѣ? развѣ мы не видимъ, что чѣмъ цѣльнѣе, чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ симпатизируетъ намъ? развѣ мы не знаемъ, что принципы братства на столько святы, что противъ нихъ, по существу, еще никто не осмѣлился высказаться? развѣ мы не убѣдились, что даже современные голіаѳы—филистеры, кромѣ тупыхъ насмѣшекъ и безчестнаго глумленія, ничего серьезнаго не представили и не могутъ представить намъ въ возраженіе?»...

Въ заключеніе проповѣдникъ, пригласивъ братьевъ «двинуться на Голіаѳа, вооруженнаго силой, капиталомъ, традиціями», заканчиваетъ свою проповѣдь слѣдующимъ горячимъ, страстнымъ призывомъ. «Итакъ, братья, смѣло впередъ! Поспѣшимъ снять поношеніе съ Израиля, поспѣшимъ раздавить этого гиганта-филистера, вызывающаго честныхъ людей на единоборство. Впередъ! Во имя Господа живаго, во имя живой идеи—на Голіаѳа! Не забудьте, что Голіаѳъ выступаетъ противъ насъ во имя своего ненасытнаго чрева, во имя своихъ кровожадныхъ прихотей, во имя личной выгоды и славы, а мы выступимъ во имя справедливости, во имя общаго блага, во имя святыхъ интересовъ всего человѣчества! Смѣло впередъ, и горе Голіаѳу!»

Вообще проповѣди братства излагаются живымъ, горячимъ, подчасъ страстнымъ языкомъ. Въ нихъ нѣтъ ничего сухаго, казеннаго. Нерѣдко въ проповѣди вы можете услышать цитату изъ Виктора Гюго, стихи Гете и т. п.

VI.

Дальнѣйшая судьба братства.

Продолжаемъ историческій очеркъ «Духовно-библейскаго братства».

Возникшее въ Кременчугѣ братство создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ елисаветградскихъ библейцевъ. Одинъ изъ членовъ елисаветградскаго братства имѣлъ въ Кременчугѣ близкаго родственника, котораго ему удалось сдѣлать послѣдователемъ своего вѣроученія. Новый прозелитъ, проникшись вѣрой въ непреложность принциповъ братства съ энергіей принялся за пропаганду воспринятаго ученія, и вскорѣ ему удалось привлечь на свою сторону до десяти человѣкъ послѣдователей изъ среды мѣстной еврейской интеллигенціи.

На первыхъ порахъ дѣло не обошлось, однако, безъ недоразумѣній. Кременчугскій кружокъ назвалъ себя «Обществомъ раціоналистовъ» и объявилъ, что онъ совершенно игнорируетъ религіозныя положенія, принятыя «Духовно-библейскимъ братствомъ». Обстоятельство это не могло, конечно, не обезпокоить елисаветградскихъ библейцевъ. Съ цѣлью уладить дѣло, они командировали въ Кременчугъ одного изъ наиболѣе убѣжденныхъ и краснорѣчивыхъ членовъ своего братства, г. Х., которому дѣйствительно удалось убѣдить всѣхъ кременчугскихъ «раціоналистовъ» въ непреложности ученья библейцевъ. Въ концѣ-концевъ бывшіе раціоналисты безусловно приняли «Основы» братскаго ученія.

Однако, такое согласіе продолжалось недолго: вскорѣ «весь десятокъ интеллектовъ обратился вспять, объясняя свое ренегатство кваснымъ или кугельнымъ патріотизмомъ». Основатель кременчугскаго братства («кременчугскій апостолъ», какъ его величали библейцы) снова остался одинъ; но это нимало не обезкуражило его. Махнувъ рукой на «интеллигенцію», онъ переноситъ свою дѣятельность въ среду народа, рабочихъ и ремесленниковъ. Здѣсь, въ этой средѣ, его дѣятельная и энергичная пропаганда увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: ему удалось основать многочисленное братство, въ которомъ было до тридцати человѣкъ однихъ рабочихъ и ремесленниковъ. «Вскорѣ кременчугскими ремесленниками-библейцами было основано товарищество на самыхъ симпатичныхъ началахъ» (къ сожалѣнію, изъ нашихъ матеріаловъ не видно, что это было за товарищество). Число послѣдователей быстро увеличивалось и вскорѣ дошло до ста человѣкъ.

Что касается елисаветградскаго братства, то оно также дѣйствовало довольно успѣшно. «Братья» собирались весьма исправно. На собраніяхъ «велись популярныя бесѣды по химіи, физикѣ, фи-

зической географіи, физіологіи, читалась и комментировалась этическая часть библіи, читались хорошія критическія статьи, выяснялось соціально-экономическое и нравственно-религіозное значеніе библіи и т. д.». Братство насчитывало уже въ своихъ рядахъ 3—4 студентовъ и двухъ лицъ съ высшимъ образованіемъ: доктора и присяжнаго повѣреннаго.

Въ то же время братство заботилось о распространеніи своего ученія и въ другихъ городахъ. Одна изъ елисаветградскихъ «сестеръ-библеекъ» выѣхала въ Одессу и тамъ ознакомила многихъ изъ еврейской молодежи съ «Основами» своего вѣроученія. Нашлись лица, которыя изъявили свое согласіе присоединиться къ духовно-библейскому братству. Елисаветградскіе братья начали получать письма, телеграммы, поздравленія и пр., а вслѣдъ затѣмъ получилось письмо съ настоятельнымъ требованіемъ отрядить одного изъ братьевъ въ Одессу, для подробнаго ознакомленія тамошнихъ кружковъ съ ученіемъ братства.

Тогда елисаветградское братство отрядило одного изъ своихъ членовъ г. Z. Въ назначенный часъ собралось довольно много народу. Тутъ были: студенты, курсистки, адвокаты, учителя, ремесленники и проч. Одинъ изъ елисаветградскихъ братьевъ слѣдующимъ образомъ описываетъ это собраніе и дебаты, происходившіе на немъ.

«Боже мой! О чемъ только здѣсь не говорилось? И о химическихъ соединеніяхъ, реакціяхъ, разложеніяхъ, и о протоплазмѣ, объ атомахъ, объ общинномъ землевладѣніи и земледѣліи и о разныхъ историческихъ движеніяхъ, о борьбѣ за существованіе. Словомъ, говорилось много, о дѣлѣ же собственно говорилось очень мало. Заслуживали вниманія возраженія извѣстнаго гебраиста Лиліенблюма и одного студента, изъ которыхъ первый доказывалъ, что не слѣдуетъ отпадать отъ еврейства (или юдаизма), второй — что прежде всего нужно заботиться о реформѣ матеріальной, экономической, а уже потомъ—о нравственно религіозной. Словомъ, говорили, говорили и съ этимъ остались. Каждый изъ диспутантовъ считалъ себя побѣдителемъ, а братства въ Одессѣ такъ и не основали».

За то вслѣдъ за этимъ въ Одессѣ, среди тамошнихъ евреевъ, возникаетъ другая секта — «Новый Израиль». Братство немедленно же обратилось къ послѣдователямъ новой секты съ печатнымъ воззваніемъ, въ которомъ указывало на нѣкоторыя несообразности ихъ положеній и умоляло ихъ присоединиться къ братству и дѣйствовать сообща. Воззваніе это, однако, не имѣло успѣха и прошло безслѣдно.

Между тѣмъ, изъ Елисаветграда и Кременчуга начали получаться все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Дѣла братства приходили въ разстройство и замѣшательство. Сами библейцы объяс-

няютъ это обстоятельство эмиграціонной горячкой, которая, подъ вліяніемъ погромовъ, охватила тогда еврейство. Агитаторы въ пользу эмиграціи появились въ Кременчугѣ и Елисаветградѣ и организовали тамъ эмиграціонные кружки, которые всѣми способами старались поддержать стремленіе евреевъ къ переселенію.

Результатомъ этой агитаціи было то, что весной 1882-го года большинство «братьевъ» покинуло родину и эмигрировало за границу, причемъ одна часть направилась въ Палестину, а другая — въ Америку. Послѣ этого «дѣло братства окончательно остановилось», настало полнѣйшее затишье. «Братство притаилось и замолчало — говорится по этому поводу въ одной изъ проповѣдей библейцевъ — многіе считали насъ уже умершими и справляли тризну... Но живое не умираетъ!..»

Осенью того же 1882 года, появилась книжка Бенсіона о реформаторахъ-евреяхъ. Вся печать снова заговорила о реформахъ; еврейскіе журналы и газеты снова начали ругаться и умышленно извращать смыслъ и духъ новаго вѣроученія. Это побудило братство напечатать статью, въ которой были высказаны его взгляды, принципы и положенія; статья эта появилась въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ №№ 254 и 255 за 1882 годъ [1]) и немало способствовала популярности братства.

Однако, члены братства, по ихъ собственному сознанію, не могли за это время похвалиться особенными успѣхами. Празднуя 2-го января 1883 года, трехлѣтнюю годовщину существованія братства, они сознавались, что «дѣло ихъ идетъ весьма туго, что оно двигается черепашьими шагами». Но они не унывали, не падали духомъ, а напротивъ, съ полной вѣрой въ успѣхъ своего дѣла глядѣли въ будущее.

Одинъ изъ проповѣдниковъ-библейцевъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ при этомъ прошлое братства и тѣ надежды, которыми проникнуты духовные братья. «Оглядываясь назадъ — говорилъ онъ — мы видимъ только однѣ мелочи и дрязги, мы не замѣчаемъ тамъ настоящей, здоровой жизни, а какое-то прозябаніе, мы не видимъ тамъ настоящей, энергичной дѣятельности, а какую-то сонную работу. Но наша жизнь не въ прошедшемъ и даже не въ настоящемъ, а въ будущемъ. Въ будущемъ, въ будущемъ и въ будущемъ! Нужно быть отчаяннымъ и мрачнымъ пессимистомъ, чтобы не надѣяться на лучшее будущее; нужно быть заскорузлымъ и безсердечнымъ скептикомъ, чтобы вовсе не вѣрить въ людей, — чтобы не вѣрить, что святая истина побѣдитъ и восторжествуетъ; наконецъ, нужно быть бездушнымъ мизантропомъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что теплые лучи братской любви согрѣютъ всѣ

---

[1]) Мы уже ознакомили читателей съ содержаніемъ этой статьи въ одной изъ предъидущихъ главъ.

сердца, оживять, помирять и соединять всѣхъ въ одно величественно-прекрасное цѣлое, которое достойно будетъ называться человѣчествомъ!»

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, тотъ же проповѣдникъ говорилъ: «Теперь мы съ увѣренностью можемъ сказать, что дѣла «Духовно-библейскаго братства» пошли опять въ гору, число послѣдователей быстро увеличивается и среди общества замѣтно движеніе въ нашу пользу. Лучшая же часть русскаго общества неоднократно выражала намъ свои симпатіи. Теперь у насъ есть послѣдователи въ Петербургѣ, Одессѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, Вознесенскѣ и очень много въ Америкѣ, съ которыми мы находимся въ общеніи»[1]).

Члены братства какъ нельзя болѣе дорожатъ всякимъ сочувственнымъ словомъ, обращеннымъ къ нимъ. Вотъ, напримѣръ, что писали они одному извѣстному публицисту, приславшему имъ сочувственное письмо: «Истинно говоримъ вамъ, ***, что вы своимъ теплымъ и искреннимъ письмомъ оказали намъ важную и неоцѣненную услугу: вы доказали намъ, что есть еще люди, вѣрующіе въ Бога — добро, готовые нелицемѣрно поклоняться этому Божеству. Вы подтвердили намъ наше убѣжденіе, что Богъ — истина, разумъ и добро — можетъ быть всѣми признанъ и слѣдовательно всѣми принятъ; вы придали намъ силы и самоувѣренности, и какъ можемъ мы не благодарить васъ?...»

Письмо кончалось слѣдующимъ увѣреніемъ: «Знайте же, что далеко, на югѣ, живетъ группа людей, которая питаетъ къ вамъ братскія чувства любви и уваженія, которая соединена съ вами общностью духовныхъ интересовъ, которая связана съ вами общей вѣрой, вѣрой въ силу добра и въ лучшее будущее. Знайте все это и не забывайте насъ! Не забывайте, ибо мы нуждаемся и очень нуждаемся въ нравственной поддержкѣ такихъ людей, какъ вы» и т. д.

По увѣренію «братьевъ», за послѣднее время даже среди самыхъ простыхъ, совсѣмъ не развитыхъ людей начинаетъ обнаруживаться сочувственное отношеніе къ ученію новыхъ библейцевъ. Такъ, напримѣръ, въ Елисаветградѣ недавно былъ слѣдующій случай. «Одинъ еще очень молодой юноша» выразилъ горячее желаніе вступить въ братство. Но ему было отказано въ этомъ, такъ какъ братство «пока не можетъ еще принимать людей несамостоятельныхъ и зависимыхъ». Пятнадцатилѣтній юноша продолжалъ, однако, настаивать, просилъ и умолялъ принять его въ братство.—«А что скажутъ ваши родители, когда узнаютъ, что вы сдѣлались членомъ нашего братства? Навѣрное, они не похвалятъ насъ за это?»—гово-

[1]) Переселившіеся въ Америку библейцы ужасно тамъ бѣдствуютъ и мечтаютъ только о томъ, какъ бы снова вернуться къ своимъ «братьямъ», въ Россію.

рили библейцы юношѣ. Тогда тотъ началъ упрашивать, чтобы кто нибудь изъ «братьевъ» отправился къ его родителямъ и переговорилъ бы съ ними. И что же?—родители встрѣтили посланнаго брата самымъ привѣтливымъ, радушнымъ образомъ и изъявили свое полное согласіе на вступленіе сына въ братство. При этомъ отецъ юноши, довольно пожилой человѣкъ, мелкій торговецъ, торжественно произнесъ:

— «Благословляю тебя, сынъ мой! Дѣло хорошее. Я уже старъ. Я тоже уже давно сознаъ всю грязь и пошлость, всю ложь и весь обманъ, господствующіе среди насъ. Да поможетъ вамъ Господь!»

Благодаря возростающему въ обществѣ сочувствію къ дѣятельности братства, дѣла его за послѣднее время сильно подвинулись впередъ. Во-первыхъ, общее число членовъ значительно увеличилось. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Одессѣ, организовались братства по образцу елисаветградскаго. Наконецъ, послѣдователи «Новаго Израиля», во главѣ съ г. Прилукеромъ, приняли программу братства и окончательно слились съ библейцами.

На сколько успѣшно идетъ пропаганда «братскаго» ученія, между прочимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка изъ письма одного проповѣдника—библейца: «Нѣсколько недѣль меня не было дома—пишетъ онъ — разъѣзжалъ. Я былъ въ Николаевѣ, Кишиневѣ и Одессѣ. Могу съ увѣренностью сказать, что святое наше дѣло захватываетъ все бо̀льшій и бо̀льшій раіонъ. Тамъ, гдѣ въ прошломъ году (1883) я встрѣчалъ недружелюбіе и враждебность,—въ этомъ году сочувствіе и полнѣйшую симпатію. Въ Одессѣ ко мнѣ ходили, какъ къ цадику какому нибудь,—право даже неловко было...» и т. д.

Пробужденію въ обществѣ интереса къ «Духовно-библейскому братству» немало способствовала также вышедшая въ началѣ этого года брошюра г. Португалова: «Знаменательныя движенія въ еврействѣ». Изложивъ основныя черты ученія братства, авторъ замѣчалъ, что подобному ученію «не можетъ не симпатизировать всякій чистый и нравственно развитый человѣкъ». Въ возникновеніи и процвѣтаніи этого братства, какъ мы уже выше замѣтили, авторъ видитъ «зарю самаго свѣтлаго будущаго для еврейства». Конечно, заявляетъ онъ, «братству будетъ очень трудно въ первое время, потому что искренно-расположенныхъ примкнуть къ нему на первыхъ порахъ немного найдется, но современемъ можно надѣяться, что все лучшее изъ еврейской интеллигентной молодежи присоединится къ этому движенію».

Разумѣется, было бы большою ошибкою думать, что всѣ слои еврейскаго общества относятся болѣе или менѣе сочувственно къ происходящему теперь въ его средѣ этико-раціоналистическому движенію. Напротивъ, движеніе это на первыхъ же порахъ встрѣтило среди еврейства немало ожесточенныхъ и ярыхъ противниковъ: съ

одной стороны возстали разные богословы, слѣпые почитатели талмуда, съ другой — крупные коммерсанты, представители капитала, разные гешефтмахеры и т. п. Для иллюстраціи этой вражды приведемъ здѣсь одинъ эпизодъ изъ недавней исторіи духовно-библейскаго движенія.

Въ началѣ 1882 года, одинъ изъ главныхъ дѣятелей «Новаго Израиля», Я. Прилукеръ, напечаталъ въ «Одесскомъ Листкѣ» краткое сообщеніе о цѣляхъ и принципахъ этой новой секты. Сообщеніе это сильно встревожило мѣстныхъ евреевъ-патріотовъ, увидѣвшихъ въ авторѣ статьи опаснаго реформатора, посягающаго на неприкосновенность юдаизма. Особенно враждебно отнеслись къ г. Прилукеру разные ученые богословы-талмудисты и нѣкоторые изъ наиболѣе крупныхъ еврейскихъ коммерсантовъ, въ родѣ г. Абрама М. Бродскаго—«милліонера, потомственнаго почетнаго гражданина и гласнаго одесской городской думы, сахаро-заводчика, мукомола и проч., и проч.»

Г. Прилукеръ занималъ мѣсто учителя въ одной изъ городскихъ школъ Одессы. По настоянію Бродскаго, онъ былъ немедленно уволенъ отъ этой должности «за атеизмъ», которымъ будто бы проникнуто его сообщеніе о «Новомъ Израилѣ». Въ отвѣтъ на это распоряженіе г. Прилукеръ издалъ брошюру, озаглавивъ ее «Моимъ гонителямъ», направивъ ее противъ Бродскаго. Брошюра снабжена слѣдующимъ эпиграфомъ: «Народъ мой, руководители и представители твои ввели (тебя) въ заблужденіе, они испортили твои прямые пути» (Исаія III, 12).

Разбивъ блестящимъ образомъ возведенное на него обвиненіе въ атеизмѣ, авторъ брошюры въ свою очередь обращается въ обвинителя и разражается грозной и рѣзкой филиппикой противъ «гг. Бродскихъ и К°.», уличаетъ ихъ въ полномъ безвѣріи, въ фальши и фарисействѣ, громитъ ихъ эксплоататорскіе инстинкты, ихъ жажду къ наживѣ и т. д. «Мой бѣдный народъ!—восклицаетъ между прочимъ авторъ, ты чтишь разставляющихъ тебѣ сѣти, ты не видишь козней твоихъ эксплоататоровъ! За нихъ то бьютъ тебя, эксплоатируемаго, бьютъ меня, учителя, тебя, портнаго, тебя, плотника. Мы ихъ жертвы, мы страдаемъ за ихъ грѣхи, за ихъ высокомѣріе, за ихъ богатства, созданныя нашими руками. Мой народъ, отхлынь, бѣги отъ гг. Бродскихъ! Они тебѣ не возвратятъ силу, отнятую ими у тебя же; они твои самые злѣйшіе враги».

Брошюра кончалась слѣдующими призывами.

«Настало время разсчета. Несчастные единовѣрцы! свергните иго Бродскихъ, бѣгите вашихъ недруговъ!.. Смотрите, вы тащите на вашихъ плечахъ ихъ тяжелые мѣшки, вы стонете подъ ихъ бременемъ, ноги ваши подкашиваются подъ ихъ ярмомъ... Слышите ли шумъ кареты, катящейся по мостовой? Это онъ, это Бродскій ѣдетъ посмотрѣть, хорошо ли вы у него работаете. Онъ раз-

валился въ экипажѣ, лицо его выражаетъ довольствіе, взглядъ величественъ, онъ весь сіяетъ великолѣпіемъ. Бѣдные единовѣрцы! вамъ не будетъ спасенія, пока вы будете держаться Бродскихъ. Чужіе бьютъ васъ за этихъ самыхъ Бродскихъ, а эти самые Бродскіе бьютъ васъ еще хуже чужихъ [1])!..»

Послѣ этого нетрудно, конечно, представить себѣ, какія чувства должны питать еврейскіе коммерсанты и капиталисты къ представителямъ новаго религіознаго движенія.

Обращаясь къ вопросу, какъ велико въ настоящее время число всѣхъ послѣдователей «духовно-библейскаго братства», мы должны сознаться, что въ имѣющихся у насъ матеріалахъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія этого числа. По нѣкоторымъ указаніямъ можно, однако, думать, что послѣдователей братства слѣдуетъ пока считать сотнями, но не больше.

По этому поводу сами библейцы говорятъ такъ: «насъ пока еще мало, но мы вѣримъ, что истина и справедливость, явная для насъ, современемъ будетъ очевидна и для другихъ». Вѣра, говорятъ они, «дѣлаетъ людей неустрашимыми, могучими, вѣра не взвѣшиваетъ за и противъ, не оглядывается боязливо вокругъ, — она стушевываетъ предъ нашими взорами всѣ препятствія, она двигаетъ горами».

Но, проповѣдуя энергическую и неустанную пропаганду своего ученія, библейцы въ то же время категорически отрицаютъ путь насилія. «Не мечемъ и не копьемъ будемъ мы прокладывать нашу дорогу, говорилъ одинъ изъ проповѣдниковъ-библейцевъ, а любовью и самоотверженіемъ. Наша идея не нуждается въ оружіи: она побѣдитъ силою своей справедливости и вѣры, одушевляющей всѣхъ насъ. Проповѣдники нравственной идеи не знаютъ насилія, къ противникамъ своимъ они относятся снисходительно, скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ ненавистью и озлобленіемъ. Будемъ же и мы достойны этой великой идеи — осуществленія истины и справедливости, во имя которой мы сплотились и къ которой мы всѣ дружно стремимся».

Въ такомъ видѣ представляется совершающееся теперь среди русскихъ евреевъ этико-раціоналистическое движеніе. Что именно выйдетъ изъ этого движенія далѣе, какая будущность ожидаетъ его, какія прямыя и практическія послѣдствія вызоветъ это движеніе — мы не будемъ рѣшать здѣсь. Наша задача состояла лишь въ томъ, чтобы возможно болѣе объективно очертить общій характеръ этого движенія, на основаніи строго-фактическихъ данныхъ и подлинныхъ матеріаловъ.

А. Пругавинъ.

[1]) «Моимъ гонителямъ», Я. Я. Прилукера. Одесса. 1882 г., стр. 13 и 15.

ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВЪ [1].

«Найдемъ мы униженныхъ, скорбныхъ мужей,
Но будемъ мы имъ утѣшеньемъ,
Мы кротостью нашей смягчимъ палачей,
Страданье осилимъ терпѣньемъ.
Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной,
И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
Обѣта любви безкорыстной!...»

«Кн. М. Н. Волконская», Некрасова.

Вступленіе на престолъ императора Николая I-го ознаменовано событіемъ, повлекшимъ за собой весьма печальныя послѣдствія. Событіе это—возмущеніе 14 декабря 1825 года. Въ немъ, какъ извѣстно, принимали участіе люди, стоявшіе довольно высоко, какъ по своему общественному положенію, такъ по образованію и уму. Декабрское возмущеніе сильно отразилось на тогдашнемъ высшемъ обществѣ, изъ среды котораго оно вырвало немало членовъ. 13 іюля 1826 года, былъ утвержденъ приговоръ надъ декабристами, и въ тотъ же день началась отправка ихъ въ Сибирь. Въ

[1]) Отъ редакціи. Къ настоящей статьѣ мы прилагаемъ точныя копіи съ пяти оригинальныхъ рисунковъ: 1) Видъ Читинскаго острога; 2) Внутренность Читинскаго острога; 3) Церковь для ссыльныхъ въ Читѣ; 4) Видъ церкви въ Петровскомъ острогѣ; 5) Домъ Муравьевыхъ и домъ Давыдовыхъ въ Петровскомъ заводѣ. Рисунки эти сдѣланы съ натуры, тушью, декабристомъ Н. А. Бестужевымъ и сообщены имъ сестрѣ, въ видѣ виньетокъ, на нѣкоторыхъ письмахъ къ ней, писанныхъ изъ Селенгинска въ 1840—41 годахъ. Означенныя письма составляютъ теперь собственность извѣстнаго собирателя русскихъ гравюръ и автографовъ П. Я. Дашкова, который, по неизмѣнной любезности своей къ редакціи «Историческаго Вѣстника», и передалъ ихъ намъ въ подлинникахъ для воспроизведенія рисунковъ.

числѣ 8-ми человѣкъ, отправленныхъ въ первой партіи, находились князья Трубецкой и Волконскій. Вскорѣ послѣ ихъ отправленія, стали собираться въ далекій путь, вслѣдъ за мужьями, княгини Екатерина Ивановна Трубецкая и Марья Николаевна Волконская. Онѣ первыя отважились на трудный подвигъ, первыя показали примѣръ, которому, къ чести и славѣ всѣхъ русскихъ женщинъ, послѣдовали и многія другія жены ссыльныхъ декабристовъ. Много препятствій пришлось преодолѣть имъ еще до отъѣзда въ Сибирь. Уѣзжая къ мужьямъ, онѣ должны были навсегда покинуть родину, родныхъ, отказаться отъ удобствъ свѣтской жизни, отрѣшиться отъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ съ дѣтства, возстать противъ родительской воли, разбить всѣ связи, пренебречь предразсудками общества.

Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось, что всего ужаснѣе для сердца женщины, покинуть своихъ малолѣтнихъ дѣтей.

Описаніе жизни этихъ женщинъ составляетъ предметъ нашей статьи, которая, однако, представляетъ далеко неполный разсказъ объ ихъ жизни и дѣятельности, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи были только печатные матеріалы, небольшія статьи и отдѣльныя замѣтки, разсѣянныя на страницахъ историческихъ журналовъ. Изъ всего этого мы пытались составить нѣчто цѣлое [1]).

Желая, по возможности, ближе познакомить читателя съ жизнью женъ декабристовъ, мы сообщаемъ краткую характеристику и біографію каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

---

[1]) При составленіи статьи мы пользовались слѣдующими источниками: «Записки барона А. Е. Розена», «Отеч. Зап.» 1876 г.—«Сибирь и Каторга» С. Максимова. — Статья Новосильцевой въ «Русск. Стар.» 1878 г. № 6.—«Записки Н. В. Басаргина» въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ», кн. I.—«Русск. Стар.» 1875 г. № 4 (Сообщеніе изъ бумагъ Веневитинова).—«Исторія царствованія императора Александра I»—Богдановича, т. VI. — «Послѣдніе дни жизни Александра I» «Русск. Стар.» 1878 г. № 1.—«Воспоминанія Т. П. Пасоекъ», «Русск. Стар.» 1878 г. № 2.—«Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky».—«Пушкинъ въ Южной Россіи», Бартенева «Русск. Арх.» 1866 г.—«Записки М. А. Бестужева», «Русск. Стар.» 1870 г. т. II.—«Письма В. А. Жуковскаго къ государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ», «Русск. Арх.» 1874 г. кн. I.—«Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго», изд. барона А. Е. Розена. Спб. 1883.—Замѣтка Родіонова въ «Русск. Стар.» 1878 г. № 9.—Некрологи И. И. Свіязева и барона А. Е. Розена, «Русск. Стар.» 1874 г. т. 9. — «Изъ записокъ декабриста Якушкина», «Русск. Арх.» 1870 г.— «Воспоминанія А. П. Бѣляева», «Русск. Стар.» 1881 г. № 4. — «Записки декабриста М. А. Бестужева», «Русск. Стар.» 1881 г. № 11.—«Бунтъ Черниговскаго полка» «Русск. Арх.» 1871 г. № 1.—«Отповѣдь Свистунова на статью Максимова», «Русск. Арх.» 1871 г. № 2.—«Изъ воспоминаній о Пушкинѣ», М. П. Погодина», «Русск. Арх.» 1865 г.—«Записки Н. И. Лорера», «Русск. Арх.» 1874 г. кн. I и др.

I.

Княгиня Марья Николаевна Волконская, рожденная Раевская, родилась въ 1806 году. Отецъ ея, Николай Николаевичъ Раевскій, знаменитый герой двѣнадцатаго года, началъ службу еще при князѣ Потемкинѣ, своемъ родственникѣ, и былъ его любимцемъ.

Николай Николаевичъ быстро подвигался на служебномъ поприщѣ, благодаря своей храбрости, уму и благородству. Имя его тѣсно связано съ Отечественною войною двѣнадцатаго года. Во время этой войны Раевскій вмѣстѣ съ сыновьями былъ всегда впереди, подъ градомъ пуль. Жуковскій упоминаетъ о немъ въ «Бородинской Годовщинѣ», перечисляя героевъ Бородина:

«Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій?»

Пушкинъ, другъ дома Раевскихъ, пишетъ брату своему изъ Крыма слѣдующее письмо, характеризующее Николая Николаевича: «Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества» [1]). Н. Н. Раевскій по своимъ способностямъ былъ человѣкъ необыкновенный. Онъ былъ храбрый воинъ, умный государственный сановникъ и добрый отецъ семейства. Онъ былъ всегда одинаковъ, всегда спокоенъ, благороденъ, ласковъ и привѣтливъ какъ со старшими, такъ и равными себѣ, въ свѣтскомъ обществѣ, въ пылу битвы, въ кругу друзей. Наполеонъ считалъ его однимъ изъ достойнѣйшихъ своихъ противниковъ. Онъ былъ героемъ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ надъ французами. Въ битвѣ подъ Дашковой, когда русское войско стало отступать передъ непріятелемъ, значительно превосходившимъ численностью, Раевскій съ обоими малолѣтними сыновьями пошелъ навстрѣчу наступающему врагу, причемъ младшаго сына генералъ велъ за руку, а старшій, схвативъ знамя, лежавшее подлѣ убитаго офицера, пошелъ передъ войсками. Геройство ко-

[1]) «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1115, «Пушкинъ въ Южной Россіи», Бартенева.

мандира воодушевило солдатъ, они бросались впередъ и опрокинули врага. Жуковскій слѣдующими стихами воспѣваетъ этотъ подвигъ Раевскаго:

«Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала передъ рядами,
Онъ первый—грудь противъ мечей
Съ отважными сынами». («Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»).

Мать княгини Волконской была Софья Алексѣевна Раевская, урожденная Константинова, внучка Ломоносова. Наружность княгини Марьи Николаевны отличалась симпатичностью: ея стройная фигура, почти высокій ростъ, гордая походка, немного вздернутый носъ, придававшій всему выраженію лица особенную живость, производили на всѣхъ впечатлѣніе. Особенно хороши были ея черные, какъ черная смородина, по выраженію барона Штейнгеля, глаза. За смуглый цвѣтъ ея лица и черныя волосы ее называли «La fille du Gange»,—дѣвой Ганга. Воспитаніе княгиня получила очень хорошее.

Осьмнадцати лѣтъ Марья Николаевна вышла замужъ за князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, который былъ гораздо старше ея. Не по любви вышла замужъ княгиня, а скорѣе по волѣ отца своего.

До замужества она видѣла князя Сергѣя Григорьевича всего нѣсколько разъ и потому знала его очень мало. Соединивъ съ нимъ свою судьбу, она нашла въ немъ человѣка благороднаго и вполнѣ достойнаго любви. Князь С. Г. Волконскій принадлежалъ къ древнему княжескому роду. Волконскіе происходятъ отъ князей Торусскихъ, которые составляли одну изъ вѣтвей Черниговскаго княжескаго дома. Названіе свое приняли Волконскіе по не существующему уже городу или мѣстечку Волконѣ (Тульской губ., въ Алексинскомъ уѣздѣ), которое досталось имъ въ удѣлъ. Мать Сергѣя Григорьевича, княгиня Александра Николаевна Волконская, была любимой статсъ-дамой и гофмейстериной императрицы Маріи Ѳеодоровны.

До четырнадцатилѣтняго возраста Сергѣй Григорьевичъ получалъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ иностранца Фриза и отставнаго подполковника Каленберга. Дальнѣйшее воспитаніе продолжалъ въ Петербургѣ у аббата Николя и въ пансіонѣ Жакино. Здѣсь пробылъ онъ до 16-ти лѣтъ. Въ 1810 и 1811 годахъ, слушалъ лекціи по военному искусству у генерала Фуля, пользовавшагося въ то время въ Россіи большою славою. Судьба щедро надѣлила своими дарами князя Волконскаго, и онъ быстро подвигался впередъ по службѣ. Будучи съ малыхъ лѣтъ записанъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, онъ въ 1812 году получилъ за отличіе чинъ полковника; въ слѣдующемъ году, 24-хъ лѣтъ отъ

роду, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1821 году назначенъ командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи. Въ разгарѣ военной славы князь поступилъ въ «Южное общество». Здѣсь дѣятельность его состояла преимущественно въ сношеніяхъ съ членами другихъ тайныхъ обществъ, образовавшихся у насъ въ концѣ царствованія императора Александра I.

Какъ человѣкъ очень способный, умный и при томъ вліятельный, князь пользовался большимъ значеніемъ среди остальныхъ членовъ общества. Волконскій женился на дочери Н. Н. Раевскаго незадолго до роковаго дня 14-го декабря 1825 года.

Послѣ своей женитьбы, князь поселился въ Одессѣ. Здѣсь Волконскихъ посѣщали члены различныхъ тайныхъ обществъ, въ томъ числѣ: Поджіо, Корниловичъ, Юшневскій, Пестель, Бурцевъ, Абрамовъ. Не прошло и года со дня свадьбы княгини Марьи Николаевны, какъ супружеское счастіе Волконскихъ нарушилось возмущеніемъ 14-го декабря. Князь Сергѣй Григорьевичъ въ это время жилъ вмѣстѣ съ женою у родственницы своей, графини Браницкой, въ ея кіевскомъ имѣніи.

Здѣсь у Марьи Николаевны родился первый ребенокъ Николай. Спустя двѣ недѣли послѣ его рожденія, въ Бѣлую Церковь (имѣніе Браницкой) явилась полиція и арестовала князя Волконскаго, какъ участника въ заговорѣ. Несчастіе разразилось надъ бѣдной княгиней совершенно неожиданно, такъ какъ она не знала о принадлежности мужа къ тайному обществу. Нисколько не колеблясь, княгиня рѣшилась слѣдовать за мужемъ всюду, куда бы ни забросила его судьба. Едва оправившись отъ родовъ, она уѣхала отъ графини Браницкой въ отцу въ его кіевское имѣніе. Пріѣхавъ къ отцу, княгиня объявила ему о своемъ рѣшеніи слѣдовать за мужемъ, котораго ожидала ссылка въ Сибирь. Николай Николаевичъ сначала не давалъ согласія на ея отъѣздъ. Онъ думалъ, что княгиня, бывшая ему всегда покорною дочерью, не ослушается и на этотъ разъ отцовской воли. Николай Николаевичъ представлялъ дочери весь ужасъ сибирской жизни, жизни въ казематѣ, умолялъ ее не покидать своей семьи, напоминалъ объ обязанностяхъ матери. Но ни гнѣвъ отца, ни просьбы любимыхъ родныхъ, не остановили рѣшенія княгини. Она принесла все въ жертву мужу,— и чувство матери, и свою молодость. Ее не страшили ни лишенія, ни разлука съ престарѣлымъ отцомъ. Княгиня знала, что ее ожидаетъ невеселое, трудное будущее, что она навсегда разстается съ беззаботной, полной блеска и роскоши свѣтской жизнью. Знала все это княгиня и тѣмъ не менѣе ни на секунду не задумалась перемѣнить свѣтскую гостиную на тюремную камеру, лишь бы только жить съ любимымъ мужемъ, помогать ему во всемъ, облегчать его участь, словомъ остаться вѣрной долгу жены. Когда Раевскій убѣдился, что ничто уже не можетъ измѣнить рѣшеніе до-

чери, онъ благословилъ ее на дальнюю дорогу. Получивъ отцовское благословеніе и простившись съ родными, Марья Николаевна отправилась къ своимъ родственникамъ по мужу Репнинымъ, въ Полтавскую губернію. Тамъ она получила нѣкоторыя далеко неутѣшительныя извѣстія о мужѣ: Сергѣй Григорьевичъ находился въ Петропавловской крѣпости, захворалъ лихорадкой; его терзала тоска по женѣ и ребенкѣ до того, что онъ въ отчаяніи плакалъ. Изъ родныхъ онъ видѣлся только съ сестрой, княжной Софьей Григорьевной Волконской. Мать его была такъ убита горемъ, что

Видъ Читинскаго острога изъ сада коменданта Лепарскаго.

не была въ состояніи навѣщать сына. Всѣ эти свѣдѣнія Марья Николаевна получила отъ Николая Григорьевича Репнина, который по болѣзни оставался въ деревнѣ. Когда Репнинъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, Марья Николаевна отправилась туда вмѣстѣ съ нимъ. Въ Петербургѣ она остановилась у своей сверкови, княгини Александры Николаевны Волконской, жившей въ своемъ домѣ на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста. Узнавъ здѣсь, что мужъ ея осужденъ на двадцатилѣтнюю ссылку въ Сибирь, она стала хлопотать о разрѣшеніи ѣхать вслѣдъ за нимъ. Княгиня написала письмо государю, прося его согласиться на ея отъѣздъ. Вскорѣ черезъ флигель-адъютанта

Марья Николаевна получила записку государя. Императоръ писалъ, что разрѣшаетъ ей ѣхать, съ тѣмъ, однако, чтобъ она отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ и отъ надежды когда нибудь снова увидѣть Россію. Съ радостью получила молодая женщина эту записку и занялась приготовленіями къ отъѣзду. Сборы были не долги. Трудно представить, что перенесла княгиня въ день своего отъѣзда. Она разставалась съ своимъ сыномъ, котораго оставила на попеченіе бабушки, не рѣшаясь брать съ собою младенца въ такой долгій путь. Объятія и слезы родныхъ окончательно лишили присутствія духа бѣдную мать. Наконецъ, сопровождаемая благословеніями, княгиня тронулась въ дорогу. Многихъ родныхъ ей ужъ не пришлось увидѣть, а также и сына своего, умершаго на третьемъ году отъ рожденія, не смотря на попеченія княгини Александры Николаевны и императрицы Маріи Ѳедоровны, часто справлявшейся о мальчикѣ, котораго она называла l'enfant du malheur. Приводимъ четверостишіе Пушкина, написанное «на смерть младенца Волконскаго»:

«Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и проситъ за отца».

Черезъ нѣсколько дней Марья Николаевна пріѣхала въ Москву, гдѣ пробыла около недѣли у своей невѣстки, княгини Зинаиды Александровны Волконской, жившей въ то время на Тверской, въ домѣ брата [1]). Княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская, талантливая писательница, можетъ считаться, по своему уму и образованію, представительницей женщинъ высшаго круга начала нынѣшняго столѣтія. Зинаида Александровна обладала основательными знаніями музыки, изучала драматическое искусство, знала латинскій и греческій языки. Душевныя качества княгини, ея таланты и красота привлекали массу поклонниковъ. Поэты воспѣвали ее въ своихъ произведеніяхъ, Пушкинъ написалъ ей посланіе «Среди разсѣянной Москвы» и посвятилъ поэму «Цыганы». Марья Николаевна пріѣхала въ Москву въ самое блестящее время для ея невѣстки: литературныя знаменитости и политическіе дѣятели окружали Зинаиду Александровну. Она была покровительницей талантовъ, а ея домъ — храмомъ искусства Зинаида Александровна приняла живѣйшее участіе въ судьбѣ своей невѣстки и, чтобы хотя немного развлечь ее, устроила передъ отъѣздомъ дорогой гостьи, 26-го декабря 1826 года, литературно-музыкальный вечеръ, на который собрались почти всѣ жившіе въ то время въ Москвѣ представители науки, литературы и искусствъ.

---

[1]) Этотъ домъ теперь (1883 г.) принадлежитъ купцу Носову.

Марья Николаевна возбуждала всеобщій интересъ. Всѣ, конечно, знали объ участи Сергѣя Григорьевича и о намѣреніи молодой княгини ѣхать къ мужу. Вотъ отрывокъ изъ описанія этого вечера, найденнаго въ бумагахъ покойнаго поэта А. В. Веневитинова, самаго горячаго поклонника княгини Зинаиды Александровны.

«27-го декабря 1826 года. Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая 6-го января сама отправляется въ путь за нимъ вмѣстѣ съ Муравьевой[1]). Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина — больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже изсохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго... Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву — славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить въ мірѣ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ, она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее. Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Она, впродолженіе цѣлаго вечера, все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другаго. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостинную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды) много было гостей, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ «Agnes» del Maestro Paër былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злочастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выдти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое мрачное молчаніе нѣкоторыми шутливыми дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливцами, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостинную, сѣла въ уголъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко при-

[1]) Кн. М. Н. Волконская уѣхала изъ Москвы одна.

близилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмѣвало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что нибудь, простодушно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кое-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ «Донъ-Жуана». Одному пѣть у меня тогда бы голоса недостало. Она меня благодарила какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Я возвратился домой съ душою полной и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера» [1]).

Такъ въ пѣніи, музыкѣ и бесѣдахъ, предметомъ которыхъ была молодая княгиня, прошелъ весь вечеръ. Наконецъ, подали ужинъ. За ужиномъ Марья Николаевна говорила очень мало, и то только объ общихъ предметахъ, старательно избѣгая разговоровъ о себѣ самой. Грустное лицо княгини только разъ во весь вечеръ нѣсколько оживилось, когда за ужиномъ зашла рѣчь о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова, и о непріятностяхъ, которыя достались инціаторамъ этого концерта. Выразительные глаза Марьи Николаевны засвѣтились досадой, и она иронически воскликнула: on a trouvé que c'était trop libéral».

Впечатлѣніе, произведенное Марьей Николаевной на невѣстку, выразилось слѣдующими поэтическими строками княгини Зинаиды Александровны:

«O toi qui vins te reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon amie! Le reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi comme une grande pensée et tes mouvements gracieux me semblent former la mélodie que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teint d'une fille du Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice. Tu es jeune... et cependant le passé dans ton existence s'est entièrement détaché du présent; le jour a cessé pour toi, et une douce soirée n'a point amené la sombre nuit. Elle est venue comme l'hiver de nos climats; et la terre, encore brûlante, s'est couverte de neige... Autrefois, me disais tu, ma voix était sonore, mais les souffrances l'ont éteinte... Et cependant j'ai entendu tes chants: ils durent encore; ils ne cesseront jamais; car tes paroles, ta jeunesse, ton regard ont des sons qui retentissent dans l'avenir.—Comme tu nous écoutais, quand nous formions des choeurs autour de toi!... encore, encore, répentais—tu sans cesse, encore!.. demain, ni jamais, je n'entendrai plus de musique... Mais aujourd'hui tu me demande ta harfe: appuie la sur ton coeur brisé, fais vibrer ses cordes, et que chaque son, chaque accord soit comme la voix d'un ami. Enveloppe—toi bien d'harmonie, respire — la, chante, chante toujours... Ta vie n'est — elle pas un hymn? [1]).

---

[1]) «Русск. Стар.» 1875 г. № 4, стр. 822—824.

[1]) «Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky», стр. 253 и 254. «О ты, пришедшая отдохнуть въ моей обители? Ты,

Изъ Москвы путь Марьи Николаевны лежалъ на Иркутскъ, гдѣ она надѣялась увидаться съ мужемъ. Княгиня ѣхала въ небольшомъ возкѣ. Ее сопровождали крѣпостные люди, лакей Ефимъ и горничная Марья, которые выказали большую преданность госпожѣ своей во все время пребыванія въ Сибири. Оба получили впослѣдствіи вольную. Послѣ долгой, утомительной ѣзды, рискуя стать жертвой январскихъ морозовъ, Марья Николаевна пріѣхала въ Иркутскъ. Здѣсь она встрѣтилась съ княгиней Трубецкой, уѣхавшей изъ Петербурга нѣсколькю раньше и тоже стремившейся къ мужу. Встрѣча обѣихъ женщинъ была очень радостная, такъ какъ вдвоемъ имъ легче было преодолѣвать трудности дороги и переносить тяжкое горе. Отъ Трубецкой княгиня Волконская узнала, что мужей ихъ уже нѣтъ въ Иркутскѣ, что ихъ услали въ Нерчинскъ. Молодыя женщины, не медля ни минуты, стали собираться въ дальнѣйшій путь, но тутъ имъ пришлось встрѣтить сильное препятствіе въ лицѣ иркутскаго губернатора, Б. И. Цейдлера. Ниже мы подробнѣе разскажемъ объ этомъ препятствіи, теперь же передадимъ только содержаніе той бумаги, которую должны были подписать передъ отъѣздомъ изъ Иркутска обѣ княгини, а также и другія женщины, впослѣдствіи пріѣхавшія къ мужьямъ въ Сибирь:

«Желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими происками и никакимм посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токмо въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта, или офицера. Равнымъ образомъ не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни

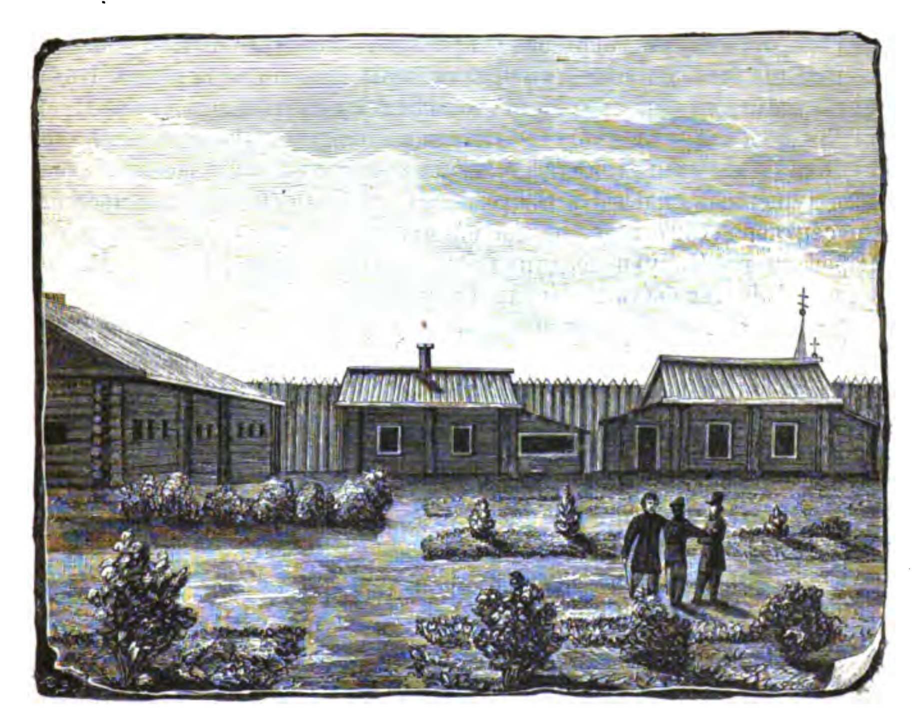
которую я знала всего три дня и назвала своимъ другомъ! Свѣтъ твоего образа запечатлѣлся въ душѣ моей. Ты все еще стоишь передъ моими глазами. Твой высокій станъ, какъ великая мысль, встаетъ предо мной, а твои граціозныя движенія подобны мелодіи, которую древніе приписывали небеснымъ свѣтиламъ. Очи твои, волосы и цвѣтъ лица — какъ у дочери Ганга, и жизнь твоя, какъ и ея жизнь, носитъ печать долга и самоотверженія. Ты молода... а между тѣмъ твоя прошедшая жизнь навѣки оторвана отъ настоящей; закатилося солнце твое, и далеко не тихій вечеръ принесъ тебѣ темную ночь. Она наступила, словно зима въ нашей родинѣ, и еще теплая земля окуталась снѣгомъ... Когда-то мой голосъ былъ звученъ, говорила ты мнѣ, но страданія его заглушили... Но я слышала твои пѣсни: онѣ все еще раздаются въ ушахъ моихъ и никогда не затихнутъ, ибо и рѣчи твои, и юность, и взоры одарены звуками, которые отзываются въ будущемъ. Съ какою страстностью внимала ты нашему пѣнію, когда мы окружали тебя (своими хорами!)... ни завтра, никогда я больше не услышу музыки... Но сегодня ты у меня просишь арфы. Прижми же ее къ своему разбитому сердцу, заставь задрожать ея струны, и каждый звукъ, каждый аккордъ пусть прозвучитъ голосомъ друга. Углубись всецѣло въ гармонію, вдохни ее въ себя, пой, пой безъ конца... Вѣдь и вся жизнь твоя есть не что иное, какъ гимнъ.

подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять моихъ писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ только черезъ г. коменданта, равно, если будутъ присланы черезъ родныхъ или постороннихъ людей, должна я ихъ ему же, коменданту, при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и коихъ регистръ имѣется у коменданта, я не вправѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную расписывать всѣ мои издержки, сохраняя между тѣмъ сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучиненный проступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ хмѣльныхъ напитковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да и тѣ доставлять ему чрезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, коимъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ; 6) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, не говорить съ нимъ ничего излишняго и паче чего либо не принадлежащаго; вообще имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себѣ никакихъ слугъ, или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ: одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ, и вообще за ихъ поведеніе; 8) наконецъ, давши таковое обязательство, не должна и сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда нибудь слугъ моихъ по произволу моему, безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера [1]).

Подписавъ это обязательство, Волконская сдѣлала послѣдній и самый рѣшительный шагъ. Съ этой минуты она была отдѣлена отъ прежняго общества и отъ родныхъ и всецѣло отдалась мужу. Вскорѣ она прибыла въ Благодатскъ, гдѣ находился Сергѣй Григорьевичъ. Прибытіе жены благодѣтельно подѣйствовало на Волконскаго. Ея нравственная поддержка была ему необходима, такъ какъ жизнь въ Благодатскѣ оказалась преисполненной всѣми ужасами и непріятностями тюрьмы. Въ Благодатскомъ рудникѣ было назначено пребываніе 8-ми декабристамъ. Тюрьма, отведенная для нихъ, состояла изъ двухъ избъ. Въ передней помѣщались караульные, а въ задней — ссыльные. Задняя изба состояла изъ большой комнаты съ русской печью и изъ трехъ грязныхъ, темныхъ чулановъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго тонкими перегородками. Въ чуланахъ-то и помѣщались декабристы. Тѣсно было очень. Приходилось спать въ три яруса. Кромѣ того, эти конуры отличались грязью, такъ что тамъ завелись насѣкомыя, причинявшія заключеннымъ неимовѣрныя страданія. Днемъ и ночью мучили они ихъ лишая силъ, которыя нужны были для работы въ рудникахъ. Несчастные принуждены были мазать тѣло скипидаромъ, но насѣко-

[1]) «Сибирь и Каторга» С. Максимова, ч. III, стр. 205 и 206.

мыя, покрывавшія ихъ, не унимались. Тѣло отъ скипидара горѣло, какъ въ огнѣ, и кожа сходила. Скверная пища соотвѣтствовала прочей обстановкѣ. Черезъ три дня послѣ прибытія декабристовъ въ Благодатскъ, каждому изъ нихъ назначили работу въ рудникѣ, снабдивъ фонаремъ, сальной свѣчкой и киркой. Въ руководители даны каторжники, которые часто, пользуясь отсутствіемъ караульныхъ, помогали «князьямъ» (такъ они называли декабристовъ, потому что въ числѣ послѣднихъ было много князей) работать. На работу выходили два раза въ день: утромъ отъ 5-ти часовъ до 11-ти и



Внутренность Читинскаго острога.

пополудни отъ 1 часу до 6-ти. Но насѣкомыя, недостатокъ пищи и тяжелый трудъ были менѣе невыносимы для декабристовъ, чѣмъ грубое обращеніе начальника Нерчинскихъ заводовъ, Бурнашева, обладавшаго всѣми свойствами палача и тюремщика, которому недоступно ни одно гуманное чувство. Онъ назначилъ несчастныхъ восемь человѣкъ въ ближайшій отъ себя заводъ, приказавъ содержать ихъ, какъ можно строже. Когда Бурнашевъ получилъ приказаніе заботиться о здоровьѣ находящихся въ его вѣдѣніи декабристовъ, онъ внѣ себя отъ злости воскликнулъ: «Чортъ побери! какія глупыя инструкціи даютъ нашему брату: содержать строго и беречь ихъ здоровье! Безъ этого смѣшнаго прибавленія я бы вы-

полнилъ, какъ должно, инструкцію и въ полгода вывелъ бы ихъ всѣхъ въ расходъ!» [1]). Сердце княгини обливалось кровью при видѣ тѣхъ страданій и мукъ, которыя доставались на долю ея мужа и его товарищей въ Благодатскѣ. Ужасное положеніе Сергѣя Григорьевича удвоило энергію княгини Волконской, и она вмѣстѣ съ Трубецкой начала здѣсь ту высокую миссію, которую такъ доблестно довела до конца. Обѣ женщины значительно улучшили бытъ восьми заключенныхъ. Онѣ тайно переписывали и отсылали ихъ письма къ роднымъ, собственноручно чинили ихъ платье, приготовляли и приносили въ тюрьму разныя кушанья. Два раза въ недѣлю имъ было разрѣшено приходить къ мужьямъ, и дни ихъ посѣщеній были настоящими праздниками для заключенныхъ. Въ бесѣдѣ съ этими прекрасными женщинами забывалось горе. Посѣщенія ихъ озаряли свѣтомъ тюремныя конуры. Въ остальные дни недѣли дамы подходили къ окну тюрьмы и взорами поддерживали ихъ душевныя силы. Въ Благодатскѣ княгиня Волконская прожила до сентября 1827 года, когда ея мужа вмѣстѣ съ другими семью перевели въ Читу и соединили съ прочими декабристами. Комендантомъ Читы былъ генералъ Станиславъ Романовичъ Лепарскій, человѣкъ въ высшей степени благородный и добрый. Лепарскій, не выходя изъ границъ оффиціальныхъ отношеній, съумѣлъ, однако, значительно улучшить жизнь ссыльныхъ.

Пріѣхавъ въ Читу, Марья Николаевна купила небольшой домъ и поселилась въ немъ съ горничной и лакеемъ. Добрый Станиславъ Романовичъ заботился о томъ, чтобы получше устроить ея жизнь. Желая доставить ей хоть какое нибудь развлеченіе, онъ присылалъ княгинѣ свои сани, и она каждый день каталась. Въ одномъ изъ писемъ къ свекрови, Волконская такъ отзывается о Лепарскомъ: «онъ ангелъ-хранитель, дозволяющій мнѣ все возможное, чтобъ облегчить мое страшное положеніе».

Въ Читѣ было уже нѣсколько дамъ, пріѣхавшихъ раздѣлить тяжкій жребій мужей, такъ что княгиня могла проводить съ ними время. Жизнь шла однообразно. Марья Николаевна вела дѣятельную переписку съ родными и знакомыми, занималась рукодѣліемъ; въ тѣ дни, когда бывала у мужа, читала вмѣстѣ съ нимъ книги, которыми въ изобиліи снабжали Волконскихъ родные. Вскорѣ молодая женщина получила изъ Петербурга фортепіано, и музыкой сокращала скучные годы добровольнаго изгнанія. Мужу, большому любителю садоводства, княгиня выписала различныя сѣмена, которыми онъ засѣялъ небольшой огородъ на острожномъ дворѣ. Случалось, что деньги, которыя получала Марья Николаевна для своего содержанія, немного опаздывали, тогда ей приходилось терпѣть нѣкоторое время нужду, потому что мѣстные жители сначала от-

[1]) «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 239, «Записки М. А. Бестужева».

носились съ большимъ недовѣріемъ къ ссыльнымъ, и не у кого было даже на короткій срокъ занять денегъ (у другихъ заключенныхъ лишнихъ денегъ не водилось). Но такія отношенія продолжались недолго, и скоро всѣ жители Читы полюбили декабристовъ и ихъ женъ. Первое время Волконская страдала и отъ холода, но скоро получила отъ свекрови теплую одежду. Въ 1829 году, Марья Николаевна получила печальное извѣстіе о кончинѣ отца. Старая княгиня Волконская знала, какой ударъ нанесетъ дочери это несчастье. Поэтому она написала письмо Лепарскому, съ просьбой приготовить Марью Николаевну къ постигшему ее горю. Комендантъ съ заботливостью нѣжнаго отца исполнилъ просьбу княгини Александры Николаевны. Смерть горячо любимаго отца сильно подѣйствовала на Волконскую, тѣмъ болѣе, что она чувствовала себя отчасти виновною передъ нимъ, такъ какъ ослушалась его воли и осталась въ Сибири болѣе одного года (Марья Николаевна передъ отъѣздомъ изъ дому обѣщалась отцу оставаться въ Сибири не болѣе года).

Н. Н. Раевскій скончался на 59-мъ году своей жизни, 16-го сентября 1829 года, въ своемъ селѣ Каменкѣ Кіевской губерніи, Чигиринскаго повѣта, гдѣ жилъ съ женой и незамужними дочерьми. Раевскій не оставилъ по себѣ ни одного человѣка, который бы имѣлъ причину помянуть его недобрымъ словомъ. Объ услугахъ, оказанныхъ имъ отечеству, свидѣтельствуетъ потомству надпись на его памятникѣ:

«Онъ былъ въ Смоленскѣ щитъ,
Въ Парижѣ — мечъ Россіи».

Генералъ до послѣдняго дня не могъ примириться съ судьбою дочери. Но, хотя и противъ его желанія оставалась княгиня въ Сибири, Николай Николаевичъ глубоко уважалъ дочь, сознавая въ душѣ величіе ея подвига. Все семейство окружало умирающаго, даже старшій сынъ его, Александръ Николаевичъ, сосланный въ Полтавскую губернію, съ разрѣшенія губернатора князя Репнина, пріѣхалъ проститься съ отцомъ; не доставало одной Марьи Николаевны Волконской. Генералъ замѣтилъ ея отсутствіе и, указывая на портретъ дочери, сказалъ другу своему доктору Фишеру: «voila la plus admirable femme, que j'ai connue» [1]) («вотъ самая чудная женщина, которую я когда либо зналъ»). Немалымъ утѣшеніемъ послужили княгинѣ эти слова, дошедшія до нея въ Сибирь.

Отрывокъ изъ письма Волконской къ свекрови, посланнаго вскорѣ послѣ смерти отца, даетъ понятіе о томъ душевномъ состояніи, въ которомъ находилась молодая княгиня.

«8-го декабря 1829 года. Чита, острогъ. Вы видѣли изъ предыдущаго моего письма, обожаемая маменька, что мнѣ извѣстна вся глубина моего несчастія. Сергѣй

[1]) «Русск. Стар.» 1878 г. № 6, ст. Новосильцевой, стр. 338.

и я—мы у вашихъ ногъ. Онъ за мной ухаживаетъ, не отходитъ отъ меня и принялъ мое несчастіе почти также горячо, какъ я сама. Милая маменька, поберегите ваше здоровье ради нашего счастія и спокойствія. Нельзя перенести двухъ разъ того, что я испытываю въ эту минуту. Я получила письмо моей доброй сестры Репниной, но, къ душевному сожалѣнію, не могу отвѣчать ей сегодня. Ей я обязана первымъ облегченіемъ въ моемъ страданіи. Я столько упрекала себя за письма, которыми огорчала отсюда обожаемаго отца, а наканунѣ своей смерти онъ говорилъ обо мнѣ съ похвалой и любовью, показывая мой портретъ доктору Фишеру. Не могу вамъ сказать, какую отраду доставили мнѣ эти подробности. Благословляю добрую сестру, которая мнѣ ихъ сообщила, и обнимаю ее отъ глубины сердца. Цѣлую руки ея мужа и прошу его благословенія. Сергѣй и я, мы здоровы, милая маменька; въ доказательство скажу вамъ, что онъ уже диктуетъ мнѣ письма къ посторониимъ лицамъ. Пока у меня остается хоть искра жизни, я не могу отказать въ услугахъ и помощи столькимъ несчастнымъ родителямъ» [1]).

Своей жизнью въ Читѣ, исполненной самоотверженія и любви къ ближнимъ, находящимся въ несчастіи, княгиня Волконская пріобрѣла всеобщія симпатіи и уваженіе. Ея доброта, ласковый характеръ всюду находили себѣ поклонниковъ и возбуждали восторгъ знавшихъ ее людей. Поэтъ кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій, товарищъ Волконскаго по заключенію, написалъ въ альбомъ Марьѣ Николаевнѣ стихи въ день ея рожденія 25-го декабря 1829 года. Эти стихи даютъ полное понятіе о дѣятельности и значеніи для декабристовъ княгини Волконской и другихъ дамъ. Они служатъ выраженіемъ признательности всѣхъ декабристовъ женамъ ихъ товарищей:

«Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовой зарей,
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
　　Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
　　Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
　　Но прежде свой небесный духъ одѣли
　　Въ прозрачныя земныя пелены.
　　И вѣстники благіе Провидѣнья
　　Явилися, какъ дочери земли,
　　И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
　　Любовь и миръ душевный принесли».

* * *

«И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.

---

[1]) «Русская Стар.» 1878 года, № 6, стр. 339, ст. Новосильцевой.

Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего».

* * *

Однако ангелы не вспорхнули на небо: ни Волконская, ни другія дамы не покинули раньше мужей того «края, слезамъ и скорби посвященнаго».

Много уже выстрадала княгиня въ Сибири, много лишеній перенесла уже она съ того дня, какъ уѣхала изъ Петербурга, но все это не сломило ея геройской рѣшимости, и черезъ три года послѣ своего отъѣзда изъ Россіи, она съ неменьшей энергіей и покорностью судьбѣ готова была исполнить свой обѣтъ. Вотъ письмо, которое представляетъ читателю состояніе духа молодой женщины послѣ трехлѣтней ссылки, писанное Марьей Николаевной свекрови 5 іюня 1829 года изъ Читы.

«Сегодня Сергіевъ день, милая маменька, и, съ тѣхъ поръ какъ мы женаты, я имѣю въ первый разъ счастіе провести его съ мужемъ. Въ первый годъ я была въ Одессѣ, а онъ въ лагерѣ; 1826-й годъ былъ преисполненъ страданіемъ для насъ, а съ тѣхъ поръ этотъ день не совпадалъ никогда съ нашими свиданіями. Но теперь мой дорогой Сергѣй — со мной, окружаетъ меня, какъ и прежде, вниманіемъ и любовью. Вы подумаете о насъ, добрая маменька, и сквозь ваши слезы благословите насъ отъ глубины сердца. Вы желаете намъ счастія въ будущемъ, но судьба наша не измѣнится и не можетъ измѣниться. Я не обманываю себя на этотъ счетъ. Мой мужъ испиваетъ чашу страданія съ покорностью и твердостью, а я съумѣю все перенести возлѣ него. Будьте же спокойны на нашъ счетъ, обожаемая маменька; да не будутъ ваши драгоцѣнные дни омрачены нашей судьбой, какъ скоро она неизмѣнима. Здоровье вашего сына очень хорошо; онъ много занимается своимъ садикомъ, нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, словомъ — всѣмъ. Я ни во что не вмѣшиваюсь, и все для меня готово, словно чародѣйствомъ, какъ и въ былое время. Прощаюсь съ вами, цѣлую ваши ручки милліонъ разъ. Передайте отъ меня много нѣжностей Репнинымъ. Прося вашего благословенія для Сергѣя и для меня, остаюсь ваша покорная дочь Марія Волконская» [1]).

Спокойное ожиданіе грядущей судьбы, здравый взглядъ на свое положеніе, любовь къ мужу, обиліе душевныхъ силъ, которыми дышатъ эти строки, ни на одну минуту не оставляли княгиню. Единственно на что жаловалась Волконская, такъ это на то, что ей не позволялось видаться съ мужемъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю, да и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Неоднократно проситъ она княгиню Александру Николаевну исходатайствовать у императора позволеніе поселиться въ тюрьмѣ. Желаніе княгини раздѣлить заключеніе мужа удовлетворили не ранѣе 1830 года,

[1]) «Русск. Стар.» 1878 года, № 6, стр. 341, ст. Новосильцевой.

когда всѣ декабристы были переведены изъ Читы въ Петровскій желѣзный заводъ. Въ Читѣ Волконская пробыла болѣе 3-хъ лѣтъ и покидала ее съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Еще будучи въ Читѣ, княгиня Марья Николаевна купила себѣ домикъ въ Петровскомъ заводѣ, такъ что, когда она пріѣхала туда, помѣщеніе для нея было уже заранѣе приготовлено. По прибытіи въ Петровскій заводъ, декабристы были освобождены на нѣсколько дней отъ работъ, и женатые получили разрѣшеніе провести это время вмѣстѣ съ женами въ ихъ домахъ, такъ что Волконская въ первый разъ со времени пріѣзда въ Сибирь имѣла съ мужемъ свиданіе, не стѣсняемое присутствіемъ оффиціальнаго лица. Дни свиданія пролетѣли незамѣтно, и Сергѣй Григорьевичъ перешелъ опять въ тюрьму. Кругъ дамъ увеличился въ это время М. К. Юшневской и баронессой А. В. Розенъ, прибывшими во время перехода изъ Читы въ Петровскъ. Вскорѣ женамъ декабристовъ было объявлено комендантомъ, что мужей больше не будутъ отпускать на свиданіе съ ними, но что онѣ сами могутъ переселиться въ острогъ, съ условіемъ оставить дома дѣтей и слугъ. Такимъ образомъ завѣтное желаніе княгини Волконской жить вмѣстѣ съ мужемъ исполнилось. Княгиня немедленно перешла въ тюрьму и поселилась съ мужемъ въ двухъ, отведенныхъ для нея, номерахъ. Она постаралась устроиться поуютнѣе, желая смягчить тяжелое впечатлѣніе, производимое тюремной обстановкой. Съ этою цѣлью Марья Николаевна перевезла изъ своего домика небогатую мебель, имѣвшуюся тамъ, и украсила назначенные ей номера; эта мебель состояла изъ овальнаго стола, нѣсколькихъ креселъ, комода, на которомъ красовался чайный сервизъ, двухъ шкафовъ съ книгами и фортепіано. По стѣнамъ комнатъ были развѣшаны фамильные портреты. Все было бы довольно сносно, если бы не отсутствіе свѣта, которое было причиною многихъ неудобствъ и непріятностей. Княгиня писала въ Петербургъ, прося родныхъ похлопотать о разрѣшеніи прорубить окна въ наружной стѣнѣ острога. Наконецъ, просьбы ея были исполнены, и въ камерахъ сдѣлалось свѣтлѣе. Комнатки Волконскихъ были любимымъ и обыкновеннымъ мѣстомъ собранія декабристовъ. Часто проводили они здѣсь вечера, свободные отъ работъ. Здѣсь велись оживленныя бесѣды, споры, вспоминали о прошедшемъ, передавали другъ другу новости, полученныя съ родины. Иногда у Волконскихъ устроивались чтенія. Сергѣй Григорьевичъ занималъ товарищей своими интересными разсказами: онъ говорилъ очень хорошо, многое видалъ на своемъ вѣку, многое зналъ, такъ какъ принадлежалъ къ высшей аристократіи, находился во время службы при государѣ или при главнокомандующихъ и исполнялъ чрезвычайно важныя порученія. Особенно увлекался князь, разсказывая о военныхъ дѣйствіяхъ. Жена его, обладавшая очень хорошимъ голосомъ и основательными музыкальными знаніями, услаждала всѣхъ своимъ пѣ-

ніемъ и игрою на фортепіано. Много пріятныхъ минутъ доставила княгиня Волконская обитателямъ тюрьмы, и ея келья была свѣтлою точкою среди окружающаго мрака. Марья Николаевна прожила въ Петровскѣ шесть лѣтъ. Въ іюлѣ 1836 года, Волконскій съ женою былъ отправленъ на поселеніе въ Иркутскъ. Тамъ они наняли довольно большой домъ и вообще устроились хорошо. Князь развелъ за городомъ садъ и проводилъ въ немъ бо̀льшую часть времени, будучи, какъ уже замѣчено выше, страстнымъ любителемъ цвѣтовъ и вообще всякихъ растеній.

Марья Николаевна родила въ Сибири четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ только двое остались въ живыхъ, дочь и сынъ, Михаилъ Сергѣевичъ [1]), получившій образованіе въ иркутской гимназіи и уѣхавшій на службу въ Россію. Въ 1856 году, князь Сергѣй Григорьевичъ, по высочайшему манифесту, вмѣстѣ съ женою оставилъ Сибирь. Извѣстіе объ окончаніи своего изгнанія онъ получилъ черезъ сына, который съ этою цѣлью отправился въ Сибирь. Князь Волконскій умеръ въ 1865 году въ имѣніи своемъ, въ селѣ «Воронки» Черниговской губерніи, а двумя годами раньше въ Москвѣ скончалась его супруга. Врядъ-ли найдется много женщинъ, на долю которыхъ выпало столько страданій, сколько ихъ пришлось пережить княгинѣ Волконской.

Общее удивленіе возбуждаетъ геройскій подвигъ этой женщины, отважившейся въ девятнадцать лѣтъ бросить семью, роскошь и блескъ своего положенія и послѣдовавшей за мужемъ вглубь сибирскихъ рудниковъ. Испытанія, перенесенныя княгиней, твердость духа, не покидавшая ее во все время жизни въ Сибири, безграничная любовь къ мужу, святое исполненіе долга, утѣшенія, доставленныя ссыльнымъ, самоотверженіе, наконецъ, образованіе и умъ, дѣлаютъ княгиню М. Н. Волконскую достойнѣйшею представительницею русскихъ женщинъ, пріобрѣтаютъ ей уваженіе потомства и отводятъ ей видное мѣсто среди женщинъ-героинь.

II.

Одновременно съ княгиней Волконской, какъ мы уже сказали раньше, пріѣхала въ Благодатскъ княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, рожденная графиня Лаваль. Мужъ ея, князь Сергѣй Петровичъ, также участвовалъ въ декабрской исторіи и былъ сосланъ. Екатерина Ивановна выѣхала изъ Петербурга нѣсколькими недѣлями раньше Волконской, такъ что ей принадлежитъ первый шагъ, сдѣланный женами декабристовъ, вслѣдъ за мужьями.

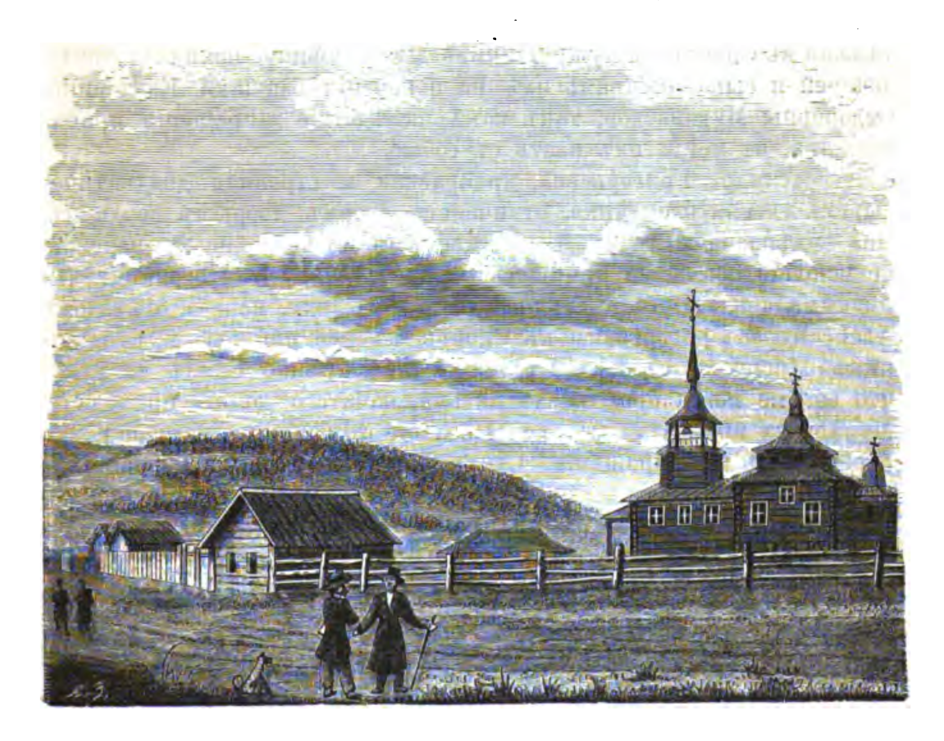
[1]) Кн. Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій теперь (1883 г.) — товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

Она первая проложила путь далекій, неизвѣстный и сопряженный съ такими трудностями, предъ которыми остановилась бы женщина съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ, съ меньшею любовью. Заслуга Трубецкой, какъ передовой изъ этихъ женщинъ-героинь, очень велика: ея отъѣздъ оказалъ сильное вліяніе на рѣшеніе женъ другихъ декабристовъ; она вынесла всѣ тѣ неудобства и препятствія, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю иниціаторовъ.

Екатерина Ивановна Трубецкая не была хороша лицомъ, но тѣмъ не менѣе могла всякаго обворожить своимъ добрымъ характеромъ, пріятнымъ голосомъ и умною, плавною рѣчью. Она была образована, начитана и пріобрѣла очень много научныхъ свѣдѣній во время своего пребыванія за границей. Немалое вліяніе въ образовательномъ отношеніи оказало на нее и знакомство съ представителями европейской дипломатіи, которые бывали въ домѣ ея отца, графа Лаваль. Графъ жилъ въ своемъ прекрасномъ домѣ на Англійской набережной, устроивалъ пышныя празднества для членовъ царской фамиліи, а по средамъ въ его салонахъ собирался дипломатическій корпусъ и весь петербургскій beau-monde.

Мать Екатерины Ивановны, графиня Лаваль (принадлежавшая къ богатой фамиліи уральскихъ мѣдныхъ заводчиковъ Козицкихъ), всѣми силами старалась отклонить дочь отъ намѣренія ѣхать въ Сибирь, но не успѣла въ этомъ. Трубецкая уѣхала изъ Петербурга въ 1826 году, вскорѣ послѣ отправки мужа изъ Петропавловской крѣпости. Секретарь отца сопровождалъ ее. Въ Красноярскѣ заболѣлъ ея провожатый. Княгиня продолжала путь безъ него. Не успѣла она выѣхать изъ Красноярска, какъ у нея сломалась карета. Не теряя времени, княгиня пересѣла въ тарантасъ и поѣхала дальше. Вскорѣ Екатерина Ивановна прискакала въ Иркутскъ и узнала, что мужъ ея—въ Нерчинскѣ, въ 700 верстахъ отъ нея. Трубецкая обратилась къ губернатору Цейдлеру съ просьбой дать ей проводника и свѣдѣнія, необходимыя для дальнѣйшаго пути. Цейдлеръ получилъ приказаніе ставить всевозможныя преграды женамъ декабристовъ и убѣдить ихъ оставить намѣреніе жить съ мужьями. Губернаторъ исполнилъ предписаніе высшаго начальства только наполовину: онъ убѣждалъ, но не убѣдилъ. Напрасно въ яркихъ краскахъ описывалъ онъ Трубецкой предстоящее ей житье среди 5,000 каторжниковъ, грабителей и убійцъ, безъ прислуги, на правахъ жены каторжнаго, напрасно говорилъ, что женщинамъ придется исполнять въ острогѣ всякую черную работу, мытье половъ и т. д. Разсказы губернатора про страшную жизнь въ каторгѣ не испугали княгиню. На другой день повторилось то же самое, причемъ Цейдлеръ предложилъ Екатеринѣ Ивановнѣ подписать бумагу, заключавшую отреченіе отъ правъ на имущество, которымъ владѣетъ и которое получитъ въ наслѣдство. Княгиня съ радостью исполнила требованіе губернатора и настаивала на

своемъ желанiи ѣхать скорѣе въ Нерчинскъ. Цейдлеръ ушелъ, не давъ ей разрѣшенія и лошадей. Нѣсколько дней онъ не выходилъ къ княгинѣ и не принималъ ее къ себѣ, ссылаясь на болѣзнь. Наконецъ, онъ пришелъ къ Трубецкой и сталъ умолять ее оставить свое намѣреніе. Когда же и просьбы не подѣйствовали, онъ объявилъ, что можетъ отправить ее къ мужу только пѣшкомъ, съ партіей ссыльныхъ, связанною канатомъ съ другими каторжниками. Екатерина Ивановна приняла и это условіе. Тогда Цейдлеръ



Церковь для ссыльныхъ въ Читѣ.

заплакалъ и воскликнулъ: «вы поѣдете!» Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ Волконская, и обѣ вмѣстѣ отправились въ Благодатскій рудникъ. Генералъ Лепарскій, проѣзжавшій какъ разъ тогда черезъ Иркутскъ по пути изъ Петербурга, устранилъ дальнѣйшія препятствія для Трубецкой и Волконской.

Екатерина Ивановна во все время пребыванія своего въ Сибири не разставалась съ Волконской и одинаково съ нею переживала всѣ трудности жизни въ острогахъ, придавая мужу силу переносить несчастіе. Послѣ двадцатилѣтней жизни въ рудникахъ, въ 1845 году, кн. Трубецкая вмѣстѣ съ мужемъ отправилась на

поселеніе въ Иркутскую губернію, въ село Оёкъ [1]). 19-го іюня того же года, Екатерина Ивановна помѣстила, съ разрѣшенія государя, своихъ дочерей на воспитаніе въ иркутскій институтъ.

III.

Въ Читѣ Волконская и Трубецкая застали Александру Григорьевну Муравьеву, которая прибыла сюда прежде всѣхъ. Александра Григорьевна Муравьева, рожденная графиня Чернышева, уѣзжая въ Сибирь къ мужу Никитѣ Михайловичу, покидала двухъ дочерей и сына, оставивъ ихъ на попеченіи бабушки Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, такъ какъ, вслѣдствіе запрещенія правительства, не могла ихъ взять съ собою.

Александра Григорьевна, прекрасная и стройная двадцатичетырехъ-лѣтняя блондинка, отличалась своимъ добрымъ сердцемъ. Она надѣялась жить въ Читѣ вмѣстѣ съ мужемъ, но эта надежда не исполнилась, и ей пришлось наравнѣ съ другими ограничиться рѣдкими свиданіями въ тюрьмѣ. Въ 1827 году, передъ отъѣздомъ Александры Григорьевны въ Сибирь, къ ней пришелъ А. С. Пушкинъ. Прощаясь съ нею, Пушкинъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она не могла продолжать письма, начатаго до его прихода [2]). Муравьева привезла въ Читу «Посланіе въ Сибирь», которое поэтъ передалъ ей при прощаніи. Стихи эти посвящены декабристамъ, изъ которыхъ многіе были лучшими друзьями Александра Сергѣевича. Хотя стихотвореніе это весьма извѣстно, но мы считаемъ умѣстнымъ привести его здѣсь:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье».

* * *

«Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье.
Придетъ желанная пора».

* * *

«Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ».

* * *

---

[1]) «Сибирь и каторга» С. Максимова, ч. III, стр. 279.
[2]) «Русск. Арх.» 1874 г., т. II, стр. 703.

«Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ».

На первое время по пріѣздѣ въ Читу, Муравьева поселилась въ наемномъ домѣ противъ острога. Часто она открывала ставни своего домика, чтобы лишній разъ, хоть издали, увидѣть мужа. Кромѣ него, въ острогѣ содержался ея зять, А. М. Муравьевъ, двоюродный братъ, Ф. Ф. Вадковскій, и родной братъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, наслѣдникъ огромнаго состоянія. Живя вмѣстѣ съ мужемъ, Александра Григорьевна страдала отъ разлуки съ дѣтьми. Страданія эти были тѣмъ сильнѣе и тягостнѣе, что она должна была сохранять наружную веселость въ присутствіи мужа, боясь его опечалить, между тѣмъ какъ материнскія чувства волновали ея доброе сердце и не давали ей ни минуты покоя. Не напрасно страдала и безпокоилась бѣдная женщина,— предчувствія ее не обманули: черезъ годъ послѣ ея отъѣзда, она лишилась сына. Несчастіе, постигшее Муравьеву, оказало на ея здоровье пагубное вліяніе. Здѣсь нелишнимъ будетъ упомянуть объ эпизодѣ, происшедшемъ въ Читинской тюрьмѣ. Эпизодъ этотъ могъ имѣть очень дурныя послѣдствія для заключенныхъ, но не имѣлъ, только благодаря благоразумію коменданта. Въ одно изъ свиданій съ мужемъ, Александра Григорьевна, чувствуя себя не совсѣмъ здоровой, сѣла на постель мужа, облокотившись на подушку.

Въ это время въ комнату вошелъ дежурный офицеръ Дубининъ и сказалъ ей, что она, вѣроятно, нездорова, если не можетъ сидѣть прямо. Александра Григорьевна ничего не отвѣтила. Тогда Дубининъ, не напрасно, по словамъ декабриста Басаргина, носившій такую фамилію и увеличившій природный недостатокъ ума лишней рюмкой водки, сталъ приставать къ ней, желая добиться отвѣта. Муравьева, по совѣту мужа, ушла изъ тюрьмы и объявила о случившемся плацъ-адъютанту Куломзину, а нѣкоторые изъ декабристовъ, въ томъ числѣ и родные Александры Григорьевны, стали укорять Дубинина за грубость. Пьяный офицеръ закричалъ: бунтъ! и приказалъ часовымъ примкнуть штыки, декабристовъ же заперъ въ ихъ камерахъ. Куломзинъ смѣнилъ Дубинина съ дежурства, а заключенныхъ освободилъ.

Коменданта Лепарскаго во время этой исторіи не было въ Читѣ, когда же онъ пріѣхалъ и узналъ обо всемъ, то поспѣшилъ извиниться передъ Муравьевой, а Дубинина выписалъ въ другой баталіонъ.

Много добра сдѣлала для декабристовъ и для другихъ жителей Читы Александра Григорьевна Муравьева. По ея иниціативѣ и при ея содѣйствіи, дамы устроили больницу, которую она снаб-

дила необходимыми медикаментами, нарочно выписанными изъ Москвы. Для всѣхъ нуждающихся была готова и денежная помощь этой прекрасной женщины. По пріѣздѣ въ Петровскъ, силы ея, угасавшія съ каждымъ днемъ, были окончательно истощены безсонными ночами, проведенными надъ изголовьемъ мужа, заболѣвшаго горячкой. Въ сентябрѣ, Муравьева сильно простудилась, возвращаясь изъ тюрьмы домой легко одѣтой. Послѣ трехмѣсячной болѣзни Александра Григорьевна скончалась 22 ноября 1832 г., оставивъ послѣ себя убитаго горемъ мужа, четырехлѣтнюю дочку Нонушку, родившуюся въ Сибири, и другихъ дѣтей, находившихся въ Москвѣ у бабушки. Преждевременная кончина этой замѣчательной женщины потрясла всѣхъ заключенныхъ и поразила глубокою печалью остальныхъ дамъ. Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ ей деревянный гробъ со всѣми украшеніями и вылилъ для него свинцовый ящикъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петровска декабристы считали священнымъ своимъ долгомъ поклониться праху незабвенной Муравьевой, а неугасимая лампада, мерцающая надъ ея могилой, по поэтическому выраженію Пущина, служитъ «путеводною звѣздою для путешественниковъ, приближающихся къ заводу».

Вотъ что пишетъ о болѣзни и кончинѣ А. Г. Муравьевой декабристъ Николай Васильевичъ Басаргинъ: «Вскорѣ послѣ кончины Пестова смерть избрала новую жертву, и жертву самую чистую, самую праведную. А. Г. Муравьева, чувствуя давно уже общее разстройство здоровья своего (слѣдствіе нравственнаго разстройства и преждевременныхъ родовъ), старалась скрыть ненадежное свое положеніе отъ мужа и продолжала вести обыкновенную жизнь, не принимая, какъ совѣтовалъ ей Вольфъ, особенныхъ предосторожностей. Она ходила иногда въ зимнее время, легко одѣтая, изъ каземата на свою квартиру по нѣскольку разъ въ день, тревожилась при малѣйшемъ нездоровьѣ своего ребенка и, сдѣлавшись беременною, крѣпко простудилась. Долго боролась ея природа, искусство и старанія Вольфа съ болѣзнію (кажется, нервической горячкой). Мѣсяца три не выходила она изъ опасности, и, наконецъ, ангельская душа ея, оставивъ тлѣнную оболочку, явилась на зовъ правосуднаго Творца, чтобы получить достойную награду за высокую временную жизнь свою въ этомъ мірѣ... Мы всѣ безъ исключенія любили ее, какъ милую, добрую, образованную женщину и удивлялись ея высокимъ нравственнымъ качествамъ: твердости ея характера, ея самоотверженію, безропотному исполненію своихъ обязанностей» [1]).

Къ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой какъ нельзя ближе подходятъ слова поэта:

---

[1]) Записки Н. В. Басаргина, «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. 1-я, стр. 169, 170.

«Плѣнителенъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу».

IV.

Однажды, въ маѣ 1827 года, заключенные, гуляя по двору Читинскаго острога, увидѣли подъѣхавшую къ воротамъ карету. Декабристъ Нарышкинъ, узнавъ карету жены своей, бросился къ ней, не замѣчая передъ собой частокола. Она, увидя мужа въ оковахъ за частоколомъ, упала въ обморокъ. Нарышкину увезла къ себѣ Муравьева, и та осталась у ней жить.

Елизавета Петровна Нарышкина, единственная дочь сподвижника Александра I-го, графа Коновницына, была обожаема отцомъ. Въ 1827 году ей было 23 года. Привыкнувъ къ роскоши и удобствамъ жизни въ родительскомъ домѣ, гдѣ ея прихоти были для всѣхъ закономъ, гдѣ исполнялись всѣ ея желанія, Елизавета Петровна съ трудомъ переживала однообразную, лишенную развлеченій жизнь въ Читѣ. Несообщительный характеръ дѣлалъ ея положеніе еще болѣе непріятнымъ. Въ Петровскѣ Нарышкина захворала простудной горячкой и, только благодаря заботливому уходу мужа и помощи доктора Вольфа, оправилась отъ болѣзни. Въ концѣ 1832 года, окончился срокъ работы Нарышкина, а въ началѣ 1833 г. онъ съ женою отправился на поселеніе въ городъ Западной Сибири, Курганъ. В. А. Жуковскій, проѣзжавшій черезъ Курганъ, слѣдующими словами упоминаетъ о Елизаветѣ Петровнѣ въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ:

«Въ Курганѣ я видѣлъ Нарышкину (дочь нашего храбраго Коновницына), по порученію ея матери. Она глубоко меня тронула своею тихостью и благородной простотой въ несчастіи. Но она больна и, можно сказать, таетъ отъ горя по матери, которую хотя разъ еще въ жизни желала бы видѣть» [1]). Въ 1837 году, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ отправленъ изъ Кургана на Кавказъ. Продавъ свой домъ уѣздному суду, Нарышкины стали приготовляться къ отъѣзду. 20-го августа въ домѣ Нарышкиныхъ былъ отслуженъ молебенъ, а на слѣдующій день они тронулись въ путь. Елизавета Петровна, оставляя Курганъ, прощалась съ крестьянами и дарила имъ на память разныя вещи. Въ Казани она была обрадована свиданіемъ съ сестрой своего мужа, княгиней Голицыной, пріѣхавшей изъ Москвы, чтобы увидаться съ изгнанниками. Изъ

---

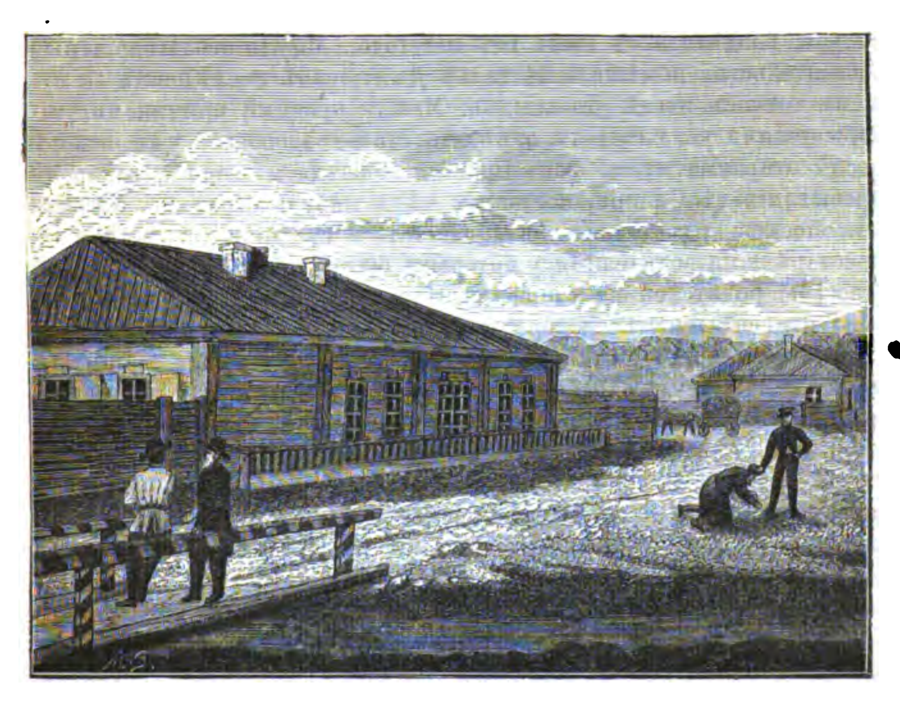
[1]) «Письма В. А. Жуковскаго къ государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ», «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 60.

Казани Нарышкина вмѣстѣ съ Голицыной отправилась въ Москву, страстно желая навѣстить мать и братьевъ. На Кавказѣ Нарышкины поселились въ Прочномъ Окопѣ, въ очень просторномъ домѣ, окруженномъ большимъ фруктовымъ садомъ. Въ домѣ Нарышкиныхъ часто собирались по вечерамъ: командиръ артиллерійской бригады, расположенной въ Прочномъ Окопѣ, полковникъ Ганъ, съ женой и двумя взрослыми дочерьми, товарищи Михаила Михайловича Нарышкина, Назимовъ, Загорѣцкій, Лихаревъ и братья Бѣляевы, имѣвшіе столъ у Нарышкиныхъ. Все это общество иногда предпринимало прогулки въ мирные черкесскіе аулы. У Елизаветы Петровны былъ очень хорошій голосъ. Она часто пѣла и тѣмъ доставляла своему обществу большое удовольствіе. Нарышкины получали русскіе и иностранные журналы и имѣли много книгъ. Все это дѣлало жизнь декабристовъ въ Прочномъ Окопѣ пріятною и веселою. Сама Елизавета Петровна была не совсѣмъ довольна кавказскою жизнью, такъ какъ должна была часто разставаться съ мужемъ, предпринимавшимъ походы на восточный берегъ и въ горы вмѣстѣ съ генераломъ Зассомъ, грозою всѣхъ горцевъ. Опасности, которымъ подвергался Михаилъ Михайловичъ во время этихъ экспедицій, были, конечно, причиной сильныхъ безпокойствъ Елизаветы Петровны и вредно отзывались на ея и безъ того слабомъ здоровьѣ.

Вмѣстѣ съ Нарышкиной пріѣхала Александра Васильевна Янтальцева. Дѣтей у Янтальцевой не было, а родителей она лишилась еще въ дѣтствѣ, такъ что ей легче другихъ женщинъ было покинуть родину. Она прожила въ Читѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ мужъ ея былъ осужденъ въ каторжную работу на одинъ годъ. Въ 1828 году, онъ отправился вмѣстѣ съ женою на поселеніе въ городъ сѣверной Сибири, Березовъ. Здѣсь Александра Васильевна перенесла множество тяжелыхъ страданій, особенною причиной которыхъ былъ суровый климатъ Березова. Черезъ нѣсколько лѣтъ Янтальцевы были переведены въ городъ Ялуторовскъ, Тобольской губерніи, расположенный гораздо южнѣе Березова. Въ Ялуторовскѣ мужъ Александры Васильевны страшно скучалъ, жаловался на нездоровье, тосковалъ по прежней жизни, по своей баттареѣ и, наконецъ, сошелъ съ ума. Положеніе женщины, одной въ глуши съ сумашедшимъ мужемъ, было ужасно. Въ 1845 году, Янтальцецъ умеръ. Александра Васильевна, оставшись совершенно одинокой въ Сибири, хлопотала о возвращеніи оттуда, но получила отказъ и только послѣ манифеста покойнаго государя Александра Николаевича (26-го августа 1856 года) увидѣла родину.

V.

Въ февралѣ 1828 года, въ Читу пріѣхала невѣста И. А. Анненкова, молодая француженка, Прасковья Григорьевна Поль. Она еще въ Петербургѣ была обручена съ Иваномъ Александровичемъ. Рѣшившись ѣхать къ жениху, она послѣ маневровъ при Бѣлой Церкви по личной просьбѣ получила отъ государя разрѣшеніе. Государь приказалъ выдать ей три тысячи рублей на дорогу.



Домъ Муравьевыхъ и вдали домъ Давыдовыхъ въ Петровскомъ заводѣ.

Дня черезъ три послѣ пріѣзда въ Читу, Прасковья Григорьевна обвѣнчалась въ читинской церкви. Во время вѣнчанія съ Анненкова сняли оковы. Затѣмъ ему позволили остаться съ молодой женой три дня, по истеченіи которыхъ онъ вернулся въ тюрьму. Въ 1846 году, Анненковы уѣхали на поселеніе. Сначала они жили въ Туринскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ.

Прасковья Григорьевна Анненкова, женщина, обладавшая высокими нравственными качествами, съумѣла принести счастіе своему мужу вглубь Сибири, и во всю послѣдующую жизнь оставалась любящей женой и заботливою матерью семейства. Въ 1856 году, Иванъ Александровичъ былъ возвращенъ на родину, и Ан-

ненковы поселились въ Нижнемъ Новгородѣ. Здѣсь Прасковья Григорьевна скончалась. Потеря жены сильно разстроила здоровье Ивана Александровича; онъ умеръ 27-го января 1878 года, 77 лѣтъ отъ роду.

Въ одинъ и тотъ же годъ съ невѣстой Анненкова въ Читу пріѣхали еще двѣ дамы: фонъ-Визина и Давыдова.

Наталья Дмитріевна фонъ-Визина, рожденная Апухтина, смолоду отличалась религіозностью и даже хотѣла удалиться въ монастырь. Но это рѣшеніе ею не было приведено въ исполненіе: она вышла замужъ за генерала М. А. фонъ-Визина и, покоряясь судьбѣ, раздѣляла съ нимъ всѣ невзгоды. Многія неблагопріятныя обстоятельства помѣшали Натальѣ Дмитріевнѣ послѣдовать за мужемъ тотчасъ послѣ его ссылки. Между прочими причинами, задержавшими ее, слѣдуетъ отмѣтить слабое здоровье; уже вскорѣ послѣ отправки мужа, фонъ-Визина заболѣла и затѣмъ, во время пребыванія въ Сибири, постоянно чѣмъ нибудь страдала. Уѣзжая изъ Москвы, она должна была разстаться съ двумя дѣтьми и съ престарѣлыми родителями, у которыхъ была единственною дочерью. Просьбы родителей не удержали Наталью Дмитріевну. Она поборола въ себѣ чувство дочери и матери и уѣхала къ мужу.

Возвратившись изъ Сибири, Наталья Дмитріевна лишилась мужа въ 1854 году [1]). Она во второй разъ вышла замужъ за декабриста Ивана Ивановича Пущина и снова овдовѣла 3-го апрѣля 1859 года.

Александра Ивановна Давыдова, пріѣхавшая одновременно съ фонъ-Визиной, имѣла большое семейство, которое должна была пристроить передъ отъѣздомъ въ Сибирь. Дѣтей она помѣстила у родныхъ. Давыдова отличалась кротостью своего характера, который во все время ея жизни въ Сибири былъ ровенъ и облегчалъ ей перенесеніе тяжкой доли. Ея мужъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной гусаръ, человѣкъ прямой, храбрый и остроумный, скончался въ октябрѣ 1855 года, въ Красноярскѣ, немного не дождавшись освобожденія и возвращенія на родину.

VI.

Во время перехода изъ Читы въ Петровскій заводъ, 27-го августа 1830 года, недалеко отъ Верхнеудинска, партія декабристовъ встрѣтила баронессу Анну Васильевну Розенъ, которая также ѣхала къ мужу. Баронесса Анна Васильевна Розенъ, урожденная Малиновская, вышла замужъ 19-го апрѣля 1825 года. Мужъ ея, баронъ

---

[1]) М. А. фонъ-Визинъ былъ возвращенъ изъ Сибири раньше срока. Онъ схороненъ въ селѣ Марьинѣ, близь города Бронницъ, Московской губ.

Андрей Евгеніевичъ, былъ замѣшанъ въ декабрскомъ возстаніи и 5-го февраля 1827 года сосланъ въ Сибирь. Анна Васильевна пожелала тотчасъ же слѣдовать за нимъ, но, по его настоянію, обѣщалась отложить это намѣреніе до тѣхъ поръ, пока не подростетъ ея грудной ребенокъ. Когда дитя стало на столько крѣпко, чтобы перенести продолжительное путешествіе, баронесса собралась въ путь. Но тутъ представились новыя затрудненія. Оказалось, что ей не разрѣшено взять съ собой сына. Анна Васильевна пришла въ отчаяніе и, захворавъ, уѣхала въ деревню, на Украйну. Изъ этого положенія вывела ее младшая сестра, Марья Васильевна, которая взяла на себя уходъ за ребенкомъ и убѣдила баронессу ѣхать безъ сына. Анна Васильевна уѣхала. Въ Москвѣ ее посѣтили всѣ, жившіе тамъ, родственники декабристовъ. Всѣ они выражали молодой женщинѣ свое участіе, а Вѣра Григорьевна Муравьева (сестра Александры Григорьевны) умоляла взять ее съ собой, какъ простую служанку, чтобы она могла помогать своей сестрѣ. 17-го іюня 1830 года, баронесса выѣхала изъ Москвы и быстро помчалась въ Читу, какъ бы желая нагнать потерянное время.

Недалеко отъ цѣли путешествія, на станціи Степной, она была задержана сплошнымъ наводненіемъ и прожила тамъ три недѣли. Эта задержка и была причиной того, что баронесса встрѣтила мужа уже на пути въ Петровскъ. Пробывъ съ мужемъ нѣсколько времени, она отправилась впередъ, чтобы приготовить себѣ квартиру и все необходимое. Въ Петровскѣ Анна Васильевна жила очень уединенно. По утрамъ отправлялась на квартиру хозяйничать, затѣмъ возвращалась въ острогъ и сама приводила въ порядокъ свою комнату. Цѣлый годъ супруги Розенъ прожили въ тюрьмѣ. По прошествіи же этого года, баронесса переселилась изъ тюрьмы на другую квартиру, въ домъ чиновника Занадворова, въ которомъ прежде жила Е. И. Трубецкая. 5-го сентября 1831 года, у ней родился второй сынъ Кондратій. Баронесса прожила въ Петровскѣ до 1832 года, когда ея мужа переселили въ Курганъ Тобольской губерніи. Анна Васильевна уѣхала съ ребенкомъ нѣсколько раньше мужа, именно 3-го іюля 1832 года. К. П. Торсонъ и Н. А. Бестужевъ сдѣлали для маленькаго Кондратія прекрасную висячую люльку, въ которой ребенку было гораздо покойнѣе совершать путь. Переѣздъ баронессы оказался очень утомительнымъ, такъ какъ во время переправы черезъ Байкалъ поднялась буря, а ребенокъ на пути захворалъ. Наконецъ, доѣхали до Иркутска. Анна Васильевна осталась здѣсь ждать мужа, который пріѣхалъ позже условнаго времени, благодаря канцелярскимъ проволочкамъ. По дорогѣ отъ Иркутска до Тобольска, въ деревнѣ Фирстовѣ баронесса разрѣшилась третьимъ сыномъ. Вслѣдствіе этого пришлось въ Фирстовѣ пробыть нѣсколько дней. 19-го сентября 1832 года, баронъ

съ женой и дѣтьми пріѣхалъ въ Курганъ. Здѣсь онъ нашелъ нѣкоторыхъ товарищей, которые озаботились найдти для него въ тотъ же день удобное помѣщеніе, такъ что г-жа Розенъ могла отдохнуть, на сколько ей позволяли это обязанности кормилицы и няньки своихъ крохотныхъ дѣтей.

Курганъ—небогатый городокъ на лѣвомъ берегу Тобола. Зданія его въ описываемое нами время были почти всѣ деревянныя, число жителей доходило до 2,000. Въ городѣ была одна церковь, нѣсколько заводовъ, училище. Три раза въ годъ: въ мартѣ, октябрѣ и декабрѣ, въ Курганѣ бывала ярмарка. Жизнь тамъ была очень дешева.

4-го декабря 1832 года, баронъ съ семействомъ переѣхалъ въ собственный домъ, купленный за 3,000 руб. ас. Домъ былъ невеликъ, но очень удобенъ и окруженъ большимъ садомъ. Здѣсь семейство Розенъ навѣщали: Назимовъ, Фохтъ, Нарышкинъ, Лореръ и другіе товарищи по изгнанію. Баронъ скоро завелъ у себя сельское хозяйство, купивъ немного земли. Онъ сѣялъ рожь, горохъ, имѣлъ небольшое стадо. Въ Курганѣ семья барона увеличилась двумя новыми членами: сыномъ и дочерью. Баронесса сама ихъ кормила, няньчила и воспитала. Черезъ 5 лѣтъ послѣ пріѣзда въ Курганъ, 6-го сентября 1837 года, она уѣхала на Кавказъ, куда былъ переведенъ ея мужъ. На Кавказѣ семейство Розенъ поселилось въ селеніи Бѣломъ Ключѣ, недалеко отъ Тифлиса, въ отдѣльномъ домикѣ, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ. Изъ Бѣлаго Ключа баронъ Розенъ переселился съ семьей въ Пятигорскъ, куда былъ назначенъ по слѣдующему высочайшему указу:

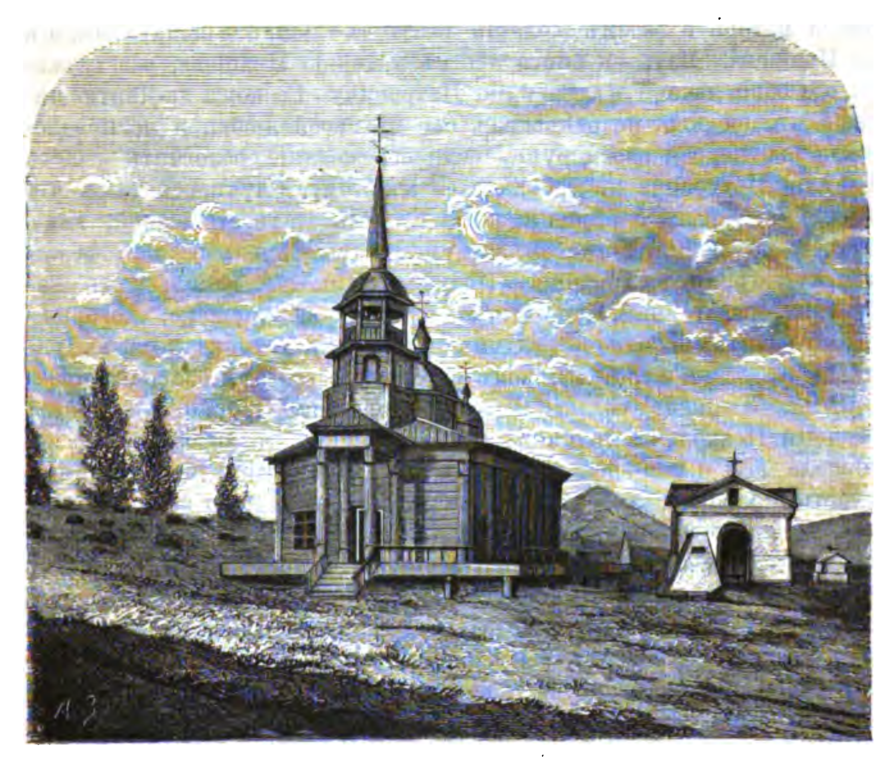
«Государь императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, во вниманіе къ разстроенному здоровью рядоваго изъ государственныхъ преступниковъ, Андрея Розена, перевести его немедленно въ городъ Пятигорскъ и доставить ему всѣ средства къ излеченію». Недолго баронъ прожилъ въ Пятигорскѣ. Здоровье его разстроивалось, и онъ ходатайствовалъ о возвращеніи на родину. Онъ былъ возвращенъ на родину въ 1839 году. Теперь 84-хъ-лѣтній баронъ съ женою живетъ въ своемъ хуторѣ Викнинѣ, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда [1]).

Почти одновременно съ баронессой Розенъ пріѣхала Марья Казиміровна Юшневская. Мужъ ея, Александръ Петровичъ Юшневскій, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи, былъ истый патріотъ, человѣкъ, отличавшійся умомъ и силою характера. Онъ былъ лучшимъ другомъ Пестеля, который питалъ къ нему особенное довѣріе и уваженіе. Юшневскій былъ вторымъ мужемъ Марьи Казиміровны. Отъ перваго брака у ней родилась дочь, а отъ втораго

---

[1]) Все сказанное о баронессѣ Аннѣ Васильевнѣ Розенъ почерпнуто нами преимущественно изъ «Записокъ барона А. Е. Розена».

дѣтей не было. Жизнь Юшневскихъ въ Петровской тюрьмѣ была очень тягостна, такъ какъ они располагали очень ограниченными средствами: у Алексѣя Петровича было имѣніе, но оно находилось подъ запрещеніемъ до окончанія ревизіи интендантскихъ дѣлъ 2-й арміи. Ревизія продолжалась очень долго. Честный Юшневскій не только не былъ обвиненъ въ чемъ нибудь, но даже одобрялся коммиссіей за пользу, которую онъ принесъ казнѣ во время своего управленія. Въ 1839 году, Юшневскіе были отправлены на поселеніе въ Оёкъ, недалеко отъ Иркутска. Здѣсь, 10-го января 1844



Видъ церкви для ссыльныхъ въ Петровскомъ заводѣ; каменный склепъ въ видѣ часовни, — могила А. Г. Муравьевой съ двумя дѣтьми; вправо — дочь и сынъ М. А. фонъ-Визинъ; впереди — могила Пестова; подъ пирамидой — старшая дочь Анненковой и передъ нею — маленькій сынъ Ивашевой.

года, Марья Казиміровна вторично овдовѣла: Алексѣй Петровичъ умеръ отъ удара, въ церкви, во время похоронъ своего товарища, Ф. Ф. Вадковскаго.

Когда Юшневскій упалъ, докторъ Вольфъ, находившійся въ церкви, всѣми силами старался возвратить его къ жизни, — все было напрасно. Онъ похороненъ въ Разводной, близь Иркутска. По смерти мужа Марья Казиміровна ходатайствовала о возвращеніи на родину, но ея просьбы не были удовлетворены.

VII.

Лѣтомъ 1831 года, прибыла въ Петровскій заводъ невѣста декабриста Василія Петровича Ивашева, Камиль ле-Дантю, очень хорошая, образованная дѣвушка. М-lle ле-Дантю была дочерью гувернантки, занимавшейся воспитаніемъ сестеръ Василія Петровича. Она еще въ дѣтствѣ полюбила Ивашева, но скрывала это чувство отъ всѣхъ. Когда Василій Петровичъ былъ сосланъ, дѣвушка объявила матери о своемъ желаніи ѣхать въ Сибирь и выйдти замужъ за Ивашева. Мать ея списалась съ матерью Ивашева, разсказала ей о любви дочери къ Василію Петровичу. Госпожа ле-Дантю писала, что ея дочь не открылась бы въ своей любви и не предложила бы первая своей руки, если бы желаніе облегчить участь Василія Петровича не побудило ее къ этому. Случилось такъ, что Ивашевъ узналъ о рѣшеніи m-lle Камиль стать его женой, какъ разъ въ то время, когда онъ задумалъ бѣжать изъ острога за китайскую границу. Товарищъ Ивашева, Николай Васильевичъ Басаргинъ, полагавшій, что бѣгство его будетъ обнаружено, уговорилъ его отложить исполненіе задуманнаго плана хотя на недѣлю, надѣясь въ этотъ короткій срокъ отговорить его отъ опаснаго предпріятія. Ивашевъ согласился ждать недѣлю. Прошло три дня, и Василій Петровичъ получилъ письмо матери, въ которомъ она извѣщала его о готовности Камиль ле-Дантю раздѣлить съ нимъ участь и спрашивала его согласія. Ивашевъ, хорошо знавшій m-lle ле-Дантю, охотно принялъ ея предложеніе. Такимъ образомъ, случайность спасла Ивашева отъ серьезныхъ послѣдствій, которыхъ нужно было ожидать, въ случаѣ неудачнаго исполненія опаснаго плана бѣгства. Еще до пріѣзда своей невѣсты, Василій Петровичъ приготовилъ для нея домъ. Пріѣхавъ въ Петровскъ, m-lle ле-Дантю остановилась у княгини Волконской. Черезъ пять дней послѣ ея пріѣзда была свадьба. Ивашевъ получилъ разрѣшеніе провести въ своемъ домѣ медовый мѣсяцъ, по истеченіи котораго молодые супруги перешли въ казематъ. Благородный, геройскій поступокъ молодой дѣвушки далъ поводъ князю А. И. Одоевскому посвятить ей стихи «На пріѣздъ въ Сибирь къ жениху». Мы выписываемъ это стихотвореніе цѣликомъ, такъ какъ оно не только представляетъ въ поэтическомъ свѣтѣ личность Камиллы Петровны Ивашевой, но даетъ намъ понятіе и о дарованіи князя Одоевскаго.

«По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается,
Что не парень удалой
Мягкимъ снѣгомъ опушается;
Нѣтъ, то ласточка летитъ

По дорогѣ, красна дѣвица.
Мчатся кони... Отъ копытъ
Вьется легкая метелица».

* * *

«Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою вдаль уносится,
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится...
Грустно ей... Родная мать
Тужитъ тугою сердечною:
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною».

* * *

«Сердце горю суждено,
Сердце надвое не дѣлится:
Разрывается оно...
Дальній путь предъ нею стелется.
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль
За желѣзными затворами».

* * *

«Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ!
Въ думѣ мыслитъ красна дѣвица:
Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ.
Встань, неси меня, метелица!..
Занеси въ его тюрьму!
Пусть, какъ птичка домовитая,
Прилечу и я къ нему,
Притаюсь людьми забытая» [1].

Въ іюлѣ 1836 года, Ивашевы отправились на поселеніе въ городъ Туринскъ, Тобольской губерніи. Тамъ ихъ положеніе было довольно хорошо. Они жили покойно, не вмѣшиваясь въ мелкія ссоры и сплетни жителей, и потому пользовались общимъ уваженіемъ. Четыре года прожили Ивашевы на поселеніи. 30-го декабря 1839 года скончалась Камилла Петровна отъ простудной горячки. 28-го декабря 1840 года не стало на свѣтѣ и ея мужа: Василій Петровичъ умеръ отъ апоплексическаго удара.

Послѣ Ивашевыхъ осталось трое дѣтей, возвратившихся послѣ смерти родителей въ Россію, а потомъ и возстановленныхъ въ своихъ дворянскихъ правахъ.

---

[1]) «Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго», изданіе барона А. Е. Розена. Спб. 1883.

VIII.

Кромѣ этихъ дамъ, пріѣхало еще нѣсколько къ своимъ роднымъ на поселеніе. Изъ нихъ мы упомянемъ только объ Еленѣ Александровнѣ Бестужевой, какъ о женщинѣ наиболѣе энергичной [1]). Елена Александровна Бестужева, сестра пяти Бестужевыхъ, увлеченныхъ политическими событіями 1825 года, родилась въ 1792 году и получила воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ.

Едва она оставила пансіонскую скамью, какъ уже встрѣтилась съ трудами и заботами, которые съ этого времени не оставляли ее на жизненномъ пути. Отецъ ея, умершій въ 1810 году, оставилъ свои дѣла въ разстроенномъ состояніи. Устройство этихъ дѣлъ досталось на долю его вдовы, и Еленѣ Александровнѣ пришлось помогать своей матери. Когда разразилось роковое событіе 1825 года и братья Бестужевы были сосланы, Елена Александровна съ свойственной ей энергіей и добротой заботилась о матери, сестрахъ и братьяхъ. Напечатавъ три изданія сочиненій Александра Бестужева (Марлинскаго), она на вырученныя деньги доставляла все необходимое своему семейству и братьямъ. Но Елена Александровна не ограничилась этою помощью и пожелала сама отправиться въ Сибирь, куда были сосланы два ея брата, Николай и Михаилъ. Съ этою цѣлью она поѣхала вмѣстѣ съ матерью и сестрами къ братьямъ, но недалеко отъ Москвы получила приказаніе оставить свое намѣреніе. Въ 1839 году, когда Николай и Михаилъ Бестужевы были назначены на поселеніе въ Селенгинскъ, Елена Александровна, лишившаяся уже матери, добилась разрѣшенія ѣхать къ нимъ и отправилась въ Сибирь вмѣстѣ съ двумя сестрами. Эта дѣятельная и благородная женщина старалась какъ можно лучше устроить жизнь братьевъ на небольшую сумму, которую она извлекла изъ продажи отцовскаго имѣньица и сочиненій Бестужева-Марлинскаго. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, сестры Бестужевы возвратились изъ Селенгинска и поселились въ Москвѣ, на краю города, въ Хамовникахъ, на Бережкахъ, у Благовѣщенья. Въ 1867 году, къ нимъ пріѣхалъ братъ Михаилъ (Николай Александровичъ Бестужевъ умеръ въ 1855 году) съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью. Михаилъ Александровичъ недолго прожилъ на родинѣ: онъ скончался въ 1871 году, оставивъ дѣтей на попеченіе тетушекъ. Елена Александровна, по смерти братьевъ, обратила всю любовь своего добраго сердца на сиротокъ и сама занималась ихъ воспитаніемъ. Она умерла 2-го января 1874 года въ Москвѣ, достигнувъ глубокой старости. Вскорѣ послѣ смерти Елены

[1]) Некрологи И. И. Свіязева и барона А. Е. Розена, «Русск. Стар.» 1874 г., т. IX, стр. 575 и 577.

Александровны не стало и ея племянницы, тринадцатилѣтней Маріи Бестужевой, сдѣлавшейся жертвой скоротечной чахотки.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о женѣ декабриста Ивана Дмитріевича Якушкина, которой, не смотря на всѣ старанія и ходатайства, не разрѣшали ѣхать къ мужу вмѣстѣ съ дѣтьми. Дѣтей же, по просьбѣ Ивана Дмитріевича, она не рѣшилась оставить. Наконецъ, Якушкина получила слѣдующую записку отъ генерала Дибича: «Государь императоръ соизволилъ разрѣшить Якушкиной ѣхать къ мужу, взявши съ собой и дѣтей своихъ, но при семъ приказалъ обратить ея вниманіе на недостатокъ средствъ въ Сибири для воспитанія ея сыновей» [1]). Записка Дибича несказанно обрадовала Якушкиныхъ. Иванъ Дмитріевичъ уже мечталъ увидѣть жену и дѣтей, но судьба судила иначе: болѣзнь маленькаго сына помѣшала Якушкиной тотчасъ воспользоваться царскимъ разрѣшеніемъ, а послѣ было уже поздно.

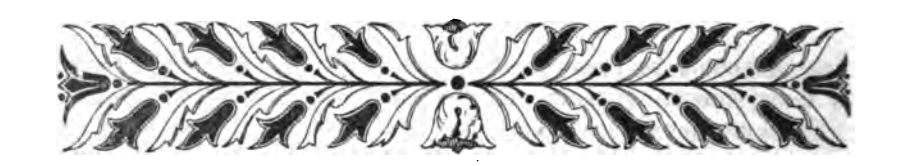
Она получила бумагу шефа жандармовъ, заключавшую въ себѣ извѣстіе о томъ, что государь не разрѣшаетъ ей ѣхать въ Сибирь, «такъ какъ она не воспользовалась своевременно дозволеніемъ, даннымъ женамъ преступниковъ, слѣдовать за своими мужьями и такъ какъ пребываніе ея при дѣтяхъ болѣе необходимо, чѣмъ пребываніе ея съ мужемъ» [2]).

Вотъ тѣ женщины, славную жизнь которыхъ, исполненную любви и самоотверженія, мы старались представить въ нашей статьѣ. Имена ихъ должны быть извѣстны всему русскому обществу вообще и русской женщинѣ въ частности. Кончаемъ статью нашу словами декабриста Александра Петровича Бѣляева: «Кто, кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя, ангелоподобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ, идеальныхъ женъ! Вы стали, поистинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости, при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши»!

М. М.—Хинъ.

---

[1]) «Русск. Арх.» 1870 г., стр. 1603. Изъ записокъ декабриста Якушкина.
[2]) Ibidem, стр. 1625.



ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО СТУДЕНТА.

(Памяти П. С. Нахимова.)

ТАРИКИ пору ихъ молодости называютъ добрымъ старымъ временемъ, конечно, не потому, чтобы эпоха, въ которой они жили, была особенно хороша—нѣтъ, а потому, что они сами тогда были юны душой и крѣпки тѣломъ. Изъ всего, что человѣкъ переживаетъ и перечувствываетъ въ свою, иногда долгую, жизнь, ничто для него такъ не дорого и не мило, какъ время дѣтства и школьная жизнь. Эти воспоминанія священны для каждаго старика, что и весьма понятно. Душѣ, уже готовой оставить дряхлое тѣло, порой отрадно воскресить милые образы, давно сошедшіе въ могилу; перенестись въ тотъ волшебный міръ дѣтства, когда нѣжно любящая ворчунья няня сидѣла въ угольной, на сундукѣ, около окна, съ своимъ нескончаемымъ шерстянымъ чулкомъ, длинными спицами и клубомъ, казавшимся чудовищно-большимъ, когда она кормила своего баловня-воспитанника лакомствомъ, съ которымъ не могли сравниться ни конфекты, ни варенье, никакія сласти—черной лепешкой съ коноплянымъ семѐнемъ, принесенною старушкой изъ людской своему баловню. Когда на дворѣ стояла темная зимная ночь, шумѣла метель, морозъ заводилъ свою трескучую канонаду по толстымъ бревнамъ сосновыхъ хоромъ, время отъ времени караульщикъ сельской церкви ударялъ въ колоколъ, раздавался рѣзкій, отрывистый звукъ и тотчасъ смолкалъ, сѣрая Орелка, забившись подъ амбарушку, жалостно выла, чуя голодныхъ волковъ, бродившихъ близь околицы села; а добрая старушка няня тихимъ голосомъ, на распѣвъ разсказывала страшную сказку. Такъ проходитъ цѣлый зимній вечеръ, пока не позовутъ ужинать. Время летитъ быстро; незамѣтно настаетъ пора приниматься за науку. Приглашается

отецъ Иванъ, и наука началась. Разглаживая свои жиденькія рыжія косы, обильно умащенныя деревяннымъ елеемъ, отецъ Иванъ показываетъ картинку, изображающую обширный садъ, наполненный всякими звѣрями, птицами и гадами. Подъ развѣсистымъ деревомъ сидятъ два голые человѣка, — это Адамъ и Ева въ раю, объясняетъ отецъ Иванъ, имъ весело живется, они безгрѣшны. Вторая картинка очень грустнаго содержанія: Адама и Еву гонятъ вонъ изъ сада, и они горько плачутъ. Третья картинка совсѣмъ страшная: на дровахъ лежитъ связанный по рукамъ и ногамъ юноша и надъ его головой человѣкъ свирѣпаго вида занесъ огромный ножъ. Ученикъ, разглядывая картинку, жалѣетъ связаннаго юношу и чуть не плачетъ; отецъ Иванъ спѣшитъ успокоить его, поясняя, что Господь Богъ не принялъ жертвы Авраама, остановивъ его руку, уже готовую заколоть сына своего Исаака. Ребенокъ довѣрчиво смотритъ на учителя, внимательно слушаетъ его и радуется, что Господь Богъ не допустилъ заколоть Исаака. Запахъ дегтя, ладона и елея, распространяемый отцомъ Иваномъ, сначала такъ раздражавшій тонкіе нервы мальчика, теперь уже не безпокоитъ его, напротивъ, онъ ему дѣлается пріятнымъ. И впослѣдствіи времени въ пансіонѣ, когда мальчилъ разсматривалъ занятныя картинки священной исторіи, онъ слышалъ запахъ дегтя, ладона и елея. Но вотъ юный ученикъ сталъ уже читать по верхамъ, вмѣсто палочекъ пишетъ четко съ прописи: «Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ», изъ священной исторіи онъ безъ запинки, наизусть, разсказываетъ всѣ сюжеты занимательныхъ картинокъ, и отца Ивана смѣняетъ медикъ студентъ. Новый педагогъ имѣетъ совсѣмъ уже свѣтскій запахъ: онъ весь пропитанъ мусатовскимъ табакомъ. Начинается преподаваніе высшихъ наукъ: ариѳметики Меморскаго, грамматики Востокова, геометріи Арсеньева, исторіи Устрялова и латинскаго букваря. И съ этими науками случился такой же странный казусъ, какъ и съ св. исторіей. Всякій разъ, когда мальчикъ рѣшалъ ариѳметическую задачу, спрягалъ глаголы, разсматривалъ на картѣ теченіе главныхъ рѣкъ Россійской имперіи, читалъ о крещеніи Руси св. Владиміромъ, твердилъ латинскія склоненія и спряженія, ему слышался запахъ мусатовскаго табаку. Всѣ эти мелочи, касающіяся дѣтства и первоначальныхъ занятій наукою, а равно и школьную жизнь отрадно вспомнить. И странное дѣло; хвалы расточаются доброму старому времени даже и тѣми, школьная жизнь которыхъ была прямо безотрадна. Старый кадетъ съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ онъ разъ за обѣдомъ въ корпусѣ торжественно вынулъ изъ каши свѣтильню сальной свѣчки, на потѣху всѣмъ товарищамъ. «И вы думаете, добавляетъ разсказчикъ, что корпусное начальство смѣнило эконома, или по меньшей мѣрѣ сдѣлало ему выговоръ? Ничуть не бывало; меня же отодрали передъ ротой».

Сѣдой священникъ безъ умиленья не можетъ вспомнить свою родную бурсу, гдѣ великіе педагоги добраго стараго времени пороли розгами праваго и виноватаго каждую субботу, руководствуясь остроумнымъ правиломъ: коли виноватъ, то по дѣломъ вору и мука, если же нѣтъ, то годится на будущій разъ. Наука преподавалась «отъ сего до сего»; рядомъ съ доской или географической картой, въ классѣ стояла скамья и тутъ же ушатъ съ соленой водой, откуда внушительно торчали пучки розогъ. Чуть кто нибудь начнетъ умствовать и не проговоритъ урока «отъ сего до сего», какъ въ книжкѣ написано, сейчасъ его растянутъ на скамью, и пошла писать. Въ гимназіяхъ существовали почти тѣ же порядки. Въ университетахъ студентовъ учили маршировкѣ, а профессора иначе не смѣли читать лекцій, какъ по руководствамъ, одобреннымъ блаженной памяти III Отдѣленіемъ. Все это факты, признанные исторіей, тѣмъ не менѣе старички гордятся своимъ прошлымъ и восхваляютъ доброе старое время. Отчасти они имѣютъ право на это. На свѣтѣ все условно и все относительно. И въ прошлое суровое время зарождались великія идеи среди учащейся молодежи. Изъ университета выходили люди науки, апостолы гражданской доблести, заложившіе фундаментъ будущаго. Строгость формировала характеры, сплачивала молодежь въ одну товарищескую семью, сухость преподавателя съ каѳедры побуждала студентовъ прибѣгать къ помощи руководствъ западныхъ спеціалистовъ и по очереди собираться другъ къ другу для научныхъ занятій. Прогрессъ мысли шелъ своимъ чередомъ, вырабатывались честные піонеры великихъ реформъ нашего времени. Корпусъ также въ продолженіе многихъ лѣтъ далъ цѣлые ряды героевъ, которые ужасы бастіонной жизни и пытки на перевязочныхъ пунктахъ переносили съ такимъ же замѣчательнымъ стоицизмомъ, какъ и палочныя истязанія за фитиль сальной свѣчи, вынутый изъ каши, во время обѣда въ корпусѣ. И въ старые годы въ правительственныхъ сферахъ существовали высоко-гуманныя личности, память о которыхъ сохранилась и понынѣ среди учащейся молодежи и какъ святыня переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Къ числу такихъ незабвенныхъ друзей студентовъ принадлежитъ инспекторъ Московскаго университета, Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Покойный жилъ среди университетской молодежи, какъ въ своей родной семьѣ, онъ искренно и горячо любилъ студентовъ. Изъ своихъ, далеко не широкихъ, средствъ Платонъ Степановичъ нерѣдко вносилъ деньги за право слушанія лекцій многихъ бѣдныхъ студентовъ. И дѣлалъ это такъ деликатно, что тѣ, которымъ онъ помогалъ, развѣ впослѣдствіи, по выходѣ изъ университета, и то случайно, узнавали имя своего благодѣтеля. Въ недоучившемся, еще не вполнѣ развитомъ, юношѣ П. С. не допускалъ неисправимой злой воли; считалъ преступленіемъ лишать его возможности докончить обра-

зованіе—исключить изъ университета. Всѣ провинившіеся студенты (а провиниться студенту въ тѣ суровыя времена было очень легко) прямо обращались къ П. С. и находили въ немъ заступника и друга. Нерѣдко юноши злоупотребляли добротой своего начальника, и въ такихъ случаяхъ душа П. С. обрисовывалась во всемъ ея величіи и граціозной простотѣ.

— П. С., приставалъ студентъ, будьте такъ добры, посмотрите, сколько мнѣ профессоръ поставилъ?

— Пошелъ прочь! отвѣчалъ строгій начальникъ, — вотъ теперь приспичила надобность, ты и прилѣзъ просить: Платонъ Степановичъ, посмотрите мои балы; а только я отвернись, ты первый же закричишь: Флаконъ Стакановичъ! Флаконъ Стакановичъ! Знаю я васъ зубоскаловъ; убирайся вонъ!

Студентъ отходитъ, молча, покорно склонивъ голову, едва сдерживая улыбку.

Между тѣмъ, П. С., заложивъ руки за спину, начинаетъ прохаживаться по комнатѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на юнаго просителя; сдѣлавъ нѣсколько туровъ туда и сюда, вдругъ исчезаетъ изъ залы. Студентъ глядитъ въ окно, будто и забылъ о своей просьбѣ. Спустя нѣсколько минутъ, дверь отворилась; П. С. вошелъ въ залъ и опять, заложивъ руки за спину, началъ прогуливаться по комнатѣ; а студентъ все стоитъ на томъ же мѣстѣ, даже и головы не поворачиваетъ отъ окна. Вдругъ, совершенно неожиданно надъ его ухомъ раздается голосъ П. С.:—«четверка».

— Благодарю васъ, П. С., и студентъ уходитъ.

Бывали и получше этого курьезы. П. С. каждый праздникъ, въ особенности вечеромъ, имѣлъ обыкновеніе ѣздить по улицамъ Москвы близь заведеній, излюбленныхъ студентами. Цѣль этихъ экскурсій была та, чтобы посмотрѣть, не шляется ли гдѣ пьяненькій студентикъ, да еще, пожалуй, безъ формы (т. е. безъ трехугольной шляпы и шпаги) и въ растерзанномъ видѣ. Помилуй Богъ, попадется на глаза генералъ-губернатору или кому нибудь изъ начальства, выгонятъ вонъ шалопая изъ университета, тогда пропалъ юноша на вѣки вѣковъ, загублена вся жизнь. Студенты отлично знали эти мотивы, побуждавшіе благороднаго П. С. разъѣзжать подъ вечерокъ по московскимъ улицамъ, и были ему очень благодарны, когда онъ ихъ подбиралъ и отвозилъ въ карцеръ въ университетъ. Всякаго рода проступки, даже буйство и скандалы, учиненные студентами въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ Москвы, всегда оканчивались домашнимъ образомъ: тѣмъ же карцеромъ и головомойкой. Послѣдняго больше всего боялись студенты. Они такъ искренно любили и уважали П. С., что заслужить его выговоръ и вообще смотрѣть ему въ глаза послѣ какого нибудь трескучаго скандала, учиненнаго гдѣ нибудь, для нихъ было крайне тяжело. Разъ случилась такая исторія. Пьяный студентъ-медикъ,

пошатываясь, выходитъ изъ Британіи (одинъ изъ любимыхъ студенческихъ трактировъ) и какъ разъ на углу натыкается на П. С.

— Ты... ты... ты... стой! вскричалъ начальникъ, быстро отстегивая полость саней,—садись! садись!

— Помилуйте, П. С.! молилъ студентъ.

— Безъ разговоровъ, сейчасъ садись, въ карцеръ, въ карцеръ, на хлѣбъ на воду. Я тебя выучу пьянымъ шляться по улицамъ! Трогай!

Студентъ спряталъ свою физіономію въ мѣховой воротникъ шинели, сѣлъ около П. С., и сани тронулись въ путь. Злосчастнаго юношу начальникъ самъ сдалъ въ карцеръ и отдалъ наистрожайшее приказаніе сторожу ничего ему не давать, кромѣ хлѣба и воды.

Но кто не знаетъ университетскихъ сторожей, этихъ благодушныхъ Матвѣичей, Иванычей, Гаврилычей? Своимъ простымъ, безхитростнымъ умомъ они очень хорошо понимаютъ, когда начальство отдаетъ имъ приказаніе въ серьёзъ или для проформы.

— Что нарѣзался?! Ну, вотъ теперь и сиди, ворчалъ Матвѣичъ, запирая арестанта.

— Да развѣ я много выпилъ? послышалось изъ-за рѣшетки.

— Кто говоритъ—много! Небось съ самаго утра во рту маковой росинки не было, острилъ Матвѣичъ, зажигая сальную свѣчку и принимаясь за свою подмётку,—а ты, коли выпилъ, и сидѣлъ бы дома, не шлялся бы по улицамъ да не мозолилъ глаза начальству. Хорошо, что П. С. попался, продолжалъ внушительно старикъ, этотъ не выдастъ, а коли-бъ графъ то тебя увидалъ?! (графъ тоже бы не выдалъ; въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа былъ С. Г. графъ Строгановъ, такой же другъ и благодѣтель студентовъ, какъ и П. С. Нахимовъ) тогда что бы было? Пропадать надо, одно слово!

— Я и самъ не знаю, какъ это случилось? посидѣть бы мнѣ еще въ Британіи, да попозднѣе выйдти, разсуждалъ уныло студентъ.

— Тебѣ совсѣмъ туда было не слѣдъ ходить-то! По трактирамъ шляться послѣднее дѣло; до добра не доведетъ.

— Чудакъ ты, Матвѣичъ, развѣ студенты въ трактиръ не ходятъ?

— Какъ не ходить, ходятъ. Вонъ, пожалуй, и сѣрый народъ [1]. Пришелъ въ трактиръ, взялъ изъ-за стойки отъ приказчика синій кафтанъ, надѣлъ, а свой бросилъ подъ лавку, и идетъ себѣ садится подъ машину, будто и въ самомъ дѣлѣ настоящій человѣкъ — не сѣрый; да все до поры до времени, вотъ что! Напьется

---

[1]) Во время существованія крѣпостнаго права сѣрымъ мужикамъ запрещено было посѣщать трактиры. Чтобы избѣгнуть этотъ законъ, приказчики имѣли за стойками синіе кафтаны, въ которые и переодѣвались сѣрые гости.

этотъ самый переодѣтый въ синій кафтанъ-то да нашумитъ; тогда все дѣло и выйдетъ наружу, говорилъ Матвѣичъ, желая доказать студенту, что по трактирамъ ходить послѣднее дѣло.

Долго еще ворчалъ старикъ и наконецъ умолкъ. Настала тишина, время отъ времени прерываемая постукиваніемъ молотка о подошву. Между прочимъ, въ душѣ старикъ жалѣлъ молодаго человѣка, хотя и читалъ ему нотаціи. — Вотъ подишь-ты, думалъ Матвѣичъ, гдѣ бы праздничное дѣло веселиться, проводить время въ компаніи пріятелей, а его сердягу вотъ заперли; оно, положимъ, нельзя, разсуждалъ старикъ, — не путайся на глазахъ у начальства. Коли выпилъ малость, ну, и сиди дома, а то и правда, въ трактирѣ же, въ этой самой Британіи можно было переждать и выйдти себѣ честно, благородно въ заднія ворота. А то, эва! прямо съ параднаго крыльца, да еще, праздничное дѣло, безъ формы. Эхъ молодость, молодость! вздохнулъ Матвѣичъ и вспомнилъ онъ время, когда еще не былъ унтеромъ въ полку, разъ въ Польшѣ тоже натянулся дешевки да и попался какъ разъ на глаза самому ротному. Страшно вспомнить? Шинель на Матвѣичѣ въ тѣ поры была растегнута, шапка на затылкѣ, а тутъ откуда ни возьмись начальство. Взять его! крикнулъ ротный; ну, и взяли, на утро ужъ и всыпали же, Боже мой, какъ драли! Жить не чаялъ, думалъ, помру подъ розгами!

Вспоминая прошлое, Матвѣичъ глубоко вздохнулъ и долго не могъ вдѣть дратву въ щетину.

— Матвѣичъ, а Матвѣичъ, послышалось изъ-за рѣшётки.

— Ну, что еще?

— Дай, пожалуйста, воды напиться, во рту пересохло.

— Пересохло! Извѣстно пересохнетъ отъ вина-то! А ты бы поменьше его пилъ, ворчалъ старикъ, бросая сапогъ на табуретъ и отправляясь за водой.

Арестантъ жадно выпилъ полкружки воды, поблагодарилъ сторожа и улегся на своей жесткой скамьѣ. Силился было заснуть и не могъ, сонъ бѣжалъ отъ него; глаза не смыкались. Хмѣль начиналъ проходить и печальная дѣйствительность являлась во всей ея непривлядной красотѣ. Предстояло завтра утромъ объясненіе съ П. С. Какъ я ему въ глаза буду смотрѣть, думалъ студентъ, чертовски совѣстно! Если бы былъ на первомъ курсѣ, еще бы полбѣды; а то вѣдь троекурсникъ. Экая мерзость эта водка! И какъ меня угораздило напиться и прямо сойдти съ параднаго крыльца на улицу. Будто я и не зналъ, что П. С. очень часто проѣзжаетъ вечеромъ мимо Британіи.

Студентъ такъ разсердился на себя за свою безтактность, что даже громко плюнулъ.

— Матвѣичъ! позвалъ онъ спустя нѣкоторое время сторожа.

— Еще что понадобилось? огрызнулся старикъ, сердито посматривая на рѣшетку двери.

— Голубчикъ, Матвѣичъ, будь добръ, продолжалъ робко арестантъ.

— Да что тебѣ нужно-то?

— Принеси что нибудь закусить, смерть ѣсть хочется.

— Окромя хлѣба, ничего не принесу. Ты, чай, слышалъ, П. С. приказывалъ давать тебѣ только хлѣбъ да воду.

— Нѣтъ, Матвѣичъ, ты лучше принеси изъ Британіи два растегайчика да порцію ветчины, вмѣстѣ съ тобой и закусимъ.

— Вотъ еще что придумалъ! неси ему пироги да ветчину, сидишь и такъ!

— Очень ѣсть хочется, пробовалъ спать, не спится. Сходи, Матвѣичъ, будь другъ, упрашивалъ студентъ.

— Какъ же я тебѣ принесу? А какъ узнаютъ? Пожалуй, еще за тебя въ отвѣтѣ будешь, ворчалъ старикъ уже болѣе кроткимъ тономъ. Соблазнъ вкусныхъ растегаевъ начиналъ дѣйствовать.

— Кому же узнать? До завтра сюда никто не придетъ. Пожалуйста, принеси Матвѣичъ, урезонивалъ старика арестантъ, подавая ему деньги сквозь рѣшетку.

Матвѣичъ видимо колебался. Жирные пироги съ начинкой и сочная ветчина уже начали пріятно щекотать его нервы вкуса. Соблазнъ былъ великъ. Происходила борьба между долгомъ службы и своимъ собственнымъ мамономъ. Послѣдній, разумѣется, восторжествовалъ, какъ это почти всегда бываетъ со многими и весьма многими кавалерами, и не Матвѣичу чета. Тотчасъ же нашелся и выходъ изъ этого тяжелаго положенія. Оно конечно, думалъ сторожъ, П. С. отдалъ приказаніе: «Запри, молъ, его въ карцеръ и ничего не давай, окромя хлѣба да воды»; да это онъ только для видимости сдѣлалъ; знай, молъ, какой я строгій есть начальникъ. Да и виновность-то не Богъ знаетъ какая этого самаго студента. Ну, положимъ, выпилъ, можетъ и не въ мѣру, чуточку захмѣлѣлъ, сюртукъ разстегнулъ, шинель на роспашку, оно вѣрно, что не по формѣ; да эка диковина, несчастіе со всякимъ можетъ случиться, не въ разъ съ начальствомъ встрѣтишься; не дебоширилъ же онъ.

— Что же ты, Матвѣичъ, началъ опять студентъ, одѣвайся, иди, а то поздно будетъ, трактиръ запрутъ.

— Ну, давай деньги-то, что съ тобой будешь дѣлать, пойду, сказалъ Матвѣичъ, вставая съ табурета и укладывая инструменты въ деревянный ящикъ.

Деньги были переданы. Старикъ облекся въ сѣрую шинель, запряталъ за обшлагъ рукава ассигнацію и потянулся къ вѣшалкѣ за фуражкой.

— Матвѣичъ, снова послышался голосъ арестанта, ты принеси два растегая, порцію ветчины съ солеными огурчиками, да надо бы захватить водочки, выпили бы по рюмочкѣ; больно ужъ у меня голова трещитъ.

— Ну, другъ, насчетъ водки не взыщи, вотъ чего нельзя, такъ нельзя.

— Какая же закуска будетъ безъ водки? ты самъ разсуди, Матвѣичъ.

— Чудное дѣло! Да коли начальство строго-на-строго запрещаетъ водку носить.

— Если такъ разсуждать, что начальство велитъ и чего не велитъ, то и закуски купить нельзя. Однако же мы съ тобой будемъ ужинать. Что же тутъ дурнаго, если мы съ тобой передъ закуской выпьемъ по рюмкѣ водки?

Эта логика арестованнаго студента окончательно сбила съ толку стараго кавалера. Оно и въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, приказъ отданъ ничего не давать арестанту, окромя хлѣба да воды, я же иду ему въ трактиръ за ужиномъ, отчего же не захватить при этомъ рюмки двѣ водки. Выпьемъ по одной, закусимъ ветчиной съ огурчиками, важность и въ самомъ дѣлѣ не велика, рѣшилъ Матвѣичъ и сказалъ:

— Ну, ладно, возьму съ собой шкаликъ порожній, рюмки двѣ принесу.

— Зачѣмъ двѣ рюмки, принеси полштофъ.

— Ты никакъ вовсе ополоумѣлъ! вскричалъ Матвѣичъ, останавливаясь около дверей, стану я тебѣ носить этакую пропасть водки! Ты еще налопаешься да тутъ шумъ заведешь, тогда пропала моя головушка.

— Напрасно ты такъ думаешь, мнѣ болѣе рюмки не надо; водка-то мнѣ противна; я для тебя хлопочу, останется на другіе дни тебѣ же выпить передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, отвѣчалъ наихладнокровнѣйшимъ тономъ студентъ.

Матвѣичъ ничего не сказалъ противъ этихъ доводовъ и молча вышелъ. Но видно было, что судьба въ этотъ вечеръ рѣшила быть старому кавалеру постоянно сбитымъ съ позиціи аргументаціей его молодаго арестанта. Матвѣичъ хотя и не былъ пьяницей, но, какъ всѣ старые кавалеры, очень любилъ иногда пропустить передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ этого самаго зелена вина, и очень оно ему было пользительно, ибо сразу подымало его геройскій духъ, которымъ онъ, Матвѣичъ, такъ отличался, когда ходилъ подъ турка и подъ поляка. Но рѣдко ему выпадало такое благополучіе, развѣ на Святой или объ Рождествѣ, кумъ Ермилычъ, сторожъ изъ Маріинской больницы, поподчиваетъ. А тутъ сразу цѣлый полуштофъ! Старикъ пріятно осклабился и храбро зашагалъ по лѣстницѣ «Британіи». Между тѣмъ, студентъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ посланнаго; ему показалось, что сторожъ очень долго ходитъ. Ужъ не загулялъ ли старикъ? мелькнуло въ головѣ арестанта. Но вотъ послышались шаги, сначала далеко, кто-то шелъ по двору, потомъ все ближе и ближе, захрустѣлъ снѣгъ около по-

рога, дверь отворилась, и Матвѣичъ торжественно явился съ провизіей въ рукахъ и въ карманахъ. Сначала поставилъ на табуретъ кушанье, потомъ, къ великому удовольствію студента, вынулъ изъ шароваръ цѣлый полуштофъ бальзаму. Двери темницы, конечно, были тотчасъ же отворены, и заключенный съ своимъ Церберомъ сѣли закусывать. Студентъ, какъ любезный хозяинъ, уступилъ гостю почетное мѣсто на скамьѣ, а самъ сѣлъ на табуретъ. Выпили по одной, причемъ арестантъ сдѣлалъ кислую гримасу и плюнулъ.

— Что аль нутро не принимаетъ? острилъ Матвѣичъ, уписывая ветчину.

— Да противно, чуть было не стошнило.

— А ты выпей другую и сразу полегчаетъ. У насъ въ полку былъ каптенармусъ Махоркинъ, онъ всегда говаривалъ: первая коломъ, вторая соколомъ, а третья—легкой пташечкой, балагурилъ развеселившійся кавалеръ.

— Нѣтъ, спасибо, не хочется, отказывался студентъ.

— Ну, ну, выпей еще рюмочку-то, не важное дѣло, а больше не проси, не дамъ.

Студентъ выпилъ не полную рюмку и поморщился больше прежняго.

Ветчина и соленые огурцы очень располагали къ повтореніямъ. Уже не одна легкая пташечка свободно пролетѣла въ старческое горло Матвѣича. Онъ совсѣмъ развеселился и сталъ неузнаваемъ; обычная угрюмость старика окончательно исчезла. Пошли излюбленные разсказы о баталіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Матвѣичъ, о командирахъ, о походахъ, о полковыхъ порядкахъ, о подвигахъ христолюбиваго воинства при взятіи крѣпости Силистріи, о штурмѣ Варшавы и т. д., и т. д.

Студентъ внимательно слушалъ всѣ эти разсказы кавалера о баталіяхъ и походахъ и не забывалъ ему подливать бальзаму изъ полуштофа. Когда кончили ветчину съ огурцами и принялись за растегаи, старый воинъ уже самъ храбро вылилъ изъ полуштофа остатки бальзама и все сразу молодцевато выпилъ; но исторіи штурма Варшавы досказать уже не могъ. Языкъ его вдругъ сталъ путаться и молоть какую-то безсвязную чепуху. Съ растегаями, бѣдный Матвѣичъ, также никакъ не могъ совладать; возьметъ кусокъ, а онъ у него и выпадетъ изъ рукъ, или вмѣсто рта поднесетъ пирогъ къ носу. Словомъ сказать, храбрый кавалеръ, еще за минуту передъ тѣмъ рисовавшій такъ картинно военныя самыя жестокія баталіи, вдругъ раскисъ, громко крикнулъ какой-то бравый артикулъ, а затѣмъ растянулся на скамьѣ во весь свой гренадерскій ростъ и захрапѣлъ.

— Покойся милый прахъ до радостнаго утра! торжественно воскликнулъ студентъ и началъ приводить въ порядокъ темницу.

Убралъ порожній полуштофъ и остатки ужина въ ящикъ Матвѣича, гдѣ лежалъ сапогъ съ недоконченной подметкой, все прикрылъ грязнымъ фартукомъ, дабы не было замѣтно постороннему глазу, потомъ вытеръ столъ, заперъ дверь карцера и повѣсилъ ключъ на видномъ мѣстѣ. Выйдя на дворъ, онъ никого не встрѣтилъ; было уже далеко за полночь. Всѣ эти Иванычи и Гаврилычи давно спали такимъ же богатырскимъ сномъ, какъ и арестованный Матвѣичъ. Забравшись въ будку у воротъ, громко храпѣлъ сторожъ, уткнувъ носъ въ бараній халатъ, и этому кавалеру, вѣроятно, снились военныя баталіи: пальба изъ орудій и громкіе крики «ура»!— потому что студентъ безъ малѣйшаго труда отворилъ калитку желѣзныхъ воротъ, снова притворилъ ее и свободно вышелъ на улицу, ни сколько не нарушивъ сладкихъ сновидѣній вѣрнаго стража. Благодаря всему этому, освободившійся арестантъ благополучно дошелъ до своей квартиры, раздѣлся и легъ въ постель, а на утро, какъ ни въ чемъ не бывало отправился въ университетъ на лекціи. Между тѣмъ, П. С. Нахимовъ вспомнилъ, что онъ наканунѣ вечеромъ, около Британіи заполучилъ одного молодчика и отвезъ его въ карцеръ. П. С. всегда имѣлъ привычку самъ освобождать арестованныхъ и при этомъ, разумѣется, читалъ имъ надлежащую нотацію. И на этотъ разъ онъ отправился освободить заключеннаго и задать ему жестокую головомойку, потому нельзя въ праздничный день ходить безъ формы, а еще того хуже въ растерзанномъ видѣ, да къ тому же подпивши въ трактирѣ и пр., и пр. Лишь только растворили первыя двери, строгій начальникъ тотчасъ же закричалъ:

— А гдѣ этотъ вчерашній пьяненькій шатунъ? Дайте-ка мнѣ его сюда!

— Ваше высокородіе, отецъ командиръ, помилуйте, не погубите, на фатерѣ жена, дѣти, вдругъ раздались мольбы старческаго голоса изъ глубины темнаго карцера.

П. С. былъ озадаченъ, и на столько сильно, что сначала невольно отступилъ назадъ, не говоря ни слова. Потомъ вмигъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и вскричалъ: батюшки мои! до чертиковъ допился! бредитъ какими-то женой, дѣтьми! Держите его въ заперти, держите на хлѣбѣ и водѣ, пока совсѣмъ не протрезвится! Отдавъ это приказаніе, строгій начальникъ поспѣшилъ выбѣжать на дворъ.

Несчастный сторожъ Матвѣичъ цѣлые полдня томился въ карцерѣ, пока дѣло не разъяснилось и не доложили П. С., что вчерашній его арестантъ продѣлалъ со старикомъ Матвѣичемъ такую жестокую шутку. Что же вышло изъ всей этой исторіи? Было наряжено слѣдствіе, виновные, какъ студентъ, такъ и сторожъ, исключены изъ университета? Ничуть не бывало. Больше всѣхъ хохоталъ самъ П. С., видя въ поступкѣ студента не признаки

злой воли, а простое школьничество, свойственное юности. П. С самъ разсказалъ студентамъ фарсъ своего арестанта и просилъ ихъ открыть этого **разбойника**, который продѣлалъ съ бѣднымъ Матвѣичемъ такую остроумную штуку, такъ какъ онъ, П. С., въ темнотѣ не разсмотрѣлъ его лица. **Разбойникъ**, само собой разумѣется, не замедлилъ выйдти изъ толпы и предстать предъ очами строгаго начальника.

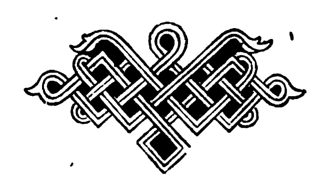
— Ну, можно ли было бѣднаго старика Матвѣича въ карцеръ запереть? разскажи-ка, разскажи, какъ дѣло было, говорилъ П. С., покатываясь со смѣху.

Студентъ передалъ П. С. всю исторію, какъ она была́, безъ малѣйшей утайки. Первые моменты его ареста, воркотню Матвѣича, его нотаціи, что ходить по трактирамъ **послѣднее** дѣло, потомъ просьбу принести ужинъ изъ «Британіи», протесты и отговорки Матвѣича, урезониваніе его, наконецъ процедура самаго ужина и разсказы о баталіяхъ. Словомъ сказать, молодой человѣкъ не утаилъ ни одной мельчайшей подробности дѣла и сообщилъ о немъ рѣшительно все П. С., какъ товарищу, или другу. Начальникъ отъ всей искренней души смѣялся и продолжалъ величать студента **разбойникомъ**. Бѣдному старику Матвѣичу П. С. прохода не давалъ своими насмѣшками.

— Охъ ты, старая тетеря, говорилъ онъ сторожу, а еще воиномъ былъ! Какъ же это тебя студентъ-то въ карцеръ засадилъ?

— Озорники, ваше высокородіе, Платонъ Степановичъ, ничего съ ими не подѣлаешь, всегда отвѣчалъ угрюмо Матвѣичъ.

Н. А. Поповъ.



ПАСХА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ [1].

VI.

Великая суббота.—Церемонія священнаго огня и заутреня.

Поздно проснулись мы въ великую субботу и едва успѣли осмотрѣть русскія постройки, какъ намъ пришли сказать, что пора идти на церемонію священнаго огня. Шествіе наше было очень торжественно: его открывали два каваса въ расшитыхъ курткахъ, звонко ударявшіе длинными булавами по камнямъ мостовой. За ними слѣдовалъ общій папаша, адмиралъ С., въ необъятномъ trafical helmet'ѣ, подъ руку съ добрѣйшей адмиральшей-мамашей; рядомъ съ ними въ бѣлой арабской абаіѣ сверхъ чернаго фрака важно выступалъ милѣйшій первый драгоманъ консульства, имѣя въ петлицѣ орденъ св. Станислава 3-й степени, весьма внушительныхъ размѣровъ. Затѣмъ шли три сестры, княжны В., и около нихъ, какъ-то бочкомъ, припрыгивая и суетясь, вертѣлась въ пестрой шали пресловутая Кунигунда, потомъ мы и братецъ Т. въ бѣломъ хитонѣ, съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ. Насъ конвоировалъ второй драгоманъ съ медалью на шеѣ. Замыкали шествіе еще нѣсколько поклонниковъ и третій драгоманъ, не имѣющій регалій. Придя въ храмъ, мы съ помощью кавасовъ, которыхъ удивительно боится народъ, легко протиснулись черезъ несмѣтную толпу и заняли заранѣе приготовленныя намъ мѣста на одномъ изъ двухъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVIII, стр. 411.

балконовъ, устроенныхъ въ аркѣ, которая раздѣляетъ храмы Гроба Господня и Воскресенія. На этомъ узенькомъ пространствѣ насъ помѣстили человѣкъ 15, такъ что стоять было тѣснóвато, но за то намъ отлично было все видно. Видъ храмовъ представлялъ удивительную картину. Не только на полу и хорахъ, но буквально на всѣхъ выступахъ стѣнъ, расположились тысячи богомольцевъ; у св. Гроба больше было православныхъ арабовъ съ бѣлыми чалмами на головахъ, а въ храмѣ Воскресенія нашихъ паломниковъ. Разнообразіе типовъ было поразительно!—Рядомъ съ стройнымъ абиссинцемъ съ бронзовымъ лицомъ, въ бѣломъ съ красными полосами платьѣ, кое-какъ расположился сѣренькій мужиченко, въ истасканномъ зипунишкѣ и самодѣльныхъ лаптяхъ. Цѣпкій, какъ обезьяна, арабъ, привязавъ себя за поясъ къ крюку, торчащему изъ стѣны, виситъ между небомъ и землею, а подъ его ногами пріютились двѣ старушенки-богомолки, съ сморщенными лицами, въ классическихъ черныхъ платкахъ. Въ храмѣ Воскресенія тишина, около же кувукліи св. Гроба арабы въ бѣшеномъ религіозномъ экстазѣ бѣгаютъ кругомъ, ударяя въ ладоши и нечеловѣческими криками оглашая воздухъ. «Нѣтъ другой вѣры, кромѣ православной»!.. Одни изъ нихъ составляютъ кругъ и пляшутъ, другіе взбираются къ нимъ на плечи и составляютъ новый кругъ, а иные ухитряются залѣзть на плеча и наверху стоящихъ; при этомъ визжатъ, падаютъ, поднимаются и снова падаютъ, бросая въ толпу апельсины, которые тутъ же разносятся торговцами. Цѣлый баталіонъ турецкихъ солдатъ, съ заряженными ружьями въ рукахъ, тщательно старается водворить хоть какой нибудь порядокъ; солдатамъ помогаютъ патріаршіе кавасы, вооруженные длинными бичами. Команда офицеровъ, крики кавасовъ, отчаянный визгъ женщинъ, придавленныхъ гдѣ нибудь въ углу, брань, угрозы на всѣхъ возможныхъ языкахъ, стономъ стоятъ въ воздухѣ. И это у Гроба Господня, наканунѣ празднованія дня его Воскресенія. Но вотъ толпа особенно сильно заколыхалась, еще отрядъ солдатъ сомкнутымъ строемъ вошелъ въ храмъ и расположился вокругъ кувукліи, съ великимъ усиліемъ оттѣснивъ отъ нея толпу. Этимъ онъ далъ возможность патріарху и духовенству войдти въ храмъ и трижды обойдти вокругъ часовни, подъ раздирающій душу хоръ патріаршихъ пѣвчихъ, послѣ чего патріархи, греческій и армянскій, вошли въ кувуклію, дверь которой тотчасъ же затворили и запечатали большой восковой печатью. Мертвая тишина смѣнила бѣшеные крики. Вся 13-ти тысячная толпа притаила дыханіе и замерла въ ожиданіи. Глаза всѣхъ были прикованы къ двумъ отверстіямъ въ кувуклію, черезъ которыя подаютъ священный огонь, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, наклонились въ сторону часовни, которую плотнымъ кольцомъ облегли раскраснѣвшіеся, покрытые потомъ, съ блестящими точно воспаленными глазами, арабы. Каждый

изъ нихъ былъ воплощеніемъ фанатизма, и горе было бы тому патріарху, который не далъ бы имъ священнаго огня, такъ страстно ими ожидаемаго. Прошло нѣсколько минутъ этого молчанія, этой тишины передъ бурей. Ни одна свѣча, ни одна лампада не свѣтилась въ храмѣ. Вдругъ въ отверстіяхъ часовни показались пучки зажженныхъ свѣчей. Нечеловѣческій крикъ раздался въ воздухѣ, и тысячи рукъ протянулись къ нимъ.

Радость арабовъ не знала предѣловъ: они скакали, какъ помѣшанные, кричали, били себя въ грудь, разрывали на себѣ одежды и жгли другъ друга огнемъ, обжегъ котораго, по ихъ мнѣнію, застраховываетъ отъ всякихъ болѣзней. А огонь въ это время широкой волной разлился по всему храму, и чрезъ двѣ, три минуты надъ головами молящихся колыхалось цѣлое огненное море, и въ храмѣ, за минуту передъ тѣмъ полутемномъ, какъ бы волшебствомъ зажглось до полумилліона свѣчей и лампадъ (каждый поклонникъ держалъ въ рукахъ, по крайней мѣрѣ, одинъ пукъ въ 33 свѣчи, многіе же имѣли по два и даже по три пука, а всѣхъ молящихся въ храмѣ 27-го марта 1882 г. было 13,000 человѣкъ). Но недолго горѣлъ священный огонь; поклонники берегутъ эти свѣчи, а потому они быстро потушили ихъ особыми бумажными, наполненными ватой, шапочками.

Тогда храмъ наполнился такимъ чадомъ и къ куполу поднялось такое облако дыма, что солнечные лучи не могли больше проникать въ храмъ; наступилъ мракъ, едва разсѣваемый огнемъ нѣкоторыхъ лампадъ, горѣвшихъ внизу, огоньки которыхъ отъ чаду казались красненькими точками. Дышать тяжело, свѣчная копоть набивается въ ротъ, носъ и уши. Арабы, истерзанные, изожженные, оборванные, но радостные и счастливые, стремглавъ бѣгутъ изъ храма, унося съ собою въ особыхъ фонаряхъ свою единственную святыню, священный огонь.

Не смотря на убійственный воздухъ, мы твердо стоимъ, не покидая нашего обсерваціоннаго пункта. Насъ ожидаетъ еще интересное зрѣлище—выходъ патріарха изъ кувукліи. Сотни двѣ арабовъ стерегутъ его, желая во что бы то ни стало прикоснуться къ святителю, добывшему св. огонь, и раньше другихъ отъ его свѣчи зажечь свои. Стража употребляетъ всѣ мѣры, чтобы этому помѣшать, совершенно основательно опасаясь, что фанатики съ самыми благими намѣреніями могутъ разорвать патріарха на части. Такимъ образомъ передъ нами двѣ стороны, обѣ одинаково стремящіяся завладѣть патріархомъ. Кавасы патріарха, съ помощію турецкихъ солдатъ, оттѣсняютъ арабовъ отъ входа въ кувуклію, около которой и становятся четверо изъ нихъ, предводимые своимъ набольшимъ, мужчиною болѣе чѣмъ солидныхъ размѣровъ, сильнѣйшимъ человѣкомъ въ Сиріи. Всѣ они держатъ въ рукахъ бичи съ толстыми рукоятками. Наконецъ, патріархъ показывается въ дверяхъ; ка-

васы моментально подхватываютъ его лѣвыми руками, а правыми начинаютъ колотить бросающихся къ патріарху арабовъ по чему попало; силачъ кнутомъ и кулакомъ расчищаетъ дорогу впереди, и вся эта процесія, при неумолкаемыхъ крикахъ толпы, во весь духъ мчится въ алтарь Воскресенскаго храма.

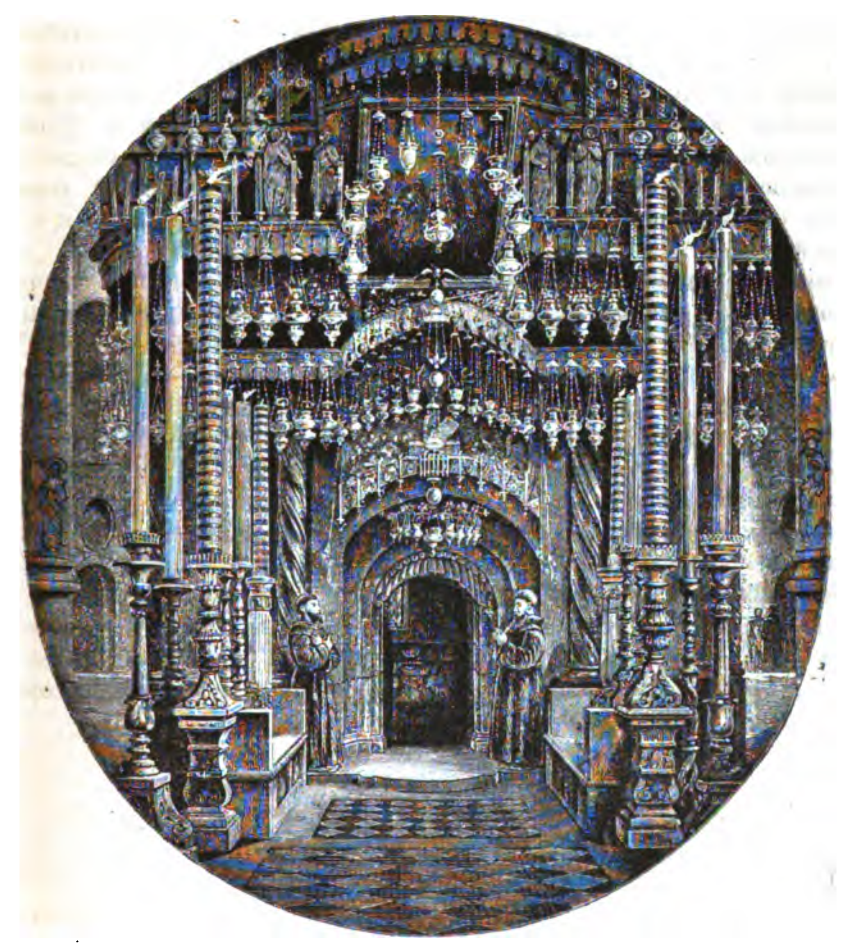
Время, когда въ первый разъ сошелъ съ неба огонь, положившій основаніе настоящей церемоніи, неизвѣстно. Предполагаютъ, что это событіе было въ концѣ втораго вѣка, но такое предположеніе не подкрѣпляется серьезными данными. Затѣмъ, существуетъ преданіе, что однажды св. огонь сошелъ не на Гробъ Господень, а показался въ одной изъ колоннъ храма. По словамъ инока Пареенія, случилось это такъ: армяне, постоянно враждебно относящіеся къ грекамъ, купили у турокъ право не пускать грековъ въ великую субботу въ храмъ и выгнали ихъ, а сами стали ожидать у Гроба Господня священнаго огня, но огонь не сошелъ на Гробъ, а явился въ колоннѣ, на наружной площадкѣ храма, и греческій патріархъ раньше всѣхъ зажегъ отъ него свои свѣчи. Это увидѣли арабы и прославили Бога и священный огонь, въ который съ тѣхъ поръ особенно увѣровали. Надо предполагать, что теперь церемонія добыванія священнаго огня установлена въ память этого событія, и несомнѣнно, что одна изъ лампадъ при Гробѣ, зажженная этимъ появившимся въ колоннѣ огнемъ, съ тѣхъ поръ не потухала: такъ внимательно поддерживаютъ въ ней огонь. Вотъ отъ этой-то лампады и зажигаетъ патріархъ свои свѣчи, такъ какъ никакой огонь теперь не сходитъ съ неба.

Это намъ говорили сами монахи, въ то же время увѣрявшіе поклонниковъ изъ простаго народа и, главнымъ образомъ, арабовъ, что огонь этотъ дѣйствительно ежегодно сходитъ съ неба. На мое удивленіе по этому поводу, высказанное одному важному греческому монаху, онъ отвѣтилъ: «Если сказать теперь арабамъ правду, то они уйдутъ въ мусульманство, а современемъ, когда они духовно и нравственно разовьются и укрѣпятся въ истинахъ вѣры, то уже будетъ безопасно исправить недоразумѣніе, въ которое ихъ вводятъ».

Во всякомъ случаѣ, огонь этотъ — огонь святой, такъ какъ зажигаютъ его отъ неугасимо теплящейся у св. Гроба лампады, и патріархъ при этомъ усердно молится за всѣхъ христіанъ. Католики чрезвычайно нападаютъ на грековъ за эту церемонію, не не имъ укорять другихъ. Не говоря уже о невозможной театральности всѣхъ ихъ процессій, стоитъ только вспомнить, что они раздаютъ богомольцамъ въ молочной пещерѣ, въ Виѳлеемѣ, лепешечки изъ превратившагося будто бы въ камень молока Богоматери, пролитаго ею въ этой пещерѣ, когда она кормила своего Божественнаго младенца; они же показываютъ колодки, въ которыя были заключены ноги Спасителя, хотя о подобномъ истязаніи его не говоритъ ни одинъ евангелистъ.

Послѣ церемоніи священнаго огня мы приготовлялись къ исповѣди, а потому прямо перехожу къ встрѣчи святаго праздника.

Въ 11 часовъ вечера мы пришли въ храмъ; чрезъ ротонду Гроба Господня насъ провели въ церковь Воскресенія и поставили у самаго патріаршаго кресла. Духовенство собралось уже давно, и пѣвчіе невыносимо тянули, чтобы дать почему-то запоздавшимъ



Входъ въ кувуклію.

католикамъ время окончить свою службу. Мы, впрочемъ, пробыли тутъ нѣсколько минутъ и пошли на Голгоѳу, на исповѣдь. Тамъ все было тихо и пусто, въ храмѣ царствовалъ таинственный полумракъ; у креста слабо мерцали лампады, озаряя своимъ неяснымъ свѣтомъ чудный ликъ Христа и удрученныя горемъ фигуры Богоматери и св. Іоанна. Никакой звукъ изъ внѣшняго міра не доходилъ до этого св. мѣста; ничто не мѣшало молитвѣ, и тутъ-то

пришлось намъ исповѣдоваться. Что сказать объ исповѣди на Голгоѳѣ, гдѣ страдалъ и умеръ Спаситель! Испытывалось тогда чувство особенное, которое, вѣроятно, никогда, къ сожалѣнію, не повторится.

Мы опять сошли въ храмъ Воскресенія. Послѣ полутьмы и благоговѣйной тишины Голгоѳы, насъ поразилъ ослѣпительный свѣтъ тысячи лампадъ и свѣчей и громкое пѣніе грековъ. Католическая служба кончилась, и торжественная православная процессія, съ цѣлымъ лѣсомъ хоругвей, потянулась длинной сверкающей лентой въ ротонду Гроба Господня. Пока крестный ходъ три раза медленно обходилъ кувуклію, мы успѣли приложиться къ Гробу Господню и затѣмъ, прекрасно помѣстившись у самаго входа въ часовню, могли спокойно любоваться прелестной картиной сіяющаго огнями храма, наполненнаго нарядными духовенствомъ и пестрой, радостной толпой. Заутреня шла на греческомъ языкѣ, но эктеніи произносились поперемѣнно то на русскомъ, то на греческомъ, даже двѣ-три молитвы какъ-то тихо и робко пропѣли наши богомольцы. Но вотъ ударилъ колоколъ; великія слова «Христосъ Воскресе» облетѣли весь храмъ. Чувство безграничной радости охватило насъ. Всѣмъ сдѣлалось весело, всѣ улыбались, спѣшили другъ съ другомъ христосоваться. Патріархъ, сидя въ богатомъ креслѣ, принималъ поздравленія и христосовался съ духовенствомъ. Вскорѣ началась обѣдня. Съ удивленіемъ и радостію услышали мы, какъ добрый патріархъ помянулъ имена наши предъ св. дарами. За обѣдней удостоились мы пріобщиться св. тайнъ. Въ 5 часовъ утра, усталые, но безгранично счастливые, вернулись домой и разговѣлись съ Т. у милыхъ С., въ номерѣ; мы были слишкомъ измучены, чтобы идти къ консулу, который приглашалъ всѣхъ русскихъ къ себѣ, обѣщая угостить настоящей творожной пасхой, которая въ Іерусалимѣ—рѣдкость.

VII.

Второе православіе. — Сіонъ. — Мечети.

Въ первый день Пасхи, пріодѣвшись и позавтракавъ, отправились мы въ 11 часовъ, по приглашенію патріарха, къ нему въ патріархію, чтобы присутствовать на воскресной вечернѣ. У насъ вечерня эта проходитъ почти незамѣтно; на Востокѣ же эта «девтера анастасисъ», т. е. второе воскресеніе, или второе православіе, какъ ее еще называютъ, пользуется особеннымъ уваженіемъ и привлекаетъ массу народа. Послѣднее происходитъ отчасти отъ того, что служба назначается въ часъ дня, время для всѣхъ очень удобное.

Къ 12 часамъ въ патріархію собралось все духовенство и нѣсколько человѣкъ, приглашенныхъ изъ числа поклонниковъ.

Патріархъ любезно всѣхъ привѣтствовалъ, а намъ, русскимъ, говорилъ: «Христосъ Воскресе!» Онъ долго бесѣдовалъ съ нами при посредствѣ нашего перваго драгомана, розспрашивалъ, какъ намъ понравился Іерусалимъ, и приглашалъ вторично посѣтить древній городъ, а мы звали его въ Россію, расхваливая красоту и богатство русскихъ святынь. Разговоръ нашъ часто прерывали два монаха, разносившіе гостямъ неизмѣнные варенье, кофе, ликеръ и даже папиросы: на Востокѣ не курятъ только въ церкви. Передъ облаченіемъ патріархъ со всѣми похристосовался, давъ каждому по два красныхъ яичка, съ выскобленными на нихъ ножемъ рисунками. Ровно въ 12 часовъ, все бывшее тутъ духовенство надѣло великолѣпныя ризы. Патріаршее облаченіе отличалось особенною роскошью: на золотомъ саккосѣ сіяло великолѣпно вышитое серебромъ Воскресеніе Христа. Панагіи, присланныя покойнымъ государемъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, въ подарокъ покойному патріарху Кириллу, прекрасной работы, осыпанныя крупными изумрудами и брилліантами, переливались всѣми цвѣтами радуги. Митра, съ художественно сдѣланными медальонами, сверкала массой драгоцѣнныхъ камней. Держа въ лѣвой рукѣ зажженную свѣчу, а въ правой чудный эмалевый образъ Воскресенія, въ рамкѣ изъ изумрудовъ, рубиновъ и брилліантовъ (даръ великаго князя Константина Николаевича), патріархъ вышелъ изъ своего дома въ сопровожденіи всего духовенства. Процессія, съ яркими хоругвями и горящими свѣчами, едва помѣстилась въ узкой улицѣ. Ожидавшая ее, огромная толпа отступила въ переулокъ и уже послѣ примкнула къ крестному ходу, направившемуся въ церковь Воскресенія; послѣдняя была уже полна народа; женщины, въ необыкновенно пестрыхъ костюмахъ, составляли большинство. Было много католиковъ и протестантовъ, пришедшихъ посмотрѣть одну изъ самыхъ блестящихъ греческихъ церемоній, причемъ англичане съ необыкновеннымъ нахальствомъ лорнировали церковь и молящихся.

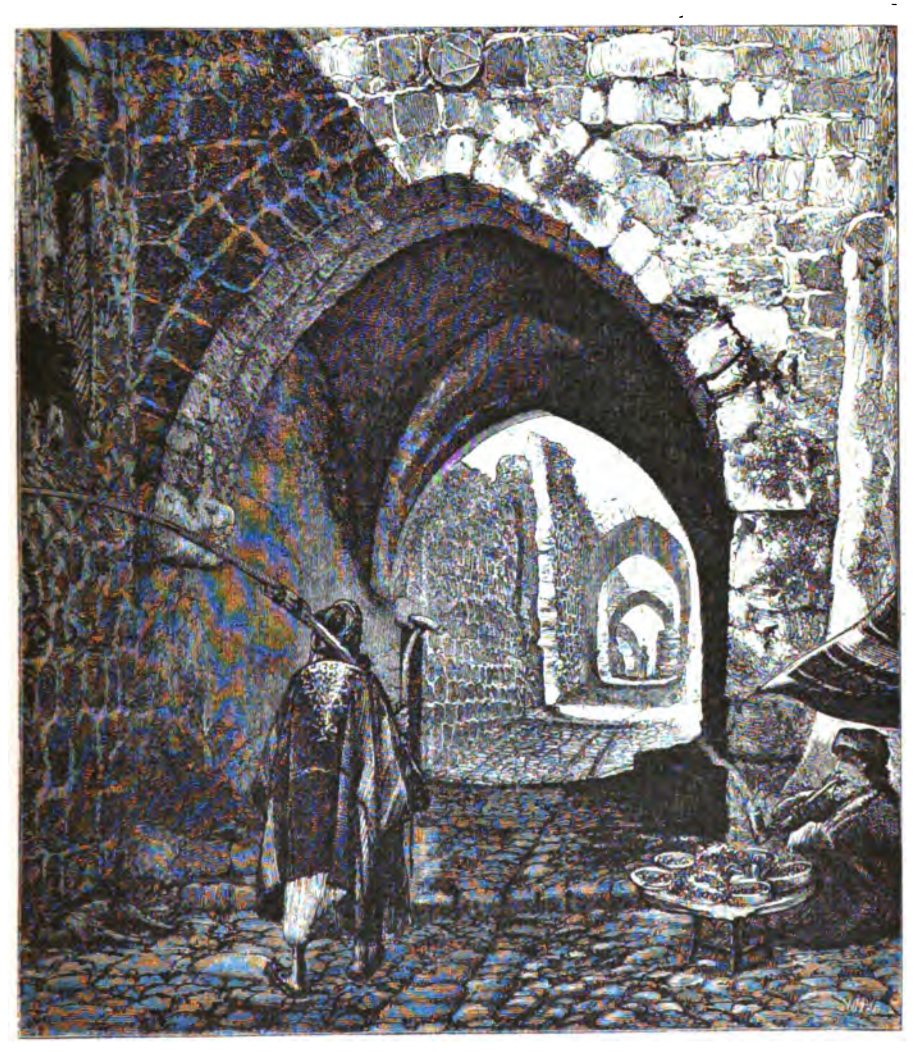
Служба сначала шла быстро на греческомъ языкѣ и особеннаго ничего не представляла, пока греческій діаконъ не провозгласилъ: «И о сподобитися намъ слышанія святаго евангелія Господа Бога молимъ»... «Отъ Іоанна святаго евангелія чтеніе»... «Вонмемъ», отвѣчалъ изъ глубины алтаря погречески голосъ патріарха. Невольно всѣ притихли, и среди наступившей тишины ясно раздались первыя слова евангелія на славянскомъ языкѣ. Чудно было слушать эти святые глаголы въ самомъ Іерусалимѣ, такъ далеко отъ родины и на родномъ языкѣ. Читалось о второмъ явленіи Христа своимъ ученикамъ, отчего и вечерня называется вторымъ Воскресеніемъ. Чтеніе длилось недолго: минутъ чрезъ 7—8 читав-

шій остановился. По церкви вдругъ раздался странный металлическій звукъ, и затѣмъ надъ головами пронесся громкій ударъ колокола. Всѣ вздрогнули. «И о сподобитися намъ...», снова слышится звонкій, спокойный голосъ діакона, и опять тоже евангеліе читается на греческомъ языкѣ; едва замерло его послѣднее слово, какъ тотъ же странный звукъ, звукъ ударившагося о желѣзо желѣза, разнесся по храму и повторился: колоколъ прозвучалъ два раза. Снова читается евангеліе, и опять раздается таинственный звонъ.

Одинъ за-другимъ, съ разныхъ сторонъ церкви читаютъ монахи слово Божіе, кажется, на двѣнадцати языкахъ; славянское, греческое, латинское, французское, итальянское, турецкое, еврейское, арабское и другія нарѣчія звучатъ попеременно въ необъятномъ, полномъ безмолвною толпой храмѣ и сопровождаются громкимъ звономъ. Впечатлѣніе производится сильное; быть можетъ, потому народъ такъ и любитъ эту вечерню.

По окончаніи службы, патріархъ выходитъ изъ алтаря, садится въ большое золоченое кресло и христосуется со всѣмъ народомъ. Чтобы избѣгнуть давки, мы не стали ждать конца и вернулись домой, а потомъ съ Т. поѣхали на Сіонъ. Цѣлыя облака пыли неслись по дорогѣ отъ русскихъ построекъ къ Яффскимъ воротамъ, и мы свободно вздохнули только повернувъ съ дороги вдоль стѣнъ города, мимо башни Давида, незначительнаго теперь укрѣпленія, въ составъ котораго входятъ и Яффскія ворота. Какъ и всегда въ Іерусалимѣ, при осмотрѣ памятниковъ глубочайшей древности, воображеніе рисовало намъ картины сѣдаго прошлаго. Вспоминался царь Давидъ, отнявшій Сіонъ у Іевуссеевъ и построившій себѣ тутъ домъ. Крѣпко полюбилось царю-поэту это мѣсто, и превознесъ онъ его въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Да и не одинъ Давидъ превозносилъ Сіонъ: хвалебные гимны Ветхаго Завѣта всегда прославляли его. Великою святыней былъ Сіонъ для израильтянъ, но не меньшее значеніе имѣетъ онъ и для насъ, ибо тамъ была Тайная Вечеря. Такъ называемую Сіонскую горницу показываютъ въ верхнемъ этажѣ какого-то турецкаго зданія, на южной части горы. Комната невелика; двѣ колонны, поддерживающія потолокъ, служатъ ея единственнымъ украшеніемъ; отсюда поднимаются по двумъ, тремъ ступенямъ въ другую разгороженную пополамъ комнату, въ лѣвой половинѣ которой (отъ входа) въ углу стоитъ огромный саркофагъ, покрытый зеленымъ шелковымъ покрываломъ. Говорятъ, это гробница Давида; но это невѣрно. Что дѣйствительно Давидъ погребенъ на Сіонѣ, это не подлежитъ сомнѣнію, но лежитъ онъ въ нѣдрахъ Сіона, и могила его, какъ и всѣ еврейскія царскія гробницы, изсѣчена въ скалѣ и, вѣроятно, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, какъ и царскія гробницы, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Въ правой половинѣ комнаты, по преданіямъ, Духъ Святый сошелъ на апостоловъ. Въ нижнемъ этажѣ, подъ Сіонской горницей, также двѣ комнаты—одну называютъ мѣстомъ омовенія ногъ, а другую—явленія Спасителя ученикамъ. Около Сіона нѣсколько армянскихъ



Улица въ Іерусалимѣ.

монастырей; одинъ, женскій, построенъ на мѣстѣ дома первосвященника Анны. Тутъ показали намъ отрасль маслины, къ которой будто бы былъ привязанъ Христосъ. На мѣстѣ дома Каіафы тоже построенъ небольшой монастырь, мужской; алтарь его храма по-

ставленъ на части камня, который, по преданію, отваленъ былъ отъ Гроба Господня. На дворикѣ показываютъ отмѣченное виноградною лозою мѣсто отреченія Петра. Кромѣ этихъ двухъ монастырей, около Сіона есть еще большой армянскій монастырь, съ храмомъ въ честь апостола Іакова, и монастырь Сиріанскій, построенный на мѣстѣ дома св. евангелиста Матѳея.

Обойдя всѣ эти монастыри, мы отправились посмотрѣть хорошенько городъ. Іерусалимъ очень невеликъ, его можно обойдти меньше чѣмъ въ два часа времени. Обнесенъ онъ каменною стѣною, въ 50 фут. вышины, имѣющею нѣсколько воротъ, а именно: Яффскія, Сіонскія, Геѳсиманскія, Дамасскія, Иродовы, Гнойныя и Золотыя; три послѣднія заложены. Золотыя, конечно, самыя замѣчательныя.

При крестоносцахъ, по свидѣтельству игумена Даніила, эти ворота имѣли четыре входа и были внутри окованы позолоченной мѣдью, съ изящной рѣзьбой, а снаружи желѣзомъ. Входъ въ нихъ двойной — съ горы Елеонской; теперь онъ заложенъ. Внутри ворота имѣютъ видъ паперти, съ четырьмя куполами; и въ нихъ устроена мечеть. Постройки города скучены и не отличаются красотой и стилемъ; улицы грязны, узки, такъ что никакой экипажъ по нимъ проѣхать не можетъ, а мѣстами и верхомъ едва проберешься, и то задѣвая ногами за выступы домовъ. Главная улица, ведущая отъ Яффскихъ воротъ къ храму, вся обстроена маленькими лавченками, со всевозможными священными предметами и колоніальными товарами. Ни одной порядочной лавки нѣтъ. Городъ самъ ничего не производитъ, и если, по случаю бури, пароходъ не сдастъ груза въ Яффѣ, Іерусалимъ сидитъ безъ провизіи. Воды въ городѣ нѣтъ; ни одна рѣченка не протекаетъ около него; поэтому приходится хранить въ цистернахъ дождевую воду. Вообще печальнѣе Іерусалима ничего представить себѣ нельзя.

При осмотрѣ города мы любовались наружнымъ видомъ мечети Омара, проникнуть въ которую намъ не удалось (боясь наплыва иностранцевъ, въ нее не впускали во время Пасхи). Она величественна и красива, вся обложена разноцвѣтными кафелями, на которыхъ мѣстами золотомъ написаны изрѣченія корана, съ чуднымъ сферическимъ куполомъ и четырьмя огромными воротами, носящими названія вратъ: Рая, Молитвы, Войны и Давида; она, конечно, красивѣйшее зданіе въ городѣ. Что касается внутренности мечети, то намъ говорили, что необыкновенно удачный подборъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ окнахъ придаетъ ей совершенно волшебный оттѣнокъ. Мечеть эта одна изъ главныхъ святынь магометанскихъ. Въ ней хранится будто бы упавшій съ неба камень Эль-Сакрагъ. Подъ камнемъ есть пещера, гдѣ, по увѣренію мусульманъ, хранятся: копье Давида, мечъ и знамя Али, щитъ Магомета, подлинная рукопись корана, сѣдло кобылицы Эль-Боракъ,

на которой Магометъ въ одну ночь доскакалъ изъ Мекки до Іерусалима, и, наконецъ, вѣсы, на которыхъ будутъ взвѣшиваться въ раю души праведныхъ. Дивно хорошъ помостъ мечети. Онъ имѣетъ 1000 футовъ длины и 500 ширины и весь устланъ плитами бѣлаго мрамора; по срединѣ его возвышеніе, куда ведутъ украшенныя картинами крыльца; на этомъ возвышеніи другое, меньшее, и на немъ уже стоитъ мечеть. На помостѣ нѣсколько фонтановъ и великолѣпный мраморный кіоскъ съ восьми-угольнымъ водоемомъ, покрытый куполомъ, поддерживаемымъ рядомъ коринѳскихъ колоннъ. Кое-гдѣ виднѣются деревья. Около мечети Омара стоитъ мечеть Эль-Акса (отдаленная). Это бывшій храмъ Введенія Пресвятыя Богородицы.

Онъ построенъ совершенно также, какъ и храмъ въ Виѳлеемѣ. Въ одной изъ нишъ храма, на простомъ камнѣ, перенесенномъ съ горы Елеонской, показываютъ отпечатокъ стопы Спасителя. Полагаютъ, что подъ мечетью скрываются турками большія водохранилища. Немногимъ путешественникамъ, имѣвшимъ возможность проникнуть въ подземелья храма, позволяли осмотрѣть только самую незначительную ихъ часть, гдѣ находятся громадные столбы и своды, поддерживающіе площадь бывшаго Соломонова храма (предполагаютъ, что они современники его великаго строителя).

Одинъ изъ этихъ путешественниковъ, А. С. Норовъ, говоритъ, что великолѣпіе подземныхъ галлерей, своды которыхъ поддерживаются рядами огромныхъ пиластровъ, его поразили: «При самомъ вступленіи въ эту подземельную область, взоръ вашъ, привыкшій къ нестройнымъ грудамъ стертаго съ лица земли Іерусалима, объятъ удивленіемъ и узнаетъ зодчество библейское. Огромная монолитная колонна съ капителью древнѣйшаго искусства поддерживаетъ главный сводъ; за нимъ, поднявшись по десяти ступенямъ, открывается длинная аркада, поддерживающая обширный сводъ, признанный за іудейское построеніе». Въ послѣднее время открытъ подземный ходъ между Сіономъ и Моріей.

VIII.

Поѣздка на Іорданъ.

На второй день Пасхи, рано утромъ, мы поѣхали на Іорданъ. Въ виду непривычки дамъ ѣздить верхомъ, вся компанія отправилась на осликахъ, кромѣ, впрочемъ, каваса и проводника, даннаго іерусалимскимъ пашой, которые были на лошадяхъ. Шествіе открывалъ проводникъ, стройный арабъ, съ длиннымъ ружьемъ въ рукахъ и цѣлымъ арсеналомъ оружія за поясомъ. За нимъ слѣдо-

вала наша кавалькада, арріергардъ составляли кавасъ и проводникъ съ осликами, нагруженными нашимъ багажемъ. По дорогѣ мы заѣхали въ пещеру Іереміи, находящуюся противъ Дамасскихъ воротъ. Она расположена подъ огромнымъ возвышеніемъ и чрезвычайно велика. Предполагаютъ, что здѣсь были каменоломни. Главная пещера имѣетъ до пяти саженъ вышины, при углубленіи въ восемь саженъ; она поддерживается двумя подпорками. Здѣсь раздавался плачъ Іереміи, духовнымъ окомъ видѣвшаго печальную судьбу несчастнаго Іерусалима. Недалеко отъ пещеры Іереміи гробницы царей. Мы не имѣли времени спуститься внизъ, а потому приведу ихъ описаніе, сдѣланное А. С. Норовымъ.

«По приближеніи къ этимъ гробницамъ, говоритъ онъ, открывается передъ вами родъ квадратнаго бассейна, изсѣченнаго въ каменномъ слоѣ футовъ въ пятнадцать или болѣе въ глубину; спустясь туда, вы видите на лѣвой сторонѣ большую пещеру, высѣченную правильнымъ четвероугольникомъ; она украшена широкимъ карнизомъ и двумя фризами самой изящной рѣзьбы; первый, большой фризъ, находится надъ самымъ карнизомъ, а другой, меньшій, составляетъ оконечную кайму входа. Украшеніе перваго фриза расположено такимъ образомъ: триглифъ, кольцо, аканѳовыя вѣтви, дубовый вѣнокъ, гроздъ виноградный и обратно—дубовый вѣнокъ, аканѳовыя вѣтви, потомъ триглифъ прежде конца; оконечный фризъ равно прелестенъ, но это уже гирлянда изъ разныхъ растеній. Войдя подъ плоскій сводъ пещеры, вы видите на лѣвой сторонѣ въ боковой стѣнѣ, почти засыпанное отверстіе—это настоящій входъ въ погребальное жилище. Чтобы проникнуть туда, надо проползти на животѣ, и тогда вы войдете въ правильную квадратную комнату. Сквозь три стѣны ведутъ три двери въ разныя комнаты; всѣхъ комнатъ семь. Во всѣхъ стѣнахъ видны ниши для гробовъ, и во многихъ изъ этихъ нишей вырѣзаны на средней стѣнѣ три маленькіе треугольника. Но что заслуживаетъ особенное вниманіе—это двери; онѣ высѣчены изъ цѣльнаго камня; рѣзьба раздѣляетъ ихъ на двѣ части; петли этихъ дверей изъ того же камня и стѣнныя вереи, на которыхъ онѣ висѣли, также каменныя. Двери лежатъ поверженными на землѣ. Гробницы высѣчены изъ отдѣльныхъ камней. На узкихъ наружныхъ простѣнкахъ этихъ гробницъ вырѣзано по одному дубовому вѣнку; внутри гроба выдѣлано изголовье для мертвеца. Крыши съ чешуйчатою рѣзьбой. Главныя гробницы находятся въ послѣдней комнатѣ направо; онѣ разбросаны въ ужасномъ безпорядкѣ; туда ведетъ небольшой спускъ».

Отъ гробницъ вдоль стѣнъ города и миновавъ гору Елеонскую, мы поѣхали къ Виѳаніи. Дорога, или, лучше сказать, каменная тропинка, узенькою лентой извивается по берегу потока Кедронскаго и поднимается затѣмъ на гору Соблазна, на которой Соломонъ послѣ построенія имъ своего знаменитаго храма, по наущенію своихъ женъ,

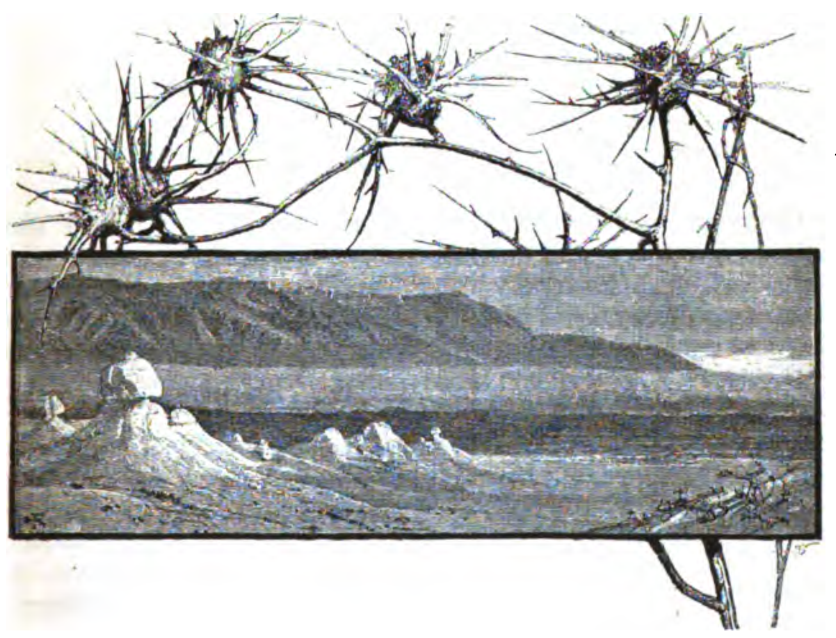
поставилъ капища Астартѣ и Молоху. Намъ казалось, что тропинка, по которой мы ѣхали, существовала уже во времена Христа, такъ какъ на скалахъ горы Соблазна негдѣ проложить другой, и что мы своими грѣшными ногами топтали ту самую дорогу, по которой ступали божественныя ноги Спасителя. Я говорю мы топтали, потому что на гору поднимались пѣшкомъ. Но вотъ и Виѳанія, гдѣ жили друзья Господа: Лазарь, Марѳа и Марія. Теперь на этомъ мѣстѣ ютятся нѣсколько бѣдныхъ хижинъ; среди ихъ показываютъ высѣченную въ скалѣ погребальную пещеру Лазаря. Недолго оставались мы въ Виѳаніи; засвѣтло хотѣлось намъ доѣхать до Іордана, выѣздомъ же немного замѣшкались. Черезъ полчаса пути, мы спустились въ глубокую лощину, гдѣ подъ каменною довольно большою аркой находится источникъ, названный въ книгѣ Іисуса Навина—Солнечнымъ; говорятъ, что около него часто отдыхалъ Спаситель со своими учениками, а потому за нимъ и сохранилось наименованіе—источника апостоловъ. Отсюда дорога становится мрачною и крайне однообразною. Скалы суровыя, обнаженныя, почти безъ признаковъ растительности, одна другой выше, одна другой ужаснѣе, возвышаются передъ глазами и, кажется, конца имъ не будетъ. Солнце пекло невыносимо, неудобство жесткихъ сѣделъ порядкомъ давало себя чувствовать; для разнообразія мы часто шли пѣшкомъ, но ходьба по острымъ, раскаленнымъ камнямъ доставляла мало развлеченія. Вопросъ: скоро ли привалъ? раздавался все чаще и чаще, и, наконецъ, послѣ трехъ часовъ ѣзды, съ разболѣвшимися спинами и пересохшими отъ жажды горлами, добрались мы до развалинъ гостинницы «Добраго Самарянина». Мысль объ отдыхѣ оживила насъ, но за то гостинница жестоко обманула даже самыя скромныя о ней мечты: на горѣ, на самомъ солнечномъ припекѣ, разбросаны развалины какого-то строенія; ни деревца, ни ручейка, ничего, кромѣ небольшой тѣни подъ навѣсомъ скалы. Нечего дѣлать, усѣлись подъ скалой, закусили холодными цыплятами и красными яйцами, присланными на дорогу добрымъ патріархомъ, выпили согрѣвшейся во вьюкѣ воды съ виномъ и вновь поплелись подъ тѣмъ же палящимъ солнцемъ, среди тѣхъ же безотрадныхъ картинъ. Прошло два, или три томительные часа. Всѣ молчали; но какъ всему бываетъ конецъ, такъ и эта мертвая пустыня кончилась; поднялись мы по каменнымъ ступенямъ на чрезвычайно высокую гору, съ боку которой зіяетъ глубокая бездна съ тихо журчащимъ потокомъ, и предъ нами раскрылась широкая Іорданская равнина. Почти у подножія горъ зеленѣли сады деревни Раха, построенной на мѣстѣ древняго Іерихона, отъ котораго и слѣдовъ не осталось; за ними линія кустовъ указывала теченіе Іордана; правѣе виднѣлось Мертвое море, еще дальше сѣрѣли Ливанскія горы. Всѣ свободно вздохнули. Проворно стали мы спускаться въ манившую насъ долину и чрезъ четверть часа очутились предъ быстро бѣгу-

щимъ ручьемъ, надъ которымъ возвышаются развалины очень древняго водопровода. Напоивъ осликовъ и освѣживъ себѣ лица водой, мы, уже бодрые и веселые, подъѣхали къ русскому пріюту. Пріютъ въ Іерихонѣ, какъ и всѣ пріюты іерусалимской духовной миссіи, весьма хорошъ. Комнаты свѣтлы, чисты и высоки, воздухъ пропитанъ ароматомъ окружающихъ пріютъ апельсинныхъ, лимонныхъ и гранатныхъ деревьевъ. Все это очаровало насъ, а появившійся вскорѣ на столѣ самоваръ заставилъ позабыть всѣ невзгоды пути. Благодушествовали мы, однако, недолго—до Іордана еще было далеко, и мы, взобравшись на осликовъ, пустились по солончаковой равнинѣ, поросшей какими-то лишаями. Грустное впечатлѣніе производитъ эта, нѣкогда текшая медомъ и млекомъ, равнина; но все же это не подавляющая мрачность Іудейскихъ горъ. Жаръ сталъ спадать, когда мы подъѣхали къ темнымъ, мутнымъ водамъ священной рѣки. Рѣка неширока, но изумительно быстра.

Посидѣвъ на берегу и наломавъ на память вѣтокъ Палестины, мы пошли пѣшкомъ въ монастырь Іоанна Предтечи. Говорятъ, что монастырь этотъ поставленъ былъ на мѣстѣ Крещенія Спасителя, теперь онъ расположенъ отъ берега рѣки въ полуверстѣ; объясняется это тѣмъ, что рѣка измѣнила свое русло. Полагаютъ также, что тутъ же и мѣсто перехода израильтянъ чрезъ Іорданъ; противъ монастыря, на другомъ берегу, жила нѣкогда св. Марія Магдалина. Монастырь Предтечи одинъ изъ древнѣйшихъ въ Святой Землѣ; долгое время лежалъ онъ въ развалинахъ и возобновленъ недавно. Стоитъ онъ на пригоркѣ и по внѣшности ничѣмъ не напоминаетъ дома молитвы: нѣтъ ни креста, ни купола надъ каменнымъ четырехугольнымъ строеніемъ, всего болѣе похожимъ на сторожевыя башни, въ большомъ количествѣ попадающіяся на дорогѣ изъ Яффы въ Іерусалимъ. Не успѣли мы подойти къ монастырю, какъ нѣсколько монаховъ вышли намъ навстрѣчу и одинъ изъ нихъ, услыхавъ нашъ говоръ, привѣтствовалъ насъ на родномъ намъ языкѣ. Чрезъ узенькую калитку вошли мы въ крохотный дворикъ и по деревянной, приставленной къ стѣнѣ лѣстницѣ полѣзли на плоскую крышу, съ боку которой возвышается небольшая пристройка. Крыша (оказалось потомъ, что покрываетъ церковь) завалена обломками колоннъ, капителей и т. п. бренныхъ остатковъ бывшаго когда-то здѣсь величественнаго храма, не имѣвшаго, конечно, ничего сходнаго съ теперешнею въ полномъ смыслѣ слова убогою церковью. Не знаю, впрочемъ, почему мнѣ казалось, что именно такими были палестинскіе храмы въ первые вѣка христіанства. Въ пристройкѣ оказались комнаты для поклонниковъ, маленькія, но свѣтленькія, съ матрацами вмѣсто кроватей и желѣзными рѣшетками вмѣсто стеколъ въ окнахъ. Радушный игуменъ, худой монахъ въ истрепанной рясѣ, своимъ необыкновенно сердечнымъ

къ намъ вниманіемъ заставилъ насъ скоро примириться съ весьма замѣтными пробѣлами въ обстановкѣ комнатъ.

Но неописуемое удовольствіе доставило намъ обливаніе свѣжею Іорданскою водою, которое устроилъ намъ землякъ-монахъ въ одной изъ нижнихъ келій монастыря. Покуда мы обливались, на верху приготовили самоваръ, проводники принесли провизію, и мы весело стали трапезовать, на время позабывъ даже, что мы на берегу Іордана, а не въ милой Россіи. Усталость, однако, вступила въ свои права; мы разбрелись по каморкамъ, не безъ удовольствія растянулись на жесткихъ ложахъ и спали такъ крѣпко, что даже не



Мертвое море и устье Іордана.

слыхали воя шакаловъ, бродящихъ тутъ каждую ночь. Отдыхъ нашъ былъ коротокъ: въ 3 часа насъ разбудили; мы пошли къ обѣднѣ, напились затѣмъ чаю и отправились въ обратный путь. Было еще темно, безсчетное количество яркихъ звѣздочекъ смотрѣло на насъ съ темной выси; въ воздухѣ чувствовалась непривычная намъ теплота и нѣга. Незамѣтно доѣхали мы до Іерихона и восхода солнца не видѣли, такъ какъ съ разсвѣтомъ все небо заволокло тучами. День обѣщалъ быть нежаркимъ; но не успѣли мы доѣхать до подножія горъ, какъ солнце вдругъ выглянуло и немилосердно стало припекать насъ. Эта жара насъ удивила: еще съ вечера бывшій у Т. барометръ началъ страшно падать и, не смотря на яркое сонце, все шелъ къ низу. Посердились мы на барометръ,

но, какъ оказалось, совершенно напрасно. Только-что отъѣхали отъ Самаритянской гостинницы, какъ небо сново заволокло тучами, поднялся рѣзкій вѣтеръ, быстро перешедшій въ бурю. Температура мгновенно понизилась, пошелъ дождь, и мы, не знавшіе предъ тѣмъ, какъ спастись отъ жары, не могли укрыться отъ насквозь пронизывающаго вѣтра. Усталые ослики не соглашались прибавить шагу, и мы, промокшіе, чуть не окоченѣлые отъ холода, насилу добрались до Геѳсиманскихъ воротъ. Тутъ мы слѣзли и почти бѣгомъ отправились домой чрезъ весь городъ, но и это не спасло насъ отъ сильнѣйшей простуды.

IX.

Русскіе пріюты и поклонники въ Іерусалимѣ.

Побывавъ въ Іерусалимѣ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на русскихъ паломниковъ, стекающихся туда въ огромномъ количествѣ. Паломничество въ Іерусалимъ началось еще въ ветхозавѣтныя времена, но не было особенно значительнымъ; со времени же христіанства замѣтно усилилось и продолжало усиливаться по мѣрѣ увеличенія безопасности пути.

Съ XI вѣка стали странствовать на поклоненіе св. Гробу и русскіе, а въ XII вѣкѣ появилось характерное описаніе святынь палестинскихъ, принадлежащее перу игумена Даніила. Въ 1882 году, на Пасху число русскихъ богомольцевъ достигло 3,000. Въ продолженіе нашего долгаго пути, мы неразъ имѣли случай наблюдать ихъ. Обратили мы на нихъ вниманіе впервые, находясь въ морѣ и осматривая нашъ пароходъ. Идя мимо широкаго отверстія на палубѣ, мы были поражены ужаснымъ зловоніемъ, выходившимъ изъ него и заглянули туда. Оказалось, что это огромный ящикъ безъ оконъ и дверей, кромѣ отверстія, въ которое мы смотрѣли — пустая часть трюма, отведенная по случаю дурной погоды нѣсколькимъ десяткамъ нашихъ богомольцевъ; тутъ они проводили большую часть времени, въ перемежку — мужчины и женщины, старые и молодые, больные и здоровые, тутъ они ѣли, и этотъ то запахъ пищи вмѣстѣ съ спертымъ воздухомъ такъ насъ и поразилъ. Въ Дарданеллахъ мы были свидѣтелями, какъ 500 человѣкъ турецкихъ солдатъ отказались ѣхать на нашемъ пароходѣ, узнавъ, что на немъ ѣдутъ русскіе пилигримы. «Они слишкомъ грязны», напрямки объявили турки. И дѣйствительно, нечистоплотность ихъ легендарна. У большинства, кромѣ крошечной котомки, ничего съ собой нѣтъ, такъ что о перемѣнѣ платья и бѣлья они и не думаютъ, а путь очень дальній. Они везутъ съ собой только деньги, ко-

торыя собираютъ передъ отъѣздомъ въ довольно значительномъ количествѣ для дороги, а въ особенности для покупки разныхъ крестиковъ и образковъ, которые потомъ большинство паломниковъ продаетъ съ большимъ барышемъ въ Россіи. Это и есть главная причина наплыва богомольцевъ въ Іерусалимъ, какъ увѣряли насъ знатоки русскаго паломничества. Кромѣ того, другую часть паломниковъ составляютъ наши убогія странницы, праздныя женщины, безпрестанно путешествующія изъ одного монастыря въ другой и затѣмъ рѣшившіяся побывать въ Іерусалимѣ, зная, что русскій народъ чрезвычайно почитаетъ всѣхъ, посѣтившихъ св. Гробъ, и что всякій крестьянинъ принимаетъ ихъ съ распростертыми объятіями. Наконецъ, меньшинство составляютъ люди, отправляющіеся дѣйствительно съ религіозною цѣлью. Съ первыхъ шаговъ своихъ поклонники дѣлаются предметомъ самой беззастѣнчивой эксплоатаціи. Первымъ по времени эксплоататоромъ является Общество Пароходства и Торговли, смотрящее на поклонниковъ, какъ на товаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляющее имъ гораздо меньше удобствъ, чѣмъ дѣйствительному товару. Каждый ящикъ, каждый мѣшокъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, съ котораго его безъ уважительной причины не безпокоятъ. Не такъ поступаютъ съ поклонниками— ими затыкаются всѣ щели между ящиками товара. Часто многимъ изъ нихъ буквально негдѣ преклонить голову, между тѣмъ возить поклонниковъ, вѣроятно, не безвыгодно, такъ какъ у англичанъ существуютъ агенты, для сманиванія поклонниковъ на англійскіе пароходы. Одинъ изъ подобныхъ агентовъ былъ нашимъ компаніономъ до Іерусалима. Въ Константинополѣ представителемъ эксплоататорства является подворье Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря. Находится оно въ двухъ шагахъ отъ пристани Общества Пароходства и Торговли и занимаетъ огромный прекрасно построенный домъ. Помѣщеніе хорошее, и поклонникъ здѣсь persona grata: монахи твердо знаютъ, что его кошель еще не початъ. Всѣ предлагаемыя святыни разсчитаны на идущихъ въ дальній путь. Ничего громоздскаго не предлагается. Преобладаютъ цѣлебныя средства—масла въ крошечныхъ пузырькахъ, вата, образки на матеріи и т. п.; грамотнымъ продаютъ тоненькія книжки и т. п. Торговля идетъ шибко, но поклонники-спекулянты, бывавшіе въ Іерусалимѣ, почти ничего не покупаютъ, зная, что святыни Палестины гораздо болѣе, нежели Аѳонскія, цѣнятся въ Россіи. Отъ Константинополя до Яффы отъ поклонниковъ наживаются только пароходный кафежи да слиугніоты при продажѣ немудрыхъ запасовъ. Строго систематическая эксплоатація поклонниковъ начинается съ Яффы. Передъ приходомъ каждаго парохода на Яффскую набережную являются представители русскаго подворья и греческіе монахи караулить поклонниковъ. Русскіе монахи, благодаря родному языку, берутъ верхъ, но и греческіе монахи тоже получиваютъ

пару другую русскихъ фразъ и съ ихъ помощью отвоевываютъ на свою долю нѣсколько десятковъ «батюшекъ и матушекъ». Съ этой минуты все въ Яффѣ для поклонниковъ пріобрѣтаетъ мѣновую цѣнность. Каждый камень, подобранный монахомъ на улицѣ, каждый кусочекъ воску, соскобленный съ пола церкви и часовни, засохшій цвѣтокъ, найденный случайно въ молитвенникѣ, превращается въ рукахъ ловкаго грека — въ камень отъ дома, гдѣ апостолъ Петръ совершилъ чудо надъ Тавифой, воскъ въ воскъ отъ свѣчи, горѣвшей въ это время въ домѣ, а цвѣтокъ въ крину сельную, сорванную самимъ апостоломъ. Каждый поклонникъ, выразившій въ своемъ непроходимомъ невѣжествѣ какое нибудь дикое желаніе, немедленно видитъ его исполненіе; греческіе монахи ничѣмъ не затрудняются. Но въ Яффѣ поле ихъ дѣятельности узко; для христіанина Яффа значитъ сравнительно мало. За то въ Іерусалимѣ имъ полный просторъ, и пользуются они имъ дѣйствительно широко. Перья изъ крыла Архангела Благовѣстителя, кусочки отъ лѣстницы, видѣнной Іаковомъ во снѣ, волосы Богоматери, стружки отъ Гроба Господня и т. п. охотно покупаются поклонниками и еще охотнѣе продаются греками. Каждый шагъ поклонника-новичка оплачивается имъ, и при каждой уплатѣ его основательно обсчитываютъ наши старшіе братья по вѣрѣ. Но что же дѣлаютъ учрежденныя съ огромными пожертвованіями — Іерусалимская русская духовная миссія и палестинская коммиссія съ своимъ представителемъ консуломъ во главѣ? Русскія сооруженія въ Іерусалимѣ для улучшенія быта русскихъ поклонниковъ занимаютъ обширную Мендамскую площадь (въ 16,000 кв. саж.) въ 10 минутахъ ходьбы отъ Яффскихъ воротъ. Сооруженія эти состоятъ изъ большаго и прекраснаго собора во имя святыя Животворящія Троицы, большаго двухъ-этажнаго дома, занимаемаго духовной миссіей, въ одной половинѣ нижняго этажа котораго находятся такъ называемые дворянскіе номера, гдѣ останавливаются поклонники «почище». Кромѣ двухъ пріютовъ на 800 человѣкъ, госпиталь, дома консула и драгомановъ — вмѣстѣ съ необходимымъ къ нимъ службами, дома для сторожей и привратниковъ, сараевъ, конюшенъ и т. п. Всѣ постройки обнесены каменной оградой. Съ наружной стороны русскіе пріюты кажутся чрезвычайно солидными и много стоящими и дѣйствительно на нихъ истрачено что-то около 1.200,000 р. Возведеніемъ этихъ пріютовъ, а равно и учрежденіемъ въ 1859 году Іерусалимскаго консульства, хотѣли устранить главный недостатокъ русскаго поклонничества: «недостатокъ покровительства въ св. мѣстахъ отечественной духовной и гражданской власти», — какъ тогда писали. Посмотримъ теперь, на сколько, почти черезъ четыре вѣка, послѣ приведенія предположенія въ исполненіе, оно оказывается дѣйствительно удовлетворяющимъ той цѣли, съ которой было предпринято. Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,

нужно вспомнить, что іерусалимскій пріютъ и консульство спеціально были учреждены: 1) для того, чтобы доставить поклонникамъ удобное помѣщеніе, чѣмъ и избавить ихъ отъ матеріальныхъ лишеній, и 2) доставить поклонникамъ возможность удовлетворить своему благочестивому любопытству при обозрѣніи св. мѣстъ, избавить ихъ отъ эксплоатаціи греческихъ монаховъ и дать имъ добрыхъ вожей, объ отсутствіи которыхъ такъ скорбѣлъ еще игуменъ

Свѣчная лавочка близь Храма Господня.

Даніилъ. Что касается до удобства помѣщенія поклонниковъ теперь, то въ 1882 году въ пріютахъ на 800 человѣкъ помѣщали 3,000 слишкомъ, иначе сказать, на каждую койку являлось 4 претендента. Взявъ во вниманіе легендарную нечистоплотность нашихъ богомольцевъ, не трудно понять, каковы были удобства, предоставленныя поклонникамъ, и надо благодарить Бога, что въ это время не случилось эпидемій, благопріятныя условія для развитія

которыхъ были на лицо. Что касается дворянскихъ комнатъ, то они высоки и свѣтлы, но содержатся болѣе чѣмъ небрежно. Ни одно окно (кромѣ одного нумера, предназначеннаго для членовъ палестинской коммиссіи) не запирается, какъ слѣдуетъ, жалюзи поломаны, постели отвратительны и густо населены и т. п. Относительно добрыхъ вожей — дѣло стоитъ не лучше. Обязанности ихъ должны исполнять члены духовной миссіи; но она состоитъ всего изъ трехъ монаховъ, считая въ томъ числѣ и настоятеля. На обязанности этихъ лицъ лежитъ завѣдованіе пріютами миссіи въ Іерусалимѣ, на Елеонѣ, въ Горнемъ и Іерихонѣ, службы въ соборѣ, пріютской церкви, веденіе хозяйства и т. п., такъ что, при всемъ желаніи, они не могутъ и думать о какомъ бы то ни было духовномъ руководительствѣ. Такимъ образомъ, цѣль, съ которой учреждены пріюты, миссія и консульство, не достигается. Одной изъ причинъ этой неудачи нельзя не признать—совмѣстное нахожденіе въ Іерусалимѣ двухъ русскихъ представительствъ, свѣтскаго и духовнаго, причемъ матеріальное довольствіе поклонниковъ выдаетъ палестинская коммиссія, правильнѣе сказать, ея уполномоченный консулъ, а духовныя нужды—миссія. Не нужно быть особенно наблюдательнымъ, чтобы на другой же день по пріѣздѣ въ Іерусалимъ не замѣтить, что представители миссіи и коммиссіи — два полюса, два противника, борющіеся за право владѣть поклонниками. Каждый упорно отстаиваетъ свое первенство, и насъ увѣряли, что консулъ будто бы приказываетъ объяснять поклонникамъ, что онъ ихъ прямой начальникъ, а архимандритъ держится единственно для служенія въ церкви. Съ своей стороны, отецъ архимандритъ требуетъ, чтобы поклонникамъ внушали, что онъ глава ихъ, а консулъ состоитъ при немъ «токмо для прописки паспортовъ». Мы лично съ первыхъ же шаговъ въ Іерусалимѣ испытали на себѣ весь вредъ вышеуказаннаго дуализма. Пріѣхавъ въ Святой Городъ, мы нашли всѣ гостинницы занятыми, а въ дворянскихъ нумерахъ одну комнату, оставленную для нашего компаніона, адмирала С. съ женой. Не зная, что дѣлать, мы розспрашиваемъ одного, другаго и, къ изумленію нашему, узнаемъ, что на верху, у отца архимандрита, есть свободныя комнаты, куда, однако, женщинъ не пускаютъ, а потому нужно попросить, чтобы одинъ изъ холостыхъ, занимающій дворянскій нумеръ, былъ переведенъ на верхъ, гдѣ ему будетъ лучше и на что онъ охотно согласенъ. Каково же наше удивленіе, когда намъ отвѣтили, что «не удобно де консулу просить отца архимандрита о чемъ бы то ни было». Но это все мелочи. Есть вещи посерьезнѣе, въ которыхъ высказывается вражда двухъ представителей, обязанныхъ блюсти одни и тѣ же интересы. Приведемъ примѣръ. Въ Іерусалимѣ поклонники страдаютъ отъ тѣсноты, между тѣмъ, на горѣ Елеонѣ строятъ роскошный пріютъ, гдѣ поклонникамъ приходится ночевать разъ,

много два въ годъ. Не полезнѣе ли бы было вмѣсто этой ненужной роскоши надстроить по этажу въ іерусалимскихъ пріютахъ (чего не дѣлаютъ по недостатку средствъ) и дать хотя какое нибудь удобство поклонникамъ. Но дѣло въ томъ, что Елеонскій пріютъ строитъ миссія, которая не дастъ денегъ коммиссіи. Деньги же поклонниковъ, понятно, идутъ къ монахамъ, а не консулу, который для нихъ не что иное, какъ генералъ. Болѣе подробная разработка довольно важнаго вопроса о русскомъ паломничествѣ не входитъ въ рамки нашихъ бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ. Отмѣтимъ только одинъ фактъ, характеризующій наше вліяніе на Востокѣ: духовная миссія строитъ двѣ церкви въ Горнемъ и на Елеонѣ — турки остановили постройку, какъ начатую безъ разрѣшенія. Три года ждетъ наша миссія разрѣшительнаго фирмана, для полученія котораго католикамъ нужно три мѣсяца.

X.

Отъѣздъ. — Яффа. — Пароходъ «Еврего».

Но вотъ наступаетъ день отъѣзда. Страшный вѣтеръ, два дня подрядъ дувшій въ Іерусалимѣ, заставляетъ бояться за возможность попасть въ Яффу на пароходъ. Болѣзнь моя не позволяетъ и думать болѣе оставаться въ негостепріимной Палестинѣ, и мы посылаемъ нанять экипажъ до Яффы, а пока ѣдемъ приложиться въ послѣдній разъ къ Гробу Господню, купить фотографій Іерусалима и карточекъ съ наклеенными на нихъ сушеными цвѣтами Палестины. Сдѣлавъ закупки, мы зашли проститься съ патріархомъ и нашей соотечественницей, А. Д. Богдановой, уже поселившейся въ Іерусалимѣ и пріобрѣтшей тамъ всеобщее уваженіе своей необыкновенной добротой, умомъ, религіозностью, безъ ханжества, и чисто славянскимъ гостепріимствомъ. Угостивъ насъ порядкомъ, А. Д. благословила насъ на дорогу нѣсколькими священными предметами, которыхъ не купишь ни за какія деньги. Она дала намъ кусочекъ отъ камня Гроба Господня, доставшійся ей отъ патріарха въ то время, когда греки, обшивая Гробъ Господень мраморомъ, нѣсколько его удлинили. Въ свое время это святотатство сильно волновало христіанскій міръ. Кромѣ того, мы получили по кусочку камня отъ Голгоѳы, вертепа Богоматери и по букетику иммортелей съ Аѳона, добываемыхъ тамъ съ величайшимъ трудомъ и опасностью, погубившей не одну человѣческую жизнь. Грустно простились мы съ А. Д. и пошли къ блаженному Іерофею, который принялъ насъ положительно, какъ родныхъ. Появились опять варенья, кофе и ликеръ; іорданскій архіерей (долго жившій въ Россіи у Норова) принялъ на себя обязанность переводчика, и взаим-

ныя пожеланія полились неудержимо. Какъ водится, намъ дали книгу, чтобы записать на вѣчное поминовеніе дорогихъ намъ покойниковъ; затѣмъ получили мы букетъ, визитную и фотографическую карточки патріарха и, выражая надежду вновь встрѣтиться, откланялись.

Отъ патріарха мы вернулись домой. Наконецъ, прощанія окончились, вещи уложены, болѣе чѣмъ скромный обѣдъ съѣденъ, нѣмецкій эшафотообразный калиберъ поданъ къ крыльцу, и мы пускаемся по пыльной дорогѣ къ древней Іоти. Тяжелое чувство овладѣло мной при отъѣздѣ изъ Іерусалима. Не то совсѣмъ ожидала я, ѣхавши туда. Рознь и споры между тѣми, которые, въ силу принятыхъ на себя обѣтовъ, обязаны жить въ мирѣ со всѣми, неурядицы, мелкое торгашество, погоня за наживой, льстивое угодничество предъ власть имущими и обманы всегда, вездѣ и во всемъ—вотъ что невольно вспоминалось при отъѣздѣ изъ Іерусалима...

Не разъ обернулись мы взглянуть на гору Елеонскую, которая,—одна изъ окружающихъ Святой Городъ высотъ,—видна съ Яффской дороги. Между тѣмъ, калиберъ нашъ быстро спускался съ горъ. Съ правой стороны показалась Горняя. Въ Латронѣ ночевали, т. е. провели три часа безъ сна, въ душной комнатѣ Howard'овой гостинницы. Боязнь, что, по случаю сильнаго волненія, пароходъ не остановится въ Яффѣ, или не будетъ имѣть сообщенія съ берегомъ—не давала намъ покою. Слѣдующій пароходъ приходилъ въ Яффу только чрезъ недѣлю, и перспектива—провести тамъ столько времени, при томъ больной, безъ медицинской помощи—была болѣе чѣмъ непріятна. Кромѣ того, мы и такъ запоздали въ Каиръ, вторую цѣль нашей поѣздки, климатъ котораго долженъ былъ возстановить мое здоровье. Страшная тряска экипажа, опасность свалиться въ канаву (удовольствіе, уже испытанное нами въ Палестинѣ) и сильная физическая усталость не улучшали настроенія духа. Яффу мы ждали, какъ землю обѣтованную, но, приближаясь къ городу, услыхали такой ревъ моря, что стало еще горче. Дорогой была хоть надежда, что волненія не будетъ, но тутъ надежда исчезла, и фактъ, котораго мы такъ опасались, стоялъ предъ нами во-очію, во всей своей непривлекательности. Первое наше слово къ человѣку, отворившему намъ дверь гостинницы, было: «придетъ пароходъ?» На это послѣдовалъ, правда единственно возможный, но тѣмъ не менѣе не утѣшительный отвѣтъ: «неизвѣстно, какая будетъ погода». Пробуемъ спать—не до сна: проклятое море нещадно реветъ, точно издѣваясь надъ нами; мысли одна другой чернѣе проносятся въ головѣ. Необыкновенно привлекательными красками рисуетъ воображеніе милую, далекую родину. Кажется, что до нея никогда не доберешься. Лежать не въ моготу; встаю, одѣваюсь и выхожу на балконъ, захвативъ огром-

ную зрительную трубу. Море рычитъ подъ ногами; страшные, грязно-зеленые валы налетаютъ на лежащую передъ пристанью гряду скалъ, пѣнятся, разбиваются въ милліоны брызгъ, поднимаются цѣлыми столбами водяной пыли; одни отскакиваютъ назадъ и сливаются въ клокочущую массу, другіе перескакиваютъ черезъ скалы и въ перегонку устремляются на песчаный берегъ. Небо сѣро, какъ море; обрывки тучъ, какъ помѣшанные, мчатся Богъ вѣсть откуда и куда. Пронзительный вѣтеръ жалобно вторитъ своимъ унылымъ завываніемъ грохоту моря. Но вотъ вдали показались двѣ мачты. Въ трубу вижу австрійскій флагъ. Надежда еще не совсѣмъ потеряна. Мужъ немедленно отправляется въ агентство «Русскаго Общества Пароходства и Торговли» просить Мар... послать за билетами и нанять арабовъ довезти насъ до парохода. Но милѣйшій Мар... на отрѣзъ отказался исполнить просьбу, объявивъ, что ѣхать на пароходъ въ такую погоду безумно и онъ грѣха на душу брать не желаетъ.

Взявъ каваса, мужъ самъ нанялъ лодку за 50 франк. (обыкновенная цѣна 20 коп. съ человѣка), купилъ билеты, и чрезъ 10 минутъ мы съ своими пожитками были уже на пристани, гдѣ насъ ожидалъ баркасъ съ 12-ю гребцами. Еще минута и мы отдались бушующему чудищу. Мы уже имѣли понятіе о большомъ морѣ, ѣхавъ въ Іерусалимъ, но теперь оно было еще страшнѣе. Какимъ ничтожествомъ казался намъ, сравнительно, большой баркасъ передъ громадою чудовищныхъ валовъ. Что-то съ нами будетъ? Арабы выплывутъ изъ всякой пучины, а мы? Какъ самую ничтожную щепку выбрасывали насъ волны на свои пѣнящіяся вершины; на секунду передъ нашими глазами являлся и качающійся пароходъ и амфитеатръ домовъ Яффы, но тотчасъ же все снова исчезало, и мы летѣли въ зеленую бездну. Много разъ, мы то взлетали, то опускались и начали было привыкать къ этому положенію переметной сумы, какъ вдругъ между гребцами произошло какое-то движеніе, и мы съ ужасомъ увидѣли спускавшійся на насъ съ гребня волны баркасъ; ни ему, ни намъ повернуть не представлялось возможности (иначе насъ неизбѣжно залило бы водой), и мы съ тревогой ждали неминуемаго столкновенія. А лодка все ближе и ближе и кажется куда больше нашей. Я не могу оторвать отъ нея глазъ. Лица ея арабовъ и теперь, какъ живые, стоятъ передо мной, такъ сильно они врѣзались въ памяти. Но вотъ лодка около насъ, наши арабы издаютъ нечеловѣческій крикъ, отскакиваютъ на одну сторону, слышится ударъ дерева о дерево, и мы полюбовно расходимся, послѣ далеко нежелательной встрѣчи. А до парохода еще далеко. Кажется, что мы къ нему и не приближаемся. «А ну, какъ онъ уйдетъ, не дождавшись»? является тревожная мысль. Въ такую погоду это возможно, особенно для парохода австрійскаго «Ллойда». Не можетъ быть, почему-то громко

успокоиваю я себя. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и мы стали подходить къ пароходу. Тутъ ожидало насъ самое тяжелое испытаніе. Только что намъ казалось, что въ два, три удара веселъ мы у трапа, какъ баркасъ нашъ, точно мячикъ, отбрасывало волною въ море. Дружно налегли арабы на весла, гребутъ изо всѣхъ силъ и чуть не отъ самаго столь желаннаго трапа сердитое море далеко, далеко отбрасываетъ насъ. Видимо начали ослабѣвать бравые гребцы; потъ градомъ катился съ ихъ мужественныхъ, загорѣлыхъ лицъ, и они какой-то заунывной пѣсней стали бодрить свои падающія силы. Съ парохода мы не могли ожидать помощи: его самого трепало неистово и того гляди могло сорвать съ якоря... Становилось жутко. Но вотъ арабы собрали послѣднія силы, съ громкимъ крикомъ ударяя длинными веслами, проходитъ томительная минута — и нашъ баркасъ, какъ пришпиленный, останавливается у трапа, удерживаемый мускулистыми руками нашихъ спасителей. Одинъ изъ нихъ съ ловкостью кошки, подхвативъ меня на руки, втаскиваетъ на палубу; другой влечетъ мужа, остальные тащатъ вещи, оглашая воздухъ криками «бакшишъ! бакшишъ!» Кое-какъ добравшись до каюты, я легла на койку и положительно не помню, какъ мы докачались до Портъ-Саида.

А. Селиванова.

ПУГАЧЕВЪ НА КАМѢ.

Настоящій очеркъ нашъ составленъ на основаніи устныхъ народныхъ разсказовъ, которые намъ самимъ удалось собрать на мѣстѣ, въ Прикамскомъ краѣ, и отчасти по печатнымъ даннымъ. Послѣдній источникъ представляетъ кучу отрывочныхъ статей и замѣтокъ помѣщенныхъ, главнымъ образомъ, въ вятскихъ и пермскихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за разные годы. Всѣ эти статьи написаны, очевидно, безъ малѣйшей претензіи на серьезность, и преобладающій характеръ ихъ — анекдотическій; но въ нихъ, всетаки, есть много интересныхъ фактовъ, прекрасно характеризующихъ ту мрачную эпоху, которая получила у насъ названіе «Пугачевщины». Разсѣянныя по мѣстнымъ изданіямъ, изъ которыхъ многія составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, онѣ недоступны большинству читающей публики. Въ виду этого, для полноты своей работы, мы заимствовали изъ мѣстныхъ печатныхъ источниковъ факты наиболѣе интересные и характеристичные, въ надеждѣ, что это будетъ далеко нелишнимъ при настоящей скудости историческихъ матеріаловъ по народнымъ движеніямъ. Мѣстными архивами, которые, безъ сомнѣнія, содержатъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ относительно разсматриваемой нами эпохи, мы не пользовались совсѣмъ, потому что они были для насъ положительно недоступны. Да и не для насъ однихъ — они, кажется, ни для кого недоступны. Лежатъ тамъ и гніютъ дорогіе, важные документы, которые, нѣтъ сомнѣнія, были бы въ состояніи освѣтить многое въ темномъ прошломъ здѣшняго края, и штудируютъ ихъ только мыши, да крысы, да старые архиваріусы... Печать строгой административной тайны лежитъ на нихъ, и до

сихъ поръ еще никому изъ обыкновенныхъ смертныхъ не удалось снять ее. На сколько намъ извѣстно, только одному А. А. Андріевскому посчастливилось въ этомъ отношеніи нѣсколько болѣе другихъ. Ему какимъ-то чудомъ удалось извлечь изъ заплесневѣлыхъ тайниковъ вятскаго архива драгоцѣнныя свѣдѣнія о «картофельномъ бунтѣ въ Вятской губерніи, въ 1842 году», которыя и были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» два года тому назадъ («Ист. Вѣстн.», 1881 г., іюль). Другіе изслѣдователи пытались также не разъ проникнуть въ мѣстные архивы, но имъ всегда давали самый рѣзкій отпоръ, не смотря на благороднѣйшія побужденія, руководившія ими... Вообще, въ нашихъ краяхъ свѣту не любятъ и относятся враждебно не только къ «злоязлательнымъ» корреспондентамъ, обличающимъ современные порядки, но и къ людямъ «чистой науки». И тѣ, и другіе кажутся мѣстнымъ властителямъ одинаково подозрительными и опасными. Извѣстно, что случилось недавно съ г. Хазовымъ, который пріѣхалъ было въ Вятскую губернію для изслѣдованія народныхъ юридическихъ обычаевъ («Юридич. Вѣстникъ», 1883 г., № 1). Здѣшнія власти шутить не любятъ...

Разсыпная, Илецкая, Нижне-Озерная, Чернорѣченская и другія крѣпости, расположенныя по Яицкой линіи, одна за другою сдавались и переходили къ Пугачеву. Самозванецъ подвигался къ сѣверу. Войска его съ каждымъ часомъ умножались. Военныя и гражданскія власти Поволжья совсѣмъ потеряли голову; на нихъ, по справедливому замѣчанію г. Мордовцева, напалъ «какой-то непонятный столбнякъ»; они растерялись, опустили руки и не знали, что̀ предпринять противъ общаго народнаго волненія, грозившаго затопить и ихъ самихъ, и весь государственный строй тогдашней Россіи... Только когда Бибиковъ прибылъ въ Казань и появился на сценѣ полковникъ Михельсонъ, администрація мѣстная нѣсколько ободрилась, правительственныя войска оправились и нанесли сряду нѣсколько пораженій самозванцу. Но первоначально пораженія эти ни мало не обезсиливали Пугачева, потому что едва успѣвали разбить его войска, какъ они уже снова пополнялись новыми и свѣжими толпами прибывающей вольницы. При Троицкой, 21-го мая, Декалонгъ, какъ извѣстно, на голову разбилъ самозванца; думали даже, что между убитыми найдутъ трупъ самого Пугачева. Но на другой же день Михельсонъ встрѣтилъ Пугачева на пути въ Чербакульскую крѣпость и принялъ передовые отряды его за авангардъ генералъ-поручика Декалонга: такъ хорошо они были организованы и построены... Первое время самыя пораженія приносили Пугачеву скорѣе пользу, чѣмъ вредъ, такъ какъ правительственныя, «царицыны войска» жестоко расправлялись съ побѣжденными бунтовщиками и тѣмъ вооружали мѣстныхъ жителей противъ себя.

Напомнимъ здѣсь читателю первую «побѣду» правительственныхъ войскъ надъ «злоумышленными мятежниками», о которой разсказываетъ Мордовцевъ въ своей монографіи. Изъ Казани, по сибирской дорогѣ, былъ высланъ «региментъ черныхъ гусаръ», чтобы усмирить взбунтовавшихся башкиръ и татаръ. Случилось, что гусары заѣхали въ одно большое татарское селеніе. Жители, какъ на грѣхъ, всѣ были на улицѣ, можетъ быть, они и вышли изъ домовъ только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на «царское войско». Но гусарамъ показалось это подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что татары о чемъ-то перешептывались и переглядывались между собою. Не долго думая, гусары бросились на нихъ и многихъ изрубили въ куски, хотя, какъ послѣ оказалось, никто изъ бунтовщиковъ не былъ вооруженъ. Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ это приняли за настоящую побѣду, и о ней было торжественно возвѣщено въ газетахъ.

Конечно, такія побѣды правительственныхъ войскъ только еще болѣе раздражали и безъ того недовольныхъ крестьянъ и усиливали Пугачева. Самозванецъ не допускалъ жестокостей по отношенію къ крестьянамъ; напротивъ, онъ обходился съ ними ласково, любовно, стараясь привлечь черный людъ на свою сторону. Онъ былъ жестокъ только съ «барами» да съ «попами». Крестьяне открыто принимали сторону самозванца и толпами приходили къ нему въ войско. Неутомимый Михельсонъ цѣлыхъ два мѣсяца гонялся за Пугачевымъ, наносилъ ему пораженіе за пораженіемъ; наконецъ, у него не стало ни хлѣбныхъ запасовъ, ни зарядовъ; люди притомились, стали роптать и просить отдыха, а Пугачевъ, между тѣмъ, день ото дня усиливался, народу у него въ войскѣ все прибывало. Михельсонъ, въ концѣ-концовъ, принужденъ былъ уйдти въ Уфу, чтобы дать отдыхъ солдатамъ и запастись тамъ всѣмъ нужнымъ. Впрочемъ, была тутъ, вѣроятно, и другая цѣль: въ войскѣ получили увѣдомленіе отъ «языковъ», что Пугачевъ намѣренъ ударить на Уфу, а это было очень нежелательно, потому что отсюда была прямая дорога на Казань. Увидя, что Уфа уже занята, Пугачевъ метнулся на сѣверъ къ Пермской провинціи.

Пермь и Вятка дрогнули, власти засуетились. Мѣстный губернаторъ, Николай Логиновичъ Щербачевъ[1]), поспѣшилъ принять строгія мѣры къ пресѣченію распространенія мятежа, возбуждаемаго шайками Пугачева въ южной части провинціи. Посланъ былъ крестьянамъ строгій приказъ отъ губернатора, чтобы «ото всѣхъ собравшихся злодѣевъ съ Емелькой-воромъ имѣть надлежащую

---

[1]) «Памятная книжка Вятской губ. 1873 г.».—При этомъ же губернаторѣ Щербачевѣ была, какъ значится въ «Памятной книжкѣ», какая-то непонятная «осада народной школы»; къ сожалѣнію, здѣсь не сказано только, кѣмъ именно, гдѣ и по какому случаю производилась эта интересная «осада».

осторожность, и коли, паче чаянія, они будутъ дѣлать какія воровскія и измѣнническія размышленія, со обнадеживаніемъ какихъ либо льготъ, то отнюдь тому не вѣрить, и никаковыхъ ихъ разсказовъ не слушать, и, ничѣмъ не прельщаясь, не приходить въ малѣйшее замѣшательство отъ настоящаго порядка, подъ опасеніемъ съ виновными строжайшаго по указамъ и тяжкаго сужденія». По всѣмъ селеніямъ велѣно было старостамъ и сотскимъ поставить караулы, чтобы стерегли и днемъ, и ночью неустанно, и чуть кого завидятъ подозрительнаго ловили бы его и властямъ законнымъ представляли; а въ случаѣ появленія цѣлой толпы — сбирали бы всѣхъ жителей селенія и били ихъ. Но крестьяне плохо слушались губернаторскаго приказа, и чуть только гдѣ показывались войска Пугачева, тотчасъ же всѣ поголовно присягали ему, въ надеждѣ, что онъ, какъ «исправдышный царь» и податей сбавитъ, и волю имъ дастъ...

Первый городъ въ Пермской провинціи, къ которому подступили шайки Пугачева, былъ Кунгуръ. Здѣсь давно уже готовились къ встрѣчѣ самозванца. Въ Кунгурѣ въ это время былъ секундъ-маіоръ Поповъ съ 200 «казаковъ», набранныхъ изъ крестьянъ и горно-заводскихъ рабочихъ Пермской провинціи. Поповъ былъ человѣкъ энергичный и умный. Онъ умѣлъ установить въ городѣ строгій порядокъ, столь необходимый въ то безпорядочное, анархическое время; умѣлъ воодушевить «казаковъ» своего «деташемента» и гражданъ кунгурскихъ и вдохнуть въ нихъ храбрость и рѣшимость. Въ то время, когда самозванецъ находился въ апогеѣ своей славы и побѣдоносно шелъ съ юга, забирая крѣпость за крѣпостью; когда войска Пугачева съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе росли и увеличивались въ числѣ отъ наплыва новыхъ бѣглецовъ; когда общія симпатіи народныя видимо склонялись на сторону бунтовщиковъ,—въ это время Поповъ съ горстью сѣрыхъ лапотниковъ, «не обыкшихъ въ военныхъ экзерциціяхъ», рѣшается отстоять городъ, весьма плохо укрѣпленный, — отстоять во чтò бы то ни стало, или погибнуть. Какъ хотите, одна уже такая рѣшимость достаточно характеризуетъ человѣка... Первымъ дѣломъ Поповъ обратился къ провинціальной канцеляріи съ просьбою, чтобы она позаботилась объ устройствѣ постоянныхъ «бекетовъ» и сторожевыхъ постовъ вокругъ города; а для уничтоженія въ простомъ народѣ «вредныхъ отечеству крамолъ» и всякихъ «лестныхъ переговоровъ промежъ себя», онъ проситъ канцелярію распорядиться прочесть по церквамъ печатные правительственные манифесты и дать «всѣмъ людямъ» новую присягу на вѣрность престолу и отечеству. Но провинціальная канцелярія, какъ видно, смотрѣла на дѣло далеко не такъ оптимистично и плохо вѣрила въ силу присяги и манифестовъ ея величества. Вся она, въ полномъ своемъ составѣ, разбѣжалась: убѣжали присутствующіе, секретари и всѣ приказные, убѣжалъ

даже самъ городничій... «Оставя всѣ свои порученныя должности и налично имѣющуюся многотысячную казну, а притомъ и содержащихся колодниковъ, не давъ о томъ никому знать, невѣдомо куда изъ города Кунгура, миновавъ учрежденные караулы, объѣздными дорогами выѣхали всѣ» («Рапортъ кунгурскаго магистрата губернатору», марта 14-го 1774 года, «Пермскій Сборн.», т. 2).

Въ городѣ остался одинъ магистратъ, который и явился дѣятельнымъ помощникомъ Попова въ дѣлѣ организаціи городской обороны. Благодаря его содѣйствію, Попову удалось сдѣлать въ «опасныхъ» мѣстахъ лѣсные заплоты, устроить «бекеты» и разставить, гдѣ нужно, батареи. Потомъ собраны были всѣ обыватели, и имъ сдѣлано было внушеніе, что они должны оставаться вѣрными своей присягѣ и «постараться противъ злодѣя до послѣдней капли крови, не щадя живота своего, безъ всякой робости и трусости». Горожане воодушевились; порывъ самопожертвованія овладѣлъ всѣми. Купеческіе сыновья стали у пушекъ за канонировъ; посадскіе частію зачислились въ пѣхоту, частію «были обнаряжены» въ конные гусары... Въ городѣ велѣно было соблюдать величайшую тишину; всякій шумъ и пѣсни были запрещены, питейные дома закрыты, и не только по бекетамъ и вокругъ города, но и вездѣ внутри по улицамъ постоянно ходили «дозоры», которые обязаны были досматривать, «чтобы никто праздно по улицамъ не шатался». Колодниковъ всѣхъ отослали за крѣпкимъ карауломъ въ отдаленный Кувшинскій заводъ.

Между тѣмъ, мятежники подходили все ближе и ближе. Января 4-го, партія башкиръ и татаръ подступила, наконецъ, къ самому Кунгуру. Занявши села Тихоновское и Старопосадское, они послали двухъ пословъ въ городъ къ протопопу Благовѣщенскаго собора, Ивану Пантелеймонову, съ обольстительными письмами. Протопопъ, прочитавши письма, передалъ ихъ воеводѣ. Этотъ послѣдній тотчасъ же распорядился задержать поповъ: Өедора Иванова и Ивана Лукина, которые привезли письма отъ злодѣевъ; ихъ отвезли въ Пермское духовное правленіе, приставили двухъ солдатъ для караула и заперли въ темную «коморку». Впрочемъ, содержали ихъ тутъ недолго; скоро они опять вышли на свободу, потому что пермское духовное правленіе послѣ допроса убѣдилось, что они ни въ чемъ не виноваты и дѣйствовали въ данномъ случаѣ «по принужденію», а не по своей доброй волѣ. Въ этомъ смыслѣ была написана духовнымъ правленіемъ «промеморія» и представлена магистрату. Послѣ этого вскорѣ послѣдовало распоряженіе — освободить «понапрасну забранныхъ поповъ», и они опять выпущены были на свободу.

Немного спустя, мятежники прислали въ городъ еще другаго посла, — на этотъ разъ прямо къ воеводѣ. Это былъ посадскій человѣкъ, Анисимъ Журавлевъ, котораго башкиры «словили» гдѣ-то

на дорогѣ, когда онъ пробирался въ сосѣднюю деревню, Устурку. Мятежники строго-на-строго наказали ему явиться, по пріѣздѣ въ Кунгуръ, къ воеводѣ Миллеру и заявить, что полковникъ его величества, Батыркай Ишкиневъ, требуетъ сдачи города, въ противномъ случаѣ грозитъ его сжечь, а жителей всѣхъ предать злой смерти. Смертельно перепуганный встрѣчей съ разбойниками—башкирами и вообще всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, Журавлевъ прибѣжалъ въ городъ и прямо къ воеводѣ. Разсказалъ ему все, какъ было, и передалъ наказъ Батыркая. Миллеръ принялъ это къ свѣдѣнію, но счелъ за благо посадить Журавлева въ тюрьму, подозрѣвая въ немъ «измѣнническаго языка», принадлежащаго къ пугачевской шайкѣ.

Когда мятежники подступили къ самому городу, къ нимъ навстрѣчу выступилъ подпоручикъ Посоховъ съ «изряднымъ» отрядомъ. Злодѣи заманили его въ засаду и весь отрядъ забрали живьемъ, потомъ всѣхъ перевѣшали. Мятежниковъ подъ городомъ было, по показанію «языковъ», до 600 человѣкъ; въ томъ числѣ около 400 башкирцевъ и 200 русскихъ сибирскихъ казаковъ. Стоя возлѣ самой городской стѣны, мятежники кричали горожанамъ: «На что вы это себя и насъ мучаете? Мы вѣдь зла вамъ не хотимъ; лучше намъ въ мирѣ быть. Только выдайте намъ воеводу и другихъ начальниковъ, а городъ сдайте!» Но горожане отвѣчали имъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Противъ одной изъ шаекъ, особенно назойливо наступавшей на городъ, вышла изъ Кунгура «пристойная» команда, подъ начальствомъ секундъ-маіора Попова; мятежники были разбиты и разсѣяны. 11-го числа они снова сдѣлали попытку овладѣть городомъ, соединились для этого вмѣстѣ и напали на него разомъ съ нѣсколькихъ сторонъ, но благодаря расторопности и умѣлой распорядительности Попова, были отбиты съ урономъ, хотя и «наступали весьма нагло, съ превеликимъ крикомъ». При этомъ у мятежниковъ было захвачено: одно знамя, барабанъ мѣдный, двои латы изъ толстаго листоваго желѣза и 13 лошадей; кромѣ того, было взято нѣсколько плѣнныхъ. Правительственныя войска дѣйствовали въ высшей степени вяло и нерѣшительно, такъ что секундъ-маіоръ Поповъ долженъ былъ постоянно «понукать» ихъ, «стыдить въ несмѣльствѣ и уграживать съ ласкою, напоминая присягу».

Послѣ пораженія, понесеннаго подъ Кунгуромъ, шайка Батыркая примкнула опять къ главной массѣ пугачевскихъ войскъ. Самозванецъ двинулся было отсюда къ Екатеринбургу, но «языки» донесли ему, что городъ этотъ занятъ правительственными войсками. Тогда Пугачевъ перемѣнилъ свой маршрутъ и отправился на западъ, по дорогѣ въ Казань.

Съ этой стороны Казань была открыта. Михельсонъ стоялъ далеко въ Уфѣ, а предъ Пугачевымъ была только одна небольшая,

плохо защищенная крѣпость Оса (на Камѣ). Столицѣ Поволжья угрожала серьезная опасность. Губернаторъ казанскій, фонъ-Брандтъ, не смотря на свою дряхлость и ограниченность, понималъ, что городъ Оса, въ настоящей борьбѣ съ мятежниками, представляетъ весьма важный стратегическій пунктъ, который слѣдуетъ защищать до послѣдней крайности, чтобы не дать самозванцу возможности перебраться здѣсь черезъ Каму. Поэтому онъ отрядилъ сюда для усиленія мѣстнаго гарнизона маіора Скрипицына съ сотней солдатъ и, кромѣ того, далъ ему небольшой отрядъ крестьянъ, набранныхъ въ окрестностяхъ Казани и вооруженныхъ казенными ружьями и пиками, которыя были выданы имъ изъ казанскаго арсенала. Пугачевъ торопился на Каму. Отъ Кунгура онъ пошелъ прямо на Осу, нигдѣ не останавливаясь; мимоходомъ онъ взялъ и выжегъ село Каракулино и нѣсколько деревень и, наконецъ, 18-го іюня подступилъ къ Осѣ.

Маіоръ Скрипицынъ вышелъ было противъ него со своими солдатами и крестьянами, но послѣдніе во время сраженія измѣнили ему и перешли на сторону Пугачева, захвативъ съ собою три пушки, бывшія въ отрядѣ Скрипицына. Солдаты, видя измѣну крестьянъ, сробѣли и побѣжали; за ними слѣдомъ бросилась и вся орда Пугачева. Скрипицынъ заперся съ солдатами въ крѣпости за валомъ и палисадами, а мятежники взяли городъ, разграбили его, а частію сожгли. Трехъ купцовъ — «міроcoсовъ» повѣсили, одного въ колодезь столкнули. Но крѣпости имъ взять сразу не удалось: солдаты держались стойко и отбили приступъ. На другой день мятежники снова сдѣлали попытку овладѣть цитаделью, но опять были отброшены съ урономъ. Тогда полковникъ Бѣлобородовъ посовѣтывалъ Пугачеву просто сжечь палисады и деревянныя укрѣпленія, обложивъ ихъ соломой и сѣномъ. Пугачеву мысль эта понравилась, и онъ приказалъ немедленно привести ее въ исполненіе. Тотчасъ же отыскали сѣна и подкатили подъ палисады цѣлыхъ пятнадцать возовъ. Видя бѣду неминучую, Скрипицынъ выслалъ къ мятежникамъ парламентера, съ бѣлымъ флагомъ, и обѣщалъ добровольно сдать крѣпость, если ему дадутъ день отсрочки. Выговаривая такое условіе, Скрипицынъ, очевидно, разсчитывалъ, не подойдетъ ли къ нему помощь изъ Казани или отъ Декалонга; но Пугачевъ зналъ, что помощи ждать было нѣоткуда: Казань стояла безъ войскъ, Декалонгъ съ Михельсономъ были далеко; поэтому онъ милостиво согласился на отсрочку. Утромъ на другой день маіоръ отворилъ ворота, и Пугачевъ вступилъ туда какъ побѣдитель. Его приняли съ хлѣбомъ-солью, которую поднесъ ему самъ маіоръ, стоя на колѣняхъ. Пугачеву такое раболѣпство, видимо, понравилось.

— Ну, что мнѣ теперь съ тобой дѣлать, маіоръ? спросилъ самозванецъ мягкимъ, покровительственнымъ тономъ.

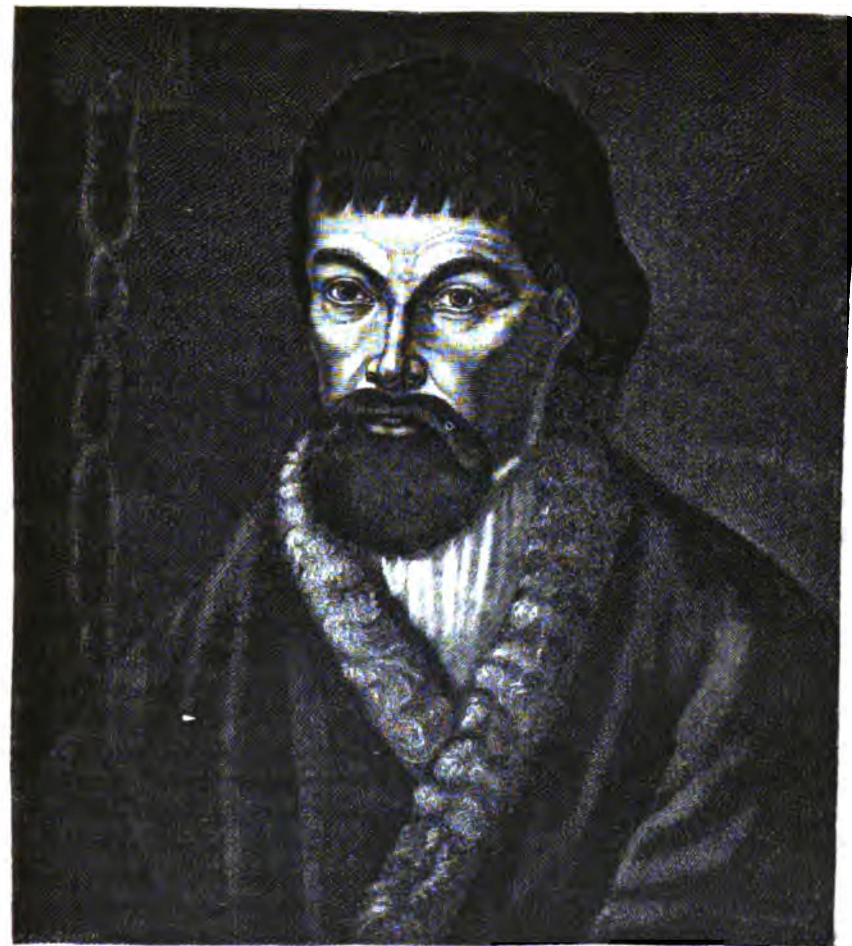
— Помиловать, государь! отвѣчалъ находчивый маіоръ.

Пугачевъ улыбнулся и спросилъ, не желаетъ ли онъ поступить къ нему на службу. Скрипицынъ нѣсколько замялся, но въ концѣ-концовъ, всетаки, долженъ былъ согласиться и присягнуть самозванцу. Вмѣстѣ съ нимъ присягнули и другіе офицеры, бывшіе въ крѣпости: капитанъ Смирновъ и подпоручикъ Минеевъ. Что же касается солдатъ, то ихъ даже не спрашивали, согласны ли они служить Пугачеву, или нѣтъ. Ихъ прямо погнали къ присягѣ, какъ барановъ; затѣмъ сняли съ нихъ мундиры и одѣли показацки. Протестовать никто не осмѣлился.

Примкнувъ къ самозванцу, Скрипицынъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Съ одной стороны, онъ не могъ не видѣть, что Пугачевъ очень мало походитъ на истиннаго царя, и его мучило угрызеніе совѣсти, что онъ нарушилъ долгъ присяги. Кромѣ того, онъ не вѣрилъ въ силу Пугачева; ему было ясно, что самозванецъ долго не продержится, что рано или поздно онъ сложитъ свою голову на плахѣ, и при этомъ, разумѣется, достанется и ему, Скрипицыну, за то, что онъ такъ легкомысленно предался «вору-самозванцу». Эти же соображенія мучили и товарища Скрипицына, капитана Смирнова. Вслѣдствіе этого, улучивъ свободную минуту, они сговорились и написали вмѣстѣ письмо казанскому губернатору, въ которомъ приносили искреннее раскаяніе въ своей измѣнѣ и старались оправдать ее роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ. При этомъ они написали также письмо къ управляющему Воткинскаго завода, убѣждая его не сдаваться и «крѣпко стоять» противъ мятежниковъ. Письма были отправлены съ однимъ крестьяниномъ. Минеевъ какъ-то провѣдалъ объ «измѣнѣ» своихъ товарищей и донесъ обо всемъ Пугачеву. За гонцомъ тотчасъ же была послана погоня, и на слѣдующій день его изловили и привели назадъ со связанными руками. Съ перваго же слова онъ повинился во всемъ и выдалъ письма.—«Повѣсить измѣнниковъ!» рѣшилъ немедленно Пугачевъ; виновные и оправдываться не стали... Минеевъ же «за вѣрность» былъ произведенъ Пугачевымъ въ полковники.

23-го іюня Пугачевъ выступилъ изъ Осы и отправился внизъ по Камѣ къ пристани Рождественскаго-Демидовскаго завода; здѣсь со всѣмъ войскомъ онъ переправился на «коломенкахъ» черезъ рѣку и затѣмъ пошелъ прямо къ юго-западу, по дорогѣ въ Казань.

Въ войскахъ Пугачева было въ то время до 20,000 человѣкъ (Броневскій), и, кромѣ того, оно постоянно пополнялось все новыми и новыми добровольцами, стекавшимися со всѣхъ сторонъ подъ знамя самозванца. На половину войско его состояло изъ «не-нашихъ», т. е. инородцевъ, говорящихъ не по нашему. Тутъ были и татары, и башкиры, и мордва, и вотяки, и черемисы... Вообще восточные инородцы шли съ охотой къ Пугачеву и вездѣ принимали его съ восторгомъ, какъ желаннаго гостя, какъ своего



Пугачевъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

освободителя и царя. Когда французъ-очевидецъ проѣзжалъ чрезъ Уфимскую и Казанскую провинціи, то черемисы постоянно спрашивали его о Пугачевѣ; что̀ именно они говорили,—очевидецъ понять не могъ, но видно было, что они горячо интересовались личностью самозванца [1]).

Разъ зашла рѣчь объ иностранцахъ, мы позволимъ себѣ остановиться на минуту, чтобы выяснить хорошенько, въ какомъ положеніи находились наши ясачные инородцы въ XVIII столѣтіи, незадолго передъ пугачевскимъ движеніемъ. Быть можетъ, это будетъ здѣсь не совсѣмъ излишнимъ...

Положеніе нашихъ инородцевъ было тогда врядъ ли лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи. Тамъ свирѣпствовалъ помѣщикъ, здѣсь — администрація, и я не знаю, не былъ ли гнетъ послѣдней сильнѣе и тяжелѣе гнета помѣщичьяго. По справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, инородцы «слишкомъ хорошо чувствовали въ то время всю тяжесть матеріальной зависимости отъ русскаго чиновника». Калмыки, напримѣръ, не могли даже подавать жалобъ на свое ближайшее начальство, окружавшихъ ихъ приставовъ, помимо этихъ же самыхъ приставовъ. Всякая жалоба должна была непремѣнно проходить черезъ ихъ руки, а если какимъ нибудь случайнымъ образомъ доходила до города, то возвращалась назадъ къ мѣстнымъ урядникамъ и приставамъ «для справки». Недаромъ же калмыки въ 1771 году снеслись съ Пекинскимъ правительствомъ и въ количествѣ 30,000 кибитокъ разомъ откочевали за китайскую границу. «Московская волокита» давала себя знать инородцамъ на каждомъ шагу. «Помраченныя судейскія души» не разбирали ни праваго, ни виноватаго, и грабили всѣхъ одинаково. Крестьянскій карманъ и казну не доилъ тогда только отъявленный дуракъ да самый безшабашный лѣнтяй. Брали подъ разными «претекстами», какіе только выдумать могли. Воеводы въ два-три года наживали громадные капиталы. Они открыто продавали судъ и правду; многіе грабили явно, какъ настоящіе разбойники. Извѣстна пословица чебоксарскихъ чувашъ: «Богъ вѣдь не писарь, чтобы его бояться» (Ешевскій). Въ половинѣ прошлаго столѣтія православное духовенство, возревновавъ о славѣ церкви Христовой, обратило вниманіе на язычниковъ черемисъ и приволжскихъ чувашъ. Послано было къ нимъ нѣсколько священниковъ-миссіонеровъ, которые принялись за дѣло съ великимъ усердіемъ и насильно волокли черемисъ къ купели, пригласивъ къ содѣйствію русскихъ православныхъ крестьянъ и гражданскихъ начальниковъ. Тогда же и такимъ же образомъ была окрещена казанская и темниковская мордва. Татары и вотяки также немало страдали отъ пра-

[1]) Tagebuch eines Franzosischen etc., см. у Мордовцева.

вославныхъ миссіонеровъ, усиленно старавшихся о спасеніи ихъ грѣшныхъ душъ и проповѣдывавшихъ святое ученіе любви и мира съ мечомъ въ рукѣ и камнемъ за пазухой. Ихъ усердіе было до того велико, что даже сибирскій губернаторъ, Чичеринъ, протестовалъ противъ его и въ своей запискѣ, поданной на имя государыни, доказывалъ, что они не слово Господне распространяютъ, а только «раззореніе чинятъ народу». Инородцы, разумѣется, возненавидѣли проповѣдниковъ и вмѣстѣ съ ними законъ, поддерживавшій ихъ и властей, и правительство, и вообще все, что носитъ на себѣ печать русскаго. Было нѣсколько случаевъ частныхъ бунтовъ по инородческимъ поселеніямъ, но ихъ скоро усмиряли военныя команды, присылаемыя изъ Уфы, Симбирска и Казани. Слободскіе казанскіе татары также были недовольны: чиновники по злобѣ торговать запретили имъ, а они не имѣли никакого другаго промысла, кромѣ торговли. Земли у нихъ не было; они жили прежде «мелочнымъ торгомъ», скупали разныя вещи и перепродавали ихъ; тѣмъ только и кормились. А теперь ихъ стали съ рынка гнать и сажать подъ стражу; потому они обнищали и жаловались сенату, что они «пришли во всеконечное раззореніе и убожество» (П. С. З., т. XVI, 11,889). Кромѣ всего этого, началась тогда перепись народная, и въ ревизскія сказки велѣно было вносить не только мужчинъ, но и женщинъ. Среди инородцевъ Уфимской провинціи разнесся слухъ, что бабъ описываютъ для того, чтобы послѣ брать съ нихъ окладъ наравнѣ съ мужиками. Это произвело здѣсь сильнѣйшую сенсацію; обратились къ чиновникамъ за разъясненіемъ этого жгучаго жизненнаго вопроса. Чиновники прямо не отвѣчали, но утвердительно кивали головами, разсчитывая получить взятку. Это окончательно вооружило инородцевъ; поднялась общая тревога, такъ что правительство должно было въ предупрежденіе мятежа отдать приказъ, чтобы у инородцевъ женъ не переписывали (П. С. З., т. XVI, 11,615). А въ Сибири, среди якутовъ, чукчей и братскихъ, дѣло дошло до всеобщаго возстанія, такъ что правительство вынужденнымъ нашлось послать туда князя Щербатова съ большимъ отрядомъ для усмиренія.

Но порядокъ управленія и тяжелое экономическое положеніе были не единственной причиной, по которой инородцы охотно присоединялись къ Пугачеву и шли вмѣстѣ съ нимъ противъ государственнаго порядка тогдашней Россіи. Тутъ дѣйствовали, кромѣ того, традиціи. Инородцы не успѣли еще забыть свою старину, когда они были вольнымъ самостоятельнымъ народомъ и управлялись своими князьями. Калмыки и башкиры были пріясачены только въ началѣ XVIII вѣка; татары, мордва и чуваши потеряли свою свободу при Іоаннѣ IV; сѣверные инородцы, финскаго происхожденія, тоже только въ недавнее время перестали быть самостоятельными. Новгородская буржуазная республика завоевала ихъ

«не дубьемъ, а рублемъ», не оружіемъ, а своей высокой культурой, и держала ихъ подъ своей властію не вслѣдствіе какихъ нибудь политическихъ разсчетовъ, въ родѣ территоріальнаго расширенія государства, а просто потому, что этого требовали ея торговыя выгоды и интересы. Власть Новгорода надъ покоренными инородцами была чисто-экономическая, а въ политическомъ отношеніи вотяки, черемиса, пермяки etc. попрежнему оставались самостоятельными и управлялись своими князьями. Новгородъ не вмѣшивался въ политическую организацію этихъ племенъ. Такого же принципа по отношенію къ нимъ придерживалась впослѣдствіи и Вятская республика, родное дѣтище Новгорода. Съ паденіемъ Вятки обстоятельства, разумѣется, перемѣнились, и вѣтеръ подулъ въ другую сторону. Въ 1505 г. сведенъ былъ Москвою послѣдній самостоятельный князь «Великой Перміи», Матѳій Михайловичъ, къ которому сохранилось посланіе митрополита Симона, и на мѣсто его посаженъ былъ князь Василій Андреевичъ Коверъ, «первый отъ русскихъ князей», по замѣчанію лѣтописи. Князей смѣнили скоро воеводы, и инородцы почувствовали на себѣ тяжелую руку Москвы. У нихъ была отнята послѣдняя тѣнь самостоятельности, князья уничтожены, и сами они сдѣлались не болѣе какъ данниками и рабами Московскаго государя. Но старыя преданія свободы, не совсѣмъ задавленныя новгородскимъ управленіемъ и пермскими князьями, не дозволяли финну безъ борьбы стать покорнымъ слугою московскаго чиновника и подчиниться новымъ порядкамъ. Инородцы долго еще боролись съ русскими послѣ присоединенія Біарміи къ Москвѣ и, «пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, мстили имъ за насиліе, дѣлали внезапные набѣги на русскія поселенія, раззоряли и сожигали ихъ»... [1]) Русскія лѣтописи наполнены разсказами о набѣгахъ мордвы на Нижегородскія владѣнія, о возстаніяхъ горной и луговой черемисы, уже бывшей подъ властію русскихъ. Когда знаменитый Аникій Строгановъ завелъ соляныя варницы на сѣверѣ вятской земли, то принужденъ былъ построить здѣсь крѣпость Кай для защиты отъ пермяковъ, воти и татаръ. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ, по распоряженію Бориса Годунова, былъ построенъ цѣлый рядъ крѣпостей (Уржумъ, Цивильскъ, Царевгородъ, Санчурскъ и проч.) для защиты русскихъ поселеній отъ набѣговъ черемисы и вотяковъ. Пословица: «съ одной стороны черемисъ, а съ другой — берегись!» имѣетъ, вѣроятно, не очень давнее происхожденіе и употребляется русскими крестьянами Вятской и Казанской губ. еще и до сихъ поръ. Во время бунта Стеньки Разина инородцы собирались иногда громадными толпами до 5,000 и даже до 10,000 человѣкъ и успѣшно вели партизанскую войну съ русскими войсками, жгли и грабили русскія посе-

[1]) Пермяки. Вѣстн. Евр., 1883, мартъ, стр. 238.

ленія, завладѣвали даже цѣлыми городами, какъ это случилось, напримѣръ, съ Ядринымъ; причемъ съ особеннымъ озлобленіемъ вѣшали воеводъ, чиновниковъ и дворянъ и истребляли бумажныя дѣла всѣхъ административныхъ учрежденій. Въ 1697 году правительство нашло даже нужнымъ издать указъ, которымъ запрещалось продавать чувашамъ и черемисамъ Казанской губерніи не только оружіе, но даже кузнечные инструменты, чтобы они не могли надѣлать себѣ пикъ и огнестрѣльныхъ оружей...

Понятно теперь, почему инородцы составляли добрую половину въ шайкѣ Пугачева, почему они охотно шли за самозванцемъ на борьбу противъ русскаго правительства. Это была съ ихъ стороны месть государству русскому за уничтоженіе самостоятельности, за всѣ пережитыя и настоящія обиды и утѣсненія... Воротить свою самостоятельность они, разумѣется, уже не могли, — это было немыслимо; да на это они и не разсчитывали. Они шли просто затѣмъ, чтобы отомстить русскимъ, обмыть свое горе русской кровью...

Отъ Осы Пугачевъ съ своей шайкой отправился по Казанскому тракту къ Верхне-Воткинскому заводу [1]), лежащему на Камѣ. Заслышавъ о приближеніи самозванца, многіе жители завода «дали тягу», по лѣсамъ разбѣжались, а нѣкоторые даже въ Казань ушли, въ полной увѣренности, что «злодѣй» тамъ ихъ не достанетъ. Бѣжали главнымъ образомъ купцы и заводскіе чиновные люди: шихтмейстеры (смотрители), унтеръ-шихтмейстеры, приказчики, цѣловальники и т. п. Простой рабочій народъ не трогался. Онъ ждалъ... Уже давно между здѣшними крестьянами носились разные «нехорошіе слухи», распространяемые «зловредными людьми». Еще за 12 лѣтъ передъ этимъ, осенью 1762 года, въ здѣшнемъ краю, среди крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, появился манифестъ, который сначала развозили какіе то два крестьянина. Въ этомъ манифестѣ, по выраженію самой Екатерины, находились «самыя пасквильныя рѣчи» противъ дворянства и «поповъ». Между прочимъ здѣсь было прописано, чтобы монастырскіе и архіерейскіе крестьяне, приписанные теперь къ заводамъ, не ходили на работы, а платили бы, «по старинѣ», простой ясакъ.

Взбѣленились заводскіе крестьяне, рѣшили не ходить на заводъ; а кто, вопреки общему рѣшенію, хотѣлъ идти, боясь подвергнуться отвѣтственности за бунтъ и ослушаніе, того силой удерживали дома или выводили въ поле за деревню и убивали. Нарочные, посланные казанской губернской канцеляріей, стали было убѣждать крестьянъ, что работъ покидать не слѣдуетъ, такъ какъ манифестъ

[1]) Верхне-Воткинскій заводъ, горнаго вѣдомства, основанъ незадолго до пугачевскаго движенія, во вторую половину XVIII вѣка. Ижевскій заводъ, артиллерійскаго вѣдомства, основанъ въ 1760 г.

тотъ ложный и за него пострадать можно. Но крестьяне вооружились вилами и дубьемъ и внушительно отвѣтили, что, если они еще станутъ приставать къ нимъ, то добра бы не ждали... Довелось посылать на мѣсто бунта войско, крестьянъ усмирили, многихъ выслали, и самъ виновникъ сочиненнаго манифеста, какой-то дьячекъ, пойманъ и казненъ. (Указъ Екатерины, 1769, 152, 155).

Когда дошли сюда слухи о появленіи Пугачева на Уралѣ, рабочіе стали волноваться, устроивали сходки и потихоньку разсуждали, что «теперь, кажись, скоро ихней неволюшкѣ конецъ будетъ, потому что новый царь-батюшка баръ да нѣмцевъ не любитъ». А тутъ еще пріѣхалъ офеня-владиміръ изъ Казани и привезъ новыя вѣсти о самозванцѣ: «до крестьянъ де онъ добръ, мирволитъ имъ, только попамъ, да господамъ спуску не даетъ. А теперь онъ на Москву отправляется, хочетъ извести всѣхъ баръ и царицу, и съ нимъ войска видимо-невидимо». Крестьяне съ любопытствомъ слушали эти рѣчи, и любы онѣ имъ показались. А офеня этимъ не ограничился, онъ вынулъ изъ анучи спрятанную тамъ бумагу и прочиталъ ее вслухъ крестьянамъ. Бумага была «отъ царя», на ней «золотая печать» и «рука царская». Въ ней обѣщались крестьянамъ большія льготы, если они покорятся своему законному государю. Бумагу читали на улицѣ при всѣхъ и всѣмъ показывали ее. Собственные грамотеи изъ рабочихъ, осмотрѣвши бумагу, подтвердили, что бумага дѣйствительно «настоящая» и «печать царская на ней», обману нѣтъ... А между тѣмъ попъ читалъ въ церкви правительственный указъ, которымъ предписывалось, чтобы «простецы» не вѣрили «лживымъ манифестамъ, измѣнническимъ ядомъ наполненнымъ, которые на пагубу всѣмъ разносятъ извращенныхъ нравовъ и мыслей люди», «дерзостно касающіеся всего священнаго». Но народъ не вѣрилъ этому указу, не слушалъ попа: «вретъ де косматый, онъ тоже за баръ, одной кости съ ними»... Вообще рабочіе давно уже были наэлектризованы и съ нетерпѣніемъ поджидали Пугачева...

24-го іюня Пугачевъ былъ уже передъ Воткинскимъ заводомъ. Въ то время главноуправляющимъ Воткинскаго завода былъ какой-то «нѣмецъ», по словамъ Пушкина — Венцель. Онъ сначала все убѣждалъ рабочихъ и заводскихъ чиновниковъ не бѣгать съ завода и не предаваться самозванцу, а защищать казенное добро противъ вора и обманщика Емельки. Много разъ онъ собиралъ рабочихъ у конторскаго крыльца, рѣчи имъ говорилъ, манифесты царицыны читалъ, обѣщалъ награды большія, — только бы постояли противъ Пугачева, не выдали «царскаго завода» на разграбленіе «богомерзской шайкѣ способниковъ Емелькиныхъ». Рабочіе не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, стояли молча и хмурились въ отвѣтъ на краснорѣчивыя увѣщанія Венцеля. А приказчики, шихтмейстеры и прочая чиновничья «шушера» понемногу выбирались съ завода какъ тара-

каны, чующіе, по народной примѣтѣ, приближеніе пожара. Ни просьбы, ни угрозы, ни приказанія Венцеля — ничто не помогло; каждый дрожалъ за свою жизнь и спѣшилъ ускользнуть отъ жестокой расправы, ожидавшей ихъ въ будущемъ. Венцель махнулъ, наконецъ, рукою на эту «негодницу». Самъ онъ всетаки не поѣхалъ, считая безчестнымъ оставить свой постъ въ минуту опасности, — тѣмъ болѣе, что въ Казани его не погладили бы по головкѣ, если бы онъ бросилъ ввѣренные ему заводы и уѣхалъ туда по примѣру другихъ.

Пугачевъ не поѣхалъ прямо на заводъ; онъ остановился въ полуверстѣ отъ него, на берегу Камы, на горкѣ, а на заводъ послалъ одного «полковника» съ казаками, чтобы онъ развѣдалъ, что творится на заводѣ. Полковникъ подъѣхалъ къ заводу тихимъ, несмѣлымъ шагомъ, боясь скрытой засады. На улицѣ безпорядочно толпились рабочіе; очевидно, они не были вооружены и совсѣмъ не имѣли намѣренія защищаться.

— Покоряетесь-ли законному своему государю Петру Ѳедоровичу? крикнулъ имъ полковникъ еще издали.

Толпа молчала. Всѣ какъ будто были ошеломлены, озадачены этимъ. Полковникъ принужденъ былъ повторить свой вопросъ.

— Мы что... заговорили рабочіе! Развѣ мы противъ нашего государя пойдемъ. Чать, не нѣмцы какіе, православные тоже... супротивничать не станемъ...

— Ну, такъ сейчасъ присягать чтобы всѣмъ! крикнулъ опять полковникъ.

— А ты погоди! сказалъ ему кто то изъ толпы! Ты покажь намъ сначала батюшку-то нашего, а тамъ успѣемъ. Неча турить-то!..

Полковникъ воротился и разсказалъ обо всемъ Пугачеву. Тогда Пугачевъ самъ поѣхалъ на заводъ; за нимъ тронулась и вся его шайка. У околицы его встрѣтилъ священникъ Симеонъ Алексѣевъ съ причтомъ, съ крестомъ и иконами. Пугачевъ, приблизившись къ священнику, соскочилъ съ лошади и поцѣловалъ крестъ; священникъ окропилъ его святою водой и благословилъ.

— Довольны ли, дѣтки, своимъ батькою? спросилъ Пугачевъ обступившихъ его рабочихъ.

— Довольны, батюшка, довольны, обиды не видывали, отвѣчали изъ толпы.

— Ну, инъ и живите ладомъ, сказалъ Пугачевъ. — Тутъ Пугачеву сказали, что причтъ не весь на лицо, что другой попъ, Василій Петровъ, съ дьякономъ Вавилою убѣжали въ лѣсъ, когда прослышали о его приближеніи.

— Ладно! молвилъ Пугачевъ, — еще не уйдутъ отъ насъ; сыщемъ гдѣ ни то.

Наполовину это дѣйствительно и исполнилось: дьяконъ впо-

слѣдствіи былъ схваченъ мятежниками, узнанъ своими односельцами, вступившими въ шайку Пугачева, и повѣшенъ, какъ бунтовщикъ, не признающій власти законнаго государя.

Затѣмъ Пугачевъ, подойдя къ церкви, сѣлъ здѣсь на площади на приготовленномъ для него стулѣ и потребовалъ себѣ браги. Ему подали цѣлый жбанъ: въ управительскихъ погребахъ брага и разныя вина никогда не переводились. Пугачевъ сталъ тянуть прямо изъ жбана. Между тѣмъ попы стали приводить всѣхъ рабочихъ къ присягѣ. Рабочіе шли къ присягѣ, повидимому, съ большой охотой. Пугачевъ предложилъ имъ, не пожелаетъ-ли кто вступить къ нему въ войско: «Заморили, чай, васъ проклятые то, сказалъ онъ. — Подите ко мнѣ: у меня лучше, свободнѣе будетъ... Многіе согласились и присоединились къ его шайкѣ. Пугачевъ приказалъ имъ выдать по рублю «на шапку».

Тутъ привели къ нему Венцеля, главнаго управителя: въ навозѣ на дворѣ отыскали; онъ спрятался тамъ подъ соломой, въ надеждѣ, что мятежники здѣсь не отыщутъ его. — «Напрасно вы его тамъ не прикололи, сказалъ будто-бы Пугачевъ, услышавъ объ этомъ: тамъ ему самое мѣсто»... Венцеля и не спрашивали ни о чемъ и говорить ему не дали: Пугачевъ безъ разговора приказалъ повѣсить его и уморить на висѣлицѣ медленной смертію. Приказаніе тотчасъ же было исполнено. Соорудили наскоро висѣлицу и на ней повѣсили Венцеля; но удавили не сразу: повиситъ онъ нѣсколько времени на веревкѣ, потомъ его опустятъ, дадутъ вздохнуть и затѣмъ опять набрасываютъ петлю и поднимаютъ. Такъ вѣшали 4 раза, пока у несчастнаго языкъ не почернѣлъ и не вылѣзъ наружу... Пугачевъ, попивая брагу, спокойно смотрѣлъ на отвратительное зрѣлище, которое, повидимому, доставляло ему величайшее наслажденіе. Когда, наконецъ, Венцель былъ задавленъ совсѣмъ, его трупъ сняли и бросили подъ заборомъ: «пусть, де, собаки ѣдятъ его».

Послѣ этого вся шайка разбрелась по заводу для грабежа; нѣкоторые вломились въ церковь, разбили тамъ ящикъ съ церковной казной, забрали ризы, оклады съ иконъ и всѣ дорогіе сосуды. Священникъ обратился было къ Пугачеву съ жалобой на святотатцевъ, но Пугачевъ только посмѣялся надъ нимъ: «наживете, де, еще».

Разграбивъ заводъ и вдоволь попировавъ, злодѣи въ тотъ же день двинулись дальше и пошли по направленію къ юго-востоку, на Ижевскій заводъ. Уходя, они подожгли церковь и домъ управляющаго.

На пути въ Ижевскій заводъ, въ 2-хъ верстахъ отъ большой дороги виднѣлось село Гольянское (37 верстъ отъ города Сарапула). Пугачевъ послалъ туда казаковъ съ требованіемъ, чтобы встрѣтили батюшку-царя, такъ какъ онъ, де, хочетъ навѣстить васъ. Свя-

щенникъ Лаврентій Красноперовъ, въ полномъ церковномъ облаченіи, съ иконами и со всѣмъ причтомъ, вышелъ на большую дорогу и встрѣтилъ Пугачева за 7 верстъ до Гольянскаго, близъ деревни Забѣгаловой, которая, вѣроятно, отъ этого и получила свое знаменательное названіе. Пугачевъ подъѣхалъ къ нему роскошно одѣтый, «въ царскихъ доспѣхахъ», какъ выражаются мѣстные крестьне, разсказывавшіе объ этомъ фактѣ. Самозванца сопровождала многочисленная свита. Онъ подъѣхалъ къ священнику, слѣзъ съ лошади и поцѣловалъ крестъ. Гольянское духовенство поднесло ему въ даръ отъ себя 2-хъ пудоваго осетра. Чудовище было привезено на лошади въ огромномъ корытѣ. Оно было еще живо и плескалось. Пугачевъ подошелъ къ нему и сказалъ: «хорошо». Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ свитѣ Пугачева, подошелъ къ корыту и ударилъ осетра пикой, примолвивъ при этомъ:

— Эхъ, родная!.. А вѣдь это, ваше царское величество, рыбка то съ нашей стороны!..

— Не трожь ее! строго оборвалъ Пугачевъ фамиліарныя изліянія своего казака.

Вмѣстѣ съ попами вышли встрѣчать Пугачева нѣкоторые крестьяне Гольянскаго прихода. Пугачевъ не преминулъ спросить ихъ, довольны ли они своими попами. Тѣ отвѣчали, что довольны и обиды никакой отъ нихъ не видали.

Въ Гольяны Пугачевъ не поѣхалъ, не смотря на радушное приглашеніе священника и прихожанъ. Минеевъ, произведенный самозванцемъ въ городѣ Осѣ въ полковники, и раскольникъ Долгополовъ совѣтовали ему торопиться идти на Казань, пока власти не успѣли стянуть туда войска и не укрѣпили города. Пугачевъ послушался ихъ и отправился, не мѣшкая, прямо по большой дорогѣ къ Казани, а для приведенія гольянскихъ крестьянъ къ присягѣ послалъ въ это село одного полковника своего съ отрядомъ казаковъ и черемисъ. О дѣйствіяхъ этой послѣдней шайки въ Гольянахъ мы скажемъ ниже.

На пути Пугачевъ остановился въ с. Завьяловѣ. Здѣсь церковь была разграблена, даже антиминсъ былъ взятъ съ престола. Въ церкви отъ всѣхъ богатствъ оставлены были только 2 евангелія, 2 креста и 2 ризы — «на обзаведенье»:, Пугачевъ очень разсердился на мѣстный причтъ за то, что его не встрѣтили съ иконами и хлѣбомъ-солью, какъ встрѣчали въ другихъ мѣстахъ. Онъ приказалъ непремѣнно розыскать и представить къ нему всѣхъ «поповъ». Когда ихъ привели, самозванецъ спросилъ, желаютъ ли они «служить своему законному государю вѣрой и правдой».

— Не государь ты, а воръ и разбойникъ, бѣглый казакъ Емелька!.. отвѣтилъ старшій священникъ Елисѣй Козьминъ.—А у насъ есть законная государыня, ей мы и служимъ, и молимся за нее...

— Повѣсьте ихъ всѣхъ! грозно крикнулъ Пугачевъ.

Тутъ молодой священникъ Степанъ Андреевъ бросился въ ноги Пугачеву и сталъ просить у него помилованія. Самозванцу понравилась эта покорность и онъ спросилъ священника, не желаетъ ли онъ вступить къ нему на службу. Бѣдный священникъ дрожалъ какъ осиновый листъ и на все согласился. Его тотчасъ же остригли показацки «въ кружку» и ружье въ руки дали. Только этотъ священникъ и остался въ живыхъ изъ всего причта; всѣ прочіе были повѣшены: священникъ Елисѣй Кузьминъ, съ двумя своими сыновьми, дьячками Дмитріемъ и Матвѣемъ, діаконъ Данило Яковлевъ и пономарь Егоръ Шиляевъ. Они не хотѣли присягнуть «измѣннику и самозванцу» и были удавлены на воротахъ. Послѣ этого Пугачева спросили, что дѣлать съ женами и дѣтьми повѣшенныхъ, которыя стояли на улицѣ и плакали. Кто-то изъ приближенныхъ Пугачева подалъ совѣтъ отправить и ихъ вслѣдъ за отцами и мужьями, но Пугачевъ строго прикрикнулъ: «бросьте ихъ, не трогайте! будетъ и этого»! Такъ и не тронули.

Въ Ижевскомъ заводѣ самозванца приняли съ великимъ почетомъ. У церкви были настланы холсты, стоялъ столъ, а на немъ поставлена была хлѣбъ-соль для дорогаго гостя. Священникъ вышелъ навстрѣчу ему со всѣмъ причтомъ, съ крестомъ и иконами. Когда онъ показался вдали, начали звонить въ колокола, и народъ весь, вслѣдъ за духовенствомъ, повалилъ къ нему навстрѣчу; и когда за околицей встрѣтили его, то всѣ упали на колѣна и «земно» поклонились ему. Онъ сошелъ съ лошади, приложился къ кресту и сказалъ: «вставайте, вставайте, дѣтушки; не бойтесь, я вѣдь не воевода». Въ сопровожденіи громадной толпы своихъ войскъ и мѣстныхъ жителей онъ вошелъ въ село и сѣлъ здѣсь за столомъ, на приготовленный для него стулъ. Всѣ подходили и цѣловали у него руку, а особенно усердные — даже полы его краснаго казацкаго чекменя.

Пугачевъ потребовалъ, чтобы привели передъ его ясныя очи все начальство завода и дворянъ, какіе живутъ здѣсь; но оказалось, что весь чиновный персоналъ завода давно уже «далъ драла»; остался одинъ какой-то «полковникъ» [1]), надо полагать, главно-управляющій завода. Рабочіе жаловались, что онъ чинитъ имъ большія обиды и притѣсненія, гоняетъ на работу въ праздники, за каждую провинность наказываетъ кнутомъ. Пугачевъ приказалъ немедленно розыскать его и представить. Несчастнаго нашли гдѣ-то подъ крышей, «на подволокѣ». Онъ сначала не шелъ, упирался, но казаки тычками да подзатыльниками проводили его до Пугачева. Самозванецъ, въ виду многочисленныхъ жалобъ, прине-

---

[1]) «Нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о нашествіи Пугачева», Вятск. Губ. Вѣд. за 1880, № 97.

сенныхъ на полковника, разсудилъ, что повѣсить его мало, нужно выдумать казнь пострашнѣе. Рѣшено было отрубить ему руки и ноги, потомъ уже голову; злодѣи тотчасъ же привели это въ исполненіе и зарыли растерзанныя части тѣла полковника у одного ключа, который и понынѣ называется «полковничьимъ».

Духовенство Пугачевъ оставилъ здѣсь въ покоѣ, потому что весь причтъ безпрекословно изъявилъ согласіе служить вѣрой и правдой своему законному государю и молиться за него. А дьячекъ, Лукьянъ Вершининъ, просилъ даже Пугачева взять его съ собой на войну: «Я, говоритъ, ваше царское величество, за тобой пойду; голову свою хочу сложить за тебя, надежа-государь!»

Самозванецъ похвалилъ его: «Молодецъ, говоритъ, вотъ вѣрный слуга, а вы всѣ — обратился онъ къ остальному причту — пентюхи! Вамъ бы только подъ подоломъ у жены сидѣть, да въ золото рядиться!» Духовные смиренно выслушали это, и никто не осмѣлился возразить ни слова. Вершининъ сейчасъ же сбросилъ съ себя подрясникъ, или, какъ его здѣсь называютъ, «полукафтанье», взялъ со двора топоръ и съ такимъ вооруженіемъ присоединился къ шайкѣ Пугачева. Но самозванецъ будто бы, увидѣвши его съ топоромъ, свое «ружье» ему подарилъ; снялъ съ плеча и отдалъ: «на, дескать, бери отъ меня, вѣрный слуга!»

Затѣмъ, Пугачевъ двинулся дальше по дорогѣ въ Казань. Въ селѣ Юскахъ, Сарапульскаго уѣзда, вотяки жаловались ему на поповъ, что они притѣсняютъ ихъ и поборы большіе берутъ. Пугачевъ священника и дьякона, Василья Кибардина, повѣсилъ, а церковь отдалъ на разграбленіе вотякамъ. Въ селѣ Нылгѣ духовенство встрѣтило самозванца, какъ законнаго императора, съ иконами и колокольнымъ звономъ. Пугачевъ съ своею свитою подъѣхалъ вплоть къ иконамъ и шапки не скинулъ; кивнулъ только головою и сказалъ священнику: «здравствуй, батько!» Священнику это не показалось; онъ началъ говорить Пугачеву, что не хорошо, дескать, поступаешь ты, не поцарски; древніе-то цари крестъ Господень чтили и клиръ церковный уважали. За это-де отъ тебя и Господь отступится и накажетъ. Тогда Пугачевъ, устыдившись обличенія, сошелъ съ лошади, снялъ шапку и подошелъ къ кресту, который былъ у священника въ рукахъ; а затѣмъ попросилъ благословенія у батюшки, поцѣловалъ его руку и обѣщалъ въ точности исполнять съ той поры завѣтъ старины и слѣдовать примѣру своихъ царственныхъ предковъ. Нылгинскіе вотяки жаловались «царю государю Петру Педрычу», какъ они называли самозванца, что духовенство обременяетъ ихъ поборами лаптей и корья (?); Пугачевъ только посмѣялся надъ ними, но ничего «попамъ» не сдѣлалъ. Случись это въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ, духовенству бы не сдобровать, потому что Пугачевъ строго наказывалъ всѣхъ, кто обижалъ «черныхъ» деревенскихъ людей.

Но здѣшній священникъ своимъ строгимъ обличеніемъ съумѣлъ внушить Пугачеву уваженіе къ себѣ; изъ-за него самозванецъ пощадилъ и весь остальной причтъ. Вообще, нужно сказать, что, по народной характеристикѣ, Пугачевъ очень любилъ людей смѣлыхъ, не робкихъ и не застѣнчивыхъ. Оригинальные отвѣты, смѣлыя разсужденія ему очень нравились. Такъ, напримѣръ, намъ передавали въ Оханскомъ уѣздѣ слѣдующій фактъ: разъ какъ-то Пугачевъ пришелъ въ одну деревню и задумалъ въ ней отдохнуть, расположиться на цѣлый день. Ему самому былъ отведенъ самый лучшій домъ въ деревнѣ, а шайка расположилась, кто гдѣ могъ и съумѣлъ: по сараямъ, клѣтушкамъ, омшанникамъ и проч. Прійдя въ избу, самозванецъ грубо приказалъ хозяину убираться отсюда съ семействомъ и очистить для него избу. Хозяинъ былъ не робкаго десятка, или ужъ онъ, можетъ быть, слишкомъ вѣрилъ въ «правду царскую», только ему показалось это обиднымъ, и онъ сказалъ Пугачеву: «А ты не гордыбачься, царь-государь, а дѣлай по совѣсти, побожьи. Зачѣмъ Богъ васъ ставитъ? Чтобы вы добрыхъ людей покоили, оборону имъ давали отъ злаго человѣка. А ты самъ-то что дѣлаешь?» Пугачевъ устыдился и пошелъ ночевать въ сарай, оставивъ хозяина съ его семействомъ въ покоѣ. А то одинъ изъ мѣстныхъ народныхъ учителей передавалъ намъ такого рода анекдотъ, слышанный имъ будто бы отъ крестьянъ того же Оханскаго уѣзда: однажды велѣлъ Пугачевъ вздернуть на рели одного крестьянина, сказавшаго ему какое-то грубое, «неучтивое» слово. Крестьянинъ не сталъ просить о помилованіи и смѣло самъ пошелъ къ висѣлицѣ: «это, говоритъ, ничего; я тутъ ближе къ небу буду». Пугачевъ услышалъ это.

— А, с... с..., ближе къ небу захотѣлъ быть? Ну, такъ нѣтъ, не будешь же, а здѣсь, на землѣ, останешься! Пустите его, чортъ съ нимъ.

Такъ и пустили... На сколько справедливъ этотъ анекдотъ — пусть судятъ сами читатели. Я рѣшать не берусь...

Слѣдуя дальше отъ села Нылги по большому Казанскому тракту, Пугачевъ пришелъ въ село Данилово. Здѣсь у околицы его встрѣтила только небольшая кучка крестьянъ.

— А гдѣ батька у васъ? спросилъ самозванецъ.

— Дома; онъ не пошелъ съ нами, — хвораетъ что ли, Богъ его вѣдаетъ, уклончиво отвѣчали крестьяне.

Пугачевъ немедленно приказалъ привести его; тотчасъ же нѣсколько казаковъ изъ шайки бросились исполнять приказаніе. Священникъ оказался дѣйствительно дома, но онъ на отрѣзъ отказался идти добровольно къ Пугачеву и всячески ругалъ, «безчестилъ и позорилъ» его. Казаки схватили его и привели къ Пугачеву силою. Священникъ Покрышкинъ не переставалъ ругать самозванца, грозилъ ему гнѣвомъ Божіимъ и въ глаза называлъ его

«воромъ-Емелькою» и измѣнникомъ. Пугачевъ отдалъ приказаніе казакамъ раздѣлаться съ нимъ «посвойски». Казаки повѣсили несчастнаго между тремя соснами, которыя и показывались до самаго послѣдняго времени.

Въ селѣ Алнашахъ его встрѣтили, какъ и вездѣ, съ хлѣбомъ-солью. При этомъ на самой серединѣ дороги поставленъ былъ столъ съ кушаньями и напитками, у стола — кресло; на правой сторонѣ стояла небольшая кучка крестьянъ, выразившихъ желаніе поступить на службу къ самозванцу, а на лѣвой — висѣлица. Такой порядокъ наблюдался во всѣхъ селеніяхъ, черезъ которыя проходилъ Пугачевъ. Подъѣхавъ къ столу, самозванецъ соскочилъ съ коня и усѣлся въ кресло.

— За кого вы меня принимаете? обратился онъ къ народу, столпившемуся вокругъ стола.

— Ты нашъ батюшка-государь! единогласно отвѣчали ему крестьяне.

— Какъ съ вами обходятся помѣщики?

— Ихъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ.

— Не берутъ ли взятокъ исправники, судьи, писаря?

Крестьяне колебались, не зная, сказывать ли имъ про всѣ обиды и утѣсненія, какія приходилось имъ терпѣть отъ всякой чиновничьей тли. Мялись, мялись, — такъ и не сказали ничего.

— А попы тоже не забижаютъ васъ? продолжалъ спрашивать Пугачевъ.

— Нѣтъ, отъ поповъ мы словно обиды никакой не видали, отвѣтили крестьяне.

Въ селѣ Сараляхъ (въ 8 верстахъ отъ нынѣшней Елабуги) Пугачевъ остановился ночевать съ своей шайкой. «Казаки» его размѣстились, кто гдѣ могъ: по ригамъ, амбарамъ, сараямъ, а самъ онъ ночевалъ въ домѣ одного богатаго крестьянина-заводчика, по имени Красильникова, который нажилъ милліонные капиталы отъ своего мѣдноплавильнаго завода. Заслышавъ о приближеніи Пугачева, Красильниковъ удралъ въ Казань, захвативъ съ собой семью и все наиболѣе цѣнное изъ имущества. Саральскіе крестьяне жаловались самозванцу, что Красильниковъ притѣсняетъ ихъ, и Пугачевъ очень сожалѣлъ, что не засталъ этого «подлеца» дома: «я бы, говоритъ, съ нимъ расправился».

28-го іюня (1774 г.) самозванецъ подошелъ къ большому селу Трехсвятскому, что̀ нынѣ г. Елабуга, Вятской губерніи. Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта» приводитъ названія городовъ, крѣпостей и селеній, раззоренныхъ самозванцемъ, даже поименно перечисляетъ всѣхъ замученныхъ и убитыхъ отъ руки мятежниковъ, но относительно Елабуги онъ нигдѣ не упоминаетъ ни слова, хотя, по справедливому замѣчанію одного мѣстнаго изслѣдователя (Шишкинъ — «Исторія города Елабуги»), «жители ея довольно страдали

отъ мятежниковъ и видѣли даже самого ихъ предводителя въ стѣнахъ своихъ».

Въ первый разъ мятежники явились подъ стѣнами Елабуги въ ноябрѣ 1773 года. Это первое появленіе ихъ сопровождалось такими интересными и курьезными обстоятельствами, что мы никакъ не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить ихъ хотя вкратцѣ нашимъ читателямъ.

Въ первыхъ числахъ ноября изъ с. Бетковъ (Оренбургской провинціи), находящагося за Камой, въ виду Трехсвятскаго, прискакали 100 человѣкъ изъ партіи Пугачева. Въ самое село они не поѣхали, а остановились на лугахъ и послали въ Трехсвятское одного крестьянина съ требованіемъ, чтобы сельскій «міръ» выбралъ и прислалъ имъ «переговорщиковъ» — «по нужному государеву дѣлу». Крестьяне собрались на сходъ и выбрали двухъ довѣренныхъ, рѣчистыхъ и бывалыхъ мужиковъ, и послали ихъ къ мятежникамъ. Когда они явились туда, имъ прочитали «имянной указъ» законнаго императора; въ томъ указѣ говорилось, что жалуетъ батюшка-государь своихъ вѣрноподданныхъ «крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ, и порохомъ, и вѣчною вольностію». Но трехсвятскіе довѣренные не польстились на всѣ эти обѣщанія, даже не забоялись «гнѣва царскаго», который, по словамъ указа, «скоро восчувствуютъ на себѣ всѣ ослушники воли его величества», — они заявили мятежникамъ, что присягали императрицѣ и знаютъ только ее одну, а про императора они не слыхивали и кто онъ такой — про то не вѣдаютъ, и покоряться ему не намѣрены.

Получивъ такой отвѣтъ, мятежники опять удалились за Каму, въ с. Бетки, пригрозивши довѣреннымъ трехсвятскимъ, что они скоро явятся опять и «разнесутъ» Трехсвятское. Узнавъ объ этомъ, жители стали готовиться къ встрѣчѣ незваныхъ гостей; разставили караулы, топоры свои навострили и послали въ Казань гонца просить помощи.

Въ это время жилъ въ Трехсвятскомъ одинъ «бобыльскій сынъ», Алексашка Бурмистровъ. По словамъ священника Кулыгинскаго, «онъ былъ нравственности самой дурной, дерзокъ, силенъ, росту высокаго, словомъ имѣлъ всѣ качества, душевныя и тѣлесныя, составляющія разбойника» (!). Какъ только услыхалъ онъ о Пугачевѣ, тотчасъ же убѣжалъ за Каму и воротился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ казацкой одеждѣ и съ саблей на боку, и сталъ говорить, что государь его полковникомъ сдѣлалъ и велѣлъ ему бунтовать народъ противъ господъ и императрицы. Привезъ онъ, между прочимъ, цѣлую пачку царскихъ манифестовъ и сталъ распространять ихъ въ народѣ; среди крестьянъ начались толки и пересуды. Стали они собираться часто и промежъ себя разговари-

вать о «новомъ царѣ». Тогда попы трехсвятскіе удумали арестовать «Алексашку-вора» и представить его начальству, какъ главнаго бунтовщика и смутьяна. Удумано — сдѣлано. Разъ они были на крестинахъ у одного богатаго крестьянина; тутъ же былъ и Алексашка Бурмистровъ, который не пропускалъ ни одного общественнаго собранія, вездѣ ходилъ и читалъ манифесты Пугачева. Прійдя на крестины, Алексашка, по обыкновенію, началъ «хульныя, безбожныя рѣчи» говорить, ругать господъ и императрицу. Священники (ихъ тутъ было трое: Іоаннъ Александровъ, 50 лѣтъ, Григорій Яковлевъ Троянскій и Ѳедотъ Романовъ) подвыпили, разгорячились. Взяли они Алексашку, связали его и положили въ въ куль (sic!): затѣмъ, завязали его въ кулѣ и навалили на телегу и повезли его «какъ документъ вѣрности своей престолу», къ маіору, который былъ высланъ изъ Казани на помощь Трехсвятскому и находился, по слухамъ, очень недалеко. Когда они прибыли въ село Танайку, находящееся въ 8 верстахъ отъ Трехсвятскаго, Алексашка сталъ громко кричать изъ куля:

— Батюшки, народъ православный! Я полковникъ государя Петра Ѳедоровича! Не выдайте! Злодѣи хотятъ погубить меня!

Собрался народъ, поповъ остановили.

— Кого везете?

— Бунтовщика и вора-измѣнника Алексашку Бурмистрова, отвѣчали попы.

— Батюшки, освободите! кричалъ между тѣмъ изъ куля Алексашка.

— Ишь, черти косматые! да они его въ куль посадили... Ахъ, аспиды, черти проклятые... Развязывай куль, робята!.. Самихъ поповъ въ куль! въ куль ихъ, да въ воду!.. Ишь, надъ человѣкомъ какъ надругаются!..

Волненіе въ толпѣ разросталось, въ отдѣльныхъ, отрывочныхъ фразахъ и возгласахъ послышались угрожающія нотки. Подошли нѣсколько человѣкъ къ телегѣ и куль развязали. Алексашка вылѣзъ. Толпа сгрудилась около телеги еще тѣснѣе.

— Разсказывай, за что они тебя въ куль посадили! слышалось въ толпѣ.

Алексашка разсказалъ, въ чемъ дѣло. Толпа окончательно наэлектризовалась. — А, такъ то вы, косматые!.. Бей ихъ, робя!.. Поповъ сволокли съ телеги, били ихъ, таскали за волосы, топтали ногами и, наконецъ, посадили одного попа въ куль, гдѣ былъ Алексашка, а для другихъ принесли другіе кули, и хотѣли утопить всѣхъ въ Камѣ. «Но Богъ сохранилъ ихъ», съ глубокой вѣрой замѣчаетъ священникъ Кулыгинскій, записавшій разсказъ объ этомъ курьезномъ событіи. Нашелся среди танаевцовъ старый, разсудительный человѣкъ, который убѣдилъ своихъ односельчанъ, что имъ не дано права судить и губить, — лучше, де, представить ви-

новныхъ самому царю-батюшкѣ; пусть самъ онъ разсудитъ, какъ хочетъ. Міряне согласились и послали «бѣдныхъ защитниковъ истинной державной власти» къ Пугачеву, который находился въ это время за Камой, въ Оренбургской провинціи. Повезли ихъ за строгимъ конвоемъ, начальникомъ котораго былъ выбранъ тотъ же Алексашка Бурмистровъ. Злодѣи долго перевозили ихъ съ мѣста на мѣсто, таскали на протяженіи 200 верстъ, не находя нигдѣ Пугачева, и, наконецъ, довезли до крѣпости Нагайбакъ (?). Крѣпость эта была обложена шайками мятежниковъ, но еще держалась. Комендантъ крѣпости Новиковъ, узнавши, что въ плѣну у мятежниковъ находятся духовные, выкупилъ ихъ за 400 рублей. Часть денегъ была возвращена ему усердіемъ прихожанъ трехсвятскихъ, остальные пополнены казною. «Мученики—такъ можно ихъ назвать по претерпѣннымъ ими страданіямъ—возвратились домой, тяжко страдая почти пять мѣсяцевъ» (Шишкинъ, «Исторія города Елабуги», 24).

Въ концѣ ноября 1773 года, въ окрестностяхъ Трехсвятскаго явились шайки Пугачева, состоящія изъ башкирцевъ, татаръ и казаковъ. Разными «льстивыми обѣщаніями» они присоединили къ себѣ государственныхъ и заводскихъ крестьянъ, жившихъ здѣсь; разграбили много селъ, богатыхъ мельницъ, кожевенныхъ заведеній; отбирали у богатыхъ «міросововъ» скотъ, хлѣбные запасы, сѣно, кожи и «всякой такой скарбъ». Село Танайка сдѣлалось главнымъ штабомъ мятежниковъ; здѣсь ихъ полковникъ имѣлъ свою резиденцію, сюда сносилась вся награбленная добыча. Одно только Трехсвятское не сдавалось мятежникамъ и стояло на сторонѣ законной власти. Скоро на помощь ему подоспѣлъ изъ Казани маіоръ Пермскій, съ ротой солдатъ, состоящей изъ ста человѣкъ, съ барабанщикомъ, съ ружьями и съ пушкою. Но этихъ силъ, очевидно, было недостаточно, чтобы сопротивляться мятежникамъ. Правда, шайки злодѣевъ были вооружены очень плохо: казаки и башкиры имѣли только одни деревянныя копья съ желѣзными наконечниками, а крестьяне ходили просто съ обвостренными «лутошками», но они были страшны своей многочисленностію.

Шестаго января, въ самый день Богоявленія, мятежники, соединившись всѣ вмѣстѣ, произвели первый приступъ свой къ Трехсвятскому. Время выбрано было мятежниками очень удачно: народъ весь былъ у обѣдни, на стѣнахъ и въ воротахъ стояли одни часовые. Никто не ожидалъ приступа. Злодѣямъ удалось подойдти очень близко къ городу; нѣкоторые изъ нихъ даже полѣзли было уже на стѣну. Въ это время замѣтилъ ихъ одинъ часовой и тотчасъ же выстрѣлилъ. На выстрѣлъ выбѣжали всѣ изъ церкви, схватились за оружіе и разогнали мятежниковъ. Тогда казаки придумали хитрость. Они «навили» въ Танайкѣ 70 возовъ сѣна и со-

ломы и повезли ихъ къ городу, а сами пошли подъ ихъ прикрытіемъ. Но это было ужъ очень наивно; солдаты сразу поняли, въ чемъ тутъ дѣло, навели на обозъ пушку и начали стрѣлять. Мятежники разбѣжались. Одинъ отрядъ ихъ, человѣкъ въ 7—8, побѣжалъ въ деревню Ерзовку, которая отдѣлялась отъ города однимъ неболь-

Пугачевъ въ клѣткѣ.

Съ рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія Хилерса. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

шимъ оврагомъ. Замѣтилъ это со стѣны барабанщикъ; разгорѣлось его лихое солдатское сердце, схватилъ онъ ружье, одинъ онъ пустился въ Ерзовку и выгналъ оттуда всѣхъ восьмерыхъ мятежниковъ (Кулыгинскій).

Такіе приступы повторялись двѣнадцать разъ, но всѣ оказались безуспѣшными. Наконецъ, мятежники пошли на общій приступъ, напали на Тресвятское разомъ со всѣхъ сторонъ. А между

тѣмъ, у жителей запасъ пороха совершенно истощился; обороняться было нечѣмъ. «Тогда, разсказываетъ священникъ Кулыгинскій, жители, не надѣясь на свои силы, прибѣгли къ Господу»: они всѣ собрались въ храмъ, отслужили тамъ молебенъ предъ нерукотворенныйъ образомъ Спасителя, который изстари считался чудотворнымъ,—и вотъ черныя облака облегли небо, и поднялась сильная вьюга. Снѣгъ билъ прямо въ глаза осаждающихъ. Они ничего не могли видѣть, не въ состояніи были распознать, гдѣ свои, гдѣ чужіе. «Вертѣлся каждый на своемъ мѣстѣ—назади все для нихъ было ясно, а впереди—тьма непроницаемая. Вздумали подождать, не пройдетъ ли мятелица, но она часъ отъ часу только увеличивалась. Наконецъ, не могли вытерпѣть пронзительнаго вѣтра съ снѣгомъ, который ужасно рѣзалъ имъ глаза, они вскричали: «это что-то не просто!», и со страхомъ побѣжали нечестивіи, ни единому же гонящу» (Шишкинъ, 27). Такъ разсказываютъ наши мѣстные доморощенные историки о послѣднемъ приступѣ пугачевцевъ къ с. Трехсвятскому.

Потерпѣвъ здѣсь неудачу, бунтовщики разсѣялись по сосѣднимъ селеніямъ.

Въ это время изъ Казани прибылъ регименть гусаръ въ 400 человѣкъ. Маіоръ Пермскій указалъ имъ, гдѣ можно найдти главныя массы бунтовщиковъ и какія селенія оказываются наиболѣе безпокойными и «склонными къ бунту». Разумѣется, Танайка поставлена была при этомъ на первомъ планѣ. Туда и бросились гусары прежде всего. Бунтовщиковъ къ этому времени тамъ и слѣда не осталось; жизнь давно ужъ вошла въ свою колею, и каждый спокойно занимался своимъ дѣломъ. Но гусары этого разбирать не стали; прискакавши въ Танайку, они накинулись сначала на тѣхъ, кто случился въ эту пору на улицѣ, и изрубили ихъ; затѣмъ бросились по избамъ и закалывали всѣхъ, кого ни встрѣчали, безъ всякаго сожалѣнія, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Жители стали прятаться, кто куда могъ: въ погреба, на «подволоки» (чердаки), въ овины и бани, но ихъ вездѣ находили и умерщвляли. До сихъ поръ за с. Танайкой показываютъ два «лога», которые будто бы доверху наполнены были трупами и забросаны землею. Имущество танайцевъ было все разграблено; часть его взята была самими гусарами, а часть отослана въ с. Трехсвятское для раздачи тамошнимъ жителямъ, «въ награду за ихъ вѣрность».

Точно также поступили и съ другими бунтовавшими селеніями, а такихъ селеній вокругъ Трехсвятскаго было до семнадцати. Гусары вырѣзали въ нихъ почти всѣхъ жителей, а кто и живъ остался, тотъ въ лѣсъ убѣжалъ, чтобы переждать тамъ крутое времячко дикой, варварской расправы; цѣлыя деревни запустѣли совсѣмъ, и нужны были долгіе годы, чтобы онѣ заселились снова народомъ; нѣкоторыя селенія были дотла сожжены и съ тѣхъ

поръ уже никогда болѣе не возстановлялись. За то вездѣ были водворены «порядокъ и устройство», какъ тогда выражались, и, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время все стало тихо и спокойно. Маіоръ Пермскій вмѣстѣ съ гусарами отправились на югъ, за Каму, гдѣ война съ Пугачевымъ была еще въ полномъ разгарѣ. Въ Уфѣ они раздѣлились: гусары примкнули, согласно данной имъ инструкціи, къ отряду Михельсона, а маіоръ съ своей ротой отправился къ Саратову, но на пути встрѣтился съ шайками Пугачева и вступилъ съ ними въ бой. Рота его была вся изрублена на мѣстѣ, а самъ онъ былъ взятъ мятежниками въ плѣнъ и приведенъ къ Пугачеву. Самозванецъ предложилъ ему вступить къ нему на службу, но маіоръ наговорилъ ему дерзостей и былъ за это казненъ.

Во второй разъ село Трехсвятское подверглось нападенію со стороны самого Пугачева, когда онъ шелъ отъ Осы и Кунгура къ Казани.

25-го іюня, получено было въ селѣ Трехсвятскомъ извѣстіе, что Пугачевъ переправился чрезъ Каму, раззорилъ Воткинскій заводъ и теперь идетъ на Казань. Жители Трехсвятскаго страшно перепугались — и было чего: ближайшій путь самозванца лежалъ, очевидно, черезъ Трехсвятское, а зайдя сюда, онъ, конечно, не преминетъ отмстить жителямъ за упорное сопротивленіе, какое они оказали въ ноябрѣ прошлаго года мятежническимъ шайкамъ. Вслѣдствіе этого, многіе изъ достаточныхъ, состоятельныхъ крестьянъ села Трехсвятскаго выбрались заблаговременно въ Казань, другіе же скрылись въ лугахъ, гдѣ росли прежде высокіе осокори и густой ивовый кустарникъ; только одна третья часть всѣхъ жителей осталась въ своихъ жилищахъ. О сопротивленіи никто и не думалъ. Да и возможно ли было сопротивляться, когда съ Пугачевымъ было около 25,000 войска, а въ Трехсвятскомъ не было ни пушекъ, ни ружей, ни солдатъ?.. Рѣшено было на міру выйдти навстрѣчу къ самозванцу и «принести ему покорную голову». Когда Пугачевъ подъѣхалъ къ самому селу, священникъ Николаевской церкви, Григорій Михайловъ Замятнинъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ встрѣчать его за околицу; за нимъ несли хоругви и икону нерукотвореннаго Спаса. Передъ Пугачевымъ всѣ пали на колѣни и земно поклонились ему. Пугачевъ гнѣвно вскинулъ на нихъ своими черными, проницательными глазами.

— Вы, мятежники, бунтовщики, не сдавались?!

Никто не осмѣлился ему отвѣтить; всѣ стояли на колѣняхъ, молча, потупившись въ землю.

Не дожидаясь отвѣта, Пугачевъ соскочилъ съ коня и поцѣловалъ крестъ, который поднесъ ему священникъ, и икону. Потомъ онъ сказалъ: «вставайте!»—и отдалъ приказъ своему войску остановиться здѣсь на ночлегъ. Казаки его пошли ночевать въ Трех-

святское, заняли тамъ всѣ избы, сараи и овины; а самъ онъ легъ спать въ шатрѣ, который былъ раскинутъ для него на живописномъ нагорномъ берегу озера Окунева (потатарски Алабуга).

Пугачеву не было разсчета долго оставаться здѣсь, тѣмъ болѣе, что «языки» увѣдомили уже его, что Михельсонъ вышелъ изъ Уфы и идетъ слѣдомъ за нимъ по Арской дорогѣ. Самозванцу нужно было торопиться въ Казань, чтобы поспѣть туда ранѣе прибытія Михельсона. Поэтому на слѣдующій день, какъ только онъ поднялся съ постели, тотчасъ же далъ приказъ немедленно собираться и выступать впередъ. Но жители Трехсвятскаго приписали эту поспѣшность особому чуду. Разсказывали, что ему приснился страшный сонъ: будто бы являлся ему самъ Іисусъ Христосъ и угрожалъ ему гнѣвомъ своимъ, если онъ еще дольше останется здѣсь и помыслитъ какое нибудь зло сдѣлать селу Трехсвятскому. Другіе говорятъ, что утромъ на другой день Пугачевъ всталъ съ постели слѣпымъ, и только когда онъ отслужилъ молебенъ чудотворной иконѣ и далъ торжественное обѣщаніе сейчасъ же удалиться отсюда, — только тогда Богъ снова даровалъ ему прозрѣніе. Поэтому будто бы Пугачевъ и «удралъ» отсюда такъ скоро.

Мятежническія войска прошли вдоль села Трехсвятскаго и направились по дорогѣ къ селенію Лекареву и дер. Танайкѣ. Здѣсь встрѣтили ихъ радостными криками и поднесли Пугачеву хлѣбъ-соль. Пугачевъ благодарилъ танайковцевъ за «вѣрность» и обѣщалъ имъ за это «землю и вѣчную вольность».

Отсюда онъ пошелъ на Мамадышъ (Казанской губ.), переправился здѣсь черезъ рѣку Вятку и...

Здѣсь мы должны остановиться и поставить точку. Дальнѣйшій путь Пугачева, встрѣча его съ отрядомъ гр. Толстаго, погибель этого послѣдняго, взятіе Казани и т. д. — уже не можетъ быть предметомъ нашего очерка. Общія, болѣе или менѣе подробныя, свѣдѣнія объ этомъ можно найдти у нашихъ историковъ Пугачевщины: Пушкина, Щебальскаго и въ особенности Мордовцева. А здѣсь мы считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ двухъ отдѣльныхъ шаекъ, посланныхъ Пугачевымъ въ село Гольянское и городъ Сарапулъ.

Въ Гольяны посланъ былъ какой-то старый «казакъ-атаманъ», и съ нимъ 100 человѣкъ крестьянъ, казаковъ и черемисъ. Пріййдя туда, разбойники сейчасъ заставили попа приводить крестьянъ къ присягѣ законному государю Петру Ѳедоровичу. Попъ созвалъ народъ колокольнымъ звономъ, вынесъ налой за церковную ограду, на торговую площадь, и здѣсь сталъ давать крестьянамъ присягу. А мятежники, между тѣмъ, разбрелись по селу, заходили въ богатые дома и брали тамъ, что кому заблагоразсудится. При этомъ происходило, разумѣется, немало безобразій. Такъ, напримѣръ, одинъ казакъ изнасиловалъ крестьянскую дѣвушку; а то нѣсколько

человѣкъ вошли въ домъ крашенинника и нашли здѣсь цѣлую кучу холстовъ; взяли ихъ и разбросали по крышамъ сосѣднихъ домовъ. Нѣкоторые забрались въ церковь и надѣли на себя дорогія ризы. Затѣмъ всѣ собрались около кабака, выкатили оттуда цѣлую «сорокоушку» и усѣлись около нея. Стакановъ и рюмокъ не хватило для всѣхъ, — стали пить изъ бураковъ, жбановъ, братинъ, а то и просто изъ рукавицъ или изъ шапки. Въ попойкѣ участвовали и всѣ мѣстные крестьяне, такъ что пирующихъ было очень много: они заняли почти всю площадь села. Тутъ же, между прочими, толкался и дьячекъ, Яковъ Красноперовъ, 19-ти лѣтъ.

— Ты что, долговолосый, не пьешь съ нами? спросилъ его атаманъ шайки.

— Я совсѣмъ не пью вина, робко отвѣтилъ Красноперовъ.

— Ну, такъ на тебѣ денегъ... чтобы нынче всѣ веселы были! У насъ праздникъ! сказалъ атаманъ и бросилъ дьячку три горсти мѣдныхъ денегъ, взятыхъ въ кабакѣ. Дьячекъ съ благодарностію подобралъ ихъ.

Когда пиръ былъ въ полномъ разгарѣ и пьяные казаки затянули пѣсни, на площадь пришелъ юродивый, «божій человѣкъ», и сталъ говорить что-то непонятное, о какомъ-то «пожарѣ божескомъ», о «змiѣ великомъ, вельми страшномъ» и т. п.

— Гей, хлопцы, повѣсить его! закричалъ атаманъ.

— Да за что это? вступился одинъ гольянскій крестьянинъ,— вѣдь онъ дурачокъ...

— А, ты умный! перебилъ его атаманъ. Ну-ка, повѣсьте этого умника. — Крестьянина повѣсили.

Шайка переночевала въ Гольянскомъ. На другой день разбойники, опохмѣлившись оставшимся виномъ, оставили село и отправились догонять Пугачева. При этомъ они забрали у гольянскихъ крестьянъ всѣхъ лошадей. Дьячекъ Красноперовъ хотѣлъ было скрыть свою лошадь и запряталъ ее въ «куриный хлѣвъ», но ее нашли и отобрали, отдавъ ему взамѣнъ хромоногую клячу.

На дворцовую слободу города Сарапула былъ посланъ «полковникъ» Данило Шитовъ.

Шитовъ былъ священникъ села Касева, нынѣшней Уфимской губерніи. Онъ былъ человѣкъ буйнаго, неспокойнаго нрава, натура широкая, размашистая, романтическая, жаждущая все новыхъ и новыхъ впечатлѣній. Не смотря на то, что ни одинъ историкъ этой эпохи ничего не говоритъ о Шитовѣ, онъ, несомнѣнно, есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ, даровитѣйшихъ личностей эпохи Пугачевщины. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о немъ очень скудны. Все, что мы знаемъ о немъ, относится непосредственно ко времени пугачевскаго движенія; его прежняя жизнь, равно какъ и послѣдующая судьба, совершенно неизвѣстны для насъ. Изъ статьи «О нашествіи Пугачева на Сарапульскій уѣздъ», помѣщенной въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдо-

мостяхъ», видно, что, при вступленіи въ Пугачевскую шайку, Шитовъ былъ уже человѣкъ далеко не молодой: у него было два взрослыхъ сына, которые оба, вмѣстѣ съ отцомъ, служили въ войскѣ Пугачева. По своимъ способностямъ, Шитовъ скоро выдвинулся изъ массы и былъ замѣченъ самозванцемъ. Послѣдній, видя, что попъ Данило пользуется среди крестьянъ большимъ вліяніемъ и почетомъ, старался по возможности задобрить его, привлечь на свою сторону и поставилъ его въ «полковники». Что̀ привело Шитова подъ знамена самозванца — рѣшить довольно трудно, по неимѣнію какихъ бы то ни было точныхъ свѣдѣній объ этомъ. Вѣрилъ ли онъ дѣйствительно, что Пугачевъ есть законный, обиженный дворянами, императоръ; или это былъ просто порывъ страстной, романтической натуры, жаждущей приключеній и опасностей; или же, наконецъ, попъ Данило былъ «идейнымъ» человѣкомъ, если можно такъ выразиться, однимъ изъ тѣхъ «старателей» и «печальниковъ» горя народнаго, которые, ничѣмъ не выдаваясь въ обыкновенную «будничную» пору, вдругъ появляются на сценѣ исторіи въ моменты высшаго порыва народнаго романтизма, и, какъ Томасъ Мюнцеръ или Спартакъ, увлекаютъ за собою цѣлыя массы народа и ведутъ ихъ для мести и для завоеванія новаго счастія?.. Категорически отвѣтить на этотъ вопросъ мудрено, но вѣроятнѣе всего послѣднее. Предположить, что Шитовъ, при его умѣ и способностяхъ, дѣйствительно могъ вѣрить въ царственное происхожденіе Пугачева—было бы положительнымъ абсурдомъ. Равнымъ образомъ, невозможно думать, что Шитовъ пошелъ за Пугачевымъ и всецѣло предался ему только вслѣдствіе страстнаго, необузданнаго порыва своей натуры, потому что онъ былъ слишкомъ старъ для этого; да и кромѣ того, такой безсознательный, романтическій порывъ не можетъ мириться съ фанатизмомъ, а Шитовъ былъ фанатикъ. Онъ хотѣлъ зарѣзать своего брата Игнатія, бывшаго священникомъ въ томъ же селѣ Касевѣ, за то, что тотъ не соглашался вступить въ шайку Пугачева. Авторъ упомянутой статьи о нашествіи Пугачева на Сарапульскій уѣздъ приводитъ трогательный разсказъ объ этомъ. Когда Данило пришелъ въ домъ брата, чтобы совершить свой гнусный умыселъ, то засталъ брата спящимъ. Въ избѣ больше никого не было. Данило вынулъ изъ-за сапога ножъ и хотѣлъ было ударить брата въ сердце, но въ это время вбѣжала въ избу Устинья, дочь Игнатія и крестница Данилы, дѣвочка 10-ти лѣтъ. — «Крестный, закричала она, увидя, что тотъ стоитъ надъ отцомъ съ ножомъ въ рукахъ: — крестный, что ты дѣлаешь? Только тронь тятьку, — я убью тебя!» — И съ этими словами она схватила топоръ, лежавшій подъ «кутникомъ»... Пораженный этимъ, Данило будто бы бросилъ ножъ и убѣжалъ изъ избы.

Игнатій Шитовъ, не смотря на свою невинность, былъ впослѣдствіи заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ мятежниками и въ част-

ности съ своимъ братомъ Данилою и увезенъ въ секретную коммиссію. При обыскѣ, произведенномъ у него въ домѣ, у него найдена была грамота на званіе полковника, выданная Пугачевымъ брату его. Это послужило доказательствомъ виновности Игнатія; его отдали въ солдаты безъ выслуги. Двѣнадцать лѣтъ онъ былъ деньщикомъ у одного офицера въ Казани и потомъ какимъ-то путемъ оправданъ и возвращенъ на родину. Мѣста священническаго ему не дали, но онъ жилъ здѣсь еще долго и занимался пчеловодствомъ.

У Данилы Шитова была большая шайка, состоявшая изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые охотно шли за своимъ отцомъ духовнымъ, такъ какъ уважали и любили его. Пугачевъ послалъ его на Сарапулъ для взятія этого города и для приведенія тамошнихъ жителей къ присягѣ; въ помощь ему онъ далъ небольшой отрядъ казаковъ и башкиръ. Когда въ Сарапулѣ услыхали о приближеніи Шитова, то сдѣлался великій переполохъ между жителями. Стали прятать имущество, зарывали его въ землю, а сами искали спасенія въ бѣгствѣ. Богатые всѣ разбѣжались: одни уѣхали на лодкахъ и на судахъ по Камѣ, другіе скрылись въ лѣса, третьи переѣхали на небольшой островъ, лежащій противъ Сарапула. Голытьба вся осталась, ей бѣжать было незачѣмъ. Отъ начальства приказано было собираться всѣмъ каждодневно для работы по устройству вала, которымъ думали обнести городъ, но приказа этого никто не слушалъ: все суетилось, бѣгало, у всѣхъ своей заботы было по горло...

Не доходя нѣсколькихъ верстъ до города, Шитовъ послалъ двухъ казаковъ къ сарапульскому протопопу, съ требованіемъ, чтобы онъ встрѣтилъ царскаго полковника со всей торжественностію, съ иконами и колокольнымъ звономъ; въ противномъ случаѣ угрожалъ самого протопопа предать смертной казни, а городъ разграбить и сжечь. Протопопъ, Яковъ Емельяновъ Шеланговскій, не смѣлъ ослушаться, и встрѣтилъ Шитова у городской заставы съ большой помпой. Впрочемъ, можетъ быть, о. Шеланговскій сдѣлалъ это не изъ страха наказанія, а по доброй волѣ, потому что онъ, кажется, вообще относился къ мятежникамъ симпатично. Такъ послѣ, по дознанію, оказалось, что онъ братался съ «мятежническими казаками», расхаживалъ съ ними по «кружаламъ», пилъ вино и убѣждалъ всѣхъ присягнуть самозванцу. На эктеніяхъ вездѣ стали поминать, по его приказанію, «благовѣрнаго государя Петра Ѳеодоровича». Когда окончился Пугачевскій погромъ, Шеланговскаго взяли въ секретную коммиссію, наказали кнутомъ, лишили священства и отослали въ Оренбургъ на казенныя работы. 7-го августа 1783 года, милостивымъ манифестомъ онъ былъ освобожденъ и по паспорту Уфимскаго намѣстничества возвратился въ Сарапулъ, къ сыну. Просилъ было у архіерея прежняго мѣста, но ему отказали.

Шитовъ привелъ съ собою въ Сарапулъ какого-то попа Тихона; гдѣ онъ его взялъ—неизвѣстно. Попа вели за шайкой со связанными руками, на веревкѣ, какъ собаку. Его притащили въ соборную городскую церковь, отпѣли тамъ живаго и повели на казнь въ полномъ священническомъ облаченіи, а въ руки дали по пучку зажженныхъ свѣчъ. Несчастнаго привели на Старцеву гору, близь Сарапула, и тамъ повѣсили на высокомъ деревѣ. Трупъ его долго висѣлъ здѣсь. Рядомъ съ нимъ повѣсили еще человѣкъ 10 сарапульскихъ обывателей, не желавшихъ присягнуть самозванцу. Шитовъ вообще не любилъ смертныхъ казней и приказывалъ вѣшать только тѣхъ, кто осмѣливался публично отказаться отъ присяги «своему законному государю Петру Ѳеодоровичу». Человѣкъ трезвый и строгій, онъ не любилъ также, чтобы шайка его безчинствовала и грабила дома мирныхъ гражданъ, если только эти дома не принадлежали какому нибудь чиновнику или купцу-міроѣду. Казаки, пришедшіе съ нимъ, боялись его, какъ огня, потому что онъ не давалъ имъ потачки и строго наказывалъ за своеволіе.

Шитовъ прогостилъ въ Сарапулѣ всего пять дней; затѣмъ онъ собралъ своихъ крестьянъ и направился съ ними куда-то на сѣверо-востокъ по Пермской дорогѣ... Здѣсь, къ сожалѣнію, и кончаются наши свѣдѣнія о Шитовѣ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Въ Сарапулѣ остался одинъ отрядъ казаковъ, съ атаманомъ Власовымъ во главѣ. Власовъ самъ былъ человѣкъ пьяный и развратный и давалъ казакамъ полную волю творить, что угодно. Казаки пустились, какъ говорится, «во вся тяжкая». Они расхаживали по улицамъ и спрашивали всякаго, кто попадался навстрѣчу: «въ кого вѣруешь (sic!)—въ Петра или Катерину?» и, если несчастный, испуганный обыватель говорилъ: «въ Катерину», или только «заминался на словахъ», его безъ разговоровъ отправляли «на рели». Женщинамъ совсѣмъ нельзя было ходить по улицѣ. Ихъ оскорбляли, срывали съ головъ «кановатныя фаты» и обертывали ими свои ноги, вмѣсто онучъ. Всѣ дома обывателей, не только богатыхъ, но и бѣдныхъ, были ограблены. Той же самой участи подверглись всѣ селенія, лежащія близь города Сарапула. Жители сидѣли запершись у себя въ домахъ и не смѣли показываться на улицу: такъ напугали ихъ разбойники. Современникъ разсказываетъ, что «достаточно было надѣть красную рубашку и взять въ руки лутошку, обдѣланную на манеръ копья, какъ отъ этого человѣка бѣжали десятки мирныхъ гражданъ».

До какой степени звѣрства доходили казаки, это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: у жены сарапульскаго мѣщанина Иванова одинъ пьяный казакъ вырѣзалъ груди, и не для чего нибудь, а просто такъ, «для потѣхи». Она долго ползала по землѣ, призывая на помощь и оставляя за собою кровавый слѣдъ, и, наконецъ, испустила духъ. Но за то были факты и совершенно про-

тивоположнаго характера, факты, которые доказываютъ, что мятежникамъ и «злодѣямъ» были иногда доступны человѣческія чувства и что если иные изъ нихъ примыкали къ Пугачеву и шли за нимъ, то шли въ данномъ случаѣ не изъ-за того, чтобы только грабить, рѣзать и убивать, не изъ жажды человѣческой крови, а по другимъ, совершенно особымъ причинамъ... Мѣщанинъ Владиміръ Сѣдовъ убѣжалъ отъ мятежниковъ въ лѣсъ; жена его, только что разрѣшившаяся отъ бремени, не могла за нимъ послѣдовать и должна была остаться въ городѣ. Она лежала въ банѣ, едва живая, одинокая, безъ всякаго призрѣнія... Вдругъ входитъ къ ней туда башкирецъ изъ шайки Власова. У несчастной духъ замеръ отъ страха... А башкирецъ, между тѣмъ, посмотрѣлъ на нее, видитъ:—больная, спрашиваетъ:

— А гдѣ же твои домашніе?

— Убѣжали всѣ до единаго, отвѣчала несчастная.

— Экія собаки! удивился башкирецъ и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени опять къ ней входитъ,—принесъ ей два калача и кружку воды.

Впослѣдствіи женщина эта первую молитву всегда творила за здравіе и спасеніе башкирца, спасшаго ей жизнь.

Сарапульцы долго терпѣли безобразія Власова и его шайки; наконецъ, имъ стало положительно не въ мочь, они рѣшились погубить его. Удобный случай скоро представился. Отъ постояннаго пьянства Власовъ заболѣлъ и потребовалъ знахарку. Та посовѣтовала ему сходить въ баню и хорошенько попариться. Власовъ послушался знахарки и отправился въ баню. Тамъ его заперли и сожгли. Тотчасъ же послѣ этого бросились къ казакамъ; они въ это время пьянствовали и не были совсѣмъ приготовлены къ нападенію. Сарапульцы скоро справились съ ними: однихъ на мѣстѣ положили, другіе были перевязаны и посажены въ погреба, а многіе разбѣжались и долго еще потомъ разбойничали въ окрестностяхъ Сарапула.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ передать здѣсь нѣсколько народныхъ разсказовъ о поимкѣ и кончинѣ Пугачева, записанныхъ нами въ Уржумскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ, Вятской губерніи.

Поймать его трудно было. Застрѣлить,—его пуля никакая не брала, потому что онъ «слово» такое зналъ; «засѣчь» — тоже было невозможно, такъ какъ сабли и пики только скользили по немъ, а вреда никакого не причиняли. Узнали объ этомъ въ Москвѣ, созвали генераловъ на совѣтъ: «какъ, дескать, дѣлаться съ Емелькой-воромъ?» Генералы говорятъ: «мы не знаемъ». — Созвали архіереевъ всѣхъ: «не присовѣтуете-ли, не скажете-ли, какъ изловить Емельку?» Архіереи тоже говорятъ: «мы не знаемъ, и въ книгахъ объ этомъ ничего не писано». Всѣ закручинились, не

знаютъ, что дѣлать... Тутъ и выискался крестьянинъ одинъ, такъ себѣ мужиченко простой, поглядѣть на него — плюнуть да растереть. Пришелъ онъ туда къ нимъ да и говоритъ: «Эхъ вы, говоритъ, а еще генералами да архіереями называетесь, а не знаете, какъ изымать Емельку-вора. А я такъ вотъ знаю»... Тутъ сейчасъ всѣ къ нему: «какъ да какъ? скажи, пожалуйста, добрый человѣкъ. Золотомъ осыплемъ, только скажи». — «А вотъ какъ. Есть, говоритъ, у меня одна книга, старая престарая, отъ дѣдушки еще мнѣ досталась. Тамъ все объ этомъ и прописано. Да только, говоритъ, даромъ я вамъ ее не дамъ; а вотъ выложите мнѣ тысячу цѣлковыхъ — такъ и быть покажу». Тутъ сейчасъ ему 1,000 цѣлковыхъ отдали, а онъ вынимаетъ изъ-подъ полки книжку свою. — «Вотъ, говоритъ, возьмите, читайте». Стали читать, а тамъ все и описано: какъ будетъ Емелька-воръ по землѣ ходить, какъ его ловить будутъ — не изловятъ; «сѣчь» учнутъ—не «засѣкутъ»; изъ ружья палить станутъ — не застрѣлятъ. А потомъ и наученье, какъ его изловить: взять нужно льну съ 7 поповыхъ полосъ, да свить изъ него веревку, да освятить ее въ семи церквахъ, да святой водой окропить, а потомъ затянуть мертвой петлей и накинуть на Емельку. Тутъ у Емельки и руки опустятся, и силъ совсѣмъ не станетъ, и ослабнетъ онъ, какъ дитя малое. Бери его и что хочешь съ нимъ дѣлай. Такъ и сдѣлали, и изловили Емельку; а то бы гдѣ поймать тоже. Спроста-то ни за что бы не взять его.

О смерти Емелькиной разно говорятъ. Одни разсказываютъ, что его въ Москву отвезли и въ каменный столбъ тамъ замуровали. Другіе говорятъ, что его сейчасъ, какъ только взяли, такъ тутъ и прикончили; потомъ закопали гдѣ-то на болотѣ. Но Емелька будто бы и послѣ смерти не угомонился; онъ сталъ выходить по ночамъ изъ земли и все народъ пугалъ. Тогда его снова вырыли и въ брюхо колъ осиновый заколотили; съ тѣхъ поръ онъ и пересталъ являться на землѣ. Только на могилѣ его, говорятъ, каждую ночь видятъ огоньки, и слышатся вокругъ стоны и вопли: это души, загубленныя имъ, собираются здѣсь и плачутъ...

Кромѣ того, намъ передавали еще такую сказку. Емелька душу свою бѣсамъ запродалъ, и они обѣщали ему помогать во всемъ и царемъ бѣлымъ сдѣлать, только чтобы онъ короны не надѣвалъ и святымъ мvромъ не мазался. Емелька-воръ на все согласился, набралъ войско большое и пошелъ на Москву. А бѣсы-то будто бы туману въ глаза всѣмъ православнымъ напустили, такъ что всѣ принимали его за настоящаго царя и вездѣ встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Емелька было уже къ самой Москвѣ подошелъ, да тутъ ему Николай-угодникъ встрѣтился, — нищимъ одѣтъ, въ ромоньѣ [1]), въ

[1]) Ромонье — лохмотья; оттуда ромонникъ — человѣкъ, одѣтый бѣдно, въ драномъ платьѣ.

лаптяхъ и съ шевереньkой. Идетъ это Николай-угодникъ мимо Емельки и не кланяется ему. Емелька увидалъ, разсердился. «Что это, говоритъ, за такой-сякой идетъ, не кланяется? Мнѣ генералы всѣ—и тѣ до земли покланяются, а этотъ ромоншикъ идетъ и шапки не ломаетъ!» А Никола подошелъ, милостинку Христа-ради проситъ. — «Да ты кто такой?» — «Да я, говоритъ, такъ... нищенка тутошный». Пугачевъ ему и говоритъ: «Почему же ты мнѣ не кланяешься? Вотъ поклонись мнѣ сейчасъ въ ноги,— милостину дамъ, много денегъ дамъ. Только поклонись». «Не поклонюсь», говоритъ. — «А коли не поклонишься, такъ я тебя злой смерти предамъ». — «Не поклонюсь, говоритъ,—хоша ты и царь, а я не поклонюсь тебѣ. Я только Богу одному кланяюсь». Емелька тутъ въ сердце вошелъ. — «Наклоните, говоритъ, ель да къ вершинкѣ самой его и привяжите. Не захотѣлъ мнѣ поклониться, такъ пусть кланяется всѣмъ, кто ни пройдетъ по этой дорогѣ». Тутъ Николай-угодникъ ему и сказалъ: «Да ты, говоритъ, знаешь ли, кто я. Я вѣдь Николай-угодникъ, а ты воръ-Емелька, плутъ и обманщикъ». Дунулъ на него—и тутъ все очарованіе демонское уничтожилось: туманъ слетѣлъ съ глазъ у людей, и всѣ увидѣли, что это не царь, а просто воръ-Емелька. Сейчасъ его самого схватили и повѣсили на той самой ели, на которой онъ хотѣлъ повѣсить Николу-угодника.

Многіе совсѣмъ не вѣрятъ смерти Пугачева и думаютъ, что онъ и до сихъ поръ живъ и скрывается гдѣ-то въ лѣсу. Спасается— говорятъ, тамъ; питается одними кореньями и пьетъ болотную гнилую воду, — все отмаливаетъ грѣхи свои: на немъ вѣдь много крови то христіанской лежитъ... Онъ еще придетъ на Русь опять, когда воцарится у насъ Константинъ (sic!), но придетъ на этотъ разъ не затѣмъ, чтобы разбойничать, грабить и убивать, а чтобы идти вмѣстѣ съ царемъ Константиномъ Царьградъ завоевывать... Это случится уже въ самыя послѣднія времена, незадолго до пришествія Антихриста.

Н. Добротворскій.

МИЦКЕВИЧЪ И ВИЛЕНСКІЕ ФИЛАРЕТЫ.

Недавно въ Львовѣ вышло въ трехъ томахъ сочиненіе г. Юзефа Третьяка о молодыхъ годахъ Адама Мицкевича, о времени его студенчества и учительства, въ связи съ товарищескими и сердечными вліяніями на расцвѣтавшую въ ту пору его поэзію (Mickiewicz w Wilnie u Kownie. Zycie u poezya. I. Tretiak. Lwow. 1884). Относительно первой любви Адама къ Маріи Верещакъ существуетъ, можно сказать, цѣлый отдѣлъ въ польской литературѣ; даже послѣ появленія книги г. Третьяка, вышелъ въ Львовѣ же анекдотическаго характера сборникъ, съ портретами обоихъ героевъ этой платонически-любовной эпопеи, не заслужившій, впрочемъ, особенно благосклоннаго пріема со стороны польской критики. Этюдъ г. Третьяка должно признать явленіемъ гораздо болѣе серьезнымъ, основаннымъ на сопоставленіи всего наличнаго біографическаго матеріала о поэтѣ, а также воспоминаній нѣкоторыхъ, частію живыхъ, его товарищей, съ тѣми слѣдами, какіе соотвѣтствуютъ пережитымъ вліяніямъ въ самой поэзіи Мицкевича. Любовь къ Маріи и тутъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, какъ элементъ личный, біографическій, отразившійся во множествѣ романсовъ и сонетовъ Мицкевича и даже въ нѣкоторыхъ его поэмахъ. Но едва-ли не большее еще значеніе для характеристики воспитательныхъ условій самого поэта, а особенно для изображенія того времени, какое переживала тогда бывшая столица Литвы, — имѣетъ тщательно нарисованная авторомъ (хотя не безъ извѣстной односторонности въ освѣщеніи) картина умственной жизни тогдашняго виленскаго общества и нѣкоторыя подробности о товариществахъ и кружкахъ мѣстной молодежи, носившихъ названія шубравцовъ, филоматовъ, филаретовъ и лучезарныхъ.

I.

Виленскій университетъ, незадолго до поступленія туда Адама Мицкевича преобразованный попечителемъ округа кн. Адамомъ Чарторыскимъ, составлялъ во все время пребыванія тамъ поэта (1815—1819) центръ всей мѣстной умственной жизни, очагъ тогдашней польской интеллигенціи, и по духу рѣзко отличался отъ окружающей старосвѣтско-польской среды. Послѣднюю Мицкевичъ изобразилъ впослѣдствіи въ «Панѣ Тадеушѣ», конечно, не безъ вліянія того богатаго матеріала, какой ему довелось видѣть въ молодости.

Праздность и расточительность, пьянство и картежная игра, безконечныя тяжбы и сутяжничество рядомъ съ неурядицами на выборахъ, рабскія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, уживавшіяся съ французоманіей этихъ послѣднихъ, погоня за титулами,—короче, умственный мракъ въ соединеніи съ нѣкоторыми патріархальными добродѣтелями, все это не могло не казаться страннымъ и достойнымъ порицанія людямъ съ новыми понятіями, съ независимыми убѣжденіями, представителямъ интеллигенціи, группировавшимся около университета. Критическое отношеніе къ старошляхетской жизни, къ отживавшимъ понятіямъ, сначала тихое, мало-по-малу усиливалось и, наконецъ, выразилось съ особою силою въ сатирическомъ листкѣ подъ названіемъ «Вѣдомости съ мостовой» (Brukowe wiadomosci).

Собственно говоря, это изданіе возникло раньше, для поддержки животнаго магнетизма (месмеризма), который въ ту пору былъ въ числѣ излюбленныхъ коньковъ виленскаго общества, но тогда газета не пошла. Послѣ неуспѣха первоначально задуманнаго направленія, газета перешла въ руки Казиміра Контрыма, университетскаго библіотекаря изъ бывшихъ костюшковскихъ солдатъ, который имѣлъ огромное вліяніе на молодежь. Съ 1817 года Контрымъ съ братіей сталъ издавать «Вѣдомости» аккуратно по субботамъ, въ видѣ юмористическаго листка, въ которомъ, между прочимъ, исправно осмѣивался тотъ самый месмеризмъ, на поддержку котораго изданіе возникло. Разумѣется, цѣлью сатиры избирались также предметы болѣе жизненнаго свойства, и даже ярко общественнаго характера, что впослѣдствіи и послужило поводомъ къ запрещенію газеты; на первыхъ же порахъ сатирики съ такою рѣзкостью выступили противъ старошляхетскихъ обычаевъ, что дѣло едва не дошло до суда, какъ говорится въ «Письмахъ» Лелевеля.

Чтобы сообщить болѣе прочности дѣлу изданія газеты, вокругъ нея образовался товарищескій кружокъ подъ названіемъ общества голышей (шубравцовъ). Главнымъ организаторомъ общества былъ тотъ же Контрымъ, и онъ же, вмѣстѣ съ Балинскимъ (воспѣв-

шимъ общество стихами), принималъ наибольшее участіе въ составленіи устава, одобреннаго въ первоначальномъ его видѣ на сходкѣ «голышей» 18-го іюня 1817 года.

Уставъ общества не лишенъ интереса для характеристики стремленій той части тогдашней молодежи, которая себя считала попреимуществу интеллигентною. Цѣлью «голышей» по уставу было обличать предразсудки и пороки, которые, по существу своему, ускользаютъ отъ дѣйствія внѣшняго закона, а между тѣмъ вредны для всего общества, тѣмъ болѣе, что оно съ ними сжилось и само не считаетъ ихъ за дурное. Сперва это предполагалось дѣлать вообще, теоретически, не касаясь отдѣльныхъ личностей; между тѣмъ, дѣло очень скоро пошло именно въ этомъ послѣднемъ направленіи, чѣмъ объясняется, съ одной стороны, успѣхъ новаго кружка въ Вильнѣ, съ другой, нелюбовь жителей къ отдѣльнымъ его членамъ. Уставъ до мелочей предусматриваетъ и перечисляетъ дурные навыки и качества, заслуживающія преслѣдованія; таковы: пьянство, карты, билліардъ, соединенные съ тратой времени, стыда и состоянія. Высказывается неодобреніе нѣкоторымъ ходячимъ понятіямъ того времени, напримѣръ: что можно считаться просвѣщеннымъ обывателемъ, занимать оффиціальныя должности и—всю жизнь не читать книгъ, или: что любить свое отечество и народность—значитъ безъ разбора хвалить все свое, стародавнее, а указаніе общественныхъ недостатковъ считать обидой цѣлому народу. Порицаются также люди, щедрые на обѣщанія, но забывающіе о необходимости держать данное слово; люди, жертвующіе показной внѣшности необходимыми удобствами жизни, безъ мѣры унижающіеся при выпрашиваніи чужой помощи и чванные при противоположныхъ обстоятельствахъ и т. п.

Разумѣется, и для каждаго члена «общества голышей» обязательно было остерегаться всѣхъ тѣхъ пороковъ и дурныхъ сторонъ, противъ которыхъ боролось само общество. Прежде всего, шубравцамъ воспрещалось употреблять крѣпкіе напитки до потери силъ и сознанія, играть въ какую бы то ни было игру, именно съ цѣлью выигрыша; если же выигрышъ случился, то обязательно было тотчасъ пожертвовать его въ пользу ближайшей больницы. Сверхъ того, «голыши» должны были постоянно читать, по крайней мѣрѣ, одну политическую и одну литературную газету, каждый мѣсяцъ прочитывать не менѣе одной книги, имѣть собственныхъ книгъ не меньше десяти и увеличивать свою библіотеку каждый годъ непремѣнно хотя однимъ сочиненіемъ. Городскіе «голыши» обязаны были регулярно посѣщать собранія общества, и каждые двадцать дней приносить статью, размѣромъ не менѣе четверти печатнаго листа, для помѣщенія въ «Вѣдомостяхъ», около которыхъ группировался кружокъ. Статья читалась на засѣданіи, и если большинство присутствующихъ было за нее, то печаталась.

Каждый членъ общества подбиралъ себѣ прозваніе изъ литовской миѳологіи или старины, которымъ и именовался во все время, пока принадлежалъ къ обществу. Молодой Мицкевичъ, если и не былъ членомъ кружка, то всетаки участвовалъ въ его газетѣ. Тогда онъ написалъ свою извѣстную «Оду къ молодежи», которую, по мнѣнію автора разсматриваемой книги, можно назвать поэтическимъ манифестомъ «шубравцовъ», или «голышей», въ качествѣ борцовъ за просвѣщеніе и человѣчество противъ «предубѣжденій, тмящихъ свѣтъ». Къ этимъ борцамъ поэтъ, указывая на міръ «пошлости, затопленный въ пучинѣ», взываетъ: друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ! міръ поведемъ на новые пути! и т. д.

Отъ этихъ поэтическихъ преувеличеній обратимся къ другимъ, чисто формальнымъ, подробностямъ о составѣ общества, приводимымъ у Третьяка; отсюда видно, съ какою осторожностью «шубравцы» дѣйствовали сами и принимали къ себѣ новыхъ членовъ. Члены общества раздѣлялись на городскихъ и сельскихъ. Число городскихъ было ограничено 40 членами, которые принимались не моложе 25-ти лѣтняго возраста. Изъ «сельскихъ» членовъ, т. е. не жившихъ постоянно въ Вильнѣ, одни носили это званіе, только какъ почетное, за отличіе въ литературѣ или изящныхъ искусствахъ, подъ условіемъ достиженія того же возрастнаго срока, но имѣли право бывать на собраніяхъ. Были и другіе, тоже «сельскіе» члены, «подобные кліентамъ въ древнемъ Римѣ», какъ гласилъ уставъ. Сюда относились также лица, извѣстныя заправителямъ общества голышей своими успѣхами въ наукахъ и образованіемъ, либо очень еще молодые люди, подающіе надежду на литературныя отличія, но не достигшіе установленнаго возроста, хотя бы и жили въ самомъ городѣ. Этого рода члены не имѣли сначала права ни на участіе въ собраніяхъ, ни даже на непосредственныя сношенія съ обществомъ; послѣднее для нихъ было возможно только чрезъ особыхъ назначавшихся имъ патроновъ. Впрочемъ, черезъ годъ, по представленіи доказательствъ исправнаго выполненія обязанностей и особаго усердія, они могли удостоиться званія «городскихъ» членовъ, съ присвоенными послѣднимъ правами, не смотря даже на недостиженіе назначеннаго возроста. Выборъ новыхъ членовъ отличался тою же осторожностью. Если на собраніи былъ поданъ хотя одинъ голосъ противъ предложеннаго кандидата въ члены, то вся кандидатура считалась неудавшеюся. Неудивительно, что за нѣсколько лѣтъ существованія общества шубравцовъ — въ члены его со стороны принято было самое незначительное число.

Наконецъ, заведена была цѣлая іерархія должностныхъ лицъ, избиравшихся на такъ-называемый «подписной» (газетный) годъ. Тутъ были: президентъ, ораторъ, стражникъ, секретарь и редакторъ. Первые трое имѣли замѣстителей. По сборѣ членовъ, предсѣдатель давалъ знакъ звонкомъ, что собраніе открывается, и, сѣвъ

на мѣсто, накрывалъ себѣ голову; примѣру его слѣдовали всѣ присутствующіе. Обычный порядокъ засѣданій былъ слѣдующій: чтеніе изустное — порядка предыдущаго засѣданія, подписаніе протоколовъ прошлаго собранія. Затѣмъ, въ случаѣ желанія большинства, прочитывался послѣдній номеръ «Вѣдомостей»; читались литературныя работы членовъ, дѣлались и обсуждались различныя заявленія, читался и сортировался матеріалъ для будущаго номера «Вѣдомостей». Въ заключеніе, провозглашались имена лицъ, которымъ предстояло читать что нибудь свое на слѣдующемъ засѣданіи, записывались отсутствующіе и, наконецъ, происходили выборы предложенныхъ въ члены кандидатовъ.

Названія нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ «шубравскихъ» должностей требуютъ разъясненія: ораторъ, въ случаѣ надобности, выручалъ президента по части чтенія и произнесенія рѣчей. Обязанностью стражника было слѣдить за происходившимъ въ собраніи и предупреждать возможное нарушеніе порядка, постукивая лопаткой. Секретарь составлялъ протоколы; редакторъ выпускалъ въ свѣтъ «Вѣдомости» хотя и подъ наблюденіемъ особаго редакціоннаго комитета, но на собственный страхъ; за всѣ погрѣшности по редакторскимъ обязанностямъ, какъ собственно газетныя, такъ грамматическія, историческія и иныя, онъ облагался штрафомъ, за первыя по копѣйкѣ, а за остальныя по 5 копѣекъ въ пользу больницъ. Въ знакъ какихъ либо особыхъ заслугъ члена, общество присуждало ему почетное достоинство, съ которымъ, впрочемъ, не соединялось никакихъ привиллегій.

При такой тщательной организаціи кружка шубравцовъ, при несомнѣнныхъ способностяхъ руководителей, неудивительно, что «Вѣдомости съ мостовой», въ теченіе всего своего существованія, производили въ городѣ сильное впечатлѣніе. Каждое единичное злоупотребленіе, какъ только доходило до ушей «шубравцовъ», немедленно подвергалось въ газетѣ заслуженному бичеванію. Въ изобрѣтательности не было недостатка у членовъ кружка: сарказмъ и юморъ проявлялись у нихъ въ неистощимо-разнообразныхъ формахъ. Наиболѣе употребительною формою сатиры были прогулки шляхтича на волшебной лопатѣ, которая давала ему возможность не только гулять свободно надъ Вильной и по цѣлой Литвѣ, но и заглядывать (чрезъ каминныя отверстія) въ такіе дома, гдѣ двери и окна тщательно запирались передъ шубравцами, такъ какъ задѣваемыя личности ихъ, разумѣется, не терпѣли. Даже съ Лелевелемъ вышло столкновеніе, такъ какъ шубравцы кольнули знаменитаго ученаго за склонность пестрить языкъ вновь изобрѣтенными выраженіями. Не смотря на то, самъ Лелевель признаетъ за шубравцами немалое значеніе по другому обстоятельству, — именно, когда, въ январѣ 1818 года, виленское дворянство подняло вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, то, по словамъ письма Лелевеля,

шубравцы оживленно рукоплескали этому почину и прошумѣли о немъ по всему городу. Впрочемъ, положительная сторона шубравцовъ всегда оставалась на второмъ планѣ. Истинное ихъ значеніе, какъ сказано, было отрицательное,—значеніе сатиры, остроумнаго подхлестыванія смѣшныхъ и слабыхъ сторонъ жизни, причемъ не всегда соблюдалась разборчивость: газета шубравцовъ одинаково насмѣхалась и надъ ясновидѣніемъ, и надъ философіей Канта. Какъ бы то ни было, шубравцы расчистили почву для союза филаретовъ.

Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣло масонство, которое тогда считало въ своихъ рядахъ въ Вильнѣ много членовъ. Для большинства оно было игрушкой, забавляющей своею безсодержательною таинственностью, но на дѣлѣ не только распространяло филантропическія понятія, но — что особенно важно — служило связью между лицами разныхъ общественныхъ положеній и подготовило умы для позднѣйшихъ болѣе реальныхъ товариществъ и союзовъ.

Какъ значительно было вообще въ ту пору умственное движеніе въ Вильнѣ, доказательствомъ служитъ количество періодическихъ изданій. Кромѣ «Магнетическаго Журнала» и «Вѣдомостей съ мостовой», тогда выходили въ Вильнѣ два научно-литературныя изданія: «Виленскій Дневникъ» и «Виленскій Еженедѣльникъ», и одно политическое—«Виленскій Курьеръ». Любопытно то, что весь доходъ съ этихъ изданій получали типографщики, редакторы же трудились безвозмездно, какъ бы для собственнаго удовольствія. Разумѣется, тоже относилось и къ сотрудникамъ. Вотъ почему и журналы виленскіе, по замѣчанію Лелевеля, стоили вдвое дешевле варшавскихъ, редакція которыхъ обходилась дорого.

Въ письмахъ Лелевеля, изъ которыхъ авторъ книги о молодости Мицкевича заимствуетъ приведенныя подробности, находятся еще указанія на тогдашнее патріотически-польское настроеніе жителей Вильны, чѣмъ довершается характеристика общества, среди котораго пришлось развиваться молодому Мицкевичу. Тогда русско-польскія отношенія были еще удовлетворительны. Царство Польское жило отдѣльною политическою жизнью, а въ польскомъ обществѣ бывшей Литвы политика императора Александра I была очень популярна. Въ 1817 году пронеслась вѣсть о смерти Костюшки. Стали устроиваться громадныя поминки, общественныя молитвы въ честь народнаго историческаго героя. По словамъ Лелевеля, въ этихъ молитвенныхъ демонстраціяхъ участвовали не одни только католики, но также лютеране и евреи, и даже магометане, каждые по своему обряду. Весь городъ пришелъ въ возбужденное состояніе.

II.

На такомъ-то общественномъ фонѣ виленской жизни сформировался, среди интеллигентной части университетской молодежи, другой кружокъ, болѣе тѣсный сравнительно съ шубравцами и имѣвшій неоспоримое вліяніе на развитіе Адама Мицкевича. Собственно говоря, это былъ не одинъ, а три кружка, или общества, послѣдовательно возникавшіе одинъ рядомъ съ другимъ и существовавшіе, подъ названіями филоматовъ, филаретовъ и лучезарныхъ, вплоть до закрытія ихъ въ 1824 году. Къ образованію этихъ тайныхъ обществъ вели какъ разнородныя, упомянутыя уже вліянія въ умственной жизни виленскаго образованнаго общества, такъ и крайне разгульная жизнь части молодежи, вызывавшая отвращеніе и естественную реакцію въ болѣе развитыхъ и дѣльныхъ представителяхъ виленскаго студенчества.

Университетскія товарищества возникали въ Вильнѣ и гораздо раньше, лѣтъ за 15 до Мицкевича, во времена студенческой жизни Лелевеля. Образовавшееся въ 1806 — 1808 годахъ подобное общество именовалось сперва «товариществомъ наукъ и знаній», а потомъ филоматами, но ко времени поступленія Мицкевича не оставалось уже и слѣда отъ этого товарищества; въ студенчествѣ господствовало разъединеніе. Студенты группировались по своимъ гимназіямъ: кременчане жили со своими, жмудины также и т. д.

Времяпрепровожденіе тогдашняго виленскаго студенчества также было разнообразно: бѣдняки изъ молодежи усердно учились, работали, а кто побогаче — вели жизнь праздную, гонялись за развлеченіями, коротали досужіе часы въ цукерняхъ за бильярдами, картами или чѣмъ нибудь еще худшимъ. Нерѣдки были столкновенія съ полиціей, съ военными, которымъ студенты, подчиненные только университетскому начальству, не уступали ни шагу. По словамъ Лелевеля, театральный дворъ не разъ былъ мѣстомъ схватки студентовъ съ солдатами. Платились за это обыкновенно менѣе виновные, которымъ не удалось во-время ускользнуть съ мѣста безпорядковъ: такіе засаживались на три, на пять дней на хлѣбъ и на воду. Что касается Мицкевича, то ни характеръ его, ни отношенія къ товарищамъ не благопріятствовали участію въ похожденіяхъ своевольной, разгульной части молодежи. Впрочемъ, и въ этой жизни были нѣкоторыя стороны, привлекавшія его артистическую натуру, — свобода, достатокъ, красота формъ, обиліе впечатлѣній. Это отразилось и на одномъ изъ первыхъ стихотвореній Мицкевича «Зима въ городѣ», въ которомъ молодой поэтъ идеализируетъ именно веселую, свободную сторону жизни тогдашней молодежи.

По соображеніямъ автора, вышло къ лучшему для поэта, что судьба не помѣстила его въ центрѣ гулящихъ товарищей. «Можно сомнѣваться, чтобы тогда его сердце сохранило ту чистоту, ко-

торая сообщила идеальный оттѣнокъ чувству, особенно въ произведеніяхъ перваго, студенческаго періода». Съ другой стороны, увлеченіе идеальными предметами, способствуя развитію чувства и воображенія, подготовило выработку въ поэтѣ мистицизма, который проявляется у него уже съ этой поры, окрашиваетъ собою большую часть его поэзіи, а подъ конецъ жизни выражается въ политически-туманныхъ теоріяхъ. Но мысль о вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ дѣла людскія явилась у Мицкевича уже въ университетское время. Впрочемъ, въ ту пору его поэзія была еще риторическою, холодною, лишенною самостоятельности, такъ какъ будущій поэтъ, особенно въ первые два года студенчества, изображалъ чувства, которыхъ въ дѣйствительности еще не зналъ, или зналъ только по книгамъ. Скоро, однакожъ, явились два могучіе элемента, оживотворившіе его поэзію: товарищество и любовь.

У молодаго человѣка былъ ближайшій кружокъ пріятелей (Занъ, Чечотъ, Ежовскій, Малевскій), которые на товарищескихъ собраніяхъ толковали обо всемъ томъ, что читалось имъ съ каѳедры,— о химіи, алгебрѣ, пандектахъ, Гомерѣ, Гораціи,— читали вслухъ свои стихотворенія; говорилось тамъ, безъ сомнѣнія, и о томъ, что въ ту пору занимало весь городъ, о кружкѣ шубравцовъ и ихъ реформаторскихъ стремленіяхъ, о потребности самосовершенствованія, нравственнаго вліянія на товарищей, которые вели недостойную, разсѣянную жизнь. Мицкевичъ оживлялъ такія сходки своей блестящей фантазіей, былъ, по выраженію автора, какъ бы «капелланомъ своихъ товарищей», которые группировались около него, хотя въ ту пору и не подозрѣвали въ немъ будущаго истиннаго поэта. Неудивительно, если среди подобныхъ разговоровъ мало-помалу обрисовалась передъ пріятелями возвышенная цѣль, которой, казалось, они легко могли достигнуть,—именно, нравственное возрожденіе народа посредствомъ распространенія просвѣщенія, укрѣпленія въ сердцахъ молодежи чувствъ братства и любви къ родинѣ. Мысль эта выразилась въ образованіи тайнаго общества филоматовъ.

Мы уже упоминали, что подъ такимъ названіемъ существовало въ Вильнѣ товарищество чисто-научнаго характера еще во времена Лелевеля, но оно не только не было тайнымъ, а даже стремилось къ возможно большему оглашенію себя, совмѣщало въ своихъ рядахъ тогдашнія лучшія научныя силы среди молодежи. Правда, университетскія власти его не долюбливали, находя, что молодымъ людямъ не пристало играть въ ученость. Быть можетъ, опасеніе неблагосклоннаго взгляда старшихъ и было въ числѣ причинъ таинственности, усвоенной себѣ новыми филоматами. Но, разумѣется, это была не единственная причина. Необходимость тайны заключалась въ самой цѣли новаго общества. Поставивъ цѣлью не только

усовершенствованіе въ научныхъ знаніяхъ, но также въ нравственной сферѣ, нравственное вліяніе на товарищей, филоматы должны были охранять себя путемъ тайны отъ насмѣшекъ тѣхъ же товарищей. Что касается отношеній къ правительственной власти, то хотя филоматы, во главѣ своихъ уставовъ, поставили правиломъ не заниматься политикой, — хотя въ ту пору реакція во внутренней политикѣ Александра I еще рѣзко не проявлялась, не видно было и особо неблагопріятнаго отношенія свыше къ подобнымъ обществамъ, но едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ г. Третьяка, что въ этомъ отношеніи филоматы совсѣмъ не имѣли повода къ тайнѣ. Достаточно сказать, что высшею цѣлью филоматовъ было нравственное возрожденіе польскаго общества, а непосредственный толчекъ къ самому возникновенію филоматовъ сообщили, по мнѣнію же автора, такія событія, какъ смерть Костюшки и религіозно-политическія манифестаціи, какими она сопровождалась въ Вильнѣ.

Хотя авторъ и отрицаетъ у филоматовъ всякую политическую закваску, производя ихъ частію отъ виленскихъ масоновъ, частію отъ шубравцовъ, которые, по самому характеру своей дѣятельности, не могли дать удовлетворенія возбужденному ими же движенію въ виленской молодежи, однакожъ, на эту благодарную почву пало, какъ мы сказали, политическое зерно, подъ вліяніемъ воспоминаній о Костюшкѣ. Можно бы еще прибавить, что источникъ происхожденія виленскаго шубравства и масонства имѣетъ, и по формѣ, несомнѣнное сходство съ западно-европейскими союзами, вліянія которыхъ въ этомъ отношеніи никакъ нельзя отрицать.

Въ пріобрѣтеніи новыхъ членовъ филоматы также соблюдали величайшую осторожность. Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ, не считая Домейки принято ихъ всего шесть или семь человѣкъ. За предложенными въ члены кандидатами слѣдили особые «коммиссары»; но даже и избраннымъ членамъ не прежде раскрывался внутренній бытъ товарищества, какъ послѣ убѣжденія, что эти избранники всецѣло солидарны съ коренными началами, принятыми у филоматовъ. Президентомъ товарищества филоматовъ былъ Ежовскій. «На засѣданіяхъ читались литературные труды и научныя разсужденія, въ которыхъ, прежде всего, заботились о чистотѣ языка; предметомъ устныхъ преній было обсужденіе средствъ къ расширенію просвѣщенія и братства среди молодежи, къ поддержкѣ въ ней народнаго духа; внушалось, чтобы каждый ставилъ общественное добро выше частнаго интереса и болѣе почиталъ добродѣтель и гражданскую честность, чѣмъ всякія свѣтскія почести, богатства и повышенія. Въ отношеніяхъ между членами товарищества обязательны были искренность и взаимная помощь». Засѣданія происходили каждыя двѣ недѣли, а въ случаѣ надобности и чаще, но всегда втайнѣ. Всѣ эти подробности устройства товарищества филоматовъ авторъ приводитъ со словъ Домейки.

Главнымъ организаторомъ филоматовъ былъ, какъ сказано, пріятель Мицкевича, Ѳома Занъ. Какую же роль тутъ игралъ самъ Мицкевичъ? Не обладая ни агитаторскими способностями, ни умѣньемъ легко завязывать отношенія, онъ не могъ играть выдающейся роли, даже не участвовалъ въ писаніи устава, но во всѣхъ основныхъ вопросахъ, касавшихся главныхъ цѣлей товарищества, предѣловъ и направленія его дѣятельности, съ нимъ совѣтовались и его голоса слушали: «его соколиное око видѣло зорко и далеко». Онъ умѣлъ сообщать ясность и поэтическую возвышенность планамъ и стремленіямъ сотоварищей-филоматовъ.

Вліяніе на другихъ студентовъ, не принадлежавшихъ къ послѣднимъ, филоматы могли оказывать лишь очень осторожно и постепенно: при тогдашнемъ преобладаніи распущенной жизни среди молодежи, слишкомъ настойчивая дѣятельность филоматовъ по части пропаганды своихъ взглядовъ и принциповъ могла сдѣлать ихъ смѣшными въ глазахъ непосвященныхъ. Поэтому, филоматы сперва старались дѣйствовать на отдѣльныхъ товарищей, на знакомыхъ, не обнаруживая передъ ними до времени своихъ правилъ. На товарищескихъ собраніяхъ, въ устной, отрывочной бесѣдѣ филоматы мало-по-малу вели свою пропаганду; особенно ловко умѣлъ это дѣлать Занъ, который больше всего имѣлъ знакомыхъ. Спустя уже годъ или полтора послѣ основанія тайнаго кружка, отрывочныя правила, принятыя для дѣятельности филоматовъ, уложились систематически въ 15 пунктовъ, какъ руководство для «молодежи, принадлежащей къ обществу друзей полезнаго». Это названіе, какъ увидимъ, присвоено было потомъ оффиціально новому видоизмѣненію студенческаго товарищества, извѣстному подъ названіями лучезарныхъ; впрочемъ, нравственныя правила новыхъ кружковъ были тѣ же самыя, какими руководствовались и филоматы. Вотъ главнѣйшія мѣста этихъ правилъ.

«2. Хочешь ли обладать научными знаніями? Поработай сперва надъ раскрытіемъ глубины собственнаго невѣдѣнія. Когда же тебѣ сдѣлается ясно, чего и на сколько не знаешь, чему и какъ хотѣлъ бы научиться и что именно неизбѣжно потребуется для твоей науки,— то знай, что ты уже совершилъ первый, но великій шагъ на пути самоусовершенствованія.

«3. Старайся пріобрѣтать научныя познанія съ основательностью, но соотвѣтственно твоимъ силамъ и склонностямъ. Съ этою цѣлью составь себѣ планъ самоусовершенствованія, чтобы ты зналъ, гдѣ начало, гдѣ средства, гдѣ границы твоихъ научныхъ занятій. Безъ такого плана ты не установишь порядка въ своемъ трудѣ, настоятельно необходимаго въ самой жизни; безъ порядка не сообщишь своему ученію основательности, а при отсутствіи послѣдней самое твое ученіе можетъ сдѣлаться вреднымъ.

«4. Не называй наукою знаній, слышанныхъ изъ чужихъ устъ

или вычитанныхъ изъ книгъ, но надъ всѣмъ, что видишь, слышишь, понимаешь, старайся самъ останавливаться сознательно размышляй надъ нимъ, чтобы добытыя знанія переработывались у тебя на дѣйствительную пользу, чтобы они обратились въ принадлежность твоего разума.

«5. Не превозноси избранной тобою отрасли науки, также какъ и твоей собственной научной склонности, надъ другими науками и призваніями, ибо каждая наука сама по себѣ полезна, необходима и пригодна человѣку.

«6. Чѣмъ скромнѣе будешь въ твоихъ разсужденіяхъ, мнѣніяхъ, приговорахъ, тѣмъ болѣе будешь имѣть доказательствъ, что сдѣлалъ успѣхи въ совершенствованіи себя.

«7. Хочешь ли быть добродѣтельнымъ? Присматривайся къ дѣламъ великихъ добродѣтелью людей, чтобъ пріучить себя къ шляхетному чувству. Когда же почувствуешь привязанность къ родной землѣ, склонность къ пріязни относительно товарищей по возросту и занятіямъ, любовь къ ближнему и разумную заботливость о себѣ самомъ, то знай, что совершилъ первый, но великій шагъ на пути совершенствованія твоего сердца.

«11. Заботливость о себѣ самомъ основывай на томъ, чтобъ всѣми силами совершенствовать умъ и сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать бодрость и здоровье, постоянно оберегая себя отъ праздности и разврата».

Душею товарищей былъ, опять-таки, Ѳома Занъ, имѣвшій главное вліяніе и на внѣшнюю организацію филоматовъ и на ихъ цѣли. Занъ былъ человѣкъ съ возвышенными идеями, съ нѣжнымъ сердцемъ, врагъ всякой распущенности. Онъ былъ не чуждъ литературѣ, любилъ произведенія Даніеля Стерна и подъ ихъ вліяніемъ самъ писалъ короткія замѣтки нравственно-психологическаго характера. Свои произведенія Занъ читалъ въ товарищескомъ кругу и какъ въ нихъ, такъ и въ устныхъ бесѣдахъ развивалъ свою любимую теорію, извѣстную подъ названіемъ теоріи «лучей». Эта оригинальная,—чтобъ не сказать больше,—теорія была собственнымъ изобрѣтеніемъ Зана и сильно отозвалась какъ на кругѣ понятій молодаго Мицкевича, такъ и вообще на жизни филоматовъ.

Основою воззрѣній Зана былъ культъ возвышенной любви и дружбы и преслѣдованіе разгула, распутства, грубыхъ наклонностей, въ какія вдавалась часть университетской молодежи. Подобныя наклонности онъ ставилъ въ неразрывную связь съ существованіемъ нравственной гнили въ самомъ человѣкѣ. Высшее счастіе Занъ видѣлъ въ чистой идеальной любви, свободной отъ всякой чувственности. Чѣмъ совершеннѣе были сами лица, которыя, любя другъ друга, поддерживали взаимныя отношенія, тѣмъ живѣе было и наслажденіе, доставляемое обоюдно возвышенною любовью. Наслажденіе это проистекало изъ взаимнаго созерцанія, изъ взаимной

передачи другъ другу душевныхъ «лучей», которые, играя въ глазахъ, свидѣтельствовали о чистотѣ души, были, по выраженію Зана, какъ бы «пряжей, ссученной изъ душевныхъ свойствъ». Каждое человѣческое свойство, по мнѣнію молодаго философа, выражается

Адамъ Мицкевичъ.

во взорѣ особымъ лучемъ, а самыми прекрасными лучами души служатъ три свойства — красота, нѣжность, невинность. Эти свойства окружаютъ душу сіяніемъ; если же одно такое сіяніе встрѣтится съ другимъ подобнымъ, тогда надъ двумя душами образуется

какъ бы «радуга, которая дѣлаетъ цѣлый свѣтъ лучезарнымъ для двухъ существъ, созерцающихъ другъ друга со взаимной любовью, а души ихъ обращаетъ къ небу, источнику вѣчной гармоніи».

Этотъ крайній идеалистъ питалъ такую именно «лучезарную», платоническую любовь къ нѣкоей Фелиціи, воспѣтой имъ въ стихахъ и увѣковѣченной въ «пѣснѣ филаретовъ», хотя самъ предметъ обожанія, кажется, даже не зналъ ничего о внушенномъ имъ чувствѣ. Такая «идеально-спокойная любовь» не дѣлала, однакожъ, Зана нечувствительнымъ къ прелестямъ другихъ красавицъ, его учениць, въ которыхъ онъ также усматривалъ различные лучи и къ которымъ писалъ стихи. Примѣру Зана слѣдовали его товарищи, которые тоже находили себѣ избранницъ, подъ окнами ихъ вздыхали, мечтали и видѣли въ ихъ очахъ лучи всякихъ совершенствъ.

На «лучезарной» теоріи Зана основывалась не только идеальная любовь къ женщинѣ, но и истинная дружба между мужчинами; она также состояла во взаимномъ высыланіи душевныхъ лучей. Товарищей Зана, озаренныхъ его пріязнью, стали называть «лучезарными», а потомъ это названіе перешло къ цѣлому кружку молодежи. Молодежь недолго, впрочемъ, оставалась въ тѣхъ отвлеченно-сухихъ предѣлахъ съ полу-мистическимъ содержаніемъ, какіе указывались ей и «лучезарными» теоріями Зана. Потребность болѣе реальнаго повода единенія и собесѣдованій побудила уже въ 1819 году составить болѣе широкое общество, въ основу котораго была положена наука и члены котораго стали называться филаретами, хотя не покидали и прозванія «лучезарныхъ». Въ приведенныхъ у автора отрывкахъ изъ воспоминаній Домейки возникновеніе филаретовъ описывается въ связи съ весенними прогулками филоматовъ за городъ, или такъ называемыми «маювками».

Однажды весною 1819 года филоматы, передъ выѣздомъ Мицкевича въ Ковно, пригласили на товарищескую маювку много молодежи изъ числа той, съ которой, при посредничествѣ Зана, завязали или желали завязать болѣе тѣсныя отношенія. Маювка происходила на юго-восточной сторонѣ Вильны, въ прекрасной, гористой мѣстности Поплавы. Въ назначенный день, какъ только солнце взошло, студенты отправились туда небольшими группами, отъ 20 до 30 человѣкъ, и разными дорогами, чтобъ не обратить на себя вниманія полиціи. Пѣли пѣсни, собирали цвѣты, рвали вѣтки только что распустившихся деревьевъ, а между тѣмъ въ Поплавахъ, на пригоркѣ, ихъ ожидали кувшины съ молокомъ, бѣлый хлѣбъ и печенье. Окруживъ своего патріарха, Зана, молодежь пѣла хоромъ пѣсни, соотвѣтствовавшія майской порѣ и радостному общему настроенію; потомъ наступила шумная, ничѣмъ не стѣсняемая бесѣда. Нѣкоторые изъ сотоварищей торжественно декламировали собесѣдникамъ свои стихотворенія, усиливая общее во-

сторженное настроеніе. Молодые люди возвращались съ маювки, упоенные впечатлѣніями и чувствомъ товарищеской любви, пробужденнымъ въ ней бесѣдой и пѣснями филоматовъ: такъ разсказываетъ авторъ. Тѣмъ сильнѣе и глубже чувствовалъ молодой поэтъ, написанная которымъ «Ода къ молодежи» объясняется именно восторженнымъ впечатлѣніемъ отъ подобныхъ «маювокъ». Первая маювка—пѣсни, бесѣда, майская природа, все это чрезвычайно возбудило духъ молодежи. Подъ вліяніемъ перваго опыта, вечернія прогулки за городъ, съ національными пѣснями, возобновлялись. Этимъ оживленіемъ воспользовались филоматы. Имѣя цѣлью пріучить товарищей, прежде всего, къ труду, къ наукѣ, утвердить между ними возвышенныя стремленія, они, подъ вліяніемъ первой же маювки, задумали основать болѣе многолюдное общество, которое бы содѣйствовало развитію и упроченію въ молодежи серьезнаго направленія. Въ основу новаго общества, какъ сообщаетъ Домейко, рѣшено было положить тѣ же принципы, которые по опыту оказались безопасными и полезными для филоматовъ. Послѣднимъ нужно было, не ослабляя своихъ силъ, не измѣняя избранной цѣли, сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсное единеніе съ новымъ обществомъ. Для этого рѣшено было товарищество филоматовъ оставить попрежнему тайнымъ и не принимать болѣе въ его среду никого, исключая такихъ лицъ, въ полной искренности и надежности которыхъ всѣ были увѣрены. Замкнувшись такимъ образомъ, филоматы взяли на себя заправленіе дѣлами новаго, болѣе широкаго и не столь связаннаго тайною общества; послѣднему нужно было составить уставъ и дать такое названіе, которое не звучало бы ни клубомъ, ни заговоромъ, ни приготовленіемъ къ революціоннымъ движеніямъ. Это новое общество, по предложенію Ежовскаго, было названо «филаретами». Въ первомъ же пунктѣ устава новаго общества постановлялось, что филареты не должны заниматься политикой и что цѣлью ихъ дѣятельности будутъ просвѣщеніе, наука, взаимное братство и любовь къ отечеству.

Домейко сообщаетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о занятіяхъ филаретовъ и порядкѣ ихъ засѣданій. «Общество дѣлилось на отдѣлы, или кружки, соотвѣтственно той отрасли наукъ, какою занимались члены кружка. Такъ, были кружки юристовъ, литераторовъ, медиковъ, математиковъ, натуралистовъ. Каждый кружокъ имѣлъ предсѣдателя, секретаря и казначея, а цѣлое общество — главнаго предсѣдателя и секретаря. Выборы происходили открыто, большинствомъ голосовъ. Не было никакихъ тайнъ, ни іерархическихъ выдумокъ, никакихъ значковъ, церемоній, ни магистровъ, ни судей. Уставъ отличался краткостью и ясностью; давалось только обѣщаніе не обнаруживать внутренней жизни общества предъ посторонними, какъ для избѣжанія непріятностей со стороны властей, общихъ и университетскихъ, такъ и для пользы самихъ филаре-

товъ, чтобы они не кичились передъ свѣтомъ добрыми поступками, а въ безмолвіи посвящали себя наукѣ, сохраняя во взаимныхъ сношеніяхъ согласіе, братство и обходительность. Каждый, кто могъ, вносилъ «филаретскую подать»—одинъ злотый въ мѣсяцъ; эти деньги обращались на книги, содержаніе читальни и другія необходимыя потребности».

На засѣданіяхъ филаретскихъ кружковъ читались работы членовъ по предметамъ, которые соотвѣтствовали научной спеціальности кружка; происходили разсужденія на научныя и литературныя темы. Члены не только упражнялись въ писательскомъ искусствѣ, но также старались пріобрѣтать навыкъ къ ясному и тщательному устному изложенію предмета. Такъ какъ для многолюдныхъ собраній не было соотвѣтствующаго помѣщенія, а сверхъ того и осторожность заставляла избѣгать огромныхъ сходокъ, то въ засѣданіяхъ каждаго кружка избирались особые делегаты, для присутствованія въ другихъ кружкахъ; делегатъ обязанъ былъ отдать отчетъ своему кружку о занятіяхъ того кружка, въ который онъ былъ командированъ. Впрочемъ, каждый филаретъ, даже и не выбранный делегатомъ отъ своего кружка, могъ ходить на засѣданія всѣхъ остальныхъ и даже подавать тамъ голосъ, но не имѣлъ права вмѣшиваться въ выборы должностныхъ лицъ въ чужихъ кружкахъ.

Эта сложная для молодежи организація общества филаретовъ сама по себѣ заставляетъ предполагать возможность постороннихъ руководителей у нихъ въ сохраненіи порядка; но еще характернѣе приводимыя авторомъ слова Домейки о фактическихъ отношеніяхъ къ филаретамъ первоначальныхъ общниковъ, филоматовъ, которые, какъ мы сказали, заправляли дѣлами новаго общества.

Очень легко и согласно, безъ малѣйшихъ раздоровъ, образовалось, въ теченіе одной недѣли, нѣсколько филаретскихъ кружковъ, выбранныхъ, большею частію, изъ числа «лучезарныхъ», принимавшихъ участіе въ послѣдней маювкѣ. Кто ихъ выбралъ, кто собралъ и распорядилъ, — о томъ не спрашивали: это было дѣло филоматовъ, ловко задуманное и такъ успѣшно доведенное до конца, что каждый изъ филаретовъ (а ихъ на первыхъ же засѣданіяхъ оказалось до сотни) считалъ себя въ числѣ основателей общества. Очень естественно, что въ предсѣдатели и секретари первыхъ кружковъ филареты выбрали самихъ филоматовъ, какъ двигателей и «старателей» братства, не догадываясь, что тѣ сами по себѣ составляли тайное общество, и ничего не зная о его бытѣ. Сами же филоматы на своихъ тайныхъ собраніяхъ совѣщались о томъ, какъ лучше поддержать между филаретами согласіе и порядокъ, какъ удержать ихъ на указанномъ пути; кромѣ того, они старались и сами изслѣдовать духъ, господствовавшій среди филаретовъ, прислушиваться къ ихъ стремленіямъ, не противиться правильнымъ

требованіямъ, какія могли возникать собственно въ филаретской средѣ.

Не всѣ изъ молодежи, однакожъ, относились дружелюбно къ филаретамъ и лучезарнымъ, болѣе первыхъ извѣстнымъ. Та часть молодежи, которая любила больше удовольствія, вовсе не сочувствовала идеальнымъ цѣлямъ общниковъ и называла ихъ «монахами». Филареты же сторонились отъ неподходящихъ имъ студентовъ, обособлялись, что и послужило поводомъ къ обвиненію ихъ въ «корпоративномъ духѣ».

Остается еще не вполнѣ разъясненнымъ соотношеніе между филаретами и лучезарными. Обыкновенно принимаютъ ихъ за одно и то же общество, но это не совсѣмъ вѣрно; даже въ запискахъ и воспоминаніяхъ по этому поводу существуютъ разногласія. Извѣстна, однакожъ, такого рода постепенность во взаимныхъ отношеніяхъ участниковъ трехъ студенческихъ товариществъ: филоматы были совершенно тайнымъ кружкомъ, который организовалъ и направлялъ дѣятельность болѣе широкаго, распадавшагося на кружки, общества филаретовъ. Послѣднее имѣло характеръ полутайный; участники его обязывались къ извѣстной сдержанности предъ посторонними. Для свѣта же существовали только лучезарные, т. е. всѣ участники въ маювкахъ. «Лучезарные» имѣли опредѣленный характеръ союза, какъ видно изъ приводимаго авторомъ полушутливаго отчета Ѳомы Зана «правленію общества филоматовъ». Впрочемъ, главнымъ, если не единственнымъ занятіемъ «лучезарныхъ» были развлеченія, состоявшія въ физическихъ упражненіяхъ, въ чтеніи своихъ работъ какого бы то ни было рода, въ декламаціи лучшихъ мѣстъ изъ польскихъ авторовъ. Эти забавы, говорится въ отчетѣ, зовутся маювками. Вступленіе въ союзъ доступно каждому, пріемъ безъ затрудненія. Каждый вступающій обѣщалъ устно поддерживать съ товарищами знакомство и пріязнь, обязывался оказывать взаимную помощь въ научныхъ и другихъ нуждахъ, выполнять общія обязанности и совершенствоваться въ добродѣтеляхъ, которыя дѣлаютъ молодаго человѣка пріятнымъ и достойнымъ уваженія; давъ такое обѣщаніе, онъ записывалъ свое имя въ тетради и тогда имѣлъ право говорить самъ и слушать назиданія другихъ.

Строгая, дисциплинарная организація сохранялась и здѣсь, не смотря на шутливую характеристику занятій союза лучезарныхъ. Распорядителемъ забавъ, носившимъ званіе «архилучезарнаго», былъ тотъ же Занъ, притомъ «съ властію не только на маювкѣ, но и за ея предѣлами». Лучезарные имѣли свою канцелярію, которою завѣдывалъ секретарь филоматовъ, — великаго и надворнаго маршаловъ и казначея. Общество дѣлилось на кружки, называемые воеводствами, а каждый кружокъ имѣлъ своихъ заправителей.

Не довольствуясь забавами на маювкахъ, филоматы рѣшили, какъ мы знаемъ, основать общество болѣе научнаго характера,

которое названо филаретами. Но такъ какъ всѣ члены новаго общества вышли изъ числа лучезарныхъ, то и неудивительно, что названія филаретовъ и лучезарныхъ перемѣшивались, послѣднее, какъ болѣе давнее, пользовалось большей популярностью и — для непосвященныхъ — даже заслоняло собою первое. Маювки были всѣмъ извѣстны, на нихъ и филареты являлись въ качествѣ лучезарныхъ, не выдѣляясь отъ нихъ ничѣмъ и не обращая на себя особаго вниманія.

Во избѣжаніе непріятностей со стороны университетскаго начальства участникамъ маювокъ нужно было испросить его разрѣшеніе. Для этой цѣли, въ маѣ 1820 года, т. е. черезъ годъ послѣ основанія общества филаретовъ, составленъ былъ уставъ, съ изложеніемъ нравственныхъ правилъ, усвоенныхъ себѣ какъ лучезарными, такъ и филаретами, и представленъ на утвержденіе ректору университета Малевскому. Разумѣется, не только не было рѣчи объ имени филаретовъ, но даже не упоминалось и товарищеской клички лучезарныхъ, какъ требовавшей комментаріевъ. Представлено было и утверждено скромное наименованіе «Общество друзей полезнаго развлеченія» (это была уже третья кличка однихъ и тѣхъ же общниковъ). Но оффиціальное прозваніе не привилось на практикѣ, и товарищи повсюду и остались извѣстными подъ именемъ лучезарныхъ.

Мы уже знаемъ, что посторонніе обществу студенты не совсѣмъ привѣтливо къ нему относились. Но не всѣ и профессора одобряли это движеніе среди молодежи. Иные въ этомъ усматривали даже неуваженіе и недовѣріе къ профессорскимъ трудамъ. Пристрастіе къ своимъ и приниженіе постороннихъ, кружковый духъ — вотъ нареканія, которыя взводились на филаретовъ, хотя сами недоброжелатели не отвергали случаевъ помощи филаретами — изъ остававшихся суммъ — бѣднымъ учащимся, не принадлежавшимъ къ обществу.

Между тѣмъ, въ 1821 году, соотвѣтственно общему, постепенному измѣненію внутренней политики русскаго правительства и въ виду преслѣдованія тайныхъ политическихъ союзовъ молодежи въ нѣмецкихъ университетахъ, вниманіе властей стало обращаться и на польскую молодежь. Масоновъ стали подозрѣвать, а виленское общество лучезарныхъ считать тождественнымъ съ особенно опасною частью масонства, иллюминатами. Въ виду такого мнѣнія, приписывавшагося тогдашнему генералъ-губернатору Корсакову, нѣкоторые профессора университета стали настаивать у ректора, чтобъ онъ распустилъ существовавшее съ его вѣдома студенческое общество, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій для самого университета. Въ половинѣ мая 1821 года, ректоръ Малевскій, избравъ день, когда происходила маювка, явился на мѣсто собранія и, произнеся рѣчь къ молодежи, торжественно распустилъ лучезарныхъ, которые, по словамъ Качковскаго, спокойно

разошлись, не выказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. По словамъ Домейки, дѣло происходило нѣсколько иначе. Ректоръ частію упросилъ, частію принудилъ Зана и другихъ тотчасъ прекратить собранія и всѣ дѣйствія общества, а кромѣ того, узнавъ о существованіи обширныхъ филаретскихъ архивовъ, заставилъ собрать всѣ протоколы, уставы и документы и сжечь, что и было исполнено съ великимъ сожалѣніемъ.

«Такъ кончилось существованіе лучезарныхъ, заключаетъ авторъ, прекратились ихъ роскошныя маювки, притаились филареты, но движеніе, возникшее среди молодежи, не могло остановиться ни по приказаніямъ, ни по просьбамъ ректора. Оно только облеклось еще большей тайной, тѣмъ сильнѣе горячило молодыя сердца».

III.

Какъ отразилась на Мицкевичѣ жизнь въ кругу филаретовъ? Вліяніе сильно развитаго товарищескаго чувства на его поэзію несомнѣнно, рядомъ съ другимъ, быть можетъ, еще болѣе сильнымъ вліяніемъ,—любовью къ Маріи Верещакъ, чувство къ которой вдохновляло поэта во многихъ его произведеніяхъ и сообщало имъ мистическій оттѣнокъ.

Филаретская жизнь оставила на немъ слѣды надолго, если не навсегда. Ближайшимъ образомъ она выразилась въ цѣломъ рядѣ написанныхъ въ то время стихотвореній, сначала шутливыхъ и веселыхъ, каковы: пѣсня филаретовъ, ода къ молодежи, тосты—въ честь свѣта, теплоты, магнетизма и электричества. Но не эти стихотворныя бездѣлки имѣютъ значеніе по отношенію къ оцѣнкѣ филаретскаго вліянія, а тотъ духъ, какой сказывался въ поэтическихъ произведеніяхъ Мицкевича, во всю послѣдующую его жизнь, въ парижскихъ его лекціяхъ, а впослѣдствіи въ религіозно-политическихъ теоріяхъ и заблужденіяхъ.

Не смотря на различныя оговорки, приводимыя въ книгѣ г. Третьяка, должно признать, что и у филаретовъ конечныя цѣли были не лишены политическаго оттѣнка, усиленно возбуждалось сознаніе народности,—достигалось умѣнье пользоваться свободою путемъ развитія въ человѣкѣ личныхъ добродѣтелей. Эти черты отразились и на Мицкевичѣ. Его послѣдующія туманныя теоріи, мистико-политическіе взгляды, его преданность заблужденіямъ товіанизма, провозгласившаго Польшу «націей-мученикомъ», съ уподобленіемъ ея пострадавшему Христу,—всѣ эти уродливыя крайности развились, благодаря впечатлительной натурѣ поэта, не безъ участія того, нѣсколько односторонняго, развитія чувства, какое сообщало своимъ членамъ общество филаретовъ. «Отечество, наука, добродѣтель» —такъ формулировалъ Мицкевичъ цѣли своихъ сото-

варищей въ одномъ изъ филаретскихъ стихотвореній. Указывая на господство эгоизма, борьбы за существованіе, поэтъ призываетъ молодежь соединить силы, сплотиться мыслью и чувствомъ, повести человѣчество на новую дорогу, на мѣсто эгоизма поставить знамя братской любви.

Хотя Мицкевичу недолго пришлось пробыть непосредственно въ кругу этой молодежи (съ окончаніемъ 1818—1819 учебнаго года его студенчество кончилось), но мыслью онъ оставался съ товарищами. Къ тому же перемѣна обстановки, съ окончаніемъ студенческой жизни, была слишкомъ рѣзка. Въ качествѣ стипендіата, молодой Мицкевичъ обязанъ былъ опредѣленное время отслужить за полученную стипендію въ такой должности, какая будетъ назначена начальствомъ. Попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ въ то время кн. Адамъ Чарторыскій, который въ Вильнѣ не жилъ и управлялъ округомъ издалека; въ такихъ мелочахъ, какъ назначеніе учителей во второстепенныя училища, онъ не принималъ участія, и потому единственно ректору университета съ состоявшимъ при немъ училищнымъ комитетомъ должно приписать назначеніе молодаго Мицкевича въ Ковно учителемъ литературы, исторіи и права въ уѣздномъ училищѣ (повѣтовой школѣ).

Въ Ковнѣ Мицкевичъ очутился среди совершенно новыхъ лицъ и въ новыхъ условіяхъ жизни. Ковно былъ въ ту пору незначительнымъ уѣзднымъ городкомъ (губернія Ковенская учреждена только въ началѣ сороковыхъ годовъ); окружающіе были все люди значительно старше Мицкевича по возрасту, проникнутые школьной рутиной; ничего не было и похожаго на виленскій товарищескій кружокъ, на то умственное движеніе молодежи, какое тамъ его окружало. Неудивительно, что въ Ковнѣ Мицкевичъ чувствовалъ себя одинокимъ и чуждымъ окружающему. Если до кого и достигли уже слухи о поэтической дѣятельности молодаго педагога, то правильной оцѣнки и тѣмъ болѣе сочувствія такое занятіе не могло вызвать почти ни въ комъ. Самъ по себѣ педагогическій трудъ никогда не былъ пріятенъ Мицкевичу, а при настоящихъ условіяхъ составлялъ для него тяжкое бремя.

Мицкевичъ старался сокращать внѣ-учебные досуги прогулками по живописнымъ окрестностямъ Ковна, поэтическими занятіями и мечтами о Вильнѣ, о своей любви, о товарищескомъ кружкѣ; считалъ минуты, когда можно будетъ побывать въ Вильнѣ, отъ которой Ковно тогда отстояло въ однѣхъ суткахъ ѣзды на почтовыхъ. Какъ только наступали какіе нибудь праздники съ болѣе или менѣе долгимъ перерывомъ учебныхъ занятій, а тѣмъ болѣе лѣтнія вакаціи, Мицкевичъ появлялся въ Вильнѣ, и каждый его пріѣздъ былъ праздникомъ для товарищей. Въ честь пріѣзжаго происходили въ пріятельскомъ кругу пирушки, которыя длились иногда до ранняго утра. Такъ, по воспоминаніямъ Домейки, на пер-

вый же святки (1819 года) Мицкевичъ привезъ въ Вильну одну изъ своихъ пѣсенъ, которая слѣдующей весной уже распѣвалась на «маювкѣ» лучезарныхъ, а Занъ привѣтствовалъ гостя торжественнымъ стихотвореніемъ и также въ стихахъ отдавалъ ему отчетъ о житьѣ и дѣятельности филоматовъ за время его отсутствія. Чечотъ составилъ привѣтствіе по образцу бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ; на этотъ разъ явилось даже венгерское, чего обыкновенно на товарищескихъ сходкахъ не бывало: кромѣ чая и молока, допускались только ковенскій медъ и бутылка портеру для самого Мицкевича.

На другой годъ, на Рождествѣ 1820 года, филареты, т. е. литераторскій ихъ кружокъ, также торжественно праздновали именины Зана (впрочемъ, Мицкевичъ, по состоянію здоровья и по причинѣ сильныхъ морозовъ, тогда не могъ пріѣхать изъ Ковна). А весной 1821 года, во время праздниковъ троицына дня, когда Мицкевичъ на цѣлую недѣлю пріѣхалъ въ Вильну, происходило большое филаретское празднество, на которомъ впервые лично узналъ Мицкевича Одынецъ, одинъ изъ двухъ, остающихся еще въ живыхъ, филаретовъ. Мицкевичъ былъ душой бесѣды, къ нему тяготѣли всѣ товарищи. Тѣмъ тяжелѣе было, послѣ такихъ праздниковъ, возвращаться Мицкевичу въ монастырскія стѣны ковенской школы (училище помѣщалась въ бывшемъ монастырѣ францисканцевъ). Вдохновленный впечатлѣніями виленскаго товарищескаго очага, онъ тамъ произвелъ на свѣтъ свои баллады и многія вещи изъ филаретской поэзіи. Духъ любви къ родному краю, сохраненный навсегда Мицкевичемъ (между прочимъ, онъ проявляется, спустя много лѣтъ, въ предисловіи къ «Пану Тадеушу», писанному совершенно при другихъ обстоятельствахъ), — чувство преданности народу, все это, какъ заключаетъ авторъ, были чисто филаретскія свойства, которыя у Мицкевича составляли результатъ близости и товарищества съ людьми, подобными Зану и Чечоту.

Въ кружкахъ молодежи, группировавшейся около филаретовъ, большая радость была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ въ концѣ 1821 года въ Вильну прибылъ послѣ трехлѣтняго отсутстія извѣстный польскій историкъ Лелевель, для занятія въ университетѣ каѳедры всеобщей исторіи и статистики. Мицкевичъ, принадлежавшій къ горячимъ поклонникамъ Лелевеля, счелъ нужнымъ почтить его пріѣздъ стихотвореніемъ, которое и по содержанію, и по формѣ разнится отъ всего написаннаго до тѣхъ поръ Мицкевичемъ. Здѣсь впервые являются признаки его позднѣйшаго наполеоновскаго культа.

У Лелевеля Мицкевичъ сдѣлался возможно частымъ гостемъ на устроиваемыхъ профессоромъ холостыхъ чайныхъ вечерахъ. Вообще въ ту пору у поэта завязывались въ Вильнѣ другія зна-

комства, помимо товарищескаго кружка. Въ старшемъ поколѣніи онъ, какъ извѣстный уже тогда представитель новой поэзіи, встрѣчалъ людей, не сочувствовавшихъ ему и даже такихъ, которые называли Мицкевича «патріархомъ развращенности», но въ молодомъ поколѣніи онъ находилъ все больше и больше поклонниковъ. На вечернихъ товарищескихъ собраніяхъ, которыя попрежнему дышали свободой и весельемъ и разнообразились пѣніемъ, музыкой и декламаціей, Мицкевичъ сдѣлался солнцемъ, къ которому все тяготѣло рѣшительно. Въ эту пору, поэтическая репутація его уже достаточно утвердилась: онъ писалъ тогда поэму «Гражину» и еще работалъ надъ фантастическими образами «Дзядовъ».

Не смотря на постоянное уныніе, Мицкевичъ мало-по-малу привыкалъ и къ ковенской жизни. Слѣды такой привычки видны въ письмахъ поэта за зиму 1822—23 года; вотъ что онъ пишетъ, напримѣръ, Малевскому въ ноябрѣ 1822 г. «Я привыкъ ко многому. Ковно становится для меня домомъ, въ Вильнѣ я только гость, а Новогрудекъ лежитъ для меня точно за границей. Прежде я душою жилъ въ Вильнѣ. Теперь меня туда болѣе не тянетъ». Этому немало способствовало знакомство съ семействомъ Ковальскаго, уѣзднаго врача въ Ковнѣ. Въ особенности, благотворное, успокоительное дѣйствіе на молодаго человѣка оказывала г-жа Ковальская (по нѣкоторымъ догадкамъ, онъ ее изобразилъ въ поэмѣ «Гражина»); она угадала сердечныя страданія молодаго человѣка и сдѣлалась для него, по словамъ Чечота, «ангеломъ хранителемъ», котораго Мицкевичу въ его сердечныхъ и другихъ тревогахъ именно въ ту пору недоставало. Не будь этого сближенія съ домомъ Ковальскихъ, Мицкевичу пришлось бы, наконецъ, невыносимо. Друзья уже стали опасаться за состояніе здоровья и расположеніе духа поэта, которому учительская роль давно опротивѣла, а исхода никакого не было, являлись даже мысли о самоубійствѣ. Заграничная поѣздка, о которой хлопоталъ Мицкевичъ во время пріѣзда въ Вильну попечителя, кн. Чарторыскаго, не состоялась. Подъ вліяніемъ постоянной тоски и душевной неурядицы, Мицкевичъ иногда даже возмущался видомъ дѣтей, картинами семейнаго счастія, когда случайно ихъ встрѣчалъ: «это единственная моя антипатія», писалъ онъ.

При такомъ душевномъ настроеніи, участіе и дружеская опека Ковальскихъ много помогли молодому человѣку. Въ началѣ 1823 г. онъ уже былъ частымъ, почти повседневнымъ гостемъ этого семейства и, вопреки своему тогдашнему мизантропскому настроенію, любилъ играть и забавляться съ двумя малютками, дочерьми Ковальскихъ. Дѣти говорили даже, что у нихъ только два пріятеля: панъ Мицкевичъ и Баузеръ; послѣдній былъ огромный песъ, любимецъ всего дома и постоянный спутникъ на прогулкахъ. Въ домѣ Ковальскихъ Мицкевича развлекали чѣмъ могли: онъ тамъ находилъ и музыку, и новыя нѣмецкія книги, выписывавшіяся изъ Кролевца,

и даже главнѣйшія заграничныя газеты, стоившія немалыхъ денегъ. Но ни эти теплыя отношенія, ни возроставшая поэтическая слава, не могли вполнѣ заглушить тоски поэта, которому душно было въ тихой жизни уѣзднаго городка. Предметъ страсти Адама, Марія, передъ тѣмъ вышла замужъ за нѣкоего Путкаммера, такъ что любовь Мицкевича осуждена была остаться навсегда платоническою. Тѣмъ не менѣе, между ними велась переписка при посредничествѣ Зана, который, со своей теоріей «испусканія лучей», только поджигалъ въ своемъ другѣ эту неудачную страсть. Во время

Домъ, гдѣ родился Мицкевичъ, въ деревнѣ Заосьѣ.

пріѣздовъ въ Вильну, влюбленный даже видалъ «Марилю», писалъ въ честь ея стихи, въ которыхъ именовалъ ее своей сестрой, подносилъ ей, «отъ руки брата», томики своихъ стихотвореній, которыя тѣмъ временемъ выходили въ свѣтъ. Такое преобразованіе въ «брата и сестру», по словамъ автора, было вовсе не по вкусу Мицкевичу и произошло подъ вліяніемъ того же Зана, который самъ обладалъ весьма спокойной натурой и заботился только, въ оправданіе своей теоріи, о поддержкѣ въ своемъ другѣ чистаго, идеальнаго чувства. Самъ же Занъ и сокрушался, что усилія его «успокоить Адама идутъ прахомъ»...

Что касается самой Маріи, то ея личность разъясняется приводимыми авторомъ словами Одынца, который ее видѣлъ спустя нѣсколько недѣль послѣ прочтенія «Дзядовъ», гдѣ, какъ и ей было извѣстно, поэтъ, томимый любовью, изобразилъ самого себя подъ именемъ Густава-упыря, выходца съ того свѣта, мечтающаго все еще о земной любви, предметомъ которой была она сама. Одынцу Марія вовсе не показалась разстроенной или страдающей; онъ замѣтилъ, правда, что «Адамъ не пересталъ интересовать ее, но что она позировала, въ присутствіи мужа, если не прямо въ качествѣ жертвы, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ героини, которая принесла себя въ жертву, и эта поэтическая идеализація достаточно вознаграждала ее за утрату влюбленнаго»... Мужъ благоразумно предусматривалъ, что подобное состояніе напускнаго экстаза само собой исчезнетъ съ возвращеніемъ къ дѣйствительной жизни.

Поѣздка за границу все не удавалась Мицкевичу; впрочемъ, дѣло это съ самаго начала, во время пріѣзда князя Чарторыскаго въ Вильну, поведено было неправильно. Правда, молодой поэтъ представилъ князю свои труды въ прозѣ и стихахъ, между которыми были баллады, а можетъ быть и поэма «Гражина», и кн. Чарторыскій отнесся благосклонно къ начинающему поэту. Въ свитѣ попечителя былъ человѣкъ, понимавшій поэзію, библіотекарь его Сенкевичъ. Мицкевичъ даже предложенъ былъ попечителемъ совѣту университета, какъ кандидатъ на командировку за границу. Но стихами въ этомъ дѣлѣ трудно было склонить на свою сторону тогдашнихъ старыхъ ученыхъ, каковы Гродекъ и Андрей Снядецкій, голосъ которыхъ въ совѣтѣ имѣлъ большое значеніе. Не увлекаясь поэтическимъ талантомъ, они смотрѣли на Мицкевича, какъ на каждаго другаго кандидата, считали (и не безъ основанія) необходимыми ученые труды для заграничной командировки, а Гродекъ требовалъ даже, чтобъ Мицкевичъ передъ выѣздомъ получилъ степень магистра. По словамъ нѣкоторыхъ, этотъ профессоръ совѣтовалъ Мицкевичу совсѣмъ бросить поэзію и заниматься... комментаріями къ стариннымъ авторамъ.

Но, ни научный трудъ, ни магистерскій экзаменъ не казались тогда возможными молодому человѣку, который только и жилъ поэзіей, мечтами о любви. Съ отъѣздомъ Чарторыскаго изъ Вильны, заграничная поѣздка поэта была отложена въ долгій ящикъ. Да при тогдашнемъ состояніи духа Мицкевича, самая поѣздка возбуждала опасенія друзей, какъ видно изъ письма Чечота въ январѣ 1823 г. «Удивительное будетъ это путешествіе! Денегъ ему нельзя дать сразу; нельзя быть увѣреннымъ, что его гдѣ нибудь не обокрадутъ, либо онъ самъ не истратитъ всего вдругъ, а потомъ останется въ нуждѣ. Не знаю также, какъ Адаму, при такомъ настроеніи, придется быть между чужими, падкими къ наживѣ людьми; чаще всего, навѣрное, онъ будетъ въ уединеніи, не станетъ совсѣмъ

сходиться съ людьми, а пойдетъ смотрѣть «Riesen-Gebirge», долины, озера. Все это его займетъ, но какъ бы только не имѣло вреднаго вліянія на воображеніе!»

Кончался уже и учебный годъ 1822—1823-й; здоровье Мицкевича сильныя возбуждало опасенія въ его товарищахъ, а отъѣздъ все еще былъ не рѣшенъ. Являлись уже и денежныя пожертвованія отъ частныхъ лицъ, которыми собрано было нѣсколько сотъ рублей на поѣздку поэта за границу; одно неизвѣстное лице пожертвовало на это 300 рублей, нѣкто Тричинскій пожертвовалъ 200, отъ продажи стихотвореній Мицкевича Чечотъ собралъ до 300 рублей, но всего этого друзьямъ поэта казалось еще недостаточно. Но если бы даже и было довольно, то предстояло, во всякомъ случаѣ, добывать заграничный паспортъ, что въ то время было дѣломъ нелегкимъ, тѣмъ болѣе, когда виленская молодежь обратила на себя вниманіе властей, которыя стали подозрѣвать ее въ заговорахъ. При всѣхъ стараніяхъ Мицкевичу удалось только добиться освобожденія отъ службы на два года. Но это нисколько не подвигало дѣла впередъ.

Приводимое авторомъ письмо Чечота къ Малевскому о дѣлахъ Мицкевича, въ маѣ 1823 г., рисуетъ положеніе поэта въ печальномъ свѣтѣ: только воображеніе, т. е. поэтическіе труды доставляютъ ему отдыхъ, но тѣмъ тяжелѣе бываетъ возвратъ къ дѣйствительности. Здоровье также надламывается. «Что будетъ, время покажетъ», говорилъ Чечотъ. Между тѣмъ, обстоятельства вдругъ приняли неожиданный оборотъ, и вопросъ если не о выѣздѣ за границу, то объ оставленіи Ковна рѣшился для Мицкевича самъ собой. Обстоятельства же сильно, притомъ въ хорошую сторону, повліяли и на его душевное настроеніе. Въ 1823 г. разразился арестъ членовъ общества филаретовъ, а затѣмъ послѣдовалъ приговоръ надъ филаретами (въ томъ числѣ Мицкевичемъ), которые разсѣялись по разнымъ концамъ Россіи.

IV.

Печальныя событія, которыхъ свидѣтелями были Вильна и еще нѣкоторые города прежней Литвы въ 1823 и 1824 годахъ, давали себя предчувствовать уже за нѣсколько времени предъ тѣмъ: образчикъ этого мы видѣли въ распущеніи въ 1821 году общества лучезарныхъ самимъ ректоромъ университета Малевскимъ, который вскорѣ, по неудовольствію на него попечителя учебнаго округа, князя Чарторыскаго, былъ замѣщенъ Твардовскимъ. Немногимъ пережили лучезарныхъ и шубравцы со своей газетой: ихъ либеральное, задорное направленіе давно было сучкомъ въ глазу для многихъ, и при первомъ подходящемъ случаѣ дальнѣйшее изданіе «Вѣдомостей съ мостовой» прекратили, что состоялось въ іюнѣ 1822 года. Но все это были только первые раскаты приближавшейся грозы.

Первоначальные поводы неблагосклоннаго отношенія къ студенческимъ товариществамъ возникли вслѣдствіе усиленія реакціи въ Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ. Университетская молодежь, которая въ борьбѣ за независимость принимала дѣятельное участіе, съ трудомъ мирилась съ начавшейся реакціей. Послѣ вѣнскаго конгресса товарищества, образовывавшіяся при сѣверогерманскихъ университетахъ (буршеншафты), съ народно-либеральнымъ характеромъ, не были уже нужны германскимъ правительствамъ, а сами по себѣ, какъ разсадники либеральныхъ стремленій, считались даже опасными. Императоръ Александръ, сперва желавшій изслѣдовать дѣйствительный характеръ этихъ тайныхъ обществъ, посредствомъ особыхъ агентовъ, получилъ, послѣ убійства одного изъ такихъ агентовъ, Коцебу, новый поводъ къ опасеніямъ и побужденіе къ суровымъ мѣрамъ.

Вильна и виленскій учебный округъ пока стояли въ особомъ положеніи, благодаря давнишней близости государя съ тогдашнимъ попечителемъ княземъ Чарторыскимъ. У послѣдняго, впрочемъ, были враги въ свитѣ великаго князя Константина Павловича. Находясь въ антагонизмѣ съ послѣднимъ, Чарторыскій не упускалъ случая обращать вниманіе государя на всякіе, по его мнѣнію, промахи варшавскаго правительства. Въ 1821 году, онъ даже представилъ императору краткую записку о положеніи дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, конституцію котораго отстаивалъ отъ «инсинуацій и вліянія заграничныхъ кабинетовъ», предостерегалъ отъ стремленія къ «отчужденію отъ правительства людей съ талантомъ и характеромъ и противъ возвышенія людей честолюбивыхъ, алчныхъ и не пользующихся хорошей репутаціей».

Эти предостереженія не остались тайной для тѣхъ, противъ кого были направлены. Противъ самого Чарторыскаго стали раздаваться обвиненія, что онъ прикрываетъ собою злоумышленія и заговоры, особенно среди учащейся молодежи, которой состоитъ попечителемъ. Авторъ особенно напираетъ на непріязнь къ Чарторыскому Новосильцова, который сдѣлался потомъ его преемникомъ, а тогда былъ членомъ административнаго совѣта царства Польскаго. Новосильцовъ умѣлъ пріобрѣсти вліяніе на великаго князя, власть котораго, какъ намѣстника, простиралась и на Виленскій округъ. Онъ не могъ не видѣть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и односторонне-польскаго направленія, какое сообщалось дѣламъ Чарторыскимъ. Едва ли справедливо будетъ говорить, съ авторомъ, что Новосильцовъ только поддѣлывался къ новымъ вліяніямъ, проявившимся въ высшихъ сферахъ, и потому со своей стороны усиливалъ реакцію. Новое направленіе внутренней политики, въ сущности гораздо болѣе прежняго подходило къ его, лишеннымъ самостоятельности, воззрѣніямъ.

Какъ бы то ни было, въ срединѣ 1822 года гроза уже видимо надвигалась. Арестъ Лукасинскаго, открытія среди масонства уси-

лили бдительность властей, и тогда-то, между прочимъ, обратили на себя вниманіе столкновенія между виленскою молодежью и войсками, какъ признаки бунтовщическаго настроенія, хотя случаи эти повторялись и прежде, безъ всякихъ послѣдствій. Въ іюнѣ этого года происходилъ въ Вильнѣ съѣздъ императора Александра съ братьями Константитиномъ и Николаемъ. Новосильцовъ присутствовалъ въ свитѣ намѣстника. Чарторыскій нарочно остался въ городѣ съ марта мѣсяца, въ ожиданіи прибытія государя. Ему на этотъ разъ, какъ сообщаетъ авторъ, удалось еще отвратить грозу, пожертвовавъ только «шубравцами», газета которыхъ тогда и была запрещена.

Между тѣмъ, настроеніе молодежи становилось все восторженнѣе. Въ неизданныхъ запискахъ Щапинскаго разсказывается, что 3-го мая 1823 года человѣкъ 20 студентовъ, собравшись въ лѣсу, называемомъ Закретъ, основали тайное общество, которое хотя и не носило никакого имени, но поставило себѣ цѣлью борьбу противъ деспотизма. Вотъ какъ въ книгѣ г. Третьяка описываются дальнѣйшія событія въ Вильнѣ. Въ самый день основанія упомянутаго тайнаго общества, 3-го мая 1823 года, ученикъ пятаго класса виленской гимназіи, Михаилъ Платеръ, написалъ на классной доскѣ большими буквами: «да здравствуетъ конституція 3-го мая»; такая надпись нѣсколько часовъ оставалась не стертою. Ректоръ Твардовскій, узнавъ объ этомъ и боясь вмѣшательства полиціи, распорядился, чтобы гимназическое начальство оффиціально изслѣдовало дѣло и само наказало виновныхъ. Между тѣмъ, объ этой мальчишеской выходкѣ было доведено до свѣдѣнія военнаго губернатора Римскаго-Корсакова, которому въ то же время полиція донесла о какихъ-то воззваніяхъ, найденныхъ на фронтонѣ доминиканскаго монастыря. Сопоставивъ эти извѣстія съ тѣмъ, что ранѣе зналъ о «лучезарныхъ», Корсаковъ послалъ великому князю въ Варшаву донесеніе крайне тревожнаго свойства,

Авторъ, старающійся представить филаретское движеніе лишеннымъ всякой политической окраски, приписываетъ вліянію Новосильцова письмо Константина Павловича къ государю, въ которомъ признавалась необходимою суровая кара малолѣтнихъ преступниковъ, не различая гимназистовъ отъ студентовъ. «Духъ студентовъ Виленскаго университета былъ и есть всегда мятежнымъ, безпокойнымъ и противнымъ существующему порядку. Университетская власть, вмѣсто того, чтобъ его обуздать, сама принимаетъ въ немъ участіе и поддерживаетъ его».

Чарторыскій, находившійся въ то время въ Варшавѣ, хотѣлъ немедленно отправиться въ Вильну, но, по приказанію великаго князя, долженъ былъ остаться и выжидать конца слѣдствія, для котораго посланъ былъ въ Вильну адъютантъ намѣстника, полковникъ Нессельроде, съ полномочіемъ арестовать ректора университета Твардовскаго, а также директора и двухъ преподавателей ви-

ленской гимназіи. Нессельроде нашелъ въ Вильнѣ полное спокойствіе, о чемъ и донесъ великому князю. Чарторыскій, съ своей стороны, старался представить все дѣло въ благопріятномъ свѣтѣ, оправдывалъ ректора, доказывалъ, что гимназистовъ нельзя уравнивать со студентами и дѣлать университетъ отвѣтственнымъ за гимназію. Не смотря на это, въ началѣ іюля 1823 года, былъ посланъ въ Вильну Новосильцовъ съ обширными полномочіями. Ректоръ, директоръ и преподаватели гимназіи были уволены, ученикъ Платеръ и трое его товарищей подверглись зачисленію въ солдаты.

Чарторыскій, поставленный всѣмъ этимъ въ крайне неловкое положеніе, получилъ, наконецъ, возможность и самъ отправиться въ Вильну, куда прибылъ въ концѣ августа и тотчасъ же образовалъ коммиссію для изслѣдованія всего дѣла, составленную изъ профессора (Боянуса), ксендза Клангевича и профессора русской литературы Лобойки. Коммиссія дала свѣдѣніе, что существовало общество лучезарныхъ (о чемъ, впрочемъ, въ Вильнѣ и такъ всѣ знали), но имѣло характеръ чисто-товарищескій и разошлось, какъ только закрыты были вообще всѣ общества. До открытія филаретовъ коммиссія не дошла, такъ какъ губернаторъ не упоминалъ о нихъ въ своихъ донесеніяхъ въ Варшаву, а въ городѣ только самые близкіе люди знали объ этомъ союзѣ. Филареты, чуя опасность, съ самой весны сократили до крайней степени свои засѣданія; но въ рукахъ Новосильцова уже была нить, которая должна была его довести до обнаруженія какъ филаретовъ, такъ и филоматовъ.

Авторъ, на основаніи воспоминаній Одынца, слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ это случилось. Нѣкій молодой поэтъ, Юзефъ Масальскій, участникъ филаретскихъ засѣданій (такъ-называемаго «лазурнаго кружка»), наскучивъ учительствомъ, которымъ занимался, возъимѣлъ намѣреніе проѣхаться въ Варшаву на казенный счетъ и лично увидать великаго князя, какъ самъ потомъ показалъ, но каковы были его дѣйствительныя побужденія, неизвѣстно. Въ іюнѣ 1823 года, этотъ Масальскій явился къ мѣстной власти и заявилъ, что имѣетъ сдѣлать важное открытіе великому князю и желаетъ быть отвезеннымъ для этой цѣли въ Варшаву. Въ его квартирѣ произвели обыскъ, забрали бумаги и вмѣстѣ съ ними отправили самого въ Варшаву. Поставленный предъ великимъ княземъ, Масальскій сказалъ, что, давно желая вступить въ польскія войска подъ начальствомъ его высочества, онъ прибѣгнулъ къ этому способу, чтобъ безъ всякихъ расходовъ добраться до Варшавы и имѣть притомъ возможность представиться лично». Наказаніе за эту выходку послѣдовало примѣрное: Масальскій былъ принятъ въ войска, но простымъ солдатомъ.

Въ числѣ его бумагъ захвачено было письмо отъ одного также изъ филаретскихъ поэтовъ, Янковскаго, а въ письмѣ говорилось о разныхъ стихотвореніяхъ и чтеніи ихъ на вторничныхъ литера-

турныхъ собраніяхъ у Чечота. Новосильцовъ тотчасъ же распорядился забрать въ Вильнѣ бумаги Янковскаго и арестовать его самого, — что, впрочемъ, исполнено было только 2-го сентября. Въ бумагахъ, принадлежавшихъ Янковскому, найдены стихи компрометирующаго свойства, а также произведенія циническаго характера (этимъ послѣднимъ свойствомъ, по увѣренію автора, онъ отличался отъ всѣхъ прочихъ филаретскихъ поэтовъ).

По вторичномъ пріѣздѣ въ Вильну Новосильцова, въ началѣ октября, слѣдствіе закипѣло. Вызванъ былъ для оправданія Чечотъ, у котораго происходили упоминавшіеся въ письмѣ литературные вечера, арестованъ Одынецъ, который жилъ въ деревнѣ у больнаго отца, привлечены еще и другіе. Привлеченные, имѣвшіе возможность взаимнаго соглашенія, давали показанія хотя болѣе или менѣе согласно съ правдой (какъ утверждаетъ авторъ), но старались не обнаруживать, что существуетъ общество филаретовъ, даже имѣющее, какъ нѣчто цѣльное, свои уставы.

Это раскрылось, однакожъ, неожиданнымъ образомъ. Тотъ самый Янковскій, у котораго были найдены предосудительные стихи, пораженный отвѣтственностью, какую приходилось нести ему одному, «не смотря на невинный характеръ собраній», самъ заявилъ на слѣдствіи все, что зналъ о филаретахъ и филоматахъ и даже, по словамъ автора, прибавилъ кое-что отъ себя, чтобъ уменьшить свою личную вину.

Съ 23-го октября посыпались аресты какъ въ самой Вильнѣ, такъ и въ окрестностяхъ; арестованныхъ, свозимыхъ съ разныхъ сторонъ, помѣщали въ монастыри, временно обращенные въ тюрьмы. Шелъ говоръ объ открытіи крупнаго заговора противъ цѣлости и безопасности государства. Чарторыскаго тогда уже не было: потерявъ довѣріе государя, въ виду новыхъ вѣяній во внутренней политикѣ, онъ еще до признаній Янковскаго подалъ въ отставку и былъ замѣщенъ Новосильцовымъ.

Между тѣмъ, Мицкевичъ еще въ началѣ вакацій пріѣхалъ въ Вильну, а затѣмъ, съ двухлѣтнимъ увольненіемъ въ карманѣ, но безъ установленнаго паспорта, пробрался въ концѣ іюля на морскія купанья въ Кранцъ (въ Пруссіи), куда должна была поѣхать и его покровительница Ковальская. Тамъ онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока не пришла вѣсть объ арестѣ Чечота, а затѣмъ поспѣшно вернулся въ Ковно. Подробностей ареста Мицкевича авторъ не сообщаетъ, такъ какъ главный источникъ его свѣдѣній, Одынецъ, самъ былъ взятъ еще раньше. Но, по словамъ Лелевеля, арестъ Мицкевича послѣдовалъ также 23-го октября, одновременно со взятіемъ Зана и многихъ другихъ филаретовъ.

Занъ, какъ болѣе всѣхъ подозрѣвавшійся, содержался отдѣльно отъ другихъ, подъ бокомъ слѣдственной коммиссіи, въ губернаторскомъ дворцѣ. Остальные развезены по монастырямъ: Чечотъ у

францисканцевъ, Одынецъ у кармелитовъ, Мицкевичъ и много другихъ филаретовъ помѣщены были въ монастырѣ базильяновъ; туда же въ ноябрѣ привезенъ былъ Игнатій Домейко и нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ, товарищей.

Домейко сообщаетъ не лишенныя интереса подробности о препровожденіи времени заключенныхъ. Днемъ они были разсажены по отдѣльнымъ камерамъ, запертымъ на ключъ; передъ каждой камерой стоялъ часовой, а когда кого нибудь изъ узниковъ вели въ судъ, то не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ ружьями. Въ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ Новосильцова, кромѣ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ лицъ, въ родѣ Лавриновича, Андерсона, полиціймейстера Шлыкова, участвовали люди, охарактеризованные потомъ Мицкевичемъ съ самой невыгодной стороны (Байковъ, прокуроръ Ботвинко). Впрочемъ, заключенные имѣли возможность сговориться между собою и знали, кромѣ того, что Занъ принялъ на себя одного всю вину, чтобъ выпутать товарищей.

Видаться и бесѣдовать арестованные могли по ночамъ, которыми и вознаграждали себя за дневныя лишенія. Когда нельзя уже было опасаться прихода кого либо изъ высшихъ властей, караульные, благосклонность которыхъ была пріобрѣтена, отворяли камеры узниковъ и позволяли имъ сходиться вмѣстѣ. «Полночь, разсказываетъ Домейко, была для насъ восходомъ солнца; мы собирались въ камерѣ Адама и проводили всю ночь до свѣта въ тихой, но не печальной бесѣдѣ». Устроивался чай, разсказывались новости, слышанныя на допросѣ или на улицѣ, Мицкевичъ иногда читалъ стихи. «Однажды, въ первомъ часу ночи, розсказываетъ Домейко, полиціймейстеру вздумалось насъ навѣстить: часовые спали, мы всѣ собрались въ камерѣ Адама и спокойно распивали чай; вдругъ шумъ въ корридорѣ, звукъ ключей и ружей. Перепуганный унтеръ-офицеръ придумалъ сказать, что не можетъ сразу попасть на тотъ самый ключъ, который подходилъ къ дверямъ, ведущимъ въ нашъ корридоръ. Полиціймейстеръ надрывался со злости, но мы всетаки имѣли довольно времени, чтобъ быть каждому на своемъ мѣстѣ и загасить свѣчу къ тому моменту, когда отворились двери, а предъ дверью каждой камеры уже стоялъ часовой съ ружьемъ, выпрямившись, какъ на смотру». Подобное этому дѣлалось и въ другихъ монастыряхъ; по крайней мѣрѣ, такъ было у кармелитовъ, гдѣ сидѣлъ Одынецъ съ товарищами. Между монастырями велась переписка, чтобъ «ободрять другъ друга и не падать духомъ», въ присылавшихся украдкой запискахъ заключенные расхваливали свои помѣщенія, стараясь всѣми мѣрами ободрять товарищей. Арестованные могли свободно писать и читать, имѣли въ изобиліи книги, доставлявшіяся имъ содержателемъ читальни и книгопродавцемъ Морицомъ. По словамъ Одынца, многіе изъ арестованныхъ «въ теченіе этихъ мѣсяцевъ

прочитали больше, чѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ тѣмъ». Мицкевичъ также много читалъ во время своего ареста. Только Занъ находился въ исключительныхъ условіяхъ, содержался подъ строгимъ надзоромъ и не могъ имѣть никакихъ сношеній съ товарищами. Какъ главный организаторъ филоматовъ и филаретовъ, онъ винилъ себя, какъ причину ихъ несчастья, и открыто предъ коммиссіей принялъ на себя всю отвѣтственность; это привело въ умиленіе товарищей, особенно восторженнаго Мицкевича, который спустя три года писалъ Чечоту: «нѣсколько мѣсяцевъ жизни Ѳомы стоили больше, чѣмъ десять лѣтъ нашего нынѣшняго прозябанія. Онъ далъ намъ истинное доказательство дружбы».

На самого Мицкевича время заключенія произвело сильное вліяніе. Оно выразилось рѣшительнымъ переломомъ въ его настроеніи. Хотя и минуло уже время полныхъ отчаянія восторговъ, мыслей о самоубійствѣ и т. п., но изъ сердца поэта все еще не выходило и до тѣхъ поръ воспоминанія о любви. Теперь же печальная дѣйствительность взяла на себя роль врача; она пробудила въ немъ новыя чувства, въ противовѣсъ любовнымъ печалямъ, обратила вниманіе поэта въ другую сторону. Арестъ, какъ ударъ внѣшній, стряхнулъ съ Мицкевича любовную мечтательность, сильно подѣйствовалъ на его темпераментъ, обогатилъ опытомъ и отрезвилъ. Въ виду грозной и неизвѣстной будущности, предстоявшей и самому Мицкевичу, и товарищамъ, прежнія любовныя печали стали казаться ему незначительными. Настоящая неизвѣстность его участи обладала всею прелестью таинственнаго, а разочарованіе, поразившее надежды филаретовъ, для самого Мицкевича было уже не первымъ и потому не особенно болѣзненнымъ; наконецъ, арестантская жизнь и тревоги слѣдствія вознаграждались ночными товарищескими бесѣдами.. Въ результатѣ вышло, что самъ Мицкевичъ впослѣдствіи писалъ объ этомъ времени такъ: «я началъ быть веселымъ только у отцовъ базильяновъ». Въ періодъ своего заключенія онъ, между прочимъ, написалъ стихотвореніе «Новый годъ».

V.

Между тѣмъ, слѣдствіе приближалось къ концу: начатое въ ноябрѣ, оно продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Авторъ сѣтуетъ на Новосильцова, что онъ хотѣлъ открыть въ товариществахъ молодежи слѣдъ политическаго заговора, котораго не обнаружилось даже при самомъ тщательномъ разслѣдованіи. Не одному Новосильцову казалось въ то время, что главнаго зачинщика тайныхъ союзовъ нужно искать за предѣлами кружковъ молодежи, среди профессоровъ, а можетъ быть и выше; если не было опредѣленнаго политическаго заговора, то цѣли кружковъ и союзовъ достаточно выяснены для того, чтобъ быть признанными (напримѣръ,

укрѣпленіе полонизма) несовмѣстными съ политическою безопасностью государства.

Новосильцовъ вытребовалъ къ себѣ протоколы слѣдственной коммиссіи, назначенной Чарторыскимъ для изслѣдованія союза лучезарныхъ, но тамъ ничего особеннаго не могли обнаружить. Подозрѣнія обращались то на библіотекаря Контрыма, извѣстнаго друга молодежи (о которомъ мы говорили при изложеніи дѣятельности кружка шубравцовъ), то на профессора исторіи Лелевеля, очень любимаго студентами, но никакихъ уликъ противъ нихъ не было, а Лелевель даже и не жилъ въ Вильнѣ во время образованія союза филаретовъ; впрочемъ, оба они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами (Голуховскимъ, Даниловичемъ, Бобровскимъ), были устранены отъ должностей. Другіе, привлеченные къ допросу, какъ-то: профессора Мяновскій и Онацевичъ, были оправданы. Товарищъ Мицкевича по студенчеству, Францискъ Малевскій, былъ вызванъ изъ-за границы, гдѣ находился уже около двухъ лѣтъ; не зная о признаніяхъ Зана, Малевскій при допросѣ назвалъ себя главнымъ зачинщикомъ студенческихъ союзовъ, и только при очной ставкѣ съ Заномъ, по настоянію отца (бывшаго ректора), взялъ назадъ это признаніе.

Между тѣмъ, съ половины января 1824 года начали уже нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, изъ числа арестантовъ выпускать на поруки, а въ маѣ, передъ отъѣздомъ Новосильцова въ Варшаву, были выпущены всѣ, за исключеніемъ Зана, Чечота и Сузина. Въ это время получилъ свободу и Мицкевичъ, встрѣчу котораго съ ожидавшими его друзьями Одынецъ описываетъ трогательно.

Теперь Мицкевичъ навѣщалъ, въ свою очередь, помѣщенныхъ по окончаніи слѣдствія въ монастырь базильяновъ, Зана, Чечота и Сузина, которые содержались гораздо свободнѣе прежняго: посѣщеніе ихъ было дозволено подъ условіемъ особаго разрѣшенія, полученіе котораго не представляло затрудненій. Тамъ Мицкевичъ впервые почувствовалъ въ себѣ способность къ поэтическимъ импровизаціямъ, которыя онъ не допускалъ записывать. Хотя импровизаціи эти приводили въ восторгъ товарищей — слушателей, но, судя по сохранившимся въ памяти свидѣтелей стихотворнымъ отрывкамъ, онѣ стояли гораздо ниже его письменныхъ произведеній.

Это временное положеніе длилось недолго. Въ томъ же году состоялся приговоръ. Новосильцовъ, по окончаніи слѣдствія, взялъ съ собой слѣдственные протоколы и отправился съ ними сперва въ Варшаву, для представленія великому князю, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ назначена была особая коммиссія для окончательнаго разсмотрѣнія и постановленія приговора какъ по дѣлу филаретовъ и филоматовъ, такъ и по нѣкоторымъ другимъ, тѣсно съ ними связаннымъ.

Коммиссія эта, состоявшая изъ Аракчеева, Шишкова и самого

Новосильцова, постановила, на основаніи имѣвшихся въ ея распоряженіи данныхъ, приговоръ, который 14-го августа 1824 года получилъ высочайшее утвержденіе. Приговоромъ этимъ, приводимымъ въ извлеченіи въ книгѣ г. Третьяка, изъ 109 обвиненныхъ филаретовъ и филоматовъ 20 (въ томъ числѣ Мицкевичъ) присуждены были къ высылкѣ во внутреннія губерніи Россіи. Вотъ что говорилось въ приговорѣ собственно о филоматахъ (по польскимъ источникамъ).

«Хотя вина образованія тайныхъ обществъ филаретовъ и филоматовъ, а равно и принадлежности къ нимъ, падаетъ вообще на всѣхъ членовъ тѣхъ обществъ, изъ которыхъ слѣдственная коммиссія открыла 109 лицъ, опредѣливъ степень вины каждаго; но, принимая во вниманіе, что они были вовлечены въ это преступленіе примѣромъ старшихъ товарищей и вліяніемъ господствовавшаго въ то время духа, а притомъ имѣя въ виду, что большая часть ихъ, въ продолженіе семи мѣсяцевъ, находилась подъ строгимъ арестомъ, коммиссія присуждаетъ ихъ къ уплатѣ издержекъ слѣдствія о филаретахъ и отъ дальнѣйшей отвѣтственности освобождаетъ. Изъемлются изъ этого только одиннадцать членовъ товарищества филоматовъ, которые посвятили себя учительскому поприщу, и тѣ изъ числа филаретовъ, которые оказались наиболѣе дѣятельными въ распространеніи пагубныхъ ученій этого общества. Они имѣютъ быть удалены изъ польскихъ губерній, гдѣ безразсудно замышляли, при помощи литературы, укрѣпить польскую народность. Они предоставляются въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, для опредѣленія въ училища отдаленныхъ губерній до тѣхъ поръ, пока не получатъ разрѣшенія вернуться на родину. Изъ нихъ Занъ, Чечотъ и Сузинъ должны быть предварительно выдержаны въ крѣпости, первый въ теченіе года, послѣдніе двое по 6 мѣсяцевъ».

По воспоминаніямъ Одынца, Занъ, Чечотъ и Сузинъ увезены были еще въ іюлѣ, т. е. ранѣе, чѣмъ состоялся общій приговоръ. Увозившіеся прямо изъ мѣста заключенія получали позволеніе совершить молитву у Остробрамской Богоматери, и тамъ же происходило ихъ прощаніе со всѣми остающимися товарищами.

Мицкевичу и нѣкоторымъ другимъ, послѣ приговора, дано было время, приготовиться къ дорогѣ и уладить свои дѣла. Срокъ выѣзда не былъ рѣшительно опредѣленъ, велѣно было только готовиться къ дорогѣ какъ можно скорѣе. Мицкевичъ всѣ лѣтнія вакаціи не выѣзжалъ изъ Вильны, какъ состоявшій подъ судомъ, и жилъ въ домѣ г-жи Мацевичъ, сестры Ковальской, занималъ тамъ двѣ комнаты; товарищами по квартирѣ у него были Ежовскій и Одынецъ. Настроеніе всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ приходившими гостями-товарищами, сдѣлалось мрачнымъ, послѣ того, какъ увезены были Занъ, Чечотъ и Сузинъ. Мицкевичъ особенно былъ ис-

полненъ мрачныхъ предчувствій, такъ что получилъ даже отъ товарищей прозваніе «зловѣщей птицы». Самъ онъ ожидалъ одинаковой участи съ тремя увезенными товарищами и потому встрѣтилъ свой приговоръ спокойно. Вильна потеряла для Мицкевича всю прелесть; даже образъ совершенной Маріи поблѣднѣлъ въ его воображеніи. Отъѣздъ хотя и не за границу, какъ мечталось, приходился кстати по душевному настроенію Мицкевича, который, впрочемъ, не предполагалъ, что навсегда разстается съ родиной.

Послѣднія минуты пребыванія Адама Мицкевича обстоятельно описаны Одынцомъ, изъ котораго и заимствованы свѣдѣнія въ книжкѣ г. Третьяка. «22-го октября, разсказываетъ Одынецъ, возвращаясь около полуночи отъ Ковальскихъ, мы были поражены свѣтомъ во всѣхъ окнахъ нашей квартиры. Думали, что у Ежовскаго гости, но не могли догадаться — какіе. Это оказался полицейскій офицеръ, ожидавшій именно Адама, чтобъ взять отъ него подписку въ выслушаніи распоряженія, по которому послѣзавтра утромъ онъ обязывался быть готовымъ къ выѣзду. «Извѣстіе это Адамъ принялъ спокойно, подписалъ, — и мы остались одни. О снѣ въ эту ночь не могло быть и рѣчи. Остатокъ ночи прошелъ въ приготовленіяхъ къ дорогѣ и въ разговорахъ по этому поводу. Прилегли, не раздѣваясь, когда уже разсвѣло. Утромъ лихорадочное движеніе господствовало во всемъ товарищескомъ кружкѣ. Срокъ выѣзда былъ общій для всѣхъ, съ промежутками лишь на нѣсколько часовъ, чтобъ на станціяхъ не оказалось недостатка въ лошадяхъ. Помогалъ Мицкевичу въ сборахъ Маріанъ Пясецкій, которому пришлось и въ 1829 году снаряжать его изъ Петербурга за границу. Дорожнымъ товарищемъ поэта, предназначеннымъ ѣхать въ одной съ нимъ почтовой бричкѣ, былъ Янъ Соболевскій, имя котораго упоминалось въ приведенномъ спискѣ филаретовъ. Мицкевичъ дѣлалъ прощальные визиты. Вечеромъ, у г-жи Мацевичъ, онъ былъ не только спокоенъ, но даже шутливъ въ разговорѣ со старухой Ковальской, бранилъ или старался пристыдить меня, Ходзько и Юліана Корсака, за то, что мы дурной примѣръ подаемъ дамамъ».

Послѣдняя ночь передъ выѣздомъ предназначалась на прощальную товарищескую бесѣду, которою должно было завершиться филаретское житье, со всѣми своими фазисами и свѣтлыми, и печальными. Въ домикѣ, на Остробрамской улицѣ, собрались почти всѣ наличные филоматы и много филаретовъ, въ томъ числѣ молодые поэты Феликсъ Кулаковскій и Кипріанъ Дашкевичъ и даже нѣкоторые изъ новыхъ студентовъ. Не принадлежа сами къ нашимъ товариществамъ, говоритъ Домейко, они какъ бы соединяли прошлое съ будущимъ. Не смотря на отсутствіе общаго любимца, Ѳомы Зана, въ эту ночь веселье преобладало надъ печальными воспоминаніями; даже не позволялось соболѣзновать или вспоминать о не-

пріятномъ прошломъ. Пропѣты были всѣ товарищескія пѣсни и печальныя, и веселыя, и филаретскія, и «маювскія» (которыя бывало пѣлись лучезарными на маювкахъ). Въ заключеніе, Мицкевичъ, по общей просьбѣ, импровизовалъ балладу. Разошлись безмолвно, когда уже у Острой Брамы звонили къ ранней обѣднѣ.

«Тотчасъ послѣ прощальной молитвы, которою за девять лѣтъ передъ тѣмъ и началась виленская жизнь Мицкевича, онъ сидѣлъ уже въ почтовой бричкѣ съ Соболевскимъ. Лошади двинулись, колокольчикъ залился, нѣкоторые товарищи (въ томъ числѣ Одынецъ и Домейко) шли еще за бричкой чрезъ Нѣмецкую улицу и только передъ Погулянкой, снявъ шапки и махая платками, простились съ путниками, скрывавшимися подъ горой. По дорогѣ, особенно въ Ковнѣ, гдѣ, по недостатку почтовыхъ лошадей, проѣзжіе должны были остановиться дольше, знакомые встрѣчали отъѣзжающихъ пожеланіями. Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезли литовскіе лѣса, рѣки и пригорки, о которыхъ онъ тосковалъ всю остальную жизнь, и мало-по-малу передъ нимъ разстилался край пустой, бѣлый, обнаженный»...

Дальнѣйшее пребываніе Мицкевича въ Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ находится за предѣлами филаретскаго періода его жизни. Приведемъ только не лишенную связи съ нимъ, характерную выдержку изъ письма Мицкевича (въ январѣ 1827 г.) къ Зану и Чечоту, выясняющую отчасти его тогдашніе взгляды. Въ этомъ письмѣ Мицкевичъ, возражая Чечоту противъ его системы уединенія, принятой въ ссылкѣ, доказываетъ, что «обѣды, танцы, пѣніе не могутъ быть оскорбительными для божественной коханки» (отчизны). «Я готовъ ѣсть не только нечистый бифштексъ моавитянъ, но даже мясо съ алтаря Дагона и Ваала, когда голоденъ, и всетаки буду, какъ былъ, добрымъ христіаниномъ»...

Въ этихъ наставленіяхъ слышатся еще отголоски филаретскихъ мотивовъ, основанныхъ на чувствѣ и навѣянныхъ европейскими «союзами добродѣтели»; но здѣсь же звучитъ нѣчто новое, впослѣдствіи страшно разросшееся въ поэтѣ и только что передъ тѣмъ выраженное въ «Конрадѣ Валленродѣ». Не даромъ же, въ монастырѣ базильяновъ, во время заключенія тамъ Мицкевича, ему приписывается такого рода надпись на стѣнѣ: «Густавъ умеръ 1 ноября 1823 г., родился Конрадъ. Умеръ любовный герой (Дзяды), народился политическій».

Г. Третьякъ доказываетъ, что это невѣрно, ибо въ 1823 г. не было еще и мысли о «Конрадѣ Валленродѣ». Но здѣсь слѣдуетъ разумѣть не самую поэму, а политическій фазисъ развитія поэта, явившійся на смѣну любовнаго.

Эпоха филаретовъ составляетъ между этими фазисами соединительное звено въ жизни Мицкевича.

Н. С. Кутейниковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Е. П. Карновичъ. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Спб. 1884.

УРЕЦКАЯ пословица говоритъ: «только одна собака имѣетъ привиллегію хорошо дѣлать два дѣла разомъ: ѣсть и махать хвостомъ». Какъ извѣстно, благородные османлы довольно точно придерживаются этого правила: если турокъ рѣжетъ христіанъ, то онъ весь отдается этому занятію; если онъ куритъ, то онъ ничего другаго не дѣлаетъ, даже не думаетъ, а только куритъ. Но намъ, людямъ испорченнымъ «тлетворнымъ вліяніемъ Запада», очень часто приходится волей-неволей одновременно дѣлать и два, и три дѣла. Сколько есть такихъ видовъ занятій, гдѣ необходимо преслѣдовать разомъ двухъ зайцевъ? Посмотрите на мать, обучающую ребенка грамотѣ и въ то же время забавляющую его; посмотрите на педагога, который одновременно снабжаетъ голову ученика научными фактами и развиваетъ его логическое мышленіе! — на профессора, который и науку двигаетъ, и спеціалистовъ готовитъ, а въ то же время иногда и административный постъ занимаетъ!

За послѣднія 10 — 15 лѣтъ въ нашемъ обществѣ развилась страсть къ историческому чтенію: прекрасная и многознаменательная черта, дающая надежды на лучшее будущее; великая цѣль, поставленная человѣчеству Сократомъ, лучше всего достигается именно изученіемъ прошлаго. Насъ главнымъ образомъ интересуетъ наша собственная старина, и то благо; извѣстно, что изученіе Прескоттовъ и Токвилей, хотя и принесло нашему самосознанію значительную пользу, однако сбило съ толку многихъ полковниковъ Кошкаревыхъ.

Потребность въ историческомъ чтеніи породила, разумѣется, и спеціальные органы, и массу писателей добросовѣстныхъ, трудолюбивыхъ, а часто и талантливыхъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: серьезное историческое чтеніе тре-

буетъ подготовки, которая у массы нашихъ читателей очень плоха, и привычки къ умственному напряженію, которой у нихъ совсѣмъ не хватаетъ. Заурядный читатель охотно просмотритъ въ историческомъ журналѣ смѣсь, заглянетъ въ «записки», если въ нихъ много разговоровъ; если имѣетъ средства, купитъ роскошно изданную иллюстрированную книгу по отечественной исторіи, пожалуй, купитъ и крупную монографію, купитъ, но читать ихъ не станетъ. Если отечественный историческій писатель желаетъ, чтобы его не только почитали, но и читали, онъ долженъ пренебречь турецкой пословицей и постараться дѣлать два дѣла разомъ: поучать и забавлять, причемъ, разумѣется, постоянно рискуетъ слишкомъ увлечься въ одну изъ противоположныхъ сторонъ, а при несчастьи миновать обѣ поставленныя ему необходимостью цѣли.

Г. Карновичъ принадлежитъ къ числу немногихъ историческихъ писателей, которымъ удается ихъ трудная задача, и успѣхъ его довольно спеціальныхъ по содержанію и заглавію статей служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Безъ сомнѣнія, будетъ имѣть успѣхъ и новая его книга, хотя содержаніе ея на столько пестро, что трудно вообразить читателя, котораго въ равной степени заинтересовали бы всѣ ея составныя части.

Въ книгѣ всего 10 статей, но какое разнообразіе литературныхъ пріемовъ, вызванное тою же необходимостью дѣлать два дѣла разомъ! Она начинается статьей «къ случаю»: «Коронованіе русскихъ государей»; затѣмъ слѣдуетъ историческая повѣсть: «Московскіе люди XVII столѣтія» (очень близко, какъ и многія статьи сборника, знакомая читателямъ «Историческаго Вѣстника»), повѣсть, въ которой авторъ гораздо больше заботился о поученіи, чѣмъ объ удовольствіи читателей; затѣмъ идетъ небольшой очеркъ объ ассамблеяхъ; монографія о русскомъ придворномъ бытѣ въ XVIII столѣтіи, составленная по печатному, но мало доступному матеріалу, составленная очень толково, но, разумѣется, не могущая претендовать на одинаковое мѣсто съ извѣстными трудами г. Забѣлина; за ней идутъ: біографія Григорія Разумовскаго, статьи: «Братья Тренкъ въ Россіи», «Роговая музыка въ Россіи», «Двѣ герцогини Курляндскія», «Аббатъ Жоржель въ Россіи» (искусно сдѣланныя выборки изъ его записокъ) и очеркъ «Генералъ Моро въ Россіи».

Очерки о Тренкахъ, Жоржелѣ, Моро и пр. прочтутся съ интересомъ массой просто образованныхъ читателей, которымъ Очерки придворнаго быта и Коронованіе покажутся, пожалуй, скучными, а «Московскіе люди» слишкомъ наивными; за то послѣдніе понравятся «учащемуся юношеству», а первыя—старикамъ. Очень недурно исполненные рисунки будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать распространенію книги.

Г. Карновичъ такъ спѣшитъ, излагая факты, что не останавливается и на такихъ, о которыхъ стоило бы подумать. Напримѣръ, что за прелесть это предсмертное письмо генерала Моро женѣ.

«Милый мой другъ!

«Три дня тому назадъ, при осадѣ Дрездена, ядро оторвало у меня обѣ ноги, а бездѣльникъ Бонапартъ, между тѣмъ, счастливъ попрежнему.

«Мнѣ сдѣлали операцію какъ нельзя лучше. Хотя армія подалась назадъ, но это сдѣлано единственно для того, чтобы соединиться съ Блюхеромъ.

«Извини мое маранье, я люблю тебя и цѣлую отъ всего сердца».

Какъ въ немъ виденъ человѣкъ и какъ видна эпоха, и какая эпоха!

А. К.

По Россіи. А. Н. Молчанова. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1884. Письма изъ Новороссійскаго края А. Н. Молчанова. Одесса. 1885.

Кто обреченъ судить объ условіяхъ жизни Россіи не по собственнымъ, не по личнымъ наблюденіямъ, для тѣхъ оба вышеприведенныя изданія составляютъ обильный источникъ полезныхъ и назидательныхъ свѣдѣній. Г. Молчановъ — зоркій, опытный наблюдатель, искусно подмѣчаетъ самыя мельчайшія особенности быта русскихъ людей, образно и живо излагаетъ свои на мѣстѣ собранныя наблюденія и впечатлѣнія, умѣетъ, наконецъ, пробудить въ читателѣ интересъ ко всему видѣнному и слышанному корреспондентомъ. Въ этомъ отношеніи талантливый авторъ «По Россіи» и «Писемъ» пока еще не имѣетъ себѣ соперниковъ въ числѣ нашихъ журналистовъ, задающихся изученіемъ многообразныхъ сторонъ русской дѣйствительности у живыхъ ея родниковъ.

Авторъ побывалъ всюду, буквально «отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». Въ губерніи Владимірской онъ наблюдалъ кустарные промыслы, помимо разныхъ сторонъ быта, въ Нижегородской — мѣстное фабричное производство, опять-таки независимо отъ мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ; по пути г. Молчановъ присматривался къ новымъ деревенскимъ дѣятелямъ-сѣятелямъ, и въ его изложеніи иные изображены со всѣми ихъ типическими особенностями (см., напримѣръ, стр. 113 и слѣд.). Далѣе авторъ поѣздилъ по Самарской губерніи и воочію видѣлъ тамъ гнѣздо всяческой бѣдности и нужды сельскаго люда, картины экономической и бюрократической неурядицъ. По Саратовской губерніи вниманіе г. Молчанова обратили на себя и способъ мѣстныхъ увеселеній, и акцизное управленіе, и пожары, и колонисты иностранные, въ Астраханской — видное мѣсто въ книгѣ отведено рыбнымъ и солянымъ промысламъ, а также санитарнымъ безобразіямъ. Петербургъ мы оставимъ въ сторонѣ, ибо въ нашей столицѣ, кромѣ женской тюрьмы въ бывшемъ Литовскомъ замкѣ и душевнобольныхъ въ клиникахъ г. Мержеевскаго и г. Фрея, ничто не возбудило любопытства въ г. Молчановѣ. Къ тому же оба очерка носятъ на себѣ всѣ слѣды поспѣшнаго, мимолетнаго осмотра, не отличающагося аккуратностью въ передачѣ фактовъ, напротивъ, увлекшагося, подъ впечатлѣніемъ наружнаго блеска, невольнымъ искаженіемъ ихъ. Въ Москвѣ г. Молчановъ видѣлъ гораздо больше и наблюдалъ гораздо обстоятельнѣе, способъ распространенія издѣлій такъ называемый народной литературы и московскія фабрики. Поѣздка въ Тульскую губернію знакомитъ читателя съ мѣстными средствами сельской Ѳемиды и просвѣщенія; наблюденія, собранныя по Орловской губерніи, даютъ г. Молчанову поводъ обсудить причины бѣдности тамошнихъ крестьянъ и убыточности крупнаго землевладѣнія. Наброски и очерки Курской и Воронежской губерній обнимаютъ собою мѣстныя условія жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. У донскихъ казаковъ авторъ «По Россіи» наблюдалъ условія труда и жилища рабочихъ, въ Екатеринославской губерніи — опять рабочій вопросъ и мѣстное землевладѣніе, банки и администрацію, земскую и коронную. Пять главъ, посвященныхъ въ книгѣ Кавказу, заставляютъ подумать о средствахъ къ умиротворенію и цивилизаціи этого дикаго и богатаго края. Наконецъ, съ живѣйшимъ интересомъ читаются страницы, отведенныя на описаніе поѣздки въ При-

балтійскій край. Что касается писемъ изъ Новороссійскаго края, они любопытны для исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи, ибо показываютъ, какъ евреи завоевали Одессу.

Само собою разумѣется, ближе стоящіе у живыхъ родниковъ русской дѣйствительности, имѣющіе возможность изъ года въ годъ слѣдить за измѣненіями въ условіяхъ мѣстной жизни, такіе наблюдатели были бы, пожалуй, педантичнѣе г. Молчанова. Они нагромоздили бы цифръ, сухихъ фактовъ, документовъ и тому подобныхъ справокъ и гордились бы своей точностью и безпристрастіемъ. Такіе наблюдатели подъищутъ въ показаніяхъ г. Молчанова кое-какія неточности. Иное де представлено въ свѣтѣ болѣе розовомъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, а кое-что обрисовано штрихами болѣе смѣлыми, чѣмъ слѣдуетъ. Но и самая взыскательная требовательность не можетъ подорвать значенія подобныхъ неточныхъ изданій. Суть дѣла вовсе не въ цифрахъ и даже не въ фотографическихъ снимкахъ съ натуры. Тѣ и другіе безъ обобщеній и разъясненій всегда остаются мертвыми фактами, совсѣмъ непривлекательными для большинства публики, несвѣдущей и желающей, чтобъ просвѣтили ея невѣдѣніе. Тутъ требуется кое-что большее, то, что можетъ будить мысль, задѣвать сердце. А такимъ свойствомъ обладаетъ только оригинальность. Не бѣда, если въ изложеніи фактовъ оказывается много субъективнаго пониманія вещей, лишь бы это субъективное пониманіе не отличалось педантической узкостью, не позволяющей видѣть дальше своего носа, преднамѣреннымъ умысломъ непремѣнно обличать кого нибудь и что нибудь, партійнымъ пристрастіемъ и тому подобными недочетами. Показанія г. Молчанова чужды упрека въ такихъ недочетахъ. Напротивъ, оригинальный, свѣтлый взглядъ на дѣло и возможная въ подобныхъ трудахъ искренность автора составляютъ наиболѣе выдающіяся преимущества обширнаго тома «По Россіи». Не говорю уже о многихъ новыхъ явленіяхъ, народившихся въ русской жизни за послѣдніе годы, — здѣсь они впервые выведены изъ мрака безгласности на свѣтъ Божій. Наконецъ, самимъ дѣятелямъ земскимъ и административнымъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи весьма полезно знать, въ какомъ видѣ представляются условія жизни этихъ мѣстностей на зоркій глазъ интеллигентнаго человѣка, хотя и наѣздомъ побывавшаго въ ихъ средѣ, но здраво, въ большинствѣ случаевъ, безъ предубѣжденій смотрящаго на вещи.

Ѳ. В.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева, составилъ В. Зелинскій. Москва. 1884.

Составитель этого сборника оказалъ несомнѣнно услугу русской литературѣ, соединивъ въ одно изданіе все, что высказала наша критика о Тургеневѣ вообще и обо всѣхъ его произведеніяхъ въ частности. Имѣть подъ рукою сужденіе критиковъ всѣхъ партій и оттѣнковъ, безспорно, необходимо для полной характеристики писателя, для уясненія тенденцій того общества, среди котораго онъ создавалъ свои типы и разсказы, для анализа тѣхъ «вѣяній», которыя необходимо отражались въ произведеніяхъ романиста. Упадокъ литературной критики въ наше время объясняется тѣмъ, что большинство читателей ищутъ не мысли, не художественнаго воспроизведенія жизни или созданія

выдающихся типовъ, а просто—дешеваго развлеченія, пріятнаго препровожденія времени, внѣшняго интереса, безъ малѣйшихъ эстетическихъ или нравственныхъ требованій. Такіе читатели даже въ истинно художественныхъ произведеніяхъ видятъ только ихъ фабулу, внѣшнюю сторону, не понимая ихъ внутренняго смысла и значенія. Дѣло серьезной критики раскрыть это значеніе, объяснить его, такъ сказать, воспитать читателя для того, чтобы онъ усвоилъ себѣ эстетическій и нравственный смыслъ произведенія. Г. Зелинскій полагаетъ, что сборникъ его можетъ служить къ этому воспитанію. Когда передъ читателемъ нѣсколько мнѣній, часто совершенно противоположныхъ, о какой-нибудь повѣсти, онъ не можетъ оставаться пассивнымъ, а примкнетъ къ тому или другому мнѣнію, на основаніи собственныхъ выводовъ, или признаетъ часть истины въ одномъ сужденіи и часть въ другомъ. Для всего этого нужно—размышленіе, сравненіе, нужны данныя и все это будетъ способствовать къ развитію критическаго и эстетическаго пониманія. Г. Зелинскому не пришло на память то глубокомысленное существо, которое, въ извѣстной баснѣ, стоитъ голодное между двухъ охапокъ сѣна, не зная, за которое ему прежде приняться. Но если у насъ немало читателей, которые, какъ гоголевскій судья, доходятъ до всего собственнымъ своимъ умомъ, то немало и такихъ, которыхъ совсѣмъ собьютъ съ толку разнорѣчивыя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Все это, однако, не мѣшаетъ тому, чтобы сборникъ принесъ пользу тѣмъ лицамъ, для которыхъ его, преимущественно, назначаетъ составитель: т. е. для незнакомыхъ съ произведеніями Тургенева и для учащихся. Замѣтимъ, однако, что для этой цѣли, намѣченной самимъ г. Зелинскимъ, его сборника недостаточно, такъ какъ онъ не даетъ ни содержанія повѣстей, ни выписокъ изъ нихъ, а приводитъ только однѣ рецензіи, недостаточныя для полной оцѣнки разсказа. Къ тому же въ сборникѣ критическія сужденія не систематизированы, не сгруппированы по школамъ и направленіямъ; какихъ нибудь общихъ выводовъ нѣтъ и слѣда, тогда какъ оцѣнка самихъ критическихъ мнѣній была бы далеко не лишнею. Нѣтъ даже вовсе ни статей объ общей дѣятельности писателя, ни его біографіи. Некрологъ взятъ изъ «Русскаго Курьера», какъ будто нельзя было найдти матеріала для этого—лучше и полнѣе. Отзывы иностранной печати о Тургеневѣ очень поверхностны, тогда какъ существуетъ отдѣльная книга, гдѣ собраны мнѣнія о немъ лучшихъ писателей Западной Европы. Наконецъ, самая цѣна книги—четыре рубля за 620 разгонисто напечатанныхъ страницъ слишкомъ велика для учащихся, о которыхъ заботится составитель сборника и которые, чтобы пользоваться имъ, должны, сверхъ того, пріобрѣсти и самыя сочиненія Тургенева.

В. З.

Родная старина. Отечественная исторія, въ разсказахъ и картинахъ (XVII вѣкъ). Составилъ В. Д. Сиповскій. 160 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листахъ. Выпускъ 3-й. Въ помощь учащимся. Спб. 1884 г.

Мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» о первыхъ двухъ выпускахъ «Родной Старины» г. Сиповскаго. Настоящій выпускъ, обнимающій XVII вѣкъ русской исторіи, представляетъ немало интереснаго и можетъ быть смѣло названъ трудомъ вполнѣ добросо-

вѣстнымъ, ибо указываетъ на близкое знакомство автора съ разнообразными источниками, воспользоваться которыми, конечно, возможно лишь при занятіяхъ усидчивыхъ и продолжительныхъ. И при разсмотрѣніи настоящаго выпуска мы повторимъ то, что сказали при разсмотрѣніи первыхъ двухъ томовъ «Родной Старины»: г. Сиповскій не обладаетъ талантомъ излагать и рисовать историческія событія тепло, живо, картинно. Не всякому историку-писателю дается этотъ даръ. Не владѣлъ имъ и знатокъ родной исторіи — покойный Соловьевъ.

Но подобные недостатки выкупаются иногда немалыми достоинствами: добросовѣстнымъ изученіемъ фактовъ, вѣрнымъ пониманіемъ историческихъ событій, хорошей, если можно такъ выразиться, исторической логикой. До извѣстной степени мы признаемъ эти достоинства и въ авторѣ «Родной Старины»; говоримъ—«до извѣстной степени», ибо полагаемъ, что и самъ почтенный авторъ не пожелаетъ приписать себѣ упомянутыя достоинства въ степени безусловно полной, способной выдержать самую строгую критику.

Обращаясь къ частностямъ, выскажемъ, по мѣрѣ своего пониманія исторической науки, слѣдующія замѣчанія: въ предисловіи г. Сиповскій говоритъ, что одни рисунки, находящіеся въ его книгѣ, представляютъ факсимиле подлинниковъ; другіе — уменьшенное изображеніе ихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ политипажи наши, сохраняя точность въ изображеніи одежды, оружія и проч. представляютъ какъ бы нѣкоторое исправленіе подлинника: мы не считали нужнымъ передавать въ нашей книгѣ явную неправильность въ изображеніи человѣческой фигуры или грубое нарушеніе перспективы, что нерѣдко встрѣчается въ рисункахъ у Олеарія и Мейерберга.

Мы полагаемъ, что подчеркнутое нами мѣсто въ предисловіи не выдерживаетъ критики: зачѣмъ давать ложный взглядъ на состояніе искусства въ данное время? Книгу свою г. Сиповскій назначаетъ не для дѣтей, которымъ она совершенно недоступна, а для юношей, способныхъ, чрезъ какой нибудь годъ времени, слушать университетскій курсъ исторіи. Почему же они не должны получить надлежащаго понятія объ историческомъ фактѣ? Если у Олеарія плохи рисунки, то они плохи по причинамъ очень важнымъ, имѣющимъ большое значеніе въ исторіи того или другаго общества. Учить дѣтей и юношей дѣйствительно должно по хорошимъ и изящнымъ рисункамъ и картинамъ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что можно представлять дѣло въ превратномъ видѣ. Въ данномъ случаѣ мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ о неправильномъ взглядѣ автора, что мысль его иллюстрировать свое изданіе какъ нельзя болѣе удачна и вполнѣ отвѣчаетъ педагогическимъ требованіямъ. Всѣ эти описанія одежды, оружія, утвари, безъ наглядныхъ представленій, проходятъ совершенно безслѣдно для молодыхъ умовъ.

Нельзя сказать, чтобы авторъ игнорировалъ собственно исторію народа: онъ нерѣдко указываетъ на роль народа въ тѣхъ или другихъ важныхъ историческихъ событіяхъ, но, во всякомъ случаѣ, дѣятельность народа и значеніе его въ историческихъ судьбахъ государства не на столько рельефно, ясно выступаютъ предъ глазами читателей, на сколько онѣ должны были бы выступать. Между тѣмъ, въ настоящее время трудами нашихъ историковъ, особенно московскихъ, выяснились многіе факты, бросающіе новый свѣтъ на ходъ исторической русской жизни. Особенно многознаменательна роль народа въ періодъ лихолѣтья и, затѣмъ, во все время отъ вступленія на пре-

столъ Михаила Өеодоровича до времени начала самостоятельной дѣятельности императора Петра I-го. Цѣлый рядъ народныхъ тревогъ и бурь, совершившихся въ упомянутый длинный періодъ времени, всего лучше доказываетъ, какъ важно обратить вниманіе на наложеніе причинъ, породившихъ и лихолѣтье, и всѣ послѣдовавшія за нимъ тревоги. Авторъ «Родной Старины» дѣйствительно говоритъ о народѣ, описываетъ его печальное состояніе, порожденное боярской неправдой, московской волокитой; но все это упоминается какъ бы вскользь, между прочимъ, вслѣдствіе чего и не оставляетъ полнаго, отчетливаго впечатлѣнія въ умѣ читателя. Мы говоримъ по собственному впечатлѣнію, порожденному книгой г. Сиповскаго. Намъ, напримѣръ, представляется, что упомянутой цѣли много содѣйствовало бы указаніе на народныя думы, пѣсни, въ которыхъ весь народъ со всѣми своими страданіями и радостями. Кто будетъ спорить, что, напримѣръ, слѣдующая казацкая дума, приводимая авторомъ, гораздо лучше, нагляднѣе охарактеризуетъ ненависть казаковъ къ полякамъ, чѣмъ самыя длинныя сужденія по этому поводу: «во время одной изъ войнъ съ ляхами, казаки, подъ начальствомъ Хмельницкаго, такъ приперли своихъ исконныхъ враговъ, что имъ, какъ говорится, было ни взадъ, ни впередъ. Но Хмельницкому не было разсчету долго застаиваться на мѣстѣ, осаждая небольшой польскій отрядъ, и онъ предложилъ полякамъ вступить въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что поляки, согласно договору, отдали всѣ пушки и ушли спокойно домой. Двинувшись поспѣшно въ обратный путь, они надѣялись скоро присоединиться къ своимъ. Напрасная надежда! Прошли они спокойно три мили; тутъ надо было проходить имъ черезъ яръ, поросшій лѣсомъ. Вдругъ вдали показались облака пыли, затѣмъ среди нихъ зачернѣлись всадники, наконецъ, раздались дикіе и грозные крики: то былъ Тугай-Бей со своею ордой. Татары, не глядя ни на какіе договоры казаковъ, накинулись на польскій обозъ. Тучи стрѣлъ летѣли въ лица шляхтичей, калѣчили людей и коней. Поляки думали скорѣе пройдти яръ, но идти было трудно по буеракамъ, покрытымъ мелкимъ лѣсомъ. Казаки, забравшись сюда раньше, изрыли землю канавами, закидали дорогу деревьями и камнями, она стала непроходимою. Лошади калѣчили себѣ ноги и падали, возы вязли въ канавахъ. Татары начали бить поляковъ изъ ихъ собственныхъ пушекъ, только что сданныхъ казакамъ. Крѣпко стояли поляки, но татары ударили разомъ съ четырехъ сторонъ на польскій обозъ, ворвались, и началось побоище... Потоцкій, уже умирающій отъ ранъ, взятъ въ плѣнъ. Всѣ сподвижники его, кто остался въ живыхъ, положили оружіе».

«Это вамъ за то, паны, говорится въ одной народной думѣ, что не захотѣли вы съ казаками-молодцами въ мирѣ жить, для васъ лучше были жиды, чѣмъ удальцы—запорожцы. А теперь за то попробуйте татарской юшки. Не по одномъ ляхѣ осталась вдова, не по одномъ заплакали дѣти-сироты, говоритъ другая пѣсня, — высыпался хмѣль изъ мѣшка, натворилъ бѣды панамъ, — напились они желтой водицы, да видно хмѣлю было много положено, не устояли они на ногахъ».

Какое злорадство звучитъ въ словахъ думы: «а теперь за то попробуйте татарской юшки», или въ словахъ—«да, видно, хмѣлю было много положено, не устояли они на ногахъ». Мы твердо вѣримъ, что народное творчество, какъ историческій матеріалъ, ждетъ еще своего историка, хотя и въ далекомъ будущемъ, когда дѣйствительно явится возможность написать насто-

ящую, правдивую исторію русскаго народа; когда въ дѣло войдетъ тотъ матеріалъ, о которомъ въ настоящее время можно лишь думать.

Но, во всякомъ случаѣ, почтенный авторъ разсматриваемой нами книги не отвергаетъ, какъ мы и замѣтили выше, значенія народнаго творчества въ дѣлѣ исторіи, хотя было бы желательно, чтобы произведенія народнаго творчества встрѣчались въ его трудахъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ мы встрѣчали до сей поры.

Въ заключеніе скажемъ, что трудъ г. Сиповскаго, по нашему мнѣнію, всетаки лучшее пособіе для изученія родной исторіи изъ всѣхъ, изданныхъ до настоящаго времени.

И. В.

Времясчисленіе у древнихъ и новыхъ народовъ. Съ объясненіемъ русскаго лѣтосчисленія и православной пасхаліи и съ приложеніемъ цѣлаго пасхальнаго круга. Составилъ Г. М.—Казань, 1884.

Всякое историческое событіе, какъ все совершаемое человѣкомъ, обусловливается непремѣнно двумя обстоятельствами: мѣстомъ, на которомъ оно произошло, и временемъ, когда произошло. Гдѣ и когда произошло то-то и то-то?—это самые первые и основные вопросы историка; затѣмъ уже возникаютъ другіе: посредствомъ кого, какимъ образомъ, при какихъ условіяхъ и т. д. Точныя опредѣленія мѣста и времени событія существенно необходимы для историка, потому что иначе онъ не въ состояніи оріентироваться въ громадной массѣ историческихъ явленій, составляющихъ предметъ его изслѣдованія. Вслѣдствіе этого весьма понятно, почему географія и хронологія называются глазами историка, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ разсматриваемой брошюры. Безъ нихъ историкъ дѣйствительно бродилъ бы ощупью среди своихъ источниковъ. Хронологія, собраніе данныхъ о времясчисленіи у разныхъ народовъ, является такимъ образомъ однимъ изъ основныхъ предварительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для историка.

Въ русской исторической литературѣ есть довольно монографій, посвященныхъ хронологіи, но большинство изъ нихъ имѣетъ спеціально практическую задачу—опредѣленіе дня св. Пасхи и зависящихъ отъ нея переходящихъ праздниковъ для церковно-богослужебныхъ цѣлей. Хронологическихъ изслѣдованій, предназначенныхъ для научныхъ изысканій по русской исторіи, весьма немного. Академикъ Кругъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія обратилъ вниманіе на византійскую хронологію, положенную въ основаніе счета годовъ нашихъ лѣтописей. Послѣдователемъ Круга въ наши дни является академикъ Куникъ, изучающій византійскую хронологію по приложенію къ русской исторіи, но не обнародовавшій доселѣ всѣхъ своихъ важныхъ трудовъ по этой части. Затѣмъ, кромѣ указанныхъ въ предисловіи къ брошюрѣ г. Г. М., остаются сочиненія: барона В. Штейнгеля («Опытъ полнаго изслѣдованія началъ и правилъ хронологическаго и мѣсяцесловнаго счисленія стараго и новаго стиля», Спб., 1819 г.), П. Хавскаго (указанія на новѣйшіе изъ его трудовъ см. въ «Русск. историч. библіогра-

фіи», составленной Ламбиными, за 1855—1860 г. и въ «Литературѣ русской исторіи» 1859—1864 г. В. И. Межова) и нѣсколько монографій въ журналахъ, изъ числа которыхъ особенно замѣчательна профессора А. С. Павлова «Древнія русскія пасхаліи на 8-ю тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра», помѣщенная въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1860 г., № 11.

Давно ощущается потребность въ краткомъ, сжатомъ руководствѣ по русской хронологіи, представляющей много затрудненій, вслѣдствіе запутанности нашихъ лѣтосчисленій и хронологическихъ ошибокъ нашихъ лѣтописей. Въ Россіи, какъ извѣстно, до XVIII в. было два счета годовъ отъ сотворенія міра: одинъ начиная съ 1-го марта, а другой съ 1-го сентября. До конца XV в. (когда окончился пасхальный кругъ на 7-ю тысячу лѣтъ) преобладалъ мартовскій годъ, а съ 1492 г. установленъ былъ повсемѣстно годъ сентябрскій. Мартовскій счетъ отстаетъ отъ сентябрскаго на полгода. Календарная реформа Петра Великаго, установившая съ 1 января 1700 года счетъ годовъ отъ Рождества Христова, произвела новое затрудненіе въ счетѣ. Январскій годъ отсталъ отъ сентябрскаго на 4 мѣсяца и опередилъ мартовскій на два мѣсяца. Числоположники русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, пріурочивая разныя событія къ извѣстнымъ годамъ, впадали нерѣдко въ ошибку, путая мартовскій счетъ съ сентябрскимъ; еще въ большую ошибку впадали и впадаютъ многіе изъ теперешнихъ русскихъ историковъ, переводя прямо года отъ сотворенія міра, безразлично мартовскіе или сентябрскіе, на года отъ Р. Х.

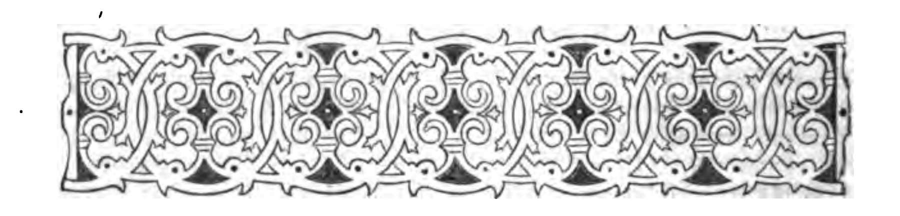
Недостатокъ въ краткомъ руководствѣ по русской хронологіи восполняетъ вышедшая въ нынѣшнемъ году брошюра г. Г. М. Хотя заглавіе ея не вполнѣ отвѣчаетъ содержанію, тѣмъ не менѣе она имѣетъ много положительныхъ достоинствъ. «Времясчисленіе у древнихъ и новыхъ народовъ»— таково заглавіе брошюры—сулитъ гораздо больше, чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. Она не сообщаетъ точнаго понятія о всѣхъ существовавшихъ и существующихъ системахъ времясчисленій у древнихъ и новыхъ народовъ; брошюра сообщаетъ лишь нѣсколько данныхъ о времясчисленіи у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ и другихъ народовъ, преимущественно останавливаясь на народѣ русскомъ. Въ этомъ и заключается ея основное достоинство. Брошюра состоитъ изъ 4 главъ. 1-я глава разсматриваетъ календари различныхъ народовъ. Эта глава не отличается той полнотой, какая ожидается отъ нея по заглавію. Авторъ только упоминаетъ о лѣтосчисленіи у египтянъ, грековъ и славянъ, весьма неполно касается мусульманскаго лѣтосчисленія, персидскаго, установленнаго въ XI в. нашей эры, и французскаго революціоннаго календаря, а сосредоточиваетъ все свое вниманіе на лѣтосчисленіи у римлянъ, на реформѣ, произведенной въ этомъ лѣтосчисленіи Юліемъ Цезаремъ и затѣмъ папой Григоріемъ XIII. Хотя такое предпочтеніе римлянъ передъ другими народами весьма понятно, потому что римскій календарь относительно названій мѣсяцевъ легъ въ основаніе нашего лѣтосчисленія, но оно лишаетъ всю главу желаемой и необходимой полноты, которую читатель въ правѣ ожидать по заглавію брошюры. 2-я глава разсматриваетъ кратко эры разныхъ народовъ. 3-я глава посвящена изложенію основаній русскаго лѣтосчисленія. Въ ней весьма основательно выяснены взаимныя отношенія мартовскихъ, сентябрскихъ и январскихъ годовъ и предложены очень простые и практическіе пріемы для перевода однихъ изъ этихъ годовъ въ другіе. 4-я глава разсматриваетъ системы пра-

вославной пасхаліи и объясняетъ спеціальные термины ея исчисленій: круга луны, основанія, круга солнца, вруцѣлѣтія, эпакты и ключа границъ. Къ этой главѣ относится пять приложеній: 1) пасхальный кругъ съ обозначеніемъ годовъ XI, XIII и XIV индиктіоновъ; XIII и XIV индиктіоны (съ 877 по 1940 г. включительно) выбраны, какъ заключающіе въ себѣ циклъ событій русской исторіи (XI индиктіонъ имѣетъ спеціальную задачу выяснить хронологію событій земной жизни Іисуса Христа; но этого вопроса мы не касаемся въ нашей рецензіи); 2) таблица луннаго теченія; 3) пасхалія зрячая по ключевымъ буквамъ; 4) указатель дней недѣли, въ которые приходятся 1, 8, 15, 22 и 29 числа каждаго мѣсяца въ мартовскомъ, сентябрскомъ и январскомъ годахъ, простыхъ и високосныхъ, на всѣ числа, въ которыя бываетъ св. Пасха, т. е. съ 22 марта по 25 апрѣля; 5) таблица для нахожденія дней недѣли, соотвѣтствующихъ даннымъ числамъ мѣсяцевъ въ текущемъ и прошлыхъ столѣтіяхъ, обнимающихъ періодъ русской исторіи.

Для повѣрки хронологическихъ указаній русскихъ историческихъ событій весьма важны два послѣднихъ приложенія. При ихъ помощи, благодаря ясно формулированнымъ объясненіямъ, можно опредѣлить день недѣли, въ который приходилось любое событіе изъ русской исторіи. Это опредѣленіе въ свою очередь ведетъ къ повѣркѣ правильности хронологическихъ указаній нашихъ лѣтописей, а слѣдовательно къ установленію правильнаго лѣтосчисленія событій русской исторіи. Такъ, напр., по 4 и 5 таблицамъ, Куликовская битва происходила именно 8 сентября 1380 г., въ субботу, какъ о томъ сказано въ лѣтописи. Съ другой стороны, день убіенія Суздальскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго, по таблицѣ, совпадаетъ съ указаніемъ Ипатьевской лѣтописи, т. е. 28 іюня 6683 г. (1175), наканунѣ праздника св. апостоловъ Петра и Павла, приходившагося въ этомъ году въ воскресенье, и доказываетъ неправильность хронологическаго указанія Лаврентьевской лѣтописи, по которой Андрей Боголюбскій былъ убитъ въ томъ же 6683 (1175) г., но 29-го іюня, т. е. въ самый день Петра и Павла и притомъ въ субботу. По справкѣ въ 5-й таблицѣ оказывается, что въ 6683 г. (1175) день св. апостоловъ Петра и Павла приходился въ воскресенье. Такимъ образомъ, повидимому, мелочныя и для большинства, пожалуй, излишнія подробности о томъ, въ какой день происходила Куликовская битва, или въ какой именно день былъ убитъ Андрей Боголюбскій,—ведутъ къ серьезнымъ, общимъ научнымъ выводамъ: о степени достовѣрности хронологическихъ указаній русскихъ лѣтописей. Таблицы г. Г. М. особенно важны для установленія правильной хронологіи Галицко-Волынской лѣтописи, которая, какъ извѣстно, разбита на года уже послѣ ея составленія, вслѣдствіе чего года сильно перепутаны.

Простота и точность объясненій всего касающагося русскаго лѣтосчисленія и практичность и легкость пріемовъ при переложеніи годовъ отъ сотворенія міра (по мартовскому и сентябрскому счету) на года отъ Р. Х. даютъ право брошюрѣ г. Г. М. занять видное мѣсто въ трудахъ по русской хронологіи, дѣлая ее необходимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей.

Д. К.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Какъ французы понимаютъ Скобелева.—Нѣмецкій путешественникъ въ Сибири.—Далматскій сборникъ.—Хорватская народная литература.—Преданія южныхъ славянъ.—Люциферъ.—Маркъ Аврелій.—Исторія религіи въ Англіи съ начала XIX вѣка.—Переводъ русской книги о соціализмѣ.—Современные покойники.—Съ 89 года.—Исторія цивилизаціи.—Изданія библіотеки національнаго воспитанія.—Эмблемы XVI вѣка.—Любовь и ненависть маркизы.—Собраніе не изданныхъ документовъ по исторіи Франціи.—Жизнь Карлейля.—Анна Болейнъ.—Императоръ Максимиліанъ.—Война за испанское наслѣдство.—Новоисландская литература.—Война 1870—71 года.—Книга на фламандскомъ языкѣ.

Ы ГОВОРИЛИ въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника», по поводу обнародованія писемъ Гордона, что англичане сравниваютъ этого генерала съ нашимъ Скобелевымъ. Съ неменьшимъ уваженіемъ относятся къ безвременно погибшему русскому полководцу и французы, не говоря уже о нѣмцахъ. Вотъ какъ отзывается о немъ «Revue politique et littéraire» по поводу извѣстной книги г. Немировича-Данченко, явившейся на англійскомъ языкѣ, въ переводѣ Брадлей Годжемса: «Personal reminiscences of general Skobeleff». «Французская публика не забыла, конечно, волненія, произведеннаго года два тому назадъ пылкимъ генераломъ, когда онъ, отвѣчая въ Парижѣ депутаціи сербскихъ студентовъ, высказалъ слишкомъ сильно анти-нѣмецкое чувство, одушевляющее старыхъ московитовъ». Конечно, въ качествѣ развязнаго француза, критикъ, хотя и серьезнаго журнала, не могъ не прибавить, что «во внезапной и таинственной смерти генерала народъ видѣлъ жертву, принесенную государственнымъ причинамъ (raison d'Etat)». Скобелевъ, по мнѣнію критика, раздѣляемому всѣми западными публицистами, былъ главою, душою и надеждою славянофильской партіи, враждебной оффиціальной политикѣ, основанной на союзахъ съ Германіею и Англіею. Любопытно, что западные писатели находятъ у насъ почему-то антагонизмъ не только между внутренней и внѣшней политикой, но и между различными вѣдомствами той и другой. Общественное мнѣніе, по убѣжденію Запада, не можетъ простить ни берлинскаго трактата, ни отдачи Босніи-Герцеговины Австріи, а Македоніи—Турціи, ни раздѣленія Болгаріи, за которую пролилось столько русской

крови. Критикъ французскаго журнала считаетъ у насъ 20 милліоновъ славянофиловъ, но различаетъ ихъ отъ панславистовъ, стремящихся къ подчиненію всѣхъ славянскихъ племенъ Россіи, тогда какъ славянофилы хотятъ только освобожденія отъ иноземнаго владычества, федеративнаго ихъ объединенія и политической и гражданской свободы. Для достиженія этихъ благъ Россія должна подать имъ руку помощи. Теперешній глава этой партіи Аксаковъ. Силу Скобелева составляли его демократизмъ и либерализмъ. Народъ любилъ его и самъ онъ происходилъ изъ народа, такъ какъ дѣдъ его былъ простымъ солдатомъ изъ крестьянъ. Онъ этимъ гордился больше, чѣмъ своими аристократическими связями. Солдаты говорили про него: «онъ изъ нашихъ», и довѣрчиво идя за нимъ на невозможные подвиги, дѣлали его непобѣдимымъ. Онъ былъ всегда защитникомъ всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ. Его сравниваютъ съ Наполеономъ I по быстротѣ и вѣрности стратегическихъ соображеній. Какъ Наполеонъ, онъ былъ также фаталистъ и смѣло шелъ подъ пули, увѣренный, что онѣ не тронутъ его. У него было много завистниковъ и они помѣшали помочь ему, когда онъ съ горстью храбрецовъ занялъ важные редуты подъ Плевной, но долженъ былъ ихъ покинуть, плача, что столько жертвъ пало понапрасну. Въ характерѣ его преобладали храбрость и чувствительность. Храбрость заставляла его обожать войну, чувствительность — проклинать ее. Въ своемъ легендарномъ, геройскомъ походѣ отъ Казанлыка до Адріанополя, онъ повторялъ въ восторгѣ: «еще нѣсколько дней— и мы на Босфорѣ», то-есть въ Константинополѣ, завѣщанномъ Россіи Петромъ Великимъ, — прибавляетъ критикъ. Можно представить себѣ отчаяніе, гнѣвъ, даже озлобленіе Скобелева, когда въ его лагерь, въ Чаталджѣ, пришла вѣсть, что армія не войдетъ въ Константинополь, откуда уже увозили сокровища султана на азіатскій берегъ Босфора. И армія раздѣляла чувства своего настоящаго вождя, плакавшаго въ виду константинопольскихъ стѣнъ болѣе горькими слезами, чѣмъ на плевненскихъ редутахъ. Вотъ отчего была такъ сильна его ненависть къ Германіи и Англіи, не къ англичанамъ и къ нѣмцамъ, а къ торійскому министерству Биконсфильда, къ политикѣ Бисмарка.

— Любопытное описаніе Россіи встрѣчается въ книгѣ Іоста: «Изъ Японіи въ Германію черезъ Сибирь» (Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien). Авторъ этого путешествія въ продолженіе пяти лѣтъ велъ скитальческую жизнь авантюриста. Онъ былъ въ Афганистанѣ и въ Мексикѣ, на островахъ Кубѣ и Суматрѣ, въ Колумбіи и Гватемалѣ, наконецъ, въ Патагоніи. Въ 1881 году онъ пріѣхалъ въ Японію, а оттуда во Владивостокъ. Не зная ни слова порусски, онъ вездѣ находилъ соотечественниковъ, даже въ Хабаровкѣ, гдѣ власти употребляютъ всѣ усилія, чтобы увеличить колонизацію по Уссури, куда Китай переселилъ уже 40 тысячъ семей. Въ Благовѣщенскъ путешественникъ пустился по Амуру, не найдя на пути ничего, кромѣ огромныхъ пустынныхъ массъ воды, въ которыя смотрится непривѣтливое небо. Далѣе до Срѣтенска тѣ же мрачныя картины; только вблизи Албазина нѣкоторое оживленіе придаютъ имъ золотыя россыпи, гдѣ работаетъ до четырехъ тысячъ человѣкъ. Авторъ описываетъ бытъ ссыльныхъ, имѣющихъ возможность въ Сибири заработать гораздо болѣе того, что они получали въ Россіи. Здѣсь они занимаются разными ремеслами, учатъ, пашутъ, строятъ дома, содержатъ гостинницы, заводятъ фотографіи, даже поступаютъ на службу. Но это всего болѣе поляки, тогда какъ торговля почти вся въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ. Очень живо описаны авторомъ Кяхта и Иркутскъ, но вообще Сибирь обрисована мрачными красками: мѣстность

дикая, пустынная, дороги дурныя, чиновники грубы, жители нечистоплотны и предаются пьянству. Картина неутѣшительная, хоть и не новая.

— Въ Дубровникѣ (Рагузѣ) вышелъ важный для юго-славянской литературы сборникъ «народныхъ юмористичныхъ загадокъ и присказокъ» (Narodne humoristicne gatalice i varalice), собранныхъ въ Бокѣ Которской, Черногоріи, Далмаціи и Герцеговинѣ Вукомъ Врчевичемъ. Сербскія загадки не похожи на русскія и скорѣе могутъ назваться задачами, въ родѣ математическихъ. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ задачъ. Крестьянка купила на рынкѣ, гдѣ продавались быки, коровы и телята, сто штукъ скота, и заплатила за нихъ ровно сто цванцигеровъ. Быки продавались тамъ по десяти цванцигеровъ, коровы по пяти, телята по полцванцигеру. Сколько же всего было быковъ, коровъ и телятъ въ числѣ купленныхъ ею ста штукъ? Отвѣтъ: одинъ быкъ, девять коровъ и девяносто телятъ. Подобныхъ задачъ въ книгѣ 63 и 40 присказокъ. Другая подобная книга вышла въ Вуковарѣ подъ заглавіемъ: «Хорватскія народныя пѣсни и пересказы изъ Босніи; собралъ Тординацъ, второе исправленное изданіе» (Hrvatske narodne piesme i pripoviedke iz Bosni, skopio Tordinac. Drugo popravljeno izdanje). Изъ двадцати боснякскихъ сказокъ — восемь арабскаго происхожденія. Мотивы ихъ большею частью извѣстны, хотя встрѣчаются и варіанты. Такъ, въ животномъ эпосѣ босняковъ лисица играетъ страдательную роль и ее постоянно надуваютъ волкъ и барсукъ. Въ 37 народныхъ лирическихъ пѣсняхъ также знакомое содержаніе. Въ одной пѣснѣ чума (моръ) олицетворена въ видѣ страшнаго, безпощаднаго старика. Пѣсни и сказки, собранныя Тординацомъ, рисуютъ рельефными чертами нравы и бытъ Босніи.

— Вышелъ также второй томъ «Преданій и сказокъ южныхъ славянъ» на нѣмецкомъ языкѣ (Sagen und Märchen der Süd-Slaven) Фридриха Крауса. Сходство славянскихъ миѳовъ съ индоевропейскими указываетъ на ихъ общее арійское происхожденіе. Такъ, эллинскія парки, прядущія нить жизни человѣка, являющіяся въ скандинавскихъ сагахъ, мрачными норнами, рѣшительницами мірскихъ судебъ, у югославянъ принимаютъ видъ «суженицъ» или «судениць» (чешская форма этого слова: sudice, отъ sud—судьба). У хорватовъ встрѣчается и волкъ, жалующійся на то, что овца мутитъ воду источника, изъ котораго пьетъ «свѣтлѣйшій звѣрь», и лошадь съ быкомъ, приходящіе жаловаться другъ на друга льву, который обвиняетъ ихъ обоихъ и съѣдаетъ. Въ легендахъ позднѣйшей христіанской эпохи также немало заимствованій изъ преданій другихъ народовъ, и нельзя приписывать юго-славянамъ, какъ это дѣлаетъ Краусъ, разсказъ о перенесеніи на луну дровосѣка, рубившаго въ воскресенье сучья въ лѣсу. Эта легенда принадлежитъ средневѣковымъ монахамъ и очень популярна въ Шварцвальдѣ. Хорватскій обычай—непремѣнно раздавить скорлупу съѣденнаго яйца, чтобы ею не воспользовалась нечистая сила, ведется и въ Англіи; жена, обращающаяся въ волчицу, является въ шотландскихъ, скандинавскихъ и финскихъ сагахъ, только у скандинавовъ она превращается въ морскую собаку. Преданіе, что первые люди произошли изъ растеній и цвѣтовъ, встрѣчается у персовъ, грековъ и нѣмцевъ. Книга Крауса даетъ полное понятіе о народной сербской литературѣ, но жаль, что онъ не только переводитъ, но и передѣлываетъ чисто народныя сказанія.

— Подъ названіемъ «Люциферъ» (Lucifer) явилось строго историческое сочиненіе французскаго романиста Фабра, наносящее тяжелый ударъ ультрамонтанамъ, іезуитамъ, клерикаламъ, всѣмъ получающимъ пароль и лозунгъ

изъ Ватикана, ведущимъ скрытую, но упорную войну противъ современнаго прогресса. Нашлись критики, говорившіе автору «Люцифера»: «вы нападаете на побѣжденныхъ, на преслѣдуемыхъ, на мучениковъ, на тѣхъ, кто не имѣетъ пристанища и живетъ только помощью благотворительныхъ душъ». Но эти изгнанники, эти мученики — страшные враги всякой свѣтлой идеи, всякаго развитія и теперь они сильнѣе, чѣмъ когда либо. Борьба съ ними опасна и потому заслуживаетъ уваженія. Люциферъ — было прозваніе папы Григорія VII. Авторъ открыто возстаетъ противъ этого основателя папизма и католической нетерпимости.

— На англійскомъ языкѣ вышла замѣчательная біографія «Марка Аврелія Антонина» (Marcus Aurelius Antoninus). Авторъ книги, Ватсонъ, не представляетъ новыхъ изслѣдованій о своемъ предметѣ, но группируетъ извѣстные факты и освѣщаетъ ихъ съ большимъ искусствомъ. Онъ, однако, не ослѣпленъ качествами императора, а о сочиненіяхъ его, писанныхъ къ тому же плохимъ греческимъ языкомъ, отзывается очень строго, находя мысли его темными, дурно выраженными, запутанными. Только высказываемая въ нихъ гуманность заслуживаетъ вниманія. Маркъ Аврелій является въ исторіи мыслителемъ и стоикомъ. Ватсонъ не отрицаетъ этого, но находитъ въ немъ много практическихъ сторонъ. Его частная жизнь и походы придаютъ ему много интереса. Законодательныя мѣры его, однако, во многомъ противорѣчатъ составленному о немъ понятію, какъ о добродушномъ мечтателѣ. Скептицизмъ его совершенно понятенъ въ эпоху, когда религія для интеллигентнаго класса была только пустымъ обрядомъ стараго времени, терпимымъ потому что не было никакой обязанности исполнять его предписанія. Къ тому же въ эпоху Антониновъ было столько религій, что, не видя необходимости вѣрить какой либо изъ нихъ, не вѣрили ни одной, чѣмъ отвращалось затрудненіе въ выборѣ.

— Странный свѣтъ бросаетъ на современныя вѣрованія книга Стоутона «Религія въ Англіи отъ 1800 до 1850 года: исторія съ дополненіемъ о послѣдующихъ событіяхъ» (Religion in England from 1800 to 1850: a history with a postscript on subsequent events). Въ двухъ томахъ изложены спокойно и безпристрастно полувѣковая внутренняя жизнь и внѣшнія отношенія англиканской епископской церкви, римскаго католичества, пресвитеріанъ, индепендентовъ, баптистовъ, веслейянцевъ, кальвинистскихъ методистовъ, ирвингистовъ, плимутскихъ братьевъ, квакеровъ, моравскихъ братьевъ и сведенборгитовъ. И это еще далеко не всѣ вѣрованія людей, называющихъ себя христіанами, но исповѣдующихъ такія убѣжденія, которыя заставляютъ ихъ чуждаться, а часто и ненавидѣть другъ друга. Авторъ рисуетъ типы главныхъ послѣдователей и пропагандистовъ этихъ сектъ и, сверхъ того, описываетъ устройство важнѣйшихъ, основанныхъ ими, обществъ и учрежденій: библейскаго, христіанскихъ знаній, пропаганды, христіанской очевидности и др. Въ этой массѣ лицъ, именъ, уставовъ, программъ, правилъ, метафизическихъ тонкостей и мистическихъ бредней читатель теряется какъ въ лабиринтѣ и съ трудомъ находитъ существенныя различія догматовъ и сходство вѣрованій, тѣмъ болѣе, что всѣ эти секты отличаются однимъ общимъ направленіемъ: нетерпимостью къ другимъ сектантамъ и увѣренностью, что имъ однимъ открыта свыше истина въ этой жизни и врата спасенія въ жизнь будущую. Главную сторону исторіи этихъ вѣрованій составляютъ ихъ распри и враждебныя отношенія между собою. Послѣдователи каждой изъ этихъ сектъ считаютъ себя народомъ избраннымъ, излюб-

леннымъ Богомъ, и смотрятъ на всѣхъ остальныхъ людей какъ на еретиковъ и отщепенцевъ, какъ на будущихъ обитателей геенны и преисподнихъ. Неутѣшительное понятіе о человѣчествѣ выноситъ мыслитель изъ этой исторіи, доказывающей, что нашъ вѣкъ, не смотря на его внѣшнюю культуру, ушелъ еще не особенно далеко въ своемъ умственномъ развитіи, путаясь въ туманныхъ областяхъ мистики и метафизики.

— Въ виду разъединенія человѣчества религіозными вѣрованіями, утописты мечтаютъ соединить его въ доктринахъ соціализма. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, О. Че—къ, если вѣрить заглавію книги, переведенной съ русскаго, написалъ «Опытъ соціологіи. Наука организаціи общества, гуманитарно счастливаго» (Essai de sociologie. Science de l'organisation de la société humanitairement heureuse par Tche—k., traduit du russe). Книга излагаетъ исторію недостатковъ современнаго общества, но не анализируетъ ни политико-экономическихъ, ни юридическихъ, ни политическихъ принциповъ: главныя ея положенія заключаются въ томъ, что каждый человѣкъ имѣетъ потребности, которыя должны быть удовлетворены, и для этой цѣли должны служить—трудъ, капиталъ и кредитъ. Для сохраненія каждаго человѣка, какъ отдѣльнаго индивидуума, для удовлетворенія всѣхъ его потребностей, необходимо дѣятельное участіе коллективизма—вотъ и вся гуманитарная организація общества. Соціализмъ заботится только о матеріальныхъ потребностяхъ человѣчества, о его благосостояніи, какъ будто нѣтъ людей, имѣющихъ другія духовныя, нравственныя потребности, не заботящихся о благосостояніи матеріальномъ, живущихъ наукою, искусствами, идеальными стремленіями и воззрѣніями. Правда, такихъ людей называютъ не практичными, не отъ міра сего, но они имѣютъ такое же право на существованіе, на удовлетвореніе своихъ потребностей. Или ихъ слѣдуетъ изгонять изъ гуманитарно-организованнаго общества, какъ Платонъ изгналъ поэтовъ изъ своей «Республики»?

— Эмиль Монтегю издалъ томъ «Нашихъ современныхъ покойниковъ» (Nos morts contemporains). Это обширныя біографіи Теофиля Готье, Евгенія Фромантена, Шарля Глейра, Сен-Рене-Тальяндье и братьевъ Мориса и Евгенія Геренъ. Въ жизни этихъ писателей и художниковъ авторъ подмѣтилъ много характеристичныхъ чертъ, въ оцѣнкѣ ихъ произведеній, высказалъ много вѣрныхъ мыслей, но портреты этихъ лицъ всетаки пристрастны: авторъ не только скрываетъ ихъ недостатки, но и преувеличиваетъ ихъ достоинства. Не обладая критической проницательностью Сент-Бёва, Монтегю пишетъ гладкимъ, но довольно безцвѣтнымъ и холоднымъ, академическимъ слогомъ—вѣроятно, въ виду того, что съ этою книгою онъ выступилъ кандидатомъ на вакантное кресло академика и стремится попасть въ число сорока «безсмертныхъ».

— Одинъ изъ друзей и почитателей Гамбетты, Маріо Протъ издалъ одиннадцать историческихъ этюдовъ, подъ общимъ названіемъ «Съ 89 года» (Depuis 89). Тутъ есть хорошо очерченныя характеристики Сен-Жюста, Фукье-Тенвиля, Теруань де-Мерикуръ, Олимпіи де-Гужъ, гетеры съ литературнымъ образованіемъ, погибшей на гильотинѣ за то, что возстала противъ Робеспьера; «Лаканаль или публичное воспитаніе въ 93 году», біографія Жана Рейно, мистическаго изобрѣтателя современнаго друидизма; разборъ исторіи революціи Луи Блана. Авторъ касается и болѣе близкаго къ намъ времени, въ статьяхъ «Тяжелыя времена», «Исторія поколѣнія» и др. Всѣ очерки написаны живымъ, бойкимъ языкомъ.

— Шарль Сеньобо началъ тяжелый, обширный трудъ «Исторія цивилизаціи» (Histoire de la civilisation). Вышелъ первый томъ, начинающійся съ до-историческихъ временъ и доведенный до Карла Великаго. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ не гонялся въ своемъ трудѣ ни за элегантностью, ни за эрудиціей. Онъ хотѣлъ только составить книгу добросовѣстную, полезную и всѣмъ доступную. Цѣли этой онъ достигъ, если смотрѣть на трудъ его какъ на пособіе для первоначальнаго знакомства съ предметомъ. Но для болѣе подробнаго изученія его слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ источникамъ, на которыя Сеньобо дѣлаетъ ссылки въ своемъ сочиненіи.

— Въ изданіи, выходящемъ подъ названіемъ «Библіотека національнаго воспитанія» (Bibliothéque d'éducation nationale) и преслѣдующемъ серьезную патріотическую цѣль, появились два сочиненія: одно «Великій французъ XVII вѣка. Рике и южный каналъ» (Un grand Français du XVII siècle. Riquet et le canal du Midi) заключаетъ въ себѣ исторію сооруженія главнаго канала на югѣ Франціи, сопряженнаго со множествомъ затрудненій всякаго рода, и рельефно обрисовывающаго симпатичную фигуру инженера Рике, одареннаго блестящими нравственными качествами и геніальною изобрѣтательностью въ сферѣ своихъ занятій. Препятствія, которыя ему предстояло одолѣть для осуществленія механическихъ и гидравлическихъ работъ, были огромны и описаніе ихъ любопытно, не смотря на нѣкоторыя техническія подробности.—Другое сочиненіе «Національный конвентъ и его дѣло» (La convention nationale et son oeuvre) представляетъ сжатый, но ясный очеркъ всего, что сдѣлало полезнаго народное собраніе 1792 года. Въ три года своего существованія оно создало или проектировало столько учрежденій, до сихъ поръ существующихъ, что нельзя не изумиться его дѣятельности и не изучить ее, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Авторъ книги не сообщаетъ ничего новаго по своему предмету, онъ только группируетъ факты и даетъ имъ надлежащее освѣщеніе. Трудъ его состоитъ въ распредѣленіи работъ конвента по главнымъ отраслямъ его дѣятельности: политическому устройству, гражданскимъ учрежденіямъ и военной организаціи. Книга иллюстрирована хорошими рисунками.

— Къ числу рѣдкихъ изданій принадлежитъ изслѣдованіе Дюплеси, хранителя эстамповъ въ національной библіотекѣ, «Книги XVI вѣка съ гравюрами. Эмблемы Альчіати» (Les livres à gravures du XVI siècle. Les emblèmes d'Alciat). Извѣстно, какимъ успѣхомъ пользовались книги съ эмблемами во все продолженіе XVI вѣка и даже въ XVII-мъ. Въ эту эпоху алегорія была въ такой модѣ, что стремились все символизировать. Поэты и художники составляли «книги эмблемъ», считающіяся теперь въ числѣ рѣдкостей. Одинъ изъ главныхъ составителей эмблемъ былъ итальянецъ, Андреа Альчіати, произведенія котораго воспроизводили всѣ граверы. Объ немъ есть сочиненіе на англійскомъ языкѣ «Andrea Alciati and his book of emblems», но авторъ ея Генрихъ Гримъ приводитъ только біографію Альчіати и библіографію его эмблемъ, тогда какъ Дюплеси представляетъ оцѣнку ихъ съ художественной точки зрѣнія. Съ 1531 года, когда эти эмблемы появились въ первый разъ, они перепечатывались 126 разъ, и послѣднее изданіе вышло въ Мадридѣ въ 1781 году. Дюплеси разбираетъ всѣ главнѣйшія изданія, между которыми были и альдинскіе.

— Вышли «Письма маркизы Куаньи» (Lettres de la marquise Coigny), одной изъ блестящихъ представительницъ французскаго салона въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI. Маркиза играла значительную роль въ

большомъ свѣтѣ и при дворѣ славилась остроуміемъ и красотою. Выйдя замужъ 16-ти лѣтъ, она эмигрировала, при началѣ революціи, въ Лондонъ, гдѣ также пользовалась извѣстностью. Вернувшись въ Парижъ во время консульства, она признала имперію, осталась равнодушна къ реставраціи и была свидѣтельницею паденія Бурбоновъ. Умерла она въ 1832 году, 73-хъ лѣтъ, все тою же царицею общества, какою вступила въ него. Начальный романъ ея жизни происходилъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Два чувства, въ эту эпоху, наполняли всю ея жизнь: любовь къ Лозену и ненависть къ Маріи-Антуанетѣ. Изъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ маркиза отличала блистательнаго герцога, но королева, вслѣдствіе какой-то интриги, запретила ему являться ко двору. Тогда антипатія маркизы къ королевѣ превратилась въ открытую вражду, а салонъ Куаньи сдѣлался центромъ всѣхъ дурныхъ слуховъ о Маріи-Антуанетѣ. Маркиза стала даже на сторону революціи—до той поры пока она не пошла по кровавому пути. Въ началѣ 1791 года маркиза эмигрировала въ Лондонъ, продолжая питать къ Лозену ту же нѣжную, совершенно платоническую страсть, что очевидно изъ писемъ ея къ герцогу, изданныхъ въ настоящее время. Когда Лозенъ былъ гильотинированъ, маркиза осталась вѣрна его памяти, и самое подозрительное злословіе не могло ничего сказать противъ ея безупречной жизни. Къ письмамъ маркизы въ книгѣ присоединено еще нѣсколько писемъ къ Лозену отъ любившихъ его женщинъ: жены его, герцогини де-Биронъ, столько переносившей отъ своего вѣтреннаго мужа, кузины маркизы, герцогини Флери, воспѣтой Андреемъ Шенье въ его стихотвореніи «La jeune captive», госпожи Бюффонъ, любовницы герцога Орлеанскаго. Всѣ эти письма характеризуютъ эпоху и нравы послѣднихъ годовъ монархіи и первыхъ — великаго соціальнаго переворота въ концѣ прошлаго вѣка.

— Весьма важное изданіе французскаго министерства народнаго просвѣщенія «Собраніе не изданныхъ документовъ по исторіи Франціи» (Collection des documents inédits sur l'Histoire de France) пополнилось тремя новыми сочиненіями. «Письма Жана Шапелена» (Lettres de Jean Chapelain) составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ исторію литературы XVII вѣка, обнимая періодъ въ сорокъ лѣтъ отъ 1632 по 1673 годъ. Находясь въ постоянной перепискѣ съ представителями тогдашней науки и литературы, Шапеленъ сообщалъ имъ подробно обо всѣхъ новыхъ произведеніяхъ. Въ письмахъ его, любопытныхъ по многимъ отношеніямъ, существуютъ однако же странные пробѣлы; такъ, онъ только вскользь упоминаетъ о Мольерѣ и хотя называетъ его французскимъ Плавтомъ и Теренціемъ, но не говоритъ ни о «Тартюфѣ», ни о «Мизантропѣ». Больше всего, однако, онъ говоритъ о своихъ собственныхъ произведеніяхъ, особенно о поэмѣ «Дѣвственница» (Орлеанская), осмѣянной Буало. «Письма кардинала Мазарини во время его министерства» (Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère) составляютъ продолженіе коллекціи писемъ Екатерины Медичи, Генриха IV и Ришелье. Письма Мазарини доходятъ до 1650 года, когда кардиналъ велъ дѣятельную и усиленную переписку по заключенію Вестфальскаго мира и усмиренію фронды. На 1,150 страницахъ умѣстились далеко не всѣ извлеченія изъ писемъ этой эпохи и обѣщано еще продолженіе ихъ. Изъ этихъ писемъ видно, что кардиналъ-министръ очень ловко велъ внѣшнюю политику Франціи, но его внутренняя политика, особенно по отношенію къ фрондѣ, весьма шаткая и не предусмотрительная, хотя въ первыхъ же письмахъ, онъ совершенно вѣрно видитъ одни личные и корыстные интересы въ измѣнѣ Тюренна, въ причинѣ

возстанія главныхъ фрондеровъ: герцоговъ Бульонскаго, Лонгвиль, д'Эльбёфъ, парижскаго коадъютора.— Третій томъ этого сборника заключаетъ въ себѣ «Смѣсь» (Mélanges), составленную изъ разныхъ мелкихъ документовъ, между которыми интереснѣе другихъ матеріалы, относящіеся къ царствованію Лузиньяновъ на островѣ Кипрѣ, и переписка Людовика XVI о книгѣ Фенелона «Maximes des Saints», которую король хотѣлъ признать еретическою, но кардиналы, на судъ которыхъ папа отдалъ это сочиненіе, два года разсматривали ее и не могли согласиться на счетъ ея значенія, тогда какъ Людовикъ не переставалъ упрекать своего посланника при Ватиканскомъ дворѣ, что онъ не настаиваетъ на осужденіи такой опасной книги.

— Антонъ Фроудъ разсказываетъ въ двухъ обширныхъ томахъ «Жизнь Карлейля» (Thomas Carlyle: a history of his life in London, 1834—1881). Здѣсь помѣщено много личныхъ наблюденій и выводовъ автора, письма и дневникъ жены Карлейля. Много новыхъ фактовъ передается особенно о послѣднихъ годахъ знаменитаго историка, когда Биконсфильдъ выхлопоталъ ему большой крестъ ордена Бани и значительную пенсію, хотя самъ Карлейль говорилъ, что денегъ у него много и онъ не знаетъ, на что ихъ употреблять. Слишкомъ много страницъ книги посвящено описанію отношеній между мужемъ и женою, весьма тяжелыхъ и непріятныхъ, но въ которыхъ оба были виноваты одинаково. Интересны приводимыя авторомъ сужденія историка о многихъ извѣстныхъ лицахъ, хотя, при пессимизмѣ и желчности Карлейля, сужденія эти далеко не отличаются благосклонностью и снисходительностью.

— Много новыхъ и любопытныхъ фактовъ сообщаетъ Фридманъ въ своей монографіи «Анна Болейнъ: глава изъ англійской исторіи» (Anna Boleyn: a chapter of english history, 1527—1536). Авторъ этой исторіи, нѣмецъ, изучилъ всѣ источники, основящіеся къ судьбѣ этой симпатичной жертвы безсердечнаго деспота, обвинявшаго ее передъ судомъ даже въ томъ, что она приколдовала его и заставила жениться на ней силою волшебства. Народъ не любилъ ее при жизни, приписывая ей перемѣну, происшедшую въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Генриха и обвиняя ее въ пристрастіи къ Франціи. Но казнь королевы, ничѣмъ не оправдываемая, кромѣ новой прихоти распутнаго короля, возбудила глубокое чувство сожалѣнія къ бѣдной женщинѣ, которую исторія можетъ обвинить только въ легкомысліи, да въ томъ, что она ревновала своего мужа ко всѣмъ фрейлинамъ, хорошо зная его сластолюбіе. Фридманъ оправдываетъ ее отъ всѣхъ обвиненій, возведенныхъ на нее современниками и послѣдующими историками.

— Профессоръ исторіи Грейфсвальдскаго университета Ульманъ началъ обширную біографію «императора Максимиліана I» (Kaiser Maximilian I). Объ этомъ рыцарскомъ представителѣ Габсбургскаго дома написано немало сочиненій, но Ульманъ изображаетъ его съ большей полнотой, всесторонне, дѣлаетъ его центромъ европейской политики своего времени. Первый вышедшій нынѣ томъ обнимаетъ событія отъ избранія Максимиліана римско-германскимъ императоромъ въ 1486 до 1499 года. Кромѣ внѣшнихъ событій описаны устройство имперіи, внутреннее и военное управленіе; авторъ представляетъ полную характеристику императора, видя въ немъ перваго основателя австрійской идеи, состоящей въ собираніи земель подъ скипетромъ Габсбурговъ. Обработанная по архивнымъ документамъ, книга Ульмана заключаетъ въ себѣ много новыхъ фактовъ, остававшихся неизвѣстными.

— Маркъ Ландау издалъ сочиненіе, дополняющее исторію борьбы между папствомъ и властью императоровъ: «Римъ, Вѣна и Неаполь въ продолженіе

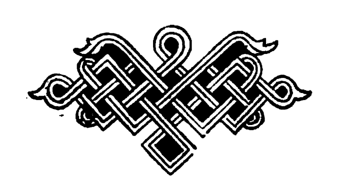
войны за испанское наслѣдство» (Rom, Wien und Neapel während des spanischen Erbfolgekrieges). Занятіе Австріей Неаполя и ея старанія захватить испанскій и неаполитанскій тронъ, приведшія къ продолжительной войнѣ съ Испаніей и римскою куріею, рельефно изображены авторомъ, имѣвшимъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ предшественниковъ, какъ, напримѣръ, Ноорденъ, издавшій о томъ же предметѣ обширное изслѣдованіе. Спеціальное изданіе, какъ «Журналъ всеобщей исторіи и исторіи культуры, литературы и искусствъ», сравнивая оба сочиненія, отдаетъ предпочтеніе труду Ландау, основанному на изысканіяхъ въ архивахъ Вѣны, Турина и Венеціи, тогда какъ Ноорденъ довольствуется французскими источниками. Въ Ландау видно также близкое знакомство съ итальянскою литературою. Книга его оканчивается 1709 годомъ.

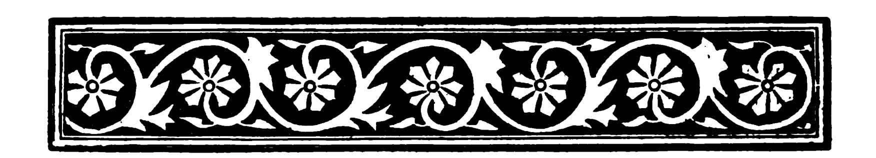
— Австрійскій писатель Пестіонъ перевелъ два сочиненія изъ новоисландской литературы: «Исландскія сказки» (Jslandische Mährchen) и «Юноша и дѣвушка» (Jüngling und Mädchen), разсказъ изъ народной исландской современной жизни, Іона Тордарсона-Тораддсена. Въ послѣднемъ разсказѣ обширное введеніе изображаетъ страну и нравы ея обитателей. Исторія литературы знаетъ только древнія саги и Эдду. Исландская новѣйшая литература, возникшая въ XVI вѣкѣ, почти вовсе неизвѣстна. Мюнхенскій профессоръ Маурэръ, издавшій недавно политическую исторію Исландіи, называя нѣсколькихъ современныхъ исландскихъ писателей, замѣчаетъ, что ихъ читаютъ только на самомъ островѣ, да развѣ еще въ Копенгагенѣ, а на европейскомъ континентѣ ихъ никто не знаетъ. Между тѣмъ у этого семидесятитысячнаго племени, говорящаго на языкѣ, схожемъ съ древне-германскимъ, много замѣчательныхъ оригинальныхъ произведеній. Разсказъ «Юноша и дѣвушка» (Piltur og stùlka) принадлежитъ писателю, умершему въ 1868 году и мастерски изображавшему жизнь и обычаи отдаленной страны, характеристическими типами которой являются главныя лица разсказа: Индридъ и его возлюбленная Сигридъ. «Исландскія сказки» взяты изъ сборника Іона Арнасона, изданнаго въ 1864 году подъ названіемъ «Исландскія народныя саги и сказки» (Jslenzkar pjotsögur og afintyri). Не смотря на отдаленность острова отъ культурныхъ странъ и его изолированное положеніе, многія преданія его имѣютъ большое сходство съ европейскими, напоминаютъ «Амура и Психею», Апулея, даже «Тысячу и одну ночь». Злыя мачихи и тещи также часто являются въ исландскихъ, какъ и въ арійскихъ сказкахъ.

— Бывшій французскій посланникъ въ Швейцаріи, во время правительства національной обороны, Ротанъ, издалъ любопытную книгу «Германія и Италія въ 1870—71 году» (L'Allemagne et l'Italie en 1870—1871). Это печальная, но правдивая исторія бѣдствій Франціи, ограбленной, униженной и проданной декабрскимъ заговорщикомъ и его сообщниками. Авторъ спокойно излагаетъ событія, оставляя въ сторонѣ личныя обвиненія и упреки. Факты говорятъ здѣсь сами за себя, и они сдѣлались уже достояніемъ исторіи. Но Ротанъ разоблачаетъ не только факты, но и политику непріятеля, на каждомъ шагу пользовавшагося бездарностью и продажностью наполеоновскихъ генераловъ и чиновниковъ. Изслѣдованіе «моральной стратегіи» Бисмарка составляетъ интереснѣйшія страницы этой книги. Послѣдній премьеръ имперіи Эмиль Оливье былъ только простымъ орудіемъ въ рукахъ партіи, желавшей войны, чтобы получить ничѣмъ не ограниченную власть. 11 іюля онъ объявлялъ о миролюбіи правительства, а 15-го объявилъ войну, не смотря на то, что кандидатура Гогенцоллерна была отклонена въ виду от-

крыто враждебнаго отношенія къ ней южной Германіи. Идея объединенія «общаго отечества» восторжествовала уже послѣ войны, а при началѣ ея Виртембергъ и Баварія всѣми силами уклонялись отъ присоединенія къ Пруссіи, замаскированнаго этимъ объединеніемъ. Оно было сначала такъ непопулярно, что Бисмаркъ счелъ необходимымъ отказаться отъ присоединенія великаго герцогства Баденскаго, предложеннаго депутатами, настроенными герцогомъ. Безъ войны объединеніе положительно не состоялось бы. Австрія была на сторонѣ Франціи. Рѣзкія требованія французскаго правительства, чтобы кандидатура принца Антонія Гогенцоллернскаго была взята обратно, могли бы остаться безъ послѣдствій, такъ какъ принцъ самъ отказался отъ нея, но Франція, въ лицѣ своего министра иностранныхъ дѣлъ, вздумала требовать отъ прусскаго короля, чтобы онъ **далъ обѣщаніе** и впредь не выставлять этой кандидатуры,—требованіе безполезное и оскорбительное, подавшее поводъ къ войнѣ, давно подготовляемой Пруссіею. Ротанъ увѣдомлялъ военнаго министра о громадныхъ приготовленіяхъ Пруссіи, маршалъ Лебёфъ отвѣчалъ: «я не занимаюсь политикой!» Герцогъ Граммонъ, получивъ извѣстіе, что южная Германія становится на сторону Пруссіи, сказалъ: «послѣ побѣды у насъ будетъ сколько угодно союзниковъ». Но такіе вожди не могли вести Францію къ побѣдѣ. Когда принцъ Латур-д'Овернь принесъ въ Тюльери извѣстіе о Седанѣ и плѣнѣ Наполеона, Евгенія вскричала: «вы лжете, онъ умеръ!» И онъ бы, дѣйствительно, долженъ былъ умереть, если бы не былъ Наполеономъ. Книга Ротана заключаетъ въ себѣ много новыхъ и малоизвѣстныхъ подробностей объ эпохѣ, надъ которой невольно остановятся наши потомки.

— Въ Бельгіи въ послѣднее время появляется много книгъ не только на французскомъ, но и на фламандскомъ языкѣ. Одна изъ нихъ увѣнчана королевскою академіею. Это «Исторія благотворительныхъ учрежденій въ Бельгіи отъ Карла Великаго до XVI столѣтія» (De Gestichten van Liefdadigheit in België van Karel den Groote totaan de XVI-e eeuw). Въ древнія времена госпитали въ Бельгіи служили убѣжищемъ не для больныхъ, но исключительно для здоровыхъ. Во фландрскихъ провинціяхъ «spetael» называлось учрежденіе, куда свободно приходили бѣдняки, путники, пилигриммы. Для больныхъ существовали особыя заведенія «maladreries», гдѣ ютились преимущественно прокаженные; другихъ больныхъ не признавали въ XI и XII столѣтіи. Только въ XIII явились отдѣльные пріюты для сиротъ, найденышей, душевно-больныхъ, находившихъ прежде убѣжище въ монастыряхъ. Авторъ представляетъ любопытную исторію развитія этихъ заведеній, существовавшихъ на счетъ общественной благотворительности.





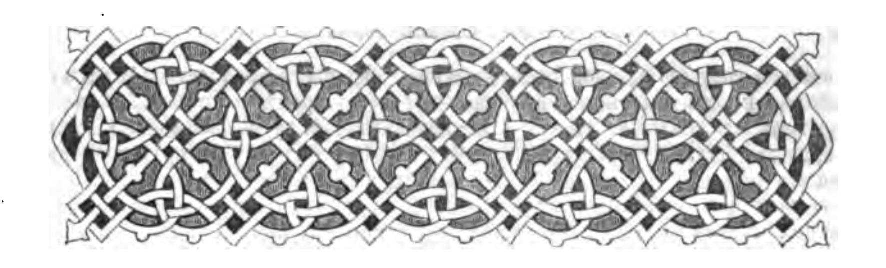
ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Откуда взялись слова „шаромыжка“ и „бурбонъ“.

Кому неизвѣстно, что выраженіе «шаромыжка» въ большомъ ходу во всѣхъ классахъ общества и даже получило право гражданства въ народномъ языкѣ. Не лежитъ ли въ основаніи словъ шаромыжка, шаромыжникъ русскій корень? Какъ будто звучитъ въ нихъ что то родное... Не беремся разрѣшать такого спеціальнаго вопроса. Упомянемъ только о двухъ объясненіяхъ, которыя привелось намъ слышать, не защищая ихъ справедливости. Отдаемъ эти объясненія на судъ людей компетентныхъ въ дѣлѣ языкознанія. Во-первыхъ, толкуютъ, что упомянутое выраженіе родилось въ 1812 г., когда французы, сдаваясь, отъ голоду и холоду, тысячами, протягивали руки къ нашимъ солдатамъ, умоляя о помощи, причемъ, разумѣется, прибавляли слова «cher ami». Отсюда—дать что нибудь на шаромыжку, каковое выраженіе, въ послѣдствіи, могло получить и настоящій смыслъ, т. е. взять, сорвать что нибудь даромъ, безъ отдачи; затѣмъ мы слышали и другое объясненіе, по нашему мнѣнію, болѣе вѣроятное: во время пребыванія, въ 1814 году, русскихъ войскъ въ Парижѣ, наши солдаты и офицеры пользовались большимъ расположеніемъ французовъ, не терпѣвшихъ въ то же время нѣмцевъ, а именно прусаковъ, съ которыми у французскихъ офицеровъ происходили не рѣдкія дуэли, что подтверждается и записками современниковъ. Вотъ по этой то причинѣ, когда русскій является для покупки чего бы то ни было, въ магазинъ, то на вопросъ его о стоимости вещи хозяева отвѣчали: «rien, cher ami». Отсюда очень понятно нарожденіе и нашей шаромыжки.

Пользуясь случаемъ, объяснимъ кстати появленіе въ нашемъ языкѣ и другаго выраженія, имѣющаго отношеніе также къ упомянутому времени, а именно: «онъ настоящій бурбонъ, онъ изъ бурбоновъ». Когда послѣ взятія Парижа, на престолъ Франціи вступили Бурбоны, въ лицѣ Людовика XVIII, то, по недостатку офицеровъ во французской арміи, убитыхъ и погибшихъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, а, можетъ быть, и по политической причинѣ, т. е. чтобы наполнить армію офицерами, чуждыми наполеоновской славѣ, были произведены въ офицеры многіе солдаты и унтеръ-офицеры, люди безъ всякаго образованія, грубые, неотесаные. Такимъ образомъ наша армія принесла въ Россію означенное выраженіе—«онъ настоящій бурбонъ, онъ изъ бурбоновъ», т. е. когда хотѣли выразить, что такой то офицеръ грубъ, необразованъ. Настоящую замѣтку заключимъ обычной оговоркой: за что купили, читатель, за то и продаемъ.

Сообщилъ **И. Д. Бѣловъ.**



СМѢСЬ.

Памятникъ императору Александру II. Въ Бузовской волости, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губерніи, открытъ замѣчательный памятникъ Царю-Освободителю. Крестьяне названной волости, въ числѣ 2,000 человѣкъ, сдѣлали складчину по 3 руб. съ души. Такимъ образомъ составился капиталъ на устройство памятника. Уполномоченные отъ общества заказали модель художнику Забѣлло, а отливку памятника изъ бронзы—фирмѣ Шопена. Чугунный пьедесталъ изготовленъ у Сан-Галли. Памятникъ воздвигнутъ близъ сельской церкви въ Бузовской волости. Онъ представляетъ въ ростъ фигуру императора Александра II, съ свернутымъ свиткомъ въ правой рукѣ,—манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ. Императоръ въ гусарскомъ мундирѣ, съ непокрытою головою. Онъ представленъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ совершилъ великое дѣло 19 февраля. Вся фигура дышетъ молодостью и спокойнымъ величіемъ; взглядъ императора устремленъ впередъ къ тѣмъ милліонамъ русскихъ людей, которымъ далъ свободу и которые шлютъ ему свои благословенія со всѣхъ концовъ Россіи... Величина бронзовой фигуры болѣе 3 аршинъ. Гипсовую модель памятника уполномоченные Бузовской волости не согласились оставить въ мастерской Шопена. Эта модель предназначена для постановки въ мѣстной сельской школѣ, съ однимъ удачнымъ дополненіемъ къ оригиналу: у подножія императора, прислонившись къ пьедесталу, сидитъ крестьянинъ въ характерномъ костюмѣ Кіевской губерніи, съ непокрытою головою. Это — эмблема освобожденнаго, моделью для которой послужилъ одинъ изъ уполномоченныхъ Бузовской волости, пріѣзжавшій въ Петербургъ по случаю изготовленія памятника.

Историческій праздникъ въ Ростовѣ. 28-го октября, въ городѣ Ярославской губерніи Ростовѣ состоялось торжественное освященіе возобновленной древнѣйшей церкви Григорія Богослова при бывшемъ монастырѣ, называвшемся «затворъ». При освященіи присутствовали: члены особой коммиссіи, избранной московскимъ Археологическимъ Обществомъ для наблюденія за реставраціей Григорьевскаго храма, начальникъ губерніи, городской голова, депутаты отъ ученыхъ и археологическихъ обществъ и учрежденій и прочія лица. 28 октября — день кончины Дмитрія Ростовскаго и годовщины открытія въ

прошломъ году въ «Бѣлой палатѣ» музея мѣстныхъ древностей. Поэтому въ Ростовъ, кромѣ высокопоставленныхъ особъ, кромѣ званныхъ, съѣхались лица всякихъ сословій. Послѣ крестнаго хода вокругъ освященной церкви совершенъ былъ крестный ходъ чрезъ «Бѣлую палату» въ возобновленные «княжіи терема», предназначенные для храненія книгъ и рукописей, іонинскую галлерею—переходъ, соединяющій церковь и зданія кремля Великаго Ростова. Послѣ молебна въ галлереѣ, освящены были «терема», башня и часть зданія «Красной палаты», при знаменитомъ стройномъ звонѣ на Успенской соборной трехъ-ярусной колокольнѣ. Въ ряду археологическихъ памятниковъ Великаго Ростова главное мѣсто занимаетъ древній Успенскій соборъ, замѣчательный какъ архитектурный памятникъ русскаго зодчества XIII вѣка и какъ домъ молитвы, гдѣ священнодѣйствовали ростовскіе іерархи: Леонтій, Исаія, Игнатій, Ѳеодоръ и Дмитрій, какъ усыпальница ростовскихъ архипастырей. Знаменитъ и дорогъ онъ по старинѣ глубокой, по своей исторіи. Здѣсь, въ этомъ соборномъ храмѣ, молился за святую Русь въ смутное время, въ тяжелую годину самозванщины и польскаго нашествія, митрополитъ ростовскій, а послѣ патріархъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Отсюда, изъ этого же храма, онъ и взятъ былъ въ плѣнъ поляками, которые при этомъ обагрили церковный помостъ кровью ростовскихъ гражданъ, желавшихъ отстоять своего архипастыря. Великій русскій апостолъ, просвѣтитель зырянъ, св. Стефанъ, епископъ пермскій, здѣсь, въ Григорьевскомъ затворѣ, принялъ постриженіе и вышелъ отсюда на апостольскую проповѣдь.

Въ 2 часа въ «Бѣлой палатѣ» открылось публичное засѣданіе особой коммиссіи, подъ наблюденіемъ которой возобновлялся Кремль. Изъ отчета о дѣятельности коммиссіи по возобновленію Кремля, мы узнаемъ, что Григорьевскій храмъ возобновленъ почти исключительно на средства Ивана А. Рулева, реставрированъ и украшенъ въ духѣ построекъ митрополита Іоны Сысоевича, чугунный полъ исполненъ по рисунку пола большого московскаго Успенскаго собора; при выемкѣ стараго пола въ одномъ изъ придѣльныхъ храмовъ найдена въ подземельѣ придѣльная пещерная церковь св. Леонтія, рушившаяся послѣ великаго въ Ростовѣ пожара 1408 года; между прочимъ, здѣсь открыты: бѣлая каменная лѣсенка, спускающаяся изъ главнаго алтаря внизъ придѣла св. Леонтія, двѣ ниши и въ нихъ живописныя фрески, изображающія преставленіе и обрѣтеніе мощей св. Игнатія и Леонтія, слѣды обрушившихся сводовъ, кирпичи, части карниза изъ бѣлаго камня съ рѣзными орнаментами, уголья, гвозди, перегорѣлое желѣзо и т. п., замурованная изъ бѣлаго камня гробница св. Леонтія и проч. Засѣданіе закончено было интереснымъ сообщеніемъ настоятеля Ростовскаго женскаго монастыря о первыхъ возстановителяхъ развалинъ ростовскихъ святынь и о ростовскихъ колоколахъ и звонахъ: Сысоевскомъ, Акимовскомъ, Егорьевскомъ и двухъ будничныхъ. Ростовскіе звоны давно знамениты въ Россіи, какъ замѣчательные и оригинальные. Они производятся на Успенской соборной колокольнѣ цѣлымъ рядомъ колоколовъ, отлитыхъ въ XVII в. съ извѣстнымъ опредѣленнымъ звукомъ. Колокола эти («Сысой», «Поліелейный», «Лебедь», «Красный», «Козелъ», «Голодарь», «Баранъ», «Зазвонный» и «Безъимянный») могутъ производить звоны вполнѣ музыкально правильные. Отецъ Израилевъ первый опредѣлилъ ихъ научнымъ образомъ и самые звоны положилъ на ноты. Записка его объ этомъ напечатана въ 1884 г. Обществомъ любителей древней письменности. Въ заключеніе онъ на камертонахъ, имъ же приготовленныхъ, воспроизвелъ звонъ ростовскихъ колоколовъ.

Въ музеѣ мѣстныхъ древностей устроена выставка болѣе 1,000 предметовъ. Между ними особенно интересны фотографіи (числомъ до 500) съ мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ древности. Онѣ заслуживаютъ вниманія какъ по художественному исполненію, дешевизнѣ, такъ и по богатству заключающагося въ нихъ матеріала для изслѣдованія ростовской старины.

Признаніе заслуги, хотя и позднее. Въ прошломъ мѣсяцѣ въ Казанскомъ соборѣ, у западныхъ дверей внутри, прибита мраморная доска съ слѣдующею надписью золотыми буквами:

Повелѣніемъ императора Павла I-го строителемъ сего храма былъ профессоръ-архитектуры Андрей Никифоровичъ ВОРОНИХИНЪ, уроженецъ Пермской губерніи, скончавшійся 21 февраля 1814 г., въ С.-Петербургѣ.

Еще въ 1881 году зародилась мысль объ этой надписи. Мысль нашла поддержку въ настоятелѣ Казанскаго собора. Теперь имя строителя Казанскаго собора увѣковѣчено. Въ 1886 году исполнится 75-лѣтіе отъ дня освященія Казанскаго собора (15 сентября 1811 года, день празднованія коронованія императора Александра I). Закладка собора была 27 августа 1801 года.

Тысячелѣтіе перевода славянской библіи. 26-го октября исполнилось тысячелѣтіе съ того дня, когда славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій окончили свой великій трудъ — переводъ на славянскій языкъ священнаго писанія, этотъ краеугольный камень культурной жизни славянства. «Кіевлянинъ» посвящаетъ этому дню слѣдующія строки: «Многое въ жизни славянъ будетъ забыто, но этотъ день—никогда, и чѣмъ выше будетъ культурная жизнь славянскаго народа, тѣмъ болѣе будутъ чтить славяне 26-е октября, тотъ день, когда были посѣяны первыя сѣмена ихъ культуры, ихъ умственнаго развитія, а въ связи съ нимъ развитія гражданскаго и политическаго. Много думъ наводитъ этотъ день. Достаточно вспомнить, что славянскіе первоучители писали языкомъ, понятнымъ всѣмъ славянамъ, а съ тѣхъ поръ появилась племенная рознь, появились отдѣльныя нарѣчія, ведущія между собою борьбу изъ-за господства, появилась ненависть между братьями... Будетъ ли время, когда снова всѣ славяне будутъ понимать другъ друга, говоря однимъ, всѣмъ понятнымъ общеславянскимъ языкомъ. Будетъ ли время, когда водворится полный миръ въ славянскомъ мірѣ? Кто вѣритъ въ торжество свѣта надъ тьмой, истины надъ заблужденіемъ, тотъ не можетъ не вѣрить, что нѣкогда всѣ славяне единодушно и братски будутъ праздновать великій день 26-го октября, представляя собою одну великую семью, находящую полное единеніе въ общемъ языкѣ. Прекрасно замѣчаетъ по этому поводу «Новый Проломъ»: «Дѣло, торжествующее тысячелѣтнюю годовщину своей жизненности, не уничтоженное ни огнемъ, ни мечомъ татаръ, турокъ, мадьяръ и проч., дѣло, счастливо пережившее и іезуитскія драгонады, спокойно вступило въ новое тысячелѣтіе, внушая вѣрнымъ сынамъ славы надежду на лучшую будущность и говоря всѣмъ: горѣ имѣйте сердца».

Археологическія раскопки въ Старой Ладогѣ. Съ очень недавняго времени, историческая мѣстность Ладожскаго побережья Волхова начала занимать вниманіе изслѣдователей русской древности. Развалины такъ называемаго «Рюрикова замка», своими обвалившимися башнями, которыя и вблизи представляли однѣ возвышавшіяся надъ засыпавшимся валомъ груды мусора, свидѣтельствовали о существованіи здѣсь нѣкогда значительнаго городскаго укрѣпленія. Съ прошедшаго года стали появляться во многихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ снимки Старой Ладоги, съ видами развалинъ ея древней крѣпости, также какъ и статьи по этому предмету въ періодической печати. Пріѣзжали туда и ученые, и уполномоченные отъ правительства осматривать развалины. Даже дѣлали попытки незначительныхъ раскопокъ, которыя привели къ убѣжденію въ необходимости окончательно произвести изслѣдованіе и вызвать изъ нѣдръ земли, столько сотенъ лѣтъ въ нихъ закопанныя, свидѣтельства о бывшей на этомъ мѣстѣ первой русской крѣпости. Въ одно изъ засѣданій Археологическаго Общества членъ Н. Е. Бранденбургъ, неоднократно посѣщавшій Старую Ладогу,

представилъ общему собранію донесеніе о своихъ изслѣдованіяхъ и получилъ уполномочіе на производство работъ, съ обезпеченіемъ отъ правительства назначенной субсидіи. Въ теченіе настоящаго лѣта, съ 6 часовъ утра до поздняго вечера, кипѣла неутомимая работа внутри развалинъ, подъ руководствомъ г. Бранденбурга, при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ: подъ вліяніемъ безпрестанно измѣняющейся погоды, подъ ливнями, отъ которыхъ негдѣ укрыться. Быстро произведена была расчистка внутри стѣнъ крѣпости, и разобраны ея старые бастіоны, на южной половинѣ «Городища». Изслѣдуемый памятникъ относится по времени къ началу XII вѣка, и представляетъ единственное въ своемъ родѣ сооруженіе, какъ по древности, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ. Произведенныя раскопки раскрыли грандіозность этой древней постройки, возведенной изъ массы огромныхъ, сложенныхъ на извести булыгъ, съ прокладкой между ними плитъ, а мѣстами бревенъ, при толщинѣ стѣнъ до 4 саженъ. Нѣкоторые камни, напримѣръ, такъ велики, что вывезти ихъ можно было не иначе, какъ разбивъ на части. Башни оказались трехъ-этажными, но верхніе ярусы ихъ не сохранились: обнаружены внутреннія лѣстницы, сообщавшія этажи между собою, амбразуры съ бойницами, выходы изъ башенъ и другія подробности «Рюриковой крѣпости». Особенно замѣчательною оказалась конструкція юго-западной башни, носившей въ древности названіе Климентовской, представляющей весьма оригинальное внутреннее устройство. Открыта широкая каменная лѣстница, спускающаяся изъ крѣпости къ рѣкѣ Волхову, служившая для обезпеченія водой, во время осады, ея обитателей. Вещественныхъ находокъ сдѣлано немного, причемъ всѣ онѣ не старѣе XVII вѣка, состоятъ изъ разныхъ предметовъ бытовой обстановки, обломковъ оружія, черепковъ посуды и т. п. Въ половинѣ іюля пріѣзжали еще два члена Археологическаго Общества: академикъ Куникъ и горный инженеръ О. А. Сабанѣевъ, — первый для повѣрки съ хронологическими актами обзора разслѣдованной мѣстности; второй — для снятія чертежей и плановъ и воспроизведенія фотографіей общихъ видовъ Рюриковской крѣпости, съ ея землянымъ валомъ. Ветхія, уже совсѣмъ разрушившіяся часовеньки со складомъ стертыхъ или расколовшихся иконъ или старые большіе деревянные кресты, давно перенесенные съ настоящихъ своихъ мѣстъ, обозначавшіе прежде мѣста бывшихъ тутъ древнихъ храмовъ, — о чемъ говорятъ изсѣченныя на нихъ уцѣлѣвшія надписи церковно-славянскою вязью,— и нынѣ водруженные на другихъ мѣстахъ (въ женскомъ монастырѣ, въ слободѣ Старой Ладоги, и въ лѣсу пустынной Арамовщины),—да нѣсколько устныхъ преданій старины, сохранившихся преимущественно въ воспоминаніяхъ отшельницъ Успенской обители, современницы городища, вотъ всѣ источники свѣдѣній, какими могли запастись изслѣдователи. Любопытно, почему за этою разрушившеюся крѣпостью удержалось названіе «Рюрикова замка». Остатки каменной постройки городища и добытыя въ немъ вещественныя археологическія находки принадлежатъ XVII вѣку. Лѣвый и правый берегъ Волхова—своего рода скрижали битвъ со шведами древнихъ ладожанъ и побѣдъ Александра Невскаго, поразившаго иноплеменниковъ также и на берегу Волхова,—какъ свидѣтельствуетъ народное сказаніе о курганѣ «Побѣдище», находящемся въ пролѣскѣ, за стариннымъ Никольскимъ мужскимъ монастыремъ, вправо отъ «Рюрикова замка». Въ настоящее время г. Бранденбургъ приступилъ къ раскопкамъ другихъ кургановъ, по правому берегу Волхова.

Чествованіе Корнеля въ Руанѣ. Въ Парижѣ праздновался двухсотлѣтній юбилей Корнеля. Празднованіе имѣло чисто литературный характеръ. 11-го октября Руанъ, родной городъ поэта, устроилъ народное торжество по тому же поводу. Въ празднествѣ приняли участіе школы и гарнизонъ, власти, ремесленники, различныя ассоціаціи, ученыя общества. Организована была процессія. Все населеніе направилось къ статуѣ Корнеля. Артисты, критики, поэты,

французская академія, общество литераторовъ — всѣ откликнулись на призывъ распорядительнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго. Артисты «Comédie Française» исполнили «Горацiевъ» и «Сида», Лапоммерэ прочелъ публичную лекцію о театрѣ Корнеля, Луи Ратисбоннъ написалъ сонетъ, Арсенъ Гуссэ — рѣчь, Сюлли Прюдонъ — стихи. Главнымъ актомъ торжества явилось пилигримство къ сельскому домику Корнеля, въ деревнѣ Petit-Couronne. Домикъ находится въ центрѣ деревни, купленъ департаментской администраціей и обращенъ въ музей. Сельское населеніе приняло участіе въ манифестаціи. Крестьяне съ непокрытыми головами слушали рѣчи. Еще манифестація происходила въ ратушѣ и на дворѣ музея Корнеля, гдѣ академикъ Буассье произнесъ рѣчь, не ограничившись хвалой виновника торжества, а возставая противъ современнаго натурализма, подрывающаго въ корнѣ всякую вѣру въ идеалъ и изображающаго людей хуже, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Вѣкъ такихъ писателей не дологъ, тогда какъ слава Корнеля останется прочной до тѣхъ поръ, пока будетъ жить французскій языкъ.

Юбилей Общества взаимной помощи вѣнскихъ журналистовъ. Общество, болѣе извѣстное подъ названіемъ «Concordia», праздновало двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда вѣнская печать начинала мало-по-малу выходить изъ подъ опеки цензуры и число журналистовъ стало постепенно увеличиваться, нѣкоторые изъ нихъ, обремененные семействомъ, высказывали въ бесѣдѣ съ товарищами опасенія на счетъ необезпеченности своего положенія. Одинъ изъ нихъ, Бруно Бухеръ, устроилъ общество взаимной помощи. Въ то время жилъ въ Вѣнѣ Тидеманъ, молодой человѣкъ, обладавшій замѣчательнымъ талантомъ, но осужденный на преждевременную смерть неумолимою чахоткою. Подъ гнетомъ нужды, онъ обратился къ своимъ друзьямъ, журналистамъ Бухеру, Мангеймаеру, Винеру и Вальдеку, съ просьбою устроить въ его пользу концертъ. Журналисты энергично взялись за доброе дѣло, добились разрѣшенія полиціи и убѣдили владѣльца Carl-theather предоставить безвозмездно театръ въ распоряженіе комитета. Концертъ состоялся, привлекъ многочисленную публику и далъ такой сборъ, что представилась возможность обезпечить на три года Тидеману безбѣдное существованіе. Но годъ спустя Тидеманъ умеръ, и на остальную сумму устроены были похороны безвременно сошедшаго въ могилу талантливаго литератора. Этотъ концертъ далъ первый толчокъ учрежденію общества взаимной помощи для журналистовъ и для писателей вообще. Тѣ же четыре журналиста созвали въ общее собраніе своихъ собратовъ, и учрежденіе общества было единогласно рѣшено. Образовался комитетъ и президентомъ его избранъ Карлъ Мейеръ, извѣстный экономистъ; выработанъ уставъ и обществу присвоено названіе Concordia. Въ члены общества записались исключительно простые сотрудники газетъ, такъ какъ издатели не пожелали первоначально принять никакого участія въ этомъ благомъ дѣлѣ и даже относились къ нему враждебно. Между тѣмъ предпріятіе имѣло успѣхъ и недавно общество праздновало двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія. Сначала средства общества были весьма скромныя, а теперь оно считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ благотворительныхъ учрежденій въ Вѣнѣ. Число членовъ превышаетъ триста человѣкъ, принадлежащихъ безразлично ко всѣмъ политическимъ партіямъ. Общество помѣщается въ своемъ собственномъ домѣ, одномъ изъ красивыхъ палаццо, составляющихъ украшеніе новыхъ вѣнскихъ кварталовъ. Здѣсь находится прекрасный клубъ журналистовъ и даются балы и театральныя представленія, привлекающія всю Вѣну. Дѣла общества идутъ такъ хорошо, что оно въ состояніи вполнѣ обезпечить существованіе какъ лишенныхъ возможности работать журналистовъ, такъ ихъ вдовъ, и сиротъ. Когда же у насъ будетъ что нибудь подобное этому обществу?!.

† Въ Петербургѣ литераторъ **Владиміръ Дмитріевичъ Яковлевъ, 68-ми лѣтъ.** Покойный получилъ первоначальное образованіе въ Академіи Художествъ, откуда перешелъ въ Педагогическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ и былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавателемъ въ приходскихъ училилищахъ, сперва въ провинціи, потомъ въ Петербургѣ. Литературные труды Яковлева помѣщались въ повременныхъ изданіяхъ и издавались отдѣльно. Лучшее сочиненіе его «Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя» осталось неоконченнымъ; вышелъ только первый томъ въ 1855 году. Въ послѣдніе 24 года своей жизни В. Д. Яковлевъ былъ совершенно слѣпъ. Онъ скончался отъ паралича сердца.

† Въ Петербургѣ, одна изъ талантливыхъ русскихъ писательницъ для дѣтей, **Софья Павловна Самойловичъ** (Соболева), начавшая свою литературную дѣятельность въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ», а затѣмъ вполнѣ посвятившая себя литературно-педагогической дѣятельности въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе», также въ «Семейныхъ Вечерахъ» и «Родникѣ». Она отдала себя всю на пользу дѣтей, которыхъ такъ любила. Живя однимъ скуднымъ гонораромъ и грошами съ изданныхъ ею отдѣльныхъ книжекъ, напримѣръ, «На память стараго года», она ухитрялась помогать дѣтскимъ нуждамъ, отказывая себѣ въ необходимомъ, чтобы заплатить за ученье чужихъ ей ребятъ, сдѣлать имъ платье, купить книги или потѣшить игрушкой. Скончалась покойная, какъ обыкновенно оканчиваютъ литераторы, почти въ нищетѣ, такъ что, только благодаря добрымъ людямъ, явилась возможность прилично похоронить покойницу.

† Въ Парижѣ **Поль Лакруа,** извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Bibliophile Jacob. Поль Лакруа родился въ 1806 году и по окончаніи курса въ коллегіи Бурбонъ вступилъ на литературное поприще. Первоначально онъ сотрудничалъ въ органахъ малой прессы, потомъ сталъ писать романы, главный интересъ которыхъ заключается преимущественно въ историческихъ и археологическихъ подробностяхъ, которыми они наполнены Свои библіографическія свѣдѣнія Поль Лакруа дополнилъ многочисленными путешествіями и научными миссіями. Правительство цѣнило заслуги Лакруа и назначило его консерваторомъ извѣстной библіотеки Арсенала. Лакруа принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ французскихъ романистовъ. Интереснымъ содержаніемъ и искуснымъ воспроизведеніемъ средневѣковаго французскаго языка, описаніемъ нравовъ и обычаевъ французовъ въ феодальный періодъ отличаются: «La Danse macabre», «La Charnier des Innocents», «Le roi des ribauds» и др. Изъ романовъ, относившихся къ новой исторіи Франціи, заслуживаютъ вниманія: «l'Homme au masque de fer», въ которомъ Лакруа отстаиваетъ тезисъ, что желѣзная маска былъ интендантъ Фукэ, «La soeur de Maugrabin», «La Chambre des poisons», «La jeunesse de Molière» и др. Изъ драматическихъ произведеній Лакруа назовемъ «Maréchale d'Ancre», драму въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, не разрѣшенную къ представленію театральною цензурою. Лакруа оставилъ также массу изслѣдованій по общей исторіи и исторіи литературы и искусства во Франціи. Въ числѣ его трудовъ по этой части можно упомянуть о слѣдующихъ: «Histoire du XVI-ème siècle en France», «l'Origine des cartes à jouer», «Les Arts au moyen âge et à l'époque de la Renaissance», а также подъ заглавіемъ «Curiosités», чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія по части исторіи, наукъ, искусствъ и т. д. Въ пятидесятыхъ годахъ Поль Лакруа написалъ популярную исторію Наполеона III, а въ шестидесятыхъ появилась его многотомная исторія жизни и царствованія императора Николая I. Сверхъ того, Лакруа издалъ множество каталоговъ для библіофиловъ, основалъ журналъ «Bulletin de l'alliance des arts», издалъ сочиненія Рабеле, королевы Маргариты Наварской и другихъ французскихъ писателей XVI и XVII столѣтій и сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ.

† Въ Лондонѣ одинъ изъ выдающихся англійскихъ экономистовъ и политическихъ дѣятелей, **Генри Фаусетъ**, занимавшій постъ генералъ-почтмейстера. Фаусетъ родился въ 1833 г., получилъ высшее образованіе въ кембриджскомъ университетѣ и обратилъ на себя вниманіе математическими познаніями. Въ 1858 г., вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ, Фаусетъ былъ страшно изуродованъ и лишился зрѣнія, что не помѣшало ему продолжать свою ученую и политическую дѣятельность. Его руководство къ политической экономіи (Manual of political economy, 1863 г.), сочиненіе объ экономическомъ положеніи англійскихъ рабочихъ и большое количество статей экономическаго и научно-соціальнаго содержанія пріобрѣли ему извѣстность въ ученомъ мірѣ. Фаусетъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Кембриджскомъ университетѣ. Въ парламентѣ онъ засѣдалъ въ рядахъ прогрессистовъ. Въ 1880 г. много шуму надѣлала его рѣчь, въ которой онъ обвинялъ членовъ кабинета Биконсфильда, въ утайкѣ нѣсколькихъ милліоновъ индійскаго бюджета. Ему обязаны своимъ развитіемъ почтовыя сберегательныя кассы. Политическая дѣятельность не мѣшала Фаусету усердно заниматься экономическими вопросами, и въ 1871 г. вышло въ свѣтъ его лучшее сочиненіе о пауперизмѣ, въ которомъ онъ предлагаетъ весьма цѣлесообразныя и практичныя средства къ его искорененію; трактуя вопросъ о населеніи, Фаусетъ является отъявленнымъ сторонникомъ ученія Мальтуса.

† **Убичини**, извѣстный писатель и публицистъ, особенно по восточному вопросу. Онъ родился въ 1818 г., долго жилъ на Востокѣ, былъ дѣятелемъ временнаго правительства въ Румыніи въ 1848 г., напечаталъ «Письма о Турціи», сборникъ «Народныхъ пѣсенъ Румыніи» и рядъ этюдовъ о «Христіанскихъ народностяхъ въ Турціи». Послѣ него осталась неоконченной «Исторія Румыніи».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Новыя дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Къ помѣщеннымъ мною въ «Историческомъ Вѣстникѣ» [1]) матеріаламъ, считаю нелишнимъ добавить еще нѣсколько псевдонимовъ и буквенныхъ подписей, собранныхъ мною за послѣднее время.

А.

А. Б—цъ — («Отзвуки жизни», Сарат., 1877 г.) — А. Н. Мордовцева.
Амосъ Шишкинъ — («Искра») — А. Н. Сниткинъ.
А. Р—скій — («Сіяніе», 1872 г.) — А. Раевскій.

В.

В. В. — («Отеч. Записки») — В. П. Воронцовъ.

Г.

Глѣбъ Оврагов — («Сарат. Дн.») — А. А. Кулаковъ.

Д.

Dixi — («Отеч. Зап.», 1884 г., № 3) — М. Е. Салтыковъ.

---

[1]) За 1883 г. — № 7, стр. 236—240, № 11, стр. 466—468 и № 12, стр. 648. За 1884 г. — № 5, стр. 458—460.

Е.

Е. Бернетъ — («Библ. для Чт.» и др.) — А. К. Жуковскій.

И.

И. — («Новое Время») — М. М. Ивановъ.
И. В. — («Сарат. Спр. Лист.»), 1874 г.) — И. С. Воронинъ.
Икаръ — («Сарат. Дневн.») — А. А. Кулаковъ.
И. М. Х. — («Записки Учителя») — И. М. Хейдрецъ.

К.

К. Д. С. — («Спб. Вѣдом.») — Э. И. Губеръ.
К. Эд. В—ръ — («Искусство») — К. Э. Веберъ.

Л.

Лонскій — («Рус. Вѣд.», 1879—1880 гг.) — С. А. Приклонскій.
Л. Ссыльный — (кн. «Папство и Россія») — Л. П. Блюммеръ.

М.

М. С. — («Изв. Слав. Благ. Общ.») — М. Соколовъ.

Н.

Нилъ А—гъ — («Сарат. Лист.») — П. Галинъ.

С.

С. Ат. — («Новое Время», 1884 г.) — С. Н. Терпигоревъ.
Саратовскій Боккачіо — («Сарат. Дневн.») — А. А. Кулаковъ.
Секундъ Маіоровъ — (тамъ же) — онъ же.
Sine ira — (тамъ же) — онъ же.

Э.

Э. И. — («Спб. Вѣдомости») — Э. И. Губеръ.

Я.

Я. — («Новое Время», № 2,908 и др.) — С. Н. Терпигоревъ.

Ѳ.

Ѳ. С. — («Сарат. Лист.») — Ѳ. А. Соколовъ.

Вячеславъ Катеневъ.

«Вопросъ на очереди» о незаконнорожденныхъ—(Современ. Изв. 1870 г., № 33 и 34).

«Замѣтки о Липецкѣ и Липецкихъ минеральныхъ водахъ» (Всемірн. Трудъ, 1871 г., кн. 3). Отдѣльно: Спб., 1871 г., 25 стр.

«Труды М. А. Максимовича для русской филологіи и словесности» (Филолог. Записки, 1871 г., вып. 5—6).

«Разборъ книги Межова: Библіографическій указатель исторіи русской и всеобщей словесности (1872 г., вып. 2)».

«Тургеневъ, его тридцатилѣтняя литературная дѣятельность и его типы» (Воронежъ, 1872 г., 134 стр.).

«Алексѣй Θеодоровичъ Мерзляковъ. Библіографическо-критическій очеркъ» (Русск. Стар., 1879 г., кн. 1).

«О времени рожденія Пушкина и Бѣлинскаго» (Русск. Газета, 1880 г., № 66).

«По поводу толковъ о малорусскомъ языкѣ и о малороссійской словесности» (Донъ, 1881 г., № 53).

Кромѣ того, покойный Мизко составилъ особую статью о знакомствѣ съ авторомъ «Ревизора», которая и помѣщена въ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя» (Спб., 1856 г., т. II, стр. 245—248).

Миллеръ, Θедоръ Богдановичъ [1]), поэтъ-переводчикъ и издатель еженедѣльнаго юмористическаго журнала «Развлеченіе» (1859—1881 г.), родился 22 января 1818 года и воспитывался въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ; по окончаніи курса выдержалъ экзаменъ на званіе аптекарскаго помощника, а потомъ— на званіе домашняго учителя нѣмецкаго и русскаго языковъ; послѣ того поступилъ преподавателемъ въ 1-й Московскій кадетскій корпусъ (1841 г.), откуда вышелъ въ 1869 году и причислился къ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій; † 20 января въ Москвѣ.—Кромѣ изданія журнала «Развлеченіе» и помѣщенія въ немъ статей подъ псевдонимами: «Гіацинтъ Тюльпановъ», «Заноза»,—покойный участвовалъ, какъ сотрудникъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Вѣкѣ», «Газетѣ Гатцука», «Москвитянинѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Словѣ». Въ названныхъ журналахъ или же отдѣльно появились слѣдующіе болѣе важные труды Миллера:

«Цыганка», романъ въ трехъ частяхъ. М., 1839 г.

«Врильянтъ и Роза», мистерія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и куплетами, передѣланная съ нѣмецкаго. М., 1841 г., 140 стр.

«День Карла V-го», историческая картина въ двухъ актахъ Костелли, перев. стихами (Москвит., 1841 г., кн. 8).

---

[1]) О немъ: въ книгѣ Гербеля «Русскіе поэты». Спб. 1880 г., стр. 569—570 и въ періодическихъ изданіяхъ 1881 года: Древн. и Нов. Россія, кн. 2, стр. 374—375; Русск. Мысль, кн. 2, стр. III—IV; Историч. Вѣстникъ, кн. 3, стр. 702—703; Нива, № 11; Московск. Вѣдом., № 21 и Современн. Извѣст., № 26.

«Вильгельмъ Телль», драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ Шиллера (Москвит., 1843 г., кн. 8). Отдѣльное изданіе: М., 1843 г.

«Стихотворенія» (1841—1848 гг.). М. 1849 г., 292 стр. — Второе изданіе: М., 1860—1881 г., шесть томовъ.

«Конрадъ Валенродъ», историческая повѣсть въ стихахъ Мицкевича (Русск. Слово, 1860 г., кн. 7).

«Тюрьма и вѣнецъ», драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ Зедлица, перев. стихами (Русск. Вѣстн., 1870 г., кн. 6).

«Графиня», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Генриха Крузе (кн. 11 и 12).

«Сикстъ V», трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ Юліуса Миндинга, перев. стихами (1871 г., кн. 6).

«Старый матросъ», недавняя быль (1872 г. кн. 4).

«Агасферъ въ Римѣ», поэма въ шести пѣсняхъ Роберта Гамерлинга (Отеч. Зап., 1872 г., кн. 9 и 10).

«Судья Шемяка», стихотвореніе (1873 г., кн. 4).

«Олланта», древне-перуанская драма изъ временъ инковъ въ трехъ актахъ (Русск. Вѣстн., 1877 г., кн. 5).—Отдѣльное изданіе: М., 1877 г., 71 стр.

«Король Сіона», поэма Гамерлинга (Русск. Вѣстн., 1879 г. кн. 4—6, 8, 10 и 11).—Отдѣльное изданіе: М., 1880 г., 238 стр.

«Розамунда», трагедія Крузе (Русск. Вѣстн., 1880 г., кн. 1).

«Скелетъ въ болотѣ», литовская быль (кн. 6).

«Загробныя письма», разсказъ въ стихахъ (Газета Гатцука, 1880 г., № 45 и 46).

Надо прибавить, что покойный Миллеръ перевелъ двѣ пьесы Шекспира— «Цимбелинъ» и «Мѣра за мѣру», которыя помѣщены въ книгѣ «Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира» (Спб., 1868 г. т. IV).

Михаилъ (въ мірѣ Голубовичъ) [1]) родился въ 1803 году, по окончаніи курса въ Литовской духовной семинаріи рукоположенъ во священника (1828 г.), получилъ изъ Виленскаго университета степень доктора богословія и церковнаго права (1829 г.), опредѣленъ инспекторомъ Жировицкой духовной семинаріи въ томъ же году; протоіерей и вице-президентъ Литовской греко-уніатской духовной консисторіи (1835 — 1839 г.); послѣ принятія православія — архимандритъ и епископъ пинскій, викарій минской епархіи (1840 — 1848 г.); наконецъ, самостоятельный епископъ Минска (1868—1853 г.); возведенный въ санъ архіепископа, уволенъ на покой въ 1868 году; † 6-го марта въ Жировицахъ, Гродненской губерніи. Это былъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей по возсоединенію греко-уніатовъ съ православною церковью (1839 г.) и ближайшій сотрудникъ митрополита Іосифа Сѣмашки [2]). Между прочимъ, онъ перевелъ на польскій языкъ: «Пространный катихизисъ митрополита Филарета».

Морозовъ, Павелъ Тимоѳеевичъ [3]), родился въ 1808 году и воспитывался въ Московскомъ благородномъ университетскомъ

---

[1]) О немъ см. въ періодическихъ изданіяхъ 1881 года: Востокъ, № 93, Волынск. Епарх. Вѣд., № 10 и Церковн. Вѣстн., № 15.

[2]) См. «Записки Іосифа, митр. Литовскаго», Спб., 1883 г., три тома.

[3]) Востокъ, 1881 г., № 113—114.

пансіонѣ, изъ котораго вышелъ съ золотой медалью (1824 г.); по окончаніи курса долго служилъ въ Одессѣ при графѣ М. С. Воронцовѣ, а послѣ отставки жилъ въ Пензенской губерніи, причемъ одно время былъ городищенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; † 25 марта въ Пензѣ.—Онъ, кромѣ изданія «Новороссійскаго Календаря» (на 1835, 1837 и 1839 годы) и сотрудничества въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», напечаталъ слѣдующіе труды:

«Исторія Одессы» и «Одесса въ 1830 году» (Одесскій Альманахъ на 1831 годъ).
«О климатѣ нѣкоторыхъ мѣстъ южной Россіи», Одесса, 1832 г.
«Борьба христіанства съ язычествомъ» (Москвитян., 1845 г., ч. III).
«Метеорологическіе очерки, составленные изъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ средней Россіи и преимущественно въ Пензенской губерніи», М., 1866 г.
«Три семьи», разсказъ, М., 1872 г.
«Метеорологическіе очерки», вып. I, М., 1872 г.
«Арабески изъ міра духовно-православнаго», Спб., 1874 г.
«Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ» (Русск. Архивъ, 1875 г., кн. 10). Отдѣльно: М., 1877 г., 23 стр.
«Изъ одесскихъ воспоминаній» (Русск. Архивъ, 1877 г., кн. 11). Отдѣльно: М., 1877 г., 18 стр.
«Воспоминанія о дняхъ великаго поста». М., 1877 г.
«Деревенскія бесѣды». М., 1880 г.
«Письмо изъ Москвы» (Востокъ, 1881 г., № 113—116).
«Сочиненія П. Т. Морозова». М., 1883 г., 473 стр.

Павловскій, Иванъ Даниловичъ [1]), родился 30-го марта 1852 года въ Полтавской губерніи и обучался въ тамошней духовной семинаріи, но вслѣдствіе тяжкой болѣзни не окончилъ курса; по выздоровленіи онъ занялъ мѣсто народнаго учителя въ одной изъ сельскихъ школъ родной губерніи, а со времени основанія г. Поповицкимъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника» переѣхалъ въ Петербургъ и участвовалъ въ этой газетѣ, какъ постоянный сотрудникъ; † 26-го апрѣля въ Локощинскомъ погостѣ, близъ Полтавы. Кромѣ мелкихъ замѣтокъ въ «Оренбургскомъ Листкѣ», «Сибири», «Русской Старинѣ», «Церковномъ Вѣстникѣ», «Современности», «Полтавскихъ и Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ,»—ему принадлежали такія статьи:

«Святое Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ» (Русск. Архивъ, 1878 г., кн. 5).
«Двухмилліонный расходъ на епархіальныя вѣдомости за двадцать лѣтъ», «Воспоминаніе объ епископѣ Сильвестрѣ Лебединскомъ» и «О митрополитѣ Гавріилѣ Бонулеско» (Древн. и Новая Россія, 1879 г., кн. 10).
«Консисторско-судныя мытарства» (Истор. Вѣстникъ, 1881 г., кн. 7).
«Неприличное сану и званію состязаніе съ евреями» (кн. 12).

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1881 года: Истор. Вѣстн., кн. 8, стр. 943—944; Россійск. Библіогр., № 16 и Церковно-Общ. Вѣстн., № 70.

Пейкеръ, Марья Григорьевна, урожденная Лошкарева, издательница ежемѣсячной иллюстрированной газеты для народнаго чтенія, подъ названіемъ: «Русскій Рабочій» (1875—1881 г.); † 28-го февраля въ Петербургѣ. (Извѣстіе о кончинѣ въ Московск. Вѣдом. 1881 г., № 61).

Петерсонъ, Карлъ Михайловичъ [1]), родился въ 1829 году, воспитывался въ Рижской гимназіи и Дерптскомъ университетѣ (1847—1852 г.), откуда вышелъ со степенью кандидата математики и сначала поступилъ воспитателемъ въ одно аристократическое семейство, а потомъ состоялъ преподавателемъ математическихъ наукъ въ Московскомъ училищѣ при лютеранской церкви Петра и Павла; † 7-го апрѣля въ Москвѣ. Кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Математическомъ Сборникѣ» (1869—1880 г.), и изслѣдованій, напечатанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, онъ издалъ монографію: «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными по двумъ независимымъ перемѣннымъ» (М. 1878 г., 58 стр.), за которую получилъ почетный докторскій дипломъ отъ Новороссійскаго университета.

Пироговъ, Николай Ивановичъ [2]), знаменитый хирургъ и педагогъ, родился 13-го ноября 1810 года въ Москвѣ; послѣ домаш-

---

[1]) О немъ: Album academicum, Dorp., 1853 г., стр. 205, Московск. Вѣдом. 1881 г., № 101 и Русск. Вѣд. того же года, № 104.

[2]) Для его біографіи и характеристики: Одесск. Вѣстн., 1858 г., № 95 и 99; Журналъ для Воспитанія, 1858 г., т. IV, стр. 229—234; въ журналахъ и газетахъ 1861 года—Кіевск. Телеграфъ, № 29 и 35, Сѣверн. Пчела, № 96 и 97, С.-Петерб. Вѣдом., № 101 и 102, Русск. Педагог. Вѣстникъ, № 5 и 6, Московск. Вѣдом., № 103, 111 и 236, Современн. Лѣтопись, № 19 и 20, Наше Время, № 17 и 18, Разсвѣтъ, № 52, Русск. Инвалидъ, № 123, Русск. Рѣчь, № 32, 33 и 54, Харьковск. Губ. Вѣдом., № 52, Основа, кн. 6, стр. 108 — 133, Время, кн. 6, стр. 59 — 67, Современникъ, кн. 8, стр. 363—392, Отеч. Записки, кн. 6, стр. 137 — 142; «Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Пироговымъ» (Кіевъ, 1861 г., 56 стр.); Прощаніе Бердичевскаго общества съ Пироговымъ» (Кіевъ, 1862 г., 16 стр.); Домашн. Бесѣда, 1864 г., № 5 — 16 и 22 — 26; Голосъ, 1868 г., № 66 и 100; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера (Спб., 1869 г., т. 2); Медицинск. Вѣстникъ, 1870 г., № 38; Всемірн. Иллюстрація, 1873 г., № 209; Иллюстриров. Недѣля, 1874 г., № 12; Недѣля, 1875 г., № 41; Нива, 1875 г. № 41 и 1880 г., № 21; Историч. Вѣстникъ, 1880 г., кн. 9; въ періодическихъ изданіяхъ 1881 года — Русск. Старина, кн. 3 и 7, Голосъ, № 142, Порядокъ, № 140, Новое Время, № 1880, Московск. Вѣд. № 141, 142 и 144, Страна, № 62, Всемірн. Иллюстрація, № 22, Газета Гатцука, № 21, Современн. Извѣстія, № 140, 141, 143 и 329, Русск. Вѣд., № 141—147, 327 и 336, Врачебн. Вѣд., № 19, Русск. Еврей, № 21—22, Народн. Школа, кн. 9, стр. 41 — 54; Семейн. Вечера, кн. 8, стр. 223 — 238, Дѣло, кн. 6, стр. 137 — 149; «Портретная галлерея», изд. Шапиро (Спб., 1881 г.); «Николай Ивановичъ Пироговъ», очеркъ Бертенсона (Спб., 1881 г., 48 стр.—Второе изданіе: Спб., 1881 г., 47 стр.); «Николай Ивановичъ Пироговъ въ Московскомъ университетѣ», проф. Тихонравова (М., 1881 г., 12 стр.); «Воспоминаніе о Н. И. Пироговѣ, какъ учителѣ», проф. Догеля (Каз., 1881 г., 9 стр.); «Пятидесятилѣтній юбилей Н. И. Пирогова въ Казанскомъ университетѣ» (Каз., 1881 г., 73 стр.); «Очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Пирогова», проф. Шкляревскаго (Кіевъ, 1881 г.); въ изданіяхъ 1882 года—Современн. Извѣстія, № 26, Московск. Вѣд., № 35, Вѣстн.

няго воспитанія и двухлѣтняго образованія въ частномъ пансіонѣ г. Кряжева, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета (1824 г.), гдѣ и окончилъ курсъ со степенью лѣкаря (1828 г.); для усовершенствованія въ наукахъ былъ отправленъ въ Дерптскій университетъ (1829—1833 г.) и за границу (1834—1835 г.); по возвращеніи изъ ученаго путешествія, его назначили профессоромъ хирургіи сначала въ Дерптскій университетъ (1836—1840 г.), а потомъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію (1840—1856 г.); изъ послѣдней ему пришлось отправиться на помощь раненнымъ въ Севастополь (1855—1856 г.) и затѣмъ выйдти на болѣе широкое ученое поприще: онъ былъ назначенъ попечителемъ Одесскаго (1856—1858 г.) и Кіевскаго (1858—1861 г.) учебныхъ округовъ, послѣ чего уѣхалъ въ свое имѣніе Подольской губерніи и выбранъ въ мировые посредники; съ марта 1862 года Н. И. былъ командированъ за границу для руководства молодыхъ русскихъ профессорантовъ; къ сожалѣнію, послѣдняя плодотворная дѣятельность прервалась въ 1866 году; съ тѣхъ поръ Пироговъ снова уѣхалъ въ свое помѣстье и только три раза покидалъ его: для помощи раненнымъ во франко-прусской войнѣ (1870 г.), для объѣзда лазаретовъ въ русско-турецкую компанію (1877 г.) и для празднованія своего полувѣковаго юбилея въ Москвѣ (24-го мая 1881 г.); † 23-го ноября въ селѣ Вишняхъ, Подольской губерніи. Покойный напечаталъ слѣдующіе учено-литературные труды, которые съ нѣсколькими пробѣлами отмѣчены въ «Указателѣ сочиненій Н. И. Пирогова», изд. П. Шереметевскаго (М. 1883 г., 18 стр.):

«Num vinctura aortae abdominalis in anevrysmate ingvinali adhibita facile actutum sit remedium». Dorp., 1832 г. (докторская диссертація).

«О пластическихъ операціяхъ вообще и о ринопластикѣ въ особенности» (Военно-Медицинск. Журналъ, 1836 г., кн. 2).

«Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Lascien». Dorp., 1840 г. Это сочиненіе черезъ годъ издано съ латинскимъ текстомъ и атласомъ подъ заглавіемъ: «Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosarum». Reval., 1841 г. Затѣмъ, вновь обработанное проф. Шимановскимъ, оно издано на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ въ Лейпцигѣ (1861 г.). Наконецъ, тотъ же трудъ Пирогова, въ переводѣ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ примѣчаніями С. Коломнина, напечатанъ подъ названіемъ: «Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій» (Спб., 1882 г., пять выпусковъ, съ 17-ю таблицами).

«Über die Durchschneidung der Achillessehne als operativorthopädisches Heilmittel». Dorp., 1840 г.

Европы, кн. 1, стр. 402—408 и кн. 12, стр. 965—968, Русск. Старина, кн. 12, стр. 647—676; «Памяти Н. И. Пирогова», рѣчь проф. Бакста (Спб., 1882 г.); «Памяти Н. И. Пирогова», рѣчь проф. Склифосовскаго (рѣчи и отчетъ, читанные въ Московскомъ университетѣ, М., 1882 г., стр. 1—15); «Jubilaeum Nicolai Joannidae de Pirogow», стихотвореніе Вальтера (Спб., 1882 г.).

«Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла». Спб., 1843—1845 г.

«Анатомическія изображенія человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей». Спб., 1846 г. съ атласомъ.

«Отчетъ о хирургическихъ пособіяхъ, оказанныхъ раненнымъ во время осады и занятія укрѣпленія Салты» («Военно-Медицинскій Журналъ, 1847 г., кн. 1).

«Практическія и физіологическія наблюденія надъ дѣйствіемъ паровъ эѳира на животный организмъ» (Библіот. для чтенія, 1847 г., кн. 7 и 8).

«Recherches pratiques et physiologiques sur l'étherisation». St.-Pet., 1847 г.

«Anatomie pathologique du choléra morbus». St.-Pet., 1849 г. Этотъ атласъ въ томъ же году изданъ и съ русскимъ текстомъ подъ заглавіемъ: «Патологическая анатомія азіатской холеры», Спб., 1849 г.

«Rapport medical d'un voyage au Caukase». St.-Pet., 1849 г. Тотъ же трудъ вышелъ и на русскомъ языкѣ подъ названіемъ: «Отчетъ о путешествіи по Кавказу, содержащій статистику ампутацій, опыты и наблюденія надъ огнестрѣльными ранами», Спб. 1849 г.

«Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла», Спб. 1850 г.

«Клиническія лекціи», Спб. 1852 г., вып. I.

«Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ съ подробнымъ описаніемъ положенія и способовъ перевязки ихъ», Спб. 1854 г.

«Klinische Chirurgie. Eine Sammlung v. Monographien. Leipzig, 1854 г. Въ это изданіе вошли четыре монографіи: а) Die osteo-plastische Verlängerung der Unterschenkel-Knochen bei der Exarticulation des Fusses; б) Betrachtungen über die Schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie durch Beobachtungen und Krankheitsgeschichten erläutert; в) Der Gypsverband bei einfachen und complicirten Knochen-Brüchen und in seiner Anwendung beim Transport Verwundeter und auf dem Schlachtfelde; г) Statistischer Bericht über alle meine im Verlaufe eines Jares v. September 1852 bis September 1853 im Hospitälern, Kliniken und in der Privatpraxis vorgenommen oder beobachteten Operationsfälle.—Всѣ эти изслѣдованія переведены на русскій языкъ и помѣщены въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» (1854 г., кн. 1 и 2).

«Die Gemeinschaft der Schwestern zur Kreuzerhöhung zur Pflege der Verwundeten und Kranken». Berlin, 1856 г.

«Вопросы жизни» (Морск. Сборникъ, 1856 г., кн. 9).

«Рѣчи въ Ришельевскомъ Лицеѣ» (Одесск. Вѣстникъ, 1857 г., № 101 и 134).

«Объ одесской Талмудъ-Торѣ» (1858 г., № 26).

«Быть и казаться» (№ 34).

«Нужно ли сѣчь дѣтей» (№ 47).

«Рѣчь на обѣдѣ, данномъ ученымъ сословіемъ Одессы» (№ 99).

«Собраніе литературныхъ статей», Одесса, 1858 г.

«Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata». Petrop., 1859 г., четыре части.

«Анатомія разрѣзовъ» (Отеч. Записки, 1860 г., кн. 2).

«Собраніе литературно-педагогическихъ статей». Кіевъ, 1881 г.

«Письма по поводу занятій русскихъ ученыхъ за границей» (Голосъ, 1863 г.,

№ 77 и 78, 281, 282 и 283, 317—319; 1864 г., № 25—26; Журналъ мин. нар. просв. 1863 г., кн. 12).

«Grundzüge der allgemeinen Kriegs-Chirurgie». Leipzig, 1864 г. Это сочиненіе вышло и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Начала общей военно-полевой хирургіи, взятыя изъ наблюденій военно-госпитальной практики и воспоминаній о Крымской войнѣ и Кавказской экспедиціи». Дрезденъ, 1865 г., двѣ части.

«Bericht über Besichtigung der Militär-Sanitäts-Anstalten in Deutschland, Lothringen und Elsass im Jahre 1870». Leipzig, 1871 г. Тотъ же трудъ напечатанъ порусски съ заглавіемъ: «Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году». Спб., 1871 г.

«Предисловіе къ книгѣ Бертенсона: Барачные лазареты въ военное и мирное время», Спб., 1871 г.

«Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—78 годахъ», Спб., 1879 г.

Писемскій, Алексѣй Өеофилактовичъ [1]), извѣстный романистъ и драматургъ, родился 20-го марта 1820 года въ усадьбѣ Раменьѣ, Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда; воспитывался въ губернской гимназіи (1833—1840 г.) и Московскомъ университетѣ, въ которомъ и окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ по физико-математическому факультету (1844 г.); два года послѣ того служилъ въ Костромской и Московской палатѣ государственныхъ имуществъ, затѣмъ—чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ военномъ губернаторѣ князѣ Суворовѣ до 1853 года, когда вышелъ въ отставку и жилъ то въ Петербургѣ, откуда, по порученію морскаго министерства, ѣздилъ въ Астрахань (1856 г), то въ Москвѣ, гдѣ съ 1866 года служилъ совѣтникомъ губернскаго правленія, но съ 1872 года до дня своей кончины былъ въ новой отставкѣ; † 21-го января въ Москвѣ. Онъ, кромѣ редактированія «Библіотеки для Чтенія» (съ 1858 г. до февраля 1863 г.) и жур-

---

[1]) О немъ: Русск. Худож. Листокъ, 1859 г., № 14; Иллюстрація, 1859 г., № 40; Сѣверн. Сіяніе, 1864 г., № 10; Воскресн. Досугъ, 1866 г., № 193; Иллюстриров. Календарь на 1868 г., стр. 207; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. Мюнстера, Спб., 1869 г., т. II; Иллюстрир. Вѣстникъ, 1874 г., кн. 2, стр. 127—128; въ періодическихъ изданіяхъ 1875 года—Русск. Архивъ, кн. 4, стр. 453—467, Всемирн. Иллюстрація, № 321, Газета Гатцука, № 4, Московск. Вѣд., № 19, Новое Время, № 21, Семейн. Вечера, кн. 1, стр. 138—139; Живописное Обозрѣніе, 1876 г., № 24 и 25, «Русскіе поэты», изд. Гербеля, Спб., 1880 г., стр. 626—627; Русск. Вѣстн., 1880 г., кн. 6, стр. 902—903; въ журналахъ и газетахъ 1881 года: Московск. Вѣд., № 22 и 26, Русск. Вѣд., № 32, Современн. Извѣстія, № 23, 34 и 311; Огонекъ, № 6, Нива, № 9, Полярн. Звѣзда, кн. 1, стр. 229—230, Русск. Мысль, кн. 2, стр. I—II, Древн. и Нов. Россія, кн. 2, стр. 372—374, Странникъ, кн. 2, стр. 365—366, Вѣстникъ Европы, кн. 3, стр. 429—436, Историч. Вѣстникъ, кн. 3, стр. 700—702, Семейн. Вечера, кн. 4, стр. 87—93; въ изданіяхъ 1882 года: Современн. Извѣстія, № 32, Вѣстн. Европы, кн. 4, стр. 623—660, Историч. Вѣстникъ, кн. 5, стр. 321—322; 1883 г., кн. 5, стр. 374.

нала «Искусство» (въ 1860 г., пять нумеровъ), напечаталъ въ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльными томами слѣдующія произведенія:

«Нина, изъ дневника моего пріятеля» (Сынъ Отечества, 1848 г., кн. 7).
«Тюфякъ», повѣсть (Москвитян., 1850 г., кн. 19 — 21).
«Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Мари Ступишина», бракъ по страсти (Москвитян., 1851 г., кн. 4 — 7).
«Комикъ», разсказъ (кн. 21).
«Богатый женихъ», романъ (Современникъ, 1851 г., кн. 10 — 12; 1852 г. кн. 1 — 5).
«Ипохондрикъ», комедія (Москвитян., 1752 г., кн. 1). Отдѣльное изданіе: Спб., 1861 г.
«Monsieur Батмановъ», очеркъ (Москвитян., 1852 г., кн. 17 — 18).
«Питерщикъ», очеркъ (Москвитян., 1852 г., кн. 23).
«Раздѣлъ», комедія (Современ., 1853 г., кн. 1). Отдѣльное изданіе: Спб., 1861 г.
«Лѣшій», разсказъ (Современ., 1853 г., кн. 11).
«Повѣсти и разсказы», М. 1853 г., три части.
«Фанфаронъ», разсказъ (Современ., 1854 г., кн. 8).
«Ветеранъ и новобранецъ», драматическій случай (Отечеств. Записки, 1854 г., кн. 9). Отдѣльное изданіе: Спб. 1861 г.
«Виновата ли она», записки (Современ., 1855 г., кн. 2).
«Плотничья артель», деревенскія записки (Отеч. Зап., 1855 г., кн. 9).
«О Мертвыхъ душахъ Гоголя», критическая статья (Отеч. Зап.,1855 г., кн. 10).
«Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и пріемъ ихъ астраханскими жителями» (Морск. Сборн., 1856 г., кн. 6).
«Очерки изъ крестьянскаго быта», Спб., 1856 г., одинъ томъ.
«Старая барыня», разсказъ (Библіот. для Чтен., 1857 г., кн. 2).
«Путевые очерки» (Морск. Сборн., 1857 г., кн. 2).
«Морскія поѣздки» (кн. 4).
«Боярщина», повѣсть (Библіот. для Чтен., 1858 г., кн. 1 — 2).
«Тысяча душъ», романъ (Отеч. Зап., 1858 г., кн. 1 — 6). Отдѣльное изданіе, Спб., 1858 г., два тома.
«Астраханскіе армяне» (Библіот. для Чтен., 1858 г., кн. 10).
«Татары» (кн. 12).
«Горькая судьбина», драма (Библіот. для Чтен., 1859 г., кн. 11). Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г.
«Калмыки» (Библіот. для Чтен., 1860 г., кн. 1).
«Старческій грѣхъ», разсказъ (Библіот. для Чтен., 1861 г., кн. 1).
«Полное собраніе сочиненій», издан. Ѳ. Стелловскимъ, Спб., 1861 г., три тома.
«Батька», разсказъ (Русск. Слово, 1862 г., кн. 1).
«Іона Циникъ», отрывокъ изъ романа (Библіот. для Чтен., 1863 г., кн. 1).
«Взбаламученное море», романъ (Русск. Вѣстн., 1863 г., 3 — 8). Отдѣльное изданіе: М. 1863 г.
«Русскіе лгуны», очерки (Отеч. Зап., 1865 г., кн. 1, 2 и 7).
«Самоуправцы», трагедія (Всемір. Трудъ, 1867 г., кн. 2). Отдѣльное изданіе: Спб., 1867 г.
«Поручикъ Гладковъ», драма (Всеміри. Трудъ, 1867 г., кн. 3).
«Былые соколы», трагедія (Всеміри. Трудъ, 1868 г., кн. 9).

«Люди сороковыхъ годовъ», романъ (Заря, 1869 г., кн. 1—9). Отдѣльное изданіе: Спб., 1870 г.

«Въ водоворотѣ», романъ (Бесѣда, 1871 г., кн. 1—6). Отдѣльное изданіе: М., 1872 г.

«Подкопы», комедія (Гражданинъ, 1873 г., № 7—10).

«Ваалъ», драма (Русск. Вѣстн., 1873 г., кн. 4). Отдѣльное изданіе: М., 1873 г.

«Комедіи, драмы и трагедіи», М., 1874 г., два тома.

«Просвѣщенное время», драма (Русск. Вѣстн., 1875 г., кн. 1).

«Финансовый геній», комедія (Газета Гатцука, 1876 г., № 3 и 4). Отдѣльное изданіе: М., 1876 г.

«Мѣщане», романъ (Пчела, 1877 г., № 18—49). Отдѣльное изданіе: Спб., 1878 г.

«Уже отцвѣтшіе цвѣтки: капитанъ Рухневъ» (Газета Гатцука, 1879 г., № 2 и 3).

«Масоны», романъ (Огонекъ, 1880 г., № 1—52). Отдѣльное изданіе: Спб., 1881 г.

«Сочиненія А. Ѳ. Писемскаго», посмертное полное изданіе, Спб., 1884 г.

Сверхъ того, Писемскій подъ псевдонимами: «Статскій совѣтникъ Салатушка», «Не скажусь» и «Никита Безрыловъ», печаталъ фельетоны и полемическія статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1860—1862 г.).

Поповъ, Александръ Никифоровичъ [1]), воспитывался въ Казанскомъ университетѣ, откуда вышелъ со степенью кандидата камеральныхъ наукъ (1866 г.); потомъ — лаборантъ роднаго университета и, послѣ полученія магистерской степени, профессоръ Варшавскаго университета по каѳедрѣ химіи (1869—1881 г.); † 6-го августа въ Варшавѣ. Имъ напечатана магистерская диссертація: «Объ окисленіи кетоновъ одностольныхъ» (Каз., 1869 г.).

Поповъ, Андрей Николаевичъ [2]), родился 27-го октября 1841 года въ Тамбовѣ, воспитывался въ тамошней гимназіи и Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета (1863 г.); вскорѣ, по окончаніи курса, онъ занялъ мѣсто преподавателя русской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ и началъ свою учено-литературную дѣятельность, за что удостоился получить Уваровскія награды, званіе члена корреспондента Академіи Наукъ (1872 г.) и почетный докторскій дипломъ отъ Московскаго университета (1873 г.); за смертію О. М. Бодянскаго, Общество Исторіи и Древностей избрало его своимъ секретаремъ и поручило завѣдывать изданіемъ «Чтеній» (1877—1881 г.); † 30-го мая въ Тамбовѣ. Покойный ученый напечаталъ:

«Обзоръ хронографовъ русской редакціи», М., 1866—1869 г., два выпуска.

«Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы», М., пять изданій: 1867, 1868, 1870, 1874 и 1878 гг.

---

[1]) О немъ: Современн. Извѣстія, 1881 г., № 220.

[2]) См. періодическія изданія 1881 года: Вѣстн. Европы, кн. 7, стр. 453—456; Журналъ мин. нар. просв., кн. 7, стр. 36—41; Историческ. Вѣстн., кн. 7, стр. 693—695; Русск. Филолог. Вѣстн., № 3, стр. 199—201; Современн. Извѣстія, № 155, 161 и 299; Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, кн. 2, стр. I.

«Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи», М., 1869 г.

«Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова», М., 1872 г.

«Завѣщаніе отеческое къ сыну, сочиненіе крестьянина Ив. Посошкова», М., 1873 г.

«Первое прибавленіе къ описанію рукописей библіотеки А. И. Хлудова», М., 1875 г.

«Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ», М., 1875 г.

«Древнерусскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ» (Чтенія Общества Истор. и Древн., 1878 г., кн. 2; 1879 г., кн. 2).

«Замѣтка о первыхъ литературныхъ упражненіяхъ кн. А. Д. Кантемира» (Чтенія, 1878 г., кн. 3).

«Житіе Θеодосія по харатейному списку Московскаго Успенскаго собора» (Чтенія, 1879 г., кн. 1).

«Матеріалы для исторіи церковной уніи въ юго-западной Россіи» (Чтенія, 1879 г., кн. 1).

«Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ» (Чтенія, 1879 г. кн. 1).

Библіографическіе матеріалы: описаніе сборника русскаго письма конца XII вѣка (Чтенія, 1879 г., кн. 1); слово Іоанна Богослова объ успеніи Пресвятой Богородицы; слово Іоанна архіепископа Солунскаго на успеніе Пресвятыя Богородицы; южно-русскій сборникъ 1679 года; посланіе Геннадія, архіепископа Новгородскаго, къ Іоасафу, архіепископу Ростовскому, 1489 года; слово на Рождество Христово и чтеніе на Крещеніе Господне; слово на зачатіе Іоанна Предтечи (Чтенія, 1880 г., кн. 3); книга Еразма о Святой Троицѣ (Чтенія, 1880 г., кн. 4).

«Посланіе многословное инока Зиновія» (Чтенія, 1880 г., кн. 2).

«Палея историческая по тремъ спискамъ XV—XVII в.» (Чтенія, 1881 г., кн. 1).

«Посланія архимандрита Фотія къ гр. А. А. Орловой» (Чтенія, 1881 г., кн. 1).

Библіографическіе матеріалы: повѣсть о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія земли, двѣ ложныя статьи въ сборникѣ XVI вѣка, свѣдѣніе о неизвѣстной книгѣ Виленской печати 1586 года, о знаменіяхъ небесныхъ, сказаніе о святой Аѳонской горѣ, составленное для митрополита московскаго Макарія въ 1551 году, запись Нифонта, епископа Крутицкаго» (Чтенія, 1881 г., кн. 2).

Резенеръ, Θедоръ Θедоровичъ[1]), родился въ 1825 году и первоначальное воспитаніе получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, откуда въ числѣ лучшихъ выпускныхъ учениковъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета; по окончаніи университетскаго курса съ званіемъ дѣйствительнаго студента (1849 г.), онъ поступилъ на службу въ военное министерство, изъ котораго черезъ десять лѣтъ вышелъ въ отставку (1858 г.); съ этихъ поръ числился членомъ С.-Петербургскаго педагогическаго общества и комитета грамотности при Вольно-экономическомъ обществѣ, а также учителемъ Василье-островскаго без-

[1]) О немъ: Вѣстникъ Европы, 1881 г., кн. 11, стр. 421—427.

платнаго училища (1859—1866 г.); послѣ закрытія этой школы прекратилась на-время и педагогическая дѣятельность Резенера; только съ 1869 года онъ снова начинаетъ свои труды: въ этомъ году комитетъ общества для устройства въ Россіи земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ командировалъ Резенера за границу для изученія способовъ исправленія порочныхъ дѣтей; по возвращеніи изъ путешествія (1870 г.) Ѳ. Ѳ. скоро занялъ должность директора ремесленнаго пріюта, но черезъ три года оставилъ это мѣсто (1873 г.); за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ былъ воспитателемъ въ пріютѣ Тименкова и Фролова на Выборгской сторонѣ, учителемъ русскаго языка въ Митавской гимназіи и, наконецъ, преподавателемъ педагогики въ Тверской учительской женской семинаріи; † 25-го августа въ Петербургѣ. Покойный, кромѣ участія въ переводѣ «Исторіи Шлоссера» (Спб. 1861—1865 г) и «Системы логики Милля» (Спб. 1864 г.), сверхъ сотрудничества въ «Учителѣ», «Женскомъ Образованіи», «Дѣтскомъ Чтеніи» и «Народной Школѣ», напечаталъ слѣдующіе труды:

«Психо-физіологическіе этюды. А. Бэна», пер. съ англ. Спб., 1869 г.

«Отчетъ о путешествіи» (Вѣстникъ Европы, 1870 г., кн. 10).

«Міръ въ картинкахъ Германа Вагнера», перев. съ нѣмецк., Спб., 1870 г.

«Руководство къ обученію грамотѣ», Спб., 1870 г. (вмѣстѣ съ г. Волковымъ).

«Книжка для чтенія при обученіи грамотѣ», Спб., 1870 г. (тоже съ Волковымъ); изд. 2-е, Спб., 1874 г.

«Школьные года Тома Брауна», повѣсть, перев. съ нѣмецк., Спб., 1875 г.

«Святочные разсказы Чарльза Диккенса», перев. съ англійск., Спб., 1875 г.

«Что окружаетъ насъ», чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возроста, Спб., 1876 г.

«Сборникъ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей: Цицеронъ въ изложеніи Лукаса Коллинза», перев. съ англ., Спб., 1876 г.

«Древніе классики для русскихъ читателей: Гомеръ и Платонъ въ изложеніи Коллинза», перев. съ англійск., Спб., 1876 г.

«Новая библіотека для юношества: жизнеописаніе замѣчательныхъ женщинъ съ портретами и рисунками въ текстѣ», Спб., 1878 г.

«Буквы-картинки«, пособіе при обученіи грамоты, Спб., 1879 г.

Ризниковъ, Артемій Ивановичъ, получилъ воспитаніе въ бывшемъ штурманскомъ полуэкипажѣ; потомъ—капитанъ роты торговаго мореплаванія, а послѣ ея упраздненія состоялъ при ученомъ отдѣленіи морскаго техническаго комитета; наконецъ, уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора (1874 г.); † 21-го ноября въ Полтавѣ. По указанію «Новаго Времени» (1881 г., № 2,069), покойный въ пятидесятыхъ годахъ издалъ «Азбуку для матросовъ».

Родіоновъ, Иванъ Дмитріевичъ[1]), писатель-самоучка, помѣщалъ стихи въ «Будильникѣ», «Воскресномъ Досугѣ», «Грамотеѣ», «Иллюстрированной Газетѣ», «Иллюстрированной Недѣлѣ»,

[1]) О немъ изданія 1881 года: Московск. Листокъ, № 10 и Нева, № 27.

«Невѣ», «Развлеченіи», «Разсвѣтѣ» и «Ремесленной Газетѣ»; † 12-го іюня въ Ялтѣ.

Романовскій, Дмитрій Ильичъ[1]), генералъ-лейтенантъ, участникъ въ борьбѣ съ кавказскими горцами (1847—1853 г.) и турками (1853—1856 г.), губернаторъ Туркестанской области (1866—1867 г.), начальникъ штаба Казанскаго военнаго округа (1867—1871 г.), командиръ 11-й пѣхотной дивизіи и, наконецъ, членъ военно-ученаго комитета при главномъ штабѣ (1871—1881 г.); † 16-го мая въ Казани. Онъ, кромѣ дѣятельнаго участія въ описаніи «Обороны Севастополя» (Спб. 1863 г.), напечаталъ:

«Кавказъ и Кавказская война«, публичныя лекціи, Спб., 1860 г.
«Замѣтки по средне-азіатскому вопросу», Спб., 1868 г.
«Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война» (Русск. Стар. 1881 г., кн. 2).

Романовъ, Іокимъ Константиновичъ[2]), уроженецъ Кавказа, былъ сначала священникомъ на родинѣ (1837—1864 г.); затѣмъ — законоучитель 1-й Петербургской военной гимназіи, протоіерей при Свято-Троицкой общинѣ сестеръ милосердія и преподаватель закона Божія въ Александровскомъ Смольномъ институтѣ (1864—1881 г.); † 21-го мая въ Севастополѣ. Кромѣ «букварей» на грузинскомъ и татарскомъ языкахъ, онъ издалъ:

«Избранныя молитвы и краткія понятія о церкви, о принадлежностяхъ Богослуженія и о литургіи, Спб., 1859 г.
«Поученія», Спб., 1860 г.
«Пути, ведущіе насъ ко Христу Спасителю», Спб., 1867 г.
«Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ», Спб., 1867, 1868, 1871, 1873, 1874, 1876 и 1872 гг. (семь изданій).
«Новыя поученія», Спб., 1868 г.
«Краткія поученія о богослуженіи православной церкви», Спб., 1869 г.
«О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди», Спб., 1872 г.
«Уроки церковной исторіи», Спб., 1874 г., три выпуска.
«Уроки Закона Божія», Спб., 1875 г.
«Краткіе уроки о нравственной христіанской жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина», Спб., 1876 г.
«Поученія и нѣсколько словъ», Спб., 1877 г.
«Полное собраніе поученій», Спб., 1880 г., 978 стр.
«Поученія, сказанныя воспитанницамъ Смольнаго Александровскаго училища» Спб., 1881 г.

Сабуровъ, Михаилъ Ивановичъ[3]), воспитанникъ Калужской семинаріи и Московской духовной академіи, изъ которой вышелъ со степенью магистра богословія въ 1858 году; затѣмъ, бак-

---

[1]) Московск. Вѣд., 2881 г., № 148.
[2]) Церковн. Вѣстн., 1881 г., № 22.
[3]) О немъ: въ «Исторіи Московской духовной Академіи», С. Смирнова, М., 1879 г., стр. 400 и 406: Современн. Извѣстія, 1881 г., № 148.

калавръ той же академіи (1858—1862 г.) и священникъ при московской церкви Мартина исповѣдника (1862—1881 г.); † 30-го мая въ Москвѣ. Его магистерская диссертація «Объ антихристѣ» напечатана въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ» (М., 1858 г., ч. XVII).

Соколовъ, Александръ Васильевичъ[1]), воспитанникъ Тверской семинаріи и Московской духовной академіи, откуда вышелъ со степенью магистра богословія въ 1850 году; по окончаніи курса—профессоръ, а въ 1872 года—ректоръ и протоіерей въ Тверской семинаріи; † 15-го декабря въ Твери. Съ его именемъ напечатана книга «Святый благовѣрный великій князь Михаилъ Ярославовичъ Тверскій», Тверь, 1864 года.

Соколовъ, Наѳанаилъ Петровичъ[2]), воспитанникъ Саратовской семинаріи и Московской духовной академіи, изъ которой вышелъ со степенью магистра богословія въ 1842 году; затѣмъ—баккалавръ Казанской духовной академіи по каѳедрѣ исторіи философіи, метафизики и психологіи (1842—1858 г.); послѣ того—ординарный профессоръ по каѳедрѣ общей церковной исторіи (1858—1872 г.); черезъ три года отставки, былъ причисленъ къ канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода (1875—1881 г.); † 16-го января въ Самарѣ. Онъ напечаталъ:

«Взглядъ на философію Гегеля» (Православн. Собесѣдн., 1861 г., т. 1).

«Богъ и природа» Ульрици., перев. съ нѣмецк., Каз., 1867 г.

«Церковная исторія» Фридриха Гассе, перев. съ нѣмецк., Каз., 1869—1870 г., два тома.

«Каббала или религіозная философія евреевъ» (Православн. Собесѣдн., 1870 г., т. 2 и 3, 1872 г., т. I; 1873 г, т. I).

Соловьевъ, Сергѣй Петровичъ[3]), воспитанникъ Московской семинаріи и духовной академіи, по окончаніи академической курса со степенью магистра богословія (1868 г.)—профессоръ латинскаго языка въ Одесской семинаріи (1869—1881 г.); † 15-го марта въ Москвѣ. Онъ издавалъ «Воскресные и праздничные листки» для безплатной раздачи народу (Одесса, 1879—1880 гг.).

Сухотинъ, Михаилъ Михайловичъ[4]), кандидатъ правъ Московскаго университета (1846 г.), одинъ изъ основателей «Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ», членъ «Общества любителей духовнаго просвѣщенія» и депутатъ отъ него на Боннской конференціи о возсоединеніи старокатоликовъ; † 21-го февраля въ Москвѣ. Онъ помѣстилъ слѣдующія статьи:

---

[1]) См. »Исторію Моск. дух. Академіи», Смирнова, стр. 458.

[2]) О немъ: «Исторія Моск. Дух. Академіи», Смирнова, стр. 461 и Странникъ, 1881 г., кн. 2, стр. 369.

[3]) См. изданія 1881 года: Херсонск. Епархіальн. Вѣдом., № 7 и Моск. Церк. Вѣд., № 16.

[4]) О немъ: Московск. Церковн. Вѣд., 1881 г., № 9).

«Письма изъ Англіи» (Московск. Вѣстн., 1859 г., № 43 и 44).
«Станлей» (Прав. Обозр., 1862 г., кн. 7).
«Изъ путевыхъ замѣтокъ объ Англіи» (кн. 12).
»Изъ современнаго быта Англиканской церкви» (Прав. Обозр., 1865 г., кн. 12; 1866 г., кн. 7; 1867 г., кн. 1; 1868 г. кн. и 1 9; 1870 г., кн. 2).
«Англиканская конвокація» (Прав. Обозр., 1869 г., кн. 2).
«Билль объ имуществахъ Ирландской церкви» (кн. 7).
«Посѣщеніе Англіи архіепископомъ Сиры и Теноса» (Прав. Обозр., 1870 г., кн. 8 и 12).
«Обрядовое разногласіе Англиканской церкви» (Чтенія въ Обществѣ люб. дух. просв., 1876 г., кн. 3).

Сѣряковъ, Лаврентій Авксентьевичъ [1]), извѣстный граверъ-академикъ, родился 28-го января 1824 года въ Костромской губерніи, служилъ кантонистомъ, военнымъ писаремъ, даже дворникомъ, пока не познакомился съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и Н. В. Кукольникомъ; затѣмъ посѣщалъ рисовальные классы академіи художествъ, гдѣ получилъ званіе свободнаго художника, а по возвращеніи изъ-за границы — званіе акедемика по гравировальной части; † 2-го января въ Ниццѣ. — Кромѣ многихъ гравюръ въ «Иллюстраціи» (1845—1849 г.), «Русской Старинѣ» (1870—1881 г.) и разныхъ книгахъ или журналахъ, онъ помѣстилъ свои записки, подъ названіемъ: «Моя трудовая жизнь» (Русск. Стар., 1875 г., кн. 9, 10 и 11). Уже послѣ его кончины издана книга: «Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ» (Спб., 1881 г., 197 стр).

Толстой, Ѳеофилъ Матвѣевичъ [2]), писатель и музыкальный критикъ, родился въ 1807 году, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и въ послѣднее время состоялъ гофмейстеромъ двора Е. И. Величества; † 20-го февраля въ Петербургѣ. Кромѣ небольшихъ статей, помѣщенныхъ подъ псевдонимомъ: «Ростиславъ» въ «Сѣверной Пчелѣ» (1853—1861 г.), «Русск. Худож. Листкѣ» (1856 г.), «Московск. Вѣдомостяхъ» (1863—1878 г.), «Голосѣ» (1865—1870 г.), «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Journal de St.-Pétersbourg» (1870—1880 г.), онъ напечаталъ:

«Капитанъ Тольди», очерки свѣтской жизни (Современн., 1852 г., кн. 1).
«Три возроста», разсказъ (Современ., 1853 г., кн. 10 и 12). Отдѣльное изданіе: Спб., 1855 г.

---

[1]) См. изданія 1881 года: Московск. Вѣд., № 8; Историч. Вѣстн., кн. 2, стр. 471—472; Русск. Стар., кн. 3, стр. 423—442, кн. 6, стр. 307—324 и кн. 12, стр. 920; Семейные Вечера, кн. I, стр. 93—99; Обзоръ графическ. искусствъ, № 2; Дѣтское Чтен., кн. 4, стр. 1—37; Нива, № 8; брошюра Протопопова: «Л. А. Сѣряковъ (1824—1881 гг.), академикъ-граверъ Его Имп. Величества», Спб., 1881 г., 10 стр., Русск. Стар., 1882 г., кн. 2, стр. 364 и кн. 11, стр. 438—439.

[2]) О немъ: «Записки М. И. Глинки», Спб., 1871 г.; Новое время, 1881 г. № 1792; Моск. Вѣд., 1861 г. № 60 и Историч. Вѣстн., 1882 г. кн. I, стр. 121—125.

«Разборъ оперы М. И. Глинки: Жизнь за Царя», Спб., 1854 г.
«Болѣзни воли», романъ (Русск. Вѣстн., 1859 г., кн. 18 и 19).
«Сочиненія», Спб., 1866 г., два тома. Изданіе второе: Спб., 1871 г.
«Музыкальный разборъ оперы Сѣрова: «Рогнѣда», Спб., 1870 г.
«Разборъ оперы: «Юдиѳь» Сѣрова», Спб. 1871 г.
«Золотой телецъ», романъ въ двухъ частяхъ, Спб., 1880 г.

Тонъ, Константинъ Андреевичъ [1]), извѣстный архитекторъ, родился 26-го октября 1794 года, воспитывался въ Академіи Художествъ (1803—1815 г.); въ 1819 году отправленъ заграницу для усовершенствованія въ архитектурѣ, а въ 1828 году возвратился въ Россію и былъ назначенъ (19-го декабря 1829 года) профессоромъ Академіи; съ 1830 года до дня кончины состоялъ главнымъ строителемъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ; † 22-го января въ Петербургѣ. — Имъ изданы:

«Проекты церквей», Спб. 1838 г.
«Практическіе чертежи по устройству церкви Введенія во храмъ въ Семеновскомъ полку, въ Петербургѣ», Спб., 1845 г.

Щербининъ, Михаилъ Павловичъ [2]), родился 30-го ноября 1807 года и сначала получилъ домашнее воспитаніе, а потомъ держалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и получилъ аттестатъ «на служебныя права перваго разряда» (1827 г.); онъ началъ службу въ канцеляріи бессарабскаго намѣстника гр. М. С. Воронцова, причемъ одновременно исполнялъ должность предсѣдателя статистическаго комитета и секретаря общества сельскаго хозяйства въ Одессѣ (1827—1845 г.); затѣмъ въ качествѣ директора походной канцеляріи того же гр. Воронцова служилъ на Кавказѣ (1845—1866 г.); послѣ того — членъ разныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената (1856—1860 г.), членъ Главнаго Управленія цензуры и предсѣдатель Московскаго цензурнаго Комитета (1860—1865 г.), начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати (1865—1866 г.); членъ втораго департамента Сената и первоприсутствующій въ Межевомъ департаментѣ (1867 — 1881 г.); † 7-го ноября въ Германіи.—Кромѣ мелкихъ статей въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Генералъ-фельдмаршалъ князь М. С. Воронцовъ» (Русск. Инвал., 1857 г. № 226, 228—231, 233—234). — Этотъ трудъ вышелъ и отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Біографія генералъ-фельдмаршала князя М. С. Воронцова», Спб., 1858 г.

---

[1]) О немъ: Современ. Лѣтопись, 1865 г., № 34; Иллюстр. Газета, 1867 г. № 8, Портретн. галлерея, изд. Мюнстера, Спб. 1869 г., т. II; Московск. Вѣд., 1881 г.; № 29; Странникъ, 1881 г., кн. 2, стр. 366—369.

[2]) О немъ: Русск. Архивъ, 1876 г. кн. 11, стр. 285—313; въ брошюрѣ: «Пятидесятилѣтній юбилей М. П. Щербинина», Спб., 1878 г., 14 стр.; Русск. Вѣд., 1881 г., № 243.

«По поводу біографіи Е. А. Головина» (Русск. Арх., 1872 г., кн. 3).
«Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ» (кн. 7—8).
«Князь М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ» (Русск. Стар., 1874 г., кн. 9).
«Воспоминанія» (Русск. Арх., 1876 г., кн. 11), — Второе изданіе этой статьи вышло подъ заглавіемъ: «Воспоминанія М. П. Щербинина», Спб., 1877 г.

Щученко, Константинъ Александровичъ [1]), членъ коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, а также дѣлопроизводитель Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; † 14-го апрѣля въ Москвѣ.—Имъ напечатаны слѣдующія статьи:

«Участіе Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ съѣздѣ оріенталистовъ въ 1876 году», М., 1876 г.
«Янтарная комната Царскосельскаго дворца» (Русск. Вѣстн., 1877 г., кн. 11). — Отдѣльно: М., 1877 г.
«Свѣдѣнія объ устройствѣ архивной части въ Россіи» (Сборникъ Моск. Главн. Архива мин. иностр. дѣлъ, М., 1880 г., вып. 1).

Якушевъ, Василій Александровичъ [2]), студентъ Московской духовной семинаріи (1858 г.), учитель Донскаго духовнаго училища (1859—1871 г.) и, въ заключеніе, діаконъ Николаевской церкви, чтò на Пупышахъ (1871—1881 г.); † 14-го августа въ Москвѣ. Покойный состоялъ ревностнымъ сотрудникомъ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», печатая въ нихъ небольшія статьи и замѣтки по разнымъ церковнымъ вопросамъ.

---

[1]) О немъ: «Очеркъ дѣятельности коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ», М., 1877 г., стр. 198 и 204; Моск. Вѣд., 1881 г., № 103.
[2]) См. Моск. Церк. Вѣд., 1881 г., № 35.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1884 ГОДА.

А.

В.

Д.

И.

Л.

Н.

П.

Т.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1884 г.

Портреты:

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій и всея Руси, съ портрета, находящагося въ императорскомъ эрмитажѣ, грав. Паннемакеръ, т. XVI, 13.

Бецкій, Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ", съ гравюры Дюпюи, сдѣланной съ портрета, писаннаго Росленомъ, т. XVII, 25.

Богдановичъ, Ипполитъ Өедоров., поэтъ, съ гравированнаго портрета Ческаго, рис. Анна Богдановичъ, грав. А. И. Зубчаниновъ, т. XVI, 505.

Броунъ, Джонъ, освободитель американскихъ невольниковъ, рис. Вудманъ, т. XVI, 185.

Булгаринъ, Өадей Венедиктов., литераторъ и журналистъ, т. XV:
- — въ молодости, съ портрета, приложеннаго къ изданію „Сто русскихъ литераторовъ", грав. А. И. Зубчаниновъ, 481;
- — въ пожилыхъ годахъ, съ портрета, рисованнаго Тиммомъ и находящагося въ „Листкѣ для свѣтскихъ людей", 489.

Вольтеръ, Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ; съ портрета, писаннаго въ 1764 году, въ фернейскомъ замкѣ, Даузелемъ, т. XVI, 251.

Гёте, Іоганъ-Вольфгангъ, нѣмецкій поэтъ, грав. Клоссъ, т. XVI, 199.

Гладстонъ, т. XV:
- — Гербертъ, 152.
- — Вильямъ Г., 152.
- — Вильямъ-Эвартъ, англійскій премьеръ — министръ, 147, 155.
- — Миссисъ, супруга премьеръ — министра, 153.
- — Сестра премьеръ — министра, 155.

Гриммъ, баронъ Фридрихъ-Мельхіоръ, секретарь герцога Орлеанскаго, впослѣд. русскій резидентъ въ Гамбургѣ; съ современнаго гравированнаго портрета, грав. Маттэ; т. XVI, 269.

Даламберъ (Аламберъ), Жанъ ле-Ронъ, знаменитый французскій математикъ и энциклопедистъ, съ гравюры Генрикеца, сдѣланной съ портрета, писаннаго Жоллемомъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XVI, 4.

Дидро, Дени, французскій энциклопедистъ; съ гравюры Катлена, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кошеномъ; т. XVI, 267.

Дружининъ, Александръ Вас., писатель; рисовалъ И. С. Пановъ, грав. Паннемакеръ, т. XVI, 41.

Екатерина II Алексѣевна, императрица:
- — съ гравированнаго портрета Валькера *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XV, 230;
- — въ царскосельскомъ саду, съ гравюри Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ, т. XVII, 13.
- — верхомъ, во главѣ войскъ 29 іюля 1762 г., съ картины, находящейся въ эрмитажѣ, грав. Паннемакеръ, *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XVII, 473.

Елизавета Петровна, императрица, съ гравированнаго портрета Вагнера, грав. Паннемакеръ, т. XVII, 349.

Иловайскій, Дмитр. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ, историкъ, грав. Паннемакеръ, т. XV, 101.

Снимки съ картинъ:

Виды городовъ, мѣстностей и зданій:

Бытовые и другіе рисунки:

Кромѣ описанныхъ въ этомъ указателѣ гравюръ, помѣщено 40 гравюръ въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику»: **Савонарола**, культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ, Адольфа Глазера.